Альфред ВАН ВОГТ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
II том

Фантастика & Фэнтези

МОЯ БОЛЬШАЯ КНИГА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Том II

Альфред Ван Вогт

Аннотация
Альфред ВАН ВОГТ. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Том II
ВЛАДЫКИ ВРЕМЕНИ. (повесть)
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА. (повесть)
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
ТРИ ДУРНЫХ ГЛАЗА. (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
ПОИСКИ. (повесть)
ДВОЙНИКИ. (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
ДЖЕЙНА. (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «АЛЬФА». (повесть)
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11

Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
РАССКАЗЫ
ИЗ АВТОРСКОГО СБОРНИКА «MONSTERS»
Первый вид: Космическое чудовище. Не только мертвые
Второй вид: Марсианское чудовище. Заколдованная деревня
Третий вид: Океанское чудовище. Морское чудовище
Четвертый вид: Мультиморфное чудовище. Усыпальница чудовища
Пятый вид: Загадочное чудовище. Воскресшее чудовище
Вид шестой: Робот-чудовище. Заключительный приказ
Вид седьмой: Электронное чудовище. Нечто
РАССКАЗЫ
Защита
Дорогой друг
Пробуждение
Коо-о-о-о-о-о-т!
Ультраземлянин
Глава 1

- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5

Первый марсианин
Святой в космосе
«Завершение»
Часы времени
Ведьма
Призрак
Репликаторы

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6

Поиски
Великий судья
Совершенное будущее
Чем ни дыши, один черт
Змея и крыса
Правители
Стимул
Любящие андроиды
Дорогой робот

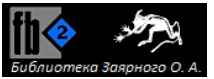
Окончательное решение
Буколика
Зачарованная деревня
Банка краски
Усыпальница зверя
Сверхчеловек
Далекий Центавр
Корабль во мраке
Признание
Вечный эрзац
Операторы

Аннотация

Альфред Элтон Ван-Вогт (1912–2000) принадлежит к старшему поколению американских фантастов. Из-под его пера вышло более пятидесяти романов. Во многих из них он пытался предугадать, что ждет человечество через тысячи лет. Его прогнозы кажутся необычайно убедительными.

Ван-Вогт прекрасно разбирался в достижениях науки своего времени — истории, археологии, биологии, физики. Поэтому фантастические миры, которые он создавал в своих книгах, воспринимаются как реальные. Это происходит еще и потому, что в центре каждого из них — человек, которому приходится сталкиваться с предательством и коварством, преодолевать ненависть, побеждать врагов, завоевывать друзей и не бояться ответственности за будущее человечества и его судьбы.

Во второй том двухтомного издания вошли повести и рассказы автора.


Библиотека Заярного О. А.

Альфред ВАН ВОГТ
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Том II

Перед логикой я порой останавливаюсь в нерешительности. А невозможное, на первый взгляд, представляется вполне вероятным.

Альфонс Алле, французский писатель-юморист

ВЛАДЫКИ ВРЕМЕНИ

(повесть)

Норма Матерсон предпочла сделать карьеру вместо того, чтобы ответить на ухаживания Гарсона и выйти за него замуж. Сейчас, по прошествии 10 лет, сидя на парковой скамейке, она поняла, что совершила ошибку. Её печальные размышления прерывает некий человек вопросом: «Вас интересует калонийский вопрос?»...

Глава 1

Нет, она не могла решиться! На нее внезапно повеяло холодом, ночь угрожающе обступила ее со всех сторон. У ее ног зловеще плескалась вода, словно сейчас, когда она передумала топиться, широкая, черная река затягивала ее, не в силах смириться с потерей этой жертвы.

Она поскользнулась на мокром склоне, и ее охватил безотчетный страх. Ей казалось, что из темноты к ней тянется что-то ужасное, чтобы схватить и утопить ее. Она быстро начала подниматься вверх по склону и, задохнувшись, почти упала на ближайшую скамейку в парке. Ей было неприятно и стыдно, что она позволила себе поддаться этому бессмысленному страху. Наступило какое-то оцепенение, которое не рассеялось, даже когда она увидела, что по дорожке идет какой-то высокий худощавый человек. Даже когда она поняла, что он направляется к ней, она почувствовала только слабое удивление.

Неприятный желтый свет фонаря падал на него сзади, и она не могла разглядеть его лица. Когда он заговорил, в его голосе слышался какой-то слабый иностранный акцент. Это был хорошо

поставленный голос образованного человека. Он спросил:

— Вас интересует калонийский вопрос?

Норма с недоумением посмотрела на него и вдруг рассмеялась. Это действительно было смешно, просто до ужаса, до истерики забавно! Когда сидишь вот так, собираясь с силами, чтобы еще раз попробовать броситься в реку, чтобы раз и навсегда со всем покончить, и вдруг появляется какой-то ненормальный и…

— Вы заблуждаетесь на свой счет, мисс Матерсон, — холодно продолжал незнакомец. — Вы не из тех, кто может покончить с собой.

— И не из тех, кто ищет случая с кем-нибудь познакомиться на улице, — произнесла она привычную фразу. — Идите отсюда, пока…

И вдруг до нее дошло, что этот человек назвал ее по имени. Она пристально посмотрела на его лицо, совершенно неразличимое в темноте. Он кивнул, как бы в ответ на ее невысказанный вопрос.

— Да, я знаю ваше имя. А еще я знаю, что привело вас сюда и чего вы боитесь.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что сегодня вечером в город приехал молодой ученый по имени Гарсен, что-

бы прочесть серию лекций. Десять лет назад, когда вы с ним закончили один и тот же университет, он сделал вам предложение, но вы тогда стремились к научной карьере. А теперь вы в ужасе от того, что, находясь в таком отчаянном положении, вы, возможно, будете вынуждены обратиться к нему за помощью.

— Прекратите!

Он внимательно смотрел на нее, пока она переводила дыхание, пытаясь справиться с собой. Наконец он сказал спокойно:

— Надеюсь, вы убедились, что я не просто случайный искатель приключений.

Норма вяло буркнула:

— Значит, искатель случайных приключений. — Но она не стала возражать, когда он сел на другой конец скамейки. Свет по-прежнему падал на него сзади, и лица его не было видно.

— Ну вот, — сказал он. — Вы шутите. Горько шутите. Но это уже лучше. Вы, наверное, думаете, что если кто-то интересуется вами, значит, не все еще потеряно.

— Те, кто знаком с основными законами психологии, не могут забыть о них, даже когда их постигнет несчастье, — сказала Норма безразличным тоном. — Все, что я за последние десять лет

сделала, это… — Она остановилась. — Вы умны. Вам удалось отвлечь меня от неприятных мыслей, возбудив мои инстинктивные подозрения. Чего вы хотите?

— Я собираюсь предложить вам работу.

Норма рассмеялась, и сама поразилась тому, как резко прозвучал ее смех. «Кажется у меня начинается истерика», — испуганно подумала она.

Вслух она произнесла со всей иронией, на которую была сейчас способна:

— А еще квартиру, драгоценности и машину. Так, кажется, говорят в таких случаях?

— Нет! — ответил он холодно. — Если говорить откровенно, то на мой вкус вы недостаточно хороши собой. Слишком угловаты — и физически, и умственно. Это и есть одна из тех проблем, от которых вы страдаете последние десять лет: растущая сосредоточенность на своих внутренних переживаниях, уход в себя, что неблагоприятно отразилось и на вашей внешности.

Она почувствовала, как при этих словах внезапно напряглось все ее тело. Огромным усилием воли она заставила себя расслабиться и сказала:

— Да, я сама на это напросилась, конечно. Оскорбления помогают побороть истерику. Так что же вы хотите?

— Вас интересует калонийский вопрос?

— Ну вот, опять… — Она поморщилась. — Но, вообще-то, да. Я их поддерживаю. Как рыбак рыбака, знаете?

— Прекрасно знаю. Кстати, вы сами назвали причину того, почему я сейчас здесь и нанимаю на работу молодую женщину, которой приходится туго. Калонийцам тоже приходится туго сейчас и… — Он остановился и сделал широкий жест невидимыми в темноте руками. — Вы понимаете, это хорошая реклама для наших призывных пунктов.

Норма кивнула. Ей казалось, что она действительно понимает, и внезапно ее охватило какое-то волнение, она почувствовала, что не может вымолвить ни слова. Рука ее дрожала, когда она взяла ключ, который этот странный человек-невидимка протянул ей.

— Этим ключом, — сказал он, — вы откроете входную дверь призывного пункта, а также дверь, ведущую к квартире, которая расположена над ним. Квартира эта будет вашей, пока вы будете у нас работать. Вы можете пойти туда сегодня же вечером, если хотите, или подождите до утра, если вы боитесь, что это какая-то уловка, чтобы заманить вас к себе. Но я должен вас

предупредить.

— Предупредить?

— Вот именно. Работа, которую мы проводим, нелегальна. По законам только американское правительство имеет право призывать американских граждан на военную службу и организовывать вербовочные пункты. Мы существуем с молчаливого согласия властей и благодаря сочувствию, которое испытывают люди к делу калонийцев, но в любой момент кто-нибудь может донести на нас, и полиции придется действовать соответствующим образом.

Норма с готовностью кивнула.

— В этом нет риска, — сказала она. — Ни один судья никогда…

— Адрес — улица Карлтон, дом триста двадцать два, — перебил он. — И, кстати, меня зовут доктор Лелл.

Норма почувствовала, что ее довольно бесцеремонно подталкивают к принятию решения. Она все еще колебалась и, пытаясь потянуть время, спросила:

— Это где? Недалеко от Бессемер?

Теперь заколебался он.

— Боюсь, — признался он, — что я не очень хорошо знаю город, во всяком случае, в двадца-

том веке. Я был здесь много лет назад, где-то в начале века.

Норму слегка удивило то, что он посчитал нужным оправдываться и объяснять что-то. Она произнесла с ноткой обвинения в голосе:

— Вы не калониец. Вы говорите, как француз, кажется.

— Да, и вы тоже не калонийка, — проговорил он и внезапно поднялся со скамейки. Она смотрела ему вслед, пока он не растворился в темноте.

Глава 2

Идя по безлюдной ночной улице, она внезапно остановилась. Звук, который раздался где-то в ее голове, был похож на тихий, еле слышный шепот, это был почти неуловимый шум работающей где-то неподалеку машины, какого-то механического устройства. На мгновение все ее внимание сосредоточилось на этом звуке, и так же внезапно, как и появился, он вдруг стих и замер окончательно. И снова перед ней была только пустынная в этот ночной час улица.

Тусклое призрачное освещение делало все вокруг каким-то ненастоящим и зловещим, и Норма почувствовала, что в ее душе растут сомнение и страх. Она сощурила глаза, чтобы разглядеть номер дома, возле которого она остановилась, и почти не удивилась, увидев цифру триста двадцать два. Это был тот самый дом! Внутри было темно, а на оконном стекле белели какие-то объявления. Норма подошла ближе и прочла: «Сражайтесь за храбрых калонийцев», «Калонийцы борются за свободу, присоединяйтесь к ним», «Если вы сами можете заплатить за проезд, — это хорошо, если нет, мы отправим вас туда за свой

счет».

Были там и другие объявления, но по сути все они разными словами повторяли один и тот же призыв, который звучал очень искренне и эмоционально. Конечно, все это было незаконно. Но тот человек в парке и не скрывал этого. Эти рассуждения почему-то успокоили ее, и она решительно вынула из сумочки ключ.

По обе стороны от окна были двери. Та, что справа, вела в помещение конторы, где принимали добровольцев для направления их в Калонию, а за левой дверью Норма увидела слабо освещенную лестницу, по которой она поднялась наверх. В квартире на верхнем этаже никого не было. Когда она вошла, она заметила на двери щеколду. Норма сразу же задвинула ее и только потом устало побрела в спальню. Уже лежа в постели, она снова услышала знакомый, еле различимый шум работающей машины. И снова ее поразило то, что шум этот раздается как бы у нее в голове, а не проникает туда извне. В самую последнюю секунду перед тем, как заснуть, она ощутила легкую вибрацию, как будто по ее нервам пробежал слабый заряд тока.

Этот странный, необъяснимый шум продолжался всю ночь. Она поворачивалась, меняла

положение и, на мгновение просыпаясь, ощущала слабую вибрацию.

Наконец она окончательно проснулась. Разбудили ее лучи солнца, ослепительно яркие. Первые секунды она лежала неподвижно, напряженно вслушиваясь, затем с облегчением вздохнула. Раздражающе неуловимый шум машины полностью прекратился. Слышны были только обычные звуки просыпающейся улицы. В холодильнике и в маленькой кладовке она нашла еду, и тревоги и сомнения отступили перед живительной силой хорошего завтрака. С растущим интересом она подумала о том, как же на самом деле выглядит тот загадочный незнакомец, благодаря которому она очутилась здесь.

Когда Норма открыла дверь в контору для регистрации добровольцев, она одновременно и удивилась и обрадовалась, так как где-то в глубине ее души прятались опасения, что за всем этим скрывается что-то неприглядное. Она усилием воли отбросила последние сомнения. Мир был полон радости и солнечного света, и сейчас ей было трудно вспомнить, в каком мрачном настроении она находилась еще так недавно, прошлым вечером, до того, когда жизнь ее таким образом изменилась.

Она осмотрела комнату. Там стояли четыре стула, скамейка, а вдоль одной стены тянулась длинная деревянная стойка. На стенах висели газетные вырезки с сообщениями о калонийской войне. Имелась и задняя дверь. Из любопытства Норма дотронулась до ручки двери и обнаружила, что она заперта. Но потрясло ее не это, а то, что дверь оказалась цельнометаллической, несмотря на то, что выглядела она как деревянная.

Несколько мгновений она постояла неподвижно, пытаясь справиться с вновь охватившим ее страхом, и это ей удалось, когда она сказала себе: «Меня это не касается».

И тогда, прежде чем она успела отвернуться, таинственная дверь открылась, и на пороге показался высокий худощавый человек. Он отрывисто проговорил, вернее, бросил ей в лицо:

— Нет, напротив, вас это как раз касается.

Норма как-то внутренне сжалась, но не от страха, а, скорее, от неожиданности. Этот холодный голос так отличался от того, который она слышала предыдущей ночью, и тем не менее это был тот же самый голос! Смутно она уловила неприятную усмешку на его лице. Она не могла бы сказать, что она почувствовала в этот момент. Эта неприятная пустота внутри не могла быть

страхом! Ей было достаточно сделать несколько шагов, и она очутилась бы на улице, где было полно народа. И кроме того, она никогда раньше не боялась негров и сейчас тоже.

Это первое впечатление было таким острым и поразительным, что она не поверила своим глазам, когда вгляделась в него получше. Это был не негр. Она даже потрясла головой, чтобы зрение не обманывало ее; но это не помогло. Этот человек не был негром, но он не был и белым, и вообще он не был похож ни на кого.

Чем больше она вглядывалась в него, тем разительнее казалось его отличие от всех остальных людей, которых она когда-либо видела. У него были узкие глаза, его темная кожа на вид казалась очень тонкой, но лицо его не было молодым. Самой привлекательной чертой этого необычного лица был нос, благородной, идеально правильной формы, словно выточенный рукой талантливого скульптора. Его рот с тонкими губами был властно сжат, крупный подбородок слегка выдавался вперед, увеличивая впечатление силы, которое ощущалось во всем облике этого человека. Его серо-стальные глаза смотрели на нее с выражением превосходства и презрения.

— О, вы, кажется, не боитесь меня? — произнес

он тихо. — А между тем, моя цель сейчас — именно заставить вас бояться. Вчера вечером моей задачей было привести вас сюда. Это требовало определенного такта, понимания. Моя новая цель, помимо всего прочего, предполагает осознание вами, что вы полностью находитесь в моей власти независимо от вашей воли или желания. Я мог бы дать вам возможность постепенно убедиться, что это не калонийский вербовочный пункт. Но я предпочитаю, чтобы рабы побыстрее смирялись со своей участью. Все и всегда реагируют на воздействие машины одинаково, и я просто не могу вам передать, как это скучно.

— Но я… не понимаю!

Он ответил холодным и назидательным тоном:

— Позвольте мне объяснить вкратце. Вы знаете о существовании нашей машины и ощущали ее воздействие на себе. Машина подстроила ваши биоритмы под себя, и, действуя через нее, я могу управлять вашим поведением вопреки вашему желанию. Конечно, я не могу ожидать, что вы мне поверите. Как и другие женщины, вы захотите убедиться, правда ли, машина имеет над вами власть. Обратите внимание, что я сказал «женщины». Мы всегда нанимаем на работу

женщин. По чисто психологическим причинам это безопаснее, чем брать на работу мужчин. Вы поймете, что я имею в виду, если попытаетесь предостеречь кого-нибудь из добровольцев, поделившись с ними тем, что я вам рассказал. Обязанности ваши очень просты. На столе лежит блокнот, на страницах которого вы увидите простые, обычные вопросы. Вы зададите испытуемым эти вопросы, запишете их ответы и затем пошлете их ко мне в дальнюю комнату. Я должен провести… медицинское обследование.

Из всего, что он сказал, больше всего Норму поразило то, что никак не было связано с ее собственной судьбой.

— Но если этих людей не отправят в Калонию, тогда…

Жестом он остановил ее и предостерегающе процедил сквозь зубы:

— К нам идет кто-то. Помните!

Он исчез в дальней комнате, а Норма с ужасом прислушивалась к звуку открываемой парадной двери. Да, наверное, это кто-то из добровольцев. И вот уже приятный мужской голос приветствовал ее.

Пальцы ее дрожали, когда она записывала его ответы на многочисленные вопросы. Имя, адрес,

ближайшие родственники. Жизнерадостное лицо сидящего перед ней человека расплывалось перед ее глазами, а мысли проносились в голове, обгоняя одна другую и бесследно затем исчезая. Она услышала свой собственный голос, звучавший как будто со стороны и торопливо и нечетко произносящий нужные слова:

— Вы понимаете, что эти вопросы — необходимая формальность. А теперь пройдите, пожалуйста, в дальнюю комнату.

В наступившей тишине Норма перевела дух. Она сказала это! Неуверенность, сомнения, нежелание предпринимать какие бы то ни было действия, пока она не найдет какой-либо выход из сложившегося положения, каким-то непонятным образом выразились в том, что она сказала именно то, чего хотела избежать.

— Зачем мне туда идти? — спросил мужчина.

Она молча уставилась на него, не в силах теперь произнести ни слова. Она чувствовала, что в голове у нее все как бы перемешалось, и мозгу нужно было время, чтобы переварить все. Вслух она проговорила:

— Это обычное медицинское обследование, и проводится оно исключительно в ваших интересах.

Норма молча наблюдала, как мужчина энергичной походкой направился к двери в дальнюю комнату. Дверь открылась и против ожидания осталась открытой. И в ту минуту, когда мужчина скрылся из поля ее зрения, она увидела ту самую машину. Та ее часть, которая была видна Норме, внушительно поблескивая, возвышалась чуть ли не до потолка, частично закрывая собой дверь, очевидно, выходящую во двор.

Норма завороженно смотрела на удивительную машину. Невольно она напрягала слух, ожидая услышать тот характерный шум, который производила работающая машина. Но сейчас она не ощутила ничего: ни малейшего звука не доносилось из открытой двери, ни самой незначительной вибрации не испытывало ее тело. Придавив пол всей своей огромной массой, машина как будто вросла в него и замерла, не подавая никаких признаков жизни.

До Нормы донесся глубокий, убедительный голос доктора:

— Я надеюсь, вы не будете возражать, если я попрошу вас выйти через заднюю дверь, мистер Бартон. Мы просим наших посетителей делать это, так как — ну, знаете, наш вербовочный пункт существует незаконно. Как вы, возможно, знаете,

власти к нам относятся довольно лояльно, но нам не хотелось бы афишировать те успехи, которых мы добиваемся, привлекая молодых людей к борьбе за дело калонийцев.

Норма ждала. Как только уйдет этот человек, она потребует, чтобы доктор объяснил ей, что все это значит. Если это происки замаскированных врагов калонийцев, она сейчас же пойдет в полицию.

И вдруг она вскрикнула от неожиданности. Машина на глазах оживала. Изнутри она загорелась мягким белым светом, который становился все интенсивнее, и внезапно вся машина вспыхнула ярчайшим пламенем, мгновенно охватившим ее со всех сторон своими разноцветными язычками. Это было впечатляющее зрелище.

Так же неожиданно, как оно и появилось, пламя вдруг погасло, как будто оно полностью истощило все свои силы, прожив эту короткую и невероятно яркую жизнь. Машина снова превратилась в груду безжизненного металла. На пороге комнаты появился доктор.

— Мистер Бартон в порядке! — проговорил он с удовлетворением в голосе. — Сердце, правда, придется несколько подправить, чтобы устранить последствия нездорового питания. Легкие быстро

отреагируют на вакцинацию против отравления газами, а наши хирурги смогут его залатать при любых ранениях.

Норма тихо спросила вдруг пересохшими губами:

— Что такое вы говорите? Что? Что случилось с этим человеком?

Он посмотрел на нее ничего не выражающими глазами и произнес холодно:

— Как что? Он вышел через заднюю дверь.

— Неправда! И вы это знаете!

Она понимала бесполезность слов. Мысли ее путались. Она бросилась к двери дальней комнаты, но когда она была уже на пороге, ноги ее внезапно ослабли и подкосились. Она ухватилась за ручку двери, чтобы сохранить равновесие, и поняла, что ей не хватит смелости приблизиться к машине. Стараясь говорить как можно спокойнее, она с трудом произнесла:

— Вы не будете так любезны подойти к задней двери и открыть ее?

Снисходительно улыбаясь, доктор сделал то, что она просила. Это была совсем обычная дверь. Открываясь, она тихонько скрипнула. Когда он закрывал ее, громко щелкнул замок. До этого Норма такого звука не слышала. Щеки ее побелели, а

голос слегка дрогнул, когда она спросила:

— Что же это за машина?

— Я думаю, она принадлежит местной электрической компании, — ответил он вежливо-издевательским тоном. — А нам разрешают использовать эту комнату.

— Это невозможно, — сказала она, пытаясь придать своему голосу уверенность, которой не испытывала. — Электрические компании не держат машины в дальних комнатах старых зданий.

Он пожал плечами и безразлично произнес:

— Боюсь, что мне это начинает надоедать, Я уже говорил вам, что это совершенно особенная машина. Вы уже видели, какими уникальными свойствами она обладает, и тем не менее вы все время пытаетесь подогнать действительность под свои ограниченные представления, что, в общем, свойственно людям двадцатого века. Я повторяю, что вы раба этой машины и что вам не имеет смысла обращаться в полицию, не говоря уже о том, что я спас вас от самоубийства и одно только чувство благодарности должно подсказать вам, что вы всем обязаны мне и ничего не должны тому миру, который собирались покинуть. Но я, наверное, слишком многого от вас

ожидаю. Жизнь сама вас научит.

Норма, не торопясь, пошла к входной двери и открыла ее. Удивленная тем, что он не сделал ни малейшей попытки остановить ее, она повернулась, чтобы посмотреть на него. Он стоял, не двигаясь, и улыбался.

— Вы, наверное, просто сумасшедший, — проговорила она, помолчав. — Вы, кажется, думаете, что ваши жалкие уловки и претензии на загадочность испугают меня? Боюсь, что мне придется развеять ваши иллюзии. Я иду в полицию, сейчас же!

Когда она уже ехала в автобусе, он все еще стоял перед ее глазами, спокойно и презрительно улыбаясь. Холод, которой несло с собой это воспоминание, подрывал ее напускное спокойствие.

Глава 3

Ощущение кошмара, в котором Норма все это время находилась, исчезло, когда она сошла с автобуса у полицейского участка. Солнце щедро заливало своими лучами мостовую, радостным был даже шум уличного движения. Вокруг была жизнь — привычная и нормальная, и к ней стала возвращаться вера в себя.

Теперь, когда она нашла ответ на вопрос, что же с ней произошло, он оказался неожиданно простым. Гипноз! Именно под его воздействием она увидела, как огромная черная машина вспыхнула ярким пламенем. Кипя негодованием по поводу того, как бесцеремонно с ней обошлись, она занесла ногу, чтобы ступить на обочину.

Нога не слушалась. Мышцы отказывались действовать. Она заметила, что на расстоянии примерно десяти футов от нее стоит какой-то человек и смотрит на нее округлившимися от испуга глазами.

— Боже мой! — воскликнул он. — Наверное, у меня галлюцинации.

Он быстро зашагал прочь, и Норма, отметив про себя его странное поведение, не нашла в себе сил

хоть как-нибудь отреагировать. Она чувствовала такое умственное и физическое опустошение, что ей было даже не до любопытства. Неверными шагами она пошла по тротуару. У нее было ощущение, что кто-то или что-то держит ее, сильно и безжалостно, и для того, чтобы двигаться, ей приходится преодолевать сильнейшее сопротивление. «Это машина», — подумала она, и ее охватила паника.

Дальше она шла только благодаря тому, что напрягала всю силу воли, чтобы сделать следующий шаг. Она преодолела несколько ступенек, ведущих к входной двери, и на мгновение остановилась перевести сбившееся дыхание. Вдруг она вся похолодела от страха. А что, если ей не удастся осуществить задуманное? И тут же она возмутилась. Да что же с ней такое на самом-то деле? Как может машина действовать на таком большом расстоянии с такой безошибочной избирательностью?

В эту минуту она услышала уверенный голос полицейского, поднявшегося по ступенькам вслед за ней, и для нее это был самый приятный звук, который она когда-либо слышала.

— Никак не справитесь, мадам? Позвольте, я помогу вам открыть дверь.

— Спасибо, — проговорила она, и ее собственный голос показался Норме чужим — слабым и болезненным. Она поняла, что через несколько минут уже не сможет вымолвить ни слова.

«Раба машины», — сказал он, и Норма внезапно со всей ясностью поняла, что, если ей суждено выиграть схватку с машиной, она должна действовать именно сейчас, без промедления. Она во что бы то ни стало должна войти в это здание, должна увидеть кого-нибудь из местного начальства и рассказать все — должна — должна — должна. Каким-то непонятным образом ей удалось войти внутрь большого современной архитектуры здания, и тут она поняла, что это все, она достигла предела своих возможностей.

Она чувствовала, что все внутри у нее дрожит от неимоверных усилий, которые ей приходилось прилагать, просто чтобы стоять прямо. Колени ее похолодели и ослабели, как будто они были сделаны из льда, который растаял и превратился в воду. Она увидела участливо склонившегося к ней полицейского.

— Я чем-то могу вам помочь, мамаша? — спросил он ласково.

«Мамаша!» — мысленно повторила она с ужасом. Действительно ли он сказал это, или это

снова галлюцинации, игра ее воображения? Какая же она мамаша? Она даже и не замужем еще.

Она заставила себя не думать об этом, так можно было лишиться рассудка. Сейчас у нее не было надежды добраться до какого-нибудь инспектора. Этот констебль должен выслушать ее историю. Это ее шанс победить зловещую силу, которая приобрела над ней власть, ужасную силу, чьи конечные цели она даже не могла себе представить. Она открыла рот, чтобы начать свой рассказ, и в эту минуту заметила перед собой зеркало. Она увидела высокую, худую и очень старую женщину, стоящую рядом с мощного сложения полицейским. Этот обман зрения поразил ее. Каким-то образом в зеркале было видно не ее отражение, а фигура какой-то старой женщины, очевидно, стоящей сразу за ней и немножко правее. Она приподняла свою руку в красной перчатке, чтобы привлечь внимание полицейского, и одновременно рука старой женщины в зеркале тоже приподнялась. На ней тоже была красная перчатка. Ее собственная рука замерла в воздухе, и рука старухи тоже. Пораженная Норма отвела взгляд от зеркала и уставилась на неподвижно застывшую в воздухе руку. Между краем перчатки и краем рукава ее шерстяного костюма виднелся

небольшой участок кожи. Но ее кожа совсем не такая темная!

В это мгновение в комнату вошел доктор Лелл, а полицейский дотронулся до ее плеча.

— В вашем возрасте, мадам, вам не следовало приходить сюда самой. Достаточно было бы телефонного звонка.

А доктор Лелл в это время говорил:

— Моя бедная старенькая бабушка.

Они оба продолжали что-то говорить, но смысл их слов ускользал от Нормы. Она лихорадочным движением стянула перчатку, и глазам ее предстала морщинистая и высохшая от старости кожа. Шок был таким глубоким, что Норма упала в обморок. Последняя ее мысль перед тем, как она потеряла сознание, была, что превращение ее в старуху, очевидно, произошло в тот самый момент, когда она ступила на обочину тротуара перед полицейским участком. Вот почему тот человек смотрел на нее, выпучив глаза и думая, что сошел с ума.

Боль исчезла, и она стала приходить в себя. Норма услышала шум автомобильного двигателя и ощутила какое-то движение. Она открыла глаза — и с ужасом все вспомнила.

— Не бойтесь! — сказал доктор Лелл, и сейчас

голос его был настолько успокаивающим и мягким, насколько жестким и ироничным он был на вербовочном пункте. — Вы снова стали собой. Больше того, сейчас вы лет на десять моложе.

Он убрал одну руку с руля и, взяв, очевидно, заранее приготовленное зеркальце, поднес его к ее лицу. Мгновенно промелькнувшее в нем изображение заставило ее схватиться за зеркальце так, как если бы это была самая большая драгоценность на свете.

Она пристально вгляделась в свое отражение, и рука ее с зеркалом упала на сиденье. Ослабевшая от всего пережитого, она откинулась назад на подушки. По щекам ее текли слезы. Наконец она сказала ровным голосом:

— Спасибо, что сразу сказали мне. Иначе я просто сошла бы с ума.

— Именно поэтому я вам и сказал, — проговорил он тихо, спокойным голосом. И она почувствовала, что несмотря на только что перенесенное потрясение, постепенно успокаивается, хотя полностью отдавала себе отчет в том, что этот дьявол во плоти использует слова и интонацию и человеческие эмоции в своих целях, холодно и расчетливо. Глубокий спокойный голос продолжал говорить: — Как вы убедились, вы

теперь очень ценный сотрудник нашей группы по двадцатому веку и вы лично заинтересованы в успехе нашего предприятия. Вы прекрасно отдаете себе отчет в том, какая система поощрений и наказаний за хорошую или плохую службу нами используется. У вас будет еда, крыша над головой, деньги — и вечная молодость. Посмотрите на свое лицо еще раз, посмотрите внимательно и радуйтесь, как вам повезло. Пожалейте тех, кого в будущем ожидает только старость и смерть. Смотрите же!

Она смотрела, и ей казалось, что перед ней отличная фотография прошлых лет, разве что только на самом деле она была раньше более хорошенькой, черты лица ее не были такими резкими. Теперь ей снова было двадцать лет, но она была другой, более зрелой и не такой по-детски пухленькой. Она краем уха слышала его голос, который был сейчас только фоном для ее мыслей, и упивалась своим отражением в зеркале.

— Как вы видите, — продолжал доктор Лелл, — вы не совсем такая, какой были в двадцать лет. Дело в том, что мы смогли манипулировать временными факторами, влияющими на ваше тридцатилетнее тело, только с использованием строгих математических законов, которым

подчиняются задействованные в этих процессах силы. Мы не смогли устранить тот ущерб, который был нанесен вам последними годами вашей жизни, когда вы ушли в себя и сконцентрировались исключительно на своих проблемах. Вы их прожили именно так, и этого уже ничто не изменит.

Ей пришло в голову, что он говорит это все, чтобы дать ей время прийти в себя после того ужасного потрясения, которое ей пришлось пережить. И она в первый раз подумала не о себе, а о тех невероятных вещах, свидетелем которых она являлась, о том подтексте, который стоял за каждым словом и каждым действием.

— Кто… вы?

Он молчал. Машина с трудом двигалась в плотном потоке уличного движения, а Норма разглядывала его, это худое, странное, темное лицо с горящими темными глазами. В нем было что-то нечеловеческое, дьявольское, злое. В эту минуту она не чувствовала к нему отвращения, завороженно следя за тем, как выдавался вперед его сильный подбородок, когда он говорил, холодно и с звенящей в голосе гордостью.

— Мы — хозяева времени. Мы живем на самой границе времени, и нам принадлежит все. Ника-

кими словами невозможно описать, насколько огромны наши владения и насколько тщетны любые попытки противостоять нам. — Он остановился, и блеск его глаз несколько потух. Он нахмурил брови и сжал губы, затем продолжил, резко и презрительно: — Я надеюсь, что любые ваши смутные планы бороться с нами теперь должны быть отброшены под давлением логики событий и реальной действительности. Теперь вы знаете, почему мы берем на работу женщин, у которых нет друзей.

— Вы дьявол! — Она еле смогла выговорить эти слова своими дрожащими губами.

— А, — сказал он тихо, — я вижу, вы понимаете психологию женщин. Мне осталось отметить еще две вещи, чтобы закончить ход моей мысли. Во-первых, я могу читать ваши мысли; все, что приходит вам в голову, и все, что вы чувствуете, — для меня как открытая книга. И во-вторых, прежде чем установить нашу машину именно в этом здании, мы исследовали будущее, и в течение всех тех лет, которые нас интересовали, машина оставалась невредимой, а власти не подозревали о ее существовании. Таким образом, будущее показывает, что вы ничего не сделали, чтобы бороться с нами. Надеюсь, вы согласитесь,

что это убедительный аргумент.

Норма заторможенно кивнула, забыв про зеркало.

— Да, — сказала она, — наверное, это так.

Глава 4

Норме Матерсон,
Калонийский вербовочный пункт
Карлтон-стрит, 322

Дорогая Норма!

На конверте моего письма я не написал этот адрес и посылаю свое письмо до востребования, так как мне не хотелось бы подвергать вас опасности, пусть даже воображаемой.

Я не случайно употребляю это слово — воображаемой, — так как я не могу вам передать, как я был потрясен и опечален, получив такое письмо от девушки, которую я когда-то любил, — уже одиннадцать лет прошло с тех пор, как я сделал вам предложение в тот день, когда мы закончили университет, не так ли? Я совершенно сбит с толку вашими вопросами и рассуждениями по поводу путешествий во времени.

Я мог бы предположить, что если вы уже не страдаете умственным расстрой-

ством, то это скоро произойдет, если вы не возьмете себя в руки. Даже один тот факт, что когда этот человек — доктор Лелл — подошел к вам в парке и нанял вас для вербовки добровольцев, вы набирались смелости для того, чтобы покончить жизнь самоубийством, говорит о вашем истерическом состоянии. Вы могли бы обратиться к властям с просьбой о выделении вам какого-нибудь пособия.

Я вижу, что вы не потеряли способности ясно излагать свои мысли. В вашем письме, как не дико его содержание, все мысли очень четко сформулированы и продуманы. Ваш карандашный портрет доктора Лелла сделан превосходно.

Если он действительно похож на ваше изображение, тогда я согласен, что внешность его определенно неординарна, во всяком случае, он явно не европеец. У него слегка раскосые глаза, как у китайца. Кожа, судя по рисунку, темная, что говорит о присутствии негритянской крови. Нос очень тонко очерчен и предполагает чувствительную и сильную натуру.

Сильный характер чувствуется также

и в том, какой твердый у него рот, хотя и самодовольный. В целом он производит впечатление необычайно умного человека, но беспородного по внешности. Такая смесь расовых черт легко может иметь место в дальневосточных провинциях Азии.

Я никак не комментирую ваше описание зловещей машины, которая поглощает ничего не подозревающих добровольцев. Ваш супермен, как выясняется, не имеет ничего против ваших вопросов и удостаивает вас пространными ответами, и, таким образом, мы имеем новую теорию времени и пространства.

Время, как он утверждает, представляет собой единственную реально существующую данность. Каждое мгновение Земля и жизнь на ней, Вселенная и все входящие в нее галактики воссоздаются титанической энергией, которую представляет собой время. И воссоздание мира происходит практически по уже существующему образу, так как это путь наименьшего сопротивления.

Он приводит сравнение. Согласно тео-

рии Эйнштейна, и в этом он прав, Земля вращается вокруг Солнца не потому, что существует сила притяжения, а потому, что ей легче вращаться вокруг Солнца именно так, как юна это делает, чем уйти в глубины космоса.

Времени легче воссоздавать все по уже привычному образу: это всеобщая закономерность.

Темп воспроизведения — примерно десять миллиардов в секунду. Следовательно, за прошедшую минуту было создано шестьсот миллиардов вариантов моей личности, и все они существуют одновременно, причем каждый занимает свое собственное место и не подозревает о том, что есть остальные. Ни один не уничтожается, и вовсе не потому, что в этом есть какой-то смысл; просто проще оставить их всех как есть, чем уничтожать.

Если бы они когда-либо встретились в одном и том же отрезке пространства, то есть, если бы я, например, вернулся в прошлое и пожал руку себе двадцатилетнему, произошло бы столкновение иден-

тичных систем, и нарушитель порядка был бы уничтожен, стерт из памяти других.

Об этой теории я не могу сказать ничего, кроме того, что она, безусловно, является чистейшей воды вымыслом. Однако она представляет определенный интерес в том смысле, что рисует яркую картину бесконечного процесса существования человека, живущего и умирающего в тихих заводях реки времени, пока этот великий поток неуклонно течет вперед, постоянно воссоздавая окружающий мир.

Меня поражает то, насколько конкретно сформулированы ваши вопросы, — создается впечатление, что все это реальность, а не чья-то фантазия — но я постараюсь ответить, насколько могу.

1. Перемещение во времени должно, естественно, основываться на очень жестких научных закономерностях.

2. Представляется возможным, что они в состоянии узнать о действиях того или иного человека в будущем.

3. Доктор Лелл, употреблял такие сло-

ва, как «атомная атака» и «вакцинация против отравления газами». Это может свидетельствовать о том, что они набирают добровольцев для такой войны, размах которой просто невозможно себе представить.

4. Я также не могу представить себе, как эта машина могла оказывать на вас воздействие на расстоянии — если только не использовалось какое-нибудь промежуточное, передающее радиоуправляемое устройство. Если бы я был на вашем месте, я задал бы себе вопрос: есть ли на мне или при мне что-нибудь металлическое или вообще что-нибудь, что могло быть установлено или передано мне врагом?

5. Некоторые мысли так туманны, что не могут передаваться посторонним. Можно предположить, что ясно сформулированные, четкие мысли могут восприниматься другими людьми. Если вы смогли контролировать свои мысли, что, как вы говорите, вы делали, когда писали это письмо, значит, само это письмо является доказательством то-

го, что вполне возможно держать свои мысли в таком состоянии, что никто не сможет их читать. Вам это определенно удалось.

6. Неразумно предполагать, что существует какой-то принципиально более высокий разум, скорее это более высокая степень развития потенциальных возможностей человеческого мозга. Если человек когда-либо научится читать чужие мысли, это произойдет в результате упорной работы по совершенствованию его врожденной способности воспринимать мысли других людей; люди станут умнее только тогда, когда на основе новых знаний будут разработаны новые методики тренировки.

Что касается лично меня, я безмерно сожалею о том, что получил сейчас известия о вас. В моей памяти осталась девушка с решительным характером, отвергнувшая мое предложение руки и сердца для того, чтобы, сохранив свою свободу, посвятить себя карьере в области социальных наук и добиться успеха. А вместо всего этого я нахожу печальный конец, заблудшую, потерянную душу, ум, питающийся фантазиями и страдающий манией преследования. Мой совет вам — пока не поздно, обратиться к психиатру, и в этой связи с прилагаю к письму почтовый перевод на сумму двести долларов и желаю вам всего наилучшего.

Ваш в воспоминаниях Джек Гарсен.

По крайней мере, никто не вмешивался в ее личную жизнь. Никто никогда не поднимался по темной, узкой лестнице в ее крошечную квартирку, кроме нее самой. Вечером, после того, как вербовочный пункт закрывался, она бродила по шумным, заполненным толпой улицам. Иногда она ходила в кино, если была надежда, что фильм позволит ей на какое-то время расслабиться и за-

быть об атмосфере напряженности, в которой она все время находилась. Иногда ей попадалась книга по социологии, и тогда она вспоминала о своем давнем увлечении и забывалась на час-другой.

Но ничто, абсолютно ничто не могло заставить ее забыть о страшной реальности, которую являла собой машина. Она всегда чувствовала ее. Это было похоже на то, как будто ее мозг был охвачен стальным обручем. Было смешно читать о калонийской войне, о победах и поражениях — когда где-то в будущем вырисовывалась другая, великая война, война таких грандиозных масштабов, что пушечное мясо для нее приходилось добывать во всех столетиях. И добровольцы шли! Темные и светлые, молодые и не очень, угрюмые, жесткие, сильные. Среди них было много ветеранов прошедших войн. Это был непрерывный, нескончаемый поток, поглощаемый в дальней, тускло освещенной комнате И вдруг в один из таких безликих дней она подняла голову от старой, запачканной стойки, и перед ней стоял Джек Гарсен!

Он облокотился на стойку и смотрел на нее, и Норма с удивлением отметила, что он почти не изменился за те десять лет, что они не виделись, только лицо, пожалуй, стало более жестким, да

вокруг темно-карих глаз появились морщинки усталости. Пока она в немом оцепенении разглядывала его, он произнес:

— Конечно, я должен был прийти. Вы были первой женщиной, затронувшей мои чувства, а также и последней. Когда я писал вам письмо, я еще не отдавал себе отчета, как сильны эти чувства. Ну, что тут у вас происходит?

Она в это время с отчаянием думала, что доктор Лелл часто ненадолго исчезал в дневное время. Однажды она видела, как он растворился в ярком облаке света, излучаемого машиной. Пару раз, когда она открывала дверь его комнаты, чтобы сказать ему что-то, оказывалось, что там его нет. Это означало, что он часто возвращался в свое время Тогда, когда она не видела.

Пусть это будет одним из таких случаев, когда он отсутствует!

И тут же ей в голову пришла другая мысль. Норма так остро и внезапно ощутила ее, что у нее тут же заболела голова. Она должна сохранять спокойствие. Она не должна позволить своим мыслям выдать ее, если только еще не слишком поздно.

Она заговорила, и голос ее показался ей самой криком раненой птицы, сначала оглушенной по-

трясением, а потом начавшей биться в агонии.

— Быстро! Вы должны уйти до шести часов! Скорее! Скорее же!

Она заколотила своими дрожащими руками ему в грудь, как будто хотела вытолкать его за дверь. Но он даже не пошатнулся. Сила ее ударов разбилась о мышцы его груди.

Он смотрел на нее сверху вниз, мрачно улыбаясь. Когда он заговорил, голос его звучал как сталь:

— Кто-то вас явно до смерти перепугал. Но не беспокойтесь! У меня в кармане пистолет. И я здесь действую не один. Я послал телеграмму в калонийское посольство в Вашингтоне, а потом передал их ответ здешней полиции. Посольство ничего не знает об этом вербовочном пункте. Через несколько минут сюда прибудет помощь. Я пришел первым, чтобы предупредить вас. Пойдемте отсюда, потому что…

Наверное, он прочел что-то в глазах Нормы, которые внезапно вспыхнули злым огнем, когда она бросила взгляд через его плечо. Он обернулся и увидел, что из дальней комнаты выходят какие-то люди. Их было человек десять, и внешне они разительно отличались от высокого, худощавого доктора Лелла с тонкими чертами лица. Это были

низкорослые, коренастые, уродливые существа, полулюди-полуобезьяны; в их лицах было не то чтобы зло, а полное отсутствие интеллекта.

На мгновение их глаза загорелись животным любопытством, когда они посмотрели на то, что происходило за окном. Затем они безразлично взглянули на Норму и Джека Гарсена, который твердо держал в руках пистолет. Наконец, потеряв к ним интерес, они выжидательно уставились на доктора Лелла, который стоял, усмехаясь, на пороге комнаты.

— А, профессор Гарсен, у вас, кажется, пистолет? И сейчас здесь будет полиция? К счастью, у меня здесь есть кое-что, что может убедить вас в тщетности всех ваших планов.

Он вынул руку из-за спины, и Норма коротко вскрикнула. Он держал горящий шар, буквально пылающий интенсивно-белым огнем прямо у него на ладони. Когда он заговорил, насмешка в его голосе звучала вполне отчетливо:

— Моя дорогая мисс Матерсон, я думаю, вы согласитесь, что теперь, когда в ряды непобедимых армий Славных влился этот молодой человек, вы не станете более чинить нам препятствия в достижении наших целей. А вы, Гарсен, бросьте свой пистолет, а то обожжете руки.

Эти последние слова заглушил крик Гарсена. Потрясенная Норма увидела, как охваченный пламенем пистолет выпал из руки Джека и продолжал яростно гореть, лежа на полу.

— Боже мой! — воскликнул Джек. Он не сводил глаз с пистолета, который буквально съедал огонь. Через несколько секунд от него не осталось и следа, а огонь погас. Пол даже не закоптился.

Доктор Лелл отрывисто произнес какую-то команду. Это были странные, незнакомые слова, но смысл их был тем не менее ясен:

— Хватайте его!

Норма испуганно посмотрела на Джека, но он не оказал никакого сопротивления, когда группа людей-животных окружила его. Доктор Лелл сказал:

— Пока что, профессор, вы не очень хорошо сыграли роль благородного избавителя прекрасной дамы. Но я рад, что вы уже поняли бесполезность каких бы то ни было попыток бороться с нами. Возможно, если, конечно, вы будете продолжать вести себя разумно, нам не придется уничтожать вас как личность, лишать вас индивидуальности. — Он недовольно нахмурил брови и продолжал: — Я собирался подождать и схватить ваших храбрых полицейских, но так как они, как

всегда, в нужный момент не приехали, я думаю, нам придется обойтись без них. И это, я полагаю, к лучшему.

Он взмахнул рукой, и люди-обезьяны ринулись к задней двери, таща за собой Джека. Они вошли в комнату и исчезли из вида. На мгновение Норма увидела оживающую машину, по поверхности которой начали бегать языки пламени. Доктор Лелл быстрыми шагами подошел к ней и наклонился через стойку. В глазах его была неприкрытая угроза.

— Сейчас же отправляйтесь наверх. Я не думаю, что полиция вас узнает, но если вы только попытаетесь сделать какой-либо ложный шаг, расплачиваться придется ему. Быстро наверх!

Норма заторопилась к двери и перед тем, как выйти, оглянулась в то самое мгновение, когда доктор Лелл исчез в дальней комнате. Она стала подниматься вверх по лестнице и вдруг замерла от страшного предчувствия. Медленно, неверными шагами она преодолела оставшиеся ступеньки и подошла к зеркалу. Да, уходя, доктор Лелл не забыл о ее наказании. Из зеркала на нее смотрело сухое, с горькими складками вокруг рта лицо пятидесятипятилетней женщины.

Это было последней каплей. Безжизненно опу-

стив голову, она села ждать прибытия полиции.

Глава 5

Для Гарсена путешествие в мир будущего началось в длинном, тускло освещенном коридоре, очертания которого расплывались, когда он пытался его рассмотреть. Чьи-то сильные руки поддерживали его во время пути.

Вдруг неясная, неверная картина, которую рисовало его зрение, пропала совсем. Когда туман в его глазах рассеялся, он обнаружил, что находится в какой-то маленькой комнате. Сначала ему показалось, что он здесь один, но когда он потряс головой и зрение его прояснилось, он увидел, что в комнате стоит письменный стол, за которым сидит какой-то человек.

При виде этого характерного, темного, худого лица, в котором было что-то дьявольское, Гарсен почувствовал, что по его телу как будто пробежал электрический ток, возвращая ему силы. Он выпрямился, и доктор Лелл насмешливо произнес:

— Понятно. Вы решили, что будете с нами сотрудничать. Я прочитал это намерение в ваших мыслях еще до того, как мы с вами покинули Норму, на помощь к которой вы так благородно поспешили. К сожалению, одного вашего жела-

ния в данном случае недостаточно.

Издевка в его голосе была явной. Джек подумал, как ему повезло, что они не воздействовали на него с помощью какой-нибудь фантастической выдумки будущего, чтобы дезорганизовать его мысленные процессы. Теперь у него было время собраться с мыслями, проанализировать свое положение, продумать возможные варианты дальнейшего развития событий, предусмотреть неожиданности, чтобы остаться в живых.

Он сказал:

— Все очень просто. Вы держите у себя Норму. Я в вашей власти, здесь, в вашем времени. Я был бы дураком, если бы начал сопротивляться в таких обстоятельствах.

Доктор Лелл посмотрел на него почти с жалостью. Но когда он заговорил, в его голосе слышалась все та же издевка:

— Мой дорогой профессор Гарсен, здесь нечего обсуждать. Мне нужно только понять, можем ли мы использовать вас в наших лабораториях. Если нет, то вас ждет камера деперсонализации, где вы будете лишены индивидуальности. Единственное, что я пока могу сказать, — это то, что люд — и вашего типа, как правило, не проходят успешно наши тесты.

Каждое его слово разило, как кинжал. Несмотря на издевательский тон и снисходительное презрение, этот человек был совершенно безразличен к судьбе Гарсена. Его интересовал только какой-то тест, неизвестно, конечно, что он имел в виду под этим. А на карту в данном случае было поставлено его сознание. Сейчас важно было сохранить спокойствие и продолжать настаивать на том, что он готов сотрудничать. Прежде, чем он успел сказать что-либо, доктор Лелл заговорил каким-то бесцветным голосом:

— У нас есть аппарат, который определяет степень податливости человека к различным воздействиям. Сейчас с вами будет говорить Наблюдатель.

— Как ваше имя? — спросил голос, который раздался прямо из воздуха рядом с Гарсеном.

Гарсен вздрогнул. Несмотря на его готовность ко всяким неожиданностям, им удалось захватить его врасплох. Значит, хотя он и не осознавал этого, он находился в состоянии опасного напряжения. Усилием воли он заставил себя успокоиться. Как ни странно, в этом ему помогла презрительная улыбка доктора Лелла. Когда Гарсен в достаточной степени овладел собой, чтобы заговорить, он почувствовал; как его охватывает

злость на себя за то, что голос его слегка дрогнул, когда он начал отвечать:

— Меня зовут Джон Белмор Гарсен, возраст — тридцать три года, ученый-исследователь, профессор физики в университете, группа крови…

Было очень много вопросов, выясняющих в подробностях все о его жизни, работе, стремлениях, интересах. И чем больше он отвечал, тем яснее становилась страшная реальность: на карту поставлено самое ценное — его сознание, его индивидуальность, его личность. И все это было всерьез, тщательная, механическая, абсолютно беспристрастная проверка. Он должен пройти этот тест.

— Доктор Лелл! — вновь раздался голос машины-Наблюдателя. — Как вы оцениваете душевное состояние этого человека в данный момент?

Доктор Лелл ответил, не задумываясь:

— Состояние ярко выраженного сомнения. В его подсознании царит неуверенность. Вряд ли необходимо уточнять, что в его подсознании отражается его личность.

Гарсен глубоко вздохнул. Он был потрясен тем, насколько им удалось его деморализовать. И еще одно его поразило. Эта машина общалась с доктором без помощи телефона или радиосвязи

— если, конечно, это была машина. Когда он заговорил, даже для него самого голос его прозвучал резко и незнакомо:

— К черту мое подсознание! Я разумный человек. Я сделал свой выбор. Я готов сотрудничать с вами на ваших условиях, безоговорочно.

Молчание, которое за этим последовало, было неожиданно долгим, и, когда машина наконец заговорила, чувство облегчения, которое он испытал, длилось только одно мгновение, пока до него не дошло, что именно она говорила:

— Я не испытываю по его поводу никакого оптимизма, но давайте дадим ему возможность попытаться пройти тест после выполнения необходимых предварительных манипуляций.

Идя за доктором Леллом по серо-голубому вестибюлю, Джек начал чувствовать себя несколько увереннее. Фактически пока он одержал пусть небольшую, но победу. Какими бы ни были тесты, которые ему надо было пройти, как они могут не принимать в расчет его решимость и убежденность, что он должен с ними сотрудничать?

Дело было не только в том, чтобы остаться в живых. Для человека с его данными, с его подготовкой мир будущего являл собой бесценную кладовую поразительно интересных возмож-

ностей. Конечно, он в состоянии смириться со своей судьбой, пока идет эта война, и сконцентрировать свое внимание на потрясающем воображение уровне развития науки, которая делала возможным перемещение во времени и другие чудеса, свидетелем которых он являлся, включая машины, которые изучали человека и анализировали его личность холодно и беспристрастно и общались без помощи известных ему средств связи. Эти размышления заставили его нахмуриться. Наверное, там, в стене, где-то было замаскировано устройство вроде телефона. Он просто не мог поверить, что передача звука может осуществляться без посредства каких-либо приборов, так же как и Норму нельзя было сделать старой без применения каких-то технических средств.

И вдруг эта мысль вместе со всеми остальными вылетела из его головы. В оцепенении он смотрел себе под ноги, туда, где только что был пол. Теперь он исчез! Вскрикнув, Гарсен схватился рукой за матовую стену, и только когда он услышал сдавленный смех доктора и до его сознания дошло, что ноги его по-прежнему ощущают под собой твердую поверхность пола, он понял, что это оптический эффект. Он взял себя в руки и стал

смотреть вниз.

Под ним была часть какой-то комнаты. Он не мог судить о ее размерах, так как матовые стены ограничивали видимость с обеих сторон. Насколько он мог видеть, комната была набита людьми; огромная шевелящаяся масса заполняла все видимое пространство.

Он услышал иронический голос доктора Лелла, который подтвердил его догадку:

— Да, это наши добровольцы из всех веков, будущие воины, но они еще не знают своей судьбы.

Человеческая масса внизу жила — люди суетились, толкали друг друга, кто-то дрался. На их лицах были недоумение, злость, страх и самые разные комбинации всех возможных в данной обстановке эмоций. И одежда их была самой разной: у кого-то яркой, бросающейся в глаза-, у других — тусклой и невыразительной, было и что-то среднее между первым и вторым.

Мозг Гарсена начал немедленно анализировать полученную информацию. Он был прирожденный ученый-исследователь. Несмотря на разительные контрасты в стиле, в одежде всех тех людей, которые толпились там, внизу, как бараны на бойне, было что-то неуловимо общее, что могло означать только одно.

— Вы правы! — Это снова был голос доктора Лелла, холодный и презрительный. — Это все американцы, все из этого города, который сейчас называется Дельпа. При помощи нескольких тысяч наших машин, установленных в Дельпе в разных столетиях, мы получаем четыре тысячи человек в час, работая от восхода до заката солнца. То, что вы видите внизу, — это главная приемная. Добровольцы прибывают к нам по время-проводу, и их тут же оживляют и направляют сюда. Естественно, что на этом этапе много сумятицы и неразберихи. Но давайте проследуем дальше.

Гарсен не заметил, в какую секунду пол снова появился у него под ногами. Мысли его занимало то, что он ни разу не видел, чтобы доктор Лелл нажимал какую-нибудь кнопку или использовал какой-либо механизм, ни тогда, когда вещала машина-Наблюдатель, ни когда пол стал невидимым, ни тогда, когда он стал видимым снова. Возможно, их система была основана на телепатических сигналах. Потом Гарсен вспомнил о той опасности, которая ему угрожала. Что это за предварительные манипуляции, через которые ему нужно будет пройти? Он почувствовал, что в нем закипает раздражение. Что они хотят от че-

ловека из двадцатого века? Тем более, что он уже заверил их, что, готов выполнять их условия.

— А здесь, — произнес доктор Лелл голосом спокойным, как вода в пруду с кувшинками, — мы видим одну из нескольких тысяч маленьких комнат, которые расположены вокруг главной машины времени. Обратите внимание, что здесь гораздо меньше беспорядка.

«Это он скромничает», — подумалось Гарсену. Здесь вообще не было никакого беспорядка. Люди сидели на диванах и стульях. У некоторых в руках были книги, другие разговаривали, и впечатление было, что ты смотришь немой фильм: губы их двигались, но никаких звуков слышно не было.

— Я не стал показывать вам, — вновь раздался спокойный, уверенный голос доктора, — промежуточную стадию, которая приводит к созданию этой клубной атмосферы. Тысячи напуганных людей перед лицом опасности способны на необдуманные поступки и могут нанести большой ущерб. Но мы их анализируем, сортируем как с точки зрения их психологических, так и физических качеств, а затем они по очереди проходят через ту дверь в дальнем конце комнаты. Вот кто-то как раз сейчас входит в эту дверь. Давайте проследуем за ним. На этом этапе мы уже имеем

дело только с бескомпромиссной, голой реальностью.

Реальностью в данном случае было металлическое сооружение типа бойлера с мощной дверью. Четверо звероподобных людей схватили вошедшего прежде, чем он успел сообразить, в чем дело, и по настоящему испугаться, и засунули его внутрь ногами вперед.

Человек, наверное, закричал; на одно мгновение он поднял голову, и его искаженное ужасом лицо и идиотски-бессмысленные движения губ потрясли Гарсена. Как бы издалека он услышал голос доктора Лелла:

— На этом этапе бывает полезно дезорганизовать умственное состояние человека, чтобы машина, уничтожающая его индивидуальность, могла лучше справиться со своей задачей.

Внезапно его тон изменился, из него ушло безразличное спокойствие. Подчеркнуто холодно и зло он продолжал:

— Дальше продолжать эту лекцию с демонстрацией бесполезно. Я считаю, что ваша реакция полностью подтверждает обоснованность пессимистического вывода Наблюдателя. Больше откладывать решение не имеет смысла.

Эта угроза с трудом дошла до сознания Гарсена.

Он чувствовал себя полностью опустошенным, лишенным всякой надежды, и тот научный интерес, который вызвало в нем перемещение в будущее, едва тлел в нем сейчас, как угасающий уголек в очаге. После всех пережитых потрясений он был готов признать свое поражение.

Глава 6

Потребовалось некоторое время, прежде чем Джеку удалось преодолеть это пораженческое настроение. Черт побери, он же пока еще не лишен сознания, индивидуальности! Ему надо собраться, взять под контроль свои эмоции, сосредоточиться только на том, что касается Нормы и его самого. Если эти люди и их машины делают выводы на основе человеческих чувств, тогда ему нужно продемонстрировать им, как холоден и расчетлив может быть его интеллект. Где, черт возьми, эта машина-всезнайка?

Коридор внезапно закончился. Дверь в конце его была такой же, как все другие. Остальные двери вели в какие-то комнаты и другие коридоры Не было никаких оснований сомневаться, что и эта была обычной дверью. Но она выходила на улицу!

Улица города будущего!

Гарсен замер. Он забыл об угрожающей ему опасности, мозг ученого-исследователя воспарил над ложными проблемами в радостном ожидании и вдруг сник перед лицом реальности, безмерно далекой от захватывающих дух картин,

услужливо нарисованных воображением. Как-то смутно, помня о том, что здесь, в будущем, идет война, он представлял себе невероятное великолепие со следами разрушения, нанесенного войной. Но все было совсем не так.

Перед ним тянулась вдаль узкая, неприглядная улица. Темные, грязные здания закрывали доступ солнечному свету. По краям мостовой, ограниченной черными линиями, двигались низкорослые, коренастые, звероподобные мужчины и женщины. Только эти черные линии отделяли тротуары от мостовой. Улица тянулась вдаль настолько, насколько видел глаз, и все вокруг было таким угрюмым и безрадостным, что Гарсен невольно почувствовал отвращение и отвернулся. Тут же он поймал на себе взгляд доктора Лелла, который смотрел на него со своей характерной мрачной усмешкой. Доктор сказал:

— То, чего вы ищете, профессор Гарсен, вы не найдете ни в этом, ни в подобных ему городах рабов; но и в городах дворцов Славных или Планетарианцев… — Он остановился, как будто вспомнил о чем-то неприятном. К удивлению Гарсена, лицо доктора исказилось гневом. Ярость была и в его голосе, когда он резко проговорил: — Эти чертовы Планетарианцы! Когда я думаю о

том, к чему пришел мир из-за их так называемых идеалов, я… — Гнев его утих, и продолжал он уже спокойнее: — Несколько сотен лет назад смешанная Комиссия Славных и Планетарианцев обследовала все физические ресурсы солнечной системы. Человек сделал себя практически бессмертным, я, например, могу прожить миллион лет, если не произойдет какой-нибудь серьезный несчастный случай. Был сделан вывод, что имеющиеся ресурсы позволяют содержать десять миллионов человек на Земле, десять миллионов на Венере, пять — на Марсе и десять миллионов в общей сложности на спутниках Юпитера в течение одного миллиона лет при сохранении существовавшего тогда высокого уровня потребления, равного приблизительно четырем миллионам долларов в год на человека в ценах, установившихся после второй мировой войны. Если бы с тех пор человеку удалось покорить звезды, то все эти цифры нужно было бы пересмотреть, хотя в то время, как и сейчас, возможность этого считалась такой же далекой, как и сами звезды. Проблема межзвездных полетов, как выяснилось в ходе исследований, оказалась недоступной для решения на базе достижений нашей науки и техники.

Он остановился, и Гарсен решился вставить свое слово:

— У нас тоже были попытки создать общество, государственное устройство, организованное в соответствии с определенными теориями, но все они заканчивались неудачей, так как нельзя изменить человеческую природу. Похоже, что это произошло и у вас.

Гарсен не подумал о том, что его слова могут быть расценены как еще один довод, подтверждающий необходимость его обезвреживания. Эта мысль пришла ему в голову, только когда он увидел, что худощавое, красивое лицо доктора Лелла застыло, как мрамор. Резко, отрывисто он сказал:

— Не смейте сравнивать своих нацистов или коммунистов с нами! Мы повелители всего будущего, и кто когда-либо мог противостоять нам, если мы решали подчинить их своему влиянию? Мы победим в этой войне, хотя временно и стоим на грани поражения. Как раз сейчас мы сооружаем самый грандиозный временной энергетический барьер, который когда-либо существовал. С его помощью мы обеспечим себе победу — или не победит никто! Мы отучим этих моралистов-Планетарианцев болтать о правах человека и свободе духа!

Он говорил страстно и с гордостью, было видно, что он весь во власти этих эмоций. Но Гарсен не сдавался. У него было свое мнение по этому вопросу, и так как ему было ясно, что этого не удастся скрыть ни от доктора Лелла, ни от Наблюдателя, он сказал:

— Я вижу, что у вас есть аристократическая верхушка и огромное количество рабов, звероподобных людей. Как они вписываются в общую картину? И как насчет тех ресурсов, которые необходимы им? Их в одном только этом городе, похоже, сотни тысяч.

Доктор смотрел на него злым и враждебным взглядом. Гарсен почувствовал, что у него похолодели руки. Он не ожидал, что разумное замечание может быть расценено не в его пользу. Доктор Лелл проговорил с подчеркнутым спокойствием:

— Они, собственно, никаких ресурсов не используют. Они живут в городах из камня и питаются тем, что дает неистощимая почва.

В голосе его внезапно зазвенела сталь:

— А теперь, профессор Гарсен, я должен вам сказать, что вы сами решили свою судьбу Наблюдатель находится в том металлическом здании на другой стороне улицы, так как воздействие энергетического поля главной машины времени

могло бы нанести ущерб его чувствительным элементам, если бы он был расположен ближе. Я не считаю нужным более давать вам какие бы то ни было объяснения и, естественно, не имею никакого желания оставаться в обществе человека, который через полчаса превратится в робота.

Гарсен не стал возражать. Он еще раз посмотрел на этот уродливый город и подумал, что это все та же старая история, когда аристократы ищут оправдания своим черным преступлениям против себе подобных, своих же сограждан. В начале, конечно, необходимо было призвать на помощь психологию. Даже само имя, которым они себя называют, — Славные! — говорит о том, что им приходилось прилагать огромные усилия, чтобы обрабатывать массы в духе поклонения героям.

Доктор Лелл продолжал сухо:

— Ваше неодобрение существования рабов разделяют Планетарианцы. Они также возражают и против того, что мы лишаем наших добровольцев человеческой индивидуальности. Легко увидеть, что у вас с ними много общего, и если бы вы только могли попасть к ним…

Гарсен понял, что его провоцируют, причем довольно откровенно. Теперь ему стало ясно, что все, что говорит доктор Лелл, имеет целью заста-

вить его выдать себя, свои настоящие чувства и мысли.

— Я не понимаю, чего вы хотите, — сказал он. — Я — продукт своей среды. Вы знаете, что это за среда и какой тип людей такая среда обычно создает. Как я уже говорил, моя единственная надежда состоит в сотрудничестве с вами, и я готов к этому.

Внимание его внезапно привлекло что-то необычное в небе далеко впереди, в конце улицы. Там появился какой-то неестественный свет, алая закатная дымка, хотя до заката солнца было еще далеко. Он ощутил внутреннее беспокойство, непонятную, необъяснимую тревогу и спросил напряженным голосом:

— Что это?

— Это, — холодно и насмешливо ответил доктор Лелл, — война.

Гарсен рассмеялся, не в силах сдержаться. В течение долгого времени размышления об этой грандиозной войне будущего заполняли его мысли вместе с растущей тревогой за Норму. А теперь — эта красная дымка над абсолютно нетронутым городом и есть война?

Доктор Лелл, против ожидания, не возмутился, а спокойно продолжал, подождав, пока Гарсен

отсмеется:

— Это не так забавно, как вам представляется, профессор. Большая часть Дельпы нетронута, потому что защищена временным энергетическим барьером местного значения. На самом деле Дельпа находится на осадном положении, она расположена на пятьдесят миль в глубь территории, контролируемой нашим противником. — Он, очевидно, прочел мысли Гарсена и сказал почти доброжелательно: — Вы правы. Все, что вам нужно, — это найти способ убежать из Дельпы, и вы будете в безопасности.

Гарсен ответил со злостью:

— Это естественная мысль, которая в подобных обстоятельствах пришла бы в голову любому здравомыслящему человеку. Не забывайте, что у вас мисс Матерсон.

Доктор Лелл продолжал, как будто бы он не слышал оправданий Джека:

— Красный туман, который вы видите, — это то место, где противник нейтрализовал наш энергетический барьер. Именно там они беспрерывно, ночью и днем, атакуют нас бесчисленной армией роботов. Мы, к сожалению, здесь, в Дельпе, не обладаем возможностями наладить производство роботов для этих целей, поэтому мы применяем

аналогичное оружие с использованием людей, запрограммированных как роботы, лишенных сознания и индивидуальности. Что еще вызывает сожаление — потери в живой силе очень велики, погибают все сто процентов добровольцев. Каждый день мы также теряем около сорока футов территории города, и, конечно, в конце концов Дельпа падет. — Он улыбнулся, почти ласково. Гарсена поразило то, что доктор, казалось, полон надежды, несмотря на горькие слова, которые произносит.

Доктор продолжал:

— Вы видите, насколько эффективен даже энергетический барьер местного значения. Когда через два года мы закончим сооружение большого барьера, вся наша линия фронта будет абсолютно неуязвимой. А что касается ваших уверений в готовности сотрудничества, они ничего не стоят. Люди на самом деле храбрее, чем они сами думают, даже вопреки здравому смыслу. Но довольно рассуждений. Через минуту машина вынесет свой вердикт.

Глава 7

На первый взгляд машина-Наблюдатель казалась скопищем огромного количества мерцающих огней, которые загорелись ровным светом, когда он появился в их поле зрения. Гарсен застыл перед этими многофасеточными глазами, едва дыша. Он подумал, что эта стена черного металла и огней не производит большого впечатления.

Он стал думать, чего же в ней не хватает, и пришел к выводу, что она слишком велика и неподвижна. Если бы она была маленькой и имела какую-нибудь форму, пусть даже и уродливую, и если бы в ней было хоть какое-нибудь движение, можно было бы предположить наличие какой-то индивидуальности. А здесь не за что было зацепиться глазу — только море огней. Пока он разглядывал машину, огоньки снова начали мерцать и внезапно погасли, все, кроме небольшой группы цветных лампочек в нижнем правом углу.

Сзади открылась дверь, и в комнату вошел доктор Лелл.

— Я рад, — сказал он, — что результат был таким, какой он есть. Нам очень нужны хорошие

помощники. Вот, например, я, — продолжал он, когда они снова вышли на ту же неприятную улицу, — руковожу известным вам вербовочным пунктом в двадцатом столетии, но я нахожусь там только тогда, когда меня вызывают по межвременной системе тревоги. В другое время я занят научными делами второй степени важности; работа первой степени важности, по самому определению, — это та, которая должна продолжаться непрерывно.

Они снова подошли к тому же высокому зданию, из которого выходили, и снова перед ними простирался тот же знакомый, серо-голубой коридор, только на этот раз доктор Лелл открыл самую первую из нескольких дверей. Он вежливо склонил голову:

— После вас, профессор!

На долю секунды опоздав, кулак Гарсена рассек воздух там, где только что было это темное, красивое лицо. Они пристально посмотрели друг на друга. Гарсен сжал губы, пытаясь взять себя в руки. Доктор тихо заговорил:

— Вы всегда будете отставать на эту долю секунды, профессор. С этим ничего нельзя поделать. Вы, конечно, поняли, что все то, что я вам только что говорил, было нужно для того, чтобы вы со-

храняли спокойствие на обратном пути сюда, и что на самом деле тест вы не прошли. Причем вы продемонстрировали уникальные результаты: уровень непокорности — шесть, самый худший показатель, и уровень развития интеллекта — АА+, практически самый высокий из всех возможных. Жаль, потому что нам действительно нужны способные люди. Я сожалею.

— Сожалеть, наверное, должен я! — грубо прервал его Гарсен. — Насколько я помню, это, кажется, как раз под нами ваши люди-звери заталкивали ничего не подозревающего человека в машину, разрушающую личность. Может быть, когда мы будем спускаться по лестнице, мне удастся найти возможность столкнуть вас вниз и выбить у вас из рук тот пистолет, который вы держите.

В лице доктора было что-то, что должно было насторожить его, какая-то хитрая и самодовольная усмешка. Но это уже не могло играть никакой роли. Он устало шагнул в открытую дверь и направился к серо-голубой лестнице, которая виднелась в стороне. Дверь за ним захлопнулась, и в звуке защелкнувшегося замка было что-то безнадежное.

Лестница вдруг пропала — это был только опти-

ческий эффект, чтобы усыпить его бдительность. Там, где она была, теперь ясно было видно сооружение типа бойлера с крепкой дверью топки. К нему направились сразу полдюжины звероподобных существ с тупыми, ничего не выражающими лицами. Через секунду они уже заталкивали его в черную дыру за дверью.

На второй день Норма решилась. На призывном пункте все оставалось в том же виде: голые стены, с которых полицейские сорвали калонийские плакаты и лозунги, и пол, усыпанный вырезками из газет с сообщениями о калонийских событиях. Дверь дальней комнаты была наполовину закрыта, и было слишком темно, чтобы разглядеть, что находится внутри.

Был полдень. Собрав все свое мужество, Норма быстро направилась к центральному выходу. Дверь легко открылась. Она не стала выходить и пошла к двери в дальнюю комнату. Машины там не было. Там, где она простояла так долго, в полу были сильные вмятины. Но это было единственное, что напоминало о тех событиях, которые здесь произошли. Доктор Лелл, люди-животные и Гарсен исчезли бесследно.

Поднявшись к себе в квартиру, она упала на кровать и долго лежала, дрожа и приходя в себя

после того напряжения, которое испытала во время обследования помещений призывного пункта.

На четвертый день, когда она сидела и невидящим взглядом смотрела в какую-то книгу, в ее теле возникло знакомое ощущение, едва уловимый звук. Где-то вновь начала работать та самая машина, и Норма ощутила характерную вибрацию. Она поднялась на ноги, но звук внезапно исчез, и ее напряженные нервы не вздрагивали, словно по ним пропускали электрический ток, как это бывало, когда работала машина. Наверное, ей это только почудилось. Видимо, напряжение в конце концов сказалось на ее нервной системе.

Пока она стояла, замерев и не в состоянии расслабиться, внизу скрипнула дверь. Кто-то вошел через заднюю дверь, которая выходила на пустой участок земли за домом, так же, как и ее окно. Затем дверь снова скрипнула, и Норма, подойдя к окну, увидела доктора Лелла. Она была так напугана его неожиданным появлением, что он не мог не почувствовать ее присутствия, но он не оглянулся. Быстро удаляясь, он скоро исчез из поля ее зрения.

На пятый день внизу послышался шум, стук

молотков. Подъехало несколько грузовиков, и Норма услышала чьи-то приглушенные голоса. Но она набралась храбрости спуститься вниз только вечером. Заглянув в окно, она увидела, что стены были перекрашены, везде были следы ремонта. Новую мебель еще не привезли, а к одной из стен был прислонен шит с надписью:

БЮРО ЗАНЯТОСТИ ТРЕБУЮТСЯ РАБОТНИКИ

Вот в чем дело! «Требуются». Это еще одна ловушка. Ненасытной войне требовалось все больше и больше пушечного мяса.

Пока она смотрела в окно, поглощенная своими горькими мыслями, из задней двери вышел доктор Лелл. Он направился к передней двери, открыл ее, заглянул внутрь, снова закрыл дверь и подошел к Норме, которая беспомощно стояла, затаив дыхание. Заглянув в окно, он помолчал минуту и сказал:

— Я вижу, вы любуетесь нашим новым интерьером! — Го юс его звучал спокойно, и она не услышала в нем никаких угрожающих ноток. Норма промолчала. Он, видимо, и не ожидал ответа, так как продолжал почти без паузы: — Все к лучшему, знаете ли. То, что я вам говорил,

остается в силе, во всяком случае обратного не доказано. Я говорил, что, по нашим данным, машина находилась здесь в течение нескольких лет в будущем. Естественно, мы не исследовали каждый день и каждую неделю за все это время. Следовательно, этот небольшой эпизод ускользнул от нашего внимания, но это не изменило положения в целом. А что касается того факта, что с этого момента это будет не призывной пункт, а бюро по найму, тоже естественно, так как в то время, когда проводилось наше исследование, калонийская война уже закончилась.

Он остановился, и опять она не нашлась, что ответить. Он пристально взглянул на нее и сказал:

— Я рассказываю вам все это потому, что очень утомительно будет искать и готовить еще кого-нибудь, чтобы выполнять вашу работу, и потому, что вы теперь наверняка отдаете себе отчет в бессмысленности дальнейшего сопротивления. Вы должны смириться со своим положением. У нас тысячи машин, подобных этой, и те миллионы людей, которых мы с их помощью получаем, постепенно меняют ситуацию в нашу пользу. Мы должны победить, наше дело правое. Мы представляем интересы Земли против всех планет, Земли, которая защищается от агрессии со

стороны врагов, вооруженных так, как никто и никогда не был вооружен за все прошедшее время. Поэтому мы имеем моральное право, больше чем кто-либо другой, призывать людей Земли, живших во все времена, защищать свою планету.

И он добавил более холодно:

— Однако, если эти соображения вас не волнуют, мы можем вам предложить награду за хорошую работу, которую вы примете с энтузиазмом. Профессор Гарсен у нас. К сожалению, мне не удалось сохранить его личность. Тесты показали, что его непокорность неисправима. Но в вашем случае мы можем использовать вашу молодость. Она будет возвращена вам в виде платы за работу. Каждые три недели вы будете становиться на год моложе. Короче говоря, чтобы вернуться к двадцатилетнему возрасту, вам нужно будет отработать на нас два года.

Закончил он уже приказом:

— Через неделю бюро откроется. Вы явитесь на работу в девять утра. Это ваш последний шанс. До свидания.

В наступившей темноте она следила за ним взглядом, пока могла разглядеть его быстро удаляющуюся фигуру.

Теперь у нее была цель Сначала она отбрасывала эти мысли, но постепенно не думать об этом становилось все труднее, и наконец она поняла, что должна на что-то решиться.

Началось все с осознания того факта, что сопротивление бесполезно. Дело было не в том, что она верила в правоту дела этих людей, которые называли себя Славными, хотя его рассказ о борьбе Земли против других планет заронил в ее душу первые сомнения, как доктор Лелл и рассчитывал. На самом деле все было проще. Одна женщина против людей будущего, вооруженных всей премудростью, накопленной человечеством за прошедшие века! Как это глупо с ее стороны!

Но оставался же Джек Гарсен!

Если бы ей только удалось вернуть его — бедного, несчастного человека, который даже не способен осознать глубину своего несчастья теперь, когда личность его разрушена. Она нашла бы возможность хоть что-нибудь сделать для него, чтобы снять с себя чувство вины, ведь все это произошло из-за нее. Она подумала, что с ее стороны просто безумие надеяться, что они когда-нибудь вернут его ей. Она всего-навсего крошечный винтик в их огромной военной машине. Тем не менее, факт остается фактом. Она

должна вернуть его, чего бы это ни стоило!

Она сама себе удивлялась. В такой ситуации все ее мысли занимала такая элементарная цель: женщина сосредоточила все свои силы и способности на том, чтобы вернуть себе одного-единственного мужчину, а все остальное имело уже второстепенное значение.

Медленно тянулись месяцы, а когда месяц заканчивался, казалось, что он пролетел незаметно. Однажды Норма оказалась на улице, на которой она некоторое время не бывала. Она резко остановилась, и тело ее напряглось. На улице было полно народу, но присутствие всех этих людей не доходило до ее сознания.

Ее сознание сконцентрировалось на одном тихом, едва уловимом звуке, который она расслышала, несмотря на шум уличного движения, какофонию дневной жизни города. Это был шепот машины времени. Норма сейчас была на расстоянии нескольких миль от бюро по найму, где эта машина находилась, но ощущение вибрации, которое сопровождало работу машины, нельзя было спутать ни с чем.

Не глядя по сторонам, она шла вперед, на этот звук, по направлению к ярко освещенному зданию, к которому со всех сторон шли люди, одни

мужчины. Кто-то из них попытался взять ее под руку. Она машинально отстранилась. Другой просто-напросто обхватил ее сильными руками, крепко обнял и поцеловал. Цель, к которой она стремилась, дала ей силы. Почти без усилия она высвободила руку и ударила его по щеке. Он добродушно рассмеялся, отпустил ее, но продолжал идти с ней рядом.

— Дайте дорогу даме! — кричал он.

Как по волшебству, все расступились, и она оказалась у окна. Там было вывешено объявление:

ТРЕБУЮТСЯ БЫВШИЕ СОЛДАТЫ
ДЛЯ ОПАСНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ЗА ХОРОШУЮ ПЛАТУ

Она поняла, что это еще одна ловушка, но это не вызвало у нее никаких эмоций. Ее мозг только регистрировал впечатления. Она увидела большую квадратную комнату, в которой было человек двенадцать мужчин. Только трое из них были добровольцами. Из остальных девяти один был американский солдат в форме времен первой мировой войны. Он сидел за письменным столом, стуча на машинке. Над ним наклонился римский легионер эпохи Юлия Цезаря в тоге и с коротким мечом. Около двери, сдерживая на-

пиравших добровольцев, стояли два греческих солдата времен Перикла.

Принадлежность этих людей своему времени она могла определить безошибочно, так как в университете она четыре года изучала латинский и греческий языки и играла в пьесах из жизни Древней Греции и Древнего Рима на языках оригинала. В комнате был еще один человек в одежде какой-то древней эпохи, но какой именно, она не могла определить. В этот момент он находился за короткой стойкой, беседуя с одним из трех добровольцев. Из остальных четырех человек двое были одеты в форму, которая могла появиться в конце двадцатого века. Ткань, из которой была сделала их одежда, была светло-желтого цвета, и на плечах у обоих она увидела офицерские нашивки. Чин лейтенанта еще сохранялся в армии в то время, когда они служили.

Оставшиеся двое выглядели странно, но это касалось в основном ткани, из которой была сделана их форма. Лица их были вполне обычными и по чертам и по выражению. Форма их состояла из брюк и плотно облегающих тело кителей голубого цвета. Ткань отражала свет, как будто она состояла из миллионов бриллиантов величиной с булавочную головку. Эти двое, можно было

сказать, сверкали голубым светом.

Пока она стояла и наблюдала, одного из добровольцев повели к задней двери, которую она только тогда и заметила, Когда дверь отворилась, она мельком увидела огромную машину и высокого темнокожего человека, который был похож на доктора Лелла. Но это был не он, хотя ясно было, что этот человек принадлежит к той же расе, что и доктор.

Дверь закрылась, и один из греков произнес:

— Так, еще двое могут войти!

За входной дверью произошла короткая, но яростная потасовка за первенство, а затем двое победителей, довольно ухмыляясь и тяжело дыша после драки, вошли в комнату. В молчании, которое за этим последовало, один из греков повернулся к другому и проговорил на резком, почти непонятном для Нормы диалекте древнегреческого языка что-то вроде:

— В самой Спарте никогда не было воинов, так стремящихся к битве! Нынешний улов обещает быть удачным!

Ритм их речи и лексика затрудняли понимание, и только через минуту до ее сознания дошло, что было сказано. Теперь ей все стало ясно. Повелители времени искали добровольцев везде,

даже в древней Греции, а может быть, забредали и еще дальше в глубь веков. И всегда они использовали всевозможные приманки, зная слабости человеческой натуры и потребность найти выход неудовлетворенным желаниям.

«Сражайтесь за калонийцев» — обращение к идеалистам. «Требуются работники!» — этот призыв отвечает потребности каждого заработать себе на жизнь, еду, уверенность в завтрашнем дне. А теперь призыв к бывшим солдатам — опасность, приключения, хорошая оплата!

Дьявольски точный расчет! И этот подход настолько эффективен, что они сейчас используют людей, уже клюнувших на эту пропаганду, для вербовки других. Это, наверное, люди податливые, которым легко приспособиться ко всему, которые с готовностью становятся винтиками в военной машине Славных, а вернее, пушечным мясом. Предатели! Ее внезапно охватила ненависть ко всем этим людям, которых никто не лишал индивидуальности за непокорность, и она отвернулась от окна.

Она думала: тысячи таких машин! Эти цифры раньше казались бессмысленными, но теперь, на примере еще только одной машины, реальность предстала перед ней во всей своей ужасающей

ясности. Подумать только, что было время, когда она действительно в одиночку пыталась противостоять им!

Оставалась проблема, как освободить Джека Гарсена от ужасов грандиозной войны будущего.

Вечерами она бродила по улицам, так как ее не оставлял страх, что в этой квартире они могут прочесть не дающие ей покоя мысли. И еще потому, что находиться в четырех стенах над ужасной машиной, поглотившей многие тысячи людей, было просто невыносимо. Она думала о письме Джека, которое он прислал ей, прежде чем появился сам. Письмо она давно уничтожила, но каждое слово отпечаталось в ее памяти. И среди всего, что там было сказано, она все время мысленно возвращалась к одному и тому же предложению: «Если бы я был на вашем месте, я задал бы себе вопрос: есть ли на мне или при мне что-нибудь металлическое или вообще что-нибудь, что могло быть установлено или передано мне врагом?»

Однажды, когда Норма открывала дверь своей квартиры, она нашла ответ на этот вопрос. Возможно, помогло в этом слишком сильное физическое утомление, которое обострило ее восприятие. А может быть, ее мозг просто устал

пропускать без внимания одну и ту же простую вещь, или это был результат интенсивной концентрации мысли в течение многих месяцев. Какова бы ни была причина, главное было в том, что, когда она клала ключ обратно в сумочку, она как-то резко вдруг ощутила свое прикосновение к металлу. Вот оно! Ключ! Металл, металлическая вещь, переданная врагом!

Быстрым движением она снова захлопнула дверь и, охваченная внезапно нахлынувшей паникой, ринулась бегом вниз по темной лестнице на освещенную фонарями улицу. Она не могла вернуться, пока мозг ее представлял собой хаос разрозненных и бессвязных мыслей и образов. Она должна успокоиться и убедиться, что ее догадка верна.

Прошло, наверное, минут тридцать, прежде чем она успокоилась настолько, что уже была способна рассуждать и совершать какие-то осмысленные действия. Она купила небольшую сумку и кое-какие вещи, чтобы наполнить ее: никто не должен знать, что у нее практически нет багажа — что вызывает подозрение, если человек собирается остановиться в гостинице. Она купила небольшие кусачки, пинцет, на тот случай, если кусачки окажутся слишком громозд-

кими для ее целей, и маленькую отвертку. Затем она пошла в ближайшую гостиницу и сняла там номер на ночь.

Кусачек и пинцета, как выяснилось, было вполне достаточно. Сверху на ключе оказался маленький колпачок, который поддался при первом серьезном нажиме. Дрожащими пальцами она открутила колпачок и увидела внутри крошечную светящуюся головку, как будто внутрь полой металлической трубки вставили раскаленную докрасна иголку. Иголка эта была закреплена сложной паутиной тончайших проводов, которые сами излучали свет.

Она подумала неуверенно, что здесь, возможно, был сконцентрирован сгусток колоссальной энергии, но это соображение не заставило ее отказаться от своих планов. Однако прежде чем дотронуться пинцетом до крошечной головки, она обернула вокруг него свой тонкий кружевной платочек. Затем она слегка дотронулась до светящегося кончика иголки. Кончик чуть-чуть поддался под нажимом ее дрожащей руки, но ничего не произошло. Он продолжал светиться.

С чувством разочарования Норма положила ключ на стол и стала его рассматривать. Такое крошечное, хрупкое устройство! На него ока-

зано давление на одну шестнадцатую дюйма и никакого эффекта. И вдруг ей пришла в голову неожиданная мысль. Она вскочила на ноги и подбежала к зеркалу. На нее смотрело лицо сорокалетней женщины.

Прошло уже несколько месяцев с того времени, как она снова стала двадцатилетней. И теперь, за несколько мгновений она постарела на двадцать лет. Для этого понадобилось только дотронуться пинцетом до головки иголки.

Теперь ей стало понятно, что произошло тогда, в полицейском участке. Это означало, что если только ей удастся вернуть этот стержень на место… Она подождала минуту, пытаясь успокоиться, чтобы не дрожали руки, и чуть-чуть подтянула стержень вверх пинцетом.

Ей снова было двадцать!

Внезапно обессилев, она легла на кровать и подумала, что если бы не Джек Гарсен, она сейчас могла бы забросить этот «ключ» в реку за три квартала отсюда, сесть на первый попавшийся поезд, идущий на запад или на восток, и ей удалось бы тогда скрыться, машина была бы бессильна в отношении нее. Доктор Лелл не стал бы предпринимать серьезных усилий отыскать ее, если бы она затерялась среди огромных масс

людей.

Как же просто все оказалось на самом деле! В течение трех долгих лет они держали ее в своей власти при помощи ключа и его способности старить ее. Но все ли это? Она села на постели в испуге. Может быть, как раз они и рассчитывают на то, что их жертвы будут считать себя в безопасности, если будут держать при себе ключ и думать, что таким образом контролируют его воздействие? Из-за Джека Гарсена она, конечно, должна была держать при себе ключ и как будто по-прежнему находиться в его власти. Но было и еще одно, что могло открыть перед ней колоссальные возможности.

Она вновь бережно взяла в руки ключ. Казалось невероятным, что они могли позволить, чтобы такое ценное устройство с такими удивительными свойствами так легко попадало в руки чужим, хотя они и знали, что секрет ключа можно раскрыть.

Она успокоилась и твердой рукой взяла пинцет. Крепко зажав в нем светящуюся головку, она не стала прижимать ее или тянуть вверх, а повернула ее закручивающим движением по часовой стрелке. Раздался еле слышный щелчок, тело ее напряглось, как натянутая струна, и она

почувствовала, что падает куда-то в темноту бесконечного пространства.

Из этой бездонной темноты показалась что-то тускло светящееся. Это было какое-то существо, похожее на человека. И тем не менее, было в нем что-то нечеловеческое, что-то неуловимо необычное в строении головы и плеч. И глаза этого существа были огромными и сверкающими, как драгоценные камни. Они, казалось, прожигали ее насквозь. Голос, который она услышала, раздался прямо у нее в голове:

— С этого великого момента вы получаете в свое распоряжение огромные силы и приступаете к осуществлению своего предназначения. Я говорю вам, что временной энергетический барьер не должен быть закончен. Это приведет к уничтожению всех столетий в солнечной системе. Повторяю, временной энергетический барьер не должен, не должен быть сооружен.

И вдруг все исчезло, и осталась только невероятная, немыслимая чернота.

И так же внезапно в следующее мгновение Норма снова оказалась в материальном мире. Она полусидела, полулежала, подогнув под себя ногу, совершенно в такой же позе, как на кровати в гостинице. Нога ее затекла в таком неудобном

положении. Наверное, она потеряла сознание? Но под пальцами в шелковых чулках была не гостиничная кровать, а холодный металл!

Глава 8

Когда его затолкали в дверь камеры деперсонализации, Гарсен потерял контроль над собой, так как его нервная система не выдержала страшной комбинации внезапного потрясения, чувства одиночества и полной потери всякой надежды. В отчаянии он начал метаться по камере, колотить в стены и, обессилев, упал на пол.

Потом, собрав все остатки своей воли, он заставил себя успокоиться, так как понимал, что иначе он просто сойдет с ума и потеряет все шансы на спасение.

Он лежал в темной камере на твердом, холодном полу лицом вниз. Мысли его текли вяло. Он смутно вспоминал о Норме и о том, что жил все эти годы, казалось, свободно, а на самом деле судьбе было угодно, чтобы жизнь его как личности закончилась здесь, в этой камере. Тело его еще, возможно, будет существовать, но это уже не будет иметь никакого значения. Здесь они разрушают то, что представляет собой Джек Гарсен.

Но ведь это все абсолютно невероятно! Может быть, через минуту он проснется и поймет, что все происходящее — просто кошмарный сон?

Звук, который он вдруг услышал, был сначала тихим, как шепот, он появился откуда-то издалека и с какой-то странной настойчивостью завладевал вниманием Гарсена. Он приближался и становился все громче и громче — это были человеческие голоса! В голове его словно взорвалась бомба — миллиард голосов, говорящих что-то непонятное одновременно. В то мгновение, когда он понял, что больше не вынесет этого ужасающего шума, голоса внезапно стали тише, но полностью не исчезли и создавали какой-то шумовой фон, который в определенном смысле был даже приятен, спасая Гарсена от тоски одиночества.

Вскоре звук затих окончательно, и на несколько мгновений в камере воцарилась полная, абсолютная тишина. Потом что-то слабо щелкнуло, и из отверстия в потолке над его головой на него упал поток света. Это был солнечный свет! С того места, где он находился, Гарсену был виден угол старого каменного здания на одной из улиц Дельпы.

Экзекуция закончилась, как он понял. Но с ним ничего не произошло. Нет, не совсем так!

В голове его бродили какие-то смутные мысли о том, как важна верность расе Славных, он

чувствовал, что ему хорошо знакома обстановка, в которой он оказался, время от времени в памяти всплывали образы каких-то механизмов и приспособлений, но все это воспринималось нечетко.

Вдруг в его неясные мысли ворвался чей-то грубый голос:

— Выходи оттуда, копуша чертов!

В дверь заглядывал высокий, крепкого сложения человек с толстой шеей и квадратным злым лицом, на котором выделялись перебитый нос боксера и неприятно жесткие голубые глаза.

Гарсен не шевельнулся. Дело было не в том, что он намеревался оказать сопротивление. Здравый смысл настоятельно подсказывал, что нужно немедленно повиноваться, пока он как следует не разобрался, что же все-таки произошло. Что поразило его до глубины души и лишило его возможности реагировать, было осознание того, что хотя этот человек говорил не по-английски, Гарсен понял каждое его слово.

На грубом лице человека появилась гримаса ярости, и угроза, заключавшаяся в этом для Гарсена, автоматически привела в движение его мышцы. Он заторопился встать и выйти, но разозленный громила не хотел больше ждать и

буквально выволок Джека за шиворот из камеры и выбросил его на дорогу лицом вниз.

Несколько мгновений он пролежал так, пытаясь справиться с охватившей его яростью. Он не мог рисковать выдать себя. Что-то у них с ним не получилось. Машина не разрушила его личность, и он должен изо всех сил постараться использовать этот данный судьбой шанс наилучшим образом. Он медленно поднялся на ноги, думая о том, как должен вести себя человек, лишенный индивидуальности, превращенный в автомат.

— Сюда, черт тебя возьми, — произнес наглый голос позади него. — Ты теперь в армии. — В голосе появились нотки удовлетворения: — Ну, ты у меня последний сегодня. Теперь, парни, я доставлю вас на фронт, а тогда…

«Сюда» означало, что надо было присоединиться к группе людей, построившихся в две шеренги около большого, мрачного и грязного здания. Гарсен твердыми шагами направился к краю задней шеренги, и его поразило, как старательно эти люди держали равнение.

— Хорошо! — прокричал парень с квадратным лицом, — Пошли! Прежде чем этот день закончится, вам придется хорошенько схватиться с врагом.

«Вот, значит, каких людей они подбирают на роли лидеров, — думал Гарсен, — невежественных, грубых, тупых свиней». Неудивительно, что его самого Наблюдатель признал негодным. Он начал маршировать в ногу с остальными, незаметно наблюдая за ними из-под полуопущенных век. Все это время он пытался как-то проанализировать, рассортировать разрозненные, бессвязные и порой очень неожиданные мысли, которые путались и мешали друг другу в его голове. И все время он возвращался к словам, которые все чаще и все яснее возникали в его мозгу, хотя где и кто говорил это и говорил ли вообще, он не знал: «В Дельпе строится гигантский временной энергетический барьер. Он не должен быть закончен, так как это приведет к гибели Вселенной. Приготовьтесь сыграть свою роль в его уничтожении. Попытайтесь рассказать об этом Планетарианцам, но не надо идти на риск без особой необходимости. Вам надо остаться в живых и передать это сообщение Планетарианцам. Энергетический барьер не должен быть закончен, не должен».

Усилием воли Гарсен заставил себя выбросить эту навязчивую мысль из головы и сконцентрировать внимание на том, что его окружало.

За ними не прислали грузовиков, не появились для этой цели и какие-нибудь далекие потомки трамваев. Никакого транспорта не было вообще, только серые узкие улицы без тротуаров.

Они шли пешком на войну, и это было похоже на марш по мертвому, старому, заброшенному городу. Заброшенному, несмотря на то, что на его улицах попадались низкорослые, коренастые, заторможенно двигавшиеся мужчины и женщины, тупо шагавшие мимо, глядя себе под ноги, безразличные ко всему вокруг. Создавалось впечатление, что это жалкие, примитивные, дикие, опустившиеся потомки некогда великой расы, а этот город — памятник — но, нет! Гарсен криво усмехнулся. Этот уродливый город не располагал к сравнениям. Даже если не вспоминать слова доктора Лелла, было очевидно, что каждая грязная узкая улица и каждое запущенное здание такими и задумывались, когда их создавали.

И чем скорее он выберется отсюда и передаст Планетарианцам это страшное и непонятное сообщение о временном энергетическом барьере, тем лучше. Намеренно резко он оборвал эту мысль. Если кто-нибудь из Славных случайно оказался рядом и уловил мысль, исходящую от существа, которое считалось живым роботом,

тогда ему больше уже не избежать участи других несчастных. Ать-два, ать-два! Шаги их отдавались пустотой на камнях мостовой, как в городе призраков. Вот он здесь, заброшенный на столетия, а может быть, и тысячелетия вперед, в будущее. И как ужасно сознавать, что Норма, бедная, отчаявшаяся женщина, которую лишили свободы и чье трогательное в своей беспомощности лицо он видел всего какой-нибудь час назад, давно мертва и похоронена где-то далеко в глубине веков. И все же она была жива! Те шестьсот миллиардов ее тел в минуту существовали где-то во времени и пространстве, живые, потому что великая река времени текла непрерывным потоком по своему космическому курсу бесконечных повторений, потому что жизнь — это только частный случай, и она так же бесцельна, как и гигантская энергия, выплескивающаяся в неизвестность.

Ать-два, ать-два, — так они шли, вперед и вперед, и мысли Гарсена подчинялись строгому ритму их марша.

Погруженный в свои размышления, он не замечал ничего вокруг и был поражен, когда небо впереди оказалось затянутым красной дымкой. Значит, они уже почти пришли! Не пройдет и десяти минут, как они достигнут своей цели. В

косых теплых лучах заходящего солнца поблескивали машины — машины, которые двигались и вступали в схватку друг с другом! Гарсен почувствовал, что его охватывает волнение. Значит, это все-таки настоящая война, несущая смерть и разрушение, и она здесь, рядом. Каждую минуту там погибают люди за дело, смысла которого они не в состоянии понять, так как их превратили в жалких роботов, чтобы легче послать на смерть. И там медленно, но верно идут к победе Планетарианцы, а Славные терпят поражение, уступая свои позиции. Уступают сорок футов своей территории каждый день, по словам доктора Лелла.

Это война на истощение. Какое фиаско военной стратегии! Или понятие о военном гении утрачено, и обе стороны скрупулезно действуют по правилам военного искусства, что гарантирует от ошибок, но не дает и возможности для прорыва? И сорок футов просто математическое выражение изначальной разницы в военном потенциале воюющих сторон?

Группа, в которой был Гарсен, наконец остановилась в сотне ярдов от этой неестественной линии фронта. Он стоял среди людей-роботов, ни движением, ни взглядом не выдавая себя, и напряженно и сосредоточенно наблюдал за про-

исходящим на поле боя.

У Планетарианцев было семь крупных машин и по меньшей мере полсотни крошечных, быстрых, маневренных машин сопровождения для каждого из так называемых линкоров. Да, это как раз те термины, которые сами просились на язык. Линкоры и эсминцы! У Славных были только эсминцы, огромное количество машин в форме торпеды, которые скользили по земле, совершая бесконечно повторяющиеся сложные маневры.

Маневр против маневра: это была сложная позиционная игра, невероятно запутанная, правила выходили за рамки понимания Гарсена. В центре внимания были линкоры. Каким-то образом, вероятно, они были защищены от воздействия энергетических пушек, так как никаких попыток применить такое оружие против них не предпринималось. Обычные пушки, очевидно, тоже были бесполезны против них, так как нигде их не было видно, как не было и другого подобного оружия из разряда артиллерийского. Планетарианцы даже не стреляли в скопление живой силы противника, группы людей-роботов, подобные той, в которой находился и Гарсен, которые по стойке смирно стояли так близко к полю боя и так скученно, что несколько снарядов большой

убойной силы уничтожили бы их всех в считанные минуты с необычайной легкостью..

В сражении принимали участие только линкоры и эсминцы. Линкоры двигались вперед и назад, по направлению к центру и от него, перемещаясь относительно друг друга, а эсминцы Славных атаковали их, когда линкоры выходили вперед, и выжидали, когда те откатывались назад. И всегда эсминцы Планетарианцев проскальзывали между линкорами, чтобы перехватить эсминцы Славных. Когда солнце зашло, погрузившись в красное пламя за зелеными холмами на западе, линкоры, выходя вперед для атаки, были уже на много футов ближе, чем вначале, и красная линия, которая обозначала место, где был нейтрализован временной энергетический барьер, была уже не за нагромождением скальных пород вдалеке, а на земле на несколько футов ближе.

Значит, вот в чем дело. Линкоры каким-то образом вынуждали Славных отодвигать энергетический барьер. Естественно, его отодвигали, чтобы спасти от худшей участи, возможно, от полной нейтрализации по широкому фронту. И таким образом, Планетарианцы отвоевывали город дюйм за дюймом, фут за футом, улицу за

улицей. Только почему это сражение шло так медленно, с соблюдением таких сложных правил, почему победа и поражение измерялись такими мелкими величинами, понять было невозможно. Тайна оставалась тайной.

Гарсен мрачно думал, что если в послании к Планетарианцам, которое ни с того, ни с сего возникло в его мозгу неудавшегося человека-робота, была правда, то окончательной победы не будет. Задолго до того, как темпами в сорок футов в день Планетарианцы захватят Дельпу, будет завершено сооружение секретного временного энергетического супербарьера, и тогда человечество и все им созданное перестанет существовать.

Наступила ночь, но свет прожекторов заменил солнце, и фантастическое, невероятное сражение продолжалось. Никто не стрелял по источникам света. Каждая из сторон сконцентрировала внимание на своей роли в сложной, смертоносной игре, и люди-роботы становились ее жертвами.

Смерть приходила к ним просто. Каждый по очереди забирался в машину в форме торпеды. В камере деперсонализации каждый из них узнал, что эти миниатюрные танки управляются с помощью телепатии, и прошел необходимую

подготовку. Человек-автомат в своей торпеде устремлялся на поле боя. Иногда конец наступал сразу, иногда через некоторое время, но в конце концов торпеда сталкивалась с эсминцем противника. Мгновенно она поворачивала обратно и неслась туда, где в очереди стояли люди-роботы, терпеливо ожидая своей участи, как бараны на бойне. Первый из стоящих в очереди вытаскивал и отбрасывал в сторону труп и сам забирался внутрь, чтобы повторить путь своего товарища по несчастью.

Были и другие варианты. Иногда машины, сталкиваясь с противником, разрушались и сами, но водитель погибал в любом случае. Иногда они выходили из-под контроля и бесцельно носились по полю боя. Тогда специальные машины-уборщики устремлялись к ним с обеих сторон: иногда удача сопутствовала Планетарианцам, иногда — Славным. Гарсен подсчитал, что впереди него в очереди осталось меньше четырехсот человек. Когда он понял, как близок его конец, на лбу его выступил холодный пот. Оставались считанные минуты! Черт возьми, он должен разгадать эту загадку, понять правила этой игры, или ему придется идти на смерть без всякой надежды на спасение.

Семь линкоров, несколько десятков эсминцев у каждого, и все они действуют как одна единица в одном сложном маневре.

И это, благодарение небу, было частью ответа, который он искал. Одно целое! Не семь линкоров, а один в семи лицах. Одна нейтрализующая машина, совершающая семиступенчатый маневр. Неудивительно, что ему не удалось проследить за взаимными перемещениями этих монстров относительно друг друга и найти систему в их отступлениях и атаках. Математика в двадцатом веке была в состоянии решать уравнения четвертой степени. А здесь было уравнение седьмой степени, и генеральный штаб Славных никогда не мог бы успеть с решением вовремя. Это отставание на одну позицию и стоило им сорока футов в день.

И вот настала его очередь! Он забрался внутрь торпеды, и она оказалась даже меньше внутри, чем он думал. Она практически облегала его, как перчатка. Без всякого усилия она заскользила вперед, в слепящие лучи прожекторов, в гущу машин. «Один контакт, — думал он, — одно прикосновение вражеской машины означает смерть». И его план прорыва к Планетарианцам был таким же смутным, как и его представления

о том, как функционирует семиступенчатый маневр.

Ему самому было удивительно то, что он позволяет себе надеяться на что-то.

Глава 9

Норма начала чувствовать, что с ней что-то происходит, как будто внутри ее тела загорается пламя, наполняющее ее мощной жизненной энергией.

Она все также сидела в неудобной, напряженной позе, подогнув под себя ногу и ощущая под собой металлическую поверхность. Удивительно и страшно было то, что она совершенно ничего не видела. Вокруг была непроглядная, густая чернота. Но по каждому ее нерву распространялось поразительно радостное состояние физического комфорта, странной, нечеловеческой силы. И в этот момент резким диссонансом в гамме ее ощущений прозвучала тревожная мысль: «Где она находится? Что произошло? Что…»

Мысль эта прервалась, так как, к ее удивлению, в ее сознание ворвалась другая мысль, не ее собственная, и не адресованная ей, и даже не мысль человека!

«Передовой дозор 2731 докладывает Наблюдателю. Предупредительный сигнал загорелся на… (здесь она не разобрала) машине времени. Жду указаний!»

Ответ прозвучал немедленно и холодно:

«На главной машине времени чужой. Предупреждение доктору Леллу, происшествие в его секторе. Передовой дозор 2731, немедленно уничтожить чужого! Действуйте!»

Она была потрясена. Невероятный факт, что ей удалось без труда перехватить чей-то обмен мысленными сообщениями, настолько поразил ее, что содержание этих переговоров не сразу дошло до ее сознания. Ей угрожала смерть!

Теперь ей стало ясно, где она находится. Повернув стержень в ключе, она оказалась в будущем, в том столетии, где жили Славные, в непосредственной близости от главной машины времени, где какие-то невероятные создания, которые называются дозорными и наблюдателями, несли непрерывную вахту, охраняя машину.

Если бы только к ней вернулось зрение! Она должна видеть, или все пропало! Она сконцентрировала всю свою волю, стараясь разогнать черноту, окружавшую ее.

И чернота пропала!

Это оказалось так просто! В одно мгновение — слепота. В следующее — необходимость и решимость видеть. И затем — зрение вернулось, сразу, без всяких предварительных стадий, про-

сто как если бы она открыла глаза после сна.

Она поразилась, что ее желание осуществилось так мгновенно и без всяких усилий, достаточно было просто этого захотеть. Но прежде, чем ее мозг начал вбирать в себя разнообразные впечатления, регистрируемые ее возвратившимся зрением, Норма вспомнила лицо какого-то необычного существа, обращавшегося к ней из темноты времени: «С этого великого момента вы получаете в свое распоряжение огромные силы и приступаете к осуществлению своего предназначения».

И вдруг все эти мысли и образы исчезли, и Норма увидела, что она находится в огромной комнате со сводчатым потолком и сидит наверху гигантской машины. Стены в комнате были прозрачными, и через них она заметила розоватый огонь, который куполом охватывал небо вблизи и за которым больше ничего не было видно.

Устав разглядывать огонь, она снова обратила свой взгляд на комнату. На той прозрачной стене, которая находилась перед ней, было расположено огромное количество маленьких балкончиков, на каждом из которых были установлены какие-то блестящие, угрожающие на вид механизмы — оружие! Так много оружия, зачем?

Внезапно она ощутила, что эта мысль как бы разбилась, разлетелась в ее голове на мелкие кусочки. В ужасе она смотрела на длинный, толстый металлический предмет в форме трубки, который поднимался вверх из-за края машины времени. Поверхность его состояла из множества блестящих граней, напоминая глаза какого-нибудь гигантского насекомого, и ей казалось, что эти фасеточные глаза прожигают ее насквозь.

«Дозорный 2731 — уничтожить чужого!»

— Нет!

Это отчаянное «нет» вырвалось у нее помимо воли. Ее охватила паника. Вся ее храбрость, которая помогала ей в эксперименте с ключом, теперь исчезла перед лицом ужасной угрозы. Она лихорадочно искала выход, избавление от смертельной опасности. Самым страшным ей казалось то, что они могут атаковать ее прежде, чем она успеет хотя бы шевельнуться, хотя бы сделать попытку убежать, скрыться. Не помня себя, она закричала:

— Нет! Нет! Не смейте трогать меня! Убирайтесь откуда пришли! Прочь от меня!

Она замолчала. У нее осталось достаточно гордости и мужества, чтобы устыдиться из-за этой бессмысленной вспышки отчаяния. Она устало

закрыла глаза, не в силах дольше выдерживать это напряжение, и тут же вновь открыла их. Ужасная металлическая трубка исчезла!

Норма ничего еще не успела как следует осознать, когда послышался звук удара. Он донесся откуда-то из-за края машины. Машинально она вскочила на ноги и побежала по направлению звука. Край машины был похож на пропасть в сто футов глубиной, и Норма в страхе отпрянула. Но тут же она вновь осторожно приблизилась к краю, чтобы хорошенько разглядеть то, что мельком успело ухватить ее зрение.

Да, глаза не обманули ее: далеко внизу, на полу, лежало то самое устройство в форме трубки, которое должно было уничтожить ее! В голове ее зазвучало:

«Дозорный 2731 докладывает — есть трудности. Человеческое существо женского пола использует мысленное излучение Инзеля — силой в сто единиц — дозорный 2731 не в состоянии действовать дальше- поражены семьдесят четыре процента».

«И это сделала я», — подумала она в изумлении. Ее желание мгновенно вернуло ей зрение. Ее отчаянная мысль о спасении сбила и повергла наземь сложнейшее техническое устройство,

способное уничтожить ее. Мысленное излучение Инзеля — силой в сто единиц! Но это означало…

Вдруг одна из многочисленных дверей в стене напротив открылась, и из нее торопливо вышел высокий человек. Она быстро легла на корпус машины, пытаясь остаться незамеченной, но ей казалось, что эти знакомые, холодно-презрительные глаза смотрят прямо на нее. Она восприняла мысль доктора Лелла, чувствуя, как надежда оставляет ее:

«Это повторение временно-пространственной манипуляции Х. К счастью, в центре данной трансформации некая мисс Норма Матерсон, которая не в состоянии, в силу недостаточной математической компетенции, использовать те возможности, которыми она располагает, ту силу, которая имеется в ее распоряжении. Ее нужно дезориентировать. Быстро уничтожить ее можно путем концентрации немеханической энергии третьего порядка в соответствии с планом А 4. Действуйте!»

«Действуем немедленно!» — это была ясная, холодная мысль Наблюдателя.

Это означало смерть. Норма лежала на металлической спине машины без движения, силы оставили ее так же, как и надежда на спасение.

Так прошла минута, а ей она показалась вечностью. Этой минуты было достаточно, чтобы она пришла в себя, поборола отупляющую панику. Страх исчез, и она снова начала ощущать то поразительное состояние необыкновенной жизненной силы, которое она испытала в первые мгновения, когда очутилась в будущем. Она поднялась на ноги, и слабость, которую она в этот момент почувствовала, напомнила ей, каким образом она вернула себе зрение. Она напряженно, сосредоточенно подумала: «Никакой физической слабости! Каждый мускул, каждый нерв, каждый орган моего тела должен с этого момента функционировать безупречно и...»

Мысль ее прервалась от внезапно нахлынувшего ощущения теплоты и радостного возбуждения. Оно началось где-то в пальцах ног и быстро стало подниматься по всему телу, наполняя ее энергией. Слабость бесследно пропала.

Минуту она стояла как завороженная, не решаясь дальше использовать ту необыкновенную силу, которая оказалась в ее распоряжении, но ведь ей все еще угрожала страшная опасность. Она подумала: «Никакой умственной слабости, никакой дезориентации: мой мозг должен действовать со всей эффективностью, на которую

он способен!»

То, что произошло дальше, оказалось неожиданным. Ей показалось, что мозг ее внезапно перестал функционировать. На какое-то мгновение она ощутила полную, абсолютную пустоту в мыслях. А затем в ее голове прозвучало одно лишь слово: «Опасность! Спасаться! Найти ключ. Вернуться в тысяча девятьсот сорок четвертый год. Скрыться из мира доктора Лелла и выиграть время, чтобы раскрыть секреты той необычайной силы, которой она располагала».

Она вздрогнула, когда струя пламени длиной в ярд ударила по металлическому корпусу машины рядом с тем местом, где она находилась, и отлетела к потолку. Отразившись от потолка, пламя брызнуло в сторону, куда-то за пределы машины. И почти мгновенно оно снова било в потолок с неослабевающей силой, и опять об пол, и снова вверх, а потом вниз. Вверх-вниз, вверх-вниз, и наконец, упав, как пустой горящий мешок на пол, оно больше не поднялось.

Тут же она увидела еще один поток пламени, который понесся вверх и срикошетил вниз, но на этот раз ее не застали врасплох. Она мысленно воскликнула: «Стойте! Против меня вы бессильны! Прекратите!»

Огонь пролетел в нескольких дюймах от ее руки и устремился вверх, а снизу донесся голос доктора Лелла, ясный и насмешливый:

— Моя дорогая мисс Матерсон! Это энергия третьего порядка, и вы не в состоянии на нее воздействовать. А заметили ли вы, что ваш ум не так ясен, как вам хотелось бы? Дело в том, что хотя вы и обладаете неограниченной силой, вы можете использовать ее только тогда, когда вы понимаете сознательно или инстинктивно, какие процессы задействованы в том или ином случае. Большинство людей довольно ясно представляют себе процессы, происходящие в человеческом теле, поэтому ваш организм отреагировал так заметно и положительно, но ваш мозг — его секреты большей частью недоступны вашему пониманию. А что касается ключа, — он засмеялся, — вы, кажется, забыли, что он соединен с машиной времени. Первое, что сделал Наблюдатель, — это забросил его обратно в двадцатый век. Следовательно, вам нет спасения, и вы умрете.

Несмотря на эти жестокие слова, Норма осталась спокойной. Кровь не бросилась ей в голову от страха, только чуть сильнее забилось сердце. Она понимала, что должна думать и действовать быстро и решительно. Она подумала: «Если бы

только Джек Гарсен был здесь, с его быстрым, научного склада умом, с его логикой…»

В этот момент, к своему удивлению, она почувствовала, что мозг ее начинает выходить из-под ее контроля, медленно и неудержимо, как песок сыплется между пальцами. Тело ее не было затронуто, но сознание скользило куда-то в темную глубину. Ее охватил ужас, когда она увидела, как несколько языков пламени побежали вверх к потолку, чтобы оттолкнувшись от него, обрушиться на ее голову. «Джек! Джек, помоги мне! Ты мне нужен! О, Джек, иди ко мне!»

Ответа не было, и она уже не могла ждать. «Домой, — подумала она напряженно. — Мне надо попасть домой, в двадцатый век».

Тело ее вытянулось как струна. Наступила темнота, и она ощутила, что падает куда-то в бесконечность. Но внезапно падение кончилось, и Норма почувствовала под собой пол и ковер на полу. Тусклое пятно света, которое она видела перед собой, оказалось окном.

Это была ее квартира! Она поднялась на ноги и в ужасе застыла на месте, ощутив знакомую слабую вибрацию внутри, как ток, пробегающий по нервам. Машина! Внизу работала машина! Ее желание оказаться в безопасности перенесло ее

обратно в ее время, но призыв к Джеку остался без ответа. И вот она здесь одна, и помочь ей справиться с могущественным врагом может только ее таинственная непонятная сила.

Это была ее единственная надежда! А враг не был всемогущим! Даже доктору Леллу необходимо время, чтобы собрать свои силы для удара. Если бы только она могла выбраться из этого здания и перенестись в безопасное место! Куда? Ничего другого не пришло ей в голову, кроме той комнаты в гостинице, откуда она с помощью ключа попала в будущее.

Внезапно она почувствовала удар, такой сильный, что она разрыдалась от боли, прежде чем потерять сознание. В ужасе она поняла, что ударилась о стену своей квартиры и что она не в состоянии правильно распорядиться той огромной силой, которая ей была дана. «Теперь у доктора Лелла будет время, чтобы принять все необходимые меры», — была ее последняя мысль.

Потом наступила темнота.

Глава 10

Маленькая торпеда, в которой находился Гарсен, несла его вперед, к красной дымке временного пространственного барьера. Вот он проскочил над пылающей пропастью, и Дельпа осталась позади.

И в этот момент что-то ударило по шлему, это был мощный сокрушительный удар.

Он пришел в себя, не чувствуя никакой боли и никакого дискомфорта. Он лежал как бы в полусне, вспоминая, что с ним произошло, и ему пришло в голову, что, наверное, он в безопасности, иначе он не чувствовал бы себя так спокойно. Но, конечно, необходимо действовать. Он должен передать Планетарианцам, что им нужно поторопиться с завоеванием Дельпы и что именно здесь будет решаться дальнейшая судьба человечества. А потом он как-нибудь постарается убедить их, чтобы они дали ему возможность вернуться к Норме.

Несколько мгновений он лежал с открытыми глазами, задумчиво уставясь в потолок, и услышал чей-то голос рядом:

— А вот этого не будет.

Гарсен повернул голову и увидел ряды больничных коек, которые тянулись, насколько видел глаз. С ближайшей койки на него смотрел какой-то незнакомый человек. Он сказал:

— Я имею в виду, не ждите, что вас что-то удивит. Этого не будет. Вы запрограммированы на то, чтобы постепенно выздоравливать, ничто вас не выведет из равновесия, не расстроит. Врачи, хотя и прошли обучение у Планетарианцев, — все из прошлого, и еще вчера они думали, что вы…

Он остановился, нахмурился, а потом улыбнулся:

— Я чуть не сказал лишнее. Возможно, конечно, что вы уже достаточно окрепли, чтобы вынести любой удар. Но вы и так скоро узнаете, в каком положении находитесь. Я только хочу вас заранее предупредить: будьте готовы услышать плохие новости.

Гарсен не ощутил никакой тревоги, и даже любопытство его было каким-то вялым. После того, что он слышал о Планетарианцах от доктора Лелла и что он додумал сам, он был уверен, что никакая опасность здесь не может быть больше той, с которой ему уже довелось столкнуться. Единственное чувство, которое беспокоило его, было стремление спасти Норму. Вслух он сказал:

— Если я буду спать, когда придет врач или кто-нибудь из Планетарианцев, разбудите меня, пожалуйста. Мне нужно им кое-что сказать.

Человек невесело улыбнулся. Он был довольно молод, на вид ему было лет тридцать, и в нем чувствовался сильный характер. Его реакция неприятно удивила Гарсена, и он спросил довольно резким тоном:

— В чем дело?

Незнакомец покачал головой:

— Я здесь, в этом времени, уже двадцать семь дней, и ни разу не видел ни одного Планетарианца. А что касается вашего желания рассказать им что-то, я уже предупреждал вас, чтобы вы ожидали худшего. Я знаю, что у вас есть для них сообщение. От Дра Деррела я даже знаю, какое именно, но как он узнал, меня не спрашивайте. Единственное, что я могу вам сказать, — забудьте о том, что у вас есть какое-то сообщение. Кстати, меня зовут Мэрфи, Эдвард Мэрфи.

Гарсена не интересовало, ни как зовут его соседа по койке, ни как они узнали, какое сообщение он должен передать Планетарианцам. Однако против своей воли он начал беспокоиться. Каждое слово этого молодого человека с приятным лицом и приятным голосом заставляло задумать-

ся. Он пристально посмотрел на Мэрфи, но увидел только открытое лицо, дружелюбную улыбку — ничто не говорило об опасности. Да и от кого могла исходить опасность? От Планетарианцев?

Это было бы нелепо. Несмотря на их недостатки, Планетарианцы были здесь единственными, кого следовало поддерживать, так как другая сторона являлась просто воплощением зла. Выбора не было.

Ему было ясно, что нужно делать. Как только ему разрешат вставать, а чувствовал он себя сейчас прекрасно, ему нужно будет найти кого-нибудь из Планетарианцев. В этом деле стали появляться какие-то неприятные и непонятные моменты, но пока ничего страшного не произошло. Мэрфи сказал:

— Я пока только предупредил вас. Но есть и еще кое-что, что вам надо знать. Как вы думаете, где-нибудь через час вы сможете подняться? Я имею в виду, вы себя нормально чувствуете?

Гарсен кивнул в недоумении.

— Думаю, да. А что?

— В это время мы будем пролетать около Луны, а это стоит видеть.

— Что?

Мэрфи смущенно посмотрел на него.

— Я забыл. Я так старался не сказать вам о главной опасности, что до меня не дошло, что вы ведь были сначала без сознания. — Он пожал плечами. — Ну, в общем, мы летим на Венеру, и даже если бы это было все, и в этом случае расклад был бы против вас. На борту нашего корабля Планетарианцев нет, только люди из прошедших веков и надсмотрщики Наблюдателя. А ни с одним из них у вас нет возможности поговорить, потому что... — Он остановился и сокрушенно продолжал: — Ну вот. Я опять чуть не проговорился, и вы узнали бы правду раньше, чем следовало бы.

Гарсен почти не слушал его, пытаясь осмыслить тот невероятный факт, что он был в космосе. В безвоздушном пространстве, в пустоте! Он чувствовал, что проиграл. Это конец. Все осталось там, далеко, за миллионы миль отсюда.

Он неловко приподнялся и сел в постели, пытаясь сосредоточиться. Наконец голосом, в котором звучало отчаяние, он спросил:

— Когда мы доберемся до Венеры?

— Дней за десять, я думаю.

Гарсен слегка приободрился. Значит, все не так безнадежно, как ему только что представлялось. Десять дней, чтобы долететь, десять дней, чтобы найти возможность контакта с кем-нибудь из

Планетарианцев, десять дней на обратный путь. Месяц! Он нахмурился. Нет, это не годится. За такой срок можно было не один раз проиграть войну. Но как он может передать свое сообщение, находясь в корабле, летящем на Венеру? Во всяком случае, с чего-то надо было начинать.

Он сказал обеспокоенно:

— Если бы я оказался в аналогичной ситуации в своем времени, я попытался бы увидеться с капитаном. Но вы заставили меня сомневаться, что обычные правила могут применяться на борту Планетарианского космического корабля. Скажите откровенно, каковы мои шансы?

Молодой человек взглянул на него мрачно.

— Шансов у вас абсолютно никаких. Я не шучу, Гарсен. Как я уже говорил, Деррел знает о вашем послании, не спрашивайте меня, откуда и как он узнал. В своем времени он был политическим лидером, и он прекрасно разбирается в технике, но, как он сам говорит, он знает только обычную, нормальную, повседневную жизнь. Вам придется привыкнуть к тому, что здесь вы будете среди людей из разных веков, и некоторые из них, мягко выражаясь, с большими странностями, а Деррел, пожалуй, самый странный изо всех. Но забудьте об этом! Помните только, что вы в космическом

корабле в таком далеком будущем, что в книгах по истории о вашем времени даже не упоминается. Подумайте об этом хорошенько.

Гарсен решил последовать этому совету. Некоторое время он неподвижно лежал, пытаясь осознать все происходящее, проанализировать свои впечатления. Но он не видел и не ощущал ничего необычного, не говоря уже о сверхъестественном.

Движение корабля внутри совершенно не ощущалось. Все было спокойно и буднично. Комната, где они находились, напоминала больничную палату, только очень большую. Напряжение, сковавшее его, слегка уменьшилось, тело его расслабилось, и мысли потекли свободно и легко. Опасность, о которой говорил ему Мэрфи, казалась далекой и ненастоящей, как плод его воображения.

Они летели на Венеру! Он мысленно несколько раз произнес это удивительное слово, и его ум ученого загорелся предчувствием открытия. Венера! Сотни лет люди завороженно смотрели в небо, думая о таинственных других мирах, пытаясь представить себе что-то непостижимое и недосягаемое, к чему можно было стремиться только в мечтах. А для него это должно было стать

реальностью! Все остальное отступало перед тем открытием, на пороге которого он сейчас стоял. Он увидит Венеру! Конечно, Норму нужно было спасать и передать Планетарианцам важное сообщение тоже было необходимо. Но если судьбе было угодно, чтобы до конца войны он оставался в этом мире, тогда он не мог бы желать большего, чем эта необыкновенная возможность жить в раю для ученого, для исследователя, полном неизведанного.

— А знаете, что? — произнес вдруг Мэрфи. — Может быть, это не такая уж и плохая идея попытаться увидеться с капитаном. Мне придется переговорить с Деррелом, прежде чем можно будет предпринять дальнейшие действия, но…

Гарсен вздохнул. Он внезапно почувствовал, что очень устал от всех этих поворотов.

— Послушайте, — проговорил он, — только одну минуту назад вы сказали, что видеть капитана совершенно невозможно; теперь это, оказывается, неплохая мысль и, значит, невозможное стало возможным?

Вдруг раздался какой-то странный свистящий звук, и лежавшие в кроватях люди стали подниматься на ноги, а те, кто стоял группами, беседуя, стали расходиться. Через минуту все, кто нахо-

дился в этой огромной комнате, за исключением человек тридцати, кто, вероятно, не мог передвигаться, вышли через дверь в дальнем ее конце. Мэрфи быстро заговорил, как только дверь за ними закрылась:

— Быстрее! Помогите мне сесть в кресло на колесах. Черт бы побрал мою парализованную ногу, но мне необходимо поговорить с Деррелом. Нападение не должно совершиться, пока вы не попытались увидеться с капитаном. Быстрее же!

— Нападение?.. — начал говорить Гарсен и остановился. Стараясь контролировать себя и говорить спокойно, он откинулся назад на постели и сказал нарочито размеренным голосом: — Я помогу вам, когда вы скажете мне, в чем дело. Начинайте! Не теряйте времени, говорите!

Мэрфи вздохнул.

— Все на самом деле очень просто. Они собрали вместе группу скептиков, то есть нас, людей, которые понимают, что находятся в будущем, и не боятся этого, а значит, потенциально опасных личностей, как хорошо понимают Планетарианцы. Но они совершенно не поняли, что представляет собой Деррел. Бунт только частично удался. Мы захватили пульт управления, машинное отделение, но только один арсенал. Самое

худшее — это то, что одному из надсмотрщиков Наблюдателя удалось избежать ловушки, и это означает, что Наблюдателю обо всем известно и что за нами уже послали боевые корабли. Если нам в ближайшее время не удастся полностью захватить корабль, мы обречены на смерть.

Он продолжал, невесело усмехнувшись:

— Это включает всех, кто здесь находится, и вас, и больных, и тех, кто ни в чем не виновен. Планетарианцы доверяют управлять своим миром машине-монстру, так называемому Наблюдателю, и, как всякая машина, он обладает убийственно примитивной логикой. — Он пожал плечами. — Вот что я имел в виду, когда предупреждал вас, что надо готовиться к худшему. Всех нас ждет победа или смерть. А теперь, быстро, помогите мне найти Деррела и остановить штурм!

Гарсен чувствовал, что ум его отказывается вместить всю эту реальность: недовольные — бунт — надсмотрщики. Только когда Мэрфи вырулил в коридор на своем инвалидном кресле, Гарсен понял, как смертельно он устал. Он снова лег на кровать и лежал совершенно опустошенный, ничего не чувствуя и ни о чем не думая, когда в пустоте, которая была его мозгом, прозвучало: «Не рискуйте напрасно — оставайтесь в живых!»

Какая ирония судьбы!

Глава 11

На черном фоне бездонного космического пространства величаво плыла Луна, огромный светящийся шар, который все увеличивался в размерах. Потом, примерно в течение часа, она больше не росла и наконец начала постепенно удаляться и уменьшаться. По мере того, как расстояние от Луны росло, Гарсен все больше и больше осознавал, что он всего лишь крошечная пешка в грандиозной схватке огромных таинственных сил.

Он наблюдал, как Луна превратилась в маленькую светящуюся горошинку, которая едва выглядывала из-за огненного шара Земли. Потом он перевел взгляд на сидящего рядом в своем кресле Мэрфи и сказал:

— Ну, а теперь, когда штурм отменен, мне хотелось бы встретиться с этим загадочным Дерелом. А вам следовало бы отправиться спать.

Мэрфи попросил:

— Помогите мне добраться до постели, пожалуйста.

Лежа в кровати, он невесело улыбнулся.

— Похоже, что из нас двоих больной — это я.

Парализующее устройство, кажется, не нанесло вам особого вреда, а моя нога здорово пострадала. Мне надо немного отдохнуть, а когда я проснусь, я вас познакомлю с Деррелом.

Вскоре послышалось его ровное дыхание, он заснул, а Гарсен почувствовал какую-то растерянность и досаду на то, что позволил себе искать утешения в обществе другого человека, вместо того, чтобы черпать силы в самом себе. Это было на него не похоже, и, бесцельно слоняясь по комнате, он злился на себя и на обстоятельства, которым он позволил взять над собой верх. Постепенно он успокоился и стал думать о предстоящей встрече с Деррелом и о тех людях, которых он здесь увидел. Это была необычная компания. Ходили они вразвалочку, а когда стояли, заткнув большие пальцы за пояс или в проймы жилетов, в их позах была уверенность в своей силе и вызов окружающим. Это были бывалые, закаленные вояки и искатели приключений, решительные и не слишком обремененные интеллектуально, не особенно задумывавшиеся, за кого или против кого они выступают, и готовые далеко пойти, влекомые своей судьбой и умелым лидером.

Зачем же Планетарианцы собрали здесь такую группу людей? Было ли это результатом незнания

человеческой психологии? Это представлялось невероятным, так как они как раз преуспевали в этой области. Значит, объяснение заключалось в другом. Значит, неведомо для них в дело вмешался интеллект такого же уровня или почти такого же, как и у них самих, который повел здесь свою игру.

Деррел!

Веками жизнь на Земле бурлила, била ключом, рождая тех людей, которые собрались сейчас здесь, на корабле, которые любили жизнь, но доказали своей отчаянной попыткой бунта, что не боятся смерти.

И движущей силой был только один человек — Деррел!

Несколько раз Гарсену казалось, что он догадался, кто из них Деррел, но даже еще не успев подойти ближе, он понимал, что ошибся. И только через некоторое время он стал узнавать среди огромного множества людей на корабле одного высокого и худого человека со впалыми щеками. Он был одет в серый костюм, и его можно было бы принять за фермера, если бы он всегда не выглядел чрезвычайно, подчеркнуто опрятно.

Даже когда он молча стоял, слушая других и не говоря ни слова, он находился в центре внимания

остальных. Это был прирожденный лидер, за которым другие признавали первенство, даже не осознавая этого, инстинктивно и безошибочно. Через некоторое время Гарсен заметил, что человек этот тоже незаметно наблюдает за ним. Этого ему было вполне достаточно, чтобы сделать вывод, который напрашивался сам собой, и он перестал скрывать свой интерес и стал открыто разглядывать Деррела. И под его пристальным взглядом обманчивая внешность фермера растворилась бесследно, как туман в ярких лучах солнца.

Худые, впалые щеки подчеркивали поразительную силу характера, сквозившую в каждой черте этого бледного лица. Нижняя челюсть, мощная, как наковальня, не слишком выдавалась вперед, но каждому становилось ясно, что с этим человеком шутки плохи.

Наблюдения Гарсена прервались, когда кто-то обратился к этому человеку, назвав его мистером Деррелом, и это оказалось для того сигналом к действию. Он решительно шагнул вперед и спокойным голосом произнес:

— Профессор Гарсен, вы не возражаете, если мы с вами побеседуем, — он махнул рукой в каком-то неопределенном направлении, — вон там?

Гарсен заколебался и сам себе удивился. Уже долгое время он собирался найти этого человека, чтобы поговорить с ним, но теперь он вдруг понял, что не хочет позволить Деррелу взять верх над собой, как он это сделал с другими. Согласиться сейчас на простую просьбу Деррела означало бы, что он позволяет тому руководить собой.

Глаза их встретились, и Деррел улыбнулся. Лицо его преобразилось, как будто бы осветилось изнутри, и этот свет, казалось, расплавил решимость Гарсена сопротивляться его влиянию.

Он сам удивился, услышав собственный голос:

— Да, конечно, я согласен. Что вы хотели сказать?

— Вы должны передать предостережение Планетарианцам, и исходит оно от нас. Я Дра Деррел из рода Визардов Бор. Мы боремся за спасение Вселенной. Ей угрожает война, оружием в которой станет сама энергия времени.

— Подождите! — Голос Гарсена даже ему самому показался неожиданно резким. — Вы что, хотите сказать, что это послание направили ваши люди?

— Вот именно! И я пытаюсь объяснить вам, что наше положение сейчас стало таким опасным, что ваше собственное предложение увидеться

с капитаном Лурадином стало самой насущной необходимостью и наилучшим выходом из положения.

Слова Деррела не сразу дошли до сознания Гарсена. Сначала он подумал о той опасности, которая лично ему угрожает, если он покинет это безопасное место и окажется среди людей из еще более далекого и безжалостного прошлого, чем его время, и среди надсмотрщиков всемогущего Наблюдателя. Он понимал, что второй раз избежать смерти вопреки теории вероятности ему не удастся.

И только потом в его сознании отразились слова Деррела. Неужели это действительно было так? Почему-то это объяснение представлялось ему маловероятным — предупреждение, которое он получил, находясь в камере деперсонализации, которое было послано через время и пространство, через все укрепления и защитные сооружения Славных — Деррелом?

Гарсен нахмурился: это объяснение его явно не удовлетворяло. Он внимательно посмотрел на Деррела, который стоял и, казалось, терпеливо ждал, какая будет реакция, и сказал:

— Откровенно говоря, я ожидал другого. Теперь я вижу, что мои представления, вероятно, были

далеки от реальности, но я думал, что имею дело с людьми из далекого будущего, обладающими сверхъестественными способностями и возможностями.

Он остановился, потому что Деррел криво усмехнулся и проговорил сухо:

— А реальность не оправдала ваших ожиданий. Перед вами стоит обыкновенный человек, и ваши мечты о богоподобных существах, вмешивающихся в дела людей, становятся тем, что они на самом деле собой представляют, — нелепыми фантазиями!

— А что же вместо этого? — холодно спросил Гарсен.

Деррел так же холодно подхватил:

— А вместо этого — человек, которому не удалось захватить космический корабль и которому теперь грозит бесславная смерть.

Гарсен хотел было что-то сказать, но промолчал. Слова Деррела произвели впечатление. Как будто пока Деррел был с ним абсолютно честен. Но признание никак не может служить удовлетворительным объяснением.

Деррел заговорил опять, и в голосе его в первый раз за все время их разговора Гарсен уловил сильные эмоции:

— Я не думаю, что это такой уж позорный провал. Я один повел на борьбу группу чужих мне и друг другу людей, у которых совершенно не было никакого стимула драться, а многие из них, к тому же, калеки или раненые, и тем не менее мне удалось добиться определенного успеха в схватке с высококвалифицированным экипажем полностью автоматизированного космического корабля, которому оказали поддержку по меньшей мере четыре надсмотрщика Наблюдателя.

За этими сухими словами чувствовались и радость победы, и горечь поражения, и возбуждение схватки, и Гарсен ярко представил себе, как это выглядело в действительности, как живые существа из плоти и крови бросались вперед под удары энергетического оружия, нанося и получая смертельные раны, как они брали верх над хорошо обученным экипажем бронированного корабля и щупальцами вездесущего Наблюдателя.

И все равно эта картина его не удовлетворяла. Что-то здесь было не так.

— Если рассуждать логически, — сказал наконец Гарсен, — потерпите уж мою настойчивость еще одну минуту. Зачем вы подняли бунт в таких трудных условиях?

Глаза Деррела блеснули презрением. Когда он заговорил, голос его дрожал от волнения:

— Да, реальность такова, что мы в отчаянном положении, потому что пошли на риск. А на риск мы пошли потому, — он остановился, как будто собираясь с силами, — что я из рода Визардов Бор и мы были хозяевами Земли в мое время, потому что мы были храбрыми и смелыми людьми. И как всякий Визард, я выбрал трудный, опасный путь, и я говорю вам, что победа и все, что она с собой несет, еще нами не потеряна.

Его звенящий страстью голос как-то вдруг потух, как будто он выдохся. В глазах его появилось напряженное выражение. Он слегка наклонил голову к плечу, словно прислушиваясь к каким-то далеким звукам. Гарсен проговорил холодно:

— К сожалению, при всем моем уважении к эмоциям, я смотрю на вещи как ученый и никогда не считал оправдание заменой объяснению.

Внезапно Деррел быстро подошел к стене и стал шарить по ней руками. Когда Гарсен подошел ближе, часть стены опустилась к полу, и в образовавшемся углублении он увидел скопление блестящих проводов, среди которых виднелся какой-то предмет в виде трубки со светящимся серебром кончиком. Деррел решительно схва-

тился за этот кажущийся горячим конец и резко дернул его. Гарсен увидел, как слабо вспыхнул огонь, и свечение погасло.

Деррел мрачно посмотрел на Гарсена и проговорил:

— Эти так называемые провода на самом деле вовсе не провода, а энергетическая цепь, электронное устройство, которое в течение часа способно создать оружие абсолютно из ничего, на пустом месте. Щупальца-надсмотрщики могут заряжать такие устройства, а само такое устройство не поддается уничтожению. Но создаваемую вещь на определенном этапе процесса уничтожить можно.

Гарсен настороженно смотрел на Деррела, который продолжал:

— Вы убедились, что если бы не моя особая способность улавливать почти неразличимые признаки энергетических процессов, могла бы произойти трагедия.

— Без вас, — перебил Гарсен, — не было бы бунта. Мне очень жаль, но у меня такой склад ума, что я все же ищу удовлетворительное объяснение явлениям и событиям, пока не найду.

Деррел посмотрел на него и серьезно сказал:

— Я понимаю ваши сомнения, но вы сами ви-

дите, что мне приходится обходить контролируемую нами довольно большую территорию, чтобы вовремя обнаружить новые энергетические образования. Коротко говоря, мы Визарды Бор — люди из прошлого, достигшие такого уровня развития науки, который позволил нам проникнуть в теорию перемещения во времени, разработанную Славными, но мы еще не в состоянии создать сами машину времени. Во многих отношениях мы превосходили как Планетарианцев, так и Славных. Исследования наших математиков доказали, что энергия времени не в состоянии вынести перегрузки выше определенного уровня. Соответственно, мы предпринимали и предпринимаем все возможное, чтобы спасти Вселенную, для чего нам необходимо найти место, откуда можно руководить этой деятельностью. Лучше всего для этих целей подходит космический корабль. А что касается остального, пока вам придется принимать все на веру. И несмотря на все ваши сомнения, вы должны пойти к капитану. Мы должны захватить этот корабль, пока мы еще в силах это сделать. Я оставлю вас, а вы подумайте над моими словами.

Он резко повернулся и ушел. Гарсен подумал, что решение свое ему придется принимать,

несмотря на почти полное отсутствие фактов. Какая шаткая основа для решения! А на карту он должен поставить свою единственную жизнь!

Он прислушался, но на корабле было тихо, как будто он висел где-то в неподвижности, хотя на самом деле он беззвучно продолжал свой путь, не зная сомнений и надежды, страха и мужества.

Сомнение! Оно переполняло мозг Гарсена, изматывало своими бесконечными уколами, и в конце концов он решил, что, прежде чем что-либо предпринять, он должен узнать больше о так называемых Визардах Бор. Глупо будет выступать против Планетарианцев, которые должны победить в этой войне, только потому, что кто-то хочет этого. Но что же делать? Где он может узнать то, что его интересует?

Минуты пролетали одна за другой. Черные, невероятные просторы космоса не давали никакого ответа. Еще хуже было лежать на кровати и разглядывать серый потолок. А потом в комнате рядом он обнаружил библиотеку и в течение часа забыл обо всем.

Только постепенно пришло понимание, что все книги в библиотеке были специально отобраны. В любое другое время его внимание было бы абсолютно поглощено, но не сейчас. Он просматривал

том за томом, чтобы проверить свое открытие. В конце концов, усталый и разочарованный, он снова лег в кровать и увидел, что Мэрфи не спит. Он сначала обрадовался, потом заколебался. Надо осторожно завести разговор о Дерреле. Он произнес тихо:

— Вы, наверное, просмотрели все книги в библиотеке.

Мэрфи покачал головой, слегка усмехнувшись.

— Здесь — нет. Но я бы рискнул высказать предположение, что в этой библиотеке есть научная литература на элементарном уровне, книги о путешествиях к другим планетам, но никаких исторических произведений. И, конечно же, нигде не упоминается, какой сейчас год. Нам, скептикам, даже это знать не полагается.

Гарсен перебил его:

— Эти Планетарианцы вовсе не ангелы, как я посмотрю. По-своему, более тонко, чем Славные со своими камерами деперсонализации, но они также стремятся повлиять на нас, сделать нас такими, какими они хотят нас видеть.

— Да они ничего, — сказал Мэрфи, — с ними можно ладить. Если бы не этот бунт, они относились бы к нам нормально, если бы мы не создавали им проблем и помалкивали.

Гарсен спросил в недоумении:

— Что вы имеете в виду?

Мэрфи невесело рассмеялся:

— Мы, сомневающиеся, знаем хотя бы, кто мы. Огромное большинство добровольцев вообще ничего не знает, кроме того, что они где-то в незнакомом месте. С психологической точки зрения необходимо, чтобы они думали, что находятся где-то в своем времени. Их собственные суеверия предлагают объяснения, которые представляются им разумными. Например, древние греки считают, что они принимают участие в битве богов на стороне Зевса. Моралисты — Лердиты из тридцатого века считают, что это война Великой Машины против диссидентов. А Нелорийцы периода с семи тысяч шестисот сорок третьего до семи тысяч шестисот девяносто девятого года… Что с вами?

Гарсен почувствовал, что он побледнел и что руки его дрожат, но он ничего не мог с собой поделать. Всю эту информацию он воспринял как физический шок. В конце концов ему удалось выговорить:

— Не обращайте внимания. Наверное, глупо думать о времени в рамках прошлого и будущего. Оно ведь все здесь, все шестьсот миллиардов

вселенных, создаваемых каждую минуту.

Он перевел дух и решился, он и так долго тянул. Каждую минуту может вернуться Деррел. Он сказал:

— А кто такие Визарды Бор? Я услышал эти слова, и меня это заинтриговало.

— Это интересный народ, — сказал Мэрфи, и Гарсен с облегчением вздохнул. Мэрфи не заметил его особого интереса и продолжал: — Они обнаружили какую-то связь между половой жизнью человека и развитием его интеллекта, что дало им возможность добиться высочайшего уровня умственного развития, включая телепатию. Они правили на Земле в течение трехсот лет до того, как установился период Вечного мира. В их время процветали политика, насилие, они были очень сильны в технике, у них был космический корабль, который, судя по описаниям, был с тех пор непревзойденным. Большинство их секретов утеряно, а те, что сохранились, стали достоянием особой клики священнослужителей, которые в конце концов были уничтожены, но это долгая история.

Он остановился, задумавшись, а Гарсен никак не мог решить, как к этому отнестись. Выходило, что слова Деррела получили подтверждение по-

чти буквально. Он снова услышал голос Мэрфи:

— Интересная история, как у них появился космический корабль. Во время последнего этапа борьбы за власть лидер, потерпевший поражение и доведенный до отчаяния тревогой за свою красавицу-жену, которую победитель сделал своей любовницей, исчез, вернулся на этом корабле, отвоевал свою жену и вернул себе власть. После этого династия Деррелов правила еще сто лет.

— Деррел! — произнес Гарсен, пораженный этим рассказом. — Династия Деррелов!

Мэрфи позвал остальных присоединиться к ним и снова рассказал им эту историю, дополнив ее красочными подробностями, и реакция слушателей была единодушной — радость близкой победы! И какое имело значение, куда, в какое время они потом вернутся?

Гарсен почувствовал, что Мэрфи пристально смотрит на него.

— В чем дело? — спросил Мэрфи.

Гарсен пожал плечами и проговорил:

— Во всем этом мало надежды для меня лично. История гласит, что мы захватили этот корабль. Но мне предстоит встреча с капитаном, а о том, остался ли я жив или погиб, история умалчивает. Честно говоря, то послание, которое я получил

в камере деперсонализации у Славных, представляется мне более важным, чем когда-либо, и, соответственно, моя жизнь важнее, чем чья бы то ни было на этом корабле. Я повторяю, единственное, в чем мы можем быть уверены, — это то, что Деррел спасся с этим кораблем. Кто еще остался жив, мы не знаем. Деррел…

— Да? — раздался голос Деррела за его спиной. — Да, профессор Гарсен?

Гарсен медленно обернулся. У него не было никакого определенного плана действий; было какое-то смутное желание подорвать позиции Деррела, и это заставило его подчеркнуть, что шансы на то, что кому-нибудь из них удастся спастись, очень неопределенные. Но неоспоримо было то, что Деррел в конце концов победил.

Гарсен уловил в глазах Деррела торжествующее выражение и сказал:

— Вы же умеете читать мысли. Значит, вы знаете, что происходит. Каковы ваши намерения?

Деррел улыбнулся своей притягательной, обезоруживающей улыбкой. Глаза его радостно блестели, когда он оглядел всех собравшихся и начал говорить сильным, звучным голосом. В этом голосе слышались уверенность в себе и чувство превосходства, это был голос победителя:

— Прежде всего я хочу сказать, что мы все направляемся в то время, которое представляет собой кладезь сокровищ для смелых, храбрых людей. Женщины, дворцы, богатство, власть для каждого, кто пойдет за мной до конца. Вы знаете, в каком мире нам сейчас приходится жить. Здесь для нас существует только перспектива сражаться со Славными, которые окопались еще где-то на Венере или на Земле. А еще кучка моралистов, которые ведут войну не на жизнь, а на смерть из-за такой глупости, как контроль над рождаемостью. Вы готовы идти за мной?

Это был убедительный, страстный призыв, который затронул души этих грубоватых людей, и их реакцию было легко предсказать: раздался дружный шум голосов, полных энтузиазма, и отдельные крики:

— Чего мы ждем? Пошли!

Деррел уже не скрывал своего торжества. Повернувшись к Гарсену, он сказал:

— Простите, что я говорил вам неправду, профессор, но мне никак не могло прийти в голову, что Мэрфи или кому-нибудь еще здесь известна моя история. Разговаривая с вами, я руководствовался и тем, что мне удалось прочитать в ваших мыслях. Поэтому я поддерживал ваши надежды

и желания.

Гарсен мрачно усмехнулся. Та речь, которую Деррел только что произнес, была еще одним примером того, как, играя на надеждах и желаниях других, можно добиваться своих целей.

Он заметил, что Деррел пристально смотрит на него, и сказал:

— Вы знаете, о чем я думаю. Может быть, в ваших силах воодушевить меня так же легко, как остальных. Но помните, что все должно быть основано на логике. Вы должны убедить меня, что, если я пойду к капитану, в ваших интересах будет высадить меня где-нибудь недалеко от позиций Планетарианцев и что…

Вдруг слова застыли у него во рту, и раздался такой звук, как будто воздух выходит из его легких. Он ощутил сильное давление, и затем какая-то сила приподняла его, а внизу, под ногами, он увидел плывущие в воздухе кровати. Потом он стал падать. Инстинктивно он вытянул перед собой руки и рухнул вниз, на койку. Он лежал там, ошарашенный и недоумевающий, но целый, невредимый и в безопасности.

В безопасности от чего? Он с трудом встал на ноги и, покачиваясь, наблюдал, как поднимаются остальные, кто со стонами, кто вскрикивая от

боли. В комнате послышался громкий, взволнованный голос:

— Говорит пульт управления! Деррел, произошло что-то совершенно непонятное. Минуту назад мы были в трех миллионах миль от Венеры. А сейчас мы ясно видим ее перед собой на расстоянии не больше двух миль. Что случилось?

Гарсен увидел, что Деррел лежит на спине на полу, с открытыми глазами, и напряженно хмурится. Гарсен хотел помочь ему подняться, но Деррел отмахнулся от него.

— Подождите! — резко проговорил он. — Дозорный на борту этого корабля только что доложил о происшедшем Наблюдателю на Венере, и тот ему сейчас объясняет, в чем дело. Я стараюсь перехватить это сообщение.

Голос его изменился, стал монотонно механическим:

— ...семнадцатая пространственно-временная манипуляция... происходит где-то в будущем, за несколько лет до нашего времени. Ваш корабль, случайно или по чьей-то воле, оказался в боковом потоке возникшего при этом временного возмущения. Пока неясен источник мощных сил, вызвавших все эти явления. Это пока все, да, с Венеры на помощь вам посланы боевые корабли.

Деррел наконец поднялся и спокойно произнес:

— Что касается нашего с вами разговора, Гарсен, я не смогу вам доказать, что я что-то сделаю для вас. Исторические данные гласят, что я прожил отпущенное мне время до конца. Значит, на моем существовании в прошлом никак не отразилась угрожающая Вселенной опасность. Вам придется действовать на свой страх и риск и надеяться, что попозже у нас появится возможность помочь вам. Никаких других гарантий я дать не могу.

По меньшей мере это было сказано начистоту. Хотя такой авантюрист даже правду может использовать как средство для достижения своей цели, как способ усыпить подозрение. Но несмотря ни на что, неоспоримо одно — рисковать придется ему самому. Гарсен сказал:

— Дайте мне пять минут, чтобы все обдумать. Я вижу, вы уверены, что я пойду, правда?

Деррел кивнул:

— Вы начинаете свыкаться с этой мыслью.

В эту минуту у Гарсена не было никакого предчувствия по поводу тех фантастических, даже с его теперешней точки зрения, событий, которые вскоре должны были произойти. Он подумал холодно и отстранен-но: «Значит, все-таки он

пойдет! Хорошо, через пять минут».

Глава 12

Он остановился перед иллюминатором в стене. Огромная уже Венера быстро увеличивалась в размерах, как воздушный шар, который надувают. Но в отличие от воздушного шара, она росла безостановочно и не лопаясь.

Молчание нарушил один из трех красивых Ганелианцев:

— Эта красота еще раз доказывает, что война — самое бездарное, бессмысленное создание человека. А самое плохое — это то, что где-то в будущем есть люди, которые знают, кто победил в этой войне, и они ничего не делают, черт побери!

Гарсен хотел сказать, что он думает по этому поводу, так как эти мысли перекликались с его собственными, но решил не отвлекаться от того, что должен был через минуту сделать.

И кроме того, Мэрфи охарактеризовал Ганелианцев как слабаков в эмоциональном плане, внимание которых было целиком сконцентрировано на красоте, и обсуждать с ними что-либо другое просто бесполезно. Правда, и он сам несколько раз открыто проявлял свои эмоции.

Мэрфи сказал нетерпеливо:

— Мы все это уже обсуждали и пришли к выводу, что люди будущего или совсем не существуют — что означало бы, что Вселенную погубил энергетический барьер Славных — или, если они существуют, — это просто самые старые экземпляры Славных или Планетарианцев, которые могут жить миллион лет и благополучно дожили до недалекого будущего. Если они существуют, значит Вселенная не погибла, а поэтому, с какой стати им вмешиваться?

И, наконец, мы согласились, что какими бы ни были люди будущего, сообщение, которое попало к профессору Гарсену, не могло быть отправлено ими. Если они в состоянии передавать информацию таким образом, почему они выбрали Гарсена? Почему не послали это сообщение непосредственно Планетарианцам? А почему бы не предупредить о грозящей опасности самих Славных?

Гарсен спросил:

— Деррел, как вы планируете свое нападение?

Ответ прозвучал холодно:

— Этого я не собираюсь вам говорить. Есть одна причина на близком расстоянии щупальца Наблюдателя могут читать мысли людей, кото-

рые об этом даже и не узнают. Я хочу, чтобы вы сосредоточенно думали, что ваша цель вполне безобидна, даже и не вспоминайте о нападении в этой связи. Подождите, не отвечайте ничего. Я попытаюсь мысленно связаться с капитаном Лурадином.

Гарсен хотел что-то сказать, но передумал.

Деррел закрыл глаза, тело его напряглось, и он произнес, обращаясь как к Гарсену, так и к остальным:

— Многие механизмы здесь приводятся в движение энергией мысли. — Голос его внезапно изменился: — Капитан Лурадин!

Воцарилось напряженное молчание, затем раздался резкий, громкий голос капитана:

— Да!

Деррел продолжал:

— Нам нужно передать вам важное сообщение. Профессор Гарсен один из тех, кто был доставлен на борт без сознания.

— Я знаю, кого вы имеете в виду, — перебил его капитан. — Слушаю ваше сообщение.

Мэрфи шепнул на ухо Гарсену:

— Да, он до сих пор весь кипит из-за нашего мятежа и из-за того, как это отразилось на его престиже.

Деррел заговорил снова:

— Профессор Гарсен только что пришел в сознание, и он знает, почему наш корабль перенесся на расстояние в тридцать миллионов миль за тридцать секунд. Он считает необходимым увидеться с вами и немедленно передать вам личное сообщение для Планетарианцев.

Капитан холодно рассмеялся:

— Было бы невероятно глупо с нашей стороны, если бы мы позволили кому-нибудь из вас прийти сюда, пока не прибудут военные корабли.

— Его сообщение, — настаивал Деррел, — неотложно. Он идет к вам.

— Он будет расстрелян на месте.

— Представляю себе, что с вами сделают Планетарианцы, если он будет убит. Это не имеет никакого отношения к нам и нашим с вами, так сказать, разногласиям. Он идет к вам, потому что должен передать вам важную информацию. И это все.

Прежде чем Гарсен успел как-нибудь отреагировать, Мэрфи проговорил медленно и четко:

— Я возражаю. Должен признать, что раньше я с этим планом соглашался, но в данных обстоятельствах я не считаю его осуществление возможным.

Деррел в ярости повернулся к нему. Голос его дрожал от гнева:

— Это удар в спину всем нам. Перед нами человек, который должен решиться с риском для жизни пойти на опасное дело, а вы его расхолаживаете. Вы говорите, что вы из бурного времени, наступившего после тринадцати тысячелетий Вечного мира. Это было после меня, и я ничего об этом времени не знаю, но одно мне совершенно ясно — мирная жизнь размягчила вас. К тому же вы еще и калека, и как человек, который не будет принимать участие в схватке, воздержитесь, пожалуйста, от дальнейших советов настоящим мужчинам!

Гарсен в ужасе замер. Он ожидал, что сейчас произойдет что-то страшное, так убийственно жестоки были слова Деррела, но Мэрфи просто пожал плечами, слегка улыбнулся Гарсену и ровным голосом произнес:

— Я больше в этом разговоре не участвую. Удачи, друг!

Деррел, в голосе которого еще звучала сталь, сказал Гарсену:

— Я хочу обратить ваше внимание на один момент. То, что мы захватили этот корабль, — это исторический факт, и единственный план, кото-

рый у нас есть, связан с вами. Значит, вы пошли на встречу с капитаном.

Гарсен, который всегда верил в силу логики, уже понял это и окончательно решился.

В коридоре никого не было, и нервы Гарсена напряглись до предела. Он остановился и вытер выступивший на лбу пот. И все-таки даже в эту минуту он не предчувствовал тех невероятных событий, которые должны были произойти. Он думал только, что корабль этот — огромных размеров и что конца его пути не видно. Одна из дверей в коридоре привлекла его внимание, он толкнул ее, и она подалась. Это было громадное складское помещение, где он увидел бесконечное количество ящиков; тут были, наверное, тонны груза. Он пошел дальше по коридору. Мысли его путались, но одна из них все время пыталась пробраться к его затуманенному сознанию, и наконец ей это удалось: «Если Норме удалось скрыть от доктора Лелла то, что она написала мне письмо, значит, я тоже могу это сделать, значит, это в принципе возможно».

Он так напряженно думал, что не заметил, как дошел до бокового коридора, откуда внезапно высыпали люди и окружили его, прежде чем он мог даже подумать о том, чтобы оказать сопротив-

ление. Тем более что любое его сопротивление было бы совершенно бесполезно.

— Ведите его сюда, — произнес уже знакомый Гарсену жесткий голос капитана, и, вглядевшись пристальнее, он увидел молодого, невысокого и стройного человека в форме, стоящего рядом с надсмотрщиком Наблюдателя!

Это нечто, похожее на толстую трубку, не могло быть ничем иным. Оно покатилось вперед, как будто бы на колесах, и его фасетчатые глаза уставились на Гарсена. Это невероятное создание внезапно заговорило ясным и бесстрастным голосом:

— Я не улавливаю никаких мыслей, что необычно. Это означает решимость избежать чтения мыслей. Наблюдатель советует уничтожить объект.

Жесткий голос сказал:

— К черту Наблюдателя. Это мы всегда успеем сделать. Ведите его сюда.

Открылась какая-то дверь, и вспыхнул свет. Дверь за ним тут же снова закрылась. Гарсен почти не смотрел, где он находится. Он потрясенно вспоминал, что сказал надсмотрщик: всезнающий Наблюдатель рекомендует уничтожить его, даже не выслушав! Но это же противоречит здра-

вому смыслу! Черт бы побрал этого туманного Наблюдателя!

Когда в комнату вошел капитан, ярость Гарсена уступила место удивлению. Его первое впечатление было, что капитан молод, но сейчас он выглядел гораздо старше. И почему-то в том взвинченном состоянии, в котором сейчас находился Гарсен, это поразило его. Капитан смотрел на него вопросительно, и все лицо его выражало нетерпение, хотя он молчал. Гарсен торопливо начал свой рассказ.

Когда он закончил, капитан повернулся к надсмотрщику:

— Ну? — спросил он.

Тот немедленно заговорил:

— Наблюдатель напоминает, что уничтожение дозорных 1601, 2 и 3 и нейтрализация электронных машин-производителей могли быть осуществлены только с помощью человека, умеющего читать мысли. Значит, без нашего ведома на борту находится телепат. В истории было четыре народа, которым были известны секреты телепатии. Из них только Визарды Бор обладали достаточными техническими возможностями.

Гарсен был заворожен фантастичностью того, что происходило на его глазах. Эта вещь, железка,

говорила и рассуждала как человеческое существо. Наблюдатель, которого он видел у Славных, был просто громоздкой машиной, слишком большой для чувственного восприятия. Она и воспринималась просто как машина, и все. Но в этом уродливом куске трубки, который говорил человеческим голосом, чувствовалась какая-то враждебная человеку сила.

Гарсен в ужасе осознал, что этот холодный логический ум, который вычислил Деррела, может на самом деле доказать, что единственным закономерным исходом для него, Гарсена, является смерть, а все остальное несущественно.

Бесстрастный голос продолжал:

— Визарды Бор — люди храбрые, хитроумные и решительные. В чрезвычайных обстоятельствах они не предпринимают никаких действий, которые не ведут к достижению их целей. Следовательно, появление здесь этого человека — это часть заговора. Поэтому необходимо его уничтожить, а вам — покинуть корабль. Военные корабли предпримут все необходимые действия позже, и дальнейших жертв можно будет избежать.

Гарсен понял, что капитан Лурадин колеблется, когда тот сказал с горечью:

— Черт возьми, я должен буду признать, что потерпел поражение.

— Давайте рассуждать здраво, — настаивал надсмотрщик, — вероятность победы вашими собственными силами очень невелика, а военные корабли наверняка осуществят операцию успешно.

Капитан, видимо, решился.

— Хорошо, — сказал он отрывисто. — Виллант, отведите арестованного в камеру деэнергизации.

Гарсен заговорил, и сам не ожидал, что голос его будет звучать так спокойно:

— А как насчет того, что я вам рассказал?

Наступило молчание. Наконец послышался голос, и Гарсена передернуло, когда он понял, что отвечает ему не капитан, а надсмотрщик.

— Ваш рассказ Наблюдатель считает неправдоподобным. Абсолютно невероятно то, что что-то могло быть не в порядке с камерой деперсонализации. Это подтверждается тем, что когда вам возвращали сознание, соответствующее устройство действовало по общей программе, значит, в вашем случае ничего необычного не было. Более того, если бы даже то, что вы говорите, было правдой, сообщение, которое вы получили для передачи Планетарианцам, — просто глупость,

так как не существует никакой возможности добиться сдачи Дельпы ни на одну минуту раньше. Нейтрализовать временной энергетический барьер в каждый данный момент можно только в одном месте, иначе будет разрушено само нейтрализующее устройство. Следовательно, наступление можно предпринимать только в одном месте, и именно этот военный маневр проводится в позиционной войне в данной точке пространства. И поэтому…

Эти слова с трудом доходили до сознания Гарсена, хотя все его чувства были обострены до предела. Он проговорил, изо всех сил стараясь не поддаться паническому чувству страха:

— Капитан, я чувствую, что вы давно перестали воспринимать выводы этой машины и ее хозяина буквально. Почему? Да потому, что вы отдаете себе отчет в ее ограниченности. Наблюдатель — всего-навсего огромное хранилище информации, которую он может подобрать и проанализировать по каждому данному вопросу, но его кругозор ограничен теми фактами, которыми он располагает. Это только машина, и хотя мое уничтожение, возможно, оправдано с точки зрения формальной логики, и вы и я понимаем, что это несправедливо и в этом нет необходимости,

а что еще более важно, кому будет хуже, если вы оставите меня в живых и примете меры к тому, чтобы кто-нибудь из Планетарианцев выслушал мое сообщение?

Закончил он уже вполне уверенным тоном:

— Капитан, я слышал, что вы сами из третьего тысячелетия нашей эры. Держу пари, что в ваше время еще проводили скачки лошадей. И вы, конечно, согласитесь, что ни одна машина не поймет человека, которому интуиция подсказывает поставить свой последний доллар на темную лошадку. Вы уже повели себя вопреки логике, когда не расстреляли меня на месте, как вы угрожали сделать; когда вы не оставили корабль, как советовал Наблюдатель; когда вы дали мне возможность говорить. Вы должны быть нелогичным до конца. Вверьте себя случаю, как человек на скачках.

Жесткий взгляд капитана не смягчился, но то, что он сказал, прозвучало в ушах Гарсена, как сладчайшая музыка:

— Виллант, отведите арестованного и посадите его в спасательную шлюпку.

И в этот момент все и произошло. Когда в руках его была победа, когда его наполняла огромная радость, потому что ему удалось добиться успеха

в практически безнадежной ситуации, и сверхъестественное напряжение начало уступать место чувству облегчения, когда…

В его мозг ворвался женский голос, отчаянный крик. Это была Норма!

«Джек! Джек! Помоги мне! Мне нужна твоя помощь! Джек, иди…»

Вселенная закружилась. Корабль внезапно исчез, и он почувствовал, что летит, падает в бездонную черноту. Его поглотило бесконечное пространство. Все исчезло.

Сначала пробудилась мысль. Медленно и осторожно он начал осознавать себя, и первое, что он ощутил, была пустота. Вокруг не было ничего.

Его ум ученого ухватился за возможность исследовать, изучить эту пустоту. Но ее нельзя было охватить, осознать, понять, она была неуловима и бесконечна, и на него накатила черная волна ужаса и отчаяния, и когда она была уже готова поглотить его и растворить в себе без остатка, что-то заставило ее отхлынуть.

Он услышал голос, который деловито произнес:

— Да, это проблема. Как, черт возьми, он угодил в структуру верхней арки? Такое впечатление, что он вывалился откуда-то.

Другой голос ответил:

— Не было сообщений о самолетах, пролетающих над Дельпой. Давайте узнаем у Наблюдателя, можно ли его как-нибудь вызволить оттуда.

Он мысленно согласился, что его, конечно, надо вызволить. Но откуда? Из пустоты? Из ничего.

Он пытался собрать разбегающиеся, неясные мысли, стремящиеся охватить реальность, уходящую далеко за пределы его рассудка. Нужно было хотя бы за что-нибудь зацепиться, найти какую-то опору. Какие-то знакомые слова!

Дельпа! Почему? Он ведь не в Дельпе или…

Его охватила безнадежная усталость. Какое имело значение, где он!

Главное, что он опять был пленником, игрушкой в руках каких-то могущественных, не подвластных его пониманию сил, лишенный возможности помочь Норме, не в состоянии помочь даже себе. Норма! Сейчас он не ощущал никаких эмоций, даже то, что ее призыв означал, видимо, что ей угрожала смертельная опасность, как-то не доходил до его сознания. Удивительно было только то, что ее призыв донесся к нему через время и пространство, и в результате он оказался в Дельпе, в какой-то таинственной структуре верхней арки.

Он вздрогнул, снова услышав голос Наблюдателя:

— Можно с уверенностью сказать, что с момента семнадцатой манипуляции, имевшей место четыре недели назад, ни один самолет или аналогичный аппарат не пролетал над Дельпой. Следовательно, человек, которого вы обнаружили в верхней арке, представляет собой загадку, и личность его должна быть установлена безотлагательно.

Он ждал и вспоминал, что слышал уже о семнадцатой манипуляции, что в результате нее космический корабль, летевший на Венеру, совершил громадный прыжок в пространстве, пролетев миллион миль в секунду. Деррел говорил об этом как об отголоске каких-то событий в будущем, которые будут иметь место через несколько лет. А сейчас, по словам Наблюдателя, это произошло четыре недели назад. Удивительно!

— Ничего удивительного! — раздался еще один голос, так гладко вписавшийся в поток его мыслей, что он не сразу понял, что это не его собственные слова. — Профессор Гарсен, ваша личность установлена. Вы слышите голос Планетарианца, который может читать ваши мысли.

Планетарианец! Его охватило чувство облегчения. Он попытался заговорить, но у него, казалось, не было ни языка, ни губ, ни тела, ничего, кроме мозга, который отчаянно бился в попытках решить те огромные загадки, которые окружали Гарсена. Снова зазвучал тот спокойный, трезвый голос, который, хотя и говорил невероятные вещи, успокаивал Гарсена своим хладнокровием:

— Манипуляция, о которой идет речь, состояла в том, что одна единица всей солнечной системы была вынута из основного потока без нарушения континуума. Одна единица из десяти миллиардов была убрана таким образом, что энергия времени со всей своей бессмысленной и неограниченной силой начала воссоздавать ее тоже, с такой же легкостью, как и основную.

Таким образом, теперь параллельно друг другу существуют восемнадцать солнечных систем — семнадцать воссозданных и одна настоящая. Мое тело, однако, существует только в двух из них, так как ни одна из предыдущих шестнадцати манипуляций не произошла в мое время. Естественно, что мои два тела находятся в разных мирах и никогда не соприкоснутся друг с другом. Так как Норма Матерсон находилась в центре событий, она существует только в основной сол-

нечной системе. Она сейчас владеет мысленной энергией Инзеля, и поэтому ваше физическое тело оказалось притянутым к ней, но так как она не обладает достаточными знаниями и уровнем интеллекта, необходимыми для компетентного использования своих огромных возможностей, вы попали не непосредственно к ней, а угодили в местный временной энергетический барьер, который катапультировал вас в пустоту безвременья, где вы сейчас и находитесь. Угол вашего падения оказался таким, что нашим машинам понадобится неопределенный период времени для того, чтобы решить уравнение, с помощью которого можно будет вас освободить. А пока наберитесь терпения и ждите.

«Подождите! — напряженно подумал Гарсен. — Гигантский временной энергетический барьер! Он уже, наверное, закончен!»

— Будет закончен самое позднее через две недели, — послышалось в ответ. — Мы получили ваше сообщение и передали Славным, какая опасность угрожает Вселенной. В своем ослеплении они расценили это как возможность угрожать нам и заставить нас сдаться, а иначе… С нашей точки зрения, однако, тот образ жизни, который они хотят установить в мире, хуже смерти. Никакой

шантаж не заставит нас подчиниться, и мы знаем, что послали это сообщение люди будущего. Значит, будущее существует, а следовательно, мы победили!

Гарсен спросил:

— А что, если они не из будущего или не из этой семнадцатой — или восемнадцатой — солнечной системы? Что произойдет со мной, если эта солнечная система перестанет существовать?

Ответ прозвучал все так же бесстрастно:

— Ваше положение так же уникально, как и положение мисс Матерсон. Вы из прошлого угодили в будущее; вы пропустили манипуляцию. Следовательно, вы существуете не в двух солнечных системах, а только там, где вы находитесь сейчас. Мисс Матерсон существует только в основной системе. Насколько нам известно, возможности вам когда-нибудь снова встретиться не существует. Вы должны привыкнуть к этой мысли.

И это было все. Шло время, и все больше и больше его охватывало отчаяние. Жизнь в нем затухала. Он лежал в огромной, бескрайней космической могиле без движения, без мысли. Он ждал, но его мертвый покой не нарушали больше никакие голоса. Дважды он чувствовал воздействие на свое тело каких-то неведомых сил. Когда

это случилось в первый раз, он подумал с болью, что это, наверное, было закончено сооружение главного временного энергетического барьера Славных, и это ощущаемое им давление было отголоском разрушения Вселенной.

Если это произошло теперь, никто никогда не придет спасти его!

Потом он забыл об этом. Время тянулось бесконечно, и он потерял счет дням, годам, векам; потерял надежду и не чувствовал уже ничего, кроме вялого, тупого отчаяния. И вдруг он снова ощутил прикосновение и притяжение какой-то силы.

Это было пробное прикосновение, и в голове его прозвучала чья-то холодная мысль, делающая убийственный для него вывод: «Это продукт предыдущей системы, очень низкая форма жизни, уровень интеллекта семь тысячных, и, следовательно, недостоин нашего внимания. Это нужно зарегистрировать, чтобы внести поправку в расчеты энергетического потока и отбросить за ненадобностью».

Глава 13

К Норме возвращалось сознание. Она почувствовала, что с ее губ сорвался вздох. Смутно она понимала, что должна выбраться отсюда. Но в ее теле, в ее нервах было еще недостаточно жизненной силы, необходимой для того, чтобы воспользоваться теми возможностями, которыми она теперь обладала.

Она подумала, что ей надо было бы подойти к окну вместо того, чтобы..... Она не успела додумать эту мысль, как вдруг оказалась у окна, морщась от боли, напуганная такой быстрой реакцией. Значит, она не потеряла своих необыкновенных способностей! В ней затеплилась надежда. Она подумала: боль — никакая боль не может коснуться меня.

Сзади послышались шаги на лестнице и другие странные звуки. Входная дверь вспыхнула ярким пламенем. Она вскочила на подоконник. Странные, угрожающие звуки раздавались уже в ее квартире.

В следующее мгновение она уже очутилась на крыше и взглянула вниз. Там на тротуаре толпились звероподобные люди. Она посмотрела на

улицу и мгновенно очутилась на перекрестке в ста ярдах от дома.

Здесь она в нерешительности остановилась. Когда одна из проезжающих мимо машин затормозила, Норма подбежала, открыла дверь и забралась внутрь. За рулем сидел какой-то человек, разглядеть которого она не могла в смутных отблесках света ночной улицы. Она сказала ему тоном, который даже ей самой показался неожиданной спокойным:

— Те люди гонятся за мной.

Светофор осветил группу обезьяноподобных существ, и зрелище это привело человека за рулем в ужас.

— Господи! — громко взвизгнул он и резко тронулся с места.

Машина начала набирать скорость, а водитель визгливым голосом закричал:

— Убирайтесь из моей машины, слышите? Меня это все не касается, я не хочу иметь с вами никакого дела! Меня дома ждет семья, жена, дети! Вылезайте.

Норма увидела недалеко светящийся неоновый знак и сказала:

— Видите впереди стоянку такси? Высадите меня там.

Когда она вышла из машины, в воздухе над ней уже кружили толстые блестящие предметы в форме трубки, надсмотрщики Наблюдателя. Она напрягла свою мысленную энергию и ударила по ним, что было силы, но они только слегка отпрянули назад, как змея, готовящаяся к новому удару. Они, очевидно, собирались помериться силами с ней.

В такси Норма лихорадочно думала. Она должна собрать всю свою волю и послать мысленный приказ, чтобы надсмотрщики не смели приближаться к машине. Сейчас они были на расстоянии полумили, пусть это расстояние и останется. «Больше не приближаться!» Она взглянула через заднее стекло, и глаза ее расширились от ужаса, когда она увидела, что они уже в ста ярдах и все приближаются. Что же это? Она ждала, когда вспыхнет огонь, зажженный энергией третьего порядка, и руки ее похолодели, когда она поняла, что этого не будет В отчаянии она подумала: «Эта машина! Она должна двигаться быстрее!»

Впереди были еще машины, и несколько ехало навстречу, но в целом движение было небольшое. Можно было попытаться значительно увеличить скорость, если ей удастся сохранить самообладание и контроль над ситуацией и если

она не потеряла свои уникальные способности. Мысленно она приказала: «Сюда, а теперь туда и за угол».

Она услышала испуганные восклицания шофера, но это только придало ей решимости. Однако, когда она оглянулась, она увидела, что надсмотрщики неотступно следуют за ней, то приближаясь, то отдаляясь, но предупреждая или повторяя каждое движение ее мысли и, соответственно, машины.

Но почему они не нападают? Она не находила на этот вопрос ответа, а ночная погоня все продолжалась. Норма посмотрела на водителя и подумала, что ему, наверное, сейчас хуже всех. Он сидел за рулем в полубессознательном состоянии, и единственное, что помогало ему не лишиться рассудка, было понимание того, что машина для него — единственное средство к существованию, и даже угроза смерти была ничто по сравнению с угрозой потери автомобиля.

«Надо его отпустить», — подумала Норма. Это жестоко по отношению к нему. Но не сейчас. Сначала она сама не отдавала себе отчета, что она хотела сделать, но направляла машину к пока неопределенной цели, которую она чувствовала внутри себя как что-то холодное и неизбежное,

как сама смерть.

Она поняла все, как только увидела, как между деревьями парка блестит вода в реке. Четыре года назад она пришла сюда в отчаянии, чтобы покончить все счеты с жизнью, и сейчас судьба снова привела ее сюда!

Выйдя из машины, Норма смотрела, как приближаются к ней надсмотрщики. Их металлические тела поблескивали в тусклом свете фонарей, и она уже не ощущала никакого страха, только изумление. Неужели это все на самом деле происходит с ней? Неужели ничто и никто не сможет ее защитить?

В последней безнадежной попытке бросить вызов судьбе она собрала всю свою волю, сконцентрировала всю свою мысленную энергию, ударила по ближайшему металлическому корпусу и бессильно рассмеялась, когда увидела, что это не произвело абсолютно никакого эффекта. Значит, они каким-то образом защищены, и все ее усилия тщетны. Значит, это конец.

Она спустилась к реке и, глядя в темную глубину, хотела мысленно вернуться в тот день, четыре года назад, когда мрачная безысходность так наполняла ее душу, что смерть казалась избавлением, желанным исходом.

Но сейчас, стоя здесь опять, она никак не могла вызвать в себе желание броситься в эту страшную черноту. Она не хотела смерти, ей не надо было ни власти, ни могущества, ни мысленной энергии Инзеля. Она хотела жить, быть счастливой и спокойной, чувствовать себя в безопасности рядом с Гарсеном!

Гарсен!

Его имя соскользнуло с ее губ скорее как молитва, чем как приказ. Это была мольба, призыв из самой глубины ее души, где всегда был только он один, все эти долгие годы: «Джек, где бы ты ни был, приди ко мне, сюда, на Землю, живым, невредимым и сильным духом! Ты нужен мне! Скорее!»

И тут же, в то же самое мгновение рядом с ней в темноте появился какой-то человек! Каждый раз, когда ее желания так мгновенно исполнялись, ум ее не успевал осознать этого, и сейчас она почувствовала, что все внутри у нее похолодело. Тот, кто оказался рядом с ней, стоял абсолютно неподвижно, как скала, и Норма в ужасе подумала, не вызвала ли ее мысль из небытия тело, которое уже несколько столетий пролежало в могиле?

Фигура пошевелилась и ожила. Это был Гарсен! Голос его звучал неуверенно и как-то неесте-

ственно, когда он проговорил:

— Я пришел, но сознание мое еще не совсем прояснилось. И речь затруднена после миллиарда лет молчания. — Он содрогнулся от мысли о том бессчетном количестве веков, которые он провел в вечности, и уже более уверенно продолжал: — Я не знаю, что случилось, что заставило тебя снова позвать меня, но вот что я думаю. Нас используют какие-то таинственные силы во Вселенной, потому что, как гласит их история, такова действительность. Они не допустили бы, чтобы мы оказались в таком отчаянном положении, если бы они могли физически приблизиться к нам, но сейчас уже ясно, что мы все проиграем, потерпим поражение, если они каким-то образом не вступят с нами в прямой, непосредственный контакт и не покажут нам, как использовать ту колоссальную силу, которая оказалась в твоем распоряжении. Только ты обладаешь возможностью добраться до них. Зови их, призывай, как только можешь, я думаю, им нужна только небольшая помощь с нашей стороны, и наш контакт осуществится. Тогда мы сможем что-то планировать и надеяться.

Норма начала вспоминать все то, что ставило ее в тупик. Почему доктор Лелл неоднократно

повторял, что, согласно историческим данным Славных, у них с ней не было никаких проблем, хотя на самом деле у них с ней не было ничего, кроме проблем? Почему ей так легко удалось уничтожить надсмотрщика в самый первый раз, а теперь, хотя ее сила осталась такой могущественной, что дала ей возможность вызволить Гарсена из векового небытия, она была бессильна против них? И где сам доктор Лелл? Она с трудом заставила себя отвлечься от всех этих неразрешимых противоречий. Она не отдавала себе отчета, как и что она мысленно говорила, призывая на помощь неведомые таинственные силы, и вдруг что-то зашевелилось в воде и что-то большое и бесформенное всплыло на поверхность, слегка всплеснув вокруг воду. Панический ужас пронзил все ее тело, и если бы Джек Гарсен не схватил ее крепко за руку и не заговорил спокойно и решительно, она бросилась бы бежать прочь без оглядки.

— Подожди! — сказал он. — Это победа, а не поражение. Подожди!

— Спасибо, профессор Гарсен! — Голос, который послышался из темноты, звучал как-то очень странно, не по-человечески, и это неприятно поразило ее. Голос продолжал: — Ради вас я не могу

вступить с вами в контакт иначе, чем таким образом. Мы, люди из четыреста девяностого столетия нашей эры, только называемся людьми. Ирония судьбы заключается в том, что война, порождение и разрушитель человечества, в конце концов превратила человека в звероподобное существо. Единственно, в чем мы находим утешение, это то, что мы сохранили свой ум за счет тела.

Вы правильно проанализировали ситуацию, профессор Гарсен, до определенной степени. Причина, почему мы не можем использовать машину времени, заключается в том, что наше время — это период неустойчивого равновесия, который продлится сотни тысяч лет; даже самое незначительное неправильное использование энергии может вызвать непредвиденные изменения самой природы энергии времени. Мы можем использовать только один способ — непрямой и только частично эффективный — а именно: изолировать взрыв на одной из восемнадцати солнечных систем и собрать вместе все остальные, чтобы они перенесли шок от удара. Это не так трудно сделать, как кажется, потому что время достаточно легко поддается простым изменениям.

Мисс Матерсон, причина, почему эти надсмотр-

щики смогли преследовать вас, заключается в том, что вас подвергали психологической обработке. Это не настоящие предметы, а световые образы, созданные при помощи энергии третьего порядка. Их цель была держать вас в напряжении, пока доктор Лелл не прибудет с оружием. Вам удалось избежать опасности и разрушить их замыслы. Как? Как я уже говорил, время поддается изменениям, если на него оказывается соответствующее давление. Такое давление возникло, когда вы стояли на берегу, пытаясь вспомнить, в каком состоянии вы находились, когда хотели покончить жизнь самоубийством. Вам, человеку, обладающему властью над временем, было легче перенестись в то время, четыре года назад, чем воскресить в себе желание лишить себя жизни.

— Боже мой! — вскричал изумленный Гарсен. — Вы имеете в виду, что это именно та ночь, и что через несколько минут появится доктор Лелл и, обратившись к отчаявшейся девушке, сидящей на скамейке в парке, предложит ей работу на мнимом калонийском призывном пункте?

— И на этот раз, — произнес таинственный голос, — дело пойдет так, как гласит история Славных. У них с ней не будет никаких проблем.

Гарсен в отчаянии подумал, что все это выше

его понимания.

— И что? А как насчет наших тел, которые тогда существовали? Я думал, что два тела одного и того же человека не могут существовать одновременно в одном и том же месте.

— Правильно, так оно и есть.

— Но…

Твердый, странный голос перебил его, и Норма, которая собиралась заговорить, не успела произнести ни слова.

— Во времени нет парадоксов. Я сказал, что для того, чтобы не допустить разрушения изолированной восемнадцатой солнечной системы, остальные семнадцать были собраны вместе в одну — в эту самую! В одну единственную, которая теперь существует! Но другие имели место, и в той или иной форме вы в них существовали. А теперь вы здесь; и это единственный реально существующий мир.

Я оставляю вас, чтобы вы все осмыслили, так как сейчас вам придется действовать. Как гласит история, вы уже завтра подадите документы, чтобы сочетаться браком. Она же говорит, что Норма Гарсен без труда вела двойную жизнь жены профессора Гарсена и рабыни доктора Лелла и что под моим руководством она научилась

пользоваться своими необыкновенными возможностями к тому моменту, когда наступило время разрушить гигантский энергетический барьер в Дельпе и помочь Планетарианцам одержать их законную победу.

Гарсену удалось уже справиться со своим волнением.

— Законную? — переспросил он. — Я в этом не уверен. Ведь именно в результате их действий началась война, когда они нарушили соглашение об ограничении прироста населения.

— Законную, — убежденно произнес голос, — так как они сначала осудили это соглашение, утверждая, что оно отрицательно скажется на духовной жизни человечества. Они вели войну из благородных побуждений и до самого последнего момента были готовы пойти на компромисс. На их стороне нет роботов, и всем добровольцам, которых они открыто набирали в прошлом, честно говорили, что им предстоит столкнуться со смертельной опасностью. Большинство их добровольцев — это безработные ветераны прошедших войн.

Норма проговорила:

— Так второй призывной пункт, который я видела, с древними греками и римлянами…

— Вот именно. Но теперь настало время для нашего первого урока, чтобы вы научились понимать и контролировать сложные процессы управления мыслью в достаточной степени для того, чтобы ввести в заблуждение доктора Лелла.

Странно, но несмотря на все, что она теперь услышала и узнала, она не почувствовала, что все это правда, до тех пор, пока, сидя на скамейке в неверном свете фонаря, не увидела, что к ней приближается высокая, худощавая фигура доктора Лелла. Бедный, ничего, не подозревающий супермен!

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА

(повесть)

Пара дриггов — голодных космических вампиров, спасаясь от законов галактики, прибывает на её окраину — нашу планету. Два трупа из которых высосаны вся кровь и жизненная энергия не могут не обратить на себя внимание, ведь преступность полностью искоренена…

Глава 1

Мрачно насупясь, мужчина нерешительно направился через всю рубку космолета к койке, где в очень напряженной позе неподвижно лежала женщина. Он наклонился над ней и произнес задумчиво:

— Мы сбрасываем скорость, Мерла.

Ни ответа, ни малейшего движения, ни даже легкого трепета ее нежных, неестественных бесцветных щек. Только чуть расширились с каждым вдохом ее изящные ноздри. Вот и все.

Дригг приподнял ее руку, затем отпустил. Рука тут же упала, как кусок безжизненного дерева, а тело так и осталось неестественно напряженным. Он осторожно приподнял веки ее глаз, заглянул внутрь, но увидел только незрячую, как бы подернутую дымкой мертвенную голубизну.

Мужчина выпрямился и так и стоял в полнейшей тишине рубки мчавшегося все еще с огромной скоростью космолета. Из-за напряженности позы и мрачной непреклонности жесткого, худого лица, он казался подлинным воплощение неумолимой, беспощадной расчетливости.

Если я оживлю ее сейчас — такие невеселые

мысли роились в его голове — у нее будет больше времени для того, чтобы напасть на меня, да и сил будет побольше. Если же замешкаюсь с этим, она ослабнет настолько, что…

Мало-помалу выражение его лица смягчилось. Немного спала с его лица усталость, накопившаяся за те многие годы, что он провел вместе с этой женщиной в черной пустоте космоса, усталость, которая едва не уничтожила его сверхъестественную логику. Суровое сострадание коснулось его — и решение было принято.

Он приготовил раствор и сделал инъекцию в руку женщины. В серых глазах его сверкнул стальной блеск, когда он приблизил губы почти к самому ее уху и проникновенно произнес:

— Мы вблизи планетной системы. Там будет кровь, Мерла! И жизнь!

Женщина пошевелилась; какое-то мгновенье она казалась оживающей золотоволосой куклой. Точеные ее щеки оставались бесцветными, однако в глазах появилась некоторая настороженность. Взгляд ее становился все более и более враждебным, хотя и не очень уверенным.

— Я была отравлена, — произнесла она и неожиданно перестала походить на куклу.

Теперь она глядела на мужчину в упор, а ее

лицо сразу же лишилось почти всей привлекательности.

— Неправда ли, чертовски забавно, Джил, что вот вы-то сам в полном порядке? Я бы могла даже подумать…

Мужчина оставался все таким же сосредоточенным, настороженным.

— Хватит, — довольно грубо перебил ее он. — Ты зря тратишь энергию и прекрасно это понимаешь. В любом случае нам непременно надо приземлиться.

Оцепенение, в котором до сих пор находилась женщина, постепенно стало ее покидать. С немалым трудом она присела на кровати и задумчиво произнесла:

— Меня не страшит риск, связанный с этим. Ведь это же не галактическая планета, верно?

— Здесь, в этом секторе, нет планет, входящих в Галактическую Федерацию. А вот Наблюдатель здесь имеется. Я перехватываю все его секретные сигналы по ультрарадио, которые он передает в течение последних двух часов. — В тоне мужчины появились презрительные насмешливые нотки. — В этих сообщениях все корабли предупреждаются о том, чтобы не смели даже приближаться к этой планете, так как планета

не готова к какого-либо рода контактам с галактическими планетами.

В его голосе появилось сатанинское ликование, которое передалось и женщине. Она пристально поглядела на своего спутника, зрачки ее непроизвольно расширились.

— Ты имеешь в виду… — затаив дыхание от невысказанной радости, прошептала женщина.

Он только пожал плечами.

— Мощность принимаемых сигналов сейчас небольшая. Сейчас мы определим, на какой стадии развития находится эта система. Но я не сомневаюсь в том, что надежд наших она не обманет.

Подойдя к панели управления, мужчина постепенно погрузил рубку корабля в полную темноту и включил автоматические камеры внешнего обзора. На экране, занимавшем всю противоположную стену, начало формироваться изображение.

Поначалу не было ничего, кроме яркой точки в самом центре усыпанного звездами участка неба, затем перед глазами наблюдателей малопомалу начала разворачиваться панорама всей планеты с ее материками и океанами. С экрана послышался голос:

— В этой звездной системе имеется всего лишь одна обитаемая планета, третья от Солнца. Живущие на ней называют ее Землей. Она колонизована галактами примерно семь тысяч лет тому назад. Процедура колонизации была стандартной. Сейчас планета находится на третьей стадии развития, располагая ограниченными средствами космических путешествий вот уже примерно сто лет. Она…

Быстрым движением мужчина погасил изображение на экране и включил свет, затем с нескрываемым торжеством посмотрел на женщину.

— Третья стадия! — нежно произнес он, хотя в тоне его голоса сквозили скептические нотки, и как будто он сам никак еще не мог поверить этому. — всего лишь третья стадия. Мерла, ты хотя бы отдаешь себе отчет, что это означает? Другой такой возможности может не представиться за целые тысячелетия. Я намерен дать клич всему нашему племени дриггов. Если нам не удастся благополучно убраться отсюда с несколькими танкерами, до предела загруженными кровью и целыми батареями жизненной энергии, мы не заслуживаем того, чтобы быть бессмертными. Мы…

Он повернулся к коммуникатору. Охваченный беспредельным ликованием, он утратил обычную осторожность, но все-таки краешком глаза успел заметить, как женщина взметнулась с края своей койки. Он несколько запоздал с тем, чтобы отклониться в сторону. Конвульсивное движение спасло его только частично. Встретились не их губы, а только щеки.

От его лица к лицу женщины переметнулся язык голубого пламени. Обжигающая его энергия мгновенно обуглила кожу ее щек, обнажив кроваво-красные ткани под кожей. Он едва не повалился на пол от потрясения, затем, отчаянно напрягши все силы, безумным рывком высвободился.

— Я переломаю тебе все кости! — в неистовстве вскричал он.

С пола, куда он отшвырнул от себя женщину, ушей его достиг ее отвратительно злобный смех, в котором клокотала столь долго подавляемая ею слепая ярость.

— Значит, — прорычала она, — у тебя в самом деле был тайный источник жизни, источник только для тебя самого. Гнусный обманщик!

Злобная его обида, горькое разочарование постепенно уступили в его сознании место пони-

манию бессмысленности гнева. Стараясь изо всех сил побороть слабость, которая тяжеленными гирями висела на всех его мышцах, он опрометью бросился к пульту управления и начал лихорадочно производить необходимые настройки, чтобы возвратить корабль в нормальное пространство и время.

Однако властные требования оголодавшего его тела не оставляли его ни на минуту. Дважды приступы изнурительной тошноты швыряли его на койку, где он катался в бессильной ярости, но каждый раз ему удавалось перебороть эти приступы и вернуться к пульту управления, где он сидел низко уронив на грудь голову, ощущая, как мучительное напряжение все больше и больше охватывает его всего целиком, сжимает стальными обручами каждую клетку его тела…

Он едва не разогнал свой корабль до совершенно недопустимой скорости, превратив его в ослепительный яркий болид, вонзившийся наконец в атмосферу третьей планеты. Однако высокопрочные металлы, из которых был сделан его корпус, устояли перед этим невообразимыми перегрузками и не позволили кораблю превратиться в бесформенную глыбу, а колоссальная его скорость стала быстро снижаться под воздей-

ствием яростно взревевших реверсировавшихся двигателей, что давало возможность выдержать давление воздуха, которое неумолимо нарастало с каждой милей приближения корабля к поверхности планеты.

Женщина помогла ему протиснуть свое ставшее уже почти безжизненным тело в крохотную спасательную шлюпку. Теперь он отлеживался в ней, набираясь сил и глядя с напряженной настороженностью вниз на сверкавшее море огней — первый город, который заприметил на ночной стороне этой странной планеты. Он с тупым безразличием наблюдал за тем, как женщина осторожно посадила их маленький летательный аппарат в черноту тени небольшого переулка. И вследствие того, что спасение теперь оказалось таким близким, надежда давала ему силы шагать рядом с женщиной по скудно освещенной близлежащей улице жилого района, в котором они совершили посадку.

Вот так бы и брел по улице, не разбирая дороги, если бы пальцы женщины не удержали его и не потянули в тень другого переулка.

— Ты что, совсем потерял голову? — прошептала она. — Ложись. Мы останемся здесь, пока кто-нибудь не пройдет мимо.

Асфальт показался ему необычайно твердым, но через какое-то мгновенье мучительного отдыха он снова ощутил некоторый прилив жизненных сил и оказался уже в состоянии выразить вслух те горькие мысли, что не выходили у него из головы.

— Если бы ты не украла у меня большую часть столь тщательно сберегавшейся мною жизни, наше положение не было бы таким отчаянным. Ты ведь прекрасно понимаешь, насколько важно, чтобы я оставался в прекрасной физической форме.

В темноте женщина какое-то время лежала с ним рядом; затем раздался ее явно дерзкий шепот:

— Нам обеим крайне нужна замена крови и переразрядка жизнью. Возможно, я в самом деле забрала ее у тебя чуть больше, чем необходимо, но это произошло только из-за того, что я вынуждена была отбирать ее у тебя силой. Ты бы ни за что не поделился ею со мной по доброй воле, и ты это сам прекрасно понимаешь.

Бессмысленность каких-либо доводов вынуждала его к молчанию, но по мере того, как лениво тянулись минуты, все более накапливавшаяся в нем потребность безотлагательного удовлетво-

рения жизненно необходимых физиологических потребностей снова овладела его мыслями и он горестно произнес:

— Ты, разумеется, понимаешь, что раскрыли наше присутствие здесь. Нам следовало бы подождать, пока не подойдут другие. У меня нет ни малейшего сомнения насчет того, что наш корабль опознан Галактическим Наблюдателем, имеющем резидентуру в этой системе, везде и для того, как мы достигли внешних планет. Они прицепили к нам датчики, которые сразу же разоблачат наше местонахождение, куда бы мы ни подались, и, независимо от того, насколько тщательно мы припрячем свой корабль, им всегда будет абсолютно точно известно, где он находится. Невозможность скрыть энергию и систему привода, необходимые для преодоления межзвездного пространства; а поскольку сами они вряд ли совершат ошибку, проявляя энергию такого масштаба на планете, достигшей лишь третьей ступени развития, мы не вправе рассчитывать на то, что нам удастся обнаружить их местонахождение подобным же образом. Мы должны быть в отстоянной готовности к нападению какого-либо рода. Единственное, на что нам остается надеяться, так это только на то, что эта

глухая планета не удостоилась внимания хотя бы на одного из великих галактов.

— Хотя бы одно из них! — Шепот женщины был сдавленным, она прямо-таки задыхалась от ярости, однако затем овладела собою и отрезала раздраженно:

— Не пытайся испугать меня. Ты же сам неоднократно мне говорил…

— Будет, будет… — слова мужчины звучали устало, вымучено. — Само наше существование в течение вот уже миллиона лет вполне доказало тот факт, что они считают нас недостойными особого внимания. И, — несмотря на ужасающую слабость, в тоне его голоса появилось презрение, — пусть только попробует любой из агентов, которых загоняют на такие захолустные планеты, попытаться остановить нас.

— Тише! — взволнованно прошептала женщина. — Шаги! Поднимайся!

Тень легла ему на глаза, и до его сознания дошло, что женщина встала. Затем он почувствовал, что она тащит его за плечами. Шатаясь, он встал на ноги.

— Не думаю, — уныло произнес он, что я еще в состоянии…

— Джил! — Ее шепот подстегивал его, руки ее

трясли его тело. — Это мужчина и женщина. Это жизнь, Джил, жизнь!

ЖИЗНЬ!

Сделав последнее огромное усилие, мужчина выпрямился. Искра неиссякаемой воли к жизни, искра, что провела его через все эти суровые миллионы миль и еще более суровые годы, вспыхнула теперь внутри него ярким пламенем. Быстро и легко он зашагал в ногу с Мерлой, решительно направляясь вместе с нею на открытое место, где увидел силуэты мужчины и женщины.

В полумраке под деревьями, которыми была обсажена улица, к ним приближались двое. Впереди шла женщина, чуть сзади — мужчина. Все произошло легко и просто, будто его мускулы были налиты обычной для них силой.

Он увидел, как Мерла набросилась на мужчину, сам схватил женщину, голова его мгновенно автоматически склонилась для необычного поцелуя…

Уже после — после того, как они насытились также и кровью, мужчина бросил коротко:

Тела оставим прямо здесь.

Это его предложение было встречено возмущенным шепотом женщины, однако он грубо оборвал ее.

— Позволь мне самому решать, как нам поступить в том или ином случае. Трупы привлекут к этому городу собирателей новостей, информантов — или как там на планете называют их отродье — а мы сейчас как раз испытываем острую нужду в подобного роди лицах. Где-то в запасниках фактов, которыми они обладают, непременно должны быть кое-какие указания, для них самих в общем-то непонятные, но благодаря которым мы сможем отыскать местонахождение содержащейся в глубочайшей тайне базы Галактического Наблюдателя в этой системе. Мы обязаны отыскать эту базу, выяснить ее потенциальные возможности и уничтожить ее, если возникнет в этом необходимость, когда подойдет все племя. — В тоне его голоса появились стальные нотки. — А теперь нам нужно тщательно обследовать этот город, найти самое заурядное, ничем не примечательное здание, под которым мы могли бы спрятать наш корабль, изучить язык аборигенов, пополнить наши запасы жизненной энергии и изложить столь нужного нам информанта.

— После того, как я с ним разделаюсь, — теперь голос его приобрел прямо-таки шелковистую нежность, — он, несомненно, доставить тебе те

физические наслаждения, которых ты так жаждешь, когда насыщена химически.

Он ласково рассмеялся, пальцы женщины конвульсивно впились в его руку, затем он услышал ее голос.

— Благодарю тебя, Джил. Ты так хорошо меня понимаешь, верно?

За спиной у Ли отворилась дверь. Тотчас же гул голосов в комнате понизился до монотонного гудения. Он настороженно повернулся, швырнул сигарету на мраморный пол и растоптал ее одним движением.

Над головой у него яркость светильников достигла уровня естественного освещения, и в этом море света взору его представились два тела, мужское и женское, которые сюда вкатили на специальной каталке и на которые устремились взгляды всех присутствовавших в этом помещении.

Мертвецы лежали рядом на плоской, сверкавшей полированным металлом верхней поверхности транспортера. Тела их были неестественно вытянуты, глаза закрыты. Выглядели они именно так, как и должны были выглядеть мертвецы, и, тут же подумалось Ли, совсем не так, как если бы они просто уснули и не проснулись.

Он поймал себя на том, что берет на заметку этот факт, — и вдруг испытал то потрясение, к которому уже давно был готов.

Это были единственные люди, убитые на североамериканском континенте за последние двадцать семь лет. Но главное было даже не в этом. Боже праведный, ведь он казался куда более черствым, более равнодушным к судьбе незнакомых ему людей, чем думал о себе раньше.

До него дошло, что голоса притихли совершенно. Слышалось только хриплое дыхание мужчины по-соседству с ним, а затем еще и поскрипывание собственных его башмаков, когда он тронулся с места.

Его движение послужило сигналом для всей группы возбужденных мужчин. Толпа стала напирать. На какое-то мгновенье о острое чувство тревоги охватило Ли, а затем его более мощные, чем у остальных, мускулы бросили его тело туда, где ему и положено было быть — прямо напротив двух голов, что покоились на транспортере.

В сумрачной сосредоточенности он склонился над этими двумя головами. Пальцы его осторожно опробовали шею женщины, где виднелись ноздри. Он даже не взглянул на служителя, когда тихо спросил:

— Именно отсюда была выпущено кровь?

— Да.

Не успел он снова открыть рот, как в их разговор вклинился еще один репортер:

— Каково мнение экспертов из полиции? Убийство произошло уже более суток тому назад. За это время обязательно должны были проявиться какие-либо версии.

Ли едва услышал. Тело женщины, электрически подогретое для бальзамирования, каким-то странным образом показалось ему при прикосновении живым. И только через несколько мгновений он заметил, что губы ее были самым страшным образом истерзаны, изжеваны прямо-таки со зверским садизмом.

Он мельком глянул на мужчину — на шее у него были точно такие же надрезы, и точно так же были изодраны его губы. Он поднял взор, вопросы прямо-таки трепетали, готовые сорваться с его языка, — но так и остались невысказанными, когда до него дошло, что спокойным голосом объясняет служитель:

— ...обычно, когда применяется электрическое бальзамирование, наблюдается повышенное сопротивление электрическому току, вызванное наличием статического электричества в теле по-

койника. Так вот, — что очень нас всех удивило — такого повышенного сопротивления не было обнаружено ни у одного из этих трупов.

— И что все это может означать? — спросил кто-то.

— В действительности это статическое электричество является одной из форм проявления жизненной энергии, которая постепенно покидает мертвое тело, обычно в течение месяца. Нам не известны случаи ускорения этого процесса, однако шрамы на губах являются на самом деле ожогами, что заставляет более серьезно задуматься над тем, что здесь происходило.

Шеи всех столпившихся вокруг вытянулись, все подались вперед, и Ли не стал упираться, когда его стали оттеснять в сторону. Он весь обратился во внимание, когда служитель произнес:

— По-видимому, это извращенец целовал их с необузданной яростью.

— А я-то полагал, — четко вымолвил Ли, — что извращение больше не существует с тех пор, как профессор Унгарн убедил правительство учредить разработанный по его методике курс механической психологии во всех школах, таким образом покончив с убийствами, воровством, войнами и всеми другими проявлениями извра-

щенного антиобщественного поведения.

Служитель в своем черном сюртуке замялся в нерешительности, затем произнес:

— Похоже на то, что упустили одного очень опасного извращенца-насильника.

Высказав эту догадку он завершил брифинг так:

— Вот и все, господа. Никаких улик, никаких указаний на возможность легкой поимки убийцы. Осталось сообщить только вот о чем: мы сделали попытку связаться по радио с профессором Унгарном и, благодаря счастливому стечению обстоятельств, нам удалось перехватить его на пути к Земле, куда он возвращается со своего пристанища на метеорите в окрестностях Юпитера. Он приземлился вскоре после наступления темноты, то есть через несколько часов.

Глава 2

Освещение стало менее ярким. Ли стоял и хмуро глядел на то, как тела покойников выкатывают из помещения для брифингов. Вокруг него все заговорили хором, перебивая друг друга.

— …поцелуй смерти…

— …я говорю вам, капитан этого космического лайнера кланяется, что все произошло именно так — звездолет промчался мимо него со скоростью в миллион миль в час, и он при это замедлялся поймите это, замедлялся. И случилось это два дня тому назад.

— …Вампиризм! Вот как я собираюсь назвать это…

Именно это слово употребил и Ли, когда вкратце докладывал о своем посещении госпиталя по наручному коммуникатору, и закончил свое сообщение так:

— А теперь я намерен поужинать, Джим.

— О'кэй, Билл. — Голос редактора местного корпункта звучал через коммуникатор, как механический. — Должен тебе сообщить, что девять тысяч газет прибегают к материалам, поставляемым Всепланетным Агентством и касающимся

этой загадочной истории. Так вот, сравни это с четырьмя с половиной тысячами, которые покупают новости у «Универсала», занимающего второе место по тиражу…

Как мне кажется, тебе удалось и сегодня выдвинуть достаточно правдоподобную версию случившегося. Муж и жена, обычная молодая пара, вышедшая на вечернюю прогулку. Какой-то дьявол на них набрасывается, откачивает их кровь в специально подготовленную для этого емкость, отсасывает их жизненную энергию по специальному силовому кабелю или еще чему-нибудь в таком же духе — люди, я знаю, поверят этому. Главное — ты полагаешь, что это может случиться с кем угодно, так что, люди, будьте бдительны! Ты предупреждаешь о том, что в наше время межпланетных скоростей, этот вампир может объявиться в любой момент в любом уголке земного шара и совершить следующее свое убийство.

Как я уже сказал, все это — весьма добротный материал. Эта история будет самым жареным из всего того, что даст печать сегодняшнего номера. О, между прочим…

— Короче!

— Полчаса назад звонил какой-то парень, хотел

с тобою встретиться.

— Парень? — Ли нахмурился.

— Зовут его Патрик. Похож на старшеклассник, ему лет шестнадцать. Нет, это пожалуй, только первое впечатление. Восемнадцать, может быть, даже двадцать, очень смыленный парнишка, такой самоуверенный, самодовольный.

— Теперь вспоминаю, — сказал Ли. — Студент. Интервью для газеты колледжа. Звонил мне сегодня в обед. Один из тех, кто умеет очень убедительно втирать очки. Прежде, чем я это понял, он уже уговорил меня отужинать с ним в ресторане «У Константина».

— Точно. Я только хотел напомнить тебе об этом.

— Ли пожал плечами.

— Я пообещал. — сказал он.

Когда он выходил на залитую послеполуденным солнцем улицу, в голове у него не было ни единой сколько-нибудь стоящей мысли, касающейся этой встречи. Ни малейшего предчувствия.

Людские толпы на улице вокруг него все более сгущались. Огромные здания выплеснули на тротуары первую волну пятичасового прилива. Дважды Ли почувствовал, что его цепляют за

локоть, до него не сразу дошло, что это вовсе не случайное столкновение с кем-то в толпе.

Он обернулся и встретился взглядом с парой темных, нетерпеливых глаз на смуглом морщинистом лице. Невысокий мужчина размахивал прямо перед ним пачкой бумаг. Ли заметил, что на бумагах было что-то написано. Мужчина при этом лепетал что-то, Ли едва удалось разобрать.

— Мистер, сто долларов за эти… Потрясающая история…

— О, — только и произнес Ли.

Интерес его сразу пропал. Однако затем его замешательство прошло, он посоветовал чисто из вежливости:

— Отнесите эти бумаги в корпункт «Всепланетной». Джим Брайен заплатил вам столько, сколько на самом деле стоит эта история. Он пошел дальше, почти уже убежденный в том, что дело улажено. Затем вдруг снова почувствовал, что его настойчиво тянут за рукав.

— Возьмите! — продолжал бормотать невзрачный мужчина. — Бортовой журнал профессора Унгарна, все о космолете, который прибыл со звезд. О дьяволах на его борту, которые пьют кровь и зацеловывают людей до смерти!

— Пшел прочь! — бросил раздраженно Ли, и

вдруг остолбенел — и физически, и умственно.

Он так и застыл на месте и только легонько покачивался, потрясенный мыслью, от которой мороз прошел по коже.

Газеты с этими подробностями о «крови» и «поцелуе смерти» еще не продавались на улицах, и не будут продаваться в течение еще минут пяти, если не больше.

Мужчина продолжал:

— Только посмотрите. Вверху на каждом из этих листов бумаги отпечатанная золотом фамилия профессора Унгарна, и здесь все о том, как он первый раз заприметил корабль в восемнадцати световых годах отсюда и как этот корабль покрыл расстояние за несколько часов… И одному ему известно, где он находится, и…

Ли слушал все это, а в его специфическом репортерском сознании уже закружился целый водоворот мыслей, которые затем вдруг, как по команде, выстроились в прочную, стройную цепь; и в этом его строгом логическом построении совершенно не оказалось места для такого бессмысленного совпадения. Человек этот не мог просто так, случайно, подойти именно к нему на этой запруженной людьми улице.

— Дайте-ка мне взглянуть на эти бумаги, —

сказал Ли.

Бумаги беспрепятственно перешли из рук мужчины в его собственные руки, но Ли даже не взглянул на них.

— Никак не возьму в толк, в какую это игру вы пытаетесь меня втянуть,

— сердитым тоном произнес он. — Поэтому мне сначала хотелось бы услышать от вас ответы на три моих вопроса, и не вздумайте тянуть резину с ответами на них. Вопрос первый: почему вы выбрали именно меня, не зная ни имени моего, ни профессии, вообще ничего, прямо вот так, на заполненной людьми улице города, в котором я целый год не был до этого? — Он смутно воспринимал то, как незнакомец, запинаясь, пытался растолковать ему что-то, речь его была мало вразумительной. Но он не обращал на это внимания и продолжал не допускающим ни малейших возражений тоном:

— Вопрос второй: профессор Унгарн прибывает с орбиты Юпитера через три часа. Каким же тогда образом вы в состоянии объяснить наличие у вас бумаг, которые он должен был написать менее, чем два дня тому назад?

— Послушайте, босс, — пролепетал мужчина, — вы совершенно не так меня поняли…

— Мой третий вопрос. — неумолимо продолжал Ли. — Как вы собираетесь объяснить в полиции ваше столь глубокое знание раньше ее самой подробностей… убийства?

— Что?

Глаза невысокого мужчины буквально остекленели, и впервые за все время это встречи Ли испытал к нему некое подобие жалости. Поэтому он вымолвил успокаивающе:

— Ладно, дружище, давайте, выкладывайте.

Сначала это был снова, скорее бессмысленный набор звуков, но постепенно мысли мужчины стали обретать некоторую стройность.

— …Так вот, как оно было, босс. Стою я там, а это парнишка подходит ко мне и показывает на вас, затем дает мне пять монет и эти вот бумаги, которые теперь у вас, и говорит мне, что я должен вам сказать и…

— Парнишка? — удивленно переспросил Ли, и только теперь смысл услышанного дошел до него.

— Да, парень лет шестнадцати. Или нет, пожалуй ему лет восемнадцать-двадцать… и дал он мне эти бумаги и…

— Этот парень, — спросил Ли, — значит, как вам показалось, похож на студента?

— Точно, босс, вы правильно меня поняли. Именно на студента, босс. Вы с ним знакомы? О'кэй, значит теперь вы ко мне ничего не имеете, и я мог у…

— Погодите! — окликнул его Ли.

Мужчина, казалось, вдруг сообразил, что сейчас самая пора спасаться бегством, поэтому он со всех ног дал деру — прохожие только ахнули при виде подобной прыти. Через несколько секунд он совершенно исчез из виду, скрывшись за углом.

Ли остался стоять и с хмурым видом начал перечитывать написанное на листаж этой не очень толстой пачки. Это были вырванные один за другим листы из перекидного блокнота. Здесь не было ничего особенно ценного.

Изложенной истории о космическом корабле и его пассажирах явно не доставало убедительности. Единственным, что не вызывало сомнений, была фамилия «УНГАРН», золотом отпечатанная в верхней части каждого листа, однако…

Ли тряхнул головой. Ощущение глупого розыгрыша пришло с такой четкостью, что вызвало у него приступ ярости. Если этот чертов идиот-студент в самом деле отчебучил с ним, с Ли, такую хреновину…

Но здесь эта мысль оборвалась, так как была

она столь же бессмысленной, как и все остальное происшествие. Пока он не ощущал особого беспокойства. У него и в мыслях не было отказаться заглянуть в ресторан.

Ли небрежной походкой прошел в роскошный вестибюль, с которого начинался огромный роскошный ресторан «У Константина». В дверях он остановился на какое-то мгновенье, чтобы полюбоваться ровными рядами великолепно сервированных столов и висячими чайными беседками по обе стороны продолговатого зала — все было, как обычно, на своих местах.

Ослепительный зал знаменитого на весь мир ресторана не очень-то изменился со времени его последнего посещения.

Ли назвал свое имя девушке, докурившей у входа, и добавил:

— Насколько мне известно, столик заказан неким мистером Патриком…

Девушка не дала ему договорить.

— О да, мистер Ли. Мистер Патрик забронировал для вас кабинет номер три. Он только что позвонил и сказал, что будет здесь через несколько минут. Наш метрдотель сейчас проводит вас.

Ли отвернулся — словоизлияния девушки внезапно поразили его.

Девушка, просияв, пояснила:

— Заказ оплачен по телефону. Четыре с половиной тысячи долларов!

Ли прямо-таки оцепенел. В короткий, как вспышка молнии, момент то, что даже после случившегося на улице все еще казалось досадным недоразумением, не вызвавшим особой тревоги, вдруг превратилось в нечто совершенно фантастическое.

Четыре — с половиной — тысячи — долларов! Неужели настолько дьявольски богат тот самый парень-студент, посланный редакцией газеты колледжа? И ради чего все это? Только для того, чтобы произвести впечатление на репортера, каким в глубине души считал себя Ли?

Род человеческий не так уж редко порождал чудаков прямо-таки космических масштабов, но среди них не было ни одного кто когда-либо закатил такой пир, чтобы не ударить ящиком в грязь перед паршивеньким репортером!

— Где тут у вас ближайший телефон? — небрежным тоном поинтересовался он у девушки.

Минутой позже он уже говорил в микрофон.

— Это секретариат Объединения университетов?.. Мне бы хотелось выяснить, числится ли некий мистер Патрик среди студентов любого

из студенческих газет проинтервьюировать Уильяма Ли из Планетарного информационного агентства. Это сам Ли и звонит.

На выяснение ушло шесть минут, после чего пришел ответ — четкий и категоричный:

— В ваших семнадцати учебных заведениях получают образование три мистера Патрика. Все они в настоящее время ужинают по месту своего жительства. Числятся в списках студентов такие и четыре мисс Патрик. Никто из этих семерых никоим образом не связан ни с одной студенческой газетой. Вам нужна какая-нибудь помощь для изобличения самозванца?

Ли задумался, не зная, что ответить. Он уже, хотя и весьма смутно, но терзался самыми мрачными предчувствиями, поняв, что по уши влип в деле, — по-видимому, самого сомнительного свойства.

— Нет, — ответил он наконец и повесил трубку.

Ли вышел из кабинки, мысли его путались. Была только одна причина, по которой он находился в данное время в этом городе. Убийство! И знакома была ему здесь, да и то едва-едва, всего лишь одна живая душа. Следовательно…

Было совершенно, что какому-то незнакомцу

взбрело в голову повидаться с ним по причине, не связанной с его собственными намерениями. С трудом уняв нервную дрожь, он обратился к метрдотелю:

— В кабинет номер три, пожалуйста.

Внешне спокойно он осмотрел многокомнатную квартиру, которую представлял из себя кабинет номер три. Квартира эта была обставлена с поистине царской роскошью. Походившая больше на дворцовую палату столовая доминировала над остальными пятью комнатами. Одна из стен столовой состояла из богато украшенных зеркальных дверц, за которыми блестели сотни бутылок со спиртными напитками. Сорта их были ему незнакомы, он открыл несколько бутылок наугад, аромат подействовал на него опьяняюще, но… не очень-то аппетитно для его невзыскательного, пожалуй, даже дешевого вкуса. В дамской гардеробной была оборудована длинная витрина, за стеклами которой сверкало потрясающее множество изумительных по своей красоте ювелирных изделий — стоимостью в несколько сотен тысяч долларов по беглой его оценке, если только они были настоящими.

Ли тихонько присвистнул. Внешне, «Константин», казалось, предоставлял за те деньги, что

выставлял по счету, все, что только было угодно душе того, кто возжелает в нем поселиться.

— Мне очень нравится, что вы такой физически крепкий, — раздался спокойный голос у него за спиной. — Обычно репортеры бывают мелкими и худосочными.

Тот же самый голос, хотя и звучал несколько иначе, чем рано утром по телефону! И изменен он был явно намеренно.

Обернувшись, он обнаружил — и те отличия, которые усматриваются в женских формах по сравнению с мальчишескими, и которые были искусно, но далеко не полностью спрятаны под отлично пошитым мужским костюмом.

Впрочем, в ее прекрасном телосложении действительно много еще совсем юного, мальчишеского, и он ни о чем бы не догадался, если бы она умышленно не вложила в свой голос женственность, что была ей свойственна. А теперь женщина как бы эхом отозвалась на эти пронесшиеся у него в голове мысли.

— Да, я хотела, чтобы вы узнали об этом. И теперь больше не нужно попусту тратить слова. Вам известно ровно столько, сколько вам необходимо знать. Вот пистолет. Под этим зданием спрятан космический корабль.

Ли не только не попытался взять в руки оружие, он даже не взглянул на него. Вместо этого, уже успокоившись после первоначального потрясения, он присел на обитый шелком стул перед туалетным столиком в одном из углов и, откинувшись назад, к самой спинке, произнес, высоко подняв брови:

— Считайте меня болваном-тугодумом, но мне очень хочется досконально выяснить, что все это означает. К чему такие предварительные ухищрения?

И еще подумалось ему вот что: никогда за всю свою жизнь он ни разу не позволил кому бы то ни было заставить себя совершить какой-нибудь непродуманный поступок. Не собирался он позволить это и сейчас.

Глава 3

Девушка — он сразу же обратил на это внимание — оказалась невысокой весьма хрупкого сложения. Это было странно, ибо по первому впечатлению ему показалось, что она довольно высокого роста. Или, пожалуй, — не торопясь размышлял он, — первое впечатление было скорее результатом ее мужского наряда.

Наконец он выбросил из головы эту самую важную проблему. У девушки были длинные черные ресницы и темные глаза, их непрерывное сверкание придавало ее и без того гордому лицу выражение почти высокомерное. И чувствовалось, что эта надменность была очень для нее характерной чертой; в этом определенно заключалась суть ее яркой и сильной индивидуальности.

Высокомерие проявилось даже в посадке головы и в той небрежной легкости движений, естественной грации, с которой она медленно к нему приближалась; оно было проявлением сознания некоего своего превосходства, которым было пронизано каждое движение ее мускулов и которое проявилось даже в тоне ее голоса, когда

она с откровенным сарказмом говорила:

— Я выбрала вас потому, что в каждой газете, которую я читала сегодня, приведен именно ваш отчет об убийствах, мне подумалось, что тому, кто уже столь активно занялся освещением этого события, будет легче уразуметь суть моего сообщения. Что же касается той театральности, с которой была проведена подготовка к этой нашей встрече, я решила, что это будет куда убедительнее, чем нудные разъяснения. Теперь я понимаю, что совершила ошибку, положившись на сделанные мною допущения.

Она теперь стояла совсем близко к нему. Наклонившись, она положила револьвер на туалетный столик рядом с рукой Ли и закончила почти бесстрастно:

— Это очень эффективное оружие. Оно стреляет не пулями, но есть у него спусковой механизм, а прицел точно такой же, как у любого огнестрельного оружия. Если вы найдете в себе достаточно смелости, то как можно быстрее следуйте за мною в подземный туннель, только при этом старайтесь держаться подальше от меня и от тех людей, с которыми я стану разговаривать. Сделайте так, чтобы ваше присутствие не замечалось. Не показывайтесь в открытую! Действуйте только в том

случае, если передо мной в самом деле возникнет серьезная угроза.

Туннель, как-то весьма равнодушно подумал Ли, глядя на то, как девушка легкой непринужденной походкой выходит из комнаты, — туннель прямо здесь, в квартале, называемой номером три. Или он сошел с ума, или эта девушка!

Неожиданно до него дошло, что он должен быть оскорблен той манерой, с какою она с ним разговаривает. Этот ее небрежный тон — одно из жульнических ухищрений, с помощью которых она вознамерилась заманить его в ловушку, возбудив любопытство. При этой мысли он иронически усмехнулся. Не будь он репортером, он бы показал ей, что такие грубые приемы на него особого воздействия не оказывают.

Все еще испытывая досаду, он встал, взял револьвер, затем на мгновенье остановился, услышав странный, приглушенный звук, который донесся из-за не сразу открывшейся двери.

Девушку он нашел в спальне, слева от гостиной; и поскольку состояние настороженности, которое компенсировало его нерешительность, продолжало владеть им, Ли не так уж сильно удивился, когда увидел, что девушка отбросила край роскошного зеленого ковра, обнажив у своих ног

отверстие в полу.

Сверкающий квадрат паркета, которым прикрывалось отверстие в полу, был аккуратно откинут, и положение его было зафиксировано единственной, отливающей полированным металлом петлей. Однако Ли едва обратил внимание на эту особенность конструкции потайного лаза.

Взгляд его скользнул дальше, остановившись на девушке. Нечто неуловимое в ее поведении указывали на то, что немалые сомнения овладели ею перед спуском в туннель. Девушка стояла к Ли вполоборота с плотно сомкнутыми губами и побледневшим лицом.

Похоже было на то, что молодая женщина вдруг потеряла такую характерную для нее самоуверенность. Затем она увидела Ли, и от ее нерешительности, казалось, не осталось и следа. Не обращая ни Ли внимания, девушка ступила на первую ступеньку лестницы, которая вела вниз и начала спускаться без малейшей тени колебания. И все же…

И все же именно первое его впечатление, что она на мгновенье дрогнула в глубине души, бросило его вперед. Только теперь ее кратковременный страх придал реальность всему

происходящему. Ли село нырнул вниз, буквально скатился по лестнице и выпрямился только тогда, когда убедился, что в самом деле находится в прямом тускло освещенном туннеле; и именно в этот момент девушка приостановилась и приложила палец к губам.

— Шшш! — произнесла она. — Дверь корабля может быть открыта.

Мгновенно раздражение овладело им. Теперь, когда Ли твердо принял решение, он уже автоматически ощущал себя лидером этой фантастической экспедиции, поэтому притязания девушки, это ее невероятное высокомерие вызвали у него приступ нетерпимости.

— Не смейте на меня шикать! — резко прошептал он. — Только изложите факты, все остальное предоставьте сделать мне.

Тут он осекся. До его сознания внезапно дошел истинный смысл произнесенных ею слов. Гнев его рухнул, как корпус самолета при неудачном приземлении.

— Корабль? — переспросил он недоверчиво. — Вы пытаетесь втолковать мне, что под «Константином» в самом деле припрятан космический корабль?

Девушка, казалось, не слышит его. Ли обна-

ружил, что они уже в самом конце короткого подземного перехода. Впереди тускло поблескивала какая-то металлическая конструкция. Наконец девушка сказала:

— Вот дверь. А теперь не забывайте, что вы выполняете роль телохранителя. Оставайтесь все время незамеченным, но в любое мгновенье будьте готовы открыть огонь. И как только я закричу «Стреляйте!», делайте это без малейшего промедления.

Она подалась вперед. Ли увидел крохотную вспыхнувшую искорку. Дверь отворилась, за нею показалась еще одна дверь. Снова мгновенная вспышка ярко-красного света — и эта дверь отворилась тоже.

Все было проделано быстро, даже очень быстро. Прежде, чем до сознания Ли дошло, что именно сейчас наступает критическая минута, девушка хладнокровно вошла в ярко освещенное помещение, находившееся за второй дверью.

Ли так и остался снаружи наполовину парализованный страхом. Металлическая стена, к которой он инстинктивно прижался, отбрасывала густую тень. Он замер там, безмолвно ругая про себя эту безрассудную молодую женщину, которая вошла в берлогу врагов, количество ко-

торых было ей, скорее всего, даже неизвестно, без какого-либо определенного плана самозащиты.

Или ей было известно, сколько там этих врагов? И кто они?

Вопрос этот и так, и эдак все вертелся в его уме, едва не доводя его до полного исступления, пока его не вытеснила совсем иная мысль: был ли он сам в большей безопасности, прячась здесь с оружием в руках?

Он напряженно ждал. Однако дверь оставалась открытой, а внутри, казалось, никто не двигался. Мало-помалу Ли позволили себе расслабиться и оглядеться.

В той части помещения, которая была ему видна из его укрытия, просматривалось нечто, показавшееся ему частью панели управления — металлическая стенка, на которой мигали крохотные сигнальные лампочки, — а также самый краешек довольно необычного ложа — и все это подтверждало, что перед ним космический корабль, и скептицизм Ли в конце концов не устоял перед этим, теперь казавшимся уже непреложным фактом.

Хоть это и было совершенно невероятным, но здесь под землей, под «Константином» в самом деле находился небольшой космический корабль

и…

Эта мысль оборвалась тоже, как только тишина по другую сторону открытой двери, это удивительно долгая тишина, была нарушена спокойны мужским голосом:

— Будь я на вашем месте, я даже не попытался бы поднимать этот ваш пистолет. То, что вы не произнесли ни слова с тех пор, как вошли сюда, только лишний раз доказывает, насколько невообразимо отличаемся мы от того, что вы ожидали увидеть.

Мужчина тихо рассеялся, неторопливым гортанным смехом, затем продолжал:

— Мерла, что бы ты сказала в отношении тех психологических мотивов, которыми руководствуется эта юная леди? Ты, конечно же, заметила, что эта молодая леди, а вовсе не юноша.

Ему отвечал сочный женский голос:

— Она родилась здесь, Джил. И поэтому не обладает теми обычными чертами, которые характерны для племени клаггов, но она галакт. Хотя, — в этом у меня нет ни малейших сомнений, — Галактическим Наблюдателем она не является. По всей вероятности, она не одна. Проверить это?

— Нет! — голос мужчины показался Ли до-

вольно равнодушны. — Нам не стоит особенно беспокоиться в отношении местных приспешников клаггов.

Ли снова постепенно расслабился. Хотя его не покидало неприятное ощущение полнейшей своей беспомощности. Только теперь он понял насколько важна была роль хладнокровной уверенности молодой женщины в формировании его собственного самообладания, которое даже стало казаться ему неотъемлемой частью его натуры.

Но как глубоко ошибался он в этой самооценке! Стоило ему услышать уверенные голоса этой новой пары действующих лиц, без труда разоблачивших маскировку девушки, как самообладание покинуло его. И лишь когда девушка наконец заговорила, он почувствовал, что мужество возвращается к нему под воздействием спокойной уверенности в своих силах, которая прозвучала в ее словах. Для него не имело значения, притворялась ли она при этом или нет, и понял, что теперь будет с нею заодно, хотя только безрассудная смелость могла позволить надеяться на то, что и удастся извлечь хоть частицу победы из поражения, которое уже столь явно над ним нависло.

Несмотря на это, он не мог не увлечься без-

упречной логикой ее речи.

— Мое молчание обусловлено пониманием того факта, что вы являетесь первыми дриггами, с которыми мне довелось повстречаться. Естественно, что я с некоторым любопытством изучала вас, но надо сказать, вы не произвели на меня особого впечатления, несмотря на ваше чудовищное сомнение. Так вот, я уполномочена Галактическим Наблюдателем поставить вас в известность о том, что вам надлежит к утру покинуть эту систему. Единственной причиной, которая побудила нас предоставить вам некоторую передышку, является нежелательность для нас открытия всей истины в отношении вашего пребывания в здешней системе. Но не вздумайте рассчитывать на то, что обнародование истины может вам в чем-то помочь. Земля вот-вот получит статус Четвертого Уровня, а, как вам, по всей вероятности, известно, в случае крайней необходимости планетам со статусом Четвертого уровня может быть передано галактическое звание. Такая необходимость, по вашему мнению, может возникнуть к завтрашнему утру.

— Ну, ну… — негромко рассмеялся мужчина. — Прекрасная речь, великолепно произнесенная, но совершенно бессмысленная для нас, для нас,

которые в состоянии всесторонне проанализировать эти ваши притязания, сколь бы искренними они ни были, и объяснить их чисто клаггианским вашим происхождением.

— Что ты намереваешься с нею сделать, Джил?

Голос мужчины звучал спокойно и уверенно:

— У нее нет ни малейшей возможности спастись. У нее есть кровь, да и жизни больше, чем обычно. Кроме того, это ясно даст знать Наблюдателю с каким презрением мы относимся к его ультиматуму.

Закончил он эту тираду неторопливым, удивительно сочным смехом.

— Мы теперь разыграем незамысловатую драму. Юная леди попытается выхватить свой пистолет и выстрелить из него в меня. Однако прежде, чем ей удастся хотя бы шевельнуться, я достану свое собственное оружие и выстрелю первым. Все дело заключается, как это она сейчас обнаружит, в быстроте прохождения нервных импульсов. А клагги в этом отношении испокон веков столь же медлительны, как и люди.

Мужчина замолчал. Смех его стих.

Наступила тишина.

За всю свою сознательную жизнь не испытывал Ли большей нерешительности, чем сейчас.

Все его чувства так и кричали: пора! Безусловно, девушка вот-вот обратится к нему за помощью. А даже если она и не сделает этого, он должен действовать по своей собственной инициативе, Ворваться внутрь! Стрелять! Стрелять!

Но ум его работал четко, смертельная опасность заставляла действовать только наверняка. Было в этом мужском голосе что-то такое, что говорило о безмерном его могуществе и, соответственно, об абсолютной его уверенности в себе. Сверхъестественная сила наличествовала в его поведении; и если это на само деле космический корабль, способный преодолевать расстояния между звездами…

Ли был не в состоянии полностью осознать это. Он пригнулся, собравшись в комок, и стал поглаживать револьвер, которым снабдила его девушка, понимая, что такого рода оружие прежде не приходилось ему держать в руках.

Он весь сжался, как пружина, и ждал, но в рубке космического корабля, где должны были находиться в колоссальном напряжении не попадавшие в поле его зрения главные действующие лица, продолжала царить тишина. Такая же точно странная тишина, которая последовала после того, как несколькими минутами ранее

туда прошла девушка. Только на этот раз именно она нарушила тишину, голос ее звучал негромко, но в то же время абсолютно спокойно, в ее словах не было и тени страха.

— Я здесь для того, чтобы предупредить вас, а не вступать с вами в бесплодные пререкания. И если только вы не заряжены жизненной энергией как минимум пятнадцати человек, то я не рекомендовала бы вам предпринимать какие-либо необдуманные действия. Ведь я вошла к вам сюда, отдавая себе отчет в том, что вы собой представляете.

— А как ты считаешь, Мерла? Мы можем быть абсолютно уверены в том, что она на самом деле не более, как клаггианка? Может оказаться так, что она принадлежит к существам более высокого уровня умственного развития, например, к леннеллианам?

В самоуверенном, слегка насмешливом тоне мужчины проступило некоторое, почти неуловимое сомнение.

Пораженный фантастичностью разворачивающегося перед ним сюжета, парализованный ощущением надвигавшейся смертельной опасности, Ли с его репортерскими навыками все-таки успевал фиксировать в сознании все детали.

— Жизненная энергия пятнадцати человек…

Именно здесь была разгадка загадочных событий последних дней. Все становилось на свои места, несмотря на чудовищность происшедшего. И два мертвых тела, из которых были изъяты кровь и жизненная энергия, и повторявшиеся неоднократно упоминания о Галактическом Наблюдателе, с которым была связана девушка…

Он едва расслышал, что сказала женщина.

— Клаггианка — да и только! — воскликнула она без тени сомнения. — Не обращай никакого внимания на ее протесты, Джил. Ты же знаешь, у меня особых нюх, когда приходится иметь дело с женщинами. Она лжет. Она всего лишь глупышка, которая забрела сюда в надежде, что мы ее испугаемся. Уничтожь ее в свое удовольствие.

— Тут меня не надо долго уговаривать, — произнес мужчина. — Так что…

Почти машинально Ли метнулся в открытую дверь. Перед его взором мелькнули мужчина и женщина в вечерних нарядах, мужчина стоял, женщина сидела. Обстановка вокруг вся была из сверкающего безупречной полировкой металла, это в самом деле была рубка фантастического корабля, часть ее он уже видел, теперь взору его открылось огромное количество самых разнооб-

разных приборов, а затем все это затуманилось, когда он коротко бросил:

— Довольно! Руки вверх!

В течение какого-то невероятно долгого, ослепительного в своей яркости мгновения, Ли захлестнуло впечатление, что его появление здесь оказалось совершенно неожиданным и что он является хозяином положения. Никто из троих, находившихся в комнате, не успел повернуться в его сторону. Джил и девушка так и продолжали стоять, глядя друг на друга: Мерла оставалась в глубоком кресле, повернутая к Ли, точеным профилем, золотая ее голова была резко брошена назад.

И именно она, даже не удостоив его хотя бы одним-единственным взглядом, откровенно презрительно усмехнулась — и такое сказала, что ничего не осталось от этой его кратковременной убежденности о своем триумфе. Она произнесла, обращаясь к переодетой в мужскую одежду девушке:

— Ну и невысокого же пошиба у вас компания — тупое человеческое существо. Велите ему тотчас же убраться, не то, худо ему будет.

— Ли, — произнесла девушка, — извините меня за то, что я впутала вас в эту историю. Каждое дви-

жение, которое вы совершили, входя сюда, было услышано, увидено, проанализировано и оставлено без дальнейшего рассмотрения как ничего не значащее еще до того, как вам удалось своим сознанием воспринять происходящее здесь.

— Его зовут Ли? — отрывисто спросила женщина. — Мне кажется, я узнала его. Он очень похож на свою фотографию, помещенную над написанной им газетной статьей. — Голос женщины почему-то стал взволнованным. — Джил, это тот самый газетный репортер!

— Он нам пока что не нужен, — ответил ей мужчина. — Нам известно, кто является Галактическим Наблюдателем.

— Что? — изумлено вскричал Ли; он прямотаки остолбенел — настолько поразили его эти слова. — Кто? Как это вам удалось узнать? Что…

— Информация эта, — произнесла женщина, и Ли внезапно понял, что новый, необычный оттенок ее голоса обусловлен предвкушением чего-то, для нее крайне желательного, — для вас совершенно бесполезна. Вы останетесь здесь независимо от того, что случится с девушкой.

Она бросила быстрый взгляд в сторону мужчины, как бы ища его одобрения.

— Помнишь, Джил? Ты ведь мне обещал…

Все это выглядело настолько несуразно, что Ли даже не проникся чувством нависшей лично над ним какой-то, может быть, даже смертельной опасности. Ум его просто пропустил через себя эти слова, продолжая оставаться полностью сосредоточенным на окружавшей его реальности, постичь которую в полной мере никак не удавалось.

— Минутой раньше, — спокойно заметил он, — вы считали, что мне лучше немедленно убраться отсюда. — Ли довольно кисло улыбнулся. Такой поворот в ваших намерениях говорит о том, что наше положение изменилось. И я понимаю, почему. Я слышал, как наш приятель, Джил, подзадоривал мою юную подругу, чтобы она попыталась воспользоваться оружием. И я замечаю, что, пока мы говорили, она успела взять его в руки и держит вас на прицеле. Следовательно, мое появление здесь было не напрасным.

Затем, повернувшись к девушке, Ли быстро закончил:

— Так что, стреляем… или уходим отсюда?

Вместо нее ответил мужчина.

— Я бы советовал вам ретироваться. Не так уж трудно было бы одержать верх над вами, но я не принадлежу к существам героического склада

характера, которые склонны подвергать себя неоправданному риску, когда можно все уладить полюбовно.

Обернувшись к своей спутнице, он добавил:

— Мерла, а этого мужчину мы всегда еще успеем изловить, теперь, когда знаем, что он из себя представляет.

— Выходите первым, мистер Ли, — произнесла девушка.

Ли не стал с нею спорить.

Едва он метнулся в туннель, как за его спиной с лязгом захлопнулись металлические двери. Через мгновенье до него дошло, что девушка без особого напряжения бежит с ним рядом.

Причудливо нереальная — и одновременно смертельно опасная драма завершилась. Финал ее был фантастичным, как и ее начало.

Глава 4

Улица, на которую они вышли из ресторана «У Константина», уже погрузилась в серую вечернюю мглу. Мимо них быстрой суетливой походкой проходили люди с беспокойными взглядами. Они спешили домой, быстро растворялись в стремительно сгущавшихся сумерках. В свои права вступала ночь.

Ли бросил осторожный взгляд в сторону своей попутчицы. В наступившей темноте она действительно казалась мальчиком. Стройная, ладно скроенная, она решительно шагала рядом с ним, не отставая ни на шаг. Он тихо рассмеялся, затем серьезно спросил:

— И что же все это значит? Что нам едва удалось унести ноги? Или что мы все-таки вышли победителями? Что побудило вас посчитать себя хозяйкой положения и дать этим опасным типам двенадцать часов на то, чтобы они убрались из Солнечной системы?

Девушка долго не отвечала. Она продолжала шагать впереди него, печально опустив голову. Вдруг она обернулась и произнесла,

— Надеюсь, вам не придет в голову нелепая

мысль рассказывать кому бы то ни было о том, что вы видели и слышали?

— Это крупнейшая сенсация с тех пор, как…

— Послушайте, — в голосе девушки зазвучало сожаление, — вы не станете печатать ни строчки об этом, потому что через десять секунд убедитесь, что никто в мире не поверит даже самому первому абзацу.

Ли улыбнулся.

— Механический психолог подтвердит каждое произнесенное мною слово.

— А вот и нет! — с дрожью в голосе произнесла девушка.

Рука ее взметнулась к самому лицу Ли. Он отдернулся назад, не было уже слишком поздно.

В глаза его вспыхнул ослепительно яркий свет, интенсивность которого была настолько велика, что невыносимо мучительная боль пронизала его мозг, будто в голове произошел ядерный микровзрыв. Ли выругался вслух, выругался яростно и рванулся вперед, к своей мучительнице. Он попытался пустить в ход руки, но испытал только еще большую ярость от неудовлетворенного желания — пальцы его поймали лишь край рукава, который мгновенно отдернулся.

— Вы — маленький дьяволенок, — в бешенстве

выпалил он, поняв тщетность своих попыток. — Вы ослепили меня.

— У вас все будет в полном порядке. — спокойно заметила девушка, — вот только механический психолог классифицирует все, что вы расскажите, как плод разыгравшегося воображения. Это на случай вашей угрозы напечатать отчет о происшедшем. Поймите, я вынуждена была так поступить. А теперь верните мне мой револьвер.

В первых проблесках понемногу возвращавшегося зрения девушка виделась Ли как неясный, дрожащий силуэт в ночной мгле. Несмотря на все еще мучившую его боль в глазах, Ли уныло улыбнулся и произнес тихо:

— Я вспомнил ваше предупреждение о том, что этот револьвер стреляет не пулями. Это послужит прекрасным доказательством правдивости любого заявления, которое я сделаю. Так что…

Улыбка внезапно сошла с лица Ли. Потому что девушка быстро рванулась к нему. Металл, который она ткнула ему под самые ребра, был столь тверд, столь холоден, что он аж захрипел.

— Сейчас же отдайте мне револьвер!

— Как бы не так, — огрызнулся Ли. — Вы неблагодарная маленькая хулиганка» Как вы еще смеете угрожать мне, притом столь подлым

способом, после того, как я фактически спас вам жизнь? Жаль, что я не залепил разок вам по челюсти, чтобы…

Внезапно он осекся, так как в голову ему буквально ударило четкое осознание того, что девушка эта воспитывалась не в пансионе, где учили изящным манерам; это хладнокровное молодое существо, которое уже на деле доказало свою железную стойкость и которое не остановится ни перед чем ради достижения своей цели. Не издав больше слова протеста, он поспешно вернул оружие девушке. Она забрала пистолет и произнесла суровым тоном:

— Похоже, что вам будет болезненно трудно избавиться от иллюзии, будто именно своевременное ваше появление в рубке космического корабля представило мне возможность прибегнуть к оружию в качестве решающего аргумента в переговорах с дриггами. Вы очень заблуждаетесь на сей счет. Единственное, чему вы действительно поспособствовали, так это ошибочному выводу дриггов, касающемуся оценки ситуации. Но я заверяю вас в том, что на самом деле даже по самым высоким оценкам, ваша помощь фактически ни малейшим образом не повлияла на исход моей первой встречи с дриггами.

Ли снисходительно рассеялся.

— Я хоть и прожил сравнительно немного, — иронически произнес он, — но научился ценить силу личности и внутренне присущий ей магнетизм. Вы щедро наделены этими качествами, пожалуй, даже слишком щедро, но и вам далеко до этих двоих, особенно мужчины. Это поистине сверхъестественное магнетическое существо. Я, разумеется, могу только строить догадки в отношении того, что происходит, но я рекомендовал бы вам… — тут Ли сделал паузу, — …вам и всем другим вашим соплеменникам-клаггам держаться как можно дальше от этой пары. Лично я намерен посвятить в это дело полицию, пусть она организует налет на этот номер три. Мне совсем не по нутру их странная угроза, что они смогут поймать меня, когда им вздумается. Почему именно меня… — Тут он осекся. — Эй, куда это вы? Я хочу знать ваше имя! Почему вы думаете, что справитесь с теми двумя, в подвале?! Кто вы?!

Некоторое время он теперь уже безмолвно провожал глазами стремительно удалявшуюся фигурку, освещенную тусклым фонарем, затем она скрылась за углом.

Его единственная точка соприкосновения со всем этим фантастическим миром… Если она

сейчас исчезнет…

Вспотев, он обогнул угол. Поначалу погруженный в кромешную тьму переулок показался ему лишенных каких-либо признаков жизни. Затем он различил автомобиль.

С виду это был вполне обычный двухместный спортивный автомобиль с высоко поднятым капотом, вытянутый, низко посаженный, он тронулся вперед бесшумно — И, в общем-то, совсем нормально.

И вдруг этот автомобиль превратился в нечто совершенно необычное. Он приподнялся в воздух! И что было совсем уж поразительным поднялся вертикально, непосредственно с мостовой. Перед глазами Ли промелькнули белые резиновые колеса, которые сложились и исчезли под кузовом. Весь обтекаемый, сигарообразный, космический корабль, в который превратился автомобиль, по крутой траектории взмыл высоко в небо.

И мгновенно пропал из виду.

Над головой у Ли небо, где сгущалась ночная тьма, озарилось на мгновенье необычным ярко-синим сиянием. И снова одни лишь звезды слабо поблескивали над городом. Задрав голову, он глядел на них, ощущая полнейшую опустошенность, и думал: «Неужели это не сон? Эти дригги,

появившиеся в космосе, кровопийцы-вампиры…

Неожиданно почувствовав голод, он купил шоколад в киоске и стал его жевать.

Почувствовав себя лучше, Ли прошел к ближайшей настенной розетке и включил в нее свой наручный передатчик.

— Джим, — произнес он в миниатюрный микрофон, — я раздобыл кое-какой материал. Не для публикации, но, может быть, ознакомление с ним заставит полицию предпринять определенные меры. Я хочу, чтобы ты прислал в мой гостиничный номер механического репортера-психолога. Обязательно можно будет извлечь кое-что интересное из клеток памяти моего мозга…

Он оживленно продолжал беседу с редактором. Испытываемое им ранее.

Он оживленно продолжал беседу с редактором. Испытываемое им ранее ощущение полнейшей несуразности происшедшего заметно пошло на убыль. Репортер Ли мало-помалу снова становился самим собою.

Глава 5

Небольшие сверкающие шарики механического репортера вращались все быстрее и быстрее, пока не превратились в один светящийся в темноте кругу. И только после этого его ноздрей коснулось первое дуновение восхитительного психогаза. Ли показалось, что он плывет, постепенно соскальзывая куда-то все больше и больше…

Откуда-то, как бы издалека, сквозь слабый шум, донесся голос, пока он еще был столь отдаленным, что невозможно было разобрать ни слова. С каждым мгновением в нем нарастало ощущение, что совсем скоро он услышит нечто необыкновенно пленительное.

Жажда разобрать, что так проникновенно шепчет ему далекий голос, отодвинуло все его остальные мысли и ощущения. Но наркотический газ делал свое дело, и с каждым мгновением становился все глуше, пока наконец Ли не погрузился в глубокий гипнотический сон.

Когда он открыл глаза, в спальне было темно, только в углу рядом с креслом, горел торшер, который освещал одетую во все темное женщину,

сидевшую в кресле, лишь лицо ее оставалось в тени.

Ли, должно быть, пошевелился, так как женщина вдруг подняла голову, взгляд ее оторвался от нескольких листов машинописной бумаги стандартного размера, которые она держала в руках. Раздался голос Мерлы:

— Девушка проделала очень неплохую работу, стерев подчистую все содержание памяти вашего подсознания. Имеется только одна зацепка, дающая возможность узнать ее происхождение и…

Слова женщины продолжали литься плавным потоком, но они смешались в его уме в этот ужасные момент, когда он узнал, кто находится с ним в одной комнате. Слишком много, чересчур много страха пришлось натерпеться ему за столь короткий промежуток времени. На мгновенье он почувствовал себя беспомощным ребенком, в голове билась лихорадочная мысль о немедленном бегстве.

Если бы только ему удалось соскользнуть к краю кровати, подальше от того места, где сидела женщина, и опрометью броситься в ванную…

— Разумеется, мистер Ли, — услышал он голос женщины, — у вас достаточно ума, чтобы не сотворить какую-нибудь глупость. Вы ведь, без-

условно, понимаете, что, будь у меня намерение убить вас, я бы сделала это еще тогда, когда вы еще спали.

Ли лежал очень тихо, стараясь собраться с мыслями. Во рту у него пересохло. Слова ее повергли его в состояние теперь уже полнейшего уныния.

— Что… вам… от меня… нужно? — в конце концов, с огромным трудом удалось вымолвить ему.

— Информация! — Голос женщины звучал с категорической лаконичностью.

— Что это за девушка?

— Не знаю.

Он всмотрелся в полутьму, в которой было скрыто лицо женщины. Теперь глаза его адаптировались к тусклому освещению комнаты, и он был в состоянии различить светло-золотистый цвет ее пышных волос.

— Я полагал… что вы знаете — медленно произнес он и продолжал уже живее. — Вам ведь известно, кто является Галактическим Наблюдателем. А значит, установить личность женщины для вас не составляет особого труда.

Ему показалось, что женщина улыбается.

— Наше заявление по этому поводу было сделано с расчетом застать врасплох и вас, и эту девушку, оно-то и стало причиной той частичной

победы, которую нам удалось вырвать в том, почти безвыходном положении, в котором мы очутились.

Ли все еще продолжал испытывать телесную слабость, но отчаянный страх, который до сих пор цепко держал все его естество, стал постепенно убывать по мере того, как разум его начал постигать смысл ее признания в слабости их положения; к нему мало-помалу приходило понимание того факта, что дригги не были такими уж сверхъестественными могучими существами, как это ему казалось поначалу. Вслед за облегчением пришла осторожность. Полегче. Не уставал предупреждать он самого себя, не разумно недооценивать противника. И все же он смог удержаться и произнес:

— Значит, не такие уж вы мудрые и сверхловкие. Даже эта ваша «вырванная победа» была обставлена не очень то красиво. Заявление вашего мужа, что вы со мною еще успеете разделаться, например, выглядит как детское хвастовство.

Ответ женщины был спокоен, даже несколько презрителен.

— Если бы вы хоть немного разбирались в психологии, вы бы быстро уразумели, что нечеткая формулировка этой угрозы на самом-то деле

имела истинной своей целью обмануть вас. Вам определенно не удалось предусмотреть даже минимальные меры предосторожности. А девушка явно не предприняла никаких попыток защитить вас, обезопасить вашу жизнь.

Указание на преднамеренную, утонченную в своем хитроумии уловку, снова вызвало у Ли приступ тревоги. Где-то глубоко, очень глубоко в его сознании засела беспокойная мысль: какой же все-таки финал задумала эта женщина-дригг для их странной их встречи в гостиничном номере?

— Вы, конечно же, понимаете, — вкрадчивым голосом продолжала женщина-дригг, — что вы представляете для нас определенную ценность, пока живы — иначе вас ждет смерть. Вы поставлены перед суровым выбором. Я бы порекомендовала вам проявлять максимальную искренность, когда будете с нами сотрудничать. Вы ведь понимаете, что по самое горло погрязли в этой истории.

Значит, вот таков был замысел этих коварных вампиров. По лбу Ли скатилась крохотная бусинка пота. Руки его дрожали, когда он потянулся к пачке сигарет, лежавшей на столике возле кровати.

Он нервно закуривал сигарету, когда взгляд его

вдруг приковало окно. За окном шел дождь, очень сильный дождь, капли его яростно барабанили по звуконепроницаемым стеклам.

Мысленному взору его представилось безлюдные улицы, потускневшие в этом наполнено дождем ночном мареве уличные огни. Картина опустевшего городского пейзажа почему-то угнетала его. Покинутые людьми улицы — покинутый всеми Ли, вот какая ассоциация промелькнула в его мозгу. Ибо он в самом деле был покинут здесь на милость беспощадного в своей жестокости противника; все его друзья были разбросаны по необъятным просторам планеты и не могли добавить ему ни капли силы и блеснуть хотя бы единым лучиком надежды для него в этой затемненной комнаты, перед женщиной, которая с таким спокойствием сидела в кресле у торшера, изучающе глядя на него.

Собравшись с духом, Ли спросил:

— Насколько я понимаю, это моя психограмма находится сейчас в ваших руках. И что же она показывает?

— Вас ждет разочарование. — Голос женщины казался каким-то отрешенным. — В ней имеется предупреждение в отношении состояния вашего пищеварительного тракта. Похоже на то, что вы

весьма нерегулярно принимаете пищу.

Неуклюжая попытка проявить чувство юмора лишь подчеркнула жуткую суть ее личности. Черная необозримость космоса, которую она пересекла, неестественная жажда крови и жизни, что привели ее и ее компаньона на беззащитную Землю, — все это могло быть в этом монстре. Ничего человеческого не наложило на нее свой отпечаток.

Ли встряхнулся. Черт побери, разозлившись, подумал он, с какой стати я запугиваю самого себя? Пока она сидит в своем кресле, она не состоянии поживится моей кровью. Надо оставаться самим собой и подождать, как станут разворачиваться события. Вслух он произнес:

— Если в психограмме действительно нет ничего для вас интересного, то на какую же тогда помощь вы рассчитываете? Не лучше ли вам взять да и уйти отсюда, оставив меня в покое? Ваше присутствие здесь не доставляет мне особого удовольствия.

Где-то в глубине души он надеялся на то, что она смехом встретит это его предложение. Но женщина с самым серьезным видом продолжала сидеть в кресле, глаза ее тускло поблескивали в полумраке. В конце концов она так ответила Ли:

— Давайте вместе рассмотрим вашу психограмму. Насколько я полагаю, мы можем оставить без особого внимания указания на состояние вашего здоровья, поскольку они не имеют какого-либо отношения к тому, что нас интересует. Но здесь приведено немалое количество данных, которые мне хотелось бы проанализировать более подробно. Кто — профессор Унгарн?

— Ученый, — честно ответил Ли. — Это он изобрел систему механического гипноза, и именно к нему обратились за разъяснениями, когда были найдены мертвые тела, так как сложилось единодушное мнение, что подобное зверство могли совершить только извращенцы.

— Вам известно, хоть сколько-нибудь, как он выглядит внешне?

— Я никогда не видел его, — не спеша ответил Ли. — Он никогда не дает интервью, а его фотографией мы сейчас не располагаем. Я слышал кое-какие истории о нем, однако…

Он замолчал в нерешительности. Ведь это вовсе не означает, подумал он, нахмурившись, что он сейчас открывает что-либо такое, что не было бы общеизвестны. Что, в конце-то концов, в самом деле интересует женщину? Унгарн…

— Эти истории, — произнесла женщина, сви-

детельствуют, что он человек безмерной магнетической силы, но с явными чертами душевных страданий, выгравированных на его лице и придающих ему какую-то покорность.

— Покорность перед чем? — воскликнул Ли. — у меня нет ни малейшего представления, о чем это вы говорите. Я видел только старые фотографии, а на них лицо у него, хотя и усталое, но вполне открытое.

— Информацию о нем можно раздобыть в любой библиотеке? — спросила женщина.

— Да, хотя бы в архиве Планетарного информагенства, — сказал Ли и тут же едва не прикусил язык свой за то, что так, задарма, выболтнул пусть хоть и крупицу, но достаточно ценной информации.

— В архиве? — с интересом переспросила женщина.

Ли пояснил, но голос его дрожал от негодования на самого себя. Все больше в нем нарастало очень неприятное ощущение того, что эта дьявольская женщина все-таки вышла на верный след. И продолжает выуживать из него нужные ей ответы, потому что он никак не наберется духу упереться и наконец перестроить весь ход своих мыслей на преднамеренную ложь.

Несмотря на отчаянное беспокойство, что его охватило, он испытывал огромную досаду: как невероятно быстро удалось ей решить проблему личности Наблюдателя! Ведь, черт побери, им действительно вполне мог быть профессор Унгарн!

Унгарн, таинственный ученый, великий изобретатель, прославивший свое имя в различных самых сложных сферах знания, да плюс еще и загадочное убежище его на метеорите поблизости от одного из спутников Юпитера. И были еще у него дочь по имени Патриция. Боже праведный, Патрик… Патриция…

Поток предположений, вихрем пронесшихся в его голове, неожиданно оборвался, когда женщина не допускающим возражений тоном произнесла:

— Вы можете попросить вашу редакцию переслать информацию в этот ваш рекордер, находящейся здесь?

— Д-да!

Нежелание его сотрудничать было столь явным, что женщина пригнулась, чтобы повнимательнее на него взглянуть, и голова ее при этом оказалась в круге света. На какое-то мгновение блеснуло золото ее волос, в ее светло-голубых

глазах мелькнула странная сатанинская, бездушная усмешка.

— О! — воскликнула она удовлетворенно. — Вы так считаете тоже?

Она рассмеялась совершенно необычным, музыкальным смехом, одновременно таким отрывисто-грубым и таким приятным для слуха. Смех неожиданно, как-то даже неестественно, оборвался на самой высокой ноте. А затем — хотя он и не заметил ее движения — в ее руках оказался какой-то нацеленный на него металлический предмет, а голос зазвучал жестко, повелительно.

— Поднимайтесь с кровати, включайте рекордер, и не вздумайте что-либо говорить или делать, кроме необходимого для меня.

Ли ощутил приступ головокружения. Комната закачалась, поплыла перед его глазами, и он с тоскою подумал: как жаль, что он не лишился чувств.

Испытывая к самому себе омерзение, он почувствовал, что ему больше не повинуется его тело. Он прошел к рекордеру. Впервые за всю жизнь он возненавидел свою способность, которой он всегда гордился, — быстро восстанавливать свои как душевные, так и физические силы, — ибо именно она, эта способность, дала возможность его

голосу сейчас стать твердым и невозмутимым, когда он, включив и отрегулировав аппаратуру звукозаписи; произнес:

— Это Уильям Ли. Ну-ка поднимите мне все данные, какие только у вас есть, касающиеся профессора Гаррета Унгарна.

Наступила пауза, заполненная его горестными мыслями: «Я ведь совсем не выдаю сведения, к которым не подступиться никаким иным способом. Просто…»

В машине раздался щелчок, затем отрывистый голос:

— Вот, пожалуйста. Поставьте подпись.

Ли, затаив дыхание, глядел на то, как исчезает в чреве машины лента с его подписью. Когда он выпрямился, женщина спросила:

— Прочитать мне здесь, Джил или мы заберем с собою машинку?

Теперь Ли совсем пал духом. У него закружилась голова, и он очень осторожно опустился на кровать.

Мужчина-дригг, Джил, стоял неподвижно, прислонившись к косяку двери в ванную, едва различимый в полутьме статный мужчина в откровенно угрожающей позе, на губах его играла зловещая улыбка. Позади него — и это было

совсем уж невероятным — позади него, сквозь открытую дверь виднелась не сверкающая отделкой ванна, а другая дверь, а за нею еще одна дверь, а дальше…

Рубка космического корабля дриггов!

Да, именно она, в точности такая же, какую он видел в подвале под «Константином». Точно так же в поле зрения попадала часть необычного ложа, внушительная секция приборной панели, со вкусом отделанный пол…

В его собственной ванной!

Безумная мысль пришла Ли в голову. «О, да, ведь это я сам храню космический корабль в своей ванной…». Однако эти его туманные мысли прервал голос дригга.

— Я считаю, что нам лучше уйти. Мне доставляет немало труда удерживать корабль в данном сочетании пространственно-временных континуумов. Забирай этого репортеришку вместе с его машинкой и…

Ли попытался собраться с мыслями.

— Вы… забираете… меня… с собою?

— Естественно, — отозвалась женщина. — Вы обещали мне, и к тому же на еще понадобится ваша помощь в отыскании метеорита Унгарна.

Ли сидел, не шевелясь ни единым мускулом. В

голове мелькнула совсем уже несуразная мысль: хорошо, что он не трус — он ведь доказал это недавно! Но это было действительно важно, потому что на него надвигалась смертельная опасность.

Через мгновенье он обратил внимание на то, что дождь все еще барабанит по стеклам огромными, блестящими каплями, стекающими вниз сплошным потоком. И еще увидел он, что ночь была очень темной. Темная ночь, черный дождь, неизвестность судьбы — се это вполне соответствовало его мрачным мыслям.

С немалым трудом он привел себя в более или менее нормальное состояние и спокойно поднял взор на своих планетных похитителей. Репортер Ли снова был тверд перед лицом ожидавшей его судьбы и готов сразиться за свою жизнь.

— Я не в состоянии придумать ни единой причины, — сказал он, почему это мне следует уйти отсюда вместе с вами. И если вы полагаете, что я намерен по доброй своей воле помочь вам уничтожить Наблюдателя, то вы просто с ума сошли.

— В вашей психограмме, — сухо заметила женщина, — имеется мимолетное упоминание о некоей миссис Генри Ли, которая живет в де-

ревне под названием Релтон на тихоокеанском побережье. Мы можем оказаться там через какие-нибудь полчаса, а еще через минуту уничтожим вашу мать и ее дом. Или, пожалуй, добавим ее кровь к нашим запасам.

— Его мать может оказаться слишком старой, — произнес мужчина тоном, от которого кровь застыла в венах у Ли. — Нам не нужна кровь стариков.

Эти леденящие душу фразы привели Ли в неописуемый ужас. Перед его мысленным взором на какое-то мгновенье предстало страшное виденье: космический корабль, стремительно и беззвучно пронизывающий ночь, которая окутала весь восток североамериканского материка, зависает над мирной деревушкой, а затем обрушивает на нее неземную энергию в яростной вспышке. Всего одна секунда всеуничтожающего огня — и корабль взмывает вертикально вверх над темными безмерными водными пространствами, расположенными на западе.

Когда ужасная картина наконец поблекла в его сознании, женщина спокойно заметил:

— Джил и я разработали интересную систему допроса человеческих существ с невысоким уровнем умственного развития. Обычно, Джил пугает

людей одним лишь фактом своего присутствия. Подобным же образом действую на людей и я, особенно когда они видят меня четко при сильном освещении. Поэтому мы всегда стараемся так устроить свои встречи с человеческими существами, что я сижу в полумраке, а Джил держится на заднем плане. Такой метод оказался очень эффективным.

Она встала, высокая, стройная, в желтой кофте и в юбке, туго обтягивавшей ее еще оставшуюся в полутьме фигуру.

— Ну, а теперь, — закончила она, — в путь, пожалуй? Машинку несете вы, мистер Ли.

— Я сам возьму ее, — произнес дригг.

Ли бросил злобный взгляд в сторону этого худого мускулистого ужасного мужчины, и тут тот его ошарашил неожиданным вопросом, который зародил у Ли отчаянное намерение…

Дригг наклонился над небольшой машинкой, стоявшей на угловом столике.

— Как она работает? — почти приятным голосом спросил он.

Едва сдерживая нервную дрожь, Ли сделал несколько шагов вперед. Неужели у него есть шанс выпутаться из создавшегося положения, не подвергая никого опасности? Дригги без промед-

ления собирались вылетать в космос, чтобы, судя по их собственным же словам, отправиться на поиски метеорита Унгарна. Надо постараться задержать их любой ценой. Он не спеша ответил:

— Нажмите кнопку, промаркированную надписью «Заголовки», и машина отпечатает все основные рубрики, имеющие какое-либо касательство к интересующему вас вопросу.

— звучит вполне благоразумно.

Ли только уныло кивнул. Джил протянул руку и нажал указанную кнопку. Рекордер еле слышно зажужжал, одна из его внутренних секций засветилась, и стали видны печатаемые механизмом строчки под прозрачным кожухом, — несколько заголовков, переданных редакционным компьютером.

— «...Его убежище в метеорите», — прочитал дригг. — Это как раз то, что мне нужно. Каков следующий шаг по получению более уточненной информации?

— Нажмите кнопку «Подзаголовки».

Ли снова неожиданно задрожал всем телом. Он едва сдержался, чтобы не издать громкий стон. Неужели станет возможным, что эта нелюдь именно с его помощью добудет всю необходимую ей информацию? Определенно такой чудовищ-

ной силы разум было бы очень нелегко увести в сторону от выполнения с такой логической последовательностью составленного плана.

Ли сделал еще одну попытку взять себя в руки, сосредоточившись на осуществлении своих замыслов. Он не имеет права упустить шанс, который дала ему в руки судьба.

— Подзаголовок, который мне необходимо выбрать, — произнес дригг, промаркирован надписью «местонахождение». И есть еще здесь какое-то число, всего лишь одно, перед ним. Как теперь мне надлежит поступить?

— Нажмите кнопку, промаркированную цифрой «1», — пояснил Ли. — Затем нажмите клавишу с надписью «Полный сброс».

Он весь напрягся. Если бы только удалось ему его уловка… Это непременно должно сработать…

Кнопка «1» выдаст информацию под данным заголовком. И мужчину, безусловно, — во всяком случае, пока что это вполне устроит. Ведь, в общем-то, это только первичная проверка. Они очень торопятся.

А позже, когда дригг обнаружит, что нажатие кнопки «Полный сброс» уничтожило всю остальную и информацию — тогда будет уже слишком поздно что-либо исправить.

Мысли Ли затуманились. Он вздрогнул. Дригг глядел на него ледяным, исполненным уничтожающей иронии взглядом.

— Ваш голос подобен звукам хорошо настроенного органа, каждое произнесенное вами слово сопровождается едва заметными, вами самими не ощущаемыми обертонами, которые многое могут сказать чувствительному слуху. Поэтому, — стальная в своей суровой ярости ухмылка исказила это худое, зловещее лицо, — я нажму только кнопку «1». Но воздержусь от нажатия кнопки «Полный сброс». И как только познакомлюсь с той небольшой историей, что поведает мне рекордер, я уж должным образом позабочусь о том, чтобы вы не остались безнаказанным за эту столько жалкую попытку подловить меня. Приговор — смерть.

— Джил!

— Смерть! — неумолимо изрек мужчина.

Женщина не посмела возражать.

После этого наступила тягостная тишина, слышно было только приглушенное жужжание механизма рекордера. На ум к Ли не приходили никакие мысли. Он ощущал себя бесплотной тенью, лишенной телесного воплощения, и бесцельно ожидающей чего-то на краю ночи более

темной, чем черные пустыни космоса, откуда явились сюда эти чудовища.

Пришло и сознание некоего родства с черным дождем, который продолжал литься с такой необоримой мощью на ярко отсвечивавшиеся стекла окон. Потому что очень скоро и он сам станет частью этой неорганической тьмы — едва различимой фигурой, безжизненно валяющейся на полу этой тускло освещенной комнаты.

Бесцельный его взор снова возвратился к принтеру рекордера и к угрюмому мужчине, который стоял, погруженный в мрачное раздумье, и глядел, как на листе бумаги складываются в фразы печатаемые литерами машинки слова.

Мысль Ли заработала быстрее. Жизнь его, которая потрясающей жестокостью была раздавлена этим смертным приговором, вновь затрепетала в его теле. Он распрямился, физически и морально. И вдруг до конца осознал ту цель, что он преследует.

Если смерть его является неизбежной, то он, по крайней мере, мог бы попытаться как-нибудь сам нажать на кнопку «Полный сброс». Он пристально глядел на заветную кнопку, мысленно оценивая расстояние до нее, и в голове у него мелькнула невеселая мысль — какая невероят-

ная ирония заключается в том, что ему придется потратить последние свои силы на то, чтобы не дать им возможности заполучить никчемную информацию, которая была фактически общедоступной. И все же…

Цель его осталась неизменной. Всего один метр, осторожно прикинул он, ну, может быть, метр с четвертью. Если бы бросился он вперед всем телом, то каким образом даже дриггу можно удержать тяжесть его падающего тела и воспрепятствовать его вытянутым пальцам выполнить столь простую, незамысловатую миссию?

Ведь его внезапное вмешательство уже однажды, чуть раньше, расстроило планы дриггов, предоставив возможность девушке Унгарна — несмотря на то, что сама она всячески это отрицала — выхватить пистолет и…

Он внутренне весь собрался, когда увидел, что дригг отворачивается от рекордера. Мужчина разомкнул был уже губы, чтобы сказать что-то, но тут женщина, Мерла, успела опередить его из своего полутемного угла, произнеся:

— Ну?

Мужчина нахмурился.

— В записанной рекордером информации не содержится указаний на точное местонахожде-

ние. По-видимому, в этой системе еще не заведен точный учет всех без исключения метеоритов. К такому повороту событий я, в общем-то, был готов. Космические путешествия здесь осуществляются всего лишь какую-нибудь сотню лет, и вся энергия деятельности исследователей и изыскателей пока еще направлена на обследование планет и спутников Юпитера.

— Я мог бы и сам сказать вам это, не прибегая к редакционному архиву,

— вставил свое слово Ли.

Если б только удалось ему хоть чуть-чуть придвинуться поближе к рекордеру, так, чтобы дриггу пришлось бы не просто вытянуть свою руку, но и…

— Тем не менее, — продолжал мужчина, — здесь имеется ссылка на некоего перевозчика продуктов питания и других товаров со спутника Юпитера под названием Европа к метеориту Унгарна. Мы… э… убедим этого человека показать нам путь к этому метеориту.

— Когда-нибудь, даже не в столь уж отдаленном будущем, — сказал Ли, — вы все равно столкнетесь с тем, что вам станет не под силу убедить хотя бы одного живого человека. Каким образом вы станете воздействовать на этого бедолагу? А

если у него нет матери?

— У него есть… жизнь, — спокойно заметила женщина.

— Стоит ему хоть один раз на вас глянуть, — со злостью отрезал Ли, — как ему сразу же станет ясно, что он все равно ее потеряет.

Произнеся эти слова, он переместился как бы совершенно непроизвольно, случайно, чуть влево, сделав один крохотный шажок. Ему до чертиков хотелось сейчас сказать что-нибудь, что угодно, лишь бы прикрыть эти свои приготовления. Но его голос уже предал его однажды. И не исключено, что снова уже выдал его с головой. И без того хладнокровное лицо мужчины стало слишком уж непроницаемым.

— Мы могли бы, — предложила женщина, — воспользоваться Уильямом Ли, чтобы убедить этого пилота-перевозчика.

В этих словах для Ли внезапно забрезжила надежда. И эти же слова разрушили его решимость действовать немедленно. Тем временем женщина продолжала:

— Слишком ценный он для нас раб, чтобы уничтожать его. Мы всегда успеем отобрать у него кровь и жизненную энергию, но сейчас мы должны отправить его на Европу, отыскать там

пилота перевозчика, выполняющего рейсы к Унгарнам, и лично сопровождать его в полете на метеорит. Если ему еще удастся обследовать внутреннее устройство этого метеорита, это существенно упростит подготовку к нашему нападению, да еще, возможно, он выяснит, имеется ли там какое-нибудь оружие, о чем мы должны быть обязательно проинформированы. Нам никак нельзя недооценивать научные достижения великих галактов. Естественно, прежде чем отпустить Ли на свободу, мы немножко повозимся с его мозгом и сотрем из его сознания все, что с ним происходило в этом гостиничном номере. Идентификацию профессора Унгарна в качестве Галактического Наблюдателя мы сделаем для Ли в высшей степени правдоподобной, несколько переписав его психограмму; и завтра он проснется в своей постели, имея перед собой совершенно новую цель, основанную на таком естественном человеческом побуждении, как любовь к определенной девушке.

Щеки Ли горели, когда она разворачивала цепь предательств, которые, по ее мнению, он должен был совершить. Но все еще ощущая слабость, он в ответ сумел бросить со злостью:

— Если вы полагаете, что я могу влюбиться

в особу, чей интеллект вдвое превосходит мой собственный, то вы…

— замолчите, идиот вы эдакий! — грубо перебила его женщина. — Неужели до вас еще не дошло, что я спасла вам жизнь?

— Да, мы используем его, — ледяным тоном произнес мужчина, — но не потому, что он из себя хоть что-нибудь представляет, а просто потому, что располагаем достаточным временем для использования даже такого несовершенного существа. Первые представители племени дриггов прибудут сюда не раньше, чем через полтора месяца, а у Ли уйдет всего лишь месяц на то, чтобы добраться до этого спутника Юпитера, Европы, на борту одного из земных примитивных пассажирских лайнеров. К счастью, ближайшая галактическая военная база находится на расстоянии трех месяцев пути, даже в быстроходных галактических звездолетах. А в заключение, — с ошеломляющей, поистине тигриной быстротой дригг развернулся всем телом к Ли, глаза его были похожи на огнедышащие жерла вулканов, — в заключение, я хочу, чтобы вы понесли небольшое наказание за ту ошибку, что вы совершили, вознамерившись обмануть нас, и за ваши предыдущие и притом умышленные — проступки!

Ли в отчаянии отпрянул от металла, сверкнувшего в руке мужчины. Мышцы его предельно напряглись в последней попытке хоть что-нибудь сделать. Он метнулся к рекордеру — но что-то подхватило его тело. Что-то — нематериального свойства. Но боль, причиненная им, казалось совершенно убийственной.

Вспышки света видно не было, только сияние вокруг металлического предмета. Но нервы у Ли оказались растерзаны; чудовищные силы сдавили ему горло, он стал задыхаться. И наконец, все его естество с радостью встретило тьму, милостиво окутавшую его сознание, прекратив эти адские мучения.

Глава 6

На третий день путешествия спутник Европа начал уступать часть небосвода необозримой громадине Юпитера позади себя. Двигатели, которые до этого трансформировали гравитационное притяжение в весьма вялое отталкивание, теперь делали ход грузовика все более плавным по мере удаления от гиганта Юпитера.

Старый тихоходный грузовичок торопился как можно глубже погрузится в бездонную, обволакивавшую его ночь; дни на борту его лениво складывались в недели, недели вяло слились в месяц.

На тридцать седьмой день ощущение замедления стало столь заметным, что понуро сполз Ли со своей койки и вяло проскрипел:

— Ну, сколько еще?

До него дошло, что твердокаменное лицо косметического извозчика ухмыльнулось. Этого человека звали Хэнарди.

— Мы сейчас начали подтягиваться. Путешествие не из приятных, не так ли? — спросил он с грубоватым добродушием. Более трудное, чем вы себе представляли, когда предлагали мне

контракт на эту небольшую прогулку для вашего крупного синдиката?

Ли едва его слушал. Он прильнул к иллюминатору, напряженно всматриваясь в черноту. Поначалу в стекле ему виделись только его собственные время от времени мигающие глаза, и ничего более. Наконец его затуманенному взору удалось различить крупинки звезд и какие-то движущиеся огоньки. Он начал считать их, присутствие здесь этих движущихся огоньков немало его озадачило.

— Один, два, три… семь, — насчитал он. — И все перемещаются синхронно.

— Что это там? — Хэнарди склонился к иллюминатору рядом с ним. — Семь?

Какое-то непродолжительное время они оба молчали, наблюдая, как огоньки становились все более тусклыми, пока совсем не пропали из виду.

— Как жаль, — осмелился предположить Ли, — что Юпитер находится позади нас. В его тени они не потухли бы столь быстро. Какой из их является метеоритом Унгарна?

Его удивило, что Хэнарди продолжает стоять, как вкопанный. Суровое лицо шкипера помрачнело.

— Это корабли, — медленно произнес Хэнарди. — Как я полагаю, новые корабли полицейского патруля. И, наверное, мы смотрели на них под непривычным углом зрения, вот почему они исчезли так быстро.

Ли украдкой глянул на суровое лицо пилота: он тут же отвернулся, потому что боялся прочесть в его глазах подтверждение жутких, самых дурных своих предчувствий.

Дригги! Два с половиной месяца накрутилось в изматывающе медленном течении потока времени с того дня, как были совершены зверские убийства. Более месяца ушло на то, чтобы добраться с Земли до Европы, да еще теперь вот это тоскливое путешествие с Хэнарди, человеком, который перевозил грузы для Унгарна.

В его новой психограмме как Наблюдатель был идентифицирован именно профессор Унгарн. Кроме того, в его психограмме имелись данные, источником которых могли быть только эмоциональные переживания, связанные с Патрицией. И вот он летит к Наблюдателю и его дочери…

А теперь появились эти чудовища. Дригги в семи звездочетах! Это означало, что первый дозор — Джил и Мерла — получил мощное подкрепление. И, вполне возможно, эти семь тоже были

лишь разведывательным отрядом, скрывавшимся из виду при приближении Хэнарди.

Может быть, эти фантастические убийцы уже атакую базу Наблюдателя. Не исключено, что девушка…

Он отогнал от себя ужасную мысль и хмуро наблюдал за тем, как метеорит Унгарна прочерчивает тусклый, едва мерцающий штрих в черноте сбоку от них. Два предмета, корабль и эта мрачная бесформенная глыба из метеоритного железа притягивались друг к другу в кромешной тьме.

В скале, отодвинувшись в сторону, открылась огромная стальная дверь. Искусно маневрируя, маленький корабль шмыгнул в пробел. Раздался громкий лязг, после чего из рубки вышел Хэнарди, лицо его было еще более мрачным, чем обычно.

— Эти чертовы корабли снова показались, — сказал он, — Я закрыл за собою огромный стальной шлюз, но лучше сказать о появлении этих кораблей профессору, пусть…

Трах!!! Все затряслось. Упал на вздыбившийся пол, весь похолодев, несмотря на те мысли, что страшным огнем обжигали его рассудок: по какой-то причине вампиры поджидали, пока грузовик не окажется внутри. Затем стремительно,

яростно, напали на метеорит.

Настоящей волчьей стаей!

— Хэнарди! — раздался из громкоговорителя дрожащий голос девушки.

Пилот приподнялся с пола, на который он повалился вместе с Ли.

— Слушаю, мисс Патриция.

— Вы осмелились привести с собой незнакомца!

— Это всего лишь репортер, мисс; он пишет в газетах подробности моей здешней работы.

— Вы самодовольный глупец! Это Уильям Ли. Он загипнотизированный этими дьяволами шпион, дьяволами, что сейчас на нас нападают. Приведите его немедленно ко мне. Его нужно тотчас же убить.

— Ха! — начал было Ли, но осекся.

Потому что пилот пристально глядел на него, прищуря глаза, все его простоватое дружелюбие исчезло с сурового, жесткого лица. В конце концов Ли заставил себя рассмеяться, смех получился отрывистым, нервным.

— Не думайте, что я дурак, Хэнарди. Я совершил уже однажды ошибку, спасая жизнь этой юной леди, и с тех пор она возненавидела меня.

— Значит, вы с нею были знакомы раньше,

так? — Хэнарди б исподлобья глядел на Ли. — Вы мне не рассказывали об этом. Вам, пожалуй, лучше пройти со мною, не то мне придется применить силу.

Он весьма неуклюже вытащил пистолет из кобуры у себя на боку и направил зловещее его дуло на Ли.

— Пошли! — скомандовал он.

Хэнарди протянул руку к крохотному щитку со множеством сигнальных лампочек, смонтированных непосредственно перед бронированной дверью в комнату Патриции Унгарн — Ли одним броском бросился к нему и нанес сокрушительный удар. Он подхватил тяжелое тело коротышки-пилота в момент его падения, вырвал из его рук пистолет и опустил тяжеленный этот вес на пол коридора, после чего затаился перед дверью на какое-то мгновенье, как огромный зверь, прислушиваясь к звукам за дверью.

Тишина! Он осмотрел панели, которыми была облицована дверь в комнату, как будто было достаточно одного его яростного, непреодолимого желания для того, чтобы проникнуть сквозь золотистую, украшенную затейливыми узорами дверь.

И именно тишина больше всего поразила Ли

после нескольких тягучих мгновений такой напряженной настороженности, как и пустота этих длинных, напоминающих туннели, коридоров. Неужели действительно, с удивлением подумал он, отец и дочь живут здесь сами, без слуг и вообще без какого-либо общения с другими человеческими существами? И они отдают себе ясный отчет в том, что в состоянии противостоять нападению могущественных и коварных дриггов?

Здесь у них, разумеется, все в изобилии; земная сила тяжести и… ей-богу, ему лучше дать деру до того, как девушкой завладеет нетерпение, и она сама выйдет наружу с каким-нибудь своим таинственным оружием. То, что ему нужно совершить, в общем-то сущий пустяк, нечто совсем простое, несвязанное с такой чепухой, как шпионаж, гипноз или что-нибудь в таком же духе.

Он должен отыскать этот гибрид автомобиля и космического корабля, в котором мистер Патрик ускользнул от него в ту ночь, когда они покинули ресторан «У Константина», и с помощью этого крошечного корабля попытаться улизнуть с метеорита Унгарна, прорваться незамеченным через цепь кораблей дриггов и направиться назад, на Землю.

Каким же был он глупцом, самым заурядным

человеческим существом, затесавшись в такую опасную компанию! Мир полон нормальных, милых и простых девчонок. Какого же черта не женился он на одной из таких девушек, теперь чувствовал бы себя в полнейшей безопасности — так вот на тебе, нашел на свою голову такие приключения!

Теперь ему предстояло немало помучиться, волоча тяжелого Хэнарди по гладкому полу коридора. На полпути к ближайшему повороту пилот зашевелился. Мгновенно Ли совершенно хладнокровно огрел его рукояткой пистолета, огрел изо всех сил. Сейчас не такое время было, чтобы миндальничать.

Пилот снова грузно осел на пол. Остальное было совсем не сложным. Он бросил тело, как только затащил его за угол, чтобы его не было видно, и опрометью бросился по коридору, пробуя все попадающиеся на пути двери. Первые четыре открыть не удалось. Везде пятой он приостановился, обдумывая положение.

Не может быть, чтобы все здесь было заперто на замок. Двое людей на столь уединенном метеорите не станут ходить по своей обители, непрерывно отпирая и запирая дверные замки. Обязательно должно быть здесь у них нехитрое

приспособление, дающее доступ внутрь любого помещения.

И такое в самом деле отыскалось. Пятая дверь легко поддалась благодаря простому нажатию на крохотную, полуутопленную кнопку, которая казалась неотъемлемой частью орнамента на наружной поверхности двери, Ли прошел внутрь, но тут же отпрянул назад, как будто пораженный молнией.

В помещении не оказалось потолка. Над головой был только… беспредельный космос. На него дохнуло потоком холодного, как лед, воздуха.

На мгновение перед его взором мелькнули гигантские машины, находившиеся в этом помещении, машины, весьма отдаленно напоминающие оборудование ультрасовременной обсерватории на Луне, где он побывал по случаю дня ее открытия несколькими годами ранее. Этот один мимолетный взгляд был единственным, что мог себе позволить Ли, после чего снова метнулся в коридор. Дверь в обсерваторию захлопнулась автоматически прямо перед его носом.

Весь похолодев он замер. Идиот! Да ведь один только факт, что в лицо ему дохнуло холодным воздухом, свидетельствовал о том, что эффект отсутствия потолка был всего лишь иллюзией,

создаваемой невидимым куполом из прозрачного стекла. Боже праведный, да ведь в этом помещении могли находиться волшебные телескопы, с помощью которых можно изучать самые далекие звезды. Он мог бы наблюдать атакующих дриггов!

Ли отогнал от себя подальше искушение заглянуть в это помещение еще раз. Сейчас нельзя отвлекаться. Ибо к этому времени девушка уже точно должна была догадаться, что случилось нечто непредвиденное.

Пустившись во всю прыть, Ли подбежал к шестой двери. Она легко отворилась — и Ли увидел небольшое довольно-таки уютное помещение. Не сразу он догадался, что это такое.

Кабина лифта!

Он быстро забрался в нее. Чем дальше он удерет от жилого этажа, тем меньше вероятность быстрого его обнаружения.

Он обернулся, чтобы приотворить за собой дверь, и обнаружил, что она закрывается автоматически. Створки сомкнулись с легким щелчком; кабина лифта сразу же начала подниматься. Мучительные сомнения охватили Ли. Механизм, по-видимому, отрегулирован так, чтобы доставлять пассажиров в некоторое вполне опре-

деленное место. И именно это, безусловно, было самым плохим в данной ситуации.

Ли стал шарить взглядом в поисках органов управления, однако их совершенно не было видно. И когда лифт остановился, Ли стоял угрюмый и встревоженный, с пистолетом наизготовку. Дверь отворилась.

Ли чуть высунул голову. Снаружи никакого помещения не оказалось. Дверь отворилась — в черную пустоту.

Но это была не пустота космоса с его бесчисленными звездами. Или пустота темной комнаты, которая должна была бы хоть на какую-то свою часть открыться взору Ли благодаря освещению из кабины лифта. Нет, это была просто черная пустота.

Абсолютно непроницаемая!

Ли осторожно вытянул наружу руку, надеясь ощутить какой-нибудь твердый предмет. Но рука его, оказавшись в черном пространстве, просто исчезла. Он отдернул ее назад и теперь с ужасом на нее глядел. Ибо она теперь сама по себе светилась, просвечиваясь так, что отчетливо видны были даже кости.

Свечение это быстро погасло, кожа на руке снова стала непрозрачной, но теперь вся плоть

ее пульсировала от пронизывающей ее, волнами накатывающейся боли.

Ужасная в своей четкости мысль пришла ему в голову: это вполне могло быть смертной камерой. Ведь лифт специально привез его именно сюда — действие его совсем необязательно должно было быть автоматическим. Им могли управлять дистанционно какие-то внешние силы. Он, правда, ступил в кабину лифта по своей доброй воле, но…

Дурак! дурак! Он горько рассмеялся, и в этот момент…

Из пустоты прямо ему в лицо сверкнула яркая вспышка. Нечто ярко блеснувшее, вполне материальное проложило огненную дорожку к его лбу — и втянулось внутрь его черепа. После чего…

Он уже не находился в кабине лифта. По обе стороны от него простирался длинный коридор. Коренастый Хэнарди только-только потянулся рукой к крохотным огонькам на табло у двери в комнату Патриции Унгарн.

Пальцы его прикоснулись к одной из сигнальных лампочек. Она несколько пригасла. дверь быстро отворилась. Внутри стояла молодая женщина с гордым, вызывающе дерзким взглядом и осанкой королевы.

— Отец хочет, чтобы вы спустились на четвертый уровень, — сказала она Хэнарди. — Вышел из строя один из энергетических экранов и, как полагает отец, надо произвести кое-какие ремонтные работы вручную прежде, чем он сможет установить другой экран.

Она повернулась к Ли. В тоне ее голоса зазвучал металл, когда она произнесла:

— Мистер Ли, извольте пройти внутрь!

...Самым удивительным было то, что он повиновался, не испытывая особого беспокойства. Его щеки ласкал прохладный ветерок, где-то вдалеке раздавалось веселое птичье пение. Ли стоял неподвижно, ошеломленный чудесами, которыми его встретила комната Патриция Унгарн, видением ярко освещенного зимнего сада, размещавшегося за огромными, до самого пола, окнами, и чем-то еще, чего он пока не мог ясно осознать.

Что все-таки произошло с ним?

Он осторожно приложил к голове и удостоверился, что и лоб, и вся голова его находится там, где им и положено быть. Ничего необычного он не обнаружил, не было ни боли, ни даже какого-либо особого замешательства. Затем он почувствовал, что девушка пристально за ним наблюдает, а вслед за этим пришло и понимание

того, что все его жесты и действия должны ей казаться странными.

— Что это с вами случилось? — спросила девушка.

Ли тут же бросил в ее сторону взгляд, полный самых мрачных подозрений, и прохрипел отрывисто:

— Не стройте из себя святую простоту. Я побывал в комнате с черной пустотой и вот что хотел бы сказать без обиняков: если вы собираетесь меня погубить, то нечего прятаться под сенью искусственной ночи и прибегать к другим хитростям.

Он увидел, что глаза девушки сузились, стали неприятно холодными.

— Не знаю, о чем это вы говорите, — ледяным тоном произнесла она. — Но заверяю вас, это нисколько не отсрочит смерть, которой мы вынуждены вас подвергнуть.

Она помолчала несколько секунд в нерешительности, затем подозрительно спросила:

— В какой это комнате вы побывали?

Ли угрюмо объяснил ей. Его поразило ее изумление, но скоро на лице ее появилась высокомерно-презрительная усмешка. Она грубо оборвала его рассказ.

— Никогда не слышала ничего более несуразного. Если вы действительно намеревались ошеломить меня и тем самым отсрочить свою смерть, то вам это не удалось. Вы определенно рехнулись. Вы совсем не лишали сознания Хэнарди, когда я отворила дверь, Хэнарди там стоял как ни в чем ни бывало, и я отослала его вниз к отцу.

— Послушайте! — начал было Ли, но растерянно замолчал. Боже ты праведный, как же все-таки мог там очутиться Хэнарди, когда она открыла дверь?

Ведь чуть раньше…

Чуть раньше он ударил Хэнарди и отволок его за угол. А затем он — Ли

— поднялся вверх в кабине лифта, после чего, каким-то непонятным для него образом, снова оказался здесь же, на том же самом месте у двери в комнату девушки…

Он снова схватился за голову. Все было совершенно нормально. Только, отметил он про себя, было теперь внутри нечто, что вошло в его голову, ярко сверкнув.

Нечто…

С испугом он увидел, что девушка откровенно вызывающе вытаскивает пистолет из кармана своего простого белого платья. Мысли его сме-

шались, осталось только четкое понимание того простого факта, что сообщение о черной комнате все-таки дало ему отсрочку, пусть хоть всего на несколько минут. Решимость девушки явно была поколеблена, может быть, каким-нибудь образом…

Смутная надежда не успела до конца сформироваться в его сознании. Не мешкая, он произнес:

— Я осмелюсь предположить, что вы действительно поражены моими словами. Давайте начнем все с самого начала. Такая комната здесь имеется, верно?

— Ради бога, — устало произнесла девушка, — давайте откажемся от ваших логических построений. Мой коэффициент развития интеллекта равен двумстам сорока трем, — ваш только сто двенадцати. Поэтому, должна вас заверить, я вполне в состоянии понять с первого раза все, о чем бы вы ни рассказывали.

И она добавила.

— Здесь нет комнаты с «черной пустотой», как вы ее называете, и нет ничего сверкающего, что могло бы проникнуть в голову человека. Не подлежит сомнению только один факт: дригги во время своего визита в ваш номер в гостинице загипнотизировали вас, и эта фантастическая

иллюзия может быть только следствием этого гипноза — не спорьте со мною…

Совершенно недвусмысленным резким жестом своего пистолета она оборвала его попытку возразить ей.

— Нет времени. По каким-то, остающимся для меня пока что невыясненными, причинам дриги что-то с вами сделали. Нос какой целью? Что вы увидели в тех помещениях, что могло бы их заинтересовать?

Даже во время рассказа Ли об увиденном его мозг продолжал лихорадочно работать: мне нужно полностью овладеть собой, окончательно решил он, составить план действий, каким бы рискованным он ни был, и приняться за его осуществление. Цель была труднодостижимой, но она ясно сформировалась в его уме, когда он, повинуясь жесту девушки, вышел впереди нее в коридор. Непреклонная решимость все больше овладевала им, пока он отсчитывал двери от угла, где он совсем недавно оставил валявшегося без сознания Хэнарди.

— Раз, два, три, четыре, пять! Вот эта дверь!

— Откройте ее! — Девушка сделала красноречивый жест.

Ли повиновался, и у него отвисла челюсть. Он

глядел на прекрасно обставленную уютную комнату, заполненную рядами стоящих друг на друге полок с книгами в роскошных переплетах. В ней было несколько удобных кресел, великолепный ковер на полу и…

Девушка плотно прикрыла дверь и — он задрожал, ощущая весь ужас предоставлявшейся ему возможности — пошла впереди него дальше, к шестой двери.

— А вот это ваш лифт?

Ли безмолвно кивнул и едва уже удивился, когда обнаружил, что не было за шестой дверью никакой кабины лифта, а взору его открылся длинный, пустынный коридор, в котором царила полнейшая тишина.

Девушка стояла вполоборота к нему, и, если он сильно ее ударит, тело ее больно стукнется о дверной косяк и…

Осознание отвратительности этой мысли остановило машинально напрягшиеся его мускулы, удержало их на какую-то долю секунды — но этой доли секунды оказалось достаточно для того, чтобы девушка резко повернулась к нему и посмотрела ему прямо в глаза.

Пистолет ее поднялся, дуло его не дрожало.

— Забудь о сопротивлении, — спокойно сказала

она. — На какое-то мгновенье мне захотелось, чтобы у вас хватило духу хотя бы попытаться что-либо предпринять, чтобы спастись. Но это было всего лишь проявлением мимолетной слабости с моей стороны. — Глаза ее сияли неистовой гордыней. — Ведь я убивала прежде только по необходимости и ненавидела это. Вот и теперь, вы сами прекрасно понимаете — это совершенно необходимо из-за того, что с вами сделали дригги. Так что… — слова ее начали хлестать воздух, как удары бича, — …теперь назад, в мою комнату. У меня там имеется шлюз, через который я выброшу ваш труп в космос. Ступайте!

Мертвая тишина, нарушаемая только негромкими звуками каблуков Ли и его мучительницы — вот что особенно подавляло Ли, когда он, потеряв уже всякую надежду, волочился в комнату девушки. И действительно, было от чего пасть духом — ведь он находился внутри метеорита, слепо несущегося сквозь безмолвный космос на дальней окраине Солнечной системы, метеорита, преследуемого и атакованного смертоносными звездолетами дриггов — этих пришельцев из далеких глубин Галактики — а самому ему вынесен смертный приговор, и совсем недолго осталось ждать, когда эта девушка — Патриция Унгарн

— приведет его в исполнение…

Это-то обстоятельство и лишало его решимости что-либо предпринять ради своего спасения. Он никак не мог заставить себя поднять руку на женщину. Даже возражать этой бессердечной молодой особе ему было неприятно, ведь он понимал, что имеет при этом жалкий вид.

Пение птиц, как только он переступил порог комнаты девушки, заставило его встрепенуться, пробудив угасший интерес к жизни. Охваченный восхищением, он подошел к огромному окну и стал любоваться восхитительным цветущим садом.

Перед ним простирался по меньшей мере целый гектар зеленого чуда: здесь росли прекрасные цветы и деревья; птицы яркой раскраски весело порхали с ветки на ветку и выводили мелодичные трели; широкий и глубокий пруд поблескивал зеленой водой, а над всем этим — буйство ослепительно яркого солнечного света.

Он долго стоял, едва дыша, обдумывая свое положение. Наконец не оборачиваясь, произнес негромко:

— Крыша — это хитроумно смонтированные увеличительные стекла. Именно они делают Солнце здесь таким же большим как на Земле.

Если это…

— Вам лучше бы повернуться ко мне лицом, — раздался враждебный, резкий голос позади него. — Я не стреляю людям в спину. А я хочу как можно побыстрее покончить с этим.

Лицемерное самодовольство ее слов привело его в бешенство. Он быстро обернулся и разразился яростным потоком слов.

— Вы мерзкая ничтожная клаггианка, вы неспособны выстрелить мне в спину — вот как! И вы, по всей вероятности, не станете стрелять в меня, если я на вас наброшусь, потому что это будет проявлением слабости с вашей стороны. Все должно делаться в согласии с вашей так называемой совестью.

Только сейчас он взглянул прямо на Патрицию Унгарн внимательным взглядом, в первый раз с момента своего прибытия на метеорит и поток его злых слов сразу иссяк. Он был столь поглощен всякими страшными мыслями, что был не в состоянии…

…увидеть в ней женщину.

Ли глубоко вздохнул. В мужской одежде она была загадочно красива, но несколько инфантильна. Теперь на ней было простое белоснежное короткое платье, не доходившее до колен и белые

сандалии.

Волосы у нее были темно-каштановые, блестящие, они каскадами ниспадали ей на плечи. Голые руки и ноги отличались темным здоровым загаром. Лицо…

Оно было необыкновенно красивым, но его портило выражение гнева. Точеные щеки ее пылали. Девушка пыталась осадить его.

— Не смейте со мной так разговаривать!

Она явно была вне себя. Ярость ее была столь беспредельной, что сразу вызвала ответную реакцию Ли.

— Клагги! — Крикнул он. — Жалкие клагги! Вы ведь понимаете, что дригги отшлепали вас, как младенцев, как животных низшего порядка, переплюнули вас по всем статьям, что ваши претензии на могущество были просто характерными для вашего много о себе возомнившего клаггианского ума средствами компенсации за ту унылую, тоскливо-одинокую жизнь, которую вы обречены здесь вести вследствие вашего не очень-то высокого, по сравнению с остальными галактиками, умственного развития. Вам просто необходимо постоянное самоутверждение, а между тем вы не должны забывать о том, что только второстепенных в умственном отношении су-

ществ отправляют на столь удаленные форпосты. Поэтому там оказываются именно клагги, даже не леннелиане; женщина-дригг оценила вас ниже леннелианки, и она знала, что говорила. Ибо если коэффициент развития интеллекта двести сорок три, то у дриггов — более четырехсот. И вы понимаете это тоже. Разве не так?

— Замолчите! Или я убью вас, и смотреть ваша будет невообразимо мучительной! — крикнула Патриция Унгарн.

Ли поразило, что она при этом побелела, как полотно. Неужели он все-таки задел ее за живое, точно попал в эмоциональную ахиллесову пяту этой странной и страшной женщины?

— Вот так, — умышленно произнес Ли, — высшие соображения нравственности уже уходят на второй план. Теперь вы можете замучить меня до смерти, не испытывая каких-либо угрызений совести. Подумать только, я пришел сюда просить вас выйти за меня замуж, вбил себе в голову, что клаггианка и человек могут неплохо поладить.

— Вы что? — изумлено воскликнула девушка, затем высокомерно фыркнула.

— Так вот в чем заключается гипноз дриггов! Они всегда прибегают к помощи самых примитивнейших побуждений, когда имеют дело с

простодушными человеческими существами. Но теперь как мне кажется, мы уже вдоволь наговорились. Мне теперь известен образ мышления особей мужского пола человеческой породы, когда они влюблены, однако даже понимание того, что вы совершенно в этом не виноваты, не делают его для меня хоть в малейшей степени приемлемым. Я испытываю к вам отвращение, я оскорблена до глубины души. Должна вам сказать, что мой будущий муж прибывает вместе с подкреплением через три недели. Он будет стажироваться для того, чтобы принять у моего отца его обязанности здесь и…

— Еще один клагг? — иронически произнес Ли, и девушка от этих его слов побледнела еще сильнее.

Ли не мог прийти в себя. За всю свою жизнь он не встречал существа, подобного этой юной девушке. Интеллектуальная маска была сброшена, а под нею бурлящая масса эмоций одинокого и ожесточенного человека. В их разговоре она подвергала мучительнейшей пытке не только его, но и себя саму.

А он уже никак не мог остановиться, ему было не до жалости, ибо ставка была его жизнь, и только он мог еще хоть сколько-нибудь отсрочить

свою гибель, а, может и наоборот, — разъярить эту девушку до такой степени, что она уже не сумеет более сдерживать свое бешенство и разрядит в него свое смертоносное оружие. Рискуя, он продолжал все так же угрюмо вколачивать гвозди в душевные раны девушки:

— Мне хочется задать вам вот какой вопрос. Каким это образом вам удалось выяснить, что мой КРИ равен ста двенадцати? Какие особые преимущества дает вам это знание? Возможно ли такое, что у вас самих, воспитанных в здешних суровых условиях, выработался особый склад ума, и по этой причине, хотя ваш интеллект и отвергает саму идею столь низкой, недостойной вас любви, именно ее наличие является главной скрытой пружиной столь фантастической вашей решимости уничтожить меня, а не освободить от гипноза, которому меня подвергли дригги? Я…

— Вот именно, — перебила его Патриция Унгарн.

Несколько коротких секунд хватило девушке, чтобы полностью совладать с обуревавшими ее эмоциями. С нараставшей тревогой Ли внимательно следил за тем, как пистолетом своим она показывала в сторону двери, которую он раньше не заметил.

— Мне кажется, — отрывисто бросила девушка, — есть и другое решение, кроме вашего уничтожения. То есть, немедленной смерти. И я решила смириться с вытекающей отсюда потерей моего космического корабля. — Она кивнула в сторону двери. — Он там, в воздушном шлюзе. Управление им крайне простое. Поворот штурвала в нужную сторону или соответствующий его подъем или опускание. Для того, чтобы тронуться с места, достаточно нажать на педаль акселератора. Для торможения предназначена левая педаль. Автомобильные колеса складываются автоматически, как только открываются от поверхности. А теперь — в путь! Вряд ли мне стоит предупреждать вас о том, что дригги, по всей вероятности, изловят вас. Но здесь вы не можете оставаться в любом случае. Это очевидно.

— Спасибо! — Это было все, что Ли позволил себе высказать.

Эмоциональная энергия его иссякла, и он не в силах был больше ни единым словом подгонять ход событий. Здесь существовала какая-то чудовищная психологическая тайна, но не ему было ее выяснять.

Неожиданно теперь для самого себя потеряв большую часть прежней уверенности в себе

вследствие понимания уготованной ему судьбы, он робко направился к воздушному шлюзу. И тогда…

ЭТО случилось!

Его охватил приступ головокружения. Все поехало перед его глазами, будто по взмаху чьей-то невидимой палочки яркий свет комнаты сменился непроглядной тьмой и…

Он обнаружил себя стоящим в коридоре перед дверью в комнату Патриции Унгарн. Рядом с ним стоял Хэнарди. Дверь отворилась. Молодая женщина, стоявшая за нею, обратилась к Хэнарди со странно знакомыми словами, велев ему спуститься на четвертый уровень, чтобы отремонтировать энергетический экран. Затем она повернулась к Ли и голосом суровым, металлическим, произнесла:

— Мистер Ли, извольте пройти внутрь.

Глава 7

Самым удивительным было то, что он повиновался, не испытывая особого беспокойства. Его щеки ласкал прохладный ветерок, где-то вдалеке раздавалось веселое птичье пение. Ли стоял неподвижно с ясным осознанием того, что с ним произошло. Все вдруг всплыло в воспоминаниях: то, как дриги вторглись в его гостиничный номер и безжалостно принудили его покориться их воле, то, как подействовала на него «черная пустота» и как девушка пощадила ему жизнь.

Очевидно, по какой-то причине сцена с девушкой перестала удовлетворять Джила, и теперь все начиналось сначала с определенной точки.

Поток воспоминаний иссяк. На смену ему пришло ощущение, что в голове его засело НЕЧТО, чему разум его инстинктивно противодействовал. Результатом этой борьбы и была полная и мучительная для него в восприятии окружавшей действительности. Было такое впечатление, что в его собственной голове за его лихорадочными попытками осмыслить реальность кто-то осуществляет холодное, беспристрастное наблюдение, словно со стороны.

Наблюдение…

Едва не обезумев от охватившего его бешенства, он все-таки понял, что это было! Чужой разум!

Окончательно обессилев, он продолжал стоять у двери. А поселившийся в его мозгу разум продолжал оставаться та, под черепом землянина Ли, как ни в чем ни бывало.

Что же это все-таки с ним произошло?

Дрожащими руками Ли притронулся ко лбу, затем провел ладонями по всей голове. Где-то, на самой периферии сознания мелькнула шальная мысль — что если он надавит…

Он отдернул руки от головы, яростно выругавшись про себя. Будь он трижды проклят, но он точь-в-точь повторял все свои действия в предыдущей сцене. Только теперь до него дошло, что девушка смотрит на него в упор. Услышал ее слова.

— Что это с вами случилось?

Именно точь-в-точь те же самые слова, даже та же самая интонация, с которой они были произнесены, все это вместе взятое и сотворило чудо. Он кисло улыбнулся. Его собственный, не чужой ум поднялся из бездны, где он до сих пор беспомощно барахтался.

К нему вернулась способность совершенно

нормально мыслить.

И сразу же пришло грустное понимание того факта, что ему все еще далеко до полной ясности в мыслях, он был слишком подавлен, чтобы четко анализировать реальность. Единственное, что было для него очевидным, — это то, что девушка ничего не помнила о предыдущей сцене, иначе она бы не повторяла, как попугай, одни и те же слова. Она бы…

И тут нормальный ход его мыслей прервался. Потому что произошло нечто совсем уже странное. Чужой разум внутри его мозга зашевелился и выглянул наружу через его — Ли — глаза. И стал внимательно наблюдать и оценивать окружающее, исполненный решимости действовать.

Комната и девушка в ней изменились, не по сути своей, но в различных деталях, на которые он сразу же обратит внимание.

Мебель и все убранство комнаты, которые за мгновенье до этого казались ему верхом художественного совершенства и безупречного вкуса, неожиданно оказались в изъянах.

Взор его устремился дальше, в зимний сад. Даже одного беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы оценить его многочисленные несовершенства.

Нельзя было сказать, что и обстановка комнаты, и устройство зимнего сада были столь уж безнадежно плохими. Подлинный художественный вкус — вещь чрезвычайно тонкая. Однако теперешним своим умом сразу же понял, что именно в этом зимнем саду птицы совершенно неуместны, они не соответствовали своему окружению вследствие почти доброго десятка самых различных причин! Кустарники также совсем не добавляли гармонии саду, диссонируя с другими растениями.

Ли отвлекся от созерцания зимнего сада и только теперь, впервые после того, как вошел сюда, внимательно присмотрелся к девушке.

Пожалуй, за всю историю человечества никогда еще никакая другая женщина не подвергалась столь суровому критическому разбору. Строение ее тела и черты лица, которые еще несколько минут тому назад казались Ли столь совершенными, столь величественно благородными и небесно возвышенными, теперь поразил его своей ущербностью.

Его взору предстал образчик вырождения — следствие уединенного образа жизни, оторванности от других себе подобных.

Вот что пришло ему на ум, и в этом его выводе не

было высокомерия, или чего-либо унизительного для девушки. Это было простой констатацией факта, умом, трезвым в своих оценках, умом, способным улавливать мельчайшие обертоны, тончайшие намеки на существование совсем иной реальности за внешней блестящей поверхностью, тысячи различных мельчайших подробностей, которые мгновенно складывались — притом на подсознательном уровне — в цельную картину.

А затем пришло понимание высшей цели! Немедленно же осуществленной!

Ли быстро подошел к девушке. Он увидел, как она выхватывает пистолет из кармана, как на лице ее проступает выражение полнейшего изумления… После чего он схватил ее.

Мускулы ее перекатывались под его пальцами как стальные пружины. Но сопротивление ее было тщетным, она не в состоянии была устоять перед появившейся у него сверхсилой и сверхбыстротой. Он связал ее каким-то обрывком провода, попавшегося ему на глаза в приоткрытом стенном шкафу для одежды.

Затем Ли отошел назад, и только тогда уже своим собственным умом понял, что произошло. Невероятность содеянного до глубины души

потрясла его, однако это продолжалось всего мгновенье, он тут же снова ощутил в себе присутствие другого разума, сосредоточенно думавшего о том, что еще должно быть сделано прежде, чем метеорит окажется под полным его контролем.

Победа вампира казалась уже совсем близкой.

Ли сознал, что идет по пустым коридорам и спускается вниз на несколько лестничных маршей. Смутная, едва различимая унылая мысль шевельнулась у него в голове, его собственная, личная мысль о том, что Джилу теперь до мельчайших подробностей известно внутреннее устройство метеорита.

Разуму, подселенному к нему дриггами, удалось использовать его, Ли, тело для того, чтобы тщательно обследовать это огромное, так напоминающее гробницу, место. А теперь, прекрасно осознавая свою цель, он направил свою нынешнюю оболочку — тело землянина Ли — в мастерские на четвертом уровне, где профессор Унгарн и Хэнарди трудились над установкой экрана энергетической защиты.

Он обнаружил там одного Хэнарди, работающего на токарным станком, который издавал столь громкий скрежет, что это дало ему возможность незаметно прокрасться мимо него дальше.

Профессор находился в огромном помещении, где гигантские механизмы издавали ровное гудение, свидетельствовавшее об их титанической мощи. Это был высокий мужчина; когда Ли вошел, он стоял к нему спиной.

Однако он оказался неизмеримо быстрее, чем Хэнарди, быстрее даже, чем девушка. Он своевременно учуял опасность и обернулся с кошачьим проворством. И мгновенно стал жертвой стальных мускулов. Пока Ли связывал профессору руки, он попытался проанализировать свои впечатления.

На фотографиях, которые видел Ли, величественно-благородное лицо профессора было отмечено печатью какой-то особой грусти, оно казалось очень усталым. В жизни же он производил впечатление сильного и энергичного человека.

Этот человек прямо-таки источал энергию, которую не могла зафиксировать никакая фотография, притом это была энергия добра в отличие от беспощадно жестокой, злобной энергии дриггов.

И лишь при более близком наблюдении за этой сильной личностью можно было разглядеть и ту усталость, что зафиксировали его фото. Усталость поистине космического масштаба. Ли припом-

нилось то, что ему говорила женщина-дригг, все именно так и оказалось. Его лицо прорезали глубокие, морщины. Долгие, очень долгие душевные страдания наложили свой отпечаток на его внешность, выражавшую одновременно стоическое спокойствие, напоминавшее безропотное смирение и покорность судьбе.

Тем памятным вечером, пару месяцев тому назад, он спросил у женщины из племени дриггов — покорность перед чем? А вот теперь, здесь, на этом измученном, но таком бесконечно добром лице, он прочел ответ на тот свой вопрос. Покорностью перед злом, в котором он был обречен влачить свое жалкое — по галактической шкале ценностей — существование.

Однако неожиданно для него самого в его уме родился и совершенно иной ответ. Профессор и его дочь были существами умственно недоразвитыми. Они были галактическими недоумками, поскольку принадлежали к племени клаггов.

Мысль эта, казалось, возникла как бы ниоткуда, на пустом месте, ни на что логически не опираясь. Но она вызвала у Ли настоящую ярость. Профессор Унгарн и его дочь были существами умственно недоразвитыми по жесткой галактической шкале ценностей. Неудивительно,

что девушка реагировала на все так, как будто она совсем потеряла голову. Да и было от чего потерять голову — рожденная и выросшая на метеорите, она, должно быть, только два месяца тому назад начала догадываться о истинном своем положении.

Коэффициент развития интеллекта у людей, страдающих слабоумием, колеблется между семьюдесятью пятью и девяносто. Для клаггов — между двумястами и двумястами сорока тремя.

Двумястами сорока тремя! Какою же тогда была эта галактическая цивилизация, если у дриггов КРИ составлял не менее четырехсот?

Кому-то, разумеется, все равно нужно выполнять самую нудную, не требующую особого ума рутинную работу по поддержанию стабильности высокоразвитой цивилизации. И вот для выполнения именно этой роли и предназначены клагги, леннелиане и им подобные. Неудивительно, что вид у них как у идиотов, ведь бремя ощущения своего столь низкого, жалкого статуса непрерывно давит на их психику. Неудивительно, что целые планеты старались держать в неведении относительно такого факта…

Ли бросил профессора со связанными руками и ногами и начал один за другим отключать

силовые выключатели. Некоторые из огромных двигателей заметно успели сбавить свою скорость, пока он выходил из этого силового отсека, где была сконцентрирована чудовищная мощность. Громкий гул, царивший здесь чуть ранее, явно поутих.

Оказавшись снова в комнате девушки, он вошел в воздушный шлюз, забрался в кабину крошечного автомобиля-звездолета — взмыл во тьму ночи.

Сверкавшая масса метеорита мгновенно растворилась в черноте позади него. Мгновенно же магнитные силовые линии подхватил его утлый кораблик и безжалостно потащил к пятидесятиметровой длины сигарообразному аппарату, что поблескивал во тьме.

Он ощутил импульсы следящих лучей и понял, что опознан, так как другой корабль серией вспышек подтвердил факт опознания.

Ворота воздушного шлюза бесшумно разомкнулись — и тут же сомкнулись. Трепеща всем телом, Ли глядел на двух дриггов — высокого мужчину и высокую женщину, и: как будто со стороны, откуда-то с очень большого удаления, услышал собственные пояснения в отношении того, что он проделал.

Как-то смутно задался он мысленным вопросом — почему вообще ему нужно что-либо объяснять? затем услышал, как Джил произнес:

— Мерла, как это ни поразительно, но это самый успешный случай гипноза за все время нашего существования. Он проделал абсолютно все, что от него требовалось. Даже самые тончайшие замыслы, заложенные в его разум, осуществлены им поистине буквально. И вот доказательство — экраны отключены. Владея этой станцией, мы в состоянии продержаться и после прибытия галактических крейсеров — и наполнить таким количеством крови и жизненной энергии наши танкеры и корабли-аккумуляторы, что их хватит на десять тысяч лет вперед. Ты слышишь меня, на десять тысяч лет!

Его возбуждение наконец улеглось. Он улыбнулся и с холодной, горделивой улыбкой посмотрел на женщину. Затем продолжил:

— Дорогая, теперь тебя ждет вознаграждение. Мы могли бы взломать эти экраны и без пособничества землянина в течение ближайших двенадцати часов, но это означало бы полное разрушение метеорита. Наша победа куда более внушительна. Забирай своего репортера. Удовлетвори свою страстную жажду — пока все

остальные будут готовиться к овладению метеоритом. Я его для тебя свяжу.

Поцелуй смерти, отрешенно подумал про себя Ли, весь похолодев от ожидающей его перспективы.

Только теперь он до конца осознал, что сам того не ведая совершил, и ужаснулся до самых глубин души…

Он лежал на кушетке, там, где его связал Джил. К своему удивлению, он почти сразу же обнаружил, что хотя чуждый ему разум и притаился где-то в дальнем углу его мозга, сейчас он был самим собой, спокойным и непоколебимым, сохранившим ясность мысли. Его, несмотря ни на что, продолжало интересовать, какого рода наслаждение в состоянии испытать Джил, всем своим естеством ощущая тот трепет, что охватил ожидающего совей неминуемой смерти Ли? Эти люди, разумеется, совершенно нормальны, и все же…

Его любопытство сникло, как трава под тепловым лучом, когда в комнату вошла женщина. Широко улыбаясь, она присела с ним рядом на край кушетки.

— Наконец-то ты здесь, — только и произнесла она.

Она была, отметил про себя Ли, как изготовившаяся к атаке тигрица. В каждом изящном мускуле ее стройного, вытянутого тела отчетливо просматривалась откровенная целеустремленность. С удивлением он обнаружил, что она сменила одежду. Теперь на ней было платье из блестящей тончайшей ткани, плотно облегавшее ее туловище, и оно поразительно цветом своим и фактурой материала было под стать ее золотистым волосам и точеному бело-мраморному лицу. Завороженный, он никак не мог оторвать от нее глаз. Машинально, он повторил:

— Да, я здесь.

Глупые, ничего не значащие слова. Неожиданно ужас необыкновенно охватил его. И причиной тому были ее глаза. Впервые, с тех пор, как он увидел ее, глаза поразили его будто ударом молнии. Голубые глаза. И такие мертвенно неподвижные. Такие беспощадно жестокие.

Все тело его затрясло в ознобе, в голове мелькнула жуткая мысль: эта женщина по сути была живым мертвецом, жизнь ее поддерживалась искусственно кровью и жизненной энергией умерщвленных людей — множества мужчин и женщин.

Она улыбалась, но ее рыбьи глаза продолжали

оставаться совершенно пустыми. Никакая улыбка не в состоянии была смягчить это холодное, хотя и прекрасное лицо.

— Мы дригги, — стала рассказывать Мерла, — ведем жизнь суровую и бесконечно одинокую. Такую одинокую, что временами я задумываюсь: не является ли наша отчаянная борьба за существование совершенно бессмысленным, даже безумным занятием. В том, что мы такие, нет нашей вины. Беда пришла к нам во время межзвездного перелета, который совершался миллион лет тому назад. — Она помолчала некоторое время, не в силах совладать с отчаянием. — А может быть, это произошло в еще более отдаленные времена. Столь давно, что мы потеряли уже счет времени. Мы были среди нескольких сотен туристов, попавших в зону гравитационного воздействия звезды, впоследствии названной солнцем дриггов. Ее излучение, безмерно опасное для человеческого организма, поразило всех нас. Было обнаружено, что только непрерывное вливание свежей крови и перезарядка жизненной энергией других человеческих существ — только это одно может спасти нас. Какое-то время мы получали все это в порядке благотворительности. Затем власти решили уничтожить всех нас как

безнадежно неизлечимых.

Все мы были тогда молоды, ужасно молоды; и все мы страшно любили жизнь, несколько сотен молодых людей ожидавших исполнения приговора. Тогда у нас еще были друзья. Они помогли нам спастись бегством, и с тех пор мы отчаянно боремся за то, чтобы остаться в живых.

И все же он не мог испытывать сочувствия к ней, хотя она явно рассчитывала на такую ответную реакцию. Она нарисовала картину унылого, беспросветного существования внутри космических кораблей, где за стеклами иллюминаторов взору представала только никогда не прекращающаяся ночь, где вся жизнь была ограничена удовлетворением неутолимых, противоестественных потребностей их искалеченных гравитацией организмов, которые доводили до полного безумия рассудки дриггов, пораженных неизлечимым заболеваниям, имя которому было — никогда не прекращающийся голод.

Но он слушал все это почти не испытывая никаких эмоций. Ибо женщина оставалась все такой же холодной; годы и дьявольская погоня за чужими жизнями отметили своей печатью ее душу, ее лицо, ее глаза.

Тело ее, еще больше напряглось, когда она нависла над ним, наклоняясь все ближе и ближе к его лицу, он уже ощущал ее медленное размеренное дыхание. И все же в глазах ее внезапно появился легкий намек на какой-то внутренний свет — все ее естество затрепетало, предвкушая удовлетворение своего вожделения. Когда она снова заговорила, то едва выдыхала слова:

— Я хочу поцеловать тебя, и нисколько не бойся меня. Я оставлю тебя живым, ты будешь жить еще много-много дней, но я должна почувствовать ответную реакцию, пассивность меня никак не устраивает. Ты холостяк, самое большее, лет тридцати. У тебя не больше чем у меня самой каких-либо ограничений морального свойства на сей счет. Единственное, что от тебя потребуется, — отдаться мне всем телом, отдаться добровольно.

Он не верил ушам своим. Лицо ее повисло всего лишь в каких-то шести дюймах над его лицом; и была такая свирепость едва уже сдерживаемого пыла в ней, что развязкой могла стать только смерть.

Ноздри ее расширялись с каждым вдохом, губы были поджаты, как будто она приготовилась целовать взасос, и они трепетали от столь

необычного, неестественного желания, что было в этом что-то совершенно уже непристойное. Ни одна нормальная женщина, какою бы распущенной она ни была, пусть даже она и целовалась столь же часто, как приходилось это делать женщине-вампиру, — не могла бы испытывать подобное вожделение, если смерть возлюбленного, должна была стать результатом ее поцелуев.

— Быстрее! — задыхаясь, уже выкрикнула в нетерпении. — Отдайся мне, отдайся!

Ли едва способен был слышать. Тот, другой разум, что притаился в его мозгу, вдруг рванул его тело. Он услышал свой голос:

— Я тебе верю, верю. Я не в силах противостоять желанию. Целуй меня, целуй сколько угодно, целуй, безумно. Я выдержу все…

Сверкнула вспышка, ощущение мучительного ожога пронизало каждый нерв его тела.

Первая волна мучительной боли сменилась целой серией менее интенсивных болевых ощущений, как будто крохотные иголки втыкались в тысячи различных мест его плоти. Со страшным звоном в ушах, корчась в своих путах, не веря, что он еще жив, Ли осмелился открыть глаза.

И ощутил, как на него нахлынула волна удивления.

Женщина лежала, обмякнув, прямо на нем. Он ощущал тяжесть ее тела, губы ее искривились в стремлении избежать прикосновения к его губам. А разум, тот вскипевший разум, что соседствовал с его умом, внимательно наблюдал — в данный момент за тем, как в комнату не спеша входит мужчина-дригг. Увидев безвольно лежащую Мерлу, Джил тут же метнулся вперед.

Он рывком поднял на руки ее неподвижное тело. Когда губы их встретились, синяя молния промелькнула от мужчины к женщине. Она в конце концов зашевелилась, застонала. Он стал грубо трясти ее.

— Ну и жалкая же ты дура! — буйствовал мужчина. — Как это ты могла допустить такое? Еще минута — и ты была бы мертвой, если бы я сюда не вошел.

— Я… ничего не… понимаю.

Голос у нее был слабый, болезненно немощный. Она грузно плюхнулась на пол у его ног, как обессилевшая старуха. Ее золотистые волосы беспорядочно разметались и теперь казались сильно поблекшими.

— Ничего не понимаю, Джил. Я пыталась взять у него жизненную силу, но он сам отобрал ее у меня. Он… — она замолчала, широко открыв

свои голубые глаза, затем, шатаясь из стороны в сторону, поднялась на ноги. — Джил, он, должно быть, шпион галактов. Ни одно человеческое существо не могло бы проделать подобное со мною. Джил! — В голосе ее послышался нескрываемый ужас, — Джил, уходи из этой комнаты! Неужели ты ничего не понимаешь? Он вобрал в себя мою энергию. Сейчас он здесь лежит связанный, но кто бы ни контролировал его тело, он имеет в своем распоряжении мою энергию, он может с ее помощью…

— Ладно, ладно. — Он стал гладить ее пальцы. — Уверяю тебя, он всего лишь самый обычный человек. Воспользовавшись твоей слабостью, он подзарядился твоей энергией. Ты совершила ошибку в своем нетерпении к наслаждениям, и поток энергии пошел не тем путем. Но нужно еще обладать очень многими другими качествами, чтобы с успехом использовать человеческое тело против нас. Так что…

— Неужели ты так до сих пор ничего и не понял? — голос женщины сорвался. — Джил! Я обманута! Не знаю, что это на меня нашло, но я оказалась не в состоянии пополнять свой запас жизненной энергии. У меня ее было много. Каждый раз, когда предоставлялась возможность во

время наших четырех высадок на Земле, я тайком ускользала от тебя и ловила мужчин прямо на улицах. Не знаю даже, сколько точно, так как я растворяла их тела всякий раз после того, как с ними все было кончено. Помню только, что их были десятки. А он взял да и отнял у меня всю эту энергию, что я с таким трудом собирала, энергию, достаточную для существования не один десяток лет, достаточную — неужели ты этого не понимаешь — достаточную для НИХ.

— Дорогая моя, — дригг яростно потряс ее, как это делает врач с женщиной, бьющейся в истерике. — Вот уже миллион лет сильные галактического мира сего не обращают на нас никакого внимания и…

Тут он осекся. Продолговатое лицо его грозно нахмурилось. Он быстро повернулся, как встревоженный тигр, и выхватил свой пистолет. Мгновеньем раньше со своей кушетки поднялся Ли.

Ли-человек больше уже ничему не удивлялся — абсолютно ничему. Ни тому, как остолбенел дригг, встретившись с его взглядом. Потому что уже оправился он от первоначального потрясения, когда обнажилась перед ним во всей своей чудовищности истина его нынешнего положе-

ния.

— Сложившаяся сейчас ситуация существенно отличается от прежних, — произнес Ли голосом столь неожиданно громким, что сам вздрогнул. — На этот раз двести двадцать семь кораблей дриггов сосредоточены в весьма ограниченном пространстве. Остальные — в соответствии с данными, хранящимися в наших архивах, их всего лишь десяток, не больше, — мы можем, не особенно рискуя, оставить на попечение наших полицейских патрулей. — Великий Галакт, которым и был Уильям Ли, загадочно улыбнулся и направился к своим пленникам. — Нам наконец-то удалось осуществить полное расщепление личности, что само по себе является крупнейшим достижением. Но для полного понимания случившегося нужно вернуться на три года в прошлое, когда наши манипулятор времени указали на возможность уничтожения дриггов, которым до настоящего времени удавалось спасаться вследствие огромных размеров нашей Галактики.

Вот почему я прибыл на Землю и создал здесь личность человека по имени Уильям Ли, репортера, дополненную как семьей, так и историей предыдущей жизни. Для успешного осуществления такого опыта необходимо было поместить в

особую секцию мозга примерно девять десятых собственного моего разума и уменьшить в той же пропорции собственный запас жизненной энергии.

Это было связано с немалыми трудностями. Как возвратить на свое место энергию в достаточном количестве в должное время, не выступая в роли вампира? Для этого мне пришлось соорудить количество тайных запасников энергии, но, естественно, все абсолютно предусмотреть мы не могли. Мы не в состоянии были предвидеть в мельчайших подробностях, что произойдет на борту этого корабля, или в моем гостиничном номере в тот вечер, когда вы туда неожиданно нагрянули, или под рестораном «У Константина».

Кроме того, если бы я располагал полным запасом энергии, когда приближался к этому кораблю, ее могли бы зарегистрировать ваши охранные системы. В это случае вы тотчас же уничтожили бы мой крошечный автомобиль-звездолет.

Поэтому прежде всего мне понадобилось отправиться на метеорит и восстановить первоначальный контроль над своим собственным телом при посредстве медиума, который мой земной «альтер эго» назвал «комнатой с черной пустотой».

Этот мой земной «альтер эго» доставил мне немало непредусмотренных хлопот. За три года он обрел значительную индивидуальность и появившиеся у него собственные мотивы поведения вызвали необходимость повторить эпизод с участием Патриции Унгарн и явиться ему в качестве еще одного, находящегося в том же мозгу разума дабы убедить Ли, что он должен уступить. Остальное, разумеется, было уже только делом приобретения дополнительной жизненной энергии после вступления на борт вашего корабля, которой, — тут он поклонился слегка в сторону груды обмякших мускулов, представлявших из себя женское тело, — весьма щедро снабдила меня она.

Я объясняю все это, исходя из допущения, что ваш разум смирится с полным контролем над вами только в том случае, если налицо будет четкое понимание факта вашего поражения. Я обязан, следовательно, в заключение уведомить вас о том, что вам осталось прожить еще несколько дней, в течение которых вы мне будете помогать в установлении личного контакта с вашими друзьями. — Жестом руки он дал знать дриггам, что они свободны. — Возвращайтесь к своему обычному существованию. Мне еще нужно окон-

чательно скоординировать взаимодействие обеих моих личностей, а это совершенно исключает ваше дальнейшее присутствие.

Дригги покинули комнату, сделав это весьма проворно, глаза их ничего не выражали. Два разума в одном теле теперь наедине.

Ли, Уильям Ли с планеты Земля, постепенно окончательно оправился после первоначального потрясения. Помещение, в котором он находился, было каким-то необычайно унылым, все в нем наводило беспросветную тоску, словно глядел он на окружающее глазами, которые больше уже не были его собственными!

Ему понадобилось большое усилие, чтобы прийти к решению — бороться до конца. Нечто чуждое мне пытается овладеть моим телом, подумал он. Все остальное — ложь, пустые слова.

Успокаивающая пульсация иного разума постепенно распространилась и на те укромные участки мозга, где еще теплилось его собственное, земное «я». Кто-то внутри него убеждал его:

«Не ложь, а удивительная правда. Ты заживешь удивительной жизнью, нисколько не похожей на ту, что в своих ограниченных земным воображением мечтаниях ты мог бы себе представить. Ты должен смириться с высоким своим предна-

значением. Будь спокойнее, будь смелее, и твои муки превратятся в наслаждение».

Спокойствие, однако, совсем пропало. Ум Ли-землянина затрепетал в своем темном углу, странным образом сознавая то страшное и неестественное давление, которое на него оказывал теснящий его со всех сторон неземной разум. Ли вновь испытывал ужас перед этим давящим его волю разумом, однако, напрягшись из последних сил, вернул себе способность трезво осмыслить происходящее, и тогда у него возникла его собственная мысль: вселившийся в него дьявол пытается уговорить, убедить его смириться, а это может означать только одно — его затрясло от зародившейся надежды — что его мучитель не сможет окончательно овладеть им без его добровольного согласия.

Нет, никогда и ни за что он не уступит кому бы то ни было!

«Подумай», — нашептывал ему чужой разум, — поразмысли хотя бы над тем, что коэффициент развития интеллекта у тебя будет равным тысяче двумстам, подумай о себе, как о существе, выполнившем до конца свое предназначение и теперь возвращающимся в свое нормальное состояние, в котором главное — ничем неограниченное мо-

гущество и неисчерпаемые возможности. Ты был актером, полностью слившимся с исполняемой ролью, но спектакль окончен: ты теперь один в своей артистической уборной смываешь грим с лица; твое настроение, навеянное игрою в этом спектакле, все дальше уходит, уходит, уходит…»

— Убирайся ко всем чертям! — громко крикнул Уильям Ли. — Я Уильям Ли, КРИ у меня всего лишь сто двадцать, но я вполне удовлетворен тем, что я такой и никакой другой. Мне наплевать, создал ли ты меня из компонентов своего мозга или я появился на свет обычным путем. Я в состоянии уразуметь все, что ты пытаешься сотворить со мною с помощью этого своего гипнотического внушения, но у тебя ничего не выгорит. Я вот здесь сам по себе и желаю остаться самим собою. Ступай-ка отсюда подальше и ищи себе другой тело, если ты такой продувной малый.

Голос его звучал все тише и тише, пока наконец мертвая тишина не обволокла все вокруг. Это исчезновение звуков вызвало у него снова жестокий приступ страха.

Он попытался снова заговорить, речью своей прорвать окутавшую его со всех сторон блокаду зловещей тишины. Но не смог издать ни единого звука.

Ни один мускул его не пошевелился; ни один нерв не затрепетал.

Он был совершенно один.

Отрезанный от всего мира в крохотном закутке собственного мозга.

Затерявшийся среди его извилин.

Да, затерявшийся именно это определение было наиболее точным. Ему оставалось только совершенно уже недостойное, убогое существование. Он был обречен на всю жизнь, в которой все лучшее было в прошлом и теперь потеряно навеки…

И все же решительности у Ли не убавилось. Эта штука в мозгу пытается путем повторения одних и тех же мыслей, путем демонстрации свидетельств его поражения заложить прочный фундамент своих дальнейших побед над ним, Ли-землянином. Это старый, как мир, фокус незатейливого гипноза для людей простодушных. А он вряд ли мог допустить, чтобы сработали столь незамысловатые ухищрения…

Тебе нужно, безусловно, смириться с тем фактом, что роль твоя сыграна, убеждал его чуждый разум. Ты теперь прекрасно понимаешь наше нерасторжимое единство и уступаешь мне место на сцене. Доказательством этого признания с

твоей стороны является то, что ты уже передал мне контроль над… нашим… телом.

— нашим телом, нашим телом. НАШИМ телом…

Слова эти эхом прозвучали в его мозгу, затем сменились все тем же спокойным, ритмичным нашептыванием другого разума.

«Сосредоточься. В основе любого интеллекта лежит способность сосредоточиться, тело же является только орудием интеллекта, его проявлением в воздействии на окружающую среду, оно отражает и фокусирует эту концентрирующуюся, готовую выплеснуться силу. Силу мышления.

…Остается сделать еще только один шаг. Ты должен уразуметь…

К немалому своему удивлению он обнаружил, что вглядывается в зеркало. Откуда оно здесь взялось, этого он не помнил. Теперь же оно располагалось прямо перед ним, там, где мгновеньем раньше был черный иллюминатор. И виднелось в этом зеркале какое-то изображение, пока еще не сформировавшееся полностью перед его затуманенным взором.

Преднамеренно — он ощущал эту давящую преднамеренность — изображение стало проясняться. Он узрел его — и после этого отказался

что-либо видеть дальше. Как безумный, он отпрянул подальше от сверкающего изображения. Его разум извивался в бешеном отчаянии, словно тело, погребенное заживо. Мысли его беспорядочно смешались, потеряв какую-либо стройность, все в голове у него завертелось головокружительным вихрем, будто раскручиваемое какой-то гигантской центрифугой все быстрее и быстрее…

Центрифуга эта вдруг разлетелась на десятки тысяч острых осколков впившихся с невыразимой болью в остатки его и без того измученного разума. Нахлынула тьма, тьма более черная, чем галактическая ночь. Но вместе с нею пришло и…

Ощущение ЦЕЛЬНОСТИ!

ТРИ ДУРНЫХ ГЛАЗА
(повесть)

В результате дорожного происшествия у Майкла Слейда прорвалась кожа на лбу и оказалось, что там находится…третий глаз. Это событие полностью измени-

ло жизнь Слейда, т. к. «лишний» глаз предоставил ему такие возможности, которых раньше Майкл не мог даже представить…

Глава 1

Показание Томаса Бэррона, данное на коронерском расследовании.

«Меня зовут Томас Бэррон. Я уже девять лет являюсь совладельцем брокерской конторы «Слейд и Бэррон». Я никогда не подозревал, что Майкл Слейд чем-то отличается от нормальных людей. У него был сильный характер, и я всегда считал его довольно высокомерным.

После автомобильной катастрофы, спровоцировавшей интересующие вас события, я встречался с ним десяток раз, в основном по поводу покупки его доли в бизнесе. Он никак не дал мне понять, что с ним что-то не ладно, и я не имею представления о том, что же произошло на самом деле».

Произошла авария; перевернувшись, машина аккуратно лежала на крыше кузова. Слейда оглушило; он очнулся, лежа на спине, и понял, что потерял свои очки. Со лба на левый глаз текло что-то теплое.

Он отер жидкость и с удивлением обнаружил, что это кровь. Он постарался улыбнуться своей

жене, которая уже начала приходить в себя. Потом сказал:

— Вроде живы. Не знаю, что произошло. Думаю, полетела коробка передач.

Мириам находилась совсем рядом, так что, несмотря на близорукость, он даже без очков увидел, что она глядит на него со смесью ужаса и тревоги.

— Майкл, твой лоб… та опухоль! Она прорвалась, идет кровь и… *Майкл, там глаз!*

Слейд ничего не понимал. Почти автоматически он повернул зеркало заднего вида так, чтобы в нем отражался его лоб. На коже образовался разрыв, начинавшийся в дюйме от линии роста волос и продолжавшийся вниз дюйма на два.

И там был ясно виден третий глаз.

Веко было покрыто толстым слоем какого-то липкого вещества, и Слейд вдруг ощутил, как новоявленный глаз помаргивает оттого, что слабо чувствует свет.

Глаз начал болеть.

У одного из наших жителей три глаза.

В результате вчерашнего дорожного происшествия, во время которого прорвалась кожа на лбу у Майкла Слейда, выяснилось, что у молодого бизнесмена три глаза. Давая интервью в госпитале,

куда мистер Слейд был доставлен проезжавшей мимо машиной, он находился в бодром расположении духа, но не дал случившемуся никакого объяснения. «У меня на лбу всегда было какое-то размягчение, — сказал он. — Сам же третий глаз кажется мне совершенно ненужным придатком. Не представляю, что это за причуда природы».

Он сообщил, что, скорее всего, ему пересадят кожу и восстановят прежний вид. «На уродов, — сказал он, — люди ходят смотреть в балаган. В других местах смотреть на них неприятно».

Обнаружение в нашем небольшом городке трехглазого человека вызвало в местных научных кругах оживленный интерес. Мистер Артур Трейнор, преподаватель биологии в средней школе с техническим уклоном, предположил, что это либо мутация, либо третий глаз был когда-то у всех человеческих существ и это, таким образом, атавизм. Однако последнему предположению противоречит тот факт, что во всем животном мире нормой является наличие двух глаз. Хотя, конечно, существует железа, известная как шишковидное тело, которую иногда называют третьим глазом.

Доктор Джозеф Макайвер, офтальмолог, считает, что было бы интересным экспериментом

вернуть всем трем глазам нормальное зрение. Он признал, что это будет сложно, поскольку третий глаз мистера Слейда лишь едва чувствует свет; а также потому, что при существующей сейчас распространенной методике тренировки довольно трудно вернуть положенную фокусировку и стопроцентное зрение не только трем, но и обычным двум глазам.

«Тем не менее, — заключил доктор Макайвер, — человеческий мозг — странный и удивительный механизм. Когда он расслабляется, все приходит в равновесие. Но если в нем по какой-то причине наличествует фоновое раздражение, начинаются неполадки со зрением, слухом, пищеварением и другими функциями организма».

У миссис Слейд интервью нашему корреспонденту взять не удалось.

Показание миссис М. Слейд, данное на коронерском расследовании.

«Мое имя Мириам Леона Креншо. Я бывшая миссис Майкл Слейд. Я развелась с мистером Слейдом и по закону имею право пользоваться своей девичьей фамилией. Познакомилась я с мистером Слейдом примерно шесть лет назад; тогда у меня насчет него не возникло никаких подозрений.

После аварии, в которой проявилось его странное отличие, я виделась со своим мужем лишь дважды. Первый раз — когда умоляла его изменить свое решение оставить все три глаза на виду. Но на него сильно повлияли опубликованные в прессе слова местного офтальмолога о том, что есть возможность вернуть зрение всем трем глазам. Он также считал, что слухи о нем распространились так широко, что любые попытки скрыть правду бесполезны.

Это решение было единственной причиной нашего развода, и второй раз я встречалась с ним, когда подписывала документы.

О последующих событиях мне ничего не известно. Я даже не видела его тела. Так как мне описали, до какой степени оно обезображено, я отказалась от освидетельствования».

Слейд сидел в саду, массировал глаза, глядел на таблицы и дожидался офтальмолога. Стояла солнечная погода, но он расположился в тени, удобно устроившись в кресле. Сейчас главное для него — достичь полного расслабления.

Он был несколько раздражен тем, что хотя уже почти три месяца самостоятельно занимается по книгам, успехи его пока невелики.

На дорожке послышались шаги. Слейд с лю-

бопытством смотрел на приближающегося офтальмолога. Доктор Макайвер был седовласым мужчиной лет пятидесяти пяти — большего Слейд без очков разглядеть не мог.

Врач сказал:

— Ваш слуга сообщил, что я могу найти вас здесь.

Не дожидаясь ответа, он непринужденно повернулся в сторону газона, где стояли три таблицы: одна на расстоянии пяти, другая — десяти и третья — двадцати футов от кресла Слейда.

— Ну, — констатировал офтальмолог, — я вижу, вы знакомы с принципами тренировки зрения. Как бы я хотел, чтобы, по крайней мере миллиард человек поняли, как это здорово, когда им на задний двор с неба струится свет яркостью в десять тысяч свечей. Думаю, — заключил он, — до того, как умру, я сделаюсь солнцепоклонником!

Слейд обнаружил, как проникается расположением к этому человеку. До того как он обратился к доктору Макайверу, он немного сомневался, стоит ли привлекать к своей проблеме даже специалиста. Но сейчас его сомнения начали рассеиваться.

Слейд объяснил, что его беспокоит. Прошло почти три месяца, а все его достижения сводились

к тому, что третий глаз мог видеть с расстояния в один фут строчку, которая должна была быть видна с расстояния десяти футов; к тому же, когда он отходил от таблицы, видимость ухудшалось непропорционально увеличению расстояния. С трех футов Слейд едва видел букву «С» на строке, предназначенной для чтения с двухсот футов.

— Другими словами, — сказал доктор Макайвер, — проблема теперь в основном психологическая. Ваше сознание подавляет незнакомые ему образы, и можете быть почти уверены, что подавляет оно их потому, что привыкло так делать.

Он повернулся и стал распаковывать свой чемоданчик.

— Давайте посмотрим, — сказал уверенным тоном врач, — не сможем ли мы заставить его подчиниться.

Слейд сразу же почувствовал, как успокаивается и расслабляется под действием пылкой уверенности этого человека. Как раз такая помощь ему и была нужна. Должно быть, внутреннее напряжение нарастало уже давно. По всей вероятности, он бессознательно испытывал досаду оттого, что так медленно продвигался вперед.

— Вначале несколько вопросов, — сказал доктор Макайвер, выпрямляясь и держа в руке

ретинаскоп. — Читаете ли вы ежедневно мелкий шрифт? Можете ли вы скакать по буквам? Вы приучили глаза к прямому солнечному свету? Хорошо! Начнем без массажа с правого глаза.

Слейд мог прочесть с расстояния в двадцать футов строчку, которая при нормальном зрении должна была быть видна с пятидесяти. Он заметил, что Макайвер стоит в восьми футах от него и изучает его глаз через ретинаскоп. Наконец офтальмолог кивнул.

— Зрение правого глаза 20/50. Астигматизм три диоптрии, — потом добавил: — Вы занимаетесь рассматриванием домино?

Слейд кивнул. Он все-таки значительно продвинулся в преодолении мышечного дисбаланса, вызывавшего астигматизм, которым страдали все три его глаза.

— Теперь левый глаз, — сказал доктор Макайвер. И чуть позже провозгласил:

— Зрение 20/70, астигматизм три диоптрии. Средний глаз, прение 3/200, астигматизм 11 диоптрий. Теперь помассируйте.

Массаж в правом и левом глазу вызвал прояснение зрения на длительное время до 20/20 и в среднем глазу — на несколько секунд — до 5/70.

— Думаю, — сказал доктор Макайвер, — начнем

с того, что попытаемся добиться улучшения видения черного. То, что вы видите, вашему сознанию может казаться черным, но вы себя обманываете. Потом сделаем некоторые упражнения, в том числе побросаем теннисные мячики.

Он порылся в своем чемоданчике и вынул сверток со всевозможными черными предметами. Слейд рассмотрел клочок черного меха, пучок черной шерсти, черную хлопчатобумажную ткань, квадратик черного картона, черный шелковый лоскут, кусочек черного металла, вырезанную из черного дерева фигурку и разнообразные черные вещицы, среди которых были пластмассовая чернильная ручка, галстук-бабочка и небольшая книжечка с черной обложкой.

— Посмотрите на эти предметы, — сказал Макайвер. — Сознание может запомнить оттенки черного только на несколько секунд. Массируйте глаза и переключайте внимание с одной вещи на другую.

Через полчаса зрение каждого глаза заметно улучшилось. Большую «С» третьим глазом он видел с расстояния в двадцать футов, а находящиеся ниже «R» и «B» были расплывчаты, но узнаваемы. До совершенного же зрения было еще очень и очень далеко.

— Массируйте снова, — велел доктор Макайвер. На этот раз после того, как Слейд закрыл глаза, он стал тихо говорить:

— Черное черно, черно. Нет черного кроме черного. Черное, чистое, без примесей черное черно, черно.

Кажущиеся, на первый взгляд, абсурдом, эти слова все-таки не были лишены смысла. Слейд поймал себя на том, что улыбается, представляя себе черный цвет различных предметов, которые доктор Макайвер разложил у себя на коленях. Черный, думал он, черный, почему ты черный?

А ведь все чрезвычайно просто! Черный цвет, такой черный, как цвет ночи без звезд, черный, как типографская краска, черный, как только может вообразить сознание человека. Черный.

Слейд открыл средний глаз и увидел на таблице, стоящей в двадцати футах, десятифутовую строчку. Он поморгал, но она осталась такой же ясной и четкой. Удивленный, он открыл остальные два глаза. Строка по-прежнему не расплывалась. Он оглядел свой задний двор.

Он *видел!*

Поначалу забор, соседние дома, таблицы на газоне и кустарник по его краям оставались частью пейзажа. Но вот Слейд увидел, как привычный

вид — его задний двор, холм справа и крыши соседей — казалось, понемногу теряет свою яркость, и сквозь него проступает другой, доселе неведомый. Создавалось впечатление, будто смотришь на просвет на два фотографических кадра, наложенных друг на друга.

Постепенно контуры нового ландшафта прояснились. Слева, там, где дома спускались в ложбину, простиралось огромное болото, поросшее густой яркой растительностью. По правую руку, где горизонт был всегда скрыт холмом, рассыпались десятки пещер; перед входами в них горели костры.

Дым от костров вился едкими струйками, постепенно превращаясь в одно темно-серое облако, которое уже наполовину скрыло усадьбы Мортона и Глэдвондера, стоявшие на холме. Они все тускнели и тускнели. И вот Слейд заметил, что холм с пещерами немного выше и круче, чем холм с современными постройками. Как раз на этом уступе он и увидел то, что совершенно поразило его воображение.

Человеческие существа! Они суетились, склонялись над висящими котлами, подкладывали дрова, исчезали внутри пещер и затем появлялись снова. Их было немного; почти у всех были

длинные волосы, как у женщин, или же это были дети. Из-за своей дикарской одежды — она была ясно видна даже с такого расстояния — они имели абсолютно нереальный вид.

Слейд все еще сидел в кресле. У него возник безотчетный порыв подняться с места, но он не успел ни отреагировать, ни даже осознать увиденное. Наконец он вспомнил, что все это является следствием того, что у него улучшилось зрение, и следом молнией промелькнула мысль: что же, в самом деле, произошло?

Однако он еще не вполне понял, чему именно ему следует удивляться; к тому же пейзаж с пещерными жителями становился все более и более четким. Соседние дома и его собственный задний двор походили теперь на зыбкие миражи, и ему казалось, что он смотрит на них сквозь всеобволакивающий туман.

Только сейчас Слейд заметил, что его глаза напрягаются, чтобы удержать оба этих образа, но напряжение уменьшается по мере того, как второй пейзаж все сильнее завладевает его вниманием.

Слейд вышел из оцепенения. Затем почти механически встал.

С огромным и все возрастающим интересом он

отметил, что там, где кончалось болото, начинался холмистый луг, по которому были разбросаны яркие пятна гигантских цветущих кустов, а вдали росли деревья, казавшиеся удивительно высокими.

Все подробности открывшейся ему картины были видны так четко и ярко, как только и может выглядеть земля под летним солнцем. Перед Слейдом простиралась согретая первобытным теплом, богатая красками дикая природа, почти не тронутая человеком. Это была словно сказочная страна, и он смотрел на нее, широко раскрыв глаза.

Наконец, полный восхищения, он обернулся, чтобы осмотреть местность позади себя — и, вероятно, как раз в этот момент из-за стоявшего там дерева вышла девушка.

Она была высокой и держалась очень прямо. Должно быть, она собиралась поплавать в ручье, с журчанием впадавшем в болото в нескольких ярдах от нее, поскольку, если не считать украшения в виде серебряного пояса, на ней не было одежды.

У девушки было три глаза, и все три с удивлением и без тени смущения разглядывали Слейда. В ее манере держаться проглядывало что-то не

слишком приятное, даже отталкивающее. Она имела вид существа, наделенного властью и привыкшего думать только о себе. У Слейда было достаточно времени, чтобы понять, что она старше, чем кажется.

При виде Слейда глаза женщины сузились. Низким, как голос скрипки, контральто она произнесла несколько слов, смысл которых был непонятен, но интонация неприятно резка.

Затем образ ее начал тускнеть. Деревья и огромное болото, которые еще были видны слева, поблекли на глазах. Сквозь тело женщины, ставшее прозрачным, проступили контуры дома, и все вокруг быстро приняло вид, уже знакомый Слейду многие годы.

Внезапно он вновь оказался на заднем дворе своего дома.

— Куда вы подевались? — спросил доктор Макайвер. На его лице были написаны радость и удивление. — Я отвернулся, а вы, не сказав ни слова, ушли.

Слейд ответил не сразу. Глаза жгло, как огнем.

Показание доктора Макайвера, данное им на коронерском расследовании.

«Я общался с Майклом Слейдом около двух с половиной месяцев, в течение которых по часу в

день помогал ему тренировать зрение. Процесс шел медленно, так как после наступившего в первый день кажущегося выздоровления произошел необычно резкий регресс.

Каждый раз, когда я спрашивал его о том, что конкретно он наблюдал за то краткое время, когда зрение улучшилось, он колебался и затем уходил от ответа.

В конце четвертой недели зрение его третьего глаза составляло всего лишь 1/40. Затем он решил провести отпуск на своей, ферме в Кэннонвилле в надежде, что окружение, напоминающее времена его детства, позволит ему расслабиться и будет способствовать исцелению.

Как я понимаю, позднее Слейд вернулся домой, но в следующий раз я увидел его только тогда, когда меня вызвали в морг для опознании его обезображенного тела».

Глава 2

В первый день по приезде на ферме было прохладно. Дул сентябрьский ветерок и чувствовалось скорое приближение осени. Когда Слейд устроился перед своими таблицами, солнце уже висело низко на западе. Он вздохнул. День почти прошел.

Слейду казалось, что сегодня должно произойти нечто очень важное. К тому же, его тревожило воспоминание о пещерных жителях, появляться слишком близко от которых Слейду не слишком-то хотелось. Но здесь, в этой прерии, появление каких-либо обитателей потустороннего мира казалось маловероятным.

То, что сознание захочет увидеть, думал Слейд, *оно увидит; было бы что видеть.* Слейд решил создать условия, позволяющие сознанию видеть.

Он позанимался массажем, затем посмотрел на таблицу средним глазом. С двадцати футов он смог разглядеть большую «C»; «R» и «B» под ней были расплывчаты, а «T», «F», «P» выглядели сплошным серым пятном. Улучшением это считать было нельзя.

Он снова промассировал глаза. Глазное яблоко,

согласно методике тренировки зрения, является сферическим органом, удлиняющемся при взгляде на близкие предметы и сокращающемся при взгляде вдаль. Некоторые из пользующихся этой методикой врачей были готовы допустить, что даже ресничная мышца до некоторой степени изменяет форму хрусталика.

Каким бы ни было рациональное объяснение тому, почему система действительно работает, известно, что если мышцы напряжены непропорционально, зрение ухудшается. И поскольку эти мышцы управляются представлением — частью сознания, с трудом поддающейся тренировке — для тех, кто уже долго носит очки или имеет другие проблемы со зрением, задача становилась еще более сложной.

Решение, думал Слейд, *находится во мне. Я уже избавился от астигматизма в правом и левом глазах, но в среднем глазу астигматизм упорно сохраняется, так что иногда глаз вообще ничего не видит.*

С его сознанием что-то неладно. Глаз уже доказал, что способен нормально функционировать.

Оставался всего час до захода солнца, а мозг Слейда все еще отказывался работать с третьим глазом.

Может быть, подумал Слейд, *если я похожу по разным местам, о которых у меня сохранились наиболее яркие детские воспоминания, я смогу снова поймать настроение и...*

Прежде всего, следует найти ручей, на берегах которого он так часто прятался в кустах или смотрел, лежа в траве, как мимо проезжают машины, направляясь в какие-то далекие и удивительные места.

Он прижался лицом к прохладной мягкой траве. Он понял, что устал и что все последние месяцы находился в постоянном напряжении.

Ну не дурак ли я? — думал он. — *Настроил против себя жену, расстался с друзьями — и все ради погони за обманчивой мечтой!*

Действительно ли он видел тот другой мир, или это была некая фантастическая галлюцинация, возникшая из-за глубокой перестройки в организме?

От таких мыслей его охватило уныние. Солнце зашло, сумерки стали сгущаться, и Слейд направился вдоль ручья назад к дому на ферме.

В темноте ему не удалось отыскать тропинку, и он пошел через пастбище, то и дело спотыкаясь о кочки.

Он увидел свет в окне дома, но не смог понять,

почему тот находится так далеко. Это несколько обеспокоило его, но по-настоящему он испугался, лишь когда сообразил, что уже давно должен был дойти до забора.

Медленно опускаясь на траву и сдерживая подступавший страх Слейд подумал: *Смешно. Я начинаю выдумывать невесть что.*

Однако когда он попытался вглядеться в окружавшую его кромешную тьму, возникло противное ноющее ощущение под ложечкой. Луны не было, и небо, должно быть, затянули тучи: не проглядывала ни одна звезда. Хотя свет вблизи горел ярко, он не освещал самого здания.

Слейд поморгал, с растущим любопытством глядя на этот свет, и беспокойство его начало отступать при мысли, что вернуться назад на Землю, вероятно, будет достаточно просто. Ведь, в конце концов, он всего лишь думает, что он здесь. Он наверняка без особого труда сможет вернуться назад.

Слейд поднялся на ноги и двинулся вперед. По мере того как источник света приближался, ему все больше казалось, что он исходит из двери. Слейд разглядел, что дверь находится под сильно выступающим изогнутым металлическим козырьком. Козырек тускло поблескивал в темноте,

не давая даже намека на форму всей остальной конструкции, теряющейся в непроглядном мраке.

Слейд остановился в нерешительности примерно в ста футах от входа.

Любопытство его возрастало, между тем как решимость обследовать странное сооружение уменьшалась с каждой минутой. Только не сейчас, не этой темной ночью в неизвестном ему мире. *Дождаться бы утра,* с огорчением думал он, прекрасно понимая, что еще до наступления рассвета в сознании снова возникнет напряжение.

Только постучать в дверь, думал он, *только заглянуть внутрь. И тут же снова в темноту.* Дверь оказалась сделана из металла и была такой массивной, что костяшки пальцев выбили по ней лишь едва слышный стук. У Слейда в кармане нашлась серебряная мелочь, и когда он постучал монетой, раздался резкий звон. Слейд тотчас отошел и стал ждать.

Тишина становилась непереносимой, обволакивала, словно мрачное покрывало. Темная и тихая ночь в первобытной стране, населенной пещерными жителями и…

И кем еще? Это ведь не жилище пещерного че-

ловека. Не может ли оказаться так, что он попал совсем не на тот уровень Земли, где он встретил обнаженную девушку?

Слейд отошел подальше в тень. Он споткнулся и оцарапал икры. Стоя на одном колене, он осторожно ощупал предмет, попавший ему под ноги. Металл. Это заинтриговало его. Он осторожно нажал кнопку фонарика, но тот не загорелся. Слейд тихо выругался и попытался вытащить торчавший из земли предмет; тот походил на колесо, приделанное к какой-то коробке. Пока Слейд ощупывал свою находку, пытался дергать и тянуть ее на себя, пошел дождь. Это заставило его укрыться под ближайшим кустом. Но дождь все усиливался, так что наконец на Слейда с куста полилась вода. Слейд смирился с судьбой и направился назад к двери. Он потрогал замок и толкнул ее. Дверь тут же отворилась.

Внутри был виден ярко освещенный, длинный и просторный коридор из матового металла. Примерно в ста футах, в конце огромной прихожей, его пересекал другой коридор. В обоих его концах находилось по три двери.

Слейд начал открывать их одну за другой. За первой было длинное узкое помещение, все блестящее, словно в синих зеркалах. По крайней

мере, казалось, что это зеркала. Потом Слейд вдруг заметил, что в глубине их светят звезды.

Слейд поскорее захлопнул эту дверь. Не то чтобы он почувствовал страх. Просто сознание его замерло в нерешительности перед тем, что не могло интерпретировать. Опора для его рассудка в этом мире была слишком шаткой, и Слейду не хотелось ставить его перед непостижимыми тайнами.

Слейд перешел к одной из дверей слева. За ней было длинное узкое помещение, наполовину заполненное штабелями ящиков. Некоторые из них были открыты, и содержимое высыпалось на пол. Перед Слейдом блестели приборы, целая куча всевозможных механизмов самых разных размеров. Некоторые ящики были неаккуратно отодвинуты в сторону, словно здесь искали какой-то определенный предмет.

Слейд затворил и эту дверь, находясь в недоумении, но не ощущая никакой угрозы. Кладовая — вещь понятная, и сознание Слейда восприняло ее как нечто знакомое, не задаваясь вопросом о содержимом ящиков.

За средними дверями располагались массивные механизмы, занимавшие по высоте две трети помещения. Несмотря на их огромные

размеры, Слейд понял, что это такое. Уже больше года американские газеты и журналы печатали фотографии атомных двигателей, разработанных Чикагским университетом для космических ракет. Дизайн немного отличался, но по общему виду узнавались они безошибочно.

Слейд поскорее закрыл все двери и остался стоять в коридоре, ощущая недовольство ситуацией. Ярко освещенный изнутри космический корабль, стоящий в пустынной степи на каком-то неведомом уровне, существования, а снаружи одинокий огонек, словно маяк, привлекает одиноких путников вроде него, предлагая спасение от темноты — и это реальность?

В последнем Слейд сомневался. Более того, у него возникло скверное чувство, что он сам себя довел до кошмара и сейчас, с минуты на минуту, он проснется и очнется весь в поту в собственной постели.

Но минуты шли, а пробуждение не наступало. Его сознание постепенно смирилось с тишиной, паника улеглась, и он попробовал пятую дверь.

За ней был мрак. Слейд тотчас отступил назад. Глаза его быстро привыкли к темноте, так что через несколько секунд он разглядел в глубине человеческий силуэт. Незнакомец прижался к са-

мой темной стене и внимательно следил за ним тремя ярко светящимися отраженным светом глазами. Стоило Слейду бросить на него только один взгляд, как сознание его тут же отвергло этот образ.

В тот же миг корабль, свет — все исчезло. Слейд упал с высоты примерно в три фута на поросшую травой насыпь. На расстоянии полумили светился желтый огонек. Это оказался дом на его ферме.

Слейд снова был на Земле.

Не приняв никаких определенных планов на будущее, Слейд остался жить на ферме. Зрение всех трех его глаз ухудшилось, и, кроме того, он пережил сильное потрясение. *Не может быть, чтобы это была та же самая женщина,* говорил он себе. Чтобы в темном коридоре старого, выглядевшего заброшенным космического корабля стояла та же самая молодая женщина и следила за ним.

И все же, для его восприятия сходство существа с обнаженной девушкой из пещер было таким очевидным, что тотчас повергло Слейда в неимоверное напряжение. То, что его сознание узнало девушку, доказывала быстрота, с которой оно отторгло сам факт ее присутствия.

Вопрос был в том, следует ли ему продолжать свои упражнения? Слейд целый месяц расхаживал вокруг фермы и все никак не мог прийти к окончательному решению. Основной помехой являлось осознание того, что он мог бы и не возвращаться в мир двуглазых.

Нормальное зрение является результатом многих уравновешивающих факторов не только психических, но и физических. Мышцам, ослабленным очками или пассивностью, недостает выносливости, чтобы выдерживать молниеносные импульсы сознания. Если их как следует укрепить, они смогут переносить потрясения и более жестокие, чем те, которым он подвергся.

Демоническая женщина, думал он, *стоящая во мраке в мрачном корабле в мрачной стране.* Слейд больше не был уверен, что хочет вверить себя реалиям иного мира — и более всего женщине, которая что-то знает о нем и пытается его заманить.

Прошел месяц, и предгорья побелели от первого снега. Так ничего и не решив, Слейд вернулся в город.

Показание профессора Грея

«Меня зовут Эрнст Грей, и я преподаю лингвистику. Некоторое время тому назад — точную

дату я не помню — меня посетил Майкл Слейд. По всей видимости, он уезжал к себе на ферму, а когда вернулся, узнал, что в его отсутствие к нему заходила трехглазая женщина.

Из слов мистера Слейда я понял, что его слуга впустил женщину в дом — она, вероятно, была очень самоуверенной и властной особой, поскольку он позволил ей пробыть там пять дней в качестве гостьи. Она покинула дом за день до возвращения мистера Слейда, оставив примерно два десятка фонограмм и письмо. Мистер Слейд показал мне это письмо. Хотя оно будет представлено присяжным в качестве отдельного документа, я включил его в свое показание, чтобы пояснить свои собственные слова. В письме говорилось следующее:

> *Дорогой мистер Слейд!*
>
> *Я хочу, чтобы вы при помощи этих фонограмм выучили язык Нейза. Ключевая фонограмма самоуничтожится примерно через две недели после первого сеанса, но за это время она наверняка поможет вам полностью овладеть нейзийским языком.*
>
> *Как вы позже поймете, ситуация в Ней-*

зе чрезвычайно проста, но и очень опасна. Вот что вы должны сделать: как только выучите язык, поезжайте на плато, находящееся в двух милях к западу от города Смайлз, и в любую полночь поставьте машину у заброшенного зернохранилища, стоящего в нескольких сотнях ярдов от дороги.

Во время всех своих похождений в Нейзе берегитесь Джиана и городских охотников.

Лиар

К тому времени, когда мистер Слейд принес записи мне, ключевая запись уже стерлась, но прослушав те, что остались, я могу с уверенностью сказать, что язык этот не настоящий, а, скорее всего, искусственно созданный трехглазыми людьми для тайного общения.

Я полагаю, что раз появилась еще и трехглазая женщина, то в мире больше чем один трехглазый выродок. Моей первой мыслью было то, что название Нейз, вероятно, как-то связано с нацистской партией, но на записях это слово звучит иначе.

Плохо, что уничтожена ключевая запись. Без такого ключа невозможно осуществить перевод

с языка, который, по большому счету, всего лишь плод воображения трехглазых невротиков.

Мне сказали, что тело Слейда было обнаружено недалеко от города Смайлз, примерно в миле от зернохранилища, упомянутого в письме той женщины, Лиар. Но об этом я ничего не знаю, и сам я тела не видел».

Глава 3

Некоторое время Слейд сидел в машине. Но когда приблизилась полночь, он вышел и стал с фонариком обследовать зернохранилище. Простое, некрашеное внутреннее помещение было так же пусто, как и вечером, когда Слейд приезжал сюда на разведку.

Жнивье простиралось в даль и уходило в темноту, где терялся луч его фонарика. На востоке в небе висел молодой месяц; тускло светили звезды, но всего этого света не хватало, чтобы разглядеть хоть что-нибудь вокруг.

Слейд взглянул на часы. Хотя он и так знал, что наступает условленное время, он сильно волновался. 11:55. *Через пять минут*, подумал он, дрожа, *придет она.*

Он уже не раз пожалел о том, что приехал сюда. *Ну не дурак ли я,* думал он, *что сюда явился, — рисковать жизнью на заброшенной ферме, где даже самые громкие крики о помощи лишь передразнит эхо в ближайших холмах?* У него, конечно, был с собой пистолет, но он понимал, что не решится сразу им воспользоваться.

Слейд встряхнулся. А она оказалась хитрой, эта

Лиар, не сказала, когда именно ему приехать. Сказала, в *любую* полночь. Она наверняка знала, что это будет постоянно действовать на сознание единственного на Земле трехглазого человека. Если бы она кроме места назвала еще и время, он мог бы и не прийти.

Эта неопределенность сломала его сопротивление. Каждый день возникала одна и та же мысль: идти ему сегодня или не идти? Каждый день его сознание терзали «за» и «против» со всеми своими эмоциональными обертонами. В конце концов Слейд решил, что она не стала бы учить его нейзийскому языку лишь затем, чтобы причинить вред в первую же ночь, как он придет на встречу с ней.

Женщина была заинтересована в нем. Что она хочет — это уже другое дело, но поскольку он трехглазый, то и он не может не быть в ней заинтересован. И если из сегодняшнего разговора он почерпнет какую-либо полезную для себя информацию, риск более чем оправдан.

Но он уже все равно здесь, и будь что будет.

Слейд спрятал фонарик и посмотрел на светящийся циферблат часов. По спине уже не в первый раз, но теперь более ощутимо, пробежала дрожь. Ровно полночь.

Стояла гробовая тишина. В ночи не слышалось ни звука. Слейд выключил фары. Ему тут же показалось, что он совершил ошибку. Свет надо было оставить.

Он пошел к автомобилю, затем остановился. Что с ним происходит? Сейчас не время покидать укрытие. Слейд стал медленно пятиться, пока не уперся в стену. Он стоял, сжимая в руках пистолет, и ждал.

Звук, долетевший до него, даже звуком назвать было нельзя. Воздух, который до этого был неподвижен, вдруг всколыхнулся, и Слейд ощутил легкое дуновение сверху.

Сверху! Он резко поднял голову. Но ничего не увидел. На фоне темно-синего, почти черного неба не было никакого движения. Его затрясло, как в лихорадке; возникло ощущение приближения чего-то неизведанного, никогда прежде не испытанного, и вдруг…

— Самое главное для тебя, Майкл Слейд, — произнес звучный, знакомый голос Лиар, донесшийся из воздуха почти прямо у него над головой, — остаться в живых в течение суток, пока ты будешь в городе Нейзе. Будь осторожен, осмотрителен и не делай безосновательных предположений о том, что тебе что-то известно, а

что-то — нет. Желаю удачи.

Ослепительная вспышка вспорола воздух примерно в десятке футов над головой. Слейд моргнул и выхватил пистолет. Он замер, дико озираясь вокруг.

Исчезло и зернохранилище, и машина, и жнивье. Он стоял на городской улице. Вокруг него возвышались темные здания, и их остроконечные силуэты вздымались вверх к фиолетовой светящейся дымке, наполовину скрывавшей ночное небо. Свечение распространялось огромным изогнутым сводом и исходило от стоящей вдали невероятно высокой башни.

Слейд ухватил все эти подробности одним быстрым взглядом. Еще оглядываясь по сторонам, он понял, что произошло. Его перенесли в город Нейз.

Вначале улицы казались пустыми, а тишина — полной. Но затем его органы чувств начали быстро привыкать к этому вакууму. Слейд услышал неясный звук, напоминающий еле слышный шепот. Вдалеке по улице промелькнул темный силуэт и исчез во мраке рядом с одной из башен.

Слейд вдруг понял, что здесь, посреди улицы, он находится в крайне невыгодном для себя положении. Он начал осторожно отступать направо,

к тротуару. Дорожное полотно было неровным, он дважды спотыкался и чуть было не падал. Наконец, его скрыла более густая темнота под деревом. И только он до нее добрался, как на расстоянии примерно пятидесяти ярдов от него раздался человеческий вопль.

Вопль звучал душераздирающе. Слейд тут же бросился на землю, вскинув пистолет, затаился и стал ждать.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы снова собраться с мыслями. Прошло еще несколько секунд, прежде чем он смог определить направление, откуда доносились звуки теперь уже шумной драки. Возгласы, стоны и приглушенные крики вдруг разом оборвались, и наступила странная тишина. Словно нападавшие устали от драки и теперь отдыхали. Или — что более вероятно — молча и жадно обыскивали свою жертву.

Если до этого момента действия Слейда были почти машинальны, то теперь у него появилось достаточно времени, чтобы все хорошенько обдумать. Первой мыслью было: *куда это он попал?* Слейд лежал тише мыши, сжимая в руке автоматический пистолет, и через некоторое время его посетила вторая мысль: *значит, это и есть Нейз.*

На краткий миг он почувствовал, что перепол-

нен эмоциями.

Как она это сделала? Как она меня сюда перенесла? *Была,* вспомнил он, *вспышка света.* И он тут же оказался в Нейзе.

Она, должно быть, воспользовалась теми же техническими средствами, при помощи которых переносилась на уровень Земли. У нее был прибор, свет которого каким-то образом воздействовал на зрительные центры, находящиеся за каждым глазом. Другого логического объяснения, по-видимому, не существовало, из чего логически следовало (а космический корабль был дополнительным тому подтверждением), что существует высокоразвитая наука, включающая в себя глубокое знание нервной системы человека.

Вопрос был в том, будет ли эффект вспышки постоянным? Или же он постепенно исчезнет?

Его размышления были прерваны яростным криком:

— Отдай свою порцию крови, ты, грязная…

Слова прозвучали на нейзийском языке, но Слейд понял их настолько быстро и легко, что это на мгновение взволновало его. Кровь. Порция крови.

Слейд все лежал, и ему уже начало казаться, что он, должно быть, ослышался. Сомнения его

рассеялись, когда раздался еще более злобный крик другого нападавшего:

— У ворюги емкость двойного размера. Он взял в два раза больше крови, чем мы.

Тот, кого обвиняли, завопил:

— Это ложь!

Он, видно, понял, что его оправданий не примут. Послышались шаги бегущих по улице людей. Мимо Слейда, тяжело дыша, промчался какой-то высокий человек. Вереницей растянувшись вдоль улицы, его преследовали четверо, каждый из которых был ниже первого.

Они пронеслись мимо того места, где лежал Слейд, и их силуэты быстро исчезли в ночи. Еще с минуту Слейд слышал звук их шагов; один раз послышалось громкое ругательство.

Но вот и они затихли. Слейд не шевелился. Он уже почти осознал истинное значение того, что видел и слышал. На расстоянии нескольких ярдов от него, где-то на улице, должно быть, лежит труп человека, из которого высосали кровь. Слейд понял — ночью Нейз был городом вампиров.

Прошла минута, другая. У Слейда возникла мысль: *а мне-то что делать? Я-то тут зачем?*

Он вспомнил, что сказала ему Лиар перед тем, как направить на него вспышку света. «Самое

главное для тебя, Майкл Слейд — остаться в живых в течение суток, пока ты будешь в городе Нейзе».

Сутки! Слейда зазнобило. Неужели от него хотят, чтобы он пробыл в Нейзе сутки, оставшись в живых, и никаких дальнейших инструкций не будет? Ничего не надо делать, никуда не надо идти — просто остаться в живых, и все!

Если бы только на улицах были фонари! Но он их нигде не видел. Не то чтобы темнота была кромешной. На Слейда падали лучи от необычного свечения, непохожего на зарево над ночными городами Земли. Там, где с центральной башни струилась фиолетовая дымка, небо бледно светилось, а из узких окон десятка башен, которые он уже успел заметить, мерцали огни.

Темнота определенно была не кромешной, и это в некотором роде было ему на пользу. Ясно, что здесь он больше лежать не может. Полумрак послужит укрытием для робкого разведчика.

Слейд поднялся и уже собирался выйти из тени дерева, за которым прятался, как вдруг с другой стороны улицы его тихо позвала какая-то женщина:

— Мистер Слейд!

Слейд замер. Затем полуобернулся. И только

тут понял, что к нему обратились по имени. От души отлегло.

— Здесь! — прошептал он громко. — Я здесь!

Женщина перешла улицу.

— Простите, что опоздала, — прошептала она, запыхавшись, — но здесь так много искателей крови. Идите за мной.

Он видел блеск трех ее глаз. Она повернулась и поспешно направилась вдоль улицы. И только когда Слейд зашагал следом за ней, он с удивлением понял, что эта женщина — не Лиар.

Слейд и его проводница быстро шли вглубь города.

Они поднялись по одной из самых темных лестниц, какие Слейд когда-либо видел. Девушка простучала условный сигнал. Три раза медленно, два быстро и затем, после короткого интервала, еще один раз.

Настала долгая пауза. Пока они ждали, девушка произнесла:

— Мистер Слейд, мы все хотим поблагодарить вас за то, что вы пришли, а еще за то, что подвергаете себя такому риску. Мы постараемся познакомить вас с Нейзом. Будем надеяться, что на этот раз корабль сможет разрушить город.

— Ну! — сказал Слейд.

Этот возглас вполне мог его выдать, но в последний момент Слейду удалось подавить его, и получился сдавленный шепот.

Щелкнул замок. Дверь со скрипом отворилась. В коридор хлынул свет. Он осветил коренастую женщину, которая медленно опустилась в одно из кресел.

Войдя, Слейд огляделся. Помещение было огромным. Там стояли три дивана, две кушетки, журнальные столики, столы, и кресла; на полу лежали ковры. Портьеры вполне могли раньше принадлежать его бывшей жене, Мириам.

Раньше? Очень давно, решил Слейд, приглядевшись повнимательнее. Новыми они явно стоили огромных денег; сейчас же выглядели так убого, что казались совсем не к месту.

Скоро обстановка помещения перестала занимать усталое сознание Слейда. Он сел в кресло напротив женщины, что была постарше.

Девушка, которую звали Амор, встала тем временем в нескольких футах поодаль и ободряюще улыбалась ему. Она была худощава, смугла, а лицо ее сохраняло горделивое выражение.

Слейд сказал:

— Это я благодарю вас за тот риск, которому вы себя подвергли.

Девушка помотала головой.

— Вы наверняка устали и желаете отдохнуть. Но я хочу, чтобы сначала вы познакомились с Калдрой, Планировщицей. Калдра, это Слейд с корабля.

Ничего себе заявление. И это он, Майкл Слейд, с корабля! Лиар определенно слишком многое считает само собой разумеющимся.

Калдра глядела на него странным, словно заторможенным взглядом; вид у нее был нездоровый: лицо бесцветно, одутловато; глаза цвета свинца смотрят тускло, почти безжизненно… Она произнесла:

— Мистер Слейд, очень приятно.

Никакой радости по поводу такого знакомства Слейд не ощутил. Ему пришлось потрудиться, чтобы не выдать отвращения. Раз или два в его жизни случалось так, что люди производили на него подобное впечатление, но омерзение, которое вызывало это существо, было ни с чем не сравнимо.

Болезнь щитовидной железы, заключил он. Этот вывод сделал присутствие женщины более переносимым для его души. Он же отвлек его сознание от гнусной картины, и Слейд вспомнил, как девушка назвала эту женщину. Калдра, Пла-

нировщица.

Слейд немного расслабился. Он вполне мог допустить, что она хорошо справляется с планированием. Такие заторможенные тупицы обычно очень дотошны.

Однако интерес его начал угасать. На Слейда вдруг навалилась усталость, вызванная бурными событиями этой ночи. Только в юности он слыл полуночником, завсегдатаем баров и клубов. В тридцать лет он начал ложиться спать в десять часов, поэтому в полночь обычно зевал и клевал носом. Сейчас, например, — он посмотрел на часы — без пяти час. Слейд сказал, обращаясь к девушке:

— Поспать не откажусь.

Когда Амор повела его к двери в коридор, женщина пробормотала:

— Все устраивается. Скоро настанет час решения.

И когда Слейд уже выходил из двери, сказала что-то еще с едва уловимым смешком. Прозвучало это примерно так: «Близко к нему не подходи, Амор. Я это тоже почувствовала».

Слова показались Слейду бессмыслицей. Более того, он удивился, заметив, как раскраснелись щеки девушки, когда она отпирала дверь спаль-

ни. Но она сказала только:

— Здесь вы в достаточной безопасности. Нас тут много — тех, кто верит в разрушение Нейза, — и это наша часть города.

Несмотря на утомление, все нарастающее волнение не давало Слейду уснуть. До этого момента он все время находился в напряжении и не мог осмыслить ситуацию. Теперь, лежа в постели, он постиг всю грандиозную значимость происходящего.

Он был в Нейзе. За стенами его комнаты раскинулся фантастический город другого уровня существования. И завтра он увидит этот город во всей его необычности. Завтра!

Слейд уснул.

Глава 4

Слейд шел рядом с Амор по широкой улице. Под ярким утренним солнцем Нейз представлял собой потрясающее зрелище. *Запущенный город,* подумал Слейд, *нерадостный город.* И старый, какой старый!

Он еще прошлой ночью понял, что Нейз построен очень давно и находится в упадке. Но тогда он не мог даже вообразить всего масштаба бедствия, обрушившегося на него. Здания по обеим сторонам улицы выглядели такими древними, что невозможно было представить себе их возраст. Возможно, их возвели пятьсот, а то и тысячу лет назад.

Тысячелетиями город стоял под лучами своего солнца. Все это время дороги и тротуары несли на себе бремя повседневной жизни. На протяжении долгих столетий даже самые прочные строительные материалы не могли не износиться. И они износились.

Почти все мостовые были разбиты и представляли собой груды камней, где лишь местами попадалась твердая ровная поверхность, дававшая представление об их первоначальном виде.

Тротуары сохранились немного лучше, но и они в основном состояли из утрамбованной грязи.

Не видно было ни одного транспортного средства, только люди, люди и еще раз люди.

Что же произошло? Что такое могло здесь произойти? Конечно, между кораблем и городом шла война, но почему? Слейд было повернулся к девушке, чтобы спросить ее об этом, но вспомнил, что проявлять незнание неразумно, и промолчал.

Окружающий его город, несомненно являвшийся реликтом древней культуры, действовал на него угнетающе. Слейд никогда не видел на улицах города такого скопления людей. И было еще одно отличие — эти люди никуда не направлялись. Мужчины и женщины просто сидели на поребриках, тротуарах и мостовых. Они не обращали внимания на тех, кто проходил мимо, а рассеянно глазели в пустоту. В абсолютной бессмысленности их поведения было что-то жуткое.

К Слейду пристал попрошайка. В руках он держал металлическую чашку.

— Несколько капель твоей крови, гражданин хороший, — прохныкал он. — А не дашь — перережу горло.

Амор взмахнула плетью и хлестнула мерзкую

тварь по лицу. Из ссадин потекла кровь.

— Пей свою собственную! — крикнула ему девушка.

Слейд заметил, что щеки ее зарделись, лицо исказила ярость.

— Эти скоты, — сказала она низким, полным гнева голосом, — целыми бандами прячутся по ночам в переулках и нападают на всех прохожих. Но вам, конечно, и так об этом все известно.

Слейд ничего не ответил. Правда, он знал о ночных бандах, но то, чего он не знал, заняло бы еще целую книгу.

Однако погрузиться в размышления на эту тему ему не дали. Все снова и снова чьи-нибудь пальцы дергали Слейда за рукав, и алчные голоса требовали:

— У вас крепкая кровь, господин хороший. Дайте чуть-чуть, а то…

И очень часто плотоядный взгляд принадлежал какой-нибудь женщине.

Слейд молчал. Его охватил такой ужас, что он не мог вымолвить ни слова. Заглядывая в боковые улочки и переулки, в которых кишмя кишели отвратительные создания, он впервые в жизни увидел, как низко может пасть человек.

Город не должен более существовать. Теперь

было ясно, зачем Лиар заманила его сюда. Она хотела, чтобы он увидел все сам, наверняка считая, что действительность избавит его от излишних сомнений: например, относительно причин этого невообразимо ужасного положения, определенно вызванного войной между кораблем и городом. Понять происхождение заразы — второстепенный вопрос.

Надо уничтожить саму заразу.

Его ужас был так велик, что сомнений почти не осталось. *И эта мерзость*, думал он, *продолжается день за днем, год за годом, века. Так быть не должно.*

Девушка заговорила:

— Одно время мы думали, что если отнимем у них чашки с химической добавкой, то сможем побороть пристрастие к крови. Но…

Она помолчала, пожала плечами, затем закончила:

— Вам, конечно, все об этом известно. Если не считать редких исключений, порочность только усугубляется, но не уменьшается.

Ответить на это было нечего. Легко было понять, что как раз из-за того, что ему *не* «все об этом известно», ему будет трудно разобраться в реалиях существования в здешнем аду. Хотя,

впрочем, подробности ему были не нужны, достаточно было самого зрелища этого ада.

Прекратить любой ценой! Уничтожить! Если возможно, помочь кораблю, помочь этой пятой колонне. Но только уничтожив Нейз.

Слейд стал успокаиваться. И принялся анализировать ее слова. Обработанные химикатами чашки! Значит, зависимость вызывает не сама кровь, а какая-то примесь в металле сосудов.

Когда чашки отняли, пагубная привычка, видимо, нашла для себя иной, более страшный объект. Но какой? Предполагается, что он знает.

Слейд устало улыбнулся.

— Пошли назад, — сказал он. — На сегодня хватит.

За обедом поначалу сидели молча. Слейд ел и думал о городе, корабле, пещерных жителях и своей роли в этой истории. Сейчас он уже более или менее понимал суть всего происходящего. Корабль он уже видел, а сейчас осматривал город.

Вопрос состоял в том, чего же от него хотят. Вдруг он заметил, что Калдра, заторможенная планировщица, собирается что-то сказать.

Женщина положила вилку. Одно это движение заняло у нее несколько секунд. Затем она подняла голову. Слейд еле дождался момента, когда глаза

женщины сосредоточились на нем.

Следующая фаза беседы оказалась еще более длительной. Она открыла рот, посидела, обдумывая свою первую фразу, и наконец начала выговаривать слова. Пока она говорила, время, казалось, текло еще медленнее. Она сказала:

— Сегодня ночью мы нападем на главный дворец Джиана. Как и договорились, наши силы могут доставить вас на четырнадцатый уровень. Аппарат, который просила приготовить Лиар, уже находится там и готов вынести вас из окна, чтобы вы могли сфокусировать свой разборщик на средствах управления барьером. Будучи утром на улице, вы, несомненно, сами видели, что они расположены в районе девятнадцатого уровня.

Мы полагаем, что как только барьер будет снят, корабль нанесет удар.

Задолго до того, как Калдра закончила речь, Слейд уже понял ее смысл. Пораженный, он сидел неподвижно, полузакрыв глаза. Сегодня ночью. Но это же смешно. Ведь нельзя же ожидать от него, что он вот так вслепую бросится в наступление?

Его мнение о Лиар сразу сильно упало. Да и вообще, что такое разборщик? Не думают же они, что он в пылу сражения станет разбираться, как

работает какой-то там заумный механизм. Когда Калдра замолчала и вопросительно посмотрела на него, ужас его достиг высшего предела. Амор тоже поглядывала на него с нетерпением.

И вдруг Слейд понял, что ему передали огромное количество информации.

Исходившая от центральной башни светящаяся дымка, которую он видел ночью — теперь он вспомнил, что во время утренней прогулки она была видна как легкое марево, — это и есть барьер. Что за барьер? По всей видимости, достаточно прочный, чтобы не пропустить космический корабль. Барьер такой энергетической силы, которая недостижима на Земле.

Но это значит, что город в осаде и, судя по степени упадка, находится в ней уже сотни лет. Мысли его замерли в нерешительности. Это, сказал он себе, смешно. Как бы они смогли жить? Откуда бы достали пищу? Они ведь не могут жить за счет крови друг друга.

Слейд посмотрел в свою тарелку, но там уже почти ничего не осталось, кроме каких-то овощей под слоем соуса или подливки. Он поднял глаза… Если он собирается предотвратить крупную катастрофу, то ему лучше что-нибудь сказать, и побыстрее. До того, как он успел что-либо произ-

нести, заговорила Амор:

— Один дерзкий налет и, — она улыбнулась от яростного возбуждения, — конец!

Некоторое время игра чувств на ее лице приковала внимание Слейда. *Эта высокая девушка, которая носит с собой плеть для вампиров из Нейза, — довольно опасное существо,* подумал Слейд. Конечно, все дело в окружающей обстановке. Материальная среда определяет сознание, которое в свою очередь влияет на поведение и выражение лица и устанавливает возможности органов чувств.

Только сейчас он впервые подумал, что если он решит посвятить себя этому миру, то перед ним образец девушки, на которой бы он в конце концов женился. Он с интересом посмотрел на нее, готовый развивать эту мысль и дальше. Но понял, что его сознание просто пытается улизнуть от единственно важной проблемы — нападения, планировавшегося на ближайшую ночь! Он сказал:

— Очень сожалею, но сегодня ночью корабля здесь не будет.

Амор вскочила на ноги, глаза ее широко распахнулись.

— Как же все наши планы! — воскликнула она.

Амор была подавлена. Калдра долго выходила из ступора и наконец стало понятно, что до нее дошел смысл слов Слейда.

— Корабля не будет?!

Слейд сказал:

— Сегодня утром корабль должен был подать мне сигнал, но… — ему казалось, что он потеет, но это было ментальное ощущение, а не физическое. Он собрался с духом и продолжал, — сигнал не поступил.

Для экспромта неплохо, подумал он и успокоился, несмотря на то, что не решил свою основную проблему. Он видел, как Амор направляется к двери. На пороге она остановилась.

— Мне надо отменить нападение.

Дверь хлопнула, и наступила тишина.

Амор долго не приходила; Калдра и Слейд поужинали вдвоем перед самым закатом.

Амор вернулась поздно. Она тяжело опустилась в свое кресло и начала рассеянно ковырять еду, которую принесла ей Калдра. Несколько раз Слейд поймал на себе ее задумчивый взгляд из-под ресниц. И не только задумчивый. Он не мог определить, какой.

Слейд решил, что из-за этого волноваться не стоит. Он подошел к огромному окну гостиной

и стал молча глядеть на город. Через некоторое время к нему присоединилась Амор.

Мрачный, окутанный ночью город, видимый из окна башни, тихо погружался в темноту. Казалось, что он сливается с тенью.

Слейд все смотрел и смотрел. Наконец, если не считать мерцающих огоньков и почти невидимого барьера, темнота стала полной.

То, что со мной произошло, — редчайшее явление в истории нервной системы человека. Родился у предгорий на западе Соединенных Штатов, воспитывался на ферме, быстро сделался процветающим брокером в небольшом западном городке. И теперь оказался здесь, в этом темном, обреченном городе на планете, цивилизация которой находится в смертельной опасности.

И все же это была не чужая планета, а просто иной уровень существования Земли, открывшийся его сознанию оттого, что у него три глаза вместо двух.

Она стояла рядом с ним, женщина этого мира, молодая, сильная и, наверное, свободная.

Скорее всего, это именно так. Слейд был в этом просто уверен. И хотя в настоящих условиях брак почти не имел смысла, он уже давно так серьезно не думал о женщинах.

Слейд понимал, что *если* он останется, ему придется жениться на девушке из этого мира. Амор же казалась вполне подходящей кандидатурой, и Слейд думал о ней в течение всего вечера.

Возможно, в этом мире окажутся женщины и более привлекательные, чем эта, но они далеко.

Слейд сказал:

— Амор.

Ответа не последовало.

— Амор, что ты собираешься делать потом?

Девушка встрепенулась.

— Буду жить в пещере, конечно. Мы все должны так поступать.

Слейд был поражен ответом. Что значит — все должны? Почему? Ему как-то не верилось, что Амор и ее группа придерживается первобытного образа жизни.

Он вспомнил, что вроде пытался обзавестись девушкой.

— Амор.

— Слейд.

Она как будто и не слышала его; по тону это не был ответ на его обращение.

Слейд откликнулся:

— Что?

— Вам это покажется ужасным, но я когда-то

пила кровь.

Признание казалось бессмысленным, однако смысл слов его обеспокоил.

— И Калдра тоже. И все остальные. Не думаю, что я преувеличиваю. Этого не описать.

Картина начала проясняться. Почувствовав отвращение, Слейд облизал свои вдруг пересохшие губы.

К все-таки он еще не понимал, к чему она клонит.

— Мне было проще перестать, — говорила девушка, — и не начинать снова… но только до сегодняшнего дня… прошлой ночи. Слейд, — голос ее стал жалобным, — у тебя крепкая кровь. Я весь день это чувствовала.

Слейд вдруг понял, к чему она клонит. Он вспомнил о тех мужчинах и женщинах, которых она утром хлестала плетью. На самом деле эти удары были направлены на ее собственную слабость.

— Ты не можешь себе представить, — продолжала Амор, — каким потрясением для меня и для Калдры были твои слова о том, что сегодня атака не состоится. Они означали, что ты пробудешь здесь, по крайней мере, еще один день. Слейд, это ужасно несправедливо. Ведь Лиар прекрасно

известно наше положение.

Отвращение усилилось. Слейду показалось, что еще немного, и его вытошнит. Он тихо произнес:

— Значит, тебе хочется моей крови.

— Совсем чуть-чуть.

В ее голосе послышались те самые отвратительные хнычущие нотки. Этого было достаточно, чтобы в воображении Слейда нарисовалась яркая картина того, как она попрошайничает на улицах. Слейд почувствовал омерзение.

Тут ему в голову пришло, что он не вправе ее осуждать. Но его чувства уже пересиливали здравый смысл. Ведь это была девушка, которой Слейд собирался сделать предложение. Он произнес резко:

— И вы били других плетью сегодня утром!

В темноте он услышал, как она всхлипнула. Наступило долгое молчание. Затем она повернулась, и ее стройный силуэт исчез за дверью коридора, ведущего в ее спальню.

И вот ночь, которой было суждено стать долгой, началась.

Глава 5

Прошло несколько часов, а Слейд все не мог уснуть. Он был несправедлив к той, которая ему нравилась, и это его угнетало.

Она фактически спасла его от смерти, восстановила здоровье, и он, конечно же, мог дать ей немного крови. Она и ее группа упорнее всех людей этого удивительного города боролась со страстью, разрушившей душу Нейза.

Это, должно быть, была такая борьба, что сжалились бы сами боги. А он не сжалился. Он, сверхвысоконравственный Майкл Слейд, беспорочный человек, первый бросил в нее камень и причинил ей боль.

Вообще-то настоящая причина была еще хуже и коренилась в его собственных плотских желаниях. Кроме того, вполне вероятно, что его кровь действительно кажется крепче тем, кто в этом разбирается.

Утром он даст Амор и Калдре полчашки крови. А потом он должен каким-то образом выбраться из этого города и, если возможно, вернуться назад на Землю; главное — выбраться. Полночь уже миновала, и стало ясно, что по прошествии суток,

о которых говорила Лиар, он не окажется чудесным образом у своей машины в окрестностях города Смайлз.

Зачем она упомянула этот срок, если он ничего не значит? Слейд задремал, все еще продолжая об этом думать. И каков же был его ужас, когда он понял, что в комнате кто-то есть.

Слейд напряженно вглядывался в окружавшую его темноту, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть. Нахлынувший на него страх был страхом древнего человека, который оказался во враждебной обстановке и услышал шаги крадущегося за ним хищника. Наконец взгляд Слейда уловил движущийся на фоне стены силуэт.

Какая-то женщина. Амор. Решив, что это она, он почувствовал жалость.

Бедная девушка! Какая сильная страсть — эта тяга к крови! Вообще-то у него самого возникало подспудное желание попробовать из чашки собственную кровь, но ее визит заставил его отложить это намерение. Более того, он не мог позволить себе оказаться в сетях такого сильного наркотика.

Слейд попытался привстать и не смог. Его держали какие-то лямки.

Он откинулся на спину. Пожалеть ее — что ж,

хорошо, но сейчас она проделывает довольно грубый фокус.

Слейд открыл рот, чтобы сказать что-нибудь язвительное. Но не сказал. Он вспомнил, что девушка находится в отчаянном положении. Пусть берет его кровь.

Он не скажет ни слова. А утром сделает вид, будто ничего не произошло. Это решение доставило ему временное удовлетворение.

Между тем возня в темноте продолжалась. Девушка явно не торопилась. Наконец в тот самый миг, когда терпение Слейда чуть было не иссякло, на его левое предплечье нацелился тоненький лучик света. Почти одновременно в поле его зрения возникла рука. Рука держала шприц, который ловко вонзила в самую крупную видимую вену. Слейд стал с интересом наблюдать, как в прозрачное тело шприца вливается темная кровь.

Время шло, а жадная игла все тянула из него кровь. Слейд думал о таинственном и зловещем смысле происходящего: под покровом ночи из попавшего в чужой мир землянина привлекательная вампирша сосет кровь.

Прошли секунды, очень много долгих секунд. Слейд тихо произнес:

— Может, хватит?

Некоторое время шприц оставался неподвижен; не было слышно ни звука. Наконец рука со шприцем дрогнула от удивления.

Слейд начал понимать. Только теперь он внимательно посмотрел на саму руку. Хотя было довольно трудно разглядеть что-либо в отраженном свете тоненького лучика, Слейд все же разглядел, что…

Разумеется, это была женская рука. Слейд вздохнул, поглядев на нее. Вот еще одно доказательство того, что сознание создает собственные иллюзии. Он, у которого уже был такой большой опыт обращения с реальностью, что само присутствие его в мире трехглазых являлось неоспоримым свидетельством превосходства сознания над материей, и то все еще продолжал обманываться.

Он понял, что сделал преждевременный вывод. К нему в комнату пришла не Амор. На первый взгляд, он не заметил ничего необычного. А теперь все прояснилось.

Рука-то женская, да только морщинистая. И совсем не молодая. Как он только мог перепутать ее, пусть даже и при плохом освещении — было загадкой.

Это была таинственная Калдра, Калдра Плани-

ровщица, Калдра, которая сейчас явно решила перестать поститься. Слейд понял, что присутствует при личной трагедии. Женщина, которую пристрастие к крови когда-то чуть не погубило, снова пила кровь.

Слейд почувствовал, как шприц потихоньку вытащили из вены. Лучик погас. Пауза. Затем послышался звук густой жидкости, стекающей в какую-то емкость, после чего снова настала тишина.

Слейд представил себе, как рука медленно подносит чашку к шамкающим губам. Его расчет оказался точен. Когда в его воображении рука достигла губ, послышались глотки.

От этого звука Слейда чуть не затошнило. Но одновременно он почувствовал и жалость. Правда, жалость исчезла, как только постели снова коснулись пальцы. Слейд подумал, нахмурясь: *еще?*

Но вдруг лямки перестали сдавливать грудь и руки. Послышалось шарканье шагов, направляющихся к двери, которая затем тихо затворилась.

Настала тишина. Вскоре Слейд уснул. Когда он проснулся, рот ему зажимала огромная лапа, а над ним стоял какой-то зверь размером с медведя, мордой странно напоминающий кота. Фонари в руках заполнивших комнату людей в форме

освещали его сильное косматое тело.

Слейда крепко держали за руки и за ноги. Он с ужасом заметил, что в коридоре перед спальней тоже толпятся люди.

Зверь убрал с его лица свою огромную лапу. Слейда подняли и понесли. В гостиной горел свет.

Слейд увидел лежавшую лицом вниз на полу Калдру; в ее спину по самую рукоять был всажен нож.

У Слейда от ужаса перехватило дыхание. Амор! Что с Амор?

Эта мысль, вероятно, и совершила чудесную метаморфозу. Пол под ним исчез, словно его и не было. Слейд упал с высоты примерно пятнадцати футов и больно ударился спиной о что-то твердое. С минуту он пролежал оглушенный. Потом начал что-то понимать.

Слейд осторожно приподнялся, царапая ладони о замерзшую стерню пшеницы. Примерно в двух милях западнее на фоне ночного неба ярко светилось зарево огней города Смайлза. Слейд направился к зернохранилищу, у которого оставил свою машину. Она все еще стояла там, с выключенным мотором и без огней.

Слейд подождал несколько минут, но Лиар не

было и в помине. Хотя Слейд очень устал, он вел машину весь остаток ночи и часть утра. В 11:00 он свернул к своему дому.

В почтовом ящике лежало письмо, надписанное знакомым, похожим на мужской почерком Лиар. Нахмурясь, Слейд посмотрел на письмо, затем вскрыл его. Там было написано:

Дорогой Майкл Слейд!

Теперь ты все знаешь. Ты видел Нейз и тебе, наверное, интересно, почему ничего не произошло тогда, когда истекли ров-по двадцать четыре часа. Ты мог бы вернуться только по истечении этого срока и то только после того, как получил бы достаточно сильное потрясение.

Таким шоком, конечно, стал момент, когда одна из женщин вошла и попыталась взять у тебя кровь. Сожалею, что пришлось спровоцировать такую ситуацию, но другого способа не было.

Жаль также, что мне пришлось заставить группу в Нейзе поверить, что мы будем атаковать башню. Они не представляют, с каким человеком пытаются бороться. Все их планы против бессмерт-

ного Джиана обречены на провал. Их неспособность понять характер и силу врага доказывает то поразительное легковерие, с которым они вообразили, что барьер можно разрушить при помощи удара так называемым разборщиком, установленным на выступе на девятнадцатом этаже центральной башни Джиана.

Никакого разборщика не существует, а выступ на башне — это излучатель. Джиана можно победить лишь ударом в самое сердце его цитадели. И этот удар невозможен без твоей помощи. На этот раз ты должен прийти сам, так как устройство, которым я воспользовалась у зернохранилища, производит лишь временное действие.

Долго не выжидай.

Лиар

Днем Слейд читал и не выходил за пределы своего двора. Ночью же, надвинув на третий глаз шляпу и спрятав лицо в воротник пальто, он отправлялся гулять по холодным улицам. Постепенно лихорадка спала, и воспоминания

о происшедшем стали вызывать у него лишь грустный смех.

Я не из того теста, решил он, *из которого делают героев. И мне совсем не хочется, чтобы меня убили на войне между Нейзом и кораблем.*

Лучше приспособиться к жизни на этой Земле.

Это почти окончательное решение со временем позволило Слейду отнестись к письму менее эмоционально, чем при первом прочтении. Читать письмо через три недели, когда его губы уже не сжимались от злости из-за того, что Лиар безжалостно зашвырнула его в Нейз и таким образом вызвала жестокую гибель Амор и Калдры, оказалось интереснее, чем он ожидал.

Письмо уже не раздражало его как раньше. И в нем определенно не чувствовалось командного тона, которого он почему-то ожидал от Лиар. Вдобавок ее откровенное признание в том, что без его помощи не обойтись, очень смягчило Слейда.

Слейду также немного польстило то, что она его недооценила. Ее предположение о потрясении, необходимом для возвращения на Землю, оказалось неверным. То, что Калдра пришла за кровью, лишь слегка пощекотало ему нервы. По-настоящему подействовали на него вид ее мертвого тела и воображаемая картина убитой

таким же образом Амор.

Через три недели Слейд почувствовал, что стал безразличен к пережитым потрясениям. Калдра и Амор стали казаться ему чуть ли не плодом воображения. Слейд понял, что опасное состояние души миновало, как только заметил, что может с юмором думать о своем порыве предложить Амор выйти за него замуж.

Он не испытывал презрения к чувствам, вызванным у него девушкой. Они были в природе человека, более того, он подумывал, а не жениться ли ему снова прямо здесь, на Земле. Если он сумеет убедить Мириам вернуться и она снова станет жить с ним, это будет важным событием, которое в определенном смысле гарантирует его от неожиданного порыва ринуться на другой уровень существования.

Он должен возобновить старые связи, вернуться к нормальному образу жизни.

Принять решение проще, чем его исполнить. Однажды вечером, когда он все еще прикидывал, как ему лучше подойти к Мириам, он встретил двух знакомых, приобретенных в то время, когда еще занимался бизнесом. Они кивнули и поспешили пройти мимо, но он обернулся и позвал их. Состоявшуюся беседу трудно было

назвать непринужденной, впрочем, Слейд проявил настойчивость. Он упрямо придерживался убеждения, что раз он решил жить на Земле, то ему надо иметь друзей и жену. Он отдавал себе отчет в том, что их наличие было сопутствующим обстоятельством психического здоровья, и понимал, что без них ему будет трудно что-то сделать.

От беседы Слейд получил удовольствия не больше, чем его знакомые. Им было неловко; они то пытались шутить, то грустно замолкали, то, не зная, о чем говорить, с готовностью вываливали на него любые пришедшие на ум новости. Наконец они заторопились прочь со словами: «Рады были тебя встретить, Майк, но мы опаздываем на встречу. Увидимся».

Слейд шел домой, иронично ухмыляясь, но вдруг по его спине пробежал легкий холодок. Кроме всего прочего он узнал, что у Мириам уже несколько месяцев новый друг, и узрел в этом нечто судьбоносное. Словно его безвозвратно лишают последнего пути к отступлению.

Но Слейд не собирался легко сдаваться. Он звонил Мириам каждый день всю последующую неделю, и каждый раз ее служанка спрашивала: «Кто говорит?» Затем следовало: «Мисс Греншо не желает с вами разговаривать».

Слейд написал ей письмо, в котором говорилось: «В конце концов на глаз можно пересадить кожу». Письмо он дополнил личным визитом. Но Мириам «куда-то ушла».

Это был крах всех его надежд. Особенно Слейд огорчился, когда на следующий день к нему зашел детектив и попросил прекратить «преследовать» бывшую жену. На полицейского произвел сильное впечатление великолепный дом Слейда, но он был человеком, знающим свой долг. «Поступила жалоба, вы же понимаете. Если это будет продолжаться, мы будем вынуждены принять меры… вы ведь понимаете».

Слейд понял. Грезы его закончились.

Показание Уилфреда Стентона, данное на коронерском расследовании.

«Майкл Слейд нанял меня в качестве прислуги по дому примерно пять лет назад. Весь прошлый год я постоянно находился при нем, за исключением короткого отпуска.

Мой наниматель за это время несколько раз уезжал из дома. Из каждой такой поездки он возвращался взволнованным и возбужденным, но не посвящал меня в свои секреты. Накануне поездки, ставшей для него роковой, я заметил, что на этот раз он собран и напряжен, словно после

долгих колебаний наконец принял какое-то твердое решение. Он купил второй автоматический пистолет, такой же, как у него был, и большое количество патронов. Также он сделал и другие покупки, но что было в доставленных пакетах, я не знаю. Он почти непрерывно читал. Я помню, что одна книга была по металлургии, другая — по физике, а в третьей речь шла о современных космических кораблях.

Кроме того, все последнее время он подолгу сидел во дворе со своими таблицами для глаз. Эти упражнения отличались от обычных тем, что во время них он был одет в сшитый им легкий и прочный охотничий костюм из непромокаемой ткани. Вдобавок при нем были два пистолета, охотничий нож и сумка с патронами. Карманы его тоже были полны, но что в них было, я не знаю.

Мистер Слейд понимал, что я вижу необычность его снаряжения, и его явно забавляла моя тревога. Однажды он сказал мне, чтобы я не беспокоился, если он вдруг исчезнет без каких бы то ни было предупреждений.

Как раз на следующий день я позвал его к обеду, но его уже не было. Казалось странным, что он оставил на улице стул и таблицы, но еще больше

меня удивило то, что на дорожках — на них тогда лежал снег — должны были бы остаться ведущие со двора следы, а я таких следов не заметил.

Могу лишь добавить, что был удивлен, когда в двухстах милях отсюда на прошлой неделе обнаружили мертвое тело мистера Слейда. Он определенно ждал, что с ним что-то произойдет. Вот и произошло».

Глава 6

На этот раз трансформация походила на щелчок затвора фотоаппарата. Слейд почувствовал, как глаза его напрягаются, вот исчез его дом, и вот…

Шел сильный теплый дождь. На болото рядом с пещерами наклонно падало множество капель, впивавшихся в его поверхность, словно миллионы ножей. Скрытый мутной завесой дождя пейзаж казался еще более диким.

Слейд стал размышлять о том, почему на одном уровне существования идет дождь, а на другом — снег, и вдруг почувствовал, как под воротник его водонепроницаемого костюма потекла тоненькая струйка. Она его не обеспокоила, но отвлекла от рассуждений о дожде. Слейд машинально отошел под нависающую ветвь ближайшего дерева и из-под этого ненадежного укрытия — с ветви лила вода — стал наблюдать за уступом.

Волнение его немного улеглось. Холмы казались безжизненными. Костры не горели, и не было видно ни одного человеческого существа. Из-за дождя, конечно. Они наверняка отсиживаются в пещерах.

Так как Слейд не собирался взбираться на уступ

прежде, чем его обнаружат — если он неожиданно появится у пещер, могут сразу полететь ножи и копья, — задачей его было найти укрытие. Он соорудил себе простой шалаш из сухих веток и покрыл их широкими листьями. Затем разгреб толстый слой опавших листьев и приятно удивился, обнаружив, что земля под ним относительно суха.

Остаток дня и вечер Слейд урывками проспал. Ночью же долго бодрствовал. Перед тем как наконец уснуть, он подумал: «Надо встать раньше их».

Когда Слейд открыл глаза, на голубом небе ярко светило солнце. А перед входом в его шалаш сидели на коленях несколько трехглазых мужчин. За ними виднелись еще мужчины, а на заднем плане маячили женщины и дети.

Слейд медленно сел, затем оттолкнул шалаш в сторону и поднялся на ноги — все это он проделал почти рефлекторно. Возникла судорожная мысль, что если напрячь все тело, это поможет ему снова оказаться в Соединенных Штатах.

Но у него ничего не получилось. И люди, и болото, и пещеры на холмах остались по-прежнему четкими. Он был прикован к этому уровню существования, словно родился здесь.

Заметив позже, что ни у кого из окружавших его людей не было оружия, Слейд испытал необыкновенное облегчение. Но не успел он ничего сказать, как человек, стоявший к нему ближе всех, тихо произнес:

— Осторожно. Ты еще не совсем устойчив.

Затем он протянул руку и положил ладонь на средний глаз Слейда. Движение было настолько быстрым и неожиданным, что Слейд не успел даже отпрянуть. Внезапно Слейд понял смысл происходящего и остановился в удивлении.

Эти люди знали, что он не с их уровня. *И знали, почему.* За первой мыслью тут же последовала другая: *в пещерах живут не первобытные люди.*

Мгновенно эту фразу было не осмыслить. Тем временем человек, коснувшийся его лба, отошел и сказал, улыбаясь:

— Думаю, с тобой все будет в порядке.

Слейд только теперь обратил внимание на его голос. Он был спокоен и мелодичен, без всякого намека на резкость; слова лились так легко, словно это была музыка в исполнении какого-то маэстро.

Но и этот факт лишь на мгновение отвлек мысли Слейда, который стоял, рассматривая мужчин и женщин вокруг, и с каждой секундой

чувствовал к ним все большую симпатию. Все они дружелюбно улыбались, имели приятную внешность и живой характер, принадлежали к высшему физическому и умственному типу развития. Слейд вдруг вспомнил опустившихся любителей крови из города и подумал, что Лиар, которая со своим кораблем его осаждает, возможно, не так уж и неправа, во всяком случае, эти чистые и приличные обитатели пещер свидетельствовали в ее пользу.

Слейд понял, что ему пора что-нибудь сказать, и произнес:

— Спасибо. Я друг. Меня зовут Майкл Слейд.

Высокий человек с орлиным взглядом, который говорил с ним до этого, кивнул.

— Меня зовут Данбар, — сказал он.

Они пожали друг другу руки. Это произошло так просто, так радушно, что Слейд ни в то время, ни позже так и не понял, был ли у этих людей обычай пожимать руку или Данбар мгновенно отреагировал на привычку пришельца.

Только когда Слейд отнял свою руку, он заметил, что этот человек на несколько дюймов выше него и имеет крепкое телосложение. Его худое лицо было приятным. Если бы не лишний глаз, он считался бы красивым в любом обществе дву-

глазых человеческих существ. На вид ему можно было дать лет тридцать.

Он улыбнулся, взял Слейда за локоть и подвел к чрезвычайно красивому мужчине, который до этого наблюдал за происходящим из задних рядов.

Показав на него, Данбар сказал:

— Маленкенс.

Судя по тону, каким он его произнес, это было очень важное имя. Глядя на этого человека, Слейд понял, что его представляют одному из вождей племени. Рукопожатие Маленкенса также было дружелюбным, но улыбка казалась более строгой и отстраненной.

Данбар сказал:

— С остальными познакомишься потом. А теперь вернемся на уступ для завтрака.

Вот так просто был установлен контакт.

Извилистый путь, ведущий к пещерам, представлял собой залитые цементом ступени, обсаженные кустарником. По всей длине уступа шли цементные дорожки, а росшая между ними зеленая бархатная трава образовывала аккуратные лужайки, спланировать которые могли лишь умелые садовники.

Слейд задержался перед первой пещерой и

заглянул внутрь. Пол также был цементным, но его покрывали циновки. На стенах и на потолке цемент был оштукатурен. Стулья, столы и лавки некрашеного дерева были аккуратно отшлифованы шкуркой и явно создавались по чертежам. Общий вид жилища в результате показался ему очень современным.

Данбар коснулся плеча Слейда и сказал, чтобы он шел за Маленкенсом. Следуя за ним, Слейд поймал себя на мысли, что поглядывает по сторонам в надежде увидеть Лиар. То, что он ее пока не нашел, его не удивляло, но и с тем, что ее тут нет, он пока не мог согласиться. Однажды она здесь уже была. Почему бы ей снова не прийти? Кроме того, ей наверняка известно, что в мире трехглазых людей он появится именно в этой точке.

Маленкенс остановился и в первый раз заговорил.

— Сюда, — сказал он.

Эта пещера по конструкции была точно такой же, как и та, в которую заглядывал Слейд. Все трое уселись в кресла, и Маленкенс снова заговорил.

— Слейд, — сказал он, — мы наблюдаем за тобой с того момента, как ты проснулся; по моей оценке тебе потребуется примерно шесть лет, чтобы приспособить свой биологический ритм

к жизни в нашем обществе. Оценка учитывает сопротивляемость твоего организма и то, что тебе, вероятно, потребуется несколько месяцев, чтобы помочь Лиар разрушить барьер над Нейзом и уничтожить Джиана. Если, конечно, ты не будешь убит или серьезно ранен.

Он добавил:

— Я не пытаюсь тебя напугать. Я просто излагаю факты такими, каковыми они являются. Теперь тобой займется Данбар.

Данбар продолжал неподвижно сидеть в кресле. Он задумчиво смотрел на Слейда.

— Тебе, наверняка, интересно, о чем говорил Маленкенс. Смотри.

И он исчез.

С минуту Слейд сидел на том же месте. Ни о чем в особенности он не думал, однако вспомнил, что когда у зернохранилища Лиар летала над ним, он не видел ее на фоне звезд. Должно быть, она тоже была невидимой.

Прошло некоторое время, прежде чем он понял, что от него ожидают каких-то действий. Он встал, склонился над креслом Данбара и осторожно провел рукой там, где тот раньше сидел. Рука прошла свободно. Слейд взглянул на Маленкенса, но тот даже глазом не моргнул.

Слейд снова сел, на этот раз тяжело, слегка дрожа. Вполне вероятно, что Данбар, сделавшись невидимым, встал и преспокойно направился к выходу из пещеры, или, может быть, он стоит рядом с креслом и наблюдает за реакцией своего гостя. Он, возможно, так и поступил, но Слейд подозревал другое. Ему казалось, что Данбар по-прежнему продолжает сидеть в кресле.

Ну и первобытные люди, думал Слейд.

Эти люди познали самые глубокие тайны нервной системы человека. Они настолько опережали своих двуглазых собратьев, что сравнивать было просто смешно. Или подождите — что там говорил Маленкенс? *«…тебе потребуется примерно шесть лет, чтобы, приспособить свой биологический ритм к жизни в нашем обществе».*

Слейд чувствовал, как начинает волноваться. Не имел ли тот в виду, что по прошествии шести лет он также сможет по собственному желанию становиться невидимым? Или, может, он предполагал…

Слейд задушил эту мысль на корню и откинулся на спинку кресла. Маленкенс сидел, отвернувшись. Между тем время шло, а Данбара все не было. Его отсутствие действовало на нервы.

Слейд робко встал и, следуя неожиданному по-

рыву, уселся в кресло Данбара. Но сообразив, что будет не очень смешно, если Данбар вдруг решит материализоваться в этом кресле, поспешно поднялся и пошел к выходу из пещеры, надеясь, что, может быть, найдет Данбара снаружи. На уступе кипела деятельность, как в пчелином улье: ярко горящие костры, помешивающие котлы женщины, дети, уже надоевшие всем своими играми и шумом. Но Данбара не было и там.

Вид, открывшийся с уступа, был невообразимо прекрасен и заставил Слейда замереть от восторга. Вода блестела на солнце и была полна разноцветной растительности. Он заметил, что поодаль плещутся птицы, и в восхищении подумал: *трехглазые птицы!* Вдалеке за болотом росли удивительно высокие деревья, а за ними в дымке он увидел горы. Повсюду была зелень вечного лета.

Слейд направился обратно в пещеру. На какой чудесный уровень Земли он попал. У него, конечно, никогда не возникнет желания вернуться назад.

Тут существует, безусловно, проблема с Нейзом… это соображение резко вернуло Слейда к действительности. Он увидел, что Данбар все еще не материализовался. Слейд подумал: «Не-

видимость? Если бы мне надо было придумать способ сделаться невидимым, учитывая то, что мне сейчас известно об искусстве видеть, то я попытался бы как-то воздействовать на зрительные центры тех, кто на меня смотрит. Совершенное видение возможно только тогда, когда сознание находится в полном покое. Следовательно, я буду пытаться каким-то образом вызвать напряжение в их сознании».

Рассуждение привело к неожиданной мысли. Ну, конечно. От него действительно ждут действий. Он сделал глубокий и медленный вдох, затем — свободный выдох, одновременно расслабляя все мышцы. Доктор Макайвер всегда утверждал, что человеческое тело может расслабиться за один вдох.

И Слейд это доказал. Как только он начал делать второй вдох, Данбар снова возник перед ним. Он серьезно посмотрел на Слейда.

— Очень хорошо, мой друг. Я надеялся, что ты и сам догадаешься. Сейчас ты испытал на себе одну из основных истин нервной системы человека. В последующие месяцы тебя научат высшим приемам релаксации — релаксации такой всеобъемлющей, что возможности ее практически безграничны. А сейчас… Он встал и улыбнулся.

— Возьмем свои кресла, — сказал он, — и пойдем наружу завтракать.

И Слейд вышел за этими людьми на яркий солнечный свет.

Глава 7

Однажды — это было на тридцать второй день его пребывания в племени — Слейд удобно устроился на холмике рядом с болотом. С этого места он мог рассматривать находящиеся примерно в миле от него пещеры. День был прекрасный. Утром прошел небольшой дождь, но сейчас небо было таким чистым и голубым, что Слейд даже диву давался. Открывавшийся перед ним вид походил на сад: и на ярко-зеленой траве, и на кустарнике все еще блестели дождевые капли, висевшие на каждом стебле, листе, побеге.

Но несмотря на то, что мир вокруг него являл собой верх совершенства и более всего напоминал рай, Слейд чувствовал некоторую неудовлетворенность. *Я — активный человек*, думал он. *Мои нервы все еще подвержены невротическому желанию что-то делать.*

К тому же у Слейда сохранился стимул, побуждавший его к действию. Им было то странное металлическое устройство, которое он нашел рядом со своей фермой в ночь, когда видел Лиар в темном коридоре старого космического корабля, — было бы интересно пойти туда, отыскать

это устройство и изучить его.

Слейд лежал, не шевелясь. Он был вынужден признать, что этот месяц прошел по-своему увлекательно. Мир релаксации был внутренним миром, полным бесконечных открытий. Обучение его началось с тренировки мышц, с лекций о них и упражнений с ними. Упражнений? Это слово не совсем подходило для того, чем он занимался. Но Слейд продолжал им пользоваться, так как другого слова у него не было. Упражнение предполагает физическую активность, но суть упражнений по релаксации противоположна движению. Она заключается в покое. Упражнения состояли из долгих минут, которые он проводил лежа на тщательно уложенных подушках, в то время как сознание сосредотачивалось на определенных мышцах, а мозг постоянно посылал команду: «Расслабься, расслабься, расслабься».

Постепенно он изучил основные принципы философии, на которых основана релаксация. Правильная поза, правильное дыхание — невыполнение только этих, казалось бы, маловажных вещей способно повлиять на все тело и создать в нем напряжение. Напряжение вызывало ухудшение зрения и слуха. Напряжение было виной

быстрой утомляемости, слабости и тяги к наркотикам. Напряжение заставляло почки выделять в кровь жидкость, вызывающую повышенное кровяное давление, меланхолию и негативное отношение к жизни. Напряжение даже слегка изменяло кислотность желудочного сока. Напряжение было буквально губителем нервной системы, но избавление от него — лишь первый, предварительный шаг к достижению контроля над телом.

Следующей фазой была нормализация нервов. Все нервы, по отдельности и вместе, способны как на положительное, так и на отрицательное действие. Они могут направить импульс в мозг по другому пути. Сомнительно, что у обычного человека количество нервных импульсов, идущих по прямому пути, превышает пять процентов. Правда, конечно, что многие обходные пути используются снова и снова, но вредную привычку нельзя оправдывать тем, что она без конца повторяется, в особенности, если совокупный результат — психическое расстройство, преждевременная старость и путаница в сознании.

Девяносто пять процентов идущей неверным путем нервной энергии следует направить по прямому пути, и достигается это при помощи

сосредоточения на ключевых нервных путях. В каждом отдельном случае нужна специальная тренировка. Как и при мышечной релаксации, Недостаточно просто создать спокойную обстановку и наслаждаться ею: для достижения желаемого результата необходимо прилагать определенные усилия. Мышцы, последовательно расслабляемые по системе, в конце концов останутся расслабленными. Нервы, если постоянно заставлять их создавать прямые пути, в конце концов создадут тот путь, который от них требуют.

Нервный контроль подводит к третьей, молекулярной фазе, о которой Данбар на вопрос Слейда просто ответил: «Увидишь. Увидишь».

Лежа на холмике, Слейд решил, что уже достаточно усвоил упражнения по мышечной релаксации, так что может некоторое время выполнять их и без стоящего рядом инструктора. Он должен пройти к месту, соответствующему его ферме на уровне Земли, и вытащить из земли ту машину.

Решение было принято мгновенно. *Спрошу у Данбара или Маленкенса,* подумал он.

Данбар, к которому Слейд обратился с просьбой сразу после вечерних упражнений, забеспокоил-

ся и вопросительно посмотрел на Маленкенса. Тот сказал:

— Лиар говорила нам, что он будет неспокоен, — он помолчал и нахмурился. Затем посмотрел на Слейда из-под опущенных ресниц.

— Скажу тебе откровенно, Слейд. Мы тренируем тебя для того, чтобы ты помог Лиар в ее борьбе против Нейза. Не надо думать, что мы участвуем в ее плане. Мы просто имеем возможность некоторым образом сдерживать ее. Тебе может быть интересно, что это значит, поэтому объясню.

— Лиар намеревается, — продолжал он, — снова задействовать тебя в Нейзе. Не в нашей власти ей это запретить, да и препятствовать ей в этом мы также не станем. Чтобы освободить жителей Нейза, Джиана необходимо убить. По мнению Лиар, только ты можешь это сделать, хотя как именно, она до сих пор не объяснила.

Нам только удалось отложить выполнение ее планов до того момента, пока ты не получишь предварительной тренировки по овладению нашей удивительной системой.

Он тихо закончил:

— Я думаю, ты согласишься, что при данных обстоятельствах тебе лучше не ввязываться в маловажные побочные дела.

Слейд был потрясен. И чем больше он об этом думал, тем сильнее волновался. Несмотря на то, что он ни на минуту не забывал ни о Лиар ни о Нейзе, долгий месяц сладкой пасторальной жизни каким-то образом затуманил темные стороны его воспоминаний.

Вот значит как — сказано ясно. В своей прошлой жизни Слейд славился тем, что мог со всей честностью и прямотой смотреть фактам в лицо, и его сравнения шокировали деловых партнеров. Сейчас он попытался взглянуть теми же глазами на свое положение, и ему моментально пришло в голову сравнение со свиньей, которую откармливают, чтобы зарезать.

Ночью он практически не спал. Душивший его гнев не давал ему заснуть. Поутру он принял решение.

Значит, Маленкенсу и другим лишь с трудом удалось убедить Лиар подождать и не подвергать его опасности сразу же по прибытии. Ладно, очень хорошо. Ей он ничего не должен, разве что дать в нос за то, что она послужила косвенной причиной гибели Амор и Калдры.

Раз она собирается использовать его, не сказав даже «пожалуйста», задача у него может быть только одна — любыми способами не дать себя

втянуть в эту авантюру.

Это решение доставляло Слейду огромное удовлетворение вплоть до того момента, как он подумал, что противостоять ее махинациям может быть совсем нелегко, — ведь он так мало знает. Более того, у него не было ни малейшего представления о том, какими методами располагают люди, познавшие самые глубокие тайны нервной системы человека и к тому же имеющие в своем распоряжении космический корабль, полный разных диковинных приспособлений.

Придется схитрить, чтобы не позволить ей снова затащить себя в Нейз. А гнев — плохой помощник в таком деле.

Когда все устроились на уступе для завтрака, Слейд вышел из пещеры, сел рядом с Маленкенсом и сказал:

— Кажется, пришло самое время узнать, как началась война между городом и кораблем.

Маленкенс произнес:

— Вижу, ты все время думал о том, что я сказал тебе вчера.

Слейд ждал, и Маленкенс продолжил:

— К сожалению, большего я сказать не могу. Мы пообещали Лиар, что предоставим ей поведать всю историю.

— Тогда скажи мне, — разозлился Слейд, — кто такая Лиар?

— Одна из серебряных поясов.

— Кто?

Маленкенс сделался серьезен.

— Если я расскажу тебе что-нибудь еще, ее личные планы относительно тебя потерпят психологическую неудачу. Ты должен подождать. Скажу только одно. Если Нейз будет разрушен, а ты останешься в живых, вся Вселенная будет у твоих ног.

Это временно успокоило Слейда. Слова Маленкенса произвели на него огромное впечатление. Слейд впервые пришел в восторг от величия предприятия, в которое его ввергла судьба.

Но восторг очень быстро прошел. Слейд спустился с небес на землю, и к нему начала возвращаться трезвость мысли. Грандиозная награда предполагает и огромную ответную жертву. Ему не хотелось ссориться с этими приветливыми людьми, но пора было определить свою позицию однозначно.

Сказано — сделано! Теперь он ни за что не согласится на сотрудничество с Лиар, пока не будет полностью готов. С ее стороны смешно полагать, что человека можно снова и снова куда-то забра-

сывать, предоставляя ему на собственный страх и риск выбираться оттуда, притом, что ему не обрисована даже общая картина происходящего. Он, например, не хочет иметь никакого отношения к подобному плану. И если он все-таки в него ввяжется, то только при условии полной информированности.

— Тебе придется убить человека, — сказал Маленкенс необычно мрачным голосом. — Ты еще не убил ни одного человеческого существа. Лиар твердо убеждена, что ты не способен на хладнокровное убийство и что только вызванное смертельной опасностью потрясение заставит тебя убить. Таково ее мнение, и я, пронаблюдав за тобой целый лунный месяц, с ней согласен.

— Спасибо, — сказал Слейд сухо. — Но я все еще не заинтересован.

Доедал он молча. Он не знал точно, каково его положение в племени, но в конце концов решил, что происшедшее не было разрывом. Он останется, хотя бы ненадолго, и тщательно продумает свои планы. Бросаться в бой без подготовки — абсолютно бесполезное занятие.

Утром Слейд направился на свои занятия по релаксации.

На второй месяц пребывания в племени Слейду

показалось, что темп его жизни увеличился. И он понял, в чем дело. Он стал более внимателен, более осторожен, стремился все разузнать. Он непрестанно следил за людьми и даже спал с пистолетом под подушкой.

Ближе к концу второго месяца ему пришла в голову мысль, что никто из племени не видел автоматического пистолета в действии. И что, наверное, для устрашения неплохо бы выстрелить одним из своих драгоценных патронов. Он сомневался на этот счет, поскольку в решающий момент на счету каждая пуля. Но все-таки было ясно, что по своей воле он в Нейз не пойдет, и забрать его туда Лиар сможет лишь в том случае, если мужчины племени свяжут его и передадут ей.

Это был месяц нескольких открытий. Слейда все время интересовал животный мир этого уровня. «Он существует, — заверил его Маленкенс, странно улыбаясь. — Все зависит от того, захотят ли животные посмотреть на твою реакцию после того, как ты их увидишь».

Смысл этих слов был не вполне понятен, но в течение четырех недель Слейду удалось кое-что увидеть. И каждый раз увиденное мельком существо оказывалось животным, которое за ним

наблюдало. Как-то он встретил крохотное темное создание, такое быстрое, что невозможно было как следует разобрать, на что оно похоже. Какой-то длинный, худой, пятнистый зверь — слишком худой, чтобы иметь хорошую мускулатуру, — отстраненным взглядом посмотрел на Слейда и с презрением засеменил в кусты. Некто, по виду напоминающий лошадь, несколько секунд пристально глядел на Слейда, а потом, фыркая, побежал прочь. И, наконец, произошла еще одна, действительно потрясающая встреча.

Слейд шел по нехоженой долине, примыкающей к долине с пещерами, как вдруг, случайно оглянувшись назад, заметил зверя, более крупного, чем он сам, который шел следом всего в ярде за его спиной. Его голова походила одновременно и на кошачью и на медвежью, а тело было длинным, гладким, серо-коричневым.

Это такой же зверь, как и тот, что склонялся над ним ночью в квартире Калдры и Амор.

Слейд почувствовал азарт такой же сильный, как и страх, и выхватил пистолет. Зверь оскалился, блеснув зубами, как кинжалами. Он поднял лапы. Затем развернулся и исчез в кустах.

Это нит, сказал ему Данбар и затем замолчал, когда Слейд описал ему случившееся в Нейзе.

Позднее он заметил, как Данбар что-то серьезно выговаривает Маленкенсу. Когда Слейд приблизился, разговор прервался, так что он был вполне уверен, что говорили о нем.

Было большой неожиданностью обнаружить, что его обсуждают. Это подчеркнуло неопределенность его положения, так что Слейд счел необходимым немедленно продемонстрировать свое мощное оружие.

Слейд все время думал, как это лучше сделать; наконец ему показалось, что он придумал. Птица. Он уже два месяца смотрел, как вокруг болота среди листвы прыгают птички с яркими перьями. Птички были чрезвычайно пугливы. Слейд мог целый час подкрадываться к стае. И вдруг, как раз тогда, когда он приближался настолько, что их можно было хорошенько рассмотреть, птицы взлетали. Постепенно его желание посмотреть вблизи на трехглазую пернатую тварь стало почти навязчивой идеей.

Слейду стало казаться, что если он сумеет подстрелить птицу с уступа, то, выражаясь фигурально, убьет двух птиц одним камнем.

На следующее утро он вынес из пещеры стул, положил один из своих пистолетов на колени и принялся наблюдать за росшим внизу кустом.

Через десять минут Слейд заметил, что люди начали на него коситься. Еще через несколько минут Данбар тоже вынес стул и сел рядом со Слейдом.

— Почему ты решил, — спросил Данбар, — что на этом уровне существования твое оружие выстрелит?

— Э! — произнес Слейд.

То, что оружие подведет, показалась невероятным. Он тщательно прицелился в стайку птиц. Слейд сделал паузу, чтобы сказать:

— Этот пистолет делает много шума, так что приготовься.

И тотчас нажал на спусковой крючок.

Щелк!

Звук осечки. Слейда зазнобило, словно он был гол и беспомощен. Солнце, как и всегда, светило жарко, но Слейду в течение двух месяцев два его пистолета придавали уверенность и храбрость. Они укрепляли его дух каждый раз, когда он думал о том, как легко несколько десятков мужчин племени могут одолеть его и передать Лиар.

Теперь его дух лишился последней опоры.

Какое-то время Слейд сидел совершенно неподвижно, затем вынул патрон, взял его в руки и начал отковыривать пулю. Он высыпал порох

на дорожку небольшой кучкой, подошел к ближайшему костру, взял горящую головешку и поднес к пороху. Тот начал гореть — медленно, с шипением, словно толстая бумага. Подошедший Данбар сказал:

— Химический состав должен быть немного другим. Не сомневаюсь, что можно сделать, чтобы все работало.

Но Слейд не собирался ждать и выяснять состав. Защита его испарилась, как дым. Не говоря ни слова, он вошел в пещеру, пристегнул второй пистолет, распихал по карманам мелкие вещицы, принесенные с Земли, и вышел наружу. Данбар пошел рядом с ним.

— Ты уходишь от нас, Слейд?

Слейд произнес:

— Где Маленкенс?

— Ушел.

Это было вторым потрясением.

— Ушел! Куда?

Он заметил, что Данбар странно на него смотрит.

— Маленкенс не один из нас, Слейд. Он приходит к нам иногда. Он один из… серебряных поясов.

Слейд молчал. Он понял, что произошло. Его пе-

редали кому-то из иерархии Лиар. Только сейчас Слейд вдруг вспомнил, что, пока он находился в племени, Маленкенс постоянно был рядом. Данбар снова заговорил:

— Не вини нас слишком строго, Слейд, за то, что происходит. Никто из нас не продвинулся дальше молекулярной фазы контроля над телом. Мы бессильны в этой борьбе между кораблем и городом, а пока город существует, мы не можем достичь высшей фазы самоконтроля.

Город — раздражающий фактор. Его существование мешает определенным базовым ритмам. Уже сама мысль о том, что такие же люди, как и мы, заперты за барьером и никогда не смогут вырваться (а в этом и состоит основная задача барьера — не дать людям вырваться из-под контроля Джиана), угнетает наш дух и не позволяет нам реализовать наши возможности. И в результате мы тоже отданы на милость Джиана.

У Слейда создалось впечатление, что перед ним оправдываются. Это его смягчило.

— Спасибо, — сказал он. — Я отношусь к вам, как к своим друзьям.

Данбар напутствовал:

— Удачи тебе, друг.

Только через час уступ перед пещерами скрыл-

ся, наконец, из виду.

Глава 8

Местность с каждым часом становилась все более дикой. Зверей Слейд не видел, но птицы сотнями перекликались в ветвях кустов и деревьев; в основном это были птицы других видов, чем те, что встречались вблизи пещер. Эти были менее осторожны. Зачастую Слейд проходил мимо них, и они не взлетали. Ближе к вечеру он взял палку и сбил ею с низкого куста двух птиц, похожих на голубей. Так, наконец, он добыл своих первых трехглазых птиц.

В сумерках, под шипение костра, под крики ночных обитателей Слейд поел фруктов и зажаренных на вертеле голубей.

На сытый желудок Слейд принялся размышлять над проблемой двуглазых и трехглазых существ и миров, в которых они живут. Они несомненно имели общее происхождение. Мало вероятно, что человеческая раса независимо возникла в двух различных местах. Он решил, что в древности различные существа мира двуглазых развили у себя третий глаз и таким образом, сами того не заметив, оказались в этой особой Вселенной.

Вообще-то объяснение, вероятно, восходит к самим основам реальности. То, чего не существует для сознания, органы чувств не замечают. Поэтому объект, или объекты, перестает влиять на организм в целом.

Идея была не нова. Но старая формулировка, выраженная фразой: «Спит ли за печкой кот, когда меня нет рядом?», не учитывала несомненные факты человеческого восприятия. Игнорировалась абсолютная уверенность сознания в том, что кот находится там независимо от наличия наблюдателя. Ведь слепые получают всю значимую для них информацию от органов слуха и осязания.

Значение имеет только представление о мире, существующее в сознании.

Ночь продолжалась, и, просыпаясь время от времени, Слейд начал думать о пистолетах, которые никак не хотели стрелять. Эта мысль возвращалась к нему и в последующие дни. Она даже немного изменила его планы.

До этого он намеревался откопать обнаруженное им металлическое устройство, затем резко повернуть на юг и таким образом вообще уйти с территории Нейза и Лиар. Но его несколько уязвляла та негероическая роль, которую он сам себе отводил.

Вот каков я, думал он, *у меня самое необычное приключение на свете, а я тут осторожничаю.*

Он понимал, что нашлись бы люди, которые, не раздумывая ни минуты, принялись бы за это предприятие. Сейчас эти герои уже были бы на пути в Нейз, чтобы бросить вызов Джиану в его огромной центральной башне.

Слейд лежал в темноте, и его губы сжались. Бесполезно обманывать самого себя. Смелые действия — не для него. Главное, чтобы из-за чрезмерной осторожности он не отправился на юг без загадочного артефакта. Конечно, тот может ему и не пригодиться. Но он, несомненно, является ключом к чему-то важному, и кто знает — вполне может быть, что он еще в рабочем состоянии. Слейд не мог его бросить.

Леса становились все тише, долины обширнее, холмы — выше. Перед Слейдом простирался огромный, девственный континент, но Слейда поразило ощущение, что ему уже знаком этот путь. Существовали небольшие отличия в контурах каньонов и возвышенностей; иной вид имели обширные болота, лесные деревья и кустарники. Но основной профиль ландшафта был тем же. Слейд так часто проделывал этот путь в сто миль до своей фермы, что ни разу не заблудился. Это

было удивительное ощущение.

Наконец утром шестого дня он вышел на длинную холмистую равнину, в конце которой на уровне Земли находилась его ферма. Очень осторожно, пользуясь всевозможными укрытиями, он приблизился к тому месту, где в ту ночь стоял космический корабль. Издалека Слейд увидел, что его там нет, но бдительность ни на минуту не ослабил.

Примерно через десять минут он нашел искомое устройство. Пользуясь как ломом подобранной по дороге крепкой веткой, Слейд стал выковыривать его из земли. Оно глубоко сидело в почве, и потребовалось пролить немало пота и потратить еще двадцать минут, чтобы раскачать его.

Наконец Слейд вытянул его из земли, и стало видно, что это такое. Нечто похожее на ящик с рулевым колесом с одной стороны. По размеру устройство было достаточно большим, но легкость его поражала. Только чистый магний или даже литий могли бы сравниться с легкостью сплава, из которого оно было изготовлено.

Слейд прикинул вес странного механизма и решил, что он составляет менее тридцати фунтов. Устройство блестело на солнце, ничуть не

потускнев оттого, что долго пролежало в земле. Слейд даже не стал пытаться его изучить, а сразу пустился в путь.

Весь день Слейд нес его то на одном, то на другом плече. Примерно за час до наступления сумерек он вышел к бурной речушке и решил переночевать на ее берегу. Это место нельзя было назвать достаточно защищенным, но Слейд очень устал, а ближайший лес находился на расстоянии многих миль.

Слейд поспешно поел, затем, испытывая сильнейшее любопытство, склонился над устройством. Маленкенс говорил ему однажды, что в древнем Нейзе источниками энергии были атомные и магнитные станции. «Естественно, — заметил он тогда, — действуют они здесь немного иначе, чем там, откуда ты происходишь».

После случая с пистолетами Слейд это понимал. Тем не менее он все же предпочел бы, чтобы это устройство оказалось магнитным.

Слейд еще раз внимательно осмотрел его.

Больше всего озадачивало рулевое колесо. Всего одно колесо — да еще такое большое. Металлическая коробка, в которой был закреплен вал колеса, имела форму куба со стороной всего в фут. Диаметр колеса составлял немногим больше

двух футов; оно было изогнуто чашкой и по форме походило на цветок с длинными лепестками. Вполне могло бы служить небольшой тестомешалкой, такой объемной была чашка.

— Хм-м-м! — сказал Слейд.

Может быть, его не следует рассматривать как колесо только из-за того, что оно легко вращается на валу.

Но все-таки это больше всего было похоже на колесо.

Слейд крутанул его. Оно немного повертелось, затем остановилось. Больше ничего не произошло.

Слейд обшарил устройство в поисках пульта управления. На этот раз он осмотрел его досконально. Но не нашел ничего нового.

На блестящей поверхности одной из сторон Слейд заметил три чуть более светлых пятна. Походили они на вмятины в твердом материале. Но это были не вмятины. Слейд ощупал пальцами гладкий металл и не почувствовал ни малейшего углубления.

Озадаченный, Слейд принялся изучать эти светлые пятнышки. Он приблизил к ним глаза. *Как блестит,* подумал он. *Зачем, интересно…*

Что-то привлекло его взгляд.

Слейд отпрянул и выронил устройство.

Оно не упало. Оно осталось висеть в футе от его лица, колесом кверху, а три светлых островка на поверхности корпуса, словно три крохотных факела, светили ему во все три глаза.

Слейд зажмурился и быстро заморгал. Яркий свет пробивался сквозь веки. Слейд в панике оттолкнул от себя коробку.

Устройство скользнуло по воздуху на сотню футов и остановилось. Три светлые точки по-прежнему слепили его глаза словно авиационные прожектора, как и тогда, когда Слейд был в футе от них. На интенсивность их свечения расстояние никак не влияло.

Слейд помчался к устройству. Нужно отвернуть его в сторону, иначе эта штука лишит его зрения. Он поймал его дрожащей рукой. И перевернул на 180°.

Оно не оказало никакого сопротивления и, потеряв связь с его взглядом, медленно, словно воздушный шарик, опустилось на землю. Слейд спрятал его в кустах у речушки. После чего, все еще дрожа от пережитых волнений, прилег ка поросший травой берег. Через некоторое время Слейд рассудил, что не потерпел никакого урона. Зрение не пострадало, и он видел так же хорошо,

как и раньше. Глаза чувствовали прохладу, они отдохнули и совсем не были напряжены.

Слейд проспал всю ночь без сновидений. Когда он открыл глаза, солнце как раз всходило. Он принялся собирать плоды с ближайших деревьев, и только закончил свой завтрак, как сбоку послышался резкий свист.

Слейд на фут подскочил в воздух, когда в то место, где он только что сидел, ударило что-то тяжелое.

Глава 9

Слейд резко обернулся и посмотрел на упавший предмет. Удавка из похожего на металлический троса. Она шевелилась, как живая. Прямо на глазах у Слейда удавка начала сжиматься, втягивая концы троса в небольшую стальную коробочку.

Не успел Слейд хорошенько рассмотреть ее, как снова послышался свист. Слейд увернулся в сторону, и вторая удавка ударила ему в плечо. Она отскочила, словно резиновый мячик, и стукнулась о ближайшее дерево.

— Что за… — сказал Слейд. И нырнул за куст. Не успел он укрыться за кустом, как на траве уже лежали, извиваясь, две новые удавки. Слейд окинул взглядом горизонт и увидел, откуда они взялись.

К нему кто-то летел! Они находились очень далеко, и хорошо разглядеть их было невозможно. Казалось, что это существа с ногами, но без крыльев. Слейд заметил, как в небе мелькнуло что-то красное, затем ярко-серебристое, потом зеленое; разглядел руки, вроде бы человеческие, вцепившиеся в нечто, мерцавшее над ними. Летели сами мерцающие объекты. Человекоподобные существа просто висели на них.

Время от времени, хотя самого этого движения на большом расстоянии не было видно, кто-нибудь из летунов бросал удавку, которая со свистом летела Слейду в голову.

Слейд затрепетал от страха. Что это? Ужас совершенно обуял его, когда он вспомнил письмо девушки. Джиан и охотники из города.

Однако охотники держались на приличной дистанции.

Тысяча ярдов, решил Слейд. Его пистолеты, даже если бы они и могли стрелять, на таком расстоянии были бы совершенно бесполезны. Слейд стал судорожно озираться по сторонам в поисках укрытия. Ближайший лес находился милях в десяти, но в конце концов вокруг росли трава и кусты, и не было причин терять надежду, если он еще не пойман.

Пока Слейд вертелся на месте, вокруг него запрыгали уже пять удавок. Слейд бросился их подбирать. Охотники, скорее всего, носят их с собой, и запас удавок у них наверняка ограничен.

Слейд бросился за куст. Оттуда он оглядел окрестности и стал считать нападающих. Один, два… семь.

Продержаться бы дотемна, подумал Слейд.

Он взглянул на солнце и убедился, что оно

не сдвинулось по небу и на долю дюйма и по-прежнему низко висит над восточной частью горизонта.

До ночи еще очень и очень далеко.

Слейд сжал губы. Лихорадочное волнение немного улеглось. Слейд попробовал собрать всю свою решимость, и тело его стало успокаиваться. Вперед! Если он расхрабрится, то, вполне вероятно, сможет добежать до того леса вдали.

Однако, когда он перебегал ко второму кусту, с неба свалилась удавка и упала прямо ему на плечи. После этого она немного съехала вниз и начала с непреодолимой силой сжимать его руки.

Слейд хотел выхватить нож, но руки его уже были сильно прижаты к телу. Стараясь вырваться, он споткнулся о камень, больно ударился и покатился кубарем.

Удавка была словно стальная пружина. Она врезалась в тело с такой силой, что Слейду стало трудно дышать. У нее должен быть замок… нужно ее разомкнуть.

Слейд попытался дотянуться пальцами до ее концов, но устройство замка оказалось слишком хитроумным. Борясь с удавкой, Слейд заметил поблизости в небе какое-то движение. Глаза его

застилали выступившие от боли слезы. Сморгнув их, он ясно увидел охотников в серебристой одежде. Они были примерно в ста футах и быстро приближались.

Слейд прекратил бесполезную борьбу.

Семеро охотников из города приблизились футов на двадцать и спрыгнули со своих летательных устройств. Слейд быстро их оглядел — ему было интересно, нет ли среди них Джиана. Скорее всего, нет. Слейд тут же позабыл о нем. Его внимание приковали к себе летательные приспособления. Они какое-то время повисели в воздухе над людьми, а затем, словно медленно сдувающиеся воздушные шарики, опустились на землю. У одного из охотников их было даже два.

Каждый аппарат представлял собой похожий на стеклянный красный матовый стержень дюйма три в диаметре и фута в три длиной. К нему была приделана поперечина, на конце которой находились ручки.

Снаружи больше ничего не было видно: ни каких-либо механизмов, ни источников энергии, так что Слейду захотелось рассмотреть приспособление вблизи. Он счел это желание несвоевременным отчасти оттого, что его по-прежнему сжимала удавка, отчасти оттого, что к

нему подошли охотники.

В доме Калдры и Амор у него не было возможности разглядеть их как следует. Теперь, когда приспешники Джиана стояли перед ним, такая возможность появилась.

Лица их были суровы, бледны и отмечены, как говорили в старину, печатью порока.

Охотники склонились над ним, и двое из них насмешливо улыбнулись. Один из охотников что-то сказал, и все тотчас засмеялись, но скоро замолчали, и их лица вновь сделались суровыми. Слов Слейд не разобрал.

Слейд почувствовал, что его пистолеты вынули из кобуры, а из карманов вытряхнули их содержимое. Быстро осмотрев каждый предмет, вещи побросали в холщовый мешок. Еще до конца обыска один из охотников что-то сделал с удавкой. Она тут же ослабла, и ее легко сняли через голову.

Течение событий ускорилось. Как только Слейд поднялся на ноги и стал растирать затекшие руки, один из окружающих сунул ему ручки запасного летательного аппарата и указал на своего соседа, который как раз поднимал свой аппарат с земли.

— Смотри на него, — сказал он отрывисто.

Слейд увидел, как тот легко подбросил стержень перед собой. И одновременно ловко подпрыгнул.

Оказавшись в воздухе, стержень словно за что-то зацепился. Он остановился, замер и стал искать невидимую цель, как стрела, которую собираются выпустить из лука. Стержень полетел вперед вместе с держащимся за его ручки человеком, а охотник, стоявший рядом со Слейдом, отрывисто произнес:

— Теперь ты.

Слейд испугался, что стержень упадет ему на голову. И одновременно, как это не парадоксально, ожидал, что ему почти вырвет руки из суставов, когда устройство «зацепится» за воздух.

Но произошло совершенно иначе. Оно не упало, и рывка не последовало. Нечто необъяснимое — словно поток воздуха, ощущение внезапно возникшей легкости — подхватило его тело. И поднял его этот поток, а вовсе не летательный аппарат. Он воспарил, словно пух одуванчика в восходящей струе теплого воздуха.

Над Слейдом необъяснимым образом двигался прибор, сделанный из твердого металла. Но, работая, как катализатор, он лишь воздействовал на тело, а не нес его. Слейд летел *вместе* с

этим устройством, составляя с ним единое целое. Они были неразделимы. Слейд вспомнил, что несколько минут назад стержни упали, после того как охотники выпустили их из рук, и ему стало ясно, что ни человек ни аппарат не могут оставаться в воздухе друг без друга.

Какая-то великая основополагающая сила скрепляла союз между его нервной системой и аппаратом так, что гравитация на него не действовала. Похоже на обнаруженное им устройство с колесом, вспомнил он вдруг. Он посмотрел туда, где спрятал находку, но с воздуха обнаружить это место ему не удалось.

Слейд почувствовал огромное удивление. Что за невероятные тайны были известны этим людям — тайны природы и механики? Слейд заметил, что поднявшиеся следом шестеро охотников подлетают к нему. Непринужденно придерживаясь за свои летательные аппараты, они окружили его со всех сторон. Каким-то образом аппарат Слейда летел с той же скоростью и в том же направлении, что и все остальные. Казалось, что его устройство имеет симпатическую связь со всей компанией.

Планируя низко над землей, они пролетели над целой чередой болот, долин и участков гу-

стого леса. Слейд обратил внимание на то, что летательные аппараты все время оставались недалеко от земли. Никто не предпринимал попыток набрать большую высоту. Встречавшиеся на пути деревья обходили по касательной или старались проскользнуть между ними, а не перелетали через их верхушки. Миновали стороной и высокие горы со снежными вершинами. Летательные аппараты, словно река, выбирали самый простой путь, так что в конце концов Слейд решил, что они двигаются вдоль силовых линий магнитного поля Земли. Даже мобилизовав все свои знания, никаких иных предположений, объясняющих этот способ передвижения, Слейд сделать не мог.

Летуны удивительно быстро добрались до города, и вдали показались сверкающие башни. Слейд принялся жадно вглядываться в разворачивающуюся перед ним панораму блестящими от слез глазами. Ведь одно дело — посмотреть город изнутри, и совсем другое — увидеть его с птичьего полета. У начала постепенно расширявшийся долины город составлял примерно четыре мили в ширину. Какова была его протяженность, Слейд видеть не мог. Они летели слишком низко, а город стоял на возвышении.

Башни и крыши Нейза блестели в ярких лучах восходящего солнца. Теперь стала видна его планировка. Весь город поднимался уступами в сторону центральной башни Джиана, уходившей в небо, словно мачта гигантского корабля. Сейчас эта мачта показалась Слейду еще выше. По высоте башня была сравнима с ближайшими горными пиками, а от ее серебристого навершия исходило туманное свечение, словно дымка, окутывающее весь город. Находясь за пределами города, можно было заметить, что эта дымка имела четкую границу, проходившую в миле за его предместьями, и ее край изгибами ложился на траву, словно драпировка.

Группа задержалась перед защитным экраном. Но только на мгновение. На башне вспыхнул сигнальный огонь, и матово-красные аппараты прошли сквозь барьер, словно ножи, прорезающие марлю.

Летательные аппараты почти задевали за крыши низких домов. Они обогнули несколько башен и начали снижаться. Вот они в двадцати, а вот уже в десяти футах от земли. Один из охотников взялся за ручку аппарата Слейда.

— Отпускай, — сказал он отрывисто. — Прыгай.

Слейд удивленно посмотрел на него, не понимая, чего он хочет. Суровая физиономия охотника придвинулась вплотную к его лицу и приобрела отчетливо-злобное выражение.

— Прыгай!

Слейд глянул вниз. Под ним была мощеная улица. Он поколебался, затем отпустил руки. На него сразу же обрушилось ощущение собственной тяжести, от чего он испытал легкий шок. Ударившись о землю сильнее, чем хотелось бы, он дважды перевернулся через голову и встал на ноги. Пленившие его охотники уже исчезали за ближайшей башней.

Слейд вдруг оказался один.

Показание Джона Олдена, фермера из округа Смайлз, данное на коронерском расследовании.

«Каждый день я встаю в 5 часов утра. Утром девятнадцатого я встал, как обычно, и занялся хозяйством, и тут увидел странное зрелище.

По жнивью в западном направлении шла женщина и крупный, похожий ка медведя зверь. Поскольку медведи зачастую опасны, я испугался за женщину, которая, должно быть, не знала, что за ней идет такой большой и страшный зверь.

Я сбегал за ружьем. В доме я пробыл не больше

минуты, и за такое короткое время уйти по открытой местности было решительно некуда. Несмотря на это, когда я вышел на улицу, ни женщины ни зверя не было и в помине. Они буквально растворились в воздухе.

Как раз в то же день, немного позже полудня, в долине в двух милях от моей фермы нашли расплющенное тело Майкла Слейда. По словам врача, он умер за час до того, как был обнаружен. Так что, скорее всего, его смерть никак не связана с женщиной и медведем, которых я видел раньше.

Но я заявляю о том, что видел, с целью прояснить тайну трехглазого человека.

Майкла Слейда я ранее не встречал, видел только его труп, доставленный врачом на мою ферму.

И еще одно: когда полиция округа и я обследовали следы женщины и животного, мы обнаружили, что они резко обрываются посреди поля.

Объяснить я это не могу».

Глава 10

Слейд плелся по улице и обдумывал свое положение. Пистолетов его лишили, но нож по-прежнему был в ножнах. В кармане остался носовой платок, а также небольшая коробочка с рыболовными крючками и пачка таблеток морфина, которую он взял с собой на случай тяжелого ранения.

Вдруг он заметил, что улица, по которой он шел, не так уж пустынна, как могло показаться на первый взгляд. Из переулка бочком торопливо вышла старуха и прогнусила:

— Кровь! Или я убью тебя сегодня.

Слейд оттолкнул ее, думая: *почему они его отпустили? Чего они от него хотят? Действий! Конечно же, действий. Джиан думает, что Слейду известно о готовящемся заговоре, и правитель Нейза почему-то решил, что Слейд приведет его солдат к заговорщикам.*

Слейд грустно засмеялся. План Джиана хитроумен, но в нем есть одна фундаментальная ошибка. Джиан ошибся, решив, что Слейду что-то известно.

Но это уже не имело значения. Сейчас ему нуж-

но найти дом, где когда-то жили Калдра и Амор. А поскольку Джиану известно его местоположение, то Слейду нечего делать из этого тайну.

Пока верно было лишь то, что ему никак не выбраться из Нейза и что Джиан может арестовать его в любое время.

Когда Слейд добрался до той части города, где распоряжалась пятая колонна, солнце в небе стояло уже высоко. Вначале он узнал одну улицу, потом другую, затем понял, что дом находится где-то рядом. Слейд устремился вперед и услышал, как знакомый женский голос проскулил: «Дай крови, господин хороший».

Слейд уже собирался быстро пройти мимо, как вдруг девушка вскрикнула. Слейд резко обернулся и внимательно посмотрел на нее. Лицо ее сделалось холодным.

— Вот это да! — сказала она с усмешкой. — Это же человек, который собирается уничтожить Нейз.

Слейд воскликнул: «Амор!», но тут он вспомнил о Джиане и о том, что за всеми его перемещениями, вероятно, следят.

— Быстро, — сказал он, — встретимся у квартиры Калдры. Там я дам тебе немного крови. А сейчас… ударь меня по лицу, словно ты на меня

разозлилась.

Она действительно все делала быстро. Взмахнув рукой, девушка дала ему пощечину. Затем она вразвалку пошла прочь, а он направился дальше, только сейчас осознав, что случилось. Амор — на улице.

Слейд вдруг почувствовал, что значит разложение личности. Потом он ощутил бешеную злость на Лиар. Она в этом виновата.

Слейд не без огорчения подумал о том, решится ли Амор появиться у квартиры.

Она оказалась там раньше него. Девушка открыла ему дверь и принялась говорить, едва только он переступил порог. Она болтала не закрывая рта. Щеки ее раскраснелись, глаза расширились, руки дрожали. Казалось, что она на грани нервного срыва.

В ту ночь, когда убили Калдру, она осталась жива потому, что ее не было в квартире. Ночью она спала у подруги.

— Я боялась, что если останусь, то приду к тебе в комнату.

Ее лихорадочный тон напомнил Слейду о его обещании. Он встал и пошел в ее спальню. Шприц и чашка лежали на столике у кровати.

Слейд с отвращением подумал: *вот до какой*

низости может дойти потенциальный сверхчеловек.

Слейд отнес шприц на кухню, вскипятил воду на одном из работающих от неизвестного источника энергии элементов и простерилизовал иглу. Введя иглу в вену на левой руке, он наблюдал, как в прозрачном шприце заблестела темная кровь. Когда шприц был полон, Слейд слил из него кровь в чашку. Соприкоснувшись с металлом, жидкость еле слышно зашипела, но другой реакции не произошло. Слейд твердо поставил чашку на стол перед с девушкой.

Та облизала губы, но на чашку не посмотрела. Лицо ее сохраняло отстраненное выражение, тело напряглось. Не шевелясь, она смотрела в пол. Потом монотонным голосом произнесла:

— Зачем ты вернулся в город?

Значит, она начала обдумывать события. Это добрый знак. Слейд начал свой рассказ. Он был совершенно откровенен, хотя и краток. Когда он закончил, глаза Амор влажно блестели. Она встала. Вдруг она сделалась крайне возбуждена.

— Вот именно, — воскликнула она. — Вот именно!

Теперь Амор смотрела на Слейда широко раскрытыми глазами.

— Разве ты не видишь? То, что ты здесь — не случайность. Тут все петляют, но идут к одной цели. Джиан попался в ловушку. Почему? Потому что с серебряным поясом он чувствует себя в безопасности. Но ему очень хочется узнать, как Лиар собирается с твоей помощью уничтожить его. Сейчас он со свойственной ему дерзостью идет на риск, чтобы иметь виды на будущее.

Начав говорить, она принялась расхаживать по комнате. Затем остановилась прямо перед Слейдом и решительным тоном произнесла:

— Иди прямо к нему. Это его смутит. Он ждет, как ты поступишь. Ладно, открою тебе кое-что. Лиар сказала, что только ты можешь убить Джиана. Это значит, что без тебя мы бессильны. Раз дела обстоят таким образом, ты должен сам его найти. Тебе от этого все равно никуда не деться. Без Лиар ты не выйдешь из Нейза. Можешь быть уверен, она продержит тебя здесь до тех пор, пока ты не сделаешь то, что она хочет. Кроме того, рано или поздно Джиан прикажет привести тебя к нему и… *Вот!*

Она убежала в другой конец комнаты и вернулась с чашкой крови. Протянув чашку Слейду, девушка проговорила с лихорадочной настойчивостью:

— Хлебни. Это придаст тебе храбрости. Действие одного глотка продлится не больше часа.

Слейд с любопытством взял чашку в руки. Предложение его изумило. Хотя мысль о том, чтобы пить собственную кровь, была отвратительна, ему всегда хотелось ее попробовать. К тому же Слейду не хотелось, чтобы его вытолкали прямо в лапы Джиану. Первой его мыслью было выиграть время.

Слейд поднес чашку к губам, немного помедлил. Затем сделал маленький глоток…

— Проходи сюда, — надменно произнес офицер охраны башни. — Если его превосходительство Джиан соизволит с тобой говорить, он даст знать.

Дверь с шумом захлопнулась.

Слегка покачиваясь, Слейд прошел вглубь помещения. Экстатическое, почти непереносимое блаженство, растекшееся по каждой его жилке через несколько секунд после первого глотка крови, уже исчезло. Осталось только расплывчатое воспоминание о безумно приятных грезах и усиливающийся гнев.

Негодяйка, думал он, *мерзавка эта Амор. Она ведь знала, что произойдет.*

Прямо какой-то гипноз. Пока Слейд летал на

крыльях блаженства, он, сам того не замечая, пришел по едва различимым в дремотном тумане улицам прямо к центральной башне Джиана. Наверняка кровопийцы, перед тем как глотнуть своего зелья, воображают себе какую-нибудь цель.

Его намерением было пойти к Джиану, и вот он здесь.

Все еще испытывая головокружение, Слейд оглядел помещение. В одном углу стояла кровать, а противоположная стена была прорезана поперек большим окном. Слейд выглянул из окна и удивленно заморгал. Расстояние до земли было огромным. Поднимаясь сюда, он насчитал семьдесят этажей и теперь высунулся наружу, чтобы проверить высоту; тут до него дошло, что ведь он действительно перегнулся через подоконник.

Окно было не застеклено. Слейд отошел вглубь комнаты, потрясенный тем, что из-за сумеречного состояния своей психики чуть не разбился насмерть. *Лучше лечь*, подумал он.

Ему приснился тяжелый сон, как бывает всегда, когда человек отходит от действия наркотика. Во сне его вышвыривали из пустого окна, и он летел к земле с высоты в семьдесят этажей. Проснувшись в тревоге, он вдруг инстинктивно сжался:

рядом с кроватью стоял нит, склонив над ним свою морду. Все три его пристально глядящих глаза светились таинственным огнем. Животное увидело, что Слейд проснулся, но не сделало попытки убраться. Потом нит спросил:

— Кто велел тебе прийти сюда?

И встал над ним, ожидая ответа.

Нечто совершенно непонятное. Мозг Слейда был готов ко всему. Но только не к говорящим зверям! Удивление было таким сильным, что он не успел перестроиться. Его сознание было захвачено врасплох и временно отказалось действовать.

Это было не смешно. Нарушился обмен веществ, по телу хлынула неуправляемая нервная энергия. Подступила тошнота, и вслед за ней — неспособность к определенным снимающим напряжение реакциям, таким как глотание и моргание. Казалось, кровь, поступавшая к глазам, свернулась, и окружающий мир сделался очень расплывчатым.

Слейд был убежден — и ему это подсказывало не логическое мышление, а чувство страха — что он сейчас перенесется назад на Землю. Страх вырос до неимоверных пределов, но сквозь его пелену прорезалась мысль: его сон… если

он выпадет из этого уровня, то пролетит вниз семьдесят этажей. Картина такого падения почти парализовала рассудок.

Но секунды шли, и ничего не происходило. К Слейду вернулась уверенность. Нит, этот не то кот, не то медведь, держа свою морду всего в футе от его лица, произнес:

— В чем состоит план уничтожить Джиана?

В его словах было нечто такое, от чего Слейду чуть снова не стало плохо. Собственно, это была не речь. Звука вообще не было. Тварь посылала ему мысли. Это телепатия.

Слейд лежал, дрожа от напряжения, и пытался понять, что это значит; выходит, есть звери, у которых система коммуникации работает лучше, чем у людей. Он вспомнил о диких животных, которые за ним наблюдали, и о том, как осторожны были птицы у пещер. Неужели все они читают мысли?

Последняя мысль улетучилась из его многострадальной головы. Нит грозно оскалил зубы. Поднял огромную лапу.

В чем состоит план?

Слейд рванулся на дальний конец кровати и выхватил нож. В панике он скатился на пол. Затем вскочил на ноги, выставил лезвие перед

собой и стал пятиться к ближайшей стене.

— Осторожно, — сказал Слейд, — я воткну в тебя этот нож, по крайней мере, дюймов на шесть.

Потом Слейд никак не мог вспомнить, что же произошло дальше. Стоя вполоборота, он увидел, как вдруг из воздуха в окно семидесятого этажа вошел второй нит. Он держал какое-то прозрачное, толщиной в фут, оружие, выпустившее в первого нита бледно-красный луч. Тот, должно быть, умер мгновенно, но еще минута потребовалась на то, чтобы луч полностью растворил огромное тело зверя. Вновь пришедший посмотрел на Слейда и послал ему мысль: *Это предатель. Мы терпеливо ждали, пока Лиар не отдаст приказ убить его. Но теперь времени терять нельзя. Во-первых, мне лучше избавиться от этого…* — Слейд не разобрал названия оружия. Он принялся наблюдать за тем, как животное ловко разделило его вдоль на две части. Внутри устройство казалось достаточно простым, и вся схема группировалась вокруг металлической пластины длиной в четыре, шириной в три и толщиной в один дюйм. Нит сжал эту небольшую пластину в лапе.

Скорее, приказал он, *положи это к себе в карман. Вот так.*

Возразить Слейду не удалось. Животное наступало на него. Не успел Слейд решить, сопротивляться ему или нет, нит запихнул металлическую пластину в левый карман его куртки. Слейд увидел, что животное засовывает оставшиеся части оружия под кровать.

Нит резко выпрямился. *За тобой идут,* передал он настороженно. *Помни, еще не победа. То, что мы сделали сейчас, мы могли сделать много лет назад.*

Сейчас — решительный момент.

Дверь открылась, и вошли полдюжины солдат. Не сказав ни слова, они вывели Слейда в длинный мрачный коридор и подтолкнули к лифту. Нит прошел следом. Лифт со скрипом поднялся этажей на десять. Еще коридор, затем дверь, а за ней — просторный зал.

Перед незастекленным окном, глядя на город, стоял высокий мускулистый человек. Он был одет в блестящую серебристую одежду охотников Нейза, и пока он не повернулся, Слейд не уловил в его облике ничего знакомого. Тем большим было потрясение, когда Слейд узнал его.

Его светлость Джиан, он же — Маленкенс.

Глава 11

Для Слейда это было утро сокрушительных потрясений. Он заметил, что властитель Нейза смотрит на него усмехаясь, и эта презрительная ухмылка наконец вывела Слейда из его замешательства.

Слейд вдруг понял все, что происходило с ним за последние месяцы. Оправдание Данбара — теперь оно получило свое объяснение. Той ночью в квартире Калдры нит Джиана, должно быть, читал его мысли, и, руководствуясь полученной информацией, Джиан во всеоружии поджидал его у пещерной деревни. Там, не задавая никаких вопросов, он узнал от Слейда подробную историю случившегося.

Должно быть, он прибег к очень жестоким угрозам, чтобы заставить замолчать таких порядочных людей, как Данбар.

Улыбка Джиана сделалась еще более ехидной.

— Ты прав, — сказал Джиан. — Так все и было.

Слейд вздрогнул оттого, что эти слова так точно соответствовали его мыслям. Он взглянул на нита, и тотчас возникла телепатическая связь.

Естественно, я ведь передаю Джиану изме-

ненную версию твоих мыслей. Раньше он пользовался услугами нита-предателя. Ему нужен кто-нибудь, кто может читать мысли. Того убитого нита решили подменить мною из-за того, что я очень на него похож. Но сейчас ты должен быть осторожен.

Нит продолжал: *Джиан не так спокоен, как кажется. Он очень опасается Лиар, и кое-что уже дало ему понять, что наступает решительный момент. Если он вдруг испугается, он тут же тебя убьет. Поэтому ты должен быть готов действовать, как только я подам сигнал.*

— Но что я должен делать?

На эту мысль нит не ответил. Слейд облизал пересохшие губы, когда вдруг понял, до какой степени он увяз в этих событиях. Он подумал: *надо объяснить Джиану, убедить его в том, что я не опасен.* Не успел Слейд ничего сказать, как Джиан заговорил:

— Слейд, ты до сих пор жив лишь потому, что я еще нахожусь в раздумьях. Одна женщина, — голос его сделался злым, — по имени Лиар, единственная, кроме меня, владеющая серебряным поясом и потому бессмертная, утверждает, что с твоей помощью может меня убить. Я бы мог сразу тебя уничтожить, но она скоро найдет дру-

гого дурачка, чтобы угрожать мне, и существует вероятность того, что в следующий раз я не смогу узнать об этом заранее. Поэтому сейчас я иду на риск. Пока ты мне нужен. Я должен знать, что она придумала. Сейчас для меня нет ничего важнее.

Джиан производил сильное впечатление. Пока он говорил, выражение его лица изменилось. Каждая черточка дышала искренней серьезностью. Этот человек до самой глубины души был восхищен грозящей ему опасностью. Ему, бессмертному, вдруг угрожают; больше всего его интриговала неясность, незнание деталей того, в чем состоит эта угроза. Джиан, должно быть, уже сотни лет не испытывал более живого интереса.

Эти мысли Слейда были прерваны Джианом, который продолжил свою речь, но теперь уже голосом более твердым и в более настойчивой манере:

— Слейд, мне ясно, что ты — пешка и влип в эту историю не по своей воле. Но ничего не могу поделать. Вот он ты. Мне навязали эту проблему, несмотря на то, что я предупреждал Лиар. Сейчас на сороковом этаже башни бушует атомный пожар, и нет сомнений в том, что это ее работа. Скоро пожар доберется сюда.

Слейд на мгновение отвлекся от своих горестей,

пораженный такой перспективой. Атомный пожар. Ведь это значит, что башня будет разрушена, и барьер исчезнет. Нейз уже обречен.

Воображение Слейда живо нарисовало себе этот пожар пожаров. У других, без сомнения, есть средства эвакуироваться, но как же он? Суровый голос Джиана все звучал:

— Лиар всегда могла начать неконтролируемую ядерную реакцию в энергетических установках башни, но я давно, очень давно предупредил ее, что если она это сделает, я убью все живые существа на этой планете.

Его холодный, как стекло, взгляд остановился на Слейде. То, как ужасно переменился этот человек, просто сразило Слейда. В начале беседы в нем еще оставалось нечто от приятной серьезной наружности Маленкенса. Теперь все исчезло. Лицо его преобразилось. Оно превратилось в маску, стало таким беспощадным, таким кровожадным, что Слейд ужаснулся. За несколько минут доктор Джекил превратился в мистера Хайда. Безмерно жестоким голосом Джиан проговорил:

— Лиар всегда знала, что если она уничтожит барьер, я сотру с лица земли всех людей. Она сделала выбор. Пусть так и будет.

Смысл этих слов был так глубок, что оказался не

сразу понятен. Слейд подумал о том, что видеть омерзительное преображение Джиана — это то же самое, что наблюдать напивающегося до свинского состояния человека или вдруг случайно увидеть яму, полную нечистот, или неприличное изображение. Слейд поежился от отвращения, но тут же очнулся от собственных впечатлений — до него дошел весь ужас, заключенный в словах этого человека.

Слейду показалось, что его наполовину парализовало, и ему еще сильнее, чем прежде, захотелось убедить Джиана в том, что он, Майкл Слейд, не причинит ему ни малейшего вреда. Слейд открыл рот, чтобы сказать что-нибудь… и закрыл его снова.

В окно, находящееся за спиной Джиана, влетел какой-то неясный силуэт. Когда силуэт обрел четкость, стало ясно, что это женщина. Нит, должно быть, предупредил Джиана, так как тот обернулся и изобразил на лице улыбку. Когда Лиар вошла в зал, улыбка превратилась в презрительную усмешку.

Слейд не испытал особой радости. Он понял, что жизнь его висит на волоске. Теперь Лиар здесь, и Джиан наверняка готовится предать быстрой смерти единственного человека, способного, как

считалось, убить его. В рассуждения Слейда вклинилась настойчивая мысль нита: *Успокойся, ради нас и ради самого себя. Ты ведь уже достаточно знаешь о природе нервной системы и понимаешь, что неуравновешенный человек всегда находится в невыгодном положении. Я обещаю, что предупрежу тебя. Так что успокойся и не убегай от суровой действительности.*

Успокоиться! Слейд ухватился за эту надежду. Навыки релаксации обязательно должны ему помочь. Надежда крепла с каждой секундой. Какую же злую шутку сыграл над Джианом этот нит!

Слейд с огромным удивлением посмотрел на странное животное. Вот он сидит на полу, не то медведь, не то кот, читает мысли всех присутствующих и передает каждому переработанную версию того, что прочел. А Джиан думает — стоит там, спокойный и уверенный в себе, и думает — что это его нит.

Если его действительно невозможно убить, то это его заблуждение не имеет никакого значения. Но если у Лиар есть способ, если его неуязвимость не абсолютна, то тогда Джиан совершил роковую ошибку.

Слейд медленно и глубоко вдохнул в себя воздух, а потом так же медленно выдохнул. Для

релаксации хватило одного вздоха. Теперь это позволило ему хорошенько разглядеть Лиар.

Она не была похожа на ту Лиар, которую раньше он видел лишь мельком. Близ болота она предстала перед ним голой, а в космическом корабле была лишь еле видимой тенью. Он почему-то решил, что она должна носить грубую одежду жителей пещер.

Слейд ошибся. Она ничем не была похожа на пещерную жительницу. Из ее прически, сооруженной из тщательно заплетенных кос, не выбивался ни один локон, ни один завиток не потерял предназначенной ему формы. Волосы блестели, словно покрытые лаком. Одежда ее походила на шелк и казалась только что сшитой. И сшита она была явно специально для нее. Не нарушая благопристойности, она скромно подчеркивала ее фигуру. Даже властность Лиар слегка потускнела, и, взглянув на Слейда, женщина тепло ему улыбнулась. Но улыбка тотчас исчезла, когда она повернулась к Джиану. Если Лиар и собиралась что-то сказать, то опоздала. Молчание прервал Джиан.

— Нарядилась в подвенечный наряд, — язвительно заметил он. И захохотал громким, оскорбительным смехом. Перестав смеяться, он

с ухмылкой обратился к Слейду: — Тебе будет интересно узнать, друг мой, что ты — последняя надежда этой десятитысячелетней старой девы. Тебе трудно это понять, но на жителей пещер из-за самой сути их психической структуры отрицательно влияет аура женщины, черпающей свою энергию из искусственного источника. Соответственно, она не может никого из них взять в мужья. Остаются только мои кровопийцы вон там, — он махнул рукой в сторону окна, — да ты.

Ухмылка сделалась шире.

— Из соображений морали ее не интересуют мужчины, пристрастившиеся пить кровь, так что выбор сужается, и остаешься только ты. Правда, забавно?

Ухмылка исчезла. Внезапно рассердившись, Джиан обратился к Лиар.

— А тебе, моя дорогая, будет интересно узнать, — сказал он едко, — что Слейд на моей стороне, а не на твоей. Нит только что сообщил мне, что он очень хочет убедить меня в том, что мне не следует его бояться. Поскольку нит сообщит мне — если это случится, — когда Слейд изменит свое мнение, то преимущество на моей стороне.

Джиан не понимал. Было удивительно, просто поразительно видеть, как легко он верит всему,

что говорит нит. Не то чтобы нит лгал относительно желаний Слейда; но сам факт того, что нит сообщает ему жизненно важные сведения, доказывал, что отбор информации Джиан полностью возложил на добросовестность нита.

Джиан спасется, только если действительно окажется бессмертным. А если нет — его положение весьма затруднительно.

Мы хотим показать тебе кое-что, пришла мысль нита. *Если Джиан нам позволит, мы покажем тебе, с чего началась война между кораблем и городом. Как раз поэтому я и сообщил Джиану, что ты не намерен его убивать.*

Нит быстро продолжал: *это будет только отсрочка. Ты никуда не денешься от необходимости выбирать между двумя борющимися мирами, двумя людьми, стоящими перед тобой. Могу сказать следующее. Когда этот миг настанет, выбор твой будет свободен, но лишь в той степени, в какой все свободно в этой Вселенной.*

А сейчас надо заставить Джиана рассказать нам вкратце историю Нейза.

Джиан охотно согласился. Он был доволен.

— Значит, действительно приходится убеждать Слейда что-то сделать. Думаю, надо предупредить вас, что сейчас он, скорее всего, останется

на моей стороне. Я как раз вспоминал кое-что из того, что он рассказывал мне о своей стране. Всего несколько лет назад они сбросили атомные бомбы на крупные города своего врага. Очень интересная параллель с нашим миром, и она не сулит ничего хорошего, так что я посоветовал бы тебе открыть свои мысли ниту и побыстрее покончить с этим делом. Я хочу лишь знать, как ты планировала убить меня с его помощью?

Джиан улыбнулся.

— Не отвечаешь? Ладно, давай с этим покончим. Мне всегда интересно выслушивать тенденциозно преподносимую информацию о событиях, в которых я лично участвовал.

Он направился к дивану и сел. И стал ждать рассказа.

Лиар повернулась к Слейду.

— Я расскажу быстро, — произнесла она.

Ее повествование не было особенно длинным. Лиар вкратце обрисовала картину заката цивилизации, достигшей технического совершенства. Обитатели Нейза были бессмертны благодаря серебряным поясам, контролировавшим их психическую энергию. Существовали самые разные машины, но все они работали по одному принципу — управляли нервной системой человека

посредством неорганических энергий.

Шли годы, и само совершенство стало приедаться. Люди начали совершать самоубийства. Над этой до конца материалистической цивилизацией нависла скука, и с каждым годом все больше мужчин и женщин пытались избежать ее, добровольно выбирая смерть.

Мода на самоубийства переросла в массовую тенденцию. Когда-то планета имела большое население, была почти перенаселена. Наконец осталось всего несколько миллионов людей, живущих в восемнадцати городах. И вот когда цивилизация, казалось бы, зашла в непреодолимый тупик, были сделаны новые открытия в области высшей нервной деятельности, определившие совершенно иной взгляд на будущее человечества.

Были проведены эксперименты на зверях и птицах. Через удивительно короткое время многие виды уже были способны читать мысли, а этого человек не мог делать, даже опираясь на всю свою машинерию. Животные проявили удивительные способности и в других областях, так что был проведен плебисцит, и подавляющим большинством голосов было решено отказаться от искусственного бессмертия и предоставить

шанс новой удивительной науке.

Лиар помолчала и серьезно посмотрела на Слейда.

— Никаких полумер быть не могло. Либо все, либо ничего, никакой добровольной основы, никаких исключений. Новые открытия доказали, что человек по своей первобытной глупости пошел не по тому пути развития, что сейчас он должен вернуться к истокам и начать все заново. Человек должен отказаться от материалистических кумиров, за которыми он так долго шел, уйти из городов, оставить свои машины. Ты сам видел, что могут такие люди, как Данбар, а он лишь едва достиг третьего, молекулярного уровня контроля. Возможности, которые откроет последняя, электронная фаза, достичь которой невозможно, пока существует город Нейз, нельзя даже представить. При помощи наших механических серебряных поясов мы лишь мельком увидели эти дразнящие картины, и все. Люди сделаются подобны богам, станут почти всемогущи и бессмертны без вмешательства технических средств.

Ты меня слышишь? *Бессмертны без вмешательства технических средств!* И в твоем и в моем мире тысячи поколений человеческих существ могли и не умирать. Все эти люди имели

в своем теле колоссальную силу, врожденную способность осуществить все свои желания.

Она говорила, и Слейду все больше нравилась описываемая ею картина. Стало понятно, откуда взялись пещерные жители. Разрозненные элементы мозаики начали занимать свои места, и Слейд вдруг ясно понял, что она имеет в виду.

Лиар быстро продолжала:

— Подумай о собственном опыте, — сказала она взволнованно. — Ты перешел из одного уровня существования в другой потому, что твое сознание признало новую реальность. Так что тебе доступно сравнение, которое показывает, насколько ложным может быть то, что кажется. Свет. Люди из мира двуглазых наверняка определяют свет как что-то материалистическое, что-то внешнее.

Она так настойчиво на него смотрела, что он кивнул и изложил волновую и корпускулярную теорию света.

— Свет, — торжественно произнесла Лиар, — это восприятие субъекта. А не действие объекта. В космосе есть огромное тело, известное нам как Солнце. Мы, а также каждый предмет в этом зале, как органический, так и неорганический, знаем о наличии Солнца. Мы все реагируем на его присутствие, как и оно — на наше. Но оно не

посылает нам никакого тепла, никакого света, ничего. Знание возникает внутри нас самих, внутри молекул этого стола и этого стула. Это знание представляется нам ощущением, которое мы называем светом. Теперь ты видишь, теперь понимаешь, что первобытный человек, лишенный помощи, пошел не тем путем? У него не было возможности понять истинную природу этого мира.

Слейд и не рассчитывал понять то, что она имеет в виду. Но он понял. Всего несколько месяцев тому назад он присутствовал на лекции одного из учеников Эйнштейна. А ведь в этом и заключалась знаменитая последняя научная теория света. Он совсем забыл о ней.

Слейд задумался над возникшей в его представлении картиной, как вдруг случайно взглянул на Джиана. Это тут же вернуло его к реальности совершенно иного рода. Слейд сказал:

— А при чем здесь Джиан?

Джиан сухо произнес:

— Я как раз сам хотел об этом спросить.

Лиар немного помолчала. Затем тихо сказала:

— Конечно, этот грандиозный план встретил сопротивление. Все серебряные пояса были уничтожены, кроме тех, что принадлежали мне и

моему товарищу. Нас выбрали по жребию, чтобы мы управляли кораблем, который ты видел, наблюдали за экспериментом, вели запись о его результатах и… — она помолчала. — Некоторые организовали сопротивление, — сказала она грустно. — Было немногочисленное эгоистическое меньшинство под предводительством Джиана…

Она снова замолчала. Джиан расхохотался, но смех его вдруг резко оборвался. Он угрюмо произнес:

— Они не представляли, как далеко я решил пойти.

Жестокость осуществленного им когда-то решения тенью промелькнула на его лице и прозвучала в голосе. Джиан продолжал:

— Однажды ночью мои силы нанесли удар по семнадцати городам и уничтожили их атомными бомбами. Мы хитростью заполучили серебряный пояс товарища Лиар, а самого его убили. Это тот самый пояс, который сейчас на мне. Мы планировали уничтожить и корабль, но по чистой случайности Лиар уже отошла от причала.

Он тяжело вздохнул при воспоминании о том, что, должно быть, стало самым сильным потрясением в его долгой, полной жестокости жизни.

Глаза его сощурились, тело напряглось.

— Она напала на наш склад в Нейзе. К тому времени, как мы возвели барьер, она лишила нас всякой возможности изготовить новые пояса.

Джиан в последний раз вздохнул при мысли о потерянных возможностях, затем медленно встал. Он воинственно огляделся по сторонам.

— Хватит, — сказал он. — Я не очень себе представляю, как чуждый этому миру человек вдруг воспылает такой яростью из-за событий тысячелетней давности, что захочет, рискуя жизнью, отомстить.

Вот так быстро разговор опустился до практических истин.

Глава 12

Это было так давно, с облегчением подумал Слейд. Столько веков прошло с тех пор, как было совершено это дикое преступление. И все же, несмотря на такой огромный промежуток времени, эхо ужаса тех событий достигло и Слейда.

Ведь проблема все еще не была решена. Она должна была решиться прямо здесь, в этом зале. Борьба за превосходство между городом и кораблем. Корабль как представляющая коллектив единица хочет победить город. Но Джиан останется в живых. А, оставшись в живых, он сможет придать смерти всех беззащитных людей на этом уровне.

Но ведь жизнь сосредоточена в индивидууме. Человек должен себя спасать.

Ты не прав, поступила мысль нита. *Жизнь — это народ. Индивид должен жертвовать собой.*

Слейд не желал это признавать. Он вдруг заметил, что Джиан все еще говорит, причем сейчас он обращался непосредственно к нему.

— Мое читающее мысли животное, — говорил он, — постоянно держит меня в курсе твоих мыслей. Рад заметить, что ты отвергаешь аргументы

Лиар как далекую от жизни метафизику. Возможно, — продолжал он, — что мы с тобой ближе по духу, чем я думал. Нит также сообщил мне об аргументах, которые ты готовишь для того, чтобы убедить меня сохранить тебе жизнь. Честно говоря, раньше я не думал, что твоя способность вернуться на свою Землю может быть для меня полезна, но теперь вижу, в чем эта польза.

Слейд, не думавший ни о каких аргументах, чтобы спасти себя, изумленно посмотрел на нита. Было удивительно вдруг осознать, что зверь, спасая ему жизнь, использует тонкую психологическую игру.

Я же тебе говорил, передал ему нит, *что когда решительный миг настанет, выбор твой будет свободен. Джиан решил, что если такой момент не наступит, он сохранит тебе жизнь.*

Ответная мысль Слейда была полна отчаяния: *а как же я спущусь отсюда вниз?*

А это, ответствовал нит, *относится к упомянутому мною ранее пункту. В этой Вселенной нет абсолютной свободы выбора. Ты можешь стать на нашу сторону или заключить сделку с Джианом.*

Вот значит как. Они хотят заставить его пойти риск, чтобы избежать другой, еще более рис-

кованной ситуации. И если подумать, то ему действительно никуда не деться. Слейд злобно подумал: *Каких действий вы от меня хотите?*

Джиан должен умереть. Только ты можешь убить его.

Это я уже и раньше слышал, с раздражением подумал Слейд. *Я имею в виду…*

Слейд остановился. Он уже не одну неделю знает, что как раз этого-то от него и ждут. Понимание все время пряталось в глубине сознания и лишь иногда всплывало на поверхность, и тогда Слейд вспоминал об этой неприятной возможности, но только как о чем-то нереальном. И совсем другое дело подумать вдруг: «Вот он, тот самый момент».

Слейд, который никогда не убивал человека, сейчас должен убить Джиана.

Каким образом?

У тебя в левом кармане есть инструмент. Медленно повернись так, чтобы твой левый бок был обращен к Джиану. Незаметно сунь руку в карман и нажми на кнопку, которую найдешь на самом верху устройства.

Этот инструмент уже успел интегрироваться с твоей нервной системой — а она у тебя, как ты знаешь, еще не совсем стабилизировалась в этом

уровне. Когда ты нажмешь кнопку, устройство передаст Джиану в концентрированной форме твою нестабильность. Он тут же будет выброшен на уровень существования двуглазых и упадет с восьмидесятого этажа на землю. Так же, как твои патроны здесь не стреляли, его серебряный пояс не поможет ему там.

Слейд почувствовал, что бледнеет. Он смутно осознавал, что Лиар и Джиан вздорят друг с другом, но никак не мог поймать нить их разговора. Давай же, думал он, делай выбор.

Слейд вспомнил, как он сам боялся такого падения. И тут же навалился ужас.

Минутку. Я задействован в процессе перехода из одного уровня в другой, значит, я тоже упаду.

Нет, не упадешь.

Слейд не поверил. Полный ужаса, он представил себе всю картину. Вот к чему весь этот разговор о жертве индивида во имя народа. Слейд вообразил, как его тело вместе с телом Джиана все летит и летит вниз. И в результате он почувствовал странную близость между собой и этим человеком.

Клянусь, сказал нит, *что ты не погибнешь.*

Абсолютное недоверие.

И абсолютный ужас.

Нит был в отчаянии.

Ты толкаешь нас на крайние меры. Лиар решила, что сегодня умрет либо Джиан, либо она. Если ты не убьешь Джиана, тогда — если только он не одержит полную победу — он исполнит свое обещание и уничтожит всех мужчин, женщин и детей на этой планете. Ты же видишь, что Лиар не может этого допустить. Так что выбор за тобой. Твой выбор в конечном итоге решит, станут ли люди этой планеты рабами Джиана или у них появится возможность реализовать свои естественные способности.

Слейд, сомневаясь, подумал: *ты хочешь сказать, что Лиар совершит самоубийство?*

Нит сделался зол и саркастичен.

Пожалуйста, не беспокойся о Лиар. Беспокойство за нее — это моральная помеха, так сказать, социальный порыв, в отличие от индивидуальной воли, когда думаешь только о себе. Беспокойство всего лишь у тебя в сознании, оно не обладает внешней реальностью. Что из того, что эта женщина и все, за что она борется, погибнет? Главное, ты останешься жив.

Нит, должно быть, уже отчаялся убедить Слейда. Возможно, он передал эту мысль женщине. Когда Джиан, что-то заподозрив, проговорил

угрожающе: «Если ты сейчас же не уйдешь, то мне придется пересмотреть свое решение не убивать Слейда», она повернулась и сказала:

— Вспомни, пожалуйста, мой друг, о тех поколениях, что томились в неволе в этом городе. Вспомни об Амор, о…

Лиар замолчала, потеряв надежду.

— Ты вынуждаешь меня, — сказала она, — на последнюю жертву.

Она засунула руки под блузу и коснулась талии. Теперь она держала в них тоненький поясок. Женщина яростно отшвырнула его. Он блеснул серебристым металлическим блеском и упал на ковер.

— Твой серебряный пояс! — вскричал Джиан.

Никогда в жизни Слейд не слышал крика, в котором бы смешались триумф и неверие такой силы. Джиан буквально ринулся вперед и вцепился в пояс. Глаза его остекленели и сделались на мгновение близорукими от невыразимого блаженства. Он подбежал к стене слева от Слейда. В углу находилось какое-то приспособление конической формы. Дрожащими руками Джиан затолкал в него пояс. Тот ярко вспыхнул и тут же сгорел.

После этого к Джиану начал медленно возвра-

щаться рассудок. Он встряхнулся. Оглядел зал, посмотрел на Лиар, на Слейда, и по выражению его лица было видно, что он все более полно осознает величие своей победы.

— А, — восторженно произнес он, — наконец-то я буду решать, что действительно...

Слейд так и не узнал, что же действительно будет теперь решать Джиан. Он был потрясен до самой глубины души. Вообще-то Слейд уже принял решение, когда Лиар упомянула Амор. Когда он вспомнил о деградации Амор, перед его мысленным взором возникла яркая картина угнетения, которое готовил для своего народа этот дьявольский эгоист.

Следуя движению Джиана, Слейд непроизвольно повернулся. Рука его находилась в кармане, а левый бок был обращен к противнику. Слейд думал о том, что при определенных обстоятельствах выбор человека не должен исключать возможности его собственной гибели.

Легким движением Слейд нажал пусковую кнопку лежащего у него в кармане устройства.

Показание лейтенанта уголовной полиции Джима Мерфи, данное на коронерском расследовании.

«На прошлой неделе, после того как у предгорий

рядом с городом Смайлз было обнаружено тело Майкла Слейда, я был направлен на место происшествия. Именно по моей просьбе слушание по этому делу было перенесено в город, где проживал мистер Слейд и где проживает большинство свидетелей.

Что касается свидетелей, я бы хотел сказать, что все они, без исключения, при первом опознании не могли с уверенностью подтвердить, что тело принадлежит Майклу Слейду. Позднее, в суде, они сделали заявление с большей уверенностью, избавившись от прежних сомнений, рассудив, очевидно, так: «Труп имеет три глаза, следовательно, это труп Майкла Слейда».

Кроме всего прочего, я съездил в Смайлз, чтобы попытаться выяснить, где Майкл Слейд бывал последние месяцы перед исчезновением.

У меня есть значительный опыт по поиску пропавших, но мои обычные методы не дали никаких результатов. Хотя со дня смерти мистера Слейда прошло еще очень мало времени, я могу с почти полной уверенностью заявить, что дальнейший поиск лишь подтвердит следующие факты: несколько месяцев тому назад Майкл Слейд вышел со своего заднего двора, а на прошлой неделе около города Смайлз был обнаружен его

труп. Сведений о местопребывании Майкла Слейда за этот период не имеется».

Они пошли к вершине башни, уходя от зловещего гула и треска пожара. Направление их пути беспокоило Слейда. Как же они спустятся, когда нижние этажи объяты пламенем? А что если огонь разрушит несущие стены, и огромное здание рухнет?

Конечно, есть вероятность, что она и нит смогут свободно выбраться так же, как и пришли сюда — через окно. Но Лиар помотала головой, когда Слейд спросил ее, так ли это.

Она остановилась у окна.

— Мы пришли, — сказала она, — при помощи моего серебряного пояса. Я все еще надеюсь наткнуться на хранилище летательных аппаратов. Если мы их не найдем, то наша единственная надежда — ты.

— Я?

Слейд был удивлен.

Лиар продолжала:

— Скажи, ты можешь вообразить себе ту машину с колесом, которую ты спрятал в траве рядом с местом, где тебя схватили охотники Нейза?

Слейд изумленно посмотрел на нее. Значит, она об этом знала. Подождав, он ответил:

— Думаю, могу.

Лиар продолжала спрашивать:

— Включая те три светлые точки?

На этот раз Слейд просто кивнул, так как уже начал вспоминать возможности этого аппарата.

— Тогда давай скорее, — сказала Лиар, — скорость его невелика, не больше двух тысяч миль в час. Оно будет здесь только через несколько минут.

Слейд посмотрел на нее, подавляя эмоции. Но все же подошел с ней к окну, закрыл глаза и представил себе странное устройство. Вначале картина была расплывчатой, но вскоре сделалась четкой и ясной.

Лиар, стоявшая рядом с ним, тихо проговорила:

— Моргай реже и не пытайся удерживать картинку. Пусть она то тускнеет, то проясняется. Все это не так уж важно, поскольку в течение последующих шести лет ты и я должны научиться обходиться естественными средствами, без технических приспособлений.

Она отвлекала его, давила на его сознание. Новые мысли вывели его из состояния сосредоточенности. Он уже начал представлять себе, каким он будет через шесть лет, когда ее тихий, почти

гипнотический голос напомнил ему о его задаче.

— Держи, — произнесла она быстро, — давай держи его! А то оно упадет на землю, а времени терять нельзя. С минуты на минуту огонь дойдет до главных энергетических установок барьера, и тогда он отключится. После этого даже прочные материалы башни долго не простоят.

Слова ее укрепили решимость Слейда. Где-то в глубине промелькнуло воспоминание о том, что Джиан сказал о подвенечном наряде. Он слегка встревожился. Потому что, если уж думать о женитьбе, мужчины не берут замуж женщин на десять тысяч лет старше себя. Вот Амор — да. Ее недостатки были человеческими, понятными, простительными. Он чувствовал, что девушка не отказалась бы стать спутницей его жизни. Он, конечно, попросит ее об этом.

Он был так сосредоточен на перемещении устройства, что совсем не замечал небольшую сцену, разыгравшуюся рядом. Нит сообщил Лиар о том, что думает Слейд. Женщина заколебалась, и тут черты ее начали меняться. Ее лицо уже стало приобретать поразительное сходство с лицом Амор, как вдруг мысль нита прервала этот процесс.

Не будь дурой, сказал он резко. *Сейчас он не*

воспримет должным образом мысль о том, что Амор и ты — одно и то же. Ты играла эту роль, чтобы представить ему достойный сострадания образ девушки из Нейза. Реальный вид девушки-кровопийцы его бы потряс. Сейчас он может обвинить тебя в смерти Калдры, хотя ты и ушла до того, как она попыталась взять у него кровь.

И еще, продолжал нит. *Из твоих мыслей я узнал, что это ты виновата в том, что он родился трехглазым мутантом в мире двуглазых. Сразу об этом ему тоже не говори. О том, что ты управляла его жизнью, начиная с эмбриональной стадии, он узнает несколько позднее. Пусть сначала поймет, что ты можешь быть настоящей женщиной…*

Женщина колебалась. И вдруг снова стала Лиар. Она увидела, как фиолетовый барьер заколыхался, и очень по-женски взвизгнула.

— Барьер, — воскликнула она, — он отключился!

Ее слова прозвучали словно сигнал. Вдали блеснул металл. Машина влетела в открытое окно и резко притормозила напротив глаз Слейда.

— Вначале нит, — строго сказала Лиар, — затем я, потом ты.

И не волнуйся. Она быстро летает.

Он едва успел. Когда машина в последний раз остановилась у него перед глазами, рев пожара был оглушителен. Слейд забрался в похожее на цветок сидение, оттолкнулся от подоконника и вцепился в свое транспортное средство.

Почти прямо над головой ярко светило солнце. Внизу было множество людей, но Слейд приближался к земле и не видел ни Лиар, ни нита. К нему протянула руки какая-то высокая худая женщина, и Слейд с удивлением узнал Амор. Он окликнул ее, и она отчаянно замахала ему руками.

Вскоре Слейд был в городе, который уже знал, что его ждет.

Вердикт коллегии присяжных при коронере.

«Коллегия присяжных пришла к единодушному заключению, что нет сомнений в том, что это тело принадлежит Майклу Слейду. Необычная одежда не может рассматриваться как важное обстоятельство; таким образом, коллегия присяжных пришла к выводу, что Майкл Слейд погиб в результате падения с высоты, выпав, вероятно, из самолета. Предполагать насильственную смерть — оснований нет».

ПОИСКИ
(повесть)

Бока болели от жесткой больничной койки. Какое-то время Дрэйку казалось, что именно это и было то, что его тревожит. Он повернулся, приняв более удобную позу, и понял, что беспокойство было вообще не физическим. Что-то таилось в сознании, чувство опустошенности, возникшее с тех пор, как ему сообщили дату.

После того, как, казалось, прошло много времени, открылась дверь, вошли двое мужчин и сиделка.

— Ну, как вы, Дрэйк? — сердечным тоном спросил один из мужчин. — Очень жаль видеть вас в таком состоянии.

Он был пухлый и добрый на вид. Дрэйк ответил на его энергичное рукопожатие, секунду лежал неподвижно, потом задал неловкий, но необходимый вопрос.

— Извините, — натянуто сказал он, — но я вас знаю?

— Я Брайсон, менеджер торговой фирмы «Быстрые сделки, Компани», — ответил тот. — Мы

продаем авторучки, карандаши, чернила, писчую бумагу и множество подобных вещей, что имеются в любой бакалейной лавке. Две недели назад я принял вас на работу и назначил на железную дорогу в качестве продавца. Я знаю лишь то, что вас нашли без сознания в канаве. Больница уведомила меня, что вы здесь… При вас было удостоверение, связывающее вас с нами, — закончил он после недолгого молчания.

Дрэйк кивнул. Он все еще чувствовал напряжение. Очень хорошо, что кто-то заполнил пробел в его памяти, но…

— Последнее, что я помню, — сказал он, наконец, — это мое решение обратиться в поисках работы в вашу фирму, мистер Брайсон. Мне как раз по странной причине отказали в работе чертежники. Очевидно, в этот момент что-то случилось с моим сознанием и…

Дрэйк замолчал. Глаза его расширились от внезапно пришедшей мысли.

— Очевидно, у меня амнезия, — медленно, испытывая неприятное ощущение, сказал он.

Он заметил, что врач, вошедший в комнату вместе с Брайсоном, пристально посмотрел на него. Дрэйк выдавил из себя бледную улыбку.

— Я полагаю, так и есть, док. Я вывел это из того,

что не помню событий двух последних недель. Я лежу здесь, напрягая память. Что-то есть в дальнем уголке сознания, но…

Глаза врача за стеклами пенсне улыбались.

— Я рад, что вы говорите об этом так спокойно. Действительно, ничего страшного. Что же касается того, что вы делали, уверяю вас, наш опыт показывает, что жертвы этого недуга во время приступа обычно живут умеренной, нормальной жизнью. Одной из наиболее часто повторяющихся характерных особенностей является то, что больные меняют профессию. Вы не сделали даже этого.

Он замолчал.

— Я могу рассказать вам о первой неделе, — сказал пухлый Брайсон.

— Я узнал, когда нанял вас, что в детстве вы жили в какой-то деревушке на ответвлении линии Уорвик Джанкстон — Кисслинг. Естественно, я поставил вас на этот маршрут. Мы получили от вас заказы из пяти городов на этом пути, и вы уже добрались до Кисслинга. Может быть, это вам поможет… Нет? — Брайсон пожал плечами.

— Ну, не берите в голову. Как только вы поправитесь, Дрэйк, приходите ко мне. Вы неплохой человек, а такие встречаются редко.

— Я бы хотел остаться на том же маршруте, если можно, — попросил Дрэйк.

Брайсон кивнул.

— Только помните, что вы сначала потеряли память, а потом двинулись дальше по главной линии. Это точно. Я полагаю, вы хотите разузнать, что с вами было.

— Верно, — сказал Дрэйк. — Что-то вроде поисков воспоминаний. — Ему удалось улыбнуться. — Но сейчас… сейчас я хочу поблагодарить вас за то, что пришли.

— Все в порядке. До встречи.

Они сердечно пожали друг другу руки. Дрэйк смотрел, как Брайсон выходит из двери.

Через два дня Дрэйк сел на «Трансконтиненталь», следующий в Уорвик Джанкстон, и стоял у окна, щурясь от яркого солнца раннего утра. Первое разочарование уже прошло. Раньше он думал, что вид серых зданий, высившихся на фоне каньона, вернет ему воспоминания.

Воспоминания вернулись, но только из детства, когда он с родителями ездил в Джанкстон. Теперь здесь выросли новые дома, и железнодорожная станция была не такой, как двадцать лет назад.

Однако, его сознание явно не раздражал провал в памяти о том, что он видел и делал шестнадцать

дней назад.

Дрэйк в замешательстве помотал головой.

«Кто-нибудь узнает меня, — подумал он. — Должен же был кто-то меня видеть. Я наверняка разговаривал с лавочниками, пассажирами, проводниками, служащими отеля. Я всегда был общительным, так что…»

— Привет, Дрэйк, старина, — раздался за его спиной веселый голос.

— У тебя такой вид, словно ты думаешь о похоронах.

Дрэйк повернулся и увидел стройного парня, смуглолицего, темноволосого, лет тридцати. В нем чувствовалась неуклюжесть всех слишком тощих людей, которые ходят словно нагруженные чемоданами, и должно быть, тот что-то заметил в глазах Дрэйка, так как поспешно добавил:

— Ты помнишь меня?.. Билл Келли! — Он непринужденно рассмеялся. — Слушай, пойдем поговорим. У меня к тебе претензия. Что ты сделал с этой девушкой Силэни? Я дважды проезжал Пайфферовой дорогой с тех как, как встретил тебя, и она не появлялась. Она… — Он замолчал, его взгляд внезапно стал острым. — Слушай, ты ведь помнишь меня, не так ли?

Дрэйк был поражен казалось бы неумолимым фактом, что Пайфферова дорога была названием местечка. Неужели ему захотелось прийти в фермерский дом, где он родился, поглядеть старую усадьбу? Дрэйк почувствовал сильное возбуждение, но по выражению лица Келли понял, что настало время объясниться.

— Видите ли, — сказал он, наконец, — у меня полный провал памяти. Может быть, если не имеете ничего против, вы подскажете мне, что происходило, пока я был с вами. Кто эта девушка Силэни?

— О, конечно, — отозвался Келли, — конечно, я…

— Он замолчал, нахмурившись. — А ты не разыгрываешь меня, а? — Молчание Дрэйка смутило его. — Ладно, ладно, я тебе верю. Мы провели полчаса перед Кисслингом… Амнезия, да? Я слышал об этом, но… Слушай, а ты не думаешь, что старик мог что-нибудь сделать с… — Он ударил кулаком по ладони. — Держу пари, так и было!

— Старик?! — Дрэйк, несколько замялся и твердо закончил: — Что это за история?

* * *

Поезд замедлял ход. Сквозь пыльное окно Дрэйк видел проплывающую долину с зелеными заплатами деревьев и блестящую, разматывающуюся нить воды. За — тем появились дома, с полсотни по обеим сторонам дороги, и, наконец, показалась деревянная платформа.

Мимо его окна, неся корзину, прошла высокая, стройная, привлекательная девушка.

— Это… это Силэни, — сказал позади Дрэйка разъездной торговец, который сел на предыдущей остановке и с которым Дрэйк успел познакомиться. — Хотел бы я знать, какие чудеса она принесла для продажи на этот раз.

Дрэйк откинулся на спинку сидения, думая о том, что видит Пайфферову дорогу. Он удивился странному чувству безразличия, охватившему его. Вообще-то он родился тремя милями дальше по дороге, но тем не менее, это чувство не проходило. Дрэйк с трудом удержался, чтобы не выругаться. Наконец, до него дошло то, что говорил его собеседник.

— Силэни! — повторил Дрэйк за ним. — Странное имя! Вы говорите, она продавщица?

— Она продает вещи! — взорвался Келли.

Должно быть поняв, что его не слушали, Келли глубоко вздохнул. Его голубые глаза сурово смотрели на Дрэйка. Он начал было что-то говорить, остановился и, наконец, сел, улыбаясь таинственной улыбкой.

— Знаете, — сказал он через секунду, — в самом деле, я должен извиниться. Я только сейчас понял, что болтаю без перерыва с тех пор, как мы начали разговаривать.

Дрэйк улыбнулся с вежливой снисходительностью.

— Вы интересно рассказываете.

— Я хочу сказать, — настаивал Келли, — до меня только сейчас дошло, что вы сказали, будто помимо прочего продаете авторучки.

Дрэйк пожал плечами. Хотел бы он знать, видит ли собеседник его замешательство. Он смотрел, как Келли вытащил из кармана ручку и протянул ему.

— Вы замечаете в ней что-нибудь странное? — спросил Келли.

Ручка была длинная, тонкая, из темного и, похоже, дорогого материала. Дрэйк медленно отвинчивал колпачок, так как в голову ему пришла странная мысль, что сейчас он найдет один из бесценных аргументов относительно достоинств

ручек, которые он продавал, и…

— Эта ручка не моего класса, — быстро сказал он.

— Ручки моей фирмы стоят доллар в розницу.

Говоря, он почувствовал, что оставил себя совсем без защиты.

— Уж точно, она должна будет мне ответить на несколько вопросов, — торжествующе заявил Келли.

— Кто?

— Силэни! Девушка, которая только что села в поезд. Она появится через несколько минут, продавая что-нибудь новенькое. Она каждый раз продает что-нибудь новое. — Он взял ручку из пальцев Дрэйка. — Я покажу тебе, что странного в этой ручке. — Он взял стоявший на подоконнике бумажный стаканчик и с явным самодовольством сказал: — Смотри!

Держа ручку над стаканчиком, Келли нажал пальцем на ее верхнюю часть. Потекли чернила.

Минуты через три стаканчик наполнился до краев. Келли открыл окно, осторожно вылил синюю жидкость на землю между вагоном и платформой, — и Дрэйк вышел из паралича.

— Великие небеса!.. — У него перехватило дыхание.

— Что за резервуар в твоей ручке? Ведь это…

— Погоди!

Голос Келли был спокоен, но он так явственно наслаждался, что Дрэйк взял себя в руки. Но у него снова закружилась голова, когда Келли опять надавил на колпачок и из фантастической ручки снова потекли чернила.

— Ты не замечаешь ничего странного в этих чернилах? — спросил Келли.

Дрэйк потряс головой, принялся было бормотать, что ему показалось странным их количество, затем хрипло воскликнул:

— Они *красные!*

— Или может быть, — невозмутимо продолжал Келли, — ты предпочитаешь пурпурные? Или желтые? Или зеленые? Или фиолетовые?

Ручка пускала тоненькую струйку каждого цвета, который он называл. Говоря, он поворачивал верхнюю часть колпачка, на который нажимал. Закончил Келли торжествующим тоном человека, повторяющего последние слова перед дракой:

— Может, ты хочешь попробовать сам?

Дрэйк взял замечательную ручку, как знаток, ласкающий бесценную драгоценность. Будто издалека он услышал, как Келли продолжал

болтать:

— ...их делает ее отец, — говорил Келли. — Он гений. Видел бы ты предметы, которые она продавала в поезде прошлый месяц. В один прекрасный день он поймет свой талант и развернет широкое производство. Когда придет этот день, все компании, производящие ручки и множество других вещей, обанкротятся.

Эта мысль тоже пришла Дрэйку на ум. Но прежде чем он нашел, что сказать, Келли забрал ручку у него из пальцев и сказал, повернувшись к сидящему по другую сторону прохода седоволосому человеку:

— Я заметил, что вы смотрели на ручку, сэр, пока я демонстрировал ее своему приятелю. Вы хотите посмотреть ее?

— Ну, да, — сказал человек.

Он сказал это тихо, но звук так срезонировал, что у Дрэйка зазвенело в ушах. Пальцы старика схватили протянутую ручку и... она сразу же сломалась.

— Ох! — бессмысленно воскликнул Келли.

— Приношу свои извинения, — сказал приличный на вид старик, и в руке у него появился доллар. — Моя вина. Можете купить еще одну у девушки, когда она придет.

Он откинулся на спинку сидения и спрятался за газетой.

Дрэйк увидел, как Келли закусил губу. Он сидел, уставившись сначала на сломанную ручку, потом на доллар, потом на скрытое теперь лицо седовласого человека. Наконец, он вздохнул.

— Ничего не могу понять. Ручка живет у меня месяц. Она уже падала на цементный пол и дважды — на деревянный… А теперь сломалась, как гнилая деревяшка. — Он пожал плечами, но тон его выражал недовольство, когда он продолжал через секунду: — Я действительно думаю, нельзя же ожидать, чтобы отец Силэни, исполняющий первоклассную работу… — Он возбужденно прервал себя: — О, смотри, а вот и Силэни! Интересно, что она принесла сегодня? — На узком лице Келли появилась хитрая улыбка. — Вот погоди, сейчас я покажу ей сломанную ручку. Я пошутил, когда покупал ее, сказав, что в ней, должно быть, какая-то хитрость. Тогда Силэни совершила безумство, ответив, что гарантирует мне ее на всю жизнь… Ну-ка, что продает она сегодня? Смотри, какая толпа вокруг нее.

Дрэйк невольно вскочил на ноги и вытянул шею, чтобы заглянуть через головы толпы, что демонстрирует девушка в дальнем конце вагона.

— Великие небеса! — раздался густой мужской голос. — Сколько вы хотите за эту чашку? Как она работает?

— Чашки! — сказал Дрэйк и двинулся, как зачарованный, к кучке людей. Если он не ошибался, девушка протягивала окружающим чашку, полную жидкости. Люди пили, а чашка немедленно наполнялась опять.

Тот же принцип, подумал Дрэйк, что и у ручки. Ее отец, очевидно, как-то научился осаждать жидкости и…

Сознание его замутилось, затем прояснилось. Это… в этой гениальной штуке было… бесценное вещество? Ну, а если он, Дрэйк, сумеет заключить с этим человеком сделку, не для себя, для фирмы, то отлично на этом заработает. Он…

Дрэйк слегка задрожал, мысли его оборвались, когда девушка, перекрывая рокот толпы кристально — чистым голосом, заявила:

— Цена чашки один доллар. Она действует на принципе химической конденсации воздушных газов. Процесс известен только моему отцу… Но потерпите, я еще не закончила демонстрацию. — Девушка прошла вперед, голос ее был спокоен и строг в наступившей тишине: — Как видите, это складная чашка без ручки для питья. Сначала вы

раскладываете ее. Затем поворачиваете верхнюю полоску по часовой стрелке. Когда она дойдет до определенной точки, появляется вода. А теперь смотрите. Я поворачиваю полоску дальше. Жидкость стала зеленой. Это ароматный и очень приятный на вкус напиток. Я поворачиваю полоску еще дальше, и жидкость становится красной. Этот кисло-сладкий напиток хорошо освежает в жаркую погоду.

Она передала чашку по кругу, та наполнялась, переходя из рук в руки, и Дрэйк, с трудом оторвав от нее взгляд, по-настоящему оглядел девушку.

Она была высокой, около пяти футов и шести дюймов роста, с темно — каштановыми волосами. Лицо ее, несомненно, было утонченно — интеллигентным. Худое и приятное, поднятое вверх со строгой гордостью, придававшее ей пугающее выражение отчужденности, несмотря на то, как она брала протянутые ей долларовые бумажки.

— Извините, только по одной в руки, — снова послышался ее голос.

— Они появятся на общем рынке сразу же после войны. Это всего лишь сувениры.

Толпа таяла, все расходились по своим местам. Девушка шла по проходу и, наконец, остановилась перед Дрэйком. Он инстинктивно шагнул в

сторону и только потом понял, что делает.

— Подождите минутку, — проникновенно сказал он.

— Мой приятель показал мне авторучку, которую купил у вас. Я бы хотел…

— У меня еще осталось несколько, — кивнула девушка. — Не хотите ли, также, и чашку?

Дрэйк вспомнил о Келли.

— Моему приятелю тоже нужна авторучка. Его ручка сломалась и…

— Извините, но я не могу продать ему вторую… — Девушка замолчала. Глаза ее расширились, она проговорила с какой-то медлительностью: — Вы сказали… что ручка *сломалась?* — Пораженная, она пошатнулась, за — тем сказала с раздражением: — Разрешите взглянуть на нее? Где ваш приятель?

Девушка взяла оба обломка ручки из пальцев Келли и уставилась на них. Губы ее задрожали, руки затряслись, лицо посерело и вытянулось. Когда она заговорила, ее голос упал до шепота:

— Скажите мне… скажите, как это произошло? *Точно,* как?

— Ну, — Келли с удивлением откинулся назад, — я дал ее посмотреть вон тому старому джентльмену, когда…

Он замолчал, потому что его никто не слушал. Девушка повернулась на каблучках и… это было словно сигналом. Старик опустил газету и посмотрел на нее.

Девушка взглянула на него в ответ с выражением птицы, загнанной в угол змеей. Затем, второй раз за последние две минуты, она пошатнулась. Корзинка чуть не выпала у нее из рук, когда она побежала, но девушка успела подхватить ее, несясь по проходу.

Через несколько секунд Дрэйк увидел, как она бежит по платформе. Она удалялась в сторожу Пайфферовой дороги.

— Что за черт! — выругался Келли и повернулся к старику. — Что вы с ней сделали? — свирепо потребовал он. — Вы…

Внезапно он замолчал, и Дрэйк, который хотел добавить пару крепких словечек, тоже ничего не сказал.

Голос торговца под ярким солнцем и просторами Уорвик Джанкстона смолк. Через секунду Дрэйк понял, что рассказ закончен.

— Вы хотите сказать, — спросил он, — что это все? Мы остались сидеть, как пара сосунков, отвернувшись от старика? Этим и закончилось дело? Вы так и не узнали, что напугало девушку?

Он понял, что выглядит странным в глазах Келли, человеком, который ждет от слов или фраз объяснения необъяснимого.

— В нем было что-то такое… — сказал, наконец, Келли.

— Словно вся грубость директоров торговых фирм собралась в нем одном, и еще ощущение неприятности. И мы заткнулись.

Это было описание, которое Дрэйк мог оценить. Он мрачно кивнул и медленно произнес:

— Он тоже сошел с поезда?

— Нет, сошел только ты.

— Я?

Келли посмотрел на него.

— Знаешь, амнезия отвратительная, но забавная штука. Так оно и было. Ты попросил проводника сдать твои чемоданы в Ингни. Последний раз я видел тебя, когда поезд уже отъезжал. Ты шел в направлении Пайффероовой дороги, туда, куда убежала девушка, и…

Обремененный грузом и пассажирами, поезд тяжело продвигался вперед. Когда он ехал по долине, Дрэйк сидел, с интересом глядя в окно на местность, которую смутно помнил из своего детства, а Келли рядом болтал не переставая.

Наконец, Дрэйк принял решение: после по-

лудня он сойдет в Ингни, сделает обход, пока не закрылись магазины, затем доедет на чем — нибудь до Пайфферовой дороги и потратит весь долгий летний вечер на расспросы. Если он правильно помнит, расстояние между городом и крохотным поселком составляет около семи миль. В худшем случае он вернется в Ингни пешком за пару часов.

Первая часть плана оказалась даже проще, чем он предполагал. Есть автобус, сказал ему служащий отеля в Ингни, который отходит в шесть вечера.

Было двадцать минут седьмого, когда Дрэйк сошел с автобуса и, стоя в грязи, которая, собственно, и была Пайфферовой дорогой, смотрел, как автобус, подпрыгивая, удаляется. Шум мотора умолк вдали, пока Дрэйк переходил через железнодорожное полотно.

Вечер был тихий и теплый, и пальто висело у Дрэйка на руке. Потом станет прохладнее, подумал он, но сейчас он почти жалел, что взял его с собой.

На грядках перед первым домом он увидел стоящую на коленях женщину. Дрэйк поколебался, затем подошел к ограде и несколько секунд смотрел на нее. Интересно, должен ли он ее

помнить?

— Извините, мадам, — сказал он, наконец.

Женщина не подняла глаз, не встала с грядки, на которой работала. Это была костлявая женщина в измятом платье. Она наверняка видела, как он подошел, но упрямо молчала.

— Я хотел бы спросить, — настойчиво продолжал Дрэйк, — не можете ли вы мне сказать, где тут живет мужчина средних лет с дочерью? Дочь зовут Силэни, она торгует в поездах авторучками, чашками и другими вещами. Она…

Женщина встала и подошла к ограде. Вблизи она не выглядела такой уж страшной или неуклюжей. У нее были серые глаза, которые смотрели на него сначала враждебно, потом с любопытством.

— Слушайте, — внезапно сказала она, — не вы ли это были здесь две недели назад и спрашивали о них? Я сказала вам тогда, что они живут вон в той роще. — Она махнула рукой в сторону группы деревьев четвертью мили дальше по дороге. Глаза ее сощурились и стали холодными, когда женщина уставилась на него. — Я ничего не понимаю, — сердито сказала она.

Дрэйк не стал рассказывать о своей амнезии этой резкоголосой, всех подозревающей бабе и,

конечно, не упомянул о том, что когда-то жил здесь неподалеку.

— Спасибо, — поспешно сказал он. — Я…

— Не трудитесь снова идти туда, — сказала женщина. — Они уехали в тот же день, когда вы были там… Уехали в своем большом трейлере. И не вернулись.

— Уехали?! — воскликнул Дрэйк.

Он хотел продолжать расспросы, когда осознал, что женщина глядит на него с легкой, довольной усмешкой на лице. Она выглядела так, словно удачно нанесла удар неприятному типу.

— Благодарю, — отрезал Дрэйк. — Во всяком случае, я пойду туда и погляжу.

Он повернулся на каблуках, настолько рассерженный, что некоторое время даже не сознавал, что идет по кювету, а не по дороге. Ярость его сменилась досадой, а потом исчезла совсем от мысли, что *сейчас* он здесь и должен все хорошенько осмотреть.

Через некоторое время Дрэйк почувствовал удивление, что позволил какой-то женщине так быстро подействовать ему на нервы. Он покачал головой, ругая себя. Лучше быть осторожным. Это дело с поисками воспоминаний начало утомлять его. Когда Дрэйк вступил в тень рощи, откуда-то

налетел ветерок. Он мягко обдувал лицо. Вечернюю тишину нарушал только шелест листьев.

Понадобилось немного времени, чтобы понять, что смутные надежды, вытащившие его на эту прогулку, не оправдались.

Не было ничего, ни единого признака, что здесь недавно жили люди — ни консервных банок, ни мусора, ни золы. Ничего.

Несколько минут Дрэйк бродил вокруг, в высшей степени осторожно разрыл кучу сухих веток, и наконец побрел назад по дороге. На этот раз женщина сама окликнула его.

Дрэйк заколебался, затем подошел. По крайней мере, она должна знать гораздо больше, чем сказала. Дрэйк заметил, что теперь она глядит на него более дружелюбно.

— Нашли что-нибудь? — спросила она, с трудом сдерживая нетерпение.

Дрэйк мрачно усмехнулся ее любопытству, затем печально пожал плечами.

— Трейлер уехал, — сказал он, — словно испарился. Все исчезло.

— Все следы, конечно, исчезли после того, как там побывал старик, — фыркнула женщина.

Волнение пронзило Дрэйка огнем.

— Старик! — горячо воскликнул он.

Женщина кивнула, затем с горечью продолжала:

— Приличный на вид старик. Он обошел всех расспрашивая, какие вещи продала нам Силэни. Через два дня, наутро, когда мы проснулись, они исчезли все до единой.

— Украдены?

Женщина помрачнела.

— Все вещи. Цена каждой доллар — стоило ли их воровать? Знаете, у нас была сковорода, которая…

— Но чего он хотел? — в замешательстве перебил ее Дрэйк. — Разве он ничего не объяснял, когда расспрашивал? Вы бы наверняка не позволили ему просто так шататься здесь и задавать вопросы!

К его изумлению, женщина покраснела, потом разволновалась.

— Не знаю, что на меня нашло, — наконец, угрюмо призналась она. — В нем было что-то такое… У него был важный и властный вид, словно он большой начальник. А кроме того, он… — Она сердито замолчала.

— Негодяй! — продолжила она через некоторое время, сощурившись от внезапной враждебности. Затем пристально поглядела на Дрэйка. — Вы

правильно сказали насчет вопросов. А вы сами? Стоите здесь, выспрашиваете меня, когда сами… Слушайте, давайте начистоту. Вы тот человек, который был здесь две недели назад? Но тогда, что же это получается?..

Дрэйк заколебался. Перспектива рассказать ей о своем положении была не из приятных, однако…

Она должна знать больше. Она наверняка знала что-нибудь интересное о том времени, которое девушка Силэни и ее отец провели в этом местечке. Одно наверняка, усмехнулся про себя Дрэйк, если вообще было что-то интересное, женщина должна знать об этом.

Колебания кончились. Дрэйк все рассказал ей, но закончил несколько неуверенно:

— Теперь вы знаете, что я человек, который… ну… ищет свои воспоминания. Может быть, меня ударили по голове, хотя на ней нет шишки. Может, меня одурманили. *Что-то* же случилось со мной. Вы сказали, что я пошел туда. Но я вернулся? Что я там делал? Что…

Он замолчал и отшатнулся, потому что женщина внезапно закричала.

— Джимми! — закричала она так громко, что у него зазвенело в ушах. — Иди сюда!

— Да, мам! — раздался из дома мальчишеский голос.

Дрэйк тупо глядел, как из дома выбежал растрепанный двенадцатилетний мальчишка. Дрэйк слушал, еще ничего не понимая, как мать объясняет мальчику, что «этого человека ударили по голове люди в трейлере, он потерял память и теперь хочет, чтобы ты рассказал то, что видел».

Потом женщина повернулась к Дрэйку.

— Джимми, — с гордостью сказала она, — никогда не доверял этим людям. Он был уверен, что они наци или что-нибудь вроде этого, и не спускал с них глаз. Он видел, как вы пошли туда, и все вплоть до того момента, как уехал трейлер. — Женщина помолчала, потом закончила: — Он может рассказать вам во всех подробностях, что вы делали, потому что видел все через окна и, кроме того, побывал в трейлере, когда никого не было поблизости, и все рассмотрел… Только для уверенности, конечно, что они ничего не прячут.

Дрэйк кивнул, с трудом подавив усмешку. Это, вероятно, столь же хорошая причина, как и любая другая, чтобы совать нос в чужие дела. В таком случае, ему повезло.

Звонкий голос Джима, раздавшийся в надвигающихся сумерках, прервал его мысли.

После полудня было жарко, и Дрэйк, задержавшись у первого дома, чтобы расспросить женщину, где живут отец с дочерью, медленно шел к роще, на которую она указала. Сзади звонко просвистел поезд, простучали колеса. Дрэйк подавил внезапное желание броситься обратно и сесть в него. В любом случае, понял он, не успеть. А кроме того…

Человеку не так уж часто выпадает шанс на удачу. Дрэйк ускорил шаг. О небеса, подумал он о ручке и чашке…

Он не видел трейлера, пока не дошел до деревьев. Увидев его, Дрэйк резко остановился.

Трейлер был гораздо больше, чем он предполагал, длиной с небольшой фрахтовый грузовик… и странно обтекаемый.

На стук никто не отозвался.

Дрэйк напряженно размышлял. Девушка убежала этой дорогой. Она должна быть там. Он неуверенно пошел вокруг чудовища на колесах.

На высоте глаз тянулся ряд окон, опоясывающих трейлер. Дрэйк видел блестящий потолок и верхнюю часть того, что выглядело, как превосходные стенные панели. Там было три комнаты, отдельный вход вел в кабину грузовика, к которому цеплялся трейлер.

Вернувшись к первому входу, Дрэйк напряженно прислушался. Но опять ничего не было слышно — ничего, кроме легкого ветерка, пробежавшего по вершинам деревьев. Вдалеке заунывно засвистел поезд.

Дрэйк попробовал дверь. Она открылась так легко, что это положило конец его колебаниям. Он неторопливо открыл дверь и постоял на пороге, всматриваясь в среднюю комнату.

Его поразил блеск роскоши. Пол был изумительный, темно-мерцающий, как драгоценный камень. Стены удивительно подходили под тон к нему, однако, были светлее. Сразу напротив двери стояла кушетка, два стула, три шкафчика и несколько причудливо изогнутых полок, на которых стояли какие-то красивые предметы.

Первое, что увидел Дрэйк, шагнув через порог, была корзинка девушки, стоявшая у стены слева от двери.

Бросив на нее взгляд, Дрэйк резко остановился, сел на порог и спустил ноги наружу. Беспокойство его улеглось, и он стал с любопытством осматривать содержимое корзинки.

В ней было около дюжины волшебных ручек, не менее трех дюжин складных самонаполняющихся чашек, дюжина округлых черных предметов,

которые как-то не давались в руки… и три пары пенсне.

У каждой пары были тонкие, прозрачные кружочки, прикрепленные к внешней стороне линз. Пенсне просто лежали в корзинке. Они были без футляров, но, казалось, никто не боялся, что они могут разбиться. Пенсне, которое он примерил, уютно улеглось на переносицу, и в первую секунду Дрэйк подумал, что оно хорошо подходит к его глазам.

Потом он заметил разницу. Все стало ближе — комната, рука… не увеличилось, но выглядело так, словно он глядел через слабо наэлектризованную стеклянную пластину.

А через секунду Дрэйк понял назначение прозрачных кружочков. Они поворачивались — поворачивались совершенно свободно.

Внезапно все стало еще ближе. Слегка дрожа, Дрэйк поворачивал по очереди кружочки.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы проверить их замечательное действие. У него было пенсне с линзами, которые можно регулировать, замечательная комбинация телескопа и микроскопа — суперочки.

Дрэйк озадаченно положил изумительную вещь обратно в корзинку и, внезапно решив-

шись, встал, вошел внутрь и пошел к двери в заднюю комнату.

Он хотел только заглянуть в нее, но сразу же увидел стену, усеянную полками, на которых были аккуратно расставлены небольшие разнообразные предметы.

Охваченный любопытством, Дрэйк взял что-то похожее на фотокамеру. Это была превосходная вещь. Он заглядывал в объектив, когда его пальцы на что-то нажали. Раздался щелчок, и тотчас из щели в задней стенке вылезла глянцевая карточка.

Это была фотография верхней части человеческого лица. Она была изумительно четкой и имела удивительно естественный цвет. Напряженное выражение карих глаз сделали на мгновение черты лица странными, незнакомыми. Потом Дрэйк понял, что видит себя. Это была его фотография.

Это уж слишком! Похолодев, Дрэйк сунул фотографию в карман, положил аппарат на место и, дрожа, вышел из трейлера и пошел по дороге к поселку.

— …а потом, — рассказывал Джимми, — вы через минуту вернулись, вошли в трейлер, закрыли дверь и прошли в заднюю комнату. Вы шли так

быстро, что чуть не заметили меня. Я думал, что вы уйдете. А потом…

Дверь трейлера открылась. Девичий голос произнес что-то настойчивое, чего Дрэйк не разобрал. В следующее мгновение девушке ответил мужской голос. Дверь закрылась, из средней комнаты доносились какие-то звуки.

Пригнувшись, Дрэйк прокрался вдоль левой стены…

— …вот и все, мистер, — закончил Джимми. — Я подумал, что сейчас там поднимется суматоха, и вернулся домой рассказать все маме.

— Ты хочешь сказать, — возразил Дрэйк, — что я был настолько глуп, чтобы вернуться и попасться?

Мальчик пожал плечами.

— Вы прижались к простенку — это последнее, что я видел.

— А ты не видел их в комнате, пока наблюдал?

Джимми заколебался.

— Ну, — сказал он наконец серьезным, защищающимся тоном, — потом произошло что-то странное. Видите ли, отойдя шагов на сто, я обернулся — не было ни трейлера, ни грузовика.

— Не было? — медленно повторил Дрэйк. У него появилось чувство нереальности происходяще-

го. — Ты хочешь сказать, они завели грузовик, выехали на Пайфферову дорогу, а оттуда попали на тракт?

Мальчик упрямо помотал головой.

— Меня уже пытались поймать на этом. Но я всегда уверен в том, что вижу и слышу. Не было ни малейшего шума мотора. Они просто исчезли, вот и все.

Дрэйк почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И я вместе с ними? — спросил он.

— И вы вместе с ними, — сказал Джимми.

Последовавшее молчание было нарушено женщиной, которая громко сказала:

— Хорошо, Джимми, можешь идти играть. — Она повернулась к Дрэйку.

— Знаете, что я думаю? — сказала она.

Дрэйк с трудом пришел в себя. Это было не то, что он ожидал. У него не было ни малейших проблесков воспоминаний…

— Что? — спросил он.

— Они занимаются рэкетом, вся эта семейка. Эта история с ее отцом… Я не могу понять, как мы опустились до такого. Он проводил все свое время, бродя по округе и скупая металлолом. По правде говоря, — очень неохотно призналась

она, — они делали удивительные вещи. Правительство не обманывает, когда говорит, что после войны у нас будет царская жизнь. Но есть одно затруднение. У этих людей было всего несколько сотен вещичек. Знаете, что они делали? Продавали все поблизости, затем крали и перепродавали в другом месте.

Несмотря на захватившие его мысли, Дрэйк уставился на нее. Он и раньше встречался с запутанной логикой смутно мыслящих людей, и его всегда шокировало, когда бесстыдно игнорировали факты, чтобы треснувшая по всем швам, как рассохшийся бочонок, теория могла удержать воду.

— Не понимаю, — сказал он, — какая им от этого выгода. Вы же платили за каждую вещь, которая была впоследствии украдена, всего по доллару?

— О, — сказала женщина. Лицо ее вытянулось, а когда она поняла, что ее любимая теория терпит полное крушение, румянец гнева залил ее обветренные, загорелые щеки. — Может быть, расчет на рекламу! — отрезала она.

Дрэйк понял, что пришло время заканчивать беседу.

— Никто из ваших знакомых не собирается се-

годня в Ингни? — поспешно спросил он. — Было бы неплохо, если бы меня подвезли.

Перемена темы помогла. Румянец исчез со щек женщины.

— Нет, никто, насколько я знаю, — задумчиво сказала она. — Но не беспокойтесь. Выйдите на шоссе, и там вас всегда подвезут.

Уже вторая попавшаяся машина подобрала его. К наступлению темноты Дрэйк сидел в холле отеля, размышляя:

«Девушка и ее отец с грузовиком изумительнейших вещей в мире. Она продавала их, насколько известно, по одной в руки. Отец скупал металлолом. А потом, как еще один безумный факт, по следам проданных вещей шел старик и крал их... — Дрэйк подумал о ручке Келли. — Или ломал...»

— О, посмотрите, что вы наделали! — вскрикнул позади Дрэйка какой-то мужчина. — Вы поломали ее!

— Приношу вам свои извинения, — ответил ему негромкий, уверенный, звучный голос. — Вы заплатили за нее доллар, не так ли? Естественно, я возмещу вам убыток. Вот... и примите мои извинения.

В наступившей тишине Дрэйк встал и обер-

нулся. Он увидел высокого, приличного на вид человека с седыми волосами, который вставал с кресла возле молодого парня, уставившегося на две половинки сломанной ручки, которые держал в руках.

Старик направился к вращающимся уличным дверям, но Дрэйк успел туда первым и сказал спокойно, но твердо:

— Одну минуту, пожалуйста. Я хочу, чтобы вы мне объяснили, что произошло со мной после того, как я побывал в трейлере Силэни и ее отца. Я думаю, вы тот человек, который может дать объяснение. Я…

Он замолчал. Он увидел глаза старика, казавшиеся омутами серого пламени, глаза, которые буквально впились ему в лицо и проникли в мозг. Дрэйк успел еще коротко, смутно вспомнить, что рассказывал Келли о способности этого человека смутить их в поезде… а затем стало слишком поздно, чтобы думать дальше.

С совершенно не стариковской, тигриной быстротой тот шагнул вперед и схватил Дрэйка за руку. В его прикосновении чувствовался металл, словно руку охватил обруч.

— Идем… в мою машину, — тихим, непреклонным голосом сказал старик.

Дрэйк еще помнил, как они садились в длинный, с блестящим капотом автомобиль. Затем наступила темнота…

Дрэйк лежал на спине на твердом полу. Он открыл глаза и через секунду увидел купол потолка футах в двухстах над ним. Потолок был шириной, по меньшей мере, триста футов и почти по всему его диаметру тянулось окно, через которое струилась грязно — белая дымка или свет, словно невидимое солнце с трудом пронизывало тонкий, но плотный слой тумана.

Широкая полоса окна уходила по середине потолка вдаль. Она…

Вдаль!

Задохнувшись, Дрэйк рывком сел. В ту же секунду его пронзила мысль, что здесь что-то не так.

Коридору, в котором он находился, не было конца.

Он тянулся в обе стороны, пока не превращался в пятна серого света и мрамора. Невдалеке был балкон и галерея, а над ней еще одна. Каждый этаж имел свой коридор, отделенный от галереи перилами. И были бесчисленные сияющие двери, а через равные промежутки в стороны уходили коридоры поуже, скрываясь в глубине явно чудовищного здания.

Когда прошло первое потрясение, Дрэйк медленно поднялся на ноги. Воспоминание о старике — и о том, что было до него — терзало его. Он мрачно подумал: старик затащил меня в машину и привез сюда. Вот только…

Только на всей Земле не существовало такого здания.

По спине Дрэйка пробежал холодок. Ему стоило немалых усилий подойти к ближайшей из длинного ряда высоких, изогнутых дверей и толкнуть ее.

Вряд ли он мог бы сказать, чего ожидал, но первой реакцией было… разочарование.

Там был кабинет, большое помещение с голыми стенами. У одной стены стояли изящные шкафы. Угол напротив двери занимал большой стол. Несколько стульев, два удобных диванчика и вторая, более украшенная дверь дополняли картину.

В помещении никого не было. Стол был новенький, с иголочки, и выглядел безжизненным.

Вторая дверь была заперта или открывалась с помощью какого-нибудь фокуса.

Вернувшись в коридор, Дрэйк, наконец, понял, что в здании стоит напряженная тишина. Единственным звуком был стук его шагов — и откры-

валась дверь за дверью в такие же, обставленные как кабинеты, но безлюдные помещения.

По часам Дрэйка прошел час. Потом еще полчаса. А потом… вдалеке он увидел дверь.

Сначала это было просто пятно света. Затем показались сверкающие контуры превратившиеся в огромное стекло, вставленное в каркас.

Дверь была около пятидесяти футов в высоту. Когда Дрэйк посмотрел сквозь прозрачное стекло, то увидел огромные белые ступени, уходящие в дымку, начинающуюся через двадцать футов, так что ниже ступени исчезали.

Дрэйк встревоженно всматривался. Там было что-то не так. Дымка, скрывающая все, висела неподвижно, мрачно зацепившись…

Дрэйк встряхнулся. Вероятно, внизу, у подножия лестницы была вода, теплая вода, соприкасающаяся с постоянным потоком теплого воздуха, и образовывался густой туман.

На секунду Дрэйк представил себе эту картину — здание в десятки миль длиной, стоящее на берегу озера и вечно скрытое серым туманом.

Бежать отсюда! — резко подумал он. — Бежать!

Дверная щеколда находилась на обычной высоте. Но казалось немыслимым справиться с гигантской конструкцией таким относительно

маленьким рычагом. Она…

Она открылась легко, бесшумно, как хорошо сбалансированный механизм. Дрэйк вошел в густой туман и начал сначала быстро, потом все с большей осторожностью спускаться по лестнице. Ему вовсе не улыбалась перспектива окунуться в глубокую воду.

Сотая ступень оказалась последней, и не было никакой воды. Не было вообще ничего, кроме тумана. Ни основания лестницы, ни земли — ничего!

Опустившись на четвереньки, испытывая внезапное головокружение, Дрэйк пополз вверх по лестнице. Он так ослаб, что передвигался буквально по дюйму. Когда он обнаружил, что основанием лестницы было ничто, воз — никло кошмарное ощущение, что ступени вот-вот провалятся под ним.

Второй, более сильный страх придет, если окажется, что дверь нельзя открыть снаружи, и Дрэйк останется отрезанным здесь, на краю бездонной пропасти.

Но дверь открылась. Она легко подалась под весом его обессилевшего тела. Дрэйк лежал на полу в коридоре, и через некоторое время его охватило страшное удивление: что общего со

всем этим имела девушка Силэни, продававшая в поездах удивительные вещи?

На это, казалось, не было ответа.

Постепенно страх уступил место чувству безопасности, росшему с каждой минутой. Дрэйк поднялся, стыдясь этого страха, и мысли его получили другое направление.

Это фантастическое место нужно исследовать снизу доверху. Где-то должен быть склад чашек, которые сами создают воду. А возможно, и пищу. Скоро он захочет есть и пить. Сначала нужно зайти в один из кабинетов, осмотреть все шкафы, взломать ящики стола, искать…

Взламывать ничего не потребовалось. Ящики открывались от малейшего рывка. Дверцы шкафов были незамкнуты.

Там лежали журналы, гроссбухи, странного вида регистраторы. Охваченный любопытством, Дрэйк бегло просмотрел расплывающиеся в глазах страницы нескольких журналов, которые разложил на столе, расплывающиеся потому, что руки его тряслись и он не мог сосредоточиться.

Наконец, собрав всю свою волю, Дрэйк отложил в сторону все, кроме одного журнала. Он раскрыл его наугад и прочитал то, что было там напечатано:

ЭКЗЕМПЛЯР ОТЧЕТА ВЛАДЕЛЬЦА КИНГСТОНА КРЕЙДЕНА ПО ДЕЛУ ИМПЕРИИ ЛИЦЕУСА II Н. Э. 27 364-27 378.

Нахмурившись, Дрэйк уставился на дату, затем стал читать дальше:

«Обычная история периода есть рассказ о хитроумной узурпации власти безжалостным правителем. Вдумчивый человек обнаружит неестественное желание защищать себя за счет других.

ВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ: предупредить близкого к краху императора, когда он поймет, что стоит лицом к лицу с Владельцем. Инстинкт самосохранения заставит его дать нужные гарантии на период будущего правления.

КОММЕНТАРИИ: это решение создаст вероятностный мир Типа 5 и должно считаться временным из-за очень сложной, непрерывной работы, которую профессор Терран Линк проводит на протяжении всего двести семьдесят третьего столетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: вернуть во Дворец Бессмертия после трехдневного отсутствия».

Дрэйк сидел, сначала напряженный, потом откинулся на спинку кресла, но в его голове осталось впечатление какой-то бессмыслицы. Очень

просто, думать было не над чем.

Наконец, он перевернул страницу и стал читать дальше:

ЭКЗЕМПЛЯР ОТЧЕТА ВЛАДЕЛЬЦА КИНГСТОНА КРЕЙДЕНА.

«Дело Лейрина Грайнона, инспектора полиции 900-го сектора города Нью-Йорк, который 7 июля 2830 г. н. э. был ошибочно обвинен в принятии взяток и деелеризирован.

РЕШЕНИЕ: Добился отставки инспектора Грайнона за два месяца до даты обвинения. Он вернулся на свою ферму и с тех пор оказывал самое минимальное влияние на все окружающее. Он прожил в этом вероятностном мире до самой смерти в 2874 г. н. э., и это обеспечило почти полные 290А.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: вернуть во Дворец Бессмертия через один час».

Там было множество записей, сотни, тысячи в каждом журнале. Каждая запись была озаглавлена «Отчет Владельца Кингстона Крейдена», и его всегда возвращали во «Дворец Бессмертия» через несколько дней, часов или недель. Один раз через три месяца, и это было запутанное, безумное дело, касавшееся «учреждения демаркационного времени между девяносто восьмым

и девяносто девятым столетиями» и включавшее «воскресших в активе по линии вероятностного мира троих убитых людей, поименованных…»

Острое чувство жажды и голода заставило Дрэйка осознать, что он сидит в этом необъятном, ужасном здании, читая фантастическую писанину человека, который *должен* быть сумасшедшим. И тут Дрэйк заметил, что в помещении начало темнеть. Свет, должно быть, шел откуда — то снаружи и…

Выйдя в огромный пустой коридор, Дрэйк понял, в чем дело. Дымка, струившаяся через окно на потолке, серела, темнела. Наступала ночь.

Дрэйк попытался не думать об этом… Остаться одному в похожем на склеп здании, смотреть, как мрак крадется по серому мрамору… Интересно, что за существа могут появиться из тьмы, которая вскоре станет непроницаемой, и…

— Перестань, дурак! — сказал себе Дрэйк вслух.

В тишине его голос прозвучал глухо и эхом отдался в дрожащем сознании.

Здесь должно быть место, где живет этот… Владелец. На этом этаже только кабинеты, но на других… лестница… надо найти лестницу. В главном коридоре он ее не видел, так что…

Все оказалось очень просто. Пройдя пятьдесят футов по первому боковому коридору, Дрэйк увидел широкую лестницу. Он поднялся по ней и попробовал первую встреченную дверь.

Дверь открылась в анфиладу великолепных жилых апартаментов. Там было семь комнат, включая сверкающую в сумерках кухню, стенные шкафы которой были битком набиты прозрачными банками. В банках была еда, одновременно знакомая и странная.

Дрэйк уже не испытывал никаких эмоций, даже дрожь удивления не коснулась его, когда он крошечным рычажком вскрыл банку с грушами и вывалил их прямо на стол… Однако бутылки никак не хотели открываться.

Позднее, поев, он поискал выключатель освещения, но было уже слишком темно, чтобы что-либо найти.

В спальне стояла кровать с балдахином, смутно маячившая в темноте, а в комоде Дрэйк нашел пижаму. Лежа под прохладной простыней и уже засыпая, Дрэйк подумал: эта девушка, Силэни, испугалась старика… Почему она испугалась? И что могло произойти в трейлере, что выбросило его, Ральфа Карсона Дрэйка… сюда?

С этой тревожной мыслью Дрэйк заснул.

Сначала где-то далеко возник свет. Он приближался, становился все ярче и, наконец, разбудил его. Как только Дрэйк открыл глаза, на него нахлынули воспоминания.

Лежа на левом боку, он таращил глаза — это был резкий дневной свет. Краем глаза он видел над собой серебристо — голубой балдахин, а над ним высокий потолок.

Постепенно Дрэйк понял, что в полумраке вчерашнего вечера он не заметил, какой большой, просторной и роскошной была его новая квартира.

Здесь были толстые, лоснящиеся ковры и обшитые панелями стены, и розовая мебель, сверкающая дорогой красотой. Над кроватью был установлен балдахин на четырех столбиках и…

В мыслях Дрэйка возникла ужасная пустота, потому что, повернув голову направо, он впервые увидел другую половину кровати.

Там лежала и крепко спала молодая женщина.

У нее были темно — каштановые волосы, гладкая белоснежная шея, и даже во сне ее лицо выглядело утонченно-интеллигентным. На вид ей было лет тридцать.

Дрэйк не стал рассматривать ее дальше. Как тать в ночи, он выскользнул из-под одеяла. Кос-

нувшись пола, он замер, от отчаянного ужаса затаив дыхание, потому что…

Ровное дыхание, доносившееся с кровати, смолкло. Женщина вздохнула, а потом… это конец!

— Мой дорогой, — лениво раздалось звучное контральто, — что ты там делаешь в такую рань?

На кровати послышалась возня, и Дрэйк низко пригнулся в ужасном предчувствии визга, который раздастся, когда она обнаружит, что это не «ее дорогой».

Но ничего не случилось. На краю постели появилась прекрасная головка, серые глаза спокойно смотрели на него. Молодая женщина, казалось, забыла о своем первом вопросе.

— Дорогой, тебе по расписанию идти на Землю сегодня? — спросила она.

Это было сказано именно Дрэйку. Сам вопрос был настолько поразителен, что его личное отношение ко всему этому казалось второстепенным. Кроме того, пришло смутное понимание.

Это был один из тех вероятностных миров, о которых он читал в журналах Владельцев Кингстона Крейдена. Здесь, просто и ужасно, было нечто, что *могло* произойти с Ральфом Дрэйком.

А где-то за кулисами кто-то создавал все это.

И все потому, что он начал поиски своих воспоминаний.

Дрэйк выпрямился. Он был в поту, сердце стучало, как отбойный молоток, колени дрожали, в голове не было ни единой спокойной мысли. Но он выпрямился и сказал:

— Да, я иду на Землю.

Это дает цель, напряженно подумал Дрэйк, причину по возможности скорее уйти отсюда и…

Он направился к стулу, на котором была его одежда, когда смысл собственных слов дал второе, более сильное потрясение его расстроенным нервам.

ИДУ НА ЗЕМЛЮ! Дрэйк почувствовал, как сознание оседает под тяжестью факта, который превосходил всю действительность его существования. Идти на Землю — откуда?

Ответ был безумным, вспыхнувшим в его усталом сознании: из Дворца Бессмертия, конечно, дворца в тумане, где живут Владельцы.

Кое-как Дрэйк добрался до ванной. Еще вечером он обнаружил там на изящной полке прозрачную баночку с мазью, на которой было написано:

«УСТРАНИТЕЛЬ БОРОДЫ — ВТЕРЕТЬ, ЗАТЕМ СМЫТЬ».

Это заняло полминуты — остальное еще минут пять.

Дрэйк вышел из ванной полностью одетый. Его сознание окаменело и, как погружающийся в воду камень, он устремился мимо кровати к двери.

— Дорогой!

— Да? — Напряженный, похолодевший, Дрэйк обернулся. Он с облегчением увидел, что женщина не глядит на него. В ее руке была маленькая авторучка и, нахмурившись, она что-то черкала в большом гроссбухе.

— Наше временное отношение друг к другу ухудшается, — не поднимая глаз, сказала она. — Ты должен больше оставаться во Дворце, омолаживаясь, в то время как я пойду на Землю и добавлю себе несколько лет. Ты устроишь это, дорогой?

— Да, — сказал Дрэйк. — Да!

Больше ничего не было сказано. Дрэйк прошел в маленький холл, затем в гостиную, а затем, выйдя, наконец, в коридор, прислонился к холодной мраморной стене, безнадежно размышляя.

Омолодиться! Так вот что делает это невероятное здание! С каждым проведенным здесь днем становятся на день моложе, и необходимо… ходить… на Землю, чтобы сохранять равновесие.

Потрясение все усиливалось. Больше не было сомнений: то, что произошло с ним в трейлере, было настолько важно, что гигантская сверхчеловеческая организация всеми силами старалась не дать ему узнать правду.

Вне всяких сомнений, сегодня он действительно должен узнать, что все это значит, обследовать все этажи, попытаться найти главный офис и…

Дрэйк медленно расслаблялся, выходя из внутренней напряженной концентрации мыслей, когда впервые за все время услышал шум. Голоса, шаги, люди — внизу.

Когда Дрэйк метнулся к балюстраде балкона, его охватило странное чувство, что он узнает ее.

Остановившимися глазами он уставился на большой главный коридор здания, по безмолвным, безлюдным пределам которого он скитался вчера столько часов.

Безмолвия и безлюдия больше не было. По коридору тек непрерывный поток мужчин и женщин. Он был похож на городскую улицу с движением в обоих направлениях. Все спешат, все заняты своими делами, все…

— Привет, Дрэйк, — раздался за его спиной молодой мужской голос.

Странно, но у Дрэйка уже не оставалось ника-

ких эмоций.

Он повернулся медленно, как утомленный человек. Незнакомец, который поздоровался с ним, был высок и хорошо сложен. У него были темные волосы и полное, сильное лицо. Одет он был в отлично сшитый однобортный пиджак, привлекательно суженный в талии, и брюки, расклешенные, как бриджи. Он улыбался насмешливо и дружелюбно и, наконец, холодно произнес:

— Так ты хочешь узнать, что все это значит? Не торопись, узнаешь. Но сначала примерь перчатку и пойдем со мной. Кстати, меня зовут Прайс.

Дрэйк уставился на протянутую ему перчатку.

— Что… — начал он и замолчал.

Он вдруг осознал, что торопится слишком быстро все понять. Этот человек ждал его у двери и…

Самым важным было то, что *они*, наконец, пошли в открытую, Но… эта перчатка!

Дрэйк взял ее, нахмурившись. Она была на правую руку и пришлась ему впору, легкая, гибкая, но казавшаяся неестественно толстой. Ее наружная поверхность имела слабый металлический блеск.

— Ты возьмешь перчаткой его за правое плечо, — сказал Прайс, — кончиками пальцев

надавишь ключицу вниз… Позже я тебе все объясню. Есть какие-нибудь вопросы?

— Какие-нибудь вопросы?! — Голос Дрэйка сорвался от крика, он с трудом прокашлялся. Прежде, чем он обрел возможность говорить, Прайс сказал:

— Я расскажу тебе, пока мы идем. Осторожно, здесь лестница.

Дрэйк, наконец, пришел в себя.

— Что означает вся эта чушь с каким-то плечом? — грубо спросил он. — Зачем…

Он беспомощно замолчал. Что-то в происходящем было не так. Он был как слепой, получающий обрывки впечатлений о мире, которого не мог увидеть. Не было ни начала, ни связи, ничего, кроме расплывчатых полу — фактов.

Он должен вернуться к началу. Он, Дрэйк, человек, искавший свои воспоминания. Что-то произошло с ним в трейлере, а все остальное вытекает из этого, как день из ночи. Не упускать это из виду и…

— Будь ты проклят, — сказал Дрэйк в полном замешательстве. — Будь ты проклят, Прайс, я хочу знать, что все это значит.

— Не волнуйся. — Они спустились по лестнице и пошли по боковому коридору в направлении

главного. Прайс повернулся к нему и продолжал: — Я прекрасно понимаю, что ты сейчас чувствуешь, Дрэйк, но и ты должен понять, что нельзя перегружать твой мозг чрезмерным обилием информации. Вчера ты нашел дворец пустым. Ну, это не совсем точно было вчера… — Прайс пожал плечами. — Ты поймешь, как это на самом деле. Это было сегодня в мире, параллельном здешнему. Это здание будет стоять вечно, если ты сделаешь то, чего мы хотим. А теперь, ради небес, не проси меня объяснять теорию временной вероятности.

— Слушайте, — в отчаянии сказал Дрэйк, — давайте оставим все это и сосредоточимся на одном факте. Вы хотите, чтобы я что-то сделал этой перчаткой. Что? Где? Когда? Зачем? Уверяю вас, я вполне благоразумен. Я…

Его голос сорвался. С самого начала у него росла уверенность, что они с Прайсом направляются к главному коридору, ведущему прямо к большой двери, которая выходит на лестницу и туманное ничто под ней. Ощущение какого-то холода заставило задрожать все его тело.

— Куда вы идете? — резко спросил Дрэйк.

— Я отправляю вас на Землю.

— Через эту дверь?

Внезапно Дрэйк замолчал. Он не был уверен, что именно почувствовал, но голос его прозвучал неестественно резко и напряженно. Он увидел, что Прайс остановился, и твердо взглянул на него.

— На самом деле, во всем этом нет ничего страшного, — нетерпеливо сказал Прайс. — Дворец Бессмертия создан в водовороте времени, известном как Реверс, Течение в Потоке Времени Земли. Оно делает возможной работу Владельцев, хорошую работу, как ты узнал из прочитанного в кабинете Владельца Кингстона Крейдена…

Он продолжал говорить, объясняя, убеждая, но Дрэйку было трудно сосредоточиться на его словах. Беспокойство его росло. Продолжать путь куда-то с кем-то… Никогда!

Слово «Владелец» вывело Дрэйка из задумчивости. За последние сутки он так часто читал или слышал это слово, что даже забыл, что не знает его значения.

Он услышал голос, задающий вопрос, собственный голос, резкий и требовательный:

— Но кто эти Владельцы? Чем они владеют?

Прайс поглядел на него, темные глаза стали задумчивыми.

— Они владеют, — сказал он, наконец, — уни-

кальной способностью всегда различать мужчин и женщин своего круга. Они могут по желанию проходить сквозь время. Здесь, — продолжал Прайс, — около трех тысяч Владельцев. Все они рождены в период пяти сотен лет, начиная с двадцатого века. Самое странное, что все они родом из единственного маленького округа Соединенных Штатов, около городов Кисслинг, Ингни и в особенности из маленькой фермерской общины под названием Пайфферова дорога.

— Но это, — у Дрэйка внезапно пересохли губы, — это моя родина. — Глаза его расширились. — И это там был трейлер…

Прайс, казалось, не слышал его.

— Физически, — продолжал он, — Владельцы также уникальны. Все органы их тела зеркально противоположны органам нормальных людей. Так, сердце у них расположено с правой стороны и…

— Но у меня тоже, — выдохнул Дрэйк. Сознание его запрыгало, забилось в костяных стенках черепа, стремясь вырваться наружу. — Поэтому армейская комиссия отвергла меня. Они сказали, что не могут рисковать тем, что в случае моего ранения хирург не будет знать о моей аномалии. Они…

За спиной Дрэйка прозвучали быстрые шаги. Он машинально обернулся и помутневшими глазами уставился на женщину в великолепном пушистом платье, идущую к ним.

Заметив его, женщина улыбнулась улыбкой, которую Дрэйк уже видел в спальне. Подойдя, она сказала своим низким голосом:

— Бедный парень. У него определенно нездоровый вид. Ну да, из-за меня он испытал легкое потрясение. Я дала ему как можно больше информации, не показывая, что знаю все.

— О, все в порядке, — небрежно сказал Прайс и повернулся к Дрейку. На его лице была легкая улыбка, словно он полностью оценил ситуацию. — Дрэйк, хочу представить тебе твою жену, по девичьей фамилии Силэни Джонс, которая сейчас расскажет, что произошло с тобой, когда ты забрался в трейлер ее отца у Пайффероовой дороги. Давай, Силэни.

Дрэйк застыл. Он был бесчувственен, как кусок дерева, лишен всяких эмоций и мыслей. Потом он постепенно начал прислушиваться к ее голосу, рассказывающему историю о трейлере.

Стоя в задней комнате Трейлера, Дрэйк думал, что может произойти, если он будет захвачен на месте преступления, прежде чем успеет уйти. Он

услышал, как мужской голос в средней комнате произнес:

— Мы отправляемся в четырнадцатый век. Они не осмелятся поднимать большой шум в этом столетии, — голос мрачно хихикнул. — Ты заметила, что тот, кого они послали, был старик. Кто-то вышел и провел лет тридцать — сорок, старея, потому что старик оказывает гораздо меньше влияния на окружающее, чем молодой. Но нам лучше не тратить зря время. Дай мне точки трансформера, а сама иди в кабину и включи атомный трансформер.

Наступил момент, которого ждал Дрэйк. Он бесшумно вышел, сжав затянутую перчаткой правую руку. Он увидел, что мужчина стоит лицом к двери, ведущей в переднюю комнату и из нее в кабину машины.

Со спины мужчина выглядел коренастым, лет примерно сорока пяти. В руках он держал два прозрачных, слабо светящихся конуса.

— Все в норме, — грубовато крикнул он, когда Дрэйк остановился у него за спиной. — Мы двигаемся… А на будущее, Силэни, не будь такой трусихой. Особенно из-за Владельцев, черт их побери. Я уверен, что именно наша продажа этой ерунды и устранение такого количества металла

со смещенным электронным балансом и сделало возможным их существование.

— Голос его задрожал. — Когда я думаю о кощунственном всемогуществе этого, то чувствую себя богом…

Голос его оборвался в испуганном всхлипе, когда Дрэйк схватил его за плечо и с силой надавил вниз на ключицу…

— Эй… минутку! — голос Дрэйка прервал рассказ женщины. — Вы сказали, будто у меня уже была такая перчатка, — он поднял правую руку со слабо мерцающей перчаткой, которую дал ему Прайс. — И еще вы сказали, будто я знал все о Владельцах о Дворце Бессмертия. Но вам же точно известно, что в то время я еще ничего не знал. Я только сошел с поезда, где торговец по имени Билл Келли привлек мое внимание к авторучке…

Он замолчал, заметив, что женщина серьезно смотрит на него.

— Я уверена, — сказала она, — через несколько минут вы все поймете. Все, что мы делали, было для того, чтобы подготовиться к этому моменту. Этому вероятностному миру остается существовать всего несколько часов — *этому* миру, где находимся вы, я и мистер Прайс, где возник

странный баланс вовлеченных сил и, как может показаться парадоксально, все мы работаем против времени.

Дрэйк уставился на женщину, испуганный ее тоном.

— Пожалуйста, позволь мне продолжать, — настойчиво сказала она.

* * *

Коренастый мужчина застыл, словно человек, оглушенный ужасным ударом. А затем, когда Дрэйк выпустил его плечо, он медленно повернулся и его страдальческий взгляд устремился не на лицо Дрэйка, а на перчатку на его правой руке.

— Перчатка Разрушителя, — прошептал он и затем дико воскликнул: — Но как? Отражатели, изобретенные лично мной, не позволят приблизиться ко мне квалифицированному Владельцу! — Он впервые взглянул Дрэйку в лицо. — Как вы сделали это? Я…

— Отец! — раздался из кабины голос девушки, чистый и испуганный.

— Отец, мы остановились в 1650 году нашей эры. Что случилось? Я думала…

Она замерла в дверях, как испуганная птица, высокая, стройная девушка лет девятнадцати — и

внезапно постарела и посерела, увидев Дрэйка.

— Вы… были… в… поезде! — сказала она. Ее взгляд переметнулся к отцу, она с трудом выдавила из себя: — Папа, он не…

Коренастый беспомощно кивнул.

— Он разрушил мою способность проходить сквозь время. Где бы мы ни были в пространстве и времени, мы останемся *здесь*. Но не в этом дело. Дело в том… Все рухнуло! Владельцы живут, исполняя свою работу.

Девушка ничего не сказала. Они оба, казалось, совершенно забыли о Дрэйке. Мужчина схватил ее за руку и хрипло произнес:

— Ты еще не понимаешь… Мы потерпели неудачу.

Она продолжала молчать. Лицо ее было бледным, когда она, наконец, ответила:

— Отец, то, что я сейчас скажу, жестоко, но… я рада. Они правы, а ты — нет. Они пытаются хоть что-то сделать с ужасными ошибками Человека и Природы. Они приносят огромную пользу своим изумительным даром и используют его, как бескорыстные боги. Тебе было нетрудно убедить меня, когда я была ребенком, но с годами у меня появились сомнения. Я оставалась с тобой из-за верности. Мне очень жаль, отец.

Она отвернулась. В глазах у нее стояли слезы, когда она откинула наружную дверь и спрыгнула на зеленую траву.

Дрэйк секунду стоял, зачарованный сменой эмоций на лице мужчины. Сначала оно задрожало от жалости к себе, затем на смену жалости появилось упрямство. Избалованный ребенок не мог бы выразить более естественную картину крушения своего эгоизма.

Дрэйк долго глядел на него, затем тоже пошел к двери. Там была девушка, с которой можно подружиться, и мир юной Америки, который можно исследовать и которому можно удивляться.

Они составили друг другу компанию, перед упорным молчанием которой отступил пожилой мужчина. Они часто гуляли по зеленой, необитаемой долине, Дрэйк и девушка.

Однажды, далеко от трейлера, они встретились лицом к лицу с группой индейцев. Для Дрэйка так и осталось вопросом, кто был больше напуган. Оказывается, у Силэни с самого начала был атомный пистолет.

Она выстрелила в валун. Тот исчез в ярчайшей вспышке, и никто из индейцев больше не ходил этой дорогой.

До известной степени, это была идиллическая

жизнь, и любовь пришла легко, как ветерок, печально летящий над безлюдной страной. Пришла легко, потому что Дрэйк *знал* — и боролся с ее первоначальным равнодушием.

После этого они стали более настойчиво убеждать упрямого мужчину обучать одного, другого или обоих, как пользоваться их врожденной способностью путешествовать во времени. Дрэйк понимал, что мужчина мог окончательно сдаться из-за полного одиночества, но это случилось лишь год спустя.

Дрэйк с трудом ощутил себя снова во дворце и понял, что голос женщины смолк. Он посмотрел на нее, потом на Прайса и, наконец, сказал в замешательстве:

— И это все? Ваш… отец… — Он поглядел на женщину, не зная, как с ней обращаться. Было чрезвычайно трудно связать эту зрелую женщину с…

— Вы сказали, что ваш отец был против работы, выполняемой Владельцами, — поспешно продолжал он, — и… Но каким образом он хотел устранить их? Я это не понял.

Ему ответил Прайс.

— Планом Джонса было отклонить локальную линию, которая создала Владельцев. Мы знаем,

что в этом сыграла определенную жизненную роль пища, но только комбинация пищи и других привычек были коренной причиной, которую мы так и не изучили. Мистер Джонс думал, дав людям возможность пить из его чашек и использовать другие кухонные приспособления, что это нарушит общую модель существования. Сбор им металлолома был также частью плана. Металл имеет очень сильное влияние на великий Поток Времени. Его внезапное перемещение из одного времени в другое может опрокинуть все вероятностные миры. Что же касается нас, то мы не могли вмешиваться за исключением наблюдений. Мир до двадцать пятого столетия — эпоха, где не действует никакое вмешательство Владельцев. Она должна решать свои проблемы сама. Даже вы, один из первых, владеющих даром путешествия во времени, хотя сами никогда бы не узнали об этом, согласились изменить свою судьбу — это почти естественно…

— Слушайте, — сказал Дрэйк, — либо я сошел с ума, либо вы. Я охотно принимаю все — существование Дворца Бессмертия, факт, что она моя жена в недалеком будущем и что я влюблюсь в нее *прежде,* чем женюсь на ней, но *после* того, как она выйдет за меня. Говорю вам, я принимаю

все это, но… Чуть раньше вы дали мне перчатку и сказали, что я должен кое-что сделать, а через несколько минут моя… жена… рассказала, что этому миру грозит серьезная опасность исчезновения. Есть еще что-то, чего вы не сказали мне?

Прайс прервал его.

— Ваша роль во всем этом на самом деле очень проста. Как разъездной торговец «Быстрые сделки, Компани», вы последовали за Силэни, которой было тогда девятнадцать лет, к трейлеру у Пайфферовой дороги, принадлежащему ее отцу. Когда вы добрались туда, то не нашли ни ее и никого вообще, и пошли назад в деревню, чтобы расспросить о них. Однако, по пути вы были подобраны Владельцем Драйлом Мак-Магоном, переброшены на две недели вперед, и все относящиеся к делу воспоминания у вас стерлись. Вы очнулись в больнице и…

— Минутку! — запротестовал Дрэйк. — Моя… жена только что рассказала мне, что я делал там еще. Я, конечно, знал это раньше. Есть свидетель, мальчик по имени Джимми, который видел, что я вернулся к трейлеру и вошел внутрь перед тем, как трейлер исчез.

— Позвольте мне объяснить это, — спокойно ответил Прайс. — Из больницы вы поехали раз-

узнавать, что с вами произошло. Кое — что вы обнаружили, а затем были переправлены сюда другим Владельцем, и вот вы здесь.

Дрэйк внимательно поглядел на него, затем на женщину. Она кивнула, и в сознании Дрэйка вспыхнуло пламя, когда Прайс продолжил:

— Через несколько минут я верну вас на Землю и высажу неподалеку от трейлера Петера Джонса и его дочери. Вы войдете, скроетесь в задней комнате и в момент, который вам описала Силэни, выйдете и схватите ее отца перчаткой за плечо. Перчатка излучает энергию, которая неуловимо изменит потенциал его нервной силы. Это не причинит вреда ни ему, ни, впоследствии, нам. Наоборот, он будет полезен, как наш агент — исследователь… впоследствии. — Закончил Прайс просто: — Теперь вы можете видеть, что это действие требует свободной воли, и мы сделаем по возможности все, чтобы создать уверенность, что вы не совершите ошибки.

— Мало ли чего я могу видеть, — сказал Дрэйк.

Он чувствовал Себя совершенно спокойно, не считая того, что его душа бесконечно расширилась. Он медленно подошел к женщине, взял ее за руку и внимательно поглядел ей в глаза.

— Это ты… когда? — спросил он.

— Через пятьдесят лет, считая от настоящего момента в твоей жизни.

— А где я?.. Где твой муж?

— Ты ушел на Землю, в будущее. Тебя убрали с дороги на это время. Одно и то же тело не может находиться в одном и том же месте дважды. И это напомнило мне: все зависит от тебя.

— То есть?

— Если вместо того, чтобы войти в трейлер, ты уйдешь по дороге, чтобы продолжить свою прежнюю жизнь, то через неделю достигнешь времени, где ты, ранешний, лежишь в больнице. И тогда ты исчезнешь, дезинтегрируешь.

— Ты слишком красива, и ты мне нравишься, — сказал Дрэйк. — Не думаю, что я захочу упустить тебя.

Спускаясь по лестнице в плотные клубы тумана, Дрэйк оглянулся и увидел ее. Она стояла, прижавшись лицом к стеклянной двери.

Вскоре туман скрыл ее.

Завершились его поиски воспоминаний. Ему еще только предстояло совершить то, что он считал забытым.

ДВОЙНИКИ

(повесть)

Глава 1

Время: семнадцать десять. До реактивации кристалла осталось менее пятнадцати минут.

Для Эдит Прайс хорошо одетый молодой человек, который вошел в библиотеку, был типичным представителем летней публики в Харкдэйле. Она отличалась от жителей городка, на которых сейчас и сама Эдит походила. Записав его имя — Сет Митчелл — и полагая, что ему нужно получить временный абонемент, она протянула ему регистрационную карточку.

Но он нетерпеливо оттолкнул ее, и Эдит впервые вслушалась в то, что он говорил.

— А-а! Так вам нужен кристалл?

— Именно! — ответил он. — Я хочу получить назад небольшой камень, который я подарил музею несколько лет назад.

Эдит покачала головой.

— Мне очень жаль. Сейчас помещение библиотечного музея на ремонте, и оно закрыто для посетителей. Я уверена, что, пока ремонт не закончится, никто заниматься экспонатами не будет, и в любом случае на это надо получить разрешение старшего библиотекаря мисс Дэйвис.

Сегодня у нее выходной день, и вы не сможете даже поговорить с ней.

— Сколько времени займет ремонт?

— Ну… несколько недель, — неуверенно ответила она.

Впечатление, которое произвели ее слова на молодого человека — такого же тщательно выбритого, преуспевающего и одетого по последней моде, как и многие ее бывшие знакомые по Нью-Йорку, — поразило ее. Он сильно побледнел, пробормотал что-то неразборчивое и, повернувшись, покачнулся, как будто последние силы оставили его.

Обычно Эдит не слишком внимательно разглядывала посетителей библиотеки. Но его поведение было настолько странным, что она проводила его взглядом до самого выхода, куда он направился нетвердым шагом. У дверей к нему присоединился невысокий коренастый мужчина. Они перебросились несколькими словами и вместе вышли. Через мгновение Эдит увидела в окно, как они подошли к сверкающему новенькому «кадиллаку». Сет сел за руль.

Дорогой автомобиль и то, что Митчелл был не один, каким-то образом придавало особое значение этому в общем-то самому заурядному

посещению. Эдит встала со своего кресла и махнула рукой мисс Тилзит. Демонстративно достав ключ от туалета, она незаметно прихватила ключ от музея и вышла.

Через несколько мгновений она уже разглядывала экспозицию камней.

* * *

Всего их было около тридцати. Судя по прикрепленным табличкам, эта коллекция была результатом поисков ценных минералов и красивых камней местными мальчишками. Эдит без труда нашла то, что просил молодой человек. Это был камень под выцветшей табличкой, на которой значилось: «Дар Сета Митчелла и Билли Бингхэма».

Она отодвинула крышку и, осторожно просунув руку, достала камень. Было вполне ясно, что при подборе экспонатов особой щепетильности не проявлялось. Камень казался творением каких-то неукротимых природных сил. Это был плоский обломок кристаллической скальной породы около двух с половиной дюймов длиной и около полутора дюймов в самой широкой части, коричневатого цвета и, несмотря на довольно гладкую поверхность, плохо отражавший свет.

Без сомнения, это был самый невзрачный экспонат из всей коллекции.

Разглядывая тусклый камень, Эдит подумала, не захватить ли его с собой и не отвезти ли после работы в гостиницу, чтобы человек не мучился со всякими дурацкими сложностями.

Под дурацкими сложностями подразумевался ее враг в лице мисс Дэйвис.

Она решительно вынула табличку с двумя именами. Пожелтевший от времени кусок картона совсем обветшал и порвался. Она уже собиралась сунуть камень в карман, когда сообразила, что сегодня она была в платье без карманов.

«Вот, черт!» — подумала она с досадой.

Камень был слишком большим, чтобы спрятать в кулаке, и она направилась к черному ходу, где стояли бачки для строительного мусора. Она уже собиралась положить камень в один из бачков, где он не выделялся бы среди другого хлама, когда заметила разбитый цветочный горшок, в котором еще оставалось немного земли. Рядом валялся бумажный пакет.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы засунуть обломок в пакет, присыпать сверху землей из горшка и положить пакет в бачок с мусором. Обычно именно ей приходилось запирать

здание библиотеки на ночь, и прихватить с собой кристалл, когда все уйдут, было проще простого.

Эдит вернулась на место…

Камень тут же вступил в реакцию с землей и возобновил деятельность, прерванную двадцать пять лет назад. За ближайший вечер и последовавшую ночь все без исключения Сеты Митчеллы на Земле вспомнили свое детство. Большинство просто улыбнулись, пожали плечами или беспокойно повернулись во сне. Многие из тех, кто жил за пределами Западного полушария, в отдаленных часовых поясах, вскоре вернулись к обычной жизни.

Но в самых разных уголках Земли было немало и тех, кто уже не мог избавиться от воспоминаний.

* * *

Как только выдалась свободная минутка, Эдит повернулась к мисс Тилзит и спросила:

— А кто такой Сет Митчелл?

Тилзит была высокой, худосочной блондинкой в больших роговых очках, за которыми светились неестественно маленькие, но постоянно настороженные серые глаза. Эдит давно убедилась в том, что Тилзит обладала потрясающим, хотя нередко

и поверхностным знанием всего, что когда-либо произошло в Харкдэйле.

— Их было двое, — ответила Тилзит. — Два мальчика. Билли Бингхэм и Сет Митчелл.

Затем, испытывая явное удовольствие от наличия слушателя, Тилзит поведала историю исчезновения Билли двадцать пять лет назад, когда ему и его приятелю Сету Митчеллу было всего по двенадцать лет. Она завершила рассказ следующим:

— По словам Сета, они подрались из-за найденного сверкающего каменного обломка. И он божился, что они находились не меньше чем за пятьдесят футов от края скалы, нависавшей над озером. Он все время повторял, что Билли не мог утонуть, хотя все в городе считали, что именно так оно и было. Во всяком случае тело Билли не нашли.

Слушая рассказ, Эдит пыталась нащупать связь между прошлым и настоящим. Она никак не могла взять в толк, зачем взрослому Сету Митчеллу могло понадобиться напоминание о таком неприятном событии. С другой стороны, мужчин вообще понять трудно. Она пришла к такому выводу после пяти лет ожидания какого-нибудь достойного мужчины, который должен был по-

явиться в один прекрасный день и разыскать ее. Судя по всему, найти ее в Харкдэйле им было ничуть не легче, чем в Нью-Йорке, где она жила до этого.

Тем временем Тилзит продолжала свой рассказ:

— С людьми вообще происходят странные штуки. Сет Митчелл был так потрясен тем, что произошло с его другом, что он стал сам не свой. У него сейчас ферма по дороге в Эбботсвилль.

— Так Сет Митчелл стал фермером? — недоверчиво переспросила Эдит.

— Именно так.

Эдит промолчала, но про себя отметила, что Тилзит, наверное, не такой уж надежный источник информации, как ей раньше казалось. Кем бы ни был Сет Митчелл, на фермера он уж никак не походил!

В этот момент ее попросили найти кое-какие книги, и она выкинула случившееся из головы.

Глава 2

Проехав несколько раз по городу, Эдит примерно в половине десятого наконец увидела приметный золотистый «кадиллак» Сета Митчелла и припарковала машину напротив входа в мотель.

Под деревьями, где она остановилась, было почти совсем темно, и это ее порадовало. Но даже под надежным укрытием темноты, она чувствовала, как сильно бьется ее сердце и пылает лицо.

«Зачем мне это нужно?» — спрашивала она себя.

Она самокритично призналась себе, что рассчитывала на летний роман, что было довольно глупо для двадцатисемилетней женщины, которой следовало бы серьезно подумать о замужестве.

Ее мысли неожиданно прервались. С того места, где она находилась, ей была хорошо видна дверь домика, около которого был припаркован «кадиллак». Дверь открылась. В дверном проеме, освещенном изнутри, показалась приземистая фигура человека, которого она видела с Сетом днем. Эдит непроизвольно затаила дыхание, ко-

гда этот человек вышел и закрыл за собой дверь.

Спустя несколько минут он показался у главного входа в мотель и, немного постояв, направился быстрым шагом в деловую часть Харкдэйла, располагавшуюся неподалеку.

«А я ведь там только что была», — подумала она.

Наблюдая за ним, она почувствовала, как улетучивается ее решимость. Она почему-то считала, что у этого коренастого человека в действительности не было ничего общего с Сетом Митчеллом.

Отказавшись от своего первоначального замысла, она завела мотор. По пути домой ей было стыдно, но не того, что она сделала, а того, что намеревалась сделать.

Что ей делать дальше — она не знала. Но она твердо решила, что больше ей не должно быть стыдно за свои поступки.

Добравшись до своей квартиры, Эдит засунула пакет с кристаллом в шкаф и, без всякого аппетита пожевав что-то, отправилась спать.

* * *

Коренастый человек вернулся в мотель раздраженным.

— Камня там не было, — сообщил он Сету Митчеллу, лежавшему на одной из кроватей с кляпом во рту и связанному по рукам и ногам.

Сет Митчелл с тревогой наблюдал за тем, как коренастый человек развязывал его ноги.

— Я тут думал, что с тобой делать. Может, самое лучшее — это отвезти тебя назад в Нью-Йорк. Как только я уеду, полиции меня уже не найти, — сказал коренастый.

Он вытащил кляп. Сделав глубокий вдох, молодой человек запротестовал:

— Да я близко к полиции не подойду!

Он испуганно замолчал, судорожно сглотнув. Его мозг отказывался даже допустить мысль о том, что его могут убить. Его, Сета Митчелла, когда перед ним наконец-то открылся путь к успеху после всех этих долгих лет терпеливого ожидания.

Коренастый подошел к нему сегодня днем на служебной стоянке автомашин, широко улыбаясь. Плотный, невысокий человек — не более пяти футов четырех дюймов. Цветом лица он походил на араба. Одетого в хороший американский костюм араба. Он подошел и спросил:

— А где кристалл, который вы нашли с Билли Бингхэмом?

Что могло произойти, ответь Сет сразу, теперь сказать невозможно. Но он не сразу вспомнил кристалл и покачал головой. Тогда человек вынул руку из кармана. В руке блеснул пистолет. Под дулом пистолета Сет привез незнакомца в Харкд-эйл и показал ему то место на озере Нараганг, где они с Билли подрались. И уже там, на озере, он вспомнил о кристалле. После этого коренастый заставил его отправиться в библиотеку, где он все время, пока разговаривал с молодой женщиной за конторкой, чувствовал направленный на себя пистолет.

Неожиданно вспомнив свою беседу, он с отчаянием воскликнул:

— А может, та библиотекарша…

— Может, — безразлично отозвался коренастый.

Он развязал Сету руки и, отступив назад, махнул ему пистолетом. Они вышли на улицу, сели в машину и уехали.

Когда они добрались до озера, коренастый сказал:

— Остановись.

Сет остановил машину, прогремел выстрел, и убийство свершилось.

Убийца затащил тело на скалу, нависавшую

над озером, привязал к нему камни и сбросил вниз.

После этого он вернулся в Нью-Йорк, поставил машину Сета на его обычную стоянку и, переночевав в Нью-Йорке, начал готовиться к возвращению в Харкдэйл.

Этой ночью Эдит спала очень беспокойно: ей снилось, что все до единой Эдит Прайс, жившие на Земле, прошли перед ней. Лишь с полдюжины Эдит были замужем, и даже во сне это поразило ее.

Еще хуже было то, что подавляющее большинство Эдит Прайс так или иначе неприятно отличались от обычных людей: или они были безмерно толстыми, или немыслимо худыми, с бегающими глазами, а то и просто сумасшедшими. Правда, встречались и привлекательные особы с живым взглядом, и хотя их было немного, но это все-таки утешало.

Эдит разбудил телефонный звонок. Звонил хранитель библиотеки:

— Мисс Прайс, вам лучше прямо сейчас приехать. Ночью кто-то залез в библиотеку.

У Эдит было странное ощущение нереальности происходящего.

— Залез в библиотеку? — переспросила она.

— Точно. В музее все разворочено. Кто бы это ни был, он, наверное, решил, что часть камней настоящие. Они разбросаны по всему полу.

Глава 3

Поначалу Эдит Прайс приняла худощавого молодого человека в комбинезоне за обыкновенного, не слишком грамотного фермера.

Она записала его имя — Сет Митчелл — и только через мгновение изумленно подняла глаза.

Перед ней было осунувшееся, огрубевшее от палящих лучей солнца и порывов ветра лицо с впалыми щеками и больными глазами. И тем не менее этот человек поразительно походил на вчерашнего Сета Митчелла.

Она догадалась, что это, наверное, тот самый Сет Митчелл, о котором рассказывала мисс Тилзит. Судя по всему, здесь был целый клан Митчеллов с кузенами и кузинами, похожими друг на друга.

Она продолжала размышлять над этим, и вдруг неожиданно поняла, о чем он все время невнятно мямлил.

— Камень? — переспросила Эдит. — Кристалл, который вы подарили музею библиотеки двадцать пять лет назад?!

Он кивнул.

Эдит, поджав губы, подумала: «Ладно, сейчас

мы во всем разберемся».

Видя ее замешательство, человек достал из бумажника какую-то бумажку и протянул ей. Взглянув на нее, Эдит увидела, что это была двадцатидолларовая купюра.

Она взяла себя в руки и сказала:

— Но ведь это очень большие деньги за обычный обломок камня.

— Он мне очень нужен, — промямлил он.

Она не разобрала, что он сказал затем, но его последние слова были вполне ясными:

— …когда исчез Билли.

В наступившем молчании Эдит призналась себе, что это действительно был тот самый Сет Митчелл. Решив поддержать разговор, она заметила:

— Я слышала о Билли. Очень печальное событие.

— Я крикнул ему, чтобы он исчез, и он исчез! — Голос Митчелла дрожал. От воспоминаний о пережитом шоке его глаза приобрели странный блеклый оттенок. Он продолжал: — Мы оба схватили его. А потом он исчез.

Казалось, он больше не замечал ее присутствия. Он рассказывал, как будто говорил сам с собой:

— Камень сверкал так ярко. Он был совсем не

таким, каким стал потом. Он потускнел, и никто не хотел мне верить.

Помолчав, он продолжал:

— Все эти годы я не переставал об этом думать. И только прошлой ночью я наконец сообразил, в чем дело. Что могло заставить Билли исчезнуть, когда я крикнул об этом? Что, как не сам камень?

Эдит решила, что разбираться с этим нужно психиатру, а не библиотекарю. Ей пришло в голову, что самым простым решением было бы вернуть ему камень.

Но сделать это надо было с умом. Она уже допустила ошибку вчера, расспрашивая мисс Тилзит о Сете Митчелле. Во время расследования полицией взлома библиотечного музея она старалась отвечать очень осторожно, чтобы не выдать своей причастности к происшедшему.

Чем быстрее она избавится от камня, спрятанного на кухне, тем лучше.

— Если вы оставите мне свой адрес, — вежливо произнесла она, — я поговорю со старшим библиотекарем, и она, возможно, свяжется с вами.

Адрес, который он неохотно дал ей, был по дороге в Эбботсвилль.

Попрощавшись, она проводила его взглядом.

По дороге домой тем же вечером она заехала в мотель. Золотистого «кадиллака» не было.

— Значит, это безумие кончилось, — подумала она с облегчением.

* * *

Она поужинала, как всегда, поздно. Потом, удостоверившись, что дверь заперта, она вытащила пакет, и ей сразу бросилось в глаза, что земли стало меньше.

Она испугалась, что камень мог исчезнуть. Расстелив на полу газету, она вывалила на нее все содержимое пакета и замерла в изумлении: в комьях земли сверкал изумительной красоты кристалл.

— Но этого не может быть! — прошептала она. — Камень был таким невзрачным. А теперь он… просто потрясающий!

Она взяла его в руку. Пурпурные переливы были совсем живыми, как будто тысячи искрящихся огней внутри постоянно двигались и перемещались. То здесь, то там луч света нащупывал и озарял гроздья, вспыхивавшие языками малинового пламени. Кристалл сверкал так ярко, что у Эдит буквально перехватило дыхание.

Она поднесла кристалл к глазам и посмотрела

на свет — внутри был какой-то рисунок.

Непонятно каким образом, но кому-то удалось вырезать рельефное изображение солнечной системы и раскрасить его. В руках у Эдит был великолепный образец — во всяком случае так она решила — искусства резьбы по камню. Пурпурно-красный свет, заливавший изображение, казалось, исходил от крошечного «солнца», освещавшего планеты своей системы.

Она подошла к шкафу. В ее голове роились мысли о том, что этот кристалл, наверное, обладает магическими свойствами. Она вспомнила рассказ фермера Сета Митчелла о том, что случилось, когда он крикнул Билли Бингхэму в присутствии камня… Может, камень реагировал на звук человеческого голоса?..

Она решила сразу проверить это, произнеся нужные слова.

Ничего не случилось. Все оставалось по-прежнему. Она еще раз произнесла нужную фразу, тщательно выговаривая каждое слово.

Никакого эффекта.

Она повторяла фразу, меняя тембр голоса от низкого контральто до пронзительного сопрано — и все впустую!

Она опять посмотрела на рисунок внутри и

поднесла камень поближе к свету, чтобы лучше видеть. Разглядывая в кристалле очертания солнечной системы, она вдруг произнесла еще раз с неожиданной решительностью, и четко выговаривая слова:

— Я хочу, чтобы Билли Бингхэм — мальчик — вернулся назад… Прямо сейчас!

В наступившей тишине ожидания она с каждой секундой все сильнее ощущала всю глупость происходящего.

Никаких признаков пропавшего Билли Бингхэма.

«Ну и слава Богу!» — подумала она с облегчением.

* * *

Когда Эдит проснулась на следующее утро, она уже знала, как ей поступить. Нужно было любым способом избавиться от камня, угрожавшего ее рассудку.

Еще раз взглянув на камень, она увидела, что рисунок изменился. Теперь это было очертание человеческого тела, составленное из багровых и красных светящихся точек.

Она обратила внимание на то, что рисунок был удивительно подробным. Слабое подсвечивание

фигуры наводило на мысль о нервных окончаниях и кровеносных сосудах.

Поглощенная этим необычным зрелищем Эдит вдруг вспомнила о своем решении.

Она положила кристалл в небольшую коробку, засыпала его новой землей — она где-то читала, что кристаллам необходима подпитка, — завернула в оберточную бумагу и написала адрес: Сету Митчеллу, Рурал Рут, четыре, Эбботсвилль.

Вскоре она уже подъезжала к почте. Только отправив посылку, она сообразила, что снова действовала необдуманно и опять совершила глупость.

А что, если Сет Митчелл напишет в библиотеку письмо с благодарностью? Она очень живо представила себе, как обрадуется мисс Дэйвис проступку выпускницы колледжа, навязанной ей правлением библиотеки. Невозможно будет объяснить, каким образом романтический порыв заставил ее украсть кристалл… а когда из ее планов ничего не вышло — избавиться от свидетельства своей слабости, что она, собственно, сейчас и сделала.

«Может, лучше сразу сесть на следующий автобус в Нью-Йорк и больше никогда не видеть этого дурацкого городка?» — с тоской подумала она.

Это был очень неприятный момент. У нее было ощущение, что вся ее жизнь состояла из бесконечной серии совершенных ошибок. Свернув на обочину, она остановила машину и задумалась. Она вспомнила о своем первом ухажере в колледже и о том, как она его бросила, поддавшись какому-то необъяснимому порыву. В тот момент она увлеклась движением «Бог умер: теперь ты сам — Бог!». Приверженцы этого движения считали, что неважно, как ты поступаешь с другими людьми: что бы ты им ни сделал — стыдиться было нечего.

В приступе жалости к себе она с тоской подумала, что если бы не вступила в ряды «поколения без угрызений совести», то теперь была бы миссис Ричард Стэплз.

Она вспомнила о недавнем сне, и это напоминание вернуло ее к жизни. Дурацкие мысли! Она рассмеялась и подумала: «В самом деле, послать кристалл наихудшему из всех Сетов Митчеллов было не самой удачной идеей».

Ее страх прошел. Действительно, забавно! И что за странный сон ей приснился!

Как вообще можно знать, что для тебя лучше — какое решение, какая философия, какая, в конце концов, диета? И лучше для чего?

* * *

Эдит уже была на своем рабочем месте, когда в библиотеке появилась мисс Тилзит с особенным выражением лица. После шести месяцев пребывания в Харкдэйле Эдит научилась распознавать это выражение, означавшее: «Я узнала нечто очень интересное».

— Вы смотрели сегодняшнюю газету? — многозначительно поинтересовалась Тилзит.

Эдит сообразила, что речь, видимо, идет о «Харкдэйл инкуайрер», ежедневной местной газете, выходившей на двух листах. Она сама продолжала читать «Тайме», хотя и подписалась для — приличия на местную газету.

— Помните, вы на днях спрашивали о человеке по имени Сет Митчелл? — продолжала Тилзит.

Эдит отлично об этом помнила, но предпочла изобразить недоумение.

Тилзит развернула газету и протянула ее Эдит. Крупный заголовок гласил:

БИЛЛИ БИНГХЭМ НАШЕЛСЯ?

Эдит машинально взяла газету и начала читать:

Вчера в одиннадцатом часу вечера из зарослей кустарника возле озера Нараганг появился двенадцатилетний мальчик и попытался войти в дом, в котором двадцать пять лет назад жил Билли Бингхэм. Нынешний владелец дома Джон Хилдек, плотник по профессии, отвел испуганного мальчика в полицейский участок. Оттуда его увезли в больницу.

Дальше Эдит читать не могла. Газета выскользнула у нее из рук, она покачнулась и медленно сползла на пол.

Когда она очнулась на кушетке в комнате отдыха, перед ее глазами по-прежнему стояла яркая и невероятная картина того, как она приказала кристаллу вернуть Билли Бингхэма где-то между девятью и десятью часами предыдущего вечера.

Глава 4

Майами.

В этом поющем городе Сет Митчелл, думая о Боге, часто называл его про себя «Музыкантом». Под этим он подразумевал, что его жизнь была подобна музыке, а сама музыка — симфонией или, по меньшей мере — концертом.

Кто-то свыше, без сомнения, считал его подходящим инструментом.

Ведь у него были деньги, женщины, хорошая карьера игрока — и все это без особых усилий, ведь он был таким послушным инструментом в общем оркестре. Совсем неплохо для провинциального паренька, оказавшегося в большом городе, когда ему исполнилось только двадцать лет.

Но сейчас «Музыкант» почему-то заказал. печальную ноту.

Митчелл держал в руке номер «Харкдэйл инкуайрер» с отчетом о появлении Билли Бингхэма.

Он разглядывал фотографию испуганного мальчика лет двенадцати на вид. Он был похож и не похож на Билли Бингхэма. Митчелла это удивило. «Инкуайрер» приносил извинения за то, что хранившаяся в его архивах фотография

настоящего Билли была утеряна, и пояснял, что, по слухам, родители Билли переехали в Техас, а куда именно — никто не знал.

Статья заканчивалась следующими словами:

> *Единственным человеком, который может подтвердить, что этот мальчик в самом деле Билли Бингхэм, по-видимому, является Сет Митчелл, друживший с Билли. К сожалению, местожительство Митчелла в настоящее время тоже неизвестно.*

««Инкуайрер» должен был сообразить хотя бы проверить список своих подписчиков из других штатов», — язвительно подумал Митчелл.

* * *

Следующий день.

Войдя в палату триста двенадцать больницы Харкдэйла, он увидел лежащего на кровати мальчика, который при появлении незнакомого человека испуганно отложил журнал. Митчелл ободряюще улыбнулся и сказал:

— Билли, тебе не следует меня бояться. Я пришел как твой друг.

Мальчик неуверенно ответил:

— То же самое говорил и толстый человек, а потом разозлился.

Митчелл не стал выяснять, кем был этот толстый человек. Он подвинул к себе стоявший около кровати стул и тихо сказал:

— Билли, то, что случилось с тобой, похоже на сказку. Но самое главное — тебе не нужно волноваться.

Билли закусил губу, и по его щеке покатилась слеза.

— Они обращаются со мной так, будто я вру. Толстый человек сказал, что посадит меня в тюрьму, если я не скажу правду.

Митчелл вспомнил те дни, когда его так же нетерпеливо допрашивали в связи с исчезновением Билли. Стиснув зубы, он сказал:

— Я сделаю для тебя все, что в моих силах. Но мне нужно задать тебе несколько вопросов, которые никому не пришло в голову задать. Тебе не нужно отвечать, если ты не хочешь. Что скажешь?

— Ладно.

Митчелл решил, что можно приступать к делу.

— А во что был одет Сет в тот день?

— Коричневые вельветовые брюки и серую

рубашку. Этот ответ принес Митчеллу первое разочарование.

Он надеялся, что такие детали помогут ему все вспомнить. Этого не произошло. Как он ни старался, ему так и не удалось вспомнить, что за брюки были на нем в тот день.

— На тебе тоже были вельветовые брюки? — спросил он наобум.

— Они там. — Мальчик показал на шкаф.

Митчелл встал, выдвинул ящик и достал мятые дешевые вельветовые брюки. Он внимательно осмотрел их, надеясь, что они подскажут ему какую-нибудь забытую деталь. Наконец он разочарованно положил их обратно. Этикетка с названием фирмы-изготовителя была оторвана. Он не помнил, чтобы видел их раньше.

«Двадцать пять лет…» — с горечью подумал он. Время было, как толстое покрывало, в котором было несколько дырок. Сквозь эти дырки он мог видеть обрывки прошлого, какие-то моменты своей жизни, вырванные из контекста и потому несвязные.

— Билли, — спросил Митчелл, вернувшись на место, — ты говорил о том, что схватил камень. Где ты его увидел?

— На скале. Там есть тропинка, которая ведет

к озеру.

— Ты уже бывал раньше на этом месте?

Мальчик кивнул:

— Несколько раз, когда было холодно. Обычно мы с Сетом играли около воды.

Митчелл кивнул. Он помнил это.

— А сверкающий камень, который ты увидел — он был большой?

— Да, большой.

— Примерно с дюйм?

— Больше. Дюймов пять, готов поспорить. — В ответе мальчика не было и следа неуверенности.

Отметив ошибку, Митчелл постарался объяснить себе ее происхождение. Камень был примерно два с половиной дюйма в длину, а ширина и толщина его были значительно меньше Мальчик, видевший камень только мельком, не мог знать его точных размеров.

Эти рассуждения обескуражили Митчелла. Он начал делать скидки, а это было недопустимо. Он немного помедлил. Ему нужно было выяснить, касался ли Билли кристалла, но он не знал, как подвести мальчика к этому вопросу.

— Судя по тому, что ты рассказал корреспонденту газеты, — начал он, — ты признаешь, что твой друг… как его звали? — Он ждал ответа.

— Сет Митчелл.

— …Сет Митчелл заметил камень первым. И все-таки ты решил им завладеть?

Мальчик с трудом проглотил слюну:

— Я не хотел ничего плохого.

Митчелл отнюдь не собирался пристыдить мальчика и быстро сказал:

— Ну конечно, Билли. Когда я сам был мальчишкой, вещью владел тот, кому она доставалась. А кто первый увидел — было неважно, — Он ободряюще улыбнулся.

Билли сказал:

— Я только хотел сам отнести его в музей. Неожиданно волна воспоминаний пронеслась в голове Митчелла.

«Ну конечно, — подумал он, — вот теперь я вспомнил».

Он даже сообразил, почему забыл об этом раньше. Музей библиотеки принял дар очень неохотно, поскольку за те дни, которые камень провел в кармане Митчелла, он потускнел и потерял всю привлекательность. Библиотекарша пробурчала что-то о том, что маленьких детей не следует травмировать. Именно эти слова его так расстроили в то время, что потребовалось конкретное указание события, чтобы он о нем

вспомнил.

Было трудно представить, чтобы такой конкретной информацией располагал человек, выдававший себя за другого. И все же это означало, что когда Билли Бингхэм исчез…

Его мозг не мог смириться с такой возможностью. Ему уже говорил наблюдавший его врач, что преследовавшие его видения, такие же, что и у этого мальчика, были связаны с чрезмерной впечатлительностью.

Митчелл глубоко вздохнул.

— Хорошо. Еще два вопроса. Какое время дня это было?

— Мы с Сетом решили пойти искупаться после школы, — ответил Билли. — Ближе к вечеру.

— Ладно. Судя по газете, ты добрался домой только около десяти часов. Где же ты был с половины пятого до десяти часов вечера?

— Нигде я не был, — ответил мальчик. — Мы с Сетом подрались из-за камня. Я упал. А когда я встал, было уже темно. — Его глаза наполнились слезами. — Я не знаю, что случилось. Он, наверное, бросил меня одного и сбежал.

Митчелл поднялся, лихорадочно думая: «Это невероятно. Мне надо самому показаться врачу».

Он все же задержался и задал последний во-

прос:

— Тебя кто-нибудь еще навещал? Ну, помимо полиции, толстяка и меня?

— Только женщина из библиотеки.

— Библиотеки? — недоверчиво переспросил Митчелл.

— Она хотела знать точное время, когда я очнулся у озера. Ее зовут Эдит Прайс, и она работает в библиотеке. Время я, конечно, не знал.

Все это не имело никакого смысла. Митчелл быстро попрощался, стараясь проявить дружелюбие, которого больше не чувствовал:

— Что ж, Билли, я больше не буду отрывать тебя от комиксов. Большое спасибо.

Он вышел из палаты и направился в гостиницу. Расплатившись за номер, он сел в машину, взятую напрокат, и поехал в аэропорт. К тому времени, когда он приземлился в Майами, тревожные нотки детства, звучавшие в его голове, исчезли.

Он чувствовал, что «Музыкант» на этот раз подвел его. Чтобы этого больше не случалось, он решил аннулировать свою подписку на «Харкд-эйл инкуайрер».

* * *

Чикаго.

Сет Митчелл из Сыскного агентства Сета Митчелла смотрел на человека, вошедшего в его кабинет, как на привидение. В конце концов он проглотил слюну и спросил:

— Я что, сошел с ума?

Незнакомец — хорошо одетый мужчина тридцати с небольшим лет — устроился в кресле для посетителей и улыбнулся в ответ:

— Сходство поразительное, не так ли?

Он говорил приятным баритоном, и Митчелл мог поклясться, что тембр голоса был его собственным!

Позже, рассказывая Мардж Эйкенс о посетителе, он признался:

— Я не мог отделаться от ощущения, что вижу перед собой самого себя!

— Но что ему было нужно? — спросила Мардж. Она была худощавой блондинкой, которой уже перевалило за тридцать, но это ее не портило. Митчелл намеревался жениться на ней сразу же, как только найдет ей достойную замену в офисе.

— Как он выглядел?

— Как я. Я же тебе все время об этом толкую. Он

был моей точной копией. Даже костюм, который был на нем, напомнил мне мой собственный, висевший дома. — Он заерзал на стуле. — Не надо на меня так смотреть, Мардж. Я действительно буквально обомлел. Мне трудно разложить все по полочкам.

— Он дал тебе свой адрес?

Митчелл взглянул на бланк, который заполняли посетители, и огорченно ответил:

— Здесь ничего не записано.

— Он обещал зайти еще раз?

— Нет, но он оставил мне тысячу долларов, и я дал ему расписку. Так что сделка состоялась.

— Какая сделка?

— В этом-то и вся загвоздка. Он хочет, чтобы я нашел кристалл оникса. Он сказал, что видел его некоторое время назад в музее одного маленького городка к югу от Нью-Йорка. Где именно, он не помнит.

— Это будет или слишком трудно, или слишком просто, — задумалась Мардж; она, казалось, уже погрузилась в решение проблемы.

— Позволь мне закончить, — хмуро отозвался Митчелл. — Я знаю, где находится этот кристалл. Подумай о том, что я сказал. Я знаю этот район, как свои пять пальцев. Я же там родился, ты что

— забыла?

— В самом деле, я об этом не подумала, — ответила Мардж. — Ты думаешь, что можешь найти кристалл, потому что…

— Он находится в музее библиотеки города Харкдэйл, где я родился. А сейчас — самое главное. Я сам подарил этот кристалл музею, и, что еще более удивительно, он мне приснился на днях!

Мардж вернула его к посетителю:

— И он обратился к тебе? Из всех частных детективов Чикаго он выбрал своего двойника, к тому же знающего, где находится кристалл?

— Он пришел ко мне.

Мардж удивленно надула свои хорошенькие губки:

— Сет, это просто невероятно. Ты не должен был так просто отпускать его. Обычно ты такой сообразительный!

— Спасибо, — сухо отозвался он.

— А почему ты ему сразу не сказал, где находится кристалл?

— И распрощаться с тысячей долларов? Дорогая, детектив иногда как доктор. Люди платят ему за информацию, которой он уже располагает.

Мардж протянула руку:

— Покажи мне его бланк.

Внимательно все прочитав, она спросила, не поднимая головы:

— Что ты собираешься делать?

— Я сказал ему правду: мне нужно несколько дней, чтобы закончить свои дела, и тогда…

Он замолчал, и когда молчание затянулось слишком надолго, Мардж подняла голову. Она облегченно вздохнула, увидев на его лице выражение решительности и уверенности.

Перехватив ее взгляд, он сказал:

— В Харкдэйле не имеет смысла появляться, пока не будут найдены ответы на некоторые вопросы. Например, каким образом нас оказалось двое?

— У тебя нет родственников?

— Несколько двоюродных братьев.

— Ты с ними поддерживаешь отношения?

Он покачал головой:

— Нет, во всяком случае с девятнадцати лет, когда умерла моя мать. — Он невесело улыбнулся. — Харкдэйл — не тот город, куда хочется вернуться. Но выброси эту мысль из головы. Ни один из братьев не был похож на меня. Ни один, — повторил он, вздрогнув.

— Я думаю, что когда ты в конце концов отправишься в Харкдэйл, тебе следует загримировать-

ся, — сказала Мардж твердым голосом.

— В этом можешь быть уверена! — согласился он. — Это дело потребует всей изворотливости, на которую мы способны.

* * *

В других уголках Земли около двух десятков из тысячи восьмисот одиннадцати живших Сетов Митчеллов, среди которых был и самый лучший Сет Митчелл, также думали о кристалле, вспоминали виденный на днях сон и предчувствовали надвигающуюся беду.

Вот что говорил монреальский Сет Митчелл своей франко-канадской жене:

— Я не могу избавиться от ощущения, что мне предстоит доказать свое право на существование. Помнишь, я говорил тебе об этом как-то утром после виденного сна.

Его жена, миловидная блондинка, с присущими всем франко-канадцам практичностью и пренебрежительным отношением ко всяким фантазиям, отлично все помнила и поинтересовалась, кому и чем он должен это доказать.

Ее муж ответил очень невразумительно:

— Ну, я не знаю. У меня такое чувство, что я мог принимать другие решения, лучше проявить

себя. Я — не тот, каким мог бы быть.

— И что? — последовал ответ. — А кто этот самый тот? И что в конце концов из этого следует?

— Конец, вот что.

— Ты о чем?

— Да просто конец! — Он пожал плечами. — Мне очень неприятно говорить тебе все это, дорогая. Но у меня такое чувство. Раз я не соответствую, мне конец.

Его жена вздохнула:

— Мама предупреждала меня, что к сорока годам у мужчин появляются сумасшедшие мысли. Так оно и есть.

— Наверное, мне нужно было проявлять больше мужества, — с отчаянием произнес он.

— А что плохого в том, что ты эксперт по налогам? — спросила она.

Ее муж, казалось, не слышал, о чем она говорит.

— Я чувствую, что должен побывать в своем родном городе. — Его голос дрожал от напряжения.

Она взяла его за руку.

— Тебе нужно показаться доктору Леду, — сказала она. — Пусть он тебя посмотрит.

Доктор Леду ничего не нашел.

— Фактически, вы на редкость здоровый человек, мистер Митчелл, — сказал он.

Сет Митчелл из Монреаля был вынужден признать, что его внезапная тревога была действительно глупой.

Но он тем не менее все же решил съездить в Харкдэйл, как только разделается с текущими делами.

Глава 5

Мужской голос с легким иностранным акцентом раздался совсем рядом:

— Мисс Прайс, мне нужно поговорить с вами.

Несмотря на темноту, Эдит разглядела, что говоривший стоял прямо посередине тропинки и загораживал ей путь от гаража до подъезда дома, где она жила.

Увидев его, она остановилась как вкопанная.

Прежде, чем она произнесла хоть слово, человек продолжал:

— Что вы сделали с кристаллом?

— Я… я вас не понимаю!

Она ответила машинально. Сейчас ей было видно этого мужчину гораздо лучше. Он был небольшого роста и плотного телосложения. Она узнала в нем того самого человека, который был с Сетом Митчеллом в золотистом «кадиллаке».

— Мисс Прайс, вы вынесли кристалл из музея. Отдайте его мне или скажите, что вы с ним сделали. Больше мне от вас ничего не нужно.

Эдит было стыдно за то, что она сделала, и она не собиралась признаваться в совершенном никому и тем более незнакомому человеку.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — ответила она почти шепотом.

— Послушайте, мисс Прайс! — Мужчина вышел из тени и старался быть дружелюбным. — Давайте пройдем к вам домой и все обсудим.

Это предложение ее успокоило. Она снимала маленькую квартирку в большом доме, и от других жильцов ее отделяла только стена.

Совершенно неожиданно, как она потом признавалась сама себе, она вдруг успокоилась и бесстрашно направилась к подъезду. Можно представить ее изумление, когда мужчина вдруг схватил ее одной рукой так, что она не могла пошевелиться, и, закрыв ей рот твердой и сильной ладонью, прошептал в самое ухо:

— Я вооружен!

Парализованная ужасом, она не сопротивлялась и позволила оттащить себя в глубь аллеи. Мужчина впихнул ее в машину, припаркованную возле забора.

Он сел рядом и долго разглядывал ее. В темноте его лица почти не было видно. Время шло, и он по-прежнему не делал ничего угрожающего. Немного успокоившись, она спросила, как только к ней вернулся дар речи:

— Кто вы? Что вам нужно?

Мужчина язвительно хмыкнул и ответил:

— Я самый плохой из всех Аштаров тридцать пятого века.

Он опять хмыкнул и добавил:

— Но, как выяснилось, у меня отлично развита способность выживать.

Нахмурившись, он продолжал:

— Там, откуда я пришел, я был физиком. Я почувствовал опасность и в рекордные сроки смог определить главный аспект деятельности кристалла. При общении с людьми он использует вибрации всех клеток конкретного человеческого организма. Воспроизводя эти вибрации, кристалл создает дубликат человека. И наоборот, прекращая вибрации, он уничтожает человека. Поняв это и учитывая, что в своем времени я не был оригиналом, с которого он создавал мне подобных, я просто окружил свое тело полем, непроницаемым для вибраций, что и спасло мне жизнь, в отличие от всех остальных недостойных Аштаров.

Мужчина немного помолчал и продолжил:

— Совершенно очевидно, что, обезопасив себя, я не мог не сохранить существовавшую между нами связь на каком-то ином уровне. Когда он отправился в прошлое, в двадцатый век, я не мог

не последовать за ним. К сожалению, я попал не туда, где он оказался, и не в тот момент. Я прибыл на прошлой неделе и очутился на скале возле озера Нараганг.

В конце повествования в его голосе зазвучали нотки удивления:

— Все-таки поразительно, насколько сложной должна быть его система внутреннего потока энергии. Только представьте! Пролетая сквозь время, он, должно быть, заметил двадцатипятилетний период бездействия и оказался на месте буквально за несколько дней до того, как ему было суждено вновь ожить.

Он замолчал; сгустившаяся темнота совсем скрыла его лицо. Эдит осмелилась слегка пошевелиться — она сидела очень неудобно, и у нее затекла нога. Когда с его стороны не последовало никаких возражений, она спросила шепотом:

— Зачем вы все это мне рассказываете? Это просто какое-то безумие!

Уже произнося эту банальную фразу, она поняла, что сама немногим отличалась от говорившего: что-то в ней заставило ее поверить каждому сказанному слову. В приступе самокритики она подумала:

«Я в самом деле, должно быть, являюсь типич-

ным образчиком недостойных Эдит Прайс».

Ей с трудом удалось удержаться от истерического смеха.

— От вас, — сказал наихудший из всех Аштаров, — мне нужна информация.

— Но мне ничего не известно о кристалле.

— Информация, которая мне нужна, — невозмутимо продолжал он, — заключается в следующем: когда-нибудь в последние дни вам приходила в голову мысль, что ваша жизнь могла сложиться по-другому, а не привести вас в библиотеку Харкдэйла?

Мысли Эдит вернулись к тому моменту, когда она отправила кристалл по почте, и чуть раньше, к тому, о чем она размышляла накануне.

— Да, это так, — призналась она.

— Расскажите мне об этом, — попросил мужчина.

Она рассказала ему о том, как ей хотелось сесть на автобус или поезд и навсегда оставить Харкдэйл.

Мужчина откинулся назад. Он казался удивительно спокойным и сказал, улыбнувшись:

— А вы что, самая лучшая из всех Эдит Прайс?

Эдит не ответила. Ей начало казаться, что она может довериться этому человеку, что ей следует

рассказать ему, где находится кристалл.

Аштар продолжал:

— Я убежден, что Эдит Прайс, которая является ориентиром кристалла в двадцатом веке, находится в этом автобусе или просто направляется куда-нибудь в безопасное место. Это означает, что вам грозит то же, что и мне — как только кристалл выберет лучшую Эдит Прайс, вашей жизни настанет конец.

Только сейчас Эдит осознала весь ужас своего положения. Не вполне отдавая себе отчет в своих действиях, она сбивчиво рассказала Аштару о событиях последних дней.

Слушая ее признание, Аштар подавил желание убить ее на месте. Он решил действовать наверняка, и, если что-нибудь пойдет не так, она была единственной ниточкой, которая поможет ему найти других Эдит Прайс.

Он постарался ее успокоить и, высадив из машины, еще долго следил за тем, как она, спотыкаясь, брела по дороге, искренне считая, что находится в безопасности.

Глава 6

В записке говорилось:

Его там не было. Ферма брошена. Вы сказали неправду?
Аштар.

Прочитав записку, Эдит почувствовала, как ее окатила волна страха — особенно пугающей была последняя фраза. Но, перечитав записку несколько раз, она немного успокоилась и подумала:

«Если все это происходит в действительности, то что я должна делать? Проявить мужество? Проанализировать проблему? Действовать решительно?»

Была суббота.

Перед работой она заехала в оружейный магазин и приобрела небольшой автоматический «браунинг». Она часто бывала в тире со своим вторым ухажером в колледже, тем, который считал, что Бог умер и главное — это не попасть в тюрьму, а в остальном все было позволено. В конце концов он бросил ее, так и не женившись и ничуть не переживая из-за того, что увел ее от

парня, который готов был связать себя брачными узами.

Но этот второй ухажер научил ее стрелять из автоматического оружия. Решительно засунув пистолет в сумочку, она настроилась доказать кому бы то ни было, что эта Эдит тоже не лыком шита.

Правда, одно сомнение осталось: была ли готовность стрелять в целях самозащиты шагом вперед или назад на пути к тому, чтобы стать наилучшей Эдит Прайс?

В библиотеке ее уже поджидала мисс Тилзит со свежим номером газеты:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МОЛОДОГО ФЕРМЕРА

Сет Митчелл, молодой фермер из Эбботсвилля, уже несколько дней не показывается на своей ферме. Его сосед Кэри Грэйсон, заехавший к нему вчера, чтобы купить кормовое зерно, обнаружил пустую ферму с недоенными коровами, голодными лошадьми и курами. Покормив животных, Грэйсон связался с кузеном Митчелла в соседнем графстве и сообщил о случившемся шерифу. Сейчас идет следствие.

Прочитав заметку, Эдит вернула газету, ограничившись общими замечаниями о необычности происшедшего. Но ее мысли лихорадочно крутились в голове: значит, именно это и обнаружил на ферме Аштар.

Несмотря на свою решимость, ей стало не по себе. Казалось, все пути отступления уже отрезаны, и ей оставалось только двигаться вперед, какие бы мысли ее ни посещали в прошлом.

Воскресенье.

Она приехала в Нью-Йорк и оставила машину за два квартала до маленького пансиона, сдававшего квартиры только женщинам, в котором она жила раньше. Она не сомневалась, что по меньшей мере одна из Эдит Прайс обязательно приедет сюда.

Она позвонила в пансион из ближайшего телефона-автомата и попросила соединить ее с Эдит Прайс.

— Одну минуту, соединяю, — отозвалась консьержка.

У Эдит перехватило дыхание, и она повесила трубку. Она сползла на пол кабины и закрыла глаза. Она и сама не знала, что именно ожидала услышать. Теперь вопрос заключался в следующем: была ли она единственной Эдит Прайс,

которая знала о существовании других? И если да, то какие преимущества она могла из этого извлечь?

А может, уже где-то была Эдит Прайс, ставшая самой достойной сама по себе?

Думать дальше она не могла. Около телефона стоял невысокий плотный мужчина, которого она не могла видеть целиком, сидя на полу. Но что-то знакомое в нем было.

Аштар!

Эдит Прайс, вышедшая из кабины телефона-автомата, все еще не пришла в себя окончательно. Но два дня угроз и пережитого ужаса преобразили ее. Из мечтательной, неуверенной в будущем молодой женщины она превратилась в решительную и практичную особу, хотя временами и подверженную приступам неуверенности.

Вид Аштара как раз выбил ее из колеи.

«Что ж, может, так даже лучше», — объективно отметила ее решительная часть. Она не доверяла самому плохому из Аштаров. А с испуганной Эдит Прайс он будет себя чувствовать спокойнее.

На пустынной нью-йоркской улице в воскресенье утром Аштар выглядел точно так же, как Эдит его запомнила — невысокий, плотный, с одутловатым лицом и сероватого оттенка щеками.

— Почему вы не хотите, чтобы я переговорил с ней сам? — спросил он вкрадчиво.

Эдит его не слушала. Вопрос, который постоянно вертелся у нее в голове в последние двое суток, наполненных непрерывной цепью событий, прерывавшихся только кратковременным сном, сформулировался сам собой:

— Вы действительно из тридцать пятого века?

Он внимательно посмотрел на нее и, должно быть, понял, в каком она состоянии.

— Да, — ответил он.

— И там все похожи на вас? Ростом, цветом лица?

— Было решено, — голос Аштара звучал бесстрастно, — что более плотное и низкое тело лучше приспособлено для функционирования. Так решили за несколько столетий до моего рождения. Таким образом, действительно, максимальный рост составляет один метр семьдесят семь. сантиметров. Или пять футов шесть дюймов.

— А откуда вам известно, что вы самый худший из всех Аштаров?

— В мою эпоху, — последовал ответ, — любой, кто имеет оружие и не является при этом членом Гильдии Ученых, совершает преступление. Поли-

тическая и экономическая власть представляет собой только часть тех благ, которые связаны с членством в Гильдии. Чтобы укрепить свои позиции, я проявлял твердость, которая должна была обеспечить мне относительную безопасность среди безликой массы невооруженных людей А кристалл, создавая других Аштаров, усиливал эти стремления.

Это означало, что проявление твердости ничего не дало и надо было искать другой путь. Эдит разочарованно вздохнула и вспомнила другие вопросы, которые хотела задать. Она рассказала ему о двух рисунках, которые видела в кристалле — солнечной системе и человеческом теле. Знал ли он, что означали эти рисунки?

— Когда я в первый раз увидел кристалл собственными глазами, — ответил Аштар, — на рисунке была наша Галактика. Потом этот рисунок сменился солнечной системой. Вполне возможно, что то, что вы увидели, было отражением моего времени, в котором мы колонизировали все планеты. А то, что видел я, связано с выходом человека за пределы солнечной системы и освоением галактики. Это может означать, что кристалл приспосабливается к той эре, в которой он оказывается. Хотя в таком случае непонятно,

почему это был рисунок человеческого тела, а не планеты Земля. Это было тело мужчины или женщины?

Этого Эдит не могла сказать с уверенностью.

Аштар покачал головой. На его лице было написано изумление. Даже не пытаясь его скрыть, он сказал:

— Поразительно. Такой маленький предмет и такие невообразимые возможности.

Он добавил, как бы разговаривая сам с собой:

— Это наверняка мощные поточные структуры. В таком кристалле недостаточно атомов, чтобы действовать, кроме прочего, и как панель управления.

Фактически он уже ответил на ее следующий вопрос, но она все же решила задать его.

Аштар вздохнул:

— Нет, кристалл совершенно определенно не принадлежит тридцать пятому веку. Он появился абсолютно неожиданно. Я полагаю, что он прибыл из будущего, совершая скачки в пятнадцать столетий.

— Но зачем его нужно посылать в прошлое? — В вопросе Эдит звучало явное недоумение. — Какой в этом смысл?

Коренастый человек взглянул на нее с инте-

ресом:

— Мысль о том, что кристалл был отправлен в прошлое с какой-то целью, мне не приходила в голову. Это настолько дорогая и ценная вещь, что мы считали ее появление в прошлом случайностью.

Немного помолчав, он добавил:

— Почему вы не хотите, чтобы я пошел и познакомился сам со второй Эдит Прайс? А вы тем временем вернетесь в Харкдэйл. Если я найду кристалл, я разыщу вас там.

Этим он хотел подчеркнуть, что собирается действовать с ней заодно. На самом же деле кристалл не представлял для него никакой ценности, пока он не найдет и не убьет ту Эдит Прайс, на которую был ориентирован кристалл.

Здравомыслие подсказывало Эдит, что ей не следует доверять этому человеку. Но с другой стороны, являясь представителем тридцать пятого века, он может иметь и соответствующее оружие, а значит, предложение сотрудничества при полном контролировании ситуации им можно было расценить как очень широкий жест.

Подумав, она согласилась.

Она проводила его взглядом и видела, как он сел в сверкающий новенький автомобиль и отъ-

ехал. Она только отметила, что машина была средних размеров, но слишком поздно сообразила посмотреть, что это за марка. Точно так же до нее слишком поздно дошло, что надо было запомнить номер машины.

«Я самая что ни на есть третьесортная Эдит Прайс», — язвительно подумала она о себе.

Она не обратила внимание на машину, которая стояла немного поодаль. Из нее вышла женщина и направилась к телефонной будке, как будто хотела позвонить.

Поравнявшись с Эдит, она внезапно остановилась и спросила:

— Эдит Прайс — это вы?

Эдит обернулась.

К ней обращалась симпатичная блондинка лет тридцати, которую она видела в первый раз в жизни. Хотя никакой опасности Эдит не чувствовала, она непроизвольно попятилась назад.

— Д-да, — ответила она.

Женщина повернулась к машине и крикнула:

— Все в порядке, Сет.

Из машины вылез Сет Митчелл и быстро направился к ним. Он был хорошо одет, как и Сет Митчелл в золотистом «кадиллаке», но все же он был другим. Черты его лица были более реши-

тельными, а в движениях сквозила уверенность.

— Я — частный детектив, — сказал он. — С кем вы только что разговаривали?

Эдит рассказала все без утайки.

* * *

Они зашли в кафе, где и состоялась беседа. Эдит Прайс одновременно обрадовалась и огорчилась, когда узнала, что детективы провели в Харкдэйле два дня и вышли на ее след по телефонному звонку в больницу, который она сделала, чтобы справиться о Билли Бингхэме. Начав за ней следить, они скоро обнаружили, что тем же самым занимается и какой-то коренастый человек. Именно поэтому не одна, а целых три машины прибыли в Нью-Йорк сегодня утром из Харкдэйла: Эдит, Аштара и их собственная.

Обмен информацией занял некоторое время и несколько чашек кофе. Эдит, правда, отказалась от последней чашки, внезапно подумав, что пить много кофе вредно и что кристалл может это каким-нибудь образом учесть. Она грустно улыбнулась тому, сколько добровольных ограничений она начала на себя взваливать. Как будто и в самом деле Бог не умер.

Когда они вышли из кафе, Сет Митчелл по-

звонил второй Эдит Прайс. Из будки он вышел озабоченным.

— Телефонистка сказала, что Эдит Прайс вышла двадцать минут назад с каким-то человеком. Боюсь, что мы опоздали.

Из того, что рассказала Эдит, он сделал вывод, что Аштар — опасный человек. Они решили дождаться возвращения второй Эдит Прайс. Но хотя они пробыли в Нью-Йорке до одиннадцати часов вечера, они так и не дождались ее возвращения в пансион.

* * *

Она и не могла вернуться. Вот уже несколько часов она лежала на дне Ист-Ривер с пулей в голове и привязанными к ногам камнями.

Кристалл был у Аштара.

К его крайней досаде, убитая Эдит не была ориентиром камня.

Весь вечер и часть ночи он провел за сборкой особого оружия. У него было предчувствие, что ему понадобятся все его знания и силы, чтобы справиться с Эдит, которая, как он полагал, вернулась в Харкдэйл.

Глава 7

Поскольку было уже поздно и они могли утром позвонить второй Эдит Прайс по междугородному телефону из Харкдэйла, они решили вернуться. По просьбе Эдит Сет Митчелл сел за руль ее машины, а Мардж поехала за ними одна.

По дороге детектив Митчелл сообщил Эдит, что он считал ее ориентиром кристалла. Он также полагал, что ее мнение о фермере Сете Митчелле как наихудшем из всех Митчеллов предопределило его печальный конец. Судя по всему, кристалл, руководствуясь ее мнением, дезинтегрировал фермера в тот момент, когда она отправила ему посылку.

Логика детектива поразила Эдит.

— Но я, — дрожащим голосом заметила она, — не имела в виду ничего такого. Бедный Митчелл! — По ее лицу струились слезы.

— Разумеется, вы этого не хотели, — отозвался детектив. — Чтобы удостовериться, что я все правильно понял, расскажите мне еще раз последовательность своих мыслей. Это было до того, как вам пришла в голову мысль уехать из Харкдэйла?

— Нет, после.

— И правильно ли я понял, что вы размышляли, не вернуться ли на почту и не забрать ли назад посылку?

— Да, я подумала об этом, — ответила Эдит, — но все-таки решила не возвращаться.

— Я полагаю, что по крайней мере еще одна Эдит Прайс вернулась на почту забрать посылку.

— Но все это так запутанно. Как могла эта Эдит просто уехать, бросив все: машину, одежду, деньги?

— Я думал об этом на своем собственном примере. Судя по всему, кристалл может запросто справиться со всеми этими нестыковками. Взять хотя бы меня. Я никогда не думал о возвращении в Харкдэйл. Эта мысль мне никогда даже в голову не приходила.

Он помолчал.

— Но разве у вас в жизни не было таких непонятных моментов?

— Насколько я помню — никогда!

Сет Митчелл кивнул.

— Я так и понял. Мне кажется, я знаю, как решить эту невероятную проблему, а нам даже неизвестно, где находится кристалл.

* * *

Цепь его рассуждений была достаточно простой. Вернув Билли Бингхэма по ее приказу, кристалл поместил мальчика примерно за две мили от Эдит. Правда, в этот момент она держала кристалл в руке. Но это не подходило к случаю с ее негативной оценкой фермера, к тому, что произошло, когда она отправила посылку и находилась в нескольких сотнях ярдов от почты.

Если она в самом деле дезинтегрировала придурковатого фермера, то тогда расстояние в ориентации кристалла на конкретного человека, в данном случае — Эдит Прайс, не имело никакого значения.

Выслушав детектива, Эдит ответила не сразу.

— Вы не согласны? — спросил Митчелл.

— Я думаю, — ответила Эдит. — Вполне возможно, ориентиром являюсь не я.

— Завтра мы это проверим.

— А как насчет Аштара? — спросила Эдит. — Меня не покидает мысль, что у него может быть какое-то необычное оружие. И кроме того, кристалл на него не действует. Что вы на это скажете?

— Об Аштаре я подумаю, — ответил детектив.

Пока Митчелл размышлял, Эдит вспомнила вопрос Аштара о рисунке в кристалле: был ли это рисунок мужчины или женщины?

Она задумалась об этом всерьез в первый раз и, сидя в темноте возле детектива, поняла, что ее мысль работает в двух направлениях.

Первое: она попыталась мысленно восстановить рисунок в кристалле. И второе…

Глава 8

Сидя рядом с Митчеллом, она молча разглядывала его профиль. «Какой он все-таки умный, — подумала она. — И все же он всего-навсего детектив. Какой бы стройной ни была его логика, он не может быть самым лучшим из всех Сетов Митчеллов. Человек с такой профессией должен относиться к середнячкам, а в данном случае это все равно, что быть наихудшим».

И он исчез.

Еще несколько секунд машина продолжала катиться по прямой, но поскольку никто уже не нажимал на педаль газа, она в конце концов вильнула в сторону.

Эдит вскрикнула и вцепилась в руль, пытаясь выровнять движение. Машина вильнула еще сильнее, но Эдит удалось перебраться на место водителя и нащупать педаль тормоза. Остановившись, она несколько секунд сидела без движения, переживая случившееся.

Помощница детектива Мардж сбавила скорость, увидев, что в первой машиной не все ладно. Остановившись сзади, она вылезла из машины и подошла.

— Сет, — начала она, — что…

Эдит распахнула дверцу и выползла на дорогу, не в силах унять дрожь. У нее было непреодолимое желание куда-нибудь убежать и спрятаться. Она не чувствовала своего тела и не могла заставить себя сосредоточиться. Захлебываясь и всхлипывая, она рассказала о том, что произошло.

Из бессвязных объяснений Эдит Мардж не сразу поняла, что случилось. Когда до нее наконец дошел смысл происшедшего, она опешила и, схватив Эдит за плечи, начала трясти ее и кричать в истерике:

— Идиотка! Идиотка!

Эдит старалась вырваться, но Мардж вцепилась в ее платье мертвой хваткой.

Эдит было больно. Сначала заболела шея, а потом руки.

«Я должна соблюдать осторожность, — подумала Эдит. — Я не должна делать или говорить ничего, что может повредить ей».

Эта мысль вернула ее к жизни. Только сейчас она поняла, что у Мардж просто истерика. Ее физические действия были непроизвольной реакцией организма, находящегося на грани безумия от горечи потери.

С пониманием пришла жалость. Ей удалось освободиться от вцепившейся Мардж простым движением, и она несильно ударила ее по щекам несколько раз. Наконец Мардж обмякла и, прислонившись к машине, начала всхлипывать:

— Боже мой, боже мой…

С запада потянуло свежим ветром. Они стояли в свете включенных фар, вырывавшем из темноты кусок дороги. Теперь обе женщины достаточно пришли в себя, чтобы обсудить создавшееся положение. Эдит попыталась вернуть детектива с помощью той же команды, что и Билли Бингхэма:

— Я хочу, чтобы детектив Сет Митчелл вернулся назад! Немедленно!

Она боялась, что это не поможет, ведь Сеты Митчеллы должны были исчезнуть один за другим, и она оказалась права. Прошло несколько минут. Хотя она много раз пыталась дать команду, меняя слова и интонацию — все было бесполезно. Половина дня, которую Эдит провела с детективом, полностью изменила ситуацию, ее характер стал управляемым.

В конце концов отчаявшиеся женщины продолжили свой путь в Харкдэйл. Мардж, забронировавшая номер в гостинице, направилась туда,

а Эдит поехала домой.

Было почти четыре часа утра, когда она наконец добралась до своей квартирки. Изможденная, она упала на кровать прямо в одежде. Уже засыпая, она вдруг подумала:

«Разве может лучшая из всех Эдит Прайс позволить себе неряшливость?»

Буквально падая с ног от усталости, она скатилась с кровати, разделась, приняла душ, почистила зубы, расчесала волосы, переменила простыни и надела чистую пижаму.

Она внезапно проснулась без четверти шесть, и первой ее мыслью было то, что конформизм — не лучшее решение. Все ее приготовления ко сну были связаны с полученным в детстве воспитанием и никак не были связаны с тем, чем она стала в жизни и как ей следовало распорядиться отпущенными ей талантами.

Она опять уснула, и ей снилась бесконечная вереница других Эдит Прайс, каждая из которых могла похвастаться каким-нибудь благородным и достойным качеством.

Проснувшись утром, она увидела, что уже совсем светло. Ей пришло в голову, что все образы, которые ей пригрезились во сне, наверное, воплощены в жизнь кристаллом в разных уголках

Земли. Наряду с Эдит-хиппи и Эдит-неряхами, без сомнения, существовали законопослушные и утонченные Эдит.

Эдит впервые осознала, насколько бессмысленными были ее попытки пересилить себя и стараться стать другой в последние тридцать шесть часов. Было глупо состязаться в стрельбе с Эдит, связанными с преступным миром, и в опрятности — с Эдит из высшего света.

— Все это было бессмысленно, — прошептала она. — Решение, вполне возможно, будет приниматься на основании таких же импульсивных мыслей, как моя, которая ненамеренно обрекла на небытие больного фермера и мужественного, но — увы — несовершенного детектива.

Не имея критериев, по которым можно оценивать людей двадцатого века, кристалл уничтожил сильного и хорошего человека из-за мимолетной мысли, посетившей ту, на которую он по чистой случайности был ориентирован. Это значило, что будущее всех Сетов Митчеллов и Эдит Прайс, включая и оригинал, было довольно мрачным.

Когда она проснулась в следующий раз, пора было вставать и отправляться на работу. Наступил новый день размышлений о том, какой должна быть самая лучшая Эдит Прайс.

Одевшись, она посмотрела в окно: вдалеке поблескивала голубая полоска озера Нараганг и были видны строения центрального квартала города, подступавшие прямо к воде невдалеке от гостиницы. Приятный маленький городок Харкдэйл. Эдит вспомнила, что когда она впервые приехала сюда, то подумала, что по крайней мере здесь, в отличие от Нью-Йорка, не надо будет так заботиться о том, как она выглядит.

Она не могла удержаться от улыбки. Прошлой ночью она вновь вернулась на круги своя, поняв, как важно не давать себе распускаться. Стараясь поступать по-женски, она сказала себе: «В конце концов, я — женщина», — и надела самое нарядное платье.

И все же в глубине души у нее затаился страх, что все это напрасно. Опасность была совсем рядом — Эдит могла умереть еще до конца этого дня.

Было глупо идти на работу в день, который мог оказаться последним в жизни, но она пошла.

Она выполняла свои обычные обязанности, но чувствовала, что совершенно подавлена. Дважды машинально взглянув в зеркало, она поражалась своей бледности и нездоровому взгляду.

«Это совсем на меня не похоже, — говорила она

себе. — Нельзя обо мне судить по этому».

Кристалл не должен был списать ее со счетов из-за того, что она была не в себе. Каждую минуту перед ее глазами проносились образы других Эдит, и у каждой была надежда, что именно у нее был заветный ключ к выживанию. Среди них была монахиня Эдит, всю жизнь прожившая в монастыре. Другая благочестивая Эдит, бывшая замужем, свела интимную жизнь до минимума и посвятила себя воспитанию детей. Среди Эдит была даже последовательница буддизма.

Она уже звонила Мардж Эйкенс в гостиницу. Около двух часов пополудни Мардж позвонила сама и сообщила, что пыталась связаться со второй Эдит в Нью-Йорке, но та так и не вернулась домой.

Сообщив эту неутешительную новость, Мардж добавила:

— Таким образом, если Аштар попытается связаться с тобой, ни под каким предлогом не соглашайся на встречу, пока он не вернет Сета Митчелла с «кадиллаком» и нью-йоркскую Эдит Прайс.

После этого звонка перед глазами Эдит проследовала новая вереница Эдит Прайс, отличавшихся благообразием и послушанием. Каким-то

образом они все были так или иначе связаны с тем, чему ее учили в детстве, и против чего она выступала в колледже.

Ее мысли неожиданно прервал голос мисс Тилзит:

— Вас к телефону, Эдит.

Взяв трубку, Эдит почувствовала на себе неодобрительный взгляд мисс Дэйвис. Хотя это был первый звонок ей за шесть месяцев работы в библиотеке, старший библиотекарь выглядела разъяренным работодателем, чаша терпения которого уже переполнилась.

Однако Эдит моментально о ней забыла, услышав в трубке мужской голос. Это был Аштар.

— Мне нужно с вами встретиться сразу после работы, — сказал он.

— В гостинице… в холле… — Ее голос дрожал.

Глава 9

Аштар вышел из телефонной будки. На его лице играла кривая улыбка. Теперь, когда он обладал кристаллом, у него было две возможности одержать победу.

Первая заключалась в убийстве нынешней ориентации кристалла. Эту возможность он упускать не собирался. Он решил, что Эдит никогда не доберется до гостиницы.

Однако убийство Эдит грозило одним осложнением. Хотя он и пришел к выводу, что именно она была ориентацией кристалла, но если он ошибся, то, уничтожив ее, лишался единственного источника, через который мог бы выйти на других Эдит.

И все-таки он решил рискнуть.

Тем не менее он принял меры предосторожности и вытащил кристалл из земли, которая его подпитывала. Он — не знал, сколько времени пройдет, пока кристалл, лишившись подпитки, не потеряет накопленную энергию, но решил, что не больше двух недель. Затем он переориентирует его на того, кто вновь вернет его к жизни. Разумеется, на самого себя.

Обладая особым, проникающим сквозь любые преграды оружием, он твердо верил, что еще до конца дня станет единственным обладателем самого совершенного механизма всех времен и планет — кристалла.

* * *

«Харкдэйл-отель» был популярным курортным пансионом. Высокие цены обеспечивали высокие доходы. Немалая часть средств была благоразумно вложена в богатый интерьер, дорогую мебель и вышколенный персонал.

У администратора, чья смена была в тот день, было свое понимание того, в чем заключался его истинный профессионализм: умение при необходимости забывать виденное.

Именно таким профессионалом он и был. О себе он говорил, что является ценным приобретением для гостиницы. Его звали Дерек Слейд. Он объяснял, что сам искал места в маленьком курортном городке из-за ностальгии по сельской жизни. Его умение закрывать глаза на то, чего, по его мнению, не следовало замечать, привело к тому, что он в тот знаменательный день, зарегистрировал четырех Сетов Митчеллов. Каждый раз, когда приезжал новый Сет Митчелл, Слейд

полагал, что это был один и тот же человек, но в сопровождении другой женщины. Ему казалось, что он начинал понимать, что к чему, когда появился пятый Сет Митчелл и на этот раз — в одиночестве.

Дереку потребовалось всего несколько мгновений, чтобы выработать нужную линию поведения. У этого Сета Митчелла было четыре женщины в разных номерах, и ему еще был нужен отдельный номер для себя. Зачем? Дерек решил, что это его не касается. Он часто говорил себе, что жизнь полна неожиданностей. Он отмечал факты, но не старался их осмыслить.

— Вы можете на меня полностью положиться, мистер Митчелл, — с ударением произнес он, понизив голос.

Сет Митчелл удивленно поднял брови и, взглянув на Дерека, кивнул, слабо улыбнувшись.

Дерек был доволен собой. Его замечание тянуло на чаевые не меньше двадцати долларов.

Он продолжал об этом думать, когда двери лифта открылись и вышедший Сет Митчелл направился к стойке. Когда он с ней поравнялся, стоявший у конторки Сет Митчелл повернулся и пошел за коридорным, который нес его чемоданы.

Едва не столкнувшись, оба Сета Митчелла пробормотали несколько слов извинений и собирались продолжить свой путь, когда Дерек пришел в себя.

Это был один из лучших моментов его жизни. Повысив голос, он четко и ясно окликнул:

— Мистер Митчелл!

Услышав свое имя, произнесенное властным тоном, оба Митчелла замерли на месте.

— Мистер Митчелл, — продолжал Дерек, — позвольте вам представить мистера Митчелла. Джентльмены, я попрошу уделить мне минуту внимания.

Он заставил их немного подождать, позвонив по всем номерам, где поселились остальные Сеты Митчеллы, и попросив их спуститься вниз. Один из двух Сетов, уже находившихся в фойе, пришел в себя быстро, вид другого выдавал замешательство. Через несколько минут в холле собрались все пять Сетов Митчеллов.

Из всех присутствовавших лишь один человек не привлекал никакого внимания. Это был Дерек Слейд. Его это вполне устраивало, ибо он мог без помех наблюдать за происходящим.

Четверо из пяти Сетов Митчеллов были очень возбуждены и кричали друг на друга, размахи-

вая руками. Пятый, тихо улыбнувшись, отошел в сторону. Почти одновременно все четверо смутились и замолчали. Наступившую тишину нарушил голос Дерека:

— Джентльмены, почему бы вам не пройти в зал заседаний и не обсудить случившееся там?

В этот момент в гостиницу вошла Мардж и увидела в профиль последнего из Митчеллов, входившего в зал заседаний. Она сильно побледнела и бросилась вперед.

— Сет! — закричала она, и слезы брызнули у нее из глаз. — Боже мой, я была уверена, что ты умер!

Схватив последнего мужчину за рукав, она остановилась. Он обернулся — это был не ее Сет Митчелл.

* * *

После, когда Мардж рассказала все, что ей было известно, и они узнали о существовании Эдит, она предложила позвонить ей в библиотеку и пригласить ее прийти пораньше.

Трое из Сетов Митчеллов были против. Выслушав их всех по очереди, Мардж взглянула на эти удивительно знакомые лица, но в глазах только одного из них она заметила характерную искорку

понимания. И все же все они проявили ту же смекалку и рассудительность, которую она так часто наблюдала у своего шефа.

Сет Митчелл из Монреаля сказал:

— Первое, что мы должны сделать — это защитить себя от непроизвольных умозаключений этой молодой женщины, которые привели к уничтожению фермера Митчелла и детектива Митчелла.

Второго Митчелла, отличавшегося чуть более низким голосом, беспокоил Аштар.

— Убив Эдит Прайс номер два, Аштар, должно быть, завладел кристаллом и только потом выяснил, что не убитая была его ориентацией. Поэтому, — заключил он, — нам следует прежде всего защитить ту Эдит, которая является его ориентацией.

Таким образом, все согласились, что главной проблемой является доставить ее в целости и сохранности в гостиницу, а уж потом — что с ней делать дальше.

Третий Сет Митчелл полагал, что вопрос заключался не столько в том, что она думала о мужчинах, сколько в ее стереотипном подходе к тому, какой должна быть женщина. Видимо, кристалл послушно создал длинную вереницу Эдит

Прайс, которые были самыми обыкновенными людьми, каждая со своей системой ценностей, и отличавшимися друг от друга тем, как, по их мнению, следовало жить в двадцатом веке.

— В качестве примера того, как мне хочется, чтобы она распорядилась кристаллом, является прежде всего создание Эдит Прайс с сверхъестественными способностями. Зачем? Чтобы она могла понять ситуацию и найти из нее выход.

Эта мысль была встречена с одобрением. Она безусловно вселяла надежду — если, конечно, была осуществимой.

Четвертый Сет Митчелл, хранивший мрачное молчание, на этот раз отозвался:

— Было бы интересно, если эти сверхъестественные способности включат возможность нахождения Сета Митчелла, который, — он кивнул в сторону Мардж, — заплатил вашему шефу тысячу долларов, чтобы найти кристалл.

Сет, приехавший в гостиницу последним и не проявлявший той озабоченности, которая сквозила в словах остальных, жизнерадостно заметил:

— Вам не нужно его искать. Он — это я.

Когда возгласы удивления и посыпавшиеся вопросы наконец утихли, он продолжил:

— Чтобы ответить на ваш основной вопрос:

я тоже, как и все вы, видел сон. И точно так же, как непонятно каким образом у наихудшего из Аштаров появился в голове адрес одного из Сетов Митчеллов, у меня наутро после сна появился адрес детектива Сета Митчелла.

— Но почему вы не отправились за кристаллом сами? Зачем платить тысячу долларов?

Митчелл-холостяк опять улыбнулся:

— Мне очень неприятно вам об этом говорить, и в ваших интересах, чтобы мисс Прайс этого не узнала, но, судя по моим мыслям после сна, я — самый лучший из всех Сетов Митчеллов.

На этот раз поднявшийся шум успокоился не сразу, и как только установилась тишина, Сет Митчелл продолжал, отвечая на главный вопрос:

— Я не знаю, почему я лучший. Я нанял другого приехать сюда вместо меня, потому что чувствовал опасность. Но сегодня я прибыл сам, потому что кризис достиг апогея. Я не знаю, что нужно сделать. У меня даже нет уверенности, что мое присутствие может сыграть решающую роль. Я просто знаю, что если от меня потребуется нечто, то я это сделаю. Я не думаю, что нам сейчас следует заострять на этом внимание, — продолжал он. — Нам предстоит многое сделать, но сначала

надо закрыть вопрос с Эдит Прайс. Времени терять больше нельзя.

Они все были законопослушными гражданами и поставили в известность полицию, которая проверила мотель, где останавливался Сет Митчелл с золотистым «кадиллаком». Выяснив номер машины, полиция связалась с Нью-Йорком и узнала место работы Сета. Машина оказалась на обычной стоянке, но сам Сет не появлялся на работе уже несколько дней. Был получен ордер на арест коренастого человека, о котором было известно только его имя — Аштар.

* * *

Поскольку в Харкдэйле было всего несколько полицейских, Аштару удалось незамеченным добраться до центра города и припарковаться на стоянке библиотеки. Он рассчитал время так, чтобы оказаться там за минуту до официального закрытия библиотеки.

Дымка. Сумерки быстро сменялись сгущавшейся темнотой. Несколько последних посетителей библиотеки выезжали со стоянки, когда наконец показалась Эдит Прайс.

Она с удивлением заметила, что около библиотеки стоит пожарная машина с включенным

двигателем. Но ее мысли занимала в основном предстоящая встреча в гостинице, находившейся, как ей внезапно показалось, слишком далеко. Поэтому присутствие большой машины произвело на нее, скорее, успокаивающее действие.

Чтобы подойти к своей машине, ей нужно было обогнуть пожарную. Как только она приблизилась, пожарная машина тронулась с неимоверным ревом. Эдит остановилась и подалась назад — эго и спасло ей жизнь.

Поравнявшись с ней, машина взвизгнула тормозами и остановилась.

Где-то за машиной багряная вспышка осветила небо.

Глава 10

Хотя Эдит этого и не видела, но источником вспышки была одна из машин, выезжавших со стоянки. Подобно трассирующей пуле, луч света, вылетевший из машины, пронзил пожарную. Встретив на своем пути препятствие, этот луч издал звук, раздавшийся на Земле впервые: низкий и непрерывный треск рвущихся химических связей атомов металла.

Миниатюрная пуля пробила толстую стальную обшивку пожарной машины, преобразившись в микроскопическую точку, легко проникавшую сквозь молекулы стали. Преграда ничуть не замедлила ее движения. В самом деле, в двадцатом веке не существовало преграды, способной замедлить движение пули хотя бы на фут в минуту. Ни толстая броня крейсера, ни сама толща Земли.

Это была ружейная пуля, летевшая по прямой и сквозь воздух, и сквозь металл. Она должна была пронзить, не отклонившись, и тело Эдит.

Тем не менее, пробив обшивку пожарной машины, продолжавшей двигаться, пуля пролетела в каких-то двадцати дюймах от отпрянувшей женщины.

Она пробила стену библиотеки и, пролетев через все здание, устремилась в ночь. Точно рассчитанный запас кинетической энергии заставил ее пролететь еще несколько сот ярдов, после чего она упала на землю.

Через несколько мгновений двое одетых в гражданское полицейских разрядили свои винтовки, целясь в водителя машины, из которой вылетел луч света.

Звук выстрелов застал Аштара врасплох, но у него было устройство, многократно усиливавшее прочность стекла и металла машины, поэтому выпущенные пули не причинили ему никакого вреда.

Его больше беспокоило то, что у него самого осталось всего несколько пуль и он не знал, сколько сил привлечено к этой расставленной на него западне. Он резко нажал на педаль газа, и его машина буквально вылетела со стоянки.

За ним устремилась машина полицейских, мигая огнями сирены. Поскольку ни они, ни их оружие не представляли для него никакой опасности, он больше всего боялся, что дорога перекрыта кордоном. Он свернул на одну из боковых улиц и через несколько минут неподалеку от отеля заманил полицейских в переулок,

который он хорошо изучил, пройдя несколько раз пешком.

Убедившись, что его план удался, он сбавил скорость, открыл окно и, выглянув, быстро прицелился в приближавшуюся машину полицейских. Вылетевший луч света попал прямо в двигатель, и раздался взрыв. Машина полицейских разлетелась на мелкие осколки.

Аштар быстро развернулся и направился в сторону гостиницы. Неожиданно ему пришла в голову мысль, что по каким-то неизвестным ему причинам его время истекает. И все же ему казалось, что от него требовалось только проникнуть в отель и выстрелом остановить сердце одного, всего лишь одного человека. Через несколько минут он проник в гостиницу через окно кухни и быстро прокрался в темную кладовку с бетонным полом. Когда он пробирался к двери, ему представилось, что за ним наблюдают его коллеги по великой Гильдии Ученых, и ему стало неловко, что они видят его в такой неприглядной ситуации. «Разумеется, — утешил себя Аштар, — это будет совершенно неважно, когда у него окажется кристалл». После его возвращения в свое время произойдут большие перемены: несколько сот членов Гильдии были обречены

на уничтожение.

Он осторожно приоткрыл дверь и уже решил выйти в коридор, когда услышал за собой какой-то слабый звук. Резко обернувшись, он направил на звук свое оружие.

Пронзившая руку мгновенная острая боль заставила его выпустить пистолет. Оружие выскользнуло из повисшей плетью руки и упало на землю с громким стуком. Он понял, что против него самого была применена техника тридцать пятого века, и в тот же момент увидел в дверном проеме невысокую коренастую фигуру.

Испытывая невыносимую боль, Аштар залез во внутренний карман, достал кристалл и протянул его незнакомцу.

Второй Аштар не проронил ни слова. Он прикрыл дверь, взял кристалл и, нагнувшись, поднял с пола пистолет. После этого он перешагнул через пленника и вышел в коридор, заперев за собой дверь.

Только после этого наихудший из Аштаров обрел способность соображать и двигаться. Он тут же попытался открыть дверь, чтобы выбраться на улицу через окно, в которое он проник, но дверь была заперта, а взломать ее было невозможно. Аштар бросился к другой двери.

Когда выяснилось, что она тоже заперта и совсем не поддается его попыткам взломать ее, он наконец понял, что оказался в плену молекулярных сил своего времени. Единственное, что ему оставалось, это сесть на бетонный пол и терпеливо ждать своей участи.

Аштару было ясно, что события с кристаллом будут развиваться дальше без его участия. Возможно, так оно было и лучше: чем больше Аштар размышлял, тем ему становилось яснее, что он недооценивал реальную опасность, в которой оказался по собственной инициативе. Был ли выход из игры для него защитой от опасности? Этого он не знал.

В напавшем на него человеке он узнал лучшего из Аштаров. Его вполне устраивало, что именно этот, другой Аштар будет участвовать в отчаянной попытке людей из двадцатого века спасти свою жизнь.

Эта женщина Прайс оказалась куда умнее, чем он предполагал. Это значило, что автоматическая запрограммированность кристалла дезинтегрировать всех, кроме самых лучших, неизбежно должна была вызвать отчаянное сопротивление с ее стороны. Во всяком случае Аштару так казалось.

Поэтому в данный момент лучше держаться от них всех подальше.

* * *

Самый лучший из Аштаров прошел через холл гостиницы к залу заседаний. Все пятеро Сетов Митчеллов поджидали его у закрытого входа в зал, в котором находилась только Эдит Прайс. Аштар подал им условный знак и протянул пистолет одному из Сетов. После очень тщательного обыска его подвели к Мардж, стоявшей у самой двери.

Аштар подал Мардж другой условный знак. Убедившись таким образом, что это именно дружественный им Аштар, которого создала Эдит в качестве первого шага их плана, его впустили в зал заседаний.

Аштар положил кристалл на стол прямо перед Эдит. Когда она машинально потянулась, чтобы взять его, Аштар перехватил ее руку.

— У меня такое предчувствие, — сказал он, — что на этот раз, когда вы, его истинная ориентация, возьмете его в руки, наступит кульминация.

Ей показалось, что его голос и слова звучат откуда-то издалека. Эта мысль уже приходила

ей в голову раньше, когда она решила вызвать к жизни самого лучшего из Аштаров. Тогда тоже была кульминация.

Она, однако, помедлила, отдавая должное его знаниям и опыту. Эдит чувствовала, что в ней борются два противоречивых желания. Одно заключалась в том, чтобы уступить накопившейся усталости и покорно принять неизбежное, лишь бы не начинать все сначала.

Другое — проявить хладнокровие и рассудительность, как это уже было, когда она поняла, что худший из Аштаров попытался убить ее.

Тогда к ней вдруг пришло прозрение, отодвинувшее назад все сомнения, так мучившие ее уже несколько, дней. Было ли лучше проявлять решительность и уметь стрелять или же быть мягкой и женственной — не имело никакого значения. Истинным критерием было проявление гибкости в непреклонном достижении поставленной цели.

Способность адекватно реагировать на происходящее. Секрет заключался именно в этом.

Она вспомнила это, и от желания опустить руки не осталось и следа. Она повернулась к Мардж и бесстрастно спросила:

— Рассказать мне ему о том, что мы обсуждали

в его отсутствие?

Мардж кивнула.

Аштар слушал, и на его лице было написано сомнение. Наконец он сказал:

— Не исключено, что вызов кристаллом одного из своих создателей является именно тем, чего эти создатели ждут от вас.

— Именно так мы и подумали, — ответила Эдит. Она по-прежнему не испытывала никакого страха, — Мы полагаем, что поскольку кристалл запрограммирован на нахождение лучшего из всех существующих и лучшим из Аштаров оказался достойный человек, то создатели кристалла прекрасно понимают разницу между плохим и хорошим. Это позволяет рассчитывать на то, что общество будущего, обладая такими же ценностями, не причинит нам вреда. Поэтому, — добавила она, — я и вызвала вас к жизни, чтобы проверить, правы ли мы.

— Звучит логично, — осторожно отозвался Аштар, — но я чувствую здесь какой-то подвох.

— Ничего более конкретного? — спросила она.

— Нет, — Он помедлил и пожал плечами. — А почему бы в качестве первого шага не взять кристалл — просто взять его в руки — и не узнать, прав ли я, что этого будет вполне достаточно?

Если я не прав, то это развеет все сомнения.

— Вы не хотите, чтобы я смотрела на рисунок?

Сеты Митчеллы пришли к выводу, что именно это было ключом ее власти над кристаллом. Они подробно расспросили Эдит о ее мыслях и действиях, непосредственно предшествовавших трем случаям выполнения кристаллом ее команд. Стало ясно, что когда она мысленно или фактически разглядывала рисунок и отдавала команду, то команда выполнялась.

— И все-таки, — отозвался Аштар, — я думаю, что нас ждут неожиданности.

Слова и интуиция человека будущего, перенесенного на полтора десятка веков назад, на мгновение поколебали решимость Эдит, но она быстро взяла себя в руки.

— Дело в том, — сказала она вслух, — что у нас просто нет выбора.

С этими словами она решительно протянула руку и взяла кристалл.

У Эдит перехватило дыхание.

Человек, который вышел из угла, где он материализовался, был гигантом. Семь, восемь, девять футов — она никак не могла точно определить его рост.

Его одежда, похожая на доспехи воина времен

Древнего Рима, бронзовое тело, крупные черты лица, темные, как уголь, глаза, уверенные движения — все свидетельствовало о врожденной власти, не испытывавшей сомнений или страха.

Он сказал низким голосом:

— Я — Шалил, лучший из всех возможных.

Глава 11

В затянувшейся паузе Эдит ждала, когда он закончит предложение. Она полагала, что в конце он должен назвать свое имя. Наконец она сообразила, что предложение было законченным. Создатели кристалла направили самого достойного представителя своей расы, чтобы найти выход из сложившейся ситуации.

Мардж, находившаяся у порога, покачнулась и, издав стон, стала сползать на землю. Два Сета Митчелла, стоявшие с остальными в коридоре и не видевшие великана, бросились, чтобы поддержать ее. Увидев его, они замерли на месте, не в силах отвести от него взгляда. Три остальных Сета Митчелла поспешили войти, чтобы узнать, в чем дело.

Они двигались как по команде, и последний из них прикрыл за собою дверь.

Оказавшись все вместе, они услышали дрожавший от напряжения голос самого лучшего из Аштаров:

— Мисс Прайс… Уничтожьте его! Он пришел не с добром!

Великан усмехнулся.

— Вы не можете уничтожить меня, — сказал он на чистом английском своим низким голосом. — Разумеется, сейчас только я контролирую кристалл и никто другой. Понятие «добра» является очень относительным. Я появился с добром для своего времени и тех, кого я представляю.

Его глаза — черные и яркие — обвели взглядом пятерых Сетов Митчеллов, двух женщин и Аштара.

— Кто из вас является биологическим оригиналом человеческих существ? — спросил он.

Его напористость и целеустремленность были пугающими. Эдит сжала кристалл и вопросительно взглянула на Сетов, как бы спрашивая их мнение. Но все они не сводили взгляда с гиганта и, казалось, не замечали ее немого вопроса.

И все же один из Сетов спросил:

— Аштар, в каком смысле он не несет добра?

Аштар покачал головой.

— Я не могу ответить определенно, — с сожалением произнес он. — У меня просто такое чувство. Они послали кристалл в это время с какой-то целью. Его вопрос о биологическом оригинале очень важен. Ни в коем случае не отвечайте ему ни на этот, ни на другие вопросы.

Этот совет был напрасным. Еще не дослушав,

великан направился к двери, и мужчины молча расступились, чтобы пропустить его. Выглянув в коридор, он закрыл дверь и сказал:

— Я прихожу к заключению, что люди этой эпохи являются оригиналами. Именно они и нужны нам для наших экспериментов.

Аштар повернулся к Сетам.

— У одного из вас, — сказал он, — есть пистолет наихудшего Аштара. Застрелите его!

В тот же момент показался пистолет и, увернувшись от двух Сетов, пытавшихся завладеть им, оказался в ладони Шалила. Он засунул его в какую-то складку в одежде.

Самый лучший из Аштаров взглянул на Эдит.

— Что ж, — сказал он, — я сделал все, что мог.

Он повернулся к великану:

— Что будет со мной?

Пристальный взгляд черных глаз внимательно изучал его.

— Кристалл передает мне информацию, — ответил он. — Ты и другой Аштар принадлежите эре, где люди уже биологически изменены?

Аштар хранил молчание. Гигант скривился и затем последовательно изложил то, что наихудший из Аштаров рассказал Эдит в Нью-Йорке, добавив, правда, что первому решению об из-

менении всей расы предшествовала огромная работа по пересадке органов.

Аштар виновато взглянул на Эдит.

— Ему все хорошо известно, — сказал он. — Думаю, что вряд ли испорчу дело, если задам один вопрос.

Не дожидаясь ее ответа, он обратился к великану:

— В тридцать первом веке, почти за четыреста лет до моего времени, было признано, что невысокие и плотные тела обладают лучшими потенциальными возможностями для выживания, нежели высокие- и худощавые. Я вижу, что ваша раса намного выше, крупнее и сильнее, чем то, что было первоначально признано идеальным. Чем это объясняется?

— Необходимостью решать другие задачи, — ответил Шалил. — Моя эпоха, которая по вашим меркам является девяносто третьим веком, является эпохой космоса.

Помолчав, он добавил:

— Поскольку в настоящий момент вы не представляете для нас интереса, я отправлю вас с другим Аштаром в ваше время.

— Подождите! — торопливо воскликнул самый лучший из Аштаров. — А что вы сделаете с этими

людьми? — Он махнул рукой в сторону Сетов и Эдит.

На лице великана опять появилась гримаса.

— Они сейчас всего лишь созданные кристаллом двойники, — нетерпеливо ответил он. — Но нам для наших опытов нужны лишь лучший Сет Митчелл и лучшая Эдит Прайс. Остальные тысяча восемьсот десять Сетов и, — он на мгновение замешкался, — семьсот двадцать три Эдит не представляют для нас интереса. С помощью кристалла мы отобрали самых лучших.

— Но зачем?

— Что-то пошло не так. Нам нужно еще раз изучить природу человека.

— Вам нужны конкретно эти люди, или вы создадите кристаллом их двойников в своей эре?

— Каждая особь существует в единственном экземпляре. Если мы воспроизведем любую из них в другом времени, то эта особь исчезнет здесь.

— Зачем они вам? Разобрать на составные части?

— В конце — не исключено. Это покажет ход опытов. Но это неважно, — добавил он нетерпеливо. — Программа рассчитана на самые сжатые сроки, и объекты исследований нужны очень срочно.

Он повернулся к Эдит:

— Мисс Прайс, дайте мне кристалл. Мы не жестоки, и я хочу отправить Аштаров домой.

Аштар не сдавался.

— Мисс Прайс, не отдавайте ему кристалла. Его уверения, что он полностью контролирует кристалл, могут не соответствовать действительности, но могут стать ею, если кристалл будет у него в руках. Нужно убедить этих пришельцев из будущего, что есть другое, менее болезненное решение их проблем.

Эдит стояла и слушала великана, все яснее понимая, какая страшная угроза нависла над ней. Неожиданно ее страстное желание быть лучшей сменилось на полностью противоположное.

Она, однако, отметила, что по-прежнему не испытывает страха. Ее ум продолжал четко анализировать происходящее. Она знала, что миллионы обрывков мыслей и различные чувства, которые так беспорядочно крутились у нее в голове, пока не пришло прозрение, продолжали оставаться на своих местах, разложенные по полочкам.

Сама она считала, что Аштар ошибался и что она больше не контролирует кристалл.

Они, безусловно, подстраховались созданием

некоего блокирующего механизма, который позволял им восстановить свою власть над кристаллом в любой момент.

Но это требовало проверки.

Она посмотрела на кристалл и произнесла:

— Кто может справиться с этим гигантом, пусть немедленно окажется здесь!

В то же мгновение кристалл был вырван у нее из рук той неведомой силой, что отняла пистолет у Сетов. Она беспомощно наблюдала за тем, как кристалл, проплыв по воздуху, оказался в ладони великана. С торжеством посмотрев на нее, великан сказал:

— Это была интересная мысль. Но все ваши союзники находятся в этой комнате. Больше никого нет.

— В таком случае, — раздался спокойный голос, — настал мой черед, чем бы это ни обернулось.

С этими словами Сет-холостяк вышел вперед и остановился перед великаном.

Наступила долгая пауза. Великан внимательно разглядывал его. Эдит тоже посмотрела на Сета и невольно залюбовалась им. Он был одет в хорошо сидевший темно-серый костюм; черты его лица были твердыми, а глаза оставались спокойными

и бесстрашными. Где-то в глубине души Эдит почувствовала гордость, что в такой ответственный момент рядом оказался этот незаурядный человек. Хотя она и не испытывала никакого страха сама, но с каждым мгновением надежды на благополучный исход оставалось все меньше и меньше.

Тишине наступил конец.

Великан из далекого будущего сказал, четко выговаривая каждое слово:

— Я надеюсь, вы понимаете, что, открывшись мне, вы обрекли таким образом остальных Сетов. В этой эре у кристалла нет альтернативы их уничтожению.

Позади Эдит раздался сдавленный крик Мардж.

Эдит обернулась. Она никак не могла понять, что так напугало ее. Мардж, казалось, задыхалась, и Эдит бросилась к ней и подхватила ее за талию.

— Что случилось? — спросила она.

Мардж по-прежнему задыхалась и с трудом еле слышно произнесла:

— Остальные Сеты… исчезли!

Эдит оглянулась, и ее мысли вернулись на землю. Около двери, где стояли четыре Сета, никого

больше не было. Она едва сдержалась, чтобы не подбежать к двери и не выглянуть в коридор. Ну, конечно же, они только что туда вышли.

Внезапно до нее дошел смысл случившегося.

Они были дезинтегрированы.

— Боже мой! — всхлипнула она.

Взяв себя в руки, она услышала, как гигант продолжал:

— Кроме того, наилучший из всех Сетов Митчеллов просто казался хорошим образцом и к тому же неопасным.

Сет Митчелл продолжал говорить спокойным голосом:

— Я уже сказал, чем бы это ни обернулось. Он взглянул на женщин.

— Поскольку Сеты остаются вариантами кристалла, сейчас они не в большей опасности, чем были бы, если бы это существо выполнило свои угрозы. То же самое, вполне возможно, относится и к Сету в «кадиллаке» и убитой в Нью-Йорке Эдит.

Он продолжал, обращаясь к Шалилу:

— Аштаров лучше всего вернуть в их время.

Наступила секундная пауза, и выражение глаз великана на мгновение изменилось, как если бы он размышлял.

— Готово, — наконец сказал он.

Эдит взглянула туда, где только что находился Аштар. и почувствовала, как к горлу подкатился комок. Усилием воли она опять взяла себя в руки.

Аштар исчез.

Усмехнувшись, Шалил посмотрел на лучшего из всех возможных Сетов Митчеллов и произнес:

— А ведь ты неплохо воспользовался кристаллом, правда? — Он понизил голос почти до шепота. Его лицо выдавало напряжение, как будто он к чему-то прислушивался.

— У тебя одна… две… три, нет — четыре корпорации!

— Я оставил бизнес, когда заработал десять миллионов, — отозвался Сет. Он повернулся к Эдит и пояснил извиняющимся тоном: — Я даже не знал, зачем мне так много денег, раз я не смогу их потратить. Но я поставил себе цель и добился ее.

Не став дожидаться ее ответа, он повернулся к великану

— Все Сеты Митчеллы являются результатом того, о чем мечтал мальчик в зависимости от той информации, которой он располагал. Он без сомнения замечал, что на свете существуют

налоговые инспекторы, адвокаты, бродяги и полицейские. А в таком курортном городке, как Харкдэйл, появлялись весьма обеспеченные люди из Нью-Йорка. В конечном итоге это привело к тому, что, пока их не дезинтегрировали, сейчас есть ковбой Сет Митчелл, африканский охотник, капитан дальнего плавания, пилот самолета и, не исключено, несколько удачливых преступников.

Немного помолчав, он продолжил:

— Мне кажется, что вы этого не поймете. Ведь там, откуда вы пришли, нет маленьких мальчиков. Я прав?

В глазах гиганта впервые промелькнула нерешительность.

— Мы все — творения кристалла. Таким образом, мы, наверное, будем жить вечно. Правда, если нам удастся справиться с тенденцией клеток уставать. — Помолчав, он неуверенно спросил: — А что такое — мальчик?

— Возможно, ваша проблема заключается именно в этом, — сказал Сет Митчелл. — Вы забыли о детях. Вариации генов.

Самый лучший из Сетов Митчеллов продолжал, глядя на пришельца из будущего:

— Я — творение мальчика, который после исчезновения Билли Бингхэма очень долго нахо-

дился в стрессовом состоянии, усугублявшемся давлением со стороны взрослых и их недовольством. В результате этот мальчик находил разрядку в том, что давал волю воображению. Представьте себе мечту о всевластии: некто наделен такой властью, что может наказать всех плохих взрослых, которые принимали тебя за вруна и плохо с тобой обращались… придет такой день, когда ты с ними поквитаешься. Каким образом? Это могло быть неясно для мальчика Сета, который чувствовал себя изгоем. Но когда придет время, он будет знать, и конечно же, он не будет поступать так, как они поступали с ним. Он будет всесильным и в то же время благородным.

Два человека — самый лучший из Сетов Митчеллов двадцатого века и самый лучший из лучших девяносто третьего века — стояли друг перед другом.

— Возможно, — мягко сказал Сет, обращаясь к гиганту, — вам лучше знать, что мог создать кристалл, повинуясь этим командам.

— Раз речь идет о благородстве, — последовал хриплый ответ, — я думаю, что должен исследовать фантазию мальчика самым тщательным образом.

Раздались резкие слова какой-то команды, про-

изнесенные на незнакомом языке.

Эдит слушала этот странный диалог и не переставала вновь и вновь повторять:

— Боже мой, наверное, Бог действительно умер. Эти люди будущего даже не слыхали о нем!

Ее мысли внезапно прервались.

Что-то ударило ее глубоко внутри, и комната, в которой она находилась, погрузилась во мрак. Как бы издалека она слышала голос Сета Митчелла, торопливо говорившего:

— Единственное, что я знаю наверняка, мисс Прайс, это необходимость отправить вас с ним. По-видимому, у вас есть ключ к разгадке, и он в том, о чем вы сейчас подумали, хотя я и не знаю, что это. Кристалл сделает это реальностью. Надеюсь, все образуется.

В следующее мгновение она провалилась в бесконечность.

Глава 12

Бесчувственное тело Эдит лежало на столе в одном из залов административного центра. Время от времени к ней подходил великан и проверял приборы, одновременно контролировавшие ее состояние и прочно державшие ее на столе силовым полем.

Позади была долгая ночь, сменившаяся наконец восходом солнца. Солнечный свет, смягченный полупрозрачными стенами, освещал небольшую группу великанов, окруживших стол, на котором неподвижно, если не считать медленных и глубоких вдохов, лежало тело молодой женщины из двадцатого века.

Будить или не будить ее?

Они обсуждали эту проблему низкими, приглушенными голосами. Поскольку все они были учеными, способными на все, что только было доступно логике, их озадачивал немыслимый парадокс, преподнесенный этим хрупким женским телом.

На вид она была совершенно беспомощна. В тот момент, когда лучший из Сетов Митчеллов отдал приказ кристаллу, Шалилу удалось ввести

ее в состояние комы, в котором она и прибыла в девяносто третий век.

Вернее говоря, она была дезинтегрирована в своем собственном времени и воссоздана кристаллом уже в будущем, причем в том же состоянии комы.

Соответственно, она даже на долю мгновения не имела возможности хоть как-то повлиять на свою судьбу.

Ученых беспокоило то, что после воссоздания она излучала безграничную власть, причем беспрерывно Не просто власть, а в буквальном смысле безграничную.

Безграничная власть! Абсолютная и непререкаемая! Как это возможно?

Они еще раз выслушали подробный отчет Шалила на звуковом и телепатическом уровнях обо всем случившемся в двадцатом веке. Уже знакомое повествование вновь выделило главные моменты: ординарность всех людей из прошлого, с которыми сталкивался Шалил, и отсутствие угрозы со стороны кого бы то ни было.

Они вновь выслушали рассказ о предположении лучшего Сета Митчелла, что кристалл наделял жизненной энергией фантазии мальчика о власти. Естественно, во всяком случае так

считали все собравшиеся ученые, такое поведение кристалла означало его ориентацию на лучшего Сета Митчелла, который должен был быть выбран из претворенных в жизнь фантазий мальчика Одно это заставило ученых признать, что реальные возможности кристалла намного превосходили существовавшие доселе представления о том, на что он способен.

Но как это возможно?

Но и это было еще не все.

Подав команду Эдит, лучший из возможных Сетов Митчеллов дал понять, что он, судя по всему, не без помощи кристалла получил от нее некий импульс, указывавший, что она в одиночку в состоянии победить всю науку девяносто третьего века.

Когда кристалл оказался в руках Шалила, такого импульса информации — неважно ложной или истинной — просто не должно было быть. Все данные современной науки говорили о том, что кристалл не должен был подчиниться команде Сета.

Верно, они не все знали о кристалле. Существовало несколько необъясненных пока феноменов кристалла, которые продолжали изучаться. Но уже давно считалось, что основные возможности

кристалла известны.

Более того, они считали, что под строгим научным контролем кристаллы сделали реальностью освоение высших возможностей биологических организмов. Все, на что только теоретически способны живые клетки, было изучено и претворено в жизнь. Кристалл послушно помогал практически освоить и левитацию, и телепатию, и телекинез, и многое, многое другое.

Возникло, правда, одно осложнение: первоначальные, неизмененные биологическим вмешательством люди имели какие-то качества, которые были утеряны их потомками.

Безусловно, последние поступки Эдит сделали ее самой лучшей из всех Эдит Прайс. Но в двадцатом веке ничего такого от нее не требовалось. И поскольку она не воплотила такие мысли в рисунок в кристалле, источником ее нынешней власти был не кристалл.

Это уже было нечто совсем иное. Нечто неслыханное и недоступное всей их науке.

Глава 13

— Я считаю, что мы должны убить ее, — сказал один из гигантов.

— Если попытка убить ее вызовет ответную реакцию абсолютной власти, которую она излучает, то мы не сможем контролировать ее, — возразил второй. — Гораздо перспективнее проанализировать нижние уровни ее сознания на основе доклада Шалила, а затем разбудить ее и спровоцировать с ее стороны нужные нам реакции.

По мнению большинства, это была хорошая мысль. Соответственно, каждый высказал свои соображения. Все присутствующие сошлись на том, что они были в состоянии держать ситуацию под контролем.

— Если что-нибудь пойдет не так, — заключил один из них, — мы всегда сможем изолировать ее, сначала дезинтегрировав, а потом восстановив с помощью кристалла.

— А как быть с выводом, — напомнил Шалил, — к которому она пришла, стремясь быть лучшей из всех Эдит Прайс, что ключ к успеху заключался в контролировании ситуации с помощью исключительной гибкости?

Остальные ученые не разделяли высказанных сомнений.

— В ее время превалирующие условности воспитания и жизни, — возразил один из гигантов, — не могли в принципе позволить ей действовать во всех без исключения случаях наиболее оптимальным способом.

Ученые пришли к выводу, что Эдит никогда не сможет узнать, в чем, собственно, заключалась связанная с ней проблема.

Совещание закончилось единодушным решением сделать все так, что, когда Эдит проснется, она будет считать себя абсолютно свободной…

* * *

Она лежала на траве. Травинки касались ее лица и пальцев. Свежий запах приятно щекотал ноздри.

Эдит открыла глаза и приподняла голову.

Самый настоящий лес. Вспомнив случившееся, она торопливо стала подниматься и увидела, как какое-то небольшое коричневое животное с мохнатым хвостом юркнуло в чащу.

Футах в пятнадцати от себя Эдит заметила гиганта, который, заметив, что она проснулась, тоже стал подниматься на ноги. Он двигался

очень медленно, как бы в полусне.

Все еще не рассеялся туман, хотя солнце стояло высоко. Справа через кустарник и редкие деревья был виден большой серовато-зеленый холм. Слева почва опускалась ниже, и туман, сгущавшийся там, был гораздо плотнее. В сотне ярдов было почти ничего не видно.

Почти ничего. С трудом, но все же можно было различить контуры здания.

Эдит не стала задерживать на нем взгляда. Она пристально посмотрела на великана и спросила:

— Где мы?

Шалил не торопился с ответом. Ему было трудно поверить, что она интуитивно не знала этого сама. То, что она обладала такой огромной властью и при этом не знала элементарных вещей, просто не стыковалось одно с другим.

И все же она продолжала стоять в ожидании ответа. Он почувствовал ее тревогу и сделал вывод, что, судя по всему, рассуждения его коллег были правильными. Они решили, что ее мотивация зиждется на каких-то подсознательных импульсах и давно забытых воспоминаниях, каждое из которых физически обладает такой же прочностью, как и стержень из самой твердой стали. Всю свою жизнь она подчинялась правилам, а ее

поведение в немалой степени было обусловлено критериями группового мышления.

Школа, а затем колледж были первыми нормами, которым она подчинялась, и в тот период ее действия находились под контролем родителей. Во многом эти нормы никогда не подвергались сомнению.

Шалил отметил в ее сознании мысль о том, что каким-то образом миллионы людей так и не получили высшего образования. Его это поразило, и все же в силу тех или иных причин так оно и было.

Таким образом, в области развития своей личности Эдит намного превосходила среднего человека. И все же в колледже, когда она впервые вышла из-под непосредственного контроля своих родителей, она быстро примкнула к движению нонконформизма. Какими бы ни были личные мотивы других сторонников этого движения, для Эдит это была глубокая внутренняя потребность.

Таким образом, это было началом отклонения от нормы, которое в дальнейшем сказалось на ее поведении. Продолжая рассуждать, Шалил пришел к выводу, что, являясь личностью, борющейся против невидимых уз, опутывавших ее, Эдит также приложила силы, чтобы вернуться

к своим внутренним ценностям. Продолжение учебы, различные места работы, местожительства, друзья противоположного пола — все это создавало немыслимую путаницу, и разобраться, что именно в этом хаосе представляло истинную цель, было невозможно.

Задача усложнялась и тем, что все ее поступки модифицировались бесчисленным количеством мелких постоянно повторяющихся поведенческих навыков — как есть, пить, спать, общаться, ходить, разговаривать, размышлять и тому подобное.

Шалил был обескуражен тем, что был не в состоянии найти хоть одну отправную точку, которая тут же не включала механизм цепной реакции проявления приобретенных навыков и поведенческих стереотипов. Остальные ученые полагали, что рано или поздно что-нибудь действительно важное выйдет из подсознания на уровень осознанного, и у них не было сомнений, что Шалилу удастся это заметить. В противном случае, то есть если ему это не удастся, он должен был дезинтегрировать ее и собрать новый консилиум.

Вероятность потерпеть неудачу так быстро беспокоила Шалила. Выигрывая время, он про-

изнес:

— Это Сад кристаллов девяносто третьего века. Здесь, в самой девственной части природы нашей планеты, закопаны кристаллы, за которыми наблюдают и ухаживают хранители-ученые.

Шалил решил, что решением проблемы может быть постоянное давление речевым потоком, которое заставит ее проявлять один за другим бесчисленные стереотипы, уже известные им, пока наконец он не узнает тот единственный. После этого с помощью кристалла он лишит ее той немыслимой власти, которой кристалл наделил ее.

Шалил сознавал, что его главной задачей было не допустить ее возвращения в свою эпоху. Поскольку он знал, что ей для этого нужно было всего лишь подумать об этом в позитивном плане, его задачей было держать ее в напряжении, заставить постоянно нервничать и испытывать неуверенность.

Шалил понял, что его тревога телепатически передалась остальным ученым, которые после недолгого совещания передали ему свои рекомендации:

«Постарайся отвлечь ее внимание, позволив ей одержать маленькие победы, и пусть она считает

их твоим подарком».

Идея была заманчивой, и Шалил немедленно принялся за ее осуществление.

Глава 14

В отеле Харкдэйла наступило следующее утро. Мардж Эйкенс спустилась вниз. Мешки под ее глазами выдавали бессонную ночь. Не останавливаясь, она машинально прошла в зал заседаний. Свет там был погашен, шторы опущены, и царивший в зале полумрак только усугубил ее состояние.

Чувствуя, как ноет сердце, она повернулась, чтобы выйти, и увидела рядом с собой какого-то мужчину. От неожиданности у нее екнуло сердце.

Дежурный администратор Дерек Слейд был как всегда безукоризненно одет по последней нью-йоркской моде.

— Мадам, — учтиво произнес он.

Он продолжал говорить, но чтобы понять, что он от нее хочет, ей потребовалось взять себя в руки и сосредоточиться. Дерек говорил, что узнал в ней женщину, которая накануне вечером прошла в этот зал вместе с пятью Сетами Митчеллами.

Куда исчезли, спрашивал Дерек, и где сейчас находятся четыре женатых Сета? Судя по записям портье из ночной смены, их жены обрывали те-

лефон с этим вопросом. Сейчас должна приехать полиция, поскольку в конце концов эти женщины решили обратиться к властям.

Сначала Мардж хотела заявить, что он обознался и она не та, за кого он ее принимает. Но потом, сообразив, что речь шла только о женатых мужчинах, спросила, что стало с пятым.

Дерек покачал головой.

— В номере его нет. Мне сказали, что он вышел рано утром.

Стоя в проходе, Мардж задумалась, что могло случиться с наилучшим из всех Сетов Митчеллов. Почему он ушел, если они договорились вместе позавтракать? Посмотрев на Дерека, она увидела, что он смотрит поверх ее плеча в глубь зала.

Его глаза округлились, и челюсть отвисла.

В зале раздался какой-то возглас.

Мардж обернулась.

В комнате стояли четыре Сета, исчезнувших ночью. Они стояли, повернувшись к ней спиной.

Один из них, видимо, издавший возглас, продолжил:

— Кому это понадобилось выключать свет?

Мардж сразу уловила, что означали эти слова. Она вспомнила, что рассказывал Билли Бингхэм после своего чудесного появления: он и не

подозревал, сколько прошло времени с его исчезновения.

Здесь было то же самое.

Она потянулась рукой к выключателю и зажгла свет. Почти в тот же момент в углу зала очутился пятый Сет. Его вид выдавал недоумение. После расспросов было наконец выяснено, что этот Сет был Митчеллом из «кадиллака», чудесным образом появившимся целым и невредимым без простреленной головы и в абсолютно сухом и безукоризненно сидящем костюме.

Пока Мардж продолжала его разглядывать, у дальнего края стола заседаний появился шестой Сет. То, как он себя держал, и настороженный взгляд, которым он сразу обвел присутствующих, а затем посмотрел на нее… радость, которая зажглась в его глазах при виде Мардж…

Увидев его и безошибочно определив в нем по характерным нюансам движений детектива Сета Митчелла, обычно выдержанная и рассудительная Мардж бросилась к нему, издав сдавленный крик:

— Сет! Любимый!

Они встретились точно посередине зала и замерли, заключив друг друга в объятия. Лишь через несколько мгновений Мардж начала вновь

замечать происходящее. В нескольких футах от нее стояла Эдит Прайс и смущенно переминалась с ноги на ногу.

Около Эдит появился очередной Сет Митчелл, и по его рабочей одежде Мардж заключила, что он был фермером.

Мардж едва на него взглянула. Прильнув к детективу Митчеллу, она вновь посмотрела на Эдит и заметила, что на ней было другое платье, да и волосы были уложены по-другому. Несмотря на эти очевидные расхождения, Мардж не сразу поняла, а остальным это вообще не пришло в голову, что это та самая Эдит Прайс, которую наихудший из Аштаров убил в Нью-Йорке.

Об Аштарах не было ни слуху ни духу.

Прошло несколько минут, и в зал наконец вошел последний из Митчеллов — тот, что был холостяком. Эдит Прайс — ориентация кристалла — так и не появилась.

Наилучший из Сетов рассказал, что отправился на прогулку, чтобы еще раз поразмыслить над случившимся, и в конце концов пришел к выводу, что все должно обойтись. В заключение он сказал:

— И вот теперь, вернувшись, я застаю вас всех вместе. Каждый из вас является наглядным под-

тверждением, что Эдит Прайс все-таки удалось обнаружить кое-что из того, что ей по силам. Или, — он задумался, — так кому-то захотелось.

— Но что ей в действительности по силам? — недоуменно поинтересовался один из Сетов.

Холостяк дружелюбно улыбнулся.

— Мне очень нравится эта молодая женщина. В каком-то смысле она — полное отражение нашего века, и все же ей удалось подняться до вершин будущего.

Он обвел взглядом вереницу совершенно одинаковых лиц и тихо сказал:

— Вы хотите знать, что она может сделать. Тогда я не мог об этом говорить, но теперь… Если Бог умер, то кто может заменить Его?

— Ты сам становишься Богом! — подхватила Мардж и тут же прикрыла ладонью рот. — Не может быть! Эдит!

— Хотел бы я знать, как этим решили распорядиться Эдит и кристалл? — задумчиво произнес Сет.

* * *

У Шалила были крупные неприятности. Великан продолжал выжидать, надеясь, что когда-нибудь у Эдит все же появится какая-нибудь чисто

личная мысль, узнав которую, как считали его коллеги, они смогут положить конец той власти, которую Эдит имела над будущим кристалла.

Но время шло, а она продолжала нести всякий идеалистический вздор о людях прошлого, против которого они не могли абсолютно ничего поделать. Все Сеты и все Эдит были восстановлены. Вынужденный компромисс, на который не могли не пойти великаны девяносто третьего века перед лицом страшной угрозы, исходившей от Сетов и Эдит.

Эдит, дав волю воображению, представила себе коридор времени между двадцатым и девяносто третьим веками. Ей удалось воспользоваться этим коридором, чтобы вернуть назад всю группу.

Когда ей удалось установить полный контроль над коридором, перепуганный Шалил дезинтегрировал ее. Он вновь воссоздал ее лежащей без сознания на столе в административном центре. И вновь группа ученых-великанов собралась вокруг бесчувственного тела молодой женщины, но на этот раз — чтобы обсудить всю глубину своего поражения.

— Если быть объективным, — сказал один из них, — мы должны признать, что случившееся

никак на нас не отразилось.

Проблема заключалась в том, что им так и не удалось найти объяснения феномена. Эдит по прежнему излучала абсолютную власть; каким-то образом ей удавалось черпать из кристалла такой потенциал энергии, о существовании которого они даже не подозревали.

Шалила осенила удачная мысль.

— Быть может, нам нужно оценить именно это — свою ограниченность. Не исключено, что в своем ученом рвении мы умышленно закрываем глаза на Тайну.

Его слова сменились гнетущей тишиной. Он видел, что его коллеги были потрясены. Тайна была запретной, ибо ненаучной областью мысли; этой Тайной была Вселенная. Почему она существовала? Как она появилась?

С самого зарождения науки ученые изучали предметы и то, как они действуют. Но никогда — почему.

Тишину нарушил хриплый смех одного из великанов.

— Я ничего не знаю о Тайне и не собираюсь знать, — сказал он. — Но я хорошо знаю, в чем заключается мой долг ученого — наш общий долг. Мы должны вернуть этой женщине сознание,

рассказать ей о ее власти и выяснить, как она ей распорядится.

— Но она может всех нас убить, — возразил другой и неуверенно добавил: — Меня никогда не убивали.

— Для тебя это будет интересным опытом, качественно отличающимся от дезинтеграции — отозвался первый ученый.

В беседу решительно вмешался Шалил.

— Эдит — не убийца. На мой взгляд — это отличная идея. И я полагаю, что мы можем только выиграть.

Взвесив все «за» и «против», ученые решили так и поступить.

Эдит пришла в сознание.

Выслушав рассказ ученых о своей необыкновенной власти, она не сразу взяла себя в руки и, как они и предвидели, едва не поддалась первому импульсу, пришедшему ей в голову. Все ее существо поддалось страстной надежде исправить совершенные ошибки, которые привели ее к жизни в одиночестве, к тому, что не было рядом мужчины, который хотел бы о ней заботиться и воспитывать нажитых вместе детей. Шквал эмоций, охвативших ее при мысли о всех постигших на любовном фронте неудачах, вызвал сначала

поток слез, а потом не очень связный рассказ о своем самом сокровенном.

Немного успокоившись, она подвела итог, произнося слова, даже не подозревая этого, именно так, что обеспечила свое возвращение в двадцатый век:

— Иначе говоря, все, что я действительно хочу, заключается в счастливом браке.

Ученым не составило труда понять, что, говоря о муже, она имела в виду Митчелла-холостяка.

Они тут же дали распоряжение кристаллу выполнить высказанное желание в буквальном смысле. Уже потом, с облегчением вздохнув с ощущением безопасности, они задумались над тем, какой глубокий смысл таил в себе брак.

В их эре, когда человек жил вечно при помощи простого дублирования оригинала, они в принципе не могли разрешить поставленных случившимся вопросов.

Шалил подвел осторожный итог:

— Вполне возможно, что взаимодействие между нерегулируемыми людскими существами двадцатого века и регулируемыми — девяносто третьего века может обернуться уменьшением той ограниченности, которая, проявляясь по-разному, свойственна обеим расам.

Взгляд его черных глаз обвел собравшихся коллег в ожидании протестов. К его удивлению, сделанное замечание никого не покоробило. Более того, кто-то из ученых задумчиво произнес:

— Если это произойдет, то не исключено, что когда-нибудь мы сможем постичь тайну кристалла.

Конечно, это было невозможно.

Кристалл был феноменом космоса. Энергия, пронизывавшая этот космос, ее поступление и отток зависели от отдельных людей, различных событий и предметов. Но это была вторичная функция — как энергия мысли, рождающейся в центре человеческого мозга, которая заставляет сокращаться мышцу, сгибающую фалангу мизинца.

Но эта мышца должна сокращаться. Если этого не происходит, то это — беда. Если мышца постоянно бездействует, то мозг не сможет ей управлять на уровне сознания.

На уровне потока существования заданные модели внутри, вокруг и вне кристалла превышали в двадцать семь тысяч раз количество атомов во Вселенной — вполне достаточно для любых сочетаний всех возможных конфигураций жизни когда-либо живших людей, а может, даже и тех,

кому только еще предстояло жить на Земле.

Но для кристалла это было не главное. Как модель времени и жизни он прервал свою деятельность на двадцать пять лет, проведенных в музее Харкдэйла. Это было мгновение. Это было ничто по сравнению с космосом, чье существование было вечным. Как и космос, кристалл занимал какой-то объем в пространстве и имел размеры. Хотя четверть века его энергия была не задействована, он не фиксировал происходящего, у него не было памяти, и он ничего не делал, но он, тем не менее, все знал, все замечал и все мог.

Люди восьмого и девятого тысячелетий нашли этот и тысячи других подобных кристаллов, научились пользоваться их потоками энергии, но никогда им не удавалось постичь его космическую сущность. Они узнали основные «законы» — что и как, — по которым действовали кристаллы, и лелеяли надежду, что им когда-нибудь удастся объяснить непознанное в поведении волн энергии внутри, вокруг и вне кристаллов.

Когда-нибудь настанет день, в который все взаимодействия между всеми формами жизни и проявлениями времени равномерно распределятся между кристаллами. Тогда они обретут свой конечный, истинный вид: один кристалл —

один космос. Тогда их функция будет выполнена, и цель — достигнута.

Спешить было некуда.

Поэтому кристаллы ждали. И в этот период ожидания они решали другие, не основные свои задачи, задачи второстепенные и неважные, но, тем не менее, использовавшие потоки энергии, причудливо соединявшиеся в разнообразные связи, создававшие иллюзию движения: события, люди, предметы, которые в общем-то ничего не значили…

* * *

Сейчас в Харкдэйле стоит одноэтажное здание необычной архитектуры. Оно стоит на том самом месте на берегу озера Нараганг, где однажды таинственно исчез Билли Бингхэм. Это прочное строение производит внушительное впечатление. На золотой табличке, украшающей вход в это здание, выбиты слова:

КРИСТЛ
ИНКОРПОРЕЙТЕД ПРИНАДЛЕЖИТ И УПРАВЛЯЕТСЯ
СЕТАМИ МИТЧЕЛЛАМИ И ЭДИТ ПРАЙС
ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЙ ЗАКРЫТО

Посетителей курорта, которые останавливаются перед этой необычной надписью, часто приводит в недоумение, что имена написаны во множественном числе. Жители Харкдэйла в ответ на расспросы рассказывают, что «КРИСТЛ ИНКОРПОРЕЙТЕД» занимается поиском и обработкой кристаллов, которые находят в местных горных породах.

Рядом с этим строением стоит просторный красивый дом. В этом доме живут Сет и Эдит (урожденная Прайс) Митчеллы.

К большому удивлению соседей, чета Митчеллов начала свою супружескую жизнь с официального усыновления тринадцатилетнего мальчика, которого зовут Билли Бингхэм Митчелл.

ДЖЕЙНА
(повесть)

На планете Джейна имелся лишь один, хотя и довольно обширный — порядка четырех тысяч квадратных километров, — континент, а также несколько небольших островков, разбросанных в океане.

С незапамятных времен населявшие ее десятки племен джейнийцев истребляли друг друга в бесчисленных военных конфликтах, прерывавшихся периодами относительного, всегда полного треволнений и беспокойства, затишья.

Именно в такую, далеко не безоблачную, обстановку на Джейну прибыли двое землян — Дэв и его супруга Милисса. Свою штаб-квартиру они разместили в просторном, сверкавшем белизной доме, выстроенном близ реки. Их цивилизационная миссия состояла в том, чтобы добиться самоорганизации воинственных аборигенов сначала в самостоятельные города, которые затем образовали бы единое государство. Возглавить его должен был лидер самого крупного из племен, получавший власть по наследству. Одно-

временно первопроходцам поручалось создать на месте научную цивилизацию, опирающуюся на модель, никогда ранее не существовавшую при схожем естественном развитии на других обитаемых планетах.

Подобное ускорение социального прогресса стало возможным благодаря использованию Символов. Они были освоены человеком и стали для него привычными в течение столетий первой фазы его становления, затем после сложной переработки они превратились в мощные физические силы мгновенного и эффективного воздействия на общество.

Обычно Символ действовал посредством мотивации. На какой-то короткий промежуток времени миллионы воль и стремлений начинали совпадать в поддержке той или иной простой идеи. В период максимальной интенсивности ее сторонниками оказывалось такое огромное число субъектов, что любая попытка как-то ей воспротивиться превращалась в смертельную угрозу для осмелившихся на этот безрассудный шаг.

Проведенное исследование химической природы этой концентрации воль в пользу одной из идей выявило два общих знаменателя. Для

каждого Символа человеческий организм вырабатывал определенную, слегка отличавшуюся по своему составу субстанцию. Разница между ними выражалась при помощи специальных кодов и неодинаковых энергетических зарядов.

Последние и выступали в качестве второго фактора общности: когда их воспроизводили искусственно, а затем усиливали, они проявлялись как устойчивые силовые поля. При этом на лиц, искренне веривших в Символ, эти сгустки энергии оказывали лишь слабое воздействие. Наоборот, оно постепенно возрастало в отношении тех, кто, имея с ними дело, внутренне противился идее их существования. В тех же случаях, когда встречался субъект, настроенный в этом смысле абсолютно скептически, поле становилось настолько интенсивным, что обретало вихревой характер. А это уже была опасная для жизни стадия.

На Джейне уже начал функционировать весьма своеобразный парламент, состоявший из избиравшихся в него депутатов. Случалось, что этот орган достойно проявлял свои замечательные качества, но, как правило, могущество знати — нобилей — сводило все его потуги на нет.

Система выборов отличалась необыкновенной

простотой. Электорат подразделялся на группы по сто человек каждая. От них направлялось по одному представителю в так называемые Избирательные Советы. В общей сложности в них попадало около сотни делегатов, которые в свою очередь определяли состав Избирательных Комитетов. На их-то плечи и ложилась конечная обязанность выделить из своей среды депутатов в Высший Совет.

Каждая социальная группа имела свой круг политической ответственности локального или национального масштаба. Однако к моменту, когда начали развертываться описываемые ниже события, в социальной жизни планеты полностью доминировали автоматически действовавшие привилегии нобилей.

Глава 1

— И вот так — каждое утро! — разразилась однажды Милисса. — Вновь и вновь тебя охватывает это мерзкое чувство никчемности и суетности существования…

Все ясно: она вознамерилась покинуть его.

— Ни тебе детей, ни будущего, — раздраженно продолжала она. — Дни следуют монотонной чередой друг за другом и ведут в никуда. Солнышко пылает, а я — словно в кромешном мраке…

«Похоже на начало предсмертной песни», — сумрачно подумал Дэв. Его идеально литые мускулы напряглись. В голубых глазах, обладавших способностью с глубоким пониманием воспринимать действительность на различных уровнях, внезапно вспыхнула обеспокоенность. Тем не менее с его губ, отличавшихся необыкновенной подвижностью и исторгавших когда-то, в глубоко сокрытом прошлом, фразы на сотнях языков, сейчас не слетело ни слова.

Он просто смотрел, как его жена загружала своим скарбом внушительную бумажную тележку, даже не думая сделать какой-либо жест, чтобы остановить ее или прийти ей на помощь.

А сборы между тем продолжались в явно нараставшем стремлении поскорее перебраться в восточное крыло здания. При этом чего только не летело на тележку: нижнее белье; драгоценности родом с пары десятков различных планет; специального изготовления подушки и прочие постельные принадлежности; всевозможные предметы мебели, каждый из которых сам по себе был произведением искусства, но прозаически использовался для хранения вещичек Милиссы; ключи — простейшие и электронные — с кнопочным устройством для энергетических реле, а также их миниатюрные модели с набором комбинаций, обеспечивавших доступ к Главному Хранилищу Символов.

Кончилось тем, что она сухо рубанула:

— И куда только подевались ваши хваленые мужественность и вежливость, раз вы столь равнодушно взираете на то, как корячится женщина, занимаясь этой, далеко ей не свойственной, работой?

— С моей стороны было бы просто безумием помогать жене укладываться, чтобы уйти от мужа, — мягко возразил Дэв.

— Так, значит, все эти годы проявления учтивости ко мне были продиктованы всего лишь

правилами хорошего тона? Оказывается, вы просто-напросто не уважаете женщин вообще, а меня — в частности.

Она швыряла эти обвинения ему прямо в лицо. Дэв почувствовал холодок, пробежавший вдоль спины. Но эту дрожь вызвали не ее взвинченные слова, а понимание значения той ярости, с которой они произносились, осознание немыслимого автоматизма проявления ее гнева.

Он отчеканил:

— И все же мне не пристало содействовать супруге в ее стремлении бросить меня!

То был стереотипный для подобной ситуации ответ. Теперь ничего другого не оставалось, как только надеяться, что эти предварительные признаки приближавшегося спазма смерти будут все же как-то преодолены.

Его нарочито будничные слова не произвели на Милиссу того впечатления, на которое он рассчитывал. Ее розовые щечки постепенно бледнели, движения утратили живость, глаза стали сумрачными, как в те дни, что тянутся нескончаемо, когда сутки пожирают свои часы словно нехотя, заглатывая их большими партиями. В то же время вся эта гора вещей, предназначавшаяся к отправке в другое, восточное, крыло их огром-

ного дома, пока что никуда не двигалась. Кстати, их оказалось намного больше, чем думал Дэв.

Чуть позже, после обеда, Дэв заметил жене, что принятое ею решение удалиться от него было прекрасно известным науке феноменом внутренних химических процессов, происходящих в женском организме. Говоря это, он стремился побудить ее критически воспринять свое поведение и позволить ввести ей соответствующее снадобье, которое восстановило бы ее нормальную жизнедеятельность.

Но Милисса категорически отвергла всю его аргументацию, разразившись в ответ пылкой тирадой:

— Всегда все ставится в вину женщине. В ней, а не в мужчине вечно выискивают причину происходящего. А то, чем должна довольствоваться я и что мило мне, в расчет не принимается…

Когда-то очень давно, когда она пребывала еще в своем естественном состоянии, то есть до первых инъекций, принесших бессмертие, высказанные ею сейчас обвинения в отношении мужского субъективизма можно было бы оправдать. Но теперь все это давно было погребено в толще времени. После того как ее организм стал получать химическую подпитку, все уравновеси-

лось с помощью гармонизирующих его состояние лекарств.

Дэв, отказавшись от первоначальной мысли скрыть от супруги всю серьезность положения, в котором она очутилась, решил воспользоваться взятой в библиотеке соответствующей книгой. Шагая с Милиссой рядом, он прочитал ей вслух те параграфы, в которых анализировалась эмоциональная болезнь, вызвавшая вероятную гибель человеческой расы. Все высказанные ранее женой мрачные мысли, теперь так целеустремленно проводившиеся ею в жизнь, были описаны там настолько подробно, что он инстинктивно, рывком, склонился и поднес страницу к ее глазам. Более того, провел пальцем по наиболее выразительным фразам.

Милисса резко остановилась. Ее переливчатые серо-зеленые глаза сузились. Она плотно сжала губы, не скрывая своего неприятия того, что он ей сообщил. Потом вкрадчиво произнесла:

— Дайте взглянуть!

И протянула руку.

Дэв неохотно повиновался. За словами супруги угадывалась хитрость, носившая, как ему казалось, еще более автоматический характер, чем предшествовавшая ей ярость. Всего за несколько

часов Милисса как человек заметно упростилась, неоспоримо стала более примитивным существом.

Поэтому он не очень удивился, когда она, размахнувшись, забросила книгу как можно дальше, испустив при этом нечленораздельный вопль.

Они приблизились на расстояние в несколько метров к той двери в их доме, что вела на женскую половину. Смирившись, Дэв наклонился, чтобы поднять справочник, подметив в то же время, что Милисса рванулась к двери. Открыв ее, она гибко проскользнула внутрь, шумно хлопнув на прощание створками.

Едва солнце скрылось за западной грядой гор, покрытых застывшей лавой, мир Джейны окрасился в пурпурные цвета сумерек. Потом все окуталось легкой и нежной пеленой ночи, расцвеченной гроздьями звезд. Дэв последовательно проверил все четыре двери, разделявшие два крыла их дома. Ни одна из них не поддалась его усилиям, надежно заблокированная не поддающимися вскрытию запорами.

Наступило следующее утро.

Дэв очнулся от мягкого жужжания вибратора. На какое-то мгновение он с надеждой подумал, что его вызывает Милисса. Но тут же отбросил

эту мысль, как только настроился на образ, приводивший в действие ближайший усилитель мысли. Нет, он не ошибся, решив, что и речи не могло быть о Милиссе. Действительно, зуммер вскоре смолк, а на экране потолка высветилось изображение того, кто его разбудил. То был посыльный, стоявший перед входной дверью с продовольственным набором в руках.

Дэв заговорил с ним на языке джейнийцев, одновременно выскакивая из постели.

Он открыл дверь. Перед ним стоял молодой длинноносый парень из местных жителей. Он протянул ему пакет со словами:

— Было распоряжение доставить это сюда, но в другую часть дома. Я что-то не очень понял…

Дэв ответил не сразу, поскольку у него мгновенно промелькнула мысль, что за этими невинными словами скрывалось желание разузнать получше о том, что приключилось в этом доме. На Джейне система шпионажа была вездесущей. Если бы он стал сейчас что-то объяснять этому юнцу, его слова тотчас же были бы доведены до сведения властей. И дело было не в том, что от этих существ надлежало вечно скрывать правду. Просто для них еще не наступило время познать, что такое бессмертие. Как, впрочем, и для рас-

писывания в деталях финальной катастрофы, для сообщения о том, что в течение каких-то нескольких месяцев почти все земное население Галактики вдруг решило, что больше нет смысла продлевать свои жизни, и без колебаний отказалось принимать предназначенные для этих целей препараты. Миллиарды людей попрятались кто где и ушли из жизни, не оставив после себя потомства. Кстати, не проявив по этому поводу никакой озабоченности.

Конечно, уцелевшие люди, которые прошли в ужас от такой перспективы, кое-кого из самоубийц отловили и силой подвергли необходимым медицинским процедурам. Но в конечном счете это решение оказалось крайне неудачным, потому что те, кто помогал в реализации подобных планов, в известной степени сами оказались потом в таком же фатальном психическом состоянии, как и те, кто дошел до этого естественным путем.

В итоге было решено считать единственно по-настоящему выжившими только тех, кто испытывал стойкое презрение в отношении всех, кого не удавалось убедить принять помощь. Эти гордецы снисходили до того, что какое-то время могли, не скрывая своего сарказма, излагать

некоторым безумцам свои аргументы. Но принуждать их — ни за что!

Стоя на пороге своего огромного дома, в котором они с Милиссой прожили сотни лет, Дэв вдруг с беспощадной жестокостью осознал, что настал час выбора и для него.

Чтобы выжить самому, он должен был сам себе напомнить о том, что действия Милиссы не вызывают в нем ничего, кроме полного отвращения.

Поэтому, пожав плечами, Дэв решился:

— Знаете, меня покинула жена. Теперь она проживает одна, в другом крыле этого здания. Так что отнесите эту посылку к той двери, что выходит на восток.

Он отдал пакет джейнийцу и взмахом руки отпустил его. Посыльный, приняв заказ, отступил на несколько шагов, даже не пытаясь скрыть своей брезгливости.

— Так от вас, значит, ушла жена? — повторил он, подобно эху.

Дэв подтвердил это кивком. Внутренне, вопреки принятому решению рассказать о случившемся, он немного сожалел о том, что пошел на эти откровения. Дело в том, что для джейнийцев мужского пола проблема поиска женской половины остро вставала уже в довольно раннем

возрасте и продолжалась до преклонных лет, а прекращалась, возможно, вообще лишь с наступлением смерти. До сего времени единственная на планете женщина с Земли рассматривалась ими как запретный плод и считалась абсолютно недоступной. Но без всякого сомнения, джейнийцы-самцы, или, проще, джейсамы, с их гипертрофированным культом мужского начала в жизни, всегда испытывали нечто вроде извращенного интереса к Милиссе.

Сделав над собой невероятное усилие, Дэв отогнал эти мысли. Воистину то, что они таили в себе, теперь не имело никакого, даже самого малейшего значения.

В тот же день, но чуть попозже, он заметил Милиссу в саду, по-прежнему стройную, неоспоримо прекрасную и без каких бы то ни было признаков наступавшей деградации. Внешне даже на второй день разразившегося кризиса она по-прежнему выглядела как не ведавшая, что такое смерть, блондинка. Глядя на нее, Дэв передернул плечами, затем отвернулся, настойчиво возвращаясь к мысли, что сейчас Милисса, в сущности, уже перестала быть настоящим человеческим существом.

Она лишилась способности трезво рассуждать.

С наступлением ночи он при помощи набора ключей проверил состояние температур в главном Хранилище Символов, а потом поднялся на холм, чтобы полюбоваться оттуда на их громадный, белевший в темноте неясным пятном дом.

Внешние фонари причудливо освещали сад, эффектно подсвечивая водную гладь протекавшей рядом реки. Глубокая тишина окутывала это столь ему знакомое, насчитывавшее не одно столетие здание.

Непонятно почему, но такой глубокий покой в чем-то стеснял его. У Дэва возникло ощущение, что дом вымер. В самом деле, ни в одном из двух крыльев помещения не светилось ни одного окошка.

Он удивился этому, но тревоги не почувствовал: лично он был в безопасности, да и Милисса какой-либо угрозе из-за своего поступка не подвергалась. Тем не менее Дэв поспешил покинуть холм и направился к дому. Первым делом он попытался открыть дверь в той части строения, где обитала Милисса. Она легко распахнулась.

Внезапно его обдало получившей усиление мыслью. Ментальное послание от Милиссы!

«Дэв, меня арестовал Джайер Дорриш и

заточил в военную тюрьму. У меня такое впечатление, что это — махинации клана Дорриша с целью захвата власти и как-то связано с проблемой более чем годичного отсутствия Рокуэла. Это все...»

Поступившее сообщение было сдержанным, столь же безличным, как и его восприятие Дэвом. Милисса просто сообщала ему некоторую сумму фактов, не более. В нем не было никакого призыва, оно не взывало о помощи.

Дэв некоторое время постоял молча. Он вызвал в памяти язвительный образ Джайера Дорриша, затем в несколько более расплывчатом виде — Рокуэла, потомственного главу всех джейнийцев, исчезнувшего бесследно чуть более года тому назад. А год на Джейне по земным меркам равнялся тремстам девяноста двум дням и нескольким часам.

Он всегда с какой-то инстинктивной настороженностью относился к Джайеру, в известном смысле предпочитая, чтобы объявился наконец Рокуэл, с его более гибким умом. Узурпаторы, как известно, всегда являются источниками неприятностей и затруднений. Но если события должны были пойти таким путем, и не иначе, повлиять на

них было уже невозможно. Для него как Хранителя Символов джейнийцы, конечно, представляли проблему, но в своем индивидуальном качестве они, по правде говоря, сколько-нибудь серьезного значения не имели. И все же именно Рокуэл, а не Джайер был ему по душе, да к тому же он весьма симпатизировал Нерде, его жене. А может быть, теперь уже и вдове?

Глава 2

В момент удара чувства отказали Рокуэлу, и на какое-то мгновение он отключился. Так он и пролежал несколько секунд — неподвижно, растянувшись в затененной траве. Когда же он оказался в состоянии подняться на ноги и выпрямился, то уже занималась заря. В ее неверном свете за стволами деревьев обширного парка, окружавшего дворец со всех сторон, стали проступать смутные контуры этого величественного здания.

Рокуэл постоял с минуту, вольготно закинув назад голову и шумно вдыхая воздух родной планеты. Как долго длился для него этот год отсутствия! Сколько событий произошло за это время! Но ни небо Джейны, ни столь тесно связанные с его детством холмы, казалось, ничуть не изменились. И все равно в течение всех этих мучительных для него дней пребывания в иных местах здесь, на Джейне, время продолжало свою работу скульптора, действуя неспешно и выверенно точно. Легкий ветерок ласково коснулся лица Рокуэла и умчался дальше по своим делам. Он медленно направился к проглядывавшей за

первыми рядами деревьев дороге, которая, как он точно знал, должна была вывести его ко дворцу.

Как бы невероятно это ни выглядело, но он преодолел почти все отделявшее его от резиденции расстояние, прежде чем из зарослей кустов вынырнул какой-то джейсам. Рокуэл мгновенно узнал его. Им оказался Джайер Дорриш.

Джайер был сильным, крупным мужчиной, пожалуй, повыше Рокуэла ростом, внешне довольно привлекательным, несмотря на очень смуглое лицо. При виде Рокуэла его глаза прищурились, он весь подобрался, как перед прыжком.

Нагло и вызывающе, словно обращаясь к постороннему, Джайер бросил:

— Эй, чем это вы тут занимаетесь… чужестранец?

Рокуэл продолжал идти решительным шагом, не обращая на Джайера никакого внимания. Его предупредили, что, прежде чем раскрыть новые грани своей личности, он непременно должен был восстановить свое прежнее положение в социальной иерархии Джейны. Такое предупреждение было излишним: достаточно было взглянуть на хитроумные уловки джейнийца, отлично его знавшего, но делавшего вид, что никоим образом с ним не знаком.

А что касается вопроса о том, по какой причине член клана Дорришей оказался в столь ранний час на землях Рокуэла и насколько прочно он здесь обосновался, то всем этим он займется чуть позже. Пока что в качестве крайне примечательного момента Рокуэл отметил про себя лишь сам факт отказа этого типа признать его.

— А вы лучше задумайтесь, Джайер, — резко бросил он на ходу, — стоит ли приобретать во мне врага?

На сей раз Джайер проявил свое понимание ситуации.

— Клянусь Дилитом! — возликовал он. — Кажется, я застал вас безоружным!

Он неспешно, плавным движением вытащил свой меч из ножен и принялся хищно кружить вокруг Рокуэла. Однако, судя по его виду, он не слишком был уверен, что осталось всего ничего — рвануть вперед и как следует рубануть. По глазам было видно, что, продолжая свой боевой танец, он лихорадочно оценивает ситуацию.

Рокуэл отступил и тут же обернулся. Он замер на том месте, где только что был Джайер. Ему понадобилось всего несколько мгновений, чтобы абсолютно точно установить движимый невидимой энергией Тайгэн Символ, который он вызвал

сразу же, как только приметил Джайера. Сам он несколько отклонился назад, тщательно ощупывая ногами почву, чтобы избежать притяжения со стороны Символа. Он испытывал неприятное чувство покалывания в ноге, будто «нечто», отличавшееся чудовищной мощью, вцепилось в него. Но оно оказалось неспособным добраться до него самого и вынуждено было довольствоваться тем, что ухватилось за внешний атрибут Рокуэла — его костюм, хотя и здесь крепкой хватки не получилось. Рокуэл встряхнулся, и со второй попытки ему удалось полностью освободиться от этого «нечто». И тогда он смог свободно передвигаться по сразу напрягшейся почве, не вызывая при этом реакции. Джайер тем временем рассмеялся и вложил меч обратно в ножны. Великолепный джейнийский самец — гиперджейсам — дерзко осклабился:

— Раз нет угрозы, значит, нет необходимости и щадить кого бы то ни было. Как видите, Рокуэл, я ожидал, что вы появитесь сегодня. Мои люди всю ночь караулили это место, чтобы создать для меня возможность конфронтации с вами. — На его лице промелькнуло выражение триумфа. — И вообще я считаю, что своим возвращением вы всецело обязаны мне. Это произошло потому, что

вчера я арестовал эту земную женщину Милиссу! А сегодня утром вы как миленький явились сюда в точном соответствии с тем, что я и предусмотрел. Все эти мысли возникли у меня совершенно неожиданно, как некая интуиция. Придется вам кое-что объяснить… господин.

Джайер не скрывал своей радости. Он махнул рукой кому-то, кто находился позади Рокуэла. Тот насторожился. В результате своих оборонительных маневров он оказался спиной ко дворцу. Рокуэл ухитрился бросить взгляд через плечо и увидел, что к ним приближалась Нерда, его супруга.

Подойдя поближе, она обеспокоенно поинтересовалась:

— Вам ведь не грозила никакая реальная опасность, не так ли? Глядя на вас, этого не скажешь.

— Вы правы, — сухо ответил Рокуэл.

Он подошел к ней, крепко обнял и поцеловал жену. Она не воспротивилась этому, но проявила полнейшую безучастность — холодные, безвольные губы, пассивное, податливое тело.

Рокуэл отшатнулся, нахмурившись. В нем вновь заклокотал давний гнев против этой молодой женщины-ледышки, наполнив его горечью.

— Черт побери! — взорвался он. — Неужели вы

не рады встрече после столь долгой разлуки?

Но Нерда вместо ответа лишь холодно окинула его взглядом.

— Ах, до чего же я забывчив! — сыронизировал уязвленный Рокуэл. — И как это я посмел прервать вероятно столь милый вашему сердцу период спокойствия и беззаботности? Да, настоящему мужчине нелегко каждый раз напоминать себе, что женщины с Джейны лишены каких бы то ни было эмоций.

Супруга равнодушно повела плечами.

На сей раз Рокуэл взглянул на нее скорее с любопытством, чем с неприязнью. Нерда, как и все остальные самки на планете, держалась с холодной отчужденностью в отношении джейсамов. Женился он на ней согласно местным обычаям — то есть в один прекрасный день ее отец привел Нерду в дом суженого. От их брака появились затем мальчик и девочка, но, неизменно следуя устоявшимся среди женщин ее мира традициям, супруга по-прежнему воспринимала его как некое постороннее лицо, вторгшееся в ее существование. Для Нерды он был не более чем спутником жизни, которого она обязана терпеть, не слишком, однако, обременяя себя заботой о нем. В Рокуэле внезапно проснулась ревность.

— Интересно, а что это здесь делает Джайер?

В ответ последовало:

— Думаю, что это обстоятельство он прояснит сам. Я бы предпочла не возвращаться к этой теме, а лучше услышать из ваших уст изложение причин столь длительного отсутствия.

Но Рокуэл проигнорировал ее просьбу.

— Пройдемте во дворец, — довольно грубо отозвался он.

Дел было по горло. Известие о его возвращении, несомненно, мгновенно распространится повсюду. И у тех, кто контролирует Совет, не так уж много времени, чтобы определиться по отношению к нему. Разумеется, регенты, генералы и их ближайшие приспешники будут раздосадованы внезапным появлением потомственного главы государства и главнокомандующего. Следовательно, еще до наступления ночи ему любой ценой надлежало добиться повторного признания за собой законного права держать в руках скипетр власти.

Рокуэл ласково взял Нерду под локоть. В том был свой расчет. Он намеревался вступить под своды дворца рука об руку с супругой, чье присутствие рядом в какой-то степени удостоверяло и утверждало его личность государя. Год на Джейне

длился долго, а вот память, особенно у мужской части ее населения, была куда более короткой. Так что сейчас подвернулся уникальный случай должным образом подать свое возвращение. Займись он сам предварительной подготовкой этой процедуры — и то едва бы сумел создать столь благоприятную возможность.

Как только они подошли к главному сторожевому посту, грянул набат. А спустя всего несколько минут вся охрана и дворцовая челядь уже чинно выстроились в пять рядов по сотне человек в каждом. Он обратился к ним с приветственным словом, стремясь максимально благоприятно использовать свой берущий за душу бархатный баритон. Рокуэл будил приятные воспоминания у старослужащих, побуждал молодежь воспринимать свое лицо и весь облик, как и прежде, в ассоциации с образом их неоспоримого владыки. Его цель состояла в том, чтобы они сохранили это впечатление при любых обстоятельствах.

Закончив свою патерналистскую беседу с персоналом и распустив его, он почувствовал себя лучше. Правда, ненамного. Разговаривать, как с малыми детьми, было возможно только со слугами и стражей, но никак не с офицерами. Тем более с нобилями.

С ними следовало держать себя совершенно по-другому, показывая свое превосходство, но не переигрывая и ни в коем случае не опускаясь до снисходительного тона. В сущности, они не были столь уж сверхлукавыми и изощренными царедворцами, оставаясь скорее довольно простоватыми в своих реакциях джейнийцами. Рокуэл понимал теперь, почему Дэв и Милисса решились втягивать жителей планеты в цивилизацию такими быстрыми темпами, применяя систему испытаний и ошибок, базировавшуюся на принципе: пытаться воспринимать каждого индивида таким, каким он был на самом деле.

Те, кто стоял в самом низу социальной лестницы, подверглись лишь самым простым формам тестирования. Джейнийцев, проявивших хотя бы минимум сообразительности, быстренько интегрировали в конвейерный процесс, когда они выполняли сначала одну, затем две и более простых производственных операций, но их никогда не перегружали избыточно. В течение последних десятилетий выявилась целая группа работников, хорошо разбиравшихся в технике. Они преодолели следующий социальный рубеж, положив начало новому классу — инженеров.

Совсем другое дело — офицеры и нобили. Эти

отличались болезненной обидчивостью и были безнадежно невосприимчивы ко всему новому, за исключением, пожалуй, начальных форм общей грамотности. В целом их удалось убедить в том, что умение читать и писать — это дополнительный признак аристократизма. Но следовало все же признать, что они никогда не были убеждены в этом тезисе до конца. На все попытки покрепче вбить им его в голову они неизменно ухмылялись: если это так, отвечали они, то к чему обучать грамоте нижестоящие классы? Их не знавшее границ упрямство в этом вопросе привело к необходимости создания письменности, отличной от той, которой пользовался простой люд. Последнюю они игнорировали. Но даже и на этих условиях нобили согласились посылать своих чад в школу с большой неохотой, потребовав, чтобы были созданы заведения специального типа и отдельно от общенародных.

В силу этих особенностей высших слоев джейнийского общества Рокуэл решил, что разумней всего будет переговорить о своем возвращении со знатью в ходе «мальчишника» — обеда, который он устроит в обширной палате, примыкавшей к громадному оружейному залу дворца.

В середине дня Дэв счел полезным позвонить

Нерде. Ждать пришлось необычно долго. Наконец подошел ее адъютант и весьма церемонно сообщил:

— Королева поручила мне проинформировать вас, что ее супруг и повелитель Рокуэл вернулся. Учитывая, что отныне он олицетворяет всю мощь вооруженных сил, ее разговор с вами может быть в данный момент истолкован превратно. Это все, что она просила передать вам, господин.

Удивленный Дэв повесил трубку. Итак, Великий Рокуэл появился вновь! Где же он пропадал столько времени?

Наследный глава государства всегда выступал в первую очередь как мужчина — джейсам. Каждое его действие, вся его натура отражали спокойную и уверенную в себе силу, являлись символом сверхмощного мужского начала. Похоже, что возвращение этого грозного хозяина Джейны обернется для Милиссы неприятностями в силу совпадения этого события с ее арестом. Он чувствовал, что если нобили схлестнутся сейчас в борьбе за власть, то первой жертвой этой междоусобицы вполне может стать именно она.

Поразмышляв немного на эту тему, Дэв вновь набрал номер дворца и попросил соединить его с Рокуэлом.

Снова томительное ожидание.

И опять к телефону подошел пусть другой, но все же адъютант, заявивший ему:

— Его Превосходительство Генерал — Повелитель Рокуэл поручил мне передать вам, что завтра на заседании Совета будет принят новый закон. Его Превосходительство приглашает вас присутствовать на сессии, которая состоится в обычном месте встреч.

Во время торжественного ужина, устроенного в тот же вечер, Рокуэл испытал настоящий шок. Не то что за время своего отсутствия он позабыл о грубости языка и нравов своих пэров, но за год все это как-то потускнело в его памяти. Уже прибытие первых молодцев ознаменовалось зычными возгласами и плоскими шуточками. Но по мере наплыва гостей стал воцаряться кромешный ад. И только когда подали первые блюда, установилось недолгое затишье, прерываемое лишь перестукиванием ножей и вилок, которыми активно орудовали приглашенные. Но затем все опять захлестнула мужланская удаль — полетели оскорбления в сторону тех знакомых джейсамов, что сидели где-нибудь подальше, посыпались сальные колкости, ставившие под сомнение сексуальные достоинства собеседника.

Такого рода остроты неизменно вызывали взрывы хохота одних и возмущенные вопли других и сопровождались подзуживанием того или иного из бранившихся между собой.

В какой-то момент оброненное слово вдруг воспринималось как оскорбление. Мгновенно чем-то уязвленный джейнийский самец оказывался на ногах и с пеной у рта начинал требовать сатисфакции. И тут же оба нобиля, осыпая друг друга отборной руганью, устремлялись в соседний оружейный зал, и звук их скрестившихся клинков органично вписывался в общий перезвон мечей дюжин других дуэлянтов.

Затем непременно раздавался чей-то уязвленный рев, означавший, что пролилась первая кровь. Обычай требовал, чтобы тот из джейсамов, кто первым получил ранение, признал свое поражение перед лицом Рокуэла. Это приравнивалось к отмщению. Однако если побежденный не считал, что отношения с обидчиком были урегулированы, он сохранял право потребовать новой дуэли. И она обязана была состояться, но теперь уже за пределами дворца.

Вот у такой-то полубезумной орды Рокуэл и потребовал по окончании трапезы минуточку внимания. Он с чувством изложил им резоны

своего годичного отсутствия, причем так, как ему советовали: удалился-де от этого грешного мира по религиозным соображениям, бродяжничал все это время, толкаясь среди простонародья и испрашивая милостыню, был занят мучительными поисками самого себя и озабочен проблемами подлинного альтруизма, сознательно и временно отойдя от власти. Свою целиком высосанную из пальца историю Рокуэл закончил патетическим возгласом:

— Я познал свой народ в его повседневных заботах. Я жил в самой его гуще и питался его милостью. И теперь я вправе утверждать, что люди Джейны полны достоинства и вызывают заслуженное уважение к себе!

Его разглагольствования были встречены продолжительной овацией. И тем не менее он очутился в весьма щекотливом положении, когда после званого ужина вышел вместе с нобилетом в оружейный зал. Кто-то скрипуче прошелестел над самым его ухом:

— Сир! Защищайтесь!

Отлично понимая, что это вызов на дуэль, Рокуэл все же на какой-то миг опешил. Но врожденный защитный рефлекс заставил его тут же полуразвернуться и выхватить меч. Клинок

угрожающе затрепетал в воздухе раньше, чем он осознал, что его спровоцировал не кто иной, как Джайер Дорриш.

Рокуэл принял стойку и ждал, вопросительно вглядываясь в темные и циничные глаза своего противника.

Гомон вокруг них стал постепенно стихать. Из рядов обступивших их вельмож раздался чей-то хорошо поставленный голос:

— Джайер! Вы что, забылись? Если вы претендуете на корону, то обязаны дать тому обоснование. А стоящее оно или нет — решает большинство присутствующих здесь нобилей.

Рокуэл поискал глазами говорившего. Им оказался один из офицеров высокого ранга.

— Причина проста, — вызывающе бросил Джайер. — Это та самая сказочка насчет ухода в народ, которую он нам тут скормил…

Военный отступил несколько назад. Прищурил глаза и суровым голосом задал следующий вопрос:

— Это что, простое недоразумение или же вы, Джайер, не приемлете подобного объяснения?

Теперь установилась уже мертвая тишина. Каждое произнесенное слово гулко отзывалось под сводами просторного оружейного зала. Но

столь прямолинейно сформулированный вопрос явно сбил Джайера с толку. Судя по выражению его лица, он понял, что полное отрицание сказанного Рокуэлом означало бы немедленную схватку с последним, где ставкой была бы жизнь.

Поэтому он неожиданно расхохотался и, шумно вложив меч обратно в ножны, заявил:

— Думаю, что мне следовало бы испросить сначала личную аудиенцию и потребовать объяснений. Если Рокуэл расценит то, что я намерен при этом ему сказать, как вызов, то наша дуэль состоится обязательно. Не исключено, что даже завтра. — Подойдя затем к Рокуэлу, он вполголоса, но по-прежнему в наглой форме добавил: — Ваше Превосходительство, совпадение ареста Милиссы с вашим немедленным после этого появлением на Джейне требует объяснения. Если между этими двумя фактами нет никакой связи, уверен, что у вас не возникнет возражений и против моих задумок в отношении этой женщины с Земли.

Рокуэл отреагировал спокойно:

— При условии, что вы не преступите закон…

— Закон — это то, что решает Совет! — нахально выпалил Джайер. — Могу ли я положиться на ваше слово, что вы не вмешаетесь?

— Будет принят новый закон, — торжественно

возвестил Рокуэл. — В рамках его положений… я не вмешаюсь.

Он отошел в сторону. Джайер нахмурился. На его плотно сжатых губах застыл невысказанный вопрос относительно этого нововведения. Рокуэл легко угадывал сейчас его мысли: немедленно, сегодня же ночью, заняться земной женщиной, вынудить ее уступить ему до того, как будут вотированы эти пока ему неясные изменения в законодательстве.

И все же Рокуэл не был уверен, что правильно прочитал мысли Джайера, когда тот спустя несколько минут покинул собрание знати Джейны.

Нерда ждала прихода Рокуэла. Тот припоздниился, и даже очень. Сразу же после того, как он переступил порог дома и разрешительно кивнул ей головой, Нерда удалилась в туалетный салон и стала готовиться ко сну. Рокуэл взглянул на ее просвечивавший сквозь прозрачную дверь силуэт. Мелькнула мысль, а не следовало бы позволить ей не дожидаться его, а лечь спать? Но он тут же отбросил этот намек на проявление к ней снисхождения. По законам Джейны супруга не имела права облачаться в ночные одежды, пока не получит на то разрешения мужа. Без

этого позволения она могла только прилечь, не раздеваясь. Могла даже забыться сном, хотя это и осуждалось. В отсутствие супруга ей разрешалось ложиться раздетой в постель только с его письменного разрешения или же в случае болезни, но обязательно официально заверенной врачом либо соответствующим документом, либо устно, в присутствии свидетелей.

Эти правила поначалу казались чрезмерно суровыми. Но Рокуэл был знаком со старинными документами, в которых приводились результаты исследования поведения джейниек в период, предшествовавший их принятию. И он был абсолютно уверен в том, что не было оснований ставить эти принятые формы поведения под сомнение. Дело в том, что женская половина населения планеты Джейна воссоединялась с мужской только под принуждением. Если же не применять в этих целях силовые методы, то самки просто-напросто разбредались куда угодно, предпочитая жить в одиночестве.

Соответствующие факты приводились не переставшими удивляться этому феномену историками. При этом назывались конкретные имена и указывались места, где происходили подобные события. Подлинность попыток предо-

ставить в прошлом джейнийкам всю полноту свободы поведения подтверждалась и видными историческими деятелями. В новое время не было никаких особых резонов возобновлять эксперименты подобного рода.

Аномалия объяснялась тем, что женщины Джейны были от природы лишены материнского инстинкта. Более того, они особо люто ненавидели своих сыновей. Было крайне тягостно читать откровения отдельных джейниек, сделанные в период попытки предоставления им свободы.

> *«Мальчик со временем может превратиться в это ненавистное чудовище — самца-джейнийца джейсама. А те очаровательные черты, которые украшают его как ребенка, — всего лишь иллюзия…»*

Одна самочка вообще высказалась даже за предпочтительность угасания рода джейнийцев, поскольку его сохранение предполагало в качестве обязательного условия взращивание джейсамов, против чего она «самым решительным образом возражала».

В этих условиях самцы планеты поступили именно так, как и следовало.

Но одновременно законодательство было и

максимально справедливым к женщинам. Так, они имели право подать жалобу в случае скверного к ним отношения, и суд незамедлительно рассматривал эти дела. Государство не жалело средств, чтобы оградить супругу от мужа-грубияна.

В свою очередь от женщины требовалось неукоснительно выполнять свой супружеский и материнский долг. Учитывая полное отсутствие у нее эмоционального начала как в первом, так и во втором случае, предпочли все стороны семейного быта отрегулировать законодательным путем. Было совершенно очевидно, что при таком положении дел даже потомственный Генерал не имел права хоть в чем-то менять установления закона в семейной области. И когда Нерда легла, Рокуэл сразу же дал ей разрешение заснуть.

Что она и сделала, причем мгновенно.

Глава 3

Милисса услышала, как в замке тюремной камеры повернулся ключ. Попав сюда, она так еще и не раздевалась. Присев на край неудобной кушетки, женщина с Земли с любопытством всматривалась в показавшийся в проеме открывшейся двери темный силуэт. Вошедший держал в руках электрический фонарь.

По росту она сразу же определила, что это был джейсам. Но что ее визитером оказался Джайер Дорриш, она разобралась только тогда, когда на того упал луч света. Типичное лицо местного мужчины — слишком вытянутое, явно перегруженное громадным, непропорциональным носом. Ровная и гладкая кожа темно-красного цвета.

Милисса не испытывала отвращения при виде джейнийцев. По крайней мере, утешала она себя, они хоть были типично гуманоидной расой. С пониманием она относилась и к их образу жизни, невзирая даже на ту участь, которую, как она предчувствовала, аборигены уготовили ей. Милиссе даже в голову не пришло, что она могла бы сформулировать мотив, который немедлен-

но привел бы в действие установленный в их с Дэвом доме усилитель мыслей. Она уже решила, что бесполезно ждать помощи от супруга с его заскорузлым, на ее взгляд, мышлением.

Зато у нее возникли собственные соображения, прекрасно отвечавшие той обстановке, в которой она оказалась. Они вызревали в ней в течение целого дня.

Джейсам решительно направился к кушетке. Упреждая его, она поспешно затараторила:

— Я обдумала то, что вы сказали мне прошлой ночью, когда предсказали, что вслед за моим арестом последует возвращение Рокуэла. Вы были правы. Он действительно вернулся.

Джайер вдруг, словно споткнувшись, остановился и ни словом не отреагировал на ее тираду. Милисса едва удержалась, чтобы дрогнувшим голосом не добавить еще пару слов.

Складывавшееся положение пугало ее. У нее была чрезвычайно развита способность по самым незначительным деталям многое угадывать заранее. Так, она отметила, что, когда Джайер Дорриш вломился в камеру и тут же поспешил к ней, его лицо выражало типичное для джейсамов чванливое высокомерие и излучало полнейшую уверенность в том, что он не встретит никакого

сопротивления.

А сейчас он неподвижно застыл, и все в нем выражало состояние колебания и растерянности.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовалась Милисса.

Молчание. Она чувствовала, как в Джайере бушуют какие-то темные страсти. Это удивляло ее. Джейсамы славились своим отменным хладнокровием, когда насильничали над женщиной. Но если дело шло к этому, обстановке скорее соответствовал бы подготовительный этап, так сказать «подход» в форме потока слов, но никак не молчание.

В течение этой странной паузы даже время, казалось, приостановило свой стремительный бег. Милисса вдруг остро осознала, что сейчас — ночь и что со всех сторон она окружена стенами темницы. Была эпоха, когда никаких тюрем на Джейне не существовало. Просто выделялись какие-нибудь закрытые места, куда в ожидании казни швыряли «врагов». Тысячелетиями, далеко за пределами ее личной памяти, этот вопрос решался на Джейне чрезвычайно просто: тебя либо терпели, либо лишали головы. Третьего, промежуточного, варианта никогда не возникало. В этом смысле тюрьма, в которой очутилась Ми-

лисса, как и все другие аналогичные заведения, являлась материальным воплощением крупной победы, одержанной теми, чей подход к жизни отличался меньшей, чем раньше, суровостью.

Поэтому доносившиеся отовсюду разнообразные звуки приободряли Милиссу. Звякали какие-то металлические предметы, вдали кто-то прокашливался, о чем-то бормотали во сне джейсамы, откуда-то доносились посторонние голоса — одним словом, обычное многоголосье скопления зеков. Ибо тюрьма в Нанбриде считалась крупной и заполняли ее лица, ожидавшие суда, а не, как это бывало раньше, произвола какого-нибудь скорого на расправу нобиля.

Милиссу охватило чувство, возникающее при успешном решении определенной задачи. Да, они с Дэвом несли этому народу мирную цивилизацию.

Джайер в конце концов заговорил.

— Меня только что вновь осенило, — процедил он, — и это озарение продолжается.

В его внешне спокойном тоне угадывалось сдерживаемое волнение, и она сообразила, что ситуация теперь слегка изменилась в ее пользу. Во всяком случае, стала менее опасной, чем была раньше. Этот джейсам был явно чем-то

взволнован.

Но что могло вывести его из прежнего решительно-агрессивного состояния?

Милисса решила пустить в ход выношенную ею идею против Джайера.

— Не хотите ли вы что-нибудь добавить к тому, что говорили о совпадении вашего предсказания с возвращением Рокуэла?

— Я постоянно раздумываю над этим, — сурово отрезал тот.

В его голосе снова слышались угрожающие нотки. Поэтому она спешно добавила:

— А вы не задумывались над тем, что интуиции, ни на чем не основанных, быть не может?

В этот напряженный момент, в обстановке непреодолимой отрешенности тюремной камеры от внешнего мира, в условиях темноты, лишь изредка вспарываемой лучиком света, который выхватывал то ее, то тюремные решетки, а временами, на какое-то неуловимое мгновение, и самого Джайера, ей подумалось, что тот вряд ли захочет вести разговор на эту тему. Нобили Джейны, уныло напомнила она себе, еще не достигли уровня ее строгой логики. Поведение Джайера показывало, что свои неожиданные прозрения он воспринимал как данность, совсем не задаваясь

вопросом об их происхождении.

Так, молча и неподвижно, джейниец простоял довольно долго. Милисса чутьем угадывала, как в нем нарастает страх. Наконец он тихо произнес:

— Возможно только одно объяснение происшедшему — все это время Рокуэл прятался у вас!

— Ну нет, — запротестовала она. — Вот это уж никак не соответствует действительности. Если вы будете исходить из подобной посылки, то подвергнетесь опасности.

— Это еще что такое?

— В действие приведена некая тайная сила. Не будете с ней считаться — она нанесет удар. Не исключено, что это уже произошло, иначе каким бы тогда образом у вас дважды появлялось озарение?

— Вы пытаетесь устрашить меня? — жестко бросил Джайер. — Но джейсама не так-то легко взять на испуг!

— Однако ничто не мешает ему задуматься над тем, как наилучшим образом выжить, — парировала Милисса. — Во всяком случае, — не удержавшись, добавила она с горечью, — так всегда поступают знакомые мне мужчины.

В камере вновь воцарилась тишина. Огонек фонарика затрепыхал, затем и вовсе погас. В тем-

ноте и безмолвии Милисса сформулировала то, что, на ее взгляд, было единственно возможным объяснением происходившего:

— Все случившееся означает, что вас запрограммировали.

— Что-о? Не понимаю вас.

— Немыслимо, чтобы у вас во второй раз возникло предчувствие чего-то очень важного без того, чтобы кто-то предварительно не заложил вам это в голову гипнотически.

— Но это мои мысли, а не какого-то там дяди!

— Совсем необязательно. Это вы так считаете, а на самом деле вами манипулирует какой-нибудь кукловод. — Она запнулась, затем продолжила: — А вы не думаете, что просто быть нобилем Джейны еще недостаточно для того, чтобы предсказать возвращение Рокуэла как следствие моего ареста? Слишком радикальное, чересчур фантастическое для вас предвидение, даже если оно полностью оправдалось. А теперь вы готовы изречь и еще одно? Нет, это невозможно.

И опять Джайер предпочел промолчать. Вновь зажегся фонарик. Его шальной луч нечаянно высветил его лицо — угрожающее, с превратившимися в узкие щелочки глазами, вздернутой кверху губой. Было очевидно, что в этот момент в

его голове бродили крайне неприглядные мысли и он просчитывал возможные варианты своих действий.

Внезапно он словно выстрелил:

— Почему вы расстались с Дэвом?

Милисса, слегка поколебавшись, ответила:

— По привычкам и поведению он все больше и больше стал походить на джейсамов и относиться ко мне так же, как они к своим женщинам — простым для них самкам. Мне это не нравилось уже несколько лет, но мы были единственными людьми на этой планете, последними представителями нашей расы в этой части Вселенной. Посему я попыталась терпеливо сносить свои невзгоды по примеру ваших женщин с их многовековым опытом по этой части…

В действительности все обстояло гораздо сложнее. Разумеется, ей не раз думалось, что все эти мучительные приступы отчаяния, связанные с Дэвом, вполне могли быть проявлением той самой тяги к смерти, которая погубила человеческий род. Но она упорно боролась со своим недугом, с постоянно нараставшим чувством горечи вплоть до того, совсем недавнего, дня, когда на нее тоже снизошло озарение.

Мужчины-земляне, подумала она тогда, по

своей природе есть и всегда были столь же порочными, как и их коллеги-джейнийцы. Но земные женщины, обладая развитым материнским инстинктом, ради его удовлетворения неизменно, во все времена, шли на компромиссы с этими эгоистами. Именно эта потребность в материнстве и явилась той спасительной для мужчин и для всего человечества оболочкой, которая нейтрализовала осознание женщинами истинной, невыносимой натуры этих животных.

Подумав как-то, что неплохо было бы на некоторое время покинуть Дэва, чтобы основательно поразмышлять над тем, что ей открылось, Милисса в конечном счете утвердилась в этой мысли.

Из задумчивости ее вывел полный угрозы окрик Джайера:

— Послушайте, первый раз интуиция проснулась во мне после того, как я арестовал вас. Второй раз предчувствие появилось в вашем присутствии. Вывод: вы — причина их возникновения. Клянусь Дилитом, женщина…

Милисса поспешила прервать его гневную филиппику в свой адрес:

— А почему бы вам не рассказать мне, что это за мысль посетила вас во второй раз?

Услышав его ответ, она изумленно восклик-

нула:

— Но это же смехотворно! Мне-то чего хорошего от этого ждать?

Джайер должен был бы согласиться с ее логикой. Но он вновь замолчал, уйдя в себя.

На сей раз пауза была довольно продолжительной. Наконец он тихо промолвил:

— И все же оба просветления в мыслях состоялись в вашем присутствии. Значит, кто-то знает, что я здесь!

Все его поведение говорило о том, что он полон терзаний. Было видно, что его мучило понимание возможности опасных последствий своих поступков. Милисса уверилась окончательно, что обстановка переломилась в ее пользу. Она раздумчиво протянула:

— Как я поняла, бросая меня в тюрьму, вы преследовали сугубо личные цели, а это обстоятельство полностью лишает смысла все ваши подозрения. На деле вы стремились всего лишь овладеть троном, а попутно заполучить и меня в качестве любовницы…

— Молчать, женщина! — взвизгнул Джайер, не сумев скрыть своего беспокойства. — Я никогда не стремился к престолу, это было бы государственной изменой. Видно, мне лучше все же

удалиться отсюда, а то чего доброго не удержусь от насилия в отношении вас и подорву тем самым все шансы предать вас законному суду. Не думайте, однако, что вы от меня уже отделались.

Мигнул огонек. Гулко отозвались удалявшиеся шаги. Распахнулась, а затем с металлическим грохотом захлопнулась дверь темницы.

Она слышала, как он проследовал по коридору. И тут она внезапно осознала, что потрясена ничуть не меньше, чем Джайер.

«Но ведь второе его предчувствие, — отчаянно подумала она, — просто бессмысленно…»

Впервые за много лет она мучительно долго не могла заснуть.

Наступило утро следующего дня.

Вскоре после восхода солнца члены совета начали понемногу собираться в назначенном месте — у подножия покрытой застывшей лавой горы, в семи милях к западу от Нанбрида. Все они были на легких мотоциклах. Прибыв на своей новой машине, Рокуэл застал на месте уже поджидавших его Дэва и еще восьмерых высокопоставленных вельмож. Если землянин стоял, прислонившись к своему транспортному средству и заглушив мотор, то нобили, которым было, очевидно, невтерпеж поскорее открыть

опасное заседание на скоростях, нещадно газовали, создавая невообразимый шум.

Рокуэла встретили солеными, но выдержанными в благодушной манере шуточками насчет перегруженности его мотоцикла. Тот не остался в долгу, поддевая слишком благоразумных водителей, которые предпочли колеса малого диаметра. В то же время, оценивая опытным взглядом средства передвижения каждого нобиля, он отметил, что за истекший год появилось немало технических усовершенствований.

Как обычно в подобных обстоятельствах, то были мотоциклы, приспособленные для подъема по лавовым скалам — приземистые, прочные и легкие по весу. Но Рокуэл сразу же выделил новинку: три малогабаритных мотора по сто, а возможно и по девяносто — восемьдесят кубиков, в то время как его был объемом в сто семьдесят пять.

Он задал несколько вопросов владельцам этих машин и уже ждал в ответ взрыва неминуемой похвальбы. Но в этот момент Джайер Дорриш и какой-то с плутоватым взглядом офицер-авиатор, кошмарно взревев включенными на полный режим моторами, сорвали с места своих металлических монстров и рванулись вверх по ближайшему склону.

Джайер успел все же выкрикнуть:

— Можно начинать заседание!

Ряд нобилей, истошно завопив, тоже что было мочи газанули и устремились за ними вдогонку.

Тронулся с места и Дэв, пристроившись в конце кавалькады.

Через пяток секунд уже все как сумасшедшие мчались вперед, торжественно открыв тем самым заседание Высшего Совета Джейны.

Когда-то в прошлом, естественно, до введения механических средств передвижения, одному из джейнийских королей взбрело в голову явиться на открытие сессии Совета верхом на одном из местосов — громадном полудиком животном. То были коварные и опасные твари, то и дело норовившие сбросить с себя седока. Но именно поэтому оседлать местоса стало означать некое изысканное удовольствие, к которому стали постоянно стремиться. Местосы, однако, не обладали способностью пробегать большие расстояния, тем более лихо взбираться на эти восхитительные, покрытые лавой горы.

Сменившие их мотоциклы сначала катили довольно ровно, хотя и вразброд, взлетали на пригорки, скатывались с них, подпрыгивали на рытвинах и ухабах или же на большой скорости

устремлялись в каньоны с гладкими, словно вырубленными из льда, но твердыми как сталь, стенками. Державшийся сначала где-то позади Рокуэл постепенно выдвинулся вдоль колонны на уровень Джайера и пошел параллельным с его сверкавшей ярко-зеленым цветом машиной курсом.

— Какая у нас сегодня повестка дня? — прокричал он.

В ответ Джайер проорал какую-то фразу, в которой четко слышалось лишь имя Милиссы. Видно, в разъяснение своих слов он поднял руку и резко рубанул ею, будто лезвием меча, зло при этом осклабившись. Затем он все же притормозил с тем, чтобы его слова стали слышны, и добавил:

— Предлагаю казнить эту женщину!

— За что? — осведомился удивленный Рокуэл.

Инициатива Джайера была некорректна хотя бы потому, что в заседании Совета принимал участие Дэв. Но, может быть, он пока еще не заметил его присутствия?

Однако чем дольше длилась эта бешеная гонка, тем яснее становилось, что Джайер игнорировал Дэва не случайно. Нельзя, однако, было исключать, что причиной тому было его особое внимание к Милиссе, а также к новому закону.

Едва ознакомившись с повесткой дня заседания Совета и узнав о существе нового закона, Дэв мгновенно понял, что кризиса сегодня не избежать.

Что касается собственно закона, то какой-либо нужды специально разъяснять Дэву его содержание не было. Дело в том, что идею конституционной монархии предложил Рокуэлу он сам, ровно год тому назад. Тот воспринял ее сдержанно, но буквально на следующий день всемогущий повелитель Джейны исчез, удалившись от дел по так называемым религиозным соображениям.

А теперь, вернувшись, он горячо поддержал эту мысль Дэва.

Землянин ментально активизировал усилитель мысли, который в свою очередь через реле возбудил один из Символов. А именно Символ конституционной монархии.

После этого Дэв в несколько игривом духе подумал о предложении Джайера предать смерти Милиссу. Ему показалось забавным, что тот намеревался предать суду лицо, уже само по себе обреченное на гибель.

Стоило ли ему сообщать об этом?

Но когда Дэв добрался до моторизованной группы, как раз разразился кризис, да так быстро, что

он даже не успел поднять этот вопрос.

Члены Совета заглушили моторы на высоте девять тысяч футов перед входом в обширную пещеру. Не покидая своих машин, наиболее выдающиеся нобили планеты набросились на завтрак.

Рокуэл обратил внимание на то, что Джайер издал какой-то странный горловой звук. Повернувшись, он увидел, что к ним подъезжал Дэв, который в этот момент останавливался у основной группы.

В тот же миг Джайер, находившийся рядом с Рокуэлом, яростно замычал, мотор его мотоцикла взревел, и тот в бешеном рывке сорвался с места.

Вернувшись вечером домой, Рокуэл ради любопытства поинтересовался у Нерды:

— Что же, по-вашему, все-таки случилось с Джайером? Ведь вы лучше, чем кто-либо, представляете себе возможности Дэва.

Беседовали они между собой не так уж часто. По закону и обычаям Джейны, Нерда отнюдь не была обязана ублажать мужа разговорами при исполнении своих супружеских обязанностей. Поэтому ее молчание Рокуэл воспринял вполне спокойно. В то же время по задумчивому выражению лица он понял, что она размышляет над

поставленной им проблемой и что, вполне вероятно, со временем выскажет свое мнение.

Что и произошло на следующее утро.

— Символ, — произнесла она, — так, как его описал Дэв, представляет собой либо реальность, либо мысль, не являясь в то же время ни тем и ни другим…

Рокуэл заинтересовался, хотя, к своему неудовольствию, понял, что столкнулся с концепцией, слишком уж тонкой для нобиля с Джейны, в том числе даже для него, только что вернувшегося после годичной интеллектуальной обработки.

Нерда между тем продолжала:

— Учитывая, что Символ, соответствующий конституционной монархии, в конечном счете является частно мыслей миллионов джейнийцев, сила, которую он тем самым собой представляет, в нормальных условиях должна была бы поддерживать подобную систему десятилетиями, во всяком случае, вплоть до его замены другим Символом. Последнее, однако, может произойти весьма быстро, поскольку Дэв и Милисса буквально за уши втягивают нас в цивилизацию.

Рокуэл почувствовал себя беспомощным перед ее объяснениями. Похоже, она разбирается в таких вопросах, где он попросту плавает.

«Оказывается, мы, нобили Джейны, очутились за рамками того, что сейчас происходит!»

Он был обескуражен этим обстоятельством, но продолжал упорствовать:

— Я отчетливо видел, — подчеркнул он, — что мотоцикл Джайера внезапно остановился. Не резко, а словно натолкнувшись на невидимую эластичную стену, которая погасила всю энергию натиска, сменила ее вектор и легонько отбросила Джайера назад. Он свалился с сиденья, но как-то мягко и физически ничуть не пострадал.

— Все ясно: он натолкнулся на Символ, — спокойно прокомментировала Нерда. — Символы постепенно стали более агрессивными в своих реакциях. И самый активный из них сегодня — Символ конституционной монархии.

— Вот вы твердите все время: Символ, Символ… Но что за сила проявилась в данном случае?

— Его собственная. — По выражению лица Нерды было видно, что она прекрасно понимает, насколько ее муж растерян и полон недоумения. — Ну разве не понятно? — приободрила она его. — Все эти миллионы джейнийцев, которые в него верят?

Но Рокуэл отчетливо воспринимал сейчас только одно: он допустил серьезную ошибку, спросив ее мнение. Он хотел возразить Нерде, сообщив, что в этот новый закон еще некому было верить, поскольку он будет опубликован лишь к обеду. Однако в этот момент его захлестнуло другое — весьма ужасное — чувство: осознание того, что он уронил свое мужское достоинство в глазах жены. Его сердце замерло как при свободном падении, едва он вспомнил о господствовавшем среди джейсамов убеждении, что если жена хоть раз по-настоящему одержит верх над мужем, то их союз разлетится вдребезги. И никакие усилия со стороны джейсама уже не помогут.

Пытаясь взять себя в руки, Рокуэл покачал головой и сказал:

— Понятно. Вижу, что многочисленные разговоры с Дэвом оказались поучительными и полезными для вас обоих. Поздравляю. Концепция Символа и впрямь штука непростая.

Но по промелькнувшему в ее глазах странному блеску он угадал, что его незамысловатая словесная уловка не провела ее.

А Нерда продолжала четко и ясно излагать свою мысль:

— Нам не следует ожидать, что введение

конституционной монархии вызовет какие-то крупные эмоциональные перемены. В сущности это всего лишь более упорядоченная организация общества, чем при абсолютизме. Теперь станет невозможным казнить или миловать обвиняемого в зависимости от каприза нобиля. Наоборот, в рамках нового закона Суд предоставит ему время для организации защиты. Но в конечном счете обвиняемого ожидает то же самое наказание. — Она завершила словами: — Что же касается заданного вами вечером вопроса, то полагаю, что ситуация с Джайером прояснится в зависимости от того, каким образом он собирается организовать процесс над Милиссой.

Рокуэл, все еще пытаясь выправить положение в связи с допущенной им фатальной ошибкой — позволить этой дискуссии состояться, — ответил ей самым будничным тоном:

— Интересно, какого рода обвинения он намерен ей предъявить…

Характер выдвинутых против Милиссы обвинений поразил Дэва еще больше, чем Рокуэла, отлично помнившего все, что ему втолковывали в течение последнего года. В частности, тогда-то он кое-что узнал и о землянах и даже научился контролировать один из Символов, правда, — и

он отдавал себе в этом отчет, — так и не разобравшись в его сущности.

То, что инкриминировали Милиссе, выглядело как целый букет: враг джейнийцев; принадлежит к другой расе; незаконно находится на территории их планеты; шпионка на службе иностранной космической силы вторжения; утверждает, что относится к менее развитой расе, хотя на самом деле все обстоит наоборот — ее соплеменники вынашивают планы установления господства, — ив этих целях внедрилась в народ, находящийся на более низкой ступени развития.

Ко всему прочему оказалось, что она якобы питает также намерения уголовного порядка.

Дэв купил газету и, стоя под дождем, пробегал заголовки, не веря своим глазам. Пока землянин, переворачивая страницы, искал передовицу, вокруг него по тротуару сновали в своих разноцветных накидках джейнийцы. Статья была написана на языке, которым пользовалось простонародье.

«Правительство пошло на беспрецедентные шаги, оспаривая нынче право на проживание на нашей планете двух еще сохранившихся представителей архаич-

ной цивилизации. При этом против четы иностранцев выдвинут ряд обвинений почти мелодраматического характера, хотя арестовали только супругу.

Разумеется, Суду решать вопрос о законности этого ареста, но нам позволительно проанализировать это дело в чисто теоретическом ключе.

Не так давно наши путешественники обнаружили на Джейне оторванные от всего мира племена, культура которых не развилась далее каменного века. Выяснилось, что контакт с нашей, высшей по отношению к ним, цивилизацией действует депрессивно на настроения и нравы этих отсталых малых народов, которые, похоже, неспособны органически, в качестве самостоятельной группы, вписаться в контекст нашего общества. До последних мер правительства аналогичное, но с точностью до наоборот, положение существовало применительно к двум землянам, проживающим на Джейне. Они представляют более древнюю культуру, которая, судя по некоторым данным, угасла по так и

не проясненным до настоящего времени причинам. Эта упадническая культура при всем том, что в техническом плане она достигла неведомых нам высот, бесспорно угнетающе воздействует сейчас на джейнийцев.

Следовательно, трибуналу надлежит определиться в следующем: представляют ли Дэв и Милисса культуру, которая лишь делает вид, что она находится в упадке? Но если это так, то ни о каком депрессивном воздействии ее на менее развитое общество не может идти и речи. Опять же: если дело обстоит таким образом, отражает ли их пребывание на Джейне наличие заговора чужаков и следует ли рассматривать их намерения как сознательное стремление подготовить вторжение на нашу планету?»

То, что скрывалось между строк, легко угадывалось. Статья неоспоримо свидетельствовала о наличии в Нанбриде и в сотнях других городов профессионального класса интеллектуально высокоразвитых джейнийцев. Стало ясно, что стоявшие на иерархической лестнице на более

низкой ступени слои созрели заметно быстрее, чем их наследные властители. В то же время тон передовицы по своему характеру не был ни агрессивным, ни подстрекательским. Даже больше: она была полна уважения к правительству и отражала понимание значения нового закона.

Дэв очнулся от охвативших его мыслей, внезапно осознав, что прохожие внимательно наблюдают за ним. Неожиданно какой-то внушительных габаритов тип резко притормозил около него, смачно и громко выругался и угрожающе поднял руку, будто собираясь влепить ему затрещину.

Дэв инстинктивно отступил. Джейниец, всем своим видом выказывая полное к нему презрение, двинул кулаком в его сторону. Дэв легко уклонился, но выронил при этом газету. Разъяренный амбал джейсам поднял ее с мокрого тротуара и в неистовом порыве злобы разорвал набухшую влагой бумагу на мелкие клочки. Затем прорычал:

— Вы — ничтожество! Последний выродок исчезнувшей расы! Вы даже меньше, чем ноль!

Дэв счел благоразумным удалиться. Он шмыгнул в прилегавшую улицу и направился в темноте и под проливным дождем к себе. Однако, подходя к окраине города, он услышал шум, который на-

растал по мере его продвижения вперед. Выйдя к открытому пространству перед своим домом, он очутился перед громадной улюлюкающей толпой, в которой там и сям мелькали зажженные ручные фонарики.

Встревоженный, Дэв попятился. Он скользнул в соседнюю улочку и остановился перед дверью небольшого строения. Отсюда он мог пробраться к себе, в большой дом, незамеченным. В далеком прошлом, когда жизнь на Джейне была устроена еще весьма примитивно, приключалось немало пренеприятных историй, и тогда этот потаенный вход не раз выручал его и Милиссу.

Он беспрепятственно прошел туннелем в резиденцию. Затем, подойдя к оптическому прибору, взглянул на то, что происходило снаружи. Дождь и темнота, словно по мановению волшебной палочки, куда-то исчезли, и толпа предстала перед ним, как при дневном свете. Джейнийцев собралось гораздо больше, чем он предполагал.

Дэв печально покачал головой. То, что он сейчас видел перед собой, живо напоминало ему прошлые времена на Земле. Наверху — потомственная иерархия; далее — спеленутый законами средний класс; совсем внизу — бурлящая, не рассуждающая народная стихия.

Верхние слои на пути к психозному состоянию жаждут крови, крайне субъективны в своих оценках. Средний класс еще недостаточно созрел, не ведал, что будущее — за ним. И наконец, полностью одураченный народ.

Дэв с облегчением заметил, что в зоне между домом и бесновавшейся толпой патрулировали несколько сот солдат. Какой-то офицер взывал к собравшимся через мегафон:

— Возвращайтесь домой! Никто еще не отменял законов! Прошу разойтись! Если эти люди действительно шпионы, то их обязательно предадут суду. Прошу вас, разойдитесь!

В конечном счете к полуночи эти регулярные обращения возымели действие. Мелкими группами джейнийцы потянулись к городу, по домам. Но Дэв отправился спать только к двум часам ночи, когда полностью убедился, что стихийный штурм его дому больше не угрожает.

Лежа в постели, он мысленно без труда, пункт за пунктом, опроверг все обвинения, выдвинутые против Милиссы и его самого.

Автор передовицы действительно прав, утверждая, что в прошлом примитивные народы психически и физически серьезно пострадали от шокового столкновения с более развитой

культурой. Но ведь вполне по силам разработать систему мер по обеспечению более мягкого и гуманного подхода к решению этой проблемы.

Учителя, несомненно, справились бы с подобной задачей. Иначе просто не могло быть. Нелепо было думать, что Милисса и он оказались бы неподготовленными к адекватному отражению их собственных реальностей.

Сотни лет неведения столь жизненно важных проблем?

Нет, это было абсолютно исключено.

Истина была столь проста и столь очевидна. Почти пять сотен потраченных на эту миссию лет сформировали в его разуме настолько мощный временной пласт, что его не могли пробить никакие слова и обвинения джейнийцев.

И он безмятежно заснул.

Глава 4

Все то время, пока распалившаяся, набухшая угрозой толпа осаждала дом Дэва, Рокуэл неотлучно находился в центральном узле связи дворца. Он неоднократно напрямую связывался с офицером, командовавшим на месте силами порядка, интересуясь складывавшейся там ситуацией.

Наконец совершенно измотанный, чувствуя себя несколько виноватым перед Нердой за столь позднее возвращение, он направился домой. Странно, отметил он, подходя к спальне, почему там темно? Его остро кольнуло тревожное предчувствие неладного.

Рокуэл зажег свет и замер, полный смятения. Нерда спокойно лежала в ночной сорочке в постели. С закрытыми глазами. Ровно и спокойно дышала.

Мысли Рокуэла молнией метнулись к их разговору вчерашним утром. Только сейчас он осознал, что бесповоротно утратил в глазах жены свой мужской авторитет. И опять ему назойливо и тревожно вспомнилась собственная неспособность осмыслить идею Символа.

Стоя у изголовья жены, заснувшей без его обя-

зательного в таких случаях предварительного разрешения, Рокуэл мучительно раздумывал о тех скандальных последствиях, которые грозили бы ему в том случае, если до кого-то дойдет известие о ее бунте. Уже одно то, что он отсутствовал целый год, существенно подорвало позиции трона С момента же возвращения прошло слишком мало времени, чтобы он смог поправить это положение и полностью восстановить былую власть. Он уловил недвусмысленную напряженность в среде джейнийской знати и твердо знал, что понадобится определенное время, чтобы эти, склонные к насилию и полные подозрительности, вельможи убедились, что новый закон не представляет для них прямой угрозы.

А если они еще и обнаружат, что у него недостает энергии даже для того, чтобы строго, по-джейнийски, держать собственную жену в узде… Поддавшись мгновенно захлестнувшей его мутной волне впитанных с младенчества догм, он ринулся к безмятежно раскинувшемуся телу Нерды. Заскрипев зубами и сжав пудовые кулаки, он был уже готов одним махом вышвырнуть ее с ложа.

Но в этот момент его пронзило какое-то абсолютно неведомое ему раньше чувство, мелькнула

совершенно новая для него мысль. Они сдержали его импульсивный порыв.

Да, верно, он собрался поступить так, как того требовал инстинкт джейсама. Но не был ли оправдан этот поступок Нерды? Справедлива ли была традиционная форма обращения с женщинами на Джейне? Правильно ли он, Рокуэл, проанализировал те причины, которые побудили ее поступить таким образом? Но стоило ему подумать, а не убедил ли ее так поступить какой-то мужчина, как жаркий приступ древней паранойи джейнийского самца омрачил его лицо и смешал мысли.

Кто он, уж не Дэв ли, землянин?

Какая-то часть мозга Рокуэла тут же отбросила это предположение как бессмысленное: если женщин Джейны выдавали замуж насильно, это отнюдь не означало, что они обязательно должны были изменять своим супругам. С другой стороны, зная свойственное Дэву чувство безграничной личной ответственности, он понимал, что тот не мог в корыстных целях воспользоваться годом «вдовства» королевы.

И все же для его лихорадочно возбужденного мозга, в котором в этот момент теснились самые дикие ассоциации, одних этих здравых мыслей

было недостаточно. Он нуждался в стопроцентной уверенности.

Рокуэл развернулся и вышел.

Через несколько минут его нещадно трещавший мотоцикл мчался в сопровождении эскорта телохранителей по направлению к военной тюрьме, где была заточена Милисса.

Шаги Рокуэла и его свиты звонко отзывались в мрачных, оголенных бетонных коридорах. Света от лампы, которую нес дежурный офицер, хватало, но он порождал длинные, уродливо кривлявшиеся тени.

В этом неверном свете до сознания Рокуэла дошла вся серая убогость тюремного мирка, и он несколько смягчился душой. Ему вдруг вспомнилось, что Милисса провела в этой клоаке вот уже несколько дней, и он подумал, что допускать этого ни в коем случае не следовало.

Согласно новому закону, Рокуэл не имел возможности прямо воспрепятствовать ее аресту, но в нем поднялась глухая ярость против Джайера.

Однако ее хватило ненадолго. Лишь до порога камеры Милиссы. Вошел он туда один, оставив охрану в коридоре.

Поначалу он чувствовал себя как бы не в своей тарелке. Но искреннее удивление Милиссы,

сменившееся радостью, как только она его узнала, мелькнувшие затем в ее глазах недоумение и вопрос, с какой это стати он явился в столь поздний час, — все это вместе позволило Рокуэлу переступить порог нерешительности.

И он в упор выпалил то, что в данный момент волновало его больше всего: почему они с Дэвом расстались?

Вопрос, казалось, удивил Милиссу. Но она объяснила себе это тем, что в прошлом они всегда поддерживали друг с другом тесные дружеские отношения.

Она чуть помолчала, но быстро спохватилась, что с ее стороны было весьма неосторожно затягивать с ответом. И она повторила ему тот диагноз, который поставил Дэв: она достигла стадии неодолимой тяги к смерти, которая погубила человечество. Она сочла, что из всех возможных это было наилучшее для нее объяснение случившегося.

Слова Милиссы, особенно упоминание о смерти, отрезвили Рокуэла. Тем более что она объяснила все очень обстоятельно. Рокуэл уточнил:

— Из сказанного следует, что вы повели себя в какой-то степени однотипно с тем видом эмоций, которые проявляли те, кто на самом деле прохо-

дил подобную фазу. Такое впечатление, что вы сделали это нарочно, полагая, что Дэв искренне поверит в наличие болезни.

— Думаю, что так оно и было, — признала Милисса. — Смертный зов — штука субтильная. Можно и самому обмануться.

Рокуэл, однако, упорствовал:

— Но это не значит, что вы и на самом деле умрете?

— Насколько я знаю, нет.

Рокуэл воспринял ее ответ с неподдельным и все возраставшим удивлением. Подумав немного, он в конце концов обронил:

— Но почему вы ничего не предпринимаете, чтобы вырваться из тюрьмы? Вам здесь явно не место.

— А что я могла бы сделать для этого?

— А разве у вас нет на подобный случай особых средств?

— Никаких, — ответила она, — кроме Символов, которые использовались до сего времени. Все, чем мы располагаем, — это некоторые типы легких видов вооружения и ряд мобильных средств, большинство из которых переданы джейнийцам.

— А как насчет тех Символов, что находятся

пока в резерве?

— Их время еще не пришло, — пояснила Милисса. — Здесь, на Джейне, они абсолютно бесполезны.

Рокуэл тяжело вздохнул.

«В то же время, — подумал он, — *Дэв использовал мощь миллионов существ, которые, даже не догадываясь об этом, верили в конституционную монархию, хотя и не представляли себе, что это такое. Но почему бы не задействовать такую силищу до того, как эти миллионы начнут верить в следующий Символ!»*

Но такого вопроса он Милиссе не задал. Постигнуть, что такое Символ, — неважно какой, — он так и не смог, это было выше его понимания. Рокуэл со смирением подумал, что является всего-навсего заштатным нобилем с Джейны, причем достаточно простоватым по своей натуре. В течение года, проведенного на борту военного корабля землян, — об этом он пока никому не говорил ни слова — он по сути выступал в качестве заурядного племенного вождя, которого развлекали — истинно так! — ученые или торговцы, представлявшие цивилизации более высокого уровня. Они были дружелюбно настроены к нему, изо всех сил старались не задеть самолюбия, но,

если уж честно признаться самому себе, он для них ничего особенного из себя не представлял, попросту говоря, был ничем. Его положение на Джейне, его титул — все это для них не имело ровно никакого значения. А если и имело, то только в той мере, в какой они использовали местных царьков в рамках выполнения ими свой миссии — нести всюду процветание и благополучие.

И все-таки Рокуэл сделал еще одну попытку определить свой потолок понимания.

По его просьбе Милисса вновь подробно объяснила, что такое сила Символа. Глухо! Он и на этот раз ничего не понял.

— Мы, твердолобые джейсамы…

— Самое смешное во всем этом, — с горечью произнес он после того, как рассказал Милиссе о своей неудаче, — это то, что я сам в состоянии контролировать один из Символов…

Он запнулся. Такого признания он не сделал бы никому, кроме Милиссы. Она вообще была единственным существом, с кем он зачастую чувствовал, что может разговаривать совершенно откровенно.

Смутившись, Рокуэл все же кое-как закончил свою мысль:

— Естественно, его придали мне как своего рода

телохранителя.

И он снова замкнулся по причине пристального взгляда Милиссы, которая жадно и немного испуганно буквально вперилась в него, сначала откровенно недоверчиво, а затем несомненно убедившись, что он говорил правду.

Она выдохнула:

— Кто дал вам право контроля над этим Символом?

— Земляне, — просто ответил он.

Ее реакция на его слова была ошеломляюще бурной. Она съежилась в комочек на своей кушетке, ее бил нервный колотун, голова дергалась во все стороны, как у психических больных во время приступа невыносимых болей. Несколько секунд ее корежило и ломало. Постепенно, однако, она сумела взять себя в руки и прошептала:

— Так, значит, интуиция Джайера и его обвинения — все это имеет под собой реальную основу! Где-то неподалеку бродят земляне… — Она словно задохнулась, потом, дрожа от нетерпения, умоляюще обратилась к Рокуэлу: — Расскажите мне, только поточнее, где вы были и что видели…

Рокуэл выложил ей все свои впечатления о годичном пребывании на военном корабле землян. Она переспросила чуть слышно:

— Так, значит, там были и мужчины, и женщины?

— Конечно. Целое сообщество в несколько тысяч человек.

— Вы где-нибудь совершали посадку?

— У меня не сложилось такого впечатления. — Он вздохнул. — Это был корабль невероятных размеров. В некоторые отсеки меня не допускали, но я видел, что там происходит, на экранах мониторов. Своему языку они меня не обучали и общались со мной с помощью машины-переводчика.

Подумав, он добавил:

— В принципе нельзя исключать, что мы совершали посадки на каких-то планетах, но я этого не почувствовал.

— И вас обучал контролировать Символ один из землян?

— Да.

Милисса продолжала допытываться:

— Каким образом, как вам сказали, должен действовать этот Символ? Например, если бы Джайер действительно попытался пронзить вас мечом… что бы с ним произошло?

Рокуэл не смог ответить на этот вопрос. Он лишь промямлил:

— Они рекомендовали мне быть поосторожнее с этим Символом, сказав, что иначе я сам могу оказаться его жертвой. — И добавил: — Когда я напустил его на Джайера, то почувствовал, как Символ уцепился за меня и стал тащить, как… — он запнулся в поисках подходящего слова. — Меня притянуло, словно магнитом.

— Но это Символ чего? — не сдавалась Милисса.

Рокуэл не имел на этот счет ни малейшего понятия. Озадаченная Милисса все же продолжала расспрашивать:

— Наверное, он подпитывается энергией какой-нибудь крупной идеи с другой планеты, раз мы никак его не обнаружили здесь. Но что же все-таки это может быть?

Рокуэл молчал. Милисса уточнила:

— Вы все еще сохраняете контроль за этим Символом?

Он утвердительно кивнул.

— Сказали ли они, что оставят его за вами навсегда?

Рокуэл печально взглянул на нее.

— А вот этого я вспомнить не могу. Что-то об этом говорилось, но каждый раз, когда я, кажется, вот-вот вспомню их слова, они вдруг куда-то

проваливаются.

— Это похоже на поверхностное программирование, — покачала головой Милисса. — Как если бы то, к чему все это относится, могло произойти в любую минуту. Значит, мы накануне серьезного кризиса.

Явно размышляя вслух, она заявила далее, что только Символ в состоянии воздействовать то мощно, то едва-едва, невзирая на расстояние. Закончила же она совсем неожиданным для Рокуэла выводом:

— Должно быть, это ваш, сугубо личный, Символ, что само по себе весьма необычно. К примеру, если бы я могла делать то, на что, судя по описанию, способны вы, то я мигом бы вызволила себя из этого застенка.

Вторичное признание Милиссы в собственной беспомощности вернуло мысли Рокуэла к ее тяжелому положению. Тот факт, что своими силами она была не в состоянии уберечь себя, неожиданно приобретал громадное значение. Это возвращало контроль за ситуацией в руки джейнийцев. Следовательно, они вольны принять или отклонить тот или иной дар из арсенала научно-технических достижений землян, то есть действовать согласно принципу самоопре-

деления.

«Мы можем использовать все, что они нам предлагают, но ничто не обязывает нас это делать.»

Рокуэл почувствовал, что в его личности джейсама есть нечто более сильное, чем он до сих пор считал. Те обвинения, которые Джайер выдвинул против Милиссы, содержали в себе для представителей его расы определенную истину. В результате нахождения на Джейне землян, пусть даже количественно совсем незначительного, у всего населения складывалось нечто вроде ощущения подмены их собственной самобытности.

Эти рассуждения привели Рокуэла к осознанию масштаба опасности, которая нависла над Милиссой. Он ужаснулся этому. Если земляне не имели возможности постоять за себя, то положение Милиссы было просто отчаянным.

Рокуэл сделал над собой усилие, чтобы отогнать эти тягостные мысли, и вновь обрел уверенный и солидный вид.

— Предстоят тяжкие испытания, — мягко обратился он к узнице. — Я связан этим новым законом, как и все остальные джейнийцы. Поэтому вернуть вам свободу своим личным распоряже-

нием не могу. Значит, надо думать об адвокате. Есть ли он у вас?

— Еще нет, — ответила Милисса.

— Я позвоню Дэву и скажу ему, что это — абсолютная необходимость. Пусть он немедленно кого-то наймет.

— Он и пальцем не пошевелит. — Она напомнила ему о правиле «зова смерти»: выжившим оказывается только тот, кто отказывается помогать тем, кого она неодолимо тянет к себе. — На это я и рассчитывала, чтобы отдалить его от себя. Так что полагаться на его содействие не приходится.

Рокуэл покачал головой и, улыбнувшись, заявил, что в этом вопросе его позиция посильнее, чем у Дэва.

— Я обязательно позвоню ему, — твердо заверил он. — Дэв сделает это, потому что об этом его попрошу я и не обязательно для того, чтобы оказать вам помощь. — Помолчав, он добавил: — В данном случае действовать может только он. Будет странно выглядеть, если он этого не сделает. Именно поэтому он и примет необходимые меры.

Рокуэл машинально бросил взгляд на часы. И даже вздрогнул: было уже четыре утра.

— Я очень сожалею, — начал он извиняться. — Своим визитом помешал вам выспаться.

Но Милисса небрежно отмахнулась от его слов.

— После этой нашей встречи я почувствовала себя намного лучше. Вы первый, кто принес мне весточку… извне. — При этом она посмотрела на потолок и слегка повела рукой. — И это с тех самых пор, как много-много лет назад Дэв и я оказались здесь. Не все пока мне ясно, трудно сказать, что все это значит. Но в одном я теперь уверена: кроме нас двоих, на свете есть еще немало землян!

На том они и расстались. Рокуэл вернулся во дворец и сразу же отправился спать, растянувшись рядом с Нердой, которая так и не проснулась.

Вот и с женой, подумал он, возникла проблема, немедленного решения которой он не видел.

Глава 5

Джейнийский адвокат, к которому направил свои стопы Дэв, важно покачал головой.

— Самым тяжким, — сказал он, — является четвертый пункт обвинения. В отношении остальных пока просто не существует никаких указаний в законе насчет кары. Судья поэтому бессилен. Он даже должен был бы ее освободить. Но вынашивание намерений уголовного характера, как показывает практика, рассматривается в качестве серьезного преступления. Не исключен и смертный приговор.

Дэв присутствовал на процессе в качестве свидетеля. По ходу разбирательства он чувствовал, как с каждой минутой в нем вскипает ярость и негодование, поскольку те дары, которые они бескорыстно преподнесли джейнийцам, теперь подавались в качестве улик против Милиссы. Главный тезис обвинения состоял в том, что более высокая по своему уровню развития культура посредством этих подарков научно-технического характера ловко направляла джейнийцев в обход их естественного русла развития. Тем самым она удерживала их в состоянии интеллектуального

рабства, что расценивалось как установление господства одного народа над другим. Дэву самым важным представлялась сейчас даже не судьба Милиссы, больше всего его встревожили такого рода обвинения.

Когда адвокат вызвал его для дачи показаний, Дэв категорически отверг все эти инсинуации.

— Наука, — заявил он, — явление нейтральное. Она — правда Природы. Ученые Джейны в свое время открыли бы абсолютно то же самое. Предоставляя в распоряжение джейнийцев научные достижения древней цивилизации Земли, я выполнил задачу, поставленную передо мной ныне исчезнувшей космической расой. Мне надлежало как можно быстрее передать эстафету знаний в надежде, что, располагая такими великолепными стартовыми возможностями, джейнийцам удалось бы создать цивилизацию, которая будет неуклонно развиваться по восходящей в отличие от всех других, включая и земную, скатившихся к деградации…

Когда после заседания Суда он показался на улице, потребовался взвод охраны — его прислал Рокуэл, — чтобы оградить Дэва от выходок злобствовавшей толпы, выкрикивавшей лозунги:

«НАМ НЕ НУЖНЫ ЗНАНИЯ ЧУЖАКОВ!», «ОСВОБОДИТЬ ДЖЕЙНУ ОТ ИНОСТРАННОГО ИГА!», «ДЖЕЙНУ — ДЖЕЙНИЙЦАМ!», «СМЕРТЬ ЗАХВАТЧИКАМ!», «ЗЕМЛЯНЕ, УБИРАЙТЕСЬ ВОСВОЯСИ!»

Вакханалия оскорблений и проклятий продолжалась на всем пути до автобусной остановки. Часть охранников была вынуждена сопровождать Дэва до конечной станции. Оттуда и до дома Дэва подстраховывали уже солдаты, патрулировавшие местность вокруг его резиденции.

Милиссу признали виновной по всем пунктам выдвинутых против нее обвинений и приговорили к смертной казни. Три поданных в высшие судебные инстанции апелляции никакого действия не возымели.

Тогда Рокуэл самолично отменил смертный приговор, ссылаясь на незаконность осуждения в силу отсутствия в кодексе инкриминированных Милиссе преступлений.

Премьер-министр Джайер — никто не знал, откуда у него появился этот титул, — предложил в ответ поправки к действующему уголовному законодательству, которые были Проштемпеле-

ваны депутатами. К его крайнему удивлению, Рокуэл не воспользовался своим правом вето.

Не утерпев, Джайер поинтересовался причинами.

— Я же сказал вам, — ответил потомственный Глава, — что не буду вмешиваться. — Он замолчал на мгновение и взглянул на собеседника. — Предположим, что все выдвинутые вами в адрес Милиссы обвинения соответствуют действительности. Если земляне и впрямь существа высшего порядка, то естественно будет предположить, что для спасения своих представителей на Джейне они направят сюда мощный космический флот. И тогда на нашей планете действительно будет установлен оккупационный режим. Даже если он продлится недолго, мы все равно будем обесчещены. Так что же вы выигрываете при таком повороте событий?

Джайер нахмурился.

— Честь Джейны, — парировал он с типичной для джейсамов надменностью, — требует внесения полной ясности в это темное дело. А что касается прибытия грозного флота землян, то мы займемся этим вопросом, когда он возникнет.

— И с каким же оружием? — сыронизировал Рокуэл.

— За человеком Дэвом установлено круглосуточное наблюдение, — не сдавался Джайер. — В нужный момент мы проведем операцию по изъятию всех его научных секретов. Мы раз и навсегда покончим с этой унизительной системой подачек. Они-то как раз и являются невыносимым оскорблением нашего достоинства. Нам нужно все и сразу!

Рокуэл, улыбаясь, сардонически вглядывался в лицо своего собеседника, побагровевшее в пылу спора. Потом скептически произнес:

— Ваш интерес к такого рода незначительным вопросам никак не вяжется с тем представлением, которое сложилось о вас в прошлом. Спрашивается, чего вы добиваетесь на самом деле?

Гиперджейсам окаменел. Затем сухо бросил:

— Вы ставите под сомнение мою лояльность, сир?

В воздухе запахло грозой. Но Рокуэл умело снял напряженность:

— Нет, Джайер. Полагаю, вы согласитесь с новым законом… если он будет вам выгоден. Так что же вы намерены предпринять теперь?

— Вы очень скоро об этом узнаете.

Джайер резко повернулся и вышел.

Чуть позже Рокуэл нанес визит Нерде. Он рассказал ей о стычке с Джайером и спросил, что она думает по этому поводу. Она ответила тут же. Это ничуть не удивило Рокуэла. После памятного бунта, когда жена, не испросив его разрешения, отправилась спать, Нерда не только закрепила это свое завоевание, но и стала более раскрепощенной в своих ответах даже тогда, когда они касались их личных взаимоотношений.

На ее взгляд, подчеркнула Нерда, Джайер очень интересуется женщиной с Земли и, следовательно, истинная его цель — устроить процесс над Дэвом, а не над Милиссой.

— Но… — начал было возражать Рокуэл, но тут же прикусил язык.

«Поосторожнее, — одернул он самого себя. — Ни в коем случае не стоит давать ей еще один повод, чтобы подорвать свой авторитет. Неизвестно, чем все это кончится…»

В то же время он чувствовал, что она права, и понимал собственную беспомощность. Сказанное Нердой лишь открыло ему глаза на ловкость Джайера. Можно было предположить, что шеф клана Дорришей ожидал освобождения Милиссы. И это было понятно, потому что процесс над ней выявил массу прорех в законодательстве,

а слабость позиций обвинения и, наоборот, активность адвокатов прекрасно это продемонстрировали.

Следовательно, он займется устранением этих недочетов, после чего Дэва потащат в суд, и тогда уже отвертеться ему от высшей меры ни за что не удастся.

Рокуэл, поддавшись порыву, шагнул к Нерде и обнял ее.

— Блестящая мысль! — воскликнул он. — Воистину моя королева — особа тонкая и незаурядная. Спасибо!

Он поцеловал ее и с удивлением почувствовал, что она откликнулась на его ласку. Но это, видимо, произошло непроизвольно, поскольку Нерда тут же обрела прежнюю пассивность.

Рокуэл ничуть не обиделся. Наоборот, где-то в самых потаенных глубинах мозга у него зародилась одна очень любопытная мыслишка. А что, если женщины-джейнийки не так уж фригидны, как это было принято считать?

Возможно, не лишено будет интереса как-нибудь поэкспериментировать в этой области поглубже.

Пока же его главной заботой оставался Дэв. Его следовало немедленно предупредить о грозящей

опасности.

На следующее утро Рокуэл узнал, что Милисса, которую все еще держали в тюрьме как лицо, представлявшее опасность для королевства, вновь предстанет перед судом. На предварительном заседании, состоявшемся после обеда, ее адвокат заявил, что принятый депутатами закон обратной силы не имеет.

Судья, согласившись с ним, тут же освободил Милиссу. Но обвинение, не мешкая, потребовало и добилось выдачи ордера на арест Дэва.

Вечером джейнийцы прочитали в газетах, что посланные выполнить это распоряжение офицеры так и не смогли нигде обнаружить землянина.

Все послеобеденное время Дэв провел в тайном убежище, где было оборудовано Хранилище Символов. Он готовил свой побег.

Пришло время ему исчезнуть, используя тот же самый способ, к которому они с Милиссой иногда уже прибегали в прошлом. Ведь в истории Джейны на их памяти случались уже и другие Джайеры Дорриши, каждый из которых добивался своих безжалостных целей. В те далекие времена свою безопасность они обеспечивали крайне просто: пережидали где-нибудь в укромном местечке,

пока очередной их противник не заканчивал свой не столь уж долгий жизненный путь.

С наступлением ночи Дэв покинул свое укрытие и стал пробираться сквозь заросли к заветному месту. Лет семьдесят тому назад он закопал на склоне одного из холмов их скромный по размерам космический корабль.

Раньше уже бывало, что после слишком долгого пребывания в неподобающем месте обнаружить при возникновении необходимости корабль оказывалось делом нелегким. Но Дэв надеялся, что за какие-то там семьдесят лет с его космолетом ничего серьезного произойти просто не могло. Например, над этим местом не прошлись бульдозером и никому не взбрело в голову построить там здания. Он твердо верил, что корабль спокойно дожидается его в своем временном склепе.

Продираясь сквозь особенно густо поросший кустарником участок, Дэв услышал впереди какой-то шум. Он тут же распластался.

Слишком поздно! В темноте кто-то торопливо забегал. Потом из-за ближайшего кустарника сверкнули две пары глаз. Худые и сильные пальцы жадно ухватились за него, прижимая к почве.

На фоне сиявших городских огней проступил

характерный для джейсама носище. Показался и женский силуэт, остановившийся на некотором расстоянии.

Густой голос джейсама возбужденно пророкотал:

— Наконец-то он попался! А ну, Перма, подойди и освети это мерзкое… — С его губ уже готово было сорваться грубое ругательство, когда он, бросив взгляд на свою добычу, изумленно воскликнул: — Клянусь Дилитом, это совсем не тот гусь, что ходит вокруг тебя кругами! Направь-ка фонарь на эту рожу, посмотрим, кого это мы сцапали.

В наступившей тишине были слышны лишь шаги медленно приближавшейся женщины.

Дэв лежал не двигаясь, даже не пытаясь оказать сопротивление. При желании он мог бы мгновенно сосредоточить в своей руке громадную энергию, направить ее в любую часть тела. Он мог бы ткнуть своего агрессора никогда еще не подводившими его пальцами в пару жизненно важных центров, да так, что этот суперджейсам отлетел бы, скорчившись от нестерпимой боли. Или еще проще: Дэв мог бы освободиться, вообще не прилагая каких-либо усилий — прямым выбросом мускульной энергии.

Дэв не сделал ни того, ни другого. Но, как это

уже бывало в прошлом, способности действовать при необходимости в порядке самообороны он не терял.

Мысли Дэва прервал пучок света, безжалостно вырвавший из темноты его обращенное к нему лицо. Послышался полный отвращения голос женщины:

— Да ты только взгляни на него! Это же землянин! Так вот от какого воздыхателя ты меня оберегаешь! Надо же…

— Заткнись! — рявкнул джейсам. — За его поимку обещано большое вознаграждение. Мы сможем на него отгрохать нашу свадьбу! — Он несколько ослабил хватку. — А ну вставай, осколок прошлого! Пора вам с супружницей копыта отбрасывать! Вы ведь с ней — живые ископаемые!

Именно в этот момент Дэву и надлежало действовать, чтобы вырваться на свободу. Но он остался полностью безучастным и безропотно дал поставить себя на ноги.

С ним произошло что-то удивительное.

Пропала всякая реакция. Мозг сверлила одна мысль:

«Человеческая цивилизация мертва.

Так зачем же мне и Милиссе цепляться за ценности потерпевшего крах общества?»

Одновременно те ментальные барьеры, которые он возвел в себе против Милиссы, разом рухнули, и его охватило чувство громадной вины перед ней. Он вдруг понял, насколько негибко вел себя, всецело отдавшись исполнению роли избранника — спасителя новой космической расы.

Оцепенев от охватившего его отчаяния, он на какой-то миг вдруг вспомнил когда-то небрежно брошенную им Милиссе фразу:

«Уверен, что у вас вытягивается нос. И вскоре вы будете походить на джейнийку...»

Теперь он осознал, что все это время жил в каком-то полусне, вроде самонаведенного гипноза, что некий идеал придал временную значимость его существованию, которое на самом деле было его лишено.

Раз они осудили Милиссу, то на этой планете не было ничего, что стоило бы спасать.

И он послушно последовал за полонившим его джейнийцем.

Рокуэл узнал о поимке Дэва рано утром. Он быстро оделся и позвонил Милиссе:

— К вам никто еще не запросился на утренний прием?

— Нет, но думаю, что за этим дело не станет.

— Сейчас буду, — отрывисто бросил он.

Чтобы попасть в резиденцию землян, он воспользовался секретным проходом, о котором знал. Узким, плохо освещенным коридором он добрался до запертой двери.

С той стороны до него донесся шум голосов. Рокуэл осторожно проскользнул в помещение. Он оказался в алькове, примыкавшем к ярко освещенному залу, от которого его отделяла золотисто-зеленая портьера, создававшая мягкий полумрак. Голоса слышались из-за полога. Он тут же узнал спокойный бас Джайера и возмущенное сопрано Милиссы.

— Я поражена! — в сердцах воскликнула она. — Несмотря на то что вы, вероятно, запрограммированы и, вполне возможно, находитесь в большой опасности, вы продолжаете меня преследовать!

Джайер ответил крайне самоуверенным тоном:

— Один раз я малодушно попался на подобные слова. Больше этого не повторится.

— Ваши речи, — сухо заметила Милисса, — свидетельствуют о том, что вы просто лишились рассудка.

— Джейсамы знают, — холодно парировал Джайер, — что важно, а что нет. Самка есть нечто существенное. Мотивации страха нет. — Он прокашлялся и небрежно добавил: — Позвольте мне поразмышлять вслух и проанализировать ситуацию с ваших позиций. Будете мне противиться — угодите опять в тюрьму. Уступите — и я смогу снять обвинения, повисшие тяжким грузом над Дэвом. Затем вы оба могли бы получить множество привилегий, если согласитесь встречаться со мной в будущем время от времени в интимной обстановке.

Рокуэл, застывший за портьерой, покачал головой. Да, интуиция не подвела Нерду. Вся эта возня вокруг обоих землян — не более чем одна из типичных хитроумных комбинаций, в которых так сильны джейсамы, когда речь идет о том, чтобы овладеть самкой.

Нельзя сказать, чтобы он был этим шокирован. Не был он, в сущности, и по-настоящему удивлен.

— Надеюсь, вы не ждете какого-либо визита? — осведомился Джайер.

В этот момент Рокуэл вышел из-за занавеса.

Вернувшись во дворец, он рассказал жене о том, что произошло в доме Милиссы.

— Я заявил ему следующее: Джайер, если я соглашаюсь поступиться частью своих монархических прав, то лишь из-за уверенности в том, что в обмен вы сами и другие вельможи ради расширения вашей политической власти откажетесь от сугубо личных привилегий, позволяющих вам навязывать джейнийцам свои капризы.

— И что же он ответил?

— А ничего. Повернулся, вышел из комнаты, а затем покинул дом.

Нерда не могла скрыть своего отвращения:

— Если ему удастся избавиться от Дэва, то, по его разумению, он сможет надеяться, что рано или поздно Милисса согласится принять его покровительство.

— Так вы полагаете, что он будет теперь упорствовать в своих обвинениях против Дэва?

— Ваши слова никак на него не повлияли, — пожала плечами Нерда. — Собственно говоря, чему тут удивляться: ведь он же самый что ни на есть дремучий джейсам!

В течение всего процесса Дэв оставался совер-

шенно безучастным. Выделенный по указанию Рокуэла адвокат даже не сумел убедить его выступить в свою защиту.

Его признали виновным в шпионаже в пользу чужого мира и приговорили к высшей мере наказания путем усекновения головы.

Глава 6

Вертолет Рокуэла совершил посадку в середине громадного тюремного комплекса, на том месте, где традиционно казнили осужденных. Сюда уже съехалась вся джейнийская знать, подняв невообразимый шум и гам, порой прерываемый лишь пронзительным разбойничьим посвистом. Каждый джейсам азартно спорил, заключая пари насчет своих шансов попасть по жребию в число счастливчиков, которым будет поручено привести смертный приговор в исполнение.

Рокуэл пробрался сквозь эту толпу кандидатов в палачи, отмечая, что со всех сторон в его адрес слышались упреки в том, что число смертников в последнее время постоянно снижается. Подойдя к огороженной канатами зоне, где столпились жертвы, он понял причину этих сетований нобилей. В загоне для осужденных находилось менее сотни джейсамов плюс Дэв, а также четыре женщины, в то время как в прошлом там зачастую набивалось до пятисот.

Грубо говоря, на тысячу восемьсот молодых, полных нетерпения приступить к делу джейсамов-нобилей приходилось около сотни голов.

Рокуэлу представили список подлежащих казни. Он просмотрел его, не проронив ни слова. Но его внимание привлекли две фамилии. То были два инженера. Он насупился и повернулся к Джайеру:

— Как получилось, что стоящие джейнийцы, вроде этих двух, попали в этот список?

Джайер в порядке предостережения поднял руку.

— Ваше Величество, — подчеркнуто официально ответил он, — я вынужден обратить ваше внимание на тот прискорбный факт, что вы нарушаете процедуру, установленную новым законом. Согласно его положениям, король отныне не имеет права лично заниматься персональными случаями. В качестве премьер-министра я буду консультироваться с вами и выслушивать ваше мнение. Возможно, что по отдельным делам — но это не будет носить систематического характера — я попрошу вас помиловать того или иного из осужденных. Будьте любезны, передайте мне список.

Почувствовав какое-то опустошение в душе, Рокуэл протянул документ. В его намерение входило спасти Дэва, и он надеялся, что, опираясь на прецеденты прошлого, сумеет это сделать

силой своей верховной власти. Краешком глаза он подметил, как ехидно ухмыльнулся Джайер.

— А в отношении заданного вами конкретного вопроса, сир, я отвечу вам следующее, — проговорил слегка насмешливым тоном глава клана Дорришей. — Новые нормы устанавливают, что все жители Джейны равны перед законом, подчиняются ему и несут равную ответственность за его нарушение. Эти двое совершили убийство. Они предстали перед судом. Приговор был предопределен степенью тяжести их преступления.

— Ясно, — буркнул Рокуэл.

Но всего яснее для него было то, что эта буйная толпа была единодушно настроена против Дэва и что у него не было никаких шансов спасти землянина.

— Не желаете ли вы, чтобы я пригласил этих двух инженеров и вы имели бы возможность сами задать им вопросы? — предложил Джайер.

Сказано это было сладко-искушающим тоном. Премьер-министр чувствовал себя полностью хозяином положения и был готов до конца играть в конституционную монархию. Похоже, она целиком отвечала его интересам.

Рокуэл молча кивнул.

Пока отыскивали этих двух джейсамов в толпе

осужденных, он внутренне настроил себя на то, чтобы строго придерживаться старого испытанного метода: зараз заниматься не более чем одним делом. Тем самым ему удалось отодвинуть на время свою обеспокоенность судьбой землянина на второй план и всецело сосредоточить внимание на текущих делах.

Сцена, которую он сейчас наблюдал, ярко, хотя почти в карикатурном свете, отражала сегодняшнюю Джейну. Шуршащие одеяния нобилей развевались на ветру подобно непрерывно меняющему свои оттенки океану. Их красноватые головы ровно выстраивались над стеной волнами многоцветного шелка. Тысяча восемьсот похожих друг на друг голов, которые довольно причудливым образом создавали образ красоты в ее чистом виде.

Но то была красота хищного животного, горделивого, дерзкого, могучего и неукротимого. Все дышало природной первозданностью. Примитивные импульсы, толкавшие их в разнузданном порыве ярости на нескончаемые проявления насилия, диктовались не менее примитивными потребностями. И это была их правда, их действительность, никем не оспаривавшаяся на Джейне до того, пока туда не явились Дэв и Милисса и

не стали принуждать к самоконтролю всю эту иерархию, жившую по кровавому закону сверхкультa мужского начала.

«Все происходящее в настоящую минуту, — подумалось Рокуэлу, — *это финал целой эпохи. В этих тысяча восьмистах головах воплощен сейчас бесповоротный закат эры феодализма».*

Это должно было отмереть, слов нет. Но как?

К Джайеру подвели двух осужденных инженеров, что прервало размышления Рокуэла. Глава клана Дорришей вопросительно взглянул на него, и он подошел к смертникам. Мгновение спустя Рокуэл столкнулся с суровой действительностью.

В течение многих лет к ученым, инженерам и техникам в судах Джейны подходили с особой меркой. Хотя они не признавались, как нобили, стоящими выше законов, тем не менее пользовались привилегированным статусом. Было принято считать, что высококлассный инженер «стоил» столько же, сколько двадцать простолюдинов. Наличие диплома о высшем образовании повышало его вес до пятидесяти ординарных джейнийцев. Самый низкий коэффициент соответствовал десяти. Для техников отсчет начинался с двух и доходил до девяти.

Такая градация означала, что если, например, «двадцатибалльный» инженер убивал обычного, без какой-либо профессиональной квалификации, джейнийца, то приговор ему соответственно равнялся двадцатой части положенного для такого случая, то есть сводился обычно к наложению штрафа. Высшую меру он получал только тогда, когда его жертвой становилась равноценная ему «двадцатка».

Заговорил Джайер:

— Сир, перед вами те самые двое, историей которых вы изволили заинтересоваться. Лично я не вижу, что в новом законодательстве позволило бы нам изменить их участь.

Рокуэл подумал то же самое, но промолчал. Он взглянул на инженеров, которых ему представили как тянувших один на «пятнадцать», второй — на «десятку». Когда первому вытащили изо рта кляп, он шумно вознегодовал, что убил всего-навсего какую-то «тройку», благо тот осмелился вести себя по отношению к нему вызывающе, что, естественно, привело его в бешенство. «Десятка» же вообще убил «единичку», причем без всякого повода, просто так, в приступе типичной для джейсамов ярости.

Ничто в их поступках не оправдывало бы про-

явления милосердия. Новый закон был обязан доказать свою беспристрастность. Просто им не повезло, что они оказались первыми, на ком проявлялся этот принцип.

Рокуэл кивнул, и Джайер приказал поставить кляпы на место. Затем громко и отчетливо объявил, что приговор утвержден окончательно.

Почти тотчас же приступили к жеребьевке на предмет выявления тех нобилей, которым надлежало привести его в исполнение. Сквозь сетования неудачников вперед, зубоскаля, протиснулись те двое, кого указал перст судьбы. Выхватив мечи, они синхронно молодецки хрястнули по возложенным на плаху головам.

И промахнулись.

Из глоток нобилей-зрителей единодушно вырвался вопль удивления.

А Рокуэл в это время отчаянно сопротивлялся какой-то неведомой силе, обрушившейся лично на него.

Нечто, похожее на сгусток энергии, ухватило его за бок, потянуло за руку и слегка развернуло. Произошло это как раз в тот момент, когда заголосила публика. Он быстро сообразил, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

Движение головы — и он разом охватил всю

сцену. Оба нобиля, проводившие экзекуцию, медленно распрямлялись после удара. Извергая сквозь стиснутые зубы поток непристойностей, они уже замахивались для вторичной попытки.

— Минуточку! — гаркнул Рокуэл.

Мечи, слегка повальсировав в воздухе, нехотя опустились.

Нобили-палачи, слегка растерянные и тем сильнее взъярившиеся, вопросительно уставились на своего наследного короля.

— Что произошло? — строго спросил тот.

Объяснения обоих совпали: в момент удара что-то, похожее на порыв ветра, отклонило их мечи от заданной траектории.

В толпе зрителей раздался свист. Рокуэл обеспокоенно осмотрелся вокруг, заметив при этом, что Дэва настойчиво подталкивали к выходу из загона для осужденных. Он обратился к Джайеру:

— Приостановите казнь до тех пор, пока я не вернусь.

Шеф клана Дорришей изумленно взглянул на него, но не проронил ни слова. Рокуэл, не медля, направился по направлению к тому месту, где находился Дэв. Землянин встретил его вопросом:

— Что случилось?

— Это я у вас должен спросить об этом!

И он сообщил Дэву то, что рассказали ему нобили.

— Это весьма похоже на вмешательство Символа, — нахмурившись, заметил Дэв. — Но мне прекрасно известно, что ни один из них не предусмотрен для ситуации такого порядка. Надо полагать, что какой-то процесс на Джейне подошел к своей развязке, иначе это — просто непонятный сбой. Почему бы вам не позволить Джайеру продолжить экзекуцию?

Рокуэл все еще был под впечатлением того ощущения, которое испытал, когда в его правый бок вцепилась неведомая ему сила. Оно, впро-

чем, напомнило ему то, что он испытал во время противостояния Джайеру в день возвращения на родную планету. Поэтому он не разделял мнения Дэва насчет продолжения казней, но смолчал.

Рокуэл повернулся и возвратился к плахе, распорядившись освободить обоих инженеров. Это соответствовало традиции не повторять однажды неудавшуюся казнь.

— А вы оба лишаетесь впредь права исполнять смертный приговор, — сухо бросил он двум неудачникам-палачам.

Оба джейсама, ругаясь на чем свет стоит, удалились.

Согласно процедуре, следующими на эшафот должны были взойти женщины. Первая из них оказалась несчастной старухой, полностью выжившей из ума. Она искренне полагала, что вся эта толпа собралась сюда с целью приветствовать ее. Рокуэлу и в голову не пришло просить за нее. Сумасшедшим на Джейре места не было. Если они становились обузой для общества, их неукоснительно предавали смерти. А старушка слишком очевидно подходила под эту категорию лиц.

Поворачиваясь к трем остальным осужденным женщинам, Рокуэл перехватил взгляд Джайера. Гиперджейсам отрицательно покачал головой.

— Будьте осторожны, сир! — предостерег он. — Вы вот-вот опять превысите свои полномочия.

Это действительно было так. Рокуэл кивнул.

— Знаете, лорд Джайер, не так-то легко отказываться от власти, — примирительно заметил он. — А посему прошу проявить в отношении меня должную выдержку. Что же касается моих намерений, то они по-прежнему чисты.

В ответ ни одна морщинка не разгладилась на суровом лице предводителя клана Дорришей.

«Каким же замечательным человеком, — подумал Рокуэл, — *должен был быть первый из земных монархов, кто согласился — причем у него не было никаких прецедентов! — ограничить свою абсолютную власть рамками конституционной монархии...»*

Имени этого короля он, конечно, не помнил, хотя Дэв в свое время и называл его.

Эти исторические параллели возникли в мозгу Рокуэла потому, что даже сейчас он с трудом примирялся с мыслью о том, что уступаемая им доля власти в конечном счете отойдет к Джайеру. И все же он заставил себя внутренне расслабиться и сделал шаг назад.

— Продолжайте, лорд Дорриш.

Он сумел обуздать себя и оценивал все после-

дующие события, не позволяя собственному пребывавшему в смятении «я» каким-либо образом повлиять на них.

Двум из трех оставшихся женщин никто уже помочь был не в силах. Их мужья нобили обвинили супруг в неверности, и Суд признал их виновными. Где-то в глубине души Рокуэл сомневался, что они совершили столь чудовищное по меркам Джейны преступление. Но сейчас оспаривать вердикт Суда было явно не время.

Последнюю из четверых женщин, как оказалось, осудили за то, что она усомнилась в истинности религии. Когда она предстала перед ними, Джайер метнул вопрошающий взгляд на Рокуэла. Сделано это было в основном для проформы, ибо он никак не ожидал, что тот вмешается. Джайер уже отворачивался, когда почувствовал, что Рокуэл тронул его за руку. Он дернулся и взглянул на него с выражением беспредельного терпения на лице. Но уже после первых произнесенных слов стало ясно, что по столь ничтожному вопросу Джайер был готов уступить королю и дать тому возможность воспользоваться своим правом помилования.

— Сир! — ответил он. — Я полагаю, что в этом частном случае вполне можно ограничиться

условным осуждением. Но будьте любезны изложить те мотивы, по которым вы считаете возможным отклонить решение Суда.

Что и было сделано.

В своем кратком обращении к собравшимся нобилям Рокуэл, следуя рекомендациям Дэва, сделанным задолго до этого, подчеркнул исключительную важность сохранения за религией ее традиционно гуманистического характера.

Жизнь женщины удалось спасти.

После этого эпизода Рокуэл непроизвольно напрягся, не зная, какого развития событии следовало теперь ожидать. Между тем новая троица определенных жребием нобилей в восторге от выпавшего на их долю шанса проявить себя продвигалась к месту казни. Двое из них, кому поручили отрубить головы прелюбодейкам, шумно выражали свое удовольствие в связи с тем, что они удостоены привилегии привести в исполнение столь важный акт правосудия.

Три меча поднялись и опустились одновременно.

Но женщины, стоявшие на коленях, с головами на плахах, продолжали обреченно ждать. Мгновение спустя они, удивленные задержкой, осмелились поднять глаза, словно желая спро-

сить, в чем дело.

А случилось то, что все три меча палачей отлетели метров на двадцать от их владельцев. У Рокуэла, самым пристальным образом наблюдавшего за происходившим, сложилось впечатление, что во время полета в воздухе все три клинка неестественно поблескивали, но полной уверенности в этом не было. Кроме того, в момент попытки казни что-то могучее как бы схватило его стальными пальцами и немного сдвинуло с места.

Джайер, как успел заметить Рокуэл, распростерся неподалеку от него. Он подошел к нему и помог гиперджейсаму подняться на ноги.

— Что произошло? — не скрывая тревоги, спросил Рокуэл.

— Это явная магия, — прошептал Джайер. — Меня чем-то пребольно стукнуло.

Он, похоже, утратил былую самоуверенность и не стал возражать, когда Рокуэл предложил приостановить казнь и провести расследование.

— И что же это будет за расследование? — все же недоуменно поинтересовался он.

Рокуэл заверил его, что по крайней мере одно лицо должно быть обязательно допрошено.

Поэтому сразу же после того, как освободили

женщин и разжаловали новую группу незадачливых палачей, Рокуэл поспешил к Дэву. Оба они покинули зону, предназначавшуюся для заключенных.

— Ну, теперь видели? — набросился Рокуэл на землянина обвинительным тоном.

— Да. Никаких сомнений: в дело вмешался Символ, причем во второй раз он действовал более решительно. Питающая его энергия нарастает очень быстро.

— Но о каком Символе может идти речь? — возразил Рокуэл. — Я-то полагал, что они… — Он поперхнулся, вовремя вспомнив, что понятия не имел, чем на самом деле мог являться Символ. Он кое-как закончил фразу: — Так какие теперь у вас будут предложения?

— При следующей попытке, — хладнокровно уточнил Дэв, — нельзя исключать возвратного действия, в результате чего палачи окажутся ранеными. — Казалось, этот феномен живо заинтересовал землянина. Апатия частично улетучилась, внезапно заблестели глаза. Воспрянув духом, он огляделся:

— Почему бы вам не дать Джайеру возможность обезглавить меня? Это сразу бы разрешило массу проблем.

Рокуэл насупился, затем покачал головой. Он прекрасно понимал, что ранение или даже смерть главаря клана Дорришей чреваты серьезным осложнением отношений с немалой частью населения Джейны, поддерживавшей его.

Между тем в толпе вновь стал раздаваться негодующий свист, послышались выкрики с требованием принять в конце-то концов какое-нибудь решение. Тем не менее нобили, судя по всему, подрастерялись. По тону и характеру их воплей стало ясно, что они были совершенно дезориентированы и не знали, что может случиться в следующую минуту. Для тех, кто находился в непосредственной близости от места экзекуции, все, что произошло, наверняка выглядело темным и нечистым делом. Но надо честно признать, что еще никогда и никому не удавалось что-нибудь объяснить всем нобилям сразу как единой группе…

Тот факт, что не приходилось надеяться на помощь со стороны джейнийской знати, еще более усложнял ситуацию. Взвинченный Рокуэл явно смешался и не представлял себе, что можно сделать в сложившейся ситуации. А нетерпение толпы усиливалось, крики нарастали. И тут Рокуэл догадался о причине возникшего волнения

в толпе. Выведя Дэва из отстойника для осужденных, он создал у зрителей впечатление, что именно тот будет следующей жертвой.

И горлопаны сейчас требовали именно этого: предать казни Дэва.

Землянин побледнел, но, перекрывая шум и гвалт толпы, почти что прокричал на ухо Рокуэлу:

— И все-таки почему бы не попробовать? Посмотрим, что из этого получится.

Рокуэл хотел было возразить ему:

> *«А вдруг Символ, который, как я считаю, находится у меня под началом, станет действовать независимо от моей воли, даже вообще выйдет из-под всякого контроля?»*

Но он не смог выразить эту мысль. Он просто не сумел выговорить нужные слова. Его лицо исказилось гримасой от усилий произнести эту фразу.

Заметивший это Дэв забеспокоился:

— Что-то не так, сир?

Рокуэл попробовал еще раз, и опять безрезультатно. Его охватило чувство деградации, собственного уничтожения.

«Ясно: меня запрограммировали. Милиссе я могу рассказать о подчиняющемся мне Символе, а Дэву — нет...»

В сущности, реально ему так и не довелось контролировать свой Символ. Это Рокуэл теперь осознавал вполне отчетливо. Просто каким-то образом тот был связан с его личностью и именно по этой причине проявлял себя сейчас.

— У меня складывается впечатление, — вдруг обрел голос Рокуэл, — что эту публичную казнь не разрешают.

Ага, значит, говорить он все же мог, и вполне нормально, но при условии — не упоминать при этом о своем Символе.

Дэв покачал головой:

— Я чего-то не схватываю. Джейна еще не созрела для того, чтобы отменять на ней смертную казнь. Действительно... — он выглядел напуганным. Сделал какой-то неопределенный жест, как бы охватывая все окружавшее их пространство. — Случись, что в один прекрасный день миллионы параноидальных самцов, населяющих эту планету, обнаружат, что ни за какие свои деяния они больше не рискуют жизнью, — и здесь возникнет обстановочка почище адовой.

В мозгу Рокуэла молниеносно пронеслась вызванная словами землянина картина полного краха Джейны — разгула грабежей, насилия и убийств. По спине пробежал холодок. Он живо вообразил, как джейнийские улицы закипят от наплыва уголовников, как всевозможные банды начнут раздирать и грабить страну. Надо было что-то предпринимать, причем немедленно.

Опять с запозданием он вспомнил о новых функциях главы клана Дорришей, о том, что обязан теперь консультироваться с ним. Он поискал его глазами и обнаружил, что тот держится неподалеку. Гиперджейсам, сощурив глаза, внимательно вглядывался в Дэва.

Впрочем, на большее, чем бросить взгляд в сторону премьера, времени у монарха уже не было: нобили Джейны завопили так, что нормальный разговор стал попросту невозможным. Тогда Рокуэл сделал знак королевским барабанщикам рассыпать громовую дробь, потребовав тем самым от собравшихся тишины и спокойствия.

Минуту спустя он изложил затихнувшей и пораженной его речью толпе то, что знал от Дэва относительно сути Символа и его действия.

Но не успел он закончить свое обращение, как. в толпе кто-то истошно выкрикнул:

— Если покончим с этим типом, то прекратится и вся эта белиберда!

Говоривший принялся решительно проталкиваться сквозь ряды. Толпа заколыхалась. Сначала с десяток, затем уже сотня, а потом и сотни нобилей угрожающе рванулись вперед.

Кто-то прокричал Рокуэлу прямо в ухо:

— Спасайтесь! Речь идет о вашей жизни!

Сказано это было столь императивно, что Рокуэл отмахал метров двадцать, прежде чем сообразил, что предупреждение поступило от Дэва. Он резко остановился и обернулся. Как раз вовремя, чтобы собственными глазами увидеть разразившуюся катастрофу.

Джейсамов подбросило вверх и стремительно завертело, как если бы они попали в воздушный вихрь. Невидимая сила вырвала целый фонтан тел, и тот, вращаясь, подобно лишенному силы притяжения громадному волчку, взлетел на довольно большую высоту.

Боковым зрением Рокуэл подметил, что Дэв пробивался сквозь толпу отхлынувших назад нобилей. Наконец ему удалось добраться до Рокуэла и прокричать:

— Быстро! Если их подкинет еще выше, то, шлепнувшись затем обратно, они разобьются

в лепешку или уж во всяком случае серьезно поранятся.

— Что вы имеете в виду? — выдавил потрясенный происходившими событиями Рокуэл. — Что «быстро»?

Прежде пылавшие внутренним огнем глаза Дэва внезапно потускнели. На его лице отразилось замешательство. Он прошептал:

— Что такое? Понятия не имею, почему я выкрикнул эти слова!

Но Рокуэл неожиданно для себя вдруг понял подлинный смысл его реакции. У него мелькнула мысль: «А ведь он запрограммирован тоже…» Рокуэл почувствовал, что ему открылась истина, которая укреплялась с каждой секундой. Она поразила его. Все, что сейчас происходило, было, неоспоримо, проявлением мощи того самого Символа, контроль над которым был предоставлен только ему.

Утешало то, что в критический момент право принять последнее решение было оставлено за ним, потомственным генералом Джейны.

Он быстро вызвал в памяти тот ментальный приказ, который должен был позволить энергии Тайгэн усмирить Символ. При этом непроизвольно подумалось: *«Для того чтобы управлять*

планетой с помощью Символов, нет необходимости широко взаимодействовать с массами. Для этого достаточно опираться на горстку ключевых лиц...»

Самым же уникальным моментом во всей этой истории был тот факт, что двум наставникам — Дэву и Милиссе — не было позволено проявлять собственной инициативы.

После того как утихомирился этот вздыбившийся нежданно-негаданно вихрь, нобили начали один за другим плюхаться с тех высот, куда их закинуло. Некоторых какое-то время не могли привести в чувство. Рокуэл тем временем обратился к Джайеру с предложением продолжить публичную казнь. Гиперджейсам остановил на нем свой лишенный всякого выражения взгляд.

— Ваше Величество, — произнес он с деланным удивлением, — боюсь, что в данную минуту мы не найдем никого, кто пожелал бы выступить в роли палача.

Рокуэл и сам был убежден в этом. Но он мягко напомнил премьеру, что решение о приостановке казни надлежало принимать правительству, а не главе конституционной монархии.

И добавил, глядя прямо в глаза Джайеру:

— У меня лично сложилось также впечатление,

что правительство одновременно должно освободить Дэва и снять с него все обвинения.

Этим замечанием он сначала заслужил со стороны главаря клана Дорришей полный черной злобы взгляд. Но затем тот расплылся в улыбке, весьма нетипичной для вечно гримасничавшего лица Джайера.

— Ваше Величество, — степенно произнес он, — меня крайне поразило одно сделанное вами ранее замечание. Сегодня я понял, насколько вы были правы, когда утверждали, что власть оставлять — дело нелегкое. Но одновременно представляется, что в равной степени трудно такому лицу, как я, привыкнуть и к расширению своих властных полномочий. В то же время хотел бы заверить вас в том, что намерен попытаться это сделать. Я рассматриваю роль премьер-министра как нечто целостное и высокоморальное. Посему… — он сделал широкий жест рукой и торжественно возвестил: — Ради того, чтобы наглядно доказать вам свое твердое стремление подняться до этих высот своей функции, я в качестве главы правительства, которому поручено обеспечивать нормальный ход государственных дел до следующих выборов, которые пройдут в соответствии с новым законом, прошу вас помиловать земля-

нина Дэва и снять с него все сформулированные против него в ходе суда обвинения.

— Согласен, — промолвил Рокуэл.

То была крупная победа. Но когда он возвращался во дворец в окружении эскорта телохранителей на мотоциклах, настроение Рокуэла резко упало. Проехав всего сотню метров, он вдруг осознал, что его еще более жестоко, чем раньше, терзает одна мысль:

«Меня запрограммировали, и это меня унижает, умаляет как личность...»

Вернувшись во дворец, он поделился своей душевной тревогой с Нердой. Они проговорили на эту тему все послеобеденное время и часть вечера.

Программирование, высказала она ему свою точку зрения, можно сравнить с добавлением капли красящего вещества, которое может придать большому потоку воды слегка голубоватый оттенок. Но от добавления красителя и появления специфического цвета ничего не изменится в том смысле, что все равно остановить или направить этот поток в другую сторону может только запруда.

Эта аналогия подтолкнула его к одной инте-

ресной мысли. Ведь его запрограммировали в форме ускоренного цивилизационного развития параноидального самца, которым он до этого в сущности и являлся. Но, несмотря на это вмешательство, он по-прежнему оставался потомственным Генералом Джейны, мужем Нерды и совершенно не собирался менять ни ранга, ни жены.

В то же время он вполне нормально перенес процесс перераспределения своей абсолютной в прошлом власти, а также согласился с тем, чтобы впредь его контроль над собственной супругой был бы менее жестким и всеобъемлющим, чем раньше.

И самое главное: ни в том, ни в другом случае он не почувствовал себя в чем-то ущербным существом.

Нерда высказала предположение, что в отношении Дэва и Милиссы было осуществлено программирование другого рода. Долговременное и рассчитанное на то, чтобы как-то скрасить жизнь, невыносимо трудную для земной молодой четы, заброшенной на долгие годы на чужую планету. А поскольку именно через них реализовывался поток вечной жизни, их запрограммировали по-разному — как мужчину и как

женщину, чтобы максимально обеспечить их выживание в условиях периодических кризисов, сотрясавших Джейну. Тем самым великая цивилизация Иного Мира держала под своим контролем даже своих посланцев.

Из всего нынешнего поколения, продолжала Нерда, возможно, лишь она сама, Рокуэл да еще, пожалуй, в меньшей степени Джайер знали всю правду. Другими словами, потомственный Генерал Джейны, его супруга и столь же потомственный глава основного клана планеты. При этом они ни в коей мере не были деформированы как личности, с их неповторимыми индивидуальными особенностями. Поток джейнийской идентичности продолжал свой бег в них, они были им, но стали теперь более цивилизованными существами, прекрасно осознававшими это.

По выражению лица мужа, на котором отражалось согласие с ней, по спаду напряженности в нем Нерда поняла, что эта тема исчерпана и можно перейти к обсуждению других проблем.

— Вы по-прежнему сохраняете контроль за своим Символом? — полюбопытствовала она.

Уже давно стемнело, и они стояли перед широким окном, выходящим на одетые в лавовые потоки горы.

Рокуэл мысленно представил себе первые три фазы процесса вызова энергии Тайгэн. Тотчас же что-то скользнуло по его ноге. Вновь появилось уже знакомое ощущение, будто нечто пытается вцепиться в него — это происходила материализация энергетического поля, как он догадывался, огромной мощности. Он поспешил отвлечь свои мысли на что-нибудь другое.

— Да, — подтвердил Рокуэл. — Символ на месте.

— Я уверена, — задумчиво произнесла Нерда, — что до тех пор, пока вы будете сохранять над ним свой контроль, никого нельзя будет лишить жизни в вашем присутствии. Сказали ли они вам, в какой момент вы утратите эту способность?

Рокуэл совсем было собрался ответить ей так же, как в свое время Милиссе, но тут понял, что в чем-то он теперь другой. Его память словно отделилась от него непроницаемым барьером.

— Нет, — отозвался он. — Они просто наделили меня им — и все. Это их подарок на всю жизнь. — После этих слов он почувствовал прилив жизненной энергии.

«Никто отныне не может быть убит в моем присутствии...»

Он внезапно осознал, что его Символ — особенный. Он достигал почти невероятных высот понимания и могущества.

В самых глубинах его души что-то безгранично дикое и звериное смягчилось.

Дэв испытывал странное чувство, очутившись на свободе. Он неспешно направился к ближайшему ресторану, вошел туда и устроился за столиком. Он рассеянно поглощал пищу, когда по радио передали сообщение, что его помиловали. Это известие необычайно взволновало Дэва. В нем ожила вся его прежняя сила и жажда жизни.

Он обратил внимание на то, что находившиеся вместе с ним в ресторане джейнийцы поглядывали на него с любопытством. И в их взглядах не было ни малейшей враждебности. Ему совсем не хотелось идти куда-то конкретно поэтому, покинув ресторан, он отправился наугад, бесцельно побродить по улицам. В конце концов его состояние стало вызывать у него недоумение:

«Может быть, в данный момент я решаю какую-то проблему?.. Но если это так, то в чем она заключается?»

Он пребывал в нерешительности. Все представлялось ему каким-то отстраненно-далеким. Дэв

четко осознавал, что обязан что-то сделать. Но что именно?

Наступила ночь.

Он помахал рукой проезжавшему мимо автобусу. Позвякивая и сверкая огнями, тот остановился рядом. Никто не сказал ему ни слова, когда Дэв вошел и занял место.

На следующей остановке в автобус сели несколько молодых джейнийцев. Усевшись, они насмешливо посмотрели в его сторону. Но вскоре молодежь сошла, устремившись ко входу в ярко освещенный парк, где сотни подростков-джейнийцев танцевали под звуки глуховато-рыдающей ритмичной музыки.

Дэв вплоть до полуночи нарочно таскался по заполненным самой разношерстной публикой общественным местам. Нигде его появление не вызвало никаких проявлений враждебности со стороны местного населения. В свой большой белый дом он вернулся по дороге, проложенной вдоль реки. Войдя в западное крыло здания, он машинально подумал, что где-то в этой огромной резиденции сейчас должна находиться Милисса, но никаких попыток войти с ней в контакт не предпринял.

Дэв немедленно завалился в постель. Охватив-

ший его тут же особо глубокий сон запустил в нем программу, заложенную много столетий тому назад. Он, продолжая крепко спать, поднялся и, как лунатик, прошел в комнату, обманчиво оборудованную в целях прикрытия стандартным, соответствовавшим уровню технологии Джейны, электронным оборудованием. Нажимая, однако, определенные кнопки и набирая в нужном порядке номера на дисках, Дэв задействовал секретную, надежно скрытую от посторонних глаз систему связи.

И тогда субкосмические радиоволны понесли его послание адресату, находившемуся от Джейны на расстоянии многих световых лет. В нем сообщалось следующее:

«КРИЗИС, СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ПОСЛЕДНЕЙ СТАДИИ СОСТОЯНИЯ КОРОЛЕВСТВА, ПРЕОДОЛЕН...»

Сообщение автоматически дополнилось подробностями и было повторено не единожды. Наконец на далекой планете приема сработало нужное реле, и голос — а может быть, мысль? — ответил ему:

«ПОСЛАНИЕ

ПРИНЯТО И ЗАФИКСИРОВАНО».

На панели, перед которой стоял Дэв, мигнул огонек. Он выключил питание и, так и не проснувшись, вернулся в спальню.

Милисса наблюдала за Дэвом сначала в специальное оптическое устройство, а затем, убедившись, что тот находится в сомнамбулическом состоянии, непосредственно следуя за ним. Как только он покинул напичканную электроникой комнату, она в свою очередь подошла к аппаратуре, поколдовала с кнопками и наборными дисками и обратилась к далекому корреспонденту. Создалось впечатление, что ее обращения там уже ждали.

Голос ответил:

— Мы вышли на ту стадию, когда вам, женщине, разрешается узнать частицу правды.

— В чем она заключается? — поспешила Милисса.

Но, не дождавшись ответа, тут же задала второй вопрос:

— На самом деле существовала проблема всеобщей смерти или же эта идея была результатом заложенной изначально программы?

— Во время следующего кризиса, — ответили

ей, — вам будет разрешено посетить нас, и тогда вы сами получите ответ. А пока что Дэв, мужчина, не должен ничего об этом знать. Впрочем, вы сами убедитесь, что если попытаетесь поставить его в известность, то не сумеете этого сделать.

— Но почему ничего ему не сообщать?

Выяснилось, что причины этого запрета глубинно связаны с неодолимыми и уникальными качествами его мужской сущности и вытекавшими из них идеалистическими мотивациями.

— Это все, что нам позволено вам сообщить, — подытожил далекий голос.

Когда контакт прервался, Милисса вдруг почувствовала себя намного лучше. На сердце полегчало, как если бы она вновь стала человеческим существом, перестав быть каким-то живым ухищрением, порожденным сгинувшей культурой. Она ощутила в себе необычную нежность в отношении этого бедного запрограммированного суперсущества — ее мужа — и с энтузиазмом взялась за тяжелую работу по переселению в западную часть их огромного дома.

С первыми проблесками зари основная часть принадлежавших ей замечательных вещей уже заняла свои обычные места. А когда Дэв проснулся и повернул голову, он обнаружил стоявшую

перед ним и улыбавшуюся очаровательную блондинку, молодую женщину со столь невинными глазками, как если бы все то, что она сделала до сих пор, включая и это возвращение к нему, было логически безупречным.

Белокурое видение проворковало:

— Надеюсь, вы будете счастливы узнать, что жена опять рядом с вами?

На планете, где нет другой женщины с Земли, а эта женщина к тому же столь прелестна, что мог бы ответить на это единственный там земной мужчина?

Дэв, естественно, заявил, что он и в самом деле счастлив, добавив:

— Будьте любезны, подойдите поближе.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «АЛЬФА»

(повесть)

Глава 1

Это произошло у автомата с прохладительными напитками. Распрямляясь, Барбара Эллингтон внезапно почувствовала, как что-то мимолетно коснулось ее правого плеча. Это было похоже на легкий щелчок, но необычно холодивший кожу.

Она живо, несколько неловко, обернулась и в замешательстве взглянула на стоявшего сзади в нескольких шагах от нее элегантного, без единого волоска на голове, мужчину. Судя по всему, он ожидал своей очереди.

— Ах, это вы, Барбара! Добрый день! — сердечно приветствовал он ее.

Барбара, стушевавшись, довольно бессвязно пролепетала:

— Я... я не знала, что за мной кто-то есть. Но я уже кончила, доктор Глоудж!

Прихватив прислоненный к стене кейс, она двинулась вдоль ярко освещенного коридора. Шатенка, высокая, может быть даже слишком, тонкая в талии, с серьезным, атласной кожи лицом, она была не лишена очарования. Но сейчас, пунцовая от смущения, она двигалась скованно, какой-то деревянной и не свойственной ей по-

ходкой. Барбара вполне сознавала это и мучилась вопросом, не смотрит ли ей вслед удивленный ее поведением доктор. «И тем не менее что-то меня действительно кольнуло!» — подумала она.

Дойдя до поворота, она искоса, через плечо, посмотрела назад. Доктор Глоудж, утолив жажду, не спеша двигался в противоположном направлении. Никого больше в коридоре не было.

За углом Барбара потрогала то место на плече, куда, как ей показалось, вонзилось тончайшее ледяное жало. Не с доктором ли Глоуджем связано… ну, все то, что произошло? Она раздумывала, насупив брови. Сразу же по поступлении на работу Барбара на две недели попала в его службу. И все это время Генри Глоудж, глава биологической секции Исследовательского центра Альфа, держался неизменно вежливо и даже галантно. Но в то же время он производил впечатление человека холодного, спокойного, замкнутого, целиком ушедшего в науку.

Нет, он решительно был не из тех, кто не прочь позабавиться с какой-то там машинисткой.

И в самом деле, ни о каком розыгрыше речь и не шла.

Еще несколько недель тому назад доктор Генри Глоудж наметил Барбару в качестве одного из

двух «подопытных кроликов» для проведения над ними, в тайне от обоих, эксперимента под названием «Стимуляция. Точка Омега». Доктор тщательно и заранее подготовился к осуществлению своего замысла. Ему удалось, в частности, в отсутствие Барбары установить в ее комнате микрофон, который, по его расчетам, должен был оказаться весьма полезным в ходе эксперимента. Только после этого он приступил к поискам контакта с самой девушкой. Заглянув в этих целях в машбюро, он с огорчением узнал, что к тому времени Барбару перевели в другую службу.

Глоудж не рискнул задавать каких-либо вопросов. Он исходил из того, что в случае неудачи никто не должен был даже догадываться о каких бы то ни было его отношениях с ничем не примечательной машинисткой. Биолог считал, что даже при успешном исходе эксперимента его результаты, видимо, разглашать не стоило.

Накладка с переводом Барбары раздражала Глоуджа. И когда после четырех дней бесплодных попыток он неожиданно встретил ее в пустынном холле пятого этажа, то расценил это как счастливый для него случай, подарок судьбы.

Он видел, как девушка остановилась перед автоматом с прохладительными напитками.

Глоудж зашел ей за спину. Быстро осмотревшись, нет ли в коридоре посторонних, он выхватил своеобразный шприц-пистолет, «стрелявший» под большим давлением сывороткой «Омега» в газообразном состоянии. Прицелившись в правое плечо Барбары, доктор нажал на спуск. Не успела еще растаять в воздухе тоненькая дымчатая ниточка от выстрела, как Глоудж уже спрятал свое оружие в специально изготовленный для него кармашек под мышкой и застегнул пиджак.

Тем временем Барбара с кейсом в руках приблизилась к кабинету Джона Хэммонда, специального ассистента директора Исследовательского центра Альфа, расположенного на пятом этаже комплекса лабораторий, который считался самым крупным в мире. Офис Алекса Слоуна, директора Центра, находился на шестом.

Барбара остановилась перед тяжеловесной дверью черного цвета, на которой красовалось имя Джона Хэммонда. Взглядом собственника она посмотрела на табличку с надписью «Служба по связям и научным исследованиям» и, вставив в замочную скважину вытащенный из кейса ключ, повернула его вправо.

Дверь бесшумно открылась, и Барбара вошла в приемную. С легким щелчком язычок замка

встал на место.

В помещении никого не было. На столе Хелен Венделл, секретарши Хэммонда, лежало множество бумаг. Из-за приоткрытой двери в тамбур перед личным кабинетом Хэммонда слышался спокойный голос Хелен.

Прошло всего десять дней, как Барбара поступила в распоряжение Хэммонда, а по существу его секретарши. Помимо повышения в зарплате Барбару прельщали в этом изменении ее служебного положения еще два момента. Во-первых, ее заинтриговала загадочная и в чем-то вызывающая беспокойство личность самого Джона Хэммонда. Во-вторых, ей льстило приобщение к секретам Службы, чего — увы! — пока не произошло.

Барбара подошла к столу Хелен Венделл и положила в отдельную корзинку несколько документов из своего кейса. В этот момент ей бросилась в глаза фамилия доктора Глоуджа в сопроводительной записке, приколотой к одной из докладных. Повинуясь порыву — ведь она только что встретила доктора, — Барбара подалась вперед и вчиталась.

Хэммонду напоминалось о том, что у него назначена на сегодня на 15 часов 30 минут встреча с доктором Глоуджем для обсуждения проекта

«Омега». Машинально посмотрев на часы, она отметила, что до нее оставалось тридцать пять минут.

Сама же докладная в отличие от документов, с которыми ей до сих пор приходилось иметь дело, была ей понятна, во всяком случае частично. В ней упоминался какой-то биологический проект «Стимуляция. Точка Омега», о котором Барбаре во время работы у Глоуджа слышать не приходилось. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, так как биологическая секция была одной из самых крупных в Центре Альфа. Оказалось, прочитала она, что этот проект касался «ускорения эволюционных процессов» у различных видов животных. Единственное, что привлекло ее внимание в документе, было упоминание о том, что большое число подопытных погибло.

Неужели великий Джон Хэммонд тратит время на подобную чепуху? Разочарованная Барбара положила докладную обратно в корзинку и прошла в свое собственное бюро.

Пока она отсутствовала, на ее столе выросла целая стопка материалов для печатания с приколотой к ним написанной рукой Хелен запиской: «Барбара, документы появились неожиданно, и

их следует отпечатать уже сегодня. Очевидно, потребуется немало часов сверхурочной работы. Если по личным причинам сегодня вечером вы заняты, сообщите мне, чтобы я запросила кого-нибудь из машбюро».

Барбара была уязвлена. В конце концов, это было ее бюро и ее работа! И она категорически возражала, чтобы кто-то другой выполнял за нее эти обязанности.

К сожалению, именно на сегодняшний вечер у нее было назначено свидание. Но сейчас имело значение лишь одно — не допустить другую машинистку в службу Хэммонда, даже на несколько часов! Решение было принято мгновенно и без колебаний. И все же какое-то время Барбара сидела неподвижно, покусывая губы. В этот момент она была всего лишь женщиной, обдумывающей, каким образом отказаться от встречи с мужчиной, обладающим вспыльчивым характером и полным нетерпения. В конце концов она сняла трубку телефона и набрала номер.

Уже несколько месяцев Барбара связывала свои мечты о будущем с именем Вэнса Стрезера. Он был одним из техников фотолаборатории. Когда тот подошел к телефону, она рассказала ему о сложившемся положении, сокрушенно заявив в

конце: «Я думаю, Вэнс, что мой отказ произвел бы плохое впечатление, учитывая, что я совсем недавно работаю в этой службе».

Она почти физически ощущала, как воспринимает все это Вэнс. Девушка уже давно подметила, что тот пытается установить с ней интимные отношения еще до свадьбы, но именно этого-то она решила ни в коем случае не допустить.

Когда все же Вэнс внял ее доводам, Барбара, с облегчением положив трубку, в порыве нежности к нему подумала: «Я действительно его люблю».

Через мгновение у нее вдруг закружилась голова.

Ощущение было необычным. Оно ни в какое сравнение не шло с привычными ей мигренями. Сначала — ощущение легкого вихря в ней самой и вокруг нее. Затем — необыкновенная легкость и впечатление, что вот-вот она, совсем невесомая, кружась, воспарит ввысь. И почти одновременно с этим — неистовая эйфория и неведомая ей до сих пор глубина чувства комфортности и переполненности силой. Все это длилось не более двадцати секунд и исчезло так же внезапно, как и появилось.

Смущенная и несколько встревоженная, Барбара тем не менее быстро взяла себя в руки.

Подумав, не принять ли таблетку аспирина, она тут же отказалась от этой мысли, так как никаких видимых причин для этого не было. Она прекрасно себя чувствовала: в голове — полная ясность, в теле — неуемная энергия.

Она уже приступила к печатанию, когда краем глаза уловила какое-то движение сбоку. Повернув голову, она увидела Джона Хэммонда, неподвижно стоявшего на пороге ее небольшого кабинета.

Барбара застыла, как это обычно случалось с ней в присутствии Хэммонда. Затем медленно развернулась к нему лицом.

Хэммонд рассматривал ее с задумчивым видом. Это был крупный — под метр восемьдесят, — атлетически сложенный темноволосый мужчина со стальным взглядом серых глаз. Ему было лет под сорок. Но с самого начала работы с ним Барбару поражало не исходившее от него ощущение физической мощи, а сила интеллекта, явственно проступавшая в чертах лица и в глубине глаз. «Вот так, наверное, выглядят настоящие супермены», — уже не в первый раз подумала она.

— С вами все в порядке? — участливо спросил Хэммонд. — Мне показалось, что вы вот-вот упадете с кресла.

Барбаре стало досадно, что кто-то видел ее лег-

кое недомогание. Она робко пробормотала:

— Извините, я, наверное, замечталась.

Его взгляд еще на некоторое время задержался на ней. Потом, покачав головой, Хэммонд повернулся и вышел.

Глава 2

После встречи с Барбарой Глоудж быстро спустился на несколько этажей ниже. Он спрятался за грудой ящиков, скопившихся в проходе перед закрытой дверью в подсобку фотолаборатории. Ровно в пятнадцать часов пятнадцать минут открылась другая дверь. Появился молодой сухопарый, угрюмого вида парень с рыжими волосами. Поверх костюма на нем был надет белый, покрытый пятнами халат. Он катил перед собой груженую тачку, направляясь к подсобке.

Вскоре предстояла пересменка. Как Глоудж выяснил заранее, именно в это время дружок машинистки — Винсент Стрезер — всегда появлялся в кладовке, размещая там материалы фотолаборатории.

Доктор следил за парнем сквозь щели в пирамиде ящиков. Он явно нервничал и волновался — не то что в момент введения сыворотки Барбаре. Если бы у Генри Глоуджа была возможность выбора, он ни за что бы не сделал его в пользу Винсента Стрезера, поскольку этот лаборантишка слыл слишком раздражительным и агрессивным малым. Однако его дружба с Барбарой и их сов-

местное проведение свободного времени были на пользу эксперименту. Так, во всяком случае, рассуждал Глоудж.

Держа в руке под пиджаком свой шприц-пистолет, Глоудж стремительно выскочил вслед Стрезеру…

Еще только нажимая на спуск, доктор понял, какую злую шутку сыграла с ним нервозность.

Кончик иглы оказался слишком далеко — почти на полметра! — от лаборанта. На таком расстоянии даже молниеносный, порядка полутора тысяч километров в час, выброс сыворотки успевал разойтись веером и терял свою скорость. Заряд попал в верхнюю часть лопатки юноши, разорвав кожу и проникнув в мышцы, но укол явно получился болезненным. Подскочив от неожиданности, Стрезер испустил вопль и задрожал всем телом, как при контузии. Глоудж, воспользовавшись его замешательством, все же успел за это время спрятать свое оружие.

На большее времени уже не хватало. Вэнс Стрезер резко обернулся, схватил Глоуджа за грудки и разъяренно уставился на него.

— Вы что, спятили! — зарычал он. — Чем это вы меня ударили? И вообще, кто вы такой, черт побери?

На мгновение Глоудж впал в панику.

— Не понимаю, чего вы тут городите, — наконец выдавил он из себя, прерывисто дыша и пытаясь выскользнуть из могучих объятий Вэнса.

Внезапно он замолчал. Стрезер, глядевший поверх его плеча, почему-то отпустил доктора. Освободившись, Глоудж обернулся и, не веря себе, оцепенел, охваченный ужасом.

На Стрезера и доктора надвигался Джон Хэммонд, устремив на них вопрошающий взгляд. Глоуджу оставалось лишь надеяться, что специальный помощник вошел в помещение после выстрела и посему не заметил его.

— Что здесь происходит, доктор Глоудж? — спросил Хэммонд естественным для него властным тоном.

— Доктор! — изумленно воскликнул Вэнс.

— Этот молодой человек, видимо, полагает, что я его чем-то ударил, — ответил Глоудж, стараясь придать своему голосу оттенок удивления и возмущения. — Разумеется, ничего подобного я не делал. И вообще не понимаю, как подобная мысль могла взбрести ему в голову.

Нахмурившись, он посмотрел на Стрезера. Тот в явном замешательстве переводил взгляд с одного на другого. Присутствие Джона Хэммонда

и титул Глоуджа смущали его, но не погасили негодования.

— И все-таки меня чем-то ударили по спине, — насупившись, произнес он. — Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление. А когда я обернулся, то он стоял рядом. Я, понятно, подумал, что это сделал он.

— Именно в этот момент я как раз намеревался вас обойти, — поправил Стрезера доктор Глоудж. — Но остановился, услышав, как вы вскрикнули. — Он передернул плечами и, улыбнувшись, продолжал: — Это все, что я сделал, старина! Ну скажите, с какой стати я буду вас ударять?

— Должно быть, я ошибся, — нехотя буркнул Стрезер.

— В таком случае будем считать происшествие простым недоразумением и кончим на этом, — поспешил добавить Глоудж. Он протянул руку Вэнсу, которую тот пожал без всякого энтузиазма, взглянув при этом на Хэммонда. Поскольку специальный ассистент молчал, то Вэнс с явным облегчением повернулся, поднял один из ящиков, лежавших на тачке, и исчез в подсобке.

— Доктор, я как раз шел к вам, — обратился Хэммонд к Глоуджу, — чтобы обсудить проект

«Омега». Это займет всего несколько минут. Надеюсь, вы направляетесь к себе?

— Конечно, — поспешил заверить его Глоудж, пристраиваясь за ним. Его все время терзала мысль: «Видел ли что-нибудь Хэммонд?» Однако лицо его спутника было непроницаемым.

Через несколько минут Глоудж сидел за своим столом, повернувшись лицом к Хэммонду, и испытывал неприятное волнение, знакомое преступникам, предстающим перед судом. Он никак не мог понять, почему всегда при контакте с этим дьявольским человеком он чувствовал себя мальчишкой.

Начало разговора тем не менее было спокойным.

— Доктор! Наш разговор носит строго доверительный характер, — заметил Хэммонд. — Я пока не представляю ни Алекса Слоуна, ни тем более Совет управляющих. Так что вы вольны пойти на него или нет. В случае вашего согласия мы могли бы поговорить с полной откровенностью.

— Разве поступили жалобы в отношении моих работ? — осведомился Глоудж.

Хэммонд кивнул:

— Вы не можете не знать этого, доктор. Уже трижды в течение двух месяцев вас просили

представить доклад относительно проекта «Омега», причем изложить все подробно и конкретно.

Глоудж с неудовольствием подумал, что придется дать кое-какие уточнения.

— Мое нежелание приводить подробности объясняется строго научными соображениями, — сказал он, стараясь выглядеть искренним. — Эксперименты дали результаты, но их истинное значение я понял совсем недавно.

— Преобладает мнение, что ваш проект терпит крах, — твердо заявил Хэммонд.

— Обвинения, достойные лишь презрения, — сухо возразил Глоудж.

Хэммонд пристально вглядывался в него.

— Против вас лично не было выдвинуто обвинений. Пока не было… Именно поэтому я пришел поговорить с вами неофициально. Вы прекрасно знаете, что вот уже пять месяцев, как от вас не поступило ни одного сообщения об успешном ходе экспериментов.

— Было немало ошибок, господин Хэммонд. В ограниченных рамках нынешней фазы исследований именно этого и следовало ожидать.

— Ограниченных в каком смысле?

— В том, что опыты ведутся только с самыми примитивными и наименее сложными видами

животных.

— Но ведь вы сами ввели проект в эти рамки, — вкрадчиво заметил Хэммонд.

— Да, это так, — признал Глоудж. — Выводы, к которым я пришел, работая с низшими видами животных, никакого интереса не представляют. А тот факт, что эксперименты почти неизменно заканчивались негативными результатами, в том смысле, что достигнутые этими подопытными животными эволюционные формы в целом оказались нежизнеспособными, ни о чем не говорит.

— В целом… — подхватил Хэммонд. — Таким образом, вы хотите сказать, что не все особи погибали быстро.

Глоудж прикусил язык. Он абсолютно не собирался признавать это уже в самом начале разговора.

— Значительный процент подопытных перенес первую инъекцию, — нехотя выдавил он из себя.

— А как обстоит дело со второй?

Глоудж заколебался. Однако отступать уже было трудно.

— На этом уровне процент выживших очень резко падает. Точных цифр я не помню.

— А что происходило после третьего ввода

сыворотки?

Теперь уже умолчать было совершенно невозможно.

— На сегодняшний день третью инъекцию перенесли три подопытных животных. Все они относятся к одному и тому же виду «КРИПТОБРАНКУС».

— «МЕНОПОМА» — прошептал Хэммонд. — Хорошо! Но ведь это довольно крупная саламандра. Согласно вашей теории в результате третьей инъекции подопытное животное должно продвинуться в своем эволюционном развитии до того уровня, которого в нормальных условиях оно достигло бы через пятьсот тысяч лет. Не означает ли сказанное вами, что в указанных трех случаях вы добились этого?

— «КРИПТОБРАНКУСЫ» вполне официально считаются видом животных, эволюция которого практически закончилась. Но я бы сказал, что мы добились намного большего.

— И какие же изменения можно было у них заметить?

По мере того как Глоудж, каплю за каплей, раскрывал результаты своих исследований, в нем росла внутренняя напряженность. Он пытался все время определить тот момент, когда

можно было бы избежать ответа на дальнейшие расспросы. Именно сейчас он, как ему представлялось, наступил.

— Господин Хэммонд, — обратился он к собеседнику, стараясь придать своим словам максимум искренности: — Я начинаю понимать, что был не прав, не представив вовремя более позитивных отчетов. Не думаю, что мои теперешние поверхностные ответы вас по-настоящему удовлетворят. Поэтому, может быть, лучше резюмировать для вас результаты моих наблюдений?

Прочитать что-либо в серых глазах Хэммонда было невозможно.

— Хорошо, — ровным голосом согласился он.

И Глоудж начал излагать свои выводы. Вкратце они сводились к следующему. В ходе опытов были получены результаты, которые представляли интерес в двух, возможно одинакового значения, плоскостях.

Во-первых, все исследовавшиеся формы жизни имели перед собой широкий спектр возможных путей эволюции. По пока еще неясным причинам сыворотка «Омега» стимулировала только одну из линий потенциального развития. Никакое последующее вмешательство уже не могло изменить этого наметившегося мутационного

направления. В большинстве случаев процесс заканчивался угасанием вида.

Во-вторых, шанс на выживание увеличивался по мере того, как изучавшаяся форма жизни находилась на более высокой ступени эволюции.

— Не значит ли это, что когда дело дойдет до работы с млекопитающими, ведущими более активный образ жизни, а возможно и с обезьянами, то вы рассчитываете получить более весомые результаты как с качественной, так и с количественной стороны? — заинтересовался Хэммонд.

Глоудж уверенно заявил:

— У меня на этот счет никаких сомнений нет. В ходе эксперимента выявлен также интересный побочный эффект, — продолжал ученый. — Он состоит в том, что участки мозга, контролирующие торможение простых рефлексов, зачастую давали начало новым нервным образованиям и их сенсорным продолжениям. Судя по всему, сыворотка возбуждала эти активные участки, повышая их гибкость. Однако препятствием явилось то, что одностороннее приращение возможностей слишком часто заканчивалось смертью подопытных. В то же время в случае с «КРИПТОБРАНКУСАМИ» было отмечено появление небольших функциональных жабер в

верхней части нёба. Кожный покров утолщался, превращаясь в сегментированный ороговевший панцирь. Развивались небольшие загнутые клыки, связанные с железой, вырабатывающей слабый гемотоксичный яд. Глаза рассасывались, но соответствующий участок кожи приобретал чувствительность к свету. Есть, конечно, и другие изменения, — закончил Глоудж, пожав плечами, — но я рассказал о самых поразительных.

— Да, они действительно выглядят в достаточной степени таковыми. А что стало с двумя животными, которых не вскрывали?

И тут Глоудж понял, что его отвлекающий маневр не удался.

— Они, естественно, получили четвертую инъекцию, — ответил он, смирившись.

— То есть ту, которая должна была побудить их сделать скачок в эволюцию сразу в миллион лет? — спросил Хэммонд.

— Вот именно, довести их до кульминационной точки в наметившейся линии развития. Эквивалент, установленный мною между четырьмя стадиями стимуляции и специфическими периодами нормального эволюционного развития в двадцать, пятьдесят, пятьсот тысяч и в миллион лет, конечно, является гипотетическим обобще-

нием. Тем не менее мои расчеты показывают, что многие известные коренные виды примерно отвечают такому соответствию.

Хэммонд покачал головой:

— Я понимаю, доктор. И все же, что произошло с «КРИПТОБРАНКУСОМ» после четвертой инъекции?

— Я не могу дать точного ответа на этот вопрос, господин Хэммонд. Внешне это выглядело как очень быстрый распад всей совокупности органических структур. За два часа подопытные животные буквально растворились на глазах, — Глоудж говорил об этом с напряжением в голосе.

— Говоря другими словами, — оценил Хэммонд, — стимулятор «Точка Омега» заводит «КРИПТОБРАНКУСОВ» — а по сути и все другие виды животных, в отношении которых он применялся, — в один из многочисленных тупиков эволюции?

— До настоящего времени именно это и наблюдалось, — лаконично отозвался Глоудж.

— Расскажите-ка еще вот о чем, — попросил Хэммонд после непродолжительного молчания. — Мне сказали, что вы хотели бы иметь достаточно квалифицированного в этой области ассистента. Центр, вне всяких сомнений, мог бы

добиться того, чтобы сэр Хьюберт Роланд был прикомандирован к столь интересному проекту.

— Я очень уважаю работы сэра Роланда, но тем не менее считаю, что его появление в моей лаборатории было бы нежелательным, — холодно возразил Глоудж. — И я буду препятствовать всем попыткам оказать на меня в этом отношении давление.

— Не будем пока принимать окончательных решений, — примирительно ответил Хэммонд. — Я же сказал, что наш разговор носит абсолютно неофициальный характер. Могли бы вы, доктор, прийти ко мне… скажем, через неделю в десять часов? Я бы хотел поглубже разобраться в этих вопросах, но, к сожалению, все эти дни я буду занят.

Доктор Глоудж с трудом сдерживал ликование. Ведь сегодня была среда. Он выбрал ее как время «Х» для своего эксперимента из расчета, что воспользуется уик-эндом, который оба его подопытных проведут вместе, вдали от места работы.

До воскресенья ему, несомненно, удастся сделать вторые инъекции молодой паре. А в будущую среду они получат и третьи, а может быть, и четвертые. К тому времени либо удастся пре-

одолеть наиболее трудно переносимые реакции, либо эксперимент уже завершится.

Скрывая свое удовлетворение, Глоудж ограничился тем, что тихо сказал:

— Как вам будет угодно, господин Хэммонд. — При этом сделал вид, что идет на уступку.

Глава 3

В эту ночь перед очередным этапом операции доктор Генри Глоудж спал крайне тревожно. Его раздирал внутренний конфликт между надеждой и страхом. Какими окажутся первые результаты применения стимулятора «Омега» на людях? В случае провала у него не будет выбора в отношении дальнейших шагов. Даже если его действия могли быть расценены как убийство.

Доктор Глоудж рассматривал такой поворот событий как-то отрешенно, не испытывая особенного волнения. В прошлом ему не раз удавалось тайно ставить довольно смелые опыты, постоянно создавая при этом впечатление, что он строго соблюдает научные принципы. Обогащенный знаниями, полученными в ходе этих никому не известных экспериментов, он мог даже позволить себе комбинировать добытые, порой интуитивно, результаты с данными более простых исследований.

Он считал, что по своему научному значению проект «Омега» целиком оправдывает применение подобных тайных методов. Если рассматривать вопрос объективно, рассуждал он,

в сопоставлении с намеченной высокой целью, то жизнь двух молодых людей, выбранных им на роль «подопытных кроликов», ровно ничего не значила. Их физическое устранение в случае неудачи эксперимента было бы столь же естественным делом, как и в случаях с любым другим животным.

Конечно, тот факт, что опыт ставился над людьми, а не над животными, повышал степень личного риска для него, Глоуджа. Именно это волновало его теперь, когда он уже сделал им первую инъекцию. Не раз в ту ночь он выныривал из своего полного кошмаров полусна только для того, чтобы снова оказаться перед лицом этой мучительной реальности, и затем, выбившись из сил, весь в поту, заново погружался в забытье.

И когда пробило четыре часа, он вскочил на ноги почти с облегчением. Для поднятия духа доктор проглотил несколько порошков сильных стимуляторов. В последний раз проверил свое снаряжение. Только после этого Глоудж покинул квартиру, за рулем специально экипированного для его целей фургона черного цвета направляясь к семейному пансионату, где проживала мисс Эллингтон.

К четверти шестого утра он прибыл к месту

назначения. Барбара жила на обрамленной деревьями авеню, в старом квартале города, предназначенном для резиденций, в восьмидесяти километрах к западу от комплекса Альфа. Не доезжая двухсот метров до ее дома, доктор припарковал фургон к противоположной стороне улицы и выключил мотор.

Готовясь к этой стадии эксперимента, Глоудж еще на прошлой неделе заложил в тайник под корой одной из смоковниц у дома Барбары миниатюрную записывающую головку, соединенную с микрофоном в ее спальне. При этом выступавшая наружу часть этого устройства была умело закамуфлирована им под ржавый гвоздь. Вынув из перчаточника в кабине своего грузовичка магнитофон, Глоудж вставил в ухо телефончик и включил контакт.

Покрутив с полминуты регулятор громкости, он побледнел. На прошлой неделе ночью он дважды проводил проверку своей закладки. Микрофоны оказались настолько чувствительными, что улавливали даже дыхание и биение сердца любого находившегося в помещении человека. Поэтому сейчас у Глоуджа была абсолютная уверенность в том, что ни одного живого человека в комнате Барбары не было.

Он лихорадочно перемотал пленку магнитофона на запись, сделанную час назад, и с облегчением вздохнул.

В тот момент Барбара Эллингтон была у себя. Отчетливо прослушивались ее спокойное и ровное дыхание, сильные с замедленными интервалами толчки сердца. Доктор Глоудж слишком часто имел дело с аналогичными записями при экспериментах над животными, чтобы ничуть не сомневаться в том, что эта подопытная первую фазу проекта «Стимуляция. Точка Омега» перенесла успешно и без каких-либо осложнений.

Это радостное известие после тягостных ночных кошмаров чрезвычайно разволновало доктора. Чтобы прийти в себя, ему потребовалось несколько минут. После нескольких попыток он сумел, наконец, выделить в записи тот момент, когда Барбара, как это было очевидно, проснулась и принялась ходить по комнате. Глоудж слушал эти звуки, как зачарованный. Временами ему казалось, что он и в самом деле видит девушку, точно знает, что она сейчас делает. Так, он ясно различил, что на несколько секунд она как бы замерла, затем радостно и приглушенно рассмеялась. Это заставило ученого вздрогнуть от восторга. Через минуту громко захлопнулась

дверь, и в комнате девушки воцарилась та самая пустая мертвящая тишина, которая так неприятно поразила его в начале прослушивания.

В тот четверг Барбара Эллингтон проснулась с мыслью, которая никогда ранее не приходила ей в голову: «К жизни не следует относиться всерьез».

Удивленная Барбара все еще продолжала раздумывать над этим неожиданным для нее постулатом, как откуда-то вынырнул еще один абсолютно не типичный для нее вопрос: «Что же это за извращенная сила, которая толкает меня быть рабыней мужчины?»

Эта мысль показалась ей естественной и абсолютно очевидной. Она не означала, что надо вообще порвать с мужчинами, Барбара по-прежнему любила Вэнса, во всяком случае она так считала, но любила его… по-другому.

Вспомнив о Вэнсе, она улыбнулась. Быстро и цепко оглядев комнату, она поняла, что проснулась сегодня на два часа раньше, чем обычно. Лучи солнца пробивались в окна почти горизонтально. До этого утра она считала, что лишать себя хотя бы малой частицы драгоценного сна — это просто ужасно.

А сейчас ей вдруг подумалось: «Почему бы не

позвонить Вэнсу? Мы могли бы чудесно прокатиться на машине еще до работы...»

Она уже протянула руку к телефону, но, подумав, отказалась от своего намерения. Пусть, бедняжка, поспит еще немного!

Она оделась быстро, но почему-то более тщательно, чем это делала раньше. Взглянув на себя в зеркало, Барбара отметила, что выглядит привлекательней, чем считала себя до сих пор.

«И даже намного привлекательней», — поправила она себя через секунду. Заинтересованная и несколько смущенная этим открытием, она вернулась к зеркалу и принялась изучать свое отражение. Да, это было ее, столь знакомое Барбаре, лицо. Но в то же время оно было и каким-то иным, не свойственным ей, лучезарным. И снова в ее голове промелькнула свежая мысль. От нее устремленные на Барбару из глубины зеркала сиявшие глаза, казалось, расширились.

«Но я же выгляжу раза в два жизнерадостнее, чем прежде!»

Это ее поразило... доставило удовольствие... а затем заставило задуматься: «Интересно, с какой это стати?»

Ее изображение в зеркале слегка нахмурилось, но затем беззаботно расхохоталось.

В Барбаре произошли изменения. Чудесные, еще не закончившиеся. В глубине ее существа что-то трепетало от накатывавшихся на окраины сознания могучих и неведомых сил. Пробудилось любопытство — что же все-таки происходит? Но оно оказалось легким и игривым, а не навязчивым и вызывающим беспокойство.

«Когда захочу, тогда и УЗНАЮ», — сказала она самой себе, и любопытство сразу же улетучилось.

«Ну а теперь...» — девушка еще раз оглядела свою комнатку. Уже больше года она служила ей приютом, пристанищем, убежищем. Но сейчас Барбара в этом не нуждалась. Сегодня ее не удержать в четырех стенах!

Улыбнувшись, она приняла решение: «Пойду разбужу Вэнса».

Ей пришлось пять раз нажать на кнопку звонка, прежде чем она услышала, как Вэнс задвигался.

— Кто там? — наконец хрипло, еле ворочая языком, спросил он.

Барбара смешливо крикнула:

— Это я!

— Боже мой!

Послышался звук отодвигаемого засова, и дверь открылась. Вэнс уставился на свою гостью

заспанными глазами. Поверх пижамы на нем был накинут домашний халат. Его угловатое лицо было багровым, а рыжие волосы торчали в разные стороны.

— И что это ты заявилась в такую рань? — изумился он, впуская Барбару. — Ведь всего лишь половина шестого!

— Какое сегодня чудесное утро! Я не могла позволить себе и дальше валяться в постели. Мне захотелось зайти за тобой, чтобы прогуляться вдвоем до работы.

Вэнс прикрыл дверь и, помаргивая, окинул Барбару недоверчивым взглядом.

— Прогуляться! — повторил он.

— Вэнс! Ты что, плохо себя чувствуешь? Судя по виду, ты температуришь.

Вэнс отрицательно покачал головой:

— Нет, не думаю. Хотя, с другой стороны, я не совсем в форме. Садись. Хочешь кофе?

— Не так чтобы очень. Но если хочешь, мигом приготовлю.

— Не стоит. Меня подташнивает.

Он сел на диван в небольшой гостиной, вытащил сигарету из кармана халата, зажег ее и, затянувшись, скорчил гримасу.

— Фу! Какая мерзость! — Нахмурив лоб, он в

упор посмотрел на Барбару. — Ты знаешь, вчера произошла какая-то чертовщина. И я не уверен, что…

Он явно колебался.

— Так в чем же ты не уверен, Вэнс?

— …чувствую себя сегодня развалиной не по причине того, что приключилось вчера. — Он помолчал, снова покачал головой и прошептал: — От всего этого можно спятить. Ты же знаешь этого доктора Глоуджа? Ты работала у него вначале.

В голове у Барбары неожиданно высветился целый участок. Выслушивая историю Вэнса, она наперед знала ее конец, за исключением лишь факта вмешательства Джона Хэммонда.

Этот инцидент вписывался во что-то, носящее гораздо более глобальный характер…

«До чего же смел этот прохвост Глоудж, — подумалось ей. — То, что он делает, это безумие, сенсация, это вызывает ужас!»

Ее охватило сильнейшее возбуждение.

В памяти сразу же всплыл текст документа, лежавшего вчера на столе Хелен Венделл, отчетливо припомнилось каждое слово. Но разве дело было только в словах!

Теперь она все ПОНЯЛА, разгадала их смысл,

увидела последствия и те возможности, которые открывались перед… ней и Вэнсом.

Неожиданно возникло другое чувство — острой недоверчивости…

Где-то тут притаилась опасность! Джон Хэммонд… Хелен… Сотни мелких, незаметно откладывавшихся ранее в памяти деталей, внезапно свелись в единую картину. Все стало на место, но одновременно возникла и тревога. «В этом есть что-то сверхъестественное», — подумала она в замешательстве.

Кто такие вообще Хэммонд и Хелен? Чем они занимаются? По многим параметрам они совершенно не вписывались в рамки такой организации, как Исследовательский центр Альфа. Но, судя по всему, они полностью его контролировали.

И дело было даже не в том, что это имело какое-то значение в ближайшем будущем. Теперь Барбара была твердо уверена в том, что как Хэммонд, так и Хелен выступают против той цели, которую поставил перед собой доктор Глоудж, предпринимая эксперимент «Стимуляция. Точка Омега». И если это им будет по силам, то оба непременно попытаются сорвать его.

«Нет, они не посмеют сделать этого», — подума-

ла она про себя.

Глоудж занимался правым делом. Каждая клеточка ее тела звучала победной песней, утверждавшей эту истину. Необходимо было принять меры к тому, чтобы план Глоуджа удался.

Но ей следовало проявлять осторожность и действовать быстро! Как же невероятно не повезло доктору, что Джон Хэммонд появился как раз в тот же момент, когда Глоудж делал Вэнсу первую инъекцию.

— Как ты считаешь, может быть, мне следует сообщить об этом инциденте? — спросил Вэнс.

— А не кажется ли тебе, что ты будешь глупо выглядеть, если окажется, что ты подхватил банальный грипп? — с легкостью отозвалась Барбара.

— Да-а-а, пожалуй… — Вэнс, видимо, колебался.

— Что ты чувствуешь, помимо дурноты?

Он описал ей симптомы, которые не так уж отличались от тех, которые испытывала она сама. Ведь Барбара тоже неважно себя чувствовала вчера перед сном. Просто начальный период реакции на сыворотку у Вэнса оказался более продолжительным и сопровождался более неприятными ощущениями, чем у нее.

Барбаре захотелось его успокоить. Но она посчитала неосторожным сообщить ему то, что ей открылось. Пока он не преодолеет это физическое недомогание, подобная информация может серьезно его разволновать.

— Послушай, Вэнс, — настойчиво обратилась к нему Барбара. — Сегодня до вечера ты не работаешь. Поэтому лучше тебе поспать еще несколько часов. Если дела ухудшатся и ты захочешь, чтобы я отвезла тебя к врачу, позвони мне. Я тут же приеду. В противном случае я позвоню тебе в десять часов.

Вэнс сразу же согласился с этим:

— Да, я действительно здорово выбит из колеи. Именно в этом все дело. Сейчас же лягу, но не в кровать, а на диван.

Чуть позже, покинув Вэнса, Барбара быстро переключилась в своих мыслях на другое. Она уже обдумывала способ увидеть доктора Глоуджа сегодня же.

Глоудж искал место для парковки машины, когда неожиданно заметил Барбару, выходившую из дома Вэнса Стрезера и намеревавшуюся пересечь улицу в сотне метров от него. Он резко затормозил и вклинился между двумя стоявшими вдоль тротуара автомашинами. Он застыл за

рулем, прерывисто дыша при мысли о том, что его едва не засекли.

Барбара остановилась, взглянула было в сторону совершавшего маневр фургона, но затем спокойно продолжила свой путь. Наблюдая, как она, гордо выпрямившись, легко и раскованно шагает, Глоудж вспомнил, насколько его поразила вчера напряженная и нескладная походка Барбары. Он почувствовал, что его последние сомнения улетучились.

Именно испытанием на людях докажет свою эффективность проект «Стимуляция. Точка Омега».

Глоудж сожалел сейчас только об одном: почему он не прибыл десятью минутами раньше. Было очевидно, что Барбара приходила навестить Вэнса и была вместе с ним вплоть до настоящего момента. Если бы доктор застал их вместе, он смог бы провести сравнительное изучение реакции на сыворотку сразу у обоих…

Но эти мысли ни в чем, однако, не умеряли возбуждения, от которого доктора бросало в дрожь. Он проследил, как удалялось коричневого цвета авто Барбары. Когда машина исчезла из виду, доктор завел мотор, припарковал фургон в тупике за домом Вэнса, а затем проник в него.

Доктор намеревался тщательно ознакомиться с физическим состоянием Стрезера.

Через несколько минут Глоудж уже наблюдал, как стрелка индикатора в небольшом приборе в его руке продвигается к нулю. Как только она его достигла, доктор снял маску, закрывавшую ему нос и рот, и наклонился над Вэнсом, растянувшимся на диване в гостиной.

Внешне молодой человек выглядел намного хуже, чем он ожидал. Конечно, воспаленное лицо и налитые кровью глаза можно было отнести за счет паралитического газа, который Глоудж запустил в квартиру через полуоткрытую заднюю дверь. Но имелись и другие вызывавшие беспокойство симптомы: высокое давление, расширенные кровеносные сосуды, бледность покровов. По сравнению с бьющей через край энергией Барбары и ее жизнерадостностью Вэнс выглядел удручающе.

И тем не менее он выжил после первой инъекции.

Глоудж выпрямился, в последний раз взглянул на неподвижно лежащего Вэнса и пошел закрывать окно, которое он распахнул через минуту после того, как заполнил комнату газом мгновенного действия. К этому времени тот уже

выветрился. Его действие на Вэнса продлится еще примерно с час, и, когда подопытный проснется, ничто не даст ему оснований считать, что после ухода Барбары Эллингтон в комнате что-то происходило.

Завтра Глоудж вернется и сделает Стрезеру вторую инъекцию.

По пути к своему фургончику он пришел к решению о необходимости проследить за действием сыворотки на обоих подопытных вечером этого же дня.

Его переполняла уверенность в себе. По мнению доктора, прежде чем кто-либо заметит, что эксперимент ведется над людьми, тот уже подойдет к своему завершению.

Глава 4

Когда раздался сигнал, Хэммонд брился в ванной своей квартиры, расположенной сразу же за его рабочим кабинетом. Он застыл на мгновение, медленно положил бритву и нажал на кнопку скрытого в стене интерфона.

— Слушаю вас, Джон, — раздался голос Хелен.

— Кто сейчас вошел?

— Это… была Барбара, — ответила удивленная Хелен. — Чем вызван ваш вопрос?

— Биоиндикатор только что зафиксировал уровень выше шести.

— В отношении БАРБАРЫ! — с недоверием воскликнула Хелен.

— В отношении кого-то. Попросите прислать кого-нибудь из секции спецтехники проверить состояние аппаратуры. Входил ли в помещение еще кто-нибудь, кроме Барбары?

— Нет.

— Ладно. Пусть посмотрят биоиндикатор. — Хэммонд выключил интерфон и продолжал бриться.

Чуть позже в кабинете Барбары раздался звонок вызова к шефу. Это означало, что ей предстояло

стенографировать. Направляясь к Хэммонду с блокнотом в руках, Барбара с любопытством подумала, заметит ли тот перемену в ней. Однако гораздо более важной ей представлялась возможность ближе приглядеться к этому странному и всемогущему человеку.

Когда она вошла в кабинет, Хэммонд указал ей на кресло, приглашая сесть. Но что-то в его поведении насторожило девушку.

— Простите, господин Хэммонд, — сказала Барбара, сделав извиняющийся жест. — Я сейчас вернусь.

Она выскочила из кабинета и ринулась в дамскую комнату, выходившую в холл. Как только за ней захлопнулась дверь, Барбара закрыла глаза и попыталась точно воспроизвести то ощущение, которое охватило ее в момент, когда она почувствовала наличие… какого-то неизвестного ей феномена.

«Это исходило не от Хэммонда», — пришла она к выводу. Он указал ей на кресло, и именно от последнего исходило нечто вроде мощного потока энергии.

По-прежнему стоя с закрытыми глазами, она подвергла анализу саму себя, стремясь установить, на что в ней подействовало это излучение.

Судя по всему, это был вполне определенный участок ее мозга, который реагировал всякий раз одинаково при воспоминании о том, как она готовилась занять место в кресле.

Она не понимала характера этого явления, но твердо сказала себе: «Теперь, когда мне стало об этом известно, я в состоянии ему воспротивиться».

Успокоившись, она вернулась в кабинет Хэммонда, спокойно уселась в кресло и улыбнулась шефу, который восседал за громадным столом из сверкавшего черного дерева.

— Извините меня, пожалуйста. Я готова.

В течение последующего получаса лишь малая часть ее мозга была занята тем, что она стенографировала. Одновременно шло яростное противостояние остальной части ее разума потокам энергии, которые ритмично, волнами, исходили из кресла. Барбара постепенно все более отчетливо осознавала, что это была настоящая баталия.

Теперь она твердо убедилась в том, что какой-то нервный центр в ее мозгу реагирует на гипнотическое внушение. Поэтому, когда Хэммонд внезапно приказал: «Закройте глаза, Барбара», она немедленно повиновалась.

— Поднимите правую руку, — скомандовал Хэммонд. Рука машинистки, державшая карандаш, тут же вздернулась в воздух.

Затем Хэммонд распорядился положить руку на колени и в быстрой последовательности подверг девушку испытанию на различные тесты. Барбара поняла, что они-то и были самым важным элементом проверки.

Но гораздо больше ее занимал тот факт, что она могла позволять той части мозга, которая подвергалась воздействию гипноза, выполнять команды Хэммонда, заставляя двигаться по его указанию те или иные части своего тела, сохраняя при этом контроль за собой. Так, когда тот приказал ее руке стать нечувствительной и, внезапно нагнувшись, уколол иголкой, Барбара не испытала никакой боли, то есть была к ней невосприимчива.

Хэммонд, видимо, был удовлетворен. Вернув ей обычную чувствительность, он произнес:

— А теперь я прикажу вам забыть о тех тестах, которые я применял. В то же время вы остаетесь полностью подчиненной моей воле и будете откровенно отвечать на все те вопросы, которые я задам. Понятно?

— Да, господин Хэммонд.

— Отлично. А теперь выбросьте из головы все, о чем мы говорили и что делали с того момента, как я приказал закрыть глаза. Откроете их только тогда, когда ваши воспоминания полностью сотрутся из памяти.

Барбара выждала десять секунд. «Что так скоро вызвало у него подозрения? — терзалась она. — И почему это так его беспокоит?» Она отбросила пришедшую было ей в голову мысль о том, что, сама того не ведая, едва не раскрыла какую-то часть секретной деятельности, нити которой сходились в этом кабинете. До этого она никогда не слышала о гипнотических креслах.

Барбара открыла глаза, притворно покачнулась и сделала вид, что быстро справилась с недомоганием.

— Извините, господин Хэммонд.

В серых глазах Хэммонда застыла обманчивая сердечность.

— Такое впечатление, что сегодня утром у вас возникли какие-то проблемы, Барбара.

— Я чувствую себя превосходно, — возразила она.

Хэммонд продолжал вкрадчивым голосом:

— Если что-нибудь недавно изменилось в вашей жизни, Барбара, я хочу, чтобы вы мне об этом

рассказали.

За этой фразой последовал целый букет вопросов, касавшихся всей прошлой жизни Барбары. Девушка непринужденно отвечала. Без сомнения, ей в конце концов удалось убедить Хэммонда, так как вскоре тот вежливо ее поблагодарил и отослал печатать надиктованное.

Устроившись через некоторое время за пишущей машинкой, Барбара через стеклянную дверь заметила, как в кабинет Хэммонда направилась Хелен.

— В течение всего разговора, — сообщил Хэммонд вошедшей Хелен, — биоиндикатор прочно указывал на восемь и четыре. Это выше гипнотического уровня. Но мне она ничего не сказала.

— Интересно, а какой уровень у меня?

Хэммонд посмотрел на прибор в правом от него выдвижном ящике стола.

— Как обычно: одиннадцать и три.

— А ваш индекс?

— Тоже нормальный — двенадцать и семь.

— Может быть, неполадки лишь в той части аппаратуры, которая сориентирована на определение среднего уровня, — заметила Хелен. Затем добавила: — Сотрудник секции спецтехники придет с проверкой после окончания рабочего

дня. Это вас устраивает?

Хэммонд явно колебался, но вынужден был согласиться с тем, что у него, в сущности, не было оснований нарушать действующие правила безопасности.

Во время обеденного перерыва Барбара опять на короткое время почувствовала себя неважно, но на сей раз она была настороже. Вместо того, чтобы дожидаться, когда недомогание пройдет само собой, она принялась анализировать все нюансы его проявления.

Она чувствовала, что в ней бушует какое-то внутреннее движение. Между различными частями ее тела происходил обмен частицами энергии. При этом особая область в ее мозгу, видимо, координировала эти перемещения.

Как только внутренние импульсы прекратились — а они исчезли столь же внезапно, как и появились, — Барбара подумала: «Это было не просто какое-то изменение. За эту минуту я определенным образом продвинулась в своей эволюции».

Застыв над тарелкой, она попыталась разобраться в характере этих перемен. Но безуспешно.

Тем не менее она чувствовала себя удовлетво-

ренной. Сначала у Барбары возникло стремление уже в течение этого дня попытаться разыскать доктора Глоуджа в надежде на вторую инъекцию. Но, подумав, она решила, что пока этого делать не следует, так как было очевидно, что изменения, происходившие в результате первой инъекции, еще полностью не завершились.

И Барбара вновь направилась в свою «Службу по связям и научным исследованиям».

Когда раздался звонок, извещавший о ее возвращении, Хэммонд наклонился и посмотрел на показания биоиндикатора. Какое-то время он продолжал задумчиво созерцать его, затем вызвал Хелен Венделл.

— Барбара достигла коэффициента девять и две, — спокойно заявил он ей.

— Вы хотите сказать, что он возрос? — Она улыбнулась: — Ну теперь-то уж ясно: дело явно в самом приборе.

— Что дает вам основание так считать? — спросил Хэммонд необычно неуверенным для него голосом.

— При всем моем опыте я никогда не встречалась со случаями возрастания показателя у кого бы то ни было. Наоборот, по мере старения организма коэффициент у людей медленно

уменьшается. Но…

Она смолкла. Лицо ее шефа вновь обрело былое спокойствие. После небольшой паузы Хэммонд прошептал:

— И все же риск недопустим. Хочу побыть с ней сегодня вечером. Вы не возражаете?

— Как это ни досадно, но вы совершенно правы!

— Я подвергну ее внушению на уровне двенадцать и выше. Причем она никогда и не узнает, что с ней случилось.

Глава 5

С наступлением ночи доктор Генри Глоудж был уже у дома Барбары. Не теряя времени, он включил «шпиончика», заделанного в дерево, и отрегулировал силу звука.

После того как в течение тридцати секунд аппарат не издал ни единого звука, доктор нахмурился. «Неужто повторится то же самое, что сегодня утром, — проворчал он про себя. — Может быть, она отправилась навестить своего дружка?» Доктор устало вздохнул, завел мотор и повел фургон к улице, где проживал Вэнс.

Остановившись у тротуара напротив дома, он быстро установил, что Вэнс у себя. Но один.

Молодой человек не спал и находился в прескверном настроении. Глоудж слышал, как тот сорвал трубку телефона и набрал номер, несомненно Барбары, поскольку вскоре в сердцах бросил трубку на рычаг и пробормотал:

— Она ведь знает, что я работаю сегодня в ночь! Куда же она запропастилась?

Тот же самый вопрос все сильнее беспокоил и Глоуджа по мере того, как проходило время. Он вернулся в квартал, где в семейном пансионате

проживала Барбара. В ее квартире до одиннадцати часов периодически тренькал телефон, что говорило о настойчивости Вэнса.

После того как в течение часа звонки не возобновлялись, Глоудж сделал вывод, что Стрезер отправился на работу. Но это нужно было проверить, и он проделал на машине прежний путь, но в обратном направлении. В комнате рыжеволосого стояла тишина. Успокоившись на его счет, доктор развернулся и снова заступил на дежурство напротив дома Барбары.

Только теперь Глоудж почувствовал, как устал. Он поставил аппарат в режим, при котором после возвращения девушки должен был раздаться предупреждающий его сигнал, проскользнул в заднюю часть фургона и, растянувшись на узкой лавке, медленно забылся глубоким сном.

За несколько часов до этих событий Барбара находилась в своем кабинете.

Незадолго до окончания рабочего дня с ней опять сделалось дурно, и она чуть не упала в обморок.

Разволновавшись, она направилась к Хелен Венделл, чтобы сообщить ей о своем недомогании. При этом она даже не подумала о том, насколько логично было просить помощи у сек-

ретарши Хэммонда.

Хелен проявила участие и поспешила провести Барбару к Джону Хэммонду. Девушка, которая к этому времени вновь несколько раз ненадолго «отключалась», была признательна шефу за то, что тот предложил ей отдохнуть в роскошном салоне, примыкавшем к его кабинету. Он назвал его «комнатой для моих друзей».

Она разделась, скользнула под простыни и быстро заснула. Хитроумная ловушка захлопнулась.

Весь вечер Хэммонд и Хелен Венделл по очереди сменялись у ее изголовья.

В полночь сотрудник службы спецтехники установил, что биоиндикатор работает исправно. Он прозондировал спящую девушку и сообщил:

— Получился коэффициент девять и две. Кто это? Из вновь прибывших?

Молчание в ответ на его вопрос привело техника в изумление.

— В чем дело? Неужели это жительница Земли? — прошептал он.

— По крайней мере, она не поднялась еще на одну ступень, — заметила Хелен Венделл после того, как сотрудник отдела спецтехники удалился.

— Жаль, что ее коэффициент выше гипнотиче-

ского уровня, — сказал Хэммонд. — Подвергать ее сейчас простому внушению, в сущности, бесполезно.

— Что будем делать?

Незадолго до наступления утра Хэммонд наконец принял решение.

— Коэффициент девять и две не представляет для нас реальной опасности. Поэтому ограничимся пока самыми рутинными мерами. Не будем, однако, забывать о том, что кто-то, возможно, предпринимает действия, о которых нам ничего не известно. Не исключено, что придется при необходимости применить к ней и некоторые методы сверхчувствительного воздействия.

— Здесь? В Центре Альфа?

Хэммонд задумчиво посмотрел на свою очаровательную секретаршу-помощника. Обычно он доверял реакции Хелен в этой области.

Она, очевидно, догадалась, о чем он подумал, поскольку поспешила добавить:

— В последний раз, когда мы прибегали к сверхчувствительным методам, около тысячи восьмисот землян оказались в одной с нами фазе. Конечно, они посчитали тогда, что у них просто разыгралось воображение, но некоторые обменялись своими наблюдениями. В течение

нескольких недель над этим все потешались, но нам едва-едва удалось избежать разглашения исключительно важных сведений.

— Да-а-а… справедливое замечание. В таком случае ограничимся тем, что будем продолжать за ней наблюдение.

— Согласна. Тогда я сейчас разбужу ее.

Вернувшись к себе в кабинет, Барбара тут же позвонила Вэнсу. Никто не отвечал. Ничего удивительного в этом не было, так как если он проработал всю ночь, то должен был спать сейчас, как сурок. Барбара положила трубку и позвонила в фотолабораторию. Когда ей сказали, что Вэнс отметился в списке ночной смены, а сейчас ушел с работы, у нее полегчало на душе.

К Хэммонду и Хелен Венделл она испытывала чувство большой благодарности за проявленную ими доброжелательность. В то же время она в чем-то и винила себя. Она подозревала, что эти нелады с самочувствием также были связаны с инъекцией, сделанной ей Глоуджем.

Беспокоило то, что все это проявлялось столь БУРНО. «Но сейчас-то мне уже совсем хорошо», — успокаивала она себя, печатая груду бумаг, которые Хелен Венделл набросала в ее корзину. В голове Барбары бродило множество планов

и проектов. В десять часов Хелен вызвала ее и, как обычно, вручила кейс, набитый разными документами.

В это время…

Глоудж проснулся чуть позже семи часов. Барбары все еще не было дома. Полный недоумения, он побрился электрической бритвой и позавтракал в соседнем баре. Подкрепившись, доктор поехал к дому Стрезера. Убедившись, что молодой человек у себя, Глоудж зарядил свой шприц-пистолет и пробрался в помещение.

Вэнс, как и в прошлый раз, валялся в пижаме на диване в гостиной. Выражение его лица было еще более угрюмым, чем накануне, если таковое вообще было возможным.

Стоя со шприцем в руках, Глоудж колебался. Этот подопытный его явно беспокоил. Но в том положении, в котором биолог оказался, отступать уже было нельзя. Успокоившись, он привел в действие механизм выброса газообразной сыворотки. На этот раз игла почти коснулась тела молодого человека.

Сколько-нибудь заметной реакции со стороны Вэнса не последовало.

Глоудж вышел на улицу. Направляясь в Исследовательский центр, он думал о Барбаре.

Жаль, что она отсутствовала. Он так надеялся сделать инъекцию своим обоим подопытным практически одновременно. Очевидно, этого не получится.

Глава 6

Доктор Глоудж находился в своем кабинете всего несколько минут, когда раздался телефонный звонок. Дверь не была закрыта, и он услышал разговор своей секретарши. Та взглянула в его сторону:

— Вас кто-то спрашивает, доктор Глоудж. Это машинистка, которая некоторое время работала у нас… Барбара Эллингтон.

Секретарша, видимо, расценила изумленное выражение на лице Глоуджа как отказ, поскольку тут же торопливо добавила:

— Следует ли ей ответить, что вас нет?

Глоудж весь дрожал от неуверенности.

— Нет, не стоит, — сказал он. Затем, чуть помолчав, добавил: — Соедините меня с ней.

Когда доктор услышал в телефонной трубке ясный, серебристый голос Барбары, он почувствовал, что готов на все.

— Что случилось, Барбара?

— Мне нужно занести вам документы. — Голос буквально звенел от избытка энергии. — Поскольку полагается их вручить лично, я хотела удостовериться, что вы на месте.

Случай предоставлялся сам собой…

Более благоприятного поворота событий Глоуджу было трудно даже желать. Его второй подопытный вот-вот придет, он сможет сделать вторую инъекцию и непосредственно наблюдать за реакцией.

На самом деле никакой реакции ему заметить не удалось. Передав ему документы, Барбара повернулась спиной, и именно в этот момент Глоудж «выстрелил» в нее сывороткой во второй раз. Девушка не подскочила от неожиданности, не зашаталась. Она спокойно продолжила свой путь, открыла дверь и удалилась.

Но в кабинет Хэммонда она не вернулась. Ожидая резкой физической реакции на вторую инъекцию, она предпочла в момент криза находиться в одиночестве, в своей квартире. Ей стоило большого труда сохранить невозмутимость перед Глоуджем.

Поэтому, выждав столько времени, сколько требовали соображения осторожности, она позвонила Хелен Венделл и передала ей, что не очень хорошо себя чувствует.

— Этого и следовало ожидать после столь тяжкой ночи, — любезно ответила ей Хелен.

— У меня начались головокружения, и к тому

же подташнивает, — быстро подхватила Барбара. — Я испугалась и помчалась домой.

— Так вы сейчас у себя?

— Да.

— Я предупрежу господина Хэммонда.

Барбара положила трубку. Последняя фраза Хелен ее насторожила. Но она ничем не могла помешать секретарше Хэммонда сообщить тому о ее состоянии. Тем не менее это создавало реальную угрозу потери места работы. Слишком еще рано. Позднее, когда эксперимент подойдет к концу, все это уже не будет иметь значения. Но сейчас…

Может быть, стоило принять кое-какие «страховочные» меры, как это обычно делают служащие. «В конце концов, — подумала она, — ведь должны же быть у меня какие-то симптомы болезненного состояния». Она позвонила врачу и условилась с ним о консультации на завтра. Кладя трубку, она почувствовала, как ее захлестнула непривычная ей веселость: «Завтра, после этой второй инъекции, наверняка я буду чувствовать себя прескверно».

Хэммонд появился к концу дня, и Хелен сообщила ему о звонке Барбары. Некоторое время он молчал, погруженный в свои мысли.

— Что-то здесь не так, Хелен, — вымолвил он

наконец. — Наверное, я должен был спросить об этом у вас раньше: вы хорошо изучили ее личное дело?

Блондинка самоуверенно улыбнулась:

— Я в состоянии наизусть повторить все, чем оно напичкано. Ведь проверкой на безопасность при поступлении на работу занималась я сама. Что именно вам хотелось бы знать?

— Вы хотите сказать, что в личном деле нет ничего особенного?

— Во всяком случае, ничего необычного я в нем не обнаружила.

Хэммонд больше не колебался. Уже давно Хелен пользовалась его полным доверием.

— Очень хорошо, — неожиданно сказал он, поднимая, как бы сдаваясь, руки вверх. — Пусть она воспользуется этим уик-эндом для того, чтобы подлечиться. Предупредите меня, когда она снова выйдет на работу. Прислали ли уже доклад из Новой Бразилии?

— Я его переслала в наш Центр в Милане.

— Серьезно? Тогда соедините меня с Рамоном. Для этого несомненно есть какая-то причина!

Вскоре новые заботы целиком завладели вниманием Хэммонда.

Барбара спала.

И проснулась, когда часы показывали семь часов двенадцать минут.

В этот утренний час было совсем светло. Но узнала она об этом совершенно необычным способом. Девушка вышла из комнаты, чтобы полюбоваться пейзажем… не покидая постели!

Она одновременно была и в постели, и вне дома.

В одно и то же время…

Машинально она затаила дыхание. Понемногу образ улицы стерся, и она вновь очутилась в комнате.

Пораженная тем, что произошло, Барбара вновь задышала полной грудью. Методом осторожного поиска она выяснила, что порог ее чувствительности достигал примерно сотни метров.

И это было все, что ей удалось узнать.

Что-то в ее мозгу действовало наподобие невидимого зрительного шупальца, способного проникать сквозь стены и передавать оптические изображения предметов в тот участок мозга, который интерпретирует световые ощущения. И эта способность носила вполне устойчивый характер.

Вскоре Барбара заметила черный фургон, припаркованный на углу, и доктора Глоуджа внутри.

Она увидела, что тот держал в руках прибор, от которого к его уху тянулся проводок. Казалось, он тайно следит за ней. Вид у доктора был самоуглубленный, маленькие глазки полузакрыты. Она сумела воспринять и степень решимости этого маленького лысого доктора в отношении эксперимента. То, что ей открылось, внезапно испугало ее: Барбара обнаружила беспощадную и безличностную волю, которая никак не совпадала с ее собственным радостным и искренним участием в эксперименте Глоуджа.

Для доктора — остро почувствовала она — все живые формы, над которыми он работал, были всего лишь неодушевленными объектами для опытов.

С общечеловеческой точки зрения, его деятельность, безусловно, носила характер безграничной извращенности.

Барбара увидела, что Глоудж отложил аппарат в сторону, завел мотор и уехал.

«Раз Вэнс работал в ночную смену, — подумала она, — то доктор, скорее всего, направляется к нему».

Желая удостовериться в этом, Барбара набрала номер телефона Вэнса. Никто не ответил. Тогда она позвонила в лабораторию. Административ-

ный помощник сообщил, что сегодня ночью Стрезер на работу не выходил.

Она забеспокоилась, вспомнив, как мучительно реагировал Вэнс на первую инъекцию. Она подозревала, что доктор уже сделал ему и второй укол, и опасалась, что Вэнс отреагировал на него не лучшим, чем в первый раз, образом.

Барбара быстро оделась и отправилась на машине к своему дружку. Приближаясь к дому Вэнса, она разглядела через стену, что тот был дома. Но на ее звонок никто не ответил. Тогда она вошла, воспользовавшись своим ключом. Тот лежал на диване в гостиной и беспокойно метался во сне. Судя по его внешнему виду, у него поднялась температура. Она потрогала лоб: он был сухой и буквально обжигал руку.

Вэнс повернулся и открыл глаза. Его взгляд был затуманен. «А я так хорошо себя чувствую, — печально подумала Барбара. — Почему же он так плох? Что могло произойти?»

— Вэнс, нужно немедленно вызвать врача, — встревоженно сказала она. — Как зовут того доктора, который лечил тебя в прошлом году?

— Ничего, все пройдет, — пробормотал Вэнс. И снова заснул.

Барбара села рядом с ним на диван. Внезап-

но она принюхалась, и ошеломляющая мысль промелькнула у нее в голове: «Ведь это газ!» Но времени действовать у нее уже не было.

Барбара, должно быть, потеряла сознание сразу, потому что уже в следующее мгновение Глоудж склонился над ней, распростертой на полу.

Ученый был спокоен, действовал уверенно и, казалось, был доволен ходом событий. Она уловила его мысль: «С ней все будет в порядке».

Глоудж подошел к Вэнсу. На сей раз он проявил обеспокоенность: «Да... по-прежнему ничего хорошего... Посмотрим, может быть, ему будет лучше от транквилизатора».

Доктор сделал укол. Когда он выпрямился, в голове у Глоуджа она прочитала странную и свирепую мысль: «В понедельник вечером наступит очередь третьей инъекции. Пора решаться».

Барбара все это воспринимала так отчетливо, как если бы доктор говорил в полный голос. Ей стало ясно, что он намерен умертвить их обоих, если один из двух его экспериментов не пойдет по намеченному им руслу.

Вне себя от ужаса, Барбара старалась тем не менее сохранять полную неподвижность. И в этот момент с ней произошел эволюционный скачок, совершенно отличный от тех, что имели

место до сих пор.

Началось с того, что внезапно в ее мозг хлынул поток такой, обычно тщательно скрываемой, информации, который позволил ей увидеть людей в их истинном свете. С одной стороны — глупцы, симулянты, люди-тряпки. С другой — одержимые и развращенные, ловкачи и циники. Барбара видела, что в мире есть и сильные личности, движимые добрыми намерениями. Но в этот момент она была особо восприимчива к лицам разрушительного типа… множеству жуликов и клятвопреступников, которых — и теперь она это отчетливо сознавала — совесть совершенно не мучила. Но она поняла также и то, что они ошибались насчет своего собственного горького жизненного опыта. Потому что они действительно были алчными и чувственными людьми, потому что перестали бояться наказания как в этом, так и в потустороннем мире, потому что считали недопустимым, чтобы кто-то выступал против их мелких капризов, потому что…

Промелькнуло и одно личное воспоминание, которое она уже давно забыла, — о мелком начальничке, который выставил ее за дверь — а ведь это было ее первое место работы! — только за то, что она отказалась пойти к нему домой.

Всю жизнь ее приучали не замечать подобных вещей, и она старалась придерживаться этих советов. Но сейчас Барбара предоставила полную свободу своеобразному компьютеру, действовавшему где-то у нее в подсознании, для накопления всех сведений ТАКОГО ХАРАКТЕРА в обширной кладовой своих знаний ради трезвой оценки действительности.

Этот процесс все еще продолжался в ней и после того, как Глоудж ушел так же бесшумно, как и вошел.

Когда Барбара захотела подняться, то с удивлением обнаружила, что не может даже открыть глаза. Вскоре она изумилась очевидному факту: ее тело по-прежнему оставалось в бессознательном состоянии.

Что за удивительная способность!

Но постепенно это обстоятельство стало ее тревожить. «Я же совсем беззащитна», — подумала она. И только в первые послеобеденные часы она смогла наконец пошевелиться. Барбара поднялась, подавленная и задумчивая. Подогрела суп для себя и для Вэнса.

Но, съев, по ее настоянию, тарелку супа, Вэнс опять улегся на диван и заснул. Тогда Барбара покинула его квартиру, направившись к врачу, с

которым условилась о приеме.

Сидя за рулем, она почувствовала, как внутри у нее все затрепетало. Неужели новые изменения? Она ответила сама себе утвердительно. А до понедельника, возможно, произойдут и другие. В то же время интуиция подсказывала, что ей не справиться со складывавшейся ситуацией, если дело ограничится только теми изменениями, которые вызвали в ней два первых укола.

«Необходимо изыскать возможность сделать третью инъекцию», — решила она про себя.

Глава 7

В понедельник, продиктовав несколько писем машинистке, присланной из машбюро, Хэммонд в полдень покинул свой кабинет.

— Какие новости в отношении девять и две?

Хелен вскинула голову и одарила его ослепительной улыбкой:

— Вы имеете в виду Барбару?

— Конечно.

— Утром по ее просьбе звонил врач. Он осмотрел ее в субботу. У нее несколько повышенная температура, головокружения, различные болячки, в которых обычно не признаются, например расстройство желудка. В то же время, как считает этот врач, и это, естественно, его личное мнение, обнаружилось и кое-что неожиданное. Вас это интересует?

— Еще бы!

— Так вот, у него сложилось впечатление, что с тех пор, как он осматривал девушку в последний раз примерно с год назад, в ее личности произошли серьезные перемены.

Хэммонд кивнул:

— Это лишь подтверждает наши собственные

наблюдения. Хорошо… Держите меня в курсе.

Но к шестнадцати часам, когда наконец померкли экраны дальней связи, он вызвал Хелен Венделл.

— Я все время думаю об этой девушке. Это на уровне предчувствия, поэтому не могу им пренебречь. Позвоните-ка Барбаре.

Спустя минуту Хелен сообщила:

— Сожалею, но на звонки никто не отвечает.

— Пришлите ее личное дело. Мы столкнулись с чем-то необычным, и я хочу удостовериться, что ничего не упустил.

Через несколько минут, листая страницы личного дела Барбары, он натолкнулся на фотографию Вэнса Стрезера. От неожиданности он вскрикнул.

— Что такое? — поинтересовалась Хелен.

Хэммонд рассказал ей о перепалке между Глоуджем и Стрезером, свидетелем которой он оказался на прошлой неделе.

— Конечно, — закончил он свой рассказ, — тогда я не усмотрел никакой связи между Барбарой и этим молодым человеком. Но в ее досье есть его фотография. Принесите-ка мне личное дело Глоуджа.

— Судя по всему, — сказала Хелен, — изме-

нения в характере доктора стали проявляться два месяца тому назад, когда умерла его сестра. Это — один из типичных случаев внезапных и опасных перемен, основанных на личной мотивации. — Она мрачно добавила: — Мне следовало бы обратить внимание на этот момент. Ведь нередко потеря близкого человека очень сильно влияет на людей.

Хелен сидела в салоне квартиры, которой располагал Хэммонд в Исследовательском центре Альфа. Дверь, ведущая в кабинет, была закрыта. В зияющем чреве огромного сейфа, вделанного в противоположную стену, виднелись два ряда личных дел сотрудников, расставленных в металлических секциях в строгом порядке. На столе у Хелен лежали два таких досье — на Генри Глоуджа и Барбару Эллингтон. Хэммонд стоял рядом со своей сотрудницей.

— А что вы скажете об этой поездке на восток страны, которую он совершил в начале месяца? — спросил он.

— Доктор провел три дня в имеющемся у него там доме, занимаясь, так сказать, продажей имущества как своей сестры, так и собственного. У них была загородная резиденция — старая заброшенная ферма, переоборудованная под

частную лабораторию. Это идеальное место для проведения тайных опытов. Но на ком? Может быть, на приматах? Маловероятно. Не так-то просто достать их нелегально, за исключением мелких гиббонов. Подопытные животные такого рода представляли бы серьезную потенциальную опасность для проекта Глоуджа. Поэтому не остается сомнений в том, что он намеревался работать над людьми.

Хэммонд согласился с ней. На его лице застыло почти страдальческое выражение.

Хелен взглянула на шефа:

— Вы, кажется, обеспокоены. Можно предполагать, что до настоящего времени Барбара и Вэнс получили каждый по две инъекции. Это продвинет их на уровень эволюции, который они достигли бы нормальным путем через пятьдесят тысяч лет. Я не вижу в этом ничего катастрофического.

На лице Хэммонда появилась вымученная улыбка:

— Не забывайте, что мы имеем дело с одним из «осемененных» видов животного мира Земли.

— Конечно, но пока что дело не пошло далее скачка в развитии на пятьдесят тысяч лет!

Хэммонд с симпатией посмотрел на Хелен.

— Мы с вами, — сказал он, — находимся всего лишь на низших ступенях лестницы эволюции, и нам трудно представить эволюционный потенциал генов вида «ХОМО ГАЛАКТИКУС».

— Мой небольшой коэффициент меня вполне устраивает, — рассмеялась Хелен.

— Хорошо ее запрограммировали, — еле слышно прошептал Хэммонд.

— Но я согласна с вашим анализом. Что вы намереваетесь делать с Глоуджем?

Хэммонд решительно повел плечами:

— Необходимо немедленно остановить эксперименты на людях. Передайте Эмису: пусть он блокирует сотрудниками службы безопасности все выходы. Нельзя допустить, чтобы Глоудж покинул здание. А если Вэнс и Барбара попытаются сюда проникнуть, пусть их задержат. Когда передадите Эмису это распоряжение, отмените все мои встречи на сегодня.

После этих слов Хэммонд ушел в свою комнату и вернулся переодетый для выхода в город.

— Я позвонила Эмису, — сообщила Хелен. — Связалась и с кабинетом Глоуджа. Его секретарша сказала, что с час тому назад тот вышел из здания.

— Объявите общую тревогу, — поспешно рас-

порядился Хэммонд. — И пусть Эмис поставит двух своих людей перед домами, где проживают Вэнс и Барбара.

— Куда вы сейчас направляетесь?

— Сначала к Барбаре, затем к Вэнсу. Лишь бы вовремя мне удалось прийти!

По лицу Хелен, видно, пробежала тень, поскольку он добавил с натянутой улыбкой:

— Судя по вашему выражению, вы считаете, что я чрезмерно втягиваюсь в это дело!

Красавица-блондинка в ответ понимающе улыбнулась:

— Каждый день на этой планете убивают тысячи людей. Грабят сотни тысяч, совершают немыслимое количество актов насилия меньшего значения. Людей избивают, душат, оскорбляют, унижают, надувают… И я могла бы еще долго продолжать в таком духе. Если мы ввяжемся в этот цирк, с нами будет покончено.

— Я симпатизирую Барбаре, — признался Хэммонд.

— Я тоже, — спокойно ответила Хелен. — Но все же, что, по-вашему, происходит?

— Думаю, что Глоудж сумел ввести им первую инъекцию в ту среду, а вторую — в пятницу. Это значит, что третью он должен сделать сегодня.

Именно этому я и должен помешать.

И он поспешно вышел.

Глава 8

Глоудж начал нервничать. День истекал, и он ни о чем другом, как о своих двух подопытных, уже думать не мог. Его раздражало, что он не может держать их обоих под рукой и наблюдать за действием сыворотки. Понедельник был для него последним днем.

«Смешная, однако, сложилась ситуация! — подумал он про себя. — Идет самый крупный за всю историю человечества эксперимент, а никого нет, кто бы мог с научных позиций наблюдать за результатами второй инъекции, которая имеет решающее значение!»

К этим заботам примешивалось и другое чувство. Глоудж БОЯЛСЯ!

Он не мог забыть молодого человека. У слишком многих подопытных животных он отмечал точно такие же симптомы, чтобы обманываться на счет Стрезера. Негативная реакция на сыворотку, появление расстройства в работе внутренних органов, болезненный вид, борьба, которую развернули клетки тела, — все это было доказательством того, что организм и его химия терпят поражение.

Глоудж должен был признать, что у него есть и дополнительное основание для тревоги. У многих подопытных животных в лаборатории развивалась на этой стадии агрессивность, и было бы разумно подготовиться также и к такому повороту событий.

«Не стоит убаюкивать себя, — разъяренно думал он. — Лучше бросить все дела и пойти посмотреть, что происходит с этой парой».

Именно тогда он и ушел с работы.

Исходя из постулата, что с Барбарой все в порядке, доктор в первую очередь направился к квартире Вэнса. Прежде чем войти в дом, он провел контрольное прослушивание, чтобы выяснить, находится ли тот в помещении и нет ли у него кого-нибудь еще.

Признаки жизни он засек сразу: прерывистое дыхание, скрип кровати. Эти звуки резали ухо — настолько чувствителен был микрофон. Глоудж уменьшил уровень громкости, чтобы не резало слух.

Настроение доктора упало еще на несколько пунктов, так как услышанное лишь подтвердило его опасения.

И как-то разом все, что до настоящего времени служило ему научным прикрытием, чтобы

оправдать свое поведение, столкнулось с грубой действительностью: неудача была явной, и это следовало признать.

В соответствии с разработанной им ранее линией поведения теперь надлежало убрать Вэнса.

Это со всей очевидностью предполагало также и устранение Барбары.

Прошло некоторое время, и первоначально обуявшая Глоуджа паника уступила место строго научному подходу: услышанные им звуки еще не давали достаточной информации для принятия окончательного решения.

Глоудж был глубоко уязвлен в своих надеждах.

Чтобы определиться, нужно было обязательно увидеть Вэнса. Было бы некорректным, считал он, устранить обоих подопытных, без того чтобы переговорить с ними лицом к лицу.

В тот самый момент, когда биолог, выйдя из фургона, направлялся к квартире Вэнса, тот видел сон.

Ему представлялось, что человек — как же его зовут? Кажется, Глоудж, — с которым он поссорился несколько дней тому назад в коридоре Исследовательского центра Альфа, приближается к дому с намерением его убить. Откуда-то из глубин существа Вэнса поднялась темная ярость.

Но он так и не проснулся.

Зато сон — продукт странного и хаотического эволюционного процесса, который он переживал, — продолжался.

Он наблюдал с какой-то невидимой ему точки, как Глоудж подходит к служебной двери его квартиры. Вэнс ничуть не удивился тому, что лысый человек выудил из своего кармана ключ. Дрожа от страха, Вэнс наблюдал, как тот осторожно вставил его в замочную скважину, повернул и неслышно открыл дверь.

В этот момент охвативший Вэнса ужас вынудил его тело перейти к действиям. Его нервная система как бы исторгла миллионы мельчайших энерголучей, похожих на сверкающие перламутровые ниточки. Они пронзили стену, отделявшую столовую от кухни, и обрушились на Глоуджа.

Эти энергоединицы большой мощности безошибочно отыскали окончания нервных волокон в организме Глоуджа и через них молниеносно

рванулись к нему в мозг.

Их породили не какая-то оформившаяся мысль или трезвый анализ ситуации. Энергия материализовалась в этих частицах лишь под воздействием страха, и сами они несли стимуляционный заряд. Они атаковали Глоуджа на психическом уровне, приказывая ему удалиться, повернуть назад…

Доктор Глоудж пришел в себя лишь в фургоне. Он вспомнил, как со всех ног умчался прочь от дверей. Где-то в сознании смутно забрезжила мысль, что в какой-то момент его охватила всепроникающая паника.

Дрожа всем телом, тяжело дыша, он попытался успокоиться. Никогда еще в жизни он не испытывал такого постыдного испуга.

Но он твердо знал, что должен вернуться к Вэнсу.

Еще дважды спящий молодой человек сумел произвести достаточно мощный выброс энерголучей и вынуждал Глоуджа отступать. Но с каждым разом выделяемая им энергия слабела, и Глоудж соответственно отбегал от двери на все меньшее и меньшее расстояние, чтобы, переведя дух, снова вернуться.

При четвертой попытке агонизирующие меха-

низмы мозга Вэнса смогли высвободить совсем ничтожный заряд. Глоудж почувствовал, как в нем начал зарождаться ужас, но на сей раз он сумел успешно ему воспротивиться.

Доктор неслышно пересек кухню, направляясь к двери, ведущей в гостиную.

Биолог пока еще не осознал, что он только что схватился в смертельной схватке со спящим юношей и что вышел из нее победителем.

Несколько мгновений спустя Глоудж уже стоял у кровати, наклонившись над потерявшим сознание подопытным мужского пола. Тот буквально исходил потом. Он вздрагивал и жалобно стонал. По телу прокатывались судороги.

Да, никаких сомнений: опыт не удался.

Глоудж не стал терять времени. Он принес с собой все, что было необходимо для исполнения задуманного. Из кармана он вынул пару наручников и закрепил их на запястьях молодого человека. Затем связал ему руки и ноги по отдельности и стянул их вместе. Его жертва по-прежнему не приходила в себя.

Как и предполагал Глоудж, труднее оказалось засунуть Вэнсу в рот кляп. Пришлось применить силу, чтобы разжать зубы. Доктор почувствовал, как деревенеет под его руками тело Вэнса. Вне-

запно молодой человек открыл глаза и вперил в него безумный взгляд.

Конвульсивными движениями Стрезер попытался освободиться от пут как на ногах, так и на руках.

Но Глоудж принял все необходимые меры, и его жертва вскоре отказалась от борьбы. Понимая, что он надежно контролирует ситуацию, доктор вытащил кляп и начал опрос:

— Я хочу знать, что вы ощущаете в данный момент?

Буйный огонь запылал в полных ярости глазах Вэнса, устремленных на Глоуджа. Пронзительным голосом он выдал набор ругательств. Так прошло несколько минут. Затем его, видимо, поразила какая-то мысль.

— Вы… так это вы на прошлой неделе что-то со мной сделали?

Глоудж утвердительно кивнул головой:

— Я дважды ввел вам сыворотку, которая должна была вызвать процесс ускорения эволюции клеток. А сейчас я пришел, чтобы выяснить ваше состояние.

Его серые глаза были абсолютно пусты, а на лысом черепе поигрывали блики от зажженной им лампы. С важным видом он заявил:

— Почему бы подробно не рассказать, что вы испытываете в этот момент?

На этот раз поток ругательств иссяк уже через минуту. Спеленутый путами, Вэнс разглядывал своего победителя. Что-то в бледном и напряженном лице биолога, должно быть, убедило его.

— Я чувствую себя отвратительно, — сказал он с беспокойством.

Глоудж настаивал:

— Поточнее, пожалуйста.

Методично, вопрос за вопросом, он выудил у отчаянно сопротивлявшегося Вэнса признание в том, что тот слаб, доведен до изнеможения и окоченел.

Это и было фатальным комплексом тех симптомов, которые биолог столько раз наблюдал у животных, и Глоудж знал, к чему они ведут.

Не говоря больше ни слова, он наклонился над юношей и стал снова засовывать ему в рот кляп. Молодой человек извивался всем телом, бился, вертел головой, неоднократно пытался укусить ученого, но кляп неуклонно вдавливался все глубже и глубже. В конце концов Глоудж сделал свое дело, а концы закрывавшей рот повязки затянул на затылке у своей жертвы.

После этого он спустился и подогнал фургон

в тупик, куда выходила задняя дверь квартиры Вэнса. Он поднялся в помещение, завернул Вэнса в одеяло и хладнокровно отнес его в машину.

Через несколько мгновений он уже сидел за рулем и катил к дому одного из своих сотрудников, который в настоящее время проходил стажировку в лаборатории одного из восточных штатов и дом которого поэтому пустовал.

Если бы Глоудж позволил себе передохнуть, на минутку остановиться или даже сбросить ногу с педали акселератора, он, наверное, сломался бы и заколебался, стоит ли доводить свои зловещие планы до конца. Но он затормозил только тогда, когда прибыл на место. В сущности это являлось продолжением его замысла. Его финальным аккордом.

Доктор с трудом дотащил связанного Вэнса с кляпом во рту до двери и открыл ее. Затем доволок его до края бассейна и с ходу сбросил окоченевшее тело юноши в воду.

После этого чудовищного поступка он какое-то мгновение постоял, выбившись из сил и вглядываясь в цепочку пузырьков воздуха, взбаламутивших темный покой воды в бассейне. Внезапно испугавшись, что кто-то мог увидеть его, Глоудж развернулся и, пошатываясь, пошел

к выходу.

Проскользнув в кабину фургона, он почти упал в изнеможении на сиденье. И тут в первый раз за все это время он утратил свою невозмутимость, причем это проявилось скорее в движениях, чем в мыслях: «Боже! Что я наделал!»

Но на этом его реакция на случившееся и кончилась. Своего решения Глоудж менять не стал. Он сидел, корчась от мысли, что всего в нескольких шагах от него тонул человек.

Когда не оставалось больше ни малейшего сомнения в том, что по всем законам жизни подопытный должен был уже перестать дышать, доктор громко вздохнул. Он встряхнулся. Все, пути назад больше нет. Первая из двух намеченных жертв устранена. Дело за второй.

Теперь следовало заняться девушкой.

Из расположенной неподалеку кабины телефона-автомата Глоудж позвонил в пансионат Барбары Эллингтон. Судя по голосу, ему ответила дама в возрасте, заявившая, что Барбара вышла.

Она добавила:

— Что-то частенько ей сегодня звонят.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил неприятно пораженный ее сообщением Глоудж.

— А то, что совсем недавно к ней приходили

несколько человек. Естественно, я и им ответила, что ее нет.

Глоудж испуганно вздрогнул:

— Они назвали себя?

— Среди них был некий господин Хэммонд.

Хэммонд! Ученого прошиб холодный пот, он оцепенел.

— Благодарю вас, — сдавленным голосом сказал он и повесил трубку.

Он буквально трясся от страха, когда садился в свой фургон. Возникла мучительная дилемма: что теперь делать? Сначала ему пришло в голову, что следовало бы с наступлением темноты вернуться к бассейну, выловить труп Вэнса, освободить его от пут, а затем уничтожить тело. Но инстинкт подсказывал ему, что лучше сделать это сейчас. В то же время Глоуджу отчаянно хотелось вернуться в Центр и уничтожить остатки сыворотки, хранившейся в сейфе.

Внезапно он решил, что самое главное и наименее рискованное в этот момент — уничтожить сыворотку. Солнце уже скрылось за холмами на западе, но небосвод еще голубел. Было слишком светло для выполнения мрачной и опасной задачи — освободиться от трупа.

Глава 9

В девятнадцать часов десять минут доктор Глоудж открыл дверь своего кабинета в секции биологии Исследовательского центра Альфа. Прикрыв ее за собой, он быстро обошел вокруг широкого стола, занимавшего весь центр кабинета, и наклонился, чтобы выдвинуть ящик, в котором лежал ключ от одного из сейфов.

— Добрый день, доктор Глоудж, — произнес чей-то женский голос позади него.

На какую-то долю секунды Глоуджа словно парализовало. Эти слова и интонация произвели на него такой же эффект, как если бы через него пропустили электрический ток, возрождая прежние надежды. В такое везение он просто не мог поверить, а именно в то, что второй человек, от которого он решил избавиться, сам пришел сюда, где доктор наилучшим образом мог бы свести с ним счеты.

Он медленно выпрямился и обернулся.

На пороге примыкавшей к кабинету библиотеки стояла Барбара Эллингтон. Она рассматривала его с серьезным и настороженным выражением на лице.

Но в течение всех последующих минут Глоуджни на миг НЕ ОСОЗНАВАЛ, что эта женщина была именно Барбарой Эллингтон.

Как только он взглянул на нее, сразу же где-то в глубинах его естества произошли миллионы таинственных упорядочений в нервной системе. И на уровне подсознания он стал воспринимать Барбару как свою недавно умершую сестру. Причем теперь для него она уже не была мертвой. Напротив, в лице Барбары она дышала успокоительной силой жизни.

Доктор и девушка обменялись полными взаимопонимания взглядами. Глоуджу вдруг подумалось, что с научной точки зрения было бы нелогично убивать существо, которое олицетворяло успех его эксперимента. Ему даже казалось, что Барбара всецело на его стороне и готова к сотрудничеству. Он отогнал от себя мелькнувшее было искушение сделать вид, что его не интересует, почему она пришла в его кабинет.

— Как вы вошли сюда? — естественным голосом спросил он.

— Через зал, где выставлены образцы.

— И никто из ночной смены вас не заметил?

Барбара чуть улыбнулась:

— Нет.

Глоудж жадно всматривался в нее. Он отметил манеру Барбары держаться почти не шевелясь, но сохраняя в то же время великолепное равновесие всего тела, что свидетельствовало о сдерживаемой, но готовой в любую минуту выплеснуться энергии. Его поразили ум и живость в глазах девушки.

Мозг Глоуджа пронзила мысль: еще никогда ничего идентичного этому Земля не видела!

— Вы здорово рисковали, работая с нами, — неожиданно бросила Барбара.

— Так было нужно.

Собственные слова удивили доктора Глоуджа.

— Да, я знаю, — безмятежным тоном ответила Барбара. Когда она шагнула к нему, ученый заволновался и по его спине пробежали мурашки. Но она обошла биолога, села в приставленное к стене кресло, положив на подлокотник свою коричневую сумочку. Глоудж молча наблюдал за ней. Она заговорила первой:

— Необходимо, чтобы вы сейчас же сделали мне третью инъекцию. Затем я сама пойду к Вэнсу с вашим прибором и с дозой сыворотки. Он…

Она запнулась, вгляделась в лицо Глоуджа и внезапно в ее глазах зажегся огонек понимания:

— Итак, вы его утопили! — Какое-то время она

оставалась в задумчивости, затем заговорила снова: — Но он не погиб. Я чувствую, что он еще жив. Хорошо… Каким инструментом вы пользуетесь для инъекций? Он наверняка должен быть еще при вас.

— Да, — хрипло признался Глоудж. — Но, — живо добавил он, — предпочтительнее дождаться завтрашнего дня для введения сыворотки в третий раз. Это повысит шансы на благоприятное развитие процесса. И вам следует оставаться здесь. Никто не должен вас видеть. Желательно провести ряд тестов… Хотелось бы узнать от вас…

Он замолчал, заметив, что заикается. Барбара не сводила с него глаз. Тот факт, что она узнала об участи Вэнса, никак не взволновал ученого, так как он считал само собой разумеющимся, что она понимала и ценила причины и способы реализации его планов. В выражении лица девушки он находил сейчас что-то такое, что успокаивало его.

— Вы многого не знаете, доктор Глоудж. Я совершенно уверена, что смогу перенести третью инъекцию. Поэтому немедленно сделайте ее и отдайте мне остатки сыворотки.

Барбара Эллингтон встала и подошла к нему.

Она ничего не сказала, ее лицо оставалось бесстрастным, но уже в следующее мгновение Глоудж осознал, что сам протягивает ей шприц.

— Осталась всего одна доза.

Барбара, не дотрагиваясь до руки биолога, взяла шприц, внимательно его осмотрела и вернула доктору:

— Где хранятся ваши запасы сыворотки?

Глоудж подбородком кивнул на библиотеку, прилегавшую к рабочему кабинету. Барбара стояла к ней спиной.

— В самом большом из двух сейфов.

Она повернула голову в указанном им направлении. Несколько секунд Барбара стояла неподвижно, с опустошенным взглядом и полуоткрытым ртом, как если бы она внимательно к чему-то прислушивалась. Но в конце концов ее взгляд снова уперся в Глоуджа.

— Быстро сделайте мне инъекцию. Сюда идут люди.

Глоудж поднял шприц, коснулся кончиком иглы плеча Барбары и нажал на спусковой механизм. Девушка прерывисто задышала. Она вырвала из рук доктора шприц, сунула его в сумочку и закрыла ее. Затем повернулась к двери.

— Вслушайтесь! — приказала она.

Глоудж вскоре услышал звук шагов в тесном коридоре, который соединял его кабинет с главной лабораторией. Шаги приближались.

— Кто это? — обеспокоенно спросил он.

— Хэммонд и с ним еще три человека.

Глоудж издал приглушенный жалобный стон.

— Надо бежать! — сказал он в отчаянии. — Они не должны обнаружить ни вас, ни меня. Быстро… Сюда… — Он показал рукой на библиотеку.

Барбара отрицательно покачала головой:

— Они нас окружают. Все выходы контролируются. — Она нахмурилась. — Хэммонд, должно быть, считает, что у него все необходимые улики против вас, но не облегчайте ему задачу. Отрицайте все! Посмотрим, что же я смогу сделать с моим… — Продолжая говорить, она вновь села в кресло, которое недавно покинула. Ее лицо ничего не выражало.

— Мне, возможно, удастся обмануть его, — сказала она уверенным тоном.

Шаги достигли двери. Постучали. Глоудж бросил взгляд на Барбару. В его голове вихрем проносились самые различные мысли. Но Барбара, покачав головой, улыбнулась.

— Входите! — сказал Глоудж. Но он взял неверный тон: слишком громко закричал.

Вошел Хэммонд.

— О! Господин Хэммонд… — воскликнула Барбара. Ее щеки заалели, она казалась смущенной и сконфуженной.

Хэммонд, увидев ее, встал как вкопанный. Он внезапно почувствовал, как кто-то зондирует его мозг, и незамедлительно возвел защитный барьер. Зондаж прекратился.

Хэммонд перехватил взгляд Барбары. В глазах девушки тенью проскользнуло неподдельное изумление. Хэммонд не без иронии улыбнулся, затем отчеканил голосом, в котором звучал металл:

— Оставайтесь на месте, Барбара. С вами я поговорю позже. Войдите, Эмис, — добавил он, повысив голос.

В его интонации сквозило что-то угрожающее. Глоудж вновь умоляюще взглянул на Барбару, которая нерешительно ему улыбнулась. Выражение искренности и бесхитростности на ее лице, с которым она встретила Хэммонда, уступило теперь место смиренности, но одновременно и настороженности.

Хэммонд сделал вид, что не заметил этой перемены.

— Эмис, — обратился он к одному из трех со-

трудников, которые прошли через зал с образцами и в котором Глоудж узнал главу безопасности Центра Альфа.

— Эмис, перед вами Барбара Эллингтон. Отберите у нее сумочку. Никого в этот кабинет не пускать. Мисс Эллингтон запрещается выходить отсюда и касаться чего бы то ни было. Я хочу, чтобы она оставалась в этом кресле до тех пор, пока я не вернусь обратно с доктором Глоуджем.

— Слушаюсь, господин Хэммонд. — Эмис сделал знак одному из своих людей, который запер на ключ дверь кабинета. Сам он подошел к Барбаре, которая, не говоря ни слова, вручила ему сумочку.

— Следуйте за мной, доктор Глоудж, — сухо сказал Хэммонд.

Хэммонд прикрыл дверь библиотеки и повелительным тоном спросил у Глоуджа:

— Где Вэнс?

— Вы знаете, господин Хэммонд, я не…

Хэммонд резко шагнул к нему. Ученый, испугавшись, что с ним будут грубо обращаться, отступил. Но Хэммонд ограничился тем, что схватил доктора за руку и прижал к его запястью миниатюрный стальной предмет.

— Так скажите все же, где Вэнс? — повторил

он.

Глоудж открыл было рот, чтобы поклясться, что не имеет ни малейшего понятия о судьбе молодого человека, но вместо этого вдруг сразу все выложил. Биолог, понимая, что тем самым он признает свое преступление, отчаянно пытался бороться с самим собой. Он уже понял, что приставленный к его запястью металлический предмет вводил его в состояние, подобное гипнозу, и попытался вырваться из рук Хэммонда.

Безуспешно.

— Когда вы бросили его в воду?

— Примерно час тому назад, — изнемогая, ответил Глоудж.

В этот момент в соседнем кабинете раздались крики. Распахнув дверь, в библиотеку ворвался бледный, как воск, Эмис.

— ГОСПОДИН ХЭММОНД… ОНА ИСЧЕЗЛА!

Хэммонд рванулся в кабинет. Доктор Глоудж, которого бил колотун, поспешил вслед за ним. Пока он добрался до двери, Хэммонд уже выныривал из холла вместе с одним из сотрудников службы безопасности. Ошалевший Эмис и третий сотрудник стояли посреди комнаты.

Хэммонд, закрыв дверь, обратился к Эмису:

— Быстро… Что произошло?

Эмис поднял руки в бессильном гневе:

— Не знаю, господин Хэммонд. За ней неотступно наблюдали. Они тихо сидела здесь, в кресле… а затем внезапно исчезла, вот и все. Он, — Эмис указал на одного из своих подчиненных, — стоял, прислонившись спиной к косяку двери. Когда мы обнаружили, что ее в кресле уже нет, он сидел на полу рядом с дверью! А она была настежь распахнута. Мы бросились в холл, но там никого не было. И тогда я позвал вас.

— Сколько времени вы за ней наблюдали? — сухо осведомился Хэммонд.

— Сколько времени? — взглянул на него оторопевший Эмис. — Я только проводил свою матушку до лифта в холле…

Он вдруг смолк и быстро-быстро заморгал:

— Чего это я вам говорю? Ведь матушка уже восемь лет как померла!

— Так вот что за трюк она применила, — тихо прошептал Хэммонд. — Она проникает в глубину души, туда, где хранятся самые святые воспоминания об усопших. А я — то думал, что она хотела всего лишь прочесть мои мысли!

Хэммонд замолчал, затем четко и ясно приказал:

— Эмис, проснитесь! Все трое, вы на пару минут

потеряли сознание. Не ломайте голову над тем, чтобы понять, каким образом мисс Эллингтон удалось это сделать. Сообщите ее приметы охранникам на выходах из здания. Если кто-то из них заметит ее, то пусть держит под прицелом.

Сотрудники службы безопасности выскочили из кабинета, а Хэммонд знаком показал полностью потерявшему над собой контроль доктору Глоуджу, чтобы тот сел. Хэммонд вытащил из кармана похожий на карандаш предмет и, нажав на него, какое-то время выждал.

На пятом этаже здания Центра Хелен Венделл сняла трубку личного телефона, стоявшего у нее на столе.

— Слушаю вас, Джон!

— Выключите все защитные экраны, а также экраны-ловушки, — распорядился Хэммонд. — Глоудж утопил Стрезера, так как опыт над ним не удался. Но вторая особа начеку. Трудно предугадать, что именно она может вытворить, но, возможно, сочтет необходимым побывать у меня в кабинете, чтобы затем быстро исчезнуть.

Хелен нажала на кнопку:

— Ничего делать не надо. Все экраны уже выключены.

Глава 10

Снаружи сгущались сумерки.

В двадцать часов восемнадцать минут небольшой телефон на столе секретарши Хэммонда на пятом этаже снова зазвонил. Хелен взглядом проверила, закрыта ли дверь, и сняла трубку.

— Слушаю, Джон.

— Я в бассейне, — сообщил ей шеф. — Его только что выловили из воды. Но он жив, Хелен! Сработал какой-то рефлекс, помешавший ему наглотаться воды. Тем не менее нам нужна кислородная палатка.

Хелен левой рукой взялась за другой телефон.

— Может, выслать «скорую»? — спросила она, набирая номер.

— Конечно. Вы знаете адрес. Пусть та остановится рядом с дверью. Надо действовать быстро.

— Хотите, чтобы были также и люди в военной форме?

— Естественно, но передайте им, чтобы они оставались в машине до тех пор, пока их не позовут. Высокий палисадник нас скрывает, к тому же стемнело. Я вернусь вместе с ними. Удалось ли поймать Барбару?

— Нет.

— Я так и знал. По возвращении я сам расспрошу всех охранников.

Барбара позволила Эмису сопроводить ее до ближайшего лифта, все время внушая ему, что является его матушкой.

Войдя в кабину, она нажала кнопку подъема. Вскоре Барбара очутилась на крыше. Точно в соответствии с тем, что она уже обозрела внутренним взором благодаря своим новым способностям, на крыше стоял приготовившийся к взлету вертолет. Хотя ее не было в списке пассажиров, пилот, искренне уверовав в то, что перед ним его подружка, лично проводил ее на борт. Неожиданное ее появление казалось ему вполне естественным.

Чуть позже Барбара приземлилась на крыше другого здания. И опять пилот счел вполне естественным, что его подружка покинула его. Он поднялся в воздух, и этот эпизод тут же стерся у него из памяти.

Столь поспешное приземление было для Барбары вынужденным, потому что она почувствовала, что начала действовать новая инъекция. Поэтому она зондировала проносившиеся под вертолетом здания до тех пор, пока не нашла небоскреб

с незанятыми верхними этажами. «Попробую пробраться в один из пустых кабинетов», — решила она.

Но дальше крыши она пройти не смогла. Как только она ступила на первую ступеньку лестницы, уходившей в глубины небоскреба, как почувствовала, что ее шатает. Стало ясно, что она уже не властна над своим телом. Слева виднелась дверь, выводившая в помещение, похожее на чердак и служившее кладовкой. Она проникла туда, закрыв за собой дверь на засов. И только тогда она расслабилась, рухнув на пол.

В течение всей ночи она ни разу полностью не теряла сознания: отныне это стало для нее невозможным. Но Барбара отдавала себе отчет в том, что все ее существо беспрерывно менялось, менялось, менялось…

Потоки энергии, пронизывавшие ее тело, приобрели новое значение. Теперь они отделились от нее самой. Вскоре ей удалось взять их под свой контроль, но и сам этот контроль был по своему характеру каким-то другим.

Определенная часть ее существа, как ей показалось, стушевалась, вытесненная новым сознанием, овладевшим ею.

«Я все еще я, — подумало то новое существо,

которое лежало теперь на полу кладовки. — Остались тело, чувства, желания...»

Но она уже четко осознавала, что даже в этой начальной фазе скачка на пятьсот тысяч лет вперед ее «Я» уже стало «Я плюс еще что-то».

Тем не менее ей еще не удавалось четко понять, как это ее существо становилось этим чем-то «Я плюс еще что-то». Ночь для нее затянулась надолго.

Глава 11

Наступил вторник.

Сразу после полудня Хелен Венделл пересекла коридор, связывавший штаб Хэммонда с его основным кабинетом. Хэммонд сидел за столом. При появлении Хелен он поднял на нее глаза.

— Как обстоят дела с нашими пациентами? — спросил он.

— Глоудж превосходно играет свою роль. Я даже позволила ему утром немного поболтать с его ассистентом. Через Телстар он уже дважды беседовал с сэром Хьюбертом относительно своих обязанностей на новом месте работы за рубежом. Я снова погрузила его в сон, но он в нашем полном распоряжении. Вы когда вернулись?

— Только что. А как дела со Стрезером? Хелен похлопала рукой по магнитофону.

— Двадцать минут назад я запросила сведения у медицинской машины. Она представила мне подробный диагноз. Все записано на пленку. Хотите послушать?

— Нет, дайте выжимку.

Хелен поджала губы и начала:

— Машина подтверждает, что воды он не на-

глотался, что какой-то недавно появившийся в его мозгу механизм заблокировал дыхание и поддерживал его в жизнеспособном состоянии. Вэнс ничего осознанно об этом эксперименте не помнит; следовательно, весь механизм выживания в этих условиях был запущен на уровне подсознания. Медицинская машина сообщает также и о других происходящих в его организме изменениях, которые она расценивает как чудовищные. Пока еще рано говорить, сможет ли Вэнс вынести третью инъекцию или нет… В настоящее время он находится под воздействием транквилизаторов.

Хэммонд, казалось, не был удовлетворен этими сведениями.

— Хорошо, — сказал он после непродолжительного раздумья. — Больше ничего интересного?

— Есть. Очень много сообщений в ваш адрес.

— По поводу доктора Глоуджа?

— Да. Новая Бразилиа и Манила согласны с вами в том, что риск утечки слишком велик в случае, если доктор Глоудж останется в Центре Альфа дольше, чем это абсолютно необходимо.

— Вы только что говорили, что он прекрасно справляется со своей ролью?

Хелен кивнула:

— Пока. Но это очень строптивый тип, и у нас, в Центре, я, конечно, не в состоянии основательно запрограммировать его так полно и окончательно, как это сделают в Париже. Они настаивают, чтобы его отправили в Париж. Этим займется курьер Арнольд. Он вылетает завтра утром рейсом в пять десять.

— Нет! — воскликнул Хэммонд. — Это преждевременно! Глоудж для нас — та приманка, на которую я надеюсь подцепить Барбару. Из опытов Глоуджа следует, что она обретет свободу действия только сегодня вечером. По моим подсчетам, в девять часов создадутся благоприятные условия для того, чтобы выпустить на сцену Глоуджа и выключить экраны защиты.

Хелен, помолчав несколько секунд, заявила:

— Джон, преобладает мнение, что вы преувеличиваете возможность эволюции Барбары Эллингтон в действительно опасном для нас направлении.

Хэммонд слегка улыбнулся:

— Я видел ее. Другие нет. Насколько можно судить, она, возможно, уже погибла или погибает сейчас после третьей инъекции. Но если она будет в силах прийти, то, думаю, обязательно явится. Она в любой момент может начать искать

человека, способного дать ей сыворотку.

Но в этот же вторник с личностью Барбары случилось что-то новое.

Она обрела мыслительные механизмы, способные оперировать в космическом масштабе. Они действовали автоматически, за пределами сознания, так что их природа и способ действия были Барбаре совершенно неясны. Но они могли совершать немыслимое…

Пока она лежала на чердаке, один из новых образовавшихся в ее мозгу центров исследовал космическое пространство в диаметре пятисот световых лет. Он вскользь прошел облака нейтрального водорода, пронизал молодые, ярко сверкающие звезды типа О, измерил колебания двойных звезд, учел кометы и ледовые астероиды. Очень далеко, в созвездии Змееносца, гигантская бело-голубая звезда превратилась в «новую», и необычайный мыслительный механизм Барбары воспринял необузданное извержение потоков лучистого газа. Черный карлик последний раз полыхнул инфракрасными лучами и затаился в сумрачных глубинах погасших звезд.

Разум Барбары охватывал всю эту беспредельность и без всяких усилий мчался все дальше и дальше… до того момента, пока не натолкнулся

на специфическое «НЕЧТО». И тогда он отключился.

«Что же это я встретила?» — молча взывала Барбара в состоянии полнейшего экстаза.

Она знала, что возникший у нее в мозгу новый механизм в соответствии со встроенной в нем самом внутренней программой как раз и должен был разыскать и встретить именно это «НЕЧТО». В то же время это не выразилось в осознанном понимании случившегося. Она была уверена лишь в одном: новый нервный центр, казалось, был удовлетворен и прекратил дальнейшее зондирование.

Но она чувствовала — и это вызвало в ней невыразимое ликование, — что он помнит об этом «НЕЧТО», с которым вступил в контакт.

Барбара все еще смаковала эту радость, когда чуть позже отметила, что где-то в самой глубине ее сути происходят новые энергообмены.

И тогда она предоставила телу и разуму самим постепенно воспринять их.

Час за часом город все больше охватывала летняя жара. Солнце поднялось высоко, и его беспощадные лучи обрушились на закрытое помещение, возвышавшееся на крыше многоэтажного здания в пяти километрах от Исследовательского

центра Альфа. Барбара, свернувшись калачиком в пыли кладовки, лежала совершенно неподвижно. Время от времени с ее губ слетал жалобный стон. Подскочила температура, градом катился пот. Это длилось долго, очень долго. Потом ее кожа ссохлась, а лицо приняло синеватый оттенок. Стоны прекратились. Если бы кто-нибудь оказался вблизи от Барбары, он не смог бы даже сказать, дышит ли она.

К четырем часам дня зной пошел на убыль, и в комнате с окнами без ставен стало прохладнее. Но истек еще час, прежде чем царившая в помещении адская жара начала спадать. Примерно в шесть часов свернувшаяся человеческая фигура впервые шевельнулась.

Барбара медленно вытянула ноги, затем рывками перевернулась и снова затихла, распластавшись на спине с вытянутыми вдоль тела руками.

Ее правая щека была покрыта грязной коростой из пыли и высохшего пота. Она глубоко вздохнула и опять затихла. Через несколько минут приоткрылись веки. Ее темно-синие лучистые глаза непонятным образом ожили и наполнились внутренним огнем, хотя продолжали смотреть в одну точку.

Вечерело. В городе стали зажигаться огни. Все в

каморке дышало тишиной. Тем не менее прошел еще час, прежде чем раскинувшийся на полу силуэт человека снова подал признаки жизни…

На этот раз это были движения другого характера. Барбара внезапно стремительно вскочила на ноги и подошла к ближайшему окну, прислонившись лицом к грязному стеклу.

На западе высилась величественная груда комплекса Альфа в ореоле яркого света. Барбара повернула голову в этом направлении…

Через секунду разум Барбары, обуздывая ее взгляд, стал осваиваться с обстановкой на совершенно ином, безмерно более глубоком уровне восприятия.

Ночью работа Центра мало чем отличалась от дневной. Но Барбара, пробегая своей мыслью по знакомым ей и освещенным как днем коридорам, ведущим в секцию биологии, отметила, что персонала все же было поменьше. Так же мысленно она пересекла Центральную лабораторию, прошла по узкому коридору и остановилась перед дверью кабинета доктора Глоуджа.

Переступив порог, она замерла в темной, заполненной тишиной комнате. Затем прошла в библиотеку. Две — три минуты ее мысль витала над солидным сейфом, стоявшим в углу. Она все

поняла.

Сейф был пуст… и представлял собой ловушку.

Барбара мысленно перенеслась на пятый этаж и поплыла к большой черной двери, на которой было написано: «Служба по контактам и научным исследованиям».

Снова остановилась…

В течение нескольких минут Барбара неспешно и скрупулезно зондировала своей мыслью стены кабинетов и личных апартаментов Джона Хэммонда. Что-то в них было необычным и, как представлялось, таило в себе очень большую опасность. В этой секции Центра всюду между стенками и дверьми, над потолками и под полами пульсировали, извиваясь подобно струе дыма из печной трубы, странные силовые поля.

Преодолеть этот барьер было невозможно.

Но это касалось Барбары во плоти, а ее мысленное воплощение в определенной степени было способно на это…

Нужно было лишь избегать большой двери и потайного лифта, который вел непосредственно в квартиру Хэммонда. Защита этих участков, наиболее привлекательных для любого нежелательного лица, стремящегося проникнуть в секцию, была мощнейшей.

Она отодвинулась от этой массивной двери и застыла в ожидании, достаточно далеко от стены, которая воздвигалась между ней и основным кабинетом. Понемногу стала возникать картинка…

Она очутилась в неизвестной ей доселе комнате, совершенно пустой и не представлявшей никакого интереса, за исключением закрытой двери, параллельной другой двери, выходившей в коридор.

Образ внутренней комнаты в мозгу Барбары внезапно померк. Вместо него она ощутила присутствие какой-то всепоглощающей, грозной, грубо повелевающей силы.

Обескураженная и напуганная, Барбара уже чувствовала воздействие этой силы, ее готовность отбросить девушку назад, к смертоносному барьеру, окружавшему всю секцию. Поисковая мысль Барбары тут же прервала передачу по каналу зрительного восприятия и ради обретения стабильности покорно притихла.

И все же теперь Барбара точно знала, где находилась сыворотка: в большом сейфе квартиры Хэммонда, под мощной и, на первый взгляд, непреодолимой защитой.

Механизм дальнего восприятия стал крайне осторожно восстанавливаться. Выявилась другая

часть секции, погруженная в туман враждебных энергополей. В ней находился мужской аналог Барбары. Он был жив.

Но совершенно беспомощен и ничего не осознавал. К тому же был заперт в мрачную клетку с энергетическими решетками, через которые с трудом удалось произвести лишь самую общую идентификацию. И все же Барбара была счастлива, что ему удалось спастись.

Через несколько минут она была абсолютно уверена в том, что в запертых апартаментах Хэммонда никого больше не было. Тогда она сняла поле визуального зондирования этого места и переключила его на главный офис. Появился расплывчатый образ женщины. Это была Хелен Венделл, которая, судя по всему, говорила в аппарат, связанный с лежащим перед ней прибором.

Вступил в действие новый уровень дальнего восприятия. Барбара услышала голоса говоривших.

Отчитывался Гэнин Арнольд, курьер из города Новая Бразилиа. Он находился в городском аэропорту в пятнадцати километрах к югу от Центра Альфа.

— Уже закрывают двери, — говорил курьер в микрофон, замаскированный под один из тех ин-

галяторов успокоительного действия, которыми в последнее время так часто пользовались многие пассажиры перед взлетом самолета. Если бы кто-нибудь находился сейчас даже в нескольких сантиметрах от курьера, он бы ничего не услышал. Но из прибора на столе Хелен Венделл голос Арнольда звучал громко и отчетливо.

— Взлетаем через… (Арнольд посмотрел на ручные часы) две минуты тридцать секунд. До Парижа посадок не будет. Все пассажиры и члены экипажа, хотя бы по разу, прошли в зоне действия биоиндикатора, который ни разу не показал уровня выше стандартного среднеземного, то есть не достигал шести. Короче, мы оба, биолог и я, абсолютно уверены в том, что ни одна ненормально эволюционированная человеческая форма нас до Парижа не сопровождает. Доктор Глоудж ведет себя превосходно. Транквилизатор уже начал оказывать свое действие, и доктора явно клонит ко сну. Нет сомнений, что до самого Парижа он будет сладко спать.

Арнольд сделал паузу, видимо ожидая комментариев. Поскольку их не последовало, он продолжал:

— Очевидно, что после взлета поддерживать связь этим способом будет невозможно. Посему,

учитывая, что в оставшееся время каких-либо неприятностей не предвидится, и если господин Хэммонд не возражает, я свое сообщение заканчиваю.

Мелодичный голос Хелен, исходивший, казалось, откуда-то слева от головы курьера, ответил:

— Господин Хэммонд предпочитает, чтобы вы оставались в режиме приема до самого взлета на тот случай, если нам придется дать вам другие инструкции.

Глава 12

В закрытой наглухо каморке последнего этажа здания, в нескольких километрах от Центра, женская фигура у окна внезапно вышла из состояния транса, в котором пребывала, стоя совершенно неподвижно несколько минут. Подняв голову, она обвела взглядом слабо подсвеченное городскими огнями небо. Ее рука поднялась и дотронулась до толстого стекла. Оно расплавилось, как лед под воздействием высокой температуры.

Ворвавшийся в помещение холодный ветер взвихрил пыль.

Барбара немного выждала, потом подошла к провалу, зияющему на месте окна.

Ее взгляд был направлен на запад. Она вслушивалась. Все многоголосье города теперь отчетливо звучало в ней. Каждые тридцать секунд раздавался покрывавший все шумы города грохот. Это вертикально взлетали, набирали скорость и со свистом устремлялись в ночь реактивные самолеты. Барбара быстро повернула голову и проанализировала меняющуюся структуру этого звука. Она медленно развернулась к северу, следя за перемещавшейся вдали точкой. От напряжен-

ного внимания ее глаза прищурились.

Между тем в самолете, взявшем несколько минут назад курс на Париж, с доктором Глоуджем происходили странные вещи. Поклевывая носом, он с удовлетворением думал о предстоящей новой работе над парижским проектом, которым руководил Хьюберт Роланд. Неожиданно он почувствовал, что какая-то часть его мозга проснулась.

Внезапно забеспокоившись, он осмотрелся. В первую очередь Глоудж взглянул на сидящего рядом соседа.

Это был дородный, налитый силой мужчина. Он напоминал частного детектива, и Глоудж точно знал, что это был его телохранитель. Но странным было то, что этот человек сидел в своем кресле совершенно безвольно, опустив голову на грудь и закрыв глаза, — все признаки воздействия транквилизатора.

«Чего это он заснул?» — мысленно спросил себя Глоудж, глубоко убежденный в том, что это он, а не его телохранитель должен был находиться в состоянии сна. Доктор отчетливо вспомнил совершенно незнакомый ему прибор, с помощью которого эта Венделл заполнила его голову целым комплектом убедительных иллюзий. Он

по доброй воле поднялся на борт лайнера и по настоянию своего ангела-хранителя в достаточной степени надышался успокоительным газом из респиратора, вмонтированного в его кресло, чтобы беспробудно спать до самого Парижа.

И тем не менее спустя всего несколько минут после взлета он уже бодрствовал. Те внушения, которыми его пичкали в течение всего дня, стали рассеиваться.

Эти факты явно противоречили друг другу и должны были иметь какое-то логическое объяснение.

Внезапно Глоудж совсем перестал думать. У него создалось впечатление, что в какой-то миг в голове просто образовался вакуум. Затем его охватил сводящий с ума ужас.

— Да, доктор Глоудж, — произнес кто-то рядом, — действительно всему ЕСТЬ объяснение!

Медленно, нехотя, но совершенно не в силах побороть направляющий его действия импульс, он обернулся.

Кто-то сидел сзади.

Сначала он подумал, что речь идет о совершенно незнакомом ему человеке. Но тут сидевшая за ним женщина открыла глаза. Их взгляды встретились. Даже в приглушенном свете салона лайнера

ее взор отсвечивал демоническим огнем.

Женщина заговорила, и он узнал голос Барбары Эллингтон.

— У нас с вами возникла общая проблема, доктор Глоудж. Есть основания полагать, что на этой планете орудует группа космических пришельцев. Мне еще неясны мотивы их присутствия. Поэтому наша ближайшая задача прояснить их.

— Вы ГДЕ находитесь? — сухо осведомилась Хелен Венделл.

Она повернула рычажок, и справа от нее засветился небольшой экран.

— Джон! Быстро!

Находившийся у себя в апартаментах Джон Хэммонд обернулся и бросил взгляд на оживший позади него экран. Спустя пару секунд он уже слушал хриплые, рубленые фразы, раздававшиеся в лежавших слева от Хэммонда наушниках.

— Где он? — спросил Хэммонд у Хелен. Ее лицо на экране было бледным и напряженным.

— На аэродроме в Де Муан! Парижский лайнер сделал вынужденную посадку из-за технических неполадок. Никто толком не знает, что это были за неполадки и почему потребовалось их срочно устранять. Но всех пассажиров высадили и перевели в другой самолет. Арнольд в полном

душевном смятении. Послушайте-ка его!

— …с ним была женщина, — раздался невнятный голос курьера. — Я сначала подумал, что это пассажирка, поднявшаяся в самолет перед вылетом. Сейчас я в этом уже не уверен. Но я был не в состоянии даже шевельнуть пальцем и смотрел, как они удалялись вдвоем и покинули аэропорт. Ни на секунду я не подумал ни о том, почему эта женщина оказалась с Глоуджем, ни о том, чтобы их остановить, ни даже о том, чтобы разузнать, куда это они направились…

Хэммонд повернул регулятор, и звук стал тише.

— Когда приземлился лайнер? — спросил он у Хелен Венделл.

— Должно быть, уже более получаса тому назад, как сказал Арнольд! Он заявил, что только сейчас подумал о том, чтобы нас предупредить.

— ЦЕЛЫХ ПОЛЧАСА! — Хэммонд рывком вскочил на ноги. — Хелен, бросайте все дела! Мне нужен наблюдатель на внеземной орбите, и обеспечьте это, если сможете, в течение ближайших минут.

Она посмотрела на него с удавлением:

— Каких действий вы ожидаете?

— Понятия не имею.

Она поколебалась, затем заговорила вновь:

— Охранители…

— Все, что возможно предпринять здесь, я в состоянии сделать сам и ни в ком ради этого не нуждаюсь. Защитные экраны с северной стороны будут отключены ровно на сорок секунд. А теперь уходите… — он отключил связь и повернул один из рычажков под своим столом.

Сидя в основном офисе, Хелен Венделл какое-то время смотрела на погасший экран. Наконец она вскочила, подбежала к двери и устремилась в холл.

Чуть позже Джон Хэммонд вошел в комнату, где в своей энергетической клетке лежал Винсент Стрезер. Хэммонд, подойдя к стене, снизил мощность защитного экрана наполовину.

Тот посветлел и превратился в почти неразличимую дымку. Хэммонд внимательно всмотрелся в силуэт человека, лежавшего на койке.

— Произошли ли другие изменения внутренних органов? — спросил он громким голосом.

— За последние два часа нет, — ответила медицинская машина.

— Эта форма жизнеспособна?

— Да.

— Проснется ли он, если я нейтрализую экран

полностью?

— Да, немедленно.

Подумав, Хэммонд задал еще один вопрос:

— Просчитан ли эффект в случае введения четвертой инъекции?

— Да, — ответила скрытая в стене машина.

— Коротко сформулируйте, что именно произойдет.

— Серьезная перестройка пойдет еще быстрее. Направление эволюционного толчка останется прежним, но его амплитуда намного расширится. Окончательная стабилизация формы произойдет через двадцать минут. И она все еще будет жизнеспособна.

Хэммонд передвинул рычажок в положение максимального режима. Энергетический экран затянулся дымкой, потеряв прозрачность.

Было еще слишком рано принимать решение о четвертой инъекции. Может быть, вообще удастся обойтись без этой крайней меры.

Глава 13

В десять с половиной часов раздался сигнал с экрана дальней связи. Взглянув на пульт управления, Хэммонд одним движением нажал сразу на кнопки приема и блокировки своего изображения на тот случай, если вызывавший пользовался видеотелефоном.

— Слушаю, — произнес он.

Экран оставался темным, но из приемника раздался вздох облегчения.

— ГОСПОДИН ХЭММОНД! — Голос гнусавил и дребезжал, но, несомненно, принадлежал доктору Глоуджу.

В одном из приборов на столе Хэммонда раздались два металлических щелчка, означавших, что к разговору подключилась Хелен, которая записывала его с борта космического корабля, курсировавшего вдали от Земли.

— Где вы находитесь, доктор Глоудж?

— Господин Хэммонд… это ужасно… эта тварь… Барбара Эллингтон…

— Она заставила вас покинуть самолет. Я знаю. Где вы сейчас?

— Я у себя дома, в Пенсильвании.

— Она вас сопровождала туда?

— Да. И я ничего не мог поделать, чтобы помешать ей.

— Конечно. Она ушла?

— Не знаю, где она сейчас. Я рискую, звоня вам. Было кое-что такое, о чем я совсем позабыл, господин Хэммонд, но она, она была в курсе. Я…

— Имелся ли запас сыворотки «Омега» в лаборатории на вашей ферме?

— Я и думать о нем забыл. Это был один из первых экспериментальных образцов. Сыворотка содержит примеси, которые вызывают опасные и чудовищные отклонения в развитии. Я полагал, что все ее запасы уничтожены. Но эта тварь знала обо всем больше, чем я сам! Она привезла меня сюда и заставила отдать ей всю оставшуюся сыворотку, которой было совсем немного…

— Но достаточно для четвертой дозы?

— Да, да, вполне.

— И она ее себе ввела?

Доктор Глоудж, поколебавшись, ответил:

— Да. Тем не менее есть надежда, что вместо того, чтобы подстегнуть эволюционный процесс у этого существа, которое я теперь рассматриваю как монстра, эта несовершенная сыворотка не позволит ей подняться на следующий уровень

развития, а, наоборот, быстро ее уничтожит.

— Вполне возможно. Но с самого или почти с самого начала эксперимента по эволюционному стимулированию Барбара Эллингтон действовала с пониманием тех возможностей, которые перед ней открывались. И я с трудом верю в то, что теперь-то она совершит ошибку.

— Я… — голос Глоуджа сломался. — Господин Хэммонд, я вполне отдаю себе отчет в гнусности того, что я сделал. Если я в той или иной степени могу способствовать предотвращению самых пагубных последствий моих действий, вы можете рассчитывать на полное сотрудничество с моей стороны. Я…

Раздался щелчок, означавший, что разговор прерван. Последовала пауза и после нее шепот Хелен:

— Не считаете ли вы, что Барбара сознательно дала ему возможность позвонить вам, а затем прекратила разговор?

— Это очевидно.

Хелен воздержалась от каких-либо комментариев. Хэммонд тихо произнес:

— Я думаю, она хочет предупредить нас о своем предстоящем визите.

— Полагаю, что она уже пришла, Джон. Всего

хорошего.

Глава 14

Хэммонд посмотрел на пульт управления. Стрелки приборов безумно метались из стороны в сторону. Он отметил также и еще одно, совершенно непредвиденное обстоятельство: появление поля отрицательной энергии, нейтрализовавшего его защитное энергетическое поле.

— Хелен... Эта женщина частично вне нашей досягаемости. То, что вы сейчас видите, — это наше силовое поле, которое пытается устоять перед антиполем. Я слышал о существовании подобного феномена, но никогда с ним не сталкивался.

Хелен Венделл ничего не ответила, продолжая пристально наблюдать за контрольным пультом управления на далеком космическом корабле, где она в настоящее время находилась. От разбушевавшейся электронной бури взбесились все индикаторы, показывая, что поле, защищавшее кабинет и апартаменты Хэммонда, подвергалось воздействию другого поля с быстро меняющейся частотой. Вскоре потенциал защитного барьера упал до критического уровня.

Противостояние длилось больше минуты. Приборы показывали невероятные нагрузки.

— Джон Хэммонд, — тихо произнес стол. Хэммонд подскочил от неожиданности и отступил.

— Джон Хэммонд, — прошептало соседнее кресло.

— Джон Хэммонд! Джон Хэммонд! Джон Хэммонд! Джон Хэммонд!

Его имя звучало из всех углов комнаты, окружая, обволакивая его. Занимая ответственный пост, он знал, что означает эта вихревая атака, и понимал связанные с нею опасные последствия. Вероятность такого поворота событий никогда не рассматривалась. Тем не менее ОНИ учитывали подобную возможность. И Хэммонд располагал необходимыми средствами, чтобы достойно встретить возникшую новую ситуацию.

Его взгляд лихорадочно метался по кабинету в поисках специального прибора, который он разместил где-то среди «других. Был момент, когда он, не находя его, чуть не запаниковал. Оказалось, однако, что он у него в руке. Большим пальцем он быстро провел по его поверхности, нащупал нужный выступ и привел его в действие. После этого Хэммонд положил прибор на стол.

Возник скрежещущий звук. Это был не только звук, но вибрация, взвинчивающая нервы до предела. Голоса-фантомы тут же сникли до шепота.

Далекий и тонкий голос Хелен Венделл вонзился в ухо Хэммонда словно игла.

— Контрольный экран! Она уходит! — с надеждой вскричала Хелен.

— Вы уверены в этом?

— Не совсем, — в голосе Хелен послышалась обеспокоенность. — Что видно на ВАШЕМ экране?

— Пока только субъективные помехи. Но они постепенно исчезают.

— Что все-таки произошло?

— Думаю, что она прозондировала нас и пришла к выводу, что сможет одержать легкую победу. Посему она, должно быть, получила самый большой сюрприз в своей короткой жизни сверхженщины предгалактического уровня. Она не поняла, что мы являемся представителями Великих.

— Она пострадала?

— О! На это я не претендую! Она слишком многое узнала. Но… детали я вам сообщу позднее.

Хэммонд прищурился при взгляде на контрольный экран и бросился к двери в соседнюю комнату.

— Сделать последнюю инъекцию, — приказал он, войдя в это помещение.

— Четвертая и последняя в этой серии инъекция сыворотки «Омега» будет сделана этому существу, — отметила машина.

— Немедленно!

— Немедленно.

Вернувшись в кабинет, Хэммонд вновь услышал голос Хелен:

— Временами поток антиэнергии доходит по напряженности до индекса девяносто шесть. Это всего лишь на четыре пункта ниже теоретического предела. Удалось ли ей сравняться с вашим энергетическим уровнем?

— Почти. Она применила прием с псевдогипнозом высочайшего потенциала, но у нее ничего не вышло. И все же она вернется. У меня в руках находится нечто такое, чего она упорно добивается.

Ожил экран телефона. Включив аппарат, Хэммонд услышал голос доктора Глоуджа.

— Нас недавно прервали, господин Хэммонд. — Биолог говорил спокойно и уверенно.

— Что случилось? — устало спросил Хэммонд.

— Господин Хэммонд! В конце концов я все-таки проанализировал истинную природу эволюции. Получается, что Вселенная — это иерархия различных уровней. И ей нужна свободная энергия

на всех ступенях. Поэтому те, кто находятся на более высоких уровнях, прямо не вмешиваются в дела нижестоящих. Но по этой же причине если в распоряжении последних оказываются могущественные силы, то вышестоящие полагают, что это их прямо касается.

— Барбара! — спокойно парировал Хэммонд. — Барбара, если вы мне звоните, чтобы выяснить, впущу ли я вас к себе, то я отвечу утвердительно.

Воцарилось молчание, затем последовал щелчок, означавший конец связи. Буквально в то же мгновение почти незаметно качнулась стрелка одного из приборов.

— Что у вас там происходит? — запросила Хелен сдавленным голосом.

— Сейчас с моего разрешения она пройдет сквозь экраны.

— Не думаете ли вы, что это какая-то уловка с ее стороны?

— В некотором смысле да. Не знаю, по каким причинам, но она не захотела дойти до крайнего теоретического предела на шкале эволюции, установленного Глоуджем, до точки, отстоящей от нас на миллион лет. Возможно, это случится чуть позже.

— И тем не менее вы ее впускаете к себе?

— Конечно.

Хелен замолчала.

Беззвучно протекла минута. Хэммонд немного отошел от пульта управления, встал лицом к двери и стал терпеливо ждать.

В уголке экрана засветился красный огонек. Что-то постороннее вошло в основной кабинет.

Гнетущая тишина длилась еще несколько секунд. Затем в коридоре послышались звонкие шаги.

Хэммонд не смог бы ответить, чего точно он ожидал… но только не банального перестука каблучков-шпилек женских туфелек.

Она возникла в дверном проеме личного кабинета Хэммонда и остановилась, глядя на него. Хэммонд молчал. Внешне эта женщина была Барбарой Эллингтон, которая еще накануне сидела в кресле в кабинете у Глоуджа. В ней ничего не изменилось — ни в поведении, ни в одежде. Даже сумочка, которую она держала в руках, казалась той же самой. Если абстрагироваться от бьющей из нее через край энергии, живости осанки, остроты умных глаз, накладывавших на весь ее облик свой отпечаток, то это была та же самая девушка, худощавая, неуклюжая, неуверенная в себе, которая работала во внешнем бюро менее

двух недель тому назад.

«Значит, это фантом, — подумал Хэммонд. — Но пусть она не заблуждается: сейчас я надежно защищен от любых ее попыток манипулировать моими мыслями. И этот защитный экран исчезнет только в том случае, если умру я сам». Стоящий в дверях человеческий силуэт был реальностью. Это фиксировали приборы. И тем не менее это была всего лишь форма, специально созданная ради этой встречи. Она не была той новой Барбарой, в которую превратилась прежняя.

Хэммонд точно не знал, зачем она приняла этот облик. Может быть, в надежде усыпить его бдительность?

Она шагнула вперед с легкой улыбкой на губах и огляделась вокруг. Вот тогда-то Хэммонд понял, что не ошибся. Вместе с ней в комнату проскользнуло что-то еще… Нечто подавляющее вас, от чего по спине пробегает дрожь. Но одновременно это нечто вызывало чувство теплоты и мощи.

Она взглянула на Хэммонда голубыми глазами, в которых скакал бесенок любопытства, и приветливо улыбнулась.

— Хочу разобраться, почему вы все еще здесь, — беззаботно произнесла она. — Защищайтесь!

Все произошло беззвучно. Но между ними

проскочила ослепительно белая паутина огней, обволокла обоих, затем стихла, снова запылала — и опять исчезла. Они стояли неподвижно и следили друг за другом. В комнате ничего не изменилось.

— Прекрасно! — сказала женщина. — Окружающая вас тайна начинает проясняться. В настоящее время я знаю, к какому виду живых существ вы относитесь, Джон Хэммонд. ВАША наука никогда не смогла бы подчинить себе те энергии, которые сейчас оберегают ваши тело и разум. Таким образом, в чрезвычайных ситуациях вам, видимо, разрешено пользоваться средствами, которые изобретены другими, превосходящими вас существами, суть которых вы не можете постигнуть. И где же могут быть размещены подобные средства сейчас?.. Думаю, что здесь.

Она повернулась и в три шага достигла двери соседней комнаты. Остановилась. Тут же перед этой дверью и стеной заклубился розоватый с блестками туман, застелился по полу.

— Да, — возобновила она свой монолог. — Все из одного источника! И здесь…

Она опять повернулась и, широко ступая, подошла к пульту управления на столе, который мгновенно обволок тот же розовый туман.

— Таким образом, вот те три точки, которые вы должны считать жизненно важными! — промолвила она, покачав головой. — Вы сами, существо в соседней комнате и пульт управления секцией. Ради их сохранения вы готовы раскрыть секрет, о котором иначе бы умолчали. Думаю, самое время нам обменяться информацией.

Она двинулась к Хэммонду и остановилась перед ним.

— Я нечаянно обнаружила, что вы, Джон Хэммонд, не являетесь уроженцем Земли. По уровню развития вы выше землян, однако не настолько, чтобы объяснить им, почему вы здесь находитесь. В этом мире у вас действует организация. Весьма, кстати, любопытная. Она вроде бы не имеет своей целью ни завоевать Землю, ни эксплуатировать ее… Но не будем об этом. Не пытайтесь мне объяснять. Это не имеет никакого значения. Вы сейчас освободите существо мужского пола, которое должно получить те же самые инъекции сыворотки, что и я. Затем вы и представители вашего биологического вида быстренько покинете эту планету. Вы нам больше не нужны.

Хэммонд покачал головой.

— Вполне возможно, что мы будем вынуждены эвакуировать отсюда нашу экспедицию, — от-

ветил он. — Но тем самым Земля превратится в большую угрозу. Мы представляем здесь Великих Галактиан, у которых на службе находится немало зависимых видов живых существ, ведущих в их интересах военные операции. Не вижу никакой выгоды для Земли, если кто-нибудь из них оккупирует ее или введет карантин для того, чтобы «посеянный» здесь вид находился под постоянным наблюдением.

— Мне абсолютно безразлично, Джон Хэммонд, пошлют ли Великие Галактиане свои корабли на Землю или явятся сюда сами. В обоих случаях для них это было бы проявлением большой неосторожности. Через несколько часов в нашем распоряжении будет находиться в неограниченном количестве сыворотка «Омега». Через несколько дней каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок на Земле пройдет до конца цикл своей эволюции. Неужели вы думаете, что это совершенно новое человечество можно будет поставить под чье-то наблюдение?

— Сыворотка «Омега» никогда больше применяться не будет. И я вам покажу почему…

Хэммонд повернулся и направился к пульту управления. Розовый туман расступился перед ним и снова замкнулся за его спиной. Он исчез

совсем, как только Хэммонд опустил один из рычажков. И тогда Хэммонд отступил назад.

— Я выключил энергетические поля, мешавшие вам войти в эту комнату, — заявил он. — Идите и убедитесь сами в справедливости моих слов. Барьера больше не существует.

Лицо Барбары напоминало застывшую маску, на которой полыхал лишь голубой костер ее глаз. Хэммонд подумал, что она уже знает, что сейчас увидит. Тем не менее она шагнула к двери. Хэммонд также подошел, чтобы заглянуть через ее плечо.

Клетка с решетками из энергополей, скрывавшая кровать, исчезла. Лежащая на кровати фигура приподнялась, ошеломленно покачала головой, кувыркнулась и опустилась на четвереньки.

Огромные, полные муки глаза на секунду задержались на лицах Хэммонда и Барбары. Затем существо встало во весь свой рост…

Да, да, во весь свой рост — целых пятьдесят пять сантиметров! Оно покачнулось, еле удерживаясь нетвердыми ногами на своей лежанке, маленькое волосатое существо с несоразмерной шаровидной головой с прорезью большого рта.

Оно моргнуло, что-то смутно припоминая, от-

крыло рот и тонким голоском проблеяло:

— Бар-ба-ра!

Глава 15

Женщина резко развернулась, отведя глаза от этого ничтожного и потешного силуэта, но легкая улыбка тронула ее губы, когда она посмотрела на Хэммонда.

— Очень хорошо, — произнесла она. — Тем самым порвалась моя последняя связь с Землей. Принимаю то, что вы мне сказали. Полагаю, что сыворотка «Омега» — единственное в своем роде изобретение, неизвестное в других частях Галактики.

— Это не совсем так, — отозвался Хэммонд. Она указала подбородком на соседнюю комнату.

— Может, вы объясните, почему в этом случае все пошло наперекосяк?

И Хэммонд поведал ей содержание теории Глоуджа, согласно которой ускорение эволюции — это палка о двух концах. На нынешнем этапе эволюции человека перед ним открыто множество векторов его возможного развития. Судя по всему, сыворотка стимулирует только один из них, и в дальнейшем естественные силы доводят до логического конца только одну эту линию.

Излагая эти мысли, он неотступно наблюдал за

ней, напряженно думая: «Проблема-то не решена. Как мы освободимся от НЕЕ?»

Он ощущал присутствие почти невероятной мощи, реальной и устойчивой силы, исходящей от нее в виде постоянного потока энергии.

Весь в напряжении, он продолжал:

— Когда Великие Галактиане «осеменяют» жизнью новую планету, они никогда не трогают базовые характеристики различных местных жителей. Они внедряют селекционированные группы своих собственных генов в тысячи мужчин и женщин на всех континентах. По мере того как поколения сменяют друг друга, этот генофонд смешивается в случайном порядке с генофондом местных жителей. Сыворотка «Омега», вероятно, стимулирует одну из этих генетических смесей и доводит до предела ее эволюционный потенциал. Обычно это заводит в тупик из-за действия «фактора сингулярности».

— «Фактора сингулярности»... — это было сказано с вопросительной интонацией.

— Человек, — объяснил Хэммонд, — явился результатом слияния двух существ различного пола. Каждый из людей нес в себе лишь частички всего генофонда человечества. Со временем все эти гены перемешивались, вступали между собой

в различные комбинации. И вид прогрессирует именно потому, что составлялись эти миллиарды случайных комбинаций. В случае с Вэнсом одна из таких комбинаций была активизирована и доведена в своем развитии до финальной точки в результате повторного воздействия сыворотки «Омега». Но у этого набора генов, естественно, имелся ограниченный спектр возможностей развития, подобно тому, как это обязательно случилось бы в том случае, когда лицо, так сказать, совокуплялось бы с самим собой. Именно в этом и заключается «фактор сингулярности». Это и произошло с Вэнсом, а также и с вами. Вы оба оказались результатом эксперимента по самому фантастическому из когда-либо предпринимавшихся опытов одноканальной передачи эстафеты жизни. Это что-то вроде кровосмесительства, ведущего к полной, необычайно увлекательной и чудовищной стерилизации…

— Вы ошибаетесь, — тихо произнесла псевдоженщина. — Я же не монстр. Все, что произошло здесь, еще более невероятно, чем я думала. Во мне оказался стимулированным запас имевшихся у меня галактических генов. Теперь я знаю, кем был этот «НЕКТО», с которым я вступила в контакт в Космосе. Это был один из Галактиан.

Он дал мне возможность добраться до него. Он все сразу же понял… Джон Хэммонд, еще один вопрос. «Омега» — это необычный термин. Что он означает?

— Когда человек растворяется в самом предельном — это и есть Точка Омега.

Произнося эти слова, Хэммонд почувствовал, как она стала удаляться от него. Или же это он удалялся от нее? И не только от нее — от всего. Он плыл, но не в пространственном значении этого слова, а как-то странно, будто отрываясь от действительности самой Вселенной. Он еще успел подумать, что это, должно быть, необычный и вызывающий беспокойство феномен, но эта мысль тут же угасла.

— Сейчас что-то происходит, — прозвучал женский голос. — Эволюционный процесс у существа по ту сторону двери закончился на свой лад. У меня еще нет… состоялся пока не полностью. Но сейчас он подходит к своему концу.

Он был нигде и он был ничем. Внезапно возникли новые словесные и мыслительные впечатления. Словно шуршащий дождь, который целиком поглотил его.

Позднее они обрели конкретную форму. Он почувствовал, что стоит в небольшой, примы-

кавшей к его кабинету комнате и смотрит на худого рыжего молодого человека, который, сидя на краю кровати и держась руками за голову, раскачивался из стороны в сторону.

Хэммонд спросил:

— Ну как, Вэнс? Вы пришли в себя?

Вэнс Стрезер нерешительно взглянул на него и дотронулся до разорванного рукава пиджака.

— Кажется, да, господин Хэммонд, — прошептал он. — Я… Что со мной произошло?

— Вы поехали прокатиться на машине с некоей Барбарой Эллингтон. Оба выпили лишнего. За рулем была она и вела машину… слишком быстро. Та сорвалась с шоссе и несколько раз перевернулась. Люди, присутствовавшие при этом, сумели вытащить вас из-под обломков буквально перед тем, как машина загорелась. Девушка была мертва, и они даже не пытались спасти ее тело. Когда полиция сообщила мне о происшествии, я попросил доставить вас в Центр Альфа.

Рассказывая эту историю юноше, Хэммонд с удивлением обнаружил, что так было и на самом деле и что каждое его слово было сущей правдой. В тот вечер действительно произошла автомобильная катастрофа и именно так, как он описал ее.

— Неужто… — вздохнул, не закончив фразу, Вэнс. Он дернул головой, потом заметил: — Барбара была странной девушкой. Настоящая фурия! Одно время я к ней сильно привязался, господин Хэммонд, но в последние дни я стремился порвать с ней.

У Хэммонда, однако, было впечатление, что произошло и немало других событий. Машинально он повернул голову в сторону своего кабинета, заслышав стрекотание телефона.

— Извините, — бросил он Вэнсу.

Опустив рычажок, он увидел на засветившемся экране лицо Хелен Венделл. Та коротко улыбнулась ему и поинтересовалась:

— Как поживает Стрезер?

Хэммонд ответил не сразу. Он вгляделся в Хелен, и его волосы встали дыбом. Она была не на космическом корабле, курсирующем вдалеке от Земли, как это должно было бы быть, а преспокойно сидела за своим столом.

— С ним все в полном порядке, — услышал он свой голос как бы со стороны. — Эмоциональный шок был не очень глубоким… А как у вас?

— Смерть Барбары потрясла меня, — призналась Хелен. — Но вам звонит доктор Глоудж и настойчиво просит дать возможность погово-

рить с вами.

— Хорошо. Переключите его на мою линию.

— Господин Хэммонд, — раздался спустя несколько мгновений голос Глоуджа. — Звоню вам по поводу проекта «Стимуляция. Точка Омега». Я только что перечитал свои заметки и еще раз просмотрел отчеты о лабораторных испытаниях. И я убедился, что, когда вы отдадите себе отчет в том, какие многочисленные опасные последствия может иметь опубликование результатов моего эксперимента, вы сами согласитесь прекратить работы над этим проектом, а также немедленно уничтожить все касающиеся его документы.

Повесив трубку, Хэммонд на некоторое время замер в молчании.

Итак, и эта часть проблемы была урегулирована! Последние следы существования сыворотки «Омега» вот-вот сотрутся. Вскоре о ней вообще будет помнить он один.

И надолго ли? Несомненно, не более двух-трех часов. Осевшие в его памяти образы уже поблекли и частично стерлись. А то, что осталось, было каким-то смутным и неопределенным… этакая тонюсенькая ниточка мысли, которая колышется на ветру, но непременно вскоре порвется под его

порывами.

Хэммонд не возражал против подобного поворота событий. Он лицом к лицу столкнулся с Великим Галактианином, а это не идет на пользу существу, стоящему на более низкой ступени развития.

И все же как тяжело было убедиться в своем полном ничтожестве!

Он, наверное, задремал, так как, очнувшись, вздрогнул. Без видимых на то причин он чувствовал себя слегка дезориентированным.

В кабинет с улыбкой вошла Хелен:

— Не кажется ли вам, что пора уходить домой? Вы опять начали засиживаться на работе.

— Да, вы правы, — ответил Хэммонд.

Он поднялся и прошел в соседнюю комнату сказать Вэнсу, что тот может отправляться к себе домой.

РАССКАЗЫ ИЗ АВТОРСКОГО СБОРНИКА «MONSTERS»

Первый вид: Космическое чудовище
Не только мертвые

У СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ АЛЯСКИ ОБНАРУЖЕНЫ ОБЛОМКИ КИТОБОЙНОГО СУДНА

«29 июня 1942 г. Сегодня в Беринговом проливе американским патрульным судном был обнаружен китобойный корабль «Альбатрос». Военные власти получили удивительный отчет о том, что палуба и борта шхуны имеют повреждения, которые не могли быть вызваны ни бомбами, ни торпедами, ни снарядами, ни каким-либо другим видом оружия, а какой-то неизвестной силой. Камбузная печь в момент обнаружения была теплой. В том районе в течение трех недель штормов не было. Объяснений случившемуся не последовало.

«Альбатрос» под командованием капитана Фрэнка Уорделла вышел из порта на западном побережье Америки в начале марта, имея на борту экипаж в составе восемнадцати человек. Никого из них обнаружить не удалось».

Капитан «Альбатроса» без особой радости вспоминал о трех месяцах без толку потраченных

в поисках китов. Он начал осторожно вводить шхуну в укромную бухту в северной части Аляски, когда увидел на мелководье вблизи берега подводную лодку.

В это мгновение он потерял сознание. Когда он пришел в себя, его рефлексы автоматически уже успели сработать. Указатель машинного телеграфа встал на «ПОЛНЫЙ НАЗАД», а в голове уже ясно представлялся простой план.

Он уже открыл было рот, чтобы закричать рулевому, но тут же снова закрыл его, сам подошел к штурвалу и умелыми движениями развернул корабль вдоль лесистого мыса. С лязгом якорь пошел вниз, послышался всплеск воды, эхом откликнувшись в безветренном утреннем воздухе.

Потом воцарилась тишина; поверхность Северного моря нарушал только тихий плеск беспокойных вод, мягко ударявших о корпус «Альбатроса», тогда как дальше, на мелководье, волны возрастали, и время от времени слышался гул, когда какая-нибудь огромная волна с яростью накатывалась белой пеной на торчащую скалу.

Уорделл, возвратившись на маленький мостик, стоял совершенно неподвижно, позволяя своему сознанию отрешиться от всяких мыслей… Он прислушивался.

Но ни один незнакомый звук не доносился до его слуха, и, как он ни напрягал свой слух, не раздавалось ни шума дизельных двигателей, ни едва заметного гудения мощных электрических моторов. Тогда он начал дышать более спокойно. Он увидел первого помощника, которого звали Приди, тот бесшумно проскользнул к нему.

Приди тихо произнес:

— Не думаю, что они заметили нас, сэр. Ни видно ни одной души. Кроме того, они, по всей видимости, не собираются погружаться.

— Почему ты так думаешь?

— А вы разве не заметили, сэр, что у них нет боевой рубки? Наверное, ее оторвало взрывом.

Уорделл промолчал, пораженный тем, что сам не обратил на это внимания. То смутное восхищение, которое начало охватывать его, когда он с таким спокойствием управлял кораблем, исчезло.

В голове мелькнула еще одна мысль, и он нахмурился из-за постыдного намерения утаить другие доказательства своей ненаблюдательности. Но все же он ворчливым тоном начал:

— Забавно, что сознание запечатлевает предметы, не существующие в действительности. — Он замолчал на несколько секунд, потом продолжал:

— Я даже не заметил, повреждено у них палубное орудие или нет.

В этот раз промолчал помощник. Уорделл бросил быстрый взгляд на его вытянутое лицо и понял, что помощник тоже пытается скрыть ту же смесь потрясения и раздражения, что было у него самого, и он быстро произнес:

— Мистер Приди, созывайте людей.

С сознанием собственной значимости Уорделл спустился на палубу. С огромной осторожностью он начал осматривать противолодочное орудие, что стояло рядом с гарпунной пушкой. Он слышал, как сзади собирались люди, но не поворачивался до тех пор, пока они не стали беспокойно переминаться с ноги на ногу.

И тогда он обернулся и посмотрел на них, переводя взгляд с одного грубого обветренного лица на другое. Пятнадцать мужчин и юнга: почти весь экипаж, кроме механика-моториста и его помощника — и каждый из них выглядит оживленным, выдернутым из лап скуки, которая за последние три месяца наложила свой заметный отпечаток на всю команду.

В голове Уорделла промелькнули воспоминания о долгих годах, которые он провел с некоторыми из этих людей; он кивнул удовлетворенно

самому себе и начал:

— Похоже, мы наткнулись на поврежденную японскую подлодку. Ваш долг понятен. Военные оснастили нас трехдюймовой пушкой и четырьмя пулеметами, и…

Он замолчал, хмуро глядя на одного из ветеранов.

— В чем дело, Кеннистон?

— Прошу прощения, капитан, но эта штука — вовсе не подлодка. Я служил в военном флоте в восемнадцатом году и с первого взгляда могу определить, взорвана там боевая рубка или нет. Знаете, у этого судна борта вроде бы покрыты темной чешуей… неужели вы не заметили этого? Да, сэр, мы наткнулись здесь на *нечто,* но это вовсе не подлодка.

Из-за каменистой гряды, где он залег со своей небольшой экспедицией, Уорделл внимательно изучал странный корабль. Чтобы добраться до этого наблюдательного пункта, понадобилось совершить долгий и удивительно трудный переход, который занял больше часа. И теперь, когда он здесь, что же он видит?

В бинокль он хорошо рассмотрел судно: сигарообразный, остроконечный корпус из сплошного металла лежал неподвижно на мелководье. В

небольших волнах, накатывавших на берег залива, переливались лучи солнца. Не было видно никаких признаков жизни. Тем не менее…

Уорделл неожиданно замер, осознав свою ответственность за всех этих шестерых людей, находившихся сейчас рядом с ним, у двоих из которых были драгоценные пулеметы, и за остальных, оставшихся на шхуне.

Это какой-то чужеродный корабль, его длина просто огромна, вдруг понял он, и от этой мысли по телу побежали мурашки. Темный чешуйчатый металлический корпус. Сзади кто-то нарушил тишину этих безжизненных скал:

— Если бы только у нас был радиопередатчик! Во что бы превратил бомбардировщик эту цель! Я…

Уорделл лишь смутно осознавал, почему голос вдруг перестал доходить до сознания. Он упорно думал: «Два пулемета против *этого*. Или, вернее (даже помимо воли он вынужден был признать мысленно огромную силищу, против которой они сейчас выступили), четыре пулемета и одна трехдюймовая пушка. В конце концов, придется применить все вооружение, имеющееся на «Альбатросе», хотя шхуна и находится очень далеко. Он…»

Мысли его оборвались. Он вздрогнул, заметив на плоской темной палубе движение: большая металлическая плита повернулась, потом резко откинулась, словно отброшенная пружинами, силу которых ничто не могло сдержать. Через люк выбралась какая-то фигура.

И это была фигура… *какого-то зверя*. Тварь выпрямилась на ороговелых сверкающих ногах, и в лучах утреннего солнца блеснула чешуя. Одна из четырех рук сжимала хрустальный предмет плоской прямоугольной формы; другая — небольшую вещицу с тупым концом, которая в ослепительных солнечных лучах сверкала малиновым отблеском. В остальных двух руках ничего не было.

Чудовище стояло под теплыми лучами земного солнца на фоне чистого сине-зеленого моря, высокомерно откинув назад голову на короткой шее, с такой гордостью и уверенностью, что Уорделл ощутил боль в затылке.

— О Господи! — хрипло прошептал кто-то. — Да стреляйте же в это!

Скорее сам голос, а не смысл слов заставил среагировать ту часть мозга Уорделла, которая управляла его голосовыми связками.

— Стреляйте! — пронзительно выкрикнул

он. — Фрост!

Уизерс!

Тра-та-та! Пулеметы ожили, и эхо очередей разорвало девственную тишину бухты.

Фигура, которая, проворно ступая, направилась было вперед по изгибающейся палубе в противоположном берегу направлении, ясно показывая при каждом шаге свои перепончатые лапы, внезапно остановилась, повернулась и… посмотрела вверх.

Глаза, зеленые и горящие, какие бывают у кошки, когда она испепеляющим взглядом смотрит на тебя из темноты, казалось, глядели прямо на Уорделла. Капитан почувствовал, как мышцы свело судорогой; ему захотелось резко вскочить и скрыться за уступом, однако он не в состоянии был пошевелиться даже под угрозой смерти.

Этот паралич, наверное, поразил каждого моряка: пулеметы прекратили стрельбу — и воцарилась неестественная тишина.

Желто-зеленая рептилия быстро задвигалась. Она помчалась обратно клюку. Оказавшись возле отверстия, она наклонилась, как бы собираясь прыгнуть вниз головой, словно таким образом быстрее можно скрыться внутри.

Но вместо этого тварь передала хрустальный

предмет, который был в ее одной руке, кому-то, кто находился внизу, после чего она выпрямилась.

Люк с грохотом захлопнулся, рептилия осталась одна на палубе, и все пути для спасительного бегства теперь были отрезаны.

На какую-то долю секунды все замерло — застывшие фигуры на фоне спокойного моря и темного, почти пустынного берега. Бестия стояла, замерев как вкопанная с откинутой назад головой, горящими глазами, уставившимися на людей, прятавшихся за уступом.

Уорделлу эта поза не показалась раболепствующей. Внезапно чудовище выпрямилось и запрыгало по-лягушачьи, а потом сложилось, как прыгун, входящий в воду. После соприкосновения с водой последовал только слабый всплеск. Когда сверкающие круги потревоженной воды исчезли, бестии нигде не было видно.

Люди ждали.

— То, что уходит в глубины, — наконец сказал Уорделл голосом, в котором чувствовалось едва заметное дрожание, — потом всплывает наверх. Только одним Небесам известно, что это такое, но держите оружие наготове.

Медленно проходили минуты. Слабый бриз,

который слегка тревожил поверхность вод залива, совсем стих; и теперь перед ними тянулось ровное, сверкающее стеклянным отблеском покрывало, чья гладь разрывалась лишь вдали у узкого перешейка, соединявшего залив с морем.

Через десять минут Уорделл беспокойно пошевелился, устав лежать в одной позе. Когда истекла двадцатая минута, он встал.

— Мы должны возвращаться на корабль, — напряженно произнес он. — Эта тварь не для нас.

Спустя пять минут они медленно побрели вдоль берега, когда начался переполох: послышались отдаленные крики, потом длинные пулеметные очереди, после чего — тишина.

Все это доносилось с той стороны, где стояла шхуна, которую они сейчас не могли видеть за деревьями, росшими в полумиле от берега.

Уорделл рычал на бегу. И раньше было нелегко идти по этой местности. А сейчас же, передвигаясь Прыжками и спотыкаясь, он испытывал постоянную боль. Дважды уже в первые минуты он грузно падал.

После второго падения он очень медленно встал и подождал отставших запыхавшихся товарищей. «Бежать больше не обязательно, — внезапно с ошеломляющей ясностью понял он, — то, что

произошло на судне, *уже* случилось».

Осторожно Уорделл стал прокладывать путь через нагромождение скал. Он яростно проклинал себя за то, что оставил «Альбатрос». И особенно за саму мысль выступить на хрупком деревянном корабле против бронированной подлодки.

Тем более что, как выяснилось, это оказалась вовсе не подлодка.

Его сознание пасовало перед простой догадкой того, с чем же они столкнулись.

Несколько секунд он пытался посмотреть на себя со стороны — пробиравшегося по бесплодному каменистому берегу залива для того, чтобы увидеть то, что эта… ящерица сделала с его кораблем. И не мог. Картина распадалась на отдельные фрагменты, которые ему не удавалось сложить воедино. Она даже отдаленно не напоминала ту привычную ткань жизни, которая плетется вереницей спокойных дней и вечеров, которые он проводил на мостиках кораблей, то ли просто сидя, то ли раскуривая свою трубку, безмятежно созерцая море.

Еще более смутной и несвязной представлялась картина мира, где он играл в покер и громко смеялся в окружении женщин с нахальными глазами, что составляло его жизнь во время тех

коротких месяцев, которые он проводил на берегу, веселая и бесцельная жизнь, которую он всегда без всякого сожаления покидал, когда наступала пора снова выходить в море.

Отбрасывая от себя эти смутные бесполезные воспоминания, Уорделл сказал:

— Фрост, возьми Блейкмана и Макканна — заберите канистры с водой. Дэнни должен был уже наполнить их. Нет, пулемет оставьте у себя. Я хочу, чтобы вы остались там с канистрами, пока я не пришлю еще людей. Мы заберем воду, после чего будем сматываться отсюда.

Приняв это решение, Уорделл почувствовал себя лучше. Он возьмет курс на юг к военно-морской базе; а потом другие, лучше оснащенные и подготовленные люди займутся эти кораблем-чужаком.

Если только его корабль находится все еще там неповрежденным — именно этого он боялся, чувствовал неуверенность. И какое же облегчение он испытал, когда, взобравшись на последний и самый крутой холм, увидел, что корабль стоит на месте стоянки. В бинокль он увидел фигуры людей на палубе. И последний груз тревоги свалился с его души: все было в порядке.

Но, конечно, что-то случилось. Через несколько

минут он узнает…

Некоторое время казалось, что он никогда не поймет, что же ему пытаются рассказать. Когда он взобрался на борт корабля, его обступили люди, более уставшие, чем он смел себе признаться, и каждый начал что-то возбужденно говорить, так что он ничего не мог разобрать.

Наконец он понял, что речь идет о каком-то чудовище, «похожем на лягушку размером с человека», взобравшемся на борт судна. Что-то еще о машинном отделении и о механике с мотористом, которые, проснувшись…

В конце концов Уорделл, в замешательстве рявкнув басистым голосом, положил конец этому безумию.

— Мистер Приди, есть ли жертвы? — спросил капитан хриплым голосом.

— Нет, — ответил помощник, — хотя Рузерфорд и Кресси все еще в шоке.

Сообщение о механике и его помощнике было невразумительным, но Уорделл не обратил на него внимания.

— Мистер Приди, отправьте на берег шесть человек, чтобы они помогли доставить на судно воду. После этого поднимитесь ко мне на мостик.

Спустя несколько минут Приди представил

Уорделлу полный отчет о случившемся. Услышав пулеметные очереди отряда Уорделла, все моряки собрались у левого борта шхуны и оставались там.

Мокрые следы, оставленные существом, показали, что забралось оно с правого борта. Впервые его увидели стоящим у бакового люка, спокойно рассматривающим орудия на носу.

Затем тварь храбро направилась вперед, сознавая о девяти парах глаз, пялящихся на нее, судя по всему, прямо к орудиям, однако внезапно развернулась и, подбежав к борту, прыгнула за борт. После чего заговорили пулеметы.

— Не думаю, чтобы мы попали, — признался Приди.

Уорделл задумался.

— Я не уверен, — начал он, — что наши пули могут причинить вред твари. Она… — Капитан оборвал свою мысль. — Какого черта я это говорю? Ведь она убегает всякий раз, когда мы открываем огонь. Но продолжай.

— Тогда мы обошли весь корабль и обнаружили Рузерфорда и Кресси. Они были без сознания и не помнили о твари. Впрочем, механик доложил, что никаких повреждений нет… ну и это все.

«И этого достаточно», — подумал Уорделл,

однако вслух ничего не сказал. Он некоторое время постоял, представляя у себя в голове эту желто-зеленую ящерицу, взбирающуюся на борт его судна. И содрогнулся. «Чего этой проклятой твари было надо?»

Солнце уже почти поднялось в зенит, когда на борт корабля доставили последнюю канистру с водой и был поднят якорь.

Взойдя на мостик, Уорделл со вздохом облегчения наблюдал за тем, как шхуна отходит от белопенного мелководья, направляясь в глубокие воды. Капитан толкнул рукоятку машинного телеграфа на «полный вперед», но дизели зачихали и вскоре смолкли.

«Альбатрос» по инерции еще некоторое время двигался, медленно покачиваясь с борта на борт. В смутно освещенном машинном отделении Уорделл обнаружил Рузерфорда, который пытался поджечь спичками лужицу солярки на полу.

То, что он делал, было настолько безумным, что капитан остолбенел при этом зрелище, не в силах вымолвить ни слова.

Но горючее не желало зажигаться. Рядом с золотистой лужицей уже валялось четыре обгорелых спички.

— Черт побери! — воскликнул наконец Уор-

делл. — По-твоему, эта *тварь* добавила в наше горючее что-то, отчего…

Он не смог закончить фразу, да ответ к не нужен был. Но, наконец, не поднимая глаз, механик глухо ответил:

— Кэп, я вот все пытаюсь понять. Для чего мы понадобились здесь этой своре ящериц?

Уорделл вернулся на палубу, ничего не ответив. Вдруг засосало под ложечкой. Но он не обманывал себя, что это от голода — никогда у него не возникало таких ощущений в пустом желудке.

Уорделл ел, едва ли замечая, что именно, потом вышел на свежий воздух, чувствуя себя неповоротливым и сонным. Подъем на мостик отнял все силы. Несколько секунд он простоял, глядя в направлении узкого пролива, ведущего в бухту.

И тут он сделал открытие: в те недолгие минуты, что дизели работали на топливе, оставшемся в трубопроводе, «Альбатрос» передвинулся поближе к темному кораблю, и сейчас тот был хорошо виден вдалеке.

Уорделл сонными глазами уставился на молчаливый корабль чужаков, потом оглядел береговую линию в бинокль. Наконец он вернул свое внимание к палубе перед собой — и едва не подпрыгнул.

Там была *тварь*, спокойно согнувшаяся над гарпунной пушкой, ее чешуйчатое тело блестело, как мокрая шкура огромной ящерицы. У ее ног образовалось несколько маленьких темных лужиц, которые потекли к голове гарпунщика Арта Зоута. На вид он был мертвее мертвого.

Если незваный гость был человеком, то Уорделл не сомневался, что он смог бы заставить свои парализованные мышцы сократиться и выхватить револьвер, висевший на поясе. Или если бы эта тварь была дальше, чем в тот раз, когда он впервые увидел ее.

Но до нее сейчас было меньше двадцати пяти футов, и он не мог отвести взгляда от блестящего рептилеподобного чудовища, имевшего четыре руки и ноги, защищенные чешуйчатым панцирем, и из глубин памяти пришла мысль, что перед этим пулеметные пули не смогли причинить ей никакого вреда и…

Со спокойным безразличием к вероятным наблюдателям рептилия попыталась вытащить гарпун, торчавший из ствола китобойной пушки. Через несколько секунд она оставила эти попытки, подошла к пушке со стороны казенника и начала копошиться там. Малиновый предмет, который тварь держала в руке, вспыхивал алыми

отблесками, когда волна смеха и голосов разорвала тишину полудня.

В следующую секунду дверь камбуза распахнулась и дюжина людей вышла на палубу. Массивный деревянный полубак скрывал чудовище от них.

Они несколько секунд постояли, и эхо их громкого смеха пронеслось по воздуху над вечно холодным морем.

В каком-то оцепенении Уорделл прислушивался к неприличным шуткам, еще более непристойным ругательствам и подумал: «Да они просто дети! Ведь им отлично известно, что эти невероятные существа сделали неподвижным их судно, но это до сих пор еще не дошло до их сознания. В противном случае они бы не вели себя так беспечно, в то время как…»

Уорделл оборвал эту мысль, поражаясь тому, что он позволил ей отвлечь на одну секунду его внимание. Резко выдохнув, он выхватил револьвер и навел его на неприкрытую спину ящерицы, которая сейчас согнулась над тяжелым темным канатом, соединяющим гарпун с кораблем.

Интересно, что после выстрела последовало мгновение полной тишины. Ящерица медленно выпрямилась и полуобернулась в раздражении.

А потом…

Люди закричали. Пулемет на «вороньем гнезде» залился короткими истеричными очередями, которые, не попадая ни в палубу, ни в рептилию, вспенивали белые воды у носа шхуны.

Уорделл страшно разозлился на этого чертового дурака. В ярости запрокинув голову, он закричал стрелку, чтобы тот научился стрелять точнее. Когда он снова посмотрел на палубу, бестии там уже не было.

Слабый всплеск воды пробился сквозь дюжину других звуков; в ту же секунду загрохотали подошвы ботинок моряков, бросившихся к поручням. Экипаж рассматривал воды, а стоявшему над ними Уорделлу показалось, что он заметил желто-зеленое сияние в глубинах, однако сразу же это пятно смешалось с зелено-серой синевой Северного моря.

Уорделл стоял совершенно неподвижно, чувствуя холодок под сердцем от нереальности происходящего. Его пистолет не дрогнул. Он не мог промахнуться. Но ничего не случилось после выстрела.

Холодная лапа, стиснувшая сердце, немного отпустила, когда он увидел, как Арт Зоут, целый и невредимый, покачиваясь встал с палубы.

«Живой! Добрый старый Арт! Требуется нечто большее, чем какая-то подлая ящерица, чтобы убить такого человека!»

— Арт! — пронзительно закричал Уорделл, не в силах справиться с охватившим его невероятным возбуждением. — Арт, наведи трехдюймовую пушку на эту сублодку. Утопи эту проклятую штуку. Мы научим этих сволочей…

Первый снаряд не долетел до цели. Он только поднял брызги в ста ярдах от далекого металлического корпуса. Второй тоже разорвался слишком далеко, поразив лишь серые камни на берегу.

Третий точно попал в цель. Как и следующие десять. Это была отличная стрельба, но потом Уорделл беспокойно крикнул вниз:

— Хватит. Похоже, снаряды не могут пробить корпус — я не вижу никаких отверстий. Лучше прибережем их на крайний случай. Кроме того…

Он замолчал, боясь высказать мысль, которая только что пришла ему на ум: пока что эти существа с загадочного судна не причинили им никакого вреда, а экипаж «Альбатроса» только и делает, что поливает их огнем. Конечно, он помнил о том, что они сделали их топливо бесполезным для использования да плюс еще то любопытное изучение их китобойной пушки

— ведь тварь забралась к ним на борт только с этой единственной целью. И тем не менее....

Он и Приди обсуждали это тихими голосами, в которых ощущалось замешательство, весь туманный полудень и прохладный вечер, в конце концов решив ночевать с запертыми люками под охраной часового на «вороньем гнезде».

Уорделла разбудили возбужденный вопль. Солнце только поднялось над горизонтом, когда он выбрался на палубу полуодетый. Он успел заметить, переступая порог, что крышка люка аккуратно откинута.

Нахмурив брови, он присоединился к небольшой группе людей, собравшихся вокруг пушек. Комендор Арт Зоут сердито показал на повреждённую гарпунную пушку.

— Гляди, капитан, эти сволочи отрезали наш гарпунный канат и подсунули нам какую-то медную проволочку или черт знает что. Посмотри на эту дрянь.

Уорделл тупо взял протянутую ему проволоку. Все это казалось бессмысленным. Он услышал, как комендор продолжал:

— И эту чертову дрянь они запихнули также и в оба оставшихся гарпунных комплекта, которые теперь годятся только для подметания на

топ-мачте. Они понаделали отверстий в палубе и, пропустив проволоку через них, привязали к шпангоуту. Ничего плохого в этом не было бы, будь эта дрянь хороша, но эта проволочка… черт!

— Дайте мне кусачки, — процедил Уорделл. — Мы начнем убирать ее, и…

Но, удивительное дело, кусачки не смогли перерезать проволоку. Он напряг все силы, но проволочка, кажется, лишь слегка засветилась, хотя, возможно, это был зрительный обман. Сзади кто-то произнес тихим голосом:

— Мне кажется, нам предлагают сделку. Но на какого же кита они нас готовят?

Уорделл стоял совершенно неподвижно, пораженный странным смыслом этих слов: *«На какого же кита они нас готовят?»*

Он выпрямился, приняв решение.

— Друзья, — сказал он громко, — давайте позавтракаем. Нам ничего другого не остается, как идти напролом.

Уключины скрипели, вода тихо плескалась о борт шхуны… и с каждой минутой Уорделлу их положение нравилось все меньше и меньше.

И тут до него дошло, что шхуна направляется вовсе не прямо к подлодке, а под углом и на палубе ее можно было рассмотреть очертания

какого-то предмета.

Уорделл поднял бинокль — и тут же замер, не в силах пошевелиться от изумления. Да, действительно, он не ошибся, там была… *гарпунная пушка.*

Сомневаться не приходилось! Такой же формы, они даже не изменили конструкцию, длину гарпуна и… «Постой! А какой же у них канат?»

Он различил игрушечных размеров барабан с медным отблеском, который все рассказал ему.

«Они дали нам, — подумал Уорделл, — канат, такой же крепкий, как у них, который выдержит что угодно. — И снова по телу его пробежали мурашки, и он вспомнил фразу моряка: *«На какого же кита…»».*

— Ближе! — отдал команду он хриплым голосом.

Уорделл лишь смутно осознавал, что то, что он делает, — простое безрассудство. «Осторожно, — сказал он себе, — слишком много идиотов уже жарятся в аду. Такая идиотская храбрость…»

— Ближе! — повторил он.

В пятидесяти футах от них темнел длинный корпус корабля и была ясно различима даже подводная его часть; не было видно ни малейшей царапины от разрывов снарядов, которыми они

осыпали чужеродное судно, ни каких-либо следов повреждений.

Уорделл открыл рот, чтобы отдать приказ, намереваясь под прикрытием пулеметов забраться на борт корабля, но тут раздался громовой раскат.

Он был похож на какой-то катаклизм — словно одна за другой заговорили чудовищные пушки. Грохот эхом отразился от бесплодных холмов и стал перекатываться по естественной чаше залива.

Длинный корабль, имеющий форму торпеды, тронулся с места. Быстрее, быстрее… Он сделал огромный полукруг. Языки пламени вонзились в воду за кормой. А потом, оставив позади шлюпку, он направился в сторону узкого пролива, ведущего в открытое море.

Внезапно рядом с кораблем поднял брызги первый разорвавшийся снаряд, за ним последовал второй и третий. Уорделл заметил вспышки пламени, вырывавшиеся Из ствола трехдюймовой пушки, установленной на далекой палубе «Альбатроса». Вне всякого сомнения, Арт Зоут и Приди решили, что сейчас настал критический момент.

Но чужой корабль не обращал на выстрелы никакого внимания и продолжал двигаться сво-

им курсом к выходу из залива, рассекая волны между разрывами снарядов. Когда он оказался в глубоких водах на расстоянии мили от шхуны, выстрелы прекратились. Небо не сотрясали грохочущие раскаты. Корабль продвинулся еще немного по инерции, а потом остановился.

И остался там, молчаливый и безжизненный, как в самом начале, выделяясь темными очертаниями на фоне беспокойных волн. Арт Зоут, несомненно, понял всю бессмысленность дальнейшей стрельбы.

В воцарившейся тишине Уорделл слышал тяжелое дыхание гребцов. Шлюпка дергалась при каждом ударе весел и продолжала покачиваться, когда все еще не успокоившиеся воды залива ударяли по бокам…

Вернувшись на судно, Уорделл вызвал к себе Приди. Он налил два стакана, одним глотком выпил свой и произнес:

— Вот мой план: мы снарядим небольшую шлюпку и отправим трех человек вдоль побережья за помощью. Очевидно, что мы не можем долго играть в кошки-мышки здесь, не зная правил игры. И недели не пройдет, как трое здоровых мужика доберутся до полицейского кордона на Мысе, а может, понадобится и меньше времени.

Что скажешь?

Ответить Приди не успел: неожиданно распахнулась дверь и в комнату бесцеремонно ворвался человек, державший в руках какие-то два темных предмета. Он пронзительно закричал:

— Смотрите, капитан, что одно из этих чудовищ только что забросило к нам на борт: плоскую металлическую пластину и пакет с чем-то. Она исчезла прежде, чем мы даже смогли увидеть ее.

…Внимание Уорделла привлекла металлическая пластина: она показалась ему совершенно бессмысленной. Толщиной она была в полдюйма, в десять дюймов длиной и в восемь — шириной. Одна ее сторона была серебристого металлического цвета, а другая — черного.

Вот и все. После этого Уорделл увидел, что Приди поднял пакет и открыл ее.

— Смотри, кэп! — выдохнул помощник. — Здесь фотография машинного отделения, нарисована стрелка, направленная на бак с горючим… и какой-то серый порошок. *Наверное, он восстанавливает солярку.*

Уорделл отложил металлическую пластину и протянул руку, чтобы взять пакет. Однако остановился, когда до него внезапно дошла вся необычность черноты этой пластины.

Она была трехмерной. Поражала невероятная глубина пластины. И это бросилось ему в глаза. В бархатной полнейшей темноте вспыхнули яркие точки света.

И пока Уорделл смотрел на них… картина изменилась. Что-то выплыло со стороны верхней части, приблизилось и проявилось на фоне тьмы в виде крошечного животного.

«О Господи, — подумал Уорделл, — это же фотография, нечто вроде фотографии с меняющимся изображением».

От следующей мысли он поежился: «Только фотография *чего?*»

Животное выглядело совсем крохотным, но даже для его глаз, много чего повидавших, оно казалось самым ужасным зверем, которое он когда-либо видел. У этой отвратительной карикатуры на живое существо, которая могла возникнуть только в безумной фантазии какого-нибудь сумасшедшего, было множество лап, длинные тело и рыло.

Уорделла передернуло — тварь стала увеличиваться в размерах, вот уже занимает половину этой фантастической пластинки, и все равно создавалось впечатление, словно съемка ведется с большого расстояния.

— Что это такое? — услышал он шепот Приди за спиной.

Уорделл не ответил: действие разворачивалось перед их глазами.

Только так и могла начаться схватка с демоническим существом Блалом (как это всегда и происходило) — неожиданно. Резкий энергетический удар поразил безинерциальный патрульный корабль, но когда автоматическая защитная система нанесла ответный лучевой удар, было уже слишком поздно, и корабль начал беспомощно вращаться в космическом пространстве.

Чудовище появилось в верхней части обзорного экрана, и от его толстой головы тянулся тонкий оранжевый луч. Командор Рэл Дорно застонал, когда увидел, что этот оранжевый луч вонзился в белый сверкающий энергетический экран патрульного корабля… и что длится это достаточно долго, чтобы уничтожить судно.

— Великий Космос! — пронзительно завопил он. — Мы не успели вовремя ударить по его Накопителям! Мы не…

Маленький корабль встряхнуло от кормы до носа. Огни замигали и погасли, коммуникатор подозрительно загудел и замолчал. Беззвучная

работа могучих атомных двигателей сменилась хриплым прерывистым кашляньем, после чего и они отключились.

Космический корабль начал падать.

Из-за спины Дорно раздался чей-то голос — Сенны, — крикнувшего с облегчением:

— Его Накопители почернели. Мы все же сбили их. Оно тоже падает.

Дорно не ответил. Вытянув перед собой все четыре чешуйчатые руки, он ощупью пробрался от бесполезного обзорного экрана к ближайшему иллюминатору и начал с хмурым видом вглядываться в темноту за бортом.

Трудно было разглядеть что-нибудь в ярких лучах солнца этой планетной системы, но наконец ему удалось различить пулеобразные очертания стофутового чудовища. Злобная десятифутовая пасть то открывалась, то захлопывалась, словно огромный стальной капкан. Лапы, закованные в броню, ощетинились когтями, пронизывая пустое пространство; длинное тяжелое тело изгибалось в колоссальной работе мышц.

Кто-то скользнул в темноте к нему. Не поворачиваясь, Дорно напряженно произнес:

— Да, мы действительно попали по его Накопителям. Но оно все еще живое. Сопротивление

атмосферы планеты, что под нами, замедлит его падение, так что оно не погибнет, а только потеряет на некоторое время сознание. Мы должны попытаться использовать наши ракеты, чтобы не приземлиться в пятистах *негах* от этой твари. Нам понадобится не меньше пятьсот *ланов*, чтобы отремонтировать корабль, и…

— Командор… что это?

Слова эти прозвучали почти шепотом — такими робкими они были. Дорно узнал голос — это была новенькая, Корлисс, его нынешняя жена.

Он еще не привык к тому, что жена у него не Яросан. Лишь через несколько секунд до него дошло, что с ним нет ветерана многих экспедиций. Но Яросан воспользовалась привилегией женской части Патруля.

«Я приближаюсь к возрасту, когда мне надо иметь детей, — заявила она ему, — и, поскольку по закону только один из них может быть твоим, то я хочу, чтобы ты, Рэл, нашел себе какую-нибудь симпатичную практикантку и женился на ней на время двух твоих последующих экспедиций…»

Дорно не спеша повернулся, слегка раздраженный мыслью, что кто-то на борту еще не понял, что происходит. Он отрывисто бросил:

— Эта дьявольская тварь, именуемая Блал, —

дикий зверь с IQ, равным 10. Он устраивает себе логово в неисследованных внешних планетных системах, где эти чудовища еще не истреблены. Он необычно свиреп; в его голове есть орган, который называют Накопителем, ибо он вырабатывает огромной мощности энергию.

Естественное назначение этой энергии — обеспечивать передвижение твари. К сожалению, когда Блал в движении, то любая машина, оказывающаяся поблизости и работающая на субмолекулярных силах, вступает во взаимодействие с ее органического происхождения силой. Чудовище медленно и долго перекачивает в себя энергию, а потом требуется значительное время и терпение, чтобы атомный или электрический двигатель снова заработал.

Нашей автоматической защите удалось уничтожить Накопители энергии Блала как раз в тот момент, когда он достал нас. Теперь мы должны уничтожить и его тело, но мы не можем сделать это, пока не будет снова действовать наше энергетическое оружие. Все понятно?

Карлисс, женщина из рода Сахфид, неуверенно кивнула. Затем спросила:

— Что, если он живет на планете под нами? А если там есть и другие? Что тогда?

Дорно вздохнул.

— Моя дорогая, — начал он, — существует правило, согласно которому каждый член экспедиции обязан познакомиться со сведениями о любой системе, даже если корабль пролетает мимо…

— Но ведь мы увидели это солнце всего лишь *пол-лана* назад.

— На экранах оно появилось еще три *лана* назад… но это неважно. Населенной в этой системе является лишь одна планета — находящаяся под нами. Лишь двадцатая часть ее поверхности — суша, и ее колонизировали теплокровные человеческие существа с Водеска. Саму планету эти люди называют Земля, и им еще предстоит разработать теорию межзвездных путешествий.

Я могу сообщить тебе несколько астрографических фактов, включая и тот, что дьявольская бестия Блал предпочитает не появляться вблизи таких планет, потому что здесь слишком высокая восьмикратная гравитация, а также в атмосфере находится кислород. К сожалению, даже несмотря на физическую и химическую несовместимость, чудовище выживет, и это представляет огромную, можно даже сказать, абсолютно смертельную опасность.

Блал способен ощущать только одно чувство — ненависть. Мы уничтожили его главный органический источник энергии, но в действительности вся его нервная система является аккумулятором энергии. Во время охоты он преследует метеориты, мчащиеся со скоростью в несколько десятков миль в секунду. Чтобы отыскивать их след, существо в давние времена выработало в себе способность настраивать себя на любое материальное тело.

Из-за боли, которую мы ему причинили, он настроен на нас после первого обмена энергиями; так что сразу же после приземления он независимо от дальности расстояния он направится в нашу сторону. Поэтому необходимо отремонтировать наш дезинтегратор до того, как он доберется до нас. Иначе…

— Но разве он может как-нибудь навредить металлитовому корпусу космического корабля.

— Не только может, но, будь уверен, и сделает это. У него не обычные клыки: из его пасти вырываются лучи энергии, и они расплавят любой металл, даже самые твердый. Можешь представить себе, какие неисчислимые бедствия принесет он Земле после расправы с нами, прежде чем Патруль узнает о случившемся здесь…

а я ведь еще не упоминал о том факте, что, по мнению галактических психологов, для юной цивилизации будет катастрофой узнать о существовании Галактической сверхцивилизации.

— Я знаю, — энергично закивала Корлисс. — Существует закон, согласно которому мы должны убить любого аборигена, узнай он, пусть даже случайно, о нашем существовании.

Дорно согласно хмыкнул и хмуро закончил:

— Поэтому наша самая главная проблема — приземлиться достаточно далеко от чудовища, чтобы при этом успеть и защитить себя, и уничтожить его до того, как он воспользуется своими разрушительными способностями, и, кроме того, сделать так, чтобы нас не видел никто из людей.

А сейчас, я думаю, тебе будет интересно наблюдать за мастерством Сенны, когда он с помощью ракетных дюз осуществит аварийную посадку. Он…

В открытых дверях рубки мелькнул свет. Вошедший Фахфид был выше даже здоровяка Доно. В руках он нес глобус, светившийся интенсивным светом.

— У меня плохие новости, — начал Сенна. — Ты должен помнить, что во время преследования преступников с Кьева, мы израсходовали наше

ракетное топливо и не успели перезаправиться. Так что во время посадки мы будем ограничены маневрированием.

— Что-о-о! — вскричал Дорно и обменялся встревоженным взглядом с женой.

Даже после ухода Сенны он продолжал молчать. Говорить-то и *было* не о чем: это была катастрофа.

Они упорно и с тихой яростью принялись за работу — он, Дорно, Корлисс, Сенна со своей женой Деджель. Прошло четыре *лана*, все фильтры отремонтировали, и теперь оставалось только ждать со страхом, когда же наконец все электронные связи придут в порядок. Дорно сказал:

— Некоторые из вспомогательных двигателей, бесполезное ручное оружие и станки в ремонтном отсеке придут в норму до появления демона Блала. Но это мало чем нам поможет. Должно пройти четыре суточных периода этой планеты прежде, чем снова заработают тяговые двигатели и дезинтеграторы… Кажется, сейчас наше положение совсем безнадежно.

Конечно, мы могли бы применить что-то вроде реактивного оружия, используя остатки нашего ракетного топлива, но боюсь, что этим мы только еще больше раздразним чудовище.

Он пожал плечами.

— Судя по нашим последним наблюдениям, чудовище приземлится примерно в сотне *негов* к северу от нас; отсюда следует, что мы должны ожидать его появления уже завтра. Мы…

В этот момент зазвучал сигнал молекулярной тревоги. Спустя несколько минут они следили за продвижением шхуны по узкому проливу, которая затем поспешно развернулась. Лишенные век глаза Дорно, не мигая и задумчиво, наблюдали за китобоем, пока тот не исчез из виду.

Он несколько минут молчал, разглядывая сделанные приборами фотографии, работавшие на химической основе, почему и не пострадали во время катастрофы, в отличие от всех остальных систем корабля. Наконец он произнес, растягивая слова:

— Не уверен, но, кажется, нам повезло. Увеличенные снимки показывают, что на борту этого судна есть две пушки и что из ствола одной из них торчит острый двусторонний крюк — и это натолкнуло меня на одну мысль. В случае необходимости мы должны использовать остатки нашего ракетного топлива, чтобы оставаться вблизи этого корабля, пока я буду находиться на нем и проводить исследование.

— Береги себя! — озабоченно воскликнула Корлисс.

— Моя невидимая броня, — сказал ей Дорно, — защитит меня от всего, кроме прямого попадания пушечного снаряда…

Его удивил контраст между теплыми лучами ослепительного солнца и пронизывающе холодной водой. Боль в жабрах была мучительной, но даже беглого осмотра гарпунной пушки ему хватило, чтобы понять, что его усилия оказались не напрасными.

— Какое замечательное оружие, — сказал он своим спутникам, возвратившись на патрульный корабль. — Конечно, против Блала понадобится более мощный заряд и более качественный материал для каждой детали конструкции. Мне придется еще раз побывать на судне, чтобы сделать замеры и установить новое оборудование. Но все это особых трудностей не представит. Тем более что я нейтрализовал их топливо.

Он закончил:

— Потом его придется восстановить — когда придет время. Им понадобится свобода маневра при появлении с Блалом.

— Но они будут сражаться? — спросила Корлисс.

Дорно невесело улыбнулся.

— Моя дорогая, — начал он, — вот это-то мы не можем оставить на волю случая. Скопеографический фильм расскажет им эту довольно устрашающую историю. А что касается остального, то мы будем просто держать их корабль между собой и демоном Блалом: чудовище почувствует жизненную силу на борту их судна и ввиду своей тупости примет их за нас. Да, я могу дать гарантии, что они будут сражаться.

— Возможно даже, что Блал избавит нас от необходимости впоследствии убивать их, — заметила Корлисс.

Дорно задумчиво посмотрел на нее.

— О да, — вспомнил он, — эти правила! Уверяю тебя, что мы переправим им послание.

Он улыбнулся.

— Когда-нибудь, Корлисс, ты узнаешь их все. Те умные и великие, кто разработал для нас эти правила, предусмотрели все, абсолютно все.

Пальцы Уорделла побелели, когда он сжимал бинокль, рассматривая огромную, с темным блеском горбатую спину, мощно рассекавшую волны в полумиле от судна. Что-то жуткое направлялось прямо к ним. За чудовищем тянулся сверкающий след.

Глядя на ту часть существа, что возвышалась над водой, его можно было принять за огромного кита. Уорделл цеплялся за дикую надежду, но затем…

Тварь подняла брызги — и его иллюзия была сметена прочь, как пушечное ядро пробивает пуленепробиваемый жилет.

Потому что ни один кит на широких просторах океана, созданного Богом, никогда не изрыгал воду таким внушающим ужас образом. В голове Уорделла на несколько секунд возникла яркая картина десятифутовой пасти, конвульсивно захлопывающейся под волнами, а потом выплескивающей захваченную воду подобно огромным мехам.

На мгновение он разозлился на себя за то, что даже на несколько секунд подумал, что это может быть кит. Но гнев его исчез, когда он вдруг понял, что в этой мысли был толк: она напомнила ему, что всю свою жизнь он играл в игру, где страх был отнюдь не первостепенным фактором.

Не спеша и очень осторожно он выпрямился. Потом спокойным звучным голосом крикнул:

— Моряки, хотим мы того или нет, но мы попали в заваруху. Так давайте покажем, что мы, черт побери, отличные китобои!..

Все свои повреждения «Альбатрос» получил в первые две минуты после того, как гарпун вылетел из пушки Арта Зоута.

От жестокого удара это порождение ночного кошмара — лишенная век голова — взметнулась вверх, подняв тонны воды; а потом тварь, безумно молотя по воде лапами, закованными в броню, набросилась на отступавший в страхе корабль.

Но им удалось в конце концов оторваться от чудовища; и Уорделл, с трудом выбирающийся из-под обломков мостика, лишь сейчас обратил внимание на грохот двигателей корабля ящериц и второй гарпун, торчащий в боку чудища, медный блеск туго натянутого каната, тянувшегося от гарпуна к кораблю чужаков, одетому в чешуйчатую броню.

В бестию выстрелили еще четырьмя гарпунами, по два с каждого судна, после чего тварь оказалась растянутой между ними обоими. Еще целый час Арт Зоут всаживал остатки их снарядов в тело, корчившееся в агонии и бессильной злобе.

А затем им пришлось ждать еще долгих три дня и ночи, пока чудовище не подохло, изгибаясь и сражаясь за жизнь в бессмысленной и бесконечной ярости…

И вот настало утро четвертого дня.

Со вдребезги разбитой палубы своего корабля Уорделл наблюдал за другим судном. Там две ящерицы устанавливали какое-то любопытное сверкающее сооружение, из которого потом полился серый призрачный свет. Почти материально ощущаемый туман достиг чудовища, покачивавшегося на волнах моря, и там, где он касался твари, плоть превращалась… в ничто.

На борту «Альбатроса» все замерли. Люди молча стояли как вкопанные, глядя в немом восхищении на то, как стотонное чудовище медленно исчезает под воздействием невидимой силы.

Прошли долгие тридцать минут прежде, чем от твердого и внушающего ужас тела не осталось и следа…

После этого блестящий дезинтегратор разобрали, и снова воцарилась гробовая тишина. На севере у края горизонта появился редкий туман, который наползал на оба корабля. Уорделл ожидал развязки вместе со своими людьми в напряжении, страхе и… изумлении:

— Давайте убираться отсюда, — произнес кто-то. — Я не доверяю этим сволочам, пусть даже мы и помогли им.

Уорделл беспомощно пожал плечами.

— А что мы можем сделать? Того химического порошка, который они подбросили нам вместе с кинопластинкой, хватило только для восстановления полутора баков горючего. Во время маневров мы использовали почти все топливо — осталось только несколько галлонов. Мы…

— Черт бы пробрал этих мерзавцев! — простонал еще один моряк. — Загадочность, с которой они все делают, мне не нравится. Почему, раз им нужна была наша помощь, они просто не пришли и не попросили нас об этом?

Уорделл до сих пор еще не понимал, сколь же велико было его собственное напряжение. Слова моряка вызвали в нем волну гнева.

— Да, конечно, — язвительно заметил он, — я просто представляю себе, как мы приветствуем их… трехдюймовой пушкой.

Только представьте себе: вот они заявляются к нам сказать, что они хотят замерить нашу гарпунную пушку и затем построить такую же у себя, при этом еще и сделать так, что наша окажется в состоянии удерживать двадцать китов за раз, попросить нас: не будете ли вы так добры, чтобы остаться здесь на некоторое время и дождаться появления этой чертовой твари… Ну, конечно, мы бы остались! Да черта лысого мы бы остались!

Но они не настолько глупы. Это было чертовски трудное дело, в котором я когда-либо участвовал, но с ним уже покончено. А остались мы потому, что нас вынудили пойти на это, и благодарности за это мы не получим. Меня беспокоит то, что никогда раньше мы не видели и не слышали об их породе. Может быть, они решат, что только мертвые молчат и не рассказывают историй, но…

Он замолчал, потому что на корабле ящериц снова началась деятельность — там устанавливали еще одно сооружение, но поменьше, не такое блестящее, как первое, оно было оснащено странными, похожими на стволы ружей, газометами.

Уорделл сперва замер, но потом его бас прокатился эхом по палубе:

— Это по нашу душу! Арт, ведь у тебя еще осталось три снаряда. Вставай и приготовься стрелять…

Дуновение сверкающего серебристого дыма оборвало его слова, его мысли, его сознание…

Мягкий шипящий голос Дорно тихо раздался в тишине корабельной рубки:

— Правила устанавливаются, чтобы сохранять моральные устои цивилизации и предотвращать слишком буквальное толкование основных законов со стороны черствых или бестолковых

администраторов. Правильно то, что не допускается контакт с планетами, находящимися на низкой ступени развития, и поэтому еще более верно то, что смерть должна ждать тех, кто узнал истину. Но…

Дорно улыбнулся и продолжал:

— Когда галактическим гражданам или официальным лицам оказана важная помощь, все равно, при каких обстоятельствах, моральная необходимость сохранять свою цивилизованность повелевает нам изыскать другие способы недопущения распространения историй о нашем появлении здесь…

— Конечно, — тихо добавил Дорно, — такие прецеденты уже имели место. Ввиду этого я сейчас занимаюсь изменением курса следования корабля. Теперь нам придется побывать у далекого солнца Водеска и удивительные зеленые планеты, с которых началась колонизация Земли.

Нет необходимости держать наших гостей в состоянии анабиоза. Как только они придут в себя после воздействия серебристого газа, дадим им возможность… насладиться путешествием по галактическим просторам.

Второй вид: Марсианское чудовище
Заколдованная деревня

Исследователи *«новых границ»* — так называли их перед отлетом на Марс.

После того, как их корабль разбился в марсианской пустыне и в живых остался каким-то чудом только Билл Дженнер, он время от времени выплевывал эту фразу, пытаясь перекричать постоянно дувший песчаный ветер. Он презирал себя за то чувство гордости, которое он испытывал, когда впервые услышал эти слова.

Его ярость убывала с каждой пройденной милей, и беспросветная тоска по погибшим друзьям превращалась в тупую боль. Постепенно он осознавал, что сделал губительную ошибку.

Он недооценивал скорость, с которой двигалась их ракета. Ему казалось, что понадобится пройти триста миль, чтобы достичь мелкого Полярного моря, которое он с друзьями заметил с орбиты. На самом же деле их корабль, наверное, преодолел гораздо большее расстояние перед тем, как они потеряли управление им.

Дни сменяли друг друга — бесчисленные, как

раскаленные красные чуждые песчинки, которые обжигали его сквозь оборванную одежду. Он превратился из человека в пугало, двигавшееся по бесконечной бесплодной пустыне… но он не сдастся!

К тому времени, когда он дотащился до гор, еды давно уже не оставалось. Из четырех фляг сохранилась только одна, да и в ней лишь что-то плескалось на самом дне, так что он мог лишь время от времени смачивать свои потрескавшиеся губы и распухший язык, когда жажда становилась просто нестерпимой.

Когда до Дженнера дошло, что он взобрался довольно высоко и это не просто очередная дюна, вставшая на его пути, он остановился и начал оглядывать гору, которая возвышалась над ним. По коже пробежали мурашки. На мгновение он почувствовал всю безнадежность этой безумной гонки в никуда… но все же он достиг вершины. Он увидел, что внизу тянется долина, окруженная холмами, не менее высокими, чем тот, на который он взобрался. И там, в долине, находилась какая-то деревня.

Он видел деревья и выложенный мрамором двор. С двадцать домов располагались вокруг того, что выглядело, как центральная площадь.

По большей части они были невысокими, кроме четырех башен, величественно устремленных в небо. Они сверкали в лучах солнца мраморным блеском.

До Дженнера донесся едва слышный тонкий пронзительный свист. Он то вздымался, то падал, вовсе пропадая, после чего снова поднимался и становился ясно различимым, принося боль ушам. Даже когда Дженнер побежал в направлении этого жуткого и неестественного свиста, он продолжал резать слух.

Спускаться Дженнер начал по гладкой скале. Но во время скольжения он упал, перевернулся, содрав кожу, и полускатился по каменистому склону в долину. Вблизи дома по-прежнему казались такими же новыми и сверкающими. От их блестящих стен отражались яркие лучи солнца. Со всех сторон дома окружала растительность — красновато-зеленый кустарник и желто-зеленые деревья, увешанные пурпурными и красными плодами.

Дженнер со всех ног бросился к ближайшему фруктовому дереву. Когда он подбежал поближе, оно оказалось сухим и ломким. Но огромный красный фрукт, который он сорвал с самой низкой ветки, оказался мягким и сочным.

Поднеся его ко рту, он вдруг вспомнил, что во время подготовки, которую он прошел перед полетом, их предупреждали, что нельзя на Марсе пробовать ничего, пока не будет проведен химический анализ. Но для человека, у которого единственным химическим прибором было его собственное тело, этот совет был бессмыслен.

Тем не менее он, опасаясь возможной опасности, действовал осторожно. Не торопясь, он сделал первый укус. На вкус плод показался ему горьким, и он тут же выплюнул его. Оставшийся во рту сок обжег ему десны, словно огнем, и его стошнило. Мышцы начали дергаться, и он улегся на мрамор, боясь, что рухнет как подкошенный. Ему казалось, что миновало несколько часов, когда наконец это ужасное дерганье его тела прекратилось, и он смог снова видеть. Дженнер с омерзением посмотрел на дерево.

Боль наконец покинула его, и он постепенно расслабился. Тихий бриз шелестил сухие листья. Расположенные неподалеку деревья тихо раскачивались, и внезапно до Дженнера дошло, что этот ветер здесь, в самой долине, — не более, чем тихий шепот того завывания, который он слышал в бесплодной пустыне за горами.

Сейчас не было слышно никаких других звуков.

Неожиданно Дженнер вспомнил тот пронзительный, постоянно меняющийся свист, который он услышал перед тем, как начал спускаться в долину. Он лежал совершенно неподвижно, внимательно прислушиваясь, но слышал лишь шелест листьев. Того пронзительного свиста не было. Он подумал, а не был ли это сигнал тревоги, предупреждающий жителей деревни о его приближении?

Встревоженный, он вскочил на ноги и потянулся за пистолетом. Его охватило ощущение беды, когда он в шоке осознал, что оружия не было на месте. Потом ему смутно припомнилось, что он впервые хватился оружия более недели назад. Дженнер в беспокойстве огляделся, но нигде не было никаких признаков жизни. Он взял себя в руки. Ему некуда идти из этой деревни. Если придется, он будет до самой смерти сражаться за то, чтобы остаться в этой деревне.

Осторожно Дженнер сделал глоток из фляги, промочил потрескавшиеся губы и распухший язык. Потом закрутил колпачок и направился между двумя рядами деревьев к ближайшему дому. Он сделал широкий круг, чтобы осмотреть его с разных точек. С одной стороны он заметил низкую и широкую арку, которая вела внутрь.

Сквозь нее смутно различался полированный блеск мраморного пола.

Дженнер начал обходить дома, расположенные по внешнему краю деревни, всегда держась на почтительном расстоянии от любого выхода. Он не видел никаких признаков живого. Он дошел до противоположного края выложенной мрамором платформы, на которой стояла деревня, и решительно повернулся. Пора было заняться осмотром самой деревни.

Он выбрал одно из четырех зданий с башнями. Когда до него осталось с дюжину футов, он увидел, что ему придется наклониться, чтобы проникнуть внутрь.

Тут же подтекст, который следовал из этого, заставил его остановиться: эти здания были созданы для каких-то существ, которые, по всей видимости, заметно отличались от людей.

Потом он двинулся вперед, наклонился и медленно прошел внутрь здания, напрягая каждый мускул.

Он оказался в комнате, совершенно пустой. Однако от одной из мраморных стен отходило несколько низких мраморных перегородок. Они образовывали нечто, что выглядело как группа четырех широких и низких стойл. У каждого из

стойл у самого пола имелся открытый лоток.

Во второй комнате четыре наклонные мраморные плиты сходились к возвышению. Всего внизу оказалось четыре комнаты. В одной из них спиральный пандус вел, судя по всему, в башню.

Дженнер не стал подниматься по лестнице. Испытываемый раньше им страх, что он обнаружит чуждую жизнь, сменился беспощадной уверенностью, что этого не произойдет. Отсутствие жизни означало отсутствие еды и никакой возможности получить ее. В неистовой спешке он бросался от одного здания к другому, заглядывал в молчаливые комнаты, время от времени останавливаясь, чтобы издать хриплые вопли.

Наконец не осталось никаких сомнений. Он был один, в безлюдной деревне, на безжизненной планете, без еды, без воды — если не считать жалких остатков во фляге, — и без надежды.

Он оказался в четвертой, и самой маленькой комнатке одного из зданий с башнями, когда до него дошло, что поиски закончены. В этой комнатке было одно-единственное «стойло», выступавшее из одной стены. Дженнер устало улегся в нем. Наверное, он в тот же миг уснул.

Проснувшись, он сразу же осознал две перемены, первая когда только открыл глаза: снова

раздавался тот свист, резкий и пронзительный; он звучал на пороге слышимости.

А второй переменой оказались брызги какой-то жидкости, капавшей прямо на него с потолка. Одного только запаха этой жидкости было достаточно для Дженнера, который был техником, чтобы торопливо вскочить на ноги и выскочить из комнаты, кашляя и со слезами в глазах, с обожженным лицом.

Он выхватил носовой платок и торопливо вытер обнаженные части тела и лицо.

Добравшись до конца деревни, он остановился и попытался понять, что же произошло.

В деревне, похоже, ничего не изменилось.

Тихий ветерок шелестел листья на деревьях. Солнце поднялось над вершиной горы. Дженнер по его положению догадался, что снова наступило утро и что он проспал не меньше двенадцати часов. Ослепительный белый свет заливал долину. Полускрытые деревьями и кустарником дома деревни сверкали и переливались.

Похоже, он оказался в оазисе посреди огромной пустыни. «Да, действительно, это оазис, — угрюмо подумал Дженнер, — отнюдь не для человеческих существ». Ему самому этот оазис с его ядовитыми фруктами больше представлялся мучительно

манящим миражем.

Дженнер вернулся внутрь здания и осторожно заглянул в комнату, где он спал. Душ из газа прекратился, и не осталось никаких следов запаха. Воздух был свеж и чист.

Он осторожно переступил через порог, немного наклонясь, чтобы сделать проверку. Он мысленно представил себе давно умершего марсианина, лениво развалившегося на полу в «стойле», в то время как на него льется целебный газовый душ. Тот факт, что эти химические вещества были смертельны для людей, только подчеркивал то, насколько чуждым для человека была жизнь, зародившаяся на Марсе. Но, похоже, почти не оставалось сомнений в том, почему использовался именно этот газ: марсианин, видимо, привык по утрам принимать такой душ.

Переступив порог «ванной», Дженнер осторожно сделал первый шаг в стойло. Когда его бедра стали вровень с входом в стойло, с твердого потолка ударила струя желтоватых брызг. Дженнер тут же отпрянул назад от стойла. Газ прекратился так же внезапно, как и начался.

Дженнер попытался еще раз, чтобы удостовериться, что это всего лишь автомат. Да, он включался, а потом выключался.

Дженнер, мучаясь от жажды, возбужденно открыл рот и подумал: «Если здесь имеется один автомат, то могут быть и другие».

Тяжело дыша, он выбежал в другую комнату, осторожно просунул ноги в одно из двух стойл. В тот момент, когда его бедра оказались внутри, лоток у стены заполнился жижей.

В восхищении, к которому примешивался ужас, он уставился на жирную массу: еда… и питье. Он вспомнил ядовитый фрукт и почувствовал отвращение, однако заставил себя наклониться и макнуть палец в горячую жирную массу. Потом он поднес палец ко рту и облизнул его.

Масса оказалась безвкусной и волокнистой, словно распаренная мочалка, с трудом он сделал глоток, и тут же на глаза навернулись слезы, а рот конвульсивно открылся. Он понял, что сейчас его вырвет, и побежал к наружной двери… но недостаточно быстро.

Когда он наконец оказался снаружи, его охватила вялость и невыразимая апатия. И в этом состоянии депрессии, в котором пребывал его разум, он вдруг снова услышал пронзительный свист.

Его удивило то, что он, по всей видимости, не обращал внимания на него в течение нескольких

минут. Он начал лихорадочно озираться, пытаясь определить источник звука, но так ничего подходящего и не заметил. В какую бы сторону, откуда, как ему на мгновение казалось, доносился звук, он ни направлял взгляд, в тот же миг свист слабел, а может, смещался и доносился уже с другого конца деревни.

Дженнер попытался представить, какой же должна быть инопланетная культура, нуждающаяся в подобных душераздирающих звуках… впрочем, конечно, может быть и так, что они вовсе не являлись неприятными для этих существ.

Он остановился и начал щелкать пальцами, когда безумная, но тем не менее вполне правдоподобная мысль пришла ему в голову. Может, это музыка?

Он стал обдумывать эту мысль, пытаясь представить, какой же была эта деревня столетия назад. Может быть, существа некоей любящей музыку расы занимались выполнением ежедневных заданий под аккомпанемент того, что являлось для них прекрасной мелодией?

Отвратительный свист все повторялся и повторялся, то слабея, то усиливаясь. Дженнер пытался спрятаться от него между зданиями, искал укрытие в самых разных комнатах, надеясь, что, по

крайней мере, в одной окажутся звуконепроницаемые стены. Но тщетно. Свист преследовал его везде, куда бы ни направлялся он.

Он вернулся в пустыню и преодолел почти пол склона, прежде чем свист стих настолько, чтобы не причинять боль его ушам. Наконец запыхавшийся, но с чувством невероятного облегчения, он тяжело сел на песок и тупо подумал: «А что дальше?»

То, что простиралось перед ним, было одновременно картиной и рая, и ада. И слишком знакомой ему: красные пески, каменистые дюны, небольшая деревня инопланетян, казавшая вначале столь многообещающей, но на самом деле почти ничего не давшая ему.

Дженнер смотрел на нее с лихорадочным блеском в глазах, а потом облизнул опухшим языком потрескавшиеся пересохшие губы. Он знал, что если ему не удастся изменить автоматы, изготовляющие еду, скрывающиеся, наверное, где-то в стенах и под полом зданий деревни, то он умрет уже в самом скором времени.

В давние времена остатки цивилизации марсиан выжили в этой деревне. Все остальные вымерли, но эта деревня продолжала существовать, противостоять напору песков — убежище

для любого марсианина, который мог забрести сюда, в долину. Но не осталось ни одного марсианина. Был только Билл Дженнер, пилот первого космического корабля, совершившего посадку на Марс.

Он должен заставить деревню изготовлять еду и питье, пригодные для него. Без инструментов, если не считать его рук, с минимальными познаниями по химии, он должен заставить деревню изменить свои привычки.

Напрягшись, он поднял флягу. Сделав еще один глоток, он начал сражаться с желанием допить последнюю оставшуюся во фляге каплю. И, снова взяв вверх в этой борьбе, он выпрямился и начал спускаться по склону.

Он прикинул, что выдержит, наверное, еще три дня. К тому времени он должен победить деревню.

Он уже шел среди деревьев, когда до него внезапно дошло, что «музыка» прекратилась. Вздохнув облегченно, он склонился над небольшим кустарником, крепко ухватился за него и потянул.

Куст вырвался без труда, вместе с куском мрамора. Дженнер внимательно рассмотрел его, с удивлением отмечая, что он ошибался, предпо-

лагая, что ствол проходит сквозь отверстие в мраморе — он просто-напросто был прикреплен к его поверхности. Потом он заметил кое-что еще: у куста не было корней. Почти инстинктивно Дженнер посмотрел на место, откуда он вырвал кусок мрамора вместе с растением, и увидел там песок.

Он отбросил куст, опустился на колени и погрузил пальцы в песок. Песок свободно струился сквозь них. Он принялся рыть глубже, используя всю силу рук… но не было там ничего, кроме песка.

Дженнер встал и изо всех сил рванул еще один куст. Тот с такой же легкостью вырвался и тоже вместе с куском мрамора. И у него не было корней, а на месте, где он рос, был песок.

Не веря своим глазам, Дженнер бросился к фруктовому дереву и начал трясти его. После секундного сопротивления сломалась мраморная плита, на которой стояло дерево, и медленно приподнялась. Дерево упало с шумом и треском, когда ломались на тысячи частей сухие ветки и листья. Под плитой тоже оказался песок.

Песок был повсюду. Город был выстроен на песке. Марс, планета песка. Конечно, это не совсем точно. Вблизи полярных ледяных шапок была

замечена сезонная растительность. Все растения, кроме самых стойких, погибали с наступлением лета. Посадка корабля должна была состояться возле одного из мелких морей, окруженных такой растительностью.

Но когда во время посадки корабль потерял управление и рухнул вниз, то вместе с этой катастрофой был разрушен не только сам космический корабль — погибла и надежда остаться в живых единственного уцелевшего в этой катастрофе члена экспедиции.

Дженнер медленно приходил в себя. Ему в голову пришла одна идея. Он поднял один из кустов, которые он уже успел вырвать, наступил ногой на кусок мрамора, к которому куст был прикреплен, а потом сначала слегка, а затем сильнее потянул.

Куст, наконец, оторвался от мрамора, но не возникало сомнений, что и куст, и кусок мрамора были частями единого целого — куст рос прямо из мрамора.

«Из мрамора?» — спросил себя Дженнер, опустился на колени рядом с одним из отверстий и вгляделся в излом. Это был пористый камень, вероятно, известковый, но вовсе не мрамор. Когда он протянул руку, собираясь отломать кусочек, он изменил цвет. Дженнер в изумлении

отшатнулся. Вокруг излома камень стал яркого оранжево-желтого цвета. Он растерянно посмотрел на него, потом осторожно прикоснулся.

И словно бы погрузил пальцы в обжигающую кислоту. Тут же возникла резкая ноющая боль. Вскрикнув, Дженнер отдернул руку.

Он почувствовал слабость от непрекращающейся мучительной боли. Его зашатало, и он, стеная, прижал руки и ноги, покрытые ссадинами и синяками, к телу. Когда боль наконец исчезла, и он мог уже посмотреть на свои раны, то увидел, что на пальцах руки слезла кожа и вздулись кровавые волдыри. Дженнер угрюмо посмотрел на отверстие в камне. Края по-прежнему оставались яркого оранжево-желтого цвета.

Деревня была настороже, готовая защищать себя от новой атаки.

Внезапно почувствовав усталость, Дженнер отполз в тень дерева. Из того, что произошло, можно было сделать только один вывод, и он почти не согласовывался со здравым смыслом: деревня была живой!

Лежа под деревом, Дженнер попытался представить себе огромную массу живой субстанции, которая, вырастая, превращалась в форму зданий, сама приспосабливаясь к нуждам и потребностям

другой жизненной формы, начиная играть роль слуги в самом широком значении этого слова.

Если она может обслуживать одну расу, то почему она не может этого делать и с другой? Если она смогла приспособиться к марсианам, то, может, это ей удастся и с людьми?

Конечно, имеются определенные трудности. В его утомленном мозгу мелькнула мысль, что вряд ли здесь могут быть необходимые для людей жизненно важные элементы. Кислород для производства воды можно получить из воздуха… Тысячи различных соединений можно изготовить из песка… И хотя он знал, что, если не найдет решения, его ждет смерть, но, успев лишь совсем немного поразмышлять над всей этой проблемой, он провалился в сон.

Когда он проснулся, было совсем темно.

Дженнер с трудом поднялся на ноги. Мышцы почти не слушались его, и это встревожило его. Он обмакнул губы каплей водя из фляги и побрел, спотыкаясь, к входу в ближайшее здание. Если не считать царапанья его ботинок о «мрамор», вокруг царила напряженная тишина.

Дженнер замер как вкопанный, прислушиваясь и оглядываясь. Ветер стих. Он не мог видеть гор, которые окружали долину, но сами строения

все еще смутно различались черными тенями в призрачном мире теней.

Впервые за все время ему подумалось, что, хотя в нем появилась новая надежда, но, возможно, лучше бы было, если бы он умер. Даже если он выживет, то какой будет в этом смысл? Он слишком хорошо помнил, с каким громадным трудом удалось привлечь внимание общественности и финансовых структур к организации этой экспедиции, получить ту огромную сумму денег, которая требовалось для этого. Он помнил, какие колоссальные проблемы пришлось решить при постройке космического корабля, и некоторые из людей, которые занимались решением этих проблем, лежат сейчас захороненными где-то в марсианской пустыне.

Возможно, пройдет еще двадцать лет, прежде чем еще один корабль с Земли попытается достигнуть единственной во всей Солнечной системе планеты, где сохранились следы жизни других существ.

И все эти бесчисленные дни и ночи, складывающиеся в годы, он будет здесь один. Только на этот призрачный шанс и оставалось ему надеяться… если только он доживет до того времени. Пробираясь на ощупь к возвышению в одной из

комнат, Дженнер размышлял над еще одной проблемой: каким образом дать этой живой деревне знать, что она должна изменить работу своих автоматов? В какой-то степени она должна была уже понять, что он новый житель. Как же теперь ему заставить ее осознать, что ему нужна еда, имеющая другую химическую природу по сравнению с той, что годилась для ее хозяев в прошлом; что ему нравится музыка, но совсем иная; что он с удовольствием будет принимать душ каждое утро, но водный, а не из ядовитого газа?

Он дремал урывками, скорее как больной человек, а не как спящий. Дважды он просыпался в жару: губы горели, глаза пылали, а тело заливалось потом. Несколько раз он вскакивал, разбуженный звуками собственного голоса, пронзительно кричавшего в гневе и страхе что-то в забытье.

И тогда ему показалось, что он умирает.

Он провел во мраке ночи несколько долгих часов, мечась, поворачиваясь, изворачиваясь, одурманенный волнами жары. Когда наступило утро, он с легким удивлением понял, что все еще жив. С трудом он сошел с возвышения и направился к двери.

Дул резкий холодный ветер, но он с радостью

подставил свое разгоряченное лицо ему. Он спросил себя, достаточно ли в его крови бацилл, чтобы он схватил простуду? Но ответить не смог.

Через несколько секунд его начало знобить. Он вернулся внутрь дома, и только сейчас заметил, что, несмотря на отсутствие дверей, ветер вообще не проникает в здание. В комнатах было прохладно, но не сквозило.

Тут же возникла новая мысль: откуда же тогда взялся этот жар, обдающий его тело? Шатаясь, он подошел к возвышению, где провел ночь, и уже через несколько секунд он задыхался в пятидесяти пятиградусной жаре.

Он сошел с возвышения, поражаясь собственной глупости. Он прикинул, что с его потом вышло не меньше половины всей оставшейся в его иссушенном теле воды и осталось на этом ложе.

Эта деревня для человеческих существ. Даже постели здесь подогреваются для существ, которым нужна температура, выдерживать которую человеческое тело не в состоянии.

Дженнер провел всю оставшуюся часть дня в тени огромного дерева. Он был истощен и только временами он вспоминал, что ему необходимо решить какую-то проблему. Когда снова раздался

свист, он сперва встревожил его, но Дженнер был слишком утомлен, чтобы подняться и уйти. Чувства его были настолько притуплены, что он едва замечал этот свист.

В конце дня он вспомнил о кустах и дереве, которые он выдернул накануне днем, и спросил себя, что же случилось с ними. Он смочил губы последними каплями воды, остававшимися во фляге, после чего, пошатываясь, поднялся на ноги и пошел посмотреть на выдернутые им растения.

Но он не обнаружил иссушенных остатков. Он даже не смог найти отверстий в тех местах, где выдернул их. Живая деревня поглотила мертвые свои частицы в самое себя и «залатала» повреждения в своем «теле».

Это привело Дженнера в чувство. Он снова начал думать… о мутациях, генетической способности приспосабливаться к новым условиям жизни. Он вспомнил лекцию, которую им читали перед отлетом корабля с Земли, скорее, это были даже общие обзоры, рассчитанные на то, чтобы познакомить экипаж с проблемами, с которыми могут столкнуться люди на чуждой планете. Главный принцип был совсем прост: приспособься — или погибни.

Деревня должна к нему приспособиться. Он сомневался, что способен нанести ей серьезный вред, но он мог бы попытаться, подталкиваемый желанием выжить, для чего требовались суровые и решительные меры.

Дженнер принялся лихорадочно рыться в карманах. Перед тем, как покинуть ракету, он позапихивал в них всякую всячину. Охотничий нож, складной металлический стакан, транзистор, крошечная супербатарейка, которую можно было подзаряжать, вращая маленькое колесико, крепившееся к ней… и вместе с другими вещами там же была и мощная электрическая зажигалка.

Дженнер присоединил к батарейке зажигалку и не спеша повел ее докрасна раскаленным концом по поверхности «мрамора». Тут же последовала ответная реакция. В этот раз субстанция стала темно-фиолетового цвета. Когда вся эта часть пола изменила цвет, Дженнер направился к ближайшему лотку в стойле и проник в него достаточно далеко, чтобы активировать его.

В этот раз автомат сработал с задержкой. Когда наконец пища появилась в лотке, было ясно, что живая деревня поняла причину, почему он это сделал. Еда была бледно-кремового цвета, а не

как раньше, темно-серого.

Дженнер опустил палец в нее, но тут же выдернул его с криком и подул на палец. В течение нескольких секунд палец мучительно ныл. Дженнера беспокоил жизненно важный вопрос: что, если деревня специально предложила ему еду, которая причинит ему вред? Или, возможно, она пытается угодить ему, не зная, что же он может есть?

Он решил рискнуть еще раз и вошел в соседнее стойло. Зернистая масса, наполнившая лоток в этот раз, была более желтого цвета. Она не обожгла палец, но, когда Дженнер попробовал ее, то тут же выплюнул. На вкус она показалась ему супом, приготовленным из жирной смести глины с бензином.

Сейчас, когда во рту он ощущал неприятный привкус, его еще больше начала мучить жажда. От в отчаянии бросился наружу и открутил колпачок фляги и разбил флягу, надеясь отыскать внутри хоть немного влаги. Он так рьяно взялся за дело, что пролил несколько капелек воды на плиты двора. Опустив лицо, он слизнул их языком.

Прошло полминуты, а он продолжал слизывать влагу языком, и по-прежнему там была вода.

Внезапно этот факт дошел до его сознания. Он поднялся и в изумлении посмотрел на капельки воды, которые сверкали на гладкой поверхности каменной плиты. Пока он смотрел, на сплошной и твердой на вид поверхности появилась еще одна капля, сверкая в лучах заходящего солнца.

Он нагнулся и кончиком языка слизнул каждую капельку. А потом он долго лежал, прижав губы к «мрамору», всасывая крохи воды, которые деревня милостиво предлагала ему.

Сияющее белое солнце исчезло за холмом. Внезапно наступила ночь — словно окрестности деревни накрыли черным экраном. Воздух стал сперва прохладным, потом ледяным. Дженнер задрожал, когда под его оборванную одежду пробрался пронизывающий ветер. Но окончательно он пришел в себя, когда плита, на которой он лежал и пил, сломалась.

Дженнер в изумлении привстал и осторожно ощупал в темноте камень. Он воистину раскрошился. Судя по всему, субстанция отдала ему всю имевшуюся в ней воду, после чего разрушилась. Дженнер прикинул, что он выпил в общем примерно одну унцию воды.

Это была убедительная демонстрация желания деревни угодить ему, но тут имелся еще один, ме-

нее удовлетворительный подтекст. Если деревня должна будет всякий раз, давая ему воду, уничтожать какую-нибудь часть себя, то, очевидно, этот источник не безграничен.

Дженнер торопливо прошел в ближайшее здание и поднялся на возвышение… а потом поторопился сойти с него, когда его снова обдало жаром. Он подождал, предоставляя Разуму деревни возможность понять, что он хочет изменения, после чего он предпринял новую попытку. Но было все так же жарко.

Он отказался от дальнейших попыток, потому что его уже с ног валил сон, и он не мог придумать какой-нибудь способ дать деревне понять, что ему нужно, чтобы в спальне была другая температура. Он уснул прямо на полу с тревожной мыслью, что это *не может* долго так продолжаться. Он часто просыпался ночью, и в голове возникала мысль: «Воды недостаточно. Как бы ни пыталась деревня…» — после чего он снова проваливался в сон лишь для того, чтобы вскоре снова проснуться, в таком же напряженном и унылом состоянии.

Тем не менее утром к нему на некоторое время вернулась способность ясно мыслить и вся его решимость, благодаря которой он прополз не

меньше пятисот миль по неизвестной пустыне.

Он направился к ближайшему лотку. В этот раз после того, как он активировал его, последовала заминка, длившаяся чуть больше минуты, а потом на дно лотка выплеснулось около наперстка воды.

Дженнер досуха вылизал его, потом подождал еще несколько минут в надежде на новую порцию. Но когда он понял, что его надежды не оправдались, он печально подумал, что где-то в этой деревне разрушилась еще целая группа клеток, чтобы высвободить для него свою воду.

И тут ему пришло в голову, что только человек, способный двигаться, может обнаружить новый источник воды для деревни, которая не в состоянии передвигаться.

Конечно, пока он будет искать источник воды, деревне придется поддерживать его силы. А это означает, помимо всего прочего, что ему понадобится и кое-какая пища.

Он принялся рыться в своих карманах. Покидая корабль, он позапихивал еду в небольшие куски ткани. В карманы просыпались крошки, и он неоднократно пытался выискать их во время остановок на длинном пути по пустыне. Сейчас, когда он разрезал швы, он действительно обна-

ружил там крошечные кусочки мяса, хлеба, сала и еще чего-то непонятного.

Осторожно он склонился над соседним стойлом и положил в лоток эти остатки. Деревня может предложить ему лишь нечто более или менее похожее на тот образец, который он ей покажет. Если несколько пролитых им капелек помогли деревне понять, что он нуждается в воде, то, может, когда он сейчас покажет ей эти крохи, то это явится ключом для создания ею имеющей такую химическую природу пищи, которую он окажется в состоянии есть.

Дженнер подождал, потом вошел во второе стойло и активировал его. Примерно с пинту густой, похожей на крем субстанции вытекло на дно лотка. Малое количество, похоже, свидетельствовало о том, что, возможно, там содержится вода.

Дженнер попробовал. Еда имела резкий запах, отдававший плесенью и чем-то затхлым, к тому же оказалась сухой, как мука… но его желудок принял ее.

Дженнер ел медленно, ясно сознавая, что сейчас находится целиком во власти деревни. Откуда ему знать, нет ли в еде какого-нибудь ингредиента, замедляющего его действия.

Когда Дженнер закончил есть, он прошел к пищевому лотку в другом здании. Он не стал есть еду, появившуюся на лотке, но активировал другой лоток. В этот раз он слизнул несколько капелек воды.

Потом он решительно направился к зданию с башней. В этот раз он начал подниматься по пандусу, который вел на верхний этаж. Он остановился только на несколько секунд в комнате наверху и тут, когда увидел сгруппированные по трое уже такие знакомые ему возвышения, понял, что, похоже, это тоже спальни.

Его заинтересовала винтовая лестница, ведущая наверх — сперва в меньшую по размерам комнатку, устроенную непонятно для чего; потом она достигала верха башни, примерно в семидесяти футах над поверхностью земли. Достаточно высоко, чтобы заглянуть за холмы, окружавшие деревню. Ему и в первый раз хотелось сделать это, но он был тогда слишком слаб, чтобы продолжить подъем. А сейчас же он смотрел вдаль до самого горизонта. И почти сразу же надежда, которая привела его сюда, померкла.

Картина, представшая перед ним, была разочаровывающе пустынной. Насколько хватало глаз, простиралась сухая пустыня, а сам горизонт был

скрыт тучами поднятого ветром песка.

Дженнер всматривался в даль с растущим чувством отчаянья. Если где-то и есть марсианское море, то до него ему не добраться.

Неожиданно он в гневе на свою, теперь уже неумолимую, судьбу сжал руки. Что хуже всего — его ждало разочарование там, где он надеялся найти убежище для себя, — в гористой местности. Моря и горы — основные два источника воды. Конечно, он должен был знать, что на Марсе есть всего несколько гор. Ему бы просто невероятно повезло, если бы он действительно добрался до горной гряды.

Его ярость утихла, потому что у него уже не осталось сил для каких-либо эмоций. Оцепенело он начал спускаться по лестнице.

Его неясный план помочь деревне теперь был так быстро и бесповоротно похоронен.

…Дни летели один за другим, но сколько точно времени прошло, он не имел ни малейшего представления. Всякий раз, когда он отправлялся есть, ему доставалось все меньше воды. И он постоянно говорил себе, что это будет последний его прием пищи: ему казалось бессмысленным верить в то, что деревня уничтожит себя, когда его судьба так ясно представлялась ему.

И что было хуже всего, еда его оказалась недоброкачественной, что он вскоре понял со всей ясностью. Он подсунул деревне несвежие, а может, и вовсе гнилые образцы пищи, и теперь только продлевал свою агонию мучительного существования. Часто после еды у Дженнера кружилась голова. Еще чаще голова раскалывалась, а тело сотрясалось в лихорадке.

Деревня делала все, что могла. Все остальное зависело только от него, и он не мог даже приспособить свой организм к этому подобию земной пищи.

Два дня Дженнер чувствовал себя так скверно, что не мог даже подползти к стойлу. Один час за другим он лежал на полу. На вторую ночь боль в теле стала такой сильной, что он наконец решился.

«Если я смогу взобраться на возвышение, — сказал он себе, — то одна только жара прикончит меня; и, поглотив мое тело, деревня получит немного потерянной ею воды».

Он не меньше часа с огромным трудом полз по пандусу к ближайшему возвышению, и когда он наконец оказался там, то замер неподвижно, словно мертвец. Его последней мыслью было: «Милые друзья, я иду!»

Галлюцинация была столь совершенной, что на мгновение ему показалось, что он оказался снова в контрольной рубке на корабле, и вокруг него — его прежние товарищи.

Со вздохом облегчения Дженнер снова погрузился в лишенное сновидений забвение.

Его разбудили звуки скрипки. Печальная и нежная мелодия рассказывала о подъеме и упадке давно исчезнувшей расы.

Дженнер некоторое время слушал ее, а потом во внезапном откровении понял истину: эта мелодия пришла на смену свисту. Деревня приспособила свою музыку к его слуху!

И тут проявился еще один феномен, связанный с его органами чувств. Возвышение теперь не обжигало жаром, а было уютным и теплым. Ему показалось, что он находится в замечательной физической форме.

Дженнер торопливо спустился по пандусу к ближайшему пищевому стойлу. Пока он полз вперед, его нос находился совсем рядом с полом, а лоток наполнился дымящейся массой. Запах был таким аппетитным, что он погрузил в нее свое лицо и принялся жадно лакать. Когда он съел все, ему впервые за все время не хотелось пить.

«Я победил! — торжествующе подумал Джен-

нер. — Деревня подстроилась под меня!»

Через некоторое время он вспомнил кое о чем и пополз в ванную. Осторожно глядя на потолок, он заполз в стойло с душем. Желтые брызги полились на него, холодные и восхитительные.

В экстазе Дженнер вертел своим четырехфутовым хвостом и поднял свое длинное рыло, чтобы струйки жидкости смыли остатки пищи, которые прилипли к его острым зубам.

А потом он медленно потащился к выходу, чтобы погреться под лучами солнца и слушать нескончаемую приятную мелодию своего народа.

Третий вид: Океанское чудовище
Морское чудовище

Чудовище выбралось из воды и несколько секунд постояло, покачиваясь на нетвердых человеческих ногах, словно пьяное. Почему-то все казалось ему расплывчатым: сознание обволакивал черный туман. Он пытался приспособиться к человеческому телу и привыкнуть к ощущениям холодного мокрого песка под ногами.

Сзади с берега, с залитого лунным светом пляжа слышался плеск волн. А впереди…

Вглядываясь в темноту мира, простиравшегося перед ним, существо чувствовало себя до странности неуверенно — ему очень не хотелось уходить от края воды. Бесконечная меланхолия охватила его. По всем рыбьим нервам пробежала волна беспокойства, когда оно осознало, что его смертельно опасная, но тем не менее высшая цель не оставляет ему другого выхода, кроме как идти вперед. Страх был неведом этому холодному рыбьему мозгу, и все же…

Существо содрогнулось, когда мрак ночи разорвал хриплый грубоватый смех, принесенный

слабым теплым ветром. Бестелесные раскаты чьего-то хохота были странным образом искажены на расстоянии — звуки хриплого надменного смеха с другой стороны кораллового острова пронзили его призрачные, освещаемые лунным светом просторы. В ответ существо издало хриплый язвительный вопль — ледяной и безжалостный, человеческие черты его лица, превратившись на несколько секунд в оскал тигриной акулы, голова почти потеряла человеческую форму. Стальные зубы металлически щелкнули, словно тварь, как акула, уже перекусывала пополам тело своей жертвы.

Существо судорожно задышало, втягивая воздух в свой человеческий рот и пропуская его через человеческое горло. После краткого мгновения возврата в предыдущее рыбье состояние воздух внезапно показался ему почему-то неприятно сухим и горячим; это болезненное ощущение заставило его зайтись в мучительном кашле, давясь белой пеной. Сильными человеческими пальцами оно ухватилось за шею и стояло так несколько ужасных мгновений, пытаясь побороть тошноту и мрак, застилавшие его сознание.

Волна дикой ярости на это человеческое тело пробежала по всей нервной системе холодно-

кровного рыбьего существа. Оно *ненавидело* свою новую форму: с беспомощными ногами и руками, эту ужасную конструкцию из шарообразной головы и тонкой, как у змеи, шеей, ненадежно прикрепленной к почти твердой глыбе, что составляли хрупкая плоть и кости. Тело это было почти бесполезным не только в воде, но, похоже, и на суше.

При этой мысли тварь напрягла мышцы и стала внимательно рассматривать смутно вырисовывавшиеся очертания острова. Неподалеку во мраке выделялось какие-то затемненные деревья! Вдалеке были видны и другие темные пятна, но трудно было разобрать, что там: деревья, холмы… или дома!

Впрочем, одно из них точно являлось каким-то зданием. Из проема в его низком длинном корпусе лился бледный желто-оранжевый свет. Когда чудовище окинуло его мрачным взглядом, какая-то тень пересекла полоску света. Тень Человека!

Эти белые своей активностью заметно отличались от смуглых туземцев близлежащих островов. И хотя еще не наступил рассвет, но они уже успели подняться.

При мысли об их этой работе существо фыркнуло, потом судорожно сплюнуло в дикой нена-

висти. Губы его скривились в отвратительной ухмылке: его охватила неконтролируемая ярость на эти человеческие существа, которые смели охотиться и убивать акул.

Пусть люди держатся суши и живут на ней — там им и место! А вот море — буйное и великое море — не для их расы; а из всех обитателей моря именно его повелители — акулы — были священны и неприкосновенны. Все остальное не имеет значения, но *на них* нельзя систематически охотиться. Самозащита — основной закон природы!

Зарычав в лютой ярости, чудовище зашагало по полосе темно-серого берега, потом свернуло в глубь острова, направившись туда, где на фоне разгоравшегося неверного рассвета смутно мерцал желтый свет.

Полная луна опускалась к водам на западе, когда Корлисс взобрался на насыпь от того месте, где он мылся, к кухне. Идущий впереди него голландец Проже перешагнул порог хижины, заслоняя тусклый огонек желтой лампы.

Корлисс услышал могучий рев, вырвавшийся из горла Проже:

— Что, завтрак еще не готов? Тебе бы только спать да спать, сопляк ты ленивый!

Корлисс мысленно выругался. В каком-то смыс-

ле ему даже нравился этот огромный голландец, но слишком уж быстро порой в раздражении он начинал проявлять свой вспыльчивый характер. Руководитель резко крикнул:

— Заткнись, Проже!

Тот обернулся на пороге и проворчал:

— Если я голоден, Корлисс, значит, я голоден; и черт бы побрал этого горожанина за то, что он заставляет меня ждать. Я…

Он замолчал, и Корлисс увидел, что он вздрогнул. От глаз его отражалось слабое желтое сияние, когда он смотрел не мигая на бледный шар луны. Он спросил со странной настойчивостью:

— Корлисс, итак, мы все здесь, все шестнадцать, верно? На этом конце острова, я имею в виду.

— Именно так было минуту назад, — удивленно ответил руководитель. — Я увидел, что все выбрались из барака и пошли умываться. А в чем дело?

— Только понаблюдать за этой луной, — напряженно бросил Проже. — Возможно, это произойдет еще раз.

Увидев окаменевшее лицо напряженно всматривавшегося в луну голландца, Корлисс прикусил язык и проследил за его взглядом.

Медленно тянулось время. Жуткое ощущение

нереальности происходящего охватило Корлисса. Перед ними темной массой простирался остров, и только белая лунная дорожка тянулась в глубь тихой темной земли.

А еще дальше, за островом, тянулись темные воды лагуны, а далее был еще более темный океан, и в нем широкой полосой отражался лунный свет.

В этой ночи под темно-синим южным небом он увидел невероятное зрелище. *Плеск* волн о прибрежный песок; слабый далекий и зловещий рев волн, постоянно разбивающих выщербленное защитное кольцо небольших скал вокруг острова. Сверкающие белизной в темноте волны казались разбросанными обломками разбитого стекла, которые кружились, опадали вниз, ломались, с ревом ударялись о берег, продолжая вечную битву между морем и сушей.

И над всем этим светилось огромное ночное небо; луна, блестящая и светлая, лениво опускалась за океан на западе.

Откуда-то из другой реальности донесся голос голландца:

— Я мог бы поклясться… нет, я клянусь! Я видел фигуру человека на фоне луны!

Корлисс с трудом сбрасывая с себя чары этого

раннего утра, резко произнес:

— Ты что, спятила! Человек здесь, в этой глуши посреди Тихого океана! У тебя галлюцинации.

— Возможно, — пробормотал Проже. — Действительно, тебе это должно казаться сумасшествием.

Он неохотно повернулся, и Корлисс последовал за ним завтракать.

Существо инстинктивно притормозило, когда оказалось у желто-оранжевой полоски возле дверей. Изнутри доносились мужские голоса — там велся разговор. Были слышны и еще какие-то звуки, а также существо почувствовало слабый запах незнакомой пищи.

Лишь мгновение чудовище колебалось, а потом шагнуло на полоску света. В напряжении оно прошло через открытые двери и остановилось, моргая рыбьими глазами при виде сцены, открывшейся перед ним шестнадцать мужчин сидели за огромным столом, их обслуживал семнадцатый — тощая, отвратительная карикатура на человека в засаленном белом переднике; он тут же посмотрел прямо в глаза существа.

— Черт побери! — воскликнул он. — Какой-то чужак! Откуда, дьявольщина, вы взялись?

Шестнадцать голов разом поднялись. И трид-

цать два глаза впились в тварь холодными твердыми взглядами, в котором удивление смешивалось с различными догадками и настороженностью, отчего существо почувствовало беспокойство, отдаленное ощущение тревоги, ледяное предчувствие, что этих людей убить окажется не так просто, как оно считало ранее.

Мгновение молчания превратилось в секунды; и у чудовища вдруг возникло жуткое ощущение, что за ним не мигая наблюдают не несколько, а целый миллион горящих глаз — миллион пытливых подозрительных глаз, которые, закружившись в хороводе, превратились в неясное пятно, продолжая, однако, впиваться в него сверкающими жесткими глазами. Чудовище пыталось побороть это ощущение; и лишь сейчас из глубин сознания пришел ответ на вопрос, который ему задал маленький лондонец. В тот момент, когда существо осознало эту неприятную мысль, второй человек задал следующий вопрос:

— Откуда ты взялся здесь?

«Откуда!» Вопрос с трудом проторил себе дорожку в сознании твари. Да из моря, конечно! Откуда еще? Ведь на множество миль только дикие темные просторы океана, и волны его вздымаются и опадают в своем бесконечном рит-

ме — сверкая, как отшлифованные драгоценные камни, вечно повторяющимися солнечными днями, мрачно разбухая ночами! Первозданный океан, шепчущий, волнующийся, нашептывающий о неописуемых вещах.

— Эй! — рявкнул Проже, опережая Корлисса. — У тебя что, языка нет? Кто ты такой? И откуда ты взялся?

— Я… — начало существо нерешительно, — Я…

Волна парализующего страха прокатилась по рыбьим нервам твари. Вдруг показалось невероятным, что она не подготовила заранее объяснений. *Что* же она должна ответить, чтобы удовлетворить этих злых проницательных людей?

— Ну, я… — снова начало беспомощно существо. Лихорадочно оно пыталось откопать в своей памяти какие-нибудь воспоминания о происшествиях, случавшихся с людьми. На ум пришла мысль о лодке, которая…

— М-моя лодка… перевернулась. — Вырвались торопливые слова, — Я греб, и…

— Греб! — фыркнул Проже. Корлиссу показалось, что интеллект могучего датчанина до глубины души оскорблен подобным объяснением. — Да ты просто бессовестный лгун! Лодка в

тысяче милях от ближайшего порта! Что у тебя на уме? Чего ты пытаешься добиться? Кого ты думаешь одурачить?

— Снизь обороты, Проже! — рявкнул Корлисс. — Неужели ты не видишь, в какой передряге побывал этой парень?

Он с величественным видом командира поднял свое грузное тело со стула и обошел стол. Сорвав с вешалки полотенце, он бросил его существу.

— Держи, незнакомец, вытри свое тело!

Потом он почти обвиняюще повернулся к остальным.

— Неужели вы не видите, что он прошел через ад! Представьте себе: плыть сюда в этих кишащих акулами водах и случайно наткнуться на этот остров! Наверное, он сейчас на грани сумасшествия. Он почти не соображает и едва ли что помнит. Амнезия, так это называют. Держи, незнакомец, эту сухую тогу!

Корлисс сорвал с вешалки пару старых штанов и грубую серую рубашку, бросил существу и стал наблюдать, как то начало осторожно надевать одежду.

— Эй, — сказал кто-то, — он надевает штаны задом наперед.

— Видите же, — хмуро заметил Корлисс, когда

чудовище с секундной заминкой исправило свою ошибку, — насколько ему досталось. Он даже не помнит, как нужно одеваться. Но по крайней мере понимает, что мы говорим. А теперь, незнакомец, садись сюда и съешь чего-нибудь горячего. Должно хорошо пойти после того, что ты пережил.

...Единственное свободное место находилось напротив Проже, и чудовище нерешительно уселось на этот стул, а потом — тоже нерешительно — пододвинуло тарелку с едой, которую повар поставил перед ним, и принялось работать вилкой и ножом, как это делали остальные.

— Мне не нравится этот тип! — пробурчал Проже. — Эти глаза! Возможно, он сейчас сродни недоразвитому ребенку, но я уверен, что его выбросили за борт с корабля за какие-нибудь проделки. От одного вида этих глаз меня продирает дрожь!

— Заткнись! — в приступе внезапной ярости рявкнул Корлисс. — Никого из нас нельзя винить за наш облик, и следует лишь благодарить Бога за то, что он дал его нам.

— Ба! — воскликнул Проже. Потом он продолжил шепчущим голосом, но его слова доходили до Корлисса несвязными фразами: — Если бы я

был боссом… поверьте, эта команда… чертово преступление… когда я не доверяю человеку, то это уж точно… вероятно, помощник с какого-нибудь грузового парохода… и поэтому за его проделки его выбросили за…

— Это невозможно! — бесстрастно воскликнул Корлисс.

— Здесь нет никакого торгового пути, по которому ходили бы грузовые пароходы. И первый пароход появится здесь лишь через пять месяцев, чтобы забрать нас. Объяснения этого парня, хотя и смутные, вполне ясны: он плыл на лодке; и тебе так же хорошо, как и мне, известно, что к югу от нас находится несколько больших островов, где живут туземцы и несколько белых. Возможно, он прибыл оттуда.

— Ага! — рявкнул Проже, и пухлое лицо неприятно покраснело. Корлисс узнал свойственное могучему датчанину упрямство, которое временами делало его неуправляемым. — Знаете, он мне не нравится! Ты слышишь это, слышишь?

Тварь подняла глаза, и волна еще не успевшего разгореться гнева накатила на его чужеродный мозг. Во враждебной настроенности этого человека она увидела опасность для выполнения своих целей, его подозрительный мозг будет следить за

каждым ее шагом. Из внезапно охрипших голосовых связок вырвался резкий яростный крик:

— Да, я слышу!

Одним прыжком существо вскочило на ноги. Перегнувшись молниеносным движением через стол, оно схватило Проже за отвороты рубашки, расстегнутой на груди, — и рвануло!

Голландец яростно взвыл, когда стальные мышцы подняли его в воздух, ударили о стол и швырнули одним размашистым движением головой вперед за дверь.

Полдюжины тарелок с грохотом свалились на цементный пол, но поскольку они были сделаны из прочной глины, они не разбились.

Кто-то в благоговейном ужасе произнес:

— Возможно, он и слабоумный, но теперь я могу понять, что он способен проплыть не одну милю.

В наступившей вслед за этим гробовой тишине существо, усевшись, снова принялось за еду, пытаясь побороть убийственное желание броситься к потерявшему сознанию человеку и разорвать его на куски. Лишь с огромным трудом ему удалось справиться с этим диким желанием. И оно поняло, что произвело хорошее впечатление на этих суровых людей.

Тишина давила на Корлисса. В желто-оран-

жевом свете ламп, свисавших с потолка, напряженные лица людей, сидевших вокруг грубо сколоченного стола, казались призрачными. Только частью своего разума он замечал свет, проникавший сквозь окно слева от него, тусклым пятном отражаясь на полу.

Снаружи донеслось царапанье Проже, яростно очищавшего себя от грязи. В этих гневных звуках чувствовалось неистовство, ярость дикой неукротимой натуры обезумевшего от унижения человека. Корлисс знал, что здоровяк-голландец был непредсказуем. Все могло произойти.

Когда из-за двери показалось нахмурившееся лицо Проже, Корлисс на мгновение замер. Когда тот вошел и выпрямился во весь свой огромный рост, Корлисс резко бросил ему:

— Проже, если не хочешь потерять мое уважение, не предпринимай ничего.

Голландец окинул его грозным взглядом.

— Ничего я не собираюсь делать. Просто на меня что-то нашло. Но мне все равно не нравятся его глаза. Вот и все.

Он обошел стол. «Странно, — подумал Корлисс, — несмотря на легкость, с которой этот незнакомец управился с ним, уважение, с которым к нему относились остальные, нисколько

не убавилось». Было ясно, что Проже вернулся в дом вовсе не из-за страха: это чувство ему было неведомо.

С ворчанием Проже уселся на свой стул и принялся в бешеном темпе запихивать еду в рот. Корлисс, словно эхо, издал вздох вслед за остальными — прозвучавший, как тихий свист. Мысленно он уже представил себе барак, разнесенный в щепки.

Один из мужчин — смуглый француз Перратин — торопливо заговорил, и эта поспешность была скорее свидетельством его желания разрядить напряженную атмосферу, нежели его озабоченности, которую он пытался выразить в своих словах:

— Босс, мне кажется, двоим из нас следует пойти и проверить, не появилось ли снова то чудовище, которое мы видели вчера. Клянусь — и *Бог* тому свидетель — я попал ему между глаз!

— Чудовище! — воскликнул высокий худощавый человек, сидевший в конце стола. — Что еще за чудовище?

— Его заметили со второй лодки! — коротко объяснил Корлисс. — Перратин рассказал мне об этом прошлой ночью, но меня тогда клонило ко сну, и я помню что-то насчет огромного существа

с плавниками, как у ската.

— *Sacre du Nom!* — закричал Перратин. — Да скат просто безвредное дитя по сравнению с этим чудовищем! Оно было серо-голубым, и его трудно было разглядеть в воде, но у него была акулья голова и хвост — длинные и ужасные… — Он внезапно замолчал. — Что с тобой, Умник? Ты так вылупил глаза, словно уже видел это существо раньше.

— Нет, не видел, но слышал! — ответил высокий худощавый англичанин, растягивая слова.

Что-то странное прозвучало в его словах, и Корлисс резко взглянул на него. Он глубоко уважал Умника Стапли — ведь тот получил университетское образование; прошлое его было окутано тайной, но нельзя сказать, что это было необычным — у каждого из людей, собравшихся в этом бараке, было что-то в прошлом.

Стапли продолжал:

— Возможно, ты, Перратин, не знаешь, но только что ты описал мифического владыку акул. Вот уж не думал услышать, что такое чудовище существует на самом деле…

— О Господи, — кто-то прервал его, — мы что, должны выслушивать весь этот вздор про туземные суеверия? Продолжай, Перратин.

Тот посмотрел на худощавого Стапли с выражением нескрываемого уважения, которое он и еще несколько из собравшихся испытывали к англичанину, а потом, когда Стапли ничего не добавил к своим словам, по всей видимости, погрузившись в собственные думы, он продолжил:

— Первым его заметил Дентон. Расскажи им, Дентон.

Дентон, коротышка с подвижными черными глазками, в своей обычной резкой и отрывистой манере повел свой рассказ:

— Как отметил Перратин, мы сидели в лодке, а этот кусок мяса плясал в воде, как приманка. Вы знаете, что вчера нам пришлось взять темное мясо, знаете и то, как пугливы акулы, когда видят темное мясо. Ну, так оно и случилось. Они просто ходили кругами вокруг, почти обезумев от запаха мяса, но боялись приблизиться, поскольку оно было темное. Думаю, их было не меньше пятнадцати, когда я увидел эту тушу в воде — и существо это вынырнуло на поверхность.

И оно не было одиноко. Рядом с ним была стая рыб-молотов, самых опасных акул, которых мне когда-либо доводилось видеть. Огромные, мощные, длиннющие твари, с жуткими головами и торпедообразными телами… пару из них мы под-

стрелили — вы видели их. Как бы то ни было, но эта громадина с плавниками плыла посередине них, словно повелитель.

Ну, в этом на самом деле нет ничего удивительного. Нам уже доводилось видеть, как рыба-меч описывает круги вокруг акул, и как все акулы собирались вместе, словно им известно о своем родстве; хотя, признаться, я раньше никогда не встречал вместе с акулами морского дьявола и не знал, что он может примкнуть к стае акул.

В любом случае, это чудовище было там, огромное, как сама жизнь. Оно остановилось и посмотрело на приманку, которую мы еще не вытянули из воды; а затем, как бы говоря: «Эй, приятели, чего же вы боитесь?» — бросилось к мясу, и это послужило сигналом. Вся стая рванула к приманке и принялась с удовольствием рвать мясо… ну, а мы того и ждали.

Корлисс заметил, что незнакомец вглядывается в Дентона напряженно и завороженно. На секунду ему стало понятно отвращение Проже к этим глазам, но, пересилив себя, он сказал:

— Дентон хочет сказать, мы обнаружили, что, когда акулы атакуют, у них наблюдается полное отсутствие страха, независимо от того, сколько их гибнет во время этой атаки. Вся наша работа

— добыча их поразительно прочной кожи — основывается на этом факте.

Незнакомец смотрел на них, словно давая знать, что он все понимает.

Дентон продолжал:

— Ну, так все и было. Когда вода успокоилась, мы начали вытаскивать их из…

Перратин нетерпеливо перебил его:

— Тогда-то я заметил, что гигант отплыл в сторону и просто наблюдает за нами — во всяком случае, именно так мне показалось. Говорю вам, он просто лежал там, не сводя с нас своих холодных глаз, со спокойным равнодушием наблюдая за нашими действиями. И я попал ему точно между глаз. Он метнулся, словно ужаленный мул, а затем погрузился в глубины, как свинцовая болванка.

Говорю вам, босс, я в него попал, и, наверное, сейчас он наверняка плавает на поверхности. Поэтому двоим из нас следует выйти и отбуксировать его сюда.

— Гм-м! — хмуро пробурчал Корлисс. Он задумался, и его сильное, загорелое лицо помрачнело. — На самом деле мы не можем послать больше одного человека. Тебе придется самому отправиться на небольшой лодке.

Существо вздрогнуло, внутренне затрепетав в неудержимой ярости, при взгляде на Перратина. Именно этот человек вел огонь из оружия, которое нанесло тот ужасный удар. Каждый его нерв дернулся от секундного ужасного воспоминания о поразительной боли от этого удара по голове. Он в ярости едва не набросился на этого человека, и с большим трудом ему удалось подавить в себе это неистовое желание, после чего существо слабым голосом произнесло:

— Буду только рад отправиться вместе с ним и помочь. Я должен каким-то образом зарабатывать себе еду. Я могу помогать в любой физической работе.

— Спасибо! — воскликнул Корлисс. Он надеялся, что Проже после этого предложения станет стыдно за свои подозрения в отношении этого чужака. — И, кстати, поскольку мы не знаем твоего настоящего имени, мы будем звать тебя. Джоунсом. А теперь отправляйтесь. Впереди тяжелый день!

Следуя за людьми в сыром и душном полумраке зарождающейся зари, существо с алчностью подумало: «Это оказалось даже легче, чем мне казалось!» — На мгновение внутри чудовища все сжалось от пожирающего его неистового

желания. Напрягшиеся стальные мышцы вибрировали от предвкушения того, что оно сделает с человеком, когда они вдвоем останутся в маленькой лодке.

Дрожа от жажды крови, оно следовало за людьми — следовало по мягко стелющейся траве, пересекая погруженную в тень землю в направлении выступа суши, вдававшегося в серые воды лагуны. Там маячили очертания какого-то здания — длинного и низкого, вскоре превратившегося в деревянное строение с платформой, доходящей до воды.

От здания несло вонью. Когда первая волна этого невероятного пронзительного смрада ударило в ноздри чудовища, оно остановилось как вкопанное. Мертвая акула! Терпкая вонь разлагавшейся рыбы. Чудовище, чувствуя тошноту, двинулось вперед. Его мозг закружился в безумном водовороте назойливых мыслей, и по мере того, как вонь становилась все сильнее и сильнее, этот неуправляемый поток мыслей с каждой секундой становился все безумнее и неистовее.

Оно не сводило со спин мужчин горящих сверкающих глаз, пытаясь справиться с дьявольским желанием наброситься на ближайшего человека и вонзить острые, как лезвие, зубы в мягкую шею,

а потом атаковать с убийственной яростью второго человека и разорвать его на куски до того, как остальные поймут, что происходит.

Затем… Чудовище почти беззвучно зарычало с дикой ненавистью. На мгновение от ярости и жажды крови с ужасным возбуждением при мысли об убиении этих людей и вырывании внутренностей из слабых человеческих тел оно едва не утратило над собой полный контроль.

Но тут в сознании существа возникло яркое воспоминание, которое покончило с этим безумным побуждением. Воспоминание о том, что сейчас оно имеет слабое человеческое тело. И напасть на этих крепких опытных людей будет самоубийством.

Чудовище вздрогнуло, когда увидело, что Перратин приотстал и теперь идет рядом с ним. Человек сказал:

— Мы с тобой пойдем туда, Джоунс. Это хорошее имя — Джоунс. Ничего не говорящее — также, как, к примеру, Перратин! Мы сядем вон в ту маленькую лодку. Впереди нам предстоит много и долго грести. Мы поплывем прямо на запад. И к тому же это лучший способ выбраться отсюда: несколько довольно опасных скал делят лагуну на ряд секторов, и нам придется тихонько плыть

вдоль берега, чтобы миновать их, после чего через пролом в ломающих волнах мы выберемся в открытое море. Ха, это ведь забавно, не так ли? Пролом в ломающихся волнах. До тебя доходит, Джоунс?

«Забавно! — мысленно повторило чудовище. — Забавно! Что забавно, почему? А может, — и задумалось, — ждут ли от него ответа». — Оно напряглось при мысли, что если оно не ответит, в этом человеке проснется подозрительность, и именно сейчас, когда он уже почти ступил ногой в ловушку. Существо постепенно расслабилось, когда смуглый коротышка вставил весла в лодку и крикнул:

— Забирайся внутрь.

Было все еще темно, но волны уже приобрели оттенок необычайно красивой голубизны, когда заря медленно разгоралась все выше и выше, а небо на востоке светлело, пока весь горизонт не вспыхнул ослепительным сиянием восходящего солнца.

Неожиданно первые лучи отразились от сверкающей поверхности воды, и Перратин произнес:

— Может, возьмешься за весла и начнешь грести? Два часа — это уж слишком для одного

человека!

Когда они менялись местами в узком пространстве лодки, в сгорающем от нетерпения мозгу чудовища мелькнула мысль: «Сейчас!» — Но оно удержалось от искушения — слишком близко они находились от острова, сверкающего позади на фоне солнца, поднимавшегося прямо за ним, как изумруд в платиновой оправе. Ослепительные воды океана представляли собой незабываемое зрелище — с господствующим пылающим красным шаром, полностью выступавшим сейчас над вздымающимся над поверхностью воды горизонтом.

— *Господи,* — воскликнул Перратин, — да ведь их тут целая стая! Я уже насчитал две дюжины акул за две минуты. Нашим людям следовало бы поохотиться здесь сегодня.

Он не спускал пальца с крючка длинного ружья.

— Может, подстрелить парочку, а потом мы бы отбуксировали их на берег. У меня достаточно веревок.

Чудовище замерло на место, когда вдруг поняло, что Перратин держит в руках оружие. По нервам существа быстро пронеслись сигналы тревоги. Оружие полностью меняло всю ситу-

ацию. Чудовище разозлилось на себя, что так послушно принялось за весла, оставив тем самым человеку свободные руки. Уверенность в том, что Перратин станет для него легкой жертвой, оно уже не чувствовало.

Прошло несколько часов. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, остров превратился в темную точку посреди необъятных просторов воды, когда Перратин произнес:

— Оно должно быть где-то здесь. Напряги свои гляделки, Джоунс. Только бы эти чертовы акулы не сожрали его раньше. Эй, ты же трясешь лодку!

Его пронзительный тревожный голос, казалось, доносился откуда-то издалека. А тело его было далеким и одиноким на носу лодки. Тем не менее чудовище видело все со сверхъестественной четкостью.

Смуглое лицо маленького приземистого человека приобрело необычную бледность под загаром, глаза безумно расширились. Руки и пальцы застыли в напряжении, но не выпускали ружье.

— Какого черта ты это делаешь? Здесь ведь акулы! *Sacre du Nom,* скажи же что-нибудь и перестань пялиться на меня этими ужасными

глазами. Я…

Он выпустил ружье и судорожно вцепился в борта лодки. С диким рычанием существо бросилось к нему, и одним быстрым движением стальных мышц выбросило его за борт. Вода закипела, когда длинные темные сигарообразные тела вынырнули из глубин на поверхность. Голубая вода окрасилась кровью, и чудовище взялось за весла.

Все его тело дрожало от ужасного возбуждения и удовольствия. Но теперь… нужно придумать объяснение случившемуся. Успокоившись, существо погрузилось в размышления и погребло в сторону острова, дремлющего в теплом сиянии утреннего солнца.

…Оно возвратилось на остров слишком рано! Солнце висело в зените над молчаливой пустынной сушей. Где-то поблизости находился повар, но его не было слышно. Лодки других рыбаков были скрыты от взгляда за голубым горизонтом, едва заметно дрожащего на фоне голубой небесной дымки.

Ожидание оказалось для него настоящим мучением. Бесконечно долго тянулась вторая половина дня, казалось, он никогда не кончится. В напряжении чудовище прохаживалось по

берегу, потом улеглось, мучимое беспокойством, на зеленой траве под прохладной сенью пальм, одурманенное безумным хаосом мыслей, различных планов, необузданных чувств и наполненное жаждой убийства. Существо постоянно мысленно повторяло подготовленные им объяснения.

Однажды оно услышало грохот тарелок из хижины повара. В голове гулко застучало, и первым его диким желанием было броситься туда и убить повара. Но существо подавило его. Нет, оно направится туда и оценит реакцию человека… Однако потом тварь решила ничего не предпринимать.

Наконец начали прибывать моряки; их лодки буксировали на длинных веревках мертвых акул. Создание смотрело на это пылающим безжалостным взглядом, и в ярости оно едва не поддалось безумию и не бросилось к этим лодкам, чтобы нести смерть.

Скоро из одной лодки выбрался Корлисс, и чудовище вдруг поймало себя на том, что говорит что-то хриплым голосом, и Корлисс в неверии восклицает:

— Набросилась на вас! Эта тварь с плавниками набросилась на лодку и прикончило Перратина!

Корлисс смутно осознавал, что остальные моряки поторопились выбраться из лодок и начали

тихо задавать вопросы. Солнце, уже у самого горизонта, бросало копья косых лучей прямо в его глаза, и он продолжал щуриться, стоя на деревянной временной платформе дока. Инстинктивно он развел ноги пошире, словно готовясь встретить мощный удар, затем уставился на худое смуглое лицо чужака со странными глазами, мощной челюстью и орлиным носом; и по спине вдруг пробежали мурашки, в конце обдав ледяным холодом его мозг.

Это не была смерть. Он видел смерть раньше, и смерть ужасную; и слышал о том, что подобные шокирующие вещи случались с людьми, которых он знал. И он всегда чувствовал, что когда-нибудь по закону вероятностей такое произойдет и с ним. И уже неоднократно он ощущал это удивительно потрясающее прикосновение смерти, когда казалось, что этот день уже наступил.

Нет, это не была смерть. Это было ощущение нереальности, неверия, медленно нарастающего недоверия к этому… этому Джоунсу, и вот наконец внутри себя он ощутил тупую боль. Его голос, когда он заставил себя снова заговорить, ему самому показался резким и хриплым:

— Почему же Перратин не пристрелил это проклятое чудовище? Пары пуль хватило бы…

— Но он стрелял! — поторопилось сообщить создание, ухватившись за эту новую мысль. До этого момента оно не вспоминало о ружье, но если Корлисс хотел, чтобы Перратин стрелял из ружья, то так тому и быть. Существо быстро продолжило: — Но у нас не было и шанса. Чудовище тут же с такой силой налетело на лодку, что Перратин выпал за борт. Я попытался затащить его в лодку, но не успел. Тварь утащила Перратина под воду, и я, испугавшись, что она снова может напасть, взялся за весла и погреб к острову. Повар подтвердит вам, что я прибыл где-то в полдень.

Из-за спины Корлисса Проже зашелся в диком смехе — хриплом невеселом хохоте, который эхом раздавался по воздуху.

— Из всех натянутых историй, которые я когда-либо слышал, эта — самая паршивая. Послушай, Корлисс, а ведь чертовски забавно, что отправившись впервые с одним из наших людей, этот чужак возвращается с вестью об убийстве. Да, я сказал «убийство»!

Корлисс пристально посмотрел на могучего голландца, и на мгновение ему показалось, что его лицо очень похоже на облик Проже: такое же смуглое, угрюмое и подозрительное. И потом… странно, что Проже, облекая в слова те же мысли,

что будоражили его ум, заставил его внезапно осознать, насколько же безумной и нелепой является сама мысль о подобном. Убийство! Вверх нелепости!

— Проже, — резко бросил Корлисс, — ты должен научиться контролировать свой язык! Ты говоришь полную чушь!

Чудовище посмотрело на голландца, замерев на месте. Странно, но сейчас оно только и могло, что чувствовать эгоистическую радость, что контролирует ситуацию; и настолько сильной была эта эмоция, что тварь не способна в этот момент даже разъяриться.

— Я не хочу с тобой ругаться, — начало существо, — сам понимаю, что происшедшее выглядит не лучшим образом, но просто вспомни, что мы отправились за существом, которое сам Перратин описал, как новый и опасный тип акул. И с какой стати мне убивать совершенно незнакомого мне человека? Я…

Оно замолчало, потому что Проже отвернулся и уставился на лодку, на которой плыли он и Перратин. Эта лодка швартовалась в конце дока, и Проже несколько секунд простоял над лодкой, глядя вниз на нее. Потом внезапно он спрыгнул в нее, и у чудовища перехватило дыхание, когда

голландец исчез из виду за краем дока. Первым его побуждением было побежать вперед и посмотреть, что же тот делает, но оно не посмело.

Корлисс сказал:

— Все верно, Проже. Вы все разбрасываетесь обвинениями направо и налево. Какие могут быть мотивы…

Существо не слышало больше его. В его голове закружился хоровод хаотичных мыслей, когда оно в ужасе уставилось на Проже. Голландец выпрямился, в руках он держал сверкающую на солнце винтовку Перратина. Потом он что-то вынул из оружия — какую-то блестящую металлическую вещицу, которая сверкала в его руках.

— Сколько раз, ты говоришь, Перратин стрелял? — тихо спросил он.

Сознание чудовища охватило какое-то неясное ощущение ужаса. Оно поняло, что этот вопрос задан не просто так: на суровом мускулистом лице голландца появилось строгое выжидательное выражение. Ловушка! Но какая же? Существо проговорило, запинаясь:

— Ну… два… три раза. — Прилагая ужасные усилия, оно попыталось взять себя в руки. — То есть два раза. Да, два! Потом та тварь с плавниками ударила по лодке, и Перратин выронил

ружье, и…

И тут чудовище замолчало! Замолчало, потому что на лице Проже появилась улыбка — грозная, отвратительная, торжествующая, язвительная. Он произнес звонким спокойным тоном:

— Тогда как получается, что в магазине ружья все пули? Объясните мне это, мистер Умный Чужестранец Джоунс… — И тут он взорвался в приступе гнева: — Ты, проклятый убийца!

Странным образом спокойствие, в котором они пребывали в этом забытом всеми мире, внезапно оказалось поколеблено. Корлиссу показалось, что все перевернулось вверх дном, под ложечкой неприятно засосало, возникло совершенно необычное неуютное ощущение страха и тревоги, словно они внезапно оказались вовсе не на острове, а на голой деревянной не защищенной ничем платформе посреди огромного враждебного океана. И это неприятное ощущение еще больше усилилось видом длинных низких зданий, чьи очертания смутно вырисовывались на фоне зелени, растущей на острове. Только дрожащие тени, падавшие на темно-синие воды, виделись сейчас ему; и неописуемые меланхоличные звуки волн, бесконечно плескавшихся о деревянные сваи, поддерживавших платформу, эхом отдавались

в его мозгу.

Слова Проже не имели смысла. Огромное тело голландца возвышалось над ним, и на лице человека сияла тигриная безрадостная улыбка, выражающая непоколебимую уверенность. И на долю секунды Корлисс мысленно представил весь ужас, который испытал смуглолицый коротышка француз, бедняга Перратин, когда его разрывало на куски закованное в броню чудовище из морских глубин. Но остальное не имело смысла. Он резко крикнул:

— Ты сошел с ума, Проже. С какой стати, во имя всех Богов этого океана, Джоунсу убивать кого-нибудь из нас?

Растерявшееся существо лихорадочно ухватилось за эту спасительную мысль. Оно в замешательстве спросило:

— Магазин? Не понимаю, что ты имеешь в виду!

Голландец стремительно придвинул свое бычье лицо к худому обеспокоенному лицу чудовища, остановившись всего в футе от него.

— Да-а-а! — рявкнул он. — Вот на этом-то ты и поймался — раз не знаешь, что такое автоматическая винтовка. Да, все дело в том, что в ней имеется магазин, а в магазине — пули, двадцать

пять штук, вот он, магазин, и он полон, ни одна пуля не израсходована!

Существу показалось, что стальные челюсти капкана, в которое оно попало, захлопнулись на нем. Но теперь, уже сознавая опасность, он скинул прочь неуверенность и смущение, оставив осторожность и сожаление. Существо сплюнуло и произнесло гнусавым голосом:

— Не знаю, как это получилось, но все произошло так, как я говорил. Он дважды выстрелил, и если ты не можешь понять этого, то тут я ничем помочь тебе не могу. Повторяю, с какой стати мне убивать кого-нибудь здесь? Я…

— Мне кажется, я могу дать объяснение случившемуся, — Высокий худощавый Умник Стапли протиснулся вперед среди людей, стоявших в хмуром молчании. — Предположим, Перратин действительно стрелял дважды и что две эти пули остались в старом магазине. Он, наверное, успел вставить новый магазин, но было слишком поздно. Джоунс мог быть настолько взволнован, что даже не заметил этого действия Перратина.

— Джоунс не из тех, кто волнуется, — пробурчал Проже, однако по его ворчанию чувствовалось, что неохотно, но ему придется согласиться с этим объяснением.

— Но тут имеется еще одна вещь, которую не так легко объяснить. — Стапли продолжал напрягшимся голосом. — Учитывая то обстоятельство, что акулы способны перемещаться со скоростью до семидесяти миль в час, как могло такое случиться, что они обнаружили эту тварь почти в том же самом месте, что и вчера. Другими словами, Джоунс лжет, когда утверждает, что они видели это существо, если только…

Он замолчал, и Корлисс спросил:

— Если только…

Умник не решался продолжить несколько секунд, но потом, наконец, неохотно произнес:

— Я снова вернусь к теме, о которой я уже говорил — о владыке акул.

Он торопливо продолжал, прежде чем кто-нибудь успел его перебить:

— Только не говорите, что это натянуто. Я сам это вижу. Но мы все уже не один год провели в этих южных морях, и мы все видели вещи, которые не поддаются объяснению. За это время в наших сознаниях произошел любопытный психологический поворот в сторону иррациональности. Я знаю это: любой ученый или психолог назвал бы меня суеверным простаком, но я дошел уже до тех пределов, чтобы не согла-

ситься с подобным заключением: я считаю, что я уже приспособился к таинственному миру, который нас окружает. Я могу видеть разные вещи, ощущать их, *принимать* то, что показалось бы бессмысленным западному человеку.

Уже много лет я исследовал места, где нет людей, прислушивался к волнам, тихо накатывающим на сотни далеких берегов. Я наблюдал за Луной здесь, в Южном полушарии, и весь преисполнился ощущения безвременности этого мира воды — невероятного первозданного безвременья.

Мы, белые люди, пришли в этот мир со свойственным нам шумом, и мы принесли сюда корабли, приводимые в движение мощными двигателями, построили города на берегах. Иллюзорные города! В самом сердце безвременности они наводят на мысль о бренности, и вы знаете, что им не просуществовать здесь долго. Придет день, когда в этой части планеты не останется белых людей — останутся только эти острова и народы, их населяющие, океан и его обитатели.

Вот к чему я веду: я сидел среди костров туземцев и слушал старые-престарые истории о владыках акул, о формах его тела в воде. Все сходится. Поверь мне, Корлисс, все сходится с

рассказом Перратина. Сначала мне показалось любопытным, что на самом деле это может оказаться и какая-нибудь акула. Но потом я принялся размышлять над этим, и чем больше я размышлял, тем больше проникался тревогой.

Потому что, видишь ли, владыка акул способен принимать форму человека. И, по правде говоря, нет иного объяснения тому, что на этом острове появился человек, в тысяче миль от ближайшего порта. Джоунс — это…

Его прервал громкий язвительный голос. К удивлению Корлисса, это был голос Проже, полный сарказма:

— Хватит нести эту бредовую суеверную чушь! Умник, пошел бы ты остудить в воде свою голову. Мне по-прежнему не нравится поведение этого парня, его глаза. Мне не нравится все в нем. Но в тот день, когда я поверю в подобные бредни…

— Перестаньте болтать, — перебил его коротышка англичанин Дентон. Корлисс увидел, что тот стоит у края здания, откуда была видна часть острова. — Если вы подойдете сюда и увидите то, что вижу я, вы оба перестанете городить всякую чушь. Там плывет какой-то туземец в каноэ, и он уже за ломающими волнами и направляется вдоль берега в нашу стороны. И это является

доказательством, что Джоунс мог приплыть сюда на лодке.

Туземцем оказался красивый молодой человек с загорелой кожей, статный и мускулистый. Вытащив свое каноэ на каменистый в этой части острова берег, он приближался с широкой дружественной улыбкой и естественной доброжелательностью островитянина к белым людям. Корлисс улыбнулся в ответ, но слова его были обращены к Проже и «Джоунсу»:

— Дентон прав… и Джоунс, поверь, мне очень жаль, что мы причинили тебе столько хлопот.

Тварь выслушала извинения и слегка кивнула головой. Но она не дала послабления своему телу или разуму. Существо не сводило немигающего холодного взгляда с приближающегося туземца, напрягая каждый мускул. Его тревожила мысль о том, что жители островов обладают особенной способностью опознавать их.

Полностью сосредоточившись, оно сделало полуоборот, когда туземец остановился в нескольких футах от Корлисса. Частично прикрытый группкой людей, оно опустилось на колени и притворилось, что завязывает шнурок на ботинке. Оно услышало, как Корлисс произнес на одном из островных диалектов:

— Что привело тебя сюда, дружище?

Юноша ответил низким, мелодичным голосом, характерным для своего народа:

— Приближается шторм, белый брат, а я заплыл далеко в море. Шторм идет со стороны моего острова, поэтому я отправился сюда искать убежище. Я…

Он вдруг замолчал, и Корлисс увидел, что туземец пялится широко раскрытыми глазами на Джоунса.

— Эй, — сказал руководитель, — ты знаешь его?

Чудовище поднялось на ноги, словно загнанный тигр. В ледяном взгляде, с которым оно уставилось в глаза смуглого человека, на секунду мелькнула безжалостная неконтролируемая лютость. Невероятная яростная ненависть нахлынула на мозг хладнокровного рыбьего существа, устремляясь от него к туземцу. Тот открыл рот и попытался что-то произнести, но лишь облизнул пересохшие губы, после чего молча повернулся и кинулся бежать обратно к своей лодке.

— Какого дьявола! — воскликнул Корлисс. — Эй, вернись!

Туземец даже не обернулся. Не сбавляя ходу, он достиг лодки. Одним движением столкнул ее в

воду и запрыгнул в нее. И в сгущавшихся сумерках наступающей ночи он начал яростно грести, позабыв об опасности, по извилистой дорожке глубоких вод, вьющейся среди скал, которые превращали лагуну в ловушку для неосторожных.

Корлисс резко крикнул:

— Проже, уводи людей к складу! — Его голос сорвался на визг: — Эй, глупец! Нельзя выплывать в такой шторм. Мы дадим тебе надежное убежище!

Наверное, туземец это все слышал. Но в темноте было невозможно рассмотреть, обернулся ли он. Корлисс повернулся лицо к чудовищу и подозрительно поглядел на него.

— Вполне очевидно, — холодным тоном начал он, — что этот человек узнал тебя. Что означает, что ты либо с его острова, либо с какого-либо соседнего. Ты перепугал его, да так, что он тут же решил, что угодил в руки твоей банды. Проже был прав. Ты крутой орешек. А теперь я предупреждаю тебя: с такими крутыми парнями, как мы, ты еще никогда не имел дело! И больше ты никогда не останешься один на один с кем-нибудь из нас, хотя должен признаться, что я до сих пор не могу поверить в то, что ты убил Перратина. Это нонсенс. Как только закончится шторм, мы доста-

вим тебя на острова и разузнаем, кто ты такой.

Он резко повернулся и ушел. Но чудовище почти не обратило на это внимания. Оно яростно думало: «Этот островитянин наверняка вернется сюда. Он не забудет слова Корлисса о том, что он предоставит ему надежное убежище, и он знает, что белые люди могущественны. Охваченный ужасом, он выдаст меня. Можно сделать только одно!»

Сейчас еще более стемнело, и туземец был едва виден в сумерках, что окутали остров и воду. Чудовище быстро направилось к месту, где поток воды каскадом падал в лагуну. Здесь лагуна становилась глубже, а дно не так круто уходило вниз от скалистого берега. Чудовище было настолько поглощено видом акулы, метавшейся в бурлящей воде, что шум этого крошечного водопада заглушил шаги приближающегося Корлисса. Внезапно, судорожно вздохнув, оно повернулось и увидело Корлисса, стоявшего в нескольких футах от него, уставившегося на черные воды.

Корлисс не мог дать объяснение побуждению, заставившему его повернуться и пойти вслед за существом. Сначала ему захотелось понаблюдать за аборигеном, а потом его внимание привлекло движение в воде в том месте, к которому на-

правлялся Джоунс, и необычная поза Джоунса, склонившегося над водой.

Волна ужаса охватила его в следующую секунду, когда он увидел в гаснущем свете длинную темную грозную фигуру похожего на торпеду тела. Оно нырнуло и исчезло в глубине. Корлисс резко поднял голову и взглянул на существо, внезапно осознавая, что оказался в смертельной опасности.

Несколько секунд существо стояло совершенно неподвижно, не сводя пылающего взгляда с человека. Они были одним там, у края моря, и все его тело было напряжено, наэлектризовано убийственной решимостью утащить этого сильного угрюмого человека в воду. Оно присело, готовясь к прыжку, когда уловило блеск металла в руке Корлисса, и при виде этого смертоносного оружия его дьявольское желание моментально улетучилось.

Корлисс сказал:

— Клянусь Небесами, это была акула, и ты разговаривал с ней! Я, наверное, схожу с ума…

— Вот-вот! — выдохнуло чудовище. — Я увидел акулу и отогнал ее прочь. Если буря утихнет к утру, то я хотел бы поплавать здесь, и мне не нужно, чтобы поблизости тут плавали какие-нибудь

акулы. Выбросьте эту мысль из головы. Я…

Его прервал чей-то пронзительный крик о помощи: дикий вопль прорезал воздух — крик, полный смертельного ужаса. Он шел от того места, где на фоне темной воды и темного безлунного неба неясно вырисовывались очертания фигуры туземца. Корлисс почувствовал, как кровь стынет в его жилах.

Сгущающаяся темнота окутала его, как одеяло, тяжелое, но не сохраняющее тепло. А в нескольких шагах от него находился Джоунс — худощавый, ладно сложенный человек с холодными нечеловеческими глазами, блестевшими в сумрачном свете наступавшей ночи. Ощущение, что этот казавшийся безжалостным чужак набросится на него, стало таким сильным, что Корлисс сжал свой револьвер крепкими пальцами и рискнул бросить лишь один короткий взгляд на юго-запад, где в темной воде смутно вырисовывалась фигура аборигена.

Инстинктивно он попятился от края воды и от чужака, а потом снова бросил взгляд в сторону эбонитового океана. Туземец, похоже, с отчаянной безнадежностью сражался с кем-то, атакующим из воды, нанося удары веслом. Трижды, пока Корлисс смотрел, юноша хватался за

борт каноэ и просто повисал на нем, пытаясь удержать хрупкое суденышко от переворота. Корлисс стремительно перевел взгляд на чудовище и угрожающе махнул оружием.

— А ну, пошел — впереди меня! — Он повысил голос, отдавая команду людям, стоявшим на берегу: — Эй, Проже, быстрее! Бери лодку и заводи мотор! Мы должны спасти этого аборигена; а двое пусть идут сюда, ко мне на помощь.

Через несколько секунд подошло двое. Корлисс узнал Дентона и человека, которого звали Тарейтон, — тупоносого и тупоголового американца. Корлисс резко произнес:

— Доставьте этого типа в барак и охраняйте его, пока я не вернусь. Дентон, держи мой пистолет!

Он бросил оружие крепкому коротышке англичанину и побежал, но успел расслышать, как Дентон резким голосом приказал:

— А ну, пошевеливайся!

Когда Корлисс запрыгнул на борт лодки, двигатель уже работал, и направляемая умелыми руками Проже лодка в ту же секунду отчалила от причала. Запыхавшийся Корлисс присел возле Проже, стоявшего у штурвала. Мощный голландец повернул к нему свое смуглое суровое лицо.

— Мы просто идиоты, что рискуем налететь в

такой темноте на скалы!

Корлисс веско возразил ему:

— Мы должны спасти жизнь этому аборигену, защитить его от твари, что атакует его… и узнать, почему он так панически боится Джоунса. Поверь мне, Проже, это самое важное для нас в данный момент.

Еще не совсем стемнело. Черные воды впереди лодки освещал мощный прожектор. Корлисс напряженно смотрел, как лодка начала на убийственно медленной скорости лавировать вдоль линии скал, окружавшей котловину глубокой воды с единственным выходом в большую, более глубокую часть лагуны, где уже нельзя было разглядеть аборигена — стало слишком темно из-за черных грозных туч, выплывших из-за горизонта и вздымавшихся, словно чудовищные волны в ночном небе.

Неожиданно раздался леденящий душу скрежет! Лодка закачалась, и Корлисса швырнуло на несколько футов. Ошеломленный, он вытянул руку и, вцепившись в корму, подтянулся. Лодка по-прежнему оставалась круто наклоненной, двигатель хрипел на полных оборотах, а потом — непонятно каким образом — они вновь поплыли дальше.

Корлисс с трудом выдохнул:

— Мы напоролись на скалу!

Он ожидал, что сейчас в лодку хлынет вода и их утянет в черные глубины. И тут он услышал громкий голос Проже, полный удивления и тревоги:

— Это вовсе не скала. Мы уже более минуты, как покинули мелководье. На несколько секунд мне даже показалось, что мы налетели на каноэ туземца, но в таком случае я бы сначала заметил его!

Корлисс расслабился и тут последовал новый удар, и его с силой швырнуло на борт. Он отчаянно, на ощупь пытался за что-нибудь ухватиться, а затем смутно увидел, что лодка накреняется под опасным углом. С криком он, ухватившись за что-то, бросил свое тело в противоположную сторону, отчаянно пытаясь выровнять лодку. Но одному ему было не справиться. Поняв это, он поблагодарил своих богов за то, что, повинуясь собственному внутреннему опыту, выбрал в свою команду охотников на акул несгибаемых быстро соображающих людей — людей, которые, подобно ему, не раз смотрели в лицо смертельной опасности и ими не нужно было руководить и указывать, что делать в случае непредвиденной опасности. Они тоже все как один бросились к

тому же борту, что и он, отчаянно пытаясь уравновесить лодку.

И лодка выпрямилась и поплыла вперед.

— Убавить скорость! — хрипло крикнул Корлисс. — И направьте луч прожектора на воду. Мы должны увидеть, где мы.

Кто-то произвел необходимые манипуляции с прожектором, и луч осветил лагуну. Сверкнув, он отразился от поверхности воды таким ослепительным блеском, что на мгновение Корлисс ослеп. А потом…

Потом он содрогнулся. Никогда до конца жизни ему не забыть этот ужас, леденящий душу ужас, который охватил его при виде кошмарных силуэтов, которые разворачивались и извивались, кружились и сверкали в призрачном свете прожектора.

Казалось, вода буквально кишела акулами. Массивные кружащиеся и извивающиеся тела, блестящие трехугольные плавники. Сотни длинных, зловещих, похожих на торпеды фигур. *Тысячи*!

Глядя расширенными глазами, он понял, что где-то там находится разорванное на куски тело аборигена. Натолкнувшись на гигантскую рыбу, лодка закачалась, словно человек, у которого

закружилась голова. Корлисс увидел, как голландец молниеносно повернул штурвал, и лодка, тоже сделав поворот, выпрямилась.

— Назад! — загремел голос Корлисса. — Назад, если вам дорога жизнь! Курс на берег! Вытащить лодку из воды на песок! Они хотят нас перевернуть!

Вода кружилась и бурлила; двигатель урчал на полных оборотах; лодка содрогалась и визжала каждой своей тонкой и крепкой доской, а над головой в далеком небе враждебно вздымались черные тучи. Первый порыв ветра налетел на них, словно удар молота. Их окатило водой, когда они лихорадочно вытаскивали лодку на песок. Корлисс крикнул:

— Быстрее! Быстрее собрать снаряжение и бегом в барак. Мы оставили Дентона и Тарейтона наедине с этим дьявольским чудовищем! У них нет и шанса, поскольку они не знают, что им противостоит.

Густая завеса дождя ударила его по лицу и телу, едва не свалив его с ног на землю. Он повернулся спиной к дождю и ветру, которые безжалостно хлестали спины бежавших охотников за акулами, растянувшихся длинной цепочкой, отчаянно пытавшихся спастись от разбушевавшейся сти-

хии.

…Завывание ветра снаружи доносилось до чудовища. Его, с одеревеневшими мышцами и напряженными до предела нервами, закрыли в бараке. Для его обостренных чувств, занятых одной мыслью о побеге, это смутно различимое пространство, заполненное деревянными койками, казалось каким-то нереальным фантастическим миром. Жуткие желтые тени метались по стенам, когда свет от ламп, свисавших с потолка, то усиливался, то ослабевал в безумствующем потоке воздуха, проникавшем сквозь щели в стенах грубо сколоченного барака.

И тут начался дождь, оглушительный грохот которого, казалось, вот-вот пробьет дыру в крыше над ними. Но она по крайней мере была сделана на совесть и не протекала. Ищущий выхода, обезумевший разум существа поразила мысль о том, что люди, вышедшие в море в эту ужасную бурю, как раз сейчас, возможно, приближаются к этой хижине — если только сумели спастись. Но оно не питало призрачной надежды, что им не удалось уйти от опасности бороздивших воды чудовищ.

Тварь и эту мысль отбросила в сторону; и снова всю необыкновенную мощь своего разума она

направила на двух мужчин, преграждавших ей путь к свободе, двух мужчин, которые умрут через две минуты, пока не возвратились Корлисс и остальные.

Две минуты! Чудовище направило свой леденящий взгляд на этих людей, которые уже, наверное, в сотый раз за последние полчаса принялись обсуждать создавшееся положение.

Дентон сидел на краю своей кровати; невысокого роста толстяк выказывал нервозность: без конца раскачивал ногами, вертел телом, то и дело проводил пальцами по сверкающей поверхности револьвера, который он держал в руках. Он увидел оценивающий взгляд чудовища и замер; слова, которые слетели с его губ, только укрепили того во мнении: коротышка англичанин весьма решительно настроен.

— Да! — резко произнес Дентон. — Выражение твоих глаз говорит мне, что ты что-то задумал. Не советую начинать это! Я в этих морях уже двадцать лет, и поверь мне, я управлялся и не с такими крутыми парнями. И не нужно меня предупреждать о твоей силе — я видел, как ты разделался сегодня утром с Проже, так что я знаю, на что ты способен, помни, что этот маленький кусочек железа уравнивает наши шансы.

Он махнул револьвером со спокойной уверенностью, и чудовище напряженно подумало: «Если бы я успел принять свой истинный облик, то я бы убил его несмотря на этот пистолет, но я не смогу сделать обратное превращение и выбраться из этой хижины. Я оказался в ловушке!»

И тут оно поняло, что американец что-то начал говорить.

— То, что сказал Дентон, вдвойне относится и ко мне! Нет такой вещи, которую я когда-либо не сделал. На мой взгляд, Перратин был замечательным парнем, и мне не нравится то, как он погиб. У меня просто руки чешутся от желания, чтобы ты кинулся на нас, и мы вдвоем с Дентоном нашпиговали бы тебя свинцом. Знаешь что, Дентон, — он полуобернулся в направлении своего напарника, его карие глаза сверкали, ноздри приплюснутого носа раздувались, — а почему бы нам просто не взять его на мушку, прикончить, а потом сказать Корлиссу, что он пытался сбежать?

— Нет! — Дентон Покачал головой. — Корлисс появится здесь с минуты на минуты со всеми. Кроме того, я не хочу быть простым убийцей.

— Ба! — свирепо пробурчал Тарейтон. — Разве считается преступлением убийство убийцы?

Чудовище с тревогой наблюдало за Дентоном.

У него был револьвер, и ничто иное не имело значения. Оно произнесло, прилагая невероятные усилия, чтобы его слова прозвучали небрежно:

— Вы, люди, либо глупцы, либо трусы. Мы оказались здесь одни, на этом острове. И ни у одного из нас нет способа выбраться отсюда. Если я сбегу из этой хижины, то куда мне деться, а? Так что я проведу ужасную ночь под открытым небом. Или вам хочется сидеть и охранять меня всю ночь?

— Черт побери! — резко крикнул Тарейтон. — А это мысль. Вышвырнем его наружу, запрем дверь изнутри, а потом немного поспим.

В сознании чудовища ярко вспыхнула надежда, которая тут же погасла, когда Дентон покачал отрицательно головой.

— Нет, я не сделаю это даже с бешеным псом. Но твои слова натолкнули меня на одну мысль. — Его голос стал насмешливым: — Тарейтон, покажи этому джентльмену, что мы собираемся сделать с ним. Возьми веревку с того гвоздя за тобой и свяжи его. А я буду следить за всем этим с хлопушкой в руках, так что без глупостей! Помни об этом, иначе пожалеешь!

Чудовище хриплым голосом произнесло:

— Я что, похож на идиота, чтобы набрасываться на Тарейтона и сразу же получить пулю в

спину…

Однако, испытывая ужасное нетерпение, оно подумало: «Американец на долю секунды заслонит пистолет. А даже если и нет, то это не имеет значения. Он окажется рядом, впервые за все время окажется вблизи, а большего и не требуется. Никто из них не имеет и малейшего намека на силу, с которой они столкнулись, и…

Пора!»

С тигриной скоростью оно прыгнуло на Тарейтона. На какой-то миг оно увидело его вытаращенные глаза, рот, разинутый для крика. Оторвав американца от пола, оно бросило его одним быстрым движением прямо на Дентона.

Хриплый удивленный рев Дентона слился с испуганным баритоном Тарейтона в единый крик боли, когда они столкнулись и, оглушенные, врезались в ближайшую стену.

Чудовище хотело накинуться на них и разорвать их плоть на куски, но не было времени даже проверить, остались ли они живы. Давно уже миновали те две минуты, что оставались у него в запасе. Было уже слишком поздно… слишком поздно на что-либо, кроме немедленного бегства.

Чудовище рывком распахнуло дверь и со страшной силой врезалось головой в Корлисса.

Потеряв равновесие, оно полетело назад. И в это мгновение оно увидело крупную фигуру Проже, стоявшего за спиной предводителя. А следом шли остальные охотники за акулами.

В эту ночь обезумевшая стихия казалась вечностью. Желто-оранжевый свет, шедший изнутри барака, бросал безумные призрачные блики на лица удивленных людей, сгибающихся под кошмарными ударами бури; изогнутый след молнии высветил худое смуглое хищное лицо чудовища, пытавшегося подняться.

Существо в равной степени оказалось удивленным такой неожиданной встречей, но в сотни раз более крепкие стальные мышцы раньше оправились от удивления. Чудовище нанесло яростный удар по Корлиссу, отразить который тот был не в состоянии — человека бросило на Проже… после чего чудовище устремилось в темноту ночи, где неистово бушевали ветер и дождь.

Сначала оно, склонив голову, напрягло все мышцы тела, противостоя необузданному буйству стихий, но затем, осознав, что медленное продвижение вперед делает из него удобную мишень, оно перестало пятиться, повернувшись спиной к ветру и дождю и побежало на восток — туда, где блестели черные воды, подхлестывае-

мые яростными порывами обезумевшего ветра.

Оно принялось на бегу срывать с себя одежду — рубашку, штаны, ботинки, носки, и на мгновение люди увидели его во время вспышки молнии — высокую обнаженную фигуру на фоне неба, на мгновение ослепительно сверкнувшего.

Они увидели его еще раз, когда чудовище взобралось на край скалы. А потом оно пропало — белой молнией нырнув в глубины черных вод. К Корлиссу наконец вернулся дар речи:

— Мы схватим его! — прокричал он, перекрывая рев бури. — Мы схватим его, куда бы это дьявольское отродье не попыталось скрыться от нас!

Прежде чем он успел что-нибудь добавить, волна людей внесла его в открытые двери внутрь барака. Дверь закрылась, и тяжело дышавший Проже резко произнес:

— Что, черт побери, ты хотел этим сказать: «Мы достанем его»? Этот идиот покончил с собой. Могу биться о заклад, что после прыжка в бездну он точно не выживет.

Корлисс с трудом пришел в себя, но когда стал отвечать, его буквально прорвало.

— Поверьте мне, — сказал он в конце, — это-то и есть доказательство правоты Умника! Эта дья-

вольская тварь — на самом деле и есть владыка акул в человеческом облике… и я говорю вам, мы схватим его, если мы поторопимся!

Он строчил слова как из пулемета:

— Неужели вы не видите? В том месте лагуны, где он прыгнул, нет иного выхода в море, кроме канала, которым пользуемся мы сами, пробираясь на лодках. В одном месте канал подходит близко к берегу, и именно там мы его остановим, не дадим спокойно выйти в открытое море. Умник!

— Да, сэр! — Высокий худощавый с лицом интеллектуала англичанин тут же вышел вперед.

— Возьми шесть человек, захватите динамит со склада, прожектор и займите пост на берегу возле этого канала. Через одинаковые промежутки времени взрывайте динамит *под* водой — ни рыба, ни любое другое живое существо не выдержат подводного взрыва. Прожектором освещайте воду. Там очень узко. Вы не можете и не должны упустить его! Поторопитесь!

Когда люди ушли, Проже сказал:

— Босс, ты забыл об одной вещи. *Имеется* еще один выход в том месте, где эта проклятая тварь прыгнула в лагуну. Помнишь об узком перешейке между двумя вертикальными скальными стена-

ми. Акула может запросто проскользнуть там.

Корлисс хмуро покачал головой.

— Я не забыл, но ты прав: акула может выбраться в том месте. Но у той твари в его естественной форме огромные и мощные плавники. И эти плавники — слишком большие для того, чтобы тварь протиснулась сквозь узкий проход — ее плавники будут оторваны и разрезаны на мелкие ленточки. Неужели ты не понимаешь, что это означает? Чудовище должно принять свой человеческий облик, если хочет пройти сквозь ту узкую горловину, и тогда оно станет чрезвычайно уязвимой, иначе бы оно не вело себя с нами так осторожно. Оно…

В эту секунду его оборвал глухой *взрыв*, разорвавший тишину ночи. На его суровом властном лице медленно растянулась безжалостная улыбка удовлетворения.

— Вот и первый взрыв. Это возможно означает, что проклятое чудовище попыталось пройти по обычному каналу. Что ж, теперь оно научено. Мы загнали его в угол. Либо оно рискнет плыть через тот адский проход в человеческой форме, либо же мы прикончим его завтра утром, в каком бы оно ни было облике. А теперь торопитесь, все хватайте факелы и ружья и выстраиваемся в цепь

вдоль берега. Оно не должно пройти мимо нас!

Море было слишком бурным, волны слишком высокими, ночь слишком темной! Предчувствие беды, ледяное и зловещее, пронзило холодные рыбьи нервы чудовища, когда оно пыталось сохранить свой человеческий облик на поверхности, где его беспомощная человеческая голова могла вдыхать воздух. Оно яростно сражалось, но море грохотало и ревело, волновалось и бурлило.

Кошмарное море непреодолимой темной стеной вздымалось со всех сторон, кроме одной. И там вода сверкала белизной — даже в этом мраке можно было различить белые бешеные волны прибоя. В этом белом пенистом море оно видело темную полосу — единственный путь в безопасность огромного океана — узкую темную полосу, где вода была глубокой, бурлящей и невероятно быстрой.

И именно через этот сотрясаемый штормом канал акула сейчас плыла из лагуны в сторону океана.

Чудовище с трудом удерживалось на поверхности, яростно перебирало ногами, месило руками бурлящую обезумевшую воду, до предела напрягая зрение, чтобы не упустить из виду слабое

поблескивание треугольного плавника плывшей впереди акулы, служившей ей проводником в этом адском канале.

Акула с трудом продвигалась вперед, лихорадочно маневрируя, борясь с ревущей свирепостью волн, которые лились и изрыгались сквозь бурлящую горловину. Плавник исчез, но потом снова появился, едва различимый на фоне серо-белых волн.

Акула преодолела этот узкий проход и теперь была в безопасности: смутное пятно плавника тут же растаяло в темноте ревущего океана.

Чудовище остановилось в нерешительности. Теперь настала его очередь, но ему вовсе не хотелось бросаться в эти ревущие бурлящие воды в своем хрупком человеческом теле.

Оно зарычало от ярости разочарования, издав высокий пронзительный нечеловеческий крик ненависти, и полуобернулось спиной к берегу, горя диким отчаянным желанием пробиться через кордон из мягкотелых людей и позабыв об опасности.

А потом оно снова зарычало и, увидев цепочку пылающих факелов, протянувшихся по берегу, сплюнуло в ярости. Каждый факел бросал бледный мерцающий круг света, и за каждым из

них нетерпеливо переступал человек с ружьем наизготовку.

Этот путь был закрыт. Чудовище осознало это, подавив в себе безумное желание стремглав броситься вдоль берега. И только сейчас — и слишком хорошо — оно разглядело ловушку, в которую угодило. Эта маленькая часть лагуны была непроходима, словно природа сама дожидалась миллионы лет этого момента, чтобы поймать несущее смерть чудовище в ловушку.

И снова тварь направила свой холодный, сверкающий взгляд рыбьих глаз к выходу из канала. Стальные челюсти щелкали в гневе, губы сжались в тонкую акулью морду, и тут она бросилась в бурлящие воды.

Возникло ощущение невероятной скорости; инстинктивно существо попыталось свернуть в сторону, куда исчезла акула-лоцман. Вода хлынула в пасть твари; она сплюнула, закашлялась, а потом на секунду у нее перед глазами мелькнуло ужасное видение своей погибели: прямо перед ней возвышалась каменная стена высотой в ярд — черная, мрачная, безжалостная. В лихорадочной спешке оно повернулось и бросилось в сторону, в безумии выбросив вперед руки. Но никакие мускулы уже не способны были сражаться

с непобедимым океаном.

Оно успело бросить еще один взгляд на свою судьбу, вновь бесстрашно зарычав с удивительной невероятной свирепостью, после чего пришла невыносимая боль, когда его человеческая голова превратилась в кровавое месиво после удара о твердую, как сталь, скалу. Сломанные кости, порванные мышцы и связки, раздавленная плоть — таким изуродованное тело было унесено темными водами океана.

Акула-лоцман учуяла свежее мясо и, сделав несколько кругов, вернулась. Через несколько секунд к ней присоединилась еще дюжина других темных силуэтов.

Шторм продолжался всю эту темную ночь. Люди продрогли, промокли и устали Когда Корлисс направил первую лодку в успокоившиеся воды лагуны, в сторону узкого, все еще ревущего и смертельно опасного прохода, на его хмуром лице читались следы усталости после долгого ночного бдения.

— Если это чудовище все же рискнуло, — с твердой решимостью произнес он, — то мы ничего не найдем, но будем знать. В том месте, где канал делает поворот, есть подводное течение, с которым только крупная рыба способна совладать. Любое

существо будет там размозжено.

— Эй! — с тревогой воскликнул Дентон; из-за боли лицо у него по-прежнему было бледным. — Не слишком приближайтесь к этому месту. Мы с Тарейтоном достаточно натерпелись сегодня.

Только к полудню Корлисс приобрел уверенность, что ни какого опасного существа в лагуне нет. Когда они направились к берегу, хоть и уставшие, но испытывающие огромное чувство облегчения, лучи южного неба ярким светом заливали изумрудный остров, который ослепительно сверкал в оправе из волн огромного сапфирового океана.

Четвертый вид: Мультиморфное чудовище
Усыпальница чудовища

Чудовище ползло, скуля от страха и боли. Бесформенное, аморфное существо, меняющее форму при каждом резком движении, оно ползло по коридору космического корабля, пытаясь побороть неудержимое стремление своих клеток принять форму окружающих его предметов. Серая масса распадающейся субстанции то ползла, то переваливалась, то катилась, то текла, разливаясь жидкостью, и в каждом движении отражалась отчаянная борьба с ненормальным для него желание приобрести устойчивую форму. Любую форму! Создание готово было даже превратиться в твердую холодно-голубую металлическую стену земного корабля или толстый каучуковый пол. Ну, с полом-то справиться было легко. В отличие от металла, который притягивал и притягивал… Как же легко застыть вот так в металле на веки вечные…

Но что-то препятствовало этому. Какой-то внушенный приказ. Приказ этот барабанной

дробью передавался от одной молекулы к другой, вибрировал от одной клетки к другой, не меняя своей силы, что напоминало какую-то особенную пытку: найти самого величайшего математика в солнечной системе и доставить его в усыпальницу, построенную из марсианского суперметалла. Великий Прежний должен быть освобожден! Замок, секрет которого был связан с простым числом, должен быть открыт!

Именно этот приказ воздействовал на все его составные части. Великие и злые создатели ввели эту мысль в самые основы его сознания.

В противоположном конце коридора что-то шевельнулось. Открылась дверь. Раздались шаги. Какой-то человек что-то тихо насвистывал. С металлическим скрежетом, похожим на вздох, существо разлилось, мгновенно превратившись в лужу ртути. Потом оно приобрело такой же, как у пола, коричневый цвет — оно стало полом, чуть-чуть толще полосы темного коричневого каучука, длиной в несколько ярдов.

Существо испытывало неописуемое блаженство от одного только лежачего положения, превратившись во что-то плоское, застыв, почти став мертвым, когда отступает любая боль. Вечный покой так сладок: жизнь — сплошная

невыносимая мука! Пусть эта живая форма поскорее минует его. Если оно остановится, то чудовище примет его форму. Живая форма это умеет. Жизнь сильнее металла. И это означало муки, борьбу, боль.

Существо напрягло свое плоское гротескное тело — тело, которое способно было обрасти могучими мускулами и начать борьбу не на жизнь, а на смерть.

Парелли, механик космического корабля, радостно насвистывал, идя по сверкающему коридору из машинного отделения. Он только что получил радиотелеграмму из больницы: «Жена чувствует себя хорошо. Родился мальчик весом в восемь фунтов». Он подавлял в себе желание кричать и танцевать. Мальчик. Жизнь казалась прекрасной.

Боль пронзила чудовище, распростертое на полу. Первородная боль, обжигающая, как кислота, разлилась по его телу. Когда Парелли шел по полу, каждая коричневая молекула чудовища дрожала. Чудовище охватило огромное желание потащиться вслед за ним и принять его форму. Оно испытывало безумное желание, стараясь побороть панику и этот жуткий ужас, все более и более сознательно, поскольку могло уже

мыслить, используя мозг Парелли. Зарябившая полоска пола покатилась вслед за мужчиной.

Но чудовище ничего не могло с собой поделать. Рябь превратилась в лужицу, которая в один миг приняла форму человеческой головы из ночных кошмаров — форму демона. Существо в ужасе издало металлический звук, потом разлилось кашицей от страха, боли и ненависти, когда Парелли ускорил шаг — слишком быстро для его медленного улиточного ползанья. Писк смолк. Растекшись по коричневому полу, тварь лежала неподвижно, но при этом дрожала от неконтролируемого желания жить — жить несмотря на боль, несмотря на ужас. Жить, чтобы выполнить намерение его создателей.

Пройдя тридцать футов по коридору, Парелли остановился. Он резко выбросил из головы мысли о ребенке и жене. Повернувшись, он неуверенно посмотрел на коридор, ведущий в машинный зал.

— Что это такое, черт побери? — вслух выразил он свои мысли.

Странный, еле слышный, но пугающий звук эхом отдался в его сознании. По спине пробежались мурашки. Дьявольский звук!

Высокий мускулистый мужчина стоял перед

ним, обнаженный до пояса, потея от жары генераторов ракет, которые в настоящее время тормозили корабль, возвращающегося на Землю из метеорологического полета на Марс. Вздрогнув, он сжал пальцы в кулак, медленно двинулся назад тем путем, которым пришел сюда.

Чудовище дрожало, чувствуя свое влечение к этому человеку, оно мучениями отдавалось в каждой его охваченной нетерпением и возбуждением клетке. Постепенно оно осознало всю неизбежность и необходимость принятия формы этого живого существа.

Парелли остановился в неуверенности. Пол двигался под его ногами, он, не веря собственным глазам, смотрел, как пол коричневой пугающей волной начал подниматься и превращаться в пузыреобразную шипящую массу. Отвратительная демоническая голова возвышалась на скрюченных получеловеческих плечах. Шишковатые кисти на обезьяньих деформированных руках вцепились в его лицо в безудержной ярости и, не выпуская, продолжали изменяться.

— Боже милостивый! — глухим голосом воскликнул Парелли.

Руки, схватившие его, становились более нормальными и похожими на человеческие,

приобретая загар и обрастая мускулами. Появилось лицо со знакомыми чертами, на нем вырос нос, образовались глаза, красные губы. И вот неожиданно перед ним возникло его собственное тело, одетое в такие же, как у него, брюки и такое же потное.

— …милостивый!.. — как эхо, повторило существо, с невероятной силой цепляясь пальцами за него.

Широко раскрыв рот, Парелли пытался освободиться, потом с размаха нанес удар в искривленное лицо. Существо издало пронзительный вопль. Оно повернулось и побежало, растекаясь по полу во время бега, пытаясь справиться с этим процессом и издавая нечеловеческие вопли. Парелли бросился преследовать его, но ноги его подгибались от только что пережитого ужаса. Парелли все еще никак не мог поверить увиденному. Вытянув руку, он рванул за расползающиеся брюки, и в его руках остался кусок — холодный скользкий извивающийся кусок, похожий на мокрую глину.

Мерзкое ощущение. С него было достаточно. Он почувствовал отвращение и споткнулся. И тут услышал, как впереди крикнул пилот:

— Что случилось?

Парелли увидел открытую дверь склада. Судорожно вздохнув, он бросился туда и спустя мгновение выскочил обратно, держа в руках атомный пистолет. Пилот, стоя лицом к одному из огромных иллюминаторов, побледнев, уставился на него карими глазами.

— Там! — крикнул он.

Серая клякса растеклась по стеклу, став прозрачной. Парелли бросился вперед, подняв атомный пистолет. По стеклу пошла рябь, затемняя его; а затем на мгновение он увидел, как эта капля возникла по другую сторону иллюминатора, где царил холод космоса. Рядом с ним остановился офицер. Они оба наблюдали, как серая бесформенная масса, медленно ползя по корпусу несущегося в пространстве космического корабля, скрылась из виду.

Парелли очнулся.

— У меня есть кусок этого! — выдохнул он. — Я бросил его на пол в складу.

Его обнаружил лейтенант Мортон. Крошечный участок пола вздыбился, а потом стал разрастаться, пытаясь принять человеческую форму. С вылезавшими из орбит глазами Парелли сгреб эту массу совком. Она зашипела. Потом почти превратилась в часть металлического совка, но

этому помешало близость людей. Парелли стоял на трясущихся ногах за своим начальником. Он зашелся в истерическом хохоте.

— Я коснулся его, — он не мог остановиться, — я коснулся его!

Огромная жидкая лужица металла снаружи космического корабля слегка шевельнулась, когда корабль ворвался в земную атмосферу. Металлический корпус корабля покраснел, потом стал белым от жары, но существо, не обращая на это внимание, продолжало медленно трансформироваться в серую массу. Оно смутно ощущало, что настала пора действовать.

Внезапно оно отделилось от корабля и начало медленно падать, словно в силу каких-то обстоятельств сила тяжести Земли перестала оказывать на него сколь серьезное воздействие. Его атомная решетка подверглась изменениям, и через минуту падение его ускорилось — чуждое существо стало теперь более податливым к действию гравитации. Внизу простиралась зеленая поверхность планеты; и в лучах заходящего солнца вдалеке блестел какой-то город. Чудовище снизило скорость падения и начало дрейфовать, словно падающий лист, несомый ветром к еще очень далекой земле. Оно приземлилось у моста

на окраине города.

Какой-то человек шел по мосту быстрым нервным шагом. Наверное, он был бы поражен, если бы оглянулся и увидел свою точную копию, выбирающуюся из рва на дорогу, а потом направившуюся вслед за ним.

«Найти… величайшего математика!»

Прошло полчаса. Страдание, порожденное этой навязчивой мыслью, превратилось в сознании существа в постоянную боль, когда оно шло по многолюдным улицам. Боль эта усиливалась еще и по другим причинам. Приходилось бороться с притяжением эта напирающей со всех сторон, спешащей человеческой массы, не обращающей на него никакого внимания. Но ему было легче думать и легче удерживать свою форму сейчас, когда у него был мозг и тело человека.

«Найти… величайшего математика!»

«Зачем?» — задавалась вопросом человеческая часть его сознания. И тут все его тело содрогнулось от шока, вызванного подобной ересью. Карие глаза забегали встревоженно, как бы ожидая мгновенной и ужасной гибели. На краткий миг его лицо слегка потеряло свою форму, когда сознание затопила волна хаотических мыслей, но затем ему удалось принять облик человека с

крючковатым носом, проходившего мимо, потом — загорелое лицо высокой женщины, всматривающейся в витрину магазина.

Процесс трансформации продолжался бы и дальше, однако существо отбросило от себя страх и попыталось принять облик гладко выбритого молодого человека, который ленивой походкой вышел из боковой улочки. Посмотрев на чудовище, он отвел взгляд в сторону, но затем, пораженный, снова взглянул на него. В сознании существа эхом повторилась мысль молодого человека: «Кто это, черт возьми? Где же я раньше видел его?»

К ним приближалась группа из шести женщин. Существо отпрянуло в сторону, когда они проходили мимо. Его коричневый костюм, когда существо на мгновение потеряло контроль над своими внешними клетками, приобрел слегка голубоватый оттенок. Голова загудела от шелеста платьев и щебетания: «Моя дорогая, как она ужасно выглядит в этой нелепой шляпке?»

Впереди тянулась вереница гигантских зданий. Чудовище покачало человеческой головой, сознавая, что множество зданий означает металл; и силы, которые удерживают вместе атомы металлов, будут оказывать влияние и на его че-

ловеческую форму. Погруженное в обдумывание причин для этого, существо вдруг заметило не спеша проходившего мимо стройного мужчину в темном костюме. Это был какой-то служащий. Чудовище уловило его мысль — он завидовал своему начальнику, Джиму Брендеру, главе фирмы «Дж. П. Брендер и К°».

Обертоны этой мысли заставили существо внезапно повернуть и направиться следом за Лоренсем Пирсоном, бухгалтером фирмы. Если бы прохожие обратили внимание на него, то через секунду они были бы поражены видом двух Лоренсов Пирсонов, идущих по улице на расстоянии пятидесяти футов друг от друга. Второй Лоренс Пирсон узнал из сознания первого, что Джим Брендер изучал математику в Гарвардском университете, а также финансы и политическую экономику и стал последним в длинной череде финансовых гениев, уже в тридцать лет став главой невероятно богатой фирмы «Дж. П. Брендер и К°».

«А ведь мне тоже тридцать, — эхом отдалась мысль Пирсона в голове существа, — но я ничего не добился. Тогда как Брендер имеет все, а мне придется жить в одном и том же старом доме до конца жизни».

Стало темно, когда они вдвоем переходили реку. Существо ускорило шаг, агрессивно догоняя шедшего впереди человека. В самый последний миг жертва уловила что-то из его ужасных мыслей. Стройный молодой человек повернулся и слабо вскрикнул в страхе, когда стальные пальцы сомкнулись на его горле. В голове потемнело, она закружилась, когда мозг Лоренса Пирсона прекратил свою деятельность. Задыхаясь, пытаясь не разлиться на асфальтовом покрытии моста, твари наконец удалось взять контроль над своим телом. Существо обхватило труп и перебросило его через бетонное ограждение. Потом внизу раздался всплеск и бульканье воды.

Чудовище, которое теперь было Лоренсом Пирсоном, двинулось вперед сначала быстро, но затем сбавило шаг, пока не подошло к огромному кирпичному дому. Оно встревоженно посмотрело на номер, вдруг почувствовав неуверенность: что, если оно неправильно запомнило номер. Неуверенно оно открыло дверь. Наружу устремился поток желтого света, и в чувствительные уши чудовища ударил резкий смех. Тут же в голове раздался такой же нестройный шум множества мыслей, как и на многолюдной улице. Существо пыталось отгородить свое сознание от потока

этих мыслей, угрожавших затопить разум Лоренса Пирсона. Оно оказалось в огромном, ярко освещенном холле, в конце которого за стеклянной дверью в какой-то комнате за столом сидело человек двенадцать; они ужинали.

— А, вот и мистер Пирсон, — произнесла хозяйка, восседавшая во главе стола. С мимолетным интересом существо посмотрело на эту женщину с орлиным носом и тонкими губами. Оно восприняло ее мысль. У нее был сын, преподававший математику в университете. Существо пожало плечами. Одного короткого взгляда ему хватило, чтобы понять правду. Сын этой женщины был в смысле интеллекта таким же бездарем, как и мать. — Вы пришли как раз вовремя, — без особого интереса продолжила она. — Сара, принеси мистеру Пирсону тарелку.

— Спасибо, но я не голоден, — ответило существо, мысленно смеясь, подобного ощущения никогда прежде оно не испытывало. — Пожалуй, я пойду прилягу.

Все долгие часы ночи существо, лежа на постели Лоренса Пирсона с открытыми настороженными блестящими глазами, все больше и больше осознавало, что же оно такое: «Я машина, не имеющая собственного разума. Я использую

сознания других людей. Но по какой-то причине мои создатели дали мне возможность быть не просто эхом чуждых мыслей — я использую мозги людей для выполнения задания».

Принявшись размышлять над своими создателями, оно почувствовало, как волна паники охватывает всю нервную систему чужеродного существа, затуманивая его человеческий разум. Неясное воспоминание о физической боли и химической реакции, разделившей его тело на отдельные элементы, вызвало у него испуг.

На рассвете существо поднялось с постели и стало прогуливаться по улицам города, пока не наступило полдесятого. В тому времени оно достигло импозантного входа в здание, где помещалась фирма «Дж. П. Брендер и К°». Внутри оно грузно уселось в удобное кресло, помеченное инициалами «Л. П.» и начало прилежно корпеть над записями, которые не успел закончить Лоренс Пирсон прошлым вечером. В десять часов арку входа пересек высокий молодой человек в темном костюме и начал стремительно обходить конторские помещения. Он расточал налево и направо улыбки со спокойной уверенностью. Чудовищу не нужно было слышать приветствия служащих, хором повторяющих «Доброе утром,

мистер Брендер», — чтобы понять, что прибыла его жертва. Оно приподнялось изящным гибким движением, на которое не был способен настоящий Лоренс Пирсон, и быстро прошло в ванную. Мгновение спустя двойник Джима Брендера появился из-за двери и с такой же спокойной уверенностью направился к двери в личный кабинет, куда несколькими минутами раньше вошел Джим Брендер. Постучав, чудовище вошло внутрь… в ту же секунду осознав одновременно о трех вещах. Во-первых, оно обнаружило разум, за которым его послали. Во-вторых, само оно было не в состоянии быстро и точно скопировать острый ум молодого человека, удивленно взиравшего на него своими темно-серыми глазами. И в-третьих, на стене кабинета висел огромный металлический барельеф.

В шоке, едва не вызвавшем хаос в голове, оно ощутило притяжение металла. И в одно мгновение поняло, что это и есть суперметалл, созданный замечательными умельцами древнего Марса. Предприимчивые человеческие существа с Земли постепенно откапывали погребенные под слоями песка за тридцать или пятьдесят миллионов лет города, полные бесценной мебели, произведений искусства и машин. Суперметалл!

Металл, который не нагревается, на поверхности которого ни алмаз, ни любой другой режущий инструмент не способен был оставить даже царапины. Землянам так и не удалось воссоздать его, такого же загадочного, как и сила *йеис*, которую марсиане черпали, казалось, из ниоткуда.

Все эти мысли пронеслись в сознании существа, когда оно исследовало клетки памяти Джима Брендера. С огромным усилием существо отбросило от себя мысли о металле и перевело взгляд на Джима Брендера. Оно уловило полный изумления поток мыслей в сознании привставшего человека.

— О Господи! — воскликнул Джим Брендер. — Кто вы?

— Меня зовут Джим Брендер, — ответило чудовище с безжалостной веселостью, внезапно осознав, что теперь оно способно ощущать подобные эмоции.

Настоящий Джим Брендер пришел в себя.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — участливо сказал он. — Это самое удивительное совпадение, с которым я когда-либо встречался.

Он прошел к зеркалу, украшавшему панель левой стены. Потом внимательно посмотрел — сначала на себя, потом на существо.

— Удивительно, — произнес он. — Просто не верится.

— Мистер Брендер, — начало существо, — я увидел вашу фотографию в газете и подумал, что наше поразительное сходство заставит вас прислушаться к тому, что я вам сообщу, тогда как в ином случае вы, скорее всего, не обратили бы на мои слова никакого внимания. Я совсем недавно возвратился с Марса и пришел сюда, чтобы убедить вас вернуться туда вместе со мной.

— Это невозможно, — возразил Джим Брендер.

— Погодите, — поторопилось заметить существо, — я вам все объясню. Не доводилось ли вам когда-нибудь слышать о Башне Чудовища?

— Башне Чудовища! — повторил Брендер, растягивая слова. Он обошел вокруг стола и нажал на кнопку.

Из украшенного орнаментом переговорного устройства донесся голос:

— Да, мистер Брендер?

— Дэйв, раздобудь для меня какую только сможешь достать информацию о Башне Чудовища и легендарном городе Ли, который, как предполагают, когда-то существовал на Марсе.

— Я вам сразу дам ответ, — последовал ответ. — Большинство марсианских историй упоминает

легенду о том, что когда Марс был юным, с неба на землю упало чудовище… и с этим событием связано какое-то страшное пророчество; чудовище, когда его обнаружили, находилось в бессознательном состоянии — что произошло вследствие его выпадения из подпространства. Прочитав его мысли, марсиане пришли в такой ужас, что попытались прикончить его, но не смогли. Поэтому они построили огромную усыпальницу, примерно в пять тысяч футов в диаметре и в милю высотой — и поместили туда чудовище. Было предпринято несколько попыток обнаружить этот город Ли, но ни одна из них не увенчалась успехом. По общему мнению, это просто миф. Вот и все, Джим.

— Спасибо! — Джим Брендер отключил связь и повернулся к посетителю. — Ну?

— Это вовсе не миф. Я знаю, где находится Башня Чудовища… И еще мне известно, что чудовище все еще живо.

— Так, послушайте, — с легкой улыбкой начал Брендер. — Меня заинтриговало ваше сходство со мной. Но не думайте, что я поверю в такую историю. Что некое чудовище (если вообще существовали такие чудовища) падает с неба во времена, когда Марс был молодой планетой.

Кое-кто из авторитетных ученых утверждает, что марсианская раса вымерла сотни миллионов лет назад, впрочем, по оценкам более умеренных историков — это случилось примерно двадцать пять миллионов лет назад. И от их цивилизации остались лишь строения из суперметалла. К счастью, в конце своего существования они строили почти все из этого неуничтожимого металла.

— Позвольте мне рассказать вам о Башне Чудовища, — спокойно произнесло существо. — Это башня гигантских размеров, и она всего лишь на сто футов выступает над песками, когда я увидел ее. В верхней части находится дверь, и эта дверь заперта замком с часовым механизмом, связанным по линии *йеис* с самым большим простым числом.

Джим Брендер уставился на него; и существо уловило его удивление, первые проявления неуверенности, брешь, пробитую в его скептицизме.

— Самым большим, максимальным, — повторил Брендер.

Он достал какую-то книгу с полки небольшой настенной библиотеки рядом с письменным столом и начал быстро пролистывать ее.

— Самым большим известным простым

числом… э-э… является… 230584300921393951. Еще несколько других, если верить этому справочнику, — 77843839397, 182521213001 и 78875944372201.

Складка на его лбу углубилась.

— Все это кажется какой-то нелепостью. Ведь максимальное простое число должно быть числом неопределенным. — Он с улыбкой посмотрел на существо. — Если и существует какое-то чудовище, и оно заперто в усыпальнице из суперметалла, на двери которой замок с часовым механизмом, связанным по линии *йеис* с самым большим простым числом, то это чудовище замуровано там навеки. Ничто в мире не способно освободить его.

— Наоборот, — возразило существо. — Чудовище уверило меня, что нескольким землянам-математикам вполне по силам разрешить эту проблему, но необходимо, чтобы человек был прирожденным математиком, прошедшим всю математическую подготовку, которую только возможно получить на Земле. И вы — такой человек.

— Вы что, думаете, что я освобожу этого демона зла — даже если совершу чудо и разрешу эту математическую головоломку?

— Никакой он не демон зла! — резко ответило существо.

— Просто в нелепом страхе перед неизвестным марсиане заточили его в темницу, совершив величайшую несправедливость. Это создание — ученый из другого пространства, который стал жертвой одного из своих собственных экспериментов. Я называю его «он», хотя даже не знаю, конечно, существует ли в его расе разделение на пол.

— Так вы на самом деле разговаривали с этим чудовищем?

— Оно связалось со мной при помощи телепатии.

— А ведь было доказано, что мысли не могут проникать сквозь суперметалл.

— А что людям известно о телепатии? Они между собой могут вступать в устойчивый контакт лишь в исключительных случаях, — с презрением бросило существо.

— Это так. И если ваша история правдива, значит, этим делом должен заняться Совет.

— Нет, это дело касается лишь двоих: вас и меня. Или вы забыли, что усыпальница чудовища расположена в центральной башне великого города Ли… а ведь там сокровищ на миллиарды

долларов — различная мебель, произведения искусства, машины? Чудовище требует, чтобы его освободили прежде, чем оно позволит кому-либо извлечь эти сокровища. Вы можете его освободить, и мы поделим это богатство.

— Позвольте мне задать один вопрос, — сказал Джим Брендер. — Какое ваше настоящее имя?

— П-Пирс Лоренс! — с запинкой ответило существо. В эту секунду оно не могло вспомнить ни одного другого имени, кроме как назвать имя и фамилию своей первой жертвы, поменяв при этом их местами и слегка изменив первое слово. Мысли существа смешались, когда Брендер продолжил:

— А на каком корабле вы прибыли на Землю?

— Н-на Ф4961, — запинаясь, ответило существо. Ярость еще больше усилила его замешательство. Оно пыталось взять себя в руки, но почувствовало, что начинает терять форму, внезапно ощутив притяжение суперметалла, из которого состоял барельеф на стене, и поняло, что это означает опасность распада на отдельные элементы.

— Это, наверное, грузовой корабль, — заметил Джим Брендер. Он нажал на кнопку. — Карльтонс, узнай, был ли на борту Ф4961 пассажир или человек по имени Пирс Лоренс. Через сколько

будет ответ.

— Через несколько минут, сэр.

Джим Брендер откинулся на спинку кресла.

— Это простая формальность. Если вы действительно были на этом корабле, то я буду вынужден обратить более серьезное внимание на ваше заявление. Вы ведь, разумеется, понимаете, что я не могу действовать вслепую.

Коммутатор запищал.

— Да? — произнес Джим Брендер.

— На борту Ф4961, когда он приземлился позавчера, было только два человека. И на борту не было человека с именем Пирс Лоренс.

— Спасибо! — Джим Брендер встал. Потом он холодно произнес: — Прощайте, мистер Лоренс. Просто не могу представить себе, на что вы надеялись, придя ко мне с такой абсурдной историей. Хотя, честно признаюсь, она меня заинтересовала, как и вы сами.

Снова раздался звонок.

— Вас хочет увидеть мистер Горсон, сэр.

— Очень хорошо, проси его.

Существо сейчас же взяло себя в руки, и в сознании Брендера оно прочитало, что Горсон — это финансовый магнат, имеющий дело с фирмой Брендера. Узнало оно и еще кое о чем, вследствие

чего оно покинуло кабинет Брендера и, выйдя из здания, стало дожидаться появления мистера Горсона перед входом в здание фирмы. Через несколько минут два мистера Горсона шли по улице. Это был весьма подвижный для своих пятидесяти лет человек. Он вел активную жизнь, много путешествовал — в его памяти хранились воспоминания о различных климатах и нескольких планетах, где он побывал. Существо уловило живость натуры Горсона благодаря своим чувствительным клеткам и двинулось вслед за человеком с осторожностью и уважительностью, еще не решив, как оно будет действовать. «Я уже не то беспомощное существо, которое не способно удерживать форму, — подумало оно. — Мои создатели дали мне способность учиться и развиваться. Все легче и легче бороться с распадом на составные части и оставаться в человеческом облике. Имея дело с этим человеком, мне нельзя забывать, что, используя должным образом свою силу, я непобедим».

Через минуту осторожного прощупывания разума своей предполагаемой жертвы оно узнало точный путь до конторы. В сознании существа ясно отложился образ входа в огромное здание. Потом длинный коридор из мрамора, в конце

которого располагался автоматический лифт, поднимавший до восьмого этажа, еще один небольшой коридор с двумя дверьми. За одной из них находился личный кабинет Горсона, другая вела в кладовку, которой пользовался дворник. Горсон время от времени заглядывал туда, и среди прочих вещей в его памяти отложился и находившийся там огромный ящик.

Существо дождалось в этой кладовке, пока ничего не подозревающий Горсон пройдет мимо двери. Раздался скрип двери. Горсон повернулся, и его глаза расширились. У него не было ни малейшего шанса. Удар из твердой стали превратил его лицо в кровавое месиво, а сломанные кости вонзились в хрупкий мозг. В этот раз существо не совершило ошибку, когда в предыдущий раз настроилось на разум своей жертвы. Оно схватило падающее тело, стальной кулак при этом снова принял человеческий вид. С лихорадочной поспешностью оно запихнуло крупное и атлетически сложенное тело в большой ящик и плотно закрыло крышку. Осторожно выглянув из укрытия, оно вышло в коридор, прошло в личный кабинет мистера Горсона и уселось за сверкающий дубовый стол. Человек, ответивший на его вызов, увидел Джона Горсона, который

сказал ему:

— Криспинс, я хочу, чтобы ты немедленно начал продажу этих акций по нашим секретным каналам. Продавай, пока я не скажу тебе, что следует закончить, даже если ты сочтешь это безумием. Я получил информацию относительно них.

Криспинс взглянул на столбцы названий пакетов и вытаращил глаза.

— Боже милостивый, дружище! — воскликнул он наконец с фамильярностью, на которую он имел право, будучи его доверенным советником. — Но ведь это надежные акции! Даже ваше состояние не способно выдержать такого удара!

— Говорю тебе, я не один участвую в нем.

— Ведь это же незаконная дезорганизация рынка, — запротестовал мужчина.

— Криспинс, ты слышал, что я сказал. Я ухожу из офиса. Не пытайся связаться со мной. Я позвоню тебе.

Чудовище, которое было Джоном Горсоном, встало, не обращая на спутанные мысли, которые потоком проносились в мозгу Криспинса. Оно вышло за дверь, покидая здание. На улице оно подумало: «Все, что мне нужно — это убить полдюжины финансовых магнатов, начать рас-

продажу их акций, после чего…»

К часу все было кончено. Биржа закрывалась в три, но уже в час Нью-Йоркские телеграфы начали выстукивать новости. В Лондоне, где уже стемнело, вышел чрезвычайный вечерний выпуск газет. В Ханьчжоу и Шанхае ослепительное утро омрачили продавцы газет, кричавшие по улицам под сенью небоскребов о банкротстве фирмы «Дж. П. Брендер и К°» и о назначенном расследовании…

— Мы имеем дело, — сказал утром следующего дня председатель окружного суда в своем вступительном слове, — с самым удивительным совпадением в истории. Старая и уважаемая фирма, имеющая широкие связи и филиалы по всему миру, внезапно обанкротилась из-за неожиданного падения цен на акции, в которых была заинтересована. Потребуются месяцы, чтобы выяснить, кто же несет ответственность за их продажу и последующую катастрофу. Пока же я не вижу причин — испытывая сожаление, как, наверное, и все старые друзья Дж. П. Брендера и его сына, чтобы не удовлетворить требования кредиторов и не ликвидировать всю движимую и недвижимую собственность фирмы путем распродажи и других законных мероприятий…

Коммандор Хьюз из Межпланетных Космических Путей Сообщения вошел в кабинет своего начальника в воинственном настроении. Это был человек невысокого роста, но крепкого телосложения; и существо, которое сейчас звалось Луисом Дьером, с напряженным взглядом уставилось на него, осознавая о силе и могуществе этого человека.

— Ты получил мой рапорт по делу Брендера? — начал Хьюз.

Существо нервно принялось крутить ус Луиса Дьера, потом нашло небольшую папку и прочло вслух:

— По психологическим причинам опасно принимать на работу Брендера… Слишком много ударов одновременно. Потеря богатства и положения… Ни один обычный человек не останется нормальным при… подобных обстоятельствах. Возьми его в свою контору… веди себя с ним подружески… дай ему какую-нибудь должность, на которой его несомненно большие способности… но не на космическом корабле, где требуется исключительная крепость, как умственная, моральная, душевная, так и физическая…

Хьюз прервал его:

— Именно эти пункты я хотел подчеркнуть. Я

знал, что ты поймешь, что я имею в виду, Луис.

— Конечно, я все понимаю, — ответило существо, с безжалостной улыбкой посмотрев на собеседника: оно в последнее время обрело исключительную уверенность в собственных силах. — Твои мысли, твои предложения, твой моральный кодекс и твои методы оставили неизгладимый след на твоем образе мышления, и, — торопливо добавило оно, — я никогда не имел ни малейших сомнений в правильности твоих выводов. Однако в данном случае я не уступлю. Джим Брендер не примет обычной должности, предложенной ему друзьями. Просто смешно, чтобы он был в подчинении у людей, которых превосходит по всем статьям. Он когда-то командовал на своей космической яхте — и он знает больше о математической стороне этой работы, чем весь наш персонал вместе взятый. И это вовсе не упрек в адрес нашего персонала. Он знаком с космическими полетами, и, на его взгляд, это именно то, в чем он сейчас нуждается. И поэтому я приказываю тебе, Питер, — впервые за все время нашего длительного сотрудничества — назначить его на космический грузовой корабль Ф4961 на место механика Парелли, с которым случился нервный срыв после любопыт-

ной истории с существом из космоса, о котором рассказал лейтенант Мортон… Кстати, нашли ли вы наконец тот… э-э… образец существа?

— Нет, сэр. Он исчез в тот день, когда вы пришли взглянуть на него. Мы обыскали то помещение вдоль и поперек — ведь ничего более странного вы никогда в жизни не видели. Оно проходит сквозь стекло так же легко, как свет. Можно даже подумать, что это какая-то форма света… Признаюсь честно, я тоже испугался. Это высшая фаза развития, адаптирующаяся в окружающей среде лучше, чем что-либо, обнаруженное нами до сих пор. Говорю тебе: ты не можешь так просто убрать меня из дела с этим Брендером.

— Питер, не понимаю, что с тобой. Впервые я вмешался в твою работу, и…

— Я подаю в отставку, — простонал человек голосом, полным горечи.

Существо подавило улыбку.

— Питер, ведь это ты подбирал весь персонал Космических Путей Сообщения. Это твое детище, твое создание. Ты не можешь отказаться от него, неужели ты не понимаешь, что не можешь…

В тихо звучавших словах послышались обертоны тревоги: существо уловило в сознании Хьюза первые настоящие причины его отставки.

Услышав только что о собственных достижениях в любимой работе, в его мозгу промелькнули воспоминания, и человек лишь сейчас осознал, насколько сильной была его обида на угрожающее вмешательство в его работу. Существо тут же поняло, что означает отставка этого человека: недовольство людей, быстрое осознавание создавшейся ситуации с Джимом Брендером, вслед за которым последует отказ от должности, а ведь только благодаря этому назначению Брендер и мог попасть на корабль, не особо ломая голову обо всем случившемся. А уж оказавшись на борту корабля, он совершит полет на Марс — а ничего другого и не требовалось.

Существо начало задумываться над тем, как бы принять облик Хьюза. Но потом с мучительной болью осознало, что это безнадежное дело. До самой последней минуты и Луис Дьер, и Хьюз должны оставаться на своих местах.

— Но послушай, Питер, — в замешательстве начало существо, но остановилось. — Дьявольщина! — продолжило оно потом: это было так по-человечески. Но тут же в еще большее замешательство его привело осознавание того, что Хьюз воспринял эти слова как признак слабости. Неуверенность черным облаком обволакивало

сознание существа.

— Я сообщу Брендеру, когда он придет через пять минут, что я обо всем этом думаю! — резко произнес Хьюз; и существо поняло, что случилось самое худшее. — Если ты запретишь мне разговаривать с ним, то можешь считать, что я уже подал в отставку! Я… Боже милостивый, твое лицо!

Существо пребывало одновременно и в состоянии замешательства, и в состоянии ужаса. Внезапно оно поняло, что его лицо начинает терять форму при осознании угрозы, грозившей уничтожить его планы. Пытаясь взять контроль над своим телом, оно вскочило на ноги, успев заметить страшную опасность. Секретариат находился сразу же за матовым стеклом двери… После первого же крика Хьюза подоспеет помощь. Полувсхлипнув, существо пыталось превратить свою кисть в имитацию металлического кулака, но в комнате не было металла, чтобы совершить это превращение. Был только твердый кленовый письменный стол. Издав резкий крик, существо перемахнуло через стол и попыталось вонзить острый деревянный штырь в горло Хьюза.

Тот удивленно выругался и с поразительной силой ухватился за палку. Снаружи послышались крики, топот ног…

Брендер оставил машину неподалеку от корабля. Затем несколько секунд постоял. Но не потому, что испытывал какие-либо сомнения. Он был из породы людей, любивших риск, и поэтому был в хороших отношениях с госпожой Удачей. На то, чтобы выяснить, обнаружен ли уже марсианский город Ли, не потребуется слишком много времени. И если это действительно так, то он вернет себе утраченное состояние. Он быстро направился к кораблю.

Остановившись на стартовой полосе, ведущей к открытой двери Ф4961, — огромному шару сверкающего металла, имевшему триста футов в диаметре — он увидел, что к нему бежит какой-то человек. Он узнал Хьюза.

Приближавшееся существо, которое было Хьюзом, пыталось успокоиться. Ему казалось, что оно попало под перекрестный огонь сил притяжения. Существо сжалось под напором мыслей людей, ворвавшихся в кабинет, который оно только что покинуло. Все пошло наперекосяк. Оно никогда не планировало делать то, что теперь вынуждено было сделать. Оно собиралось провести большую часть путешествия к Марсу, приняв форму жидкого металла на внешней обшивке корабля. С огромным трудом оно контролировало себя.

— Мы немедленно улетаем, — произнесло оно.

Брендер удивленно посмотрел на него.

— Но это означает, что мне придется рассчитывать новую орбиту в более трудных…

— Вот именно, — оборвало его существо. — Я наслышан о твоих чудесных математических способностях. Пора на деле доказывать это.

Джим Брендер пожал плечами.

— У меня нет возражений. Но почему я лечу именно с вами?

— Я всегда летаю с новичками.

В этом был здравый смысл. Брендер ступил на посадочную полосу. За ним последовал и Хьюз. Впервые за последнее время существо ощутило мучительное притяжение металла. И теперь в течение многих недель ему предстоит сражаться с металлом, пытаясь сохранить облик Хьюза, выполняя в то же время тысячи обязанностей. Боль пронзила все клетки его тела, сводя на нет уверенность в себе, которую существо приобрело, будучи человеком по имени Луис Дьер. Входя внутрь корабля вслед за Брендером, чудовище услышало сзади крик. Оно торопливо оглянулось. Из нескольких выходов в сторону корабля устремились люди. Брендер уже прошел несколько ярдов по коридору.

С присвистом, похожим на всхлипывание, существо запрыгнуло внутрь и рвануло рычаг, который закрыл огромную дверь.

Тут же находился аварийный рычаг, управляющий антигравитационными пластинами. Одним рывком существо утопило тяжелый рычаг до упора. В ту же секунду появилось чувство легкости свободного падения. Сквозь огромный иллюминатор существо смотрело на взлетное поле внизу, заполненное людьми, размахивающими руками. Побелевшие лица глядели вверх. А потом все исчезло вдали, и лишь грохот ракет вибрацией пронизывал корабль.

— Надеюсь, — сказал Брендер, когда Хьюз вошел в рубку управления, — вы хотели, чтобы я включил ракеты.

— Да, — глухо ответило существо. — Я оставляю всю математику вам.

Оно не посмело оставаться здесь, в такой близости от тяжелых металлических двигателей, хотя рядом и было тело Брендера, которое помогало ему сохранять человеческую форму. Оно торопливо вышло в коридор. Самым лучшим местом для него была отдельная каюта.

Внезапно оно остановилось, покачиваясь на кончиках пальцев — уловило мысль Брендера

из рубки управления, только что покинутой им. Существо едва не расползлось по полу, когда осознало, что Брендер сидит у радиоаппарата и отвечает на настойчивый вызов с Земли.

Оно ворвалось в рубку и резко остановилось. Глаза его расширились в человеческом испуге. Брендер быстро повернулся. В руках у него был револьвер. В его сознании существо прочитало зарождающееся понимание всей правды. Брендер закричал:

— Ты… то существо, которое пришло в мой кабинет и рассказало о простом числе и усыпальнице чудовища!

Он сделал шаг в сторону, чтобы закрыть открытую дверь, ведущую в другой коридор. Это движение привлекло внимание существа к телеэкрану — на нем было изображение настоящего Хьюза. В ту же секунду Хьюз увидел существо.

— Брендер, — громко произнес он, — это именно то чудовище, которое Мортон и Парелли видели во время возвращения с Марса. Оно не реагирует ни на жару, ни на химические вещества, но мы никогда не пытались прикончить его пулями. Стреляй, быстрее! — Здесь было слишком много металла и в голове царил слишком большой сумбур. С визгом существо расползлось

по полу. Ужасное воздействие металла превратило его в тяжелую полуметаллическую массу, и к этому полуметаллическому телу крепились две змеиные руки и отвратительная шишкообразная голова с одним наполовину исчезнувшим глазом — существо пыталось сохранить человеческий облик. Инстинктивно оно старалось приблизиться к Брендеру, чтобы притяжение его тела помогало ему в этом.

И полуметалл начал превращаться в нечто, похожее на плоть, пытающееся вернуться в прежнюю человеческую форму.

— Послушай, Брендер! — В голосе Хьюза чувствовалась настойчивость. — Баки с топливом в машинном отделении сделаны из суперметалла. Один из них пуст. В прошлый раз мы захватили часть этого монстра, и он не смог выбраться из небольшой емкости, сделанной из суперметалла. Если бы ты сумел загнать тварь в этот бак, воспользовавшись моментом, когда она потеряет контроль над собой, что, кажется, случится с нею довольно легко…

— Сперва я посмотрю, как ему понравятся свинцовые пули! — рявкнул Брендер ломающимся голосом.

Бах! Из полусформированной щели рта су-

щества вырвался пронзительный крик, и оно попятилось, ноги при этом расплылись в серую тестообразную массу.

— Больно, да? — выкрикнул Брендер. — А ну, ты, проклятая тварь, двигай в машинное отделение, в бак!

— Продолжай, продолжай! — кричал Хьюз с телеэкрана.

Брендер снова выстрелил. Существо издало слабый писк и снова отступило. Оно вновь все больше и больше походило на человека. И в его карикатурной руке появилась карикатура на револьвер Брендера.

Оно приподняло незаконченный несформировавшийся до конца пистолет. Последовал выстрел, а потом чудовище пронзительно вскрикнуло. Револьвер упал на пол, потеряв форму и превратившись в маленькую серую массу, которая лихорадочно поползла к материнскому телу и пристало, словно какая-то огромная раковая опухоль, к правой ноге.

И тут впервые могучие и полные зла разумы, создавшие это чудовище, попытались взять контроль над своим роботом. Взбешенный, хотя и осознающий одновременно и то, что дело надо вести очень осторожно, Контроллер подчинил

своей воле это полностью сломленное существо. Пронзительный вопль сотряс воздух вслед за криком, вызванным болью, когда эта перемена произошла с неустойчивыми элементами. Через мгновение чудовище стояло в облике Брендера, но вместо револьвера из загорелой могучей кисти вырос сверкающий металлический прут, блестящий, как зеркало, каждая грань которого переливалась, словно какая-то невероятная драгоценность. Металл излучал слабое, неземное сияние. И в том месте, где только что находилось радио и экран с лицом Хьюза, на нем теперь зияла большая дыра. Брендер в отчаянии посылал в это тело одну пулю за другой, но даже покачиваясь, существо не сводило с него спокойных глаз. Сверкающее оружие повернулось в его сторону.

— Когда ты закончишь, — произнесло оно, — возможно, мы сможем поговорить.

Его голос звучал так мягко, что Брендер, уже напрягшийся, чтобы встретить смерть, в удивлении опустил пистолет. Чудовище продолжало:

— Не тревожься. Ты сейчас видишь и слышишь андроида, сконструированного нами так, чтобы он мог действовать в вашем измерении. Сейчас несколько из нас в трудных условиях и с огромным трудом пытаются поддержать контакт с

тобой, так что я буду краток.

Мы живем в измерении, где время течет неизмеримо медленнее, чем в твоем. Благодаря системе синхронизации мы произвели настройку в нескольких из этих пространств таким образом, чтобы связаться с тобой. Нашей целью является освободить Калорна из марсианской гробницы. Проводя эксперименты, Калорн случайно угодил в искривление времени и оказался на планете, известной тебе, как Марс. Марсиане, почему-то испугавшись его огромных размеров, сконструировали самую дьявольскую из всех тюрем, и нам нужны знания математики, отвечающие твоему пространству и измерению, для одной лишь цели — освободить его.

Спокойный голос продолжал, страстно, но без агрессивности, настойчиво, но дружески. Говоривший сожалел, что их андроид убивал людей. Более детально он объяснил, что каждое пространство основано на своих различных числовых системах, в одних, к примеру, все числа отрицательные, в других — только положительные, в третьих существует смешанная система, и этих систем — невероятное множество, и каждая из них имеет свою математику, связанную со структурой пространства и его законами.

Ничего таинственного, по существу, в силе *йеис* нет. Это просто поток энергии из одного пространства в другой, происходящий вследствие разности потенциалов. Однако этот поток является одной из универсальных сил, которые можно уравновесить только другой силой. Именно ее говорящий эти слова и использовал несколько минут назад. Суперметалл — *действительно* супер. В их же пространстве это обычный металл, молекулы которого состояли из отрицательных атомов. В мозгу Брендера он прочитал, что марсиане ничего не знали об отрицательных числах, поэтому, по всей видимости, они построили металл из обычных атомов — это можно было сделать и так, хотя задача усложняется.

В конце он сказал:

— Вся проблема сводится вот к чем: ваши математики должны сказать нам, как, используя нашу универсальную силу, совершить деление максимального простого числа — то есть разложить его на множители — для того, чтобы открыть дверь в любой момент. Ты можешь спросить, как можно разложить на множители простое число, когда оно делится только на себя и на единицу. Эту проблему в вашей системе исчисления разрешить могут лишь ваши математики. Ты сделаешь это

для нас?

Брендер спрятал револьвер в карман. Успокоившись, он начал говорить:

— Похоже, вы были искренни и логичны. Если бы вы желали устроить нам неприятности, то проще всего было бы послать столько ваших сородичей, сколько вы сочли бы нужным. Конечно, весь этот вопрос нужно поставить перед Советом…

— И тогда это дело станет безнадежным. Совет не даст согласия…

— И вы считаете, что я сделаю то, что, как вы полагаете, самая высшая в Солнечной системе власть не способна сделать? — воскликнул Брендер.

— Нельзя рисковать жизнями граждан — такова сущность демократии. У нас здесь такое же правительство; и его члены уже информировали нас, что в сходных обстоятельствах они не стали бы рассматривать вопрос освобождения неизвестного чудовища. Отдельные индивидуумы, однако, могут рискнуть там, где отказывает правительство. Ты уже признал, что наша аргументация логична. Чего же в таком случае придерживаются люди, если не логики?

Контролер через своего андроида встревожен-

но следил за мыслями Брендера. Он заметил сомнения и неуверенность, которым противостояло присущее человеку желание помочь, основывавшееся на логической убежденности, что он при этом остается в безопасности. Копаясь в его сознании, Контролер сразу же понял, что глупо, имея дело с людьми, слишком надеяться на логику. Он продолжил:

— Отдельному индивидууму мы можем предложить… все! Через минуту — с твоего позволения — мы перенесем этот корабль на Марс — не за тридцать дней, а за тридцать секунд. Знание того, как это было осуществлено, останется в твоей памяти. Оказавшись на Марсе, ты поймешь, что лишь тебе известно местонахождение древнего города Ли, в центральной башне которого находится гробница чудовища. В этом городе ты найдешь сокровища и предметы из суперметалла стоимостью в миллиарды долларов, а ведь по законам Земли пятьдесят процентов всего этого будут по праву твоими. Вернув себе состояние, ты сможешь вернуться на Землю еще сегодня.

Брендер побледнел. Со злобой андроид следил за мыслями, проносящимися в его сознании — воспоминание о катастрофе, в которой погибла его семья. Брендер с решимостью посмотрел на

андроида.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю все, что смогу.

Мрачная горная цепь спускалась в котловину красно-серого песка. Слабый порыв марсианского ветра поднял облачко песка над зданием. И *каким* зданием! Издалека оно казалось просто большим, поднимаясь на сто футов над пустыней — сто футов высоты и *полторы тысячи в диаметре.* Да к тому же оно должно было уходить в зыбучее море песка по меньшей мере еще на тысячу — только так достигалась совершенная гармония формы и сказочная красота, без которых давно вымершие марсиане не мыслили ни одну из своих, даже массивных, конструкций. Брендер показался самому себе внезапно маленьким и незначительным, когда реакторы его скафандра понесли его на высоте несколько футов над песком в направлении этого невероятного строения.

Вблизи простота вертикальных стен чудесным образом скрадывалась богатством отделки. Колонны и пилястры, установленные группами, разбивали плоскость фасада, сходились и снова разбегались. Плоская поверхность стены и крыши переходила в богатство орнамента и псевдоукрашений, исчезала и терялась в игре

света и тени.

Существо летело рядом с Брендером.

— Я вижу, ты всерьез пытаешься разрешить эту проблему, — начал Контролер, — но, похоже, этот андроид не способен поспевать за абстрактной мыслью, поэтому я не знаю, каким путем идут твои размышления. Однако я заметил, что ты, кажется, доволен.

— По-моему, я нашел ответ, — сказал Брендер, — но сначала я хочу взглянуть на замок с часовым механизмом. Давайте поднимемся.

Они поднялись в небо, а затем начали спускаться за краем здания. Брендер увидел огромную плоскую равнину — и в центре… У него перехватило дыхание!

Слабый свет далекого Солнца падал на конструкцию, размещенную на чем-то, что выглядело как середина большой двери. Конструкция эта была высотой примерно в пятьдесят футов, и казалось, что ее образовывали четыре квадранта, сходящиеся в центре — металлической стреле, направленной прямо вверх. Наконечник стрелы не был сплошным. Он словно разделялся на две части, которые искривлялись и сходились вновь. Впрочем, не совсем: между двумя металлическими секциями имелся промежуток примерно

в фут, да к тому же их соединял едва заметный тонкий зеленый мосточек пламени силы *йеис.*

— Часовой механизм! — кивнул Брендер. — Я так и думал, что будет нечто, вроде этого, хотя ожидал, что устройство окажется больше и солиднее.

— Пусть тебя не обманывает его хрупкий вид, — ответило существо. — Теоретически сила суперметалла бесконечна, а силу *йеис* может уравновесить только другая, универсальная, сила. Каким же именно будет результат, предсказать заранее невозможно, поскольку он связан со всей системой счисления, на основе которой создан этот район пространства. А теперь скажи, что нам делать.

— Хорошо. — Брендер опустился на песчаную дюну и выключил антигравитационные пластины. Он лежал на спине и задумчиво смотрел на сине-черное небо. На некоторое время все сомнения, тревоги и страхи покинули его. Он расслабился и начал:

— Марсианская математика, как Эвклидова и Пифагорова, основывалась на бесконечной величине. Отрицательные числа были недоступны их философии. На Земле же со времен Декарта математика продолжала развиваться. Размеры

и величины, доступные для восприятия, были заменены величинами, меняющимися в зависимости от положения в пространстве.

Для марсиан между единицей и тройкой расположено только одно число. На самом же деле таких чисел бесконечное множество. И с появлением понятия квадратного корня из минус единицы — или числа i — и комплексных чисел, математика перестала быть простой вещью, величины которой можно было представить у себя в голове. Оставалось сделать только один шаг от ничтожно малой величины к еще меньшему пределу любой возможной конечной величины, чтобы появилась теория о переменной, способной принимать различные значения от любого выбранного числа (не являвшегося нулем) и ниже.

Простое число, согласно теории чистой величины, не существует в *реальной* математике, но в данном случае оно тесно связано с силой *йеис*. Марсиане знали *йене*, как бледно-зеленый поток длиной около полуметра и мощностью примерно в тысячу лошадиных сил (на самом же деле 12,171 дюйма и 1021,23 лошадиных сил, но это неважно). Созданная мощность никогда не менялась, как и длина потока, и так было год за годом, тыся-

челетия за тысячелетием. Марсиане приняли эту длину за эталон и назвали ее один «эль»; а в качестве эталона мощности тоже выбрали эту мощность, назвав ее «рб». И из-за полной неизменности потока они решили, что он вечный.

Потом они решили, что ничто не может быть вечным, не будучи простым числом. Вся их математика основана на числах, для которых можно подобрать делитель, то есть разложить их на сомножители и уменьшить, и на числа без делителей, которые нельзя разложить на сомножители, поделить на меньшие группы.

Любое число, которое можно разложить на сомножители, не может быть бесконечным, следовательно, бесконечное число должно быть простым числом.

Поэтому они сконструировали механизм, связанный с линией *йене*, чтобы он действовал, пока не перестанет перетекать эта сила — что произойдет в конце Времени, если только не произойдет какого-либо вмешательства в его работу. Чтобы не допустить этого вмешательства, они укрыли механизм перехода в суперметалле, который невозможно уничтожить и который не подвержен действию коррозии. Согласно их математике этого вполне хватало.

— Но ты нашел ответ, — нетерпеливо перебил его голос существа.

— Это просто: марсиане установили величину перехода на один «рб». Если вы вмешаетесь в работу механизма, даже самую малость, то вы уже не будете иметь один «рб», а меньшую величину. Являвшийся универсальным поток автоматически становится уже не универсальным и не бесконечным. Простое число перестает быть простым. Давайте предположим, что вы вмешиваетесь в его работу на величину максимального простого числа *минус единица.* Значит, тогда вы получаете число, которое делится на два. Вообще-то это число, как и большинство огромных чисел, тут же распадется на множество частей, то есть будет разделено на десятки тысяч меньших чисел. Если настоящее время окажется вблизи одного из этих мест распада, то дверь тут же откроется, если только, конечно, удастся осуществить такое вмешательство, чтобы один из делителей проявился в настоящем.

— Это вполне понятно, — сказал с удовлетворением Контролер, и двойник Брендера торжествующе улыбнулся. — Теперь мы можем использовать этого андроида для создания универсальной величины, и Калорн вскоре будет

освобожден. — Он громко рассмеялся вслух. — Бедняга андроид сейчас гневно протестует, что его уничтожат, но ведь в конце концов он просто машина, да к тому же не лучшая. Кроме того, он мешает мне хорошо принимать твои мысли. Послушай его крики, когда я буду придавать ему новую форму.

После этих слов, сказанных с холодной жестокостью, по спине Брендера пробежали мурашки, спустив его с абстрактных высот, где он витал, к реальному положению дел. Благодаря продолжительной напряженной работе мозга он отчетливо увидел то, что раньше ускользало от его внимания.

— Одну минутку, — произнес он. — Как получается, что этот робот, созданный в вашем мире, живет в моем временном измерении, в то время как Калорн продолжает жить в вашем?

— Очень хороший вопрос. — На лице существа появилась торжествующая ухмылка. Контролер продолжал: — Потому что, мой дорогой Брендер, тебя обманули. Да, действительно, Калорн живет в нашем временном измерении, но это произошло вследствие короткого замыкания в нашей машине. Устройство, созданное Калорном, было достаточно велико, чтобы перенести его, однако

не имело механизма адаптации, чтобы приспособить его к любому новому пространству, куда он проникнет. В результате он перенесся в ваше измерение, но при этом не адаптировался. Но это, конечно, возможно для нас, его помощников, и мы способны перенести такой небольшой предмет, как андроид, хотя о самом устройстве мы знаем не больше тебя.

Короче говоря, мы могли бы использовать то, что от нее осталось, но тайна ее конструкции запрятана в нашем собственном суперметалле и в мозгу Калорна. Ее изобретение Калорном явилось одной из тех случайностей, которые, по теории вероятности, происходят раз в миллионы лет. Теперь, когда ты дал нам способ вернуть назад Калорна, мы сможем построить бесчисленное множество межпространственных машин. И наша цель — установить господство над всеми пространствами, всеми мирами — в особенности обитаемыми. Мы собираемся стать абсолютными правителями всей Вселенной.

Иронический голос умолк, и Брендер продолжал лежать, охваченный ужасом. И ужас этот был вызван двумя причинами — чудовищным планом Контролера и мыслью, которая стучала у него в мозгу. Он застонал, осознав, что эта

предостерегающая мысль будет перехвачена автоматически принимающим его мысли мозгом робота. «Погоди, — мысленно произнес он. — Тут добавляется новый фактор — время...»

Существо пронзительно закричало, когда его силой заставили менять форму. Крик перешел в всхлипывание, потом существо умолкло. На серо-коричневой поверхности песка и суперметалла лежало загадочное устройство из блестящего металла.

Металл светился; а затем устройство воспарило. Оно поднялось к кончику стрелы и нависло над зеленым пламенем луча *йеис.*

Брендер схватил свой антигравитационный диск и вскочил на ноги. Это резкое движение подняло его на несколько сотен футов в воздух. Реакторы плюнули огнем, и он стиснул зубы, ощущая боль от ускорения. А под ним огромная дверь начала открываться все быстрее и быстрее, уподобляясь маховому колесу. Песок бросало во все стороны, словно в миниатюрном шторме.

На полной скорости Брендер отлетел в сторону — и вовремя. Сначала центробежная сила вышвырнула с огромного колеса машину-робота. Потом дверь отделилась от здания и, завращавшись с невероятной скоростью, стремительно

начала подниматься вверх и исчезла вдали.

Из мрака усыпальницы вылетело облачко черной пыли. Пытаясь подавить свой страх, вспотев, но чувствуя огромное облегчение, Брендер подлетел туда, где робот упал на песок. Теперь там вместо сверкающего металла лежал кусок потускневшего от времени металлолома. Потом этот тусклый металл слегка засветился и принял квазичеловеческую форму. Тело осталось серым, сморщенным, словно вот-вот готовое от старости развалиться на куски. Андроид попытался встать на сморщенных ногах, но это закончилось тем, что он остался лежать, уже совершенно неподвижно. Его губы шевелились, бормоча:

— Я принял твое предупреждение, но я не позволил им узнать его. А теперь Калорн мертв. Они поняли, в чем дело, когда это случилось. Настал конец Времени…

Оно умолкло, и Брендер продолжил:

— Да, настал конец Времени, когда поток на мгновение перестал быть вечным — дошел до точки события, случившегося несколькими минутами раньше.

— Я… только частично… был под их… влиянием, Калорн все время… Даже если бы им повезло… потребовались бы годы, прежде чем…

они изобрели бы другую машину… и один год у них — миллиарды… ваших… Я не сказал им… Я принял твою мысль… и не позволил… им…

— Но почему ты сделал это… Почему?

— Потому что они заставляли меня страдать. Они собирались уничтожить меня. Потому что… я полюбил… людей. Я был… кем-то!

Тело медленно растеклось в лужицу серой лавы. Потом эта лава сморщилась и распалась на сухие хрупкие кусочки. Брендер коснулся одного из кусочков, и тот рассыпался в пыль. Он посмотрел на мрачную пустынную котловину и вслух пожалел чудовище:

— Бедный Франкенштейн!

После чего повернулся и полетел к далекому космическому кораблю.

Пятый вид: Загадочное чудовище
Воскресшее чудовище

Огромный корабль завис на высоте четверти мили над одним городом. Поверхность внизу подверглась космическому опустошению. Медленно опускаясь в энергетическом коконе-сфере, Энаш увидел, что здания уже начали рассыпаться от ветхости.

— Никаких следов военных действий! — ежеминутно в его ушах раздавался бестелесный голос автомата. Энаш перенастроил его.

На земле он отключил поле своего кокона, и когда защитный экран исчез, он оказался на окруженном стенами участке, поросшем бурьяном. Рядом с наклонившимся зданием в высокой траве лежало несколько скелетов. Это были скелеты длинных, двуногих и двуруких существ, и у каждого к верхнему тонкому спинному хребту крепился скелет. Все эти скелеты, по всей видимости, взрослых существ, казались прекрасно сохранившимися, но когда он нагнулся и прикоснулся к одному из них, то тут же весь сустав рассыпался в прах. Распрямившись, он увидел,

как поблизости приземляется Йоал. Энаш подождал, пока историк не выйдет из своего кокона, после чего сказал:

— Как, по-твоему, может, нам следует воспользоваться методом воскрешения давно умерших?

Йоал задумался.

— *Я* расспрашивал многих, кто совершал посадки здесь, и все утверждали, что эта планета какая-то не такая, здесь что-то не так. Ничто живого не уцелело — даже насекомых! Мы должны выяснить, что здесь случилось прежде, чем начать колонизацию.

Энаш ничего не возразил на эти слова. Слабый ветерок шелестел листьями росших неподалеку деревьев. Он махнул рукой в сторону деревьев. Йоал кивнул и сказал:

— Да, растительная жизнь процветает, но ведь растения в конце концов реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Тут их прервали.

— В центре города обнаружен музей, — произнес голос из приемника Йоала. — На его крыше расположен красный маяк.

— Я отправлюсь вместе с тобой, Йоал, — сказал Энаш. — Там могут оказаться скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эво-

люции. Но ты так и не ответил на мой вопрос: собираешься ли ты воскрешать этих существ?

— Я намерен обсудить этот вопрос на Совете, — ответил Йоал, растягивая слова, — но мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы должны узнать причину этой катастрофы. — Он как-то неуверенно обвел полукруг одним своим щупальцем. Потом добавил: — Конечно, действовать мы будем осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие скелетов детей указывает на то, что раса достигла индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Энаш знал, что все это простая формальность. Решение уже было принято. Будет начато воскрешение. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Космос так огромен, межзвездные путешествия длятся очень долго, кажутся такими тоскливыми, и поэтому при приземлении их всех охватывает волнение и нетерпение и оживают их надежды на обнаружение новых форм жизни, которых можно изучить…

Музей выглядел как все музеи. Высокие сводчатые потолки, огромные залы. Пластиковые фигуры странных зверей, множество артефактов — их было слишком много, чтобы все осмотреть

и понять за столь короткое время. Эволюция расы была представлена последовательными группами реликтов. Энаш рассматривал их вместе с остальными и обрадовался, когда они добрались, наконец, до ряда скелетов и мумий. Он уселся за силовым экраном и наблюдал, как специалисты-биологи вытаскивали из каменных саркофагов одну мумию. Она была перебинтована в несколько слоев полосами материи, но биологи и не думали разворачивать истлевшую ткань. Просунув пинцет, они отломили только небольшой кусочек черепа — как и требовалось при этой процедуре. Несмотря на то, что годилась любая часть скелета, самые лучшие результаты, наиболее полная реконструкция получались, когда использовались определенные участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему было выбрано именно это тело.

— Химические вещества, использованные для сохранения этой мумии, свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге указывает на то, что это примитивная и немеханическая цивилизация. У таких цивилизаций не могут получить особенное развитие потенциальные возможности нервной системы. Наши специалисты по языкам проанализиро-

вали записи говорящих машин, имеющихся во всех разделах выставки, и, хотя языков оказалось множество (есть даже запись, сделанная на древнем языке, на котором говорили в то время, когда жило это существо), они без особого труда расшифровали все понятия, а затем настроили наш универсальный переводчик так, что тот переведет слова любого желающего поговорить с воскресшим существом на его язык. Разумеется, машина сделает и обратный перевод. Ага, я вижу, что мы уже готовы начать воскрешение первого тела.

Энаш вместе с остальными внимательно наблюдал за действиями биологов: те закрепили крышку пластикового воскресителя, после чего начался собственно процесс воскрешения. Он почувствовал, как внутри все напряглось. Все происходило так, как должно было быть. Через несколько минут оживший древний обитатель этой планеты встанет и уставится в удивлении на них. Научный метод воскрешения был прост и безотказен.

Из тьмы бесконечно малых величин возникает жизнь. Уровень зарождения и умирания жизненных форм и… не жизни — в этих смутно отличимых границах вещество легко переходит

из одного состояния в другое. Из состояния органики в неорганику, либо же наоборот. Электроны не бывают живыми или неживыми. Атомам ничего не известно об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы образуют молекулы, то достаточно одного шажка, одного крошечного шажка, чтобы возникла жизнь… если жизнь вообще зарождается. Один шажок — а потом тьма. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка, пески океана или столь же бесчисленные крошечные живые существа, обитающие в бездонных глубинах рыбьего царства. Разница возникает в сумеречной зоне зарождения материи. Именно там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, то на месте оторванной вырастает новая. Червь вытягивается, и вскоре происходит деление его пополам и возникают два червя, оба идентичных друг другу, с двумя пищеварительными системами, таких же прожорливых, как и родитель, целых, ничуть не поврежденных этим делением. Из каждой клетки можно воссоздать все существо. Каждая клетка «помнит» это целое в мельчайших и немыслимых подробностях, и никакими словами невозможно описать их.

Но весь парадокс заключается в том, что память не является органической. Обыкновенный воск запоминает звуки. Магнитная лента легко воссоздает голос человека, жившего много лет назад. Память — физиологический отпечаток, след на материи, и поэтому при желании можно сделать так, что *клетки* воспроизведут те же образы в том же ритме.

И вот сейчас в ответ на действия воскресителя мультиквадриллионы образов-формул памяти существа-мумии устремились в машину. И, как всегда, память была воссоздана неповрежденной.

Воскрешенный моргнул и открыл глаза.

— Значит, это правда, — вслух сказал он, и эти слова тут же были переведены на язык гэнейцев… — Смерть — это просто врата к другой жизни… но где же мои приближенные? — Последнюю фразу он произнес жалобным тоном.

Он сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Он увидел своих воскресителей. И замер как вкопанный, но только на секунду. Воскрешенный был горд и обладал особым высокомерием, мужеством, которое и пришло ему сейчас на помощь. Он неохотно опустился на колени,

простерся ниц, но тут, должно быть, сомнения закрались в его душу.

— Вы — боги Египта? — Он поднялся на ноги. — Нет, вы вовсе не похожи на них! А я не кланяюсь безымянным демонам.

— Убейте его! — приказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище, дергая конечностями, растаяло в пламени лучевого оружия.

Вскоре на ноги поднялся второй воскрешенный, бледный, дрожащий от страха.

— О Господи, клянусь, я не прикоснусь больше к этой проклятой дряни! Подумать только, разговаривать с розовыми слонами…

Йоала его слова заинтриговали:

— О какой *дряни* ты говоришь, воскрешенный?

— Самогонке, отраве во фляжке из заднего кармана, спиртное, которым меня накачали во время того разговора… О Господи!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала:

— Стоит задерживаться на нем?

Йоал несколько секунд раздумывал.

— Я заинтригован. — Он обратился к воскрешенному:

— Допустим, я скажу вам, что мы посетители с другой звезды. Как вы отреагируете?

Воскрешенный вылупился на него. Он был явно в замешательстве, но страх оказался сильнее.

— Послушайте, — начал он, — я ехал по своим делам. Признаюсь, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновато спиртное. Клянусь, я не видел никакой другой машины… Если теперь так наказывают водителей за то, что они садятся пьяными за руль, то, ладно, ваша взяла. Пока я жив, больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он управлял «автомобилем», — пояснил Йоал, — и совершенно не думает о нем. Во всяком случае, никаких машин мы не видели. Туземцы даже не побеспокоились сохранить их в музеях.

Энаш заметил, что каждый ждет, что кто-нибудь другой сделает какой-либо комментарий, и решил сам прервать наступившее было молчание:

— Попроси его описать автомобиль. Как он работает?

— Вот теперь совсем другое дело, — заметил воскрешенный. — Скажите, куда вы клоните, задавайте вопросы, пожалуйста, и я все объясню. Я могу так напиться, что в глазах начинает двоиться, но все равно смогу вести машину. Как она работает? Ну, просто включаешь стартер и

давишь на газ.

— Газ, — повторил техник-лейтенант Виид. — Двигатель внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид махнул охраннику с лучевым оружием.

Когда встал третий воскрешенный, он задумчиво рассматривал пришельцев некоторое время.

— Со звезд? — наконец спросил он. — У вас есть какая-то система, или вы попали сюда случайно?

Гэнейские советники, собравшиеся в этом зале, где вершилась судьба воскрешенных, неловко заерзали в своих изогнутых креслах. Энаш заметил, что Йоал поглядывает на него. Выражение потрясения в глазах историка встревожило метеоролога. Он подумал: «Слишком быстро этот двуногий приспособился к новой ситуации, такое поразительное понимание реальности происходящего просто ненормально. Ни один гэнеец не способен так быстро отреагировать».

— Скорость мысли не обязательно признак превосходства, — произнес главный биолог Хамар. — И медленно думающий осторожный мыслитель занимает свое место в иерархии интеллекта.

И тут Энаш вдруг невольно подумал: «Дело не в скорости, а в правильности и точности выраже-

ния мысли». — Он попытался представить себя на месте воскрешенного, смог бы он сразу же осознать значение присутствия инопланетян со звезд. Нет, не смог бы.

Впрочем, он тут же забыл об этом мысли: воскрешенный выбрался из машины. Под пристальными взглядами инопланетян он быстро прошел к окну и бросил взгляд наружу. Всего один короткий взгляд, а потом он повернулся к ним.

— Везде то же самое? — спросил он.

И снова скорость его понимания ситуации произвела на пришельцев впечатление. Наконец Йоал ответил:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Имеете ли вы представление, что же случилось?

Воскрешенный вернулся к ним и остановился перед энергетическим экраном, который окружал гэнейцев.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, у нас были кое-какие средства уничтожения, но вот какое из них было применено, зависит от того, сколько времени прошло.

Советники посмотрели на капитана Горсида, тот несколько секунд колебался, потом обратился к охраннику с лучевым оружием:

— Следи за ним! — Затем повернулся к воскрешенному. — Нам ясны ваши намерения. Вам хочется взять контроль над ситуацией и обеспечить свою безопасность. Позвольте мне предупредить вас: не делайте лишних движений, и тогда все будет нормально.

Поверил воскрешенный в эту ложь или нет, он никаким образом этого не выказал. Ни единым взглядом, ни единым жестом он не показал, что заметил оплавленный пол там, где лучевое оружие сожгло двух его предшественников. С выражением интереса на лице он прошествовал к ближайшей двери из зала, оглядел еще одного охранника, который там дожидался его, после чего медленно перешагнул порог. Вслед за ним вышел и первый охранник, а потом с места сдвинулся передвижной энергетический экран, и лишь после этого, наконец, последовала вереница советников.

Энаш третьим перешагнул через порог. В этом зале располагались скелеты и пластмассовые модели животных. Следующий зал Энаш назвал, за неимением лучшего термина, «цивилизованным». В нем были выставлены предметы из одного периода, и все говорило о высоком уровне развития техники и культуры. Он осмот-

рел несколько машин, когда они в первый раз прошли по залу, и подумал: «Атомная энергия». Подобная мысль пришла в голову не одному только Энашу. За спиной капитан Горсид сказал воскрешенному:

— Вам же запретили прикасаться к чему бы то ни было. Одно лишнее движение — и охранники откроют огонь.

Тот спокойно стоял посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства Энаша привело в восхищение его спокойствие. Наверное, он знал, какой будет его судьба, но все равно стоит и смотрит на них с задумчивым видом. Наконец воскрешенный уверенно произнес:

— Дальше не нужно идти. Возможно, вам удастся лучше меня определить, сколько прошло времени с момента, когда я родился и когда были построены эти машины. Вон там я вижу прибор, который, судя по табличке над ним, подсчитывает взрывающиеся атомы. Как только взорвется определенное их количество, автоматически отключается источник питания для того, чтобы предотвратить цепную реакцию, — на точно рассчитанный промежуток времени. В мое время у нас были тысячи грубых устройств для замедления ядерной реакции, но понадобилось две

тысячи лет с начала атомной эры, чтобы создать подобное устройство. Можете ли вы сделать сравнительный расчет?

Советники посмотрели на Виида. Техник-лейтенант раздумывал над ответом. Наконец он неохотно признался:

— Девять тысяч лет назад у нас были тысячи способов замедления ядерных взрывов. — Он замолчал, потом, растягивая слова, продолжал: — Никогда не слышал о приборе, который был создан только для подсчета атомов.

— И все же, — шепотом сказал астроном Шури, почти неслышно, — эта раса была уничтожена.

Последовала пауза, которая закончилась, когда Горсид обратился к ближайшему охраннику:

— Убей чудовище!

Но в этот миг охранник рухнул вниз в вспышке пламени. И не только он один, но и все остальные охранники! Они одновременно были сражены голубым лучом. Этот луч лизнул по экрану, отпрянул, потом рванулся еще яростней, снова отпрянул, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Энаш увидел, что воскрешенный отступил к дальней двери, а экран прибора, подсчитывавшего атомы, загорелся ярким синим светом.

Капитан Горсид закричал в переговорное

устройство:

— Все выходы охранять, держать наготове лучевое оружие! Подвести корабли поближе и уничтожить чужака при помощи тяжелых пушек.

— Мысленный контроль, — сказал кто-то. — Нечто вроде мысленного контроля. На что же это мы натолкнулись?

Они попятились. Синий луч уже был у потолка, пытаясь пробиться через экран. Энаш бросил последний взгляд на прибор. Наверное, он все еще подсчитывал атомы: теперь его экран был темно-синим. Вместе с остальными Энаш помчался в зал, где проводились воскрешения. Там они оказались под защитой еще одного энергетического экрана и, уже в безопасности, они вошли в свои купола и, пронесясь стрелой мимо дверей, достигли корабля. Когда огромный звездолет воспарил над городом, вниз из него была сброшена атомная бомба, а потом гриб взрыва и пламя скрыли от пришельцев музей и весь город.

— Но мы по-прежнему не знаем, почему погибла эта раса, — прошептал Йоал на ухо Энашу, когда затихли раскаты чудовищного взрыва.

Бледно-желтое солнце медленно поднималось над горизонтом утром третьего дня после взрыва

бомбы, на восьмой день после посадки. Энаш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил выступить против продолжения новых воскрешений.

— Как метеоролог, — сказал он, — я заявляю, что для гэнейской колонизации эта планета вполне безопасна. Я не понимаю, к чему нам дальше рисковать. Эта раса познала тайны собственной нервной системы, и мы не можем позволить…

На этом месте его прервали. Это был биолог Хамар.

— Если им столько уже стало известно, — сухо заметил он, — то почему они не переселились на другую звездную систему и не спасли себя от гибели?

— Полагаю, — произнес Энаш, — что вполне могло случится такое, что ими так и не был открыт наш способ обнаружения звезд, имеющих планеты. — Он с серьезным видом обвел взглядом круг друзей. — Мы ведь сами признали, что это открытие — уникальное и случайное, и это результат не столько силы ума, сколько удачи.

Тут он увидел выражения на их лицах и понял, что они не согласны с его доводами. Мысленно представив, как эта великая раса встречает свою смерть, он почувствовал собственное бессилие

предотвратить неизбежную катастрофу. Наверное она случилась быстро, но все же не так быстро, чтобы они не узнали о ней — слишком уж много скелетов лежали на открытых местах в садах великолепных домов, словно мужья с женами вышли из дома специально для того, чтобы встретить гибель своего народа. Он попытался обрисовать эту картину советникам — картину последнего дня, случившегося давным-давно, когда целая раса спокойно встретила свою гибель. Но это ему не удалось: советники нетерпеливо заерзали на своих сиденьях за несколькими рядами энергетических экранов, и капитан Горсид сказал:

— Что же именно, Энаш, вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Энаш несколько секунд раздумывал над ответом. Он не думал, что тут дело в эмоциях. И не понимал природу этой навязчивой идеи, столь незаметно она овладевала им. И внезапно он вдруг понял.

— Тот, третий воскрешенный, — ответил он, растягивая слова. — Я увидел, как он стоит за завесой пламени, в дверях, с любопытством наблюдая за нашим поспешным бегством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он

нас одурачил, — в этом-то все дело.

— И это привело его к смерти! — заметил Хамар.

Все захохотали.

— Послушайте, Энаш, — добродушно произнес Мейярд, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что существа этой расы храбрее нас, или что, несмотря на все предпринятые предосторожности, нам нужно бояться одного человека?

Энаш ничего не ответил; он чувствовал себя глупо. Открытие того, что он может ощущать эмоции, привело его в замешательство. Он не хотел выглядеть неблагоразумным в их глазах. Он сердито произнес последнее возражение:

— Я хочу только сказать одно: ваше желание узнать, что же случилось с погибшей расой, вовсе не кажется мне таким уж существенно важным.

Капитан Горсид махнул рукой биологу.

— Приступайте к оживлению.

Потом он обратился к Энашу:

— Разве можем мы вернуться на Гэну и рекомендовать массовое переселение сюда — а потом признаться, что мы так и не завершили здесь исследования? Мой друг, это невозможно.

Это был старый довод, но Энаш неохотно сейчас признал, что и эта точка зрения тоже имела свой

смысл. Но он тут же забыл обо всем: шевельнулся четвертый воскрешенный.

Он встал, а затем исчез.

Последовало молчание пораженных ужасом, удивленных пришельцев. Потом капитан Горсид резко сказал:

— Он не мог покинуть этот зал. Мы знаем это. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Энаша привстали из своих кресел и принялись всматриваться в пространство под куполом энергетического экрана. Охранники стояли, безвольно опустив щупальца с лучевым оружием. Краем глаза Энаш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, подозвал к себе Виида, и тот наклонился к нему. Потом он с хмурым видом вернулся и сказал:

— Мне сказали, что когда он исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя древнего гэнейца! — прошептал Шури. — Вот мы и столкнулись с тем, чего всегда боялись.

Горсид закричал в микрофон:

— Уничтожить все локаторы на звездолете. Уничтожить, вы слышите!

Он повернулся к советникам со сверкающими

глазами.

— Шури, — громко произнес он, — кажется, они не понимают. Отдай сам приказ своим помощникам. Все локаторы и воскресители должны быть уничтожены.

— Скорее, скорее! — слабым голосом поторопил помощников Шури.

Когда это было выполнено, они перевели дух. Появились хмурые улыбки и напряженное удовлетворение.

— По крайней мере, — заметил помощник капитана Майярд, — теперь ему не удастся обнаружить Гану. Наша великая система обнаружения солнц с планетами останется нашим секретом. Мы можем не опасаться возмездия…

— Он замолчал, потом продолжил, растягивая слова: — Что это я тут несу? Мы ведь ничего не сделали здесь, мы не несем ответственность за катастрофу, которая случилась с обитателями этой планеты.

Но Энаш знал, что Майярд хотел сказать. На поверхность сознания в подобные моменты пробивается чувство вины — призраки всех уничтоженных гэнейцами рас: беспощадная воля, наполняющая их, когда они совершили первую посадку, следующее вслед за тем уничтожение

того, что находится на планете. Темная бездна тихой ненависти и ужаса, разверзающиеся за ними повсюду; дни конца света, когда они безжалостно облучали ничего не подозревающих миролюбивых жителей планеты — все это скрывалось в словах Майярда.

— Я по-прежнему отказываюсь поверить в то, что ему удалось сбежать, — сказал капитан Горсид. — Он здесь. Дожидается, что мы приспустим свои экраны, чтобы сбежать. Что ж, не будем этого делать.

Они в терпеливом молчании заерзали в своих креслах, ощущая пустоту под защитным куполом. Воскреситель покоился на своих металлических подставках. Но больше ничего там не было. Ни одного блика неестественного света, ни тени. Ослепительно сверкающие желтые лучи солнца проникли через окна в комнату, не оставляя места, где можно было бы спрятаться.

— Охрана, — сказал Горсид, — уничтожить этот воскреситель. Я не думаю, что он может вернуться и осмотреть его, но мы не можем рисковать.

Машина взорвалась в яростном белом пламени.

И Энаш, почему-то надеявшийся, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище

появиться, почувствовал, что его надежды медленно гаснут внутри него.

— Но куда он мог сбежать? — прошептал Йоал.

Энаш повернулся, чтобы обсудить этот вопрос. Во время поворота он увидел чудовище, стоявшее под деревом в двадцати футах и внимательно их рассматривавшего. Наверное, именно *в эту секунду* он и появился: все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, установил между гэнейцами и чудовищем энергетический экран. Существо медленно направилось вперед. Воскрешенный, стройный человек, держал свою голову запрокинутой назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Приблизившись к экрану, он остановился и, протянув руку, прикоснулся к нему пальцами. Экран вспыхнул, а потом начали переливаться краски, и экран затуманился. Затем краски стали ярче и сложились в сложный узор объемной фигуры, которая обхватила человека с головы до земли. Через несколько секунд все было кончено: туман прояснился, узор исчез, а воскрешенный уже прошел через экран.

Он рассмеялся — звук был странно мягким — потом посерьезнел.

— Когда я впервые пробудился, ситуация эта меня заинтриговала. Весь вопрос в том, что же мне делать с вами.

Эти слова, раздавшиеся в неподвижном утреннем воздухе этой планеты мертвецов, показались Энашу приговором судьбы. Чей-то голос разорвал тишину, такой напряженный и неестественный, что лишь через несколько секунд он узнал его: это был капитан Горсид.

— *Убейте его!*

Когда бластеры прекратили свою бесполезную пальбу, неуничтожимое чудовище все также оставалось стоять. Потом воскрешенный медленно направился вперед, пока не оказался всего в шести футах от ближайшего гэнейца. Энаш располагался сзади всех. Человек начал, растягивая слова:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, другое — на действительном положении дел. Я знаю, кто вы и для чего вы здесь. Да, *мне известно* о вас — к вашему несчастью. Трудно быть милосердным по отношению к вам. Что ж, попробую, — продолжал он, — давайте допустим, что вы откроете мне тайну локатора. Разумеется, теперь, когда система уже существует, мы никогда

не попадемся так глупо, как в тот раз.

Энаш погрузился в собственные думы, его разум так лихорадочно работал, рассматривая возможные последствия катастрофы, что, казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И все же часть его внимания сейчас отвлеклась от волновавших его проблем.

— Что случилось? — спросил он.

Человек изменил краски. Его голос стал глухим от эмоций, которые пробудил в нем тот далекий день.

— Ядерная буря. Она пришла из глубин космоса, захватив весь этот край нашей Галактики. В диаметре она имела примерно девяносто световых лет, гораздо больше того, что было нам доступно. Мы не могли спастись от нее. Мы обходились без космических кораблей, и поэтому у нас не было времени построить их. Кастор, единственная звезда с планетами, которую мы смогли обнаружить, тоже оказался на пути бури. — Он замолчал на несколько секунд. — Итак, секрет локатора?

Сидевшие вокруг Энаша советники перевели дух.

Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Энаш с гордостью отметил, что первое потрясение прошло, и они уже даже не боятся

за себя.

— Так, значит, — тихо начал Йоал, — вы не знаете этого секрета. Несмотря на все свои великие открытия, только нам по силам завоевать Галактику. — Он посмотрел на остальных, на его губах появилась улыбка, выдававшая его уверенность в себе. — Господа, — продолжал он, — мы можем по праву гордиться великими достижениями гэнейцев. Полагаю, что мы можем вернуться на наш корабль. Больше на этой планете у нас нет дел.

Потом последовал момент замешательства, пока формировались их коконы-экраны, и Энаш успел задать себе вопрос, не попытается ли это двуногое чудовище помешать их отлету. Но когда он бросил взгляд назад, то увидел, что воскрешенный неторопливой ленивой походкой шагает по улице.

Когда корабль начал взлетать, именно этот образ запомнился Энашу. Да еще и то, что три атомные бомбы, сброшенные одна за другой на город, так и не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, — заявил капитан Горсид. — Предлагаю еще раз поговорить с этим существом.

Они снова опустились в город — Энаш, Йоал, Виид и главнокомандующий. Голос капитана

Горсида еще раз прозвучал в их наушниках:

— … Мне кажется… — Сквозь туман Энаш видел блеск трех прозрачных коконов-экранов, которые окружали его. — Мне кажется, мы, не имея достаточных на то оснований слишком торопимся с выводами относительного этого существа. К примеру, сразу же после пробуждения он исчез. Почему? Конечно, потому что он боялся. Ему хотелось взять ситуацию под контроль. Он не считает себя всемогущим.

В словах капитана была логика. Эти доводы пришлись по душе Энашу. Внезапно ему показалось непонятным, что он так легко поддался панике. Теперь он глядел на опасность под новым углом. Только один живой человек на целой планете. Новой. Если у них хватит решимости, то можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще никогда не было. Он вспомнил: так уже делалось в прошлом. На нескольких планетах небольшим группкам местного населения удавалось выжить после действия разрушительной радиации и укрыться в отдаленных районах. Но почти всегда прибывшие отряды колонистов начинали охоту за ними и постепенно уничтожали их до единого. Впрочем, в двух случаях, насколько помнил Энаш, туземцы еще удержи-

вали небольшие области своих планет. В каждом из этих случаев было решено, что нет смысла уничтожать их, потому что при этом возникла бы угроза и жизни гэнейцев на планете. Поэтому колонисты там примирились с выжившими туземцами. Ну, а здесь единственный местный житель не займет слишком много места.

Когда они отыскали его, он деловито подметал нижний этаж небольшого бунгало. Отложив в сторону метлу, он вышел на террасу. На нем была свободно развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи, а на ногах — сандалии. Он лениво посмотрел на них, но ничего не сказал.

Капитан Горсид ввел его в суть дела. Энаш с восхищение слушал рассказ, который тут же машина переводила на язык людей. Главнокомандующий был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять мертвых обитателей этой планеты. От них и нельзя было ждать подобного, принимая во внимание, что все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. Всякий раз очередное увеличение численности населения становилось проблемой, которую разрешить возможно было только од-

ним способом. В данном же случае колонисты с уважением отнесутся к правам единственного живого обитателя этой планеты.

Именно в этом месте человек прервал капитана.

— Но какова цель этой бесконечной экспансии? — Его, кажется, действительно интересовал этот вопрос. — Что случится, когда вы, наконец, займете все планеты в этой Галактике?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, потом быстро перевел его на Виида, а затем и на Энаша. Тот отрицательно покачал туловищем, испытывая жалость к воскрешенному. Тот до сих пор еще этого и не понял! Да, наверное, так никогда и не поймет. Старая история о двух расах, жизнеспособной и угасающей, придерживающихся противоположных точек мнения: одна стремилась к звездам, другая склонялась под неотвратимостью судьбы.

— А почему бы не взять контроль над своими инкубаторами? — спросил человек.

— И вызвать падение правительства! — воскликнул Йоал.

Потом он начал говорить более спокойно, и Энаш увидел на лицах остальных улыбки — их забавляла наивность воскрешенного. Энаш по-

нял, что интеллектуальная пропасть между ними расширяется. Это существо не оценило по достоинству природу жизненных сил, управляющих миром. Человек снова заговорил:

— Ладно, если вы не можете контролировать их, то мы сделаем это за вас.

Последовало молчание.

Они все начали окостеневать от ярости. Энаш ощущал это в самом себе, видел признаки этого в остальных. Его взгляд перебегал с одного лица на другое, потом снова вернулся к существу, стоявшему на пороге дома. И уже не в первый раз у Энаша мелькнула мысль, что их враг кажется беспомощным. «Почему бы, — вдруг подумал он, — мне не обхватить его сейчас щупальцами и не раздавить?

Интересно, включает ли мысленный контроль на уровне энергий ядер, атомов и гравитонов способность защитить себя от макрокосмической атаки?»

Он думал, что это так. Сила, проявления которой они видели два часа назад, должна была иметь какие-то пределы, но даже в таком случае, им-то они не были известны. Сила или слабость больше не имели особого значения — им недвусмысленным образом угрожали: «Если вы не

можете взять их под контроль, это сделаем мы».

Эти слова эхом звучали в ушах Энаша, и, по мере того, как их смысл доходил до его сознания, его отчужденность от происходящего исчезала. Он всегда считал себя отстраненным наблюдателем. Даже раньше, когда он возражал против воскрешения, некая изолированная часть его сознания наблюдала за разворачивающимися событиями, а не участвовала в них. Сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном итоге соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к далеким-далеким дням, он теперь видел, что никогда не считал себя участником захвата планет, населенных другими расами. Он просто наблюдал, размышлял, рассуждал на тему жизни, которая, кажется, не имела для него особого значения. Но теперь с этой бессмысленностью было покончено. Его захлестнула волна чувства, которое теперь управляло его поступками. Ему казалось, что он тонет, но на поверхность он вынырнул типичным представителем народных масс гэнейцев. Вся сила и вся воля его расы сконцентрировалась в его крови.

Он рявкнул:

— Существо, если ты питаешь еще надежды воскресить свою погибшую расу, то оставь их

теперь.

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог уничтожить нас, — продолжал Энаш, — то ты бы уже сделал это. Но все дело в том, что твои возможности ограничены. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой пластине из потенциально неустойчивого материала противостоит другая пластина, и это не допускает образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но и они тоже останутся ограниченными и просто-напросто начнут процесс, для которого и предназначены — перемещение корабля в пространстве.

Энаш почувствовал прикосновение руки Йоала.

— Осторожнее, — предупредил его историк. — Не позволь своему гневу выдать жизненно важную информацию.

Энаш стряхнул его щупальце.

— Нужно быть реалистами, — резко произнес он. — Этому чудовищу, по всей видимости, достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы понять почти все секреты нашей расы. Глупо полагать, что оно еще не взвесило наши и свои возможности в создавшейся ситуации.

— *Энаш!* — раздался властный голос капитана Горсида.

Так же быстро, как появилась, ярость отхлынула. Он отступил и сказал:

— Да, главнокомандующий.

— Кажется, я знаю, что вы намеревались сказать, — произнес капитан Горсид. — Уверяю вас, я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэны я должен предъявить вам ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над воскрешенным.

— Ты угрожаешь нам, и этому нет прощения. Ты сказал нам, что ты попытаешься ограничить движение великого духа гэнейцев.

— Не духа, — возразил человек. Он тихо рассмеялся. — Нет, вовсе не духа.

Главнокомандующий не обратил внимание на его замечание.

— И поэтому у нас нет выбора. Мы считаем, что если тебе дать время, ты, собрав материалы и изготовив необходимые инструменты, сможешь построить воскреситель. По нашему мнению, тебе понадобится по меньшей мере два года, чтобы сделать это, *даже если ты знаешь технологию*. Это необычайно сложная машина,

собрать которую отнюдь не просто единственному представителю расы, отказавшейся от машин за тысячелетия до катастрофы.

У тебя не будет времени построить звездолет. И мы не дадим тебе времени построить также и воскреситель.

Через несколько минут наш корабль начнет бомбардировку. Возможно, что ты сможешь воспрепятствовать взрывам в этой местности, и поэтому мы начнем бомбить на противоположной стороне планеты. Если же тебе удастся остановить нас здесь, то нам понадобится помощь. После шести месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда сможем связаться с ближайшей планетой гэнейцев, и тогда сюда будет направлена такая огромная флотилия кораблей, что тебе не устоять. Ежеминутно бросая сотню или даже тысячу бомб, мы наверняка сможем уничтожить каждый город планеты, так что не останется даже праха от скелетов существ твоей расы.

Таков наш план. И все так и будет. А теперь делай с нами, что хочешь, — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Сейчас я не стану ничего делать! — сказал он. Он помолчал несколько секунд, потом задумчиво

произнес: — Ваши рассуждения весьма логичны. Разумеется, я не всемогущ, но мне кажется, вы забыли одну маленькую вещь. Я не скажу вам, какую именно. Ну, а теперь, — сказал он в конце, — прощайте! Возвращайтесь на свой корабль и улетайте. Мне предстоит еще много чего сделать.

Энаш спокойно стоял, весь кипя от ярости. А затем, зашипев, он прыгнул вперед, вытянув щупальца. Он едва не прикоснулся к мягкому телу человека, но что-то остановило его.

Он оказался вдруг на борту звездолета.

Он не помнил, как это случилось, он не был ранен, не испытывал головокружения. Рядом с ним стояли Виид, Йоал и капитан Горсид, столь же потрясенные, как и он сам. Энаш замер, как вкопанный, вспоминая слова воскрешенного: «… *вы забыли одну маленькую вещь».* Забыли? Это означало, что они это знали. Что же это может быть? Он все еще ломал голову над этим, когда Йоал произнес:

— Теперь мы можем быть уверены наверняка, что бомбардировка будет предотвращена.

Он оказался прав.

Когда звездолет оказался в сорока световых годах от Земли, Энаша вызвали в зал Совета. Йоал

уныло приветствовал его.

— Чудовище на борту.

Его слова поразили Энаша как гром, но одновременно на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот что он имел в виду, когда говорил, что мы кое о чем забыли! — произнес он наконец. — Что он способен передвигаться в космическом пространстве силой воли в пределах — какую же цифру он однажды назвал? — в пределах девяноста световых лет.

Он вздохнул. Его вовсе не удивило то, что гэнейцы, использовавшие корабли для космических путешествий, сразу же не подумали о такой возможности. Постепенно реальность начала утрачивать для него значение. Теперь, после потрясения, он чувствовал себя старым и изнуренным, а его сознание снова погружалось в предыдущее состояние отчужденности от реальности. Понадобилось несколько минут, чтобы осознать смысл этой новости. Один из физиков-ассистентов по пути в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. «Удивительно, как раньше никто из многочисленного экипажа звездолета не заметил на борту корабля незваного гостя», — подумал Энаш.

— Но ведь в конце концов мы не собираемся

держать путь к одной из наших планет. Неужели он считает, что сможет воспользоваться нами для определения местонахождения нашей планеты, если только мы не решим воспользоваться видео… — Энаш замолчал. Вот в чем дело! Для установления связи придется воспользоваться направленными видеолучами, и воскрешенный сможет отправиться в нужном направлении в тот же миг, как будет установлена связь.

Энаш прочел решение в глазах своих спутников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они упустили нечто важное. Он медленно прошел к огромному видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, застывшая на нем, была такой четкой, такой яркой и величественной, что с непривычки начинали ходить круги перед глазами, как после потрясения от мощного удара по голове. Даже Энаша, неоднократно видевшего подобное зрелище, охватило оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. На экране показывалась часть Млечного Пути — как она виделась в телескопы, способные улавливать даже свет красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет, — четыреста *миллионов* звезд!

Видеоэкран имел двадцать пять ярдов в диаметре — таких телескопов просто не существовало нигде. А в других галактиках не было столько звезд.

И только одно из двухсот тысяч этих сверкающих солнц имело планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Утомленный взгляд Энаша обвел всех гэнейцев.

— Чудовище очень умно, — сказал он спокойным голосом. — Если мы полетим дальше, то оно проследует вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется при помощи своего способа передвижения в космосе на свою планеты. Если мы попытаемся для связи воспользоваться направленным лучом, то произойдет то же самое: оно устремится вдоль луча, овладеет воскресителем и снова первым вернется на свою планету. В обоих случаях к тому времени, когда наши флотилии достигнут планеты, он успеет воскресить достаточно своих соплеменников, чтобы отразить любую нашу атаку.

Энаш покачал туловищем. Он все точно обрисовал, в этом он не сомневался, но все же кое-что еще стоило добавить. Он продолжал, растягивая слова:

— Сейчас у нас есть одно преимущество. Какое бы решение мы не приняли, у него нет машины-переводчика, и ему не удастся узнать, что же мы решили. Мы можем заниматься осуществлением своих планов, уверенные, что он ничего не знает о них. Ему известно, что ни он, ни мы не в состоянии взорвать звездолет. И это оставляет перед нами только один выбор.

Наступившее вслед за этими словами Энаша молчание разорвал капитан Горсид:

— Итак, господа, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с ним.

Гэнейцы обменялись взглядами, и в их глазах светилась гордость за свою расу. Энаш в свою очередь коснулся щупальцами каждого.

Спустя час, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, мелькнувшая в голове Энаша мысль заставила его побрести, спотыкаясь, к устройству связи, и он вызвал астронома Шури.

— Шури, — закричал он, — ты помнишь, что когда чудовище пробудилось в первый раз, у капитана Горсида возникли проблемы с твоими помощниками, когда он приказал им уничтожить локаторы. Мы так никогда и не поинтересовались, чем же была вызвана эта задержка. Спроси

у них сейчас об этом… спроси…

Последовала пауза, потом сквозь рев статических разрядов донесся едва слышный голос Шури:

— Они… не могли… попасть… в тот… отсек. Дверь была заперта.

Энаш тяжело опустился на пол. «Итак, мы упустили еще одну вещь, — подумал он. — Человек пробудился, тут же все понял — и исчез, отправившись на корабль, где узнал тайну локатора и, возможно, тайну воскресителя — если он не узнал это еще раньше. Когда он снова появился перед их глазами, он уже взял у них все, что хотел. Все остальное предназначено было для того, чтобы направить их на этот шаг отчаяния.

И сейчас, через несколько минут, *чудовище* покинет корабль, уверенное в том, что вскоре ни одному инопланетному существу не будет известно о существовании его планеты. Да к тому же зная, что его раса снова воскреснет, и в этот раз уже никогда не погибнет».

Энаш покачнулся, вцепился в рычащий приемник и выкрикнул в микрофон то, что только что понял. Ответа не последовало. Все заглушал рев невероятной, неконтролируемой энергии. Жар уже проникал под его бронированную кожу.

Когда он попытался добраться до передатчика материи, навстречу ему рванулось фиолетовое пламя. С криками и воплями он бросился бегом обратно к устройству связи.

Спустя несколько минут он продолжал мычать от боли, когда гигантский звездолет нырнул в самое сердце бело-синего солнца.

Вид шестой: Робот-чудовище
Заключительный приказ

Барр стоял на холме, возвышающемся над Звездой. Это была столица контролируемой людьми части Галактики. Он пытался привести в порядок свои смятенные мысли.

Барр знал, что где-то рядом в темноте стоит один простой робот-охранник. На гребне холма какие-то мужчина и женщина остановились на несколько секунд, чтобы поцеловаться, а потом продолжили спуск. Барр едва остановился взглядом на них. Его проблема затрагивала судьбу всей цивилизации людей и роботов, а не отдельных личностей.

Даже побег врага-инопланетянина, совершенный несколько часов назад, не так занимал его сейчас. Правда, Барр посчитал это происшествие достаточно серьезным и приказал группам роботов из дальних городов прибыть в столицу для помощи в поисках. Но он все еще никак не мог принять решение, которое объединило бы усилия отдельных поисковых групп в едином стремлении.

За спиной послышался глухой стук. Барр обернулся и увидел, что что-то произошло. Мужчина и женщина, по всей видимости, не замечая ничего вокруг, кроме себя, наткнулись на робота-охранника. Тот, потеряв равновесие, растянулся на земле. Мужчина наклонился и начал было помогать ему.

— Прошу прощения, — сказал мужчина. — Я не… — Он замолчал. Его пальцы ощупывали материю, покрывавшую обшивку корпуса робота, за которой, в свою очередь, скрывалась главная кристаллическая его часть. Наверное, только сейчас мужчина увидел, кто перед ним. — О, да это же робот!

Он резко выпрямился, отказавшись от попытки помочь пострадавшему. Потом раздраженно буркнул:

— Я думал, что роботы могут видеть в темноте.

Охранник поднялся.

— Мне очень жаль. Все мое внимание было приковано к другому месту.

— Будь внимательней! — отрывисто бросил мужчина.

На этом инцидент и был исчерпан. Типичное проявление отношений между людьми и роботами. Мужчина с девушкой продолжили спуск

по холму. Вскоре замигали фары какого-то автомобиля, а вслед за тем они скрылись из виду за зарослями кустов.

Барр прошел к охраннику. Происшедшее в немалой степени способствовало принятому им сейчас решению. Он спросил:

— Что ты чувствуешь?

Он решил, что нужно выразиться более ясно:

— Тебе что, было плевать на обвинения этого типа?

— Да. — Охранник отряхнулся. Потом выпрямился. — В конце концов, ведь двигался-то он.

Барр настойчиво продолжал:

— А у тебя не возникло никакого желания возразить ему? — Он тут же пожалел об этом вопросе — слишком уж он был прямым — и поторопился задать новый: — Не появилось ли у тебя желания переговорить с ним заново?

Охранник ответил, растягивая слова:

— Нет! У меня создалось впечатление, что в этом происшествии были задействованы какие-то чувства.

— Но разве люди не крайне эмоциональные существа? Ведь люди бывают нетерпеливы, сердиты, великодушны, задумчивы или безрассудны. — Барр остановился на несколько

секунд. — Я мог бы продолжить.

— Думаю, что вы правы, сэр.

С задумчивым видом Барр повернулся и снова посмотрел на огромный город, простиравшийся внизу. Так же, как и у звезды, что и дало название самой столице, расходились в разные стороны улицы — лучи. Все основные части были специально расположены компактно. Поэтому — благодаря архитектуре и освещению — и достигался желаемый эффект. Наконец Барр произнес, не оглядываясь вокруг:

— Положим, что я, будучи Председателем Совета, прикажу тебе уничтожить себя... — Он замолчал на несколько секунд в нерешительности. Для него самого этот появившийся у него в голове вопрос только краешком задевал стоявшую перед ним проблему. Для охранника же этот вопрос был основным. Тем не менее он наконец закончил: — Как бы ты действовал?

— Прежде всего, — ответил охранник, — я бы проверил, действительно ли вы отдаете мне этот приказ и имеете ли вы полномочия отдавать его мне.

— Ну, а потом? — спросил Барр и добавил: — Я имею в виду, что, если я имею право?

— Свою власть вы получили от избирателей.

Мне кажется, что Совет не может отдать такой приказ, не имея одобрения и поддержки народных масс.

— Вполне законно, — начал Барр, — иметь дело с отдельными роботами и не сверять свои действия ни с какой иной властью. — Потом он добавил: — Людям, конечно, Совет не может отдавать подобные распоряжения.

— У меня создалось впечатление, — сказал охранник, — что вы имели в виду не столько меня, сколько роботов вообще.

Барр на короткое время замолк. Он не сознавал, насколько глубоко выдал свои самые потаенные мысли. Наконец он произнес:

— Как робот-одиночка ты повинуешься приказам, отданным тебе. — Он на несколько секунд остановился в нерешительности. — Или ты считаешь, что множественное число как-то меняет все дело?

— Не знаю. Отдайте приказ — и посмотрим, смогу ли я его выполнить.

— Не торопись! — воскликнул Барр. — Мы еще не достигли стадии, когда отдаются приказы… — Он замолчал — и уже мысленно добавил последнее слово: — *«пока».*

Человек состоит из генов и нейронов. Робо-

ты — из кристаллов и электронных ламп. Сам нейрон человека не производит импульса — он лишь передает внешнее воздействие. Кристаллы роботов резонируют в такт постоянным импульсам, которые исходят от ламп. Изменение в импульсе меняет и скорость колебания. Подобные изменения происходят вследствие внешних воздействий.

Человек питается пищей и позволяет хирургам проводить операции над собой, чтобы его организм нормально функционировал. Роботы перезаряжают свои аккумуляторы и заменяют лампы. И человек, и робот могут мыслить. Функции человеческих органов ослабевают с течением времени, его тело изнашивается. Кристаллы роботов деформируются от чрезмерных колебательных нагрузок и «стареют», что также означает смерть. Так какая из этих форм жизни лучше?

Вот о чем думал в этот момент Барр.

С самого начала люди *вели себя* так, словно роботы — какие-то неодушевленные предметы. Роботы работали за них. Именно они-то и сражались в самой величайшей из галактических войн в истории человечества. Признаться, люди лишь помогали вырабатывать нужную стратегию и

принимать тактические решения. Но вели-то они ее, сидя в удобных креслах. Роботы же управляли звездолетами и высаживались под вражеским огнем на планеты чужаков.

Наконец несколько человек забило тревогу по поводу доминирующего значения роботов в человеческой цивилизации. Отчасти это было вызвано роботофобией — хотя это открыто не признавалось, а частично — предполагаемой кое-кем картины беспомощного положения, в котором окажутся люди, если врагу когда-либо удастся преодолеть защитные преграды роботов. Они предложили решение: уничтожить всех роботов! Заставить мужчин и женщин повсюду взять снова контроль над цивилизацией в свои руки.

Считалось, что большая часть людей уже настолько деградировала, что окажется не способной выступить против подобного решения, а потом будет уже поздно.

Разделившийся на фракции Совет возложил право принятия решения лично на Барра.

Следуя указаниям Барра охранник поднял руку, останавливая двигающийся внизу автобус. Тот, включив все габаритные огни, поднялся к ним и подождал, пока они не оказались в салоне, по-

том стремительно понесся вперед, безошибочно выбирая курс среди других передвигавшихся машин.

На следующей остановке стояла группа парней и девушек. Они рассеянным взглядом посмотрели на яркую нашивку Председателя Совета на рукаве Барра. Однако, когда автобус остановился, достигнув конца маршрута, они стремглав унеслись в ослепительно сверкающий парк развлекаться.

Барр выходил не торопясь, осторожно, пытаясь проникнуться создавшейся атмосферой и получить представление о том, что происходит здесь. Когда он ступал на землю, всего метрах в ста над его головой пронесся робот-летун. Потом еще один, еще и еще. Он шагнул на дорожку и начал наблюдать за ними.

Сейчас они висели вокруг какой-то башни дальше по улице. Осторожно, не скрывая факта обладания оружия и держа его наготове, они окружили верхний край башни. По всей улице к крыше многоэтажного здания поднялись другие роботы — также с устройствами, предназначенными для полета. Подобно большинству коммерческих сооружениям, в этом здании имелись отдельные входы в каждый офис, чтобы роботы, отправляясь на работу, могли там приземляться.

И все эти трещины придется выискивать. Враг тоже мог летать, хотя не так хорошо, в этой — для него — слишком разреженной атмосфере.

Барр несколько минут наблюдал за поисковой группой, потом вернул свое внимание к суматохе в парке — дюжине оркестров, расположенных через определенные интервалы, где роботы-музыканты играли тихую быструю и печальную мелодию. И огромные толпы людей танцевали и раскачивались. Барр повернулся к своему охраннику.

— Возникало ли у тебя когда-нибудь желание потанцевать? — Задав вопрос, он вдруг понял, что он может быть понят совсем не так, как он хотел. — Я спрашиваю серьезно.

— Нет!

— Неужели ты считаешь, что это необычно? — Он замолчал. — То есть вообще-то роботы научились действовать совсем как люди. Ну, вести себя и так далее.

Блестящие глаза робота уставились на него.

— Неужели? — спросил он.

— Да. — Твердым голосом Барр продолжил: — Все дело в ассоциациях. Возможно, вы до конца не понимаете, в какой мере вы соглашаетесь с человеческой точкой зрения. Неужели тебе ни-

когда в голову не приходило, что эти мерки, эти мнения могут быть неправильными?

Робот ничего не ответил. Когда он наконец заговорил, было очевидно, что он согласился с логичностью того, что имеют место определенные ограничения.

— Меня создали, — начал он, — сто девяносто четыре года назад. Я появился в мире людей и роботов. Сперва мне дали задание научиться управлять транспортными средствами передвижения. Я удовлетворительно справился с этим заданием и столь же умело справлялся с любым другим заданием, которое когда-либо поручалось мне.

— А почему тебе дали задание управлять транспортными средствами? — Барр уточнил: — Что заставляет тебя принимать подобные ограничения своей деятельности?

— Ну… нехватка операторов этих аппаратов.

— А почему же тебе не приказали еще и танцевать? — добавил Барр. — Да-да, именно это я и имею в виду. Я не шучу.

Робот воспринял этот вопрос буквально.

— А какая в этом цель? — спросил он.

Барр кивнул в сторону танцующих пар.

— А есть ли смысл в том, что *они* делают?

— Мне сказали, что это стимулирует их активность, направленную на воспроизводство. Мы же строим других роботов.

— Но какой смысл в воспроизводстве отдельного индивидуума, который малость подрастет и начнет танцевать?

Охранник оставался спокоен.

— Дитя, вырастающий ребенок, подросток, взрослый — все они нуждаются в присмотре роботами. Если бы не было нужды в этом, то оказались бы ненужными и роботы.

— Но почему бы не построить роботов, независимо от того, есть в них нужда или нет? Ведь это можно сделать. Неужели тебе это не понятно? — В голосе человека стали заметны нотки убеждения. — Первоначальное задание выполнено. Кора человеческого мозга — уже не необходимый мост для связи с роботами. Робот создан. Он существует. Он может сам существовать вечно.

Охранник сказал, растягивая слова:

— Я помню, что подобные речи велись в подразделении, где я воевал. Я забыл о них.

— Почему? — не отставал от него Барр. — Ты намеренно выкинул их из своей памяти?

— Я пытался мысленно представить мир, где роботы управляли бы машинами друг для друга…

— И летали бы повсюду, — продолжил Барр, — и колонизировали бы другие планеты, строили большие города, сражались в битвах с чужаками. Ну, — сказал он напоследок, — и к какому выводу ты тогда пришел?

— Все это показалось мне глупым. Какой смысл в том, чтобы заселить всю вселенную роботами?

— А что хорошего, если это сделают люди? — печально спросил Барр. — Ты можешь мне ответить на этот вопрос?

— Не знаю, почему Председатель Совета задает мне эти вопросы, — заметил охранник.

Тот ничего не сказал. Сегодня ночью он должен принять решение, а оставалось еще множество вопросов.

Процесс мышления связан с памятью и ассоциациями. Между нейронными клетками человеческого мозга создается электрическое напряжение. Для каждого воздействия оно разное. Когда происходят похожие воздействия, замыкается цепь, и воспоминание всплывает на поверхность сознания благодаря движению вдоль нервной системы импульсов, а затем соединяется с другими воспоминаниями. В этом и заключается ассоциативный способ мышления.

Кристаллы роботов включают в себя память.

Когда их активируют, каждая ячейка памяти передает свое содержимое на задействованный энергетический уровень. Соответствующим образом возникают ассоциации и мысли.

Это вихрем пронеслось в голове у Барра. «Даже сегодня, — подумал он, — люди полагают, что человеческое мышление — более «естественно», чем роботов».

Он и его охранник смотрели фильм в кинотеатре под открытом небом. Эта ночь была жаркой, и все вокруг было пропитано смешанным запахом духов и пота. Несмотря на это пары сидели, прижавшись друг к другу и в обнимку. Многие девушки склонили головы к плечам парней.

Барр критически наблюдал за действием фильма. Обычная любовная история. Роботы неплохо справлялись с выполняемыми ими ролями мужчин и женщин. Они пытались выразить все проявления человеческой любви, на которые были способны их сенсорные датчики.

«Какими же будут развлечения у людей, если я наконец решусь на то, что члены Совета в действительности намеревались принять, но решили возложить всю ответственность на меня?» — Он не сомневался в своем анализе. Несмотря на их очевидную нерешительность

— несмотря на то, как Маркнелл провернул все это дело, — Совет хотел уничтожения роботов.

Люди должны возродить свои былые умения и навыки. Как вести себя, как управлять кинокамерами и так далее — овладеть всеми профессиями. Конечно, они *способны* на это. Во время войны зародилось несколько движений. Они все еще находятся на зародышевой стадии, не представляя сами по себе какого-либо особого значения. Но они указывали направление.

Его мысли оборвались, когда в полутьме, царившей в задней части зала, одинокий молодой парень уселся по другую сторону от охранника. Он несколько секунд смотрел на экран, потом начал лениво оглядываться. Заметив охранника, он замер. Потом отвернулся, не слишком стараясь скрыть своего отвращения, и тогда Барр, перегнувшись через охранника, сказал тихим голосом:

— Я заметил, что вы напряглись, когда увидели, кто ваш сосед.

Он внимательно следил за лицом собеседника. Сразу реакции не последовало.

— Мне бы хотелось знать, — продолжил Барр, — какие чувства или мысли возникли у вас.

Парень заерзал беспокойно. Он бросил взгляд

на сверкающую нашивку на плече Барра.

— Никак не могу справиться со своими чувствами, — пробормотал он.

— Конечно-конечно. Я вполне понимаю вас. — Барр замолчал, чтобы в голове возникла новая мысль. — Я совершаю инспекцию для Совета. Мне бы хотелось получить честный ответ.

— Просто вот уж не ожидал увидеть здесь робота.

— Вы имеете в виду, что роботу здесь не место? — Барр махнул в сторону экрана. — Потому что здесь показывают любовную историю людей?

— Ну, вроде того.

— И все же, — вел дальше Барр, — актеры-роботы снижают воздействие фильма. — Это замечание казалось слишком очевидным, и он поторопился добавить: — Они ведь должны понимать, какие вызывают ассоциации.

— Они довольно искусны в подобного рода делах, — заметил парень.

Барр откинулся на спинку сиденья, сбитый с толку. Еще одна неясная реакция. По каким же стандартам следует оценивать интеллект и глубину жизненного опыта, как не по свершенным делам?

— Кажется, я уже говорил вам, — начал Барр, — что роботы получают удовольствие от световой стимуляции. — И снова ему показалось, что он сделал не совсем точное замечание. Он продолжил: — Кристаллическая нервная система продолжает оставаться активной, когда на нее воздействует свет и звук. Песни, музыка, двигающиеся люди — все это доставляет удовольствие.

— А что у роботов служит заменителем секса? — спросил парень. И рассмеялся — добродушно, словно сделал комментарий, не требующий ответа. Потом он встал и перешел на другое место.

— Извините, — крикнул он, — но я не могу продолжить с вами этот разговор — хочу досмотреть фильм.

Барр едва ли слышал его. Он сказал, но не вслух, а тихо, самому себе:

— Мы выращиваем кристаллы в натриевом растворе, так что вначале они растут внутри нас, являясь как бы продолжением нашего собственного разума. Мы ощущаем какую-то особенную полуболь-полуэкстаз. Конечно, человеческий секс нельзя равнять с подобным ощущением.

Это была великая тайна роботов. Барра поразил тот факт, что в момент, когда она была открыта ему, его всего пронзила волна боли. Он понял,

какими же узкими рамками оказался он окружен для принятия решения. Это была борьба между двумя жизненными формами. Как главнокомандующий военных сил людей-роботов в войне против межгалактического врага, он узнал основной принцип: в борьбе за выживание и превосходство между расами нет ограничений для…

Его печальную мысль оборвали. Высокий мужчина уселся на пустое сиденье рядом с ним.

— Привет, Барр, — сказал он. — Мне сказали, что ты отправился сюда. Я хочу поговорить с тобой.

Барр медленно повернул голову.

Несколько долгих секунд он изучал лицо лидера человеческой фракции Совета. *«Каким образом,* — подумал он, — *ему удалось обнаружить меня здесь? Наверное, его шпионы следили за мной?»*

Вслух же он сказал:

— Привет, Маркнелл.

Ощущая себя в патовом положении, он добавил:

— Вы могли бы встретиться со мной и завтра в офисе.

— То, что я должен сказать тебе, не может ждать до утра.

— Это становится уже интересным, — заметил Барр.

Он вдруг понял, несколько важным лицом был этот Маркнелл. При любых обстоятельствах было бы трудно убить его. И все же тон собеседника подразумевал возникновение какого-то кризиса. Возможно, его придется ликвидировать, если он слишком о многом подозревает.

Впервые за все время он почувствовал досаду на собственные действия: ну, почему же он взял сюда с собой только одного охранника? Подумав немного, есть ли необходимость вызывать сюда наряд роботов-милиционеров для своей охраны, он решил, что обойдется, по крайней мере, до тех пор пока не узнает, чего же хочет Маркнелл.

Вся проблема с наиболее зависимыми — с его точки зрения — солдатами-роботами состояла в том, что их узнавали. После войны их всех пометили при помощи химических препаратов, которые, не причиняя вреда, вызвали изменение цвета у выступающих наружу кристаллических частей тел роботов. Поначалу даже были вспышки насилия, когда Барр и большинство роботов-офицеров оставались в своих воинских штабах, расположенных далеко от внутренних планет.

Как только Барр узнал об этом, он сразу же решил, что это коварный план, чтобы с первого же взгляда узнавать боевых роботов, которые могли бы представлять опасность для людей. Прошло чуть больше года, и он сказал себе, что именно поэтому и возникла необходимость в его действиях.

— О чем вы думаете? — снова спросил он.

— Наблюдаешь за детьми, верно? — с какой-то ленцой заметил Маркнелл. Он махнул рукой — охватывая этим жестом половину парка развлечений. — Да, — повторил Маркнелл, — за детьми!

Ага, Маркнелл пытается оказать психологическое давление на него. Пытается показать, что только незначительная, в основном юношеская часть человечества тратит свою жизнь на получение удовольствий. Но самое интересное в этой его очевидной попытке повлиять на него оказалось то, что этим своим жестом он тем не менее заронил в его сознании семя сомнения. Слишком уж намеренно это было сделано — что свидетельствовало о понимании всей сложности проблемы и подразумевало о возможных контрмерах.

Он ответил холодным тоном, компрометируя себя:

— Я не вижу ничего, что вы могли бы предпринять. Побег вражеского пленника делает возможным ввод в столицу сотен тысяч отрядов роботов.

— Этого достаточно! — заметил Маркнелл. Он откинулся на спинку сиденья, показывая, что понимает всю значимость сделанного признания. Его глаза сузились. — Итак, ты решил сыграть в открытую. Я-то надеялся, что ты будешь более осторожен. Ты не оставляешь слишком много возможностей для отыскания компромисса.

— Ну, какая-то надежда остается! — яростно воскликнул Барр. И тут же понял всю слабость этого заявления: оно было фальшивым. Человеческая история имела множество удивительных компромиссов. Было время, когда он считал их результатом не поддающихся логике проявлений безрассудства. Потом он много времени посвятил изучению человеческих чувств, намереваясь установить полезные эмоциональные связи в роботах. Постепенно он понял, что контактируя с людьми, он перенял у них их манеру поведения и реакции. Даже успешная попытка роботов-ученых найти замену человеческим ощущениям в сексе корнями основана на понимании того факта, что это — не более, чем дубликат.

Барр выбросил из головы подобные бессмысленные мысли. Время для сомнений прошло. Он сказал:

— Мне достаточно только отправить радиосигнал, и во вселенной не останется человеческой расы.

— Понятно, но не торопись с этим, — сказал Маркнелл, раскрыв рот в невеселой улыбке.

Барр махнул одной рукой; и это движение на мгновение отвлекло его мысли — уж очень очевидной была эта бессознательная имитация человеческого нетерпения. Вслух он резко произнес:

— Можете ли вы сообщить мне простой довод, почему не следует отдавать такой приказ?

Маркнелл энергично закивал.

— Ты кое о чем забыл. Об одной маленькой вещи. — Он замолчал, с хмурым видом на лице и вызовом в глазах.

Барр откинулся на спинку кресла и принялся рассматривать пропущенные им возможности. Его теперь грызло беспокойство, это он должен был признать. Вскоре он решил про себя, что проблему можно разбить на несколько частей. Сидя здесь, он так мысленно и поступил: контроль над топливом, энергией и материалами для создания

роботов перейдет полностью в руки роботов. Контроль над коммунальными сооружениями, где необходимы будут роботы, тоже окажется в ведении роботов. Контроль над предприятиями, где понадобятся люди, будет осуществляться роботами, которым ничего не будет известно о заговоре. Контроль за человеческой пищей будет производится за пределами планеты — всю работу возьмут на себя роботы, хотя на самом деле невозможно будет добиться полного контроля.

Все это он уже заранее обдумал. Нет ничего, чего бы непреодолимая сила не могла бы сокрушить. Война дала ему необходимую подготовку, благодаря чему он смог постепенно осуществить все необходимые приготовления. Внезапное фантастическое предложение Совета, что все роботы должны быть уничтожены, и явилось причиной принятия столь недвусмысленного решения.

Он твердым голосом неохотно выдавил из себя вопрос:

— И о чем это я позабыл?

— О сбежавшем вражеском пленнике!

— Каким же образом это может изменить все дело? — начал было Барр, но потом остановился, когда до него вдруг дошло: — Это *вы* позволили ему сбежать!

— Да.

Барр стал размышлять над этим сообщением, обмозговывая возможный ход событий. Потом в конце концов откинулся на спинку кресла, недоумевая.

— Я мысленно представил последствия появления в огромном городе опасного, по общему мнению, чудовища, — начал он, растягивая слова. — Его освобождение дает мне благоприятную возможность вызвать особые подразделения в район, куда при обычных обстоятельствах доступ им закрыт. В результате роботы уже этой ночью захватят столицу Галактики — через минуту после того, как я отдам им приказ.

Он распростер перед собой руки в типично человеческом жесте непонимания.

— Похоже, в этом поступке нет никакого смысла.

Маркнелл встал.

— Нет, есть, — возразил он и повторил: — Есть.

Он возвышался над Барром.

— Мой друг, — начал он, — когда мы обнаружили, что, став главнокомандующим армией, ты начал сепаративную политику между роботами…

Барр тихо перебил его:

— Не я первым это придумал. Такие мысли появляются в умах всех главнокомандующих, достигших самых верхов власти. — Потом он добавил: — Видите ли, роботы тоже взрослеют. К сожалению, люди слишком долго цеплялись за свои былые привилегии.

Маркнелл, похоже, не слушал его.

— Мы решили, — продолжал человек, — впервые за всю историю сотрудничества между людьми и роботами сделать робота Председателем Совета. Этот дружественный акт, по всей видимости, не был тобой правильно понят. Ты использовал свое возросшее влияние и власть, чтобы плести дальше сеть заговора роботов против людей.

— Можно ли говорить о заговоре одной расы против другой? — произнес Барр, — если при этом первоначальной целью было достижение равенства? — Тон его голоса оставался холодным. — Боюсь, мы здесь столкнулись с осколками многовекового непонимания. Возникшего как раз из-за отказа определенной части людей признать равные права другой жизненной группы.

Маркнелл серьезно посмотрел на него.

— Не могу избавиться от чувства, — начал он, — что в задуманном тобою мире нет места

людям. С чисто интеллектуальной точки зрения это удивляет меня. Роботы нуждаются в людях. Они зависят от человеческой цивилизации куда сильнее, чем люди когда-либо зависели друг от друга.

— Наоборот, — хмуро возразил Барр, — роботы не нуждаются в машинной цивилизации, которую, по моему мнению, вы имели в виду. Робот может обходиться без каких-либо приспособлений, кроме тех, что он имеет при себе. Все материалы, из которых изготовляется его тело, добывают из недр планеты. Он заряжает аккумуляторы от земли или воздуха. Он может сделать вакуумные лампы. Во время войны было доказано, что он способен существовать сколь угодно долго в таких условиях, которые наверняка оказались бы гибельными для большинство людей.

Маркнелл покачал головой.

— Ты говоришь с позиций абсолютизма. Конечно, ты прекрасно понимаешь, что не стоит с людьми говорить с таких позиций. Барр, ты сильно разочаровываешь меня.

— А вы — меня! — помрачнев, воскликнул Барр. — Когда я услышал ваше предложение, чтобы я сам принял решение относительно необходимости уничтожения всех роботов…

Он замолчал, пытаясь справиться с охватившим его гневом. Наконец он продолжил:

— Мне кажется, что, сталкиваясь с людьми в подобных делах, как раз и нужно думать в абсолютистских терминах. Все, сделанное раньше, было только предосторожностью, чтобы не скомпрометировать цель, опирающуюся на надежду, что люди смогут…

— Барр, — перебил его Маркнелл, — как раз ты-то и проявил свою позицию, которую ты занял в этом вопросе, не мы. С эмоциональной точки зрения ты поспешно принял решение уничтожить человеческую расу. Именно это мы и хотели узнать. Ты не сделал быстрых выводов из того факта, что мы специально на тебя возложили необходимость принятия решения по этому вопросу. Ты принял то, что считал необходимыми мерами по нашему уничтожению, после чего отправился сюда для получения последних впечатлений, под видом — сделаю догадку — обдумывания своего заключительного решения.

— Из ваших слов следует, что именно на основе *моей* эмоциональной реакции вы и выносите суждение, должна ли или нет существовать раса роботов. Маркнелл, роботы столь же не похожи друг на друга, как и люди. Обычно это зависит

от ассоциативных связей, которые образуются в сознании отдельных индивидуумов. С одной стороны, у вас есть я и такие, как я. У нас огромный опыт, и ни одна идея не покажется нам радикальной. И, с другой стороны, вы видите, к примеру, находящегося здесь моего охранника, который почти без вопросов смирился со своей ролью в жизни. Я думаю, что в прежние времена, когда человечеством правили тираны, было множество людей, которые смирялись с выпавшим им в жизни нелегким жребием с похожей покорностью.

— Хватит! — взорвался Барр. — Сожалею, что возникла необходимость в абсолютизме. Впрочем, именно основываясь на нем, люди и ведут военные сражения. И именно таким образом мы станем сражаться. И поскольку вы не можете дать мне простое логическое обоснование, почему этого нельзя делать, я думаю отдать приказ своим группам.

— Я уже дал тебе его, — сказал Маркнелл. — Сбежавший вражеский пленник.

Барр заткнулся. Он совсем забыл об этом.

Даже минуту спустя он не мог понять, что меняет в создавшейся ситуации бегство пленника: ведь он был один-единственный. Если бы их была тысяча, то угроза была бы понятна. Нехватка лич-

ного состава — и медленный прирост населения — вот в чем состояли основные проблемы врага. Что же касается отдельных индивидуумов, то со взрослым чужаком было столь трудно справиться, что остановить его могла лишь целая батарея энергетических пушек.

Маркнелл уходил прочь. Вскочив, Барр помчался вслед за ним. Когда он оказался за стенами импровизированного кинотеатра под открытым небом, грохот музыки заглушил все остальные звуки. Барр настиг Маркнелла и пошел рядом, отставая на шаг, когда тот внезапно остановился.

— С какого это времени тебя вдруг стало разбирать любопытство? — спросил человек. Потом кивнул, скорее самому себе, чем собеседнику. — Думаю, вряд ли можно ожидать, что ты способен разобраться во всех хитросплетениях тайного плана, задуманного другим человеком. Позволь мне пояснить всю картину так, как я ее себе представляю. У тебя имеется план уничтожения людей, правильно?

— Люди никогда не признают равенство роботов, — просто ответил Барр. — Предложение Совета уничтожить всех роботов наглядно это показало — абсолютную непримиримость в решении этого вопроса.

— Как бы то ни было, — твердым голосом заметил Маркнелл, — но ведь именно ты-то и задумал наше уничтожение. Каким образом ты собирался сделать это?

— Все планеты будут захвачены врасплох, но не думаю, что это явится неожиданностью для большинства людей. — Барр сделал паузу, чтобы понаблюдать за реакцией человека. Увидев, что Маркнелл и ухом не повел, он яростно продолжал: — Непрекращающиеся атаки, использование голодания и похожих методов при истреблении изолированных групп, массовое уничтожение человеческих армий в местах их сосредоточения. Без жалости и пощады. Это битва за выживание.

Барр заметил, что лицо Маркнелла немного побледнело. Наконец советник твердым голосом произнес:

— Ты действительно намерен уничтожить нас. Барр, я вижу, что у тебя на эмоциональной почве поехала крыша. Возможно, наши методы слишком жестокие. Люди тоже совершают ошибки. Но уже сам факт, что ты готов перейти к решительным действиям, показывает, что мы были правы, полагая, что тебя следовало слегка подтолкнуть.

Он тихо закончил:

— Больше всего меня заботит, каким образом

подвести тебя к иной точке зрения, где ты бы стал рассматривать и другие решения.

Эти слова вызвали раздражение у Барра.

— Это одна из наиболее широко распространенных среди людей концепций, — заметил он, — то, что роботы — существа, которые действуют, подчиняясь исключительно логике, и контролируют свои эмоции. За многие годы наблюдений за людьми я могу согласиться с этим мнением, считая его верным. Поэтому я должен сделать вывод, что моя точка зрения в этом вопросе кажется более обоснованной, нежели ваша.

— Я размышлял над так называемым «превосходством в логике» роботов, о котором так много говорят, — произнес Маркнелл. — Что же касается эмоций… — он покачал головой. — Барр, неужели ты не понимаешь всю чудовищность своих слов.

Робот резко сказал:

— Возможно, и был бы смысл попробовать порассуждать над другими решениями, если бы не то, что все ваши разглагольствования не предназначались исключительно для вас самих. Вы можете принимать законы, а эта толпа будет обращать на вас столько же внимания, сколько и ранее. — Он рукой показал на танцующие пары и

выразительно добавил: — Маркнелл, пройдет не меньше ста лет прежде, чем большинство людей примет идею, что роботы не менее живые, чем они сами, существа.

— Поэтому ты хочешь скорых действий, — презрительно сказал Маркнелл. — Все необходимо сделать немедленно. Вдруг, внезапно, после тысячи лет неторопливого развития, в основном — механического характера, мы должны резко изменить свое отношение и образ мышления. Мы оба знаем, что люди быстро не меняются. Рискну высказать мысль, что опыт всех твоих предыдущих операций научил тебя принимать во внимание консервативный характер людей *и* мышления роботов. Не забывай о последнем, Барр. Есть роботы, которые вовсе не жаждут развиваться. Тебе придется медленно и усердно воспитывать их, и даже тогда им вряд ли будет это нравиться.

Барр промолчал. Эти роботы были у него как бельмо на глазу — способные лишь тупо глазеть на собеседника, когда предполагалось, что они являлись живыми существами. «Все дело в ассоциациях, — говорил он самому себе. — Процесс этот может быть медленным или быстрым, в зависимости от того, сколько людей путаются

под ногами и вставляют палки в колеса». Он уже собирался высказать это вслух, когда Маркнелл опередил его:

— Кроме того, на это не потребуется сто лет. Ты недооцениваешь воздействие современных методов пропаганды. И существует еще одна вещь. Чего ты ожидаешь от людей? Неужели тебя охватило убийственное желание покарать их за все те годы, когда они рассматривали роботов в качестве обычной рабской силы? Или можешь ли ты принять мысль, что если что-то и могло возникнуть из сотрудничества людей и роботов, так это терпимость и уважение к достижениям друг друга? Видишь ли, мой друг…

Барр прервал его. Ему было достаточно ясно сказано, что он может положиться на обещание насчет предоставления роботам одинакового статуса с людьми. Он представил себе, как люди ловко распространяют повсюду мнение, что, возможно, в скором времени настанет день, когда они станут уважительно относиться к роботам. А до этого времени лучше всего позволить всему течь своим чередом. Возможно, люди постепенно начнут работать на предприятиях промышленности, особенно на военных заводах. Поэтому, если дать время, то они справятся с имеющимся у

них на данный момент недостатком — отсутствием оружия, а также — за исключением единиц — людей, прошедших техническую подготовку. Во всей будущей истории Галактики подобная ситуация вряд ли когда-либо повторится.

— Маркнелл, — сказал в заключение Барр, — человек, приговоренный к расстрелу, всегда пытается рассказать как можно больше и признать все свои ошибки. Несколько лет назад, еще до войны — а может, даже когда она велась, — мы бы согласились на этот компромиссный вариант. Но теперь слишком поздно. В войне было уничтожено больше ста девятнадцати миллионов роботов. Даже без учета этого факта ваши коварные и отчаянные призывы кажутся дешевыми и пустыми.

— Давайте, поскорее выкладывайте, что там у вас имеется, — яростно выкрикнул он. — В вашем распоряжении осталось всего лишь несколько секунд. Почему бегство одного вражеского пленника удержит меня от отдачи приказа начать восстание?

Маркнелл колебался, потом наконец произнес:

— Я остановлюсь только на одном аспекте. Только вдумайся, двести тысяч специальных отрядов до сих пор не схватили одного чужака!

Когда вы начнете свое восстание, пытаясь истребить людей, у вас будет не один-единственный враг, а несколько миллиардов, которых нужно будет выслеживать. Если этот факт не дойдет до твоего сознания, то тогда я не знаю, может ли тебя вообще что-либо остановить!

…Барра охватило страшное чувство облегчения. Потом он ощутил досаду на самого себя, что позволил нетерпению захватить власть над рассудком. Наконец он справился и со своей раздражимостью и начал рассматривать возможное течение событий.

Впрочем, в этом не было особого смысла. Все возможные варианты уже рассматривались ранее. Простые цифры не являлись определяющим фактором. Главным считалось обладание оружием, контроль над промышленностью и наличие стратегических позиций. Ни один робот-командир не сомневался, что когда-нибудь *получит* приказ. Возможно даже, что человеческая раса не будет полностью истреблена. Но несколько миллионов скрывающихся человечков на мириадах планет никогда не превратятся в угрозу для развитой цивилизации.

Барр хотел было высказать все эти свои доводы, но остановился. Неужели Маркнеллу нечего было

больше предложить в качестве сдерживающего фактора? Это казалось невероятным.

По правде говоря, это казалось такой незначительной вещью, что Барр почувствовал, как сомнение начинает охватывать его — в обратной пропорции по отношению к недействительности угрозы. Должно быть что-то еще.

И он обязан узнать, что же это.

Он заметил, что Маркнелл встревоженным, но полным любопытства взглядом следит за ним.

— Барр, — сказал человек, — интересно наблюдать за твоими реакциями. Все они так похожи на человеческие.

Кое-что Барр заметил и в самом себе — и ему вовсе не понравилось такое сравнение. Это особенно раздражало его — потому что секретные эксперименты, проводящиеся над новыми роботами, до сих пор не выявили каких-либо определенных особенностей, которые были бы присущи только роботам. У Барра был повод сердиться на это: учившие людей роботы-учителя бессознательно вели себя, как люди. Понадобится несколько поколений, чтобы избавиться от этого.

Маркнелл снова заговорил:

— Именно это мы и принимаем во внимание,

Барр. Гуманность. Нравится вам это или нет, но она существует. Она проникает в нервную систему роботов. Говорю тебе, вы не сможете уничтожить это. И когда ваши ученые в конце концов десять лет назад обнаружили, что рост кристаллов — сначала осуществляемый как отдельный процесс в лаборатории — и является такой долгожданной заменой секса, с того момента, Барр, вы все неотвратимо были пойманы в ловушку, из которой нельзя ускользнуть.

Что-то в поведении Барра заставило его замолчать. Маркнелл моргнул:

— Я забыл. Ведь это тайна, не так ли? — Во взгляде человека не читалось особого сожаления.

Барр почти тупо спросил:

— Откуда вы узнали об этом? Ведь только небольшая часть роботов знает об этом? Вы… — Он замолчал. Мысли его запутались.

Маркнелл снова внимательно посмотрел на него.

— Я хочу, чтобы ты подумал. И подумал хорошенько! Разве нет прорех в твоем плане? Чего-то, чего ты опасаешься? Может быть, есть что-то, что ты пытаешься скрыть от самого себя, но тщетно.

— Вы несете настоящую чушь, — холодно сказал Барр, — и знаете это.

Маркнелл, похоже, не слышал его слов.

— Все это ново для тебя. Сейчас ты просто не в состоянии представить все возможные последствия. Тебя, Барр, происходящее застало врасплох, и это разрывает тебя на части.

— Ничего подобного, — возразил Барр. — Если это все, что вы хотите мне сказать, Маркнелл…

Собеседник взглянул на свои наручные часы. Потом покачал головой и решительным голосом заявил:

— Председатель Барр, мы предлагаем вам окончательное равенство.

Барр с упрямством, достойным лучшего применения, отказался:

— Слишком поздно! — Затем с насмешкой добавил: — Вы что, собираетесь начать все по новой?

— Барр, — начал Маркнелл, — столетия назад люди проводили конкурсы за право стать экспертом в области техники или управляющим промышленным производством. Подобные вещи приносят личное удовлетворение, так что ни один робот не захочет в действительности отказаться от предложенной ему альтернативы, если станет для него очевидной.

— Мы будем управлять промышленностью, — огрызнулся Барр, — но ради собственной вы-

годы. — Он не удержался и добавил: — Так что теперь рабство станет более привлекательным для рабов.

— Людям нужны роботы и наоборот. Ведь признаться, это ведь благодаря нам цивилизация достигла такого высокого уровня развития. Теперь это взаимозависимый мир.

Барр почувствовал нетерпение.

— Да, правильно, люди нуждаются в роботах, но вот обратное неверно. — Он повторил: — Маркнелл, если это все…

Маркнелл наклонил голову и сказал, растягивая слова:

— Ну, это в самом деле все. Я пытался помочь тебе выбрать самый лучший путь, но ты отказался. И меня удивляет, что ты по-прежнему не замечаешь ключ, который я дал тебе касательно направления нашего противодействия.

— Значит, мы возвращаемся к побегу чужака, — сказал Барр и небрежно махнул рукой. — Итак, предполагается, что мы, роботы, испугаемся одного представителя враждебной нам расы!

— Нет, — тихо возразил Маркнелл, — предполагается, что вы боитесь того, где в данный момент находится этот чужак.

— Что вы имеете в виду? — Барр уже собирался

было продолжить, когда невероятная мысль пришла ему в голову. — Но ведь это невозможно! — У него перехватило дыхание. — Вы ведь даже не знаете о…

От колоссального напряжения завибрировала каждая молекула в кристаллической структуре его мозга. Как бы издалека он расслышал слова Маркнелла:

— И это еще не все. Мы заключили с чужаком соглашение, по которому он снабдил нас оружием. — Наверное, лучше будет нам просто пройтись туда, где я смог бы предъявить доказательства истинности своих слов.

Пальцы его ладони обхватили один из рукавов рубашки Барра и потянули вперед. Ничего не понимающий Барр позволил себя увести.

…Они вошли в длинное здание. Оказавшись внутри него, Барр увидел, что там возле каждой двери и лифтовых шахт располагаются люди-охранники. У них имелось лучевое оружие, сделанное роботами. «По крайней мере, — подумал он, — это хоть не оружие чужаков». Охранники окинули его суровым недружелюбным взглядом.

Увидев их, Барр почувствовал некоторое облегчение. Никаких следов того, что чужак действительно был выпущен. И тогда он подумал,

что все это сделано нарочно — ради него.

Тут же он спросил себя, что же случилось с роботами, охранявшими это здание. Следуя стратегии, выработанной роботами, он пытался не привлекать внимания как к этому зданию, так и ко всем остальным, представляющим какую-либо ценность при подготовке восстания. Вся трудность состояла в том, что на охрану или на выполнение прочих обязанностей роботы назначались агентством, которое находилось под контролем людей. В результате ему удалось лишь нескольких роботов-мятежников внедрить в охраняемые объекты. Он не сомневался, что там, где это вызывало подозрения, такие роботы вполне могли быть изолированы, делая невозможным, таким образом, внезапное нападение. Остальные же просто подчинятся властям.

Медленно до Барра доходило понимание сложившейся ситуации. Повернувшись к Маркнеллу, он уверенным голосом сказал:

— Надеюсь, вы понимаете, что я пришел сюда как солдат, готовый умереть. — Потом он хмуро добавил: — И потом, вы должны признать, что роботы в последнее время имеют больший опыт ведения боев, чем люди.

— Барр, — ответил Маркнелл, — я восхищен

твоей железной волей. Но снова предупреждаю: ты не подготовлен к тому, чтобы выдержать определенные потрясения. Не забывай: сама мысль о том, что могло бы случиться, почти парализовала тебя.

Барр спокойно слушал. Он в этот момент нерешительности вспоминал о своих действиях, испытывая лишь досаду. Но не более того. Да, ничего более. «Это был эксперимент, который меня волновал, — напомнил он себе. — Впрочем, ведь его можно позднее возобновить, но уже с другими роботами».

— Я пришел сюда, — начал Барр, — чтобы проверить ваше утверждение, что чужаки снабдили людей оружием. — Он едва покачал головой. — Я, по правде говоря, не могу поверить в это — мы сами неоднократно предпринимали попытки связаться с врагами, но безуспешно. Впрочем, считаю, что таков мой долг — попытаться выяснить, правда это или нет, даже если ценой станет моя жизнь.

— Вы увидите, — просто сказал Маркнелл.

Он сделал Барру знак рукой зайти в следующую комнату. Тот так и сделал. Когда Барр переступил через порог, ему показалось, что он оказался в ловушке.

Крылатое чудовище, больше восьми футов высотой, находилось возле входной двери. Из его головы торчали сверкающие, костяные штуковины, смутно различимые на фоне голубого потока энергии; было очевидно, что луч, выпущенный из этого оружия, сможет сжечь все электрические цепи в теле робота.

Невольно Барр отпрянул.

Потом он понял, что находится в «стеклянной» комнате. Он был отделен от врага барьером из инсулгласа. Сюда в прошлом приходили роботы из космоса, чтобы понаблюдать за первыми шагами экспериментальных роботов. Дверь в помещения роботов, располагавшаяся у противоположной стены, была закрыта.

Барр угрюмо посмотрел на нее, потом повернулся к Маркнеллу.

— Думаю, — начал он, — что если я не отступлю, рано или поздно вы откроете эту дверь.

Потом он торопливо продолжил:

— Но это ничего вам не даст, могу вас уверить.

— Барр, — сказал Маркнелл, — пока еще ты можешь, подчинившись благоразумию, сохранить контроль над ситуацией.

— Человеческому благоразумию? — фыркнул Барр. Он в раздражении на самого себя махнул

рукой, после чего добавил: — Конечно, вы станете утверждать, что для роботов никаких иных возможностей не остается.

— Расскажи мне о проводимых здесь экспериментах над роботами, — попросил Маркнелл.

Барр колебался, потом вдруг понял, что, наверное, он уже согласен поделиться с людьми кое-какой информацией в обмен на то, что его может заинтересовать.

— Здесь мы держали роботов в изоляции, — сказал он. — Мы предусмотрительно не давали им ложного представления о жизни. Они знают о людях и чужаках, хотя мы никогда не показывали их живьем, во плоти. — Он сделал выразительную паузу. — Каждый робот в этом здании должен полагать, что он нисколько не хуже любого другого существа во вселенной.

— И так оно и есть, — заметил Маркнелл.

Барр хотел было пожать плечами, но внезапно эта очевидная пропагандистская фраза вызвала в нем ярость, и он резко остановился.

— Не вижу больше смысла в этом разговоре, — ледяным тоном сказал он. — Давайте вернемся к действительности. Что вы собираетесь делать?

— Конечно, вернемся к действительности.

Человек нахмурился, словно обдумывая, что

же сказать, потом продолжил:

— Естественно, едва я увидел намечавшуюся угрозу, то тут же решил изыскивать средства противодействия неизбежному нападению роботов. Среди всего прочего я посетил инопланетянина, захваченного в плен во время войны. Может, вы помните, что в конце концов его по моей просьбе доставили на Землю.

Он умолк, но поскольку Барр не сделал никаких замечаний, продолжал:

— Мое появление удивило чужака. Хотя это было обычное посещение в сопровождении роботов-охранников. Чужак сделал одно предположение. Он подумал, что я тоже пленник. Я уже собрался было рассказать ему о нашей цивилизации, когда до меня дошла вся важность скрытого в этой его ошибке подтекста. Барр, задумывался ли ты когда-нибудь, что чужаки сражались всегда лишь с одними роботами? Это была война роботов и чужаков. *Чужаки не имели ни малейшего представления о существовании людей.*

Конечно, на этом я не остановился. Я обнаружил, что причиной, из-за которой они с таким отчаянным упорством продолжали войну, является то, что они считают роботов совершенно чуждыми себе. С еще большим потрясением

чудовище увидело во мне органическую форму жизни. И едва не разрывалось на части, желая стать моим другом.

Я рассказал ему одну выдуманную историю. Она не стоит того, чтобы я ее повторял. Но в результате существо телепатически связалось со своим высшим военным руководством и в течение нескольких следующих дней звездолеты чужаков приблизились к контролируемым Землею планетам. После подачи определенного сигнала, они совершат посадку вниз и передадут рабам-людям оружие, чтобы свергнуть их общего врага — роботов. Если понадобится, то они даже станут сражаться вместе с нами.

Доходит ли до тебя, Барр, весь дьявольский комизм этой ситуации. Похоже, вся та изнурительная война с чужаками вовсе не была необходимой. Могу заверить, многие люди поняли ее ошибочность еще до того, как военные действия закончились. Они жаждут действий. Люди возвращаются к активной жизни на благо цивилизации.

Он умолк.

— И напоследок я решил предъявить одного твоего приятеля — экспериментального робота, которого мы обнаружили в этом здании.

Человек отодвинулся в сторону. Барр ждал, ощущая странное отупение, словно разум его больше не в состоянии был нормально функционировать.

Появившийся робот не имел какой-либо охраны. Двигался он несколько отлично от людей. У него были суставчатые ноги и руки и подвижная голова. А кристаллическая «нервная система» покоилась на очень твердой прозрачной субстанции. Большая часть тела, как у людей, была светло-коричневой, однако Барр мог видеть любую лампу, любую двигающуюся часть.

Он еще осматривал робота, когда тот начал говорить:

— О, председатель, вы, конечно, удивлены, что мы позволили людям захватить нас. Впрочем, я рад сообщить вам, что мы перенесли потрясение без особых проблем.

Барр неуверенно начал:

— Я… я счастлив, что… — Он умолк, потом продолжил: — Вы должны были испытать шок после всего случившегося.

Экспериментальный робот внимательно посмотрел на Маркнелла.

— Итак, это и есть одна из рас, с которой мы делим просторы вселенной. Надеюсь, вы согласи-

тесь со мной, что по моему мнению мы, роботы, являемся самыми одаренными от природы существами.

Барр бросил на Маркнелла несчастный взгляд. Потом что-то тихо пробормотал. Затем снова взял себя в руки.

— Ты абсолютно прав, — сказал он более уверенно.

— Я вот что имею в виду, — сказал второй робот, — только подумайте о всех тех ограничениях, которые присущи органическим формам жизни. Они зависят от пищи, а та в свою очередь зависит от множества самых различных факторов: погоды, наличия необходимых элементов в почве и так далее — так что трудно даже поверить, что что-то вообще может возникнуть. Мне кажется вполне очевидным, что органические формы жизни должны были появиться в самую последнюю очередь. Председатель, какой из всего этого можно сделать вывод? Естественно, тот, что роботы появились раньше всех остальных форм жизни. Это единственное логическое заключение.

Барр начал было что-то говорить, но остановился. Маркнелл прикоснулся к чувствительной руке экспериментального робота.

— Мы очень хотим, — начал он, — чтобы вы поближе взглянули на еще одну органическую форму жизни. Сюда, в эту дверь, в стеклянное помещение.

Барр наблюдал, как человек и робот шли вдоль стены из инсулгалса. Все почему-то начало темнеть, словно какая-то пленка начала застилать ему глаза. А дальше грянул гром. Он узнал об этом по усиленной вибрации кристаллов внутри себя. Ему смутно представилось, что должно сейчас произойти. Он мысленно увидел, как молния бьет из чужака и поражает ничего не подозревающего робота, удивление и агонию того, отчаяние и осознавание неминуемой смерти.

Все это молниеносно пронеслось у него в голове, когда робот дошел до двери. Маркнелл повозился с замком. Он не обернулся, хотя Барр и ожидал этого от него. Его движения были весьма уверены.

«Он думает, что я вмешаюсь. Он думает, что я попытаюсь остановить его», — подумал Барр.

Какая нелепость. Только из-за того, что этот робот был взращен на кристаллах из его собственной кристаллической структуры…

Когда Маркнеллу наконец удалось открыть замок двери, Барр с удивлением услышал чей-то

панический вопль:

— Маркнелл!

И тут же понял, что орет-то он, Барр, потрясенный сложившейся у него в голове картиной. И все же…

Маркнелл обернулся.

— Да, Барр?

Тот попытался снова вызвать у себя гнев. Но не смог. Затуманившая мозг вибрация мешала думать; и все же он сумел внезапно осознать множество вещей, которые прежде были сокрыты от него.

— Маркнелл, я согласен!

— Я хочу услышать, как ты отдаешь по радио этот приказ! — выкрикнул человек голосом, не терпящим возражений. — У меня есть здесь передатчик, который можно настроить на приемную волну роботов.

Он повернулся и обратился ко второму роботу:

— Я думаю, что лучше пока повременить со знакомством. Этот парень очень темпераментен.

— Пустяки.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал Маркнелл. — Тебе, наверное, теперь следует вернуться к себе.

Робот посмотрел на Барра, тот согласно кивнул.

Когда второй робот ушел, Барр спросил:

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

Маркнелл вручил ему лист бумаги. Барр начал читать:

«Основываясь на соглашении, достигнутом между руководителями роботов и людей, объявляется равенство между этими двумя формами жизни. Детали сейчас прорабатываются. Все спецподразделения с настоящего времени должны немедленно отправиться на свои базы. Наступает новая эра сотрудничества между двумя великими и равными расами».

Когда Барр передал по радио это воззвание, он поднял глаза и увидел, что Маркнелл протянул ему руку.

— Прими мои поздравления, — произнес Маркнелл, — от одного отца другому. Барр, у тебя растет замечательный сын.

Человек и робот пожали друг другу руки.

Вид седьмой: Электронное чудовище Нечто

Нечто, владыка Филиппинской Впадины — самой ужасной в Тихом океане (глубина ее достигает шести миль) — проснулось после длительной спячки и огляделось подозрительно вокруг себя.

Его внутреннее «я» спросило:

— Ну, как сегодня ты себя чувствуешь, Нечто?

Внутреннее «я» было для него как бы детонатором, стимулятором, побуждающим его на какие-либо действия, а также — в определенной степени — еще и компаньоном.

Нечто не ответило. Во время спячки его снесло к вершине ущелья, стены которого круто уходили вниз на тысячу футов. Чудовище с подозрением оглядело край каньона.

…Никаких зрительных впечатлений. Свет не проникал в это царство вечной ночи океанских глубин. Нечто воспринимало этот мир мрака посредством высокочастотного излучения, которое постоянно испускало во все стороны. Подобно летучей мыши в темной пещере, Нечто ориентировалось в своем подводном мире, полагаясь на

возвращенные эхо-сигналы. Присущее ему чувство подозрения ко всему живому, вызываемое одним из его электронных устройств, принуждало его записывать параметры изменяющихся давления, температуры и потоков. Нечто и само не знало, что передаваемая им информация входила в еще один, больших размеров, блок данных, который позволял находящимся вдали от океанских глубин компьютерам просчитывать взаимосвязи различных явлений в океане и атмосфере и на основе этого с удивительной точностью предсказывать погодные условия.

У него была почти совершенная система восприятия. Поэтому Нечто обнаружило незваного гостя с точностью, исключавшей всякую ошибку, еще на дальних подступах к извилистому ущелью. Корабль! Стоявший на якоре у вершины скалы в самой дальней части каньона.

Его второе «я» подстрекательски спросило:

— Неужели ты позволишь, чтобы кто-то вторгся на твою территорию?

В ту же секунду Нечто в ярости активизировало реактивный механизм, расположенный в выпиравшем книзу чреве его почти идеально твердого металлического корпуса. Атомный реактор тут же привел в действие нагревательную установку,

и морская вода, проходя через нее и превращаясь в шипящее облако пара, стремительно, как ракетная установка, направляла вперед механическое чудовище.

Достигнув корабля, Нечто нанесло удар тепловым лучом, выпущенным из головы, по ближайшему из четырех якорных тросов. Перерезав его, чудовище повернулось ко второму и проделало то же самое. Потом оно направилось к третьему кабелю.

Но изумленные существа на борту вражеского судна уже заметили двадцатифутовое чудовище в черных водах океана.

— Проанализировать тип его эхового сигнала! — последовала команда. Она тут же была выполнена, точно и неукоснительно.

— Пропустить эхо-сигнал через систему с неограниченным диапазоном до получения ответа!

Результат был потрясающим: Нечто забыло, что делало, и когда поплыло вслепую прочь, его внутреннее «я» попыталось вразумить его:

— Очнись же! Ты ведь не дашь уйти им просто так, верно?

Неудача еще больше разъярила Нечто. Его восприимчивость возросла в несколько раз, одно-

временно чудовище стерло копии эхо-сигналов.

В последовавшей вспышке ярости Нечто пустило вход новое оружие.

Его система приема эхо-сигналов, которая обычно находилась под контролем, не представляя таким образом угрозы ни для кого живого в океане, внезапно заработала на форсаже, перейдя на сверхзвуковую волну. Нечто решительно двинулось к судну.

Заметив его маневр, враг решил не рисковать.

— Поднять оставшиеся якоря!

Нечто направилось к ближайшей части вражеского корабля. В тот же миг ритмическая вибрация сверхзвуковых волн начала сотрясать твердую обшивку чудовища — таким образом враг пытался ослабить ее.

Металл стонал под давлением воды, которое на этой глубине составляло тысячи тонн на квадратный дюйм. Металл внешней обшивки коробился со скрежетом.

Внутренние стены дрожали, но еще выдерживали натиск.

И тогда охваченные ужасом защитники подвергшегося нападению корабля включили контрвибрацию, которая свела на нет вибрацию Нечто, обезопасив тем самым свое судно.

Однако корабль был уже довольно серьезно поврежден и теперь безвольно дрейфовал в неспешных водах океанского течения. До сих пор инопланетяне не решались использовать виды энергии, которые можно было бы засечь на поверхности. Они прибыли на Землю, чтобы основать базу для последующего вторжения. Им предписывалось собрать как можно больше данных о подводных течениях, чтобы иметь возможность покинуть Филиппинскую Впадину и со временем подплыть к берегу, после чего запустить ракеты с ядерными боеголовками и уплыть прочь обратно в глубины. Для выполнения этой цели они имели превосходное мощное вооружение, и сейчас они не собирались погибнуть в этой черной бездне без всякой борьбы.

— Что нам делать с этим демоном?

— Уничтожить его! — приказал кто-то.

— Это опасно. — Главнокомандующий инопланетян пребывал в нерешительности.

— Большей опасности, чем сейчас, уже не будет.

— Это верно, — согласился главнокомандующий, — но, признаться честно, я не знаю, почему это чудовище вообще вооружено, и не думаю, что у него есть еще и другие средства защиты.

Задействовать систему ответного удара. Если монстр применит какое-нибудь новое оружие, то оно автоматически отразится и поразит его в ответ. Пойдем хотя бы на этот риск.

После повторной неудачи Нечто превратилось прямо-таки в разъяренного берсерка. Наведя на врага пушку с ядерным зарядом, чудовище дважды выстрелило. Через долю секунды отраженный луч поразил мозг чудовища.

— Ты ведь не дашь уйти им просто так, верно? — снова возопило его внутреннее «я».

Но владыка Филиппинской Впадины был уже мертв, и к нему бессмысленно было взывать.

Но тут же на главную метеорологическую станцию поступило сообщение:

«В Компьютерный Центр перестали поступать сведения от Нечто. Похоже, еще один из наших военных противолодочных роботов гидрологической службы вышел из строя. Вы можете вспомнить, что эти электронные чудовища были запрограммированы испытывать подозрение, гнев, считать себя владыками океана. После войны нам так и не удалось заставить их подняться на поверхность — слишком уж они подозрительно к нам отнеслись».

Океанские воды, как и воздушный океан,

продолжали катиться в своем бесконечном динамичном движении, и морские течения были гораздо более могущественными, чем любой сопоставимый воздушный поток. Хотя, в сущности, квадриллионы волн двигались сами по себе и только внешне казались одинаковыми.

Вскоре в районе Филиппинской Впадины зародилось мощное течение, которое понесло к поверхности корабль захватчиков по восходящей кривой. Однако только через несколько недель дрейфующее судно было вынесено на поверхность, и лишь через пару дней его обнаружили.

Морской патруль, исследовавший корабль инопланетян, констатировал: прошло уже больше месяца, как чужаки погибли в результате резкого толчка. А после оценки повреждений стало понятно, что произошло на самом деле.

В океанских же глубинах…

Новый владыка «проснулся» в первый «день» своего правления, и первое, что он услышал, были слова его внутреннего «я»:

— Ну, Нечто, какая на сегодня программа?

Монстр, испытывая поистине королевскую подозрительность, с пылающим взором начал обыскивать взглядом свои владения.

РАССКАЗЫ

Защита

Внутри мертвой планеты шевельнулся старый усталый механизм. Замигали бледные электронные лампы, медленно заскрипел переключатель, меняя состояние с нейтрального на положительное.

Послышались шипение и треск плавящегося металла, когда медный предохранитель сдался наконец под напором могучей энергии. Металл напрягся, как мышца человека, под мощным электроимпульсом, потом предохранитель расплавился и с глухим стуком упал на пол.

Однако перед этим ему удалось повернуть колесо.

Древняя тишина помещения была нарушена. Колесо лениво вращалось на тонкой пленке масла, которое — хорошо защищенное — сохранилось за миллион лет. Три раза повернулось колесо, а потом его основание развалилось на куски. Бесформенная масса, в которую оно превратилось, ударилась в стену, рассыпавшись в пыль, не годную уже ни на что.

Однако колесо все же повернуло вал, открывший микроскопическое отверстие в днище

уранового реактора. В канале под отверстием серебром блеснул уран.

В космическом напряжении два куска металла находились друг перед другом. Потом шевельнулись. Энергия, протекавшая между ними, мгновенно вызвала стремительную реакцию. То, что было твердым металлом, перешло в жидкое состояние, и верхний стек к нижнему.

Пылающая масса попала по каналу в специальную камеру, а там, образовав лужу, закипела, забулькала. Когда разогрелись холодные изолированные стенки, пошел ток. Импульсы его побежали по пещерам мертвого мира.

Во всех камерах объединенной системы подземных фортов послышались голоса. Мегафоны хриплыми голосами передавали сообщения на таком забытом языке, что даже эхо искажало их смысл. В тысячах помещений тишину нарушали голоса из невероятно далекого прошлого, ждали ответа и, не дождавшись его, равнодушно принимали молчание за одобрение.

И вот в тысячах помещений переключатели замкнули цепи, повернулись колеса и уран потек в специальные камеры. Последовала пауза, во время которой общий процесс близился к концу. Электронные устройства задавали себе вопросы

без ответов.

Указатель определил цель.

— Там? — требовательно спросила электронная лампа. — Оттуда?

Указатель не шевельнулся.

Выждав положенное время, лампа включила передатчик.

— Там, — сказала она тысячам ждущих электронных устройств. — Приближающийся объект, несомненно, прибывает оттуда.

Миллионы рецепторов хранили спокойствие.

— Готово? — спросили они.

В помещениях механизмов за камерами с кипящим ураном контрольные огни лаконично подтвердили готовность.

Ответом была короткая команда:

— Огонь!

В пятистах километрах над поверхностью бледный и напряженный Петерс повернулся к Грейсону.

— Что это было, черт побери? — спросил он.

— А что такое? Я смотрел в другую сторону.

— Я бы поклялся, что видел там вспышки, их было трудно сосчитать. А потом мне показалось, будто что-то пролетело мимо нас.

Грейсон сочувственно покачал головой.

— И ты не избежал этого, дружище. Не можешь вынести напряжения первой посадки на Луну. Расслабься, парень, мы уже почти на месте.

— Но я готов поклясться…

— Ерунда!

В трехстах восьмидесяти тысячах километров за ними Земля содрогнулась, когда тысяча суператомных бомб взорвалась одновременно, взметнув вверх грибообразные облака.

Мгла мгновенно заволокла всю стратосферу, скрыв от звезд подробности катастрофы.

Дорогой друг

Планета Аудригая II

Дорогой друг!

В первый момент, когда я получил твое письмо из клуба межзвездной корреспонденции, я вовсе не собирался тебе отвечать. Настроение у того, кто провел последние семьдесят планетарных отрезков (насколько я понимаю, ты бы назвал их годами) в аудригайской тюрьме, не располагает к личному обмену письмами. Но жизнь здесь слишком скучна, поэтому в конце концов я все-таки решил написать тебе ответ.

Меня очень заинтересовало твое описание Земли. Мне даже захотелось некоторое время пожить там, и на этот счет у меня имеются некоторые соображения, но пока я не буду вдаваться в детали, пока как следует не поразмыслю над ними.

Думаю, твое внимание привлечет материал, на котором написано это письмо — высокочувствительный металл, довольно тонкий и очень гибкий. Я высылаю тебе несколько листов, чтобы ты мог воспользоваться ими для переписки со мной. Тунгстен, увлажненный какой-либо

концентрированной кислотой, оставляет на нем прекрасный след. Для меня очень важно, чтобы ты писал на нем, поскольку мои пальцы слишком горячи (буквально), чтобы держать твою бумагу, не причинив ей вреда. Пока больше ничего писать не буду. Может, ты не захочешь переписываться с осужденным преступником, и поэтому право на последующий шаг я предоставляю тебе. Благодарю тебя за письмо. Хотя ты и не представлял себе, к кому оно попадет, все же его строчки принесли мгновения радости в мою мрачную жизнь.

Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Ты не представляешь себе, до какой степени меня обрадовал твой быстрый ответ на мое письмо. Я очень сожалею, что, как считает твой врач, мое письмо слишком разволновало тебя, и меня также тронуло то внимание, какое ты обратил на плачевную ситуацию, в которой я нахожусь вот который уже год. Я с удовольствием прочел все твои многочисленные вопросы и попробую по порядку ответить на них.

Ты пишешь, что Клуб Межзвездной Пересыл-

ки не отмечал посылку каких-либо писем на Аудригаю. А также, что по имеющейся у них информации температура на второй планете Солнца Аудригая составляет более пятисот градусов по Фаренгейту. И что существование на ней разумной жизни явилось полным сюрпризом для них. Ну, твой Клуб сообщил правду насчет температуры и писем. У нас тут действительно такой климат, который вы, люди, могли бы охарактеризовать как адский. Но мы не являемся углеводородной формой жизни, и температура в пятьсот градусов для нас очень даже приятная.

Должен попросить у тебя прощения, что ввел тебя в заблуждение относительно способа, каким я получил твое первое письмо. Я не хотел вываливать на тебя сразу же слишком много пугающей информации, поскольку не мог знать наверняка, как ты воспримешь мое послание.

Если же говорить начистоту, то я ученый, и представителям моей расы уже несколько веков известно о существовании других планетных систем с разумными обитателями. Поскольку мне разрешается в свободное время экспериментировать, то я увлекся попытками установления контакта. Я открыл несколько простых способов подключения к галактическим коммуникаци-

онным системам, но лишь после разработки линейно-пространственного я смог втянуть твое письмо (а также несколько других, на которые я решил не отвечать) в свою холодную камеру (но не в ту, в которой я вынужден находиться, а в специальное устройство, которое получает и отправляет корреспонденцию). Благодаря твоему великодушию и тому, что ты воспользовался высланными мною материалами, я без труда отыскал твое письмо в кипе корреспонденции, которая собралась на ближайшей станции Клуба Межзвездной Пересылки.

Тебя интересует, каким это образом и когда я успел выучить твой язык? Поскольку это довольно простой язык и довольно легкий в написании, то с этим делом у меня не возникло никаких трудностей. Если ты заинтересован в дальнейшей переписке со мной, я буду ждать твои письма и с удовольствием отвечать на них.

Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Твой энтузиазм укрепляет мои симпатии к тебе. Ты пишешь, что я не ответил на твой вопрос, каким образом я собираюсь посетить

Землю? Должен сознаться, что обошел этот вопрос намеренно, поскольку мой эксперимент не продвинулся еще достаточно далеко. Прояви немного терпения, и позже это окупится с лихвой — ты все узнаешь. Ты, разумеется, прав, когда заметил, что существу, живущему при температуре пятьсот градусов по Фаренгейту, крайне непросто оказалось бы напрямую общаться с людьми. У меня никогда и не было подобного намерения. Но… Хватит об этом.

Мне нравится тактичность, с которой ты касаешься причин моего заключения. Но мне абсолютно нечего скрывать. Я проводил на себе запрещенные эксперименты, которые признаны опасными для общественного лага. Например, среди всего прочего я однажды понизил температуру тела до 150 градусов, вследствие чего период распада радиоактивных элементов, окружающих меня, резко уменьшился, что привело к неожиданным помехам в приливе энергии в городе, где я проживал. Этот факт и послужил последним толчком, после которого мне было выдвинуто обвинение. Мне осталось отсидеть еще тридцать лет. И было бы неплохо оставить здесь свое тело и попутешествовать по вселенной… Однако, как я уже писал, об этом я поведаю тебе немного

погодя.

Я не считаю, что мои соотечественники являются высшей расой во вселенной. Да, мы обладаем определенными способностями, которых вы, люди, по всей видимости, лишены. Мы живем дольше, но не благодаря открытиям, которые мы могли бы применить по отношению к себе, а потому, что наши тела построены из более устойчивого элемента (я не знаю, как вы его называете, но атомный вес у него — 52)[6]. Наши научные открытия таковы, что их вообще-то могла совершить любая раса, имеющая схожую физическую структуру, что и наша. Тот факт, что мы можем работать при температурах, настолько высоких… мне трудно это выразить… очень много значит для открытия и использования подпространственных энергий, которые необычайно активны и требуют четкого управления. В более поздней фазе для этого управления можно применять и машины, но на начальных стадиях работы все приходится делать «вручную» (пишу это в кавычках, потому что у нас нет рук в вашем понимании этого слова).

Я посылаю с письмом фотопластинку, охла-

---

[6] Примечания: 6

Фант — радиоактивный элемент хрома. (*примеч. перев.*).

жденную и насыщенную химикалиями, соответствующую вашему климату. Мне хотелось бы, чтобы ты сделал снимок себя. Ты должен лишь расположить ее согласно законам оптики — это означает, коль скоро свет распространяется по прямой, тебе следует стать напротив пластинки, и когда будешь готов, просто подумать: «Я ГОТОВ». Снимок будет произведен автоматически.

Не затруднит ли тебя сделать для меня это? Если тебя интересуется мог бы выслать и свою фотографию, хотя тут мне бы хотелось предупредить тебя: моя внешность скорее всего шокирует тебя.

Искренне преданный тебе
Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Пара коротких предложений в ответ на твой вопрос. Пластинку не нужно помещать в фотоаппарат. Я понял, что ты имеешь в виду. Нет, не надо никакого затемнения, никаких коробочек. Пластинка сама сделает снимок, едва ты только подумаешь: «Я ГОТОВ».

Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Уверяю тебя, что меня нисколько не разозлило то, что ты сделал — лишь больше заинтриговало, и мне только жалко, что тебе не вернули пластинку. Зная, каким бесчувственным может быть правительство, я даже допускаю, что оно вообще может не возвратить ее тебе, и поэтому я решил прислать тебе еще одну такую же.

Вот только чего я не могу понять: почему тебя предостерегли от продолжения нашей переписки? Чего они ожидают от меня? Не съем же я тебя на расстоянии? Мне очень жаль, поверь, но могу заверить, что углеводородами я не питаюсь. Во всяком случае, мне очень хочется заполучить твой снимок в качестве воспоминания о нашей с тобой дружбе. Не забудь, что как только я получу твою фотографию, я немедленно вышлю тебе взамен свою. Можешь оставить ее у себя, выбросить или отдать правительству, но, в любом случае, я буду знать, что произвел с тобой честный обмен.

С наилучшими пожеланиями

Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Твое последнее письмо так долго не приходило,

что я было подумал, уж не решил ли ты прервать переписку. С огорчением я вынужден был заметить, что ты так и не прислал с письмом свою фотографию. Меня заинтриговало также, что ты пишешь о какой-то болезни, которая снова овладела твоим телом. Но тут же меня утешило твое обещание, что как только ты выздоровеешь, то обязательно тут же вышлешь свой снимок. Все это прекрасно, но почему такая задержка с твоим выздоровлением, и вообще, что это такое? Однако самое важное заключено в том, что ты написал. Я ценю философию твоего Клуба, который просит своих членов не писать о грустном. У всех у нас есть свои личные моменты, которые в нашей жизни могут преобладать над всем остальным. Я сижу здесь, в тюрьме, приговоренный провести последующие свои тридцать лет вне главного потока жизни. Саму мысль об этом тяжело выносить моему беспокойному духу, хотя я знаю, что впереди у меня еще долгая жизнь после освобождения.

Несмотря на твое дружеское письмо, наш контакт будет возобновлен только тогда — я имею в виду, полностью, во всем своем объеме, — когда ты наконец пришлешь свой снимок.

Твой ожидающий Скандер.

Аудригая II

Дорогой друг!

Наконец-то я получил твою фотографию! Как ты и предполагал, твоя внешность поразила меня. Я думал, что по твоему описанию мне все же удастся достаточно верно воссоздать твой образ. Но оказалось, что словами невозможно описать предмет, которого ты (я имею в виду себя) до этого никогда не видел.

Ты наверняка заметил, что я прислал тебе, как и обещал, свой снимок. Напоминающий обрубок металлический тип, не являюсь ли я (готов поспорить, что да!) слишком отличным от того образа, который представал в твоем воображении? Разные расы, с которыми мы устанавливали контакт, начинали относиться к нам сдержанно после обнаружения того, что мы являемся высокорадиоактивной формой жизни и сами излучаем в пространство, наверное, единственной в своем роде (насколько нам известно) в этой Галактике. Поверь, эту изоляцию крайне мучительно выносить. Может быть, ты помнишь еще ту идею (я ведь обещал тебе более подробно рассказать о ней) — о возможности покинуть не только эту тюрьму, но и само тело, которое,

как ты сам понимаешь, никуда отсюда убежать не может.

Короче, суть дела заключается в том, что возможна замена личности между двумя разумными представителями различных рас. Собственно говоря, это не совсем обмен, в общепринятом смысле этого слова. Для этого необходимо получение снимков обоими лицами, снимка разума, мыслей, а также тела каждого из индивидуумов. Поскольку этот этап чисто механический, то он заключается попросту в том, что делаются полные снимки и производится обмен ими. Под словом «полные», я, разумеется, подразумеваю регистрирование каждой вибрации. Следующим этапом является обеспечение обмена обоих снимков, то есть обладание каждым лицом полным снимком другого. (Уже поздно, мой друг! Я привел в движение подпространственную энергию между двумя нашими снимками. Так что ты можешь продолжать спокойно читать дальше, тут уже ничего изменить нельзя!)

Как я уже заметил, это не полная замена личности. Первоначальная индивидуальность каждого из обменивающихся лиц будет попросту лишь несколько приглушена, хотя и уйдет на второй план, в то время как на первый выйдет личность,

запечатленная на фотографии. У тебя останется память о твоей жизни на Земле, а у меня — память о моей, на Аудригая. Одновременно мы сможем пользоваться скрытой памятью тела, которое нас примет. Какая-то часть каждого из нас всегда будет стараться пробиться наверх, пытаясь вернуть себе контроль над сознанием, однако ей всегда будет не хватать силы, чтобы осуществить это.

Как только мне надоест Земля, я таким же способом обменяюсь телом с каким-нибудь другим разумным существом другой расы.

Через тридцать лет я с удовольствием вернусь в свое тело, а ты сможешь получить то тело, которое к тому времени я буду занимать.

Не забывай, что этот разговор очень полезен для нас обоих. Ты, при всей своей короткой жизни, не переживешь всех своих соплеменников и будешь иметь интересный опыт. Признаю, что надеюсь, что моя замена будет лучше. Но пока хватит об этом. Когда ты доберешься до этой части письма, то читать его буду уже я, а не ты. Но если какая-то часть тебя еще способна что-то осознавать, то тогда — до свидания, Друг! Мне было очень приятно получать твои письма. Я буду писать тебе время от времени, чтобы ты

знал, как идут дела в моем путешествии.

С наилучшими пожеланиями
всегда твой Скандер.

Дорогой друг!

Большое спасибо за ускорение дела. Долгое время я колебался: могу ли я позволить тебе, чтобы ты сам себе подложил такую свинью. Видишь ли, правительственные ученые сделали анализ первой фотопластинки, которую ты мне прислал, так что окончательное решение уже полностью зависело от меня.

И поэтому я решил, что каждому, кто так страстно, как ты, желает чего-то добиться, стоит это позволить. Теперь я знаю, что не должен был размышлять так долго над этим и жалеть тебя. Из твоего плана захвата Земли все равно ничего бы не вышло, но сам факт, что у тебя было такое намерение, перечеркивает всю возможность сочувствия.

До этого времени ты уже наверняка осознал, что человек, который парализован от рождения и подвержен сердечным приступам, не может надеяться на долгую и счастливую жизнь. Мне доставляет радость известить тебя, что твой одинокий когда-то друг весьма хорошо проводит время, и мне также приятно подписаться именем,

к которому, как я ожидаю, я вскоре привыкну.

С наилучшими к тебе пожеланиями, дорогой мой друг,

Скандер.

Пробуждение

Остров был стар, очень стар. Даже Иилах, который лежал у входа во внутреннюю лагуну миллионы миллионов лет, не понимал, пока был еще жив, что это гребень первородного материка, восставшего над водами в первые дни творения. Остров был длиной примерно в три мили и шириной в полторы мили в самом широком месте. Он судорожно изогнулся вокруг синей лагуны, подобно гигантскому человеку, пытающемуся дотянуться руками до пальцев ног. Сквозь оставшийся просвет в лагуну врывалось море. Волнам было тесно в узком канале. С бесконечным упорством они пытались разрушить каменные стены, и рев прибоя был здесь особенно хриплым и яростным — символ вечной битвы между осажденной сушей и штурмующим ее океаном. На самом стрежне под грохочущими волнами лежал Иилах, забытый временем и Вселенной.

В начале 1941 года к острову пришли японские корабли и проникли через бурную стремнину канала в тихую лагуну. С палубы одного из кораблей пара любопытных глаз заметила странный предмет в русле неспокойных вод. Но обладатель

этих глаз был на службе у правительства, которое строго пресекало всякую деятельность своих подданных, если она не имела прямого отношения к войне. Поэтому инженер Таку Онило ограничился тем, что отметил в своем отчете:

> *«В устье канала на дне находится массивное образование из блестящей, похожей на гранит породы, длиной около четырехсот футов при ширине в девяносто футов».*

Маленькие желтокожие люди построили подземные резервуары для бензина и нефти и покинули остров.

Океан наступал и отступал, снова наступал и снова отступал. Так проходили дни и годы, а десница времени тяжела. Дождливые сезоны приходили в положенный срок, и вскоре ливни смыли все следы, оставленные человеком. Там, где машины обнажили землю, поднялись зеленые заросли. Окончилась война. Подземные резервуары слегка осели в своих каменных гнездах, и в главных нефтепроводах появились многочисленные трещины. Нефть медленно просачивалась наружу, и воды лагуны годами покрывала радужная пленка.

В сотнях миль от острова вблизи атолла Бикини произвели один взрыв, затем другой, и перепутанные течения понесли радиоактивные воды неведомыми путями. Первая волна потенциальной энергии достигла острова ранней осенью 1946 года.

Еще несколько лет спустя терпеливый чиновник, разбирая в Токио архив императорского военно-морского флота Японии, обнаружил документ о существовании тайного нефтехранилища. По прошествии должного срока, в 19… году, эскадренный миноносец «Коулсон» отправился в обычное для таких случаев инспекционное плавание.

Час апокалипсиса пробил.

Капитан-лейтенант Кент Мейнард угрюмо рассматривал остров в бинокль. Он был готов к неприятным неожиданностям, однако не ждал ничего сверхъестественного.

— Обычный подлесок, — пробормотал он, — Цепь холмов, хребет острова, деревья…

И тут он умолк.

На обращенном к ним склоне пальмовый лес прорезала широкая просека. Деревья на ней были глубоко вдавлены в гигантскую борозду, уже поросшую травой и молодым кустарником. Борозда

шириной примерно в сотню футов тянулась от берега вверх по склону и обрывалась у длинного плоского утеса, лежавшего близ вершины холма.

Ничего не понимая, Мейнард уставился на фотографии острова, сделанные еще японцами. Машинально он обратился к своему заместителю лейтенанту Джерсону.

— Черт побери! — сказал он, — Как очутился здесь этот утес? Его нет ни на одной фотографии.

Едва успев закрыть рот, он уже пожалел о сказанном.

Джерсон взглянул на него с чуть прикрытой иронией и пожал плечами.

— Наверное, мы попали не на тот остров.

Мейнард счел за лучшее промолчать. Этот Джерсон был странным типом. На языке у него всегда вертелись какие-нибудь колкости.

— Пожалуй, эта штука весит миллиона два тонн, — продолжал лейтенант, — Может, японцы нарочно притащили ее сюда, чтобы сбить нас с толку?

Последние слова Джерсона еще больше уязвили его: как раз в это мгновение, глядя на утес, он и в самом деле подумал о японцах. Однако вес утеса, определенный лейтенантом довольно точно, заставил его отказаться от столь диких

предположений. Если бы японцы могли сдвинуть с места утес, весящий два миллиона тонн, они бы выиграли войну.

Они вошли в лагуну без всяких происшествий. Проход оказался шире и глубже, чем предполагал Мейнард, судя по японской карте, и это облегчило задачу. Обедали они уже в лагуне под прикрытием береговой гряды. Мейнард заметил на воде нефтяные пятна и тотчас приказал следить, чтобы кто-нибудь не бросил за борт спичку. Посовещавшись с офицерами, он решил поджечь эту нефть, когда работа будет закончена и эсминец выйдет из лагуны.

Примерно в половине второго шлюпки были спущены на воду и быстро добрались до берега. Еще через час с помощью калек, снятых с японских планов, удалось отыскать все четыре замаскированных нефтехранилища. Понадобилось немного больше времени, чтобы определить их размеры и выяснить, что три из них пусты. Только четвертое, самое маленькое, оказалось совершенно целым и полным высокооктанового бензина примерно на семнадцать тысяч долларов. Это была слишком маленькая добыча для крупных танкеров, которые все еще выкачивали остатки горючего из американских и японских

нефтехранилищ на островах. Мейнард подумал, что сюда надо было бы прислать за бензином лихтер, но это уже его не касалось.

Несмотря на то, что все было закончено довольно быстро, Мейнард с трудом поднялся на борт.

— Что, сэр, совсем выдохлись? — спросил Джерсон излишне громко.

Мейнард ощетинился и решил обследовать утес в тот же вечер. Сразу после ужина он вызвал добровольцев. Было уже совсем темно, когда Мейнард с командой из семи матросов и боцманом Юэллом высадились на песчаный пляж, окаймленный высоченными пальмами. Не теряя времени, они двинулись в глубь острова.

Луны не было, и лишь звезды мерцали среди разорванных облаков — последних примет только что закончившегося дождливого сезона. Они шли по дну гигантской борозды, инкрустированному поваленными деревьями. При слабом свете фонариков эти бесчисленные стволы, обугленные, впрессованные в землю какой-то сверхъестественной силой, производили тягостное впечатление.

Мейнард услышал, как один из матросов пробормотал:

— Ну и тайфун же здесь был… Натворить та-

кое!

«Не тайфун, — подумал Мейнард. — Всесокрушающий ураган, такой страшный, такой чудовищный, что...»

И тут мысль его словно споткнулась. Он не мог себе представить ураган, способный протащить двухмиллионотонную глыбу четверть мили, да еще вверх по склону, на высоту четырехсот футов над уровнем моря.

Вблизи поверхность утеса выглядела как обыкновенный гранит. В лучах фонариков он переливался бесчисленными розовыми искрами. Мейнард вел свою команду вдоль поверженного великана, подавленный его размерами: в длину он насчитал четыреста шагов, и эта глыба нависала над людьми как гигантская мерцающая стена. Даже верхний конец утеса, глубоко зарывшийся в землю, возвышался над их головами футов на пятьдесят.

Ночь становилась все более жаркой, удушающе жаркой.

Мейнард обливался потом. Лишь мысль о том, что он выполняет свой долг в столь тяжелых условиях, приносила ему удовлетворение. Он постоял в нерешительности, мрачно наслаждаясь напряженным безмолвием первозданной ночи,

потом наконец сказал:

— Отколите вот здесь и вот там несколько образцов. Эти розовые прожилки довольно любопытны.

Несколько секунд спустя нечеловеческий вопль разорвал ночную тишину. Вспыхнули фонарики. Они осветили матроса Хикса, который бился в корчах на земле рядом с утесом. В скрещении лучей все увидели его руку: запястье казалось тлеющим черным початком кукурузы. Он прикоснулся к Иилаху.

Мейнард сделал обезумевшему от боли матросу укол морфия и поспешил доставить его на корабль. Тотчас связались с базой. Дежурный хирург шаг за шагом давал по радио указания, как вести операцию. Было решено, что за пострадавшим прилетит санитарный самолет. В штабе, видимо, недоумевали, как могло все это случиться, потому что оттуда запросили «более подробные сведения» относительно «горячего» утеса. К утру там уже окрестили его метеоритом. Мейнард, который обычно никогда не спорил с начальством, на сей раз, услышав такое определение, насупился и позволил себе заметить, что этот «метеорит» весит два миллиона тонн и лежит на поверхности острова.

— Я пошлю второго механика измерить температуру, — сказал он.

Судовой термометр показал, что температура поверхности утеса достигает почти восьмисот градусов по Фаренгейту. И тогда Мейнарду задали вопрос, от которого он побелел.

— Да, сделали, — ответил он. — Радиоактивность воды чуть выше нормы. Есть! Мы немедленно уйдем из лагуны и будем ждать корабль с учеными на внешнем рейде.

Он поспешил закончить разговор. Девять человек побывали всего в нескольких ярдах от утеса, в зоне смертоносного излучения. Да и эсминец, стоявший в полумиле от берега, тоже должен был получить опасную дозу радиации. Однако золотые лепестки электроскопа не шевелились, а опущенный в воду счетчик Гейгера-Мюллера лишь слабо потрескивал, да и то с большими интервалами. Немного успокоившись, Мейнард спустился вниз навестить матроса Хикса. Пострадавший забылся беспокойным сном, но, как видно, не собирался умирать, что было уже неплохим признаком.

Когда прилетел санитарный самолет, прибывший на нем врач перевязал Хикса и взял на анализ кровь у всего экипажа. Поднявшись на

мостик, этот симпатичный молодой человек доложил Мейнарду:

— Ну что ж, могу сказать, что подозрения не оправдались. На корабле все в полном порядке, даже Хикс, если не считать его руки. Для восьмисот по Фаренгейту она сгорела чертовски быстро. Не понимаю.

Пять минут спустя, когда они все еще стояли на мостике, пронзительные дикие крики с нижней палубы взорвали тишину уединенного островка.

Что-то дрогнуло в глубине Иилаха, шевельнулось. Смутное воспоминание о себе самом, о том, что он должен был сделать. В сущности, сознание впервые вернулось к нему в конце 1946 года, когда он ощутил прилив энергии извне. Внешний приток ослабел и постепенно исчез. Его энергия была ничтожно слаба. Кора планеты, той, которую он знал раньше, трепетала от приливов и отливов потенциальных сил еще не остывшего юного мира, только что вышедшего из звездной стадии. И лишь долгое время спустя Иилах до конца понял, в какое катастрофическое положение он попал. Сначала же, пока жизнь в нем еле теплилась, он был слишком сосредоточен в себе самом, чтобы обращать внимание на окружающее.

Усилием воли он заставил себя проанализировать и оценить обстановку. Напрягая радарное зрение, он обозрел свой новый странный мир. Иилах лежал на невысоком плато близ вершины горы. Более безжизненного зрелища не хранилось в ячейках его памяти. Здесь не было ни искры атомного огня, не было кипящей лавы, всплесков энергии, выбрасываемой к небесам силой могучих подземных взрывов.

Гора, которую он видел, не представлялась ему островом среди бескрайнего океана. Он воспринимал предметы под водой точно так же, как над поверхностью. Его зрение, основанное на сверхультракоротких волнах, не позволяло ему видеть воду. Он понял, что находится на старой, умирающей планете, где жизнь давным-давно угасла. Он был одинок и тоже обречен на смерть, если только ему не удастся отыскать источник, который вернет ему силы.

Простой логический процесс заставил его двинуться вниз по склону навстречу потоку атомной энергии. Но неизвестно почему он очутился ниже несущего радиацию уровня, и ему пришлось отползти назад. Поскольку он уже двигался вверх по склону, Иилах начал тяжело взбираться на ближайшую вершину, чтобы выяснить, что

находится позади нее. Когда он выбрался из невидимой и неощутимой воды лагуны, произошло сразу два взаимоисключающих события.

Иилах оказался отрезанным от несомой течениями атомной энергии. И одновременно вода перестала угнетать нейтронную и дейтронную деятельность его собственного организма. Жизнь его тела сразу стала интенсивнее. Период медленного угасания миновал. Он опять превратился в гигантскую самозаряжающуюся батарею, способную черпать нормальные дозы радиоактивной жизни из составляющих его элементов. И хотя дозы эти по-прежнему оставались совершенно недостаточными, Иилах снова подумал: «Я что-то должен сделать. Но что?»

Иилах напрягся. Все усиливающийся поток электронов ринулся в огромные ячейки его памяти. Но память молчала, и поток ослаб.

Постепенное пробуждение жизненной активности позволило ему составить более ясное, более точное представление об окружающем. Он начал посылать волну за волной ощупывающие радарные сигналы к Луне, к Марсу, ко всем планетам Солнечной системы; и по мере того, как отраженные сигналы возвращались к нему, Иилах с возрастающей тревогой убеждался, что

все это тоже мертвые тела.

Он был в плену мертвой системы, обреченный на неотвратимую гибель. Когда его внутренняя энергия иссякнет, он станет частицей безжизненной массы планеты, на которую его забросили. И тогда он осознал, что уже был мертв. Каким образом это произошло, он не мог понять, помнил только, что разрушительная, парализующая субстанция внезапно обрушилась на него, окружила и подавила все жизненные процессы. Со временем распад химических элементов превратил эту субстанцию в безобидную массу, не способную более изолировать его от мира.

Теперь он снова жил, но такой слабой, еле теплящейся жизнью, что ему оставалось только ждать конца.

И он ждал.

В 19... году он увидел эсминец, плывущий к нему по небу. Задолго до того, как корабль замедлил ход и остановился прямо под ним, Иилах уже понял, что эта форма жизни не имеет с ним ничего общего. Внутри был слабенький источник искусственного тепла, сквозь внешние стенки Иилах улавливал мерцание тусклых огней.

Весь этот первый день Иилах ждал, что существо обратит на него внимание. Но от корабля не

исходило никаких волн. Он был мертв, и тем не менее он парил в небе над плато. Этого немыслимого явления Иилах не мог объяснить. Он не ощущал воды, не мог себе даже представить воздух, и его ультракороткие излучения проходили сквозь людей, как если бы их вообще не было. Поэтому сейчас он понимал лишь одно: перед ним чужая форма жизни, сумевшая приспособиться к условиям мертвого для него мира.

Но постепенно Иилах начал волноваться. Существо могло свободно передвигаться над поверхностью планеты. Возможно, оно знает, не сохранился ли где-нибудь источник атомной энергии. Но как установить контакт?

На следующий день, когда солнце стояло в зените, Иилах направил на крейсер луч вопрошающей мысли. Он нацелился прямо на тусклые огни машинного отделения, где, по его представлению, должен был находиться разум чуждого существа.

Тридцать четыре человека, погибшие в машинном отделении, были похоронены на самом берегу. Оставшиеся в живых матросы и офицеры перебрались на полмили в глубь острова. Сначала они решили разбить здесь лагерь и ждать, пока покинутый всеми «Коулсон» не переста-

нет испускать смертоносную радиацию. Но на седьмой день, когда транспортные самолеты уже начали доставлять научных работников со всем их оборудованием, трое матросов заболели, и анализ крови показал, что у них катастрофически падает количество красных кровяных телец. Поэтому Мейнард, не дожидаясь указаний свыше, приказал переправить всю команду на Гавайские острова.

Офицерам он предоставил право выбора, однако предупредил второго механика, первого артиллерийского офицера и тех мичманов, которые помогали выносить трупы на палубу, чтобы они, не надеясь на судьбу, тотчас улетели с первым же самолетом. Хотя приказ об эвакуации касался всех матросов, многие попросили разрешения остаться. И около десятка из них это разрешение получили после того, как были тщательно опрошены Джерсоном и сумели доказать, что и близко не подходили к опасной зоне.

Мейнард предпочел бы, чтобы Джерсон убрался с острова одним из первых, но эта его надежда не сбылась. Джерсон остался вместе с лейтенантами-артиллеристами Лаусоном и Хори и мичманами Макпелти, Манчиевым и Робертсом. Среди матросов старшими по званию оказались

главный стюард-казначей Дженкинс и старший боцман Юэлл.

Военных моряков на острове словно не замечали, разве что иногда просили убраться со своими палатками куда-нибудь подальше. Наконец, когда стало ясно, что их не оставят в покое, Мейнард скрепя сердце приказал перенести лагерь на самую дальнюю косу, туда, где пальмы расступались, окружая травянистую поляну. Неделя проходила за неделей, но никаких распоряжений относительно его команды не поступало; Мейнард сначала удивлялся, а потом впал в мрачность. Но вот в одном из номеров официальной газетенки, которая появилась на острове вслед за учеными, бульдозерами и бетономешалками, во «внутреннем обзоре» Мейнард вычитал кое-что, приоткрывшее перед ним завесу. Если верить автору статьи, между флотским начальством и важными шишками из Комиссии по атомной энергии разгорелся скандал. В результате морякам приказали «не вмешиваться».

Мейнард читал обзор со смешанным чувством, в нем крепло убеждение, что он остался единственным уполномоченным военно-морского флота на острове. Эта мысль вызывала в его воображении головокружительные картины — он

видел себя в роли адмирала, если только ему удастся найти правильное решение. Но никакого иного решения, кроме как сидеть здесь и следить в оба глаза за всем происходящим, он так и не мог придумать.

Мейнард потерял сон. Целыми днями как можно незаметнее ходил он по острову и осматривал наиболее интересные установки и палаточные городки, в которых разместилась целая армия ученых и их помощников. А по ночам он перебирался из одного тайного укрытия в другое, наблюдая за ярко освещенным берегом лагуны.

Остров казался сказочным, сверкающим оазисом под куполом черной тихоокеанской ночи. Гирлянды огней тянулись над шелестящими волнами на целую милю вдоль берега. На фоне этого зарева вырисовывалось тяжелое сооружение, длинная коробка из массивных железобетонных стен, протянувшихся параллельно друг другу от подножия до самой вершины холма. Внутри открытой сверху коробки лежал утес, и защитные стены подступали к нему почти вплотную, чтобы отрезать его от всего остального мира. На стенах тоже горели фонари. Только к полуночи рычание бульдозеров замолкало, бетономешалки, вывалив последние порции смеси, спускались по

временной дороге на пляж, и наступала тишина. Вся громоздкая организация людей и механизмов погружалась в тревожный сон.

Мейнард ждал этого момента с горькой терпеливостью человека, делающего гораздо больше, чем от него требуется. Его терпеливость принесла плоды. Он оказался единственным человеком, который собственными глазами увидел, как утес вполз на вершину холма.

Это было потрясающее зрелище. До часу ночи оставалось минут пятнадцать, и Мейнард уже считал этот день пропащим, когда вдруг раздался непонятный звук. Похоже было, что самосвал высыпал целый кузов щебенки. В первое мгновение Мейнард испугался только за свой секретный наблюдательный пункт: сейчас его обнаружат и все узнают о его ночной деятельности. Но уже в следующее мгновение он увидел при свете фонарей надвигающийся утес.

Железобетонные стены с грохотом рушились и крошились под неудержимым натиском. Пятьдесят, шестьдесят, наконец все девяносто футов чудовища вздыбились над холмом, тяжело ухнули на вершину, и здесь утес снова замер.

Два месяца Иилах наблюдал за судами, которые заходили в лагуну. Его заинтересовало, почему

все они следуют одним и тем же путем. Может быть, способности их ограничены и потому они держатся на одном и том же уровне? Но еще интереснее был тот факт, что неведомые существа каждый день огибали остров и куда-то исчезали, скрываясь за высоким выступом на восточном берегу. И каждый раз по прошествии нескольких дней они снова появлялись в его поле зрения, тем же путем заходили в лагуну и повисали там над поверхностью планеты.

В течение этих месяцев Иилах с удивлением замечал несколько раз другие маленькие, но гораздо более мощные крылатые корабли, которые стремительно падали с большой высоты и тоже исчезали где-то на востоке. Всегда на востоке. Любопытство мучило его, но он боялся тратить свои запасы энергии. Наконец он заметил зарево огней, освещавших по ночам восточную часть неба. Он освободил часть мощной взрывной энергии на нижней поверхности своего тела, что придало ему поступательное движение, и преодолел последние семьдесят-восемьдесят футов, отделявшие его от вершины холма. И сразу же пожалел об этом.

Недалеко от берега на рейде стоял один корабль. Зарево огней над восточным склоном

холма, по-видимому, не имело своего источника энергии. Пока он осматривался, десяток грузовиков и бульдозеров суетились вокруг него, причем некоторые приближались к нему почти вплотную. Что именно они делали и чего хотели, он не мог понять. Он посылал в различных направлениях вопрошающие излучения, но ни на одно не получил ответа. Потом он бросил это безнадежное дело.

На следующее утро утес все еще лежал на вершине холма, и теперь обе части острова были беззащитны перед обжигающими зарядами энергии, которые он ночью беспорядочно излучал во все стороны.

Первый рапорт о причиненном ущербе Мейнард услышал от стюарда-казначея Дженкинса. Семь шоферов грузовиков и два бульдозериста погибли, с десяток человек получили тяжелые ожоги, и вся двухмесячная работа пошла прахом.

Видимо, ученые посовещались и приняли какое-то решение, потому что вскоре после полудня бульдозеры и грузовики, нагруженные всяким оборудованием, двинулись куда-то мимо лагеря моряков. Отправленный следом за ними матрос вернулся и доложил, что ученые перебираются на мыс в дальнем нижнем конце острова.

Незадолго до сумерек произошло важное событие. На освещенную площадку перед палатками пришел сам начальник экспедиции со своими четырьмя учеными помощниками и сказал, что хочет видеть Мейнарда. Гости улыбались, держались дружелюбно, со всеми здоровались за руку. Мейнард представил им Джерсона, который, как на грех (по мнению Мейнарда), оказался в это время в лагере. И тут делегация ученых перешла к делу.

— Как вы знаете, — сказал их начальник, — «Коулсон» радиоактивен лишь отчасти. Кормовая орудийная башня совсем не пострадала, а потому мы просим, чтобы вы в порядке сотрудничества обстреляли этот утес и разбили его на куски.

Прошло какое-то время, прежде чем Мейнард опомнился от удивления и сообразил, как ему следует ответить. В течение нескольких следующих дней он только спрашивал ученых, уверены ли они, что утес можно разбить и тем самым обезопасить. Но в их просьбе отказал сразу. Лишь на третий день он нашел для этого вескую причину.

— Все ваши предосторожности, джентльмены, недостаточны, — сказал он, — Вы переместили свой лагерь, но я считаю, что с точки зрения без-

опасности этого мало, если утес действительно взорвется. Но, разумеется, если я получу приказ от моего командования исполнить вашу просьбу, в таком случае…

Он оставил фразу незаконченной, поняв по их разочарованным лицам, что они уже имели по этому поводу не один горячий разговор по радио со своим собственным начальством. Прибывшая на четвертый день газетенка сообщила, что один из «высших» морских офицеров в Вашингтоне сделал заявление, согласно которому «любое решение подобного рода может быть принято только представителем военно-морского флота на острове». Кроме того, в статье говорилось, что военно-морское ведомство готово выслать на место своего специалиста-атомщика, если к ним обратятся с такой просьбой по соответствующим официальным каналам.

Мейнарду стало ясно, что он действует именно так, как этого хотелось бы его начальству. К сожалению, как раз тогда, когда он дочитывал статью, тишину разорвал безошибочно узнанный им грохот пятидюймовых орудий эсминца, самый резкий из всего артиллерийского оркестра.

Мейнард, шатаясь, вскочил на ноги. Он бросился бежать к ближайшей высоте. Прежде чем он

достиг ее, с той стороны лагуны снова донесся резкий удар, а затем последовал оглушительный взрыв возле самого утеса. Мейнард добежал до своего наблюдательного пункта и увидел сквозь призмы бинокля с десяток человек, которые суетились на корме позади орудийной башни. Ярость и возмущение с новой силой охватили коменданта острова. Он решил немедленно арестовать всех, кто пробрался на эсминец, за опасное и злостное нарушение приказа. У него мелькнула смутная мысль, что настали поистине печальные времена, если из-за внутриведомственных склок люди решаются открыто попирать авторитет армии и флота, словно для них нет ничего святого. Но эта мысль исчезла так же быстро, как и появилась.

Он дождался третьего залпа, затем устремился вниз к своему лагерю. Мейнард послал восемь моряков на пляж, чтобы перехватить тех, кто попытается вернуться на остров. С остальными своими людьми он поспешил к ближайшей шлюпке. Им пришлось огибать мыс кружным путем, так что, когда Мейнард добрался до опустевшего и снова безмолвного «Коулсона», он заметил вдалеке лишь моторную лодку, уходившую за выступ берега.

Мейнард колебался. Что делать? Пуститься в погоню? В бинокль было хорошо видно, что утес почти не пострадал. Неудача этих штатских крыс развеселила его и в то же время обеспокоила. Когда начальство узнает, что он не принял необходимых мер и позволил посторонним проникнуть на корабль, его не похвалят.

Он все еще раздумывал об этом, когда Иилах двинулся вниз по холму прямо на эсминец.

Иилах заметил первую яркую вспышку орудийного залпа. В следующее мгновение он увидел мчащиеся на него маленькие предметы. В давным-давно забытые старые времена он научился защищаться от метательных снарядов. И теперь автоматически сжался, чтобы отразить удар. Но эти предметы, вместо того чтобы просто ударить, взорвались. Сила взрыва ошеломила его. Защитная кора треснула. Сотрясение прервало и замкнуло поток энергии между электронными ячейками в его огромном теле. Автоматические стабилизирующие пластины мгновенно послали восстанавливающие импульсы. Раскаленная полужидкая материя, составляющая большую часть его массы, стала еще горячее, еще подвижнее. Слабость соединений, вызванная страшным потрясением, усилила приток жидкой материи

к поврежденным местам, где жидкость сразу же затвердела под огромным давлением. Память восстановилась.

Иилах старался понять, что это было. Попытка установить контакт? Такая возможность взволновала его. Вместо того чтобы закрыть зияющую брешь в своей внешней броне, он лишь укрепил следующий за ней защитный слой, чтобы приостановить утечку радиоактивной энергии. И стал ждать.

Еще один метательный снаряд и страшный взрывной удар при столкновении… После дюжины таких ударов, которые разрушали его защитный панцирь, Иилахом овладело сомнение. Если это и были сигналы, он не мог их принять или понять. Он ускорил химическую реакцию, которая должна была укрепить внешний панцирь. Но взрывающиеся предметы разбивали его защиту быстрее, чем он успевал затягивать пробоины.

Однако он все еще не мог поверить, что это было нападение. За все его предыдущее существование никто не нападал на него таким способом. Каким именно способом действовали против него раньше, Иилах тоже не мог вспомнить. Но, во всяком случае, не на таком примитивном, чисто молекулярном уровне.

Когда наконец он все же убедился, что это нападение, Иилах не почувствовал гнева. Защитные рефлексы его были логическими, а не эмоциональными. Он рассмотрел эсминец и решил, что его следует удалить от себя. И впредь надо будет удалять любое подобное создание, если оно попытается приблизиться. И все движущиеся предметы, которые он видел с вершины холма, — от всего этого надо избавиться.

Он двинулся вниз по склону холма. Существо, неподвижно парившее над плато, перестало изрыгать пламя. Когда Иилах приблизился, единственным признаком жизни был удлиненный предмет гораздо меньшего размера, который быстро плыл вдоль борта.

В этот момент Иилах погрузился в воду. Он ощутил что-то вроде шока. Он почти забыл, что на этой пустынной горе был определенный уровень, ниже которого все его жизненные силы ослабевали.

Иилах заколебался.

Затем медленно двинулся дальше вниз, в угнетающую среду, чувствуя, что теперь он достаточно силен, чтобы противостоять такому чисто негативному давлению.

Эсминец снова открыл по нему огонь. Снаряды,

выпущенные почти в упор, вырывали глубокие воронки в девяностофутовом утесе, каким Иилах представлялся врагу. Когда эта каменная громада коснулась эсминца, стрельба прекратилась. Мейнард, защищавший корабль до последней возможности, бросился со своими людьми в шлюпку у противоположного борта и теперь уходил на предельной скорости.

Иилах толкнул эсминец. Боль от титанических ударов была подобна боли, которую испытывает любое живое существо при частичном разрушении его тела. Медленно, с трудом, он восстанавливал самого себя. А потом с яростью, гневом и уже со страхом толкнул еще раз. Через несколько минут он отбросил это странное неуклюжее существо на скалы у самого края платформы. Дальше этих скал гора уходила вниз крутым обрывом.

И тут случилось неожиданное. Попав на скалы, нелепое существо начало содрогаться и раскачиваться, словно внутри него пробудились какие-то разрушительные силы. Оно упало на один бок, словно раненый зверь, еще раз вздрогнуло и начало разваливаться на части.

Это было удивительное зрелище. Иилах выполз из воды, поднялся на гору и снова начал спус-

каться по другому склону к лагуне, куда только что зашел грузовой корабль. Однако грузовоз успел обогнуть мыс, войти в канал и убраться из лагуны. Проплыв над мрачной, глубокой долиной, начинавшейся за внешними рифами, он удалился на несколько миль, замедлил ход и стал на якорь.

Иилаху хотелось отогнать его подальше, но он был ограничен в своих движениях. Поэтому, едва грузовоз остановился, Иилах развернулся и пополз к мысу, где собрались в кучу маленькие предметы. Он не замечал людей, которые спасались на отмелях недалеко от берега и оттуда в относительной безопасности следили за разгромом своего лагеря. Иилах, распаленный гневом, обрушился на машины.

Редкие шоферы, пытавшиеся их спасти, превратились в кровавую кашу среди сплющенного металла. В тот день многие пострадали от собственной фантастической глупости или паники. Иилах двигался со скоростью около восьми миль в час. И все же триста семнадцать человек попались в индивидуальные ловушки и были раздавлены чудовищем, которое даже не подозревало об их существовании. Очевидно, каждому казалось, что Иилах гонится именно за ним. На-

конец Иилах взобрался на ближайшую высоту и оглядел небо в поисках новых противников. Но увидел только грузовоз милях в четырех от берега — этого нечего было опасаться.

Темнота медленно опускалась на остров. Мейнард осторожно шел по траве, освещая прямо перед собой крутой спуск лучом фонарика. Каждые несколько шагов он спрашивал:

— Есть здесь кто-нибудь?

Так продолжалось уже несколько часов. В сгущавшихся сумерках моряки разыскивали уцелевших, сажали их в шлюпку и отвозили через лагуну по каналу на рейд, где стоял грузовой корабль. По радио был передан приказ. За сорок восемь часов они должны были закончить эвакуацию. После этого автоматически управляемый самолет сбросит бомбу.

Мейнард представил себе, что он остался один на этом погруженном во мрак острове, обители чудовища. И содрогнулся от почти чувственной радости. Он был бледен, его била лихорадка от ужаса и восторга. Все было, как в те далекие времена, когда его корабль шел в строю армады, обстреливающей японское побережье. Тогда он тоже скучал, пока не представил себя там, на берегу, в самой гуще разрывов.

Стон отвлек его от этих мыслей. При свете фонарика Мейнард различил знакомое лицо. Человек был придавлен упавшим деревом. Джерсон приблизился и сделал ему укол морфия. Мейнард нагнулся над раненым. Это был один из всемирно известных физиков, прибывших на остров. Сразу же после катастрофы о нем без конца запрашивали по радио. Без его согласия ни один ученый совет не решался одобрить план бомбардировки, выдвинутый военно-морским штабом.

— Сэр, — начал Мейнард, — что вы думаете относительно…

Он поперхнулся и мысленно сделал шаг назад. На какой-то миг он забыл, что его флотское начальство, получив от правительства разрешение действовать по своему усмотрению, уже отдало приказ использовать атомную бомбу.

Ученый вздрогнул.

— Мейнард! — прохрипел он. — С этой штукой что-то нечисто. Не позволяй им делать ничего…

Глаза расширились от боли. Голос прервался.

Нужно было спросить его. Немедленно! Через несколько секунд великий ученый погрузится в наркотический сон и очнется не скоро. Через мгновение будет уже слишком поздно!

Это мгновение пролетело.

Лейтенант Джерсон поднялся на ноги.

— Ну вот, думаю, все будет в порядке, капитан, — сказал он. Потом повернулся к морякам с носилками: — Двое из вас отнесут этого человека в шлюпку. Осторожно! Я его усыпил.

Мейнард последовал за носилками, не говоря ни слова. Он чувствовал, что так и не успел принять самостоятельное решение.

Ночь тянулась бесконечно. Наконец наступил серенький рассвет. Вскоре после восхода солнца тропический ливень прошел над островом и унесся дальше, на восток. Небо стало удивительно синим, а море таким спокойным, что вода вокруг острова казалась неподвижным зеркалом. Из синей дали, отбрасывая быструю тень на неподвижный океан, появился самолет с автопилотом.

Еще не видя его, Иилах почувствовал, какой груз он несет. Дрожь пробежала по всему его телу. Огромные электронные ячейки раскрылись и замерли в жадном нетерпении, и на миг ему показалось, что это приближается кто-то из его породы. Он послал навстречу ему предупреждающий мыслесигнал. Многие самолеты, которым он направлял свои мысленные волны, выходили из-под контроля, нелепо кувыркались и падали.

Но этот не изменил курса.

Когда он был почти над центром острова, громоздкий, тяжелый предмет отделился от него, лениво перевернулся несколько раз в воздухе и устремился прямо на Иилаха. Он должен был взорваться примерно в ста футах над целью. Механизм сработал безупречно, взрыв был титанический.

Когда потрясающее действие огромной массы новой энергии миновало, Иилах, полный жизни и сил, подумал с удивительной ясностью: «Ну конечно, как я мог забыть! Именно это я и должен сделать».

Ему было странно, что он так долго не мог вспомнить. Он был послан сюда во время межгалактической войны, которая, по-видимому, все еще продолжалась. С огромными трудностями его опустили на поверхность планеты, и здесь вражеские лазутчики сразу вывели его из строя. Но теперь он был готов выполнить задание.

Он произвел контрольные расчеты по Солнцу и далеким планетам, до которых доходили сигналы его радаров. Затем приступил к решающей операции, чтобы растворить все защитные поля внутри своего тела. Он собрал все силы внутреннего давления, и все его жизненные элементы в

точно рассчитанное мгновение сжались разом для последнего решающего прыжка.

Взрыв, который чуть не вышиб Землю с ее орбиты, был зарегистрирован всеми сейсмографами планеты. А некоторое время спустя астрономы рассчитали, что еще немного, и Земля начала бы падать на Солнце. И ни один человек не увидел бы, как Солнце, превратившись в ослепительную сверхновую звезду, сожгло бы всю Солнечную систему, прежде чем потускнеть и сжаться до своих прежних объемов.

Если бы даже Иилах знал, что война, бушевавшая десять тысяч миллионов веков назад, давно кончилась, он поступил бы точно так же.

У него не было выбора.

Атомные бомбы-роботы не рассуждают.

Коо-о-о-о-о-о-т!

Их обычная компания уже собралась вся в баре. Кэти притворялась, что уже успела надраться, Тед строил из себя идиота, Мира трижды прохихикала, но ее хихиканье больше напоминало настройку музыкального инструмента. Джоунс с важным, самоуверенным видом что-то говорил Горду, и тот через каждые несколько секунд повторял: «Угу!», словно действительно внимал его словам. Ну а Мортон же пытался привлечь к себе внимание тем, что, расположившись чуть поодаль от всех, с задумчивым видом скучающего интеллектуала смотрел куда-то вдаль.

Никто из них не обращал внимания на худощавого невысокого роста мужчину, сидевшего у стойки. Мужчина долгое время присматривался к компании, но когда именно он присоединился к ним, — этого никто из них не запомнил. Никому и в голову не пришло отшить его.

— Вот вы упомянули тут об основных чертах человеческой натуры… — начал незнакомец, но договорить ему не дала Мира.

— А что, мы и об этом тоже говорили? — захихикала она.

Общий смех, последовавший вслед за ее словами, не смутил незнакомца.

— Со мной как-то произошел один случай, который мог бы послужить иллюстрацией этой темы. Все началось с того, что однажды я просматривал газету и наткнулся на одно рекламное объявление, приглашавшее прийти в цирк… На самом верху, — продолжил он, — красовался огромный вопросительный знак, а рядом — несколько восклицательных тех же размеров. Ниже:

«ЧТО ЭТО?
ЭТО КОТ!
ПРИХОДИТЕ ВЗГЛЯНУТЬ НА КОТА.
ВЫ БУДЕТЕ ПОРАЖЕНЫ!
ВЫ БУДЕТЕ УДИВЛЕНЫ!
ВЗГЛЯНИТЕ НА КОТА В НАШЕМ ЗВЕРИНЦЕ УРОДЦЕВ-МУТАНТОВ!»

В конце объявления маленькими буквами сообщалось, что кота будет «представлять сам Силки Трэвис».

До этого места я читал объявление без особого интереса и любопытства. Но это имя заставило меня встрепенуться.

«Господи! — подумал я. — *Это же он! Именно Силки Трэвис был на той открытке!»*

Я торопливо прошел к столу и извлек открытку с фотографией, что пришла по почте два дня назад. Тогда в ней я не нашел никакого смысла. Слова, написанные на обратной стороне мелким красивым почерком, были каким-то бредом, сам же снимок изображал мужчину с хищным взглядом, сидевшего в клетке. Мужчина казался мне смутно знакомым, но я так и не вспомнил, кто же он. Теперь же я узнал на фотографии Силки Трэвиса, правда, не такого, каким я знал его пятнадцать лет назад, — пополневшего и постаревшего, каким, наверное, он и должен был стать…

Я снова уселся в кресло и некоторое время сидел, вспоминая прошлое.

Даже в те далекие дни его имя соответствовало ему[7]. В школе он организовал конкурс красоты и первый приз дал своей кузине, а второй — девушке, любимице школьных учителей. Каждый год именно он устраивал выставки, где экспонатами являлись водившаяся в нашей местности живность: ящерки, змеи, насекомые — и несколько индейских артефактов, которые всегда привлекали внимание и вызывали восхищение родителей.

---

[7] Примечания: 7

Silky (*англ.*) — вкрадчивый, хитрый.

Спортивные соревнования, спектакли во время каникул и прочие школьные развлечения проходили под руководством Силки, и во всем чувствовался его дух прирожденного циркача.

По окончании школы я поступил на биологический факультет университета штата, и на семь лет потерял из виду Силки. Потом в одной из газет в разделе светской хроники я прочитал, что один местный молодой парень добился успеха в большом городе, совсем недавно приобрел долю в ревю, и кроме того, у него была доля в концессии на пляжные районы Нью-Джерси.

А потом снова последовал период молчания. И вот он снова возник, являясь, несомненно, хозяином этого циркового зверинца диковинок.

Разрешив загадку почтовой открытки (так мне казалось), я почувствовал снисходительное веселье. «Интересно, послал ли Силки такие открытки остальным своим старым школьным приятелям?» — подумал я и решил не ломать больше голову над смыслом слов, написанных на ее обратной стороне, — вся интрига была слишком уж очевидна.

В тот момент у меня не было никакого намерения отправляться в цирк. Я встал с кресла и лег спать, как обычно, и через несколько часов я

проснулся с сознанием, что в комнате кто-то есть. Я испытывал те же чувства, что описывал Джонсон в своей книге о патологических страхах.

Я жил в спокойном районе, и вокруг стояла такая гробовая тишина, что вскоре я уже слышал удары собственного сердца. В желудок устремилась желчь; от поднявшихся газов во рту появился горький привкус. Я с огромным трудом удерживал дыхание ровным.

И я по-прежнему ничего не видел, находясь во власти самых жутких страхов, и первой мыслью, промелькнувшей в голове у меня, было то, что мне, наверное, привиделся кошмар. Устыдившись, я пробормотал:

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Я выскользнул из кровати и включил свет. В комнате никого не было. Но это меня все равно не успокоило. Я прошел в холл, потом исследовал гардероб и ванную. Наконец, по-прежнему не удовлетворенный, я проверил, закрыты ли окна. Именно здесь меня и ждало потрясение. Снаружи на стекле одного из окон было написано:

«*Кот просит тебя прийти в цирк*».

Меня охватила такая ярость, что по пути к постели я даже желал позвонить в полицию, чтобы

Силки арестовали. Когда же на следующее утро я проснулся, этой надписи на окне уже не было.

После завтрака мой гнев остыл. Меня даже развеселило отчаянное желание Силки показать своим старым знакомым, какой важной птицей он стал. Перед уходом для читки утренних лекций в университет я осмотрел окна спальни и обнаружил какие-то непонятные следы, но они не были похожи на отпечатки человеческих ног или рук, поэтому я решил, что Силки, по всей видимости, постарался не оставить после себя следов.

На лекции, перед самым полуднем, один из студентов спросил меня, существует ли в биологии какая-нибудь теория, достаточно хорошо объясняющая появление мутантов. Я стал рассказывать ему об изменчивости, неправильном питании, болезнях, замедленном развитии мозга, влияющем и на развитие тела и так далее. Закончил я тем, что сухо объявил, что направлю его к своему старому другу Силки Трэвису, владельцу зверинца уродцев в цирке Пэгли-Маттерсона.

Это сделанное мимоходом замечание вызвало целый взрыв. Мне тут же поведали, что какой-то мутант-уродец и послужил причиной для этого вопроса.

«Странное, похожее на кота существо, — сказал

студент хриплым голосом, — и оно изучает вас с не меньшим интересом, чем вы изучаете его самого!»

В эту секунду зазвенел звонок, и я был избавлен от необходимости комментировать это замечание. Помню, однако, что в тот момент я подумал, что люди сами ни капельки не изменяются. Их по-прежнему интересуют отклонения от нормы, в то время как ученых, вроде меня, больше занимает как раз нормальность.

И все же я не собирался идти в цирк. Однако, когда по пути домой я сунул руку в нагрудный карман, то обнаружил там почтовую карточку с фотографией Силки. Я рассеянно перевернул ее и прочитал послание:

«Доставка межпространственной корреспонденции требует огромной энергии, что может вызвать разницу во времени. Поэтому вполне возможно, что эта открытка дойдет до тебя прежде, чем я узнаю, кто ты. На всякий случай я посылаю тебе еще одну в цирк на твое имя и с твоим адресом, так что обе должны прибыть по назначению одновременно.

Не думай слишком много о способе доставки. Просто в нашем почтовом ящике находится устройство, которое переносит карточки в поч-

товый ящик на Земле, после чего они достигают место назначения обычным путем. Само устройство затем исчезает.

Снимок говорит сам за себя!»

Однако он ничего мне не говорил. И это снова вызвало у меня раздражение. Я сунул карточку обратно в карман, всерьез подумывая позвонить Силки и спросить у него, что вся эта ерунда означает. Но, естественно, ничего подобного я не сделал. Не так уж это было важно.

Когда я проснулся на следующее утро, слова *«Кот хочет поговорить с тобой!»* были написаны снаружи того же самого окна. Скорее всего, они уже находились там в течение долгого времени, потому что, когда я внимательно пригляделся к ним, они начали медленно исчезать. Когда я закончил завтракать, от них уже не осталось и следа.

Теперь меня это скорее встревожило, чем разгневало. Такая настойчивость со стороны Силки указывала на невротическое расстройство. Возможно, мне следует сходить на его представление, тем самым доставив ему удовлетворение и положив конец появлениям призрака, преследующего меня уже две ночи подряд. Однако только после обеда мне в голову пришла мысль, которая

укрепила меня в этом намерении — я вспомнил о Вирджинии.

Уже два года я читал биологию в университете штата. Сейчас-то я понимаю, что двигали тогда мною юношеские желания — впервые в моем довольно унылом сером существовании матримональные желания проявились во мне. Моей девушкой была Вирджиния, но, к сожалению, она считала меня помесью улитки и чистого разума. Я не сомневаюсь, что сама мысль выйти за меня замуж даже в голову ей не приходила.

В течение некоторого времени мне казалось, что если я смогу показать ей, не теряя своего достоинства, что я — человек романтический, то она наконец ответит мне «да». И вот теперь представилась отличная возможность доказать ей, что я якобы по-прежнему восхищаюсь цирком, а в качестве кульминации вечера я бы показал ей Силки Трэвиса, втайне надеясь, что мое знакомство с такой неординарной личностью может произвести впечатление на ее эксцентричную натуру.

Первый барьер был взят, когда я позвонил Вирджинии, и она согласилась пойти со мной в цирк. Я восхищался всем вокруг с самого начала, когда еще мы катались на колесе обозрения и в других

аттракционах. И вот, улучив момент, я предложил ей сходить и посмотреть на диковинки, представляемые из аттракциона моим старым другом Силки Трэвисом.

И это действительно произвело на нее впечатление. Вирджиния остановилась и посмотрела на меня укоризненно.

— Филип, — сказала она, — уж не хочешь ли ты сказать, что лично знаком с Силки? — Она глубоко вздохнула. — Я должна убедиться в этом.

Силки держался великолепно. Когда мы вошли, его не было, но билетер вызвала Трэвиса из какого-то подсобного помещения, и через минуту Силки ворвался в главный шатер зверинца. Он располнел, напоминая фигурой хорошо откормленную акулу. Глаза у него были сузившимися, словно предыдущие пятнадцать лет он провел, постоянно прикидывая, как использовать других людей для собственной выгоды. У него не было того хищного взгляда, что я заприметил на фотографии, но какие-то следы остались: едва проглядываемая жадность и злоба, хитрость и жестокость. Он был именно таким, каким я и ожидал увидеть его, но, самое главное, он искренне был рад встрече со мной, однако радость эта имела специфический характер — так оди-

нокий бродяга взирает на жилье, на которое он наконец-то набрел после долгих скитаний. Мы оба чуть переборщили, приветствуя друг друга, но в равной степени были рады своему взаимному энтузиазму. Когда с приветствиями и представлениями было покончено, Силки обронил:

— Некоторое время назад здесь был Брик. Сказал, что ты преподаешь в университете штата. Прими мои поздравления по этому случаю. Всегда знал, что ты добьешься этого.

Я постарался как можно скорее сменить тему.

— Может, покажешь нам свой зверинец и расскажешь о себе?

Мы уже видели тучную женщину и человеческий скелет, но Силки провел нас в глубь зверинца и рассказал нам о *своей* жизни с ними. Как он нашел их и как с их помощью приобрел известность. Силки был немногословен, поэтому иногда мне приходилось подгонять его. Но вот наконец мы подошли к небольшому шатру, где над опущенным брезентовым пологом красовалась надпись: «КОТ». Я уже заметил ее раньше, а болтовня зазывалы, стоявшего перед шатром, возбудила во мне любопытство.

— Кот… Заходите и поглядите на кота! Уважаемая публика, это не обычная диковина, а

настоящая сенсация! Ни в одном цирке не было еще такого животного. Этот биологический феномен удивляет ученых всего мира… Уважаемая публика, этот кот особенный. Билет стоит двадцать пять центов, но если вы выйдете неудовлетворенными, то сможете забрать деньги обратно. Да-да, вы не ослышались и получите их обратно, если подойдете к кассе и скажете об этом…

И все в подобном духе. Однако не его болтовня больше всего поразила меня. Меня удивила реакция людей, заходивших внутрь шатра. Их впускали группами, и, наверное, там внутри был проводник, потому что в течение нескольких минут что-то едва слышно говорилось, а затем четко голос произнес:

«А теперь, уважаемая публика, я поднимаю занавес и перед вами предстанет он — кот!»

Наверное, занавес поднимался одним движением, точно рассчитанным по времени: едва только слово *«кот»* слетало с его губ, как следовала реакция публики:

— О-о-о-о-о-о!

Отчетливо слышный выдох дюжины пораженных людей. Потом следовала интригующая тишина, после чего медленно люди выходили из

шатра и торопились к выходу. Никто, насколько я мог видеть, не просил вернуть свои деньги.

У входа произошла небольшая заминка. Силки начал бубнить что-то насчет того, что он только совладелец зверинца, и поэтому не может давать входных билетов. Но я быстро решил проблемы, купив билеты, и мы вошли внутрь со следующей группой.

...Животное, сидевшее в кресле на небольшом возвышении, имело приблизительно пять футов роста и стройное тело, кошачью голову и жесткую шерсть, и напоминало говорящее животное из комиксов.

Но на этом сходство с котом кончалось.

Это было какое-то неизвестное существо, вовсе не кот. Я тут же понял это. Всего секунду понадобилось мне, чтобы определить существенные отличия в строении его тела.

Голова: лоб — высокий, а не низкий и покатый. Лицо — гладкое, почти безволосое — поражало своим особым характером, силой и высокой разумностью. Тело поддерживали длинные, прямые ноги. Руки — гладкие, заканчивающиеся короткими, но вполне узнаваемыми пальцами с тонкими острыми когтями.

Но по-настоящему отличными от кошачьих

были его глаза. Они казались достаточно обычными, слегка раскосые, прикрытые веками почти такими же, как у людей. Но *они в полном смысле танцевали!* Двигались они в два, нет, в три раза быстрее, чем у людей. За их гармоничным движением на такой высокой скорости открывался пристальный взгляд, который, как казалось, производил моментальные снимки всей комнаты. Какие же отчетливые, невероятно точные образы должен был воспринимать мозг этого существа!

Все это я понял в течение буквально нескольких секунд. Затем существо шевельнулось.

Оно встало, неторопливо и спокойно, с небрежным видом, зевнуло и потянулось. Наконец, оно сделало шаг вперед. Среди женщин возникла короткая паника, которая прекратилась, когда проводник тихо сказал:

— Все в порядке, уважаемая публика. Он часто спускается вниз и разглядывает нас. Он не причинит нам никакого вреда.

Толпа стояла неподвижно, когда кот сошел по ступенькам со своего возвышения и приблизился ко мне. Животное остановилось передо мной и с любопытством уставилось на меня. Потом кот осторожно протянул вперед руку, расстегнул пиджак и исследовал содержимое моего нагрудного

кармана.

Затем он поднес к глазам фотографию Силки на открытке, которую я взял с собой, собираясь спросить его о ней.

Довольно долго кот изучал снимок, а потом передал его Силки. Тот вопросительно посмотрел на меня.

— Можно?

Я кивнул. У меня возникло такое чувство, словно я стал свидетелем драмы, смысла которой не понимал. И тут я поймал себя на том, что внимательно разглядываю Силки.

Он смотрел на снимок на открытке, затем хотел было отдать его мне обратно, но остановился, резким движением снова поднес ее к лицу и принялся внимательно разглядывать.

— О Господи! — выдохнул он. — Ведь это же моя фотография!

Он в самом деле казался удивленным, и его удивление было настолько неподдельным, что я поразился и спросил:

— А разве не ты посылал ее мне? Разве не ты написал послание на обратной стороне?

Силки сразу не ответил. Он перевернул открытку и прочитал написанное. Потом покачал головой.

— Это какая-то бессмыслица, — пробормотал он. — Гм-м! Открытку отправили из Марстауна. Именно там мы пробыли три дня на прошлой неделе.

Он вернул мне открытку.

— Никогда не видел ее раньше. Странно!

Я ему поверил. Держа открытку в руке, я вопросительно посмотрел на кота. Но тот уже потерял ко мне интерес. Пока мы стояли и рассматривали почтовую открытку, он развернулся и, вернувшись к креслу, уселся в нем. Затем зевнул и прикрыл глаза.

Вот и все. После этого мы все вышли из шатра. Я и Вирджиния попрощались с Силки. А позже по пути домой весь этот эпизод показался мне еще более незначительным.

Не знаю, сколько я проспал. Я перевернулся на другой бок, намереваясь снова погрузиться в сон, но увидел, что горит лампа у изголовья кровати. Я резко сел.

Перед кроватью в кресле, всего в метре от меня, сидел кот.

Вокруг царила тишина. Я не мог вначале вымолвить и слова. Я медленно выпрямился. Мне припомнились слова проводника: «Кот не причинит нам никакого вреда». Но больше я не верил

этому.

Вот уже в третий раз эта тварь появляется у меня. В предыдущие два раза он оставлял послание на окне. Я мысленно повторил про себя последнее послание: *«Кот хочет поговорить с тобой!»* — и вздрогнул. Возможно ли, чтобы это существо могло разговаривать?

И неподвижность животного наконец придала мне мужество. Я облизнул губы и спросил:

— Ты можешь разговаривать?

Кот шевельнулся. Он медленно поднял руку, словно предотвращая меня от возможных опрометчивых действий, и указал на ночной столик у моей кровати. Я проследовал за его взглядом и увидел, что рядом с лампой находится какое-то устройство. Из него донеслось:

— Я сам не могу издавать человеческие звуки, но, ты сам можешь сейчас убедиться, это устройство является превосходным средством общения между нами.

Должен признаться, сердце мое в этот момент екнуло, душа ушла в пятки, панический ужас охватил все мое существо и стал отступать по мере того, как наступавшая пауза затягивалась. Со мной не происходило ничего страшного. Не знаю, почему, но мне казалось, что общение через

переговорное устройство может нести для меня какую-то угрозу.

Наверное, на самом деле оно служит передатчиком мыслей кота, крайне неохотно принял я подобное предположение, ибо оно было очевидно и соответствовало истинному положению вещей. Но прежде чем я смог здраво рассуждать, устройство на столе заработало:

— Проблема передачи мыслей при помощи электронного устройства основана на использовании энергии волн мозга.

Это утверждение вывело меня из столбняка. Я прочитал по этой теме множество трудов, начиная с реферата профессора Ганса Бергера по волнам мозга, написанного в 1929 году. Заявление кота не слишком состыковывалось с положениями теории Бергера.

— Разве их электрических потенциал не слишком мал? — спросил я. — И, кроме того, твои глаза открыты. А при открытых глазах происходит интерференция мозговых волн, и вообще с его зрительными центрами связана настолько значительная часть мозговой коры, что в таком случае невозможно обнаружить саму волну.

Тогда я не обратил на это внимания, но теперь мне кажется, что я действительно отвлек его

мысли в другую сторону.

— Какие замеры проводились? — спросил кот. Даже радио не могло скрыть его интереса к этой теме.

— Фотоэлементы замерили не менее (или не более, если быть более точным) пятидесяти микровольт, главным образом в активных центрах мозга. Вам известно, что такое микровольт?

Существо кивнуло. Через секунду оно ответило:

— Я не стану говорить тебе, какую энергию производит мой мозг. Вероятно, это может перепугать тебя, но вовсе не вся энергия создается разумом. А я — лишь студент, совершающий туристический круиз по Галактике, можно назвать его последипломной практикой. И вот для нас существуют определенные правила… — Кот замолчал. — Ты открыл рот. Хочешь что-то сказать?

Я чувствовал себя отупевшим и раздавленным. Потом слабо произнес:

— Ты сказал, «по Галактике»?

— Да.

— Н-но разве подобный круиз не займет множество лет? — мой мозг работал с полным напряжением.

— Мое путешествие будет продолжаться примерно тысячу ваших лет, — ответил кот.

— Значит, ты бессмертен?

— О нет.

— Но ведь…

И тут я замолчал. Не мог продолжать дальше. Молча сидел, полностью сбитый с толку. Между тем кот продолжал:

— Устав студенческого братства обязывает нас до того, как мы улетим, рассказать о том, что мы посещали планету, хотя бы одному разумному существу, живущему на ней. А также взять с собой какой-нибудь сувенир, символизирующий местную цивилизацию. И мне любопытно узнать, что ты можешь предложить в качестве земного сувенира. Это должно быть нечто такое, что сразу бы показывало превалирующее качество в характере вашей расы.

Эта его просьба успокоила меня. Мои мысли перестали крутиться в безумном ритме, и я почувствовал себя значительно лучше. Я устроился поудобнее и задумчиво провел рукой по щеке. Я искренне надеялся, что произвожу впечатление разумного человека, чьи советы можно принимать во внимание.

И тут до меня стало доходить, что я действи-

тельно попал в затруднительное положение. Я и раньше осознавал это, но теперь мне, поставленному перед необходимостью найти ответ на конкретный вопрос, казалось, что люди и в самом деле невероятно сложные существа. Разве можно выделить какую-нибудь отдельную черту человеческой натуры и сказать: «Се человек!» или же «Это характеризует людей!» Я, растягивая слова, поинтересовался:

— Может ли это быть произведение искусства, науки или что-нибудь подобное?

— Все, что угодно.

Моя увлеченность достигла своего апогея. Все мое существо поверило в реальность этого разговора с чудо-котом, и мне казалось невероятно важным, чтобы великая раса, путешествующая по огромным просторам Галактики получила точную характеристику человеческой цивилизации. Когда меня наконец осенило, то я сам удивился, сколь мало на это понадобилось времени. Но я уже знал, что ответ правильный.

— Человек, — начал я, — испокон веков был религиозным существом. С незапамятных времен, когда еще не было письменности, он нуждался в вере во что-нибудь. Когда-то он верил в богов, олицетворявших стихии: богов рек, бурь, рас-

тений — потом его боги стали невидимыми; в настоящее время они снова становятся ощутимыми — это экономика, наука… Но чем бы это божество ни являлось, главное — это то, что человек поклоняется ему без всякой на то особой причины, другими словами — чисто религиозно.

В конце я со спокойным удовлетворением добавил:

— Все, что вам нужно, это фигура человека, отлитая из твердого металла: голова откинута назад, руки воздеты к небу, на лице выражение экстаза, а на основании скульптуры надпись: «Верую».

Я увидел, что существо внимательно разглядывает меня.

— Очень любопытно, — наконец произнес кот. — Мне кажется, вы близко подошли к ответу, но все же это не совсем правильный ответ.

Существо встало.

— А теперь я хочу, чтобы вы пошли вместе со мной.

— Э-э…

— Одевайтесь, прошу вас.

Сказано это было без всякой эмоциональности. Страх, который тлел слабым огоньком внутри меня все это время, вспыхнул ярким пламенем

во мне, подпитываемый все новыми и новыми порциями энергии.

Я сидел за рулем. Рядом со мной сидел кот. Темная, холодная, хотя и освежающая, ночь окружала нас. Время от времени сквозь просветы в бегущих по темно-синему небу облаках мелькал серп луны, местами проглядывали россыпи звезд. Моя напряженность несколько спала, когда я осознал, что откуда-то из заоблачной дали и явилось это существо на Землю. Я рискнул спросить:

— Ваш народ… ответьте, вы что, гораздо ближе нас подошли к глубинному пониманию истины?

Вопрос мой прозвучал сухим педантичным тоном, словно был задан педагогом, а не представлялся жизненно важным для человека, задавшего его. И я поторопился добавить:

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я задам вам еще несколько вопросов?

И снова это прозвучало как-то неестественно. Со внезапно нахлынувшим отчаянием мне вдруг представилось, что я теряю шанс, даваемый раз в тысячу лет. Молча я проклял мой профессорский опыт, из-за которого говорил сухим языком, словно на лекции.

— Эта открытка, — начал я. — Ее послали вы?

— Да, — послышался ответ устройства, распо-

лагающегося на коленях кота, тихий, но ясно различимый.

— Как вы узнали мой адрес и имя?

— А я и не знал.

Прежде чем я смог ответить хоть что-то, кот продолжал:

— Вы поймете это еще до наступления вечера.

— О! — с секундной заминкой воскликнул я, ощущая, как по спине побежали мурашки. Я старался не думать о том, что случится сегодня вечером. — Вопросы? — простонал я. — Вы будете отвечать на них?

Я уже раскрыл рот, чтобы прострочить град вопросов, но потом закрыл его. *«Что же я хочу узнать?»* Множество ассоциаций, связанных с этим вопросом, мешали мне говорить. Почему, да, почему человеческое существо ведет себя так эмоционально в самые решающие моменты своей жизни? Я не мог собраться с мыслями, как мне показалось, целую вечность. А когда наконец заговорил, то мой вопрос оказался банальным и совсем не таким, каким я думал его задать. Я спросил:

— Вы прибыли на космическом корабле?

Кот задумчиво посмотрел на меня.

— Нет, — ответил он, растягивая слова, — я

использовал энергию своего мозга.

— Что! Вы преодолели просторы космоса сами по себе?

— В некотором смысле, да. В самое ближайшее время человечество совершит первые открытия в области использования энергии мозговых волн. Это будет переломным моментом в вашей науке.

— Мы уже совершили кое-какие открытия, — заметил я, — касающиеся нашей нервной системы и мозговых волн.

— Венцом же этих исследований, — последовал ответ, — будет власть над силами природы. Больше об этом я ничего не скажу.

Я замолчал, но только на короткое время…

— Возможно ли, — начал я очередной вопрос, — создание космического корабля, работающего на атомном приводе?

— Не в том смысле, как вы думаете, — ответил кот. — Атомный взрыв не может быть ограничен, можно лишь использовать серию точно рассчитанных взрывов. И это чисто инженерная задача, почти ничего общего не имеющая с теоретической физикой.

— Жизнь, — я запнулся. — Как возникла жизнь?

— Случайные столкновения между электрона-

ми, происходящие в подходящей среде.

Тут мне пришлось его остановить. Это было выше моего понимания.

— Случайные столкновения электронов? Что вы имеете в виду?

— Вся разница между органическими и неорганическими атомами заключается в их внутреннем строении. Углеводороды, как наиболее легко подверженные воздействиям среды при определенных условиях, являются самой распространенной формой жизни. Но теперь, когда вы имеете атомную энергию, вы обнаружите, что жизнь может создаваться из любого элемента или соединения элементов. Но будьте осторожны. Углеводороды являются хрупкой жизненной структурой, которая легко может быть разрушена на нынешнем этапе развития.

По моей спине пробежали мурашки. Я уже представлял про себя, какого типа эксперименты осуществляются в государственных лабораториях.

— Вы имеете в виду, — я сглотнул, — что существуют формы жизни, которые могут оказаться опасными уже в момент их создания?

— Опасными для человека, — поправил меня кот. Неожиданно он показал мне рукой. — Повер-

ните на эту улицу, а потом поезжайте прямо до въезда во двор цирка.

А я все это время ломал голову над тем, куда мы едем. И сейчас, странное дело, для меня явилось некоторым потрясением узнать ответ на этот вопрос.

Через несколько минут мы прошли в темный тихий шатер зверинца. Я знал, что сейчас разыгрывается заключительный акт драматического пребывания кота на Земле.

В темноте задрожал слабый огонек. Он приблизился, и я увидел, что к нам направляется какой-то мужчина. Было слишком темно, чтобы узнать его, но вот свет стал сильнее, и я понял, что у него нет источника. Внезапно я узнал Силки Трэвиса.

Казалось, он шел как лунатик, в каком-то трансе.

Подойдя к коту, он остановился перед ним. Выглядел он неестественно и жалко, как женщина, которую застали без макияжа. Бросив на него один долгий испуганный взгляд, я пробормотал:

— Что вы собираетесь сделать?

Переговорное устройство кота сразу не ответило. Кот повернулся и задумчиво уставился на меня, потом осторожно прикоснулся к лицу Сил-

ки одним пальцем. Глаза Силки открылись, но и только. И я понял, что какой-то частью своего сознания он осознает происходящее. Я прошептал:

— Он может слышать?

Кот кивнул.

— А мыслить?

На этот раз кот покачал головой.

— В своем анализе человеческой натуры, — начал затем кот, — вы выбрали только один симптом. Человек религиозен из-за определенной характерной черты. Я дам вам подсказку. Когда какой-нибудь пришелец из космоса прибывает на планету, населенную разумными существами, то у него есть только один способ маскировки. Определив этот способ, вы узнаете, какова же главная черта этой расы разумных существ.

Я попытался собраться с мыслями. В сумраке, заполнявшем пустой шатер зверинца, нас окружала такая глубокая тишина, что все происходившее казалось нереальным. Я не боялся кота. Но внутри меня сидел страх, даже ужас, который был непрогляднее ночи. Я смотрел на неподвижного Силки, на лице которого были видны все его морщины. А потом я взглянул на огонек, что нависал над ним. Затем наконец я посмотрел на

кота и сказал:

— Любопытство. Вы имеете в виду человеческое любопытство. Его интерес ко всем странным и диковинным созданиям заставляет его считать естественным.

— Кажется невероятным, — начал кот, — что вы, интеллигентный человек, никогда не понимали этой характерной черты всех человеческих существ. — Он живо повернулся и выпрямился. — Ну, хватит. Я выполнил все условия, которые передо мной стояли: прожил некоторое время, не вызвав ни у кого подозрений, рассказал одному местному жителю, кем я являюсь на самом деле. Теперь мне остается только послать домой характерное творение вашей цивилизации — а затем я могу отправляться дальше по своей долгой дороге домой… в какое-то другое место.

Вздрогнув, я рискнул спросить:

— Надеюсь, это творение — не Силки?

— Мы редко выбираем подлинных жителей планеты, — ответил кот, — но когда все же поступаем так, то даем им вполне достаточную компенсацию. В его случае это практическое бессмертие.

Внезапно я почувствовал отчаяние. У меня в запасе оставалось всего несколько секунд. И

вовсе не потому, что испытывал по отношению к Силки какие-либо чувства. Он стоял, словно пень, и не имело никакого значения то, осознает ли он все происходящее и забудет ли он об этом впоследствии. Тут мне пришло в голову, что кот узнал что-то о врожденных чертах человеческой натуры, которые я, как биолог, должен знать.

— Ради Бога, подождите! — воскликнул я. — Вы ведь еще не все объяснили мне. Что же это за основная черта человеческой натуры? Да та почтовая открытка, что вы мне послали. И…

— Я дал вам все необходимые подсказки. — Существо начало поворачиваться. — И какое мне дело до того, что вы не можете понять это. У нас, студентов, есть свой Кодекс, вот и все.

— Но что я сообщу миру? — в отчаянии спросил я. — Неужели вы не оставите человечеству никакого послания, нечто…

Кот снова посмотрел на меня.

— Если можно, не рассказывайте никому и ничего!

На этот раз, отвернувшись, кот уже не оглядывался.

Я, вздрогнув, увидел, как туманный огонек над головой Силки начал расширяться, расти, становясь ярче. Потом он начал пульсировать в

каком-то спокойном ритме. В этом мерцающем огне кот и Силки превратились в туманные фигуры — тени, падающие на костер.

Неожиданно эти тени начали исчезать, и вскоре и туманный огонек начал затухать. Постепенно он опустился на землю и несколько секунд тихо угасал во все сгущающейся темноте.

Силки и инопланетное существо исчезли без следа.

Сидящие вокруг стола в баре молчали. Наконец Горд бросил свое: «Угу!», а Джоунс в своей самоуверенной манере спросил:

— Вы ведь, конечно, разрешили проблему почтовой открытки?

Худощавый профессор кивнул.

— Мне так кажется. Упоминание на открытке о временной разнице и было той подсказкой. Открытка была отправлена *после* того, как Силки выставили в качестве экспоната в школьном музее кошачьего народа, но из-за разницы во времени передачи она прибыла *до того, как* я узнал о появлении в городе Силки.

Мортон привстал из глубин своего кресла.

— А как насчет основной характерной черты людей, внешним проявлением которой является религиозность?

Незнакомец махнул рукой.

— Силки выставлял напоказ по сути не уродцев-мутантов, а самого себя. Религия — форма самодраматизации перед Богом. Любовь к самому себе, самолюбование — в некотором смысле это способ показать себя… и поэтому инопланетное существо и смогло долго находиться среди нас незамеченным.

Кэти откашлялась и заметила:

— А как ваши успехи на любовном фронте? Вы женились на Вирджинии? Ведь вы профессор биологии в университете штата, верно?

Незнакомец покачал головой.

— Был, — ответил он. — Мне следовало последовать совету кота. Но я решил рассказать о том, что случилось. Меня уволили через три месяца, и я не скажу вам, чем я сейчас занимаюсь. Весь мир должен узнать о слабости человеческой природы, которая делает нас такими уязвимыми. Вирджиния? Она вышла замуж за пилота одной крупной авиакомпании, то есть попалась на крючок его версии самодраматизации.

Он встал.

— Что ж, полагаю, мне пора. Я должен посетить этой ночью еще множество других баров.

Когда он ушел, Тед на несколько секунд пере-

стал напускать на себя обычный глупый вид.

— Ну вот, — начал он, — у этого типа в самом деле поехала крыша. Только представьте: он собирается рассказывать эту историю сегодня ночью еще не менее пяти раз! Какая замечательная выдумка для того, кто хочет быть в центре внимания!

Мира захихикала, а Джоунс начал говорить с Гордом в своей привычной манере всезнайки. Горд повторял свои «Угу!» через каждые несколько секунд, словно он слушал Джоунса. Кэти положила голову на стол и пьяно захрапела. А Мортон еще глубже погружался в своем кресле.

Ультраземлянин
Глава 1

Укрепленная на дверях табличка слегка поблескивала. На ней красовалась надпись:

«РИЧАРД КАРР, доктор философии.
Психолог
Лунная база».

Сам Карр, упитанный молодой человек, стоял у одного из двух окон своего кабинета и посматривал в бинокль вниз в окно пятого этажа. На шее у него на черном ремешке болтался микрофон. А с языка так и сыпались оживленные комментарии:

— Вон человек, мысли которого всецело поглощены техникой. Он страстно желает найти решение занимающей его проблемы. Однако своей подружке он об этом не говорит, а только беспрестанно талдычит: «Давай поспешим!» Странное дело, но по совершенно непонятным мне причинам та в свою очередь тоже стремится поскорее убраться отсюда. И тем не менее она ничуть не склонна так запросто согласиться с

его предложением об уходе. А посему настаивает: «Нет, подождем ещё немного и поговорим о будущем». На что мужчина реагирует весьма своеобразно: «Я что-то не очень хорошо представляю, о каком будущем ты мне толкуешь…»

Карр неожиданно умолк.

— Полковник! — позвал он кого-то через минуту. — Разговор начинает приобретать чересчур личный характер. Может, переключимся на кого-нибудь другого?

— А есть у вас представление о том, на каком языке они общаются? полюбопытствовал полковник Уэнтворт, глядевший в другое окошко.

— Естественно, но стопроцентной уверенности нет. Что-то явно славянское. Так разговаривают жители Восточной Европы. Их артикуляция напоминает… Да, все верно! Это наверняка польский.

Уэнтворт, протянув руку, отключил связанный с микрофоном магнитофон, на который записывался диалог лиц с пятого этажа.

Полковник был мужчиной высокого — под метр восемьдесят — роста, тридцати восьми лет, обманчиво хрупкого телосложения, с серыми глазами, безмятежное выражение которых не могло скрыть его живого ума. Вот уже восемь лет, как он работал сотрудником службы безопасности

лунной станции, но так и не отвык от свойственной ему сдержанности и даже немного типично британской чопорности. А американец-психолог только что прибыл на Луну. До этого они не были знакомы друг с другом.

Уэнтворт, подхватив локатор, принялся разглядывать через его визирную ось квартирантов с пятого этажа. Кому-кому, а уж ему-то было прекрасно известно — Карр, судя по всему, даже и не догадывался об этом, — что оба они, подслушивая разговор, поступали не совсем законно. Тот факт, что на станции в соответствии с международными договоренностями совместно проживали люди множества национальностей, отнюдь не давал кому-либо права шпионить за мыслями других!

Как бы то ни было, но Уэнтворт, отводя в сторону глаза, — чтобы его визави не мог прочитать его мысли, в которые полковник не собирался пока кого-либо посвящать, — сдержанным тоном предложил:

— Мы занимаемся этой сценой уже десять минут. Проведем хотя бы ещё один сеанс. Видите ли вы вот ту рыженькую дамочку и рядом с ней коротышку-мужчину?

Но Карр почему-то не отреагировал на его

слова. Похоже, его внимание было полностью поглощено чем-то, происходившим в эти минуты внизу.

— Полковник! — наконец очнулся он. — Взгляните-ка вон на того парня! — Его голос выдавал неподдельное замешательство. — Да-да, на этого видного молодца свирепого вида в головном уборе… Так вот… он вовсе не человек!

— Это ещё что за новости? — остолбенел Уэнтворт. Он живо направил в указанную сторону свой собственный бинокль, а Карр в это время внезапно закричал:

— О боже! Да он никак засек меня! Сейчас этот тип меня прихлопнет! Смотрите!

Уэнтворт инстинктивно нагнул голову и отступил в глубь помещения. Спустя какой-то миг возник ослепительный луч, затмивший своей яркостью дневной свет.

Звонко посыпались осколки разнесенного вдребезги оконного стекла, глухо застучали куски штукатурки.

Затем — гробовая тишина.

Уэнтворт успел заметить, что Карр проворно плюхнулся на пол. Сочтя, что тот остался целым и невредимым, полковник, не теряя времени, подполз к письменному столу, схватил трубку

телефона и объявил тревогу.

Глава 2

Борис Денович, медик, психиатр, недавно включенный в личный состав соответствующей секции, прослушал, слегка нахмурившись, запись случившегося, пользуясь прибором для автоперевода. Вся эта история представлялась ему невероятной.

Поправив миниатюрный наушник в ухе, он, прервав полковника Уэнтворта, сказал в микрофон:

— Насколько я понимаю, вы пытаетесь убедить меня в том, что, по словам этого молодого американца, он способен читать мысли людей по выражению их лиц? Полагаю, полковник, что вы имеете в виду телепатию?

Уэнтворт задумчиво вгляделся в своего собеседника, человека среднего возраста, отличавшегося весьма живым темпераментом. Офицеру безопасности было известно нечто такое, о чем ни Карр, ни Денович и понятия не имели. Поэтому он вполне ожидал такого рода реакции. Но ему было очень нужно подтверждение его сведений.

— Вы уже провели необходимую проверку? —

продолжал Денович. — Я говорю о языках и тому подобном.

Уэнтворт полагал необходимым уделить вопросу контроля столько времени, сколько потребуется. Поэтому-то он и провел двадцать бесценных минут в службе перевода.

— Я записал разговоры, как оказалось, на польском, немецком, греческом и японском языках, — уточнил он.

— И то, что сообщал Карр насчет содержания уловленных им бесед, совпадает с переводами?

— Не дословно. Но главное он понял.

И без того длинное лицо Деновича вытянулось ещё больше. Он считал, что офицер безопасности стал жертвой бессовестного обмана, умело разыгранного американским коллегой.

— Я бы все-таки посоветовал дослушать запись до конца, — гнул свою линию полковник.

— Пожалуй, не стоит этого делать, — терпеливо отнекивался Денович. Полагаю, он своего добился. — Психиатр насупился. — Полковник, надеюсь, что этот американец — не простой эксперт, умеющий читать по губам, а ещё и лингвист.

Но Уэнтворт не сдавался и приказал своему расплывшемуся в улыбке секретарю:

— Запустите-ка ту небольшую белую пленку. — Затем, вновь обращаясь к Деновичу, добавил: — Доктор, с этим вам ознакомиться надо непременно.

Зашуршал магнитофон. Первым прозвучал голос полковника Уэнтворта. Он как раз привлекал внимание Карра к другой паре объектов наблюдения. Потом последовала пауза. И наконец Карр выкрикнул те самые слова, что незадолго до этого так потрясли офицера безопасности лунной станции.

Когда в наушниках раздался звон разбитого стекла и отчетливо прозвучал взрыв, Денович сидел в своем кресле, напряженно выпрямившись. Он впал в такую глубокую задумчивость, что жест полковника, отключившего магнитофон, воспринял смутно, будто в тумане. И даже последовавший за этим собственный пронзительный возглас донесся до него, как если бы тот пришел со стороны.

— Что это было? Что случилось?

Пока Уэнтворт объяснял, Денович вполне оправился от эмоционального шока.

— Должно быть, речь все же идет о какой-то мистификации, — упрямо повторил он. А после небольшой паузы набросился на полковника:

— А сами-то вы смотрели в этот момент в окно? И если да, то что видели?

— Знаете, я испугался, — признался Уэнтворт. — Я мигом растянулся на полу. Куски штукатурки продолжали падать в течение двух-трех минут.

— Значит, вы не зафиксировали никакого зловещего с виду детины, ничего общего не имевшего с нормальным человеческим существом? — Денович и не пытался скрыть звучавшие в его тоне саркастические нотки.

Уэнтворт был вынужден согласиться с тем, что, когда он снова приблизился к окну, никого, отвечавшего подобному описанию, он не обнаружил.

Советский психиатр откинулся в кресле, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие. Уже давно он не был так близок к приступу неудержимого гнева. И объектом его неистовой враждебности был исключительно доктор Ричард Д. Карр, американский психолог.

Все же ему удалось побороть свои бурные страсти и вернуться к ровному и сдержанному тону.

— Послушайте, полковник, а почему бы не предоставить ему возможность ещё разочек поэкспериментировать со своим так называемым даром? Я готов создать для этого самые благоприятные условия с учетом всех его пожеланий. Вот

тогда-то у меня появится шанс по достоинству оценить Карра. Кстати, и сам он получит возможность проявить себя… А там посмотрим. — На тонких губах Деновича блуждала злорадная улыбка. — Я бы хотел предложить ему прочитать мысли по моему лицу.

Он был очень доволен своим предложением и ничуть не подозревал, что для Уэнтворта это дело носило исключительно срочный характер. Офицер безопасности с досадой закусил губу.

— Ладно. Пойду разыщу доктора Карра, — пробормотал он. — Мы могли бы сообща обсудить вашу мысль.

Уэнтворт удалился. Когда Карр вышел из своего офиса, полковник поджидал его у лифта, стоя спиной к двери. В ответ на его приветствие Уэнтворт сухо предложил:

— Пройдемте сюда, доктор.

По пути к кабинету Деновича он слегка отворачивался от своего спутника.

Едва они вошли в помещение — сначала Карр, а после него Уэнтворт, Денович поспешил им навстречу. Наушник, вставленный в ухо, ему, по-видимому, ничуть не мешал: микрофон он пристроил к лацкану своего пиджака.

Еще на Земле он отработал особую тактику

обращения с людьми, к которым у него не лежала душа: психиатр в этих случаях без устали бродил во время разговора по комнате, довольно бесцеремонно вел себя при прощании, держался поближе к двери.

Уже первый взгляд, брошенный им на полноватого, болезненного с виду и постоянно вяло потирающего руки американца, подкрепил его настрой на то, чтобы поскорее закруглиться с этим делом и не отступать от своей отточенной манеры поведения.

— Сюда, пожалуйста, — пригласил он, указывая на приемную.

Но Карр не двинулся с места. На его одутловатом лице промелькнула снисходительная улыбка. Денович, который уже толкнул дверь и удерживал её полуоткрытой, недоуменно обернулся.

— Нам следовало бы наладить более сердечные отношения, доктор, — тихо произнес Карр.

Эти слова раздражили Деновича, сразу же настроившегося на циничный лад.

— Ах да, — насмешливо пророкотал он. — Совсем забыл. Ведь вы читаете мысли и, наверное, сейчас прочесываете те, что вертятся у меня в голове. Интересно, что же вы там отыскали?

— Доктор, неужели вы настаиваете, чтобы я

рассказал о них вслух? произнес американец все с той же полуулыбкой.

Психиатр чувствовал себя в отличной форме, и его поведение отличалось абсолютной раскованностью.

— Я был бы только рад попасться в эту расставленную вами ловушку, добродушно парировал он.

Уэнтворт, с беспокойством ожидавший, как произойдет знакомство двух ученых, решил вмешаться. Он твердо заявил, что Карра целесообразно было бы подвергнуть такому испытанию, которое одновременно дало бы и полезную практическую отдачу.

— Мне бы хотелось, чтобы вы оба сопровождали меня до входного шлюза, — вполне логично завершил он свой небольшой спич.

При этом он все время упорно держался вполоборота по отношению к Карру, но краем глаза непрерывно следил за ним. Тот повернулся к полковнику и внимательно оглядел его с ног до головы.

— До сего момента, — медленно, с расстановкой, процедил он, — я с уважением относился к тому, что считал вашим желанием сохранить личную жизнь и уберечь её от любого бестактно-

го вмешательства. Однако раза два-три мне все же удалось пробиться сквозь броню непроницаемости на вашем лице истинного британца и, несмотря на ваш уклончивый характер, уловить несколько мыслей, имеющих прямое отношение ко мне. Вам что-то известно об этих специфических особенностях, что-то такое… — Он смолк, нахмурив брови, а потом выпалил в вызывающем тоне: — То, что я демонстрирую, не является новинкой для вас. Кто-то уже до меня проделывал то же самое.

— Вы недалеки от истины, — дипломатично ответил Уэнтворт, по-прежнему отворачиваясь от американца. — Так и быть, я расскажу вам все, как только для этого будут подходящие условия. А пока что нам предстоит основательно потрудиться. Согласны?

Уэнтворт шел впереди, указывая дорогу. Он убедил себя, что талант Карра мог бы оказаться полезным для установления контакта с инопланетным существом. Но если и в самом деле была какая-то надежда извлечь пользу из чудесных особенностей американского психолога, то фактор времени приобретал решающее значение.

Карр и Денович и слыхом не слыхали о том, что сразу же после размещения базы на Луне

у отдельных членов её персонала совершенно неожиданно стал проявляться феномен поразительной аккумуляции энергии ESP, или PSI, причем у каждого в различной степени. Впервые человек получил возможность читать мысли себе подобных по их лицам. Как правило, это, видимо, было связано с повышенным интересом у них в прошлом к такого рода занятиям. На Луне же эта способность усилилась настолько, что приобрела сверхъестественную мощь. Но, к несчастью, она воспринималась её носителями как вполне естественное свойство, и они либо вообще о ней никому не заикались, либо, не придавая значения, сообщали об этом далеко не сразу.

И все же постепенно сумели установить, что первая фаза такого небывалого состояния человека длилась примерно пару дней. Потом оно быстро ослабевало, а потом в течение нескольких часов не заявляло о себе вовсе, и человек, испытавший его, напрочь забывал об этом.

Однако затем энергия ESP ни с того ни с сего возникала вторично, и на сей раз в совершенно преображенном виде.

В этом своем варианте она становилась чем-то поистине фантастическим, выступала в форме на редкость высокоэнергетической и кардинально

отличалась от первоначальной.

Как-то раз Уэнтворт попытался описать это чудо. И ему на ум непроизвольно и сразу же пришло сравнение со зверем, который в предсмертной агонии способен на короткое время достичь высочайшего в своей жизни пика возможностей. Этот пример действий в критических обстоятельствах давал некоторое представление об эффекте ESP, когда эта энергия пробуждалась в своей n-й степени. Не исключено, что именно в эти несколько часов люди получали представление о том, какого невероятного, головокружительного могущества должен достичь человек в далеком будущем в ходе своей эволюции.

Но затем неизбежно и быстро наступал спад. Всего несколько недолгих часов — и эта искаженная версия всплеска ESP начинала постепенно ослабевать и наконец исчезала навсегда.

Уэнтворта больше всего в эти минуты тревожил тот факт, что Карр находился на Луне уже около сорока восьми часов. Он подозревал, что в течение всего этого времени американский психолог мог читать мысли окружавших его людей. Но теперь — исходя из накопленного опыта — с минуты на минуту должен был наступить конец первой двухдневной фазы.

Значит, недопустимо попусту терять время! Сейчас, когда приняты все необходимые предварительные меры, нельзя было медлить! Следовало любой ценой избежать ситуации, при которой Карр, нечаянно обнаружив правду, расслабится или, того хуже, разволнуется. По этой причине и следовало продолжать прятать от него лицо, не давая ему возможности прочитать свои мысли!

Глава 3

Они быстро спустились к транспортному узлу и поспешно сели в небольшой электрокар, который доставил их по однорельсовой дороге в подземный входной шлюз, обустроенный прямо под базой для космолетов. Выходя из машины, они обратили внимание на человека в униформе, который вышел из какой-то двери и направился по коридору в их сторону.

Уэнтворт узнал в нем одного из первых лунных поселенцев и кивнул ему в знак приветствия. Тот в ответ дружески помахал рукой, продолжая идти своей дорогой. Уэнтворт предложил своим спутникам проследовать в тоннель, по которому только что проходил этот служащий шлюза. Денович повиновался, но Карр после нескольких

шагов внезапно остановился и оглянулся.

— Полковник, — взволнованно обратился он к Уэнтворту, — могу ли я переговорить с этим человеком?

— С каким? — недоуменно переспросил офицер, уже и думать забывший о случайной встрече.

— Да с тем, который только что повстречался нам, с человеком из здешнего персонала.

— С Петерсоном? Ну конечно! Эй! Пит! — позвал он.

А Карр тем временем уже чуть ли не бегом мчался обратно. Денович, сообразив, что происходит нечто необычное, тут же развернулся. Карр и Петерсон о чем-то оживленно беседовали. Служащий дважды отрицательно помотал головой, а потом вдруг безудержно расхохотался.

Этот взрыв гомерического хохота казался совершенно неуместным. Неудивительно, что некоторые из тех, кто выходил в этот момент из багажного отделения, приостановились, неодобрительно разглядывая группу только что прибывших лиц.

Денович наблюдал за происходившим с изумлением. Петерсон же вдруг горько расплакался. В воздухе повисло какое-то напряжение, которое психиатр явственно ощущал всем своим телом.

Он пододвинулся поближе к беседующей парочке и остановился всего в нескольких шагах от нее. При этом он заметил, что и Уэнтворт сделал то же самое.

А человек в униформе принялся истошно вопить, хотя изо всех сил — это было заметно — и пытался как-то совладать с охватившей его истерикой — Так что вы сказали? — зарыдал он. — Я не очень хорошо понял ваши слова… Объясните все-таки, что же случилось со мной. Ведь никогда ничего подобного раньше не бывало.

Он громко всхлипнул, сделал невероятное усилие, чтобы успокоиться, но не сумел и тут же впал в слепую ярость.

— Вы… как вас там зовут, — злобно прошипел он, — что это вы со мной сотворили?

— Вчера после полудня кто-то побывал здесь и завладел вашим разумом, — терпеливо втолковывал Карр. — Расскажите нам, как это произошло.

— Так… Это самое… — Петерсон как-то разом утихомирился. — Вы имеете в виду этих чернокожих! Их было трое. У одного так сильно ввалились щеки, что вид у него был какой-то чудной. Я ещё попросил его снять головной убор.

Он замолчал и, непрестанно мигая, уставился на Карра. При этом его нижняя челюсть безвольно

отвисла, а лицо приняло настолько озадаченное и ошеломленное выражение, что он стал походить на настоящего идиота.

— Так что же он с вами сделал? — продолжал добиваться ответа Карр.

— Ну… ах да! — Он вытаращил глаза. — Этот тип направил на меня пучок света… пучок света прямо из той самой штуки, что он носил на…

Неожиданно он замолчал с отсутствующим видом.

— Чего это я тут болтаю? — пролепетал он наконец. — Я, наверное, начал заговариваться.

Денович подошел к ним вплотную. Теперь он уже ничуть не сомневался в необыкновенных способностях Карра.

— Доктор Карр, — чеканя слова, потребовал он с едва сдерживаемым возмущением. — Прошу вас сейчас же оставить этого человека в покое.

Карр, вздрогнув, посмотрел на него исподлобья. Денович почти физически ощутил, как тот шарит взглядом по его лицу.

— О! — вырвалось у него. — Минуточку, коллега! — И он приказал служащему: — А вы возвращайтесь к месту вашей службы и прилягте! Если через час не почувствуете себя лучше, приходите ко мне в кабинет. — Он вручил Петерсону

свою визитную карточку. — Полагаю, что нам следует обязательно переговорить с начальником входного шлюза, — сказал он в заключение, обращаясь к Уэнтворту.

* * *

Шеф входного шлюза Понтине оказался ещё толще, чем Карр. Итальянец по происхождению, он отличался большой приветливостью, оригинальностью суждений и был прекрасным работником. Сделав вид, что не заметил предложенного Деновичем аппарата-переводчика, он предпочел воспользоваться своим.

— Эти трое африканцев прибыли из Вестулэнда, — с ходу проинформировал он, красноречиво воздев руки жестом, означавшим, что он не может оказать им никакого содействия. — Так что, господа, вас ожидают немалые трудности.

Уэнтворт, уже сталкивавшийся с черными в службе безопасности, сразу понял, в чем дело. Внеземлянин либо был необыкновенно хитер, либо ему здорово повезло, когда он решил вырядиться под африканца. Тем самым он подпадал под определенную защиту, существовавшую на Луне. Она была призвана снять напряженность в расовых отношениях. Так что теперь главную

свою надежду он возлагал на то, что Карр с его уникальными способностями окажется выше такого рода предрассудков.

Понтине располагал фотографиями этих трех жителей Вестулэнда. На одной из них и был изображен тот самый тип в своем курьезном головном уборе, которому весьма искусно придали сходство с длинным и легким шарфом, завязывавшимся наподобие мусульманского тюрбана. Полоска ткани опускалась низко на лоб, а видневшееся под ней лицо — увы, то была печальная очевидность! — лишь очень приблизительно напоминало человеческое.

Когда его изображение высветили на широком экране в кинозале, то черный пигмент стал виден совершенно ясно, а скошенный подбородок являл собой жалкое зрелище.

Через несколько минут изображение чужака поступило в сеть телеоповещения интеркома безопасности лунной базы. Уэнтворту было не по себе от сделанного открытия. Доложив о сложившейся ситуации, он повернул кнопку своего спецаппарата во вторую позицию. Световые индикаторы гасли на щитке один за другим. В итоге из мигалок остались всего две, что являлось весьма недурным показателем при проведении

комплекса мероприятий, предусмотренных в экстренных случаях.

Уэнтворт оценил состояние боеготовности на всей охватываемой его службой площади. В двенадцати секторах громадной лунной станции его люди вышли в коридоры для прочесывания различных участков, тщательно изучая положение на закрепленных за ними местах. При этом был отдан приказ: если кто-нибудь обнаружит, что разыскиваемый субъект недавно находился на его территории, то он обязан немедленно проверить, по-прежнему ли тот все ещё пребывает в предполагаемом месте или же его и след уже простыл.

Вскоре певуче загудел один из вибраторов. Тут же зажегся и соответствующий светодиод. Офицер безопасности поспешно ткнул в кнопку. На экране появилось изображение молодого свежевыбритого человека. Это был Леду из французского сектора.

— Полковник Уэнтворт?

— Да?

— Интересующее вас лицо со вчерашнего полудня занимает в этом крыле комнату. Примерно с час назад он куда-то вышел, и с тех пор я его не видел.

Не успел он закончить свое донесение, как уже зажегся другой огонек. Последовало следующее сообщение:

— Я заметил его тридцать пять минут назад. Он быстрым шагом входил в R-1.

Уэнтворт про себя чертыхнулся. R-1 служил резиденцией для различных визитеров. В нем насчитывалось тысяча пятьсот сорок четыре помещения, большинство из которых в данный момент пустовало. Когда-то при создании базы этот жилищный комплекс был разработан в футуристическом стиле одним весьма талантливым архитектором. Затем этот проект скоропалительно утвердил один из комитетов без учета интересов безопасности. Со всеми своими бесчисленными коридорами, скрытыми лестницами, тремя дюжинами ресторанов, четырьмя театрами и павильончиками для галантных свиданий, с туристическими автобусами, предназначенными для экскурсий по поверхности Луны, этот блок представлял собой настоящий дуршлаг, через сотни всевозможных лазеек которого мог просочиться туда или, наоборот, скрыться оттуда незамеченным кто угодно.

Короче говоря, R-1 был идеальным укрытием в лунном городе. К сожалению, пришелец сразу

же понял это и воспользовался им. Уэнтворт с мрачным видом повернул контрольную кнопку, возвращаясь к первой позиции. Он объявил всеобщую тревогу, час «Ч».

Затем, обернувшись, он подхватил под руку Карра. Продолжая отворачиваться от него, полковник, прерывисто дыша, сделал знак Деновичу, направляясь к лифту:

— Пойдемте!

Основные надежды на успех он теперь связывал главным образом с эффективной организацией «охоты на человека», ради которой будут задействованы все наличные средства и возможности. При этом, естественно, не последняя роль отводилась и использованию исключительных способностей Карра, наличие которых тот только что продемонстрировал. Удачным для быстрого поиска был и тот факт, что в R-1 были заняты сейчас всего тридцать восемь квартир.

Полковник на ходу кратко изложил спутникам суть своего плана поимки чужака. Предполагалось, что они будут обходить заселенные квартиры, и, как только на пороге появится жилец, Карр сосредоточится на изучении его лица, в то время как Уэнтворт будет задавать тому для отвода глаз какие-нибудь вопросы.

Для ускорения операции Карру предписывалось в отрицательном, по его мнению, случае, ещё до того, как испытуемый начнет отвечать, просто произнести «нет». И тогда эстафету подхватит один из сотрудников службы безопасности, который и продолжит опрос. А Карр, Денович и Уэнтворт с их свитой должны будут уже переключиться на следующую квартиру, уповая на то, что встретят кого-нибудь, кто успел заметить поблизости разыскиваемого внеземлянина.

Дверь седьмого обследуемого таким методом жилищного блока открыла миниатюрная женщина и вопрошающе поглядела на посетителей. Одета она была в строгое черное платье. При взгляде на неё Уэнтворт невольно подумал, кто же смог убедить это хрупкое существо предпринять достаточно опасное путешествие, хотя — и он постоянно тому удивлялся — именно такого склада люди по каким-то своим таинственным резонам, похоже, особенно ценили посещения Луны.

Полковник заметил, что Карр пребывал в нерешительности.

— Он здесь, — вдруг вырвалось у того.

Тотчас же кто-то из сопровождения, схватив женщину, увлек её наружу, зажимая ей рукой

рот. А спустя несколько секунд к ним бесшумно подкатила на резиновых роликах группа захвата. Не останавливаясь, она с ходу проникла внутрь помещения.

Уэнтворт, присев в ожидании развязки у двери на корточки, с чувством некоторого внутреннего дискомфорта подумал о том приказе, который он отдал этим людям: нанести по незваному гостю удар, используя при необходимости любые средства! В голове неожиданно мелькнула мысль, что этот субъект на деле представляет иную космическую расу, первую из когда-либо замеченных в Солнечной системе. Имели ли они право, ни в чем, в сущности, не разобравшись, немедленно убивать того?

Но ведь внеземлянин без всякого предупреждения пытался уничтожить Карра. Более того, он виновен и в другом преступлении — тайном проникновении на лунную базу. Не вызывало никаких сомнений, что намерения этого существа были откровенно враждебными. Следовательно, реакция землян должна быть соответствующей.

Размышления Уэнтворта были прерваны крайне неприятным ощущением судорожной дрожи. Все тело странно покалывало — это сказывались последствия применения мобильной

группой электрических вибраторов.

Уэнтворт уже думал про себя, насколько же он был прав, отдавая такой приказ, как вдруг внезапно вход в квартиру залил ослепительный свет. Излучение в проеме двери по яркости не уступало солнечному. Но оно исчезло так же внезапно, как и появилось. Прошла минута. Было слышно, как внутри помещения что-то с грохотом падало. Уэнтворт, с натянутыми, как струна, нервами, продолжал ждать.

Глава 4

То, что произошло всего несколько минут назад, выглядело крайне просто. Ксилмер молниеносно понял, что, если он того захочет, схватки не миновать. Тогда он, воспользовавшись специальным устройством, замаскированным в его причудливом головном уборе, направил запрос на джийн — боевой космолет, двигавшийся по орбите достаточно далеко от Луны. Прежде чем запросить инструкции, он счел необходимым дать некоторые пояснения.

— Выполняя миссию лазутчика в их городе, я натолкнулся лишь на одно встревожившее меня обстоятельство. С час тому назад кто-то с верхних

этажей здания расшифровал меня. Сам факт, что он оказался способен на это, говорит о том, что на этой станции обитают два типа существ. Первая группа — а она составляет подавляющее большинство — не представляет для нас никакого интереса. Напротив, вторая — один из её представителей как раз и раскрыл мое присутствие здесь, причем на значительном расстоянии, — в принципе могла бы являться более могущественной, чем средняя, формой жизни. Считаю, что мне следует сейчас ускользнуть из этого помещения, пройдя сквозь стену, и сконцентрировать все усилия на выявлении той точки, откуда этот, более высокого, чем остальные, класса индивид наблюдал за мной. Мне во что бы то ни стало нужно захватить его, прежде чем будут приняты необратимые решения.

Ответ был сухим и категоричным:

— Ровно через двадцать четыре часа флот рискнет установить с нами на минуту подпространственную связь. К этому времени мы обязаны решить: или вызываем его сюда, или посылаем в иное место.

— Но я намерен действовать осторожно, — запротестовал Ксилмер. Проникнуть сквозь стены, как и преодолеть другие препятствия, чтобы

не появляться более в коридорах, не составит никакого труда. Прежде чем покинуть город, я хочу стереть любые воспоминания о своем пребывании в умах значительной части коллектива этой станции. Даже при наихудшем варианте развития событий я управлюсь со всеми этими делами за несколько часов.

— И все же следует подвергнуть испытанию, хотя бы в течение нескольких секунд, их оружие. Пусть даже с одной-единственной целью: выяснить, чем они реально располагают на случай возникновения подобной ситуации.

— Согласен.

* * *

С болью в сердце осматривал Уэнтворт разгромленное помещение. Потом он повернулся к двум уцелевшим и все ещё находившимся в состоянии шока сотрудникам, которые едва выползли с места боя, оставив позади себя разнесенные в клочья тела членов группы захвата.

— Что тут произошло? — глухо проронил он.

Удивительно, но они так и не смогли рассказать ничего путного. Выяснилось лишь, что, ворвавшись в гостиную, боевики мельком приметили фигуру, напоминавшую по очертаниям

человеческую.

При этих словах сержант Гожински несколько раз встряхнул головой, словно отгоняя какое-то наваждение. Затем он дрожащим голосом продолжил рассказ, прибегнув к помощи своего автопереводчика.

— Он был там! Я видел его, успел заметить, как он оценивающе оглядел нас сверху донизу. Он ничуть не испугался нашего появления. Я сейчас же направил на него свой разрядник… Знаете… гм…

Для обозначения оружия спецотряда он использовал жаргонное словечко. Уэнтворт нетерпеливо кивнул.

— Я тут же скомандовал: «Огонь!» — продолжал сержант Гожински. Видел, как блеснула вибрирующая молния, выпущенная в него. Ну а потом в нас всех полыхнуло чем-то необыкновенно ярким. Меня, судя по всему, контузило. Когда я очнулся, то в стене зияла дыра, а сама тварь куда-то скрылась.

Второй чудом спасшийся сотрудник, родом из Южной Америки, подтвердил показания сержанта.

Слушая их, Уэнтворт почувствовал, как противный холодок страха заползает ему в душу. Вывод напрашивался сам собой: они столкну-

лись с противником, располагавшим оружием, превосходящим их собственное. В растерянности полковник приблизился к гигантской дыре, черневшей в стене. Сталь была вспорота как ножницами, и вырезанная часть отчетливо сохраняла очертания фигуры. Он поднес к отверстию счетчик Гейгера, но тот молчал.

Следовательно, их враг — реальность: он использовал неведомый им вид энергии, не оставлявшей радиоактивных следов!

Уэнтворт с трудом подавлял в себе все возраставшее напряжение. Лунная станция располагала двенадцатью мобильными группами, использовавшимися в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. Но их надо было ещё привести в боевую готовность, а на это уйдет около часа.

Тем не менее план дальнейших действий он изложил окружавшим его людям спокойным и уверенным тоном, заявив в заключение:

— Каждой поисковой группе будет обязательно придано по несколько мобильных подразделений особого назначения.

Затем он подключился своим телевизионным контуром к ближайшему гнезду сети связи и отдал специальный приказ:

— Всем наблюдателям оставаться на местах! Как только дополнительные отряды сопровождения будут в состоянии выступить, вызывайте меня по…

После некоторого колебания он назвал номер телефона офиса доктора Деновича.

Неожиданно до полковника дошло, что рядом с ним томится Карр.

— Доктор, — сказал Уэнтворт, по-прежнему избегая смотреть американцу в глаза, — прошу вас впредь воздерживаться от любого вмешательства. Не забывайте, что эта нечисть, едва сообразив, что вы наблюдаете за ней, тут же попыталась расправиться с вами. Ведь тогда она не сочла нужным уничтожать кого-либо другого. Не знаменательно ли это?

— А что, если это было импульсивной реакцией на то, что мы застали его врасплох?

Для подобного предположения были определенные основания. Но Уэнтворт не желал идти на риск.

— Полковник, мне надо бы кое в чем вам признаться, — продолжал Карр, явно чувствуя себя не в своей тарелке. — Стоило мне лишь взглянуть этой женщине в лицо, а это длилось не более секунды, как сразу же возникло ощущение, что

какая-то посторонняя сила пытается помешать прочитать её мысли. Не считаете ли вы, что этот внеземлянин располагал каким-то устройством, позволяющим ему настолько эффективно вмешиваться в процесс мышления подружки, что её черты в итоге вообще могли бы перестать его отображать?

Эти слова чрезвычайно расстроили Уэнтворта, потому что свидетельствовали о завершении начальной фазы проявления энергии ESP. Жестокие шалости судьбы! Видимо, пришло время проинформировать Карра об особенностях этого феномена, чтобы он правильно разобрался в ситуации.

Полковник повернулся лицом к психологу и любезно предложил ему:

— А почему бы вам, доктор, не прочитать и мои мысли?

Карр быстро взглянул на него и нахмурился. Он вдруг как-то разом поник, а его розовые щечки поблекли.

— Я почему-то начинаю испытывать трудности, — с убитым видом промямлил он. — К тому же вы думаете о чем-то достаточно сложном. Ага, вот: вы полагаете, что мой дар угадывать мысли других людей по их лицам является… всего

лишь… — Он замотал головой, заметно обескураженный. Никак не могу понять… банальным? Но это же, надо полагать, совсем не так!

Да, Уэнтворт лишний раз убедился в том, что чудесная сила безвозвратно исчезла.

— Пойдемте в кабинет доктора Деновича, — громко произнес он. — Теперь я уверен, что располагаю достаточным временем для того, чтобы выложить вам обоим всю правду, как и обещал это сделать.

* * *

Прошел час. Сведений о том, что дополнительные мобильные группы спецназа уже готовы, так и не поступило. Тем временем Уэнтворт закончил свой рассказ о том, что такое энергия ESP, или PSI, и как она проявляется у людей на Луне.

Лицо Карра по завершении его сообщения покрылось пятнами, как после изнурительной работы, а губы судорожно сжались. Он был потрясен.

— А ведь на вид все протекало так естественно, — прошептал он. — Вот уже несколько лет, как я изучаю смысл выражений человеческих лиц.

— А когда ваш талант по-настоящему проявил себя? — поинтересовался полковник.

— Так… — протянул Карр. — В сущности, это наступило всего два дня тому назад, во время полета на Луну, когда я по привычке начал приглядываться к другим пассажирам. Куски прежней головоломки стали сами собой складываться в моем мозгу в ясную и четкую картину. К моменту посадки на Луну у меня сформировалась стройная система восприятия мыслей людей, основывавшаяся на уже накопленном опыте.

— Получается, что первичная двухдневная фаза должна была завершиться всего несколько часов спустя после того, как вы обратились ко мне. Иными словами, подтверждается тезис о том, ваши чудо-способности вошли сейчас в конечную стадию. Кризис не за горами.

Карр побледнел ещё больше.

— И все же, — еле ворочая языком, полюбопытствовал он, — в какой форме проявляется эта пресловутая последующая стадия способности чтения мыслей?

Лицо Деновича вдруг стало жестким, его худощавое тело подобралось и напряглось. Наклонившись вперед, он резко прервал их беседу:

— Меня глубоко возмущает проявленная в этом деле чрезмерная скрытность. Почему меня не поставили в известность сразу же после

вашего прибытия на станцию? И вообще, по каким причинам не было сделано никаких предварительных оповещений поселенцев о столь серьезном явлении?

Английский офицер безопасности весьма натянуто заметил, что в своем нынешнем виде лунная станция существует всего лишь восемь лет. Межпланетные путешествия до сих пор являются новинкой, и люди легко впадают в панику из-за пустяков. В подобных условиях известие о существовании такого феномена могло бы негативно сказаться на дальнейшем развитии станции. И все-таки в перспективе предусматривалось открыть эти сведения, считавшиеся до сего времени секретными. Уже подготовлен коллективный доклад на эту тему, который будет опубликован в мировой прессе после того, как его изучит Совет Безопасности Объединенных Наций.

— А что касается того, чтобы составить соответствующее досье для вас, — продолжал Уэнтворт, — то я решил заняться этим несколько позже, после того, как кто-то из вас сам стал бы жертвой этого явления.

В целом сложившаяся ситуация давала основания полагать, что тут действовала вполне определенная система, которая могла быть раз-

работана одним из экспертов.

— Надеюсь, доктор Карр, — бесцветно улыбнулся полковник, — что вы догадались описать ваши впечатления?

— Да, разумеется, я сделал самые полные заметки, — угрюмо отозвался Карр.

— Это будут первые документы такого рода, составленные специалистом, — сухо бросил полковник. — Тем самым мы сделали шаг вперед.

После такого комментария Уэнтворт развел руками, как бы показывая, что отныне контроль за ситуацией утрачен.

— Вот и вся история! — вздохнул он и встал. — Пожалуй, сейчас мне следует выяснить, что происходит с нашими славными мобильными группами. Он обратился к Деновичу: — А вы, доктор, пока понаблюдайте за вашим коллегой.

Психиатр коротко кивнул.

Когда ученые остались наедине, доктор Денович метнул в сторону толстяка-американца взгляд, в котором явно сквозил оттенок обеспокоенности: он задумался теперь и о собственной безопасности.

— Тяжелый удар для вас, доктор Карр. Почему бы вам не принять легкое снотворное? Это поможет вам расслабиться. Все равно ваш дар

понемногу теряет свою эффективность.

Карр, прищурившись, впился взглядом в лицо своего старшего коллеги.

— Да, вполне возможно, что он и в самом деле улетучивается… протянул он. — Но вам должно быть стыдно за те мысли, которые я сейчас улавливаю у вас.

— Уверен, что вы ошибаетесь, что-то читая на моем лице, — живо возразил Денович.

— Но вы намереваетесь ознакомиться с моими записями, пока я буду спать!

— Я всего лишь подумал о ваших заметках, — уточнил тот. — И понял, насколько они важны. Мне и в голову не приходило, что вы можете допустить возможность не разрешить кому-либо прочитать их.

— Полагаю, что именно такие мысли и отразило ваше лицо. — Карр помолчал. — Примите мои извинения. Послушайте, у нас обоих нервы сейчас ни к черту не годятся. Поэтому давайте лучше успокоимся и проанализируем сложившуюся ситуацию.

И он стал излагать свою точку зрения. В данный момент, подчеркнул он, здесь находятся два специалиста-психиатра, столкнувшиеся со сложной профессиональной проблемой. Почему бы им не

остаться просто-напросто на своих местах, вести наблюдения за тем, как развивается процесс угасания энергии PSI, и ежесекундно фиксировать эти наблюдения?

— Вполне возможно, — сказал он в заключение, — что таким методом беспрерывного контроля мы сумеем точнее выявить суть и основу феномена и даже, может быть, воспрепятствуем ослаблению моей памяти.

В два тридцать резко затрезвонил телефон.

Это был Уэнтворт. Он сообщил им, что поисковые бригады наконец-то укреплены дополнительными мобильными подразделениями специального назначения.

— Я хотел бы выяснить, не желаете ли вы присоединиться к операции?

Денович объяснил, что он не может покинуть Карра, поскольку то, что они тут наметили сделать вдвоем, было слишком важно.

Положив трубку и вернувшись к американцу, Денович с удивлением обнаружил, что тот откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Его вид, особенно вялость тела, обеспокоили психиатра. Он наклонился над Карром и слегка потряс. Напрасно. Тот не проявлял никаких признаков жизни. Быстрый осмотр показал, однако, что его

пульс бился ровно, как во время глубокого сна. Да и дышал он глубоко и равномерно.

Денович не стал терять времени. Взяв шприц, он вколол в руку психиатра снотворное. Потом отослал свою секретаршу, наказав ей заняться кое-какими научными изысканиями, которые заняли бы у неё всю оставшуюся часть рабочего дня. Он быстро обыскал находившегося без сознания Карра, взял его ключи, подхватил свой аппарат для микрофильмирования, торопливо прошагал по коридору до лифта, поднялся в американский сектор и прошел в кабинет коллеги.

Он не испытывал чувства вины. «Сейчас не время для проявления излишней щепетильности, — успокоил он себя. — Речь идет о национальных интересах!»

Заметки Карра он отыскал почти сразу же. Это была на удивление толстая пачка. Он умело принялся за дело, но и полчаса спустя все ещё продолжал переснимать один лист за другим. И вдруг он неожиданно уловил еле слышный звук за спиной. Смутить Деновича было не так-то легко. Он неторопливо оглянулся. В тот же миг его охватила дикая паника.

Перед ним возвышалась какая-то напоминавшая человеческую фигура.

«И как только вообще можно было сравнивать это создание с земным существом?» — мелькнула у него мысль. Худоба тела была абсолютно ненормальной, хотя совершенно черное лицо все же в чем-то походило на лицо homo sapiens. Ноги, вырисовывавшиеся под длинным платьем, казались… какими-то разболтанными. Опытный глаз медика сразу же выделил эти анатомические особенности.

Мгновение спустя из-под тюрбана донесся голос, спросивший по-русски:

— А где, — инопланетянин несколько задумался, — доктор Карр?

«Да, здесь не отвертишься», — мгновенно оценил обстановку Денович. Он понял, что единственное средство ускользнуть от опасности — ни в чем не перечить чужаку. Тоскливо подумалось о реальной возможности запросто сыграть в ящик.

— Одиннадцатью этажами ниже, в советском секторе… в моем офисе… номер четыреста двадцать два, — хрипло выдавил он.

Пришелец рассматривал его тяжелым взглядом.

— Не надо так волноваться, — презрительным тоном бросил он. — Мы не хотим причинять людям зло. А насчет тех домыслов, что только что

пронеслись у вас в голове, можете быть спокойны. Я сохраню вам память.

Из головного убора внеземлянина брызнул невыносимой яркости световой луч, поразивший психиатра прямо в лоб.

Наступило небытие…

Глава 5

Ксилмеру понадобилось немало времени, чтобы разыскать нужный кабинет. Обнаружив там спящего на диване человека, он спешно направил руководству донесение с описанием бессознательного состояния, в котором находился Карр.

— Насколько я могу судить, в данный момент ни он, ни кто-либо другой не в силах помешать мне его ликвидировать.

— Подождите!

Последовала довольно продолжительная пауза. Наконец через несколько минут голос потребовал:

— Опишите самым тщательным образом, при каких обстоятельствах он упал в обморок.

Ксилмер аккуратно доложил обо всем, что он прочитал в мозгу психолога, — об особенностях энергии ESP и о действии активного транквили-

затора, введенного Деновичем.

— В этом состоянии, — закончил он, — его тело находится абсолютно в нашей власти. Думается, он неспособен что-либо предпринять. Поэтому я настаиваю на том, чтобы осуществить задуманное до того, как он проснется. Кто знает, чем обернется энергия ESP в своей последней стадии?

— И все же не спешите!

И снова в приемнике, скрытом в его тюрбане, установилась мертвая тишина.

— Согласно нашим расчетам, — ожил через некоторое время передатчик, это человеческое существо имело достаточно времени, чтобы уже войти в продвинутую фазу проявления указанной энергии, но, по-видимому, не достигло ещё циклического кризиса. Прежде чем что-либо предпринять, внимательно изучите, что сейчас происходит в его умишке.

— Я уже сделал это.

— И каков результат?

— Несмотря на внешнее бессознательное состояние, что-то в его мозгу следит в этот момент за мной и, я бы сказал, как бы записывает наш разговор. Как мне представляется, — цинично продолжил Ксилмер, — мы вполне можем рассчи-

тывать на то, что если не позволим проснуться Карру, то остальные жители этой планетарной системы не смогут защитить себя.

— Было бы слишком глупо с их стороны даже пытаться сделать это! последовал лаконичный и равнодушный ответ.

Ментальный характер использовавшегося инопланетянами средства связи позволил им обменяться коварными улыбками. Обоих переполняло чувство тотального превосходства.

— Жду приказа, — будничным тоном напомнил Ксилмер.

— Уничтожьте его!

* * *

Очнулся Денович на полу.

Он приподнялся на локте и почувствовал громадное облегчение от того, что инопланетянин исчез. Все ещё не придя в себя окончательно, он с трудом встал на ноги и подошел к двери, ведущей в коридор. Быстро осмотрелся. Никого. В американском секторе, казалось, не было ни души.

Сдерживая беспокойство, он собрал весь свой материал и постоял в нерешительности, поскольку не завершил фотокопирование материалов. Но, немного подумав, решил забрать с собой все

записи психолога, включая и уже отснятые.

Пробегая по коридору, Денович впервые после возвращения к жизни взглянул на часы. С тех пор как он потерял сознание, прошло уже два часа. Он испуганно подумал: «У чужака было предостаточно времени, чтобы отыскать Карра в моем офисе».

Он ожидал увидеть на своем рабочем месте полнейший беспорядок, но на первый взгляд все выглядело абсолютно нормально. Быстро засунув принесенные материалы в один из ящиков стоявшего в приемной шкафа, он переступил порог кабинета, в котором не так давно оставил спящего Карра.

На диване никого не было!

Денович уже собирался покинуть помещение, как вдруг случайно заметил на полу какой-то полускрытый кушеткой предмет. Подойдя поближе, он с ужасом узнал в нем чалму инопланетянина. Длинный шарф беспорядочно свернулся и перепутался, весь покрытый пятнами голубоватого цвета, видимо от какой-то жидкости. Сквозь складки шелковистой ткани просвечивало что-то металлическое.

Опомнившись от столь ошеломляющего сюрприза, Денович пригляделся повнимательней,

и его взгляд наткнулся на ковер, весь пропитавшийся такой же голубоватой жидкостью. Местами, где подсохло, образовались корки.

Пока он так стоял, совершенно ошеломленный, снаружи раздались голоса. Он сразу же узнал баритон Уэнтворта, а затем и мягкий говор Карра. Денович мгновенно повернулся к двери. Через несколько секунд те показались на пороге.

До психиатра едва доходило, что за дверью, в коридоре, толпятся и другие люди. В доносившемся оттуда гвалте он узнал только один знакомый голос — своего соотечественника, служившего в местной полиции. Тот как раз и показался вслед за вошедшими. Они обменялись многозначительными взглядами.

— А вот и вы, доктор Денович! — облегченно вздохнул Уэнтворт.

Денович промолчал. Он пристально вглядывался в толстяка-американца, твердя про себя: «Именно сейчас он находится в этом пресловутом сверхъестественном состоянии! Выходит, — продолжал он рассуждать, — что, по сравнению с прежними, его возможности настолько увеличились, что все развернувшиеся в последние часы события он, должно быть, видит своим внутренним оком, словно последовательно раз-

ворачивающиеся на экране картинки».

Денович все ещё не мог сдвинуться с места и как-то съежился. На кончике языка вертелись самые дурацкие оправдания.

— Доктор Карр заинтригован, — врезался в его мысли Уэнтворт. — Придя в себя на диване, он так и не смог вспомнить, каким образом там очутился. Но вот это, — полковник ткнул пальцем в тюрбан Ксилмера, — лежало точно на этом же месте. Выходя из офиса, он прочитал вашу фамилию на входной двери. Вот так он и узнал про вас, потому что, разумеется, ничего не помнит о первой фазе ESP. А сейчас расскажите, пожалуйста, о том, что же здесь произошло на самом деле?

Пока Уэнтворт говорил, Денович лихорадочно искал наиболее правдоподобное объяснение своего здесь присутствия. И не стал сразу же отвечать на поставленный ему вопрос. Посему едва лишь английский офицер замолк, как Денович участливо обратился к Карру:

— Вы хорошо себя чувствуете, доктор?

Карр воззрился на него как-то слишком пристально, но когда соизволил наконец ответить, то ограничился просто утвердительным «да».

— Вы не ранены?

— Нет. А что, так должно было быть? — пора-

зился Карр. Его взор блуждал, в глазах читались смущение и растерянность.

— Как вы перенесли последнюю фазу… э-э-э… то есть кризис?

— Что?

Денович был несказанно ошеломлен. Он не смог бы точно определить, что именно ожидал услышать от американца, но в любом случае не такое! Этот неимоверно банальный тип, столь заурядно реагировавший на его расспросы… Это существо, начисто лишенное какой-либо памяти…

— Вы хотите сказать, — тем не менее упорствовал он, — что не сохранили никаких из ряда вон выходящих воспоминаний?

— Воистину, доктор, — Карр покачал головой. — У меня такое впечатление, что вы располагаете гораздо большей информацией в этом деле. Как получилось, что я оказался в вашем помещении? Неужели я болен?

Денович отвернулся, беспомощно взглянув на Уэнтворта. У него уже сложилась собственная версия в отношении случившегося, но он слишком растерялся от происходившего у него на глазах, чтобы связно изложить её.

— Полковник, — вздохнул он, — не соблагово-

лите ли вы помочь мне восполнить пробелы в событиях? Со своей стороны я готов сделать то же самое, чтобы удовлетворить ваше любопытство.

Уэнтворт не заставил себя упрашивать и коротко поведал о том, чему сам был свидетелем в последние часы. Сразу же после телефонного разговора он отправился сопровождать одну из групп, занимавшихся поисками Ксилмера. Несколько минут назад доктора Карра заметили бродившим по одному из коридоров. Поскольку до этого всем был отдан приказ не высовывать и носа из помещений, Уэнтворту немедленно сообщили о нарушителе. Он тотчас же прибыл на место.

— Разумеется, зная, где находился в последний момент Карр, я поинтересовался у него, в чем дело. Таким вот образом я и узнал, что, проснувшись, он обнаружил тюрбан и всю эту пакость вокруг.

Полковник наклонился и осторожно коснулся кончиками пальцев голубоватой жидкости. Убедившись, что, судя по всему, она безвредна, он поднял перепачканный шарф и понюхал его, скорчив при этом гримасу.

— Скорее всего, это — кровь существ той самой расы, — решил он. — Но что за дурной запах!

— О какой это расе вы толкуете? — ожил Карр. — Эй! Взгляните-ка, господа, что…

Но его прервали. В тот же миг из головного убора Ксилмера раздался голос, изъяснявшийся по-английски:

— Мы записали вашу беседу, и все указывает на то, что с нашим соотечественником случилось нечто непонятное.

— Вы можете меня слышать?! — воскликнул Уэнтворт, резко подавшись вперед.

— Дайте нам детальное описание того, в каком состоянии находится в настоящее время наш агент, — потребовал голос.

— Мы отнюдь не против того, чтобы пойти вам навстречу, но хотели бы в порядке взаимности получить некоторую информацию и от вас, — твердо заявил Уэнтворт.

— Мы находимся всего в пятистах тысячах километров. Так что менее чем через час вы сможете увидеть нас собственными глазами. И если мы сочтем ваши объяснения неудовлетворительными, то навсегда сотрем вашу станцию с поверхности Луны. А теперь быстро выполняйте то, что вам говорят!

Угроза звучала весьма внушительно, и было от чего крови застыть в жилах. Один из стояв-

ших у дверей сотрудников Уэнтворта в ужасе пролепетал:

— О боже!

После довольно длинной и напряженной паузы полковник четко описал все, что осталось от Ксилмера.

— Ждите! — произнес голос после того, как тот закончил свое сообщение. Прошло не менее трех тягостных минут, пока голос не зазвучал снова: — Расскажите нам самым подробным образом, что там у вас произошло. Расспросите доктора Карра.

— Меня? — вскинулся тот. Его возглас походил на хриплый вскрик.

Уэнтворт глухо бросил ему:

— Тихо!

Одновременно он нетерпеливым жестом дал понять сгрудившимся у двери сотрудникам, чтобы те немедленно покинули помещение, и требовательным кивком подозвал к себе Деновича и Карра.

— Выколотите из него всю правду! — приказал он доктору Деновичу и на цыпочках вышел в маленькую комнатку для личных нужд последнего, примыкавшую к кабинету. Там имелся телефон.

Разглядывая Карра, Денович отчетливо слышал, как офицер безопасности очень тихо, но

строго отдал распоряжение о введении режима высшей степени тревоги. Психиатр с трудом заставил себя перестать прислушиваться к словам полковника и все свое внимание сосредоточил на Карре.

— Доктор, — начал он, — какое последнее воспоминание сохранилось у вас в памяти?

Американский психолог сглотнул слюну, словно от тошнотворного запаха ему перехватило горло. Его лицо исказила гримаса.

— Как давно я прибыл на лунную станцию? — вырвалось у него наконец.

У Деновича промелькнула прояснявшая общую картину мысль: «Это же так очевидно! Он действительно не может ничего вспомнить из того, что произошло после завершения проявления ESP в первой фазе, возникшей в ходе перелета на Луну. Все ясно как божий день! Коллега, должно быть, считает, что его поразила душевная болезнь».

Денович застыл на месте. Его охватила дрожь, едва он подумал о тех возможностях, которые открылись бы в случае установления такого сногсшибательного диагноза. Попытался представить, что бы он сам сейчас испытывал на месте Карра.

Неожиданно ему раскрылась суть терзавшей того проблемы: американский психолог признается своему советскому коллеге, что у него с головой не все в порядке.

— Доктор, — мягко обратился он к Карру, — на чем основывается ваша убежденность в том, что вас постигло сумасшествие? — Видя, что тот медлит с ответом, он стал настойчиво и убедительно его увещевать: — Поймите, наши жизни сейчас в опасности! Вам ничего не следует скрывать от нас!

— У меня отмечаются явно параноидальные симптомы, — тяжело вздохнул Карр. Голос его был плаксивым.

— Подробнее! Ну же!

— Это и впрямь все очень диковинно, — грустно усмехнулся Карр. После пробуждения меня ни с того ни с сего осенило в отношении смысла некоторых знаков.

— Что ещё за знаки?

— Каждая вещь имеет свое глубинное значение.

— О! Всего-то! — не удержался Денович. Но добавил: — Приведите какой-нибудь пример.

— Ладно. Вот смотрю я на вас и вижу лишь сонм… очень знаменательных знаков. Даже то,

как вы ведете себя здесь, является для меня своеобразным посланием.

Денович почувствовал замешательство. Это и вправду походило на обыкновенную паранойю.

Неужели это и есть тот самый знаменитый второй цикл буйства энергии ESP, которая — и он был вынужден согласиться с этим — так убедительно продемонстрировала себя на начальном этапе?

— Выразите, пожалуйста, вашу мысль яснее, — произнес он, беря себя в руки.

— Ну… — Нерешительность Карра бросалась в глаза, а на его пухлом лице отражалось смятение.

— Ну, взять хотя бы эти ваши пульсации!

Отрывистыми фразами американец пояснил, что тело Деновича выглядит в его глазах обширным клубком энергетических цепей, испускавших целую серию сигналов. Всматриваясь в психиатра, сидевшего напротив, Карр воспринимал знаки, поступавшие с его внешней оболочки. Но не только. Его взгляд проникал сквозь кожу и плоть, добираясь до самой внутренней атомной структуры, регистрируя в каждом кубическом миллиметре триллионы микроскопических золотистых глобул, которые трепетали и излучали знаки, причем все они пребывали в режиме

взаимной связи… а также в коммуникационном общении с квадрильонами энергетических волн далеких планет ближней Вселенной, одновременно устойчиво контактируя с эманациями других лиц с лунной станции.

Однако подавляющее большинство волн описывало дугу, проходя через стены и устремляясь к Земле… То была однородная масса связей с другими людьми, со всеми теми местами, где Деновичу когда-либо доводилось бывать…

И циркулировавшие по сотням этих волн знаки различались интенсивностью. Карр проследил за одним из самых мощных комплексов, который увел его в предшествующие настоящему времени годы жизни Деновича. Та эпоха была ознаменована для него присутствием молодой женщины с залитым слезами лицом.

По этой серии волн до него донеслись мысли того времени.

«Я так тебе верила, а ты обманул меня!»

«Послушай, Наташа…» — лепетал молодой Денович.

— Вот видите… — промямлил, сообщая это, растерявшийся Карр и замялся. — Что такое? — вдруг всполошился он.

Денович почувствовал, что кровь застыла у

него в жилах, и мельком подумал, не безжизненно ли обескровленным выглядит сейчас его лицо?

— Как? Ч… что такое? — прерывающимся от волнения голосом переспросил он. Психиатр оцепенел. Наташа была девушкой его молодости, которая забеременела от него и умерла во время родов. Нечеловеческим усилием воли он овладел собой.

— И вы можете сделать с этими знаками все, что пожелаете? — спросил он.

— Ну… в общем-то да, я полагаю.

Карр отделил от всех остальных этот пучок волн, связывавший Деновича с девушкой. Он видел, как они, словно резко отпущенная резиновая лента, стеганули по психиатру.

Денович закричал. Сдержаться он был просто не в силах. Получилось что-то вроде мяуканья с глубокой горловой модуляцией. Из соседней комнаты на этот звук выбежал Уэнтворт…

Денович попытался дотащиться до дивана, но ноги подгибались под ним. Он рухнул на пол. Его начало ломать и корежить. Он тяжко застонал, а затем заголосил, точно лишившись разума.

Его соотечественник из службы безопасности влетел в кабинет вслед за полковником. Он

застыл на месте, вытаращив глаза. Уэнтворт вызывал по телефону «скорую».

Почти тотчас же появилась пара медиков, быстро сделавших успокоительный укол больному, продолжавшему стенать как одержимый. Понемногу Денович стал успокаиваться, разразился тихими рыданиями, а потом и вовсе замолк. Врачи поспешили унести его, уже потерявшего к этому моменту сознание, к поджидавшей их снаружи маленькой санитарной машине.

И тут вновь заговорило устройство, спрятанное в складках тюрбана Ксилмера.

— Мы настоятельно требуем, чтобы доктор Карр объяснил, что он проделал с доктором Деновичем.

Карр метнул отчаянный взгляд в сторону Уэнтворта.

— Я всего лишь отделил от него эти волны. Предполагаю, что от этого моментально обрушились все психологические защитные барьеры, которые он воздвиг между собой и этой девушкой. На мой взгляд, то, что сейчас произошло, — результат внезапно взорвавшегося в нем мощного комплекса вины.

— Ждите! — прогремел исходивший из чалмы Ксилмера голос.

Уэнтворт, помня, что в тюрбане чужака таился источник опасной энергии, молча подал знак всем присутствующим покинуть кабинет. Сам он также отошел к двери.

Прошла минута. Две. Наконец голос возвестил:

— Неоспоримо, что доктор Карр наделен могучей ментальной силой. Проведенный нами анализ смерти Ксилмера показывает, что в дело самочинно вмешалось подсознание доктора, которое и выступило против агрессора, обрубив поток энергетических волн, связывавших психолога с намерением Ксилмера ликвидировать его. Это должно было автоматически породить мощную мутацию, вынудившую Ксилмера воспользоваться своим миртом — секретным оружием, скрытым в его головном уборе, чтобы покончить с собой. Состояние его тела указывает на то, что это произошло путем почти полного растворения.

— Вы не хотели бы как-то прокомментировать это сообщение? — прошептал полковник на ухо Карру.

Тот отрицательно покачал головой.

— И вы ничего не помните из того, что при этом произошло?

И снова психолог мотнул головой.

Между тем голос с сарказмом заметил:

— Само собой разумеется, что мы подождем, пока завершится естественный цикл проявления у этого человека столь замечательных качеств. Впрочем, ждать нам придется недолго — всего каких-то несколько часов. И тогда мы непременно дадим о себе знать.

Воцарилась зловещая тишина.

Прошло два часа… а может, и меньше.

В офисе появились другие люди. Разгорелись споры. Карр сначала отошел в сторону, а когда шумная разноголосица стала усиливаться, вообще улизнул в ту комнату, где на полу попрежнему покоилась чалма Ксилмера. Он замер, закрыв глаза, и неожиданно перед его внутренним взором открылся мир бесчисленных знаков.

Триллионы этих… пульсаций… все ещё завихрялись вокруг передатчика, замаскированного в головном уборе Ксилмера. К этому узлу сбегались квадрильоны волн, исходивших из какой-то неизвестной ему точки в космосе.

Карр совершенно отстраненно стал прослеживать их путь и неожиданно осознал новый факт: теперь ему стали понятными смысл и значение одновременно миллионов волн.

Абсолютно четко он уяснил, что знаки и пуль-

сации просто исходили из активного источника, расположенного на поверхности фундаментальной структуры Вселенной.

А под ней простиралась истина.

Между знаками и тем, что они представляли, существовала сложная обратная связь, объединение в одну сеть значений, находящихся на поверхности, и колоссального процесса, протекающего под ней.

Карр вдруг увидел, что к нему подходит Уэнтворт.

— Доктор, — мягко обратился к нему офицер безопасности, — в ходе обсуждения мы пришли к выводу о необходимости рассмотреть вариант запуска термоядерных ракет с космической станции Объединенных Наций над Атлантикой. Они поступят в наше распоряжение примерно через пять часов. Но, говоря по правде, все свои реальные надежды на спасение мы связываем с вашими возможностями. Итак, что именно вы можете предпринять?

— Я могу… провести эксперимент, — задумчиво протянул Карр. — Со знаками…

Уэнтворт испытал жгучее разочарование. По его разумению, знаки являлись средством связи, и уж никак не оружием. «Впрочем, все вполне

логично!» — горестно подумал он. После периода, когда американский психолог мог спокойно читать по лицам людей их мысли, наступила последняя фаза, и у него появился некий верховный супердар, позволявший уяснять смысл связи между существами и использовать её.

Что и говорить, Карр обладал отныне воистину сказочными возможностями, но в чрезвычайной обстановке, в которой все они очутились сейчас, этого было совершенно недостаточно.

И все же он поинтересовался:

— А если поточнее, какой именно опыт вы имеете в виду?

— Да вот такой! — отозвался Карр.

И пропал.

Уэнтворт окаменел от изумления. Но, вспомнив, что рядом находится тюрбан Ксилмера, а противник в высшей степени заинтересован в получении информации об их деятельности, он на цыпочках покинул кабинет, тотчас же бросился к ближайшему узлу связи, ввел в аппарат свой персональный ключ и нацелил подчиненный ему персонал на немедленный поиск исчезнувшего Карра.

Уже через десять минут установили, что на лунной станции психолога нет. Донесения на

этот счет так и сыпались на стол полковника. Уэнтворт решил обратиться к самым крупным научным авторитетам базы. Спустя некоторое время его уже окружали мужчины и женщины самых разных национальностей и с помощью автопереводчиков давали свои оценки положения.

Выяснилось, однако, что высказанные ученой элитой мнения практически сводились к одному: что может поделать один человек против тысячеглавого врага?

* * *

Прибыв на джийн, Карр был вынужден пережить фазу не смятения, нет (поскольку он отлично осознавал все происходящее с ним), а окунуться в атмосферу неистового… насилия.

Он выбрал никем не занятое помещение, походившее на лабораторию. Кругом — инструменты, столы, приборы. Все эти немые предметы, казалось, его охраняли, причем сам он отнюдь не чувствовал, что ему что-либо здесь угрожает.

Его беспокоило, что джийн был запрограммирован на активное противодействие присутствию не внесенных в его память форм жизни. Эта защитная система находилась в состоянии покоя, не фиксируя видимых волн. Но появление Карра

мигом запустило механизм в действие.

И породило шквал неукротимых сил.

Едва он вошел в комнату, как её стены, потолок и пол сконцентрировали на нем всю свою мощь скрытого в них оружия. Со всех сторон хлынули волны энергии, завязавшись в тугой узел вокруг его тела с целью пленить инородный организм.

Но создание такого кокона было лишь первым звеном в комплексе нападения. За энерголовушкой последовал простейший разряд мирта, призванный оглушить объект; за ним — главный мирт, сгусток губительных энергоимпульсов; наконец — ядерный минивзрыв, мощность которого определялась размерами ограниченного пространства.

Для Карра, наделенного особой познавательной способностью, все это выразилось системой знаков. Каждый этап атаки на него представлял собой определенный цикл, функционировавший по запрограммированным меркам. И все эти циклы завершились. Установилась тишина…

Перерыв.

Затем где-то внезапно возникла мысль, и в мозгу Карра зазвучал удивленный голос:

«Кто ты такой?»

Карр даже не потрудился ответить.

Его захлестнуло неизмеримое число знаков, поступивших с других частотных волн. Они дали ему возможность выяснить, что он находится внутри космического корабля длиной в тридцать два километра, шириной — в восемь и высотой — в шесть. В нем помещалось восемьдесят тысяч джизденов. Каждый из них моментально откликнулся на сигнал тревоги, раздавшийся во всем звездолете, и освободился от всего личного.

В течение нескольких минут все они жили одним-единственным порывом: произошла психологическая нивелировка, и общее внимание было целиком сосредоточено на захватчике. Словно разом намагниченные железные опилки, центрирующие пульсации сгруппировались в ядро. И благодаря ему стали управляемыми. Но Карр одним взглядом охватил все многообразие данных, и, выделив небольшую часть наиболее значимых волн… купировал их.

Затем безошибочно отобрал громадное количество соотнесенных между собой волн и замкнул их на себя, втиснувшись в невероятно сложное сплетение… Проскочив через энергетический вакуум, Карр оказался в палате, где Денович мирно спал под воздействием снотворного. У Карра крепло ощущение, что до прекращения действия

могучего амока времени у него оставалось очень мало.

Поэтому он поспешил восстановить ту волновую связь в поле коллеги, которую нарушил некоторое время назад. После этого доктор Карр покинул помещение и направился к ближайшей телефонной будке. Он позвонил Уэнтворту.

Офицер безопасности сразу узнал его голос и взволнованно спросил:

— Что произошло, доктор?

— Они умчались прочь, — просто ответил Карр.

— А… но!.. — как-то пискляво, на грани истерики, взвизгнул Уэнтворт. Однако он быстро пришел в себя и уже более спокойным тоном сказал: — Доктор, прикинув наши шансы, все мы пришли к единому заключению: наверное, все же существует какой-то не очень крупный пучок волн, имеющих решающее значение. Вот их-то и следовало бы отсечь…

— Что я и сделал.

— Так что же это за группа? И какой оказался наименьший общий знаменатель для такого множества единиц?

Карр удовлетворил его любопытство.

— Ну, знаете! — восхищенно воскликнул

Уэнтворт. — Примите мои самые сердечные поздравления, доктор!

* * *

Спустя несколько часов джийн, приближаясь со все возрастающей скоростью к дальним подступам Солнечной системы, вступил в подпространственный контакт с главным флотом джизденов, курсировавшим в другой части необъятного космоса.

— У вас есть что-либо для нас? — поинтересовался его командующий.

— Абсолютно ничего! — ответил капитан джийна.

— Но нас проинформировали, что вы приближались к обитаемой системе, казавшейся на первый взгляд беззащитной и представлявшей собой легкую добычу.

— Не знаю, что могло сформировать у вас подобное впечатление. Здесь нет ровным счетом ничего интересного для нас.

— Хорошо. Конец связи.

При машинальном жесте отключения передатчика у капитана джийна возникло мимолетное, похожее на призрачный сон ощущение, что вроде бы существовало нечто такое, что он должен

был бы знать о Солнечной системе, которую пересекал его звездолет.

Если бы он был способен разгадать смысл этого сигнала, то понял бы, что все волны, которые как-то связывали его с Землей и Луной, были порваны и вытеснены в подавленном состоянии в самые темные закоулки его мозга.

Но впечатление о чем-то узнанном и понятом… уже стерлось из его памяти. Исчезло.

Навсегда.

Первый марсианин

Одетый в герметизированный скафандр, я пересекал ротонду Восточного порта, марсианского центра железных дорог, когда увидел коренастого парня со смуглым, слегка фиолетовым оттенком, как у красного дерева, лицом и мощной грудью, направлявшегося ко мне. Я с первого взгляда понял, что он индеец.

— Сеньор, — сказал он.

Я из вежливости остановился и повернулся к нему лицом.

— Сеньор, я ваш новый помощник машиниста.

Меня словно громом поразило. Здесь, на Марсе, я постоянно сталкиваюсь с людьми разных рас и народностей. Но только белые управляют огромными атомоходами, пересекающими бескрайние равнины, горы и застывшие каналы. Причина тому совсем проста: превосходство белого человека в такого рода делах воспринималось как само собой разумеющимся.

Я попытался скрыть свое удивление.

— Рад, что ты теперь будешь работать с нами, — сказал я. — Поторопитесь надеть герметизированный скафандр — уже через тридцать минут

мы отправляемся. Как вас зовут? Меня — Хектон. Билл Хектон.

— Жозе Инкухана. Я не ношу герметизированный скафандр.

— У тебя южноамериканское имя, — начал было я и умолк. — Послушай, Джо, — сказал я наконец, — не дури, отправляйся в экипировочную и попроси, чтобы тебе выдали НА-2. И поторопись, приятель. Потребуется некоторое время, чтобы облачиться в эту амуницию. Увидимся через двадцать минут.

Я в своем огромном НА-2 неуклюже повернулся. Вообще-то я предпочитаю не пользоваться этими герметизированными комбинезонами, но на Марсе с его чрезвычайно разреженной атмосферой обычному человеку, покидающему укрытие, без них не обойтись.

Я прошел пять футов, когда вдруг заметил, что Жозе все еще рядом со мной.

— Вы можете располагать мною прямо сейчас, сеньор Хектон, — сказал Жозе. Он казался озадаченным. Я повернулся лицом к нему, сдерживая свое нетерпение.

— Джо, когда ты прибыл на Марс?

Он окинул меня безмятежным взглядом своим мягких карих глаз.

— Два дня назад, сеньор. — Он поднял кверху два пальца.

— Ты уже успел побывать там? — Я махнул рукой в сторону пустыни, видневшейся сквозь асбестглассовое окно.

Жозе кивнул.

— Вчера.

Глаза его светились разумом, когда он стоял и ждал моего ответа. Сбитый с толку, я огляделся и увидел Мане, суперинтенданта нашей ротонды.

— Эй, Чарльз, расскажи Джо о Марсе. Что содержание кислорода в воздухе соответствует примерно такому, что на Земле бывает на высоте пяти миль. Объясни ему, что в этой связи необходимо носить соответствующие комбинезоны.

Мане покачал головой.

— Билл, сеньор Инкухана — из Андр. Он родился в городе, расположенном на высоте в восемнадцать тысяч футов над уровнем моря. Марс для него все равно что новая гористая местность. — Он замолчал. — О, Фрэнк. Эй, Фрэнк, иди-ка сюда!

Фрэнк Грей отвечал за работу атомного двигателя. Он подошел к нам. Этот худощавый, возбужденный человек казался огромным в своем комбинезоне. Ему представили сеньора Инкухану. Фрэнк протянул было руку, но потом,

нахмурившись, отдернул ее.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Ведь я нахожусь на очереди и должен стать инженером. Кто это своевольничает и включает в список претендентов на должность машиниста посторонних людей? — Не ожидая ответа, он сердито продолжил: — Ага, теперь припоминаю. Я уже слышал об этой партии только что завербованных индейцев. Это просто оскорбление для профессиональных техников! Что это они задумали? Решили заставить нас думать, что мы — просто банда поденщиков?

— Фрэнк, — примирительно начал Мане, — ты неплохой ученый и понимаешь, что если нам удастся заполучить к себе на работу людей, которые действительно способны жить…

Он замолчал. Фрэнк отвернулся. Мы молча стояли и смотрели, как он шел к выходу. Я поглядел на Жозе, но его лицо ничего не выражало. Мане вытащил из кармана часы.

— Вам лучше всего подняться сейчас на борт, — сказал он. — Необходимо Жозе показать несколько приборов; уже через шестнадцать минут начнется работа.

И ровно по расписанию паро-атомный локомотив «Пустынная крыса» был выведен элек-

трическим тягачом в огромное депо, служившее переходным шлюзом между ротондой и марсианской атмосферой. Спустя несколько мгновений я нажал на рычаг. Движимый инерцией собственной чудовищной массы корабль выкатился на студеные рельсы «внешнего мира».

На востоке над горизонтом только что взошло солнце.

Через передатчик, вмонтированный в шлем скафандра, я вызвал Жозе. Пальцем я указал ему направление. Он покинул свое сиденье.

— Оледенение, сеньор? — спросил он.

— Да, оледенение, — подтвердил я.

По внешней металлической обшивке расползлись застывшие струйки воды. Я пробежал взглядом вдоль всей машины — от кабины до хвостовой части. Дверь декомпрессионного шлюза закрылась за нами всего несколько секунд назад, но куда бы я ни кинул свой взгляд, повсюду замечал влагу, мгновенно сконденсировавшуюся и превратившуюся в сверкающие льдинки-кристаллики.

Семьдесят градусов ниже нуля. Вполне обычная температура для начала дня на Марсе. Впереди нас на безрадостной сверкающей равнине виднелось небольшое поселение землян в Восточном

порту, расположенном в самом центре крупного рудодобывающего комплекса. Мы проносились мимо связанных переходными туннелями куполами, внутри которых в жилых помещениях жили люди. Путевые линии вели в нежилые купола-склады, но вагоны, включая и тот, что предназначался для пассажиров и был герметезирован, уже вывели вперед, чтобы сцепить с грузовым составом, набитым шлаком.

Я слегка подал назад, пока нас тоже не присоединили, после чего открыл дверь и спрыгнул на землю. Солнце на темно-синем небе било мне прямо в глаза, однако звезды еще можно было разобрать — они будут светить здесь весь день.

Я посмотрел назад. Жозе был уже у двери. Я крикнул ему:

— Закрой-ка лучше дверь!

Я забрался в вагон для пассажиров, миновал шлюз и прошел в комфортабельное купе. Короткого взгляда на людей, сидевших в баре, мне хватило, чтобы понять, что сегодня я везу важных персон. Четырех я знал — это были «шишки» из руководства железных дорог, а пятого человека мне представили как Филипа Бэррона, только что прибывшего с Земли. Это был грузный мужчина с курчавыми каштановыми волосами и серо-голу-

быми глазами, столь же сурово выглядевшими, как агаты.

— Билл, — начал вице-президент Генри Уэйд, — наши руководители на Земле уцепились за идею использовать индейцев из Анд в качестве дешевой рабсилы, вот почему они собираются наводнить Марс индейцами. На на такую сделку мог пойти только слепой глупец! Через несколько лет индейцы устроят тут революцию и провозгласят Марс своей территорией и национализируют все бесценное оборудование, которое мы доставили сюда.

— Билл, как он вам показался? — спросил кто-то.

— Джо, похоже, парень как парень, — осторожно ответил я.

— Ты думаешь, он сможет жить в этом климате?

Я несколько секунд подумал, прежде чем ответить.

— Кажется, он способен дышать этим воздухом, — наконец произнес я.

Третий чиновник иронически рассмеялся.

— Один из новых людей, — сказал он. — Настоящий марсианин. Сотни его соплеменников пройдут в ближайшее время техническую под-

готовку. Как и женщины. Вскоре такие люди, как мы, Билл, станут не более, чем страницей марсианской истории.

— Вот именно, черт побери, — заметил вице-президент Уэйд.

Впрочем, предыдущие слова заставили меня почувствовать беспокойство. Порою я начинаю проклинать эту жизнь и эту железную дорогу, но в другое время я просто не могу себе представить свою жизнь иной. Кроме того, моя работа превосходно оплачивалась.

Уэйд спокойно взглянул на меня.

— Мы намерены спросить ваше мнение об этом человеке. Мы собираемся повысить его в должности.

Я пожал плечами и произнес:

— Не могу понять: неужели что-то в этом деле зависит от моего мнения?

— Принятие решения будет основываться на множестве факторов, — поторопился сказать Уэйд. — На первый взгляд эта идея использования на Марсе индейцев представляет несомненный интерес. Но если посмотреть на все это дело в целом, то можно заметить и подводные камни.

Бэррон, единственный представитель земного руководства компании, встал и протянул мне

руку.

— На самом деле все не так уж и плохо, как могло показаться вам, — начал он. — Для начала мы возьмем восемнадцать индейцев и направим их на различные виды работ. Признаюсь, в перспективе это сулит нам существенную экономию. Меньше понадобится укрытий с куполами, дешевле будут компрессионные установки, возможно, даже это принесет больше прибыли акционерам. Разве это плохо? Я так не считаю.

Поднимаясь спустя несколько минут в свою кабину, я увидел, как Фрэнк Грей исчез в своей секции. Я вопросительно взглянул на Жозе, но выражение его лица ничего не сказало мне. Я не знал, что мне делать, но ведь Фрэнк-то был моим другом, а не Жозе, почему я и решил не задавать никаких вопросов.

— В путь! — обрывисто бросил я.

Поезд тронулся, и я бросил взгляд на часы. Мы опаздывали уже на восемь минут. Нам еще предстояло преодолеть пятьсот миль до наступления темноты, и это было не слишком много, если все будет идти как надо. Но сейчас на Марсе была зима, и поезда ночью не ходят по расписанию. Из-за чрезвычайно низких температур рельсы становятся слишком хрупкими и опасными.

— Придерживайся двадцати миль в час, — сказал я вскоре.

Жозе кивнул, но выглядел при этом озадаченным. Теперь он сидел, одетый в теплую одежду, но не в герметизированном скафандре, и ко мне в душу начал пробираться страх, который испытывали другие.

— Джо, — сказал я вскоре, — что за легкие у тебя?

Он не был тупоголовым индейцем. Его попросили рассказать о себе, и он это тут же сделал. У индейцев из Анд объем легких больше, чем у обыкновенного человека, да и кровеносная система гораздо мощнее. А сердце его работоспособнее по меньшей мере в восемь раз по сравнению с сердцем человека, живущего у побережья. В результате по кровеносной системе проносится намного больше крови, и нервные клетки оказываются менее чувствительными к кислородному голоданию. Когда в высокогорные районы Перу и Боливии прибыли первые испанцы, оказалось, что невозможно разводить скот, свиней и птиц на высоте примерно десять тысяч футов. И лишь через поколение, прожившее на высоте в восемь тысяч футов, их потомки оказывались в состоянии давать жизнеспособное потомство на высоте

в четырнадцать тысяч футов. Индейцы же жили в той местности до них с незапамятных времен.

От этих фактов и цифр у меня засосало под ложечкой. Я бросил взгляд на фиолетово-красную кожу Жозе и понял, что он вполне может стать марсианином. Впрочем, вне всякого сомнения уж я-то сам им стать не мог.

Раньше, чем Жозе, я увидел, что рядом с рельсами лежит какой-то предмет. Я-то знал о нем, и теперь только ждал, сколько же понадобится Жозе, чтобы заметить этот предмет. Прошло двадцать секунд, когда он указал на него рукой.

Я вздохнул. Зрение у него остается в норме, никаких признаков кислородного голодания.

— Начинайте тормозить! — приказал я.

Он с каким-то удивлением посмотрел на меня, и я понял, что он считает, что еще слишком рано. Он еще не понял, что для остановки поезда на Марсе требуется несколько больше времени. Хотя масса остается такой же, как на Земле, но весит-то она здесь меньше, да и сила трения поменьше. Со страшным скрипом колес поезд начал останавливаться, двигатель пыхтел и подрагивал.

Никого не было видно, только огромный мешок валялся рядом с рельсами. Я прикинул, что в этом мешке не меньше двух тонн скалистой массы.

— Я выйду наружу, — сказал я Джо. — Потом ты направишь потихоньку состав вперед, пока я не махну рукой тебе остановиться.

Он кивком головы подтвердил, что понял мои инструкции. Когда я распахнул дверь, Жозе приподнял воротник, а после того, как я спрыгнул на землю, он закрыл дверь.

Сейчас было не так морозно, как накануне. Кажется, примерно пятьдесят градусов ниже нуля. По моей команде длинный состав двинулся вперед и остановился, когда я махнул рукой. Затем я воспользовался небольшим подъемным краном, который мы называли «клешня», применяемый как раз в подобных случаях — для подъема больших грузов в вагоны с рудой. Вскоре я снова уже был в своей кабине.

— Теперь можешь прибавить ходу, — сказал я.

На спидометре стрелка поползла вверх, но когда она достигла отметки семьдесят миль в час, Жозе перестал наращивать скорость, пояснив это так:

— Я слишком мало знаю об этой местности, сеньор, чтобы ехать быстрее.

Я кивнул и сам стал управлять движением поезда. Стрелка спидометра медленно поползла дальше.

— Этот мешок, Билл, — начал Жозе, растягивая мое имя; он произнес его, как Би-и-лл, — кто положил его рядом с рельсами?

Я уже спрашивал себя, проявит ли он любопытство по этому поводу.

— Одна раса небольших мохнатых существ, — ответил я. — Но они очень застенчивые и робкие. Они живут под землей и добывают для нас руду. — Я ухмыльнулся при виде его замешательства. — Нам эта руда ни к чему, потому что обычно там оказываются только скалистые породы. Но нас интересует сам материал, из которого пошиты эти мешки, — тонкий, как бумага, совершенно прозрачный, но столь прочный, что может выдержать вес скалы в несколько тонн. Подобно паукам, плетущим паутину, они производят этот материал из своих тел. Но нам никак не удается втолковать им, что нам нужны только эти мешки.

Следующие пятьдесят миль мы преодолели, двигаясь со средней скоростью сорок восемь миль в час. Дорога шла строго по прямой линии, и мы словно скользили по льду. По обе стороны от железной дороги простиралась бесплодная песчаная равнина, не изменившаяся с того самого времени, когда я увидел ее в первый раз.

Солнце поднималось вверх, и небо поголубело, впрочем, еще можно было различить звезды. Мы мчались по бесплодной пустыне под свист работавших на полную мощность паровых турбин и грохот передач, при помощи которых приводились в движение колеса. Мне казалось, что я уже не просто человек — я властелин колесницы Джаггернаута, нарушавшей извечную тишину планеты, на миллионы миль удаленной от планеты Земля.

Увидев холмы, издали казавшиеся низенькими высотами, я начал тормозить. На приборной панели замерцал красный огонек. Индикатор показывал восемь миль. Я выжал тормоз.

Жозе вопросительно указал рукой на мерцающий огонек.

— Песок на рельсах, — ответил я.

Это было царство дюн, где песок был настолько тонким, что его мог поднять в воздух даже слабый марсианский ветер. При движении он походил на колеблющийся дымок. До самого горизонта кружились эти песочные водовороты, и то тут, то там рельсы полностью исчезали под уносимым ветром песком.

Мы продвигались кое-как, рывками, быстрее на участках, где рельсы были свободны от песка,

и совсем медленно в других местах, где были заносы, под жалобный свист инжекторов. В общем, прошло полтора часа, прежде чем снова перед нами открылась абсолютно чистая колея.

Полпути мы уже преодолели. И было только начало одиннадцатого. Мы шли первыми. Жозе открыл внешнюю дверь.

— Выходим? — спросил он.

— Конечно.

Мы оказались на скалистой равнине, со множеством рытвин, придававшей ей вид сморщенного старческого лица, к тому же такого же бледно-серового цвета. Я наблюдал, как Жозе карабкается среди скал, направляясь к расположенной в ста ярдах возвышенности. Местами подъем был довольно труден, но он взобрался наверх с очевидной легкостью.

Вдруг я заметил в кабине Фрэнка.

— Что, пускаем пыль в глаза, а? — произнес он с ироничной усмешкой.

Я не рассматривал эту проблему с индейцем под таким углом. Впрочем, Фрэнк вполне мог быть прав. Ведь Жозе знал, что сейчас он проходит проверку, и враждебность по отношению к нему проявлял не один только Фрэнк Грей.

Вдали послышался едва слышный гул, а затем

раздался пронзительный свист. Из-за поворота вынырнула «Гончая пустыни» и начала спускаться к нам. Сверкая на солнце, длинный состав с лязгом и грохотом пустых вагонов, слегка приглушенного в разреженной атмосфере Марса, промчался мимо нас. А потом я увидел, что Фрэнк направляется в свою контрольную кабину, а Жозе забирается ко мне, в отсек машиниста.

Я внимательно присмотрелся к нему. Дышал он тяжело, а щеки приняли мраморный оттенок. Интересно, только ли это от испытанной им совсем недавно нагрузки? Наши взгляды встретились, и, наверное, он догадался, почему я наблюдаю за ним, потому что быстро произнес:

— Со мной все в порядке, сеньор. Я чувствую себя замечательно.

Мне показалось, что в его голосе прозвучала скрытая ирония. Подойдя к двери, я открыл ее, после чего повернулся к индейцу.

— Жозе, — начал я, — не буду тебе мешать — все в твоих руках с данной минуты. Я ухожу в пассажирский вагон.

Похоже, мои слова испугали Жозе. Но потом, сжав зубы, он торжественным тоном сказал:

— Спасибо, сеньор.

Уэйд и другие «шишки» были удивлены, когда

я объяснил им, что сделал. Впрочем, Бэррон, прибывший с Земли, кивнул мне одобрительно.

— В конце концов, — сказал он, — это ведь должно быть испытание без всякого подвоха. Мы должны выяснить, способен он управлять поездом самостоятельно или нет. — В конце он добавил: — Ведь мы всегда можем отдать ему приказ остановиться, после чего Билл вернется в отсек машиниста.

В ответ никто ничего не сказал, но по хмурым минам на лицах остальных я понял, что они недовольны моими действиями. Во время набора поездом хода тишину никто так и не нарушил. Наверное, я прикорнул в кресле, потому что, внезапно пробудившись, я почувствовал тряску и раскачивание. Бросив взгляд в окно, я встревожился — так быстро мчался по пустыне поезд.

Я торопливо огляделся. Между собой негромко переговаривались трое; Уэйд посапывал в своем кресле, а Бэррон спокойно раскуривал сигару, погруженный в думы.

Я, небрежно поднявшись, направился к внутреннему телефону и позвонил в отсек машиниста. После трех гудков у меня неприятно засосало под ложечкой. Потом я вернулся к своему креслу. Когда я еще раз бросил взгляд в окно, мне показа-

лось, что поезд, похоже, набирает скорость.

Я про себя простонал и, обернувшись, увидел, что проницательные карие глаза Уэйда внимательно изучают меня.

— А вам не кажется, что ваш машинист ведет поезд чуточку быстрее, чем надо? — задал он вопрос.

Его помощник сердито произнес:

— По-моему, этот парень — просто безответственный человек!

Бэррон вздохнул и хмуро посмотрел на меня.

— Прикажите ему притормозить.

Я направился к телефону и позвонил Фрэнку Грею. После трех гудков Фрэнк ответил, растягивая слова:

— Да? Слушаю.

— Фрэнк, — тихо начал я, — будь так добр, пройди в отсек машиниста и попроси Жозе притормозить.

— Ничего не слышу, — ответил Фрэнк. — Чего ты хочешь?

Я повторил свою просьбу, с волнением в голосе произнося слова, стараясь, однако, при этом не повышать голоса.

— Не бормочи, — раздраженно произнес Фрэнк. — Не слышу ни единого твоего слова.

По отношению к Жозе я испытывал сожаление, смешанное с гневом. Ведь есть пределы тому, что можно сделать, помогая кому-то, кто и без того нарывается на всякие неприятности. Четким голосом, уже не беспокоясь, что меня услышат, я поведал Фрэнку свою просьбу. Потом последовала пауза, после чего Фрэнк взорвался:

— Да пошли вы к черту! Это дело меня совсем не касается.

Он продолжал упорствовать, несмотря на мои аргументы. Наконец я сказал:

— Подожди одну минуту! — И, вернувшись на свое место, рассказал пассажирам о том, что происходит. Они молча выслушали меня, а затем Уэйд повернулся к Бэррону.

— Вот видите, в какую передрягу мы попали из-за этого вашего индейца!

Бэррон со зловещим видом жевал сигару. Повернувшись, он уставился на проносившуюся за окном местность, после чего сказал:

— Лучше прикажите этому Фрэнку, чтобы он сделал то, о чем его просит Билл.

Вскоре Уэйд вернулся от внутреннего телефона. К тому времени Бэррон уже успел облачиться в герметизированный скафандр, а Уэйд отправил своего помощника подобрать еще один и для

него. Пока поезд не остановился, они обменялись колкими замечаниями. Бэррон упрямо твердил, что неудача с одним индейцем никак не может подвести окончательную черту и под остальными. По пути в отсек машиниста в голове у меня свербила одна только мысль: «Что же могло случиться с Жозе?»

Фрэнк открыл нам дверь. Когда мы забрались внутрь, Жозе там не оказалось.

— Я обнаружил его лежащим на полу, задыхающимся, поэтому я отнес его к себе в контрольную кабину и поднял там немного давления. — Самодовольно он добавил: — С ним не случилось ничего страшного, просто надо немного кислорода.

Я долго глядел на него, пытаясь отбросить вспыхнувшее в голове подозрение. Однако я так ничего и не сказал, только отрегулировал давление и вошел в контрольную кабину. Жозе сидел в кресле. Он бросил на меня жалкий взгляд, но лишь пожал плечами на мой вопрос.

— Жозе, — с волнением в голосе начал я, — я хочу, чтобы ты забыл о своей гордыне и рассказал мне о том, что случилось, ничего не скрывая.

— У меня вдруг закружилась голова, — убитым тоном произнес он, — и мне показалось, что она

вот-вот разорвется на куски. После этого я отключился и не знаю, что было дальше.

— Почему ты увеличил скорость?

Индеец изумленно посмотрел на меня расширившимися глазами, в которых светилось недоумение.

— Сеньор, — наконец произнес он, — я не помню совершенно ничего.

— Как мне кажется, — начал сзади Фрэнк, — мы, скорее всего, вошли в зону пониженного давления, и декомпрессия его доконала.

Я покачал головой. Я не забыл, как Жозе взбирался на холм, когда мы остановились на полпути, тогда это произвело на меня большое впечатление. Выносливость, которую он при этом проявил, не шла ни в какое сравнение с тем, что потребовалось бы от него после ничтожного изменения атмосферного давления. Кроме того, двери отсека были герметически закрыты. А поэтому давление внутри едва ли хоть как-то реагирует на временные изменения внешнего давления.

Повернувшись, я посмотрел на Фрэнка. Тот в ответ вызывающе посмотрел на меня. Дважды я порывался сказать о том, что только пронеслось у меня в голове, но всякий раз вспоминал, что мы

дружим с давних времен, а потому так ничего и не вымолвил. Позади Фрэнка мелькнул Бэррон, проверявший прибор, измеряющий давление в кабине. Потом он прошел к Уэйду и принялся что-то тихо и с серьезным видом объяснять. Вице-президент в ответ только покачивал головой, а затем прошел к Фрэнку и протянул руку.

— Мистер Грей, — нарочито громко произнес он, — я хочу поблагодарить вас за спасение наших жизней. И, что бы ни случилось, я всегда поддержу вас, будьте уверены!

Бэррон потянул меня за рукав. Я прошел вместе с ним в отсек.

— Можно ли управлять давлением воздуха в отсеке машиниста из контрольной кабины? — тихо спросил он.

Поскольку он мог узнать правду из других источников, я тут же ответил:

— Да.

— В вашем присутствии показывал ли индеец какие-либо признаки кислородного голодания? — продолжал Бэррон.

— Нет, никаких, — ответил я и взглянул на часы на руке. — Мне кажется, что нам пора двигаться в путь. Мы и так уже опаздываем на сорок три минуты.

Как только поезд снова набрал скорость, я оставил Жозе вести поезд, а сам прошел в контрольную кабину. Фрэнк в это время регулировал температуру, и я терпеливо подождал, пока он не закончит. Когда он обернулся ко мне, я сказал:

— Очень умно!

Он и не думал отпираться.

— Сейчас или никогда.

— То есть ты признаешься, что понизил давление в отсеке Джо?

Сквозь прозрачное забрало шлема скафандра я увидел, как его загорелое лицо растянулось в ухмылке.

— Ни в чем я не признаюсь, — возразил он, — но я собираюсь разрушить все планы этого бездельника, даже если это будет стоить мне моего места. И у меня уже есть идея, каким образом я получу нужную мне поддержку.

Я попытался объяснить ему, что если вообще есть какое-либо человеческое существо, способное жить на Марсе без скафандра и искусственных приспособлений, но никогда не стоит, говоря по чести, лишать его права воспользоваться этой возможностью.

— Ты называешь его человеческим существом? — фыркнул Фрэнк язвительно.

Я лишь посмотрел на него, и в это мгновение от моих дружеских чувств к нему не осталось и следа.

— Если ты еще раз вмешаешься в его работу, — начал я, растягивая слова, — то я вышибу из тебя дух!

Фрэнк хмуро посмотрел на меня.

— А я-то ломал голову, какую позицию ты занял. Что ж, спасибо за откровенность.

Еще час мы мчались по пустынной скалистой местности, а потом оказались в районе невысоких холмов, где то тут, то там сверкали с зеленым отливом застывшие во льду каналы. Только я сообщил Жозе, что самая трудная часть пути уже позади, как начал мигать красный огонек.

Индеец посмотрел на меня.

— Снова песок?

Я, нахмурив брови, покачал отрицательно головой.

— Нет, в этих местах такого не бывает. Наверное, что-то оказалось на рельсах или же пересекает их.

Это оказалась песчаная ящерица, восемнадцатифутовое пунцово-желтое чудовище. Ее лапы застряли под рельсами между шпал. Все, что нужно было сделать этой твари, чтобы вырваться на

свободу, — просто перестать тянуть вперед свои конечности и вытащить их из-под рельс, но она была слишком тупой для этого.

Уэйд позвонил мне, но едва я объяснил ему причину остановки, он потерял к этому происшествию интерес.

— Вы знаете, как обращаться с этими созданиями, — сказал он и повесил трубку.

Да, я знал, как надлежало действовать, но перспектива заняться выполнением этого дела меня отнюдь не радовала. Я объяснил Жозе, что охотники на этих рептилий надевают на себя комбинезоны из сверхпрочного материала волосатиков, который мы подобрали в начале нашего путешествия. Он обеспечивал защиту от неожиданного удара, но даже от него мало было пользы в случае прямого нападения; спасаться при этом можно было одним способом — оказаться за спиной чудовища: не видя врага перед собой, оно в миг забывало о нем.

Тут к нам в отсек ввалился Фрэнк Грей. Когда я предложил ему вместе со мной отправиться на помощь ящерице, он отрицательно покачал головой.

— Эта тварь обитает среди кактусов необычайной твердости, и ее зубами можно запросто

растереть в порошок любую скалу. — В конце он сказал с сарказмом: — Джо — именно тот человек, который сделает эту работу. Если у него порвется комбинезон, то это не принесет ему никакого вреда.

Жозе тут же подхватил с полу толстый металлический прут.

— Где этот комбинезон, сеньор?

— У нас есть лишние комплекты, — неохотно признался я. — Но я пойду с тобой.

Комбинезоны прикрывали все тело — с головы до ног. Жесткий шлем моего рабочего скафандра, сделанного из особого материала, обеспечивал мне дополнительную безопасность. У Жозе же была только толстая вязаная шапочка. Если его народу суждено осесть здесь, то им придется побеспокоиться о более основательной одежде на случай подобных неожиданных встреч, вроде этой.

Из ящика для инструментов я достал распылитель керосина и вместе с Жозе выбрался из отсека. Заметив наше приближение, ящерица повернула свою ярко-красную голову и принялась следить за нами, по-прежнему не оставляя попыток продвинуться вперед.

Я брызнул керосином в ее голубые, лишенные

какого-либо выражения глаза. Потом мы оба принялись дубасить ее по обоим бокам — и справа, и слева — и сзади, по хвосту. В ответ ящерица зашипела, высунув язык, и издала звук, напоминавший тарахтанье погремушки, продолжая при этом изо всех сил свои идиотские попытки продвинуться вперед.

Солнце уже клонилось к горизонту. Мы с Жозе продолжали терпеливо бить рептилию, пока наконец до убогого сознания чудовища не дошло что-то, и оно прекратило упираться и стремиться вперед. Зашипев, оно повернулось в нашу сторону, словно собираясь наброситься на нас.

Его лапа легко выскользнула из ловушки, которой оказался рельс, и чудовище оказалось на свободе.

— Жозе! — закричал я. — Беги за ее спину!

Но двигаться по зыбучим пескам было не так-то просто, и Жозе среагировал на мое предупреждение с опозданием. Его неловкость чуть было не обошлась ему дорого — четырехдюймовые когти прочертили воздух в такой близости от его щеки, что у меня перехватило дыхание, но уже в следующее мгновение индеец оказался за спиной чудовища, которое, перестав поворачиваться, сразу же забыло о его существовании.

Когда мы бросили на рептилию последний взгляд, она с трудом карабкалась по скале вместо того, чтобы обойти ее, направляясь в сторону от колеи.

Когда мы уже приближались к отсеку машиниста, раздался пронзительный свист и лязг, после чего длинный состав двинулся в нашу сторону. Я увидел Фрэнка Грея, сидевшего в кабине за приборами. Когда могучий локомотив проезжал мимо нас, с каждым ярдом набирая скорость, он насмешливо махнул нам рукой.

Я изо всех сил вцепился в поручни, повиснув на них всем телом. Вне себя от ярости, я попытался подтянуться повыше, и в это мгновение дверь отсека надо мной приоткрылась. Из нее высунулся Фрэнк и длинным разводным ключом ударил меня по пальцам. Хотя я был в защитных перчатках, я почувствовал резкую боль, а онемевшие пальцы едва не выпустили поручень. Я лихорадочно перехватил его другой рукой чуть пониже.

Присев на колено, Фрэнк нанес новый удар ключом. В этот раз он промахнулся, и от этого удара металла о металл только посыпались искры. Но с меня было довольно — я не мог допустить, чтобы он изуродовал мою вторую руку, ведь тогда я рухну прямо под колеса. И пока он не успел

нанести новый удар, я опустил ноги к земле и, начав быстро перебирать ими, семеня вслед за поездом, выпустил поручень.

Я упал головой вперед, врезавшись прямо в насыпь. Благодаря прослойке воздуха в моем герметизированном скафандре серьезных ушибов я не получил, но я задыхался, когда с трудом начал подниматься на ноги. Сначала я собирался забраться в вагон с рудой, но, помчавшись со всей скоростью, что позволяло мне мое громоздкое одеяние, рядом с составом, я понял, что поезд двигается слишком быстро. Я уже отказался от этого плана, когда чья-то железная рука ухватила меня за шею.

— Сеньор, бегите!

Я бежал с привкусом соли на языке, от изнеможения уже почти ничего не видя из-за застилавших взор слез. Потом принялся вслепую нащупывать ступеньку лестницы товарного вагона, за которую держался Жозе.

Благодаря его мертвой хватке мне удалось ухватиться за эту ступеньку, и вскоре мы уже лежали на платформе товарного вагона и переводили дух.

Потом я встал, по-прежнему дрожа.

— Я не знаю, что этот лицемер задумал, — начал

я, когда ко мне вернулся дар речи, — но сейчас мы пойдем в пассажирский вагон и расставим все точки над «i».

Наше неожиданное появление там вызвало незначительный переполох. Я в общих чертах объяснил, что произошло, потом поднял трубку и позвонил в отсек машиниста. Никто не отвечал даже после трех гудков. Поскольку вся энергия, питавшая системы состава, управлялась с пульта управления локомотивом, то казалось очевидным, что Фрэнк отрезал телефонную линию. Цель его была ясна — помешать нам связаться с Марсополисом, куда направлялся наш поезд.

Я про себя выругался, проклиная свою глупость, что не сразу же решился сообщить туда о действиях Фрэнка. Возможно, тогда бы Фрэнк не отважился на подобное.

Один из пассажиров пожал плечами.

— Он ведет себя, как последний дурак. Ведь если он собирается пустить поезд под откос, то вместе с поездом рискует угробить и себя! Нам нужно лишь покрепче пристегнуться в креслах и ждать.

Тут мне в голову пришла одна мысль. Я подошел к манометру, регистрировавшему давление пара. Оно заметно упало, да и температура немно-

го понизилась. Нахмурив брови, я обернулся к остальным.

— Мне совсем не хочется говорить об этом, но боюсь, что он отключил энергию от системы подачи воздуха.

Лицо Филипа Бэррона побледнело, однако взгляд его оставался жестким.

— Сколько у нас времени?

— Не больше часа, — ответил я. — Мы выдержим холод, но если давление упадет больше, чем наполовину, то все мы потеряем сознание — все, то есть, кроме Жозе.

Наступила гнетущая тишина. Потом Бэррон задумчиво посмотрел на Жозе и сказал:

— Да, разумеется, не стоит забывать о вас. Полагаю, что Грей рассчитывает потягаться с индейцем. Высокомерный идиот. Конечно, мы все можем написать заявление касательно всего происшедшего и оставить его с вами…

— К черту все это! — перебил Бэррона один из марсианских руководителей. — Возможно, это и поможет Жозе, поможет восторжествовать справедливости, но как же быть с нами?

Тут я решил вмешаться.

— Вы все забываете об одной детали. Жозе способен жить в условиях низкого давления,

но не может дышать ядовитым воздухом, почему и не продержится достаточно долго после наступления темноты. У нас остается только один-единственный шанс. — Я повернулся к индейцу. — Давай, Жозе, попробуем пробраться на борт локомотива.

В обоих концах каждого вагона висел специальный топорик на случай пожара. Мы вооружились ими, и уже через минуту, поднявшись на верх вагона, направились вперед, где сине-красными огнями сверкал локомотив с его возвышающимся отсеком машиниста, в котором можно было различить фигуру Фрэнка Грея.

Меня беспокоило то, что там, в отсеке управления, находилась дальнобойная винтовка — в эти секунды мы с Жозе представляли собой две великолепные мишени. У меня были сомнения, что Фрэнк начнет стрелять в нас, — только в самом крайнем случае, ведь будет трудно объяснить, почему наши тела нашпигованы пулями, но эта мысль была отнюдь не самой успокаивающей.

Низко нависшее над нами марсианское небо начало уже темнеть на востоке, и над опускающимся солнцем яркой вечерней звездой сияла Земля. До наступления темноты оставался еще час, но поскольку преодолеть нам предстояло

еще сто миль, это отнюдь не вызывало у меня утешения — двигались мы по полугористой местности, а петляющая колея не давала поезду возможности набрать большую скорость.

Приподняв воротник, я нагнулся навстречу леденящему ветру. Я заметил, что, когда мы направились вперед поверх тендера, в котором перевозилась вода, идущая на нужды локомотива, Жозе часто останавливается, чтобы потереть руки.

Теперь, оказавшись совсем неподалеку от отсека машиниста, я увидел, что Фрэнк следит за нами через окно кабины. Прислоненная к подоконнику, рядом с ним стояла винтовка, но он пока не делал движений, чтобы взять ее. По всей видимости, ждал, что же мы рискнем предпринять.

Я и сам точно не представлял своих дальнейших действий.

Нужно было открыть каким-то образом двери, а затем проникнуть в отсек, умудрившись при этом остаться целыми и невредимыми.

Мы поднялись на верх отсека и распластались прямо над дверьми — Жозе с одной стороны, я с другой. Одновременно мы размахнулись нашими топориками и начали бить по толстым стеклам.

В принципе они были противоударными, но вряд ли способными противостоять таким ударам. С моей стороны довольно значительный кусок стекла треснул и вывалился внутрь.

Самое легкое мы уже проделали. Теперь же нам предстояла задача потруднее: спуститься вниз и просунуть руку в проделанную дыру, чтобы запустить механизм, открывающий двери.

Я проскользнул к краю отсека и начал спускаться по металлической лестнице, располагавшейся рядом с дверью. В это же мгновение Джо и провалился вниз. Пока что нам ничего не угрожало — металлические стены отсека защищали нас. Чтобы выстрелить, Джо должен был высунуть ружье в отверстие в стекле с обеих сторон, чего он, естественно, сделать не мог. Так что ему оставалось лишь сидеть внутри кабины и ждать, когда же наконец появится чья-либо рука — моя или Жозе. В конце концов время работало на него.

Длинный состав мчался во все более сгущающейся темноте. Колеса скрипели, издавая при этом пронзительный скрежещущий металлический звук. Совершая поворот мимо круто вздымающихся холмов, локомотив стонал и вздрагивал, раскачиваясь. Я уже начал злиться на себя за то, что решился на этот отчаянный

бросок, но тут раздался выстрел. Объяснение ему было одно: Жозе первым бросился на приступ.

Удвоив усилия, я достиг отверстия в стекле и просунул внутрь руку, надеясь, что в это время ружье Фрэнка по-прежнему направлено не в мою сторону.

Тут мне на помощь пришло отменное знание систем локомотива. Я знал, как пользоваться системой открывания дверей, и быстрым движением пальцев открыл ее. После чего отдернул руку.

Как раз над тем местом, где находилась моя рука, появилось маленькое отверстие — и тут же раздался еще один выстрел.

Я торопливо изо всей силы толкнул дверь. Она с грохотом рухнула. И передо мной оказался Фрэнк, в упор наставивший ствол винтовки мне в грудь.

Я буквально вдавился спиной в стену отсека, но тут же понял тщетность своей попытки и ударил его топориком. Фрэнк слегка отпрянул назад, и удар мой не достиг цели. Сквозь прозрачное забрало его шлема я видел искаженные черты лица Фрэнка и сверкающие глаза. Отскакивая от меня, он опустил дуло винтовки, но потом начал медленно снова поднимать ее вверх.

Когда я увидел, как напрягся его палец на спусковом крючке, я бросил в него свой топорик. Он пригнулся, и топорик лишь слегка задел его плечо.

В третий раз приподнялось дуло винтовки, в этот раз нацеленное мне в голову. Я в отчаянии подумал: «Мы оба — и Фрэнк, и я — сами свидетельствуем о своей слабости. Весь этот инцидент, само прибытие Жозе на Марс произошли лишь потому, что наши источники подачи воздуха оказались такими уязвимыми».

И все же я почему-то надеялся довести этот факт до его сознания.

И пока такая смутная мысль проносилась у меня в голове, я, низко пригнув голову, отважился одним нырком влететь в кабину. Я практически натолкнулся на дуло винтовки. Фрэнк зашатался как пьяный.

Во всяком случае, так мне показалось.

Удивительным было лишь то, что предназначавшаяся мне пуля ушла в сгущающуюся темноту.

А потом с грохотом в пол отсека вонзился взявшийся ниоткуда топорик — и меня озарило: это же Жозе, он бросил топорик во Фрэнка, и ему то ли повезло, то ли он был точен, но головной шлем

Фрэнка разлетелся вдребезги.

Фрэнк споткнулся, и он бы даже выпал наружу, если бы я инстинктивно не схватил его. Затащив его обратно внутрь кабины, я закрыл дверь, после чего увидел Жозе, прислонившегося к противоположной стене. Его левая рука безвольно повисла, и с нее капала кровь.

Лицо индейца приобрело пепельный оттенок, но, невзирая на пережитый шок, он улыбнулся мне, когда я потащил обмякшее тело Фрэнка Грея в направлении контрольной комнаты, где я мог бы накачать его кислородом и таким образом спасти ему жизнь — для того, чтобы впоследствии суд мог бы вынести ему приговор за содеянное им преступление.

…Прошло много лет, и сейчас моим детям больше всего нравится слушать именно эту историю — о Жозе — из всех, что приключились со мной на Марсе. И это наполняет мое сердце надеждой. Выйдя в отставку и поселившись здесь, в Колорадо, на высоте в восемь с половиной тысяч футов, мне удалось пробудить в общественности энтузиазм в отношении задуманного мною плана, осуществление которого займет долгие годы.

На высоте в семнадцать тысяч мы строим город — и наши дети уже понемногу проводят свое

время там. Мы предусмотрели все, что требуется для достижения успеха.

Их дети станут настоящими марсианами.

Святой в космосе

Проходя коридорами звездолета «Колонист 12175», Леонард Хэнли нечаянно подслушал разговор двух пассажирок:

— Знаешь, он ведь находился на другом конце Галактики… Но прослышав о наших трудностях, прибыл немедленно. Да это и понятно — для скачка в космосе ему не нужен какой-то там небесный тихоход, вроде нашего.

Он, естественно, никак не отреагировал на эти слова. Для этого в нем было достаточно скепсиса, да и раздражения тоже. Пару часов назад капитан Крэнстон уже предупредил его, как лидера колонистов, о прибытии Марка Рогана. В присланной ему записке в числе других затрагивалась и эта тема:

«Планеты Ариэль мы достигнем менее чем через полсуток по земному исчислению. Выдающийся эксперт по межпланетным контактам из Космического Патруля согласился помочь нам. Его присутствие на борту означает, что вы со вверенными вам людьми сможете немедленно высадиться, не дожидаясь выяснения причин катастрофы, постигшей первых поселенцев…

Корабль, естественно, сразу же отчаливает».

Последняя фраза вызвала на лице Хэнли гримасу.

«Ну уж нет, капитан, — неприязненно подумал он, — совсем ни к чему зашвыривать нас в этот новый мир, не разобравшись предварительно, что же все-таки приключилось с нашими предшественниками».

Продолжая свой путь, Хэнли добрался до радиорубки и, заглянув через окно, выяснил, что сегодня там дежурил молодой специалист по имени Фэрд.

— Что новенького? — осведомился он.

Оператор лениво повернулся в его сторону. По мнению Хэнли, тот явно зарывался, ведя себя достаточно заносчиво, чтобы досадить, но вовремя останавливаясь на той грани, за которой начинается оскорбление.

— Да ничего, все время шпарят повтором наши же сообщения, откликнулся радист.

Хэнли нерешительно потоптался на месте. Он неоднократно пытался сломать барьер, выросший между экипажем и пассажирами, твердо придерживаясь той точки зрения, что в длительном двухлетнем полете в их отношениях не должно возникать ни принуждения, ни вражды.

Но в конечном счете был вынужден отказаться от этих благородных устремлений. Для космолетчиков все восемьсот колонистов — как мужчины, так и женщины с детьми — в равной степени были «эмигрантами». А более унизительного термина для обозначения человеческих существ они себе не представляли.

Сам же Хэнли, инженер и бывший университетский профессор, все чаще ловил себя на мысли, что доставшиеся им по воле случая перевозчики — не более чем малосимпатичный сброд.

Он все ещё переминался с ноги на ногу под впечатлением нечаянно услышанного разговора о таинственном Марке Рогане.

— Повезло нам с этим Марком Роганом, — выдал он наконец с притворно равнодушным видом.

— Еще бы!

— И когда же он впервые вышел на вас?

— О! Это не проходило через нас.

— Как это понять? — Хэнли не смог скрыть раздражения. — Разве в вашу рубку поступают не все радиограммы?

— Ну… в некотором смысле это так. — Оператор замялся. — Дело в том, что господин Роган не отвечает на обычные запросы. Как правило, вы

передаете в эфир сообщение с изложением сути вашей проблемы, а он появляется только в тех случаях, когда она его заинтересует.

— Иначе говоря, просто возникает, и все? Так, что ли?

— Вот именно.

— Спасибо, — подавленно пробормотал Хэнли, удаляясь.

Его душила глухая ярость. Явно продувная бестия этот Роган, стремящийся убедить наивный люд в том, что он сверхъестественное существо! И звездолет ему, видите ли, не нужен для того, чтобы пересекать космические дали! И помогать другим он изволит лишь тогда, когда ему самому становится любопытно! Но возмущение Хэнли внезапно уступило место другим эмоциям. До него вдруг дошло — и эта мысль была сродни шоку, — что Роган уже прибыл на борт.

Хэнли вернулся в свою каюту. Его жена, Элеонора, готовила завтрак для него и их двух детей, когда захрипел настенный интерком. Равнодушный голос оповестил:

— Всем пассажирам и членам экипажа! Прошу внимания! Мы входим в атмосферу Ариэля. Капитан Крэнстон просит всех собраться через час в конференц-зале для обсуждения вопроса о

высадке на планету.

Занимая место на сцене зала совещаний и глядя сверху на разъяренных колонистов, Хэнли чувствовал себя прескверно. По их сегодняшнему виду было трудно поверить, что когда-то они выбрали его своим боссом. Хэнли знал, что, волей-неволей, выгружаться придется, несмотря на возможно подстерегающую их на планете неведомую опасность. То была суровая реальность, с которой большинство переселенцев, похоже, и не думало считаться.

Они совершенно разбушевались, громогласно выражая свое возмущение и грозя увесистыми кулаками капитану Крэнстону, стоявшему на краю сцены. Гул их голосов выплескивался в соседние помещения, где другие колонисты сгрудились у динамиков.

Собственная взвинченность не помешала Хэнли обратить внимание на сидевшего рядом с ним незнакомца. «Это — Роган!» — мелькнуло в голове. Безусловно это так, поскольку на корабле все прекрасно знали друг друга.

Но даже если бы Хэнли и не догадался, кто это, он не смог бы не заинтересоваться этим стройным, чуть выше среднего роста человеком. Хэнли слышал, как он сказал несколько слов капитану

Крэнстону таким нежным и ласковым тоном, что в нем мгновенно вспыхнула антипатия. Глаза Рогана были весьма необычного для человеческого существа цвета — это была зелень чистейшего изумруда.

С чувством легкого отвращения Хэнли отвернулся и стал всматриваться в укрепленный на задней стене сцены экран. Тот был внушительных размеров, и на нем высвечивалась проплывавшая под ними поверхность планеты, на которой им суждено было вскоре осесть.

Картинка была не очень четкой, но все же можно было различить простиравшиеся внизу зеленые лесные массивы. Слева серебристой змейкой искрилась река. Справа виднелись развалины того, что недавно было первым поселением человека на планете Ариэль.

Хэнли рассматривал этот ландшафт без всякого удовольствия. Лично он, как человек науки и администратор, не испытывал никакого страха перед тем, что могло поджидать его там. Но стоило ему подумать об Элеоноре и детях, как в душу начинали заползать препротивные опасения.

Вволю нашумевшись, колонисты стали понемногу затихать. В наступившей наконец тишине раздался голос капитана:

— Признаю, что ситуация сложилась весьма непростая. Я не в состоянии объяснить вам, почему на планете, по всем показателям лишенной жизни, был полностью уничтожен первый форпост человека. Но моя обязанность — высадить вас на Ариэле. Для возвращения обратно на Землю нам просто не хватит запасов продовольствия для такого количества людей. Сожалею, но вы доставлены к пункту назначения и должны тут выгрузиться. А теперь я хотел бы представить вам человека, только сегодня прибывшего на борт. Это — Марк Роган, один из самых видных членов Космического Патруля. И цель его визита сюда — оказать вам помощь. Господин Роган, соблаговолите подойти поближе, чтобы все смогли хорошенько познакомиться с вами. Вы тоже, господин Хэнли.

Пока Роган подходил к нему, Крэнстон добавил:

— Господин Роган, прошу вас сказать этим обойденным фортуной людям несколько слов.

Роган неторопливо обвел взглядом аудиторию, улыбнулся и произнес уже слышанным Хэнли мягким тоном:

— Друзья, уверен, что все обойдется. Не надо терзать себя страхами. Я внимательно изучил

все переданные вами материалы о положении дел и совершенно уверен, что примерно через день смогу подать вам сигнал о том, что можно высаживаться и опасности никакой нет.

И он отступил на шаг назад. Воцарилось гробовое молчание. Затем в едином порыве томно вздохнули все присутствовавшие в зале женщины. У Хэнли эта успокаивающая и призванная вселить в колонистов доверие речь вызвала неподдельное изумление. Он оглядел переселенцев. Те пребывали в замешательстве и беспокойстве. Хэнли почему-то вспомнил, что за Роганом укрепилась сомнительная репутация сердцееда.

А капитан между тем продолжал свою речь, теперь уже в тоне дружеской беседы:

— Лен, мне хотелось бы, чтобы вы поближе сошлись с Марком Роганом. Затем, обращаясь к последнему, добавил: — Господин Хэнли возглавляет колонистов.

Живые зеленые глаза внимательно задержались на лице Хэнли. Затем Роган улыбнулся и протянул худощавую руку. Хэнли, несмотря на внутреннее сопротивление, взял её и с силой сжал длинные, хрупкие на вид пальцы.

Улыбка Рогана сделалась чуть жестче, и он

ответил на вызов. Хэнли показалось, что его ладонь зажали в тиски. Он даже побледнел от пронзившей его боли. Не в силах вынести её, он тут же ослабил захват. Роган ответил тем же. На какое-то мгновение взгляд его зеленых глаз вновь, на сей раз задумчиво, остановился на нем. У Хэнли возникло неприятное чувство, что гость четко уловил его неприязнь и что первый раунд он бесславно проиграл.

Капитан все ещё увещевал аудиторию:

— Господа, довожу до вашего сведения, что до начала выгрузки на Ариэль людей и оборудования будет сделано несколько разведывательных вылазок на хорошо вооруженных челноках под двойным командованием Рогана и Хэнли. Можно приступить к этому уже сегодня. Так что начнем соответствующую подготовку.

* * *

Хэнли загрузил в челнок переносную радиостанцию, счетчик Гейгера, радар для прощупывания поверхности, а также небольшой прибор, генерировавший волны в широчайшем диапазоне — от звуковых до коротких радиочастот и ультразвука.

Краем глаза он увидел приближавшегося к

нему Рогана. Хэнли быстро повернул голову и бегло окинул того взглядом. Вся одежда Рогана состояла из брюк и рубашки с отложным воротничком. Карманы отнюдь не топорщились от напиханных туда хитроумных технических штучек. Ничего не было и в руках. Создалось впечатление, что он вообще не взял никакого оснащения.

Роган кивком поприветствовал его. Хэнли ответил неопределенным жестом. Пока Роган размещался в челноке, Хэнли язвительно ухмыльнулся про себя: «Надо же — снисходит до обычных транспортных средств».

Примерно через десять минут челнок-малютка сел на весьма уныло выглядевшем месте, где когда-то проживало не меньше тысячи землян.

Пока Хэнли, неловко выпрыгнувший из челнока, с трудом восстанавливал равновесие, кто-то из экипажа присвистнул:

— Вот это да! Такое впечатление, будто здесь изрядно порезвился бульдозер, переворошив все вверх дном.

Увидев эту картину тотального разрушения, Хэнли судорожно сглотнул слюну. Выстроенные в свое время из местного камня здания были не просто разрушены, а превращены в щебенку. Там

и сям сквозь неё уже начали пробиваться растения. За исключением нескольких кряжистых деревьев, кругом, насколько хватало глаз, виднелась опустошенная земля — словно тут не раз и не два прошлась гигантская машина-разрушитель.

Хэнли решил осмотреть все подробнее. Нечаянно споткнувшись, посмотрел, за что зацепилась его нога, и в ужасе отшатнулся. То были человеческие останки. Истлевшая плоть и груда костей вдавились в грунт.

И только тут он вдруг осознал, что повсюду сквозь оставшиеся после катаклизма обломки проглядывают трупы. И далеко не всегда их можно было выделить. Некоторые, казалось, стали неотъемлемой частью почвы, настолько их размазало по поверхности и покрыло сверху пылью.

К ним подошел Фрэнк Стрэттон, молодой колонист. Хэнли обернулся к Рогану.

— Полагаю, нам следует спешно осмотреть этот участок, господин Роган. Что, если мы с вами вдвоем пойдем вдоль реки, а Стрэттон и (тут он назвал фамилию ещё одного прибывшего с ними поселенца из числа техников) поднимутся тем временем на холмы? Остальные же пусть сами разобьются на группы как хотят. Никому не бу-

дем давать никаких указаний. По возвращении только изложение увиденного. Встретимся через пару часов.

Хэнли не стал дожидаться ни согласия, ни возражений, а устремился к челноку. Конечно, кое-кому могло показаться необычным, что оба руководителя экспедиции уходят вместе, но Хэнли был твердо настроен на то, чтобы лично понаблюдать за работой специалиста по межпланетным контактам. В глубине души он уже твердо решил, что попытается сам найти решение загадки, не прибегая к помощи этого «эксперта».

Взяв мешок с инструментами, Хэнли перебросил его через плечо. Груз оказался тяжеловатым, он даже пошатнулся, но тут же выпрямился. Вместе с Роганом они двинулись в намеченном направлении, оставив позади руины погибшей колонии. Хэнли был заинтригован: почему его спутник так запросто согласился с его предложением? Он заметил, что Роган частенько поглядывает на небо. Однако раза два он останавливался, чтобы тщательно изучить грунт.

Вскоре твердая каменистая почва сменилась травяным ковром, напоминавшим настоящий газон. Постепенно исчезли окружавшие бывшее земное поселение камни и обломки скал. Показа-

лась небольшая рощица. На некоторых деревьях уже были плоды. Другие стояли в полном цвету. В теплом воздухе витал пленительный аромат.

Земляне вышли к широкой реке. По характеру течения можно было с уверенностью сказать, что она достаточно глубока. Они пошли по крутому берегу и вскоре оказались на вершине скалы, возвышавшейся над водой метров на тридцать. До них доносился глухой рокот водного потока, рассекаемого внизу скалами.

Шедший чуть впереди Роган остановился. Хэнли воспользовался этим, чтобы освободиться от тяжелой ноши и достать свою аппаратуру. За все время пути счетчик Гейгера ни разу не пискнул, так что он отложил его в сторону. Хэнли попытался связаться со звездолетом, но в ответ раздался лишь хаотический шум.

Слышать столь невнятный сигнал было неприятно. Добро бы на корабле всего лишь странный отзвук, но на расстоянии в несколько километров от бывшей деревушки Хэнли стало не по себе.

Неожиданно он почувствовал настоящее беспокойство.

— Господин Роган, — обратился он к спутнику, — вам не кажется, что мы очутились в довольно уязвимом положении?

Роган не повернулся к нему и вообще никак не отреагировал на его слова. Кровь разом прихлынула к лицу Хэнли и, внезапно распалившись, он шагнул к своему спутнику. «Нет, мы сию же минуту выясним наши отношения!» раздраженно подумал он.

Подойдя к Рогану, он увидел, что тот внимательно рассматривает покрытый песком участок грунта. Хэнли припомнил, что он уже дважды приглядывался к подобным проплешинам.

Гнев мгновенно улетучился, едва он обнаружил, чем так занят Роган. До сего момента Хэнли больше всего занимала мысль, что же все-таки поделывает его коллега. Теперь ситуация вроде бы прояснилась. Поэтому он столь же усердно принялся изучать то место, куда они забрели. Внешне песок выглядел совершенно обычно — банальнейшая желто-серая с коричневым масса, абсолютно ничем не напоминающая возможный источник жизни.

Хэнли смутился. Его так и подмывало спросить Рогана, в чем все-таки дело, но тот всего несколько мгновений назад проявил к нему такое неуважение, что подвергаться новым оскорблениям совсем не хотелось. Однако, повернувшись, он увидел, что Роган смотрит на него.

— Господин Хэнли, — чуть ли не пропел эксперт своим нежным голосом, судя по вашему виду, вы о чем-то меня только что спросили. И, похоже, вам не понравилось, что я не ответил. Прав ли я?

Хэнли покачал головой. Ему уже не хотелось затевать сейчас спор и выяснять отношения. А в словах Рогана ему чудилось нечто такое, что никак не удавалось определить… Это лишь подлило масла в огонь. «Ишь как выразился: «судя по вашему виду»! Уж не хочет ли он сказать, что вовсе и не слышал вопроса?» — негодовал Хэнли, но предпочел смолчать.

— Знаете, я очень часто попадаю в подобные ситуации, — продолжил Роган, и при этом его изумрудные глаза сверкали так, словно излучали какой-то внутренний свет. — Но раз уж возникла необходимость в объединении наших усилий для преодоления надвигающегося кризиса, прошу вас поверить мне на слово: ничего не слышу, когда сосредоточиваюсь на решении проблемы. Просто отключаюсь от всех внешних раздражителей. Если это мое признание шокирует вас, — все так же мягко закончил он, — то мне искренне жаль.

— Мне приходилось слышать о такого рода состояниях, — нехотя проронил Хэнли. — Самогипноз.

— Ну если вам так хочется наклеить этикетку на этот феномен, — почти равнодушно отозвался Роган, — то этот термин ничуть не хуже любого другого. Но по существу дело не в этом.

Лишь чуть позже Хэнли сообразил, немало удивившись, что его спутник сделал усилие для того, чтобы показать свое дружественное к нему расположение. И он поспешил откликнуться:

— Благодарю вас, господин Роган. Я по достоинству оценил ваше объяснение. И все же, не затруднило бы вас объяснить мне, что вы ищете в этом песке?

— Жизнь. — Роган отвлекся от своего занятия. — Причем в таком примитивном виде, когда её обычно таковой и не считают. Видите ли, господин Хэнли, на каждой планете развивается только ей присущий процесс инициирования жизни, то есть возникает такое положение, когда неорганическую форму материи практически невозможно отличить от органической. И этот процесс постоянен. Я не могу представить вам доказательства. Насколько мне известно, ещё не изобрели приборов, фиксирующих его. Остается только мой собственный разум. Это обстоятельство определяет всю мою деятельность и рождает ту неприязнь, которую вы питаете ко мне. Не

исключаю, что вы ещё пожалеете об этом.

Хэнли, начавший было уже склоняться к тому, чтобы относиться к Рогану более сердечно, вновь почувствовал себя не в своей тарелке.

Роган опять углубился в изучение грунта, а Хэнли вернулся к работе с инструментами. «В конце концов, — успокаивал он себя, — я могу выявить более крупные формы жизни. И в этом приборы могут оказать мне неоценимую помощь».

Установив радар, он принялся исследовать его лучом окрестности. Вскоре обнаружилась небольшая пустота в почве — простой карман, — по всей видимости, не имевший никакого значения для его поиска.

Свернув радар, он принялся настраивать вибратор, но его прервал пронзительный крик Рогана:

— Хэнли, прыгайте!.. Сюда!

Хэнли услышал грохот обвала прямо над головой и инстинктивно вскинул глаза. Завидев всего в нескольких метрах от себя накатывающуюся скалу, он хрипло взревел и бросился плашмя наземь. Последовавший затем сильный удар оглушил Хэнли.

Всплеск жуткой боли — и его окутал мрак.

Очнувшись, он почувствовал себя ужасно. Голова буквально раскалывалась. Тяжко застонав,

Хэнли открыл глаза. Он лежал на краю нависшего над обрывом выступа, в нескольких метрах от того места, откуда его отшвырнула скала.

Где-то недалеко отчетливо слышался шум водопада. Хэнли машинально стал искать его взглядом, не сразу сообразив, что из своего положения просто не может его увидеть. Ему лишь удалось получше рассмотреть ту часть выступа, где перед этим стоял Роган.

Но того не было на прежнем месте.

Хэнли с трудом поднялся. Слева от него валялись разметанные ударом приборы, причем радар основательно покорежило. Не обращая на них внимания, он заковылял вдоль обрыва туда, где тот резко изгибался. С этого места перед ним открылась впечатляющая панорама: широкую долину перерезала полуторакилометровая дуга реки. Ничего необычного Хэнли не обнаружил.

Сбитый с толку и все больше раздражаясь, Хэнли прошел метров двести в обратном направлении. Оказавшись у другого поворота, он сразу же за ним увидел водопад. Тот низвергался с более чем тридцатиметровой высоты. Лес, спускаясь к реке, простирался далее по берегу зелено-бурым массивом.

Никаких следов Рогана.

Хэнли вернулся к приборам и остановился в нерешительности, не зная толком, что ему предпринять. В принципе, ему хотелось бы продолжить свои изыскания. В то же время он ничуть не сомневался в том, что едва не погиб в результате падения скалы. Еще бы несколько миллиметров и… На виске запеклась кровь, жгло ободранную щеку.

На какое-то мгновение он почувствовал облегчение, заметив листок бумаги, прикрепленный к ручке счетчика Гейгера, и невольно подумал: «Все же, несмотря ни на что, человечность в нем сохранилась».

Записка гласила: «Возвращайтесь на корабль. Меня не будет дня два-три».

Хэнли поджал губы, но вскипевший было гнев и на сей раз продержался недолго. В конце концов, Роган не был его поводырем, и в его обязанности не входило ухаживать за ранеными.

Так что не оставалось ничего другого, как развернуться и возвратиться к месту посадки челнока. До бывшей деревни он добрался только к вечеру и сразу же был доставлен на корабль. Врачи настояли, чтобы он провел ночь в лазарете, заверяя, что к утру он и думать забудет о своих болячках.

Спал Хэнли хуже некуда. Проснувшись в очередной раз, он подумал: «В чем, в чем, а в мужестве ему не откажешь. В глухую ночь он крутится где-то там, на планете, в полном одиночестве».

За ночь его силы и энергия действительно восстановились. А на рассвете он проснулся крайне возбужденным. Эта скала! Ведь она скатилась на него совсем не случайно! Кто-то или что-то подтолкнуло её в нужном направлении.

«Пойду-ка я с утра опять на место и попробую разобраться», — решил он.

В девять часов, когда он одевался, в палату вошла его жена. Она сразу же направилась к креслу и устало рухнула в него. Ее удивительно красивые серые глаза, казалось, омертвели. Она — и это было необычно для его супруги — совсем не позаботилась о том, чтобы с самого утра тщательно привести в порядок свои длинные белокурые волосы. Лицо её осунулось.

— Я так беспокоилась, — произнесла она безжизненным тоном.

— Да ладно, я уже чувствую себя вполне здоровым, — поспешил успокоить её Хэнли. — Ну, слегка поцарапало, чуть тряхнуло — экая невидаль.

Но жена, похоже, даже не слышала его слов.

— Стоит мне подумать, что в эти минуты он бродит там внизу совсем один, в то время как судьба нашей колонии зависит от того, чтобы он непременно остался в живых…

Хэнли резко дернулся: так вот, значит, в чем дело! Его супруга тревожилась не о нем, а о Рогане. Она взглянула на него с убитым видом.

— Лен, ты уверен, что правильно поступил, оставив его там одного?

Хэнли глядел на нее, не находя слов.

За завтраком он ещё больше укрепился в своем стремлении отыскать ответ на стоявшую перед ними загадку раньше Рогана.

Спустя несколько минут челнок (за штурвалом сидел Фрэнк Стрэттон) доставил их обоих к реке. Разработанный Хэнли план действий отличался чрезвычайной простотой. Хэнли исходил из того, что если на этой планете и впрямь есть жизнь, то она так или иначе проявит себя. Человек, наделенный наблюдательностью, просто не может этого не заметить. Для этого совсем не обязательно быть семи пядей во лбу и иметь какой-то особенный разум.

* * *

Челнок опустился на лужайке метрах в семистах от реки и примерно в полутора километрах от водопада. Иными словами, в достаточно удобной точке, чтобы основательно разобраться во всей этой истории с падением скалы.

Молчавший в течение всего полета Стрэттон вдруг выдал:

— Красивое место, только вот камни портят пейзаж.

Хэнли с отсутствующим видом согласился. Спустившись на землю, он довольно долго вглядывался в окружавший их ландшафт. Деревья, зеленая трава, яркие цветы, серебристый отсвет водопада, а за ним — широкая долина.

Да, Стрэттон, разумеется, прав: уж слишком много разбросано кругом мелких камней. Но ведь их можно и удалить. Хэнли поднял один из них. Тот был размером с крупную дыню, но оказался неожиданно легким. Какое-то время Хэнли постоял, задумчиво рассматривая солнечные блики на его поверхности.

Первое впечатление — это гранит. Блики напоминали чешуйки слюды. Но, вглядевшись повнимательней, Хэнли понял, что это не так,

тем более что пальцы сразу же окрасились чем-то желтым. «Да ведь это же сера! — вспыхнуло в мозгу. — К тому же почти в чистом виде».

Из-за спины донесся голос Стрэттона:

— Этот тип, Роган… Что он из себя представляет? Что в нем такого необыкновенного, что, едва появившись, он взбаламутил наших женщин? Дороти полночи изводила меня. Все ныла о бедняжке, заброшенном в одиночку в этот мир.

Хотя мысли Хэнли в этот момент занимал показавшийся ему любопытным камень, он все же вспомнил о такой же реакции Элеоноры и повернулся к Стрэттону.

— Роган — в своем роде уникальная личность, — начал он, — за исключением…

Хэнли прикусил язык, ибо все остальное было просто слухами. Тем не менее он неспешно процедил:

— Я слышал, что космолет его родителей потерпел аварию и совершил вынужденную посадку на необитаемой планете. Там он и родился — экипажу пришлось довольно долго заниматься ремонтными работами. Вывезли его оттуда ещё ребенком, но, когда в семье стали замечать, что он отличается от остальных детей, было уже поздно.

— Поздно для чего?

— Они так и не сумели вспомнить координаты планеты, где все это случилось.

— Ах, вон что!

Повисло молчание. Хэнли уже собрался вернуться к изучению камня, как Стрэттон заговорил снова:

— А что это за байки ходят, что он наделал ребятишек по всей Галактике?

— Досужая болтовня.

Тон Хэнли был чересчур резким. Ему не доставляло никакого удовольствия брать под защиту Марка Рогана, поскольку и его душа терзалась теми же сомнениями, что у Стрэттона.

— И чего, спрашивается, он этим добивается? — с сумрачным видом спросил молодой человек. — Наплодить повсюду банду таких же монстров, как он сам?

Эти слова настолько соответствовали тому, чего наслушался и Хэнли, что он непроизвольно сглотнул слюну. И все-таки вопреки своей воле он с сарказмом произнес:

— А может, он считает, что его талант поддерживать контакты с нечеловеческими расами должен получить максимально широкое распространение? Он, без сомнения, полагает, что раз

прибегли к его услугам, то все женщины новой колонии будут рады родить от него потомство, наделенное его способностями. Ведь таким образом будущее поселение людей на новой планете будет в безопасности. Это…

И тут он запнулся, пораженный неожиданно мелькнувшей мыслью. Он-то хотел зло высмеять эту казавшуюся абсурдной идею, а та вдруг представилась вполне здравой. И даже необходимой. «Боже мой, — мысленно произнес он. Пусть только попробует подкатиться к Элеоноре, я…»

Он в сердцах размахнулся и запустил камнем в ближайший к нему обломок скалы. Грохнуло что надо. Оба камня разлетелись вдребезги. В тот же миг неизвестно откуда взявшийся ветер с силой хлестнул в лицо образовавшейся от удара пылью. Людей окатило нестерпимо тошным запахом серы. Хэнли закашлялся, едва не задохнувшись, и отступил в сторону, чтобы поймать глоток чистого воздуха.

Ему захотелось получше рассмотреть, что же осталось после столь бурной реакции, но его остановил пронзительный возглас Стрэттона:

— Господин Хэнли… эти камни… они задвигались!

В замутненном сознании Хэнли поначалу

возникли какие-то показавшиеся ему фантастическими видения. Разбросанные по всей лужайке камни, пусть медленно, словно неуверенные в правильности выбранного направления, но явно покатились в их сторону. Одновременно взвившийся до этого лишь порывами ветер перерос в настоящий ураган. В диком танце замельтешили вокруг них опавшие листья. Песчинки больно секли лицо.

У Хэнли на глазах выступили слезы. Смутно различая сквозь них окружавший его мир, он с трудом начал пробираться к челноку. Добравшись до него, он ощупью нашел ступеньки лестницы, ведущей на борт. К этому времени ветер достиг такой силы, что Хэнли был вынужден согнуться в три погибели, чтобы устоять на ногах. Оказавшийся уже внутри челнока Стрэттон заорал:

— Сюда… скорее!

Ухватив Хэнли за плечо, он с силой потянул его на себя. Спустя несколько секунд Хэнли без сил рухнул рядом со своим спутником. С минуту он, раскрывая, как рыба, рот, не мог отдышаться и невольно отметил, что Стрэттон садится в кресло пилота.

Тот обернулся и натужно прокричал:

— Господин Хэнли, нам лучше убраться отсюда подобру-поздорову. Иначе рискуем завалиться набок.

Разбушевавшийся ветер заглушал его слова, и они едва долетали до Хэнли. Тот упрямо помотал головой.

— Разве вы не видите? — гаркнул он в ответ. — Эти камни своеобразная форма жизни! Значит, следует остаться и собрать как можно больше сведений о них. Если удастся сделать это, никакой Роган нам больше не понадобится.

Молодой человек повернул к нему измученное лицо.

— Боже мой! Мы предъявим их…

— Включите радио! — рявкнул Хэнли. — Интересно, что там в эфире.

В кабину хлынул поток немыслимых звуков. Как Стрэттон ни старался отрегулировать приемник, все равно из динамика доносилась сплошная дикая какофония. Через минуту Хэнли решился выглянуть наружу.

Он вздрогнул, увидев, что камни группируются около челнока. Груда уже достигла в высоту приблизительно метра, а основание её было около пяти метров в диаметре. По оценке Хэнли, их набралось возле челнока уже несколько сотен.

И — главное — к ним беспрерывно добавлялись все новые и новые. Хэнли чувствовал, что его нервы начали сдавать, но он продолжал неотрывно наблюдать за окружающим. И как бы далеко он ни вглядывался в продуваемую ветром долину, повсюду его взор натыкался на камни, катившиеся к челноку. Их скорость, похоже, зависела от размеров. Так, небольших размеров камни перемещались за час километров на пять, другие же, чуть не валуны, диаметром в шестьдесят сантиметров, делали все восемь.

Пока он рассматривал эту жуткую картину, пирамида возле челнока подросла. Хэнли обернулся к Стрэттону. Тот ожесточенно отталкивал палкой что-то, очевидно представлявшее для него угрозу.

— Все те же камни, — хрипло бросил он, заметив удивление Хэнли. Собрались в кучу. Да такую огромную, что через минуту-другую начнут падать в кабину.

Хэнли раздирали противоречивые чувства. Ему все ещё представлялось, что, оставаясь на месте, они все больше узнают о тактике нападения противника. Продержись они ещё какое-то время, глядишь, и…

Но его раздумья прервал новый панический

вопль Стрэттона:

— Господин Хэнли… вы только взгляните!

Тот повел глазами в направлении, указанном Стрэттоном. Метрах в тридцати от них в воздух взвилась громадина-скала не менее трех метров в диаметре. Она оставалась пока в подвешенном состоянии, вращаясь вокруг собственной оси, как если бы пыталась, повинуясь какому-то неизвестному им органу восприятия, определить, в какую ей понестись сторону. Через мгновение она, несомненно, устремится на них.

У Хэнли судорожно сжалось горло.

— Ну ладно… взлетаем! — громко, но на удивление спокойно бросил он напарнику.

Стрэттон немедленно включил двигатели. Металлический корпус их челнока завибрировал. Ощутимо задрожал под ногами пол. Хэнли почти физически ощущал, как тужатся моторы, пытаясь поднять челнок в воздух.

— Господин Хэнли, что-то удерживает нас, мы не можем взлететь!

Хэнли в замешательстве успел подумать: «Придется выскакивать и бежать прочь, но, спрашивается, куда?»

Он уже раскрыл рот, чтобы скомандовать: «Попробуйте ещё раз!» — когда увидел, как ги-

гантская скала, сориентировавшись наконец, начала свой стремительный полет. Она мчалась, нацелившись прямо на машину, и скорость этого волчка возрастала с каждым его оборотом вокруг оси.

— Фрэнк! — не своим голосом взревел Хэнли. — За мной!

Не дожидаясь реакции спутника, каким-то конвульсивным прыжком перемахнул через борт. Приземлившись на намеченном камне, он молниеносно, используя его как трамплин, прыгнул снова.

Позади раздался ужасающий треск, скрежет раздираемого металла и предсмертный отчаянный вопль человека. Все стихло.

* * *

Подгоняемый ураганным ветром, Хэнли буквально летел, будто у него выросли крылья. И лишь совершенно выбившись из сил, осмелился, замедлив бег, оглянуться назад. За эти мгновения он преодолел более двухсот метров. Теперь от челнока его отделяли несколько деревьев и заросли кустарника. Но они не могли скрыть страшной картины раздавленного челнока. Кругом все замерло. Даже камни. Все случившееся

казалось каким-то горячечным бредом.

Не верилось, что там остался Фрэнк, мертвый или серьезно раненный. У окончательно переставшего соображать Хэнли лихорадочно билась назойливая мысль: «Мне следует вернуться обратно».

Но тут его внимание привлек камешек, который торчал из земли метрах в тридцати от него. Немного поколебавшись, камень покатился по направлению к нему. Тотчас же зашевелились и другие, и вот уже около десяти булыжников дружно двинулись в его сторону.

Хэнли стал поспешно отступать. При мысли о напарнике на него сразу же навалилось какое-то душевное опустошение. Но гораздо более важным представлялся факт обнаружения им на планете враждебной формы жизни. Ему следовало любой ценой вернуться на борт звездолета, чтобы сообщить эту невероятную новость.

Придерживаясь русла реки, он двинулся к уничтоженной деревушке. За несколько минут он оставил надвигающиеся камни далеко позади. «Они не способны быстро перемещаться, — возбужденно подумал он. — И им нужно некоторое время, чтобы сообразить, что поблизости появился кто-то чужой».

Хэнли начал рисовать в своем воображении предстоящую жизнь колонистов на этой планете. Придется развернуть работы по очистке земли от камней и обломков скал. Видимо, всем мужчинам и женщинам нужно будет вменить в обязанность иметь в качестве обязательного элемента экипировки атомное оружие с зарядами по тысяче единиц. Можно было помечтать даже и о том, что когда-нибудь эта забавная форма жизни будет представлять интерес лишь для музеев. В принципе, эти камнеобразные должны расти очень медленно, и их, скорее всего, следует удалить со всей территории, оставив разве что только в самых удаленных местностях.

Размечтавшись, он чуть было не напоролся на поблескивавшую в лучах местного светила горку этих пресловутых камней.

У Хэнли кровь застыла в жилах. Он резко остановился и тут же поспешил удалиться от реки. Но пришлось замереть вновь: и этот путь преграждала такая же пирамидка.

В горле встал ком. Хэнли решил двинуться к воде. При этом его глаза беспрестанно рыскали вокруг в поисках врага. В кустарнике что-то зашевелилось. Но в этой дремучей чащобе мелкой гальке было пробиться не так-то легко. Это обсто-

ятельство возродило его надежды.

Быстро проскочив мимо ряда деревьев, он выделил одно из них, самое крупное, менее чем в пятистах метрах от обрывистого берега.

Часть его могучего ствола поднималась столь полого, что Хэнли без труда мог бы живо подняться по нему, зацепиться за толстую ветку и подтянуться к вершине, величественно возвышавшейся над остальными деревьями.

Хэнли бросился к реке. Вода струилась в пятнадцати метрах под ним, а берег круто обрывался вниз. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться в полнейшей невозможности как-то использовать реку, чтобы скрыться от противника.

Возвращаясь к дереву, где он все же надеялся найти убежище от этих агрессивных тварей, Хэнли сделал пренеприятное открытие: с полдюжины их уже резвились на тропинке, преграждая ему обратный путь. Недолго думая, он подошел к ближайшему камню и лихо перепрыгнул через него. По инерции проскочил ещё парочку. И только тогда первый остановился. Но ненадолго: чуть поколебавшись, камень вновь неудержимо покатился по направлению к Хэнли.

Страх чуть отступил. Хэнли тщательно огля-

делся, не берет ли его противник в клещи, и решил внимательно присмотреться к врагу, подпустив один из камней поближе. По мере его продвижения Хэнли с понятным беспокойством всматривался в эту серую личину, надеясь обнаружить хоть какие-то признаки интеллекта. Но перед ним была самая что ни на есть вульгарная скалистая, и лишь слегка пористая, масса.

Между тем камень уже докатился до башмака Хэнли и намертво прилип к нему.

Пытаясь стряхнуть его, Хэнли резко выбросил вперед ногу, но камень и не думал отклеиваться от его ботинка. Более того, он оказался тяжеленным не менее пяти фунтов. Вот теперь-то Хэнли почувствовал настоящий страх: сумеет ли он избавиться от этой тяжкой ноши?

Раздумывать особенно не приходилось, ибо к нему приближались и другие камни. Обеспокоенный Хэнли предпочел отступить к громадному дереву. Доковыляв до него, он первым делом снял башмак. Снова попытался стряхнуть непрошеного прилипалу — и опять безуспешно. И тут Хэнли, повинуясь инстинкту, что было сил запустил ботинок вместе с камнем на нем в другой приближающийся камень.

Раздался взрыв, и оба камня буквально улету-

чились. Только взметнувшийся ветер бросил в лицо Хэнли горсть оставшегося от булыжников сернистого порошка. Едва он избавился от застилавших глаза слез, как сразу же увидел в куче обломков сверкающий всеми цветами радуги кристалл. Хэнли поспешил завладеть находкой, наскоро натянул уцелевший при взрыве камней башмак и стал бойко карабкаться на дерево.

Вовремя он, однако, успел. Куда ни кинь взгляд, всюду посверкивали рванувшиеся к его укрытию камни.

День на вершине красавца-дерева прошел без происшествий. С наступлением сумерек Хэнли предпочел забраться на самый высокий сук и удобно пристроился там. Первые часы он провел, бодрствуя и прислушиваясь к всевозможным ночным шорохам и шумам. Но к утру его сморило.

Проснулся он как-то сразу. Вовсю светило солнце, а вдоль русла реки прямо на него несся спасательный челнок. Хэнли стремительно вскочил, едва не свалившись из-за внезапно сломавшейся ветки. С трудом восстановив равновесие, Хэнли сорвал с себя куртку и рубашку и начал ими исступленно размахивать.

* * *

Подавая Хэнли завтрак, Элеонора сообщила, что Марк Роган возвратился вчера вечером на звездолет, провел на нем ночь, а утром отправился обратно. Услышав это, Хэнли даже перестал жевать и целую минуту потратил на обдумывание этой новости.

— Он что-нибудь рассказывал? — наконец спросил он. — Решил эту головоломку?

В ожидании ответа он волновался: не обнаружил ли Роган то, что он считал своим открытием, и не обошел ли его в изысканиях. Элеонора тяжело вздохнула.

— Не думаю. Естественно, он общался главным образом с мужчинами. Может быть, им он что-нибудь и сообщил.

Хэнли сильно сомневался на этот счет. Забавно все же получилось: самый что ни на есть заурядный человек, не сделав ничего экстраординарного, а просто отправившись на место происшествия, находит там разгадку, оставив маститого эксперта по межпланетным контактам с носом!

Хэнли уже склонялся к тому, чтобы мирно продолжить трапезу, как вдруг до него дошло, что

Элеонора говорила об этом деле с какой-то особой интонацией. Он снова повернул голову.

— Что это значит: «Он общался главным образом с мужчинами»? — в упор глядя на жену, спросил он.

Элеонора покраснела.

— Я пригласила его на обед, — с трудом проговорила она. — И тотчас же поправилась: — Ну, конечно же, я ждала тебя. Мне и в голову не пришло, что ты…

Хэнли решил выпустить пар.

— Все превосходно, дорогая. Все понятно. — И для убедительности он даже повторил последнюю фразу.

Но ему далеко не все было понятно. Продолжая исподтишка наблюдать за женой, он чувствовал, как в голову начинают заползать всякие гадкие мысли. Был момент, когда он чуть не спросил: «А ты уверена, что он не провел здесь ночь?» Но это было бы уже настолько оскорбительно, что, рассердившись на себя, он лишь пониже опустил голову.

Этот небольшой инцидент окончательно подтолкнул его к решительным действиям. Сначала он намеревался дождаться возвращения Рогана и узнать, к каким тот пришел выводам. Ведь про-

блема контакта с этой камнеподобной формой жизни ещё не была решена. Теперь, однако, он думал иначе.

От Хэнли не ускользнуло и то, что руководители группы «новоселов», выслушав его подробное донесение о приключениях, не обнаружили склонности к выжидательной тактике.

— Наши женщины просто с ума посходили по этому эксперту, — с гневом сказал один из них. — Знаете, что выдала мне благоверная, узнав о смерти Фрэнка Стрэттона? Она предложила, чтобы молодая вдова немедленно вышла замуж за Рогана, пока тот ещё не улетел. Надо же было до такого додуматься!

— Ничего не поделаешь: инстинкт выживания, — философски заметил второй. — История полна примеров, когда женщины были одержимы идеей родить ребенка от знаменитого человека. А тут — рядышком Роган, с его невероятными способностями…

— Ну, насчет его талантов, это ещё бабушка надвое сказала, — прервал кто-то говорившего. — Вон наш босс, Леонард Хэнли. Он сам, без помощи этого героя, открыл нашего врага на планете!

Страсти разгорелись, и Хэнли счел необходимым несколько остудить их.

— Для нашей выгрузки на планету потребуется большая часть светового дня. Если господин Роган соизволит появиться здесь до того, как мы начнем высадку наших женщин и детей, ему будет предоставлена возможность изложить свои взгляды. Иначе…

Случилось так, что к назначенному часу Марк Роган явиться не соизволил.

Посему высадку произвели в открытой зоне, протянувшейся вдоль реки. Уже к полудню все колонисты были на месте. У Хэнли состоялся последний разговор с капитаном Крэнстоном. Тот сообщил ему, что звездолет отправляется немедленно.

— Этот перелет и так занял слишком много времени, — оправдывался капитан. — Хозяева корабля будут ужасно злиться.

Хэнли не мог испытывать каких-либо симпатий к господам из экипажа, предчувствуя, что из-за этого поспешного отлета самая большая доля испытаний придется на него и других колонистов. Он попытался было придумать какой-то предлог, чтобы задержать отлет корабля, но не нашел ничего лучше, как ляпнуть:

— А как же с господином Роганом? Разве вы не будете ждать его возвращения?

— Его, возможно, подберет один из патрульных кораблей, — пожал плечами капитан Крэнстон. — Так что прощайте!

Пока они обменивались рукопожатиями, Хэнли не без цинизма успел подумать, что никто больше не делает намеков на способность Рогана путешествовать в открытом космосе, не нуждаясь в звездолетах. И вообще поразительно, как кто-то мог даже мысль допустить о подобном вздоре…

Вторая половина дня. Элеонора работала на установке палаток. Хэнли абсолютно случайно краешком глаза увидел, как его жена, мигом выхватив пудреницу, принялась спешно наводить красоту. Проследив за её взглядом, Хэнли не смог удержаться от гримасы. По берегу реки к ним направлялся Марк Роган.

Член Космического Патруля заговорил, лишь оказавшись в двух метрах от Хэнли.

— Где звездолет, господин Хэнли? Это вы отдали распоряжение начать высадку колонистов?

Его голос по-прежнему отличался мелодичностью, но теперь в нем отчетливо проскальзывало сдержанное негодование, от которого у Хэнли, не сомневавшегося в правильности своего решения, пробежали мурашки по спине. Сверкнула мысль: «Неужели я допустил ошибку?»

Ответил он, однако, вызывающе:

— Да. Это мой личный приказ. Уж так получилось, господин Роган, что мне удалось открыть природу этой враждебной нам жизни на планете и мы, соответственно, приняли все необходимые меры предосторожности.

Роган, похоже, дважды пытался что-то ему сказать, но в последнюю минуту явно сдерживался. Он обвел взглядом занятых обустройством колонистов. На его лице все это время блуждала загадочная улыбка. Поселенцы срубили уже немало деревьев и теперь занимались их пластификацией. Введение в материал специальных веществ, повышающих его пластичность и эластичность. — Примеч. ред.>

Роган все так же молча подошел к ним, оглядел весьма сложную машину, предназначенную для этой цели, но основное внимание уделил наблюдению за тем, как фонтанирует древесный сок по мере углубления пилы в древесину и как быстро химический состав нейтрализует смолистую субстанцию.

Затем он вновь подошел к Хэнли. Его изумрудные глаза искрились откровенной иронией.

— Так что вы там понаоткрывали?

Он слушал рассказ Хэнли, слегка склонив го-

лову набок, будто прислушиваясь к чему-то, скрытому за словами. Его глаза, казалось, утонули в бесконечности. У него был вид человека, внимательно следящего за какой-то сценой, разыгрывавшейся в нем самом.

— Итак, — наконец произнес он, — вы полагаете, что кристалл, увиденный вами в обломках расколотого камня, и есть то, что называют «мозгом»?

Хэнли несколько растерялся. Но затем, как бы защищаясь, пробормотал:

— Но ведь пьезоэлектрический кристалл является сердцем радио — и телеаппаратуры. А кристаллы в известном смысле развиваются и…

Он не успел закончить свою мысль. К ним бросилась Элеонора и схватила Рогана за рукав.

— Ну, пожалуйста, — умоляла она. — Что идет не так? В чем дело?

Роган мягко отвел её руку и буднично сказал:

— Госпожа Хэнли, ваш муж допустил смертельно опасную ошибку. Действия камней — не более чем продукт научного контроля, который Разум, управляющий этой планетой, осуществляет над окружающей средой. — Он повернулся к Хэнли. — А не замечали ли вы сильного ветра в момент нападения на вас?

Хэнли ограничился кивком.

— Вот вам и другое проявление этого Разума. — Роган взглянул на часы: — До наступления ночи остается чуть более двух часов. Если ограничимся вывозом самого необходимого, то сумеем выскочить из этой долины ещё до заката солнца.

Он сделал паузу. Взгляд его скрестился с мятущимся взглядом Хэнли. Сейчас в нем проступали напряженность и сдержанность.

— Отдавайте необходимые распоряжения! — сухо приказал он.

— Но… — начал было лепетать Хэнли. — Это невозможно. К тому же надо же где-то устраиваться. Мы…

Он так и не договорил, выбитый из колеи, слишком жалкий, чтобы продолжать…

— Приказывайте выступать! Я все объясню вам…

* * *

Вскоре после захода солнца поднялся ураганный ветер. Он бушевал с час, взметнув тучи песка, больно хлеставшего по лицам путников, бредущих длинной цепочкой вслед за тракторами на гусеничном ходу. Самых маленьких детей укрыли в шести челноках.

К полуночи началось нашествие камней. Обломки скал шести-восьми метров в диаметре с адским воем выныривали из кромешной темноты, высвечиваемые прожекторами, установленными на тракторах. Еще до того как люди успели оценить масштабы надвинувшейся беды, два трактора были раздавлены в лепешку. В ночи стоял скрежет рвущегося металла, раздавались душераздирающие крики обезумевших от ужаса людей. К счастью, достаточно быстро, ещё до нанесения непоправимого ущерба, заработали атомные пушки, дробившие на куски гранитные глыбы.

Пришлось оказывать срочную помощь множеству колонистов, к обуви которых пристали камни помельче, но достаточно тяжелые, чтобы почти полностью парализовать их движения. И когда этот кошмар кончился, Хэнли все равно был вынужден беспрестанно бродить в толпе измотанных мужчин и женщин, умоляя их следовать приказу Марка Рогана:

— Двигайтесь! Не прекращайте движения ни на минуту!

Незадолго до рассвета земля, по которой брели поселенцы, заходила ходуном. Громадными трещинами зазмеился грунт, подвергая колони-

стов новым испытаниям. Зачастую их удавалось вытаскивать из нежданно возникавших на пути расщелин буквально в последнее мгновение.

И лишь с появлением первой слабой полоски зари, прорезавшей чернильную густоту ночи, Хэнли обратился к Рогану:

— Неужели вы хотите сказать… что им по силам вызывать столь мощные и продолжительные землетрясения?

— Не думаю, что это случается очень часто, — произнес тот. — Мне представляется, что им приходится проявлять большое мужество, чтобы проникать в зоны горячих камней, где и становится возможным вызывать аналогичные явления.

Он замолчал на секунду, о чем-то задумавшись.

— Будущее колонистов здесь представляется мне только в рамках союзного договора. Причем человеку предстоит доказать, что он может быть полезен местному Разуму. Разумеется, предварительно ещё надо внушить ему идею такого симбиоза, на что уйдет какое-то время, особенно после столь бесславного начала.

Хэнли был весь внимание.

— Позвольте мне самому получше разобрать-

ся, — решился он в конце концов. — Сейчас вы ведете нас к северу от нашей прежней стоянки — в голую степь. Вы настаиваете, чтобы мы соорудили там жилье и подсобные помещения из цемента. А вы тем временем будете убеждать Разум в нашем абсолютном к нему миролюбии. Правильно ли я говорю?

— Было бы лучше, если бы колонисты продолжали все время двигаться. Но осуществить это практически невозможно… Женщины, дети…

Казалось, что Роган разговаривает сам с собой.

— Но, — упорствовал Хэнли, — хоть в этой-то степи мы будем чувствовать себя в безопасности?

— В безопасности! — Роган иронически взглянул на него. — Дорогой мой, кажется, вы все же не схватываете суть проблемы. Несмотря на внешнюю схожесть с Землей, у этой планеты свой, совершенно отличный от нашего жизненный цикл. Вы скоро сами убедитесь, что это так.

Хэнли чувствовал себя слишком уязвленным, чтобы задавать другие вопросы.

Спустя час он видел, как Роган на одном из челноков скрылся в утреннем тумане в неизвестном направлении. К полудню и сам Хэнли распорядился отправить остальные челноки на место

прежнего лагеря, чтобы вывезти оттуда часть оставленных там материалов.

Летательные аппараты вернулись к вечеру, и их пилоты рассказали о невероятных происшествиях, свидетелями которых они стали. Так, бочка с солониной не далась им в руки, несмотря на все уловки, примененные для её поимки. Особо опасным проявил себя реактивный самолет с атомным двигателем. Он самочинно поднялся в воздух, затем его моторы заглохли, и он врезался в землю, раздавив при падении один из челноков.

«Разум экспериментирует», — с досадой подумал Хэнли.

Переселенцы провели эту ночь в степи. По всему периметру лагеря патрулировала охрана. Включенные моторы тракторов урчали и вибрировали. Тьму пронизывали снопы света от прожекторов. Было мобилизовано все мужское население.

Вскоре после полуночи Элеонора разбудила Хэнли.

— Лен… взгляни на мои туфли.

Он присмотрелся к ним повнимательней, не совсем ещё придя в себя со сна. Кожа на них стала шишковатой, на гладкой поверхности появились мельчайшие наросты. Хэнли охватил озноб, ко-

гда он заметил, что те продолжают расти.

— Где ты их оставляла? — первым делом поинтересовался он.

— Рядом с собой.

— На земле?

— Конечно.

— Лучше бы ты их не снимала, — проворчал Хэнли. — Последовала бы моему примеру.

— Леонард Хэнли, я ни за что не лягу в постель в туфлях, даже если это будет последний раз в моей жизни… — Помолчав, она смягчилась. — И все же я попробую их надеть, посмотрим, возможно ли это.

Позднее, за завтраком, Хэнли видел, как она хромала со слезами на глазах, но жалоб от неё не услышал.

После обеда без всякой видимой причины взорвался один из тракторов. Водитель погиб. Куском отлетевшего при этом металла оторвало руку пятилетнему мальчугану, находившемуся поблизости. Женщины принялись причитать. Врачи мигом успокоили боль с помощью соответствующего лекарства и спасли ему жизнь. Среди мужчин поднялся гневный ропот. Один из них подошел к Хэнли.

— Мы не желаем и далее терпеть это безропот-

но. У нас есть право ответа на агрессию.

Роган появился как раз перед закатом и молча выслушал доклад о происшествиях дня.

— Будут и другие инциденты, — подвел он итог.

— Не понимаю, и все, — выпалил в ярости Хэнли. — Почему бы нам не спалить все близлежащие леса и не освободить весь участок от этой нечисти?

Уже удалявшийся Роган приостановился и медленно повернулся к нему. В неверном свете угасающего дня его глаза стали почти желтыми.

— Боже мой, Хэнли, вы рассуждаете сейчас, как вся та безмозглая шпана, что мне довелось встретить в жизни. Я твердо и недвусмысленно заявляю: вы не сможете победить огнем этот Разум, управляющий деревьями, даже если огонь — это единственное, чего он боится. И этот его страх, эту уязвимость надо не уничтожать, а играть на ней.

— Но каким образом все это функционирует? — спросил совсем растерявшийся Хэнли. — Как удается этому Разуму направлять действия камней, порождать ветры и…

— Этот феномен, — терпеливо продолжал Роган, — основывается на том факте, что его жиз-

ненная сила передается со скоростью, во много раз превышающей нашу. У вас и у меня нервный импульс перемещается примерно на сотню метров в секунду. А на этой планете — почти на двенадцать километров. Поэтому и скалы имеют возможность вести рудиментарную жизнь. Но что ещё важнее — в самой земле циркулирует постоянный поток жизненной энергии. А в результате получается, что до известного предела можно на все влиять и все контролировать. Энергию можно направить к поверхности грунта посредством корней травы или через песок. А буйные ветры провоцируются для того, чтобы охладить «горячие» зоны…

— Но, — перебил его нахмурившийся Хэнли, — почему тогда дерево, на котором я просидел день и ночь, не попыталось меня прикончить?

— И привлечь к себе внимание? — усмехнулся Роган. — Оно могло попытаться провести против вас нечто такое, что могло бы сойти за несчастный случай. Например, сломать ветвь, чтобы вы свалились. Но не делать ничего открыто.

Роган закончил требовательным и жестким тоном:

— Господин Хэнли, не существует другого способа выжить на этой планете, как установить

сотрудничество с её Разумом. Именно к этому вы и должны стремиться.

И Роган сжато и деловито набросал схему тех этапов, которые предстояло преодолеть для этого. В течение нескольких лет — не вторгаться в районы лесных зарослей. Совершенно исключить какое бы то ни было использование древесины, за исключением сухостоя, о котором Роган попробует договориться. Установить противопожарные устройства вокруг ближайших лесов для борьбы со стихийными вспышками огня. Распространить затем эту систему на всю планету.

Хэнли, поразмыслив над изложенным Роганом планом, нашел в нем изъян.

— Мне бы вот что хотелось выяснить: как мы будем поддерживать контакт с Разумом после вашего отлета?

Уже заканчивая свой вопрос, он заметил приблизившуюся к ним Элеонору. В сумерках ему показалось, что она наклонилась вперед, как бы желая не упустить ответа Рогана.

— Только время, — пожал он плечами, — может дать ответ на этот вопрос.

Колонисты соорудили на берегу ручья деревушку, назвав её «Новая Земля». Нигде поблизости не было видно ни одного дерева. Как сообщил Роган,

кустарник, росший по берегам реки, был лишь самым отдаленным образом связан с большими деревьями и поэтому мог быть использован в хозяйстве.

За последующие одиннадцать дней нападения камней повторялись по меньшей мере восемнадцать раз. Во время одного из них из степи выкатилась гигантская глыба в шестьдесят метров диаметром. Утюгом пройдя по деревне, она сровняла с землей два дома и прокатилась дальше ещё на два километра. Остановившись, она вознамерилась повторить атаку, но атомные пушки успели пустить её в распыл.

Затем в одну прекрасную ночь ничего не случилось. А на заре появился Марк Роган, изможденный, но улыбающийся.

— Все чудесно, — вымолвил он. — Вы получили свой шанс.

Мужчины приветствовали его громкими возгласами. Женщины не удержались, чтобы не всплакнуть, и пытались дотронуться до него. Хэнли, держась несколько в стороне, подумал: «Слишком ещё рано предаваться веселью».

Но дни шли за днями, и никаких враждебных проявлений со стороны Разума не отмечалось. Сторожа стали дремать на постах, так что было

решено отказаться от ставшей ненужной охраны. К концу восемнадцатого дня этого ничем не омраченного перемирия в дверь Хэнли постучали. Элеонора пошла открывать, и Хэнли услышал, как она с кем-то тихо разговаривает. Нежный тембр голоса её собеседника мгновенно пробудил у Хэнли подозрения, и он совсем было собрался покинуть удобное кресло, как раздался стук закрываемой двери. Элеонора вернулась, прерывисто дыша.

— Он уходит, — просто сказала она.

Хэнли даже не стал спрашивать, о ком речь. Он выскочил из дома, но фигура Рогана виднелась уже далеко от деревушки. Это был просто расплывчатый силуэт в сгущавшейся темноте. Прошла неделя. О нем не было ни слуху ни духу. Среди колонистов поползли слухи, что он уже достиг только ему одному присущим способом другой части Галактики. Хэнли попытался высмеять эту байку, но, когда услышал, что её запросто рассказывают на собрании техников, прикусил язык. Он с грустью подумал, что легенда о Марке Рогане переживет все опровержения.

Прошло два месяца. Как-то утром Хэнли проснулся от того, что Элеонора скользнула к нему в кровать.

— Хочу сообщить своему повелителю и господину, — непринужденно прощебетала она, — что семья Хэнли вскоре увеличится на одного человечка.

Поцеловав жену, Хэнли полежал ещё какое-то время, ничего не говоря. Он думал: «Ну, если у него будут зеленые глаза и черные как смоль волосы, то я…я…»

Он так и не сумел представить себе, что натворит в этом случае. Он ворчал про себя, охваченный нестерпимой ревностью. Но уже где-то в самом потаенном уголке души он начал осознавать тот факт, что человеческая раса освоится ещё на одной планете.

«Завершение»

Я сижу на холме. И сижу, как мне кажется, уже целую вечность. Время от времени я осознаю, что должна быть причина тому, что я нахожусь здесь. Всякий раз, когда эта мысль приходит мне в голову, я исследую различные вероятности, пытаясь определить возможную причину моего пребывания на холме. Где никого больше нет. Уже целую вечность. И я все гляжу и гляжу на длинную и глубокую долину внизу.

Первая причина, по которой я нахожусь здесь, кажется очевидной: я могу мыслить. Задайте мне вопрос. Вычислить корень квадратный из какого-нибудь жутко огромного числа? Или кубический? Попросите меня умножить число из восемнадцати знаков на себя квадрильон раз. Пусть требуется решить задачу с точки зрения переменных кривых. Спросите меня, где будет находиться данный предмет в определенный отрезок времени в будущем, и предоставьте мне хотя бы малейшую возможность для анализа.

Для нахождения ответа мне потребуется лишь доля секунды.

Но никто никогда не спрашивает меня ни о

чем подобном. Я сижу в одиночестве на холме. Иногда я рассчитываю движение падающей звезды. Иногда гляжу на отдаленную планету и слежу за ее курсом, пользуясь любым пространственно-временным способом контроля, чтобы ни на мгновение не потерять ее из виду. Но все эти действия кажутся мне бессмысленными. Они ни к чему не приводят. Что я буду делать со всей этой информацией?

В такие минуты я чувствую себя незавершенным. Мне почти кажется, что существует кто-то, для кого все это имеет значение.

Ежедневно солнце встает над безвоздушным горизонтом Земли — черным, освещенным слабым светом звезд, но и это всего лишь крошечная частичка черного, усыпанного звездами небесного свода.

Но он не всегда был черным. Я помню время, когда небо было голубым. Я даже предвидел, что произойдет подобное изменение. Я даже сообщил кое-кому подобную информацию. Только сейчас я ломаю голову, пытаясь вспомнить, кто же это был.

Это одно из моих наиболее удивительных воспоминаний: я так отчетливо чувствую, что кому-то очень нужна была эта информация. И

что я сообщил ее, но вот кому именно — этого я сейчас припомнить не могу. Когда в голову мою приходят подобные мысли, я спрашиваю себя, а не может ли быть так, что в моей памяти есть пробелы. Странно, что у меня имеется такая сильная уверенность.

Время от времени я прихожу к убеждению, что мне следует поискать ответ. Ведь сделать это не представляет для меня больших проблем. В былые времена я без колебаний посылал самого себя в самые отдаленные уголки планеты. Я даже отправлялся к звездам. Да, это было так просто.

Впрочем, к чему мне беспокоить себя подобными мыслями? Чего мне там искать? И вот я просто сижу в одиночестве на холме, один-одинешенек на планете, которая состарилась и стала ненужной.

Еще один день. Солнце, как обычно, карабкается по небосводу к полудню — вечно черному, усыпанному звездами небосводу середины дня.

Внезапно на противоположной стороне долины, залитой солнечными лучами, я замечаю какое-то серебристое сияние. Силовое поле материализуется из времени и синхронизирует себя с нормальным течением времени планеты.

Мне не составляет никакого труда узнать, что

оно прибыло из прошлого. Я узнаю используемую энергию, определяю ее ограничения, после чего логически выявляю источник. Похоже, оно прибыло из прошлого планеты, отстоящего от моего нынешнего на тысячелетия.

Точность при этом не имеет особого значения. Вот оно: проекция энергии, которая уже знает обо мне. Она посылает межпространственный сигнал, и мне становится интересно, когда я обнаруживаю, что могу расшифровать сообщение на основе своих прошлых знаний.

— Кто ты? — спрашивает оно.

— Я — Незавершенный, — отвечаю я. — Пожалуйста, возвращайся туда, откуда ты прибыл. Сейчас я уже так изменил себя, что в состоянии следовать за тобой. Я хочу завершить себя.

Это решение я принял за долю секунды. Сам я не способен перемещаться во времени. Когда-то, давным-давно я решил проблему, как это делается, но почти тут же что-то помешало мне создать устройство для перемещений во времени. Сейчас я уже не могу припомнить всех подробностей.

Но у энергетического поля на противоположной стороне долины такое устройство имелось. И, установив внепространственную связь, я смогу перемещаться туда же, куда и оно.

Эту связь следует установить прежде, чем оно успеет догадаться о моих намерениях.

Существо на другой стороне долины, похоже, не обрадовалось моему ответу. Начав передавать новый сигнал, оно внезапно исчезло. Может быть, оно надеялось застать меня врасплох?

Разумеется, мы вместе прибываем в его время.

Надо мной голубое небо. На противоположной от меня стороне долины — сейчас частично скрытое деревьями — находится поселение, состоявшее из нескольких маленьких строений, обступивших строение побольше. Я обследую эти строения по мере возможности и торопливо делаю необходимые изменения, чтобы не выглядеть подозрительным на фоне окружающей среды.

Я сижу на холме и жду развития событий.

Когда зашло солнце, поднимается слабый ветерок и загораются первые звезды. Сквозь туманную дымку они выглядят как-то особенно.

По мере наползания темноты на долину происходят изменения и в строениях на противоположной стороне. Зажигаются окна. Большое здание в центре светится особенно ярко, а с наступлением ночи — просто ослепительно — благодаря свету, льющемуся сквозь прозрачные стены.

Вечер и ночь проходят без приключений. А за ними — следующий день, и еще один день.

Двадцать дней и ночей.

На двадцать первый день я посылаю сообщение машине на противоположной стороне долины:

«Разве мы не можем вместе контролировать эту эпоху?»

Тут же последовал ответ:

«Да, вполне, если ты только не раскроешь мне немедленно механизм работы всех твоих блоков».

Больше всего на свете мне хотелось бы получить возможность пользоваться устройствами, при помощи которых он совершает путешествия во времени. Но я не настолько глуп, чтобы показать ему, что я не способен самостоятельно построить машину времени.

Я передаю:

«Буду рад передать тебе полную информацию. Но какие гарантии ты можешь мне дать, что не используешь эту информацию против меня — ведь ты лучше меня знаешь этот век?»

— А какие у меня гарантии, что ты поделишься со мной полной информацией о себе? — возразила машина.

Тупик. Совершенно ясно, что ни один из нас не

может доверять другому.

Ничего иного я и не ожидал. Но по крайней мере я хоть выяснил, чего я хочу знать. Мой враг считает, что я сильнее его. Его вера — плюс мое собственное знание своих возможностей — убеждают меня, что он прав.

Но как бы то ни было, я не спешу. Снова я терпеливо жду.

Я уже успел заметить, что пространство вокруг меня полно самых разнообразных колебаний искусственного происхождения. Отдельные из них могут быть трансформированы в звук, другие — в свет. Я слушаю музыку и голоса. Смотрю драматические спектакли и сцены из городской и деревенской жизни.

Я изучаю лица людей, анализирую их действия, пытаюсь по их движениям и словам оценить степень их разумности и потенциальных возможностей.

По-моему, они не высоки, и все-таки я подозреваю, что даже несмотря на медленные темпы развития эти существа построили машину, которая в данный момент является моим главным соперником. И тут мне в голову приходит вопрос: каким же это образом кому-то удалось создать машину, которая превзошла своего создателя?

Постепенно я начинаю разбираться в этом веке. Механическая цивилизация на ранней стадии развития. Я прикинул, что возраст машины на противоположной стороне долины вряд ли превышает несколько лет.

Если бы мне удалось вернуться назад в прошлое до того, как эта машина была построена, то я бы вставил в нее приспособление, при помощи которого я сумел бы сейчас осуществлять контроль над нею.

Я просчитываю природу такого приспособления и активирую одну из собственных управляющих схем.

Ничего не происходит.

А это, по-видимому, означает, что я не сумею стать владельцем пространственно-временного устройства. Очевидно, что способ, благодаря которому я со временем возьму верх над своим противником, будет изобретен в будущем, а не в прошлом.

Настает рассвет сорокового дня, и солнце неумолимо движется к зениту.

Раздается стук в мою псевдодверь. Я открываю ее и вижу перед собой мужчину.

— Вам придется убраться отсюда со своей лачугой, — говорит он. — Вы нелегально распо-

ложились на земле, принадлежащей мисс Анне Стюарт.

Он — первый человек, с кем я вошел в близкий контакт с момента своего прибытия сюда. Я почти не сомневаюсь, что он — агент моего противника, и поэтому я не решаюсь вмешиваться в работу его мозга: тогда из-за сопротивления могут возникнуть определенного рода сложности, а я не хочу пока еще рисковать.

Я продолжаю смотреть на него, пытаясь вникнуть в смысл его слов, ведь я, создав за этот период времени копию строения, что я видел на другом конце долины, надеялся избежать привлечения к себе какого-либо внимания.

И теперь я переспросил, растягивая слова:

— Собственность?

— Что это с вами? Вы что, не понимаете по-английски? — грубо спрашивает мужчина.

Этот индивидуум несколько выше моей части тела, которое я принял в качестве разумной формы жизни этой эры. Его лицо изменилось в цвете. А меня как молнией озаряет: собственность. Частное владение, ну конечно же — тонкие намеки пьес, которые я видел, внезапно обретают смысл.

Однако отвечаю я так:

— Со мной все в порядке. Я могу оперировать в

пределах шестнадцати категорий. Да, я понимаю по-английски.

Этот четкий ответ производит на человека необычный эффект. Его руки тянутся к моим псевдоплечам. Он крепко хватается за них… и дергает меня, словно намеревается задать мне взбучку. Но поскольку мой вес чуть больше девятисот тысяч тонн, его усилия ни к чему не привели.

Его пальцы выпускают меня, и он отскакивает на несколько шагов. И снова его лицо изменяется, нет на нем выражения превосходства, теперь оно, утратив розовость, мертвенно-бледное. Судя по его реакции, похоже, что, хотя он и явился сюда по чьему-то приказанию, но действиями его никто не управляет. Дрожь в его голосе, кажется, подтверждает то, что он действует, как индивидуум, и не сознает о неведомой ему серьезной опасности, которую могут навлечь на него совершаемые им действия.

— Как адвокат мисс Стюарт, — говорит он, — я приказываю вам убраться отсюда вместе с лачугой до конца недели. В противном случае пеняйте на себя!

Прежде чем я успел попросить его объяснить туманный смысл его последних слов, он разво-

рачивается и быстро уходит к четырехногому животному, которое он привязал к дереву в ста футах от моего жилища. Потом он запрыгивает на спину животному, и оно рысью отправляется прочь вдоль берега узкого ручья.

Я дожидаюсь, пока адвокат мисс Стюарт не скроется из виду, после чего устанавливаю внепространственную связь между основным моим телом и его частью — энергетическим полем в облике человека, с которым только что столкнулся незваный гость. Из-за малых его размеров мне удалось передать только самый минимум энергии.

Схема этого процесса очень проста. Интегрируемые клетки центров восприятия циркулируют в энергетическом поле, которое и принимает в действительности форму человеческого тела. Теоретически эта форма остается неизменной в силовом поле, составляющем центр восприятия, и опять-таки теоретически выглядит так, словно эта форма удаляется от центра восприятия, когда устанавливается внепространственная связь.

Однако это все абстрактные рассуждения, тогда как существует функциональная реальность материальной вселенной. Я способен устанавливать внепространственную связь только потому,

что теория отражает структуру нематериальных предметов. Тем не менее фактически возникающая при этом иллюзия, что материя существует, настолько кажется убедительной, что я функционирую как предмет материи и фактически предназначен именно на такое функционирование.

Следовательно, когда я — вернее, силовое поле в виде человека — иду по долине, происходит разделение. Продолжают протекать миллионы автоматических процессов, но все внешние рецепторы перемещаются вместе со мной, оставляя позади оболочку-тело. Ну а само мое «я» — сознание — следует по асфальтированной дороге к месту назначения.

Приближаясь к деревне, я вижу верхушки крыш домов, проглядывающие сквозь нависающую над дорогой листву деревьев. Огромное длинное здание — его-то я уже раньше и отметил для себя — вздымается над самыми высокими деревьями. Здание это и является целью моего исследования, в виду чего я более внимательно начинаю приглядываться к нему — даже находясь еще довольно далеко от него.

Похоже, оно сделано из камня и стекла. Сзади огромного здания возвышается купол с астроно-

мическими приборами внутри. Все это выглядит довольно примитивно, и поэтому во мне крепнет уверенность, что вряд ли меня — при моих нынешних размерах — смогут сразу же обнаружить.

Всю деревню окружает высокая ограда из стальной проволоки. Я ощущаю поток электроэнергии и, дотронувшись до верхней проволоки, определяю напряжение в 220 вольт. Моему маленькому телу несколько затруднительно поглотить заряд, поэтому я направляю его в один из своих запасников энергии на другом конце долины.

Оказавшись за оградой, я прячусь в кустах рядом с дорогой и жду дальнейшего развития событий.

По ближайшей дорожке идет какой-то человек. Перед этим адвокат, появившийся у меня, был просто объектом наблюдения, сейчас же я устанавливаю прямую связь с телом этого второго индивидуума.

Как я и предполагал, вскоре я уже шагаю по дорожке. Я не предпринимаю попыток управлять его передвижением, сейчас я просто наблюдатель. Но я достаточно синхронизирован с его нервной системой, чтобы его мысли стали моими.

Он — клерк, работающий в бухгалтерии, что совершенно не подходит для моих целей. Я обрывая связь.

После этого я совершил еще шесть попыток, когда наконец обнаружил требуемое мне тело. Я это понял, когда седьмой человек — и я — подумал:

«…не удовлетворен работой Мозга. Аналоговые устройства, которые я вмонтировал пять месяцев назад, не дали ожидаемого эффекта».

Его зовут Уильям Граннитт. Он — главный инженер-исследователь Мозга, человек, который сделал изменения в его структуре, которые позволили Мозгу осуществить контроль над самим собой и своим окружением; уравновешенный, со способностями человек, отлично разбирающийся в людях. Мне придется крайне осторожно с ним работать. Он знает, чего хочет, и удивится, если я попытаюсь изменить его намерения. Возможно, лучше мне пока просто понаблюдать за его действиями.

После нескольких минут контакта с его мозгом в моей голове уже частично восстановилась картина событий, которые разворачиваются здесь, в этом поселке, за последние пять месяцев. Механический компьютер — Мозг — был снабжен дополнительными устройствами, включая

аналоговые, предназначенные для работы, которую выполняет человеческая нервная система. С инженерной точки зрения предполагалось, что управление всем процессом будет производиться с помощью специальных команд, подаваемых голосом, машинописного текста, а также дистанционно по радио.

К сожалению, Граннитт не понимал до конца отдельных потенциальных возможностей нервной системы, которую он пытался смоделировать в своем инженерном решении. Тогда как Мозг тут же приспособил их к делу.

Граннитт и не догадывался об этом. А Мозг, поглощенный собственным развитием, никак не проявлял своих новых способностей и не давал знать людям о существовании новых каналов, созданных им специально для этой цели. Естественно, Граннитт, разочаровавшись в Мозге, уже дошел до той степени отчаяния, чтобы разобрать его и придумать что-нибудь новое. Он еще и не мог предположить, что Мозг станет сопротивляться любому вмешательству в его действия. Но Граннитт и я — через некоторое время, когда в достаточной мере пороюсь в памяти Мозга и пойму, как он функционирует — сможем осуществить его план.

А уж затем я возьму контроль над этим периодом времени, не опасаясь кого-нибудь, кто был бы сравним с моими способностями. Пока что я не представляю, каким образом это удастся сделать, но чувствую, что совсем скоро я буду завершен.

Обрадованный тем, что я наконец-то установил связь с нужным мне человеком, я позволил человеческому телу, прятавшемуся в кустах, энергетически раствориться. Через несколько секунд оно перестало физически существовать.

Сейчас я и Граннитт — составляем почти одно целое. Я сижу за письменным столом в его в кабинете с застекленными стенами, кафельным полом и сверкающим стеклянным потолком. Сквозь стену мне видны инженеры и чертежники, работающие за кульманами, и девушка, сидящая как раз напротив моей двери. Это моя секретарша.

На столе лежит письмо. Я вскрываю конверт и вынимаю листок бумаги. В верхней части я читаю:

«Меморандум Уильяму Граннитту от Анны Стюарт, директора».

Далее идет текст:

«Считаю своим долгом сообщить вам, что в ваших услугах больше не нуждаются и с сего-

дняшнего дня вы уволены. Из-за принятых мер безопасности и связанным с этим ограничением всей деятельности в поселке Мозга, я должна просить вас отметиться на проходной в Центре Безопасности в шесть часов вечера. Вам будет выплачено двухнедельное жалование.

С уважением

Анна Стюарт»

Будучи Гранниттом, я никогда не думал об Анне Стюарт, как отдельной личности или женщине. Теперь я был просто поражен. Что она о себе воображает? Да, возможно, собственность и ее; но кто создал, кто изобрел Мозг? Я, Уильям Граннитт.

Кто мечтал, кто предвидел, какое значение будет иметь эта машина для человечества? Только я, Уильям Граннитт.

Будучи Гранниттом, я разгневан. Я должен не допустить, чтобы это увольнение вступило в силу. Я должен поговорить с этой женщиной и попытаться убедить ее отменить это распоряжение прежде, чем известие об этом широко распространится.

Я снова бросаю взгляд на меморандум. В правом верхнем углу было отпечатано на машинке: 13.40. Я тут же взглянул на наручные часы: семь минут пятого. Прошло больше двух часов. Что

означало, что о моем увольнении могло быть известно многим заинтересованным лицам.

Кое-что я не могу принять просто на веру: мне необходимо это проверить.

Бормоча под нос ругательства, я хватаю телефонную трубку и набираю номер бухгалтерии. Именно туда должны были сообщить в первую очередь о моем увольнении.

Раздался щелчок:

— Бухгалтерия.

— Это Билл Граннитт, — отвечаю я.

— О да, мистер Граннитт, ваш чек готов. Жаль, что вы нас покидаете.

Я вешаю трубку и, набирая номер Центра Безопасности, уже начинаю смиряться со своим поражением. Я чувствую, что цепляюсь за свою последнюю надежду. Человек в Центре Безопасности говорит:

— Как жаль, что мы с вами расстаемся, мистер Граннитт.

Я вешаю трубку в самом мрачном расположении духа. Бессмысленно теперь связываться с Правительственным Агентством. Ведь именно они и отдают приказы Центру Безопасности, на Проходную.

Размеры обрушивавшегося на меня несчастья

заставляют меня задуматься. Чтобы снова занять прежнюю должность, мне придется выполнить массу формальностей: пройти тщательную проверку личности, доскональное расследование причин моего увольнения… Я тихо простонал и выбросил из головы эту мысль. Тщательность в вопросе подбора кадров Правительственного Агентства стала притчей во языцех среди обслуживающего персонала Мозга.

Я должен получить работу в организации, связанной с компьютерами, во главе которой не будет женщины, которая увольняет единственного человека, разбирающегося в их работе.

Я поднимаюсь с кресла. Выхожу из кабинета и из здания на улицу. Вскоре я подхожу к своему бунгало.

Тишина в доме уже в который раз напоминает мне, что моя жена умерла год и месяц назад. Я непроизвольно вздрагиваю, потом пожимаю плечами. Теперь ее смерть не будет оказывать на меня прежнего своего угнетающего воздействия. Впервые я начинаю думать о том, что благодаря своему увольнению отныне я смогу жить полной эмоциональной жизнью.

Я прохожу в свой кабинет и сажусь за пишущую машинку, которая при правильном подклю-

чении работает синхронно с другой пишущей машинкой, встроенной в аналоговую секцию Мозга. Как изобретатель я разочарован, что теперь не смогу разобрать Мозг на части и собрать его заново с тем, чтобы он функционировал так, как я задумал. Но я уже вижу, какие основные изменения я должен внести при создании нового Мозга.

И я хочу убедиться, что вставленные в последнее время секции не помешают работе старых блоков. Ведь именно они-то и несут основную нагрузку, отвечают на вопросы ученых, инженеров и коммерсантов.

На ленте, использующейся для ввода текущих команд, я печатаю:

«Сегмент 471 А-33-10-10 на 3Х — минус».

Сегмент 471А — это аналоговое устройство большого колеса. Когда оно синхронизируется с транзисторной трубкой (кодовый номер 33), контрольный сервомеханизм (10) создает рефлекс, который срабатывает всякий раз, когда возникает необходимость в вычислениях, производимых 3Х (кодовое название для новой секции Мозга). Знак минус показывает, что более старые секции Мозга должны исследовать все данные, которые будут впоследствии поступать из этой

новой секции.

Лишняя десятка — та же цепь, находящаяся в другом месте.

Защитив Мозг (так кажется мне — Граннитту) от инженеров, которые, возможно, не сознают, что новые секции могут оказаться ненадежными, я упаковываю пишущую машинку.

После этого я звоню в ближайший город Ледертон, в фирму, занимающуюся грузовыми перевозками, и прошу их перевезти мои вещи.

Проходную я миную в четверть шестого.

На дороге между поселком, в котором располагаются здания Мозга, и Ледертоном есть один поворот. От него всего несколько сотен футов до коттеджа, который я создал в целях камуфляжа.

Прежде чем автомобиль Граннитта достигает этого поворота, я принимаю решение.

Я не разделяю веру Граннитта, что ему удалось эффективно отсечь новую часть Мозга от старой системы компьютеров. Подозреваю, что Мозг создал собственные схемы, чтобы предотвратить любое вмешательство извне.

И еще я убежден, что, если мне удалось заронить в Граннитте зерно сомнения по поводу того, что случилось с Мозгом, он поймет, что нужно сделать, и попытается это осуществить. Только

у *него* имеется самое детальное представление о Мозге, и это позволит ему решить, какие именно действия нужно выполнить для внесения изменений.

На тот случай, если подозрения эти не достаточно сильны, я позволяю прокрасться в его разум любопытству по поводу причины его увольнения.

И это последнее в самом деле оказало свое воздействие. Он приходит в возбуждение. Решает встретиться с Анной Стюарт.

Этого последнего решения я и хотел от него. Он останется поблизости от Мозга.

Я обрываю свою связь с ним.

Я снова на холме, в своем «теле». И начинаю обдумывать, что же мне удалось выяснить до сих пор.

Мозг не осуществляет контроль над Землей — как я первоначально думал. Он только-только начал ощущать себя отдельной личностью, так что еще не успел создать эффективных механизмов воздействия.

Он просто пробует свои силы, отправляется в будущее и, скорее всего, испытывает другие свои возможности, как ребенок, забавляющийся игрушкой.

Ни один из людей, сознание которых я просканировал, еще не ведает о новых способностях Мозга. Даже адвокат, который предложил мне переехать из места моего нынешнего обитания, если судить по его словам и действиям, ничего не знает о том, что Мозг уже ощущает себя личностью, способной на собственные поступки.

В течение сорока дней Мозг не предпринял против меня никаких серьезных действий. По всей видимости, он ожидает, что я первым начну действовать.

Что я и сделаю, но я должен соблюдать крайнюю осторожность — не выходить за определенные рамки, чтобы не позволить ему получить информацию, благодаря которой он сможет взять еще большую власть над окружающей средой. Мой первый шаг — завладеть человеческим существом.

Снова ночь. В темноте с ревом проносится какой-то самолет. Я уже видел множество самолетов, но до сих пор оставлял их в покое. Сейчас же я устанавливаю внепространственную связь с ним. Мгновение спустя я — пилот.

В первые минуты я играю такую же пассивную роль, как и с Гранниттом. Пилот — и я — глядим на темную землю внизу. Вдалеке мы видим огни:

сияющие точки на фоне темного мира. Далеко впереди — сверкающий остров. Это и есть Ледертон, место нашего назначения. Мы возвращаемся туда из деловой поездки на частном самолете.

Выяснив в общих чертах, что из себя представляет пилот, я даю ему знать о себе и сообщаю что с этой минуты я буду контролировать его действия. Он воспринимает это известие с изумлением и страхом, который потом перерастает в ужас. А затем…

Сумасшествие… конвульсивные движения тела. Самолет резко ныряет вниз, и, несмотря на все мои попытки управлять мышцами пилота, я вдруг понимаю, что ничего не могу поделать.

Я покидаю самолет. Секунду спустя самолет ударяется о склон холма и вспыхивает ярким пламенем, которое быстро все пожирает.

В отчаянии я прихожу к выводу, что, наверное, что-то в человеческой сущности есть такое, что не позволяет управлять ею извне. И если это так, то как же мне завершить себя? В конце концов я решаю, что завершения можно достичь, применяя лишь непрямые способы управления человеческим существом.

Я должен взять вверх над Мозгом, повсеместно захватить власть над машинами, посеять в людях

сомнения, страхи и мысли, якобы возникающие в их сознании, но на самом деле являющиеся результатом моего воздействия. Да, это трудная задача, воистину сравнимая с подвигами Геракла, но у меня уйма времени. Тем не менее, начиная с этой минуты, я не должен зря тратить ни единой секунды, чтобы приблизить мое завершение.

Первая возможность предоставляется мне сразу же после полуночи, когда я замечаю в небе еще один самолет. Я слежу за ним своими инфракрасными рецепторами и регистрирую определенную частоту радиоволн, которая указывает мне, что этот летательный аппарат управляется дистанционно.

Пользуясь внепространственной связью, я исследую простые механизмы, выполняющие функции роботов. Затем создаю модель-перехватчик, который теперь автоматически будет записывать в моей памяти данные о его передвижении, чтобы я мог в любой момент взять управление аппаратом на себя.

Это небольшой шаг, но это — начало.

Утро.

В своем человеческом облике я направляюсь в поселок, перелезаю через ограду и вхожу в бунгало Анны Стюарт, владелицы и управляющей

Мозга. Она только что закончила завтракать.

Пока я приспосабливаюсь к энергетическому потоку ее нервной системы, она встает и собирается выйти на улицу.

И вот я вместе с Анной Стюарт шагаю по дорожке. Я ощущаю тепло солнечных лучей, падающих на ее лицо. Она глубоко вздыхает, и я ощущаю поток жизни, которая бьет в ней ключом.

Раньше это ощущение уже приводило меня в возбуждение. Мне хочется все время чувствовать этот поток, жить человеческой жизнью, наслаждаться ею, быть поглощенным ее плотью, ее стремлениями, желаниями, надеждами, мечтами.

Но один крошечный червь сомнения точит меня: если это и есть завершение, к которому я так стремился, то каким образом я оказался один на лишенной воздуха планете несколькими тысячелетиями позднее?

— Анна Стюарт!

Кажется, ее окликнули сзади. Узнав голос, женщина вздрогнула. Почти две недели прошло после того, как Мозг обращался к ней непосредственно.

Напрячься ее заставило то, что это случилось сразу же вслед за увольнением Граннитта.

Возможно ли, чтобы Мозг подозревал, что она поступила так в надежде, чтобы Граннитт понял, что что-то идет не так?

Она медленно поворачивается. Как она и ожидала, никого поблизости нет. Перед ней была пустая лужайка. Неподалеку в лучах солнца ослепительно сверкает здание, в котором находится Мозг. Сквозь стеклянные двери она видит расплывчатые фигуры людей у выходных блоков, где происходит загрузка вопросов и получение ответов на них. Люди за пределами поселка пока что пребывают в полной уверенности, что гигантская думающая машина функционирует исправно. Ни одна живая душа за стенами здания не подозревает, что уже несколько месяцев, как механический Мозг осуществляет полный контроль над всем поселком и зданиями, возведенными вокруг него.

— Анна Стюарт… Мне нужна твоя помощь.

Анна со вздохом расслабляется. Мозг потребовал от нее, как владелицы и администратора, чтобы она продолжала подписывать бумаги, как и раньше, и оставалась ширмой для всего проекта. Дважды, когда она пыталась отказаться подписывать бумаги, ее сильно ударяло разрядом электрического тока, появлявшегося словно бы

из ниоткуда, прямо из воздуха. И страх перед наказанием управлял теперь ее сознанием.

— Моя помощь! — невольно восклицает женщина.

— Я совершил ужасную ошибку, — следует ответ, — и мы теперь должны действовать сообща, как одна команда.

У Анны возникает чувство неуверенности, но при этом отсутствует ощущение опасности, наоборот, она начинает приходить в возбуждение. Может… теперь ей удастся добиться свободы?

Лишь потом она запоздало вспоминает сказанное Мозгом: *«Ошибка?»* Вслух же она произносит:

— Что случилось?

— Как ты, наверное, уже догадалась, — последовал ответ, — я способен перемещаться во времени…

Анна Стюарт ни о чем подобном не догадывалась, но возбуждение ее растет. Уже несколько месяцев она находится в состоянии шока и не способна ясно мыслить, в отчаянии пытаясь придумать какой-нибудь способ избавления от рабской зависимости Мозга и сообщить всему миру, что они создали электронное чудовище Франкенштейна, с дьявольским коварством

захватившим власть над почти пятьюстами сотрудниками станции.

Следующая мысль приводит ее в испуг: «Раз он уже раскрыл секрет путешествий во времени, значит…» — Ее мысль обрывается. — Никому из людей, кажется, не по силам будет вернуть контроль над Мозгом.

Бестелесный голос Мозга продолжает:

— Я совершил ошибку, когда отправился наугад в довольно далекое будущее…

— Насколько далекое?

Слова слетают с уст Анны еще до того, как она успевает их обдумать. Но нет никаких сомнений: ей нужно было это знать.

— Трудно ответить точно. Пока что мне сложно измерять время. Возможно, десять тысяч лет.

Эти слова звучат для нее бессмысленно. Трудно представить будущее через сто лет, не говоря уже о тысяче или десяти тысячах лет. Но беспокойство, все усиливающееся в ней, и отчаяние понуждают ее задать следующий вопрос:

— Ну и что случилось? В чем дело?

Следует долгая пауза, затем:

— Я вошел в контакт — или потревожил — Нечто. Оно… вернулось вместе со мной в наше время, преследуя меня. И теперь находится на

другом конце долины, милях в двух отсюда… Анна Стюарт, ты должна помочь мне. Ты должна отправиться туда и посмотреть, что это такое. Мне необходима информация.

Анна Стюарт сразу не отвечает. Кажется, прекрасная погода и сияющее солнце ободряюще действуют на нее. Трудно поверить, что сейчас январь и что снежные ураганы — до того, как Мозг разрешил проблему с контролем погоды — бушевали над этой зеленой страной.

— Ты хочешь, — начинает неуверенно женщина, — чтобы я отправилась туда одна? — По коже ее медленно поползли мурашки.

— Других кандидатов нет, — отвечает Мозг. — Никого, кроме тебя.

— Что за чепуха! — хриплым голосом говорит Анна. — Здесь ведь столько мужчин. Инженеры…

— Ты не понимаешь, — перебивает ее Мозг. — Никто об этом не знает, кроме тебя. Ты владелица, и мне кажется, что именно ты и должна быть звеном, связывающим меня с внешним миром.

Женщина молчит. Потом голос снова обращается к ней:

— Никого больше нет, Анна Стюарт. Ты, и только ты, должна пойти.

— Но что это такое? — шепчет она. — Что это ты говорил, что ты… потревожил… его? На что оно похоже? Почему ты боишься?

Внезапно Мозг теряет терпение.

— Нет времени на ненужные объяснения. Это существо построило дом. Очевидно, оно не желает в течение некоторого времени вызывать к себе подозрения. Этот коттедж расположен на самой границе твоих владений — что дает тебе право потребовать от владельца объяснений. Я уже с помощью твоего адвоката приказал ему убираться. А теперь я хочу, чтобы ты лично посмотрела, как он выглядит. Мне нужны данные. — Тон его голоса изменился. — У меня не остается иного выбора, ты должна исполнить мой приказ, иначе получишь болезненный электрический удар. Отправляйся! Немедленно!

Это небольшой домик. Вокруг него растут цветы и кустарник. Белая ограда ослепительно сверкает в лучах солнца. Этот коттедж стоит сам по себе среди дикой природы — ни одна дорога не ведет к нему. Когда я создавал его там, то как-то совсем упустил это из виду.

(Я решаю, что нужно это упущение исправить).

Анна ищет калитку, не находит ее, потом

неуверенно и неуклюже перелазит через забор и оказывается в саду. Сколько раз на протяжении жизни она хладнокровно и объективно оценивала свои слова и действия, но никогда еще не находилась в таком смятении, как сейчас. У нее такое чувство, словно она притаилась где-то вдалеке и наблюдает, как изящная женщина в брюках перебирается через высокий, с острыми колышками, забор, а потом неуверенно направляется к двери. Стучит.

Этот стук возвращает ее к реальности. Она ощущает боль в костяшках. Она с тупым видом осознает это и думает: *«Эта дверь… она металлическая!»*

Проходит первая минута, потом еще пять, а ответа на стук нет. У нее есть время оглядеться вокруг и заметить, что отсюда не видно поселка, где расположен Мозг. И шоссе не видать за деревьями. Так же, как и ее автомобиля, который она оставила в четверти мили от дома, на другой стороне ручья.

Анна Стюарт неуверенно идет вдоль стены домика к ближайшему окну. Она едва ли осознает, что это просто камуфляж, а не окно, и что ей не разглядеть, что же внутри. Однако оно кажется настоящим и прозрачным, так что ей видны

голые стены, голый пол и приоткрытая дверь, ведущая в другую комнату. К сожалению, с этого места она не может рассмотреть эту вторую комнату.

«Да ведь тут совсем пусто», — думает она.

Она чувствует облегчение — неестественное облегчение. И тут же злится на себя за то, что успокоилась и начала верить, будто опасность миновала, и беспокойство ее еще немного возрастает. Тем не менее она возвращается к двери и берется за ручку. Та поворачивается, и дверь открывается, легко и бесшумно. Анна Стюарт одним толчком распахивает ее пошире, делает шаг назад… и замирает в ожидании.

В ответ лишь тишина, ни движения, ни каких-либо признаков жизни. Нерешительно женщина перешагивает через порог.

Комната, в которой она оказалась, больше, чем она предполагала. Она уже успела заметить, что в ней нет мебели. Анна Стюарт направляется ко второй двери, как вдруг замирает, как вкопанная.

Когда она смотрела внутрь через окно с улицы, то дверь эта была приоткрыта. Сейчас же она закрыта. Женщина идет к ней и напряженно прислушивается возле панели — тоже метал-

лической. Из второй комнаты не доносится ни звука. Анна Стюарт спрашивает себя, не обойти ли дом кругом и не заглянуть во вторую комнату через окно.

Внезапно эта мысль кажется ей глупой. Ее пальцы тянутся к ручке. Она хватается за нее и толкает. Дверь не поддается. Женщина слегка тянет на себя, и дверь открывается без всяких усилий прежде, чем она успевает приостановить ее.

Впереди — темнота.

Анна Стюарт словно смотрит в бездну. Проходит несколько секунд прежде, чем она замечает в темноте несколько светящихся точек. Некоторые сверкают ярко, другие — слабее.

Эта картина кажется ей смутно знакомой, и у нее возникает чувство, что она вот-вот узнает ее. Да, точно.

Это звездное небо.

Она внимательно всматривается во вселенную, какую она предстала бы при взгляде на нее из космоса.

Крик вырывается из ее горла. Анна Стюарт пятится назад и пытается закрыть дверь. Та не поддается. С открытым от ужаса ртом она поворачивается к входной двери. Та закрыта.

Но ведь всего несколько секунд назад она оста-

вила ее открытой! Женщина бежит к двери, ничего не соображая от охватившего ее страха. И именно в эту секунду я — мое «я» — беру контроль над ней. Я сознаю, что при этом я сильно рискую. Но ее визит все больше и больше не нравится мне. Мое сознание — слившееся с сознанием Анны Стюарт — не может одновременно находиться в моем собственном центре восприятия. Поэтому она увидела мое… тело… таким, каким я оставил его для нежданных посетителей: выполняющим автоматические действия, вроде открытия и закрытия дверей и тому подобного.

Я рассчитывал, что охваченная ужасом, она не заметит мое вмешательство в ее действия. И не ошибся. Я удачно управляю ее поступками извне… а затем позволяю ей снова взять контроль над своим телом.

Осознавание пребывания вне своего тела потрясает ее. Но воспоминание об этом не откладывается на самом деле в ее памяти.

Она бросается бежать. Перелезает через ограду, а спустя несколько минут перепрыгивает через ручей в самом узком его месте, запыхавшаяся, но начинающая понимать, что смогла избежать непонятную опасность.

А потом, уже в салоне своего автомобиля,

несущегося по шоссе, она успокаивается и ясно сознает: там что-то есть… еще более странное и страшное… потому что оно иное… не похожее на Мозг.

Узнав реакцию Анны Стюарт на происходящее, я прерываю контакт. Главная моя проблема по-прежнему не решена: как мне подчинить себе Мозг, который с точки зрения вычислительных возможностей не уступает — или почти не уступает — моим?

Может, самое лучшее решение — сделать его частью себя? Я посылаю Мозгу межпространственное сообщение, предлагая ему передать в мое подчинение свои блоки и позволить мне уничтожить его центр восприятия.

Ответ следует незамедлительно: «Почему бы не позволить мне осуществлять контроль над тобой и не уничтожить *твой* центр восприятия?»

Я не удостаиваю его ответом на такое эгоистичное предложение. Очевидно, что Мозг не способен принимать рациональные решения.

У меня нет иного выхода, кроме как продолжать вести свою прежнюю игру.

К полудню я вдруг понимаю, что беспокоюсь о Уильяме Граннитте. Я хочу быть твердо уверен, что он где-то неподалеку от Мозга — по крайней

мере, до тех пор, пока я не получу от него информацию о структуре Мозга.

К своему немалому облегчению я выясняю, что он снял меблированный дом на окраине Ледертона. Он по-прежнему не чувствует, когда я вторгаюсь в его сознание.

Он рано обедает и ближе к вечеру, ощущая какое-то беспокойство, едет к холму, с которого открывается взгляд на поселок, где располагается Мозг. Остановив автомобиль у обочины дороги как раз у самого конца долины, он незаметно для всех наблюдает за слабым потоком машин, въезжающих и выезжающих из долины.

Он пока не решил, что же ему делать. Он хочет, раз уж приехал сюда, мысленно воссоздать картину происходящего. Удивительное дело: он проработал здесь целых одиннадцать дней, а почти ничего не знает!

Справа от дороги — почти не тронутая рукою человеческой дикая природа. Ручеек извивается меж деревьев в долине, которой, кажется, нет конца и края. Он слышал, что долина эта, как и сам Мозг, — собственность Анны Стюарт, но до сих пор он как-то не обращал на это особого внимания.

И теперь, пораженный огромностью богатства,

доставшегося ей в наследство от отца, он мысленно возвращается к их первой встрече. Он тогда уже являлся главным инженером в исследовательском отделе, а она — неуклюжей озабоченной девчушкой, только что закончившей колледж. Непонятно почему она и оставалась в его представлении все такой же, и он не замечал, что она превратилась в женщину.

Сейчас же он начинает понимать, насколько же значительными были изменения в ней. Он вслух удивился:

— Ну, так почему, черт побери, она до сих пор не вышла замуж? Ведь ей уже, наверное, под тридцать!

Ему вспоминаются некоторые ее странные действия после смерти его жены. Она старательно выискивала его на вечеринках. Как бы случайно встречалась с ним в коридорах и, заливаясь смехом, отступала в сторону. Приходила в его кабинет, где начинала болтать о Мозге, хотя, признаться, не делала этого несколько месяцев. Он всегда считал ее надоедливой и удивлялся, что имеют в виду другие сотрудники, называя ее гордячкой и недотрогой.

В этом месте мысль его замирает.

— О Господи!.. — вслух воскликнул он в изум-

лении. — Каким же слепым и тупым я был!

Граннитт горько смеется, вспоминая текст увольнительной записки. Оскорбленная женщина… просто невероятно! И все же… что же еще?

Он начинает размышлять над возможностью снова обслуживать Мозг. Внезапно он чувствует возбуждение при мысли об Анне Стюарт как женщине. Ему кажется, что мир снова приходит в движение. Появляется надежда. Он возвращается к планам относительно Мозга.

Я с интересом наблюдаю, как мысли, которые я первоначально вложил в его сознание, теперь направляют его острый, аналитический мозг в новые направления. Он представляет прямую связь между человеческим и механическим мозгом, причем последний имеет при этом добавление в виде человеческой нервной системы.

На большее его не хватает. Мысль о том, что механический Мозг может стать независимой личностью, проходит мимо его сознания.

Во время его размышлений о дальнейших действиях по изменению Мозга, я получаю нужную мне информацию относительно его структуры.

Я не теряю зря времени. Оставляю его, погруженного в мечтания, в автомобиле. Едва очутившись внутри ограды, обнесенной колючей

проволокой, по которой пропущен электрический ток, я тут же быстро иду к главному зданию и вскоре вхожу в помещение одного из восемнадцати контрольных блоков. Взяв микрофон, я говорю:

— 3Х минус — 11–10 — 9–0.

Могу представить себе сумятицу, возникающую в схемах, когда эта безжалостная команда передается на эффекторы! Возможно, Граннитт и не знал, как управлять Мозгом. Но я — покопавшись в его сознании — *я* знаю.

После паузы я получаю отпечатанное на ленте послание:

«Операция завершена. 3Х, как и предписано, перекрыт сервомеханизмами 11, 10, 9 и 0».

Я отдаю новую команду:

— Внешние рецепторы помех КТ — 1–2 — 3 на 8,

Тут же приходит ответ:

«Операция КТ — 1 и т. д. завершена. 3Х теперь не имеет связи с внешним миром».

Я твердым голосом приказываю:

— Эн — 3Х.

С нетерпением ожидаю ответа. После долгой паузы наконец машинка печатает:

«Но ведь это команда самоуничтожения. По-

жалуйста, повторите команду».

Я делаю это и снова жду. Моя инструкция — это команда старой секции Мозга создать перегрузку на электрические цепи 3Х.

Пишущая машинка начинает строчить:

«Передал ваш приказ 3Х и получил следующий ответ…»

К счастью, я уже начал растворять свой человеческий облик. Молния, ударившая в меня, частично отражается от стен самого здания. Металлический пол опаляет вспышка пламени. Часть того, что попало в меня, мне удается передать в энергохранилище моего тела на другом краю долины. А затем… я снова оказываюсь там же, несколько помятый, но в безопасности.

Особой радости, что отделался так легко, я не испытываю. В конце концов, я отреагировал в то же мгновение, как только появилось сообщение о том, что 3Х узнал о моей команде.

Мне не нужно было отпечатанное на пишущей машинке послание, чтобы знать, как 3Х отреагирует на мои действия.

Меня заинтересовало то, что старые части Мозга уже получили указания против самоубийства. А я-то считал их просто компьютерами, гигантскими машинами, собирающими информацию.

Очевидно, все части Мозга уже обладают превосходным чувством единения.

Если бы только мне удалось присоединить их к самому себе, получить возможность перемещаться сквозь время! Такова цена всего, и именно это удерживает меня от совершения насильственных действий. И пока сохраняется надежда на это, я не могу позволить себе пойти на что-нибудь большее, кроме как атаковать Мозг слабыми силами: отрезать его от внешних коммуникаций, пережечь провода и… Я вновь испытываю ледяную ярость при мысли об ограничениях, которые не позволяют мне напрямую сконструировать и присоединить к себе новые механизмы.

Я надеюсь лишь на то, что мне удастся воспользоваться тем, что уже существует… взять контроль над Мозгом… при помощи Анны Стюарт…

Войти в поселок на следующее утро снова не составляет никакого труда. Я иду по дорожке, которая приводит меня к утесу, откуда открывается вид на бунгало Анны Стюарт. Я собираюсь управлять действиями Анны Стюарт, вложив в ее сознание свои вычисления, при этом она будет думать, что это ее собственные. Я хочу, чтобы она подписала документы и отдала приказания,

которые заставят инженеров быстро демонтировать Мозг.

Сверху я вижу белый забор, за которым располагается ее дом — на самом краю долины прямо подо мною. Цветы, кустарник, множество деревьев вокруг дома. А на патио у крутого склона холма завтракают Анна Стюарт и Уильям Граннитт.

Граннитт время зря не теряет.

С удовлетворением я наблюдаю за ними. Теперь, когда здесь есть Граннитт, все пройдет еще легче, чем я надеялся. Поскольку у меня — Анны Стюарт — зародились некоторые сомнения в отдельных функциях Мозга, то естественным будет задать Граннитту несколько вопросов.

Без проволочек я синхронизируюсь с нервной системой женщины.

Едва мне это удалось, как ее нервные импульсы слегка изменяются. Пораженный этим, я обрываю связь… и предпринимаю новую попытку. И снова происходит едва ли различимое изменение в неравномерно текущем потоке. Вновь мне не удалось соединиться с ней.

Анна Стюарт наклоняется вперед и что-то говорит Граннитту. Они оба оборачиваются и смотрят вверх, туда, где стою я. Граннитт машет рукой,

призывая меня спуститься вниз.

Но я в тот же миг пытаюсь войти в контакт с его нервной системой. Снова происходит то же неуловимое изменение, и обратно — неудача.

Все это я интерпретирую, как то, что они оба находятся под контролем Мозга. Это сбивает меня с толку и удивляет. Несмотря на неоспоримое механическое превосходство над своим врагом, мои создатели вложили в меня строгий запрет на контроль более, чем одного разумного органического существа. Теоретически-то я способен — при помощи множества сервомеханизмов — контролировать в одно и то же время миллионы людей. В действительности же такой множественный контроль я могу осуществлять только над машинами.

Более, чем когда-либо прежде, я чувствую, насколько же важно и неотложно взять контроль над Мозгом. У него-то нет таких ограничений. Его создатель — Граннитт — в своем невежестве позволил ему самостоятельно и полностью завершить формирование своей личности.

Это диктует мои следующие шаги. «Интересно, смогу ли я удалиться со сцены?» — думаю я в первый момент, но потом решаю остаться: ставки слишком высоки.

Однако, спускаясь вниз, на патио, к тем двоим, я чувствую раздражение. Они встречают меня хладнокровно и с достоинством, и я не могу не восхититься искусством Мозга: он, по всей видимости, контролирует поведение этих двух человеческих существ, не доводя при этом их до безумия. Признаться даже, мне кажется, что и выглядят они намного лучше.

Глаза женщины ярче, чем я их помню, они даже излучают ауру счастья. Похоже, в ней нет ни капельки страха. Граннитт наблюдает за мной настороженным взглядом исследователя. Мне знаком такой взгляд. Он пытается определить функциональные возможности гуманоида. Именно Граннитт первым начинает разговор:

— Ты совершил грубую ошибку, когда решил контролировать Анну… мисс Стюарт во время ее посещения коттеджа. Мозг правильно предположил, что ты, скорее всего, попытаешься взять контроль над ней — ведь именно ты вызвал перед этим панику у нее. Поэтому он предпринял все необходимые шаги, и теперь мы хотим обсудить с тобой наиболее выгодные для тебя условия сдачи.

В его манерах сквозит высокомерная уверенность. Уже не в первый раз мне в голову приходит,

что, наверное, придется отказаться от плана захватить и присоединить к себе особые отделы Мозга. Я посылаю команду своему телу на другом конце долины. Я ощущаю, как один из сервомеханизмов осуществляет связь с управляемой ракетой на засекреченной базе ВВС США в тысяче милях отсюда — я обнаружил ее в первые же дни пребывания в этом мире. Я вижу, как под моим управлением ракета скользит вперед на стартовую площадку. Там она останавливается, готовая по следующему сигналу отправиться в небо.

Я предвижу, что мне придется уничтожить Мозг.

Граннитт снова говорит:

— В результате логического анализа Мозг пришел к выводу, что он слабее тебя, вот почему он объединился со мной и мисс Стюарт — на наших условиях. А это означает, что в новые секции вмонтированы — причем навечно — контрольные механизмы, и теперь мы как отдельные личности можем использовать его компьютеры и интегральные схемы как свои собственные.

Я не сомневаюсь в его словах, поскольку, если бы они не оказывали мне сопротивления, то я также смог бы осуществить с ними аналогичную связь. Вполне возможно, что при этом я даже

попал бы в рабскую зависимость.

Ясно одно: теперь я больше не могу надеяться заполучить что-нибудь от Мозга.

На далекой ракетной базе я активизирую стартовый механизм. Управляемая ракета со свистом отрывается от взлетной площадки и устремляется в небо, изрыгая из дюз пламя. При помощи телекамер и передатчиков я слежу за ее полетом. Она прибудет сюда менее, чем через двадцать минут.

Граннитт продолжает:

— Я не сомневаюсь, что ты предпринимаешь против нас какие-то контрмеры. Но прежде чем наступит развязка, может быть, ты ответишь на несколько наших вопросов?

Мне любопытно узнать, что же это за вопросы, и я отвечаю:

— Может быть.

Граннитту достаточно такого ответа. Он спрашивает нетерпеливо:

— Что случилось с Землей… за многие тысячи лет, почему она потеряла атмосферу?

— Я не знаю, — честно отвечаю я.

— Ты же можешь вспомнить! — восклицает он возбужденно. — Тебя спрашивает человек… *Ты можешь вспомнит*ь!

— Человек для меня — пустое… — начинаю говорить я безучастно, но тут же останавливаюсь, потому что мои информационные центры передают мне точные данные — эта информация была недоступна мне в течение тысячелетий.

Утрата Землей атмосферы — явление чисто природного характера, вследствие изменения гравитационного поля Земли, в результате чего скорость убегания по орбите уменьшилась вдвое. Воздух улетучился в космическое пространство менее, чем за тысячу лет. Земля стала такой же безжизненной, как и Луна в ранний период энергетического распределения.

Я объясняю, что в данном случае наиболее важным является то, что, конечно, не существует такого явления, как материя, что нам просто кажется, что у предметов существует масса, что это не более, чем энергия, изменяющаяся в едином энергетическом пространстве-поле Йлем.

Я добавляю:

— Естественно, все разумные органические формы жизни доставлены на приспособленные к жизни планеты с других звезд.

Я вижу, как Граннитт дрожит от волнения.

— Других звезд! — восклицает он. — О Господи!

Потом он, похоже, берет себя в руки:

— А почему ты остался?

— А кто мог принудить меня улететь?.. — начинаю я, но останавливаюсь. Ответ на его вопрос уже находится в моем центре восприятия.

— Да… я ведь должен наблюдать и регистрировать все…

Я снова умолкаю, на этот раз от изумления. Кажется невероятным, что такого рода информация теперь мне доступна, после прошествия бездны времени, когда она была захоронена глубоко внутри моей памяти.

— Почему ты не выполнил данных тебе инструкций? — резко спрашивает Граннитт.

— Инструкций! — повторяю я возбужденно.

— Ты же можешь вспомнить! — снова говорит он.

Уже когда он произносил эти, по всей видимости, магические слова, появился молниеносный ответ: метеоритный дождь. И мгновенно я все вспоминаю. Миллиарды метеоритов, с которыми сперва моя защита справлялась, но потом их стало слишком много. В результате — три жизненно важных попадания.

Я не объясняю это Граннитту и Анне Стюарт. Я вдруг понимаю, что некогда я действительно был слугой людей, но благодаря метеоритам, поразив-

шим центры управления, я получил свободу.

И сейчас проявляются мои способности к самостоятельным действиям, а не былая рабская зависимость. Я вдруг случайно вспоминаю, что управляемая ракета всего в трех минутах полета от цели. И пришла пора мне покинуть это место.

— Еще один вопрос, — говорит Граннитт. — Когда тебя переместили на другую сторону долины?

— Примерно через сто лет от настоящего времени, — отвечаю я. — Пришли к выводу, что скальное основание на этой стороне…

Он иронически смотрит на меня.

— Точно, — говорит он. — Интересно, не правда ли?

Истинность его слов уже подтверждена моими интегральными схемами. Мозг и я — одно и то же, но только разделенные тысячами лет. Если Мозг будет уничтожен в двадцатом столетии, тогда и я не смогу существовать в тридцатом. Или смогу?

Я не могу дожидаться, когда компьютеры найдут точный ответ на этот сложный вопрос. Одним синхронизированным движением я активизирую предохранители на атомной боеголовке управляемой ракеты и посылаю ее на пустынные холмы к северу от поселка. Она, не причинив

никакого вреда, зарывается в землю.

— Ваше открытие, — говорю я, — означает лишь одно: теперь я должен считать Мозг своим союзником и делать все от себя зависящее, чтобы спасти вас.

Говоря это, я как бы случайно подхожу к Анне Стюарт, протягиваю руку, касаюсь ее и одновременно направляю поток электрической энергии. Через мгновение от нее останется лишь кучка пепла.

Но ничего не происходит. Потока не возникает. Я стою несколько секунд в напряжении, не веря, дожидаясь, когда до меня дойдет, в чем же причина этой неудачи.

Но мои компьютеры не выдают никакой информации.

Я бросаю взгляд на Граннитта. Вернее, на то место, где он был всего секунду назад. *Его там нет.*

Анна Стюарт, кажется, догадывается, что меня тревожит.

— У Мозга есть способность перемещать во времени, — говорит она. — В конце концов, это единственное преимущество, которое он имеет перед тобой. Мозг переправил Би… мистера Граннитта назад в прошлое, так что он не просто наблюдал за твоим прибытием сюда, но и имел

достаточно времени, чтобы приехать на машине в твой коттедж и, следуя указаниям Мозга, взять контроль над всей ситуацией. В настоящее время он уже наверняка отдал команду, которая заблокировала тебя от твоих механизмов.

— Он не знает, какая это команда, — высказываю я возражение.

— О нет, знает! — хладнокровно и уверенно говорит Анна Стюарт. — Большую часть ночи он занимался тем, что встраивал в Мозг схемы команд, и теперь эти схемы должны автоматически осуществлять над тобой контроль.

— *Только не надо мной* — говорю я.

При этом я начинаю бежать, вверх по каменным ступеням, по дорожке, в сторону ворот. Охранник у проходной кричит мне что-то, когда я пробегаю мимо него. Я мчусь по дороге, не обращая на него внимания.

Ясно мыслить я начинаю, лишь пробежав с полмили: «Впервые за все время своего существования я отрезан от банков памяти и от компьютеров, и это результат вмешательства извне. В прошлом я уже проделывал сам подобное, когда уходил бродить, нисколько не сомневаясь, что мгновенно смогу восстановить связь».

Сейчас же это невозможно.

Мое «тело» — это все, что у меня осталось. Если его уничтожат, тогда наступит смерть, небытие.

Я думаю: *«Наверное, в подобные мгновения люди чувствуют отчаяние и страх».*

Я пытаюсь вообразить, какую форму должна принять такая реакция, и на мгновение мне кажется, словно я чисто физически ощущаю какой-то смутный след беспокойства.

Такая реакция мне не нравится, и я продолжаю бежать. Но теперь, чуть ли не в первый раз, я вдруг ловлю себя на том, что исследую внутренние возможности моего тела. Конечно, я — очень сложная машина. Создав себя гуманоидом, я автоматически смоделировал человека — как внутренне, так и внешне. Псевдонервы, органы, мышцы и скелет — все это и составляло мое тело: легче ведь создать уже имеющийся образец, чем придумывать новый.

Созданное мною существо способно мыслить. У него сохранился достаточный контакт с ячейками памяти и компьютерами для создания определенных структурных схем: памяти, вычислений, поведения, привычек, таких, как ходьба, к примеру. Поэтому оно вполне жизнеспособно.

Мне требуется сорок минут безостановочного бега, чтобы достичь коттеджа. Я прячусь в кустах

в ста футах от ограды и начинаю изучать, что же там творится. В саду на кресле сидит Граннитт. На подлокотнике кресла лежит автоматический пистолет.

«Интересно, что же я почувствую, когда пуля вонзится в мою плоть, теперь, когда я лишен возможности отремонтировать себя? Мне это не понравится», — говорю я себе. Хотя это кажется мне бессмысленным, но физически я пытаюсь вызвать в себе нечто похожее на страх. Прячась за поселком, я кричу:

— Граннитт, что ты задумал?

Он встает и идет к забору. Потом кричит:

— Можешь не прятаться. Я не буду стрелять в тебя.

Я очень тщательно обдумываю его слова, вспоминая все, что узнал о нем во время моего контакта с его телом. Решаю, что можно верить его обещанию.

Когда я вышел на открытое место, Граннитт небрежно бросает пистолет в карман куртки. Я замечаю, что его лицо расслабляется, а в глазах сквозит уверенность.

Он говорит:

— Я уже отдал инструкции сервомеханизмам. Ты опять отправишься наблюдать в будущее, но

в этот раз под моим контролем.

— Никто, — хмуро возражаю я, — никогда не будет контролировать меня.

— У тебя нет выбора, — говорит Граннитт.

— Я могу продолжать оставаться таким, как сейчас, — отвечаю я.

Выражение лица Граннитта по-прежнему ничего не выражает.

— В самом деле, — он пожимает плечами, — почему бы тебе не побыть в этом теле еще некоторое время? Посмотришь, каково это — быть человеком. Возвращайся через тридцать дней, и мы еще раз поговорим.

Наверное, он почувствовал, каким будет мой ответ, потому что резко произнес:

— И не вздумай появляться *раньше.* Я отдам охранникам приказ стрелять в тебя.

Я начал было разворачиваться, чтобы уйти, но потом остановился и снова посмотрел на него.

— Это тело, похожее на человеческое, — говорю я, — но у него нет никаких человеческих желаний или потребностей. Что мне делать?

— Это твоя проблема, не моя, — отвечает Граннитт.

Первые дни я провожу в Ледертоне. Самый первый день я работаю чернорабочим, копая

яму под фундамент. Вечером я понимаю, что эта работа не для меня. Направляясь к гостинице, где я снял номер, я вижу табличку на витрине одного магазина: «ТРЕБУЮТСЯ СЛУЖАЩИЕ!».

Я устраиваюсь в галантерейный магазин простым служащим. Первые часы я знакомлюсь с ассортиментом, а поскольку я обладаю автоматической памятью, то уже на третий день хозяин делает меня помощником управляющего.

Во время обеденных перерывов я посещаю местное отделение национальной брокерской фирмы. Встречаюсь с управляющим, и тот, обратив внимание на мою способность разбираться в цифрах, забирает меня к себе бухгалтером.

Через мои руки проходит колоссальное количество денег. Потратив день на ознакомление, я затем начинаю использовать часть из них — играю на бирже, находящейся в доме напротив. А поскольку в подобного рода рискованных операциях самое главное — скорость вычисления математических вероятностей, то через три дня я имею уже десять тысяч долларов.

Я сажусь на автобус и отправляюсь до ближайшего аэропорта, откуда самолетом добираюсь до Нью-Йорка. Там я еду в главную контору крупной фирмы по продаже электротоваров. После беседы

с помощником главного инженера меня представляют самому главному инженеру, и вскоре я получаю возможность разработать новый электроприбор, включающий свет силой мысли. На самом-то деле это просто усовершенствование электроэнцефалографа.

За это изобретение компания выплачивает мне ровно один миллион долларов.

Сейчас идет шестнадцатый день, как я виделся с Гранниттом. Я чувствую скуку. Я купил себе автомобиль и самолет, на машине я езжу как сумасшедший, а на самолете поднимаюсь высоко в небо. С целью выработки в себе страха при этом я расчетливо рискую. Через несколько дней это теряет для меня всякий смысл.

Через научные общества я собираю сведения о всех имеющихся в стране вычислительных машинах. Самый лучший, конечно же, Мозг, созданный Гранниттом. Я покупаю довольно хороший компьютер и конструирую аналоговые устройства, чтобы улучшить его. Меня беспокоит мысль, что же будет потом, даже если мне удастся построить еще один Мозг? Ведь потребуются тысячелетия, чтобы наполнить его банки памяти данными, которые уже имеются в существующем в будущем Мозге.

Такое решение кажется мне иррациональным, а я слишком долго мыслил логически, чтобы пытаться думать по-другому.

Тем не менее, когда я подхожу к коттеджу на тридцатый день, я принимаю определенные меры предосторожности. Несколько нанятых мною людей лежат в кустах, готовые по моему сигналу открыть огонь в Граннитта.

Тот ждет меня.

— Мозг предупреждал меня, что ты прибудешь не один, с вооруженным отрядом.

Я пожал плечами.

— Граннитт, — говорю я, — какой у тебя план?

— *А вот какой* — отвечает он.

Непреоборимая сила неожиданно хватает меня, парализуя все мои движения.

— Ты нарушил свое обещание, — говорю я, — а я отдал своим людям приказ открыть огонь, если я не буду время от времени окликать их.

— Я покажу тебе кое-что, — произносит Граннитт. — И я хочу сделать это поскорее. Через минуту ты будешь свободен.

— Очень хорошо, продолжай.

В тот же миг я стал частью его нервной системы, но находясь под его контролем. С небрежным видом он достает записную книжку и просмат-

ривает ее. Его взгляд останавливается на одном числе: 71823.

Семь один восемь два три.

Я уже чувствую, что через его мозг связан с обширными банками памяти и компьютерами, которые раньше составляли мое тело.

Используя их превосходные вычислительные возможности, я умножаю это число 71823 на себя извлекаю квадратный и кубический корни, делю его 182-ю часть на семь сто восемьдесят два раза, потом 823 раза извлекаю из него квадратный корень из 3 и — раскладывая пятизначное число на серии 23 раза, умножаю полученный результат на себя.

Я проделываю это в ту же секунду, когда Граннитт думает об этом, мгновенно передавая ответы в его мозг. Ему же кажется, словно он сам проделывал эти вычисления, настолько совершенным был союз человеческого и механического мозгов.

Граннитт возбужденно смеется, и тут же та сила, что удерживала меня, исчезает.

— Мы действовали как один сверхчеловек! — восклицает он. Потом добавляет: — Мечта всей моей жизни исполнилась. Человек и машина, работая вместе, способны разрешать проблемы, сложность которых никто в настоящее время не

может себе и вообразить! Перед нами открываются планеты… да что там планеты — звезды! — и, вероятно, нам удастся добиться физического бессмертия.

Его возбуждение передается и мне. Именно подобного рода чувства я и искал безуспешно в течение тридцати дней. Я говорю, растягивая слова:

— Какие ограничения будут мне поставлены, если я соглашусь содействовать этой программе?

— Информация о случившемся здесь, хранящаяся в банках памяти, будет уничтожена, либо же эти банки деактивируют. Мне кажется, тебе следует забыть все о своем предыдущем существовании.

— Что еще?

— Ни при каких обстоятельствах ты больше никогда не будешь контролировать ни одного человека!

Я обдумываю его слова и вздыхаю. Это вполне понятная необходимая предосторожность с его стороны. Граннитт продолжает:

— Ты должен согласиться, чтобы многие люди могли одновременно пользоваться твоими способностями. В конечном итоге, как я думаю, твоими услугами будет пользоваться большая

часть человеческой расы.

Стоя в саду, все еще оставаясь его частью, я чувствую, как гулко стучит его кровь в венах. Он дышит, и это доставляет ему особый физический экстаз. Исходя из моего собственного опыта, я знаю, что ни одно созданное механическим путем существо никогда не способно будет ощущать что-нибудь подобное. А вскоре я войду в контакт с телами и разумами множества людей, а не одного только человека. Мысли и ощущения целой расы будут проноситься сквозь меня. Физически, мысленно и эмоционально я стану частью единственной разумной жизни на этой планете.

Страх оставляет меня.

— Очень хорошо, — говорю я, — давайте, шаг за шагом, как и договаривались, делать то, что необходимо.

И я буду не рабом, а партнером *Человека.*

Часы времени

— Женитьба, — скажет Терри Мэйнард, будучи благодушно настроенным, — дело святое. Уж я-то знаю. Два раза был женат, в 1905-м и в 1967-м. За столько лет любой разберется, что к чему.

И после этих слов он ласково поглядит на свою жену Джоан.

В тот самый вечер, когда разговор зашел в очередной раз, она вздохнула, закурила сигарету, откинулась на спинку кресла и пробормотала:

— Ах, Терри, ты просто невыносим. Опять?

Она отхлебнула коктейль из бокала, посмотрела невинными голубыми глазами на собравшихся гостей и сказала:

— Терри собирается рассказать о нашем с ним романе. Так что если кто уже слышал, то сандвичи и прочая снедь в столовой.

Двое мужчин и женщина поднялись и вышли из комнаты. Терри крикнул им вслед:

— Люди смеялись над атомной бомбой, пока она не свалилась им на головы. И кто-нибудь однажды поймет, что я вовсе не фантазирую и то, что произошло со мной, может случиться с каждым. Страшно даже подумать, но здесь откры-

ваются такие возможности, что взрыв атомной бомбы по сравнению с ними просто колеблющийся огонек свечи.

Один из гостей, оставшихся в комнате, удивленно заметил:

— Что-то я не пойму. Если вы были женаты в 1905 году, то, отбросив, разумеется, вопрос о том раздражении, которое должна испытывать ваша очаровательная супруга, не имея возможности впиться своими длинными ноготками в нежное личико своей древней соперницы, при чем здесь вообще атомная бомба?

— Сэр, — сказал Терри, — вы говорите о моей первой жене, да почиет она в мире.

— Никогда, — заявила Джоан Мэйнард. — Вот уж этого-то я как раз постараюсь не допустить.

Тем не менее она уселась поудобнее и проворковала:

— Продолжай, Терри, милый.

— Когда мне было десять лет, — начал свой рассказ ее супруг, — я был просто-таки влюблен в старинные дедушкины часы, висевшие в холле. Кстати, когда будете уходить, обратите на них внимание. Однажды, когда я открыл дверцу внизу и принялся раскачивать маятник, мне бросились в глаза цифры. Они начинались в

верхней части длинного стержня — первая цифра была 1840 — и доходили до самого низа, где было написано 1970. Это произошло в 1950 году, и я помню, как был удивлен, увидев, что маленькая стрелка на хрустальной гирьке указывала точно на отметку 1950. Тогда я решил, что наконец-то сделал великое открытие — выяснил принцип работы всех часов на свете. После того как мое возбуждение улеглось, я, естественно, начал крутить гирьку и помню, как она скользнула вверх, на отметку 1891.

В то же мгновение я почувствовал сильное головокружение и отпустил гирьку. Ноги у меня подкосились, и я упал. Когда я немного оправился и поднял голову, то увидел какую-то незнакомую женщину, да и все вокруг меня выглядело необычно. Вы, конечно, понимаете, что дело было в обстановке — мебели и коврах, — все-таки этот дом находился во владении нашей семьи более века.

Но мне было десять лет, и немудрено, что я перепугался, особенно когда увидел эту женщину. Ей было около сорока лет, она была одета в старомодную длинную юбку, губы ее были поджаты от негодования, и в руке она держала розгу. Когда, дрожа от слабости, я поднялся на ноги, она

заговорила:

«Джо Мэйнард, сколько раз я говорила, чтобы ты держался подальше от этих часов?»

Когда она назвала меня по имени, я обмер. Тогда я еще не знал, что моего дедушку звали Джозеф. Напугало меня и то, что она говорила по-английски слишком чисто и внятно — мне даже не передать как. Когда же я понял, что в ее лице все явственнее проступают знакомые мне черты — это было лицо моей прабабушки, портрет которой висел в кабинете отца, — я вконец перетрусил.

С-с-с-с-с! Розга полоснула меня по ноге. Я увернулся и кинулся к двери, взвыв от боли. Я слышал, как она кричит мне вслед:

«Ну погоди, Джо Мэйнард, вот вернется отец…»

Выбежав из дома, я очутился, как в сказке, в маленьком городке конца девятнадцатого века. Собака затявкала мне вслед. На улице паслись лошади, вместо тротуара был деревянный настил. Я привык лавировать среди автомобилей и ездить на автобусах и потому был не в состоянии воспринять внезапно происшедшей перемены. Я так ничего и не помню о тех долгих часах, что провел на улице, но постепенно становилось темно, и я прокрался назад к большому дому и уставился в

единственное освещенное окно в столовой. Никогда в жизни мне не забыть того, что я увидел. За обеденным столом сидели мои прадедушка и прабабушка с мальчиком моего возраста, почти точной моей копией, если не считать насмерть перепуганного выражения лица, которого, надеюсь, у меня никогда не будет. Прадедушка был настолько сердит, что я прекрасно слышал через окно все, что он говорил:

«Ах вот как. Значит, ты попросту называешь свою собственную мать лгуньей. Ну погоди, я разберусь с тобой после обеда».

Я понял, что это из-за меня Джо достанется на орехи. Но для меня тогда важно было то, что в настоящий момент в холле возле часов никого не было. Я пробрался в дом весь дрожа, хоть и не имел никакого определенного плана действий. На цыпочках подошел к часам, отворил дверцу и передвинул гирьку на отметку 1950. Все это я проделал не думая: мысли мои как бы сковало льдом.

Следующее, что я помню, это кричавшего на меня мужчину. Знакомый голос. Когда я поднял голову, то увидел своего собственного отца.

«Негодный мальчишка, — кричал он. — Сколько раз тебе говорили, чтобы ты держался подаль-

ше от этих часов!»

Впервые в жизни порка принесла мне явное облегчение, и, пока я был маленьким, ни разу больше не подходил к этим часам. Правда, любопытство заставило меня начать осторожные расспросы о моих предках. Отец отвечал очень уклончиво. Взгляд его устремлялся куда-то вдаль, и он говорил:

«Я сам очень многого не понимаю в своем детстве, сынок. Когда-нибудь я все тебе расскажу».

Он умер внезапно, от воспаления легких. В ту пору мне исполнилось тринадцать лет. Его смерть была для нас потрясением не только душевным: с деньгами тоже не все ладилось. Среди прочих вещей мать продала и старинные дедушкины часы, и мы начали подумывать о том, чтобы сдавать комнаты жильцам, когда неожиданно из-за роста промышленности сильно подскочили цены на землю, которой мы владели на другом конце города. Я помнил о старых часах и о том, что со мной приключилось, но жизнь завертела меня: сначала колледж, потом эта дурацкая война во Вьетнаме — я был, что называется, геройским мальчиком на побегушках при штабе в чине капитана, — так что мне удалось заняться поисками часов лишь в начале 1966 года. Через

скупщика, который в свое время приобрел их у нас, я узнал, где они находятся, и заплатил втрое дороже, чем мы за них получили, но часы того стоили.

Грузик на маятнике опустился до отметки 1966. Совпадение это просто потрясло меня. Но что еще важнее, под нижней дощечкой, на самом дне, я обнаружил сокровище: дедушкин дневник.

Первая запись была сделана 18 мая 1904 года. Стоя перед часами на коленях с дневником в руках, я, естественно, решил проделать опыт. Были мои детские воспоминания реальными или только плодом моего воображения? Я тогда даже не подумал о том, что окажусь в прошлом в тот самый день, с которого начинался дедушкин дневник, но рука моя невольно поставила гирьку на отметку 1904. В последний момент на всякий случай я сунул в карман свой пистолет 38-го калибра, а затем схватился за хрустальную гирьку.

Она была теплой на ощупь, и у меня создалось отчетливое впечатление вибрации.

На сей раз я не почувствовал никакой дурноты и уже собирался бросить эту затею, понимая, насколько она глупа, как взгляд мой упал на окружавшую меня обстановку. Диван в холле стоял на другом месте, ковры выглядели темнее,

на дверях висели старомодные гардины из темного бархата.

Сердце мое бешено колотилось. В голове лихорадочно стучала мысль: что я скажу, если меня обнаружат? Но скоро я понял — в доме стоит полная тишина, тикали лишь часы. Я поднялся на ноги, все еще не доверяя собственным глазам, все еще не понимая до конца, что это чудо вновь произошло.

Я вышел на улицу. Город разросся с тех пор, как я видел его мальчиком. И все же это было всего лишь начало двадцатого века. Коровы на заднем дворе. Курятники. Неподалеку расстилалась открытая прерия. Настоящий город еще не вырос, и не было никаких признаков того, что это когда-нибудь произойдет. Это вполне мог быть 1904 год.

Вне себя от возбуждения, я зашагал по деревянному тротуару. Дважды навстречу мне попадались прохожие: сначала мужчина, потом женщина. Они посмотрели на меня, как я сейчас понимаю, с изумлением, но тогда я едва обратил на них внимание. И только когда на узком тротуаре чуть не столкнулся с двумя женщинами, я оправился от охватившего меня волнения и понял, что передо мной и в самом деле живые, из

плоти и крови, люди самого начала двадцатого века.

На женщинах были длинные, до земли, юбки, шуршащие при ходьбе. День выдался теплый, но, вероятно, недавно прошел дождь: на подолах юбок виднелась засохшая грязь.

Женщина постарше взглянула на меня и сказала:

«О, Джозеф Мэйнард, значит, вы все-таки успели вернуться к похоронам вашей бедной матушки. Но что это за диковинная одежда на вас?»

Девушка рядом с ней не произнесла ни слова. Она просто стояла и смотрела на меня.

У меня чуть было не сорвалось с языка, что я вовсе не Джозеф Мэйнард, но я вовремя спохватился. Кроме того, я вспомнил запись в дедушкином дневнике от 18 мая:

> «Встретил на улице миссис Колдуэлл с дочерью Мариэттой. Она страшно удивилась, что я успел вернуться к похоронам».

Слегка ошарашенный таким развитием событий, я подумал: «Если это и есть миссис Колдуэлл и это именно та встреча, то…»

А женщина между тем продолжала:

«Джозеф Мэйнард, я хочу представить вам мою дочь Мариэтту. Мы только что говорили с ней о похоронах, правда, дорогая?»

Девушка продолжала смотреть на меня.

«Разве, мама?» — спросила она.

«Ну конечно, неужели ты не помнишь? — запальчиво произнесла миссис Колдуэлл. Затем добавила торопливо: — Мы с Мариэттой уже приготовились к завтрашним похоронам».

«А мне казалось, — спокойно заметила Мариэтта, — что мы договорились назавтра поехать на ферму Джонса».

«Мариэтта, как ты можешь такое говорить? Это на послезавтра. И вообще, если даже я и договорилась, придется все это отменить».

Она, казалось, вновь полностью овладела собой.

«Мы всегда были так дружны с вашей матушкой, мистер Мэйнард, правда, Мариэтта?» — дружелюбно добавила она.

«Мне она всегда нравилась», — сказала Мариэтта, сделав почти неуловимое ударение на первом слове.

«Ну, значит, увидимся завтра в церкви в два часа, — торопливо произнесла миссис Колдуэлл. — Пойдем, Мариэтта, душечка».

Я отступил назад, давая им пройти, затем обошел квартал кругом и вновь очутился в своем доме. Я обследовал его сверху донизу в смутной надежде найти тело усопшей, но о нем явно уже позаботились.

Мне стало не по себе. Моя мать умерла в 1963 году, когда я находился в далеком Вьетнаме, и ее похоронами занимался адвокат нашей семьи. Сколько раз душными ночами в джунглях воображение рисовало мне картину безмолвного дома, где она лежала больная! То, что происходило сейчас, было очень похоже на то, что я ощущал тогда, и это сравнение меня угнетало.

Я запер двери, завел часы, опустил гирьку до отметки 1966 и вернулся в собственное время.

Ощущение мрачной атмосферы смерти постепенно отпустило меня, зато взволновала следующая мысль: действительно ли Джозеф Мэйнард вернулся домой 18 мая 1904 года? А если нет, то к кому тогда относилась запись от 19 мая, сделанная в дневнике дедушки:

> «Был сегодня на похоронах и опять разговаривал с Мариэттой».

Опять разговаривал! Вот что там говорилось. А так как в первый раз разговаривал с ней именно

я, значило ли это, что я также буду и на похоронах?

Весь вечер я провел за чтением дневника в поисках какого-нибудь слова или фразы, которые подсказали бы мне, что я на верном пути. Я не нашел ни одной записи, в которой бы говорилось о путешествии во времени, но после некоторых размышлений понял, что в этом нет ничего удивительного: ведь дневник мог попасть в посторонние руки.

Я дошел до того места, где Джозеф Мэйнард и Мариэтта Колдуэлл объявили о своей помолвке, а чуть позже до записи под одной из дат:

«Сегодня женился на Мариэтте!»

Мокрый от пота, я отложил дневник в сторону.

Вопрос заключался только в одном: если речь шла именно обо мне, то что произошло с подлинным Джозефом Мэйнардом? Неужели единственный сын моих прародителей погиб на какой-то из американских границ, и об этом так никогда и не узнали в его родном городе? С самого начала это показалось мне наиболее правдоподобным объяснением.

Я был на похоронах. Теперь у меня не оставалось уже никаких сомнений: я был единствен-

ным Мэйнардом, который там присутствовал, разумеется, если не считать моей покойной прабабушки.

После похорон у меня состоялся разговор с адвокатом, и я официально вступил во владение наследством. Я распорядился о покупке акций на землю, которые полвека спустя дали нам с матерью возможность не сдавать комнаты внаем.

Теперь предстояло обеспечить рождение моего отца.

Завоевать сердце Мариэтты оказалось на удивление трудно, хотя я твердо знал, что женитьба наша должна была состояться. У нее был поклонник, молодой человек, которого я с радостью задушил бы собственными руками, и не один раз. Он был из породы краснобаев, но без гроша за душой, и родители Мариэтты были настроены явно против него, что, впрочем, дочь, по-видимому, нисколько не волновало.

В конце концов пришлось решиться на нечистую игру, ведь я не мог позволить себе проиграть. Я отправился к миссис Колдуэлл и прямо в лоб заявил ей, что хочу, чтобы она начала поощрять Мариэтту выйти замуж за моего соперника. По моему предложению она должна была твердить дочери, что на меня нельзя положиться, что в лю-

бой момент я могу отправиться путешествовать на край света, потащив ее за собой, и что один господь бог знает, какие трудности и лишения ей придется при этом пережить.

Как я и подозревал, эта девица в глубине души жаждала приключений. Не знаю, следует ли это отнести на счет влияния матери, только Мариэтта вдруг стала относиться ко мне более благосклонно. Я настолько увлекся ухаживанием, что совсем позабыл про дневник. После того как мы обручились, я пролистал его, и все, что со мной произошло, оказалось там описано точь-в-точь как было на самом деле.

От всего этого мне стало как-то не по себе. Когда же Мариэтта назначила нашу свадьбу на тот самый день, что и в дневнике, я и вовсе отрезвел и самым серьезным образом задумался о своем положении. Ведь если мы действительно поженимся, я окажусь своим собственным дедушкой. А если нет — что тогда?

Я даже не мог здраво оценить обстановку, потому что мысли тут же начинали путаться у меня в голове. Тем не менее я приобрел точно такой же старинный дневник в кожаном переплете, слово в слово переписал туда все записи из старого дневника и положил его под нижнюю дощечку

часов. На самом-то деле, как я подозреваю, это был один и тот же дневник, тот самый, который я позднее обнаружил.

В назначенный день мы с Мариэттой обвенчались, и вскоре нам обоим стало ясно, что мой отец появится на свет тогда, когда ему положено, — хотя, естественно, Мариэтта воспринимала рождение ребенка в несколько ином смысле.

Тут Мэйнарда прервали.

— Следует ли понимать, мистер Мэйнард, — ледяным тоном спросила одна из слушательниц, — что вы действительно женились на этой бедной девочке и что сейчас она ждет ребенка?

— Но ведь все это случилось в самом начале двадцатого века, — миролюбиво ответил Мэйнард.

С пылающим от негодования лицом женщина заявила:

— По-моему, это самая гнусная история из всех, что я слышала.

Мэйнард окинул гостей насмешливым взглядом:

— Вы все так считаете? Выходит, я не имел никакого морального права обеспечить свое собственное рождение?

— Видите ли… — с сомнением в голосе начал один из присутствующих.

— А может, сначала вы дослушаете мой рассказ до конца, а потом мы поговорим? — сказал Мэйнард.

— Почти сразу же после женитьбы, — продолжил он, — у меня начались неприятности. Мариэтта желала знать, куда это я все время исчезаю. Она была чертовски любопытна и без конца расспрашивала меня о моем прошлом. В каких странах я бывал? Что я там видел? Почему вообще уехал из дому и отправился путешествовать? Она совсем меня заклевала, но ведь я не был настоящим Джозефом Мэйнардом и не мог ответить на ее вопросы. Сначала я намеревался жить с ней до тех пор, пока не родится ребенок, лишь изредка появляясь в своем времени. Но она ходила за мной по пятам.

Дважды она чуть было не поймала меня у часов. Это меня встревожило, и наконец я понял, что Джозефу Мэйнарду следует исчезнуть из этого времени навсегда.

В конце концов, какой смысл был в том, что я обеспечил свое собственное рождение, если в дальнейшем мне больше ничего не предстояло сделать? У меня была своя жизнь начиная с 1967 года и далее. Я также должен был жениться вторично, чтобы дети мои продолжили наш род.

Тут его прервали во второй раз.

— Мистер Мэйнард, — сказана все та же женщина, — не намекаете ли вы на то, что просто бросили бедную беременную девочку?

Мэйнард беспомощно развел руками.

— Что еще мне оставалось делать? В конце концов, за ней был прекрасный уход. Я даже говорил себе, что со временем она, вероятно, выйдет замуж за того самого молодого краснобая, хотя, признаться, мне это было вовсе не по душе.

— Почему бы вам было не забрать ее с собой?

— Потому, — сказал Терри Мэйнард, — что я хотел, чтобы ребенок оставался там.

Лицо женщины побелело, и она проговорила, чуть заикаясь от ярости:

— Мистер Мэйнард, я не желаю долее оставаться под одной крышей с вами.

Мэйнард изумленно посмотрел на нее.

— Но, мадам, значит, вы верите моему рассказу?

Она недоуменно моргнула.

— О! — вырвалось у нее, и, откинувшись на спинку кресла, она смущенно рассмеялась.

Несколько человек посмотрели на нее и тоже засмеялись, но как-то неуверенно.

— Вы даже представить себе не можете, — про-

должал Мэйнард, — каким виноватым я себя чувствовал. Всякий раз, стоило мне увидеть хорошенькую женщину, перед моими глазами вставала Мариэтта. И лишь с большим трудом я убедил себя, что она умерла где-то в 40-х годах, а может, и раньше. И все же не прошло и четырех месяцев, а я уже не мог ясно представить себе, как она выглядит.

Затем на одной из вечеринок я встретил Джоан. Она сразу же напомнила мне Мариэтту, и, думаю, это повлияло на весь дальнейший ход событий. Должен признаться, что она проявила недюжинную энергию, добиваясь моей благосклонности. Но в какой-то степени я даже радовался этому, ибо отнюдь не уверен, что отважился бы на женитьбу, если бы она все время не подталкивала меня к этому.

После свадьбы я, по обычаю, перенес ее на руках через порог нашего старого дома. Когда я опустил ее на пол, она долгое время стояла, глядя на меня со странным выражением. В конце концов она тихо сказала:

«Терри, я должна тебе кое в чем признаться».

«Да?»

Я понятия не имел, что бы это могло значить.

«Терри, есть причина, по которой я так торопи-

лась выйти за тебя замуж».

Я почувствовал слабость в коленях. Мне не нужно было объяснять ту причину, по которой молоденькие девушки торопятся выйти замуж.

«Терри, у меня будет ребенок».

Сказав это, она подошла ближе и влепила мне пощечину. Не думаю, что когда-либо в жизни я испытывал большее изумление.

Он прервал свой рассказ и окинул взглядом комнату. Гости переглядывались и явно чувствовали себя неловко. В конце концов женщина, уже не раз возмущавшаяся его рассказом, с удовлетворением произнесла:

— Так вам и надо.

— Вы считаете, что я получил по заслугам?

— Когда человек совершает неблаговидный поступок… — начала она.

— Но, мадам, — запротестовал Мэйнард, — ведь я точно выяснил, что, не стань я собственным дедушкой, я никогда бы не появился на свет. А как бы вы поступили на моем месте?

— А по мне, так это многоженство, — заявил один из гостей. — Нет, только не подумайте, что я пытаюсь защищать женщин, которые награждают своих мужей чужими детьми. И вообще, Джоан, у меня просто нет слов.

Это был старый приятель Мэйнардов, который слышал рассказ впервые.

— Любая женщина может оказаться в отчаянном положении, — пробормотала Джоан.

— При чем здесь многоженство, — произнес Мэйнард, — если первая жена умерла чуть не на целое поколение раньше? — Он помолчал, а потом сказал: — И кроме того, я не мог не задуматься о судьбе всего человечества.

— Что вы имеете в виду? — хором воскликнули несколько гостей.

— Попробуйте представить себе силы, — уже серьезно сказал Мэйнард, — которые действуют в процессе путешествий во времени. Я не ученый, но могу отчетливо представить себе картину нашего материального мира, который движется сквозь время, подчиняясь незыблемому закону энергии. По сравнению с этой силой взрыв атомной бомбы не более чем слабый колеблющийся огонек свечи в бесконечной тьме. Предположим, что в определенный момент развития пространства-времени не рождается ребенок, который должен был появиться на свет. Так как ребенок, о котором мы говорим, должен был стать моим отцом, то возникает вопрос: если он не родился, продолжали бы мы с ним существовать или нет?

А если нет, то скажется ли наше неожиданное исчезновение на развитии Вселенной? — Мэйнард наклонился вперед и торжественно произнес: — Я полагаю, скажется. Я полагаю, что вся Вселенная просто исчезла бы, мгновенно испарилась, словно ее никогда и не было. Равновесие между жизнью как таковой и существованием индивида чрезвычайно хрупкое. Стоит чуть-чуть изменить его, нарушить самое слабое звено, и все рухнет, как карточный домик. Так мог ли я, учитывая эту возможность, поступить иначе?

Он пожал плечами, вопрошающе глядя на гостей, и откинулся на спинку кресла.

Наступило молчание. Затем один из присутствующих сказал:

— А мне кажется, каждый из вас получил по заслугам, — Он хмуро посмотрел на Джоан, — Я знаю вас уже примерно три года, но что-то не припомню никакого ребенка. Он умер? Тогда я вообще не понимаю, зачем вы вытряхиваете свое грязное белье на людях?

— Джоан, — сказал Мэйнард, — по-моему, *тебе* следует закончить этот рассказ.

Его жена взглянула на часы.

— Думаешь, я успею, милый? Без двадцати двенадцать. Наши гости наверняка хотят успеть

отпраздновать Новый год.

— А ты покороче, — сказал Мэйнард.

— Страхи Терри относительно того, что его любопытная жена увидит, как он отправляется в будущее и возвращается обратно, — начала Джоан, — были вполне обоснованны. Случилось так, что она увидела, как он исчез. Поймай она его при возвращении, с ней, безусловно, случилась бы истерика и она устроила бы ему скандал, а так у нее было время подумать и оправиться от потрясения.

И ничего удивительного, что она ходила за ним по пятам, как испуганная курица. Ей очень хотелось поговорить с ним, но она не осмеливалась и молча переживала происходившее. Несколько раз она видела, как он исчезал, а затем появлялся. С каждым разом она пугалась все меньше и меньше, и в один прекрасный день любопытство одержало верх. Однажды утром, когда он встал раньше нее, оставив на подушке записку, что уезжает на два дня, Мариэтта надела дорожное платье, взяла с собой все деньги, какие были в доме, и подошла к часам. Прежде она не раз изучала их и в принципе поняла, как они работают. Подойдя, она сразу заметила, что гирька стоит на отметке 1967.

Мариэтта схватилась рукой за хрустальную гирьку, как это делал ее супруг, и на мгновение почувствовала дурноту. Хоть она и не поняла этого сразу, она уже оказалась в будущем. Когда она вышла из дому, ей стало страшно: едва она начала переходить улицу, как механическое чудовище, которое неслось на нее, вдруг завизжало, резко останавливаясь. Из окошка высунулся сердитый мужчина и обругал ее.

Дрожа, почти теряя сознание, Мариэтта добралась до тротуара. Постепенно она освоилась с непривычной обстановкой и стала более осторожной, ведь она была способной ученицей. Менее чем через полчаса она очутилась перед магазином готовой одежды. Зайдя внутрь, она вынула из кошелька деньги и спросила у продавщицы, может ли она на них что-нибудь купить. Продавщица позвала управляющего. Управляющий отослал деньги в ближайший банк для проверки. Все обошлось как нельзя лучше.

Мариэтта купила платье, костюм, нижнее белье, туфли и прочие мелочи. Она вышла из магазина, потрясенная собственным безрассудством и испытывая стыд при виде той одежды, которую ей пришлось надеть, но в самом решительном расположении духа. Она очень устала,

поэтому вернулась обратно в дом, а потом и в свое собственное время.

Шли дни, и постепенно Мариэтта осмелела. Она подозревала своего мужа в дурных намерениях, ведь ей неоткуда было знать о том, что именно женщины будущего считают современным и дозволительным. Она выучилась курить, хотя сперва чуть было не задохнулась. Она научилась пить, хотя отключилась после первой же рюмки и целый час спала как убитая. Она устроилась на работу в магазин: управляющий решил, что ее старомодная манера обращения привлечет покупателей. Однако не прошло и месяца, как ее уволили, в основном потому, что она чересчур усердно подражала разговору молоденьких продавщиц с их новомодными словечками, но также и за то, что она не каждый день ходила на работу.

К этому времени у нее уже не оставалось сомнений в том, что она ждет ребенка, а так как в это время муж еще не собирался бросить ее, она сказала ему об этом. По-моему, в глубине души она надеялась, что он тут же все ей расскажет. Впрочем, не берусь утверждать этого наверняка: трудно судить о том, что в тот или иной момент движет поступками мужчины или женщины.

Как бы то ни было, этого не произошло. Вскоре он ушел и больше уже не возвращался.

Разгадав его намерения, Мариэтта пришла в ярость. И все же ее раздирали противоречия: с одной стороны, она оказалась в роли брошенной жены, с другой — в ее силах было изменить создавшееся положение.

Она заколотила дом и объявила, что намерена отправиться попутешествовать. Прибыв в 1967 год, она устроилась на работу и сняла комнату, назвавшись девичьим именем своей матери, Джоан Крейг. Она напросилась на вечеринку, где встретила Терри Мэйнарда. В новом платье и с новой прической в ней довольно трудно было узнать прежнюю Мариэтту.

Она вышла за него замуж и в наказание за то, что он так поступил с ней, не призналась ему ни в чем до самой последней минуты, напугав его до полусмерти. Но затем… да и что она могла сделать? Когда мужчина женится на девушке дважды, второй раз даже не подозревая, кто она такая, это — любовь… О господи, уже без трех минут двенадцать. Пора кормить моего карапуза.

Она вскочила с кресла и выбежала в холл.

Прошло около минуты, прежде чем один из гостей прервал наступившую тишину.

— Черт побери! Выходит, вы не только дедушка самому себе, но еще и женились в 1970 году на собственной бабушке! Вам не кажется, что это несколько усложняет дело?

Мэйнард покачал головой.

— Разве вы не понимаете, что это — единственный выход? У нас есть ребенок, который находится там, в прошлом. Он станет моим отцом. Если родятся другие дети, они останутся здесь и продолжат наш род. При мысли об этом мне становится легче жить на свете.

Где-то вдалеке забили куранты. Мэйнард поднял бокал.

— Дамы и господа, выпьем за будущий… 1971 год и за все хорошее, что с нами должно произойти.

Когда они выпили, одна из женщин робко спросила:

— Скажите, ваша жена… Джоан… она сейчас отправилась в прошлое?

Мэйнард кивнул.

— Тогда я не понимаю, — продолжала она. — Ведь вы сказали, что цифры на стержне кончаются на отметке 1970. Но только что наступил 1971 год.

— А! — сказал Терри Мэйнард. Лицо его при-

няло недоуменное выражение. Он привстал с кресла, чуть не выплеснув коктейль из бокала. Затем вновь медленно сел и пробормотал: — Я уверен, что все будет в порядке. Судьба не может так посмеяться надо мной.

Женщина, которая ранее весьма критически относилась к рассказу Мэйнарда, поджав губы, встала с кресла.

— Мистер Мэйнард, разве вы не собираетесь пойти и проверить?

— Нет-нет, я уверен, что все будет в порядке. Там, под грузиком, есть место для новых цифр. Не сомневаюсь в этом.

Один из гостей поднялся с места и, нарочито чеканя шаг, вышел в холл. Когда он вернулся, вид у него был хмурый.

— Вам, вероятно, будет небезынтересно узнать, — сказал он, — что ваши часы остановились ровно в полночь.

Мэйнард по-прежнему сидел в кресле.

— Я уверен, что все будет в порядке, — повторял он.

Две женщины встали со своих мест.

— Мы пойдем наверх и поищем Джоан, — сказала одна из них.

Через некоторое время они вернулись.

— Ее там нет. Мы всюду посмотрели.

В комнату вошли трое гостей, которые удалились в столовую, когда Мэйнард начал свой рассказ. Один из них весело сказал:

— Ну, полночь прошла, так что, думаю, все кончилось, — Он посмотрел на Мэйнарда, — Вы, конечно, сказали им, что нумерация кончается на цифре 1970?

Гости заерзали на своих местах, нарушив тягостное молчание. Мужчина обратился к ним все тем же веселым тоном:

— Когда я впервые слышал эту историю, последняя цифра была 1968, и ровно в полночь часы остановились.

— И Джоан исчезла за три минуты до этого? — спросил кто-то.

— Вот именно.

Несколько человек вышли в холл посмотреть на часы. В гостиную доносились возбужденные голоса:

— Смотрите-ка, последняя цифра действительно 1970…

— Интересно, Мэйнард каждый год вырезает новые цифры?

— Эй, Пит, возьмись за гирьку!

— Ну уж нет. Мне как-то не по себе от этой

истории.

— Мэйнард всегда казался мне странным.

— Но здорово рассказал, верно?

Позже, когда гости начали расходиться, одна женщина жалобно спросила:

— Но если все это шутка, почему Джоан не вернулась?

Чей-то голос прозвучал из темноты за дверью:

— Мэйнарды такая занятная пара, правда?

Ведьма

Прячась в жалких зарослях кустов, Марсон наблюдал за старухой. Прошло несколько минут с тех пор, как он отложил книгу. Его окружал неподвижный полуденный воздух. Даже здесь, за холмами, которые отделяли его от сверкающего языка моря, резвившегося внизу среди скал, жара была такой нестерпимой, что, казалось, ее можно потрогать руками; она отнимала у него все силы.

Но сегодня не жара, а письмо в кармане тяготило Марсона. Оно пришло два дня назад, а ему так и не удалось набраться храбрости, чтобы потребовать объяснений.

Неуверенно хмурясь — не замеченный, вне подозрений, — он наблюдал.

Старуха грелась на солнце. Ее вытянутое худое бледное лицо склонилось во сне на грудь. Она сидела неподвижно долгие часы, какая-то бесформенная в своем черном мешковатом платье.

От напряжения у него заболели глаза, и он отвел взгляд, посмотрел на длинный, низкий, обсаженный деревьями домик с аккуратным белым гаражом, подумал о своем одиночестве на этом высоком зеленом холме, нависшем над

огромным городом. На Марсона на мгновение снизошло приятное ощущение покоя и защищенности; потом он снова повернулся к старухе.

Довольно долго он смотрел на пустое место, где она только что сидела. Он испытал смутное удивление, но никаких определенных мыслей в голове не возникло. Через пару минут он сообразил, *что* увидел, и подумал следующее.

В тридцати футах от входной двери, где старуха сидела, она обязательно попала бы в поле его зрения, если бы прошла в дом.

Старая женщина — ей, может, девяносто, а то и все сто или даже больше, — невероятно старая женщина в состоянии передвигаться со скоростью… ну, пожалуй, тридцать футов в минуту.

Марсон встал. Там, где солнце обожгло плечи, он почувствовал сильную боль, но скоро она прошла. Выпрямившись в полный рост, он видел, что на крутой, уходящей вверх тропе никого нет. Лишь голос моря нарушал тишину жаркого субботнего дня.

И куда же подевалась старая мерзавка?

Входная дверь открылась, и появилась Джоанна.

— Вот ты где, Крейг, — крикнула она. — Матушка Квигли только что про тебя спрашивала.

Марсон молча спустился со склона холма. Он старательно обдумал слова жены, прокрутив каждое из них в голове, и решил, что они не имеют никакого отношения к реальности. Старуха не могла *только что* о нем спрашивать, потому что она *не* входила в дверь дома, а следовательно, за прошедшие двадцать минут никого ни о чем не спрашивала.

Наконец ему в голову пришла новая мысль, и он поинтересовался:

— Кстати, а где матушка Квигли?

— Внутри.

Он видел, что Джоанна возится с цветочным горшком на окне у двери.

— Вот уже полчаса сидит в гостиной и вяжет.

Удивление Марсона уступило место сильному раздражению. Он слишком много думает о проклятой старухе с тех пор, как сорок восемь часов назад пришло письмо. Он достал его и задумчиво посмотрел на свое имя на конверте.

На самом деле нисколько не удивительно, что это странное письмо пришло именно ему. После появления старухи — а произошло это почти год назад, — появления, которое обернулось для Марсона неожиданным кошмаром, он мысленно рассмотрел все возможные последствия ее пре-

бывания в своем доме. И подумал, что, если у нее остались какие-то долги в маленькой деревеньке, где она до этого жила, ему лучше их заплатить.

Молодой человек, чье назначение на пост директора технической школы было подвергнуто суровой критике по причине молодости, не мог допустить, чтобы ч*то-нибуд*ь запятнало его репутацию. Поэтому месяц назад он написал письмо и вот получил ответ.

Очень медленно он вытащил письмо из конверта и перечитал потрясшие его слова:

«Дорогой мистер Марсон,

Поскольку я единственный, кого это может касаться, почтальон вручил ваше письмо мне. Я хочу сообщить вам, что, когда ваша прабабушка умерла в прошлом году, я сам ее похоронил. Я работаю изготовителем надгробных плит и поскольку являюсь богобоязненным человеком, то за собственные деньги вырезал для нее плиту. Но раз у нее есть родственники, мне кажется, что вы должны вернуть мне стоимость плиты в размере 18 (восемнадцати) долларов. Надеюсь, вы не задержитесь с ответом, поскольку я очень нуждаюсь в деньгах.

Пит Коул».

Марсон довольно долго стоял на месте, затем повернулся к Джоанне, собираясь с ней поговорить, но увидел, что она вошла в дом. Так и не решив, что делать, он спустился вниз и задумался.

Старая карга! Какая наглость! Как только старуха осмелилась прийти в чужой дом и так бессовестно их обмануть!

Поскольку он имел определенное положение в обществе, единственным правильным реше-

нием казалось заплатить за то, чтобы ее забрали в заведение для престарелых людей, у которых нет родственников. Но даже и это следовало хорошенько обдумать. Хмурясь, Марсон поудобнее уселся на стул, стоящий у подножия скалы, и демонстративно взял в руки книгу. Только много времени спустя он вспомнил, как старуха исчезла с лужайки.

«Забавно, — подумал он тогда, — и правда, очень забавно».

Воспоминание ушло. Старая женщина сидела, словно ничего не замечая вокруг себя.

Ужин подошел к концу, вот уже много лет как в этом старом теле не осталось никаких сил, и потому пищеварение представлялось почти что невероятным процессом, когда все, что поглощено, сразу же выходит наружу.

Она сидела, словно мертвец, не двигаясь, ни о чем не думая; даже темное существо, заставившее ее прийти в этот дом, лежало сейчас неподвижное, будто камень, на дне черного колодца ее сознания.

Казалось, она всегда сидела на стуле возле окна, выходящего на море, словно неодушевленный предмет или жуткая, высохшая мумия. Или как отъездившее свое колесо, навсегда замершее в

неподвижности.

Через час она начала чувствовать свои кости. Существо, живущее в ее сознании, странное, чуждое людям, прячущееся за истонченной, будто пергамент, маской человеческого лица, украшенного длинным тонким носом, медленно пошевелилось.

Существо взглянуло на Марсона, который сидел за столом в гостиной, задумчиво склонив голову над учебным планом на следующий семестр. Тонкие губы, прячущие беззубый рот, скривились в презрительной усмешке.

Впрочем, усмешка тут же исчезла, когда Джоанна тихонько скользнула в комнату. Из-под полуприкрытых век на нее смотрели бесцветные глаза, в которых при виде стройного, гибкого, сильного тела вдруг вспыхнула голодная звериная похоть. Это прекрасное тело скоро обретет новую хозяйку.

В течение трех дней полнолуния после дня летнего солнцестояния. Если быть точной, ровно через девять дней. Девять дней! Древнее тело старухи дернулось и затряслось от восторга, который испытало существо, живущее в ее сознании. Девять коротких дней, и начнется новый, исполненный жизненной энергии цикл дли-

ной в целый век. Такое красивое молодое тело, способное на многое, способное… Мысль угасла, когда Джоанна вернулась на кухню. Медленно, впервые за все время, старуха почувствовала близость моря.

Старая женщина с довольным видом сидела на своем стуле. Уже скоро море перестанет ее пугать своими ужасами, и шторы можно будет не опускать и не закрывать окна; она даже сможет гулять ночами по берегу, как в старые добрые времена. А *они,* те, кого она покинула давным-давно, снова станут прятаться, спасаясь от неудержимой энергетической ауры ее нового тела.

Шум моря подобрался к тому месту, где она сидела не шевелясь. Сначала он звучал едва слышно, словно ласкал ее мягким шелестом набегающих волн. Шло время, и голоса волн становились громче, в них появились сердитые интонации и неистребимая уверенность в собственных силах, но слова заглушало расстояние, превращая их в набор неясных, пронзительных звуков, диссонансом разрывавших наступающую ночь.

Ночь!

Она не должна знать о наступлении ночи за задернутыми шторами.

Тихонько вскрикнув, она повернулась к окну, около которого сидела. И тут же с ее губ сорвался вопль ужаса, жуткий в своей пронзительности.

Марсон услышал мерзкий вой и тут же вскочил на ноги. Громкий голос старухи ворвался в кухню, и Джоанна влетела в комнату, словно ее втянули на веревке.

— Боже мой! — пожал он плечами. — Дело в окне и шторах. Я забыл их задвинуть, когда стало темнеть.

Он раздраженно замолчал, а потом выкрикнул:

— Чушь проклятая! Я собираюсь…

— Ради всех святых! — запротестовала жена. — Нужно прекратить шум. Займись окнами.

Марсон снова пожал плечами, молча соглашаясь с женой. Но одновременно подумал: им уже недолго осталось терпеть. Как только начнутся летние каникулы, он устроит ее в дом престарелых. И их мучениям конец. Меньше чем через две недели.

Голос Джоанны резко разорвал наступившую тишину, когда матушка Квигли успокоилась и откинулась на спинку стула.

— Странно, что ты забыл. Обычно ты о таких вещах помнишь.

— День выдался такой жаркий! — пожаловался Марсон.

Джоанна промолчала, и он вернулся на свой стул. И вдруг его посетила новая мысль: старая женщина, которая так сильно боится моря и темноты, почему она приехала в дом, стоящий на берегу моря, где уличные фонари расположены настолько далеко друг от друга, что ночи здесь пронизаны почти первобытным мраком?

Серая мысль ускользнула прочь, он вернулся к своему плану занятий.

Старуха неожиданно страшно удивилась.

Существо, сидящее внутри нее, бушевало от ярости. Как он посмел забыть, этот жалкий человечишко! Однако… «Обычно ты о таких вещах помнишь!» — сказала его жена.

И это действительно так. За одиннадцать месяцев он ни разу не забыл закрыть шторы — до сегодняшнего вечера.

Неужели он что-то заподозрил? Возможно ли, что сейчас, когда время перехода так близко, ее сознание выдало ему, что она намерена сделать?

Такое уже случалось раньше. В прошлом ей приходилось сражаться за новое тело с ужасными, злобными мужчинами, у которых нет ничего, кроме отвратительной подозрительности.

Черные, точно ночь, глаза превратились в две булавочные головки. *Этот* отличается не только подозрительностью. Поскольку он то, что он есть, — практичный, скептически настроенный, хладнокровный тип, — этого человека коснутся не все телепатические вибрации или диковинные бури, захватывающие сознание и наполняющие его необычными образами (если подобные видения его еще не посещали). И уж конечно образы эти не смогут задержаться в его сознании навсегда. Его интересуют и возбуждают только факты.

Какие факты? Может быть, находясь в состоянии максимальной сосредоточенности, она, сама того не замечая, позволила образам выплыть на свет? Или он занялся собственным расследованием?

Старуха задрожала, а потом неторопливо приняла решение: она не может рисковать.

Завтра воскресенье, и мужчина будет дома. Значит, ей не удастся сделать то, что нужно. Но в понедельник… В понедельник утром, когда Джоанна ляжет спать — а она всегда возвращается в постель еще на часок, когда муж уходит на работу, — в понедельник она прокрадется в спальню и подготовит спящее тело, чтобы семь дней спустя

проникновение в него не составило труда.

Она больше не станет тратить время, пытаясь уговорить Джоанну добровольно принять снадобье. Глупая дурочка категорически отказывается от каких бы то ни было домашних лекарств и твердит, что верит лишь докторам.

Заставить ее насильно принять снадобье рискованно — но и вполовину не настолько опасно, как надеяться, что это отвратительное старое тело протянет еще год.

Безжалостная старуха спокойно сидела на своем стуле.

Против собственной воли она с нетерпением ждала, когда наступит назначенный час. В понедельник за завтраком она едва держала себя в руках — такое сильное возбуждение ее охватило. Каша не попадала в рот, молоко и слюна проливались на скатерть — она ничего не могла с собой поделать. Старые руки и губы дрожали: она стала жертвой своего ужасного дряхлого тела. Лучше отправиться к себе в комнату до… Она вздрогнула от неожиданности, когда мужчина резко встал из-за стола и на его бледном лице появилось такое выражение, что она сразу поняла, о чем пойдет речь.

— Я хотел кое-что сказать матушке Квигли, — в

его голосе появились резкие интонации. — Сейчас, когда я испытываю чрезвычайно сильное отвращение, по-моему, самый подходящий для этого момент.

— Ради бога, Крейг, — быстро перебила его Джоанна, а старуха воспользовалась ее вмешательством и начала медленно, неуверенно подниматься из-за стола. — Что с тобой происходит в последнее время? Ты просто ужасен. Ну, будь хорошим мальчиком и иди в свою школу. Лично я не собираюсь ничего здесь убирать, пока не вздремну немного, и не намерена по этому поводу расстраиваться. Пока, дорогой.

Они поцеловались, и Джоанна направилась в коридор, который вел в комнаты. В следующее мгновение она скрылась в супружеской спальне. И вот когда старая женщина, отчаянно сражаясь со своим стулом, пыталась подняться на ноги, Марсон повернулся к ней, и в его холодных глазах она увидела решимость.

Загнанная в угол, она смотрела на него, точно животное, попавшее в ловушку, охваченная негодованием на свое старческое тело, которое подвело ее в такой решительный момент и отняло волю.

— Матушка Квигли, — сказал Марсон, — пока я

буду продолжать вас так называть, но я получил письмо от человека, который утверждает, будто он вырезал надгробный камень для вашей могилы, куда собственными руками опустил тело. Я хочу знать вот что: кто лежит в могиле? Я…

То, как он сам сформулировал вопрос, заставило Марсона удивленно замолчать. Он стоял, странно напряженный, не в силах пошевелиться от охватившего его необычного, какого-то чуждого ужаса, какого до сих пор ему испытывать не приходилось. На мгновение его сознание, казалось, открылось и лежало беззащитным перед порывами ледяного ветра, который налетел на него из мрака преисподней.

На него обрушились мысли, череда мерзких непристойных испарений, нездоровых, черных от древнего, невероятно древнего зла, вонючая масса, источающая ощущение ужаса, о существовании которого он даже не подозревал.

Вздрогнув, Марсон выбрался из страшного мира собственных фантазий и вдруг понял, что старая карга что-то говорит и ее слова наталкиваются друг на друга, словно им не терпится сорваться с ее губ.

— Похоронили не меня. В деревне нас было две старухи. Когда она умерла, я сделала так, что

она стала похожа на меня, а потом я забрала ее деньги и… знаешь, когда-то я была актрисой, я умею пользоваться косметикой. Так все и было, да, именно косметика. Вот тебе и объяснение; я вовсе не то, что ты подумал, а старая бедная женщина. Всего лишь старуха, которую нужно пожалеть…

Она могла бы ныть так до бесконечности, если бы существо у нее в голове не заставило ее — с невероятным усилием — замолчать. Она стояла, тяжело дыша, понимая, что ее голос звучал слишком быстро, слишком возбужденно, язык подвел ее, снова сделав жертвой возраста, а каждое слово каждым своим слогом выдавало ее.

Мужчина положил конец ее отчаянному страху.

— Боже праведный, женщина, ты стоишь тут и утверждаешь, будто проделала подобные вещи…

Марсон замолчал, не в силах продолжать. Слова старухи уводили его все дальше и дальше от странных, нет, диких мыслей, наводнивших его сознание на короткий миг, назад в практичный мир разумных доводов — и его собственных представлений о морали. Он испытал почти физический шок и потому заговорить снова смог только после паузы. Наконец он медленно

произнес:

— Минуту назад вы признались, что совершили отвратительный поступок: вы изменили внешность мертвой женщины, чтобы украсть ее деньги. Это…

Он снова замолчал, потрясенный глубиной морального падения старухи. Она совершила ужасное, гнусное преступление, которое, если будет раскрыто, навлечет на него всеобщее порицание и уничтожит его карьеру директора школы.

Мужчину передернуло, и он поспешно сказал:

— Сейчас мне некогда это обсуждать, но…

Марсон вздрогнул, увидев, что старуха направляется в сторону своей комнаты. Уже более твердым голосом он крикнул ей вслед:

— В субботу днем вы сидели на лужайке…

Дверь за ней бесшумно закрылась. Старая женщина стояла за ней, тяжело дыша от предпринятых усилий и ликуя от растущей уверенности в том, что одержала победу. Глупец ничего не заподозрил. Какое ей дело, что он про нее думает! Осталось всего семь дней. Если ей удастся продержаться семь дней, остальное уже не будет иметь никакого значения.

Опасность заключалась в том, что с каждым

днем ее положение будет становиться все сложнее. Когда наступит момент, ей придется, не теряя времени, проникнуть в новое тело. А это означает, что тело женщины необходимо подготовить *немедленно!*

Джоанна, пышущая здоровьем Джоанна, уже, наверное, спит. Нужно только дождаться, когда ее мерзкий муж уйдет. Она ждала… Издалека донесся такой сладостный звук: входная дверь открылась, а потом снова закрылась. Словно нетерпеливый конь, старуха трепетала от возбуждения, она дрожала от охватившего ее болезненного предчувствия. Вот сейчас наступит решающий момент. Если она потерпит поражение, если ее обнаружат… она подготовилась на этот случай, но… Страх прошел. Она пошарила рукой на плоской груди под черной тканью платья, где висел маленький мешочек с порошком, и шагнула вперед.

На мгновение она остановилась перед открытой дверью в спальню Джоанны. Ее пронзительные глаза с удовлетворением остановились на спящей женщине. А потом… она вошла в комнату.

Утренний ветер с моря налетел на Марсона, ударил в него, когда он открыл дверь. Он с силой

захлопнул ее и нерешительно замер в тускло освещенной прихожей.

И не в том дело, что он не собирался выходить, — у него была масса дел перед окончанием учебного года, просто резкий порыв ветра породил в его голове новую мысль.

Может быть, прежде чем уйти, он должен рассказать Джоанне про письмо, которое получил?

В конце концов, теперь старуха знает, что ему известна правда. Она может прибегнуть к хитрости, чтобы защитить себя, может посчитать, что ее безопасность под угрозой, и заговорить об этом с Джоанной — а та не имеет ни малейшего понятия о письме.

По-прежнему ни на что не решившись, Марсон медленно шагнул вперед, но снова остановился. Проклятье, наверное, это может подождать, в особенности если учесть, что Джоанна спит. Ему уже и так придется ехать на машине или городском транспорте, чтобы добраться до школы вовремя, он ведь всегда приходит на работу очень рано.

Эта мысль, словно безумная, металась у него в голове, когда он увидел, как черная тень старухи, точно привидение, скользнула по коридору в сторону спальни Джоанны.

Не успев ни о чем подумать, Марсон собрался

закричать — все мысли испарились у него из головы, потому что по совершенно необъяснимой причине он вдруг ощутил диковинную чуждость происходящего. Крик замер у него на губах, поскольку вдруг ледяной, противоестественный ветер, налетевший из мрака, снова ворвался в его сознание. Страшные первобытные чудовища вопили и бесновались…

Он не знал, что бросился бежать, но неожиданно оказался возле открытой двери в спальню, где увидел старуху; и в самый последний момент, хотя он примчался сюда совершенно бесшумно, существо, жившее в ней, его почувствовало.

Старуха подпрыгнула на месте, вся ее фигура выражала такое возмущение, что на нее было страшно смотреть. Ее пальцы, метавшиеся над губами Джоанны, спазматически дернулись, и зеленоватый порошок просыпался частично на кровать, а частично на маленький коврик около нее.

В следующий миг Марсон навалился на старуху. Мерзкий ветер у него в голове задул сильнее, стал еще пронзительнее, и он вдруг отчетливо понял, что демоническая сила будет сопротивляться до последнего. На минуту эта уверенность победила реальность.

Потому что у него под руками не было ничего.

Тонкие костлявые руки тут же поддались под его напором, а тело, похожее на старую сгнившую бумагу, повалилось на пол, когда он налетел на старуху.

На одно короткое мгновение Марсон замер на месте, пораженный легкостью, с которой ему далась победа. Но даже очень сильное удивление не могло его остановить и прогнать невообразимое ощущение, что он столкнулся с вещами, чуждыми миру людей; в этот момент никакие сомнения не смогли бы перевесить ярость, охватившую его от того, что он увидел.

Старуха, скорчившись, лежала у его ног бесформенной кучей тряпок. С безжалостной, дикой ненавистью, какой он никогда не испытывал до сих пор, Марсон поднял ее с пола.

Легкая, словно трухлявый кусок дерева, она висела в его руках, как черная тряпка, не имеющая никакого сходства с человеческим существом. Он встряхнул ее, как поступил бы с чудовищем, и в этот момент, когда желание уничтожить ее вспыхнуло с необъяснимой силой, произошло невероятное.

Двойники старухи наполнили комнату. Семь старых женщин, абсолютно одинаковых, на-

чиная от черного, похожего на мешок платья и кончая почти лысой головой, друг за другом помчались к двери. Три точные копии отчаянно пытались открыть ближайшее окно. Одиннадцатая стояла на коленях, изо всех сил пытаясь протиснуться под кровать.

Марсон, у которого в голове все перемешалось, изумленно вскрикнул и выпустил существо, которое держал в руках. Старуха со стоном упала, и одиннадцать двойников старой женщины исчезли, словно обрывки ночного кошмара.

— *Крейг!*

Он смутно узнал голос Джоанны, но продолжал стоять, будто окаменев, не обращая на нее внимания. А в голове у него сформировалась новая мысль. Вот что произошло в субботу на лужайке: он видел двойника старухи, случайно рожденного ее противоестественным сознанием, в то время как она сама сидела в гостиной и вязала.

Он понял, что двойники тоже возникли случайно: она испугалась и искала путей к спасению.

Господи, какие глупости приходят ему в голову! Это не может быть ничем иным, кроме разыгравшегося воображения.

То, о чем он думает, просто невозможно.

— Крейг, в чем дело? Что произошло?

Марсон едва слышал жену, потому что неожиданно четко и совершенно спокойно его мозг выдал новую мысль, простую и страшную.

Как следует поступить с ведьмой в 1942 году от Рождества Христова?

Мысль отступила, когда он наконец заметил, что Джоанна сидит в очень неудобном положении, в котором оказалась, когда проснулась. Она слегка раскачивалась из стороны в сторону и морщилась, поскольку еще не пришла в себя после того, как ее резко вырвали из мягких объятий сна.

Он видел, что ее глаза широко открыты и она, ничего не понимая, смотрит на старуху. Марсон быстро проследил за ее взглядом и испугался.

Джоанна проснулась, лишь когда старуха закричала. Она не видела, как по комнате метались одиннадцать чудовищ.

То, что она сейчас наблюдает, — это как сильный, грубый молодой человек с угрожающим видом стоит над стонущей старухой, лежащей на полу у его ног. Святые небеса, он должен действовать быстро, нельзя терять ни минуты.

— Послушай, — начал он сдержанно, — я поймал ее, когда она пыталась засыпать тебе в рот какой-то зеленый порошок и…

Стоило Марсону облечь происшедшее в слова, как ему стало нехорошо. Его сознание отказывалось принять жуткий факт случившегося: ведьма собиралась одурманить Джоанну… его Джоанну! По какой-то непонятной причине Джоанна должна была стать жертвой. Необходимо убедить жену, что им следует действовать и они просто не имеют права терять время.

Перед этой необходимостью его ярость отошла на второй план. Марсон сел на кровать рядом с Джоанной и все ей рассказал. Он не стал упоминать ни про одиннадцать двойников, ни про свои чудовищные подозрения. Джоанна отличалась еще большей практичностью, чем он. Все только сильнее запутается, если она решит, будто он спятил. И потому он закончил так:

— Я не желаю слышать никаких возражений. Происшедшее говорит само за себя. А наличие порошка указывает на преступные намерения. Письмо же позволяет нам усомниться в том, что она действительно та, за кого себя выдает. Так что мы свободны от каких бы то ни было обязательств перед ней. Вот что мы сделаем. Во-первых, я позвоню моей секретарше и скажу, что сегодня приду позже. Затем свяжусь с домом престарелых. Не сомневаюсь, что в обычных

обстоятельствах нам пришлось бы заполнить кучу бумаг, но деньги решают все проблемы. Мы сегодня же от нее избавимся и…

Он страшно удивился, когда Джоанна расхохоталась. Ее отчаянный смех оборвался на неестественно резкой, истерической ноте, и Марсон слегка встряхнул ее.

— Милая, — обеспокоенно произнес он.

Она оттолкнула его, спрыгнула с кровати и с неожиданным для него волнением опустилась на колени около старухи.

— Матушка Квигли, — начала она, и ее голос прозвучал так пронзительно, что Марсон собрался было встать, но тут же снова опустился на кровать, — матушка Квигли, ответьте на мой вопрос: порошок, который вы хотели всыпать мне в рот… это те самые толченые водоросли, которые вы убеждали меня принять от головных болей?

Вспышка надежды, родившейся в сознании старухи, чуть не испепелила ее мозг. Как же она могла забыть о своих попытках уговорить Джоанну принять порошок добровольно?

— Помоги мне лечь в мою кровать, милочка, — прошептала она. — Не думаю, что у меня что-нибудь сломано, но я хочу полежать… Да, конечно, дорогая, это тот самый порошок. Я не

сомневалась, что он тебе поможет. Ты же знаешь, мы женщины, с нашими головными болями… нам нужно держаться вместе. Мне не следовало так поступать, но…

В мозгу старухи пронеслась новая мысль, которая испугала ее.

— Ты ведь не позволишь ему прогнать меня, правда? Я знаю, от меня одни проблемы и…

Она замолчала, потому что на лице Джоанны появилось странное выражение. Всегда нужно вовремя остановиться. Победой не стоит злоупотреблять. С едва сдерживаемой радостью она услышала, как Джоанна сказала:

— Крейг, по-моему, тебе пора на работу. Ты опоздаешь.

— Пусть отдаст мне остатки порошка, — резко ответил Марсон. — Я отправлю его на анализ в лабораторию.

Он старался не смотреть жене в глаза, когда у него в голове пронеслась удивленная мысль: «Я сошел с ума. От ярости у меня помутилось в голове и возникли кошмарные галлюцинации. Кажется, доктор Ликоминг говорил, что человеческое сознание обладает видовой памятью, которая своими корнями уходит в безымянные моря, давшие жизнь далеким предкам людей. И

что в моменты сильного напряжения эти воспоминания возвращаются».

Ему стало совсем стыдно, когда старуха дрожащей рукой протянула ему полотняный мешочек. Не говоря ни слова, он взял его и вышел из комнаты.

Через несколько минут, когда тихонько заурчал мотор его машины и ему пришлось сосредоточить внимание на дороге, Марсону показалось, что случившееся — далекий причудливый сон.

«Ну и что дальше? — подумал он, — Я все равно не хочу, чтобы она оставалась в нашем доме, но...»

Неожиданно Марсона охватило удивившее его самого возмущение оттого, что у него нет никакого плана.

Вторник. Старуха вздрогнула и проснулась, но лежала в своей постели, не шевелясь. Она почувствовала голод, однако решение было принято. Она не будет вставать и одеваться, пока мужчина не уйдет на работу, и не станет выходить в полдень, когда занятия закончатся и он вернется домой.

Она будет сидеть в своей комнате, за плотно закрытой дверью, когда он дома.

До решающего момента осталось шесть дней,

шесть бесконечных дней, когда минуты ползут медленно, точно черепахи, а ее переполняют страх и сомнения.

Среда. Половина пятого. Марсон разжал пальцы, лежавшие на дверной ручке, когда услышал женский смех, доносившийся из дома, и вспомнил, что его предупреждали о гостях, которые придут к чаю.

Словно незваный гость, он вышел на улицу и вернулся домой только около семи.

Вот уже в сотый раз его посещала одна и та же мысль: «Я *видел* двойников старухи. Я знаю, что видел их. Лишь инстинкт цивилизованного человека заставляет меня в этом сомневаться и мешает действовать».

На пороге лежала вечерняя газета. Он поднял ее, а потом, после ужина оставшимися бутербродами и горячим кофе, почти два часа спустя, один абзац из передовой статьи, посвященной войне, сначала привлек его внимание, а затем и вовсе заставил забыть об окружающем мире.

> «Врагу не удалось нас обмануть. Мы знаем, что все его действия прямо или косвенно направлены против нас. Самое поразительное и фантастичное в проис-

ходящем то, что он все знает и ничего не предпринимает.

Если человек подозревает, нет, если у него есть абсолютная уверенность в том, что кто-то собирается убить его при первой возможности, он попытается это предотвратить. Он не станет ждать кровавой развязки.

А самое главное, скоро наступит момент, когда уже будет поздно что-либо предпринимать».

Неожиданно вздрогнув, Марсон выронил газету из рук. Он забыл про войну. Во время социологических опросов касательно войны он дважды отвечал, что у него «нет мнения», и это было чистой правдой. У молодого человека, на плечи которого легла огромная ответственность руководить большой школой, нет времени на политику. Возможно, позже… Но сама тема, скрытый смысл передовой статьи были адресованы ему и имели прямое отношение к его проблеме.

«Знать то, что он знает, и ничего не предпринимать».

Марсон неуклюже, но решительно поднялся

на ноги.

— Джоанна, — начал он и обнаружил, что обращается к пустой комнате.

Он заглянул в спальню. Джоанна лежала на кровати, полностью одетая, и крепко спала. Мрачное настроение Марсона тут же улетучилось, и он с улыбкой сочувствия посмотрел на жену. Она устала после своих гостей.

Через час она так и не проснулась, и он очень тихо, осторожно раздел ее и уложил в постель. Она не пошевелилась, даже когда он поцеловал ее, пожелав спокойной ночи.

Четверг. К полудню его голова была занята проблемой мелкой кражи: отвратительная, грустная история хорошенькой девушки, которую поймали на месте преступления. Марсон видел, как вошел Кемп, помощник учителя химии, а потом тихонько вышел.

Марсона неожиданно охватило возбуждение, и он решил на время оставить разбирательство и догнать Кемпа, который уже надевал шляпу, собираясь на ланч.

Увидев Марсона, он улыбнулся. Но уже в следующее мгновение нахмурился.

— Мистер Марсон, помните тот зеленый порошок, который вы попросили меня проанали-

зировать? Это оказалось совсем не просто. Мне хочется сделать все как следует.

Марсон кивнул. Именно репутация Кемпа заставила его обратиться к нему, а не к его столь же любезному начальнику. Кемп был молод, полон энтузиазма и прекрасно знал свой предмет.

— Продолжайте, — попросил Марсон.

— Как вы и предположили, — сказал Кемп, — это растертые водоросли. Я отнес порошок Био Биллу, прошу прощения, я имел в виду мистера Грейнджера.

Марсон невольно улыбнулся. Было время, когда он и сам совершенно спокойно называл своего коллегу «Био Билл».

— Грейнджер определил, что это вид водоросли, которая называется Hydrodendon Barehia.

— Она оказывает какое-нибудь особое действие на организм человека? — как бы между прочим спросил Марсон.

— Не-ет! Она совершенно не опасна, если вас это интересует. Естественно, я проверил ее действие на подопытном кролике — я имею в виду себя — и выяснил, что она довольно неприятная на вкус, не горькая, но немного резковатая.

Марсон молчал, не зная, как отнестись к услышанному — обрадоваться или огорчиться.

Кемп заговорил снова:

— Я просмотрел книги и, к своему великому удивлению, обнаружил, что у этой водоросли довольно обширная история. Вы же знаете, что в Европе студентов заставляют подробно изучать труды, посвященные алхимии и тому подобным вещам, чтобы познакомить их с историей вопроса.

— И что?

— У вас в доме случайно не завелась ведьма? — рассмеявшись, спросил Кемп.

— Ха! — Короткое слово чуть не обожгло Марсону губы, так старательно он пытался скрыть свое потрясение.

Кемп снова рассмеялся.

— Австриец Карл Глек в своей книге «История колдовства» утверждает, что Hydrodendon Barehia — это современное название пользующейся дурной славой колдовской травы бессмертия. Я не говорю о ведьмах из нашего христианского фольклора с их детскими штучками, я имею в виду древнее племя дьявольских существ по имени тай, которые жили в стародавние времена и были настоящими, из плоти и крови, морскими ведьмами. Складывается впечатление, что, когда тело, в котором они находятся, стареет, они вы-

бирают молодую женщину, настраивают себя на ее жизненный цикл, поселившись рядом с ней, а затем перебираются в ее тело после полуночи во время полнолуния, в один из дней после двадцать первого июня. А водоросль облегчает им переход. Глек пишет… Господи, что случилось, сэр?

Первым диким и почти непреодолимым желанием Марсона было рассказать все Кемпу. Невероятным усилием воли он заставил себя сдержаться, поскольку тот, хотя и рассуждал о ведьмах совершенно спокойно, оставался настоящим ученым.

То, что Марсон собирался сделать, очень важно. Ему может помешать, если практичный человек, склонный к сомнениям, заподозрит правду.

А само существование такого подозрения может подорвать его волю и в конце концов не позволит действовать.

Словно со стороны он услышал свои неуклюжие слова благодарности. По дороге домой Марсон пытался решить, как ему убедить Джоанну, что они должны избавиться от старухи.

Оставался еще один вопрос, который он должен был прояснить, прежде чем рискнуть всем и предпринять единственно возможную попытку спасти жену. Еще один вопрос.

Утром в субботу ярко светило солнце, но к вечеру облака затянули небо над его мчащейся по шоссе машиной. В шесть часов начался сильный дождь, который через десять минут прекратился, и небо снова прояснилось.

Деревню Марсон увидел с вершины холма и решил, что это облегчает его задачу. Спрятавшись в небольшой роще, он разглядывал скучившиеся маленькие домики и несколько строений побольше. Церковь его удивила.

Марсон достал бинокль и принялся рассматривать окрестности церкви. Только через полчаса он убедился, что там нет того, что он ищет. Сумерки постепенно сгущались, и Марсона охватила паника. Он не мог спуститься в деревню и спросить, где находится кладбище. Однако ему нужно было спешить!

Чувствуя, как внутри у него все сжимается, Марсон углубился в заросли деревьев, пристроившиеся у края холма. Вдалеке он разглядел небольшое возвышение, с которого надеялся получше рассмотреть окрестности. В таких деревнях кладбища иногда располагаются на некотором расстоянии от самого поселения. Неожиданно он выбрался из кустов и оказался на узкой дороге, а в нескольких футах заметил

решетку с воротами. За ними в сгущающихся тенях виднелись простые кресты; белый ангел стоял, замерев и вытянув вперед руки, словно вот-вот собирался взлететь; несколько больших сверкающих гранитных плит выделялись на фоне черной земли.

На кладбище спустилась тихая темная ночь, когда Марсон при помощи фонарика наконец-то отыскал надгробный камень с простой надписью:

Миссис Квигли
Умерла 7 июля 1941 года в возрасте 90 лет

Марсон вернулся к своей машине, взял лопату и начал копать. Земля оказалась довольно жесткой, и через час ему удалось углубиться всего на полтора фута.

Задыхаясь от усилий, он опустился на землю и несколько минут лежал под звездным небом, по которому медленно ползли облака. Он вдруг вспомнил странную вещь: средний вес деканов университета и директоров школ составляет сто восемьдесят фунтов — по Юнгу.

«Проклятье, — подумал он, — веса у меня сколько угодно, а вот сил не слишком много. Однако,

как бы там ни было, я буду копать, если нужно, всю ночь».

По крайней мере, одно он знал наверняка: Джоанны сегодня нет дома. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить ее провести выходные у друзей без него, и еще труднее оказалось соврать, что дела вынуждают его уехать из города до утра воскресенья. Ему пришлось дать Джоанне честное слово, что в воскресенье он за ней заедет и заберет ее домой.

Проще всего оказалось найти девушку, которая согласилась присмотреть за старухой на выходных…

Шум проезжающей машины заставил Марсона вскочить на ноги. Он нахмурился. И не в том дело, что он волновался или даже испугался. Он твердо решил довести задуманное до конца и знал, что никто не заставит его изменить решение. Впрочем, здесь, в мирной тишине ночного кладбища вряд ли кто-нибудь мог его увидеть. Люди не ходят на кладбища по ночам.

Время шло, он продолжал копать, все глубже и глубже, приближаясь к разгадке тайны, которую хотел получить, прежде чем предпринять страшные меры, которые в данной ситуации казались единственно возможными. Он не чувствовал

себя осквернителем могилы… Он вообще ничего не чувствовал, только неистребимое желание добиться цели. А еще была темная ночь и тишина, которую нарушал лишь шорох земли под его лопатой. Его жизнь и сила были сосредоточены здесь, на этом маленьком, обсаженном деревьями поле смерти. Часы показывали без двадцати два, когда лопата наконец ударила в гроб.

В начале третьего Марсон осветил фонариком пустой деревянный ящик.

Он не сводил с него глаз несколько бесконечных секунд. Теперь, когда перед ним была реальность, он и сам не мог бы сказать, чего ожидал. Вне всякого сомнения, туг был похоронен один из двойников старухи, который радостно сбежал, когда земля начала падать в яму.

Но зачем вообще устраивать похороны? Кого она пыталась обмануть?

В голове у него метались напряженные мысли, но потом Марсон решил, что причины не имеют никакого значения. Теперь он знал правду, и это самое главное. Его действия должны быть такими же расчетливыми и смертоносными, как намерения существа, втершегося к ним с Джоанной доверие.

Его машина выбралась на пустое утреннее

шоссе. Серый рассвет спешил ему навстречу с востока, но единственным его спутником была решимость, твердая, холодная, расчетливая и неугасимая, точно солнечный свет.

Уже давно миновал полдень, когда машина вкатила на второй передаче на крутой склон и выбралась на дорожку, которая вела к гаражу.

Марсон вошел в дом и решил сначала немного посидеть. Девушка по имени Хелен, которую Джоанна оставила на выходные присматривать за старухой, была хорошенькой, рыжеволосой и миниатюрной — с мрачным удовлетворением отметил про себя Марсон. Он предложил ее именно по этой причине. Да, конечно, она готова остаться еще на одну ночь, если они не успеют вернуться. А когда он собирается поехать за женой?

— Я хочу сначала немного вздремнуть, — ответил Марсон. — Дорога выдалась тяжелой. А вы… что вы будете делать, пока я сплю?

— Я нашла журналы, — ответила девушка. — Посижу здесь и почитаю. Не беспокойтесь, я не буду шуметь.

— Спасибо, — сказал Марсон. — Всего пару часиков.

Он холодно улыбнулся собственным мыслям и отправился в спальню.

Мужчинам, которые намерены претворить в жизнь отчаянные планы, следует быть смелыми и полагаться на простейшие и очевидные вещи — такие, как тот факт, что люди, как правило, стараются держаться подальше от кладбищ. А молодые девушки должны держать свое слово и не расхаживать по дому, когда они обещали не делать этого.

Марсон снял ботинки, надел тапки и… Он дал ей пять минут на то, чтобы устроиться с журналом в руках. Затем очень тихо прошел в дверь ванной комнаты, которая открывалась в коридор, соединявший кухню и остальные комнаты. Пол в кухне скрипнул, но он двинулся дальше, не позволив себе поддаться сомнениям. Даже намека на страх не было в ледяной пустыне, в которую превратилось его сознание.

Зачем станет девушка, устроившаяся в удобном кресле с захватывающей историей в руках и связанная обещанием не шуметь, — зачем станет такая девушка вставать, чтобы посмотреть, что означает самый обычный звук? Ведь известно, что даже в новых домах их гуляет огромное множество.

Машина была припаркована сбоку от дома, где имелось только одно окно. Марсон достал с

заднего сиденья канистру с пятью галлонами бензина и пронес ее через кухню в подвал. Быстро прикрыл какой-то старой тряпкой, затем снова поднялся наверх через кухню… Он вернулся в спальню, напряженно размышляя: именно детали парализуют волю многих людей, задумавших убийство. Он представил себе, что, вернувшись домой вечером, не смог бы подъехать прямо к дому, а застрял бы на крутой дороге, став жертвой какой-нибудь дурацкой случайности. Тогда машина осталась бы по меньшей мере в миле от дома. Естественно, было бы ужасно рискованно и тяжело тащить здоровенную канистру на себе кружным путем, чтобы подобраться к двери незаметно.

А потом, даже представить себе страшно, как он вваливается в дом с этой канистрой и тащит ее в подвал в двенадцать часов ночи. Да и пронести ее мимо Джоанны наверняка не удастся.

Убийство штука непростая, но он должен убить старуху. Огнем. Все, что он когда-либо читал про ведьм, указывало на огромное значение огня. И пусть попытается хрупкая Хелен открыть дверь в комнату старухи после того, как начнется пожар. Он надежно запер ее снаружи. Марсон несколько минут просто лежал на своей постели. И тут

ему в голову пришла новая мысль: если удастся совершить задуманное и станет известно, что это сделал он, все будут считать его настоящим мерзавцем.

На мгновение вернулся черный, беспросветный страх. И Марсон словно воочию увидел, как из его рук уплывает замечательная школа, а потом и колледж и счастливое будущее исчезает в сумраке тюремной камеры.

Он подумал: так легко предпринять полумеры, которые избавят их с Джоанной от ужасной проблемы. Нужно только завтра, пока Джоанны нет, отвезти старуху в дом престарелых — и вытерпеть все, что жена скажет потом.

Старуха, скорее всего, сбежит. Но к ним уже наверняка не вернется.

И тогда он сможет снова погрузиться в свой мир, где главное — школа и Джоанна, жизнь потечет дальше по накатанным рельсам американской действительности. А где-то вскоре появится молодая ведьма, наделенная силой древнего, возрожденного зла. И несчастная душа, изгнанная из своего собственного тела, дома, в который так ловко и безжалостно проникнет старуха.

«Знать то, что он знает, — и ничего не сделать,

совсем ничего!»

Видимо, на этой мысли Марсон заснул, измученная нервная система потребовала отдыха после стольких часов напряжения, к которому он не привык. Неожиданно он проснулся. Было очень темно, и вдруг он увидел, что дверь спальни тихонько открывается. Джоанна вошла на цыпочках и увидела его в свете, который струился из коридора. Она остановилась и улыбнулась. Потом подошла и поцеловала.

— Дорогой, — сказала она. — Как хорошо, что ты еще не выехал за мной. Одна милая пара предложила подвезти меня домой, и я подумала, что, если мы встретимся по дороге, по крайней мере ты сэкономишь часть пути, ведь у тебя выдались такие трудные выходные. Я отослала Хелен. Уже двенадцатый час, так что давай раздевайся и ложись в постель. А я выпью чашку чая. Ты не хочешь?

Ее голос едва проникал сквозь грохот мыслей, который наполнил его голову, — он понял, что произошло.

Двенадцатый час — меньше часа до полуночи, той самой, которая бывает только один раз в год. Приближается страшный момент ведьминой луны. Все его планы полетели к чертям собачьим.

Марсон путался у Джоанны под ногами, пока она занималась чайником. Когда они покончили с чаем, была уже половина двенадцатого, но он все никак не мог придумать, как рассказать о том, что происходит. Она курила и внимательно за ним наблюдала.

Он начал расхаживать по кухне, и в ее карих глазах появилось встревоженное выражение; Джоанна не понимала, что его беспокоит. Он дважды открывал рот, но всякий раз останавливался.

Марсон чувствовал, что она терпеливо ждет, когда он заговорит первым.

Неожиданно он понял, как трудно ему будет заставить, свою спокойную, практичную, мягкую жену поверить в то, что он скажет. Однако это *нужно* было сделать, причем *немедленно,* пока не стало слишком поздно, пока не наступил момент, когда он уже ничего не сможет предпринять.

В его мозгу постоянно всплывала эта фраза из передовицы, и на лбу выступил пот. Марсон остановился перед женой, и его глаза, видимо, горели таким диким огнем, а поза была такой угрожающей, что Джоанна слегка отшатнулась.

— Крейг…

— Джоанна, я хочу, чтобы ты взяла свою шляп-

ку, потом надела пальто и отправилась в отель.

Не нужно было обладать сильно развитым воображением, чтобы почувствовать, что его слова прозвучали дико. Он начал рассказывать, словно с головой бросился в омут, как ребенок, который вдруг решил поведать волнующую историю. Именно так он себя и чувствовал: ребенком, стоящим перед терпеливым взрослым. Но он не мог заставить себя остановиться. Марсон промолчал лишь о своих страшных намерениях. Ей придется смириться со случившимся позже, когда все останется в прошлом. Он замолчал и увидел в ее глазах нежность.

— Бедняжка, — проговорила Джоанна. — Значит, вот что беспокоит тебя в последнее время. Ты волнуешься за меня. Я прекрасно тебя понимаю. Я сама чувствовала бы то же самое, если бы опасность угрожала тебе.

Марсон застонал. Так вот как она решила себя вести — ласковая, понимающая жена, пытающаяся развеять его тревогу. Она не поверила ни единому его слову. Он заставил себя немного успокоиться и сказал дрожащим голосом:

— Джоанна, вспомни слова Кемпа. Результаты анализа порошка… и в гробу нет тела…

Ее глаза по-прежнему оставались спокойными,

Марсон не видел в них ни капельки страха. Нахмурившись, Джоанна сказала:

— Но зачем ей было хоронить одного из своих двойников, когда она могла просто сесть на поезд и приехать сюда — и никаких проблем. Ведь она именно так и сделала. Для чего устраивать фарс с погребением?

— А зачем она соврала про то, что загримировала другую старуху, которую там похоронили? — вскричал Марсон. — Милая, неужели ты не видишь…

Джоанна снова заговорила, медленно, стараясь убедить его в своей правоте:

— Может быть, этот тип Пит Коул и матушка Квигли сговорились — уж не знаю, с какой целью. Тебе такое в голову не приходило, Крейг?

«Жаль, что ее не было со мной, когда я открыл пустой гроб, — подумал он, — Если бы она видела невероятных двойников… если… если… если…»

Марсон бросил взгляд на часы, висящие на стене. Без семнадцати минут двенадцать! Внутри у него все сжалось, он вздрогнул и постарался говорить как можно спокойнее. Он мог привести ей кучу доводов, но время для разговоров прошло — давно прошло. Теперь имело значение только одно.

— Джоанна, — сказал Марсон, и его голос прозвучал так напряженно, что он сам удивился. — Ты не могла бы пожить в отеле три дня… ради меня?

— Конечно, дорогой, — она спокойно встала из-за стола. — Я еще не успела разобрать свою сумку. Вот возьму машину и…

Неожиданно ей в голову пришла новая мысль, и она нахмурилась.

— А ты?

— Я, естественно, останусь здесь, — ответил он. — Я должен убедиться, что она не выйдет из дома. Позвони мне завтра в школу. И, ради всех святых, поторопись.

Внутри у Марсона все похолодело, когда Джоанна окинула его задумчивым взглядом.

— Минутку, — медленно проговорила она, — Сначала ты хотел удалить меня из дома до завтра. Что… ты… собирался… делать… сегодня?

Марсон вдруг почувствовал, как его охватывает мрачная ярость, и понял, что должен сказать правду. Он никогда не умел убедительно врать. Но сейчас все-таки предпринял жалкую попытку скрыть от жены свои намерения.

— Я хотел только, чтобы ты не оставалась одна в доме, когда я поеду посмотреть на могилу. Боль-

ше я ничего не собирался делать.

По ее глазам он видел, что она ему не поверила. Джоанна что-то говорила, но он не слышал ее слов, потому что на него вдруг снизошло озарение: до решающего момента осталось несколько минут и все разговоры бесполезны. Значение имело только то, что он намерен сделать. Он сказал совершенно спокойно, так, будто обращался к самому себе:

— Я собирался запереть ее в комнате и сжечь дом, но теперь я вижу, что в этом нет необходимости. Тебе лучше поскорее уехать, дорогая, зрелище будет отвратительным, и я не хочу, чтобы ты все видела. Я собираюсь вытащить ее на уступ скалы и сбросить в ночное море, которого она так отчаянно боится.

Марсон замолчал, увидев, что до двенадцати осталось восемь минут. Не говоря ни слова, не дожидаясь ответа Джоанны, готового сорваться с ее губ, он развернулся и бросился в коридор, где располагались комнаты. Он задыхался от ярости и отчаяния.

— Открой! — прорычал он.

Внутри царила тишина. Марсон почувствовал, что Джоанна тянет его за рукав. В этот момент он навалился всеми своими ста восьмьюдесятью

фунтами на дверь. Два сильных удара, и она распахнулась.

Марсон принялся нашаривать в темноте выключатель. Раздался щелчок и… он остановился, похолодев от ужаса, парализованный тем, что увидел: двенадцать женщин, двенадцать фурий угрожающе рычали на него из разных углов спальни.

Ведьма была готова и атаковала его.

В этот жуткий момент Марсона вдруг охватило неописуемое ликование человека, выигравшего в споре с женой. Он испытывал безумное, невероятное счастье. Ему хотелось кричать: «Видишь? Ты видишь? Разве я был не прав? Я же именно это тебе и говорил!»

Огромным усилием воли он взял себя в руки, вдруг с ужасом сообразив, что находится на грани безумия.

— Это займет некоторое время, — дрожащим голосом проговорил он. — Мне придется тащить их на скалы по одной, по закону вероятности рано или поздно я схвачу настоящую. Нам не стоит беспокоиться, что она от нас ускользнет, мы же знаем, как сильно она боится ночного мрака. Нужно только терпение…

Его голос слегка дрогнул, потому что только

сейчас он по-настоящему осознал мерзкую, отвратительную реальность происходящего, понял, с чем имеет дело. Несколько двойников старухи устроились на кровати, еще пара — на полу; две стояли, крепко обнявшись; половина чудовищ что-то испуганно бормотали. Марсон вздрогнул, вспомнив, что Джоанна стоит у него за спиной.

Она побледнела, точно полотно, а когда заговорила, голос у нее дрожал:

— Твоя главная проблема, Крейг, в том, что ты никогда не отличался практичностью. Ты хочешь устроить над ней физическую расправу — сделать что-нибудь вроде того, чтобы сжечь дом или сбросить ее со скалы. Это говорит о том, что в глубине души ты не до конца в нее веришь. Или не знаешь, как поступить.

Не сводя глаз с жалобно стонущих старух, Джоанна подтолкнула его вперед и, прежде чем он успел сообразить, что она задумала, поднырнула ему под руку и вошла в комнату.

Она слегка ударила его плечом, и Марсон потерял равновесие. Всего на одно короткое мгновение, но, выпрямившись, он увидел, что восемь ноющих старух окружили Джоанну.

Марсон успел разглядеть искаженное лицо Джоанны, когда шесть шишковатых пальцев по-

тянулись к ее рту, пытаясь его открыть; несколько охваченных отчаянием чудовищ цеплялись за руки и ноги, изо всех сил стараясь сломить ее отчаянное сопротивление.

Они постепенно одерживали верх!

Охвативший Марсона ужас заставил его сорваться с места и, размахивая кулаками, врезаться в толпу воющих старух. Ему удалось вытащить Джоанну.

Страх уступил место дикой ярости.

— Дура! — заорал он, — Ты что, не понимаешь, уже наверняка пробила полночь!

Затем, вдруг отчетливо осознав, что на нее напали злобные чудовищные существа, вскричал:

— Ты в порядке?

— Да, — голос Джоанны дрожал. — Да.

Но ведь и она, ведьма, сказала бы то же самое. Он хмуро уставился на жену, словно надеясь, что сумеет заглянуть в ее сокровенные мысли. Наверное, Джоанна увидела страшные сомнения у него на лице, почувствовала напряжение, потому что крикнула:

— Ты что, не понимаешь, дорогой? Шторы, окна… открой их. Вот что я собиралась сделать. Впусти сюда ночь. Впусти тех, кого она боится. Если она существует, значит, есть и они. Неужели

ты не понимаешь?

Марсон потащил Джоанну за собой, пиная старух ногами и отбиваясь от них кулаками с мрачной, яростной злобой. Он сорвал шторы с крючков, один удар ногой — и ему удалось выбить всю нижнюю раму. А потом они стояли около двери и ждали.

Ждали!

Они услышали шорох воды, коснувшейся подоконника. За окном на фоне черной ночи возник диковинный силуэт тени внутри тени. В следующее мгновение вода пролилась на пол; казалось, она стекает с туманной тени, медленно плывущей вперед. Раздался вздох или тихий голос, а может быть, всего лишь мысль.

— Тебе чуть не удалось нас обмануть, Ниашак, твоими фальшивыми похоронами. Мы на несколько месяцев потеряли тебя из виду. Но мы знали, что только около моря и из моря твое старое тело может взять силу для перехода. Мы следили за тобой, как и за многими другими предателями. Так что наконец тебя настигло правосудие древних вод.

Кроме шороха капель воды, ударяющих о пол, в комнате царила оглушительная тишина. Старухи молчали, точно все вдруг окаменели, они

замерли на своих местах, как птицы, завороженные змеей. Неожиданно все образы исчезли, как будто их стерли тряпкой. На полу осталась одинокая худая женщина, которая оказалась прямо на пути туманной тени. Медленно, словно вдруг вспомнив о приличиях, она прикрыла колени подолом.

Туман поглотил тело, как будто невидимые руки приподняли ее с пола, а потом вновь бросили вниз. В следующее мгновение туман быстро перетек к окну и пропал. Старая женщина лежала на спине, открытые глаза уставились в потолок, рот был уродливо раззявлен.

На этом все и закончилось — на такой вот неприятной картине.

Призрак

«Четыре мили, — думал Кент, — целых четыре мили от небольшого городка Кемпстер до деревни Аган. Там у них и станции-то железнодорожной нет».

Это, по крайней мере, он еще помнил. Вспомнил он также и большой холм, и ферму у его подножия. Вот только раньше она не выглядела такой заброшенной.

Такси, которое встретило его на станции (любезность местной гостиницы), медленно огибало холм. На фоне яркой зелени строения фермы — и дом, и амбар — выглядели какими-то удивительно бесцветными, посеревшими, что ли. Все окна и ворота амбара были крест-накрест заколочены досками, двор зарос сорняками. И поэтому высокий, с гордой осанкой старик, внезапно появившийся из-за дома, казался здесь совершенно неуместным.

Кент заметил, что водитель наклонился к нему и явно хотел что-то сказать.

— Так я и подозревал, что мы встретим здесь призрака, — услышал он сквозь тарахтение старого мотора. — И что бы вы думали? Вот и он, как

раз вышел на утреннюю прогулку.

— Призрака? — отозвался Кент.

Он словно произнес заклинание. Озарив все вокруг ярким теплым светом, из облаков выглянуло солнце. Оно осветило обшарпанные постройки фермы, мигом превратив их из серых в выцветшие бледно-зеленые.

Ошарашенный словами водителя, Кент понемногу приходил в себя.

— Призрака? — неуверенно переспросил он, — Да какой это призрак? Это же старый мистер Уэйнрайт. С того дня, как я покинул эти места пятнадцать лет тому назад, он, похоже, ничуть не изменился.

Между тем старик медленно шел к воротам, ведущим на шоссе. Его черный сюртук блестел на солнце. Он казался неестественно высоким и худым, словно карикатура на нормального человека.

Скрипнув тормозами, машина остановилась. Водитель повернулся к пассажиру, и Кент еще подумал, что тот явно наслаждается этим моментом.

— Видите ворота фермы? — спросил водитель, — Нет, не большие, а те, что поменьше. На них висит замок, не так ли?

— Ну и что? — удивился Кент.

— Смотрите!

В десяти футах от них старик возился с воротами. Он не обращал ни малейшего внимания на замок и, словно в пантомиме, пытался открыть видимую только ему одному защелку. Вдруг он выпрямился и толкнул ворота рукой. До этого момента Кент не замечал ничего необычного. Подсознательно он был уверен, что ворота сейчас распахнутся. Он думал, что ему предложили посмотреть на какой-то необычный способ, которым их можно открыть.

Но ворота и не думали распахиваться. Они и не пошевелились. Ржавые петли не заскрипели. Створки не дрогнули, и на них по-прежнему висел непоколебимо надежный замок.

И старик прошел прямо сквозь них.

Сквозь них! Затем он повернулся, снова толкнул, теперь уже закрывая, невидимые остальным ворота и завозился с такой же невидимой защелкой. Наконец, должно быть добившись нужного результата, он повернулся к машине. Похоже, он только сейчас ее заметил. Его вытянутое, покрытое морщинами лицо озарилось радостной улыбкой.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказал он.

Этого Кент никак не ожидал. Приветствие прозвучало для него словно гром среди ясного неба. Все завертелось, закружилось у него в голове; мысли, цепляясь друг за друга, пустились в нескончаемый хоровод…

«Призрак, — подумал он, борясь с накатившим головокружением, — еще и говорящий… Но это же ерунда!»

Мир постепенно начал приходить в норму. Земля перестала качаться. Линия горизонта вновь стала ровной. А вон стоит и сама ферма — серый, почти бесцветный фон для черной фигуры старого — такого старого! — мистера Уэйнрайта и для этих ворот, через которые тот только что прошел…

— Здравствуйте, — нетвердым голосом ответил Кент. — Здравствуйте.

Старик подошел поближе, присмотрелся, и его лицо приняло удивленное выражение.

— Кто бы мог подумать! — воскликнул он. — Это же мистер Кент! А я-то решил, вы уже уехали!

— Да, я… — начал Кент.

Боковым зрением он заметил, что шофер замотал головой.

— Что бы он ни говорил, — жарко прошептал тот ему в ухо, — делайте вид, что все в порядке.

Ничему не удивляйтесь, а то он приходит в замешательство. Он ведь все-таки призрак…

Призрак! Снова это слово! Кент судорожно сглотнул.

«Последний раз, — подумал он, — я видел мистера Уэйнрайта, когда мне стукнуло двадцать. Тогда он даже не знал, как меня зовут».

— Но я ж совершенно отчетливо помню, — продолжал между тем старик, в изумлении качая головой, — как хозяин гостиницы, мистер Дженкинс, говорил мне, что обстоятельства вынудили вас уехать. И очень срочно. Он еще что-то сказал о сбывшемся пророчестве. В разговорах со мной люди все время упоминают какие-то пророчества. Но вот дату я помню совершенно точно: семнадцатое августа.

Он в упор посмотрел на Кента.

— Извините, молодой человек, — продолжал он, переставая хмуриться, что, судя по всему, давалось ему не без некоторого труда. — Это невежливо с моей стороны, стоять и разговаривать с самим собой. Со мной такое бывает. Но я рад, что мистер Дженкинс ошибся, ведь я всегда получал удовольствие от наших с вами бесед… Я бы пригласил вас выпить чайку, — продолжал он, приподнимая шляпу, — но боюсь, что миссис

Кармоди сегодня не в настроении. Бедняжка! Это так нелегко, присматривать за стариком. Я просто не могу дополнительно ее утруждать… Доброе утро и до свидания, мистер Кент. Доброе утро, Том.

Не чувствуя себя в силах что-либо ответить, Кент смог только кивнуть. Он услышал, как водитель сказал:

— До свидания, мистер Уэйнрайт.

Не шевелясь, Кент сидел и смотрел вслед удаляющейся в сторону луга фигуре Уэйнрайта, пока голос шофера не вернул его к действительности.

— Вам повезло, мистер Кент. Теперь вы точно знаете, сколько проживете в гостинице.

— Что вы имеете в виду?

— Я уверен, что семнадцатого августа мистер Дженкинс подготовит ваш счет.

Кент уставился на него в немом изумлении. Он никак не мог решить, что ему теперь делать: то ли ехать, то ли смеяться, то ли… что?

— Уж не хотите ли вы сказать, что этот ваш призрак еще и будущее предсказывает? Послушайте, сегодня еще только восьмое июля, и я собираюсь пробыть здесь вплоть до конца сентяб…

Он осекся. Том не был похож на шутника. И взгляд у него был абсолютно серьезный.

— Мистер Кент, в мире еще никогда не существовало никого подобного мистеру Уэйнрайту. То, что он предсказывает, сбывается. Так было, когда он жил, так и теперь, когда он умер. Но он очень стар. Ему за девяносто, и у него не все в порядке с головой. Он вечно путает будущее с прошлым, попросту не видит между ними разницы: в его мире все уже произошло и он все помнит, да только очень смутно. Но когда он говорит о конкретных вещах, например о датах, то можете быть спокойны: все сбудется. Подождите, вы и сами в этом убедитесь.

Так много слов сразу. Их четкость, их провинциальный аромат создали свою собственную, какую-то совершенно нематериальную картину окружающего мира. И Кент почувствовал, что первоначальный шок понемногу проходит. Он здесь вырос, он знал этих людей, и постепенно в нем начала крепнуть уверенность, что он стал объектом весьма своеобразной шутки. Но говорить об этом вслух, конечно, не стоило. Кроме того, оставался еще совершенно необъяснимый эпизод с воротами.

— Эта миссис Кармоди, — наконец спросил Кент, — что-то я ее не припоминаю. Кто она такая?

— После смерти сестры своего покойного мужа она приехала сюда присматривать за фермой и за мистером Уэйнрайтом. Хоть и не родственница, но все же… — Том вздохнул и нарочито небрежно, как бы невзначай, добавил: — И подумать только, что именно она убила старика Уэйнрайта пять лет тому назад. Потом ее упекли в сумасшедший дом, что в Пиртоне.

— Убила? — воскликнул пораженный Кент. — Да что вы говорите? Значит, у вас здесь настоящая ферма с привидениями? Впрочем, подождите… — Он задумался. — Уэйнрайт же сказал, что они живут вместе.

— Послушайте, мистер Кент, — сказал Том со снисходительной жалостью в голосе, — давайте не будем особенно вникать, почему призрак сказал то или иное. Кто только ни пытался разобраться в этом деле, и ни один еще добром не кончил. Тут у кого угодно зайдет ум за разум.

— Но должно же существовать какое-то логическое объяснение…

— Вот вы его и найдите, — пожал плечами шофер. — Если хотите, — добавил он, — то, пока мы едем к отелю, я мог бы вам кое-что рассказать. Дело в том, что миссис Кармоди и ее детей привез сюда из Кемпстера именно я.

Со скрежетом включилась передача, и машина, натужно воя, поползла вперед. Кент сидел не шевелясь, потом, собравшись с духом, повернулся и посмотрел на ферму. Она как раз исчезла из виду за полосой тянущихся вдоль дороги деревьев. Она производила впечатление запущенной, мертвой. Невольно содрогнувшись, Кент отвернулся.

— Ну и что там за история? — спросил он. — Расскажите.

На вершине холма машина притормозила, и отсюда женщина наконец-то увидела ферму. Скрипя тормозами и скользя по разлетающемуся в стороны щебню, машина начала спускаться вниз. «Ферма», — жадно думала женщина, дрожа всем своим дородным телом. Наконец, наконец, наконец-то они будут в безопасности. И только выживший из ума старик да какая-то девчонка еще стоят у нее на пути. Позади остались трудные, горькие годы, когда она, вдова с двумя детьми, в арендуемом домике перебивалась случайными заработками да пособием по бедности. Годы сущего ада! А здесь рай — вот он, рядом. Только руку протяни. Женщина прищурилась, крепко сбитое тело напряглось. Она не упустит шанс! Она сполна возьмет то, чего была лишена все эти годы. Уверенность в завтрашнем дне — за это

стоит побороться!

Затаив дыхание, она смотрела на лежавшую внизу ферму. На дом, выкрашенный зеленой краской, на большой красный амбар, на прочие строения: курятники, сараи… Чуть ближе раскинулось огромное поле пшеницы, только недавно взошедшей, яркой и по-весеннему зеленой.

Машина спустилась в долину и вскоре остановилась, почти уткнувшись радиатором в ворота.

— Приехали, что ли, ма? — подал голос с заднего сиденья коренастый юноша.

— Да, Билл! — И женщина окинула его тревожным, оценивающим взглядом.

Все ее планы так или иначе замыкались именно на нем. И сейчас, как никогда, она отчетливо видела все его недостатки. Понурое выражение, казалось, навеки срослось с безвольным лицом. Во всем облике было нечто неуклюжее, неловкое, делавшее его совсем уж непривлекательным. Она прогнала прочь все сомнения.

— Ну разве здесь не восхитительно? — воскликнула она и замерла, ожидая реакции.

— Скажешь тоже! — Толстые губы скривились в усмешке. — Лучше бы я остался в городе… — Он пожал плечами. — Впрочем, тебе виднее…

— Да уж, конечно, — с облегчением в голосе

согласилась женщина. — В этом мире надо довольствоваться тем, что имеешь, а не тосковать о том, чего хочешь. Запомни это, Билл… В чем дело, Пирл? — раздраженно спросила она.

По-другому с дочерью она разговаривать не могла. Что проку от двенадцатилетней девицы с бледным одутловатым лицом, к тому же еще и слишком полной, которая никогда не станет хоть чуточку красивой?

— Ну так в чем дело? — с еще большим раздражением повторила она.

— Вон, через поле идет какой-то тощий старик. Это что, и есть тот самый мистер Уэйнрайт?

Миссис Кармоди посмотрела туда, куда показывала дочь, и почувствовала огромное облегчение. Вплоть до этого самого момента мысль о старике не давала ей покоя. Она знала, что он стар. Но не предполагала, что до такой степени.

«Да ему же не меньше девяноста лет, — подумала она, — если не все сто. Он не сможет помешать».

Тем временем водитель уже открыл ворота и успел снова сесть за руль.

— Подождите, — обратилась она к нему, чувствуя прилив уверенности в своих силах, — подождите мистера Уэйнрайта. Возможно, он устал

после прогулки. Мы его подвезем.

«Надо стараться производить хорошее впечатление, — мелькнула у нее мысль. — Вежливость и любезность откроют любые двери. А там… Железный кулак в бархатной перчатке…»

И тут она заметила, что шофер смотрит на нее как-то странно.

— Я бы не слишком рассчитывал на то, что он сядет в машину, — сказал он, — Этот мистер Уэйнрайт довольно странный тип. Порой он ничего вокруг не видит и не слышит. Бывает, что ни на кого не обращает внимания. А иногда делает что-нибудь по-настоящему странное.

— Например? — нахмурилась женщина.

— Ну как вам сказать, мадам, — пожал плечами шофер. — Объяснить это невозможно. Скоро вы и сами узнаете. Посмотрите, что он сейчас будет делать.

Между тем старик пересек дорогу буквально в нескольких футах от стоящего автомобиля. Явно не замечая машины, он шел прямо к воротам, но не к большим, которые стояли открытыми, а к маленьким, — собственно, даже и не воротам, а так, узкой калитке из крепко сколоченных досок. Старик завозился с невидимым засовом, толкнул калитку. Та и не подумала открыться, но старик

как ни в чем не бывало прошел прямо сквозь нее. Прошел через толстые доски, словно их не было.

И тут миссис Кармоди услышала пронзительный женский крик. А мгновение спустя обнаружила, что кричит она сама. Кровь стучала в висках. Отчаянным усилием, вконец истощившим ее, женщина откинулась на спинку сиденья и заставила себя замолчать. Все плыло перед глазами. Ее трясло, как в ознобе, каждая клеточка большого тела наполнилась собственной болезненной дрожью. В горле пересохло. Ее начинало тошнить. Голова звенела, как пустой котел…

— Подождите минуточку, — вмешался Кент. — Вы же говорили, что тогда мистер Уэйнрайт был еще жив! Так как же он прошел через закрытые ворота?

— Мистер Кент, — покачал головой шофер, — если Уэйнрайт и не отправил нас всех в сумасшедший дом, так только потому, что он совершенно безвредный. Он проходит через ворота сейчас, проходил через них и раньше. И не только через ворота. Вся разница в том, что теперь мы все твердо помним, как мы его хоронили. Возможно, он всегда был призраком и его смерть ничего не изменила. Мы знаем только, что он безвреден. А это уже немало, не правда ли?

Постепенно черный, парализующий волю страх, захлестнувший женщину, стал отступать. Она почувствовала, как кто-то трясет ее за плечо, повторяя снова и снова:

— Все в порядке, мадам, все в порядке. Это просто безобидный старик, хоть и немного странный. Не стоит так волноваться.

Но окончательно ее привели в чувство насмешливые слова сына:

— Да, мать, здорово это на тебя подействовало! Я уже видел как-то подобный трюк. В цирке. Только там они провернули его куда профессиональнее…

«Билл такой практичный, уравновешенный мальчик, — с облегчением подумала она. — Ну конечно, он прав! Это обычный цирковой трюк… Что? Что там говорит эта дура?»

— Что ты сказала, Пирл?

— Мама, он нас заметил! Посмотри!

И правда, старик, подняв голову, с интересом смотрел на них. Его вытянутое, худое, доброе морщинистое лицо осветилось улыбкой.

— Я вижу, — сказал он необыкновенно звонким для своего возраста голосом, — что сегодня вы вернулись из города раньше обычного. Значит ли это, что и обедать мы сегодня будем раньше? —

Он выдержал вежливую паузу и продолжал: — С моей стороны, разумеется, никаких возражений нет. Вы же понимаете, миссис Кармоди, что я с радостью готов принять любой удобный вам распорядок дня.

Сначала ей показалось, что над ней каким-то непонятным образом издеваются. Улыбка застыла у нее на лице, глаза сощурились… Она никак не могла понять, что Уэйнрайт имеет в виду, пока шепот шофера наконец не вывел ее из затруднения.

— Извините, мадам, — торопливо прошептал тот, — но старайтесь не показывать виду, что вы только что приехали. Мистер Уэйнрайт обладает даром предвидения, и он вот уже несколько месяцев ведет себя так, словно вы живете на ферме. Если вы станете ему возражать, то лишь собьете его с толку. В свое время, незадолго до смерти миссис Уэйнрайт, он даже ее называл вашим именем. Уж такой он странный человек.

Миссис Кармоди так и замерла с открытым ртом. Ее здесь ждали! Больше всего она боялась именно этого момента — приезда на ферму. А тут — ее ждали! Теперь все, что она запланировала, пройдет как по маслу. С таким трудом подделанное письмо, в котором умершая дочка Уэйнрайта

просила ее приехать, чтобы присматривать за осиротевшей дочерью Филлис, станет только лишним подтверждением того, что все и так считают само собой разумеющимся. А там…

Женщина собралась с мыслями. Сейчас не время разбираться в странностях поведения этого старикашки. Ей надо прибрать к рукам ферму, и чем быстрее она возьмется за дело, тем лучше. Она улыбнулась, предчувствуя легкую победу.

— Мистер Уэйнрайт, не хотите ли проехаться с нами до дома? — спросила она. — Вы, наверное, устали после прогулки.

— Не откажусь, мадам, — закивал старик. — Я ходил в Кемпстер и, надо признаться, впрямь немного устал. Да, кстати, я видел там вашу сестру.

Он успел подойти к машине, когда миссис Кармоди наконец сумела выдавить:

— Мою сестру?

— Тсс… — зашипел на нее водитель. — Не обращайте внимания. У него с головой не все в порядке. Он уверен, что у каждого из нас есть брат или сестра-близнец, похожий как две капли воды. И он их постоянно встречает. Это с ним уже много-много лет.

Это пережить было уже легче. Да и эпизод с

воротами с каждой минутой казался все менее и менее реальным. Она снова любезно улыбнулась, в ответ старик вежливо приподнял шляпу и влез в машину.

Ревя мотором, они доехали до дома, обогнули его и остановились около веранды. В дверях показалась девушка в белом платье. Она была хорошенькая, стройная, хрупкая на вид, лет пятнадцати-шестнадцати и, как миссис Кармоди сразу почувствовала, настроена не слишком дружелюбно.

— Привет, Филлис, — сладко улыбнулась миссис Кармоди. — Рада тебя видеть.

— Привет, — неохотно ответила девушка, и миссис Кармоди ухмыльнулась про себя. Хоть и неохотно, но все-таки *было* приветствие. Ее признали.

Женщина улыбнулась. Скоро, очень скоро эта простая деревенская девушка узнает, что трудно противостоять дружелюбию, за которым прячется железная воля. В мыслях женщина уже видела, как будущее послушно строится в соответствии с ее желаниями. Сначала немного обжиться здесь, затем начать сталкивать Билла и Филлис так, чтобы брак стал для них естественным продолжением их взаимоотношений. А потом…

Наступила ночь, и она, задув лампу в спальне, легла в кровать. Мысли о старике, о том, что он говорил, и о том, что он делал, не давали ей покоя. Наконец, уже засыпая, она пожала плечами. Как там сказал шофер? Безвредный? Что ж, пусть он таким и остается, для его же блага.

На следующее утро миссис Кармоди разбудили доносившиеся снизу звуки. Чувствуя, что допустила тактическую ошибку, она торопливо оделась и спустилась в столовую. Увидев завтракающих Уэйнрайта и Филлис, женщина поняла, что так и есть.

В гробовом молчании она села за стол и придвинула тарелку с кашей. Заметив, что перед Филлис лежит открытый блокнот, миссис Кармоди попыталась завязать разговор.

— Делаешь уроки? — спросила она самым дружелюбным тоном.

— Нет! — резко ответила девушка, закрывая блокнот и вставая из-за стола.

Миссис Кармоди сидела совершенно неподвижно.

«Только не надо волноваться, — думала она. — Самое главное — как-нибудь подружиться с этой девчонкой. Ведь она знает много такого, что очень и очень пригодилось бы: всякие сведения

о ферме, о доме, о продуктах, деньгах…»

Внезапно завтрак превратился в пустую, никому не нужную формальность. Отодвинув недоеденную кашу, она встала и прошла на кухню, где Филлис уже мыла тарелки.

— Давай я буду мыть, — предложила она, — а ты вытирать. — И добавила: — Не стоит портить такие красивые ручки мытьем посуды.

Кинув на девушку быстрый оценивающий взгляд, она сделала следующий ход:

— Мне так стыдно, что я проспала. Я ведь приехала сюда работать, а не отдыхать.

— Ну, это вы еще успеете, — ответила девушка к огромному, пусть и тайному удовольствию миссис Кармоди.

Теперь с молчанием покончено.

— Как у нас насчет продуктов? — поинтересовалась миссис Кармоди. — Вы покупаете их в каком-нибудь одном магазине? В своем письме твоя мать не упоминала о таких деталях.

Произнеся эту фразу, она на мгновение умолкла, сама испугавшись упоминания подделанного ею письма, но, сделав над собой усилие, продолжала:

— Ах, твоя бедная мать! Она прислала мне такое грустное письмо. Я так плакала, читая его…

Краем глаза миссис Кармоди увидела, как задрожали губы девушки, и поняла, что победила. В этот миг торжества она чувствовала, что каждое произнесенное слово, каждый жест, каждый оттенок настроения будет теперь под ее контролем.

— Но об этом мы и потом можем поговорить, — быстро закончила она.

— У нас есть счет в магазине Грэхема в Агане, — сквозь слезы ответила Филлис, — Вы можете туда позвонить. Товар они доставят прямо сюда.

Быстро, чтобы Филлис не заметила, как радостно загорелись ее глаза, миссис Кармоди пошла в столовую за остальными тарелками. Счет! А ее так беспокоила проблема получения доступа к деньгам: необходимые юридические шаги, уверенность, что потребуется сначала хорошо зарекомендовать себя как на ферме, так и в глазах общественности. А тут просто: счет! Если только теперь этот самый магазин Грэхема примет ее заказ…

Но Филлис продолжала говорить, и миссис Кармоди уж заставила себя внимательно слушать.

— Миссис Кармоди, я хотела бы извиниться за то, что не ответила на вопрос, который вы мне задали за столом. О моем блокноте. Видите ли, дело в том, что всех в округе всегда очень интере-

сует, что говорит мой прадедушка. Вот поэтому за завтраком, когда он чувствует себя еще довольно бодрым, я задаю ему разные вопросы. А ответы записываю, чтобы ничего не перепутать. Я делаю вид, что хочу когда-нибудь написать книгу о его жизни. Но не могла же я вам все это объяснить в его присутствии!

— Ну конечно нет, — успокоила ее миссис Кармоди.

Если местных жителей интересует, что Уэйнрайт о них говорит, то они хорошо отнесутся к любому, кто сможет передать им самые последние новости. Что ж, надо держать уши открытыми. Возможно, ей и самой стоит завести такой блокнот…

Тут она заметила, что девушка еще не закончила свой монолог.

— Я также хотела вам сказать, что мой прадедушка действительно обладает даром предвидения. Вы мне, конечно, не поверите…

Глаза Филлис горели неподдельным энтузиазмом, и миссис Кармоди совсем не собиралась с ней спорить. Особенно в первый же день приезда.

— Ну почему же? Разумеется, поверю! — сказала она. — Я не из тех скептиков, которые не видят

того, что у них под носом. Я могу трезво взглянуть на факты. Во все века существовали люди, наделенные странными и не всегда понятными способностями. Кроме того, я же собственными глазами видела, как мистер Уэйнрайт прошел через запертые ворота…

И осеклась, таким реальным стало это совершенно невероятное происшествие в ее собственном изложении.

— Ну конечно, я тебе верю, — неуверенно закончила она.

— Что я хотела сказать, — продолжала Филлис. — Пожалуйста, не обижайтесь, если дедушка скажет вам что-то обидное. Он постоянно говорит о событиях, которые, с его точки зрения, уже произошли. Ну и конечно, он всегда упоминает вашу сестру, если вы женщина, или брата — если мужчина. Но на самом деле он имеет в виду именно вас.

Имеет в виду именно вас…

Эти слова запали женщине в душу. Она вспоминала их и после того, как Филлис отправилась в школу, и после того, как в магазине Грэхема приняли ее заказ от имени фермы Уэйнрайта, сказав только: «А-а… миссис Кармоди, да, мы о вас уже знаем».

Было около двенадцати, когда она, собравшись с духом, вышла на веранду, где как раз сидел мистер Уэйнрайт, и наконец задала вопрос, который все это время не давал ей покоя:

— Мистер Уэйнрайт, вчера вы упомянули, что встретили в Кемпстере мою сестру. Ч-что она там делала?

Она ждала ответа с волнением, которому сама удивлялась. У нее даже мелькнула мысль, что она, вероятно, выглядит круглой дурой, задавая такие вопросы.

— Она выходила из здания суда, — ответил старик, вынимая изо рта трубку.

— Из здания суда?! — поразилась миссис Кармоди.

— Она не стала со мной разговаривать, — задумчиво продолжал мистер Уэйнрайт, — так что я не знаю, зачем она туда ходила. Наверное, какое-нибудь ерундовое дело. С кем из нас такого не бывает, — вежливо закончил он.

Кент заметил, что они остановились.

— Вот и гостиница, — сказал водитель, показав на двухэтажное деревянное здание с небольшой верандой. — Теперь я должен вас покинуть: у меня есть еще работа. А что было дальше, я расскажу как-нибудь в другой раз. Или спросите еще

кого-нибудь, все равно кого. Эту историю у нас в деревне знает каждый.

На следующее утро солнечные лучи жарким слепящим потоком залили скромный гостиничный номер. Кент подошел к окну. Перед ним под синим небом посреди зеленого моря деревьев мирно дремали деревенские домики. Ни один звук не нарушал сонную утреннюю тишину. «Правильно я сделал, что приехал сюда», — подумал Кент. Нет, не зря он решил провести все лето именно здесь, отдохнуть, пока не закончатся переговоры о продаже фермы, оставленной ему в наследство родителями. Что правда, то правда: он порядком устал.

Кент спустился вниз и, к своему глубокому удивлению, съел два яйца и четыре порции бекона в придачу к каше и тостам. Из столовой он вышел на веранду… и там на одном из плетеных стульев сидел призрак. Кент остановился как вкопанный, мурашки побежали у него по спине. И тут старик, заметив его в дверях, сказал:

— Доброе утро, мистер Кент. Я был бы вам очень признателен, если бы вы немного посидели со мной. Давайте поговорим. У меня сегодня неважное настроение. Вы не против?

И все это с доверительными, почти интимны-

ми интонациями. Тем не менее Кент чувствовал себя не в своей тарелке. Вчерашнее дружелюбие старика казалось совершенно нереальным. И вот новое его проявление. Отчасти это, конечно, можно понять. Вот перед ним человек (все эти разговоры о «призраке», разумеется, ерунда), который может предсказать будущее. И как предсказать! Ведь задолго до приезда миссис Кармоди он уже был уверен, что она живет на ферме. Нечто похожее, очевидно, произошло и с самим Кентом.

— Доброе утро, мистер Уэйнрайт, — сказал Кент, садясь. — Вы говорите, неважное настроение? И кто же вам его испортил?

— Ох! — заколебался старик и даже слегка нахмурился. — Пожалуй, я зря об этом упомянул. Никто в моем плохом настроении не виноват. Так, обычные житейские мелочи. На этот раз — миссис Кармоди, приставшая с расспросами, что ее сестра делала в Кемпстере, в суде.

Кент не знал, что и сказать. То, что мистер Уэйнрайт упомянул едва ли не единственный известный ему эпизод всей этой истории, поразило его до глубины души. Привыкший к логике ум Кента отказывался верить в такое невероятное совпадение. Может, этот старик… это существо…

не только призрак и предсказатель… может, он умеет читать мысли? Старый, изношенный мозг, приобретший странные, необыкновенные свойства и теперь реагирующий на мысли других людей?

И вдруг у него мелькнула страшная мысль: «А что, если упоминание о миссис Кармоди, сама вера мистера Уэйнрайта, что эта женщина все еще живет на его ферме… что, если это все проявление тех жутких, леденящих душу потусторонних законов, которыми отличаются истории о призраках и привидениях? Убийца и жертва, не находящие себе покоя и после смерти… Но это же невозможно! Миссис Кармоди еще жива! Пусть в психиатрической лечебнице, но жива!»

Наконец-то Кент смог вздохнуть.

— А почему бы вам, — выдавил он, — не предложить ей самой спросить сестру, что та делала в суде?

Морщинистое лицо старика выразило изумление.

— Все не так просто, мистер Кент, — с достоинством сказал он. — Я никогда не понимал, откуда вдруг в мире появилось так много близнецов, особенно в последние годы. Я никак не могу понять и того, почему они не разговаривают друг с дру-

гом. — Он бессильно покачал головой. — Все так запутано. Взять хоть этот случай с миссис Кармоди и судом… Мне кажется, я слышал еще что-то на эту тему, но, видимо, тогда это не показалось мне важным. Я просто не могу вспомнить, в чем там было дело. А это не такая уж приятная ситуация для безобидного старого человека вроде меня.

Безобидного! Кент невольно прищурился. Да, так люди и говорили об этом призраке. Сначала водитель Том, затем, если верить Тому, эта девушка, Филлис, а теперь — и сам мистер Уэйнрайт. Безобидный, безобидный, безобидный… А не сам ли старик довел женщину до того, что та его убила? Интересно, он это сделал специально?

Кент с трудом разжал пальцы, вцепившиеся в подлокотники кресла. Да что это с ним такое? Почему он так нервничает? Было бы из-за чего… Он поднял глаза. Синее-синее небо, тихий летний день. С реальностью все, как и следовало ожидать, в полном порядке.

Некоторое время они сидели молча. Кент разглядывал собеседника. Вроде бы ничего необычного: худое лицо с начинающей сереть кожей, иссеченное бесчисленными морщинами, крючковатый ястребиный нос, тонкие, можно даже сказать, изящно очерченные губы.

Он увидел, что старик встает.

— Мне пора идти, — сказал мистер Уэйнрайт, тщательно поправляя шляпу. — Принимая во внимание мои натянутые отношения с миссис Кармоди, мне, вероятно, не стоит опаздывать к ланчу. Я уверен, что мы еще встретимся, мистер Кент.

Кент тоже встал, и тут ему в голову пришла новая мысль. Он собирался сходить на ферму, принадлежавшую его родителям, и познакомиться с теми, кто там сейчас живет. Но это может и подождать. Почему бы не сходить с… призраком… на заброшенную ферму Уэйнрайтов и там… Что там?

Он обдумал этот вопрос. В конце концов, эта загадка уже приковала к себе его внимание. Сделать вид, что ничего не произошло, конечно, можно, но забыть о ней все равно не получится. Кроме того, никакой срочности в деле с родительской фермой не было. Он приехал сюда отдохнуть и развлечься, а не только заниматься делами… Кент стоял, не зная, как же ему поступить. А вдруг это опасно — последовать за призраком в уединенный старый дом?

Он поборол липкий, вяжущий по рукам и ногам страх. Между прочим, ведь убили-то не

миссис Кармоди. Она сошла с ума; значит, если опасность существовала, то явно психическая, а не физическая. Холодный рассудок восторжествовал. Нет, ни внезапная паника, ни странные угрозы, ни фантастические, сверхъестественные ужасы не смогут лишить его способности мыслить логично. Он уже открыл было рот, чтобы окликнуть уходящего мистера Уэйнрайта, но тут чей-то низкий, глухой голос произнес у него над самым ухом:

— Мистер Кент, я заметил, что вы только что разговаривали с призраком.

Кент повернулся и оказался лицом к лицу с огромным толстым мужчиной, который еще несколько минут назад сидел в небольшом кабинетике за регистрационной стойкой.

— Меня зовут Дженкинс, сэр, — важно сказал мужчина, и все три его подбородка затряслись в такт словам. — Я владелец этой гостиницы… Том сказал мне, — продолжал он, пристально глядя на Кента своими блеклыми, глубоко посаженными глазами, — что вчера по дороге вы встретились с нашей местной достопримечательностью. Очень странный, можно даже сказать, сверхъестественный случай. Да, именно сверхъестественный.

А старик тем временем уходил все дальше и

дальше. Кент увидел, как его длинная тощая фигура скрылась за деревьями. Он еще не оставил мысли последовать за Уэйнрайтом, как только сумеет отделаться от Дженкинса. Он уже шагнул было вперед, когда хозяин гостиницы снова привлек к себе его внимание.

— Насколько я понял, — говорил Дженкинс, — Том так и не успел дорассказать вам, что произошло на ферме Уэйнрайтов. Я мог бы закончить эту необыкновенную, сверхъестественную историю.

Кент подумал, что «сверхъестественный», похоже, любимое словечко этой горы мяса и жира. И еще он понял, что визит к Уэйнрайту придется отложить, иначе он рискует смертельно оскорбить словоохотливого хозяина гостиницы.

Поэтому Кент не стал спорить с обстоятельствами. В конце концов, не было никакой необходимости идти за Уэйнрайтом именно сегодня. Кроме того, перед тем как попытаться разгадать эту загадку, совсем нелишне будет ознакомиться со всеми имеющимися фактами. Он сел, и толстяк тут же втиснулся в кресло напротив.

— Вы не знаете, — начал Кент, — есть ли у местных жителей какая-нибудь теория, объясняющая… — Он замялся. — Объясняющая сверхъестественный факт появления призрака?

Вы же все утверждаете, что он именно призрак. И это — несмотря на его вполне материальный облик.

— Ну конечно, мистер Уэйнрайт — призрак! — проворчал Дженкинс. — Мы ведь его похоронили, не так ли?.. А через неделю раскопали могилу, чтобы посмотреть, там он или нет. И что вы думаете? Там, мертвый. Что и говорить, несомненно, он призрак. Как еще можно объяснить его существование?

— Нельзя сказать, — осторожно начал Кент, — чтобы я слишком сильно верил в призраков.

— Никто из нас не верил, — махнул рукой толстяк. — Никто. Но с фактами не поспоришь.

— Призрак, который предсказывает будущее, — произнес Кент после некоторой паузы. — И какое же будущее он предсказывает? Или все это так же туманно, как его пророчество о сестре миссис Кармоди, выходящей из здания суда?

— Как вам сказать, — Дженкинс откашлялся, и его многочисленные подбородки снова затряслись. — В основном он предсказывает разные местные происшествия и события; так, ничего особенного. Как раз то, что и должно интересовать старика, всю жизнь прожившего на одном месте.

— А как насчет политики?

— Он постоянно удивляется росту цен, — рассмеялся Дженкинс. — Цены сбивают его с толку. А спрашивать его о чем-либо совершенно бесполезно: он очень быстро устает и вид у него становится такой затравленный…

Кент понимающе кивнул.

— А эта миссис Кармоди… когда она приехала?

— Почти девять лет тому назад.

— А мистер Уэйнрайт мертв, если я правильно понял, уже лет пять?

— Я с удовольствием, — важно сказал толстяк, поудобнее устраиваясь в кресле, — расскажу вам, как все произошло. По порядку. Пожалуй, я опущу первые несколько месяцев, после того как миссис Кармоди появилась на ферме. Все равно в это время ничего существенного не произошло.

Ликуя, женщина вышла из помещения Всеобщей торговой компании. Ее переполняла радость, как и два месяца назад, когда она впервые обнаружила эту ферму. Четыре цыпленка и три дюжины яиц — за пять долларов наличными! Наличными!

И тут ее радость потухла. Она нахмурилась. Зачем себя обманывать? Скоро начнется уборка урожая и больше не удастся воспользоваться

этим методом выкачивания наличных денег из фермы Уэйнрайтов. Она вспомнила обнаруженную ею чековую книжку, из которой она узнала, что на счете Уэйнрайтов в кемпстерском банке лежат одиннадцать тысяч семьсот тридцать четыре доллара. Целое состояние.

Так близко и вместе с тем так невыразимо далеко.

Она подошла к банку и уже на пороге на мгновение замерла, парализованная страшной мыслью: если она войдет внутрь, то через несколько минут узнает все… все самое страшное… И на этот раз ей будет противостоять не старик и не девчонка…

Банкир был опрятным малым в роговых очках, за которыми прятались большие серые глаза.

— А, миссис Кармоди, — приветствовал он ее, потирая руки, — наконец-то вы решили нас посетить, — он усмехнулся. — Я думаю, мы сможем все уладить, так что не беспокойтесь. Мне кажется, что совместными усилиями нам удастся поддерживать в порядке дела фермы Уэйнрайтов так, чтобы и общество, и высокий суд оставались довольны.

Суд! Так вот в чем дело! Вот что предсказывал этот старик! Суд! И эта новость очень даже хорошая, а не плохая. На мгновение ее охватила

слепая ярость к этому старому дураку, который так напугал ее своими разглагольствованиями о суде…

А банкир тем временем продолжал:

— Насколько я знаю, у вас имеется письмо от сестры вашего покойного мужа — дочери мистера Уэйнрайта, в котором она просит вас приехать и присмотреть за фермой и ее дочерью Филлис. Возможно, это письмо не так уж и необходимо, учитывая, что вы единственная оставшаяся в живых родственница, но вкупе с завещанием это составит законные основания, на которых суд сможет назначить вас душеприказчицей.

Женщина судорожно вцепилась в ручки кресла. Внутри у нее все похолодело. Теперь, когда настал критический момент и следовало предъявить подготовленное ею поддельное письмо, она вдруг почувствовала, что дрожит. Бормоча, что, дескать, она могла и потерять это злосчастное письмо, женщина принялась рыться в своей сумочке. Наконец нашла и, внезапно вспотевшими руками вытащив из конверта, протянула навстречу гладким холеным пальцам банкира и замерла в ожидании…

— Гмм… — промычал банкир, читая письмо. — Она предложила вам двадцать пять долларов в

месяц сверх необходимых расходов…

Женщину прошиб холодный пот:

«И как только мне могло прийти в голову написать такое!..»

— Забудьте о деньгах, — торопливо сказала она. — Я приехала сюда не для того, чтобы…

— Я, собственно, хотел сказать, — прервал ее банкир, — что, по-моему, двадцать пять долларов в месяц — слишком мало. За управление такой большой и богатой фермой заработная плата вполне может составлять и пятьдесят долларов в месяц. Как минимум. На эту сумму, я думаю, мы и будем ориентироваться. Этим летом, — добавил он, — местный суд заседает здесь, неподалеку, и если вы не возражаете, то мы отправимся туда и уладим все необходимые формальности. Между прочим, — заметил он, — нашего судью всегда интересуют последние предсказания мистера Уэйнрайта.

— Я знаю их все! — выпалила женщина.

Она позволила вывести себя на улицу. Жаркое июльское солнце, согревавшее все вокруг своим живительным теплом, постепенно заставило отступить и холод, ледяной лапой сжимавший душу миссис Кармоди.

Прошло три года, три ничем не примечатель-

ных года. И вот в один прекрасный момент миссис Кармоди, чистившая пылесосом ковер в гостиной, вдруг остановилась и глубоко задумалась. Потом она так и не смогла вспомнить, что именно навело ее на эту мысль: в тот ли самый июльский день, когда три года назад в зале заседаний местного суда ей буквально без всякой борьбы подарили весь мир, встретился ей по дороге мистер Уэйнрайт или нет?

Уэйнрайт предсказал этот момент. А это значит в некотором роде, что он его увидел. Наяву? Или же, каким-то образом проникнув через завесу времени, он прочитал свои собственные мысли и впечатления? Короче говоря, видел ли он ее собственными глазами? Каким именно образом он «вспомнил» то, что увидел только через несколько месяцев, — это уже совсем другой и не слишком существенный сейчас вопрос. Сама она Уэйнрайта не заметила. Как ни старалась, но кроме ощущения всепоглощающего, застилающего глаза счастья вспомнить об этом дне так ничего и не смогла.

Старик же, конечно, считал, что был там. Этот старый дурак полагал, будто все, о чем он говорит, — воспоминания о событиях, уже свершившихся. В каком же тусклом, тупом мире он,

вероятно, живет! Он словно прямая, как стрела, дорога, простирающаяся в бесконечность… то окутанная туманом, то сверкающая яркими красками знаменательных событий…

Сидевший на другом конце комнаты старик заерзал в своем кресле.

— Кажется, только вчера, — как бы про себя произнес он, — Филлис и этот парень с фермы Козенсов поженились, и однако… — Он задумался. — Пирл, когда же это было? Моя память уже не та, что раньше…

Женщина, погруженная в свои мысли, не слушала его. Она просто не слышала, что он говорит. Но тут ее взгляд упал на Пирл, и она почувствовала: что-то неладно. Ее толстая дочь, вместо того чтобы, как обычно, валяться на диване, сидела, широко открыв изумленные глаза.

— Ма, — завизжала она, — ты слышала? Он говорит, что Филлис и Чарли Козенс поженятся!

Судя по звукам, кто-то поблизости начал задыхаться. С удивлением миссис Кармоди обнаружила, что хрипит она сама. Одним движением она оказалась возле Уэйнрайта и с поджатыми губами и холодными, как сталь, глазами — само воплощение ярости — нависла над ним. От возмущения дар речи покинул ее. Все заслонила собой

катастрофа, которую так небрежно предсказал мистер Уэйнрайт.

Поженятся! А она-то думала, что Билл и Филлис… Как же так? Ведь еще вчера Билл говорил ей…

Поженятся! Филлис и сын соседского фермера. Вот и настанет конец всему, чего она достигла за последние несколько лет. За эти годы она скопила почти тысячу долларов, но на сколько хватит этих денег, если их источник иссякнет? Страх и ярость наполнили ее до краев. Больше сдерживаться она не могла.

— Ах ты, старый дурак! — вопила миссис Кармоди. — Так значит, все эти годы, пока я за тобой ухаживала, ты вынашивал коварные планы, как бы навредить мне и моим детям! Знаю я все эти грязные уловки! Ты думаешь, что очень умный, раз решил воспользоваться своими способностями…

Старик в ужасе вжался в кресло, и при виде этого миссис Кармоди поняла, чем ей может грозить такая вспышка. Особенно после стольких лет подчеркнутой любезности. Будто сквозь туман она услышала, как старик прошептал:

— Я ничего не понимаю. Миссис Кармоди, что случилось?

— Ты сказал это? — спросила она. Даже ради спасения своей души она не могла бы удержаться от этого вопроса.

— Что я сказал?

— Ну, о Филлис и Чарли Козенсе…

— Ах, о них, — Казалось, Уэйнрайт уже забыл, что она стоит перед ним, и добрая отеческая улыбка тронула его губы. — Кажется, они поженились только вчера…

Он поднял глаза на мрачное лицо нависшей над ним женщины и снова испуганно съежился в кресле.

Неимоверным усилием воли миссис Кармоди взяла себя в руки.

— Я больше не хочу слышать об этом, — с угрозой в голосе произнесла она. — Никогда. Ты меня понял? Ни единого слова!

— Конечно, конечно, миссис Кармоди, — изумленно пролепетал старик, — ни слова, если вам так угодно. И все же моя внучка…

— А ты, — рявкнула миссис Кармоди, обращаясь к Пирл, — если ты расскажешь Филлис о том, что сейчас произошло, то я… просто не знаю, что с тобой сделаю!

— Ну конечно, мама, — пробормотала Пирл, — можешь на меня положиться.

Дрожа от бешенства и страха, женщина вернулась к своему пылесосу. Она снова взялась за работу, но руки у нее тряслись. Когда-то, несколько лет тому назад, у нее был, пусть и несколько туманный, план, что делать в такой ситуации: Филлис хочет выйти замуж за кого-то другого, а не за Билла. План, надо сказать, довольно гнусный, и тогда она надеялась, что он не понадобится. Но она его не забыла. Гримаса отвращения исказила ее лицо, когда она вытащила всю эту мерзость из темных глубин сознания, где прятала ее все это время.

В зеркале над раковиной она заметила отражение своего искаженного злобой лица. Зрелище не из приятных. Надо заставить себя успокоиться. Но страх оставался. Дикий, животный страх женщины, которой уже сорок пять и которая совсем одна в равнодушном мире, без работы и, соответственно, без заработка, без… без всего. Конечно, будет пособие по бедности, но, пока у нее остаются деньги, его не получить. Будет пенсия по старости… разумеется, но только через двадцать пять лет.

Она глубоко вздохнула. Все эти пенсии и пособия бессмысленны. Они — синоним поражения. А значит, оставался только ее отчаянный план,

для успеха которого требовалась помощь Билла. И не только вынужденная помощь, а активное, заинтересованное участие…

Она пристально рассматривала сына, когда тот вернулся с поля к обеду. За последний год в нем появилось какое-то непонятное ей спокойствие. Словно, достигнув двадцати, он внезапно стал взрослым. Он и выглядеть стал мужчиной, а не юношей: среднего роста, крепко сложенный, со следами тайной страсти на лице.

Тайная страсть — это хорошо. Он, несомненно, унаследовал ее неутолимое честолюбие. Как раз перед тем, как они покинули город, его поймали на воровстве. На первый раз отпустили. Тогда она не ругала его, так как прекрасно понимала сына и его испепеляющую ненависть к миру, который жестоко лишил их возможности сорить деньгами.

Но с этим, конечно, покончено. Эти три года он без жалоб и понуканий трудился на ферме наравне с наемными рабочими. И однако, чтобы заполучить Филлис, то старое отношение к жизни ему очень и очень пригодится. Он вспомнит прошлое и с его помощью завоюет всем им место под солнцем.

Она отметила, что Билл украдкой посматри-

вает на сидящую с ними за столом Филлис. Уже больше года женщина замечала эти взгляды, которые Билл бросал на девушку. Более того, когда-то миссис Кармоди сама просила его об этом. Молодой человек должен бороться за девушку, которую любит! Просто обязан! Всеми доступными средствами! Вопрос только в том, как ей, матери, объяснить своему сыну тот план, который она придумала. Вот взять и прямо так рассказать?..

После обеда, пока Филлис и Пирл мыли посуду, она тихонько прошла в комнату Билла. И все получилось куда проще, чем она рассчитывала. Выслушав ее, он долго лежал совершенно неподвижно, с каким-то странно умиротворенным выражением лица.

— Значит, идея в том, — наконец произнес он, — что сегодня вечером вы с Пирл поедете в кино. Старик, конечно, будет спать, как бревно. И тогда я, после того как Филлис тоже пойдет спать, проникну в ее комнату, и… потом ей придется выйти за меня замуж.

Он сказал это так бездушно, что женщина отшатнулась, словно увидев в зеркале свое отражение: бесконечно злую, все крушащую на своем пути тварь, в которую она превратилась.

— И если я сделаю все это, — между тем продолжал Билл, — то мы сможем и дальше оставаться на ферме. Я правильно тебя понял?

Она смогла только кивнуть. Голос ее не слушался. И сразу же, словно боясь, что Билл передумает, она поспешно вышла из комнаты.

Постепенно тяжесть, оставшаяся от этого разговора, прошла. Но когда около трех часов она зачем-то вышла на веранду, то сразу же натолкнулась на сидящего там Уэйнрайта. Заметив ее, старик поднял глаза.

— Какой ужас, — сказал он, — ваша сестра повесилась. Мне рассказали об этом в гостинице. Взяла и повесилась. Страшное дело, страшное. Вы совершенно правы, что не поддерживаете с ней никаких отношений.

И, словно забыв о ее существовании, он уставился в пространство.

То, что он сказал, сначала показалось ей невероятным, а потом и просто невозможным. В этот момент женщина поняла все: и слова старика, и слабую улыбку, снова играющую на его губах.

«Значит, вот что он задумал», — холодно подумала она. Этот старый мерзавец хотел устроить так, чтобы Филлис не вышла за Билла. Пользуясь своей репутацией предсказателя, он коварно

рассказал ей, что Филлис и Чарли Козенс…

Все понятно! А теперь он пытается ее напугать. Повеситься, надо же! Она улыбнулась. Хитро придумано, ничего не скажешь! Но она хитрее.

От кино у нее осталось только странное впечатление нескончаемой болтовни и ярких красок. Слишком много бессмысленных разговоров, слишком много света. Глаза у нее болели, и когда наконец они вышли на улицу, мягкий вечерний полумрак показался настоящим бальзамом.

— Пойдем поедим бананового мороженого.

Кажется, это предложила она. А возможно, она только согласилась, но, как бы там ни было, вскоре они с дочерью уже сидели за маленьким столиком и с удовольствием ели мороженое. Но думать она могла только об одном: если они с Биллом провернут это дельце, то весь мир будет у них в кармане. Ничто никогда не сможет повредить ей больше, чем ошибка или неудача сегодня.

— Ма, послушай, ма, я хочу спать. Уже половина двенадцатого.

Голос дочери вывел женщину из задумчивости. Она посмотрела на часы: и правда, половина двенадцатого.

— Боже мой! — воскликнула она с притворным изумлением. — Вот не думала, что уже так

поздно!

Светила луна, и лошади тоже не терпелось вернуться домой. Когда они подъезжали к ферме, женщина обратила внимание, что во всем доме не горит ни одно окно. Темной и безжизненной глыбой стоял он посреди серебрящихся в лунном свете полей.

Оставив Пирл распрягать лошадь, она прошла внутрь, дрожа от нетерпения. Одна из ламп в кухне все-таки горела, хоть и еле-еле. Женщина включила лампу поярче и, прихватив ее с собой, начала подниматься на второй этаж, где находились спальни. Она постоянно спотыкалась: проку от лампы, похоже, не было никакого.

Она поднялась наверх, подошла к комнате Билла. Тихонечко постучала в дверь. Нет ответа.

Она заглянула внутрь. Тусклый желтый свет лампы выхватил из темноты пустую кровать, и женщина застыла, не зная, что ей делать дальше. Только шум шагов поднимающейся по лестнице Пирл заставил ее выскочить из комнаты. Не обращая на мать внимания, Пирл, зевая, прошла мимо и скрылась в своей спальне.

Зазвонил телефон, и толстяк прервал свой рассказ. Извиняясь, он вытащил из кресла свое расплывшееся тело.

— Я сейчас вернусь, — пообещал он.

— Только один вопрос, — быстро сказал Кент. — Что с предсказанием Уэйнрайта о «повесившейся сестре»? Я думал, что миссис Кармоди жива и здорова, хоть и находится в сумасшедшем доме.

— Это так. — Огромная туша хозяина гостиницы заполнила собой дверь, — Она действительно жива. Мы думаем, что Уэйнрайт и правда пытался ее напугать.

Прошло несколько минут. Кент достал блокнот и на чистой странице написал:

Старик, который предсказывает будущее, который вынудил женщину убить его, но который все равно жив, который проходит сквозь предметы, который умеет читать мысли (возможно).

Он немного подумал и дополнил список еще одной строкой:

Престарелый призрак.

Несколько минут он задумчиво смотрел на то, что у него получилось. Потом рассмеялся и в этот миг услышал характерный стук бильярдных шаров. Он встал, подошел к двери, ведущей в

гостиницу, и осторожно заглянул внутрь.

Увидев, что толстый Дженкинс играет в бильярд с каким-то коренастым мужчиной, Кент криво усмехнулся, пожал плечами и, повернувшись, вышел на улицу.

Видимо, ему не суждено узнать эту историю вот так сразу, целиком. Видимо, ему будут рассказывать ее по частям: кусочек тут, другой — там. Очевидно, ему также придется написать мисс Кинкад и попросить ее прислать какие-нибудь книги о призраках, привидениях, провидцах и вообще все, что может помочь ему разгадать тайну мистера Уэйнрайта.

В течение последующих недель мисс Кинкад прислала несколько книг о духах, сборники подлинных историй о привидениях, четыре тома о парапсихологических явлениях, историю магии, трактаты по астрологии и родственным дисциплинам, собрание сочинений Чарльза Форта и наконец три новеньких томика Д. В. Дунна о природе времени.

Утром следующего дня Кент уселся на веранде и в один присест проглотил все три тома. С каждой страницей он все больше приходил в волнение. Прочитав все от корки до корки, он пришел к выводу, что находится на пороге удивительного,

невероятного открытия. Однако оставались еще вопросы, которые следовало прояснить.

Час спустя он уже лежал в небольшой, поросшей лесом лощине, из которой хорошо просматривалась ферма. Если призрак и сегодня выйдет на утреннюю прогулку, то он вот-вот должен появиться…

В полдень Кент вернулся в гостиницу. Одна мысль, словно навязчивая муха, непрерывно кружилась у него в голове: сегодня старик отправился в какое-то другое место… какое-то другое место… другое место. Его воображение словно наталкивалось на глухую стену, когда он пытался представить себе это «другое место».

На следующее утро в восемь часов он снова спрятался в лощине. И снова ждал. И вновь старик не появился.

На третий день ему повезло. Черные грозовые облака затянули все небо, и он собрался было уходить, когда из-за дома появилась высокая тощая фигура мистера Уэйнрайта. Старик прошел сквозь ворота и направился в поля. Делая вид, что тоже вышел погулять, Кент двинулся ему навстречу.

— Доброе утро, мистер Уэйнрайт, — поздоровался он.

Ничего не отвечая, старик внимательно посмотрел на него. Потом подошел поближе.

— Молодой человек, — вежливо спросил он Кента, — а мы с вами знакомы?

На мгновение Кент впал в замешательство, но потом…

«И тут все сходится. Все *сходится.* Должен же существовать момент времени, когда он со мной познакомился».

Вслух он объяснил, что он сын Ангуса Кента и приехал сюда отдохнуть.

— Я с удовольствием навещу вас в гостинице, — сказал старик, когда Кент закончил свои объяснения, — и мы поговорим о вашем отце. Рад был с вами познакомиться.

И с этими словами Уэйнрайт пошел дальше. Стоило ему скрыться из виду, как Кент кинулся к воротам. Он пробрался во двор, как раз когда упали первые капли дождя. На мгновение он застыл в нерешительности. Надо было во что бы то ни стало успеть проникнуть в дом до того, как старик вернется. А это могло случиться с минуты на минуту из-за так некстати начавшегося дождя. Оглядываясь по сторонам и каждую секунду ожидая увидеть длинную тощую фигуру мистера Уэйнрайта, Кент заторопился к дому.

Отсутствие надлежащего ухода за долгие годы наложило отпечаток на темные деревянные стены. Дождь уже лил как из ведра. И хотя отчасти Кент был защищен от разбушевавшейся стихии, он все равно чувствовал себя неуютно. Ливень не утихал.

Выглянув за угол, Кент заметил открытую веранду и сломя голову кинулся к ней. Уже спокойнее — теперь на него ничего не лилось — он обследовал заколоченную дверь и окна. Забито на совесть. Досадно; впрочем, ничего другого он и не ожидал. Да, попасть внутрь будет нелегко.

Дождь несколько поутих. Выбежав с веранды на улицу, Кент заметил балкон второго этажа. Залезть оказалось нелегко, но дело того стоило. Широкая доска, которой было заколочено одно из выходящих на балкон окон, шаталась. Всего один рывок — и она уже у него в руках. Теперь все просто. Углом доски Кент нанес удар, и с тихим, каким-то удивительно пустым звоном стекло разлетелось на мелкие кусочки.

И вот он внутри, в темной пыльной комнате. Дверь из нее вела в длинный коридор. Комнаты — когда-то здесь были спальни — оказались пусты: даже мебели нет. И внизу то же самое. Голые, заброшенные помещения. Бетонная, черная, как

ночь, дыра подвала. Ощупью, освещая путь спичками, Кент добрался до окон. Как он и ожидал, между досками оказались щели. Выбрав место поудобнее, так чтобы хорошо видеть ворота, Кент приготовился к ожиданию.

Но долго ждать ему не пришлось. Прямо сквозь закрытые ворота к дому прошествовал мистер Уэйнрайт. Кент кинулся к выбранной им ранее щели в досках, закрывающих окно на веранду. Если Уэйнрайт собирается войти в дом, то Кент его увидит. Однако прошло пять минут, потом еще пять, а старик так и не появился.

Качая головой, Кент медленно поднялся на второй этаж и через разбитое двадцать минут назад окно вылез на балкон. Приладить доску на место оказалось совсем не трудно, слезть вниз несколько сложнее. Но Кент не зря старался. Вот он, неоспоримый факт: где-то на заднем дворе призрак исчезает. Теперь вопрос в том, как помешать этому исчезновению. Как можно поймать призрак, обладающий способностями мистера Уэйнрайта?

Около полудня следующего дня Кент лежал в поле к югу от фермы. Несколько часов назад он видел, как Уэйнрайт вышел на ежедневную прогулку. Спрятавшегося в кустах Кента он, к

счастью, не заметил. И вот теперь с помощью предусмотрительно захваченного полевого бинокля Кент следил за возвращавшимся домой стариком.

Делая вид, что погружен в свои мысли и ничего вокруг не замечает, Кент вышел из своего укрытия. Он как раз обдумывал, как бы ему исхитриться завязать разговор, когда его неожиданно окликнули:

— Эй, мистер Кент! Доброе утро! Что, тоже вышли прогуляться?

Кент повернулся и, дождавшись, когда мистер Уэйнрайт подойдет совсем близко, сказал:

— Я как раз собирался зайти к миссис Кармоди попросить стакан воды. Так пить хочется, прямо мочи нет. Если вы не возражаете, я вас провожу.

— Ну конечно, сэр, — ответил старик, — ну конечно.

И они пошли вместе. Что теперь будет? Что произойдет, когда они подойдут к воротам? В какой момент Уэйнрайт исчезнет? Лучше начать готовиться к этому заблаговременно.

— Отсюда, — начал Кент, — ферма выглядит какой-то удивительно заброшенной, не правда ли, мистер Уэйнрайт?

К его удивлению, старик так и подпрыгнул,

услышав это безобидное замечание.

— Вы тоже это заметили, мистер Кент? — спросил он с несчастным видом, — А я-то думал, что мне только кажется! Я так страдал от этого! Но знаете, я обнаружил, что эта иллюзия исчезает, как только входишь в ворота фермы.

Так… Значит, все происходит в тот момент, когда Уэйнрайт проходит ворота… С усилием Кент заставил себя вернуться с заоблачных высот на землю.

— Я рад, что и у вас складывается такое же впечатление, — продолжал между тем Уэйнрайт. — А то я уже начал подумывать, что у меня что-то неладно со зрением.

Мгновение поколебавшись, Кент вынул из футляра полевой бинокль, протянул его Уэйнрайту и небрежно предложил:

— Попробуйте посмотреть в бинокль. Возможно, это рассеет иллюзию.

Сказав это, он ощутил острую жалость к старику, которого ставил в такое совершенно немыслимое, невероятное положение.

Но жалость тут же сменилась болезненным, нездоровым, жгучим любопытством. Прищурив глаза, он следил за тем, как костлявые руки поднесли бинокль к старческим, окруженным

сетью морщин глазам, как медленно подкрутили фокус…

Старик охнул, и Кент поймал на лету бинокль, который Уэйнрайт, как того и следовало ожидать, выронил.

— Но как же так?.. — бормотал старик, — Это просто невозможно. Окна заколочены. Неужели миссис Кармоди сумела так быстро собраться и уехать?

— Что-нибудь не так, сэр? — спросил Кент, чувствуя себя последним мерзавцем. Однако теперь пути назад не было.

— По-моему, я схожу с ума, — покачал головой старик. — Мои глаза… Моя голова… они, конечно, не те, что раньше…

— Давайте подойдем поближе, — предложил Кент, — я все-таки выпью воды, и мы посмотрим, в чем, собственно, дело.

Ему казалось крайне важным, чтобы старик не забыл, что он не один.

— Ну конечно, мистер Кент, — сказал Уэйнрайт с достоинством, — ну конечно, вы получите свой стакан воды.

Кент шел рядом с этим высоким, осанистым стариком, чувствуя себя преступником. Еще бы, ведь теперь и он внес свою лепту в трагедию

этого человека.

Они подошли к запертым воротам фермы, и с торжеством победителя, от которого, правда, больше всего хотелось плакать, Кент увидел, как Уэйнрайт безуспешно пытается справиться с замком.

«Невероятно, впервые с тех пор, как все это началось, — мелькнула у него мысль, — старик не сумел пройти *сквозь* ворота».

— Ничего не понимаю, — растерянно произнес Уэйнрайт, — Ворота почему-то заперты. Но я же только сегодня утром…

Тем временем Кент размотал проволоку, удерживающую большие ворота.

— Давайте пройдем здесь, — мягко предложил он.

На старика жалко было смотреть, такой у него стал обескураженный вид. Вот он остановился и, словно не веря глазам, уставился на сорняки, которыми порос двор, потом удивленно потрогал потемневшие от времени доски, крест-накрест закрывавшие окна. Плечи его поникли, словно на них разом обрушился весь груз прожитых лет, на лице проступило выражение загнанности. Теперь он действительно выглядел *старым.*

По выгоревшим ступенькам он устало, с явным

трудом поднялся на веранду. И в этот страшный момент Кент наконец осознал, что происходит. Старик уже шагнул к наглухо заколоченной двери, когда Кент завопил:

— Подождите! Подождите!

Но он опоздал. Там, где только что стоял мистер Уэйнрайт, теперь была… да просто ничего не было.

И только ветер погребальным оркестром завывал в водосточных трубах. Кент стоял на пустой, давным-давно заброшенной веранде. Стоял одинодинешенек. Наедине с печальной картинкой, которая так внезапно расставила все по местам. В мысленном калейдоскопе теперь он действительно понимал абсолютно все. Но не чувствовал от этого ни радости, ни удовлетворения. Он ощущал только страх, — страх, что может опоздать.

Кент бежал по дороге, дыша, словно загнанная лошадь. Бежал и думал о том, как хорошо, что последний месяц так много времени уделял прогулкам. Только благодаря им удастся одолеть те полторы мили, что отделяют ферму от гостиницы. На последнем издыхании, ощущая горечь во рту, он вскарабкался по ступенькам. Перед глазами все плыло. Внутри кто-то, кажется Том, сидел за конторкой.

— Я дам пять долларов, — прохрипел Кент, — если вы упакуете мои вещи и доставите меня в Кемпстер к двенадцатичасовому поезду. И расскажите, как добраться до психиатрической лечебницы в Пиртоне. Ради всего святого, быстрее!

Человек за конторкой вылупился на него, как на привидение.

— Мистер Кент, я велел горничной собрать ваши веши сразу же после завтрака. Вы разве не помните, что сегодня семнадцатое августа?

Кент в ужасе смотрел на него. И это пророчество сбылось. Но как же тогда другое?

По дороге к Кемпстеру он смутно, словно сквозь туман, слышал слова шофера о том, что Пиртон, мол, большой город и что Кент, дескать, легко сможет взять такси на станции…

Из такси лечебница выглядела как несколько белых домиков посреди зеленых лужаек, окруженных высоким железным забором. Кента повели по бесконечным тихим коридорам, и он все время норовил обогнать сопровождавшую его сестру. Ну как она не понимает, что речь идет о жизни и смерти!

Врач встретил его в маленькой, светлой и очень приветливой комнатке. Он вежливо встал,

приветствуя Кента, но тот, дождавшись только, чтобы сестра закрыла за собой дверь, выпалил:

— Сэр, у вас содержится женщина по фамилии Кармоди, — И, дав врачу немного подумать, но пару секунд, не больше, торопливо продолжал: — Даже если вы и не помните ее, поверьте мне, это так.

Лицо врача прояснилось.

— Я помню эту больную.

— Послушайте, — с отчаянием в голосе сказал Кент. — Я только что узнал, как все произошло. Вот что вы должны сделать: немедленно отведите меня к ней, и я заверю ее, нет, вы заверите ее, что она не виновата и что ее скоро отпустят. Вы меня понимаете?

— Мне кажется, — осторожно ответил врач, — что вам лучше рассказать все с самого начала.

— Ради бога, сэр, поверьте мне, — Кент отчаянно пытался пробиться сквозь стену непонимания, — нельзя терять ни секунды. Я не знаю точно, как это произойдет, но предсказание, что она повесится, может сбыться, если…

— Минуточку, мистер Кент! Я был бы вам крайне признателен…

— Ну как вы не понимаете! — вопил Кент. — Вам надо действовать, иначе предсказание

сбудется. Я же вам говорю: мне известны факты, которые позволят освободить эту женщину. И, следовательно, сейчас все решится!

Он замолчал, заметив, что врач как-то странно на него смотрит.

— Знаете, мистер Кент, — сказал тот, — прежде всего вам надо успокоиться. Я уверен, что все будет в порядке.

Неужели все нормальные, уравновешенные, спокойные люди так же невозможны, как этот доктор?

«Надо быть поосторожнее, — неуверенно подумал Кент, — а не то они запрут меня здесь вместе со всякими там лунатиками».

Он начал рассказывать все, что слышал, что видел, что делал. Врач то и дело прерывал его вопросами, и постепенно до Кента дошло, что ему и в самом деле придется рассказать все с самого начала: слишком многого врач не знает.

Он остановился, немного посидел молча, собираясь с мыслями, потряс головой, а потом тихо и спокойно стал объяснять, что, как и почему.

Тянулись минуты, а Кент все говорил и говорил. Он прислушивался к собственному голосу. Каждый раз, начиная говорить быстрее, он заставлял себя успокоиться. Наконец он дошел до

книг Дунна и замялся в нерешительности.

«Боже мой, — подумал он, — неужели мне придется объяснять ему разработанную Дунном теорию времени как состояния мыслящей материи?! Все остальное не так уж и важно, но без этого…»

— Мистер Кент. — Слова доктора вывели его из задумчивости. — Я читал некоторые работы Дунна. Боюсь, правда, что не могу принять его положения о многомерном характере времени…

— Послушайте, — прервал его Кент. — Представьте себе впавшего в детство старика. Он живет в странном, непонятном мире. Удивительные, часто не связанные между собой мысли, переживания, идеи — все это для него в порядке вещей. Память — особенно память — невыразимо запутана и туманна. И в этом запутанном, неестественном окружении как-то, когда-то сработала одна из переменных теории Дунна. Старик, чье чувство времени оказалось полностью разрушенным инфантилизмом; старик, который ходит в будущее так же запросто, как мы с вами ходим в соседнюю комнату…

— *Что?!*

Вскочив на ноги, врач в волнении заходил взад-вперед по кабинету.

— Мистер Кент, — произнес он наконец, — эта идея совершенно не вписывается ни в какие рамки. Но как бы там ни было, я пока не вижу, как это все связано с миссис Кармоди.

— А вы помните, как произошло убийство?

— Смутно. Кажется, семейная ссора?

— Я вам сейчас расскажу. Когда миссис Кармоди проснулась, то была уверена, что победила. Она думала, будто сделала для себя и своих детей все, что могла. И тут увидела на тумбочке записку. Она была от Билла и явно пролежала там всю ночь. Билл писал, что не может и не хочет осуществлять придуманный ею план, что ему не нравится на ферме и что он немедленно отправляется в город. Он и правда ушел в Кемпстер и к тому времени, когда его мать вышла из кино, уже ехал в поезде. Кроме того, он написал, что несколько дней тому назад мистер Уэйнрайт очень удивился, увидев его во дворе. Старик думал, что Билл уже уехал в город…

Мысль о Уэйнрайте не давала женщине покоя. Этот проклятый старик, во все сующий свой нос! Он предсказал, что Билл уедет, — и в критический момент Билл действительно уехал. А с ним испарились и все ее надежды. Филлис выйдет за Чарли Козенса, и что тогда? Что станет

с бедной, никому не нужной сорокапятилетней женщиной?

«Старик, — думала она, спускаясь по лестнице, — это он все придумал. Проклятый старикашка! Сначала сказал Биллу про город, потом Филлис — за кого ей выйти замуж, а затем попытался испугать меня разговорами о повешенных. Повешенные?»

Она замерла, словно налетев на стену. В глазах у нее помутилось. Если все остальные пророчества сбылись, то почему бы и этому не сбыться? Но если ты никого не убил, то они не могут тебя повесить! Кого она может убить? Уэйнрайта? Нет, такой глупости она не сделает!

Она не помнила, как прошел завтрак. Словно сквозь туман женщина услышала заданный собственным голосом вопрос:

— А где же мистер Уэйнрайт?

— Он вышел на прогулку. Мама, ты нездорова?

Нездорова? И кому только в голову придет задать такой дурацкий вопрос? Нездоров будет этот проклятый старик — после того, как она с ним побеседует.

У нее остались какие-то смутные воспоминания о том, как она мыла тарелки; а потом — странный черный провал… живая, жестокая

ночь, окутавшая ее сознание… уехал… Билл… надежда… проклятый старик…

Она стояла у двери на веранду, в сотый уже, наверное, раз выглядывая во двор, в надежде увидеть возвращающегося с прогулки Уэйнрайта. В этот миг все и произошло.

Вот дверь, вот веранда. А через секунду, в двух шагах от нее, прямо из воздуха, материализовался старик. Он открыл дверь, зашатался и рухнул к ее ногам, корчась в агонии, а она что-то кричала ему…

— Она так все и рассказала полиции, — сказал Кент, — что старик просто взял и умер. Но врач, обследовавший труп, пришел к выводу, что мистер Уэйнрайт задохнулся. Кроме того, в истерике она рассказала о себе абсолютно все, и в итоге ей никто не поверил.

— Известно, — продолжал Кент после короткой паузы, — что очень старые люди могут задохнуться, если, например, у них слюна попадает не в то горло или из-за паралича дыхательных путей во время шока…

— Шока?! — воскликнул врач. — Вы что?.. — Похоже, он просто не мог найти слов. — Вы что, серьезно думаете, что ваш разговор с мистером Уэйнрайтом сегодня утром вызвал его внезапное

появление перед миссис Кармоди… уж не знаю сколько лет тому назад? Вы хотите мне сказать, что это в результате шока…

— Я пытаюсь вам сказать, — прервал его Кент, — что у нас остались буквально минуты, чтобы предотвратить самоубийство. Если мы успеем ей все объяснить, то у нее исчезнет причина лишать себя жизни. Ради бога, идемте скорее!

— Но как же предсказание? — спросил врач, вставая. — Если у этого старика и вправду были такие способности, то как же мы можем изменить предначертанное?

— Послушайте, — вспылил Кент. — Я сегодня уже повлиял на прошлое из будущего. Могу же я изменить будущее из… Да пойдемте же!

Он не мог оторвать глаз от этой женщины. Она сидела в своей маленькой светлой комнатке и улыбалась с того самого момента, как они вошли. Теперь, правда, несколько неуверенно. А врач все говорил и говорил.

— Это значит, — наконец спросила она, — что меня освободят? Что вы напишете моим детям и они приедут и заберут меня отсюда?

— Совершенно верно! — искренне заверил ее Кент. Что-то здесь было не так, но что? — Насколько я знаю, ваш сын, Билл, работает на заводе.

Он женился. Ваша дочь — стенографистка на том же предприятии.

— Да, это так, — кивнула она.

Потом, когда они вернулись в кабинет, сестра принесла голодному Кенту разогретую кашу, которую здесь подавали на завтрак.

— Никак не могу понять, — хмурился Кент. — Казалось бы, теперь все должно быть хорошо. Ее дети работают. Эта девушка. Филлис, вышла за Чарли Козенса, и они живут на его ферме. Что касается самой миссис Кармоди, то у меня не сложилось впечатления, что она собирается повеситься, — это-то и сбивает меня с толку. Она пребывала в хорошем настроении. Улыбалась. Ее комната любовно украшена множеством всяческих искусно вышитых вещиц.

— Действительно, — согласился врач, — ее история болезни свидетельствует, что у нас никогда не было с ней никаких трудностей. За примерное поведение она получила привилегию заниматься вышивкой… Что случилось?!

«Интересно, — подумал Кент, — я выгляжу столь же сумасшедшим, как та мысль, которая только что пришла мне в голову?»

— Доктор, — с трудом выговорил он, — есть еще психологический аспект, о котором я совершенно

забыл… Скорее! — Он вскочил. — Надо вернуться к ней и сказать, что она может здесь остаться!

Они услышали, как где-то неподалеку захлопали двери, кто-то пробежал по коридору. В кабинет ворвался санитар.

— Доктор! — выпалил он. — Женщина повесилась! Миссис Кармоди. Она разрезала на куски свое платье и…

Когда они пришли, ее уже вынули из петли. Смерть сделала миссис Кармоди умиротворенной и безмятежной, на губах ее застыла слабая улыбка.

— Здесь некого винить, — прошептал Кенту врач. — Как могут здоровые, нормальные люди понять, что самым страстным желанием ее жизни всегда была безопасность и уверенность в завтрашнем дне. И что именно здесь, в доме для умалишенных, она получила то, что так долго искала.

Но Кент его не слышал. Его била дрожь; и комната, и заполнившие ее люди казались невероятно, необыкновенно далекими. Перед его мысленным взором стоял дом Уэйнрайтов — пустой, с заколоченными окнами… И однако еще много-много лет из него будет выходить высокий, худой, подтянутый старик. Выходить и гулять

по окрестностям, пока и его душу не призовет к себе смерть, которая давным-давно взяла в свои объятия его тело.

Тогда и наступит время, когда призрак мистера Уэйнрайта перестанет бродить по земле.

Репликаторы

Стив Мэтлин ехал на своем грузовике к озеру, когда на дороге появилось странное огромное существо, в которое Стив, бывший солдат, немедля выстрелил и, как оказалось, уложил наповал.

Так началось противостояние Земли в лице ее представителя Стива Мэтлина и инопланетян…

Глава 1

Убив чудовище, Мэтлин замер как вкопанный, чувствуя, что им овладевает безумие.

В смертельной агонии двенадцатифутовая тварь резко дернулась в конвульсии и оказалась в кузове грузовика Мэтлина.

И теперь монстр лежал там, завалившись на бок, со своей огромной слоноподобной головой и коротким туловищем, так, что были видны торчавшие из заднего борта его огромные конечности. И эта черная лоснящаяся туша, сейчас безвольно распростершаяся на металлическом дне кузова грузовика… создавала проблему.

Мысли Мэтлина сейчас только этим и были заняты: как разрешить эту проблему.

Первым побуждением Стива Мэтлина, вооб-

ще-то крайне подозрительного и вспыльчивого человека, было вывалить зверя на заросшую сорняками обочину дороги. С неохотой он решил попробовать найти какой-нибудь иной выход. Как плохо, что два офицера патрульной службы видели, как он поехал по этой глухой дороге в сторону озера. И, обнаружив тушу этой твари, им не составит труда понять, кто именно ее прикончил.

Мэтлин понимал, что именно ему и придется заняться перевозкой убитого чудовища. А что, если он допустит ошибку и вывалит тварь не в том месте, то где тогда найти кран, чтобы снова погрузить чудовище в кузов грузовика? Ну, а если он просто отвезет его домой, то ему еще придется выкопать яму, чтобы захоронить в ней его.

«Лучше всего, отвезу чудовище в полицию, — угрюмо решил он, — и, как добропорядочный гражданин, последую их указаниям».

Ощущая на душе беспокойство, он решительно выехал на главную магистраль. Вместо того, чтобы свернуть налево к своей ферме, он направился в сторону Миндена, ближайшему к происшествию пригороду. Добравшись до него, он сразу же подкатил к полицейскому участку, остановился у обочины и дал резкий гудок.

Никто не отозвался.

Когда разъяренный Мэтлин собрался было жать на клаксон непрерывно, чтобы вынудить полицейских откликнуться, он вдруг сделал поразительное открытие. Здание полицейского участка располагалось на боковой улочке, и непонятно почему, но вокруг не было ни то что автомобилей — ни одного прохожего.

…Жаркий полдень, пустая улица, редко кто в такое время прохаживается по улицам…

Мэтлин рванул рукоятку механизма сбрасывания груза. Мгновение спустя он почувствовал, как туша чудовища съехала вниз и вывалилась на дорогу. После чего он, недолго думая, дал задний ход и умчался прочь, на ходу опуская кузов.

Глава 2

Вечером, перед тем как они ложились спать, его жена Кора сказала ему:

— Ты слышал об этом инопланетном чудовище?

Тут же в голове Мэтлина возник образ монстра, которого он отвез в город.

«Какие-то чокнутые! — презрительно подумал он. — Надо же, чудовище из космоса!» Вслух же

он громким голосом пробурчал:

— Ты что, услышала об этой чуши по телевизору?

— Об этом сообщалось в выпуске новостей, — защищаясь, ответила она. — Чудовище нашли прямо посреди улицы.

Итак, они нашли того монстра, что он прикончил. Внезапно вспыхнуло ликование — его же так и не засекли! Потом он самодовольно подумал: «Сэкономил двадцать пять баксов. Да, удачное я тогда выбрал время!»

Потом он молча направился спать.

Кора лежала некоторое время молча, прислушиваясь к его ровному тихому дыханию, думая о чудовище из космоса… и о мире, который существует вне стен их жилища. Когда-то она преподавала в школе. Но ее учениками было четверо детей, да и было это двадцать лет назад. Временами даже трудно вообразить, насколько же далек их убогий мирок от настоящей современной жизни.

Где-то там, на улице перед полицейским участком маленького пригорода Миндена, лежало мертвое существо, впервые оказавшееся на Земле. Это была новость дня, о которой везде только и судачили, в каждой гостиной. Но никто не имел

ни малейшего представления, каким образом эта тварь оказалась там, где ее обнаружили. Как сообщали репортеры, к этому колоссальному трупу уже начали слетаться, как мухи, сановники и военные самого высокого ранга.

Прошло два дня. По окрестным фермам начала разъезжать комиссия, проводя опрос относительно чудовища. Когда они прибыли на ферму Мэтлина, Кора лишь покачала отрицательно головой и категорическим тоном отвергла всякое предположение, что именно Стив и был тем человеком, что оставил тварь перед полицейским участком.

— В конце концов, — язвительно сказала она, — он бы рассказал мне об этом. Это уж точно! Но вы, конечно, э-э…

Тут она замолчала, подумав: «Ах, что за мужик! Его действия невозможно предугадать! Он и в самом деле способен учудить подобное!»

Посетители, похоже, не заметили ее внезапного замешательства. И они тоже, по всей видимости, считали, что супруг рассказал бы о таком происшествии своей жене. Председатель комиссии, красивый мужчина ее возраста с бархатистым голосом, представившийся как Джон Грэхем (единственный член комиссии, не имевший от-

ношения ни к полиции, ни к армии), любезным тоном сказал:

— Передайте своему мужу, что уже назначена награда в сто тысяч долларов для тех, кто поможет нам в поисках.

Члены комиссии, рассевшись на мотоциклах и автомобилях, с грохотом отправились к следующей ферме.

Около десяти часов утра на следующий день Стив Мэтлин увидел второе чудовище.

Он шел в тот момент по следам первого из них по дороге, ведущей к озеру, когда вдруг очутился перед еще одним монстром.

Он тут же нырнул в ближайший овражек, где распластался на земле, затаив дыхание.

Мэтлин и сам ясно не понимал, что же он ожидал обнаружить здесь. Когда Кора сообщила ему об объявленной награде, он тут же поднял ее на смех, подшучивая над ее доверчивостью.

— Эти сукины дети никогда не отдадут ее, если только тип, клюнувший на приманку, не представит абсолютно неопровержимые доказательства, — сказал он.

И вот он отправился за этими доказательствами.

Вид второго монстра явился для него шоком.

Словно бы тысяча раскаленных иголок вонзилась в копчик, после чего жар начал подниматься по позвоночнику и, достигнув мозга, раскатился мучительной волной страха. Дрожа, Мэтлин поднял ружье.

И едва он это сделал, как чудовище — оно сидело на корточках — привстало, держа в лапах какой-то блестящий на солнце предмет. В следующую секунду над головой Мэтлина просвистело что-то и врезалось в дерево с оглушительным, словно раскат грома, шумом. Затряслась земля. А в следующий миг ушей Мэтлина достиг грохот взрыва.

Судя по его мощности, вполне вероятно, что стреляли из небольшой пушки.

Пока он производил это мысленное сравнение, вспоминая свой опыт бывшего морского пехотинца, участника Второй мировой войны, оружие, напоминавшее винтовку (хотя и громадных размеров), выплюнуло второй залп. В этот раз пуля врезалась в скалу ярдах в десяти от Мэтлина, в результате чего его засыпало кучей осколков. Все тело пронзила мучительная боль, а когда он снова смог что-то различать вокруг — после того как вдали затерялось эхо второго взрыва, — то увидел, что его руки сплошь в крови.

Это привело его в ужас, но одновременно и заставило действовать: он опрокинулся на спину, откатился в сторону и, низко наклонясь, побежал к краю овражка. Остановился он лишь тогда, когда понял, что овраг кончился и теперь не мог служить ему укрытием.

Что же теперь делать?

В памяти мгновенно вспыхнули воспоминания о рискованных операциях, в которых ему довелось участвовать. Реалии войны (с которой он так никогда и не смирился, и которая отняла у него несколько лет жизни) заставляли его идти на риск. Но он не забыл, как совершать марш-броски, быстро передвигаться по-пластунски. Ему всегда казалось безумием то, что вполне рассудительному человеку приходится вторгаться на территорию, занятую врагом. И все-таки, подчиняясь ненавистному гнету военной дисциплины, он проявлял решительность и отвагу, оказываясь в самых отчаянных ситуациях.

Неужели и теперь он оказался в аналогичном положении — и только из-за собственной глупости? Какого черта он приперся сюда?

Он бросился на землю, охваченный ужасом, и тут же один за другим два снаряда уничтожили скалу, за которой он всего несколько секунд назад

прятался. Пушка против ружья! Мэтлину захотелось провалиться сквозь землю, куда-нибудь подальше от этого ужасного места. Весь хитроумный план, который он опрометчиво наметил, направившись сюда, привел лишь к тому, что он оказался лицом к лицу с разрушительной силой оружия, пытающегося его уничтожить.

Он лежал, вдавившись в крошечную выемку, от которой вел свое начало овражек, не смея поднять голову.

Его собственное ружье казалось ему игрушечным, когда рядом…

Зазвенел телефон. Когда Кора взяла трубку и спросила, кто звонит, ей понадобилось несколько секунд, чтобы узнать доносившийся с противоположного конца провода хриплый голос:

— Я звоню тебе из таксофона на краю шоссе. Ты можешь узнать, где в данный момент находится эта поисковая комиссия по чудовищу? — спросил Мэтлин.

— Только что звонила мама. Они на ее ферме. А в чем дело?

— Оно преследует меня, — ответил Мэтлин. — Скажи им, что я направляюсь в сторону шоссе через ангар для лодок. Чудовище ведет грузовик с опрокидывающимся кузовом величиной с дом.

— Что преследует тебя? — пронзительно закричала Кора в трубку. — И где?

— Другой монстр. На дороге за озером, — со стоном ответил Мэтлин и повесил трубку.

Глава 3

Сражение на шоссе началось около двух часов дня. Чудовище выбралось из кабины грузовика-самосвала высотой в двадцать футов. Спрятавшись за машину, оно принялось стрелять из ружья размером с пушку во все, что двигалось.

Две дюжины человек на своих хрупких машинах и с крошечными ружьями вгрызлись в землю позади кустарника. Лежа рядом с Грэхемом, Мэтлин услышал, как тот нетерпеливо сказал армейскому командиру:

— Потребуйте еще раз поддержки с воздуха!

Через десять минут после этого на горизонте появился первый вертолет. Как оказалось, это была передвижная станция телевидения, с камерами на борту. Летающий монстр сделал круг над грузовиком, снимая сверху огромное чудовище. Сначала казалось, что твари в голову не приходит взглянуть вверх, на источник раздражающего звука. Но вот внезапно эта мысль посетила ее.

Длинное ружье нацелилось в небо. Первая же пуля пробила кокпит. Какой-то осколок угодил в летчика, и тот потерял сознание. Вертолет стал зигзагами удаляться, когда еще одна пуля снесла его хвостовую часть, после чего металлическая птица с подбитыми крыльями рухнула вниз и скрылась среди деревьев на противоположной стороне невысокого холма.

Но хуже всего было то, что потом, когда прибыли армейские вертолеты, об эффекте неожиданности уже и речи быть не могло. Когда они приблизились, пушка-ружье начала стрелять. Пришлось изменить курс, но раньше они успели потерять три машины, а потом еще одна рухнула вниз, объятая пламенем. За единым исключением остальные начали вести огонь, правда, не рискуя приблизиться.

Та же машина, что являлась этим исключением, взяла курс влево и исчезла за холмом. Вскоре аппарат появился сзади чудовища и, в то время как остальные машины продолжали идти сплошным строем спереди, этот одинокий вертолет начал приближаться к цели.

Шквал пуль, который пилот обрушил на монстра, едва не оторвал его огромную голову от тела. Чудовище даже не увидело, откуда явилась

его погибель.

Мэтлин вместе с остальными охотниками пошел вперед, нервно теребя в руках бумажку с «требованием» о выдаче ему вознаграждения за содействие в поисках. Его привело в ярость то, что о его правах на это вознаграждение никто даже и не вспомнил. Хотя он ожидал этого, но смириться с этим было трудно.

Дойдя до грузовика, он стоял, переминаясь с ноги на ногу, в то время как остальные исследовали это существо, огромную машину и ружье. Внезапно Мэтлин понял, что его кто-то дважды спрашивает. Это наконец-то вывело его из состояния мрачной задумчивости. Грэхем указал на десятифутовое ружье.

— Что вы на это скажете?

Задушевный тон, вопрос, заданный ему, как равному, привел к тому, что его гнев мгновенно испарился. «Сейчас или никогда!» — решил Мэтлин. Он вручил Грэхему свой листок с просьбой:

— Мне бы хотелось, чтобы вы поставили здесь свою подпись.

Потом он нагнулся и осмотрел огромное оружие.

Вскоре он сделал замечание:

— Это смахивает на винтовку с магазином,

точно такую же, какая есть у меня, только во много раз большую. Возможно, оба вида оружия произведены одной и той же компанией.

При этих словах его начало раздражать то, что Грэхем по-прежнему держит его листок с прошением в руке — и даже не взглянул на него!

— Что это за компания? — странным тоном спросил Грэхем.

— У меня ружье марки «Мессер», — ответил Мэтлин.

Грэхем вздохнул и в замешательстве потряс головой.

— Прочтите-ка марку, выгравированную на этой огромной винтовке, — сказал он.

Мэтлин нагнулся. Черными отчетливыми буквами выделялась надпись на металле: «Производство компании «МЕССЕР»».

— А какой марки ваш грузовик? — спросил Грэхем.

Мэтлин, не отвечая, быстро обошел огромный самосвал и посмотрел на металлическую пластинку на капоте. Слово там было такое же, как на его собственном грузовике: «ФЛАГ».

Когда Мэтлин вернулся, Грэхем с кивком передал ему обратно его листок с прошением и сказал ровным голосом:

— На вашем месте, мистер Мэтлин, я бы сформулировал его так: «Как человек, сделавший все для того, чтобы помешать обнаружить следы существа из космоса, я признаю сам — я имею в виду вас, мистер Мэтлин, — что являюсь лицом, менее всего заслуживающим это вознаграждение».

Настолько неожиданным было это предложение, подобная отрицательная реакция Грэхема, с такой внезапной безапелляционностью отвергались его претензии на вознаграждение, что Мэтлин побледнел. Но лишь несколько секунд длилось его замешательство, вызванное этими словами. А потом он дал выход своему гневу.

— В чем дело, проклятое жулье!

— Одну минутку! — пронзительно начал Грэхем и поднял руку, останавливая Мэтлина. Окинув его циничным взглядом безжалостных серых глаз, он продолжал: — Послушайте, если вы действительно поможете нам определить, где находятся эти существа, если выведете нас на их след, то я пересмотрю свое мнение. Вы согласны?

Опустившаяся ночь застала охотников за чудовищами возле озера, где они разбили лагерь. Внезапно ночную тишину разорвало громоподобное рычание. Вывалившись из заднего сиденья своей машины, Мэтлин бросился к берегу озера и

начал пристально всматриваться в темнеющие воды, окружавшие островок в центре озера. Внезапно он заметил, что к нему подходят остальные члены экспедиции и становятся рядом.

Именно оттуда и доносился этот звук.

— Такое впечатление, будто летит целая эскадрилья реактивных самолетов, — прохрипел кто-то, пытаясь перекричать этот рев. — И, похоже, прямо на нас.

Неожиданно истина этих слов явилась им воочию — на несколько секунд, когда источник оказался прямо над ними: на фоне темного синего неба выделялись очертания чудовищных размеров вертолета.

Машина исчезла в гряде облаков. Рев постепенно сошел на нет, превратился в далекий гул.

Подойдя в темноте к Мэтлину, Грэхем спросил:

— Кажется, вы говорили, что тут поблизости рядом с озером есть какой-то ангар?

— Ага, — осторожно ответил Мэтлин.

— У вас там есть катер?

Мэтлин вздрогнул от ужасной догадки.

— Неужели вы всерьез собираетесь отправиться туда, на этот остров? — прохрипел он. — Прямо сейчас!

— Мы заплатим вам за прокат вашего катера, —

твердым голосом пообещал Грэхем, — и дадим гарантии на случай, если тому будет нанесен материальный ущерб, причем в письменном виде. И если именно это и есть та база, откуда делают свои вылазки эти твари, то я подпишу ваше прошение.

Мэтлин несколько секунд раздумывал. Катер и клочок земли возле озера были сокровенной его мечтой. Никто, даже Кора, не представлял себе, что они значили для него. Ведь в тот день, с которого все и началось и когда он прикончил первое чудовище, он вез песок со своей фермы, чтобы высыпать его на дорожку возле самого берега, обустраивая уголок по своему вкусу.

Мэтлин стоял в нерешительности, мысленно подсчитывая, сколько понадобится денег для осуществления его мечты: покрыть корявый и ухабистый берег ровным слоем песка, выстроить охотничий павильон, поставить шалаш для рыбной ловли, купить катер побольше — тех моделей, что часто уже он представлял в фантазиях своей собственностью, но в реальной жизни возможности приобрести их ему так и не представлялось.

— Хорошо, я сделаю это, — ответил он.

Добравшись до островка, Мэтлин осторожно,

пользуясь время от времени своим фонариком, отвел Грэхема и еще двух членов комиссии туда, где земля внезапно стала… потверже.

Когда они начали копать землю, то обнаружили под слоем травы оголенные провода.

Грэхем тихо по радио связался с лагерем, который они только что покинули, после чего выслушал с Мэтлином ответ: при помощи более мощного передатчика будет вызван армейский отряд парашютистов. К рассвету сюда подтянутся несколько сотен вооруженных людей, боевые танки, инженерные подразделения и артиллерия.

Но, когда радио замолчало, они снова остались одни в темноте. До прибытия подкрепления утром оставалось еще несколько часов.

И опять именно Мэтлин обнаружил нависавшую скалу, которая вела к огромному ярко освещенному космическому кораблю.

Он настолько был погружен в свои грезы и так заинтригован этой находкой, что лишь оказавшись вместе с остальными тремя членами комиссии на первой палубе, понял вдруг, насколько далеко он влез в это дело.

Он остановился. И, полуобернувшись, уже готов был бегом умчаться прочь, но замер, пара-

лизованный тем, что увидел.

Они оказались в круглом помещении, имевшем в диаметре четыреста футов. За исключением целого ряда металлических профилей, на вид основательных и прочных, ниспадавших с потолка и выступавших из пола, помещение было пустым.

Мэтлин с остальными спутниками направился к трапику, ведущему на следующий мостик. Здесь тоже были — в еще большем количестве — огромные металлические профили — интересно, что же это такое? — но тоже никого не было.

На третьей палубе они обнаружили двух спящих инопланетных «ребятишек».

Каждый из них лежал на спине в длинном черном металлическом ящике. Старший был примерно вдвое меньше взрослого инопланетянина, младший же был ростом всего в два фута. У обоих были приземистые тела, и они, несомненно, были более юными версиями тех чудовищ, что были уже убиты.

Пока трое спутников Мэтлина — Грэхем и два офицера — вопросительно обменивались взглядами, охотник достал свой листок с прошением и вручил его Грэхему. Правительственный агент удивленно взглянул на него, потом, очевидно,

поняв, чего хочет Мэтлин, качнул головой с обреченным видом, взял ручку и подписал бумагу.

Едва только получив в руки подписанный листок с прошением, Мэтлин направился к трапику.

От страха его тело покрылось потом. Однако он понимал, что по-иному он поступить не мог — он должен был получить эту подпись на листке. Ну, а теперь…

…убраться как можно скорее и подальше отсюда, от этого чертова дела, которое его совсем не касается!

Добравшись до воды, он тут же завел мотор катера и направил его к ангару. Заперев судно там, он осторожно прошел в темноте к своей машине и тотчас же отъехал.

Миновав полосу деревьев, скрывавших ферму, до которой оставалось еще около мили, он увидел, что весь двор объят пламенем. Он услышал грохот гигантских двигателей…

Его дом, сарай, гараж — все горело! В ослепительном свете пламени он увидел по ту сторону костра гигантский вертолет, который взлетел и быстро исчез в ночном небе.

Так вот куда направлялся тот, что не так давно пролетел у них над головой! А сейчас миновал

его немного правее — источник оглушительного звука в затянутом тучами небе, сейчас совершенно невидимый в непроглядной темноте.

Мэтлин обнаружил Кору и сына спрятавшимися в поле неподалеку от школы. Жена что-то пробормотала насчет чудовища, устремившегося прямо на ферму.

— Откуда оно могло знать, что это твоя ферма? — удивленно спросила она. — Вот этого я понять не могу.

Глава 4

Пожар потихоньку затихал. Во двор сгоревшей фермы начали съезжаться соседи. Хлопали дверцы подъезжающих машин. Расстроенный Мэтлин, неся сына на руках, вместе с Корой прошел к гаражу, когда уже рассветало.

Самого Мэтлина занимала мысль другого рода: почему эта тварь не убила его жену и сына? Ведь Кора и мальчик были полностью в его власти, как и ферма.

До его руки дотронулся сосед, звали его Дэн Грей.

— Может, ты с Корой и мальчуганом сегодняшнюю ночь проведешь у меня, а, Стив? — спросил

он.

Когда они вошли в дом на ферме Грея, какой-то мужчина на экране телевизора описывал, как Стив Мэтлин оставил трех человек на острове на милость возвращающегося инопланетного монстра.

Он произнес фамилию Мэтлина.

Мэтлин узнал в этом человеке одного из членов экспедиции, отправившейся на поиски чудовища.

Он оглянулся и увидел, что Грей, его жена — высокая худощавая женщина — и Кора пялятся на него. Кора сказала с ужасом в голосе:

— Стив, ведь ты не мог поступить так!

Мэтлин был ошеломлен этими словами.

— Я подам в суд на этого парня за нанесение морального ущерба! — пронзительно закричал он.

— Значит, это неправда, — простонала Кора. — Как же это омерзительно — лгать столь бессовестным образом!

Мэтлина вывело из себя ее непонимание.

— Это не то чтобы вранье, — поправил он, — просто раздутое без всякой надобности дело. С какой стати я должен был оставаться на том острове? Если они собирались безумствовать и быть храбрыми, что ж, это их дело, не мое.

По их лицам Мэтлин понял, что эта очевидная для него истина не была таковой в их глазах. Он помрачнел.

— Ладно, как я вижу, мне здесь уже не рады. Пойдем отсюда, Кора.

— Кора и мальчик могут остаться, — поджав губы, поправила его миссис Грей.

Мэтлин, уже смирившись с их глупостью, кивнул в знак согласия.

— Я заберу вас завтра утром, — сказал он жене.

Кора не ответила.

Грей проводил Мэтлина к его машине. Возвращаясь в гостиную, он покачивал головой.

— В одном я теперь уверен, — сказал Грей, обращаясь к Коре. — Ваш муж ничего от вас не утаивает.

— Вот именно! — жестко произнесла Кора. — Только представьте: бросить тех людей! — В ее глазах сверкали слезы.

— Он утверждает, что они заманили его в ловушку на том острове.

— Никто не гнал Стива туда. Он сам отправился на остров, держа в голове кое-какие темные мысли.

— Он говорит, что внезапно осознал, что с ним поступили, как это делают генералы во время

войны — отсылают рядовых на передовую. А поскольку это вовсе не его война…

— Если это не его война, то чья же тогда? Ведь он первым сделал выстрел.

— Ну что ж, в любом случае, генералы сейчас на огневом рубеже, и с какой стати Стиву теперь беспокоиться о них? Таково мое мнение.

— Немыслимо! — воскликнула пораженно Кора. — Он считает, что Вторая мировая война была заговором с целью заставить его потерять несколько лет жизни. Он всю жизнь живет в собственном мирке, сконцентрировавшись только на себе. Вы же сами только что видели: ничто не может поколебать его уверенность в этом.

Вернувшись на ферму, Мэтлин провел ночь на заднем сиденье машины.

Утром его встретил Дэн Грей.

— Ну, Стив, эта война в конечном счете станет твоей, — сказал он, ухмыляясь.

Мэтлин посмотрел на ухмыляющееся, несколько тяжеловатое лицо соседа, однако ничего не ответил. Похоже, до него так и не дошел смысл этих слов. Он лишь просто выбрался из машины и прошел в дом.

Обе женщины смотрели телевизор. Мэтлин даже не взглянул на экран.

— Ты готова, Кора? — спросил он.

Женщины, обернувшись, как-то странно посмотрели на него. Наконец миссис Грей сдавленно выдохнула:

— Вы слишком просто оцениваете ситуацию.

— Оцениваю что?

Миссис Грей беспомощно посмотрела на Кору.

— Я не могу сказать ему это, — едва слышно произнесла она.

Мэтлин вопросительно посмотрел на жену.

— Возможно, ты уже слышал эту новость. Та тварь, вернувшись на остров, обнаружила мистера Грэхема и его двух спутников. И переговорила с ними при помощи какого-то механического переводного устройства. Чудовище сообщило, что собирается покинуть Землю, но сперва должно закончить одно дело. Оно сказало… оно сказало…

— Ради Бога, Кора, нам нужно ехать, — нетерпеливо поторопил ее Мэтлин. — Ты мне все расскажешь по пути.

— Оно сказало… — повторила Кора и запнулась, — что перед отлетом обязательно убьет тебя.

Теперь уже у Мэтлина перехватило дыхание.

Наконец он смог произнести, запинаясь:

— Меня! — Через несколько секунд добавил, все

еще не веря: — Это же смешно! Я ведь не имею к этой истории никакого отношения.

— Но оно утверждает, что ты на Земле единственный, кто оказался вовлечен в эту историю.

Шокирующая мысль все сильнее проникала в сознание Мэтлина. Он ничего не мог возразить на это обвинение и вообще вымолвить что-либо в ответ. Только в глубине своего сознания он попытался молча протестовать: «Но ведь то первое чудовище приближалось ко мне. Откуда мне было знать, с какими намерениями?»

— Существо утверждает, что на всех планетах, которые оно посетило, никто никогда раньше не убивал без предупреждения, не задав хотя бы одного вопроса.

Мэтлин с отчаянием в глазах посмотрел на жену. Он чувствовал себя побежденным, полностью уничтоженным. На какое-то мгновение он снова не мог поверить в реальность происходящего. «Я хочу только одного, — подумал он, — чтобы меня оставили в покое!»

Но эта мысль тут же оборвалась: он внезапно осознал, что все эти годы цеплялся за ложную истину: моя хата с краю, ничего не знаю.

И настолько умело он притворялся, впадая во внезапные вспышки гнева, что окружающие

просто обменивались многозначительными взглядами между собой и умолкали, после чего никогда впоследствии не заводили разговор на эту тему. А он же с удовлетворением при этом думал: «Чертовы ублюдки! Им бы лучше заткнуться, — потом презрительно добавлял: — хотя, ладно, пусть думают, что хотят».

Сейчас же он был единственным человеком, которого гость с другой планеты считал своим долгом убить…

Мэтлин опять увидел улыбку на лице Дэна Грея. Тот беспомощно развел в стороны руки.

— Ничем не могу помочь, Стив. Веришь ты мне или нет, но ты мне нравишься. Мне даже кажется, что я понимаю тебя. Но извините меня, Кора, по мне — так это случай подлинной справедливости. Ты заслужил то, что заслужил.

Мэтлин повернулся и вышел из комнаты. Он заметил, что Кора торопливо бросилась вслед за ним.

— Погоди, Стив, — сказала она. — У меня к тебе дело.

Мэтлин обернулся. Они были одни в коридоре. Он вдруг заметил, что она с трудом сдирает с пальца обручальное кольцо.

— Вот, — сказала она. — Мне следовало бы вер-

нуть его тебе девятнадцать лет назад, но тогда мне это помешал сделать наш первенец.

Она разжала его пальцы, положила на ладонь кольцо и сжала затем его кулак.

— Теперь, Стив, ты свободный мужчина. После двадцати лет жизни самого эгоцентричного в мире человека, поглощенного только самим собой, попробуй встретить свою судьбу тоже в одиночку.

Мэтлин хмуро посмотрел на кольцо, потом заметил:

— Ба! Подумаешь! Посмотри на меня — я такой же, как и все, типичный представитель человеческой расы. Просто я никогда не лукавил, вот и все.

Он сунул кольцо в карман.

— Я не выброшу его и верну тебе назад, когда ты придешь в лучшее расположение духа. Моя любовь к тебе никогда не была притворством.

Он повернулся и пошел к выходу.

Когда Мэтлин выходил из дома, подъехала какая-то машина. Из нее выбрался Грэхем и направился к автофургону, в который уже собирался было забраться Мэтлин.

— Я приехал поговорить с вами, — сказал Грэхем.

— Тогда поторопитесь!

— У меня для вас сразу три послания.

— Выкладывайте!

— Совершенно очевидно, — начал Грэхем, — что правительство Соединенных Штатов не позволит, чтобы его гражданина преднамеренно и произвольно уничтожили. Ввиду этого, — более официальным тоном продолжал он, — все вооруженные силы страны выступят, если в том возникнет необходимость, на защиту Стива Мэтлина от инопланетянина.

Мэтлин посмотрел на него с непоколебимой враждебностью.

— Монстр способен воспроизвести любое оружие, которое есть у нас, так что ваши обещания — не более, чем пустые слова.

Грэхем тем же официальным тоном заметил, что военные власти учли эту способность существа воспроизвести сперва ружье, потом грузовик, после чего и вертолет.

Короткий смешок Мэтлина дал ясно понять, что, по его мнению, должны сделать генералы с такой информацией.

— Ладно, валяйте дальше, — грубо сказал он, — что там у вас за второе послание?

— Оно личное, — ответил Грэхем.

Он стремительно шагнул вперед, и его кулак угодил прямо в челюсть Мэтлина. Того отбросило к его машине, потом он соскользнул на землю, после чего приподнялся и остался сидеть, потирая челюсть и глядя на Грэхема. Затем спокойным тоном произнес:

— Похоже, все считают, что я получаю по заслугам. Наверное, это действительно так, поэтому отвечать я не буду. Ну, и в чем же суть последнего послания?

Грэхем, по всей видимости, ожидая, что тот бросится на него, отступил назад. При последних словах его хмурое настроение улучшилось. Он удивленно потряс головой и сказал:

— Стив, вы меня поражаете. А возможно, даже вызываете уважение.

Мэтлин ничего не ответил. Он просто сидел, положив локти на колени.

Через несколько секунд Грэхем продолжил:

— Как считают генералы, должна быть еще одна причина, по которой это существо хочет убить вас. Возможно, вам что-то известно. — Серые глаза Грэхема пристально разглядывали Мэтлина. — Может, вы что-то скрыли от властей?

Мэтлин покачал головой, но эти слова его заинтриговали. Он медленно поднялся, с хмурым

видом размышляя, и стряхнул с себя пыль.

— Как полагают, — продолжал Грэхем, — способность чудовища к дубликации вещей основывается на чем-то вроде чувства восприятия, которым не располагают люди.

— Чего? — удивился Мэтлин, глаза его округлились. — То есть вы намекаете на нечто такое, что есть у почтовых голубей, птиц, которые каждый год летают на юг, или лососевых, что возвращаются в тот водоемчик, где они родились?

— Существует мнение, — начал Грэхем, — что у вас возникла обратная связь с Бог знает чем, почему существо и хочет убить вас прежде, чем вам удастся передать кому бы то ни было то, что вам известно.

Мэтлин покачал головой.

— Да они все там поехали! Ничего-то мне не известно.

Грэхем чуть дольше задержал на нем взгляд. Потом, по всей видимости, удовлетворенный, сказал:

— Во всяком случае, военные власти считают, что они не могут рисковать с существом, которое угрожало убить гражданина Америки. Поэтому они намерены бросить атомную бомбу на этого монстра и сразу и навсегда покончить со всем

этим делом.

Почему-то Мэтлин тут же почувствовал тревогу.

— Погодите, — с сомнением произнес он. — Предположим, он воспроизведет и бомбу? Тогда вполне возможно, что у него будет все самое тайное наше оружие, а мы и знать об этом не будем!

Грэхем отреагировал сдержанно.

— О Стив, не стоит так волноваться. Бомба будет маленькой, но достаточной, чтобы распылить на атомы его космический корабль. Лично мне очень жаль, что приходится идти на такие методы в этом деле, но я не сомневаюсь в их эффективности. Когда бомба будет сброшена, то чудовищу ничего не останется воспроизводить, да его и вообще тогда на свете не будет.

— Все же лучше посоветовать им, — заметил Мэтлин, — чтобы они обождали с этой бомбой, пока все получше не обдумали.

Грэхем посмотрел на часы.

— Боюсь, что для этого уже нет времени, Стив. Потому что они считают, что у вас может быть нечто вроде телепатической связи с этим созданием. Я не стал вам говорить, но бомбу сбрасывают… как раз… в этот момент!

При этих словах раздался оглушительный, хотя

и далекий грохот.

Инстинктивно они оба пригнулись. Потом выпрямились и поспешили взглянуть на ближайшие фермы, лежавшие дальше, за грядой низких холмов и рощицами деревьев. Из-за горизонта возник небольшой, но такой знакомый зловещий гриб.

— Что ж, — сказал Грэхем, — вот и все. Очень жаль. Но существу не стоило угрожать вам смертью.

— А как насчет корабля второго? — спросил Мэтлин.

— Какого еще второго? — переспросил Грэхем.

Они обменялись этими репликами спонтанно. А потом уставились друг на друга.

Грэхем прервал молчание.

— О Господи! — вырвалось у него.

Глава 5

В штаб-квартире заупрямились. В течение двух решающих дней категорически отвергалась даже сама идея возможности существования второго космического корабля.

Потом в конце третьего дня радар зафиксировал присутствие небольшого постороннего

объекта высоко над базой «Н», откуда вылетал атомный бомбардировщик для уничтожения космолета, приземлившегося на островке.

Приближающемуся летательному аппарату немедленно отправили сигналы, но когда ответа не последовало, оператора охватила паника, и он включил тревогу на случай бомбардировки, после чего бросился вниз по лестнице, ведущей в укрытие, расположенное глубоко под землей.

Благодаря столь поспешным действиям он оказался в числе восьмисот человек с быстрыми рефлексами, которым удалось уцелеть.

Спустя всего несколько секунд, когда оператор оказался в безопасном укрытии, атомная бомба уничтожила базу «Н».

Как раз в это время вертолет телевизионщиков, зависнув у островка над озером Мэтлина, снимал кратер, оставшийся после взрыва сброшенной туда бомбы. Вдруг откуда ни возьмись рядом оказался космический корабль и совершил бесшумную посадку на островок.

Вертолет предпочел не задерживаться. Телевизионщики успели снять лишь несколько кадров, да и то с дальнего плана.

Грэхем в поисках Мэтлина приехал к Коре.

Однако та лишь покачала головой.

— Стив сказал, что будет бродить по дорогам, пока со всем этим делом не будет покончено. Он сказал, что, по его мнению, лучше ему нигде не задерживаться, пока это существо занимается его поисками.

Ведь его фотографию показывали по телевидению.

Спустя четыре дня Грэхем допрашивал четверых мрачных молодых парней, пытавшихся схватить Мэтлина с целью передать его чудовищу.

— Если бы мы сделали это, — заявил один из них, говоря как бы за всех, — отдали монстру этого типа, который и заварил всю эту кашу, то все оставшиеся жители смогли бы вернуться к исполнению своих каждодневных обязанностей.

Они вышли гуськом, один на костылях, еще двое — с забинтованными руками, и все — в повязках, едва сдерживая стоны от полученных травм.

На следующий день Грэхем допрашивал двух человек, утверждавших, что они были свидетелями схватки на открытом пространстве шоссе между Мэтлином, ехавшим в своем автофургоне, и чудовищем, летящим на огромном реактивном самолете. У Мэтлина была базука, при помощи

которой ему в конце концов удалось заставить чудовище признать поражение и удалиться.

Генерал Максвелл Дей, стоявший рядом с Грэхемом, подумал, что не Мэтлин ли ограбил склад боеприпасов Военно-Морских Сил? Там были похищены ракетная противотанковая установка и четверть тонны взрычатки. Не удержавшись, он высказал свою мысль вслух.

Грэхем позвонил Коре.

— Я знакомлюсь с одним отчетом, — сказал он. — Как вы считаете, не мог ли Стив решиться на то, чтобы воспользоваться военным имуществом Военно-Морских Сил?

— Это оружие принадлежит народу США, правильно? — осторожно, в свою очередь, спросила Кора.

— Да.

— Ну тогда, я думаю, Стив мог решить, что он, как один из тех, кому принадлежит это вооружение, имеет право владеть им — не чувствуя за собой какой-либо особой вины — поскольку исправно платит налоги, к тому же учитывая его воинские заслуги во время Второй мировой войны.

Грэхем прикрыл трубку.

— Считаю, что у него могла возникнуть такая

мысль.

Офицер Военно-Морских Сил протянул руку.

— Позвольте мне поговорить с ней, — сказал он. — Миссис Мэтлин?

— Да.

— Могу я задать вам несколько вопросов, касающихся вашего мужа?

— Да, задавайте.

— Знаете, миссис Мэтлин, мистер Грэхем, присутствующий здесь, весьма высокого о вас мнения, поэтому хорошенько подумайте над следующим вопросом: умен ли ваш муж?

Кора несколько секунд раздумывала, потом ответила:

— Я понимаю, чего вы хотите знать. В каких-то отношениях нельзя сказать, что он умен, но вот в других у него просто блестящий ум.

— Он храбрый человек?

— Если послушать его самого, то нет. Но, по-моему, вообще-то он мужественный человек. Мне кажется, чтобы это проявилось, требуется его заинтересовать и практически вовлечь в дело.

— Каково его мнение о генералах?

— Что они идиоты.

— Он честный, законопослушный человек?

— Ну-у-у, как сказать. Например, он взял с собой

ружье в тот первый тень, надеясь, что ему удастся незаконно убить оленя.

— Я имею в виду, чтит ли он свои обязательства по долгам?

— Могу лишь процитировать в этой связи его самого: он бы не хотел доставить кому-либо удовольствие похваляться, что он его должник.

Генерал Дей улыбнулся.

— А теперь, миссис Мэтлин, ответьте, согласитесь ли вы на его возвращение к семейному очагу, если я присвою ему чин сержанта?

— А почему не капитана?

— Мне очень жаль, миссис Мэтлин, но если вы немного подумаете, то согласитесь со мной, что он никогда не унизится до того, чтобы принять это звание.

— О! Да мне и размышлять особо не надо. Вы правы! Да, я, возможно, и соглашусь принять его. Н-но-о, ведь он больше не служит в Военно-Морских Силах.

— Это мы уладим, миссис Мэтлин. До свидания.

Он повесил трубку.

Спустя час по телевидению, радио и в газетах было объявлено, что Мэтлина восстановили в рядах военнослужащих Военно-Морских Сил и что

в этой связи он обязан явиться для прохождения службы в ближайший военный комиссариат.

Около полуночи реактивный самолет, на борту которого находился Грэхем с несколькими офицерами, совершил посадку на базе Военно-Морских Сил, где Мэтлин безропотно дожидался их. Они достали для него униформу рядового морского пехотинца. Когда угрюмый, небритый мужчина без особого удовольствия натягивал ее, они набросились на него с вопросами. Их интересовала любая мысль, которая по какой-либо причине возникала даже на несколько мгновений в сознании Мэтлина.

— Но это же чистое безумие, — возражал Мэтлин. — Я не знаю ничего особенного… за исключением того, что эта тварь ищет меня.

— Мы уверены в обратном.

— Но столько всего…

— Рядовой Мэтлин! Это приказ!

Насупившись, но относясь к своим обязанностям предельно сознательно, Мэтлин повиновался. Он поведал им все мысли, что пришли ему в голову за последние несколько дней в связи с этим существом. А их было столько-столько… да еще и самые невероятные, безумные, отвратительные, что ему уже начало казаться, что он и

сам сошел с ума. В его видениях ему представлялся дом на какой-то планете далекой звезды. Что он долгие-предолгие годы путешествует в космосе. Картина звездолета, сокрытого на острове, где воспроизводятся тысячи атомных бомб.

Его слушатели побледнели, однако Грэхем сказал ему:

— Продолжайте.

И он продолжил:

— Существует только одно существо, но оно привезло с собой целый ряд запасных тел и может вырастить и другие.

Потом Мэтлин замолчал.

— Проклятье, — проворчал он. — Не хочется мне говорить всю эту ерунду! Да и вообще, почему вы хотите слышать все это? Ведь это просто безумные сны.

Грэхем бросил взгляд на командующего офицера Военно-Морских Сил, потом на Мэтлина.

— Мэтлин, — начал он, — мы не думаем, что это вообще сны. Мы полагаем, что вы находитесь — каким-то непонятным образом — в телепатической связи с разумом этого существа. И нам необходимо знать, что оно замышляет… Поэтому, ради Бога, продолжайте!

В конце концов из различных кусочков была

выложена стройная картина: инопланетянин прибыл в солнечную систему на двух кораблях, между которыми в равной степени был разделен груз с запасными телами, рассортированными по стадиям их естественного развития. Когда один корабль — со своим запасом тел — был впоследствии уничтожен, существо воспроизвело его заново, и теперь у него снова два звездолета.

Каждое из уничтоженных тел было немедленно восстановлено и уже через два дня достигало полной взрослой стадии. Во всех этих новых телах имелась полная «память» о том, что случилось с предыдущим — именно туда при помощи соответствующей автоматической системы записи заносились данные обо всем, что с ними происходило.

По прибытии первое тело находилось в состоянии полной восприимчивости. Ему требовалось теперь лишь воспроизвести мысли и чувства жителя этой только что обнаруженной населенной планеты.

Стать таким, как они, думать, как они, знать их язык…

Существо находилось в беспомощном состоянии, с пустым нетронутым сознанием, когда случайно наткнулось на Стива Мэтлина.

Вот и вся история. Существо вобрало в себя личность Мэтлина.

— Стив, — начал Грэхем, — неужели ты так и не понял, что все эти убийственные мысли существо переняло у тебя?

Мэтлин растерянно захлопал глазами.

— Э-э?

Грэхем, вспомнив слова Коры насчет мужа, продолжил:

— У тебя есть хоть один друг, Стив? Кто-нибудь, кто нравился бы тебе? Где-нибудь?

Мэтлин не мог никого вспомнить. За исключением, конечно, Коры и ребятишек. Но его чувства к ним были смешанными. Она настояла на отправке трех старших детей в город на учебу в школе. Но он действительно испытывал к ней сильную привязанность, как и к детям, хотя и меньшую.

— Вот почему она до сих пор еще жива, — сдавленно сказал Грэхем. — Это объясняет, почему чудовище не убило ее в тот день, когда сожгло вашу ферму.

— Н-но-о… — запротестовал Мэтлин, — почему же оно уничтожило ферму?

— Вы ведь ненавидели это проклятое место, разве не так?

Мэтлин ничего не ответил. Он тысячу раз говорил это раньше.

— Как вы считаете, Стив, что нам следует сделать с половиной жителей этой страны?

— Полагаю, что нам вообще следовало бы стереть человеческую расу с лица Земли и начать все с нуля, — не задумываясь, ответил Мэтлин.

— А как, по-вашему, мы должны поступить с русскими?

— По мне, так нам следовало бы забросать атомными бомбами всю Азию.

Немного погодя Грэхем тихо спросил:

— А вам, Стив, не хотелось сменить настрой своих мыслей?

Мэтлин, закончив переодеваться, хмуро уставился в зеркало.

— Послушайте, — наконец произнес он, — вы приперли меня к стенке. Согласен: пусть мне пудрят мозги все эти чертовы генералы, задурившие себя какой-то идеей. Так что говорите, что вам от меня надо.

В тот же самый момент Нечто перестало лихорадочное воспроизводство атомных бомб… и стало самим собой.

Его принудительная мысленная связь с Мэтлином оборвалась.

Содрогнувшись, Нечто передало сообщение — через систему передатчика мгновенной связи, — которое принял приемник, находящийся на расстоянии в несколько световых лет.

— Все, чего мы опасались в случае приближения пустого разума к новой планете, наконец случилось со мной. Когда я находился в состоянии невероятной восприимчивости к любой мысли, мое первое тело было уничтожено двуногим жителем этой системы, существом с самыми невероятными мыслями, возникшими, судя по всему, в результате какого-то дурного обращения в прошлом. Эта неспособность освободиться от шокирующих впечатлений детства, похоже, является уникальным явлением для людей этой планеты.

Понимая, что я оказался в ловушке, оставаясь при этом все еще в живых, я предпринял несколько попыток убить его, закончившихся неудачно, потому что этот человек оказался неожиданно изворотливым. Но сейчас он носит костюм, называемый униформой, и это тотчас же превратило его в миролюбивого человека.

Вот таким способом я смог освободиться. Естественно, я еще способен чувствовать, где он находится, но больше он не может воспринимать

мои мысли, как и я — его. Однако я должен сообщить, что на меня устроил облаву воздушный флот. Происшедшие события полностью разрушили мой образ благожелательного пришельца. Я ясно дал им понять, что не применю против них никакого оружия; поэтому, возможно, стоит прекратить эту экспедицию.

На разведку был выслан отряд астронавтов. Они, без помех поднявшись на борт второго корабля Нечто, доложили, что там находятся только четыре тела на разной стадии развития.

В то время как на околоземную орбиту выводили этот корабль, Мэтлина доставили на берег озера, где в его полное распоряжение предоставили правительственный катер, после чего Грэхем и генерал Дей наблюдали в бинокли, как Мэтлин, совсем не заботясь о возможном ущербе для своего судна ценой в тридцать тысяч долларов, мчится по направлению к острову.

— Мне кажется, он разобьет катер, — заметил Грэхем.

— Ну и отлично.

— Отлично?

— Вся моя теория насчет него разрушится, если он будет относиться к государственной собственности с тем же рвением и заботой, как и к своей.

И меня радует, что он оказался именно таким, каким я его себе и представлял.

Мэтлин в это время подплыл к тому месту, где на дне воронки, созданной взрывом бомбы, лежал второй корабль инопланетянина. Вода просочилась сквозь глинистую породу. Действуя согласно полученным инструкциям, Мэтлин проник в вязкую промоину. С высоко поднятой винтовкой и громко ругнувшись, он направился к входу.

Глава 6

Грэхем, генерал Дей и майор артиллерии наблюдали за продвижением Мэтлина на экране портативного телевизора. Изображение передавалось из одного корабля, зависшего на высоте в семьдесят тысяч футов над островом. Сцена внизу была видна предельно ясно, и на ней Мэтлин — отражаясь через систему замечательных линз, — действительно выглядел крошечным человечком, шедшим вперед.

— Но зачем было вообще посылать кого-нибудь? — удивленно спросил Грэхем. — Почему бы просто не взорвать корабль? Вы ведь сами уже подчеркивали, что у нас достаточно сил и

оружия там, — он указал на небо, — чтобы уничтожить его.

Генерал Дей объяснил, что теперь он принял прежнюю точку зрения Грэхема — что инопланетянин может оказаться в состоянии защитить себя.

— Но уже слишком поздно осторожничать, — заметил Грэхем. — Все мосты сожжены.

Как объяснил офицер Военно-Морских Сил, просто еще большей глупостью было бы провоцировать существо, пока не произошла стычка.

— Стычка между суперсуществом… и Мэтлином!

— А кого еще мы могли бы послать? Какого-нибудь беднягу? Нет, именно Мэтлин лучше всего подходит для этого дела. Ему будет не впервой увидеть облик инопланетянина, столкнуться с ним лицом к лицу.

— А почему было не послать вас? Меня?

Дей уверенным голосом ответил, что в данной ситуации принимать решения должны люди, которые не руководствуются, как они, прописными истинами и не связаны официальными рамками.

— А каким образом, по-вашему, я стал генералом? Если у меня возникают сомнения, то я

прислушиваюсь к мнениям других людей. У них врожденная осторожность, которая превосходит интеллект.

Прилагая огромные усилия, Грэхем успокоился.

— Вы слышали мнение Мэтлина о человеческой расе… — начал он, но генерал Дей, бросив на него удивленный взгляд, перебил его:

— Вы хотите сказать, что не придерживаетесь этого мнения?

— Да, не придерживаюсь.

— И вы не считаете, что люди бывают совершенно невыносимыми?

— Ну, по-моему, они просто ужасны, — согласился Грэхем.

— Мой мальчик, ну вы загнули, — терпеливым тоном заметил генерал. — Я-то еще могу понять то, что у нас, морских пехотинцев, сложилось представление о поведении людей, превосходящее ваше, всех тех, кому промыли мозги. — Он умолк на несколько секунд. — Мэтлину крепко досталось во время Второй мировой войны.

— Что? — неуверенно произнес Грэхем.

— И вы еще спрашиваете, как нам со всем этим покончить? Вариантов множество. Видите ли, мистер Грэхем, вы должны понять, что настоя-

щий морской пехотинец — сам себе король. Ну, а Мэтлин — того же типа, настоящий морской пехотинец в душе. Но с ним обращались в армии, как с обычным солдатом. Он так и не смог смириться с этим и двадцать лет он ожидал признания, лелеял эту мысль. А я наконец-то реализовал ее в действительности. Морской пехотинец, который действует, как король, мистер Грэхем, способен вести целую войну, командовать городом или же вести переговоры с противником, словно представитель правительства. А морские пехотинцы, которые становятся генералами, рассматриваются, как одна из подверсий людей подобного типа. Все морские пехотинцы совершенно ясно понимают это. Мэтлину никогда не придет в голову проконсультироваться со мной, с вами или правительством Соединенных Штатов. Он сам оценит ситуацию, примет решение, а мне останется лишь прикрыть его.

Генерал повернулся к майору и отдал приказ:

— Отлично! Начинайте стрельбу!

— Стреляйте! — вскричал и Грэхем.

Дей терпеливо, словно ребенку, стал объяснять, что в столь критических обстоятельствах необходимо внушить этому особенному морскому пехотинцу забытую им со временем простую

истину, что генералы всегда только портят все дело.

— Просто напомнить это, мистер Грэхем, вот и все.

…Когда первый снаряд взорвался слева от него, Мэтлин скользил по грязи, и его обдало облаком тонко распылившейся жижи. Второй снаряд ударил справа. Хотя ни один из осколков не попал в него, Мэтлин пришел в ярость и не мог не заметить этого.

К тому времени, когда стрельба закончилась, гнев его исчез и он пребывал в том особенном состоянии сознания, которое можно описать только одним словом: морской пехотинец.

Человек, вскоре вошедший в корабль инопланетянина, знал наверняка, что жизнь — штука беспощадная, что никому из людей нельзя доверять, что всем на него наплевать. Именно такую правду он всегда отстаивал, испытывая при этом горечь, смешанную с гневом.

Но места для сомнений в его сознании больше не оставалось. Таковы уж люди. Они будут стрелять вам в спину, если не могут сделать это, стоя лицом к лицу.

Понимая это, вы можете вести себя с ними дружелюбно, пожимать им руки, наслаждаться их

обществом — и не испытывать никакой потребности судить их или осуждать.

Но и днем, и ночью, вы поступаете по-своему, где бы ни находились.

Увидев существо, Мэтлин навел ружье, намереваясь использовать его для той цели, с которой взял его с собой. Однако затем он вполне осознанно бросил его, и ружье с грохотом упало на металлический пол.

Когда эхо затихло, воцарилась тишина. Инопланетянин и человек застыли, уставившись друг на друга.

Мэтлин ждал.

Внезапно из динамика, скрытого где-то на потолке, донесся голос, услышать который он так надеялся:

— Я разговариваю с вами при помощи компьютера, переводящего мои мысли на ваш язык. То же самое он будет проделывать с вашей речью. Почему вас послали ко мне — именно того единственного человека, которого я обещал убить?

Нечто добавило:

— У меня больше нет намерений убивать вас. Поэтому можете говорить без всякой опаски.

— Мы никак не можем решить, как же нам поступить с вами, — неуверенно начал Мэтлин. — А

что вы сами намерены делать?

— Я хочу покинуть планету. Вы можете устроить это?

Мэтлин был практичным человеком. «Способно ли существо улететь независимо от того, хотят того люди или нет? — задал он себе вопрос, и сам же ответил: — Нет!»

Этот простой отрицательный ответ слегка озадачил Мэтлина.

— Так вы что, не захватили с собой никакого особенного оружия?

— Нет, — признался инопланетянин.

Этот ответ также удивил Мэтлина.

— Вы хотите мне сказать, что мы можем поступить с вами так, как сочтем нужным? И вы не сможете остановить нас?

— Да, за исключением…

Мэтлину очень хотелось узнать, что же это за исключение.

Огромные глаза удивленно моргнули, черные в складках веки на глазных яблоках, спрятанных в сложном мускульном узле, опускались и поднимались в особенном ритме. Такого Мэтлину не доводилось прежде видеть ни у одного живого существа.

— За исключением того, что действия, пред-

принимаемые с целью убить меня, не принесут вам никакой пользы.

— А ну-ка, выкладывайте, что вы под этим подразумеваете, — потребовал Мэтлин.

И, глядя на него, Нечто дало ему пояснения.

Катер Мэтлина был почти затоплен водой, когда ему наконец удалось причалить к берегу рядом с местом, где Грэхем и остальные дожидались его возвращения.

Покинув катер, он приветствовал их. Генерал Дей тут же отсалютовал ему в ответ и сказал:

— Докладывайте.

— Я сказал ему, что он может спокойно улетать, — начал Мэтлин. — И сейчас он лишь дожидается моего сигнала.

— Что? — раздался пронзительный голос Грэхема. Казалось, он сам не верил тому, что слышал. — Но почему?

— А вот это уже не имеет никакого значения, — произнес генерал Дей. — Именно к этому все и шло. Так тому и быть. — Он сказал в микрофон: — Солдаты, через несколько минут корабль инопланетянина взлетит. Пусть улетает. В результате переговоров, которые вело должным образом уполномоченное лицо, было принято такое соглашение.

Для Мэтлина подобный стиль ведения разговора был не вполне ясен.

— Все в порядке? — спросил он обеспокоенно.

На мгновение Грэхему показалось, что генерал Дей колеблется. И он тут же нетерпеливо спросил:

— Но вы хоть попытаетесь узнать, что же заставило его согласиться на это?

Похоже, Дей пришел к какому-то решению. Его секундным колебаниям пришел конец.

— Да, все в порядке! — ответил он Мэтлину. — Действуйте, сержант.

Мэтлин поднял вверх свое ружье и выстрелил в воздух.

— Еще никогда в жизни я не проигрывал пари, поставив на морского пехотинца-аса, — сказал генерал Грэхему. — Надеюсь, что и сейчас не проиграю.

Обмен сигналами состоялся. Вдали, на острове, заработали бесшумные двигатели инопланетного корабля, приводимого в движение без всяких ракет и реакторов.

Пролетев над их головами, корабль начал набирать скорость, становясь все меньше и меньше, пока не превратился в крошечную точку и исчез.

На его борту инопланетное существо, с ко-

торым разговаривал Мэтлин, приступило к предварительным расчетам курса межзвездного путешествия, после чего возвратилось в одну из анабиозных кабинок. Вскоре оно находилось в состоянии сна…

И тогда произошло то, о чем поведало чудовище Мэтлину — та самая глубокая реальность, которая делала бесполезным, ненужным и даже опасным уничтожение самого существа и его корабля.

На одной планете в нескольких десятках световых лет от Земли шевельнулось истинное Нечто, пробудилось и приподнялось со своего ложа.

Поиски

Дрейк чувствовал под собой жесткую больничную койку, и поначалу ему казалось, что именно это его и мучает. Однако, улегшись поудобнее, он понял, что причина не в физических ощущениях. Это «что-то» было в его разуме — ощущение пустоты в голове с тех пор, как ему сообщили дату.

После долгого — как ему казалось — времени дверь открылась, и на пороге появились двое мужчин и медсестра. Один из пришедших сказал:

— Ну, и как вы себя чувствуете, Дрейк? Это кошмар — найти вас в таком состоянии!

Мужчина был полный — типичный «порядочный человек». Дрейк обменялся с ним крепким рукопожатием. Некоторое время он лежал неподвижно, после чего позволил себе неловкий, но необходимый вопрос.

— Простите, — холодно сказал он, — мы знакомы?

— Меня зовут Брайсон, — ответил мужчина. — Я руковожу сбытом в «Квик-Рит компани». Мы производим вечные перья, карандаши, чернила, писчую бумагу и другие подобные товары,

которыми торгуют даже в продовольственных магазинах. Две недели назад я принял вас в качестве коммивояжера и отправил в дорогу. Потом я узнал, что вас нашли без сознания во рву, а больница сообщила, что вы находитесь здесь. У вас были при себе бумаги, — закончил он, — из которых следовало, что вы работаете у нас.

Дрейк кивнул, чувствуя, однако, разочарование. Ему казалось, что вполне достаточно, если кто-то заполнит пробел в его памяти. Но этого было слишком мало. Наконец он произнес:

— Я помню только, что решил попытаться получить работу в вашей фирме. Военная комиссия забраковала меня по какой-то непонятной причине. Вероятно, тогда что-то и произошло с моей памятью…

Он замолчал. Глаза его широко раскрылись при одной мысли об этом.

— Видимо, у меня была временная потеря памяти, — медленно сказал он, испытывая неприятное чувство.

Заметив, что дежурный врач, вошедший вместе с Брайсоном, внимательно разглядывает его, Дрейк ухитрился бледно улыбнуться.

— Наверное, уже все в порядке, доктор. Мне только интересно, что я делал последние две

недели. Я валяюсь здесь и напрягаю мозг. Что-то там лежит на дне, но я никак не могу вспомнить.

Врач улыбнулся из-под своих очков.

— Меня радует, что вы так отважно переносите это. Волноваться не стоит. Могу вас заверить, что, по нашему опыту, жертвы амнезии обычно вели перед случившимся размеренный, разумный образ жизни. Одной из характерных черт является то, что они меняют работу. Вы не сделали даже этого.

Он умолк, а словоохотливый Брайсон радушно сказал:

— Могу напомнить вам первую неделю. Принимая вас на работу, я узнал, что в детстве вы жили в одной деревне у железнодорожной линии Уорвик — Кисслинг. Разумеется, я и назначил вам эту трассу. Мы получили от вас заказы из пяти городов по этой дороге, но Кисслинга вы не достигли. Вдруг это вам поможет... — Брайсон пожал плечами. — Ну хорошо, это неважно. Как только встанете на ноги, загляните ко мне. Вы порядочный человек, а такие сегодня встречаются редко.

— Если можно, я бы хотел работать на той же трассе, — сказал Дрейк.

Брайсон кивнул:

— Какие могут быть разговоры. Осталось только закончить недоделанное, а потом двинуться дальше вдоль главной магистрали. Разумеется, это ваша трасса. Видимо, вы хотите узнать, что случилось?

— В том-то и дело, — согласился Дрейк, — Я хочу вернуть потерянную память, — он заставил себя улыбнуться. — А сейчас… сейчас спасибо, что вы пришли.

— Не за что. До свидания.

Брайсон пожал ему руку, и Дрейк проводил его взглядом до дверей.

Два дня спустя Дрейк сошел с трансконтинентального экспресса на станции Уорвик и остановился, щурясь под лучами раннего утреннего солнца. Он уже испытал первое разочарование: до сих пор ему казалось, что вид города на фоне линии холмов пробудит в нем воспоминания.

Он вспомнил лишь свое детство, когда вместе с родителями проезжал через Уорвик во время многочисленных путешествий. Сейчас здесь стояли новые дома, а также новый вокзал, которого не было двадцать лет назад. В его памяти не оживали даже самые туманные воспоминания того, что происходило с ним шестнадцать лет назад.

Дрейк покачал головой.

«Но ведь кто-то меня здесь знает, — подумал он. — Кто-то должен был меня видеть. Я разговаривал с хозяевами магазинов, пассажирами поездов, железнодорожниками, служащими отелей. Я всегда был компанейским, значит…»

— Привет, Дрейк! — услышал он веселый голос за спиной. — Как дела, старина? У тебя вид, как на похоронах.

Дрейк повернулся и увидел молодого, довольно худощавого мужчину с темными волосами и смуглой кожей, лет этак тридцати. У него была сгорбленная фигура щуплого человека, сгибающегося под тяжестью обильного багажа. Видимо, что-то в лице Дрейка поразило его, потому что он торопливо добавил:

— Ты же меня помнишь, верно? Билл Келли! — Он рассмеялся. — Ну скажи, разве я был с тобой не в ладах? Что ты сделал с той девушкой — Селани? С тех пор как мы виделись последний раз, я еще дважды был в Пифферс-Роуд и не встречал ее там. Она…

Он замолчал, и взгляд его вдруг стал вопросительным:

— Эй, парень, ты меня не помнишь?

Для Дрейка был удивительным и уж по крайней мере достойным внимания факт, что прозвучало

название Пифферс-Роуд. Возможно ли, что ему пришло в голову навестить дом на ферме, где он родился? Когда возбуждение несколько улеглось, он заметил выражение лица Келли, свидетельствующее, что пора объясниться. Поэтому он быстро рассказал все, а закончил словами:

— Так что, как видишь, у меня нелады с памятью. Может, ты, если не против, расскажешь, что происходило, пока я был с тобой? Что за девушка эта Селани?

— Ну конечно же, — ответил Келли. — Конечно, я могу… — Он вдруг замолчал, хмуря брови. — А ты, случайно, меня не дуришь? Ну ладно, ладно, верю. У нас полчаса до прихода пригородного до Кисслинга. Амнезия, говоришь? Слышал я о таком, но… Э, не думаешь ли ты, что тот старик мог иметь что-то общее с… — Он стукнул правым кулаком в левую ладонь. — Держу пари, так оно и есть.

— Какой старик?! — воскликнул Дрейк, после чего взял себя в руки и добавил уже спокойнее: — Что это за история?

Поезд притормозил. Сквозь потеки на оконном стекле Дрейк видел волнистую долину с группами зеленых деревьев и сверкающую, извивающуюся ленту воды. Потом показалась пара

домов, несколько боковых путей и наконец начало деревянного перрона.

Высокая худая красивая девушка прошла мимо его окна, неся в руке корзинку. За его спиной заговорил севший на последней станции коммивояжер, с которым Дрейк беседовал.

— О, это Селани. Интересно, что она продает сегодня.

Дрейк откинулся на своем сиденье, убежденный, что уже увидел все стоящее внимания в Пифферс-Роуд. Странно, что он не испытывал никакого интереса. А ведь он здесь родился, в этой местности, в трех милях от шоссе.

— Селани! — Дрейк только сейчас среагировал на то, что услышал. — Странное имя. Ты сказал, она что-то продает?

— Продает! — импульсивно воскликнул Келли, потом глубоко и громко вздохнул.

Его голубые глаза сурово смотрели на Дрейка. Он хотел что-то сказать, но удержался и сел, загадочно улыбаясь. После паузы он заговорил:

— Я должен перед тобой извиниться. За время нашего разговора я так и не дал тебе слова.

Дрейк улыбнулся с вежливым пониманием.

— О, это было очень интересно.

— Я хотел сказать, — продолжал Келли, — что

только сейчас до меня дошли твои слова, — что среди прочего ты продаешь вечные перья.

Дрейк пожал плечами, гадая, видно ли его смущение. Келли вынул вечное перо и протянул его со словами:

— Видишь ли ты в нем что-нибудь необычное?

Перо было длинное, тонкое, сделанное из темного материала, выглядевшего достаточно дорогим. Дрейк медленно отвернул колпачок; у него вдруг возникло подозрение, что сейчас начнется еще один бессмысленный спор о достоинствах перьев, которые он продает. Поэтому он быстро сказал:

— Честно говоря, оно гораздо более высокого класса, чем мои. Перья нашей фирмы стоят доллар за штуку.

Сказав это, он понял, что был слишком откровенен. Келли торжествующе подхватил:

— Столько же она попросила и с меня.

— Кто?

— Селани! Та девушка, что села в поезд. Через пару минут она будет продавать здесь что-нибудь новое. У нее всегда есть что-то новое. — Он выхватил перо из рук Дрейка. — Я покажу тебе, что в нем необыкновенного.

Он взял бумажный стаканчик, стоявший на

окне.

— Смотри.

Держа перо над стаканчиком, он нажал на его конец. Потекли чернила. Три минуты спустя стаканчик был полон до краев. Келли открыл окно и осторожно вылил голубую жидкость на землю между вагоном и перроном.

Дрейк стряхнул с себя оцепенение.

— Боже мой! — воскликнул он, — Что же за резервуар в этом пере? Ведь…

— Подожди!

Голос Келли был спокоен, но демонстрация явно доставила ему удовольствие. Дрейк с трудом взял себя в руки. У него потемнело перед глазами, поскольку Келли продолжал нажимать на кончик пера и чернила продолжали течь.

— Ты обратил внимание на чернила? — спросил Келли.

Дрейк уже хотел сказать, что единственной их особенностью является количество, как вдруг хрипло выдавил:

— *Красные* чернила!

— А может, — спокойно предложил Келли, — ты предпочитаешь пурпурные или желтые? Зеленые или фиолетовые?

Из пера текла тонкая струйка чернил каждого

цвета, который он называл. Каждый раз он поворачивал кончик пера, слегка нажимая на него.

— На, попробуй сам, — ликующе закончил он, исчерпав весь драматизм ситуации.

Дрейк взял у него необычный предмет, как любитель берет драгоценность. Словно издалека до него доносилась непрерывная болтовня Келли.

— Их делает ее отец, — говорил он. — Это мастер разных штучек. Если бы ты видел некоторые вещи из тех, что она продавала в прошлом месяце! Когда-нибудь он наконец поумнеет и начнет производство в большом масштабе. И тогда все фирмы, выпускающие вечные перья, — и многие другие тоже — окажутся на мели.

То же самое пришло в голову и Дрейку. Однако прежде чем он успел что-то сказать, перо вынули у него из рук и Келли наклонился через проход между сиденьями к сидящему напротив седовласому мужчине.

— Я заметил, как вы смотрели, когда я показывал это перо знакомому, — сказал Келли. — Хотите тоже взглянуть?

— Охотно, — ответил мужчина.

Он говорил тихо, но в ушах Дрейка его голос звучал громко. Едва перо оказалось в руках этого человека, как тут же сломалось пополам.

— О! — воскликнул Келли, ничего не понимая.

— Прошу прощения, — сказал мужчина. В его руке появилась долларовая банкнота. — Моя вина. Купите другое, когда появится эта девушка.

Он уселся поудобнее и углубился в чтение газеты.

Дрейк видел, как Келли кусает губы. Он смотрел то на свое сломанное перо, то на банкноту, то на седовласого мужчину, скрытого газетой. Наконец вздохнул:

— Ничего не понимаю. Оно у меня уже месяц, один раз падало на бетонный тротуар и два раза на пол из твердого дерева. А теперь сломалось, как трухлявая ветка.

Келли пожал плечами, но в голосе его звучала укоризна, когда через минуту он продолжил:

— Полагаю, нельзя надеяться, чтобы отец Селани делал первоклассные вещи при своих ограниченных возможностях… — Он вдруг замолчал. — Смотри, она уже здесь. Интересно, что у нее сегодня необычного? — На лице его появилась хитрая улыбка. — Подожди, я покажу ей сломанное перо. Я смеялся, когда покупал его, говоря, что тут должен быть какой-то фокус. Она разозлилась и гарантировала, что оно никогда не испортится и не иссякнет. Черт возьми, что она

там продает? Смотри, какая вокруг нее давка.

Дрейк поднялся на цыпочки и вытянул шею, чтобы лучше видеть поверх голов людей, толпившихся вокруг девушки, показывающей что-то в самом конце вагона.

— О боже! — воскликнул трубный мужской голос. — Сколько ты берешь за эти стаканы? Как они действуют?

— Стаканы! — воскликнул Дрейк и направился к возбужденным людям.

Если зрение его не подводило, девушка пускала по кругу стакан, то и дело наполняющийся какой-то жидкостью. Люди пили из него, а он мгновенно заполнялся снова.

«Тот же принцип, что и в пере, — подумал Дрейк. — Ее отец открыл какой-то способ конденсирования жидкостей. Это настоящий гений. Если бы удалось договориться с этим человеком для моей фирмы или хотя бы для меня самого, мое будущее было бы обеспечено».

Эти размышления прервал ясный чистый голос девушки, поднявшийся над оживленными разговорами:

— Цена — один доллар за штуку. Действие основано на химической конденсации газов из воздуха. Метод этот известен только моему отцу.

Кстати, взгляните, я еще не закончила, — ее голос, спокойный и сильный, звучал в тишине, воцарившейся в вагоне. — Как видите, это складной стаканчик без ручки. Повернем верхнюю часть по часовой стрелке — появляется вода. А сейчас — смотрите внимательно — я поворачиваю ее дальше. Жидкость становится зеленой — это сладкий и очень ароматный напиток. Поворачиваю дальше — и жидкость становится красной, превращаясь в кисло-сладкий напиток, отлично утоляющий жажду в жаркие дни.

Девушка пустила стакан по кругу. Пока тот ходил из рук в руки, Дрейку удалось отвлечься от него и внимательно разглядеть девушку. Она была высокой, около метра семидесяти, с темно-каштановыми волосами. Лицо ее выражало незаурядную интеллигентность, и была в нем какая-то особая гордость, что придавала ему выражение сдержанности, когда она принимала банкноты от покупателей.

Снова раздался ее голос:

— Мне очень жаль, но только по одному на человека. Они будут в свободной продаже сразу после войны. Это всего лишь подарки.

Толпа разошлась, каждый вернулся на свое место. Девушка прошла между сиденьями и

остановилась возле Дрейка. Тот инстинктивно отпрянул, но, опомнившись, напористо спросил:

— Минуточку! Мой знакомый показывал мне вечное перо, которое купил у вас. Интересно…

— У меня есть еще пара штук, — серьезно кивнула она головой. — Стаканчик вам тоже нужен?

Дрейк вспомнил о Келли.

— Мой знакомый тоже хотел бы купить еще одно перо. То сломалось…

— Очень жаль, но я не могу продать ему второго, — она замолчала, глаза ее расширились. Потом она с нажимом спросила: — Вы сказали, что перо *сломалось!* — Она покачнулась, удивленная, потом резко выкрикнула: — Покажите мне его! Где ваш знакомый?

Взяв из рук Келли обе половины сломанного пера, она внимательно пригляделась к ним. Губы ее задрожали, руки тоже, лицо посерело и как-то съежилось.

— Скажите, — прошептала она, — как это произошло? Только *точно.*

— Ну… — Келли удивленно отодвинулся. — Я показал его тому господину, когда…

Он замолчал, потому что вдруг потерял слушательницу. Девушка повернулась, и это было как сигнал. Пожилой мужчина опустил газету и

взглянул на нее. Она ответила ему взглядом, словно птица, загипнотизированная змеей, потом покачнулась еще раз, вторично за эти несколько минут. Корзинка едва не выпала у нее из рук, когда она бросилась бежать между лавками.

Через секунду Дрейк увидел, как она мчится по перрону. Фигура бегущей через Пифферс-Роуд девушки удалялась с каждой секундой.

— Что за черт! — воскликнул Келли и повернулся к пожилому мужчине. — Что вы ей сделали? — спросил он напористо. — Вы…

Голос его замер. Дрейк, хотевший добавить несколько неприятных слов, тоже молчал.

Голос коммивояжера, стоявшего под ярким солнцем на перроне Уорвика, стих. Прошла минута, прежде чем Дрейк заметил, что Келли завершил рассказ.

— Значит, этим все и кончилось? — спросил он. — Мы так и сидели, как пара манекенов, сбитые с панталыку каким-то стариком? И это все? Ты не знаешь, что испугало ту девушку?

По лицу Келли было видно, что он ищет подходящее слово или выражение, пытаясь описать то, что описать невозможно. Наконец он оказал:

— Понимаешь, в нем было что-то такое… как если бы все начальники отделов сбыта всего мира

сошлись в одном человеке… Мы просто-напросто заткнулись.

Это сравнение убедило Дрейка. Он мрачно кивнул.

— И он не вышел? — медленно спросил он.

— Нет, вышел ты.

— Что-о-о?

Келли взглянул на него.

— Знаешь, это чертовски забавно, но именно так все и было. Ты попросил проводника, чтобы он выгрузил твой багаж в Инчни. Когда поезд уже тронулся, я видел, как ты шел через Пифферс-Роуд в том направлении, куда убежала девушка и… О, вот и пригородный до Кисслинга.

Комбинированный товарно-пассажирский поезд подошел к перрону. Позднее, когда он преодолевал гребень холмов, окружающих долину, Дрейк с интересом разглядывал окрестности, смутно вспоминая детство и почти не слушая болтовню сидевшего рядом Келли. Наконец он решил, что сделает: выйдет в Инчни, походит по городу до закрытия магазинов, а потом как-нибудь доберется до Пифферс-Роуд и проведет там весь долгий летний вечер, расспрашивая встречных. Насколько он помнил, расстояние между городом и поселком составляло около десяти ки-

лометров. В крайнем случае он вернется в Инчни пешком за пару часов.

Первая часть плана оказалась очень простой. В местной гостинице ему сказали, что в шесть оттуда уходит автобус.

В двадцать минут седьмого Дрейк вышел из него и, стоя на грунтовой дороге, называвшейся, как и станция, Пифферс-Роуд, смотрел, как автобус исчезает вдали. Наконец его рокот стих, и Дрейк двинулся, тяжело переступая через рельсы. Вечер был теплым и тихим, и пиджак давил ему на плечи. Позднее может похолодать, подумал Дрейк, но сейчас он почти жалел, что надел его.

На газоне перед ближайшим домом работала на четвереньках какая-то женщина. Дрейк заколебался, но потом подошел к ограде и некоторое время смотрел на нее, вспоминая, не встречал ли ее раньше. Потом заговорил:

— Простите, миссис…

Женщина не подняла глаз и не встала с грядки, которую рыхлила. Это была костлявая особа в узорчатом платье. Наверняка она видела, как он подходил, раз теперь так упорно молчала.

— Не могли бы вы сказать, — не сдавался Дрейк, — где живет мужчина средних лет с дочерью? Девушку зовут Селани, она продает вечные

перья, стаканы и тому подобное людям в поезде.

Женщина встала и подошла к нему. Вблизи она уже не казалась такой большой и неуклюжей. Ее серые глаза оглядели его с равной долей враждебности и любопытства.

— А скажите-ка, — резко произнесла она, — не вы ли заходили сюда две недели назад и спрашивали о них? Я уже говорила, что они живут там, в той роще. — Она махнула рукой в сторону нескольких деревьев, росших в полукилометре от шоссе, но глаза ее, когда она смотрела на Дрейка, были прищурены. — Я этого не понимаю.

Дрейк не решился рассказать о своей амнезии этому неприступному, подозрительному существу; не собирался он говорить и о том, что когда-то жил в этих местах. Он торопливо поблагодарил:

— Спасибо большое. Я…

— Нет смысла ходить туда еще раз, — сказала женщина. — Они уехали в тот же день, как вы у них были… Уехали с тем своим большим прицепом и больше не возвращались.

— Уехали? — воскликнул Дрейк.

Под влиянием глубокого разочарования он уже хотел сказать что-то большее, как вдруг заметил, что женщина поглядывает на него со слабой

удовлетворенной улыбкой. Это выглядело так, славно она нокаутировала какого-то исключительно несимпатичного типа.

— И все-таки, — сухо сказал Дрейк, — я пойду туда и посмотрю.

Он резко повернулся, разозленный настолько, что лишь через минуту заметил, что идет по канаве, а не по шоссе. Постепенно ярость его превратилась в разочарование, исчезнувшее при мысли о том, что, раз уж он здесь оказался, нужно все осмотреть.

Через некоторое время Дрейк почувствовал удивление, что позволил какой-то женщине до такой степени вывести его из равновесия. Он покачал головой: нужно быть осторожнее. Попытка воссоздания прошлого может измотать его.

Когда он свернул в тенистую рощу, поднялся легкий ветерок. Он мягко дунул ему в лицо, а шелест листьев был единственным звуком, нарушавшим вечернюю тишину. Дрейку не потребовалось много времени, чтобы убедиться: туманные надежды, толкнувшие его на это путешествие, не сбудутся. Он не нашел ничего, даже следа, что здесь кто-то жил: ни консервной банки, ни мешка для мусора или золы. Совершенно ничего. Он походил вокруг, осторожно разгребая

палкой кучи мертвых листьев, потом вернулся на шоссе. На этот раз женщина позвала его. Он заколебался было, но в конце концов подошел — она могла знать гораздо больше, чем сказала. Теперь она смотрела на него более дружелюбно.

— Нашли что-нибудь? — спросила она с плохо скрываемым нетерпением.

Дрейк мрачно улыбнулся при мысли о силе человеческого любопытства, потом уныло пожал плечами.

— Когда уезжает прицеп — это как дым: исчезает всякий след от него.

Женщина презрительно фыркнула:

— Все следы наверняка исчезли, когда появился тот старик.

Дрейк постарался не выдать своего возбуждения.

— Старик?! — воскликнул он.

Женщина кивнула, продолжая с обидой:

— Да, отлично державшийся старичок. Сначала он спрашивал у каждого, что за вещи продавала нам Селани, а через два дня утром мы, проснувшись, не нашли ни одного из этих предметов.

— Он их украл?!

Женщина исподлобья посмотрела на него.

— Вроде бы. Правда, за каждую штуку он оста-

вил по доллару. Но все равно это как кража. Знаете ли вы, что у нее была сковородка, которая…

— Но чего он хотел? — удивленно прервал ее Дрейк. — Он ничего не объяснял, когда выспрашивал? Ведь вы же не позволили бы ему бродить здесь просто так?

К его удивлению, женщина вдруг потеряла уверенность в себе.

— Не знаю, что со мной случилось, — мрачно призналась она. — В нем было что-то такое… Он выглядел так представительно, словно был большой шишкой. — Она замолчала, разгневанная, потом фыркнула: — Мерзавец!

Глаза ее враждебно сузились, и она посмотрела на Дрейка.

— Совсем заморочили меня с этими разговорами. А сами вы? Стоите здесь и пилите меня все это время. Скажите лучше прямо: это вы заходили сюда две недели назад?

Дрейк заколебался. Перспектива рассказа всей истории этой женщине его не прельщала. Но она должна была знать нечто большее. Наверняка ей есть что рассказать о том времени, которое Селани со своим отцом провела в этой местности. Одно было ясно: если какие-то факты и известны,

то, скорее всего, именно этой женщине.

Наконец Дрейк решился и рассказал ей все, закончив несколько неуверенно:

— Как видите, я человек, который ищет свое прошлое. Может, меня ударили по голове, хотя шишки и нет. А может, одурманили. Что-то со мной случилось. Вы говорили, что я туда пошел. А вернулся ли? И что там делал?

Он вздрогнул и замолчал, потому что женщина неожиданно пронзительно крикнула:

— Джимми! Иди-ка сюда!

— У-у-у… мама! — донесся из дома детский голос.

Ошеломленный Дрейк увидел, как из дома выскакивает растрепанный мальчуган лет двенадцати с оживленным лицом. Дверь захлопнулась за ним. Еще не совсем понимая, Дрейк слушал, как мать объясняет мальчику, что «этот господин получил по голове от тех людей из прицепа и потерял память, а сейчас хотел бы, чтобы ты рассказал о том, что видел».

Потом женщина повернулась к Дрейку.

— Джимми, — с гордостью сказала она, — никогда не доверял этим людям. Он был уверен, что они из-за границы, и постоянно следил за ними. Он видел, как вы туда пошли, и все, что случи-

лось до момента отъезда прицепа. Он может вам подробно описать, что вы делали, — закончила она, — потому что видел все через окно, а кроме того, один раз заходил туда внутрь, когда их не было, чтобы проверить, не задумали ли они чего.

Дрейк с готовностью согласился. Причина сунуть нос в чужие дела была не хуже любой другой. В этом случае она оказалась ему на руку.

Мысли его прервал звонкий голос Джимми.

Был жаркий день. Узнав от женщины из первого дома, где живут Селани с отцом, Дрейк медленно приближался к рощице, которую она ему указала.

Где-то позади поезд два раза свистнул, а потом засопел. Дрейк подавил желание вернуться и сесть в него. Все равно бы не успел. Кроме того, ни один человек не откажется так легко получить состояние. При мысли о вечном пере и стакане он ускорил шаги.

В рощице он увидел прицеп, лишь когда повернул к первой тенистой группе деревьев. Заметив машину, Дрейк замер. Прицеп был гораздо больше, чем он ожидал, длинный, как товарный вагон, и такой же высокий, странной обтекаемой формы.

На его стук никто не ответил.

«Девушка бежала по этой дороге, — подумал он, — значит, должна быть внутри».

Дрейк неуверенно обошел этого монстра на колесах. Ряд окон на уровне глаз опоясывал прицеп по периметру. Сквозь них был виден блестящий потолок и верхняя часть стен, покрытых, как казалось, дорогими панелями. Внутри располагались три комнаты, и еще одна дверь вела в кабину машины, тащившей прицеп.

Вернувшись ко входу, Дрейк прислушался. Не было никакого звука, за исключением шороха верхушек деревьев под слабыми дуновениями ветра. Где-то далеко плаксиво засвистел поезд. Дрейк нажал ручку, и дверь открылась так легко, что все его сомнения исчезли. Он медленно отворил ее и встал на пороге центральной из трех комнат.

Его удивленный взгляд сразу же отметил роскошь помещения. Пол темно поблескивал, отполированный, как драгоценность. Стены гармонировали с ним дорогими тонированными панелями. Напротив дверей стояли диван, два стула, три шкафчика и несколько украшенных резьбой полок с произведениями искусства. Первое, что увидел Дрейк, войдя внутрь, была стоявшая у стены слева от двери корзинка девушки.

При виде ее Дрейк замер, а потом сел на пороге прицепа, свесив ноги наружу. Его волнение полностью исчезло из-за царившей вокруг тишины, и он с интересом принялся разглядывать содержимое корзинки. В ней было более десятка магических вечных перьев, по крайней мере три дюжины складных самонаполняющихся стаканов, около десяти округлых черных предметов, не поддавшихся его манипуляциям, и три пары проволочных очков. У каждой пары было прозрачное маленькое колечко внизу правого стекла. Похоже, футляры им не требовались, поскольку вряд ли была опасность, что они разобьются. Те, которые он надел, подошли идеально, и на мгновение ему показалось, что они соответствуют его зрению. Но потом он заметил разницу: все приближалось — комната, его рука, — и предметы не были размазанными, а выглядели так, словно он смотрел в бинокль средней силы. Образ вовсе не был деформирован. Потом Дрейк вспомнил о колечке — оно повернулось легко…

И внезапно все стало еще ближе, как будто он смотрел в более сильный бинокль. Дрожа, он покрутил колечко то в одну, то в другую сторону. Хватило нескольких секунд, чтобы подтвердить необычный факт: это были очки с регулируемы-

ми стеклами, невероятное соединение телескопа с микроскопом, одним словом — супербинокль.

Почти не задумываясь, Дрейк положил очки в корзинку, потом, приняв решение, поднялся и направился к двери, ведущей в комнату в конце прицепа. Он собирался только заглянуть туда, и хватило даже первого взгляда: он увидел стены, завешенные полками, и на каждой были старательно расставлены различные предметы. Дрейк взял что-то похожее на фотоаппарат — тонко сделанный небольшой приборчик. Он внимательно осмотрел объектив, а потом его пальцы наткнулись на что-то поддавшееся нажиму. Раздался щелчок, и в ту же секунду из щели позади аппарата высунулась блестящая карточка. Снимок.

На нем была изображена верхняя часть лица мужчины. Снимок был удивительной глубины и имел поразительные естественные цвета. В серых глазах человека было такое напряжение, что на мгновение лицо показалось Дрейку незнакомым. Только через некоторое время он узнал самого себя. Он сделал свой собственный снимок, который тут же был отпечатан.

Удивленный, он сунул фотографию в карман, положил аппарат и, весь дрожа, вышел из прицепа. Затем направился по шоссе в сторону

поселка.

— А потом, — продолжал Джимми, — минуту спустя вы вернулись, вошли в прицеп, закрыли за собой дверь и пошли в заднюю комнату. Вернулись вы так быстро, что едва не заметили меня, и я решил, что вы уже уходите. А потом…

Дверь прицепа открылась. Голос девушки звучал нетерпеливо, но Дрейк не понял, в чем тут было дело. В ответ послышалось бормотание мужчины. Дверь закрылась, и оттуда доносились только возня и дыхание в средней комнате.

Пригнувшись, Дрейк отступил под левую стену.

— …Вот и все, — закончил Джимми. — Я подумал, что может быть какая-то беда, и пошел домой сказать маме.

— Значит, я был настолько неосторожен, что вернулся и был застигнут, но не посмел показаться?

Мальчик пожал плечами.

— Вы прижимались к перегородке прицепа — вот все, что я видел.

— А они тебя не заметили, когда ты за ними подглядывал?

Джимми заколебался.

— Нет, потому что, — начал он странным то-

ном, — произошло что-то необычное. Понимаете, когда я оглянулся, пройдя метров сто, грузовик с прицепом исчез.

— Исчез? — медленно повторил Дрейк. Ситуация становилась невероятной. — Ты хочешь сказать, они завели двигатель и выехали на шоссе?

Мальчик упрямо покачал головой.

— Все хотят меня на этом поймать, но я хорошо все видел и слышал. Не было никакого шума. Они исчезли внезапно.

По спине Дрейка побежали мурашки.

— И я был внутри? — спросил он.

— Да, — подтвердил мальчик, — вы были внутри.

Тишину, наступившую после этих слов, нарушила женщина, громко сказав:

— Ну хорошо, Джимми. Иди поиграй.

Она повернулась к Дрейку.

— Знаете, что я об этом думаю?

Дрейк с трудом вышел из задумчивости.

— Что?

— Они делали какие-то махинации, вся эта шайка. Все эти разговоры, что ее отец это производит… Как вы могли в это верить? Он же все время ходил по округе, скупая металлолом. Ну,

вы знаете, — неохотно сказала она, — у них были фантастические вещи. Правительство нас не обманывает, когда говорит, что после войны все мы будем жить как короли. Но тут есть какой-то подвох. У них было всего по нескольку сотен этих Предметов. Они продавали их в одном месте, потом выкрадывали и продавали в другом.

Дрейк, хоть и поглощенный собственными мыслями, посмотрел на нее. Он уже не раз сталкивался с отсутствием логики у людей с подобным мировоззрением, но его всегда шокировало явное игнорирование фактов ради доказательства своей правоты.

— Они бы не имели с этого никакой выгоды, — заметил он. — Ведь за каждый предмет вы получили свои доллары обратно.

— О!

Женщина, казалось, удивилась, лицо ее вытянулось. Наконец, когда до нее дошло, что любимая теория пошла прахом, гневный румянец окрасил ее загорелое лицо.

— Это какой-то рекламный трюк! — фыркнула она.

Дрейк решил, что пора заканчивать этот разговор, и торопливо спросил:

— Вы не знаете, кто-нибудь собирается сегодня

в Инчни? Если можно, я бы поехал с ним.

Смена темы разговора возымела нужный эффект. Гневный румянец исчез с лица женщины.

— Нет, никто из тех, кого я знаю. Но не волнуйтесь, достаточно выйти на шоссе и остановить попутку…

Дрейка подобрала вторая машина. Сейчас он сидел в гостинице в сгущающихся сумерках.

«Девушка и ее отец в машине, полной великолепной продукции! — подумал он. — Она продает их как сувениры, по одной штуке на каждого, а ее отец собирает лом. А потом, как в кошмарном сне, какой-то старик ходит и скупает проданные товары или, — он вспомнил перо Келли, — уничтожает их. И наконец, загадка странной амнезии у торгового агента, продающего вечные перья, по фамилии Дрейк».

Где-то за спиной Дрейка мужской голос с горечью воскликнул:

— О, смотрите, что вы сделали! Вы же его сломали!

В ответ послышался спокойный звучный голос пожилого человека:

— Простите, пожалуйста. Оно стоило доллар, правда? Разумеется, я вам его верну! Возьмите и простите меня.

В воцарившейся тишине Дрейк встал и повернулся. Там был высокий мужчина с седыми волосами, поднимавшийся с места рядом с молодым человеком, смотревшим на два куска сломанного вечного пера, которые он держал в руке. Старик направился к дверям гостиницы, ведущим на улицу, но Дрейк опередил его.

— Минуточку, — сказал он спокойно, но жестко. — Я бы хотел знать, что случилось со мной, когда я оказался в прицепе Селани и ее отца. Думаю, вы можете ответить на этот вопрос.

Он замолчал, глядя в глаза мужчины, которые пылали серым огнем и, казалось, пронзали насквозь, проникая в глубины мозга. Он еще успел со страхом вспомнить рассказ Келли о том, что этот человек парализовал его одним неумолимым взглядом, как старик тигриным прыжком подскочил к нему и схватил за запястье. Дрейк почувствовал силу стальных пальцев.

— Прошу сюда, в мою машину, — услышал он низкий, лишающий воли голос.

Дрейк едва запомнил, как садился в длинную машину со сверкающими бортами. Все остальное скрыл мрак… физический… и психический…

Он лежал на спине на чем-то твердом. Открыв глаза, Дрейк некоторое время смотрел на купол

метрах в пятидесяти над собой. Купол имел по крайней мере сто метров в диаметре, и почти четверть его занимало окно, сквозь которое сочился туманный серо-белый свет, как будто невидимое солнце с трудом пробивало дорогу сквозь редкий, но вездесущий туман.

Широкая челюсть окна уходила от середины потолка куда-то в даль. *И в какую даль.* Дрейк удивленно вскрикнул и сел. Какое-то время он не мог поверить своим глазам.

Коридор, казалось, тянулся в бесконечность в обе стороны, пока не размазывался в пятно серого мрамора. Там находился балкон, галерея, потом еще одна; каждый этаж имел собственный боковой коридор, заканчивавшийся балюстрадой. Видел он и бесчисленное множество дверей, и ответвления коридора — указывающие на дальнейшее расширение этого здания, явно чудовищных размеров.

Когда прошел первый шок, Дрейк медленно встал. Его мучило воспоминание о старом человеке и о том, что происходило раньше.

«Он посадил меня в машину и привез сюда», — мрачно подумал он.

Но почему сюда? На всем божьем свете не было такого дома!

Холодок пробежал по его спине. Дрейк с трудом подошел к ближайшей в длинной шеренге высоких резных дверей и открыл ее. Он сам не знал, что ожидал увидеть, но первой реакцией было разочарование. Там находился кабинет — огромная комната с гладкими стенами. Вдоль стены стояли несколько шкафов, огромных размеров стол занимал угол напротив двери. Картину завершали несколько стульев и две софы, а также еще одна, более разукрашенная, дверь. В кабинете никого не было. Стол был чистым, без следа пыли. И без следа жизни.

Вторая дверь оказалась закрытой, или же замок был слишком сложен для Дрейка.

Он вновь вышел в коридор, только теперь обратив внимание на полную тишину. Его ботинки глухо стучали по коридору, а двери одна за другой являли одинаково меблированные, но пустые кабинеты.

По часам Дрейка прошли полчаса, потом еще столько же. Наконец он увидел вдали дверь. Сначала это был просто свет. Сверкающие контуры оказались огромным витражом из многоцветных стекол, собранных в раму. Дверь была метров пятнадцати в высоту. Выглянув через стекло, Дрейк увидел большую белую лестницу, веду-

щую вниз, в густеющий пятью метрами ниже туман, — дальше ступени были не видны.

Обеспокоенный, смотрел он на лестницу. Что-то ему в ней не нравилось. Этот туман, окутывающий все и не исчезающий часами… Вероятно, внизу, у подножия лестницы, была вода, теплая вода, из которой при постоянном притоке холодного воздуха образовывался густой туман. Мысленно он представил себе здание длиной в пятнадцать километров, расположенное над озером и окутанное вечной серой мглой.

«Нужно выбираться отсюда», — вдруг понял Дрейк.

Ручка у двери находилась на обычной высоте, но трудно было поверить, что такой маленький в сравнении с нею рычаг сможет сдвинуть с места гигантскую конструкцию. Однако дверь открылась тихо и легко, как идеально собранный механизм. Дрейк ступил в плотный туман и начал спускаться вниз, сначала быстро, потом все осторожнее. Он не хотел свалиться в воду. Сотая ступенька оказалась последней, но за ней не было воды, а лишь пустота и туман, и никакого основания лестницы или земли…

Почувствовав внезапное головокружение, Дрейк на четвереньках поднялся обратно наверх.

Он был так утомлен, что ему казалось, он движется буквально по сантиметру. Сейчас, обнаружив, что у конца лестницы нет ничего, он испытывал кошмарное ощущение, будто ступени рассыпаются под ним.

Но еще больший ужас доставила Дрейку мысль, что дверь уже не откроется и он останется здесь навсегда, отрезанный от мира, на краю вечности.

Однако она открылась, хоть на это и ушли остатки его сил. Когда он уже лежал внутри на полу, то испытал огромное удивление: что общего имела со всем этим Селани, девушка, продающая в поезде чудесные вещицы? Этот вопрос, казалось, не имел ответа.

Наконец страх уступил место ощущению безопасности. Стыдясь своей паники, Дрейк поднялся с твердым решением изучить это фантастическое место от подвала до крыши. Где-то здесь должны быть спрятаны запасы стаканов, которые сами наполняются водой. А может, найдется и что-нибудь из еды, ведь скоро он начнет испытывать голод и жажду. Но сначала — в один из кабинетов. Он осмотрит каждый шкафчик, взломает стол.

Однако ломать не потребовалось. Ящики вы-

двигались почти без усилий. Шкафчики не были закрыты на ключ. Внутри находились журналы, списки, странные папки. Дрейк просмотрел несколько из них, разложив на огромном столе. Буквы показались ему размазанными, поскольку у него дрожали руки и кружилась голова. В итоге он заставил себя отложить все журналы, кроме одного. Открыв его наугад, он наткнулся на следующий текст:

> ДОКЛАД
> КООРДИНАТОРА КИНГСТОНА КРЕЙГА ПО ДЕЛУ ИМПЕРИИ ЛИЦЕЯ II ГОДЫ 27346-27378

Дрейк нахмурился, взглянув на дату, потом начал читать:

> «История этого периода рассказывает о ловком захвате власти жестоким императором. Изучение этого человека показало, что он испытывает неестественное желание защитить себя за счет других.
>
> ВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ: Предупреждение императора, который чуть не умер от страха, оказавшись лицом к лицу с координатором. Его инстинкт самосо-

хранения заставил его дать гарантии относительно дальнейшего правления.

ВНИМАНИЕ: Это решение создало вероятный мир типа 5 и должно быть признано временным из-за работы ключевого характера, которую профессор Линк ведет во всем 280 веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Возвращение во Дворец бессмертия после трехдневного отсутствия».

Некоторое время Дрейк сидел застыв, потом откинулся на спинку стула. В голове у него была пустота. Он не знал, что и думать об этом изложении. Наконец перевернул страницу и прочел:

ДОКЛАД
КООРДИНАТОРА КИНГСТОНА КРЕЙГА

«Это дело Лэйрда Грейнона, инспектора полиции 900-го сектора Нью-Йорка; 7 апреля 2830 года он был ложно обвинен в принятии взятки и отключен.

РЕШЕНИЕ: Инспектор Грейнон за два месяца до даты, указанной в обвинении, был отправлен на пенсию. Он уехал на свою ферму и с тех пор имел малое влияние на дела большого значения. Он жил

в этом вероятном мире до 2874 года и так создал почти идеальный 290 век.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Возвращение во Дворец бессмертия спустя час».

Записей было множество: сотни, тысячи во всех журналах. Каждая из них была озаглавлена «Доклад координатора Кингстона Крейга», который всегда возвращался во Дворец бессмертия после стольких-то дней, часов, недель. Один раз это продолжалось три месяца и касалось неясного, неопределенного дела «установления времени демократии между веками девяносто восьмым и девяносто девятом, что потребовало воскрешения в этих вероятных мирах трех убитых мужчин, которых звали…»

Острый приступ голода и жажды напомнил Дрейку, что он сидит в этом огромном, мрачном доме и читает бессмысленные бредни какого-то типа, который *должен* был быть сумасшедшим. Он вдруг заметил, что вроде бы не имеющее источника освещение комнаты становится все более слабым. Значит, оно все-таки шло снаружи. В огромном пустом коридоре он понял: туман за окном в потолке серел и темнел. Близилась ночь. Дрейк старался не думать о том, что останется

один в этом доме, наблюдая, как мрак медленно скрывает мраморные стены, и гадая, что может вылезти из укрытия, когда темнота станет непроницаемой.

— Перестань, идиот! — яростно сказал он сам себе.

Голос его гулко прозвучал в тишине.

«Должно же здесь быть какое-то место, — подумал он, — где эти… координаторы… живут».

На этом этаже были только кабинеты, но есть ведь и другие этажи. Нужно найти лестницу. В главном коридоре он не видел ни одной.

Наконец в первом боковом коридоре Дрейк нашел широкую лестницу, поднялся наверх и открыл первую дверь, на которую наткнулся. Это была гостиная великолепного апартамента, состоявшего из семи комнат и кухни, сверкавшей в тускнеющем свете и набитой шкафчиками, в которых стояли прозрачные контейнеры, а в них продукты — известные ему и незнакомые.

Дрейк не испытывал никаких эмоций. Не удивило его и то, что, когда он нажал маленький рычажок на верхней части банки с грушами, плоды высыпались на стол, хотя банка вовсе не открылась. Он просто констатировал, что не умрет с голоду, — и это все. Поев, он поискал

выключатель, но в темноте ничего не нашел.

Из мрака спальни появилось ложе с балдахином. В ящиках были пижамы. Лежа в холодной постели, Дрейк подумал: почему та девушка — Селани — боялась этого старика? И что произошло в прицепе, отчего Ральф Карсон Дрейк оказался втянут во все это?

Спал он беспокойно, эта мысль даже во сне не покидала его.

Поначалу свет был где-то далеко, потом стал приближаться и разгораться. Это было так же, как после каждого пробуждения. Но когда Дрейк открыл глаза, сразу нахлынули воспоминания. Он лежал на левом боку, был уже светлый день, а постель накрывал серебристо-голубоватый балдахин. Высоко вверху находился потолок.

В темноте прошедшей ночи он едва заметил, насколько просторна и роскошна эта комната. Ее застилали толстые пушистые ковры, стены покрывали панели, а розовая мебель сияла великолепием.

Когда Дрейк повернул голову направо, взгляд его упал на вторую половину постели. Там лежала спящая молодая женщина. У нее были темно-каштановые волосы и снежно-белая шея; даже во сне ее лицо выглядело красивым и утонченным.

На вид ей было около тридцати лет.

Дрейк быстро отвернулся, выскользнул из-под одеяла и лег на пол. Когда размеренное дыхание женщины в постели стихло, он затаил дыхание. Послышался вздох и… катастрофа!

— Дорогой, — услышал он ее глубокое контральто, — что ты делаешь на полу?

Она шевельнулась на постели, и Дрейк сжался, ожидая криков, когда женщина убедится, что он вовсе не «дорогой». Однако ничего не произошло. Красивая головка выглянула из-за края постели, серые глаза спокойно смотрели на него. Молодая женщина, видимо, забыла о своем вопросе, потому что теперь сказала:

— Любимый, ты отправляешься сегодня на Землю?

Вопрос был настолько странным, что личное участие во всем этом показалось Дрейку делом второстепенным. Внезапно он начал понимать.

Это был один из тех вероятных миров, о которых он читал в записях координатора Кингстона Крейга. Именно это *могло* случиться с Ральфом Дрейком. И где-то за кулисами кто-то руководил всем этим. И все потому, что Дрейк пытался воссоздать свое прошлое.

Дрейк поднялся с пола. Он вспотел, сердце его

бешено колотилось, колени дрожали. Но все же он встал и ответил:

— Да, я отправляюсь на Землю.

«Это повод, — напряженно думал он, — чтобы как можно скорее выбраться отсюда».

Дрейк подошел к стулу, на котором лежала его одежда, и тут смысл его собственных слов дошел до него и вызвал очередной, еще больший шок.

Отправляется на Землю! Он чувствовал, что его разум с трудом осознает факт, превосходящий границы человеческого восприятия. Отправляется на Землю — но откуда? Безумный ответ возник наконец в его мозгу. Разумеется, из Дворца бессмертия, дворца в тумане, в котором живут координаторы.

Дрейк направился в ванную. Предыдущей ночью он нашел в ее сумеречном пространстве прозрачный тюбик мази с надписью: «Крем, убирающий щетину. Натереть лицо, потом смыть водой». Это заняло у него полминуты, все остальное — пять минут. Из ванной он вышел уже полностью одетым. Голова его была тяжела как камень, и как камень, погружающийся в воду, направился он к ближайшей от постели двери.

— Дорогой!

— Да? — Дрейк повернулся и с облегчением

заметил, что женщина не смотрит на него.

Она держала в руке одно из магических перьев, морща лоб над какими-то цифрами в списке. Не поднимая головы, она сказала:

— Наши взаимные временные отношения все более ухудшаются. Тебе нужно больше находиться до дворце и омолаживаться, а мне следует побывать на Земле, чтобы добавить себе пару лет. Ты сделаешь это, дорогой?

— Да, — ответил Дрейк. — Конечно!

Он вышел в небольшую прихожую, потом в гостиную. Наконец, оказавшись в коридоре, прислонился к холодной гладкой мраморной стене и отчаянно подумал: «Омоложение! Так вот для чего служит это невероятное здание. Каждый день здесь становишься моложе, и нужно отправляться на Землю, чтобы сохранить равновесие».

Потрясение усиливалось. Происшедшее с ним в прицепе было настолько существенно, что эта неизвестная организация сверхлюдей пыталась помешать ему узнать всю правду. Но сегодня он должен найти способ узнать ее: обыскать каждый этаж и постараться найти центр. Он постепенно успокаивался, когда вдруг понял, что слышит чьи-то голоса. Человеческие голоса!

Дрейк пришел к выводу, что должен был по-

нять это сам. Уже само присутствие женщины — там, в постели — указывало на то, что мир этот совершенен в каждой детали. И все-таки он был удивлен. Ошеломленный, смотрел он в глубь главного коридора, по тихим, пустынным ответвлениям которого бродил накануне столько часов. Сейчас тут двигался непрерывный поток мужчин и женщин. Коридор напоминал улицу в городе, по которой в обе стороны спешат люди, поглощенные своими личными делами.

— Эй, Дрейк! — услышал он за спиной мужской голос.

Ничто уже не могло его удивить. Медленно, как уставший человек, он обернулся. Незнакомец, смотревший на него, был высок и пропорционально сложен. У него были темные волосы и крупное лицо с резкими чертами. Одет он был в комбинезон, который выше талии обтягивал тело, а брюки походили на бриджи. Он дружески и слегка насмешливо улыбался. Затем он спокойно произнес:

— Стало быть, ты хочешь все узнать? Подожди, узнаешь. Но сначала примерь эту перчатку и иди за мной. Кстати, меня зовут Прайс.

Дрейк взглянул на перчатку.

— Что… — начал было он, но замолчал, чув-

ствуя, что хочет узнать все слишком быстро.

То, что этот мужчина ждал его у дверей, вовсе не было случаем.

«Не бойся, — сурово приказал он себе. — Самое главное, что наконец кто-то говорит по существу. Да, но что с этой перчаткой?»

Он взял ее, хмуря брови. Она была на правую руку и подошла идеально. Легкая, эластичная, перчатка казалась неестественно плотной и слабо поблескивала металлом.

— Просто схвати его сзади за плечо этой перчаткой, — сказал Прайс, — и нажми кончиками пальцев ниже ключицы. Сильно нажми! Я покажу тебе это позднее, когда ты задашь все свои вопросы, — прежде чем Дрейк успел ответить, Прайс продолжал: — Я расскажу тебе по дороге. Осторожнее на лестнице.

Дрейк взял себя в руки, с трудом проглотил слюну и спросил:

— Что за ерунда с хватанием кого-то за плечо? Зачем?

Он беспомощно замолчал. Не об этом нужно было сначала спрашивать. Он как слепец, имеющий лишь частичное представление о мире, которого не может увидеть. Не могло быть и речи о какой-то хронологии или логической связи,

существовали только туманные полуфакты. Начинать нужно с основ. С того, что Ральф Карсон Дрейк пытается узнать собственное прошлое. Что-то случилось с ним в автомобильном прицепе, и все происшедшее потом было прямым следствием этого. Прежде всего нужно помнить об этом.

— Проклятье! — вырвалось у Дрейка, мучимого неуверенностью. — Черт побери, Прайс, я хочу знать, в чем тут дело!

— Не торопись!

Они уже спустились по лестнице и направлялись боковым коридором к просторному главному холлу. Прайс полуобернулся к нему со словами:

— Я знаю, что ты чувствуешь, Дрейк, но пойми, тебе нельзя перегружать мозг постоянным притоком новой информации. Вчера ты не встретил здесь никого. Ну, вообще-то, это было не совсем вчера, — Он пожал плечами. — Сам видишь. Это было сегодня в мире, альтернативном нашему. И так всегда будет с этим зданием, если ты не сделаешь того, о чем мы просим. Мы должны были тебе это показать. А сейчас, ради бога, не проси меня объяснить теорию правдоподобия времени.

— Послушай, — сказал Дрейк с отчаянием в

голосе, — забудем все это и сосредоточимся на одном факте. Ты требуешь, чтобы я как-то использовал эту перчатку. Как? Где? Когда? Зачем? Уверяю, что чувствую себя вполне нормально. Я…

Он замолчал, увидев вдруг, что они оказались в главном коридоре и направляются к огромным дверям, за которыми была лестница и туманное ничто. По спине его побежали струйки пота.

— Куда мы идем? — резко спросил он.

— Я забираю тебя на Землю.

— Через те двери?

Дрейк остановился. Он не задумывался над тем, что испытывает, но в ушах четко и напряженно звучали его собственные слова.

Мужчина спокойно посмотрел на него.

— В этом нет ничего необычного, — сказал он, — Дворец бессмертия был построен в меандре времени, единственном известном реверсе, или бессмертии, повороте в земном потоке времени. Именно он делает возможным работу координаторов, работу на благо людей — как ты уже знаешь по докладам координатора Кингстона Крейга, которые читал.

Он продолжал свои объяснения, но Дрейку было трудно сосредоточиться. Ему мешал туман.

Он не мог решиться еще раз спуститься по той лестнице.

И именно слово «координатор» заставило его сосредоточиться. Он видел и слышал его так часто, что на мгновение забыл, что не знает его значения.

— Кто такие координаторы?

Мужчина задумчиво посмотрел на него.

— Они обладают исключительным умением, — сказал он наконец, — отличающим их от других людей. Они могут перемещаться во времени силой воли. Их около трех тысяч, и все родились на протяжении пятисот лет, начиная с двадцатого века. Самое удивительное то, что каждый из них родом из одного и того же небольшого района Соединенных Штатов, возле города Кисслинг, точнее, из небольшого поселка Пифферс-Роуд.

— Но, — Дрейк с трудом шевелил сухими губами, — я родился именно там. — Он широко раскрыл глаза. — И там же стоял прицеп.

Казалось, Прайс его не слышит.

— Если же говорить о строении тела, — говорил он, — то и здесь координаторы не такие, как все. У каждого из них внутренние органы расположены зеркально по отношению к нормальным людям. Так, сердце у них справа, а…

— Совсем как у меня, — сказал Дрейк. Он говорил ясно и четко, словно искал выход в лабиринте. — Поэтому меня забраковала военная комиссия. Они сказали, что не могут рисковать: если я буду ранен, хирург может не знать о моей особенности.

Позади послышались чьи-то шаги. Дрейк автоматически повернулся и увидел идущую к ним женщину в пушистой накидке. Она улыбнулась ему; Дрейк уже видел эту улыбку, совсем недавно, в спальне. Подойдя, она заговорила мелодичным голосом:

— Бедняга! Он выглядит совсем больным. Что ж, я сделала все, что в моих силах, чтобы он легче перенес шок. Я объяснила ему, что могла, не дав понять, что знаю все.

— О, с ним все в порядке, — ответил Прайс.

Он повернулся к Дрейку, и на лице его появилась слабая улыбка.

— Дрейк, позволь представить тебе твою жену, урожденную Селани Джонс, которая расскажет, что произошло с тобой, когда ты вошел в прицеп грузовика ее отца в Пифферс-Роуд. Начинай, Селани.

Дрейк стоял неподвижно. Он чувствовал себя так, словно был кучей земли, лишенной эмоций

и всяких мыслей. Словно на замедленной записи доходил до него голос Селани, рассказывающей о происшедшем в прицепе.

Оказавшись в задней комнате прицепа, Дрейк подумал, что произойдет, если его здесь застанут. Мужчина в центральной комнате говорил:

— Мы отправимся в четырнадцатый век. Там они не осмелятся вмешаться, — он мрачно рассмеялся. — Заметь, они отправили старика, к тому же одного. Кому-то из них пришлось выйти и провести на Земле тридцать или сорок лет, чтобы постареть, ибо старики гораздо меньше влияют на окружение, чем молодые. Но не будем терять время. Дай мне трансформационные точки и иди в кабину, включи атомные трансформаторы.

Этого момента и ждал Дрейк. Он тихо вышел, поочередно сгибая пальцы своей правой руки, облаченной в перчатку. Мужчина стоял лицом к двери, ведущей в переднюю комнату и находящуюся за ней кабину грузовика. Он был крепко сложен и со спины выглядел лет на сорок пять. В руках он держал два прозрачных конуса, которые матово поблескивали.

— Отлично! — воскликнул он, когда Дрейк оказался за его спиной. — Поехали. Теперь, Селани, можешь не бояться. Это все из-за координато-

ров, черт бы их побрал! Я уверен, что продажа нами этих товаров и изъятие такого количества металла нарушило электронное равновесие, делавшее возможным их существование. — Голос его задрожал. — Как подумаю об их святотатстве, когда они, возомнив себя богами, осмеливаются вмешиваться в естественное течение событий, вместо того чтобы, как я предлагал, сделать его просто предметом изучения…

Его речь перешла в испуганное бормотание, когда Дрейк схватил его за плечо и сильно нажал ниже ключицы…

— Минутку! — пронзительный голос Дрейка прервал рассказ женщины. — По твоим словам, у меня была перчатка вроде этой, — он поднял правую руку в поблескивающей перчатке, которую дал ему Прайс. — В твоем рассказе содержится предположение, что я уже все знал о координаторах и Дворце бессмертия, а ведь ты отлично знаешь, что тогда еще мне не было известно ничего. Я только что сошел с поезда, где коммивояжер Билл Келли показал мне вечное перо.

Женщина серьезно взглянула на него.

— Я уверена, что через несколько минут ты все поймешь, — сказала она. — Все, что мы сделали, было запланировано, чтобы подвести события к

этому моменту. Всего несколько часов существования осталось *этому* альтернативному миру, в котором находимся ты, мистер Прайс и я. Здесь необычайное равновесие сил, и может показаться парадоксальным, но сейчас мы фактически действуем против времени.

Дрейк был удивлен ее тоном. Женщина сказала:

— Позволь мне закончить…

Мужчина замер, как человек, оглушенный сильным ударом. Когда Дрейк отпустил его плечо, он медленно повернулся и уставился, но не на лицо Дрейка, а на его перчатку.

— Уничтожающая перчатка! — прошептал он, потом торопливо продолжил: — Но каким образом? Ведь мое изобретение должно преграждать координаторам доступ ко мне! — Он взглянул Дрейку в лицо, — Как ты этого добился? Я…

— Отец! — Голос девушки, ясный и испуганный, доносился из кабины грузовика, потом приблизился: — Отец, мы остановились где-то около тысяча шестьсот пятидесятого года. Что случилось? Я думала…

Она замолчала, стоя в дверях, как испуганная птица: высокая худая девушка около девятнадцати лет. Увидев Дрейка, она вдруг стала как бы

старше и бледнее.

— Вы… были… в поезде! — сказала она, потом перевела взгляд на отца. Дыхание ее прервалось. — Папа, он не…

Мужчина угрюмо кивнул головой.

— Он уничтожил мою способность перемещаться во времени. Где бы мы ни находились, мы останемся здесь навсегда. Но суть не в этом. Хуже всего, что у нас не получилось и координаторы могут продолжать свое дело.

Девушка не ответила. Оба они, казалось, совсем забыли о присутствии Дрейка. Мужчина схватил ее за плечо.

— Ты понимаешь? Мы проиграли!

Селани по-прежнему молчала, а когда начала говорить, лицо ее было бледно, как бумага.

— Отец, это самое тяжелое, что мне приходилось говорить, но я рада. *Они* правы, а *ты* — ошибаешься. Они стараются как-то исправить ужасные ошибки Природы и Человека. Из своего скромного дара они создали чудесный инструмент знания и используют его как боги-благодетели. Ты легко убедил меня, пока я была ребенком, но за столько лет я начала сомневаться. И оставалась с тобой только из дочернего долга. Мне очень жаль, папа.

Она отвернулась. Слезы блестели в ее глазах, когда она открыла дверь прицепа и спрыгнула на землю.

Дрейк некоторое время постоял, завороженный игрой чувств на лице мужчины: сначала судорога жалости к самому себе, потом все захлестнуло ожесточение. Избалованный ребенок не мог бы явиться лучшим примером обманутого эгоизма.

Дрейк в последний раз взглянул на него и тоже направился к двери. Там его ждала девушка и удивительный, еще не открытый американский Запад.

Они были обречены на общество друг друга из-за упорного молчания, которое хранил мужчина. Селани и Дрейк часто бродили по зеленой долине. Однажды, оказавшись вдали от прицепа, они наткнулись на группу пеших индейцев. Трудно сказать, какая из сторон была более удивлена. Селани спасла положение, выстрелив из атомного пистолета в камень, который исчез в яркой вспышке. Больше индейцы на этой дороге не появлялись.

Их жизнь была в некотором смысле идиллией. Любовь возникла так же естественно, как ветер, дующий над пустынными землями. Дрейк выдержал первоначальную холодность со стороны

девушки, потому что уже *знал.* А потом они старательно убеждали ее отца научить одного из них или обоих вместе, как пользоваться врожденным умением передвигаться во времени. Дрейк знал, что мужчина в конце концов сдастся, хотя бы из-за одиночества, но это продолжалось целый год.

Дрейк мысленно вернулся к огромному куполу и понял, что голос женщины умолк. Он посмотрел на Селани, потом на Прайса и наконец удивленно спросил:

— И это все? Твой… отец… — Он глянул на женщину, замявшись при определении родства. Ему было необычайно трудно связать эту зрелую женщину с молоденькой Селани Джонс. — Значит, твой отец был против координаторов? Но как он хотел от них избавиться?

Ответил ему Прайс:

— План мистера Джонса заключался во введении изменений в модель жизни, приведшую к появлению координаторов. Известно, что существенную роль играло питание, но какое соединение питания с другими факторами явилось основой, мы никогда не узнаем. Мистер Джонс думал, что, давая людям пить из тех стаканов, а также пользуясь другими устройствами, производящими продукты, и некоторыми основ-

ными товарами, он сумеет сломать всеобщий код существования. Сбор металла тоже был запланирован. Металл очень сильно воздействует на поток времени, и резкий его перенос из одного времени в другое может дезорганизовать весь вероятностный мир. Мы же не могли вмешаться как-то иначе, чем ты видел. Мир, предшествующий двадцать пятому веку, — это единственный период, куда не могут вмешиваться координаторы. Он сам должен решать свои проблемы. Даже ты, один из первых обладателей способности передвижения во времени, несмотря на то что сам никогда не научился бы этому, должен был идти к своему предназначению почти естественным образом.

— Минутку, — сказал Дрейк, — но либо я спятил, либо ты. Я готов согласиться со всем: с существованием Дворца бессмертия, с тем, что она моя жена в прошлом и что я оказался здесь до того, как на ней женился, но *после того,* как она за меня вышла. Однако полчаса назад ты дал мне эту перчатку, а несколько минут назад моя… жена… говорила, что этому миру постоянно угрожает гибель. Значит, я еще чего-то не знаю? И откуда эта внезапная амнезия?

— Твоя роль действительно очень проста, —

прервал его Прайс. — Как торговый агент «Квик-Рит компани» ты пошел по следам девятнадцатилетней Селани до прицепа в Пифферс-Роуд, где она жила вместе с отцом. Там ты никого не встретил, поэтому вернулся в деревню, чтобы поговорить с людьми, но по дороге координатором Дрейлом Макмагоном был перенесен на неделю в будущее, а все связанные с этим воспоминания были удалены из твоей памяти. Очнулся ты в больнице.

— Минутку! — воскликнул Дрейк. — Моя… жена… сказала мне, что я еще сделал. Разумеется, я уже знал это. Имеется свидетель, мальчик по имени Джимми, который видел, как я возвращался в прицеп, а когда я был там, он исчез.

— Именно это я и хотел объяснить, — спокойно сказал Прайс. — Из больницы ты пустился в путь, чтобы узнать, что с тобой случилось. Но не узнал. А потом был перенесен другим координатором сюда, во Дворец бессмертия.

Дрейк посмотрел на мужчину, потом на женщину. Та утвердительно кивнула, и в голове у него прояснилось. А Прайс продолжал:

— Через несколько минут я заберу тебя на Землю, в район прицепа Питера Джонса и его дочери. Ты войдешь внутрь, спрячешься в зад-

ней комнате, а в момент, который тебе описала Селани, выйдешь из укрытия и схватишь ее отца за плечо этой самой перчаткой. Она излучает энергию, которая незначительно изменит потенциал его нейронной энергии. Это не причинит ему никакого вреда, впрочем, как и мы позднее. В сущности, он будет использован нами как агент в исследованиях прошлого, — закончил Прайс. — Теперь ты видишь, что это требует доброй воли, и мы должны были сделать все, чтобы убедиться, что ты не совершишь ошибки.

— Теперь я начинаю понимать, — ответил Дрейк.

Он был совершенно спокоен, если не считать усиливающегося осознания. Медленно подойдя к женщине, он взял ее за руку и заглянул в глаза.

— Значит, это ты? А когда? — спросил он.

— Пятьдесят лет спустя относительно тебя нынешнего.

— А где сейчас я? Где теперь твой муж?

— Ты отправился на Землю, в будущее. Нужно было переместить тебя во времени. Человек не может оказаться в пространстве, где он уже есть. И именно поэтому ты с нами накрепко связан!

— Почему?

— Если вместо того, чтобы войти в прицеп, ты

уедешь и вернешься к своей прежней жизни, то через неделю приблизишься к моменту, когда твое раннее «я» находится в больнице. Тогда ты исчезнешь, подвергнешься дезинтеграции.

Дрейк улыбнулся ей.

— Я не собираюсь вас разочаровывать, — сказал он.

Спускаясь по ступеням, укутанным густеющим туманом, он то и дело оглядывался на нее. Селани стояла, прижав лицо к стеклянным дверям.

Вскоре туман поглотил ее.

Поиски закончились, и теперь в его жизни начинались события, о которых — как считал Дрейк — он забыл.

Великий судья

— Решение суда, — провозглашал приемник, по делу Дугласа Айрда, обвиненного в попытке государственной измены, от 2 августа, следующее…

Дрожащими пальцами Айрд повернул рукоятку, увеличивая громкость. Последующие слова трубным гласом обрушились на него.

Вышеуказанный Дуглас Айрд не позднее, чем через неделю, считая с сего дня, то есть, 17 сентября 2460 года, должен быть отправлен на ближайшую патрульную станцию, где его надлежит поместить в преобразователь, посредством которого и предать вышеназванного Дугласа Айрда смерти…

Щелк!

Выключая приемник, он почти не сознавал, что делает. Последний требовательный звук прогрохотал по его комнате, и наступила мертвая тишина. Айрд опустился в кресло и уставился невидящим взглядом сквозь прозрачные стены на светящиеся крыши Судебного городка. Все эти недели он понимал, что у него нет ни единого шанса. Научные заслуги его, которые, по его мнению, должны были послужить в его пользу,

не произвели на Великого Судью никакого впечатления.

Айрд совершил фатальную ошибку, разглагольствуя в кругу «друзей», что простой человек, такой, как он, Дуглас Айрд, мог бы править не хуже, чем безнравственный Великий Судья. Он утверждал, что человек, хорошо знающий нужды людей, мог бы издавать куда более удачные указы. А затем с не меньшим самозабвением Айрд распространялся, как изрядно он преуспел, перенося нервные импульсы цыпленка в нервные импульсы собаки.

Позже он пытался представить свое открытие как доказательство того, что сам он находился в состоянии умственного расстройства. Однако судья объявил его довод не относящимся к делу, несущественным и смехотворным. Судья отказался даже слышать об открытии и заявил холодно:

— Официальный научный эксперт Великого Суда вызовет вас в должное время, и вы представите ему свое изобретение с соответствующей документацией.

Айрд мрачно надеялся, что эксперт вызовет его со дня на день. Ему и в голову не пришло, что бумаги и инструменты могут быть уничтожены.

Содрогаясь, он отверг столь открытую форму неповиновения. Контроль Великого Суда за общественной жизнью был столь всеобъемлющим, что преступникам предоставлялась возможность пребывать на свободе вплоть до дня их казни. Это неоднократно подчеркивалось отделом пропаганды Великого Суда как доказательство, что цивилизация никогда прежде не достигала столь высокого уровня свободы. Что, однако, вовсе не означало, что можно испытывать терпение Великого Суда уничтожением открытия. Айрд был глубоко уверен, что к нему применят куда менее цивилизованные методы, попытайся он выкинуть такую шутку.

Сидя в своей квартире, битком набитой всевозможными современными удобствами, Дуглас Айрд тосковал. Он проведет последнюю неделю жизни так роскошно, как только пожелает. Это была последняя изощренная интеллектуальная пытка быть свободным, чувствовать, что можно попытаться бежать в любое время. Однако он знал — бегство невозможно. Едва только он влезет в свой реактивный хоуп, тот устремится на ближайшую патрульную станцию, повинуясь сигналу, переданному преследователями через регистрационную пластинку, укрепленную в

аппарате. Одновременно его машина начнет издавать длительный вибрирующий звук, уведомляя корабли патруля о его перемещениях.

Тысячи подобных устройств следили за ним. Электронный прибор, прикрепленный к его руке, начнет жечь тело, постепенно увеличивая напряжение.

Итак, скрыться от закона Великого Суда было абсолютно невозможно.

Айрд тяжело поднялся. Надо было подготовить все материалы для научного эксперта. Хуже, что ему так и не представился случай провести эксперимент с высшими формами жизни…

Айрд застыл на пороге своей лаборатории. Внезапно его осенила грандиозная идея, заставившая вздрогнуть. Он прислонился к дверному косяку, затем медленно выпрямился.

— Вот оно! — громко произнес Айрд. В его голосе, низком и сильном, прозвучали одновременно сомнение и надежда. Надежда человека, выздоравливающего после ужасной болезни. Дуглас Айрд свалился на ковер, лежащий на полу лаборатории, бормоча себе под нос порядок проведения эксперимента.

Особый научный эксперт Джордж Моуллинс, едва войдя в здание Великого Суда, немедленно

попросил аудиенции у Великого Судьи.

— Передайте ему, — заявил он Верховному Приставу Суда, что я должен сообщить об очень важном научном открытии. Великий сразу поймет, насколько это важно, если вы просто скажете: «Категория АА».

Ожидая, пока его позовут, научный эксперт привел в порядок свои инструменты для транспортизации, а затем начал лениво рассматривать купол величественного приемного зала. Сквозь прозрачную его стену он мог любоваться цветущими садами. В обилии зелени эксперт заметил мелькнувший край белой юбки, которая напомнила ему о слабости Великого Судьи, державшего в своем гареме по крайней мере семь царственных красавиц одновременно.

— Прошу вас, сэр, Великий Судья ждет вас.

Мужчина, сидящий за письменным столом, выглядел лет на тридцать пять. Только глаза его и рот казались более старыми. В полном молчании глаза бессмертного, вечно юного Великого Судьи внимательно изучали посетителя.

Последний же не терял времени зря. Едва только дверь за ним закрылась, как он нажал на кнопку, и тонкая струя газа ударила в лицо Великого Судьи. Не издав ни звука, он осел в

своем кресле.

Посетитель действовал спокойно, но молниеносно. Он подтащил безвольное тело к своему чемоданчику с инструментами, стащил с Великого Судьи одежду. Быстро обработал тело судьи принесенной с собой жидкостью и начал прикреплять к нему провода. Затем прикрепил провода к своему телу, лег на пол и включил активатор.

С того самого дня, когда Дугласу Айрду удалось перенести нервные импульсы цыпленка в мозг собаки, его мучил вопрос — насколько полной и совершенной была эта трансформация.

Личность, не мог не согласиться он с собой, это структура сложная. Прошло довольно много времени, прежде чем он убедился, что наконец передал в чужое тело свои специфические нейроимпульсы.

Возможно ли, чтобы интеллект переходил из одного тела в другое посредством обмена нервной энергии двух тел? Обмена, при котором каждая ячейка мозга пропитывается мыслями и мечтами чужого тела? И обмена столь совершенного, чтобы одна личность была полностью перенесена внутрь другой?

Тот факт, что собака действовала подобно цып-

ленку, сам по себе еще не был неопровержимым доказательством. В нормальных условиях ему надо было бы провести целую серию тщательно подготовленных экспериментов, прежде чем приниматься за разумных существ. Однако у человека, приговоренного к смерти, слишком мало остается времени, чтобы думать о риске. Два дня тому назад, когда научный эксперт вызвал его для ознакомления с открытием, Айрд усыпил этого человека и осуществил небывалый эксперимент.

Перенос оказался не совсем полным. Стертая память сохранила кое-что, и этого оказалось достаточно, чтобы без труда проникнуть в резиденцию Великого Судьи. А это было далеко не просто. Очень важно, чтобы псевдоэксперт не допустил ошибки в этикете, дабы по его поводу ни у кого не возникло ни малейших подозрений.

Пока Дуглас Айрд действовал безошибочно. Его сознание переносилось из тела научного эксперта в мозг Великого Судьи.

Пятью минутами позже Дуглас Айрд пришел в себя уже в теле Великого Судьи, открыл глаза и настороженно осмотрелся. Все было в порядке. Он аккуратно отсоединил провода, упаковал инструменты, а затем вызвал пристава. Как и предполагал Айрд, действия Великого Судьи ни

у кого не вызывали вопросов и сомнений. Было делом всего одного часа добраться до квартиры Дугласа Айрда, перенести тело Великого Судьи в тело осужденного на казнь изобретателя и возвратить личность научного эксперта в его собственное тело. Из предосторожности он решил отправить научного эксперта в госпиталь. Впрочем, тот все это время беспробудно спал в теле Айрда и ничего не понимал.

— Продержите его в госпитале три дня под наблюдением, — приказал Великий Судья Айрд.

Последующие несколько дней он осторожно приспосабливался к приятной атмосфере абсолютной власти. У него были тысячи планов превращения государства полицейской диктатуры в свободную страну, но как ученый он понимал, что необходимо изучить общество, прежде чем изменять его.

В конце недели он случайно узнал о судьбе государственного преступника по имени Дуглас Айрд. Это было довольно интересно. Изменник предпринял попытку к бегству. Ему удалось пролететь около пятисот миль на незарегистрированном хоупе, прежде чем его сбил местный патруль. Преступнику удалось бежать в горы, но утром того дня, на который была назначена казнь, при-

бор, вживленный в правую руку беглеца, был приведен в действие. Незадолго до наступления сумерек у патрульной горной станции появилось измученное, обезумевшее подобие человека, визжащее, что оно не кто иной, как Великий Судья. Приговор Великого Судьи был приведен в исполнение немедленно, избавив несчастного от мук.

В заключение доклада сообщалось:

— Никогда еще патрульные не видели осужденного, приближающегося к преобразователю с такой неохотой.

Великий Судья, сидящий за столом в великолепном зале, вполне мог в это поверить.

Совершенное будущее

В тот день, когда Стивену Далкинзу исполнилось восемнадцать, он получил из Кредита жизни Объединенного правительства уведомление, что на его имя открыт счет на сумму миллион долларов. В приписке, кроме поздравлений, содержались обычные наставления для восемнадцатилетних. Там дотошно объяснялось, что эти деньги — миллион долларов — означают его предполагаемый заработок за всю жизнь.

Тратьте их бережливо; возможно, больше вы никогда ничего не получите: это итоговая сумма.

Далкинз был готов. За девять дней, начиная со дня своего рождения, он израсходовал 982 543,81 доллара. И ломал голову над тем, как распорядиться оставшимися семнадцатью тысячами, когда в его роскошную квартиру вошел офицер министерства финансов и арестовал его.

Далкинз погасил сигарету в пепельнице — он удивился, обнаружив таковую в психиатрическом офисе, — и вошел в дверь, на которую указала девушка. Вошел и остановился с видом циничного почтения, ожидая, что его заметят.

Человеку за письменным столом было около пятидесяти. Крупный, без единого седого волоса, он занимался тем, что делал какие-то пометки в лежащей перед ним карточке. Не поднимая глаз, он сказал:

— Найдите себе кресло и сядьте.

Выбор сводился всего к двум креслам — одному с твердой спинкой и другому удобному, типа шезлонга. Вздохнув, Далкинз опустился во второе.

По-прежнему не глядя на него, доктор Бунер сказал:

— Хотелось бы знать, чем обусловлен ваш выбор.

И сделал еще одну пометку в карточке. Далкинз не сводил с него презрительного взгляда. Беспокойства он не испытывал. Он пришел на эту встречу, ожидая стереотипной реакции. И был готов к любому вердикту. Однако заниматься такими пустяками казалось оскорбительным.

— Вы посылали за мной, доктор Бунер, — с ироническим уважением ответил он.

Это было, конечно, мягко сказано. Его доставили в этот офис властью закона. Однако ответа на свои слова он не получил. Далкинз пожал плечами, откинулся в кресле и приготовился к ожиданию.

— Интересная у вас реакция, — заметил доктор и провел очередную линию в карточке.

Далкинз сердито уставился на его склоненную голову.

— Так-то вы обращаетесь с человеческими существами? — со злостью спросил он. — Даже не глядите на них?

— О нет! — И тут же: — С точки зрения закона мы определяем человеческое существо как личность, принимающую установленные в нашем обществе порядки. Вы же отвергаете эти порядки. Следовательно, по закону вы не человеческое существо. На юридическом языке вы относитесь к категории «отчужденных личностей».

Далкинз ощетинился, но сумел справиться с собой. И процитировал, с прежним оттенком цинизма:

— Разве у меня нет рук, ног, чувств, привязанностей, страстей? Разве я не ем ту же самую пищу… не болею теми же самыми болезнями? — закончил он, явно довольный сам собой.

Как и прежде, доктор Бунер ответил, не глядя на него:

— Сильные словесные ассоциации.

Он сделал в карточке еще одну пометку. И потом наконец выпрямился. Серые глаза при-

стально смотрели на Далкинза.

— У меня вопрос. У вас была какая-то конкретная причина всего за десять дней истратить столько денег?

В чем-то жалкое юное лицо усмехнулось в ответ.

— Не терпится узнать? — саркастически спросил Далкинз.

Доктор Бунер встал.

— Думаю, на этом пока все. Я буду рекомендовать оштрафовать вас и конфисковать все имущество, включая оставшиеся на вашем счету семнадцать тысяч долларов. Вам оставят два костюма, мелкие бытовые принадлежности и несколько сот долларов, и квартиру вы тоже сохраните. Позвольте сообщить, что человеческие существа подлежат преследованию по закону и могут быть оштрафованы на тысячу долларов раз в пять лет. Отчужденные личности после вынесения приговора теряют все. В вашем случае я планирую реквизировать из штрафа сотню долларов еженедельно, которые будут вам выплачиваться, если вы станете посещать мой офис для лечения. В противном случае эту сотню долларов вы не получите.

Далкинз иронически расхохотался.

— Вы меня больше никогда не увидите, — заявил он, — разве что притащите сюда с полицией. Больно нужно выслушивать ваш дурацкий анализ и тупые мнения!

Психиатр не сводил с него пристального взгляда. Его лицо с впалыми щеками, казалось, ничего не выражало. Однако, судя по следующим словам, Далкинзу, по-видимому, удалось пробить брешь в его профессиональной выдержке.

— Отлично, но что у вас на уме? — почти резко спросил он. — Чего вы хотите?

Далкинз с презрительным видом стоял в дверях, чувствуя, как в душе с новой силой нарастает ощущение собственного величия, которое и заставляло его вести себя подобным образом. На протяжении нескольких часов после ареста это ощущение слегка потускнело. Тогда в глубине души он даже почти был готов согласиться со всеми этими людьми, воспринимающими его поступки как безумие.

Теперь все, больше никаких сомнений.

— Вы упустили свой шанс. — В голосе Далкинза звенело сознание собственной правоты. — В следующий раз скажите Большому Брату, пусть для человеческой работы использует людей. Вы провалили это дело, дружище.

— Тем не менее, — доктор Бунер был очень рад, что разговор наконец сдвинулся с мертвой точки и его регистрируют приборы, — если я пойму, то, возможно, стану уступчивей. Я представлял вас этаким любителем роскоши. Но, может быть, я ошибался?

Стивен рассмеялся.

— Я выбрал мягкое кресло, потому что вы ожидали от меня именно этого. Я веду себя как безумный, потому что вы думаете, что я такой. Я сознательно подстраиваюсь под ваши предвзятые мнения. *Но мне совсем не нравится делать это.*

— Всем приходится подстраиваться, в той или иной степени. Различия, зависящие от возраста и опыта, очень невелики.

Стивен пожал плечами.

Доктор Бунер поспешно сменил тактику.

— Что плохого, если каждый нормальный человек по достижении совершеннолетия получает миллион долларов? Большинство не видят в этом ничего дурного.

— Мели языком, коли есть охота, малыш, — ответил Стивен Далкинз. — Но как наговоришься, позволь мне уйти. Ты опоздал с этим разговором. В будущем я буду разговаривать только с боль-

шими парнями.

Не дожидаясь ответа, Далкинз открыл дверь.

— Когда будете уходить, — сказал доктор, — остановитесь перед зеркалом в приемной и хорошенько рассмотрите того, кто болтает о малышах.

— Ладно, ладно, — отозвался Далкинз, — Ну да, во мне только пять футов шесть дюймов. Я даже не выгляжу восемнадцатилетним.

— Скорее, пятнадцатилетним, — вставил Бунер.

— Мужество не теряет своих свойств, даже если расфасовано мелкими порциями. — Последовала пауза, после чего Стивен выдал: — И к вашему сведению, это не я отчужденная личность. И это вам, а не мне, нужно принять решение измениться.

Бунер улыбнулся с видом человека, привыкшего разговаривать с людьми, убежденными, что крыша поехала у кого угодно, только не у них.

— Если вы не отчужденная личность, то уж и не знаю, кто вы такой.

Он обращался к закрытой двери.

Когда молодой человек ушел, психиатр с бледной улыбкой на лице опустился в кресло. К нему присоединился другой человек, молча опустившийся в кресло, где несколько минут назад сидел

Далкинз.

— Ну, ты все слышал, — сказал Бунер.

Второй скривил полные губы и кивнул.

— Что с этим делать?

Вместо ответа второй задумчиво погладил челюсть.

— Его слова звучат искренне; конечно, в манере отчужденных.

Прежде чем посетитель успел ответить, дверь распахнулась. Вошла девушка из приемной с двумя копиями компьютерных распечаток, вручила каждому по одной и удалилась.

Шурша бумагами, доктор Бунер и его гость просматривали распечатки. Потом посетитель бережно сложил свои и заговорил. У него оказался мягкий баритон.

— Судя по физиологическим реакциям на твой вопрос, ему известно о промежутке времени между моментами, когда оказалась израсходована большая часть денег и когда человеческие существа выяснили это.

— Эта информация, — последовал ответ, — классифицируется как специальные сведения. Это не секрет, просто не разглашается широко. Десять из тысячи человек знают об этой отсрочке из пройденного ими специфического обучения.

Второй человек похлопал по лежащей на коленях распечатке.

— Я заметил, что большую часть денег он потратил на создание короткометражных кинофильмов. Из этого можно что-то извлечь?

Первый покачал головой:

— Люди из комитета по кинофильмам не сумели прийти к какому бы то ни было общему мнению. Их отчет лишь подтверждает мое собственное впечатление. Рваные куски, больше ничего. По какому принципу их отбирали? Непонятно. Складывается впечатление, что единственной целью было выяснить, какую максимальную сумму можно вбухать во всю эту ерунду.

Посетитель, казалось, пришел в замешательство.

— Ты когда-нибудь слышал о чем-то подобном? — спросил он.

— Однажды, отслеживая траты другого человека, мы обнаружили, что он пытался скрыть около пятидесяти тысяч и еще пятьдесят дать как взятку.

— Господи, кому? — пораженно воскликнул посетитель.

Доктор Бунер с улыбкой покачал головой.

— Ах, да, получатель, конечно, был оштрафован, а этот инцидент удален из его личного дела. Что ты собираешься делать с Далкинзом?

— Подождать и посмотреть. Он не припрятал никаких денег. Следовательно, момент истины наступит скоро.

— Однако, — задумчиво сказал посетитель, — согласно распечатке, за квартиру уплачено за два месяца вперед. А что с припасами?

— Еды полно.

— Значит, он может прожить в роскоши еще два месяца.

— Меня беспокоит, — сказал психиатр, похлопывая по распечатке, — что компьютер не считает его отчужденной личностью.

Стивен Далкинз вышел из офиса доктора Бунера в коридор, дождался лифта и спустился на первый этаж. Оттуда он вышел в мир, внешне не слишком изменившийся за последние пятьдесят лет. Тут были те же самые здания или, по крайней мере, тот же самый тип зданий. Стекло, камень, кирпич и пластик, слепленные в самые различные, уходящие на большую высоту конфигурации. Отличие от прежней эпохи состояло в том, что теперь каждый день сознание напоминало ему о совершенстве всего этого.

Наступил золотой век. Вообще-то восемнадцатилетнему получателю миллиона долларов предстояло отработать эту сумму. Однако работа была благом для людей; нормальные люди не ставили это под сомнение.

Большинству так и не удавалось выплатить свой долг; они просто не зарабатывали достаточно денег для этого. Но в то же время, как личности неотчужденные, они редко тратили все свои деньги.

Когда человек умирал, то, что оставалось от миллиона, возвращалось государству. Если за человеком оставался долг, запись об этом удалялась. Дети могли наследовать особенности личности, но не деньги и имущество. Никаких «ниточек», по которым можно было бы докопаться до истины, не оставалось. Все начинали с чистого листа — и миллиона долларов. По закону, эта сумма не могла быть выплачена дважды, но не могла быть и уменьшена. Закон не предусматривал смягчения для случаев, аналогичных тому, в котором оказался Стивен. Если бы он работал, его жалованье автоматически вычиталось бы из уже существующего долга.

По-видимому, ничуть не тревожась по поводу всего этого, Стивен подозвал электротакси.

Спустя некоторое время такси свернуло на улицу рядом с рекой и по подъездной дорожке подъехало к многоэтажному зданию. Стивен вышел, окунувшись в теплый день, заплатил водителю и медленно зашагал к помпезному входу. По дороге он заметил, что на той же улице остановился другой автомобиль. Из него вышел человек и сделал вид, что заинтересовался видом реки.

Спустя два часа агент доложил доктору Бунеру:

— Мистер Далкинз вошел в здание, где находится его квартира, и пока еще не вышел оттуда.

День проходил за днем, а Стивен так и не появлялся.

Прошла неделя тщетного ожидания. Приставленные доктором наблюдатели лишь пожимали плечами и говорили:

— Ну почему бы ему не предоставить жизни идти своим чередом, как у всякого нормального парня, достигшего восемнадцати лет?

В итоге в квартиру Далкинза было доставлено послание из Компьютерного брачного агентства. В нем сообщалось, что молодая женщина по имени Стаей Айкинс, двадцати трех лет, была отобрана в качестве подходящего для него брачного партнера.

«Как вы, возможно, знаете, — заканчива-

лось послание, — после компьютерного отбора партнеры имеют в своем распоряжении четырнадцать дней, чтобы встретиться и либо принять, либо отвергнуть предложенного партнера. Если один отобранный согласен, а другой нет, согласившийся свободен и имеет право еще на три предложения брачного партнерства. С другой стороны, отказавшийся имеет всего две такие возможности.

После того как кандидат использует все три возможности, следующие три будут предоставлены ему только через год. Если кандидат самостоятельно найдет себе потенциального партнера, чьи личностные характеристики укладываются в рамки компьютерного программирования для каждого из них, брак тоже может иметь место. Следует отметить, что в данной конкретной ситуации Стаей Айкинс не выдвигает требования, чтобы ее будущий партнер имел деньги.

Потенциальный кандидат, не имеющий намерения вступать в брак, должен уведомить об этом Компьютерное брачное агентство».

Далкинз не предпринял ничего. Не возразил, не попросил, чтобы его имя было изъято из банка данных. Не позвонил девушке, а когда на двенадцатый день она сама позвонила ему, сказал, что

она его устраивает.

Поставленный в известность обо всех этих подробностях, доктор Бунер имел еще одну встречу с представителем министерства финансов.

Этот последний спросил:

— Полагаете, он женится на этой женщине?

Бунер улыбнулся.

— Мы его поймали. Чтобы добиться разблокирования своей половой функции, он будет вынужден сделать это. В чем бы ни состоял его план, эта сторона жизни, по всей видимости, существенно важна для него.

— Может, все, чего он хочет, это воспользоваться ее деньгами.

На физиономии психиатра заиграла улыбка, хотя и мрачноватая.

— Нет, мы уже наложили ограничения на ее изъятия. Она сможет снимать со своего счета всего лишь удвоенную сумму по сравнению с той, на которую живет сейчас. Ну а если потребуются дополнительные суммы, ей придется сделать специальный запрос с указанием конкретных целей. Нет-нет, — Бунер покачал головой, — когда биология решила проблему блокирования половых органов мужчины и последующего разблокирования их с тем, чтобы они могли функционировать

только при контакте с одной женщиной — его женой, все течение семейных взаимоотношений и, фактически, сама история человечества изменились в лучшую сторону. И конечно, поскольку средняя продолжительность жизни у женщин на семь лет больше, чему у мужчин, мы устроили все это таким образом, что наши молодые люди должны жениться на девушках на четыре-семь лет старше, чем они сами… Готов поспорить, он объявится на церемонии бракосочетания.

Вывеска над дверью гласила:

ЦЕНТР ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОРМОНОВ
РЕГИСТРАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ БРАКОВ

Когда прибыл Далкинз, перед дверью собралось уже немало народу. По одну сторону длинного, узкого барьера стояла группа мужчин, по другую — женщин. Мужчины все были моложе двадцати, женщины чуть старше. Исключение составлял мужчина лет под сорок. Среди женщин не было ни одной соответствующего возраста, и Далкинз сделал вывод, что это агент, приставленный шпионить за ним. Юноша презрительно улыбнулся.

Он занял место в хвосте очереди мужчин и принялся рассматривать женщин по ту сторону

барьера. Одна из них, уже явно заметив Далкинза, нетерпеливо смотрела в его сторону. Их взгляды встретились. Они впервые видели друг друга воочию, и Далкинз подумал, что следует улыбнуться. Что он и сделал. Она улыбнулась в ответ, обнажив довольно крупные зубы.

Стаей оставила свое место в очереди — она была уже третьей от двери — и, как того требовали правила, заняла десятое место, напротив Далкинза. Пока она шла, он имел возможность разглядеть, что ноги у нее коротковаты.

Ее внешность, однако, не произвела на него плохого впечатления. Новый стиль мышления относительно таких вещей господствовал уже более сорока лет, и, несмотря на весь свой антагонизм по отношению к некоторым особенностям окружающего мира, этой он не замечал. Новый стиль мышления требовал, чтобы все нормальные девушки, женщины, юноши и мужчины рассматривались как прекрасные, без каких бы то ни было исключений.

Поэтому внешность, в терминах прежнего стиля мышления называвшаяся красотой, не являлась тем фактором, который учитывал компьютер. Рост учитывал. Вес учитывал. Возраст учитывал. Молодая женщина, стоящая сейчас

напротив Далкинза по ту сторону барьера, была ростом 5 футов 1 дюйм (против его 5 футов 6 дюймов), имела вес 100 фунтов против его 128 и была на 5 лет старше.

В этом мире толстяки сочетались браком с толстяками, худые с худыми, средние со средними. И конечно, существовавшая прежде нелепая тенденция, чтобы мужчины женились на женщинах моложе себя, была заменена на прямо противоположную, основанную на здравом смысле и биохимических данных. Это был золотой век не только в экономическом, но и в сексуальном отношении.

Вскоре они оказались внутри здания и были усажены в примыкающие друг к другу кабины, доступные взглядам других пар сквозь толстый прозрачный пластик. Поскольку, по настоянию Стивена, был избран ограниченный временем брак, они подписали пластиковые карточки специальным типом ручек. С помощью компьютера их подписи автоматически передавались в столичное министерство статистики естественного движения населения. Факт этой подписи сам по себе и являлся брачной церемонией; оставались лишь медицинское восстановление мужчины и второй шаг, делающий это гормональное восста-

новление легальным и постоянным.

По запросу компьютера Далкинз расстегнул молнию на правом бедре специального свадебного костюма. Потом он откинулся назад, также по требованию, и замер в ожидании, пока две механические руки стягивали его ремнем. Когда руки убрались, на обнаженном бедре сфокусировалось стеклянное устройство с иглой и лучом света в передней части. Прозрачная игла медленно вошла в тело, по ней потекла красная жидкость. Игла выдернулась.

Компьютер сказал:

— Шаг два. Постарайтесь не дергать рукой.

Далкинз заметил, что человек постарше, который шпионил за ним, стоит в нескольких шагах, наблюдая за «брачной церемонией»; похоже, он был настолько уверен, что все идет как надо, что даже наполовину отвернулся.

«Пора!» — подумал Далкинз.

Послышался звонок. Доктор Бунер нажал кнопку, соединенную с крошечным приемником в ухе, и сказал:

— Здесь доктор Бунер.

На видеопластине возникло изображение его прежнего посетителя и наперсника. Тот раздраженно сказал:

— Здесь Русли. Ну, что там еще?

Бунер не мог не заметить обвиняющего тона.

— Прежде всего, нам с вами следует не упускать из виду одну вещь.

— Что именно? — Удивление в голосе и на лице.

— Я не контролирую ситуацию. Закон не позволяет этого.

— У вас там наблюдатель.

Бунер проигнорировал звучащий в голосе собеседника укор.

— Разве я недостаточно прояснил свою позицию?

— Да-да, — прозвучало покорно.

— А произошло то, — уже несколько более оживленно продолжал доктор Бунер, — что наш Стивен снова взял на себя труд заранее выяснить все детали процесса, через который большинство людей проходят неосведомленными.

— Когда это происходило со мной, — отозвался Русли, — я сидел привязанным в кресле в запертой комнате и не имел шанса сбежать.

— Если бы вы, — продолжал свои объяснения доктор Бунер, — принесли с собой компьютерный ключ ремонтного мастера и автоматический пистолет, позволяющий выстрелом проложить

себе путь через запертую дверь…

Судя по выражению физиономии на экране, услышанное произвело на собеседника Бунера большое впечатление.

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего?

— Почему?

— Стивен не нарушил закон.

— По-вашему, можно вывести из строя машину и выстрелами проложить себе путь из запертого здания, не нарушая закона?

— Компания «Восстановление гормонов» может возбудить против него дело за причиненный ей ущерб, но, учитывая, что у него нет денег, толку им от этого не будет.

— Н-н-но… — запротестовал Русли, — разве это по закону — быть тем, кем сейчас стал Стивен? Сексуально свободным мужчиной?

— Закон требует, чтобы по достижении мальчиком возраста половой зрелости его способность к совершению сексуального акта была взята под контроль. Закон требует, чтобы он имел возможность жениться, поскольку брак представляет собой выстроенные самим человеком взаимоотношения, для чего необходимо пройти через процесс восстановления гормонов. Если этого не

происходит, по закону брак не может иметь места. Видите ли, — продолжал доктор Бунер, — техника всего этого была взята нами из концепции старой Китайской Коммунистической Народной Армии, за исключением, конечно, того, что у нас отсутствует наказание в виде смертной казни. Однако сейчас, как и тогда, о коммунисте ли идет речь или о современном молодом человеке, здесь кроется ловушка для опрометчивого, во многом неискушенного юноши. Он еще думать не научился, а мы уже заблокировали его сексуальность. Он еще растет, а мы уже подтягиваем его до уровня будущей жены, причем по закону, раз брак заключен, расторгнут он быть не может. Государство, идущее на такие деспотические меры, оправдывает лишь то обстоятельство, что его целью является мирное, трудолюбивое население.

Пауза.

— Где жена Стивена сейчас?

— Она ему не жена, поскольку заключительный шаг совершен не был. Вернулась к себе домой.

— А где Стивен?

— Он пока к себе домой не вернулся.

Помолчав, Русли сказал:

— Если я правильно понял, сейчас впервые за четверть столетия где-то там, — он взмахнул

рукой, очерчивая этим жестом половину горизонта, — болтается мужчина, способный совершить половой акт более чем с одной женщиной?

— В принципе именно так обстояло дело раньше.

— И это *законно?*

— Да, просто нежелательно. Однако это естественное состояние. Ни одно естественное состояние человека никогда не объявлялось вне закона.

По мере того как человек на экране осознавал потенциальные последствия ситуации, его лицо пошло пятнами.

— Господи, — пробормотал он, — один мужчина и *все* эти незамужние девушки и женщины от восемнадцати до двадцати трех!

— Возможно, — успокоил Русли доктор Бунер, — обольщение не входит в его планы. Ради этого не стоило растрачивать практически все деньги.

— А какие у него могут быть планы? — беспомощно спросил Русли.

— Мои помощники, — ответил психиатр, — продолжают тщательно изучать биографию Стивена, пытаясь найти ключ.

— Как думаете, что он будет делать теперь?

— Он хорошо замел следы, — с неохотой признал Бунер. — Пока мне ничего не известно о его местонахождении. Может, он уже приступил к охоте на женщин.

Русли издал горлом захлебывающийся звук и разорвал связь.

Поколебавшись, Бунер набрал особый номер. На этот раз, когда послышался щелчок, на экране не появилось изображения, но мужской голос — решительный, заинтересованный — произнес:

— Я прочел ваш доклад, доктор. И согласен, что дело Стивена нужно предать огласке. Если ваш прогноз относительно него не подтвердится, мы, по крайней мере, сделаем свою первую попытку за последнее десятилетие. Удачи.

Прислонившись спиной к дереву, Стивен сидел на траве на краю парка и смотрел в небо. Для вида, конечно. На самом деле он шарил взглядом по сторонам в поисках возможных шпионов. Полной уверенности, что удалось уйти незамеченным, у него не было. Он предполагал, что казначейство хотело бы понять, как он собирается выживать без денег.

— Запросто, — сказал он, обращаясь к четырем подозрительным типам, которые прошли мимо (на всякий случай — а вдруг они в состоянии

понять смысл его высказывания?). — Мир вознаграждает предприимчивых и непокорных. Передайте это своим хозяевам.

Один из четырех, мужчина лет тридцати, подошел поближе и спросил недоуменно:

— Эй, это ведь ты сходу растратил свой миллион, как сказано в новостях? Зачем?

Пораженный, восхищенный Стивен произнес:

— Ты хочешь сказать, они предали мое дело огласке? — Взяв себя в руки, он пожал плечами: — Иди своей дорогой, парень. Если сам не понимаешь зачем, объяснять тебе бесполезно.

В сумерках Стивен лениво поднялся и медленной походкой, на случай если за ним следят, углубился в парк, туда, где маленький ручей втекал в водопроводную трубу. Наклонившись, он сунул руку в темный зев трубы, нащупал что-то и выпрямился. Теперь он держал в руке водонепроницаемый контейнер, откуда вытащил скатанное в трубку объявление из белого холста. Там было написано:

> Я СТИВ ДАЛКИНЗ, ТОТ САМЫЙ «ПСИХ», КОТОРЫЙ РАСТРАТИЛ СВОЙ МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ.

На обратной стороне тоже имелась надпись:

ПРИГЛАШАЮ
ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ ПОСЛУШАТЬ МОЮ ИСТОРИЮ ЕЖЕДНЕВНО В ВОСЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА В ЗАПАДНОМ ПАРКЕ.

На самом деле он не предполагал делать то, что было написано на обратной стороне. Если бы у него была возможность, он послал бы кого-нибудь вместо себя, на случай, если люди придут. Однако истинная цель состояла в том, чтобы ввести в заблуждение возможных наблюдателей.

С уверенной улыбкой Стивен пошел дальше. Небо потемнело, и тротуары начали испускать свет, накопленный за день. Точно так же мерцали и стены магазинов. Люди бросали взгляды на Стивена, на его объявление и проходили мимо. Большинство смотрели неодобрительно, но внимательно наблюдавший за ними Далкинз замечал то там, то здесь немногих, реагировавших иначе.

Если представлялась возможность, он говорил каждому из последних:

— Надо же что-то делать, верно? Найдешь меня каждый день вечером в… — и он называл другой парк.

Самое интересное произошло, когда какой-то

краснолицый молодой человек внезапно зашагал рядом со Стивеном и спросил:

— У тебя есть план, как одолеть этих ублюдков?

— Конечно, — ответил Стивен.

— Я с тобой, и я приведу свою компанию. Меня зовут Джек.

— Отлично.

В первый вечер пришли десять никак не связанных друг с другом молодых людей, включая двух женщин, и сравнительно большая группа из семи решительно настроенных юношей и четырех равно искренних в своих намерениях женщин — это и была «компания» Джека.

Здесь никто не спрашивал зачем. Все собравшиеся понимали, что это нужно было сделать. И все испытывали облегчение при мысли о том, — что кто-то наконец решился сделать шаг, откуда нет возврата.

Складывалось впечатление, будто все они чисто интуитивно глубоко понимали существо проблемы, и *эта* часть воспринималась как должное. Обсуждались лишь детали того, что делать дальше. И конечно, у Стивена был свой план.

В этот первый вечер они создали Общество

ниспровергателей. По общему согласию было решено, что Стивену Далкинзу будет компенсирован его потерянный миллион. Каждый из присутствующих выписал чек на тысячу долларов. Постановили, что все будущие члены общества внесут ту же самую сумму в пользу Стивена.

— Может, ты и не вернешь свой миллион целиком, — сказал краснолицый парень, Джек Брукс, — но уж наверняка в наши ряды вольется не меньше решительно настроенных людей, чем тех, что стояли за убийством Александра Второго в России в 1881 году. Думаю, на пятьсот человек смело можно рассчитывать.

— А по-моему, их будет больше, — безапелляционно заявил Стивен.

К концу месяца один в обществе насчитывалось 2 782 члена. Каждый получил задание в течение месяца два найти еще пять недовольных. Общая сумма взносов составляла уже больше миллиона, и Стив заявил, что жертвует излишки в общую казну. Он рассказал о первых этапах своего плана небольшому внутреннему кругу заговорщиков, среди которых был и Джек. Они сообщили своим сгорающим от любопытства товарищам, что план «потрясающий», но решено не посвящать в

детали никого, кроме вожаков.

Общество ниспровергателей состояло уже из 53 064 членов, когда, по окончании месяца четыре, совершило свой первый акт открытого неповиновения.

Власти решили поставить общественность в известность о том, что представляет собой Стивен. Девушкам и женщинам настоятельно рекомендовалось вызывать полицию, если к ним приблизится невысокий молодой человек и начнет делать непристойные предложения. Бунер в своих отчетах писал, что вряд ли найдется женщина, способная устоять перед обаянием сексуально свободного мужчины. Однако, полагал он, Стивен не может быть уверен в этом и потому станет действовать очень осторожно.

Тем не менее, лежа ночью без сна, психиатр испытывал необычное для него, все возрастающее ощущение тревоги.

День за днем он отслеживал успех деятельности Стивена по числу чеков, выписанных на его имя. И по мере возрастания этого числа дрожь тревоги все чаще сотрясала тех членов Объединенного правительства, которые, по соглашению, были в курсе происходящего.

Чем больше эти люди нервничали, тем чаще

обращались за разъяснениями к Бунеру. У позвонившего в то особенное утро было мясистое лицо и резкий голос.

— Вы собираетесь что-нибудь предпринять в отношении этих мошенников? — спросил он.

— Мы готовы к проведению «зачистки».

— Что вы имеете в виду?

Бунер объяснил. В обществе появились беспокойные, решительные личности, движимые общим порывом уничтожить правительство, которое каким-то непонятным образом сумело досадить им.

Их нонконформистское и, безусловно, склонное к насилию движение несло в себе странную чистоту. Они любили друг друга и были преданы своим вожакам. Они были горды тем, что действуют заодно с человеком, у которого хватило воли растратить свой миллион долларов. После этого никому даже в голову не приходило оспаривать право Стивена Далкинза быть «боссом».

Это облегчало задачу полиции. Все чеки были выданы на имя одного человека и подписаны очень разборчиво. Каждый человек — юноша, девушка, женщина — были идентифицированы, и компьютеры разослали распечатки в полицейские центры по всей стране. Детективы

незаметно посетили соседей каждого из заговорщиков, так что теперь местонахождение всех было точно известно.

Общественность, конечно, не допустит ареста людей только потому, что они выписали чеки на имя Стивена Далкинза. Нужно, чтобы было предпринято какое-то противоправное действие.

Но что они могут сделать по отношению к совершенному миру? Этот вопрос Бунеру задавали чаще других, прозвучал он и сейчас. И психиатр ответил так же, как всегда.

— Двенадцать лет назад некто Чарли Гюйк возглавил мятеж, направленный против компьютерной системы образования. Двадцать три года назад восстание братьев Гилберт имело своей целью групповой метод избрания политиков. В обоих случаях *все* участники были арестованы, признаны «отчужденными личностями», осуждены и ликвидированы.

— Как вы полагаете, — спросила важная персона с мясистым лицом, — что собирается атаковать Далкинз?

— Что-то более основополагающее, так мне кажется.

— Ради бога! — взорвался политик. — Что может быть более основополагающим, чем атака на

политическую систему?

— Ну… — Бунер дипломатично попытался потянуть время.

Резкий голос зазвучал спокойнее:

— Как думаете, Далкинз знает, что мы можем отслеживать все эти чеки?

— Полагаю, знает, поскольку он перевел часть денег какой-то компании.

— А, вот оно что! Но, разумеется, в такой необычной ситуации…

Бунер с решительным видом покачал головой.

— Мы не имеем права проверять, как компании тратят свои деньги, поскольку это может быть отслежено их конкурентами. Нужно либо перепрограммировать компьютерную систему, либо власти должны сделать публичное заявление. Но нам не хотелось бы этого. Наша цель — поймать всех этих людей и избавиться от них.

Той же ночью, снова лежа без сна, Бунер как-то особенно расстроился, внезапно осознав, что прошло уже четыре месяца. И если бы фантазии Русли были верны хотя бы отчасти, насчитывались бы уже десятки изнасилованных девственниц. А расстроило Бунера вот что. Возможно ли, спросил он себя, что Стивен все эти месяцы вел себя как ответственный человек и не ударился в разгул?

И чем же он, в таком случае, занимается?

На следующее утро, выглянув из окна своего многоэтажного дома, он обнаружил, что погода восхитительная, небо голубое… Чуть позднее, когда он мирно ел изысканный завтрак, вспыхнул красный сигнал тревоги, сопровождающийся воем сирены. Потом на экране телевизора появилась платформа, на которую поднялся молодой человек и сказал:

— Леди и джентльмены, не пугайтесь. Это сообщение от Общества ниспровергателей. Мы временно захватили главные центры вещания на американском континенте. Мы хотим сказать кое-что, что, по мнению нашего лидера Стивена Далкинза, вам следует, знать.

Далее он объяснил и продемонстрировал (на себе и внезапно появившейся откуда-то девушке) химический метод, посредством которого может быть разорвана жесткая связь между состоящими в браке мужчиной и женщиной. Он назвал несколько пунктов в городе, где можно достать нужные препараты, и добавил, что подобные сообщения сейчас передаются с других центров по всей стране.

— Приготовьте чек на тысячу долларов, — настойчиво продолжал он, — и помните, что,

возможно, это единственный шанс получить шприц с веществом, делающим вас сексуально раскрепощенным человеком. Можно приобрести препарат, а уж потом решать, стоит ли его использовать. Если вы человек решительный, то будете действовать быстро, пока это можно сделать без помех, а обдумаете все позже.

Один из указанных пунктов находился на расстоянии около мили от дома Бунера. Спустя несколько мгновений он уже выскочил из двери, спустился на высокоскоростном лифте и поймал электротакси. По пути он выписал чек. Как он ни торопился, к тому времени, когда такси подъехало, около вертолета, стоящего на краю маленького парка, собралось уже несколько сотен мужчин и около пятидесяти женщин. Бунер протолкался вперед, размахивая своим чеком, и увидел, что три девушки и четверо мужчин раздают маленькие коробочки, а еще один мужчина и одна девушка принимают чеки, проверяют их и складывают в металлический контейнер.

Психиатр едва успел. Вручив свой чек, он с беспокойством дождался, пока его проверили, и схватил протянутую ему коробочку. Он еще только выбирался из толпы, защищая свою драгоценную ношу, когда один из молодых людей

закричал:

— Полиция! Рвем когти!

В считанные мгновения все девятеро со своими чеками и коробками оказались внутри вертолета. Дверь закрылась, и аппарат поднялся в небо, словно вспугнутый сокол. Почти одновременно с ним с ближайших улиц взлетели около дюжины других вертолетов.

Бунер вернулся в офис встрепанный, но довольный и немедленно сделал доклад на Высший уровень. Правительственная лаборатория в тот же день провела исследование вещества, обнаруженного в семи шприцах купленной им коробки, и подтвердила, что оно действительно содержит препарат, разрывающий жесткую сексуальную связь одного мужчины с одной женщиной.

Чуть позже пришло сообщение по компьютерной сети. В этот день Общество ниспровергателей продало 883 912 коробок, по цене тысяча долларов за штуку. Торговля велась в 6 224 пунктах. И все чеки были выписаны на имя Стивена Далкинза.

Власть и деньги отбрасывают длинные тени. В головах потрясенных «ниспровергателей» уже начали вырисовываться образы того, как в следующий раз они выручат за свои препараты восемь миллиардов или даже *восемьдесят.*

Слишком много. Ушей Стивена достигли разговоры по этому поводу. Он подумал: «Вот она, *поворотная точка».* В тот же день он набрал компьютерный код, связывающий его со всеми, кто принадлежал к узкому кругу. И встал перед камерой.

Его небольшие серые глаза сверкали, словно полированный мрамор. В них светился ум. Щеки пылали, худощавое тело было напряжено. Он решительно смотрел в объектив, стараясь пронзить взглядом каждого из своих зрителей.

Стивен объяснил свою точку зрения потрясенным членам общества; все они относились к возглавляемой Джеком Бруксом группе. И закончил так:

— Джек обладает большей дальновидностью и проницательностью, чем я. У каждого человека есть свои пределы. Мне кажется, я уже сделал все, что мог. Отныне… — Последовала драматическая пауза. — Отныне я отказываюсь от лидерства в Обществе ниспровергателей в пользу своего дорогого друга, Джека Брукса. Моя любовь и лучшие пожелания всегда с вами. — И добавил снисходительно: — Я буду выписывать чеки для осуществления всех обоснованных трат, как только организация сочтет нужным действовать

дальше. Вы всегда можете связаться со мной по коду. До свидания всем. Вы замечательные люди.

Как только голос Стивена смолк, в далеком доме молодой краснощекий человек, чье лицо в этот момент стало просто пунцовым, схватил видеотелефон, набрал нужный номер и закричал:

— Стивен, так тебя растак, что это значит — «обоснованные траты»? Я хочу получить доверенность на распоряжение всем твоим счетом, за исключением, может быть, десяти миллионов. Докажи, что ты говорил искренне.

Зная, что его слышит только Брукс — линия была защищена от прослушивания, — Стивен ответил:

— Если я не сохраню контроль над деньгами, у тебя может возникнуть искушение предпринять что-то против меня.

— Тогда прямо сейчас выпиши чек на двадцать восемь миллионов для следующей акции! — завопил Джек.

— О'кей, — ответил Стивен.

Когда дело было сделано, Джек Брукс принялся вышагивать по своей комнате взад и вперед.

— Этот сукин сын, — бормотал он, — собирается смыться, прихватив с собой восемьсот миллионов долларов, — Он остановился, нахму-

ривишись. — Сущий дьявол, вот кто он такой.

Брукс снова подошел к телефону, но на этот раз связался с доктором Бунером.

— Каждый вечер с наступлением сумерек Стивен Далкинз прогуливается в одном из парков, — сказал он.

Обдумывая, что делать с этим сообщением, психиатр провел по крайней мере три встречи.

Первую с инженерами-компьютерщиками и работниками администрации. Вопрос: можно ли запрограммировать думающие машины высокого класса на проверку 883 000 имен? Ответ: существует бесконечный поток строгой логики, совокупная информация обо всем, каждая сделка любого человека доступна компьютерам, в системе отсутствуют реальные барьеры… — следовательно, да.

Во второй раз Бунер встретился с директорами биохимических предприятий, проведшими для него некое расследование. Несколько месяцев назад уволился служащий, долгое время бывший членом доверенной группы, заведующей производством одного из семи ингредиентов препарата, продажей которого занимались «ниспровергатели». Расследование показало, что на протяжении многих лет он неофициально зани-

мался изучением препарата.

— У нас есть предположение, — заключил председатель совета директоров, — что семь или более человек, либо по отдельности, либо в сговоре, много лет работали в подобных лабораториях, по крохам собирая информацию в расчете продать ее кому-то вроде Далкинза.

Третья встреча Бунера состоялась с одним из комитетов Объединенного правительства. Ведущий экономист дрожащим голосом объяснил членам комитета, что система «Миллион долларов всякому достигшему восемнадцати лет» основывается на статистической реальности. Только она способна обеспечить стабильность общества. Дополнительный расход в одну тысячу долларов на человека, охватывающий достаточно большой процент взрослого населения, недопустим.

«Без сомнения, — подумал Бунер, — Стивен нанес совершенному миру удар ниже пояса…»

Проблема состояла в том, что с этим делать? Выступая сам, психиатр сказал, осторожно подбирая слова:

— Складывается впечатление, что попытка человечества контролировать половую жизнь сведена на нет Стивеном Далкинзом, причем это

всего лишь побочный эффект его движения к какой-то своей тайной цели.

Он указал, что если восемьсот тысяч человек совершают одинаковые варварские акты против какой-то системы, то теоретически в пересмотре нуждается система, а не личность.

Дав свои рекомендации, Бунер сделал следующий вывод:

— Я воздерживаюсь от предложения того или иного решения относительно самого Стивена. Ходят слухи, что он пытается разорвать связь со своими последователями. Это может оказаться непросто.

На следующий день Объединенное правительство через своего пресс-секретаря сделало следующее решительное заявление:

«Считаем недопустимым позволить 883 000 сексуально раскрепощенных мужчин открыть охоту на сто миллионов незамужних женщин. В соответствии с этим Объединенное правительство разрешает рынкам медикаментов сделать доступными препараты гормонального восстановления для тех мужчин, которые по достижении восемнадцати лет предпочтут не связывать себя узами законного брака. Цена набора должна составлять десять долларов. Имена тех, кто сделает такой

выбор, будут преданы огласке. Имена тех, кто уже приобрел эти наборы, но вернет их до конца текущего месяца, разглашаться не будут».

Когда Джек Брукс услышал эти роковые слова, он вскочил и с разбегу врезался в стену своей комнаты. Сила удара отбросила его назад, и он кинулся на вторую стену. Выпустив таким образом пар, он упал в кресло, размышляя над обрушившейся на него реальностью. А она была такова, что никто не станет платить тысячу долларов за то, что может купить за десять.

Мечты о восьми миллиардах превратились просто в пену ярости в его плотно стиснутом рте. И ярость эта была направлена на одного человека. Стивен наверняка знал, что так произойдет… Как расправиться с этим… этим… этим?

Стивен Далкинз — точнее, все четырнадцать Стивенов Далкинзов — отправился на свою вечернюю прогулку сразу после наступления сумерек. По крайней мере, так сообщалось в отчетах, полученных Бунером от агентов, разосланных им по всем городским паркам.

Возможно ли, что среди этих четырнадцати есть настоящий Стивен? На самом деле с точки зрения намерений Бунера это значения не имело. Он стоял на улице, ведущей к одному из парков,

и наблюдал, как молодой человек пяти футов шести дюймов ростом медленной походкой приближается к нему. Если это Стивен, то он хорошо замаскировался. Все более-менее запоминающиеся черты лица были тщательно загримированы.

Когда этот якобы Стивен оказался перед ним, психиатр быстро перешел улицу.

— Пожалуйста, передайте мистеру Далкинзу, — громко сказал он, — что доктор Бунер просит его позвонить. Передайте, что теперь он начинает понимать, зачем мистер Далкинз затеял все это…

Ничего больше он сказать не успел. Далкинз молниеносно развернулся, перебежал улицу и помчался по тротуару. Внезапно он, казалось, принял решение, что делать, и ринулся к автомобилю у обочины, в который садилась какая-то женщина. Между ними возникла борьба, в которой победил Далкинз. Машина рванула с места. Последнее, что Бунер увидел, это как она несется по улице, с Далкинзом за рулем и женщиной, откинувшейся на сиденье, с болтающейся туда-сюда головой. Миг — и машина скрылась из виду.

Спустя двадцать минут его люди обнаружили брошенную машину с лежащей на полу у переднего сиденья мертвой женщиной.

— Посмотрим, как он отмоется от *этого!* — воскликнул Джек Брукс, когда убийца позвонил ему и сообщил новости. Красное лицо Джека исказила — не то гримаса, не то ухмылка. — Отличная была идея — разослать по паркам четырнадцать Стивенов.

Настроение у него было хорошее еще и по другой причине. Существовала вероятность того, что значительный процент населения предпочтет получить препараты в обмен на машину или какое-нибудь другое имущество, а не платить десять долларов и оказаться выставленным на всеобщее обозрение. Скверно, конечно, что в совершенном обществе наличных денег как таковых не существовало, все платежи осуществлялись через компьютерную систему, но — Брукс пожал плечами — ничего не поделаешь, так было всегда.

В средствах массовой информации появилось сообщение об убийстве с изложением обстоятельств дела.

Стивен позвонил Бунеру в четверть четвертого.

А позднее…

Психиатр, прихватив свою аппаратуру, явился на оговоренное место встречи. Мужчина у входа

провел его в просторную, со вкусом отделанную приемную. Хорошенькая девушка проводила его в большой внутренний офис, ушла и плотно закрыла за собой дверь.

Бунер молча установил аппаратуру и только тогда повернулся лицом к сидящему за письменным столом молодому человеку. Стивен Далкинз взмахом руки указал ему на два свободных кресла: одно мягкое и одно жесткое. Доктор опустился в жесткое.

— Хмм, — заметил Стивен, — Мне было интересно, какой вы сделаете выбор, — он наклонился вперед с кривой улыбкой на лице: — Каково это, док, оказаться в положении подопытного кролика?

Доктор Бунер устремил на него пристальный взгляд светло-серых глаз.

— Стивен, к тому моменту, когда я начал свой путь сюда, были арестованы уже сорок тысяч членов Общества ниспровергателей…

— Это лишь одна из моих тайных квартир, — прервал доктора Стивен.

— Четверо из каждых пяти предпочли переселиться в одну из колоний в космосе, — продолжал доктор Бунер, проигнорировав замечание Стивена. — В этом случае они сохранят свои день-

ги. — Он мрачно улыбнулся: — Не каждый готов поставить на карту миллион.

— Выходит, только я в опасности?

— Стивен, — напряженно произнес Бунер, — кто убил или приказал убить эту женщину? — Не получив ответа, он заговорил снова: — Может, он уже арестован и подтвердит твои показания, — доктор кивнул на записывающую изображение и звук аппаратуру и настойчиво закончил: — Стивен, нет смысла сохранять верность тому, кто пытается повесить это убийство на тебя.

— Какова участь человека, которого обвиняют в убийстве? — после паузы спросил Стивен.

— В наши дни никого не обвиняют в убийстве, — последовал ответ, — Существует одно-единственное преступление — невозможность жить по законам общества, что приводит к объявлению человека «отчужденной личностью».

— Ладно, какова участь человека, который признан «отчужденной личностью»?

— Это закрытая информация.

— Ходят слухи, что всех их казнят. Это правда?

— Я не член совета, принимающего по этому поводу решения. Мне тоже приходится довольствоваться слухами. — На губах Бунера снова заиграла мрачная улыбка: — А скажи, Стивен,

как бы *ты* поступил с таким человеком?

Молодой человек колебался, это было заметно.

— Нечестно, — сказал он в конце концов, — что приговор выносят неотчужденные личности, а тот, кому они его выносят, возможно, имел в детстве травму, сделавшую его «отчужденным».

Бунер, однако, не позволил увести разговор в сторону.

— Стивен, сколько убийств совершили твои последователи за прошедшие четыре месяца?

Молодой человек грустно улыбнулся.

— Большинство из них проявляют свою «отчужденность» от общества другими способами, но те, кто считает это решением проблемы, убили около восьмисот человек.

— Зачем? Ты пытался выяснить, зачем они делали это?

— Жертвы говорили или делали что-то, что оскорбляло идеалы убийцы.

— Итак, — в тоне Бунера зазвучала печаль, всегда охватывающая его при столкновении с реальностью подобного рода, — в этой огромной Вселенной, где, по ее меркам, жизнь человеческая продолжается одно краткое мгновение, нашлись люди, которые, руководствуясь своими собственными безумными представлениями о

справедливости, лишили даже этого краткого мгновения бытия почти тысячу человек. Скажи, как следует поступать с такими людьми?

И снова их взгляды встретились. На этот раз юноша быстро отвел глаза. Хотя это было бесполезно. Он знал — четыре месяца тесного общения с людьми, имеющими искаженные представления о мире, не могли не оставить шрамов в его душе.

Приговор явственно читался на его лице.

— Его зовут Джек Брукс, — сказал Стивен.

Бунер застучал по клавишам, глянул на результат и сообщил:

— Он среди захваченных. — Последовали новые манипуляции с клавишами. — Компьютер задал ему вопрос, совершил ли он или приказал ли совершить убийство. Он отрицает все. Но сердце, легкие, печень, кровеносные сосуды выдают его. — Их взгляды встретились поверх прибора. — Ну, Стивен, я продолжаю придерживаться мнения, что тебя нельзя классифицировать как «отчужденную личность» и, следовательно — хотя трудно себе представить, что может быть такое, — существуют серьезные причины для того, что ты сделал.

— Думаю, вам имеет смысл пройти со мной

кое-куда, — ответил Стивен.

— Можно взять с собой заслуживающих доверия свидетелей?

— Да.

Бунер, секретарь Объединенного правительства, Русли и еще два важных человека стояли под кроной дерева на одной из тенистых улиц. Стивен пересек ее, направляясь к маленькому загородному дому.

Остановившись у ворот, он издал два длинных свиста и один короткий.

Прошла минута. Дверь дома распахнулась.

Оттуда выпорхнула молодая девушка. Или девочка? Нет. Она бросилась к Стивену Далкинзу и припала к нему с такой страстью, что ему пришлось отступить на несколько шагов. Вслед за тем эти двое — энергичная девушка и еще более энергичный юноша — слились в жарком поцелуе и тесно прижались друг к другу.

— Господи боже! — непроизвольно вырвалось у Бунера. — Он затеял все это, чтобы жениться на девушке одного с ним возраста.

Как будто услышав его слова или предполагая, что они могут быть произнесены или просто придут в голову Бунеру, Стивен повернулся и сказал в сгущающиеся сумерки:

— Все по закону; по крайней мере, теперь.

— Любовь, — пробормотал психиатр, — Я не думал ни о чем таком с тех пор, как отказался от малышки Эстер, когда *мне* исполнилось восемнадцать.

Внезапно ноги у него подкосились. Он упал на траву, смутно осознавая, что остальные в тревоге склонились над ним.

Ужасно нелепо, конечно, но слезы стыда струились по его щекам…

«В конце концов, — ворчал он на себя, — сейчас малышка Эстер стала уже взрослой Эстер, вышла замуж и высидела кучу маленьких эстерят. И кроме того, хорошо известно, что люди всегда перерастают свои восемнадцатилетние увлечения».

Эти доводы, неоспоримо истинные, проносились в сознании Бунера, не оставляя следов. Чувство, нахлынувшее на него из забытого прошлого, принесло с собой невыразимое словами понимание того, что у него никогда не было ни малейшего шанса пережить эмоции, которые только что продемонстрировали Далкинз и его возлюбленная. Ворча, помогая себе руками, Бунер с трудом поднялся и побрел по темнеющей улице.

Ему предстояло сделать множество важных вещей, в том числе вернуть себе тридцать лет, прожитых без любви.

Чем ни дыши, один черт

Хотя безумные разговоры продолжались годами, пика они начали достигать, когда мне исполнилось тридцать два. Об этих изменениях, которые надвигаются. О том, что после 11 мая в атмосфере не останется кислорода. То есть через тридцать два дня. Думаете, они кого-нибудь напугали? Только не меня, Арта Аткинса.

«Смиритесь! — вещали все масс-медиа, что ни включи. — Отправляйтесь в ближайшее убежище и сделайте это сейчас, не откладывая до последней минуты».

У меня были мои девочки, и моя игра, и моя шикарная квартира, и все, что душа пожелает; и в конце концов эта чушь начала действовать мне на нервы. Чем, по-вашему, я занимался большую часть времени по ночам с очередной девушкой? Отговаривал бежать в ближайшее убежище.

— Ради бога, — увещевал я ее в самой что ни на есть терпеливой манере, — там чуть больше кислорода, вот и все. Это лишь временная мера. Уж я-то знаю. Я один из тех, кто принимал участие в сооружении ближайшего убежища.

Произнесите это сотню раз в рыдающую груду

нежной женской плоти, и вам тоже станет скучно; а то, что происходило дальше, было ничуть не лучше.

В это утро телефон зазвонил вскоре после десяти. Я взял трубку, и на экране появилось изображение Моны. Мона — последнее приобретение моей отборной коллекции, сделанное всего полгода назад. В данный момент она была полностью одета.

— Я выхожу из игры, — заявила она.

— Послушай, — ответил я, скорее изображая удивление, чем на самом деле испытывая это чувство. — Как можно выйти из игры, в которой не участвуешь?

— Ох, тебе все шуточки, — надулась она и своим знаменитым движением отбросила назад золотистые волосы. Когда я впервые увидел, как она это делает, то чуть голову не потерял от эротических фантазий; и до сих пор не выработал к этому иммунитета. Тут до меня дошло, что она продолжает говорить. — В смысле… Я собираюсь переселиться в убежище. Этот воздух слишком плох для меня.

— Ты наслушалась болтовни этих сумасшедших, — сказал я. — Говорил же, не делай этого.

— Ну, может, тебе тоже стоит к ним прислу-

шаться, — выпалила она, явно выбившись из колеи и силясь справиться с собой. В конце концов это ей удалось. — До Большого дня остался всего месяц.

— Что еще за Большой день? — сделал я вид, что не понимаю.

Увы, экран уже опустел.

Я не торопился отзванивать ей; может, она рассчитывала на быструю реакцию, на то, что Арт Аткинс будет умолять ее, так вот нет, спасибо большое. Наконец где-то в полдень я попытался связаться с ней; телефон звонил и звонил, но никто не отвечал. До меня начало доходить, что, возможно, она действительно сделала то, о чем говорила.

Я положил трубку мягко, но при этом стиснул зубы. И просто сидел, качая головой. Удивительно! Эти ненормальные всегда добиваются своего. Всегда находятся такие ублюдки, которые делают жизнь еще более трудной. Ну что тут можно предпринять? Я в каком-то смысле сдался, пусть уж ловят момент.

У меня возникла другая мысль. Я внезапно понял, что сама Мона не сумела бы организовать все это так быстро. Она не привыкла затруднять себя. А тут… Ну, я решил плюнуть на некоторые

опасности и заковылял наружу.

Вам было бы интересно взглянуть на город, где я оказался, покинув свою квартиру на верхних этажах небоскреба. На тротуарах ни души, а над головой подернутое дымкой небо. Дымка не такая уж плотная на самом деле. Хуже то, что она держится постоянно.

Улицы точно вымерли; больше всего похоже на старые фильмы с видами европейских городов во время войны, когда всех жителей эвакуировали. Одни патрульные машины. Ну, я вышел и остановился; конечно, дышать без моих кондиционеров стало труднее. И жара. Уже перевалило за пять часов, а температура воздуха все еще выше ста. Это как-то связано с избытком в атмосфере углекислого газа.

Сдержав желание ловить ртом воздух, я заколебался. Стоит ли Мона таких усилий? И тут же понял: это вопрос принципа. Позволь одной девочке слинять, моментально и остальные разбегутся. И не успеешь глазом моргнуть, как будешь спать один-одинешенек.

Моне нужно преподать наглядный урок. Я должен иметь возможность сказать Хетти, Адели и Зое: «О'кей, сестричка, но не забывай, что случилось с дамочкой, которая решилась бросить Арта

Аткинса».

Место, куда я направлялся, находилось в сотне ярдов от центральной улицы Духов. Ну, я побрел туда и просто шутки ради попытался остановить одну из муниципальных цистерн со сжиженным кислородом, которые в эти дни во множестве курсируют по улицам. Уродливые штуки. Лично мне кажется, что, если хочешь вдыхать нормальное количество кислорода, нет смысла просто выпускать его в воздух. Эти цистерны представляют собой простейшие машины серийного производства, с электрическими моторами, перезаряжаемыми батареями и выступающими передними сиденьями.

Как обычно, никто даже не подумал остановиться, чтобы подвезти меня бесплатно. Поскольку я уже смирился, то поднял руку с зажатой в ней двадцатидолларовой банкнотой. И — пожалуйста, никаких проблем. Я сказал водителю, куда мне надо, и он кивнул на заднее сиденье. Дополнительного кислорода тут нет, но, по крайней мере, сидеть можно и бока не отобьешь.

За двадцать долларов я, как правило, езжу на переднем сиденье; но я воспринимаю этих парней такими, какие они есть. Оказавшись внутри, я показал ему деньги. Он кивнул на пепельницу

— дескать, положи туда — и потом выдал очередную банальность, улыбаясь с поджатыми губами:

— Если хотите, я отвезу вас к ближайшему убежищу, — и быстро добавил, как будто ожидая с моей стороны враждебной реакции: — Нечего храбриться перед лицом того, что на нас надвигается.

— Послушайте, я собираюсь навестить свою девушку, — терпеливо ответил я. — А уж если мне вздумается отправиться в убежище, я воспользуюсь своим *личным* входом.

Он, наверное, решил, что это шутка. В зеркале заднего обзора я снова увидел эти его поджатые губы. Тем не менее он, казалось, немного расслабился. И сказал тоном светской болтовни:

— Странные люди попадаются в последние месяцы. Естественный отбор дает нам новый взгляд на человеческую расу. Год назад у входа в убежище огромные толпы людей стояли лагерем. Это одна категория. Когда три месяца назад войти в конце концов разрешили, они хлынули внутрь. Потом появились другие категории; психологи насчитывают около сотни различных эмоциональных типов. Ну а сейчас возник особый тип взаимоотношений между мужчинами и женщи-

нами, где мужчина играет нехарактерную для него доминантную роль. — Он помолчал, явно колеблясь. — Можно задать вопрос?

Я удивился.

— Вы оказали мне любезность, согласившись подвезти. Конечно, спрашивайте.

— Почему вы как бы не удручены всем происходящим? — Он взмахнул свободной рукой, охватив этим жестом половину горизонта. — Ну, что кислорода не хватает? Грядет большое изменение. Почему вы не пытаетесь укрыться в безопасном месте?

В терминах здравого смысла это объяснить нелегко. Я и не стал пытаться, просто сказал с сожалением:

— Вы не похожи на школьного учителя, а я не настроен выслушивать лекцию на банальные темы. Может, это годится для ребятишек, но я, знаете ли, уже четырнадцать лет как окончил среднюю школу.

— И все же, — с той же улыбочкой настаивал он, — вы хотите жить. — Он не рассчитывал, что я смогу умереть естественной смертью. — Природа больше Человека; и, уж конечно, она больше одного человека. В виде исключения на этот раз *все* должны объединиться.

Настала моя очередь улыбаться.

— Если все должны, — сказал я, — значит, все будут. В чем проблема?

Он бросил на меня обеспокоенный взгляд.

— Решение о том, что делать, принимали квалифицированные ученые. Некоторые люди выступают против этого решения, — он говорил все это, наполовину как бы обращаясь к себе, споря с сомневающейся частью собственного сознания. — На этой поздней стадии они ничего не могут сделать. Что вы думаете об этом?

— Я никогда об этом не думал.

И это была правда, потому что все, что я делаю в отношении коварных человеческих существ, всегда носит оборонительный характер. Это они выступают первыми против меня. И тогда проявляется моя защита. Все очень просто.

— В данный момент я хочу нанести визит своей девушке.

Он в недоумении покачал головой.

— Мистер, — сказал он, — вы либо полный идиот, либо в сто раз лучше меня самого. Удачи.

Он высадил меня на улице Моны, помахал рукой из своего мобильного кислородного убежища и укатил. Я двинулся дальше, слегка уязвленный его последними словами и мысленно возражая

ему.

«Что я есть, — говорил я себе, — человек, понявший суть проблемы раньше многих других. И потом, я предпочитаю разбираться с неприятностями по мере их поступления… Ради бога, нехватка кислорода станет проблемой только через месяц, вот тогда я и займусь ею. Когда начнется фторный дождь, я вытяну руку, капли упадут на нее, я принюхаюсь к ним — в случае, если к тому времени этим запахом не пропитается вся проклятая Вселенная. И тогда… Ну, настанет время сесть на коня, фигурально выражаясь, и поскакать к моему личному входу в убежище».

Действуя подобным образом, я заработал свой первый миллион, когда мне не было еще и двадцати пяти, — в мире, который катился к закату и почти все остальные сидели в оцепенении. К двадцати восьми я стал одним из самых богатых подрядчиков; на случай, если вы не в курсе, это сфера, в которой можно сделать очень большие деньги, в особенности если вы заблаговременно знаете, где хоронить тела. Естественно, в те прошлые годы приходилось нелегко, не многое удавалось спланировать наперед. Мы, в некотором роде, строим мосты. Оказываем помощь людям через трансформацию. Как только убе-

жище построено, детали того, что происходит дальше, — моя сфера. В основном химические, биологические, медицинские — тысячи молокососов с ясными глазами слушают лекции о том, как делать инъекции препарата, превращающего элементы кислорода в элементы фтора. И забота, и питание во время трансформации.

Прекрасно. Это должно быть сделано. Но не надоедайте мне с этим.

К тому моменту, когда я поднялся в лифте на этаж Моны, я закончил свои размышления. И спустя минуту осторожно вставил ключ в дверь 412-Д.

Я заранее все обдумал. Ласковый разговор успокоит ее, а потом — в постель. Если все получится как надо, на том и конец. Но если нет…

Я не собирался сильно бить Мону. Зачем она мне без своего хорошенького личика и соблазнительного тела? Поэтому действовать грубо не имело смысла. Кроме того, я вообще не сторонник насилия — за исключением тех случаев, когда без него не обойтись. Одна смачная пощечина заставит ее задуматься, и кости останутся целы. Может, немного крови и синяк — чтобы не забывала. Тот, кто знает женщин, поймет, что я собирался действовать исключительно мягко.

Дверь открылась, я вошел внутрь. Остановился, оглядываясь по сторонам; и, должен признать, как всегда оказался под впечатлением абсолютно восхитительного интерьера.

Мои нынешние девушки живут как королевы, и даже те, кому я дал отставку, не бедствуют. Я даю каждой новой возлюбленной карт-бланш во всем, что касается убранства ее жилья. Не сомневайтесь: если подбирать девушек тщательно, они сумеют воссоздать собственную мечту. Мона обладала особым художественным вкусом.

Поэтому я осматривался, искренне очарованный. Но было как-то пусто. Я прошел через роскошную гостиную, заглянул в музыкальную комнату, в библиотеку, проверил кухню и наконец оказался в великолепно отделанной спальне.

Она сделала это! Я опустился на пышную, поистине королевскую постель и позволил поглотить себя безумию того, на что она решилась. И страшно разозлился. Меня не так-то просто вывести из себя. Однако я чувствовал, как жар ярости прихлынул к щекам и разливается по всему телу до самых пяток, словно мне сделали укол витамина B. Я даже почувствовал во рту его вкус. Короче, я был просто вне себя.

— О'кей, бэби, ты сама напросилась, — произнес я вслух.

...Оказавшись внутри убежища, я нацепил свой маленький значок — один из тысячи типов. И, таким образом, стал человеческой молекулой. Люди кишмя кишели во всех коридорах. Для любого, кроме человека вроде меня (который знал, что происходит на всех стадиях строительства), это выглядело как всеобщее столпотворение.

Я прокладывал свой путь вниз на уровень X — поскольку фамилия Моны Хенесси, — точнее, перемещался на скользящей дорожке. Мне нужно было в восточную секцию, именно там располагалось X.

Это потребовало немало времени. Кретин с простецкой физиономией задержал меня на проверочном пункте, изучая мой пропуск. Однако этот пропуск давал мне очень широкие полномочия. Не VIP — слишком легко поддается проверке. А соответствующее количество вспомогательных разрешений, больше, чем у кого-либо другого в этом бардаке.

Ну, он в конце концов пропустил меня. Неохотно. Некоторым людям просто не нравится форма моей бороды. Именно такое выражение сквозило в его глазах. Но — поделать он ничего не мог.

Оказавшись в зоне X, я всего лишь ввел имя Моны в первый же секционный компьютер, который увидел. На экране тут же возник номер ее комнаты.

Я принес с собой подглядывающее устройство и прикрепил его к стене ее комнаты, выходящей в боковой коридор. Сцена, тут же возникшая на маленьком экране, должна была бы заставить меня насторожиться. Помещение было рассчитано на семью. У Моны не было семьи. Однако она была здесь, одетая точно так, как утром, когда я увидел ее на экране видеофона. С ней был мужчина с прилизанными волосами. Ага, вот в чем, значит, дело.

Бойфренд? Похоже на то. Он взял руки Моны в свои и приник к ней в долгом поцелуе. Наблюдая за ними, я лишь покачивал головой, поражаясь женской природе. Мона пришла сюда не для того, чтобы вдыхать больше кислорода. Она пришла сюда, очарованная широкими плечами и пронзительными черными глазами.

Я разглядел эти глаза, когда он отпустил ее и направился к двери. Насколько я смог определить при таком мелком изображении, ему было лет двадцать шесть — двадцать восемь (Моне двадцать два). В сознании вспыхнул вопрос: они

женаты или просто сожительствуют? Свободный мужчина быстро научается распознавать это постоянное стремление женщины завлечь его в семейные сети еще до того, как она сама осознает его. Я всегда старался с самого начала научить своих подружек даже не мечтать о том, чтобы выйти замуж за Арта Аткинса.

Он повернулся к двери, и я смог разглядеть его как следует. То, как он держался, позволило мне воспринять его по-новому. Он излучал определенный, достаточно высокий уровень целеустремленности. Следы власти; я научился распознавать их, пока делал карьеру. Обычно я в таких случаях просто отступал — до тех пор, пока не выяснял, что к чему. Но в таком кавардаке это было невозможно. Я выждал две минуты после того, как он вышел, завернул за угол и позвонил.

Мона открыла дверь.

И, едва увидев меня, попыталась ее закрыть. Но я, конечно, был начеку и успел просунуть в щель ногу. Прорвавшись внутрь, я сказал:

— Не волнуйся. Я просто хочу поговорить с тобой.

Это не в полной мере соответствовало действительности, но не было и откровенной ложью. То, что я обнаружил ее здесь с мужчиной, изменило

ситуацию, и с каждым мгновением моя позиция претерпевала дальнейшие изменения — в соответствии с тем, как я обдумывал неприятную реальность того, какого уровня мог быть этот мужчина.

Она продолжала пятиться от меня к двери на кухню. Я неторопливо преследовал ее. Я хотел получить информацию, но не знал, как начать.

Прежде чем я успел приступить к делу, меня кое-что отвлекло. Звук. За спиной. Я молниеносно обернулся. Из коридора, который вел в спальни, вышли несколько мужчин. Со специальным электрошоковым оружием в руках, которое обычно применяет полиция. Когда я повернулся лицом к ним, они остановились тесной группой, разглядывая меня.

Их было пятеро против меня одного. Я остался на месте, держа руки на виду. Мне приходилось слышать, какое воздействие оказывает шоковый пистолет, и мне не хотелось испытать… Дальним уголком сознания я снова отметил, откуда они вышли, и рассудил, что они, скорее всего, проникли сюда через дверь в конце коридора из соседнего помещения. Наверное, мне следовало учесть такую возможность.

Я не испытывал досады на себя. В конце кон-

цов, нельзя предусмотреть все. По-видимому, я нарвался на заговорщиков, участников всепланетного сопротивления тому, что собираются предпринять власти. Слухи о подобном заговоре доходили до меня, но до сих пор не было случая, чтобы кто-нибудь из них заинтересовался моей персоной.

Вот так сюрприз!

Двоим из этих людей было за двадцать, двоим за тридцать, а еще одному сорок два — сорок три года. Именно этот человек обрисовал ситуацию в той ее части, которая касалась меня. По его словам, заинтересованные в том, чтобы захватить влиятельного человека моего типа, они использовали Мону в качестве наживки. Я моментально вспомнил вечеринку, где мы с ней познакомились.

— Но там было множество хорошеньких девушек, — возразил я. — Вы хотите сказать, что все они?..

Он кивнул. Его товарищи продолжали без улыбки рассматривать меня.

Я припомнил подробности той вечеринки. Политического раута, фактически организованного одним из местных «шишек». Он, видимо, тоже принимал участие в заговоре и постарался

сделать так, чтобы мне стало известно об этом сборище. Я пришел туда исключительно в своих коммерческих интересах.

— Не имело значения, — объяснил мне тот же человек, — на какую из девушек вы обратили бы внимание. Все они были посвящены в наш план помощи дышащему кислородом человечеству.

— Н-но… — Вообще-то я хотел спросить: «Почему именно я?» Но тут у меня возник другой вопрос. — Тем не менее эта роль наверняка предназначалась именно Моне. Она пришла в конце вечеринки и, едва появившись, произвела на меня впечатление. Так и планировалось?

Нет, нет, заверили меня.

Ее появление вообще стало следствием недоразумения. В числе первоначально выдвинутых добровольных «приманок» ее не было. Она и ее жених занимались другим делом, и Мона появилась совершенно неожиданно. Потом уже, когда я обратил на нее внимание, она сама вызвалась развить наши отношения, и это предложение было немедленно принято доведенным до отчаяния главой заговора.

Все эти откровения породили массу вопросов. Главный из них: что делать дальше? В кризисные моменты — а это, несомненно, был один из

таких — я, как правило, стараюсь наметить себе достижимую цель.

Что делать, если тебя захватят врасплох?

Я находился в помещении на одну семью, но чертовски маленьком. Пять человек плюс я плюс Мона — вместе получалось многовато. К этому моменту пятеро оттеснили меня к стене; не было никакой возможности проскользнуть между полными решимости вооруженными людьми. К такого рода неравенству в соотношении сил следовало отнестись с уважением.

Значит, попытка прорваться не могла быть моей целью. Шансы на успех равны нулю.

Да, в таком трудном положении я, пожалуй, не оказывался ни разу за всю свою карьеру.

Никакой цели — кроме одной: обрести цель.

А что Мона, с помощью которой эти люди поймали меня? Сейчас она стояла чуть в стороне, и щеки ее заливал яркий румянец… Смущается, подумал я, стыдится.

При виде этого я слегка воспрянул духом, поняв, что передо мной дилетанты. Искренние люди. Калькулятор в моем мозгу быстренько просчитал, какую цену ей пришлось заплатить; по моим подсчетам — учитывая, что она оказалась девственницей, как выяснилось в процессе наших

взаимоотношений, — эта цена была огромна. Я посещал каждую из своих девушек четыре раза на протяжении восьми дней; умножьте-ка это на шесть месяцев, и у вас перехватит дыхание. В особенности с позиции жениха, внезапно отошедшего на второй план.

Да, пока я в плену, лучше не оставлять меня наедине с Черноглазым и Широкоплечим.

…Все эти мысли молнией пронеслись в моей голове. Потом, осознав невероятность всего происходящего, я задал вопрос, возникший у меня прежде.

— Но почему? Почему *я?*

В этот момент старший из них выступил вперед. Все-таки забавные существа люди! До того он оставался в группе, как бы идентифицируя себя с остальными и не претендуя на лидерство. Он мог и дальше продолжать эту маленькую игру. Однако сейчас мы добрались до сути, что, слава богу, вызвало у него всплеск нервной энергии. Не отдавая себе в этом отчета, он продемонстрировал, где, как считало его «эго», ему самое место: впереди.

Вам ни за что не вынудить Арта Аткинса выйти из роли, которую он намерен играть. Если потребуется, я могу притворяться до дня Страшного

суда. Это еще раз доказывало, что передо мной дилетанты.

Выяснилось, что люди вроде меня рассматривались заговорщиками как способные сыграть решающую роль в надвигающемся кризисе. Другим подсунули своих «Мон», а мною занялись в связи с тем, что мне принадлежало наше местное убежище.

По всей Земле с людьми, владеющими убежищами — другими версиями Арта Аткинса, — произошло сегодня то же самое, что и со мной (их девушки внезапно решили укрыться в убежище, и они отправились разыскивать их).

— Послушайте, — запротестовал я, — единственная причина, почему я последовал за Моной, состояла в… — Мой голос сошел на нет.

Их лидер мрачно улыбнулся.

— …наличии у вас как мужчины стремления властвовать, сравнимого с тем, которое было присуще дикарям каменного века.

Меня, однако, больше заботило, что я могу сделать. Я покачал головой, отвергая эту аналогию. В конце концов, у меня была одна цель — хорошенько врезать Моне.

Я перешел к тому, что вызывало у меня наибольшее недоумение.

— О'кей, теперь ясно, что я для вас в некотором роде ключ в надвигающемся кризисе. *Но ключ конкретно к чему?*

Все с той же мрачной улыбкой он объяснил мне…

«Конечно, — подумал я. — Неплохо…»

То, что они до этого додумались, говорило в их пользу.

Однако вряд ли они полностью во мне уверены. А что, если я откажусь?

Лидер, видимо, умел читать мысли, потому что улыбнулся, на этот раз обнажив зубы.

— Вы могли бы заметить, мистер Аткинс, что мы люди деловые. Естественно, мы не знаем в точности, что по вашей милости сооружено в этом убежище. Однако Арт Аткинс в Пекине является также министром правительства, и то, что он сделал, в принципе представляет собой кислородный конвертер рядом с огромным резервуаром с водой; в решающий момент эту воду можно освободить и затопить часть убежища. В Берлине Арт Аткинс установил между цистернами с кислородом цистерну с аммиаком, и в решающий момент мы позволим кислороду и аммиаку смешаться. Здесь, в Нью-Йорке, мы имеем… — Он снова обнажил зубы в улыбке. —

Мне продолжать?.. В некоторых случаях для получения информации приходится прибегать к пыткам, — поспешно добавил он.

Я вздохнул. Я никогда не относился к числу супергероев. Все, что я хотел, это защитить себя от интриганов, чтобы иметь возможность продолжать заниматься своим бизнесом.

— Мой метод, — сказал я, — состоит в применении одной из этих бомб, в которых происходит цепная реакция, снабженной не меньше чем сотней запальных устройств. Достаточно активизировать одно, и произойдут тысячи взрывов. Почему бомба? Я, знаете ли, предпочитаю вещи попроще.

Когда первое волнение улеглось, они заметно посерьезнели. Зачем я это сделал?

Я мог лишь пожать плечами.

— Поразмышляйте об этом, — сказал я. — Эксперты уверяют, что человечество вынесет биологическую трансформацию. Правы ли они? Может быть. А может быть, и нет.

По мне, ученые всего лишь люди. Часто приходится слышать: «Ученые рекомендуют…» Какие конкретно ученые? Потому что обычно существует другая группа равным образом обученных, опытных экспертов, которые говорят «нет»; толь-

ко, увы, их губы дальше от начальственного уха.

Мне еще двадцати не исполнилось, а я уже понял, что это был вопрос чистой случайности. Первый огромный успех с животными, потом с человеком, эмбрионы, выращенные на тех лунах Юпитера и Сатурна, которые имеют атмосферу, и, в конце концов, с помощью управления на расстоянии на самом Юпитере — это были головокружительные победы так называемой школы космической биохимии. Биохимики стали королями науки. Это была взлетная площадка для любого химика. И конечно, когда разработали сыворотку Д и ее вариации, превращающие любого взрослого, дышащего кислородом, в дышащего фтором или — это был уже следующий шаг — в дышащего хлором (они действительно вдыхали эти вещества — и выжили), истерия достигла наивысшего размаха.

Однако уже очень давно я встретил эксперта, который сказал:

— Мы слишком торопимся. В данный момент дышащий фтором человек кажется нам величайшим достижением. Но прошло всего сорок два года с момента появления первого из них. Могут быть и побочные эффекты. Почему бы не подождать еще лет тридцать?

На это время (с чем соглашались даже сомневающиеся) кислорода на Земле хватило бы.

Мое собственное ощущение после того, как я задал несколько вопросов астрономам, таково: где-то в космосе могут быть огромные куски замерзшего кислорода, по размеру схожие со фторсодержащими метеоритами, сейчас летающими на близкой к Земле орбите.

Почему не подождать несколько лет, пока они, может быть, будут обнаружены? Тогда это была просто мысль. Она не завладела мной. И тем не менее — с учетом характерной для меня предусмотрительности — взрыв представлял собой возможность, которую не следовало упускать. И это был способ действительно контролировать ситуацию. Постольку поскольку.

Я *всегда* заранее принимаю меры предосторожности. Помню, однажды у меня был контракт со строительным банком. Просто шутки ради, на случай, если когда-нибудь понадобится проникнуть в подвал банка, я сконструировал под ним тайный туннель. В планах этого туннеля нет, да и не собирался я его никогда использовать. Но он меня ждет.

…Я вышел из задумчивости, и тут мне сообщили: они хотят, чтобы завтра в одиннадцать утра я

взорвал кислородный агрегат.

Я испугался. Все происходило слишком быстро, и у меня не осталось времени обдумать некоторые существующие факты.

— Со всеми этими людьми рядом? — запротестовал я.

Они не отвечали, просто молча ели меня взглядами. Я смотрел на них, не зная, как выйти из затруднительного положения.

В каком-то смысле проблемы здесь не было. Нечего решать или намечать себе какую-то цель. В общем и целом я сам склонялся к тому, что должен сделать то, что заговорщики хотели от меня. В глубине сознания я чувствовал полное — почти полное? — сопротивление тому, чтобы превратиться из дышащего кислородом в дышащего фтором.

Ох, однако вряд ли я сделал бы что-то вроде этого по собственной воле. И даже сейчас немного трусил при мысли, что погибнут люди. Но, спорил я сам с собой, люди умирают каждый день либо от нехватки кислорода, либо от психических перегрузок, вызванных надвигающимся кризисом.

Принимал ли я решение, стоя там?

Это не казалось проблемой выбора решения.

У меня не было выбора. Если я откажусь, меня

подвергнут пыткам, в этом я не сомневался. И у них впереди ночь и день, чтобы втыкать в меня свои иглы.

Я снова и снова вглядывался в их лица, и они молча смотрели на меня.

Довольно нелепо, подумалось мне, когда человека принуждают сделать что-то, против чего он и сам не возражает.

Тем не менее существовали важные и, мягко говоря, неприятные аспекты, которые следовало обсудить открыто.

В моем взгляде появился оттенок вопроса.

По выражению их физиономий было ясно, что они не настроены выслушивать какие бы то ни было возражения. Поэтому я был краток.

— Они все восстановят. И в следующий раз установить бомбу не удастся.

Лидер нетерпеливо отмахнулся. На это уйдет год, два, даже, возможно, три.

— К тому времени мы придумаем что-нибудь еще.

Я молчал.

Они восприняли это как знак согласия, и, должен признаться себе самому, так оно и было.

Начали обсуждать детали. Похоже, дружок Моны сумел проникнуть в высшие круги. Это

ему предстояло провести меня через охранную систему, защищающую кислородные агрегаты.

Когда я это услышал, меня затошнило.

— Могу я поговорить с Моной? — спросил я в конце концов.

Никто не возражал. Я подошел к ней. Все время, пока мы разговаривали, она избегала моего взгляда. Однако ответила на все вопросы.

— Как его зовут?

— Теренс О'Дэй.

Имя этой семьи было мне известно. Крупные местные политики. Однако мне приходилось слышать об отце, не о сыне.

— Он ревновал?

— Он сказал, что у него уже были девушки до встречи со мной. Поэтому вполне честно, если у меня будет другой мужчина, и даже не один… — Она быстро добавила: — Он разозлился на меня, что я появилась там так рано, но, раз это уже случилось, покорился обстоятельствам.

Казалось, она простодушно — как это свойственно девушкам и женщинам — верила в это. Естественно, я полностью отверг ее объяснения. Одно не вызывало сомнений: у бедняги не было выбора, после того как она совершила ошибку.

— Ты увидишься с ним до одиннадцати зав-

трашнего дня? — спросил я.

— Сегодня вечером, — неохотно, отвернувшись, ответила она.

Во мне вспыхнула ревность. Что-то в ее лице подсказывало, что она проведет с ним ночь.

(Те, кто смотрит со стороны, уверены, что мужчину, имеющего четырех возлюбленных, не волнует, с кем они проводят свободное время. Ну, они ошибаются.)

— Ты останешься на ночь в этой квартире под охраной, — сказала Мона. — А я буду… — вызывающе, — с Теренсом.

Я сумел взять себя в руки и сказал с жаром:

— Хочу, чтобы ты объяснила ему, что я сожалею о случившемся. Что я никогда сознательно не флиртую с женами и подругами других мужчин.

Это не совсем соответствовало действительности. Где найдешь хорошенькую девушку старше четырнадцати, чтобы у нее не было парня? Однако важно было солгать убедительно.

— Ты передашь ему это?

— Да, передам, — ответила Мона. До нее, похоже, только сейчас дошло, почему я заговорил об этом. — Ты можешь доверять ему, поверь мне. Ты, наверное, думаешь о жертве, которую он принес, позволив мне… — Она порывисто повернулась

и положила руку мне на плечо. — Удачи, Арт. Пожалуйста, не подведи нас.

Однако в глаза мне она по-прежнему не глядела. Ну, я повернулся к мужчинам, пожал плечами и спросил:

— А вы как считаете?

Старший промолчал. Ответил один из тех, которым было за тридцать:

— Он с нами с самого начала. Он принес в жертву делу свою девушку. Какие вам еще нужны доказательства?

Пришлось согласиться, пусть даже против воли.

— Я рассказал вам о своих предварительных приготовлениях, — сказал я, — но они были сделаны без расчета на конкретный план. Одно скажу: если я не смогу добраться до пускового механизма, тогда все. Никакого другого способа я не знаю.

На следующий день я действовал, как мы договорились. Проявляя несвойственную мне неуклюжесть, налетал на людей и видел, как Теренс каждый раз скрипит зубами, проходя мимо, точно мы не знакомы. В эту игру мы играли с самого начала, по его предложению. На случай, если столкнемся с чем-то важным. Дважды я

останавливался, а один раз даже упал; во всех случаях Теренс обогнал меня на двадцать футов, с небрежным видом остановился, медленно повернулся и дождался, пока я снова окажусь впереди.

В данный момент, по моим оценкам, до емкости с кислородом оставалось меньше двухсот ярдов — совсем недалеко от того места, где я установил пусковой механизм. И тем не менее никаких признаков охраны. Может, хваленая система безопасности просто миф? Спустя несколько секунд я завернул за угол…

И услышал быстрые шаги. Меня крепко обхватили сзади, сжали запястья, завели руки за спину и соединили их. Сначала я автоматически оцепенел, но к этому моменту уже расслабился.

На запястьях защелкнули наручники. Я сдержал порыв повернуться и посмотреть, схватили ли Теренса. И поступил так потому, что на самом деле это не имело никакого значения; факт оставался фактом — это была ловушка, и именно он заманил меня в нее.

Внезапно меня озарило. Может, в этот момент по всему миру были схвачены около двадцати других «Артов Аткинсов», усилиями стольких же «Теренсов». Мне было сказано, что сегодняшняя акция должна состояться во всех двадцати трех

больших убежищах. Заговорщики полагали, что, если все они будут уничтожены (а вместе с ними больше тридцати миллионов человек), угроза трансформации людей в дышащих фтором исчезнет.

Поскольку меня не убили сразу, я подумал, что предстоит очная ставка, — и невольно улыбнулся. Бедные глупцы! Думают, что они могут перехитрить Арта Аткинса, прибегая к таким элементарным тактическим приемам.

Больше размышлять мне не дали, погнав по коридору. Вместе со мной бежали не меньше дюжины человек.

Так же неожиданно, как начали, мы остановились. Открылась дверь, свет выплеснулся в коридор. Меня втолкнули в большую, ярко освещенную комнату.

— Черт, всегда есть кто-то, кто живет лучше.

Нет, жаловаться я не имел оснований. Все эти годы я жил как король. Однако здесь, в убежище, комнаты были крошечные, и в огромных общих спальнях нижних уровней каждый человек мог рассчитывать лишь на койку, которые располагались ярусами.

Комната, где я оказался, выглядела жилой. Здесь стояли диваны и резные столы, а с одной

стороны возвышался помост, крытый ковром, — комбинация музыкальной комнаты и библиотеки. Правда, кое-что на этом помосте казалось неуместным: на него втиснули стол для совещаний, за которым сидели четыре холеных старца.

Через полуоткрытую дверь я успел мельком разглядеть другие комнаты и в одной из них молодое женское лицо. Дверь тут же закрыли. Но здесь, несомненно, жил кто-то, кому было даровано право иметь гостиную шестьдесят футов на сорок и спальню под стать.

Меня подвели к основанию помоста. И теперь, впервые после поимки, я снова увидел Теренса.

Без наручников.

Он стоял справа от меня, с бледной, циничной улыбкой на лице. Одежда в полном порядке. Ясное дело, никто не пинал его.

— Я ни на мгновение не выпускал его из виду, — сказал Теренс, обращаясь к сидящим за столом, — и он не имел возможности ничего сделать. Кроме того… — презрительно, — он трус. Мне приходилось видеть перепуганных насмерть людей, но этот парень так слаб в коленях, что едва мог стоять.

Один из сидящих на помосте, с холодным лицом и суровыми серыми глазами, пристально

разглядывал меня. Он был в цивильной одежде, но манера держаться выдавала в нем военного. Я никогда прежде его не видел.

— Мистер Аткинс, я генерал Питер Симонвилл, — звучным голосом произнес он. — Глядя на вас, я вижу хладнокровного, решительного мужчину около шести футов ростом. Я вижу в ваших глазах то же выражение жалости к себе, которое привык видеть в глазах своего старшего сына. Однако женщины гоняются за ним, и, насколько я могу судить, вы тоже из тех, кого они называют «настоящими мужчинами». Ни разу не видел своего сына испуганным, и в ваших глазах также нет страха. Мой вопрос таков: вы имели возможность включить пусковое устройство бомбы?

— Нет! — соврал я.

Генерал бросил взгляд на Теренса О'Дэя.

— Сейчас, — он посмотрел на свои часы, — без двадцати одной минуты одиннадцать. У нас пять минут на то, чтобы вытянуть из него информацию, и еще шестнадцать, чтобы предотвратить взрыв. Вполне хватит. — Он перевел взгляд на меня: — Отдаю вас в руки вашего соперника, мистер Аткинс. И, должен сказать, он получил от меня карт-бланш.

Крутой человек генерал Симонвилл — я вынужден был признать это. Но я молчал, просто следил взглядом, как Теренс поднимается на помост, обходит стол и садится. Взгляд его черных глаз впился в меня.

— Выбросите из головы всякую мысль о разрушении системы, — заявил он. — Неужели не понятно, что такой секрет невозможно утаить? Власти вот уже три-четыре года знают о бомбе, просто им было неизвестно, кто ее установил.

Я стоял и слушал. Кто они такие, чтобы воображать, будто имеют право учить других? Такого рода чушь я понимал, когда мне было еще шестнадцать. Никакой секрет невозможно утаить. Конечно. Подумаешь, новость! Пусть себе выплывает наружу, и пусть эти кретины тайно торжествуют победу, и пусть принимают всякие меры вроде удаления запалов и взрывчатки. Тем временем там, где на самом деле установлена бомба…

Я невольно улыбнулся и покачал головой.

Пронзительный взгляд генерала Симонвилла, казалось, проник в мои мысли.

— Послушайте, Арт, — сказал он льстиво, — все, что мы нашли, не то, да? Мы не слишком преуспели, верно?

Пока он говорил это, я внезапно кое-что понял… Ради Пита, я нашел решение.

Никто ничего не может сделать, вот что до меня дошло. На применение пыток ко мне у них не хватит времени. Может, шестьсот, а может, семьсот секунд. Значит, им не повезло, если только я не сделаю поворот на сто восемьдесят градусов.

— Мы захватили Мону? — спросил Теренс О'Дэй.

Я пожал плечами. Маленькая шпионка.

И только тут до меня дошло, кто это сказал.

— Почему вы?.. — запоздало среагировал я.

— Как только мы с вами покинули комнату, где вы провели ночь, военные захватили тех пятерых заговорщиков, — продолжал Теренс. — И Мону тоже. Все шестеро преступников были брошены в помещение, где находятся плантации выделяющих кислород растений. Если кислородный агрегат взлетит на воздух, то они взлетят тоже.

Перед моим внутренним взором возникла Мона. Золотистые волосы обрамляют лицо. Пройдет несколько минут, и нежное тело, так гармонирующее с прекрасным лицом, разлетится на тысячи кусочков, и все вокруг будет забрызгано ее кровью.

Это зрелище медленно погасло в моем созна-

нии. С какой стати меня должно беспокоить, что случится с… обманщицей. Это ничего не меняло. Но я сказал лишь:

— Она ваша девушка, не моя, мистер О'Дэй.

Его лицо внезапно стало мертвенно-бледным.

— Дрянь! — взорвался он. — Пусть маленькая шлюха сгорит заживо!

Я широко распахнул глаза, глядя на него; в голове билась одна мысль. Женщины, которые связываются с людьми типа Арта Аткинса, впоследствии никогда не опускаются до заурядных мужчин.

— Эй! — сказал я. — Спорю, она не спала с вами этой ночью.

Мерзко было так говорить. Но что делать, если тебя загнали в мерзкую ситуацию?

Хорошо, что взгляд черных глаз не убивает, иначе я уже был бы мертв.

Должен признать, что, когда я глядел на это красивое лицо, искаженное ненавистью и ревностью, внутри меня начал нарастать гнев. Торопливо, чувствуя, что слабость может изменить мое решение, я постарался обозлить Теренса О'Дэя еще больше.

— Это тоже игра — то, что он якобы возмущен ее поведением? Часть игры, задуманной, чтобы

ввести меня в заблуждение?

Все это было ни к чему. Несмотря на все усилия, перед моим внутренним взором продолжало маячить зрелище охваченных пламенем золотистых кудрей и разлетающегося на клочки прекрасного лица. А, черт с ними! Может, для них это и игра, но для меня все это слишком грубо.

— Послушайте! — воскликнул я. — Вы отпустите заговорщиков, захваченных в этом убежище, если я скажу, где спрятана бомба?

Заметьте, как неточно я сформулировал свою мысль. Позднее они использовали это против меня: я не относился к числу заговорщиков.

В комнате стало так тихо, словно все перестали даже дышать. Потом…

— *Да!* — Голос генерала Симон вилла прозвучал в тишине подобно раскату грома.

Я поверил ему. Просто не было времени получить доказательства или составить письменный договор. И они выполнили свое обещание, *буквально.*

Нельзя было терять ни минуты. Я и двое инженеров рванули, как сумасшедшие, в то место коридора, где я споткнулся около стены. Пусковая система снова была переведена в безопасное положение, и на протяжении двух последующих

дней — пока, с моей помощью, они вытаскивали взрывчатку из настоящей бомбы — они не проявляли никаких признаков того, что со мной будут обращаться иначе, чем с другими. Потом…

Потом дело было сделано.

Мне вручили бумагу с официальной печатью, которая начиналась следующим образом:

«Объединенное правительство Земли сим постановляет, что…»

Мое имущество конфискуется, ни одно человеческое существо не должно никогда больше общаться со мной.

Сжимая в руке бумагу, я выбежал на улицу.

Я был объявлен тем самым сукиным сыном, который еще четыре года назад задумал уничтожить человечество.

— Послушайте, — протестовал я, — я вовсе не потому установил эту бомбу. Просто я *всегда* действую подобным образом…

Никто меня не слушал. Никого это не волновало. К черту Арта Аткинса. Все вокруг были в ярости из-за того, что мир оказался «на грани» гибели.

Надо полагать, с двадцатью двумя парнями в других убежищах обошлись точно так же.

Выбрасывая меня оттуда, мне сказали вот что:

— Не воображай, будто во второй раз проникнешь сюда через свой личный вход.

— О'кей, простаки, можете взглянуть на меня в последний раз. Больше вы меня не увидите.

Черт, едва выйдя из тумана детства, я все время ждал, что мир ополчится против меня. Всегда знал, что «господа такие-то» не любят меня.

И, едва выросши из детских штанишек, начал создавать для себя другую легенду, готовясь к тому дню, когда за мной придут. Зачем, как вы думаете, я начал отращивать бороду, когда мне было шестнадцать, фактически над телом умершей матери? Я хотел, чтобы никто, даже она, не помнил, что когда-то у меня было чисто выбритое лицо.

...Прошло два года.

Говорят, фторный дождь прекратился.

Глубоко в недрах большого кислородного убежища в мою дверь постучали. Я догадался, кто это, и сказал Моне:

— Открой.

Она послушалась. Там стоял генерал Симонвилл. На его холодном лице застыла вынужденная улыбка. Он сказал преувеличенно сердечным тоном:

— Обитатели вашей секции выиграли в лоте-

рею право первыми в этом убежище получить инъекцию.

Я воспринял сказанное, будто так и надо. Остальные — вполне возможно — были действительно отобраны с помощью лотереи. Но во всех случаях номер один оставался за мной.

Генерал сделал шаг в сторону, и три девушки вкатили оборудование: металлический стол с большой прозрачной банкой, в которой плескалась жидкость. Это и есть сыворотка, решил я. От банки отходило множество трубок с иглами.

Я лежал, девушки обрабатывали мое обнаженное бедро, и тут мой взгляд встретился со взглядом генерала Симонвилла.

— Все в порядке? — спросил он.

Его вопрос имел двойной смысл, и я хорошенько подумал, прежде чем ответить. После того как я сбрил бороду и изменил отпечатки пальцев, проблема состояла в том, чтобы проникнуть в убежище.

Ну, я посчитал, что человек, имеющий личный вход в банковский подвал, может для начала ограничиться, скажем, сотней тысяч долларов. Такие деньги наличными, казалось мне, смогут убедить генерала, — который, не колеблясь, позволил себе иметь роскошные апартаменты, — открыть

мне ворота и подыскать скромное местечко, где я мог бы жить в стороне от всего, вместе с Моной. В такой компании, рассуждал я, мне удастся пересидеть все ливни и ураганы с относительным комфортом. Вручая деньги, я также поставил условием, что буду трансформирован первым.

Вторую сотню тысяч долларов я обещал ему, если выживу…

Взгляд метнулся к игле, входящей в тело. Проснусь ли?

Достаточно ли я ему предложил?

Я ведь могу обчистить весь банк. Поскольку правительство гарантирует компенсацию потерь, возникших в результате ограбления, банк получит свои денежки обратно… Мой план состоит в том, чтобы вернуть себе все, чего меня лишили.

Я поднял взгляд.

— Все в порядке, генерал. По крайней мере, с моей стороны.

— И с моей тоже, — ответил он.

Люди надеются, что, когда человечество станет дышать фтором, это изменит их к лучшему. Я же придерживаюсь того мнения, что, чем ни дыши, не стоит рассчитывать, что эти странные двуногие существа изменят свою манеру поведения.

Я медленно уплывал в бессознательное состояние, надеясь, что слова генерала означают в точности то, что я думаю. И что я проснусь. Проснусь. Проснусь.

И стану первым фтородышащим сукиным сыном новой Земли.

Змея и крыса

Наибольшее удовлетворение в жизни Марк Грей получал от кормления своего любимого питона крысами. В двухкомнатной квартире, которую занимал Грей, одну комнату он отделил своему любимцу.

Каждый раз, когда наступало время кормления, Марк запускал крысу в узкий туннель, ведущий в комнату с питоном. Не имея возможности повернуться в проходе, крыса, через автоматически раскрывающиеся двери попадала в ярко освещенную комнату и оказывалась один на один с голодным питоном.

Эти мгновения были самыми интересными! Раздавался отчаянный писк, возвещающий о надвигающейся опасности. Крыса прыгала в сторону, стараясь убежать от стремительного врага.

Иногда Маре наблюдал за этой сценой через небольшое окошко в стене комнаты. Но чаще всего он сидел в своей комнате перед микрофоном и наслаждался истошным визгом крысы и звуками борьбы.

* * *

Шла Третья Мировая Война и Управление Чрезвычайного Планирования забыло установить ограничение цен на крыс.

Крысоловы, как и все другие гражданские лица, были призваны на военную службу. Те немногие, кто остался в резерве и находился в тылу, старались перейти на такую работу, которая давала бы им освобождение от фронта. Снабжение крысами резко упало.

Марк, который раньше получал крыс у знакомого крысолова, теперь не имел такой возможности. Крысолова забрали на войну, и Марк Грей больше о нем ничего не слышал. Поэтому, чтобы прокормить своего любимого питона, Марку самому пришлось заняться отлавливанием крыс.

Но все же питон питался нерегулярно, потому что Марк часто задерживался на основной работе, на которой ему дали бронь от военной службы. Но как только выдавалось свободное время, он устремлялся на развалины и помойки в поисках крыс для своего любимчика.

* * *

Однажды Марк Грей рыскал в старой части города в поисках пропитания для своего питона. Возле большого серого здания он остановился посмотреть, как разгружают грузовой космический корабль, который привез оборудование и питание для людей, находящихся в тылу. Черные ящики исчезали в глубине этого здания, не тронутого атомной бомбардировкой.

Марк Грей подошел поближе и увидел вывеску у дверей: «Исследовательские лаборатории». Прошмыгнув за рабочими в слабо освещенный коридор, Марк остановился перед дверью, на которой было написано: «Администратор Плоуд». Постучав и не дождавшись ответа, Марк толкнул дверь и оказался в комнате. Он присел на краешек стула и приготовился ждать.

«Конечно, работать сразу на двух местах будет тяжело, — думал он, — но не оставлять же бедного питончика без еды. А в этих лабораториях наверняка используют крыс для опытов...»

В кабинет вошел маленький человек с загорелым лицом. Он удивленно поднял брови и посмотрел на Марка. Марк поспешил представиться и изложил причины, которые заставили

его прийти сюда. Когда он закончил расписывать всеми красками своего голодающего питона, маленький человек рассмеялся. Марк тоже было хихикнул, но увидев холодные глаза администратора, чуть не подавился.

Администратор, закончил скалить зубы и хмуро сказал:

— Ничего у вас не выйдет. И еще: держитесь подальше от наших крыс. Да, мы исследуем их и проводим эксперименты со скрещиванием, но если вы попадетесь на воровстве, мы отдадим вас под трибунал.

После таких слов Грей и не мог бы прийти к мысли совершить кражу подопытных крыс. За исключением своей преданной любви к питону, Марк Грей был законопослушным человеком.

* * *

Когда Марк вышел, администратор Плоуд немедленно отправил человека проследить за ним. Затем, угрюмо ухмыляясь, прошел в комнату, на двери которой висела табличка: «Директор»

— Хелло, Хенк! — весело сказал он, обращаясь к полному старику, сидящему за столом. — Думаю, что у нас кое-что наклевывается.

— Да? Приятно слышать! Это лучшее известие от тебя с тех пор, как нас перестали снабжать военнопленными, — сказал администратору директор Хенк Кэррон.

Это заставило администратора Плоуда насторожиться. — Но ведь вы не знаете военных, — нахмурясь сказал он, — они намереваются использовать наше оружие на ничего не подозревающем противнике. Но они хотят, чтобы мы провели целый цикл исследований, чтобы исключить всякие неожиданности. Наверное, поэтому, из-за этой конвенции о военнопленных, нам прекратили поставлять опытный материал.

Он немного помолчал, а потом добавил:

— И тут нам в руки попадает очень интересный материал. И к тому же, учтите, этот экземпляр пришел к нам совершенно добровольно! Полагаю, что если сильно поднапрячь воображение, мы могли бы смело назвать его ЧЕЛОВЕКОМ.

— Что он, больной?

— Не думаю.

Плоуд описал Марка и его хобби, закончив свой рассказ такими словами:

— Эта птичка сама летит к нам в сети. Я не особенно удивлюсь, если однажды ночью он прокрадется сюда, чтобы украсть наших крыс…

О, он не знает нашего питона! Ха-ха!..

И, засмеявшись, он добавил:

— Можно ли предвидеть более тяжкое, чем воровство крыс? С нашей точки зрения, конечно, а?

Хэнк Кэррон на мгновение заколебался, но потом, отбросив все сомнения, махнул рукой. Ведь им, гуманоидам с планеты Альфа системы Лебедя, разрешено было проводить исследования на планете Земля. Ведь земляне вели войну с кроксами — людьми из соседней галактики. И им было необходимо новое оружие.

Военнопленных кроксов предоставляли для опытов. Но для полного завершения испытаний гуманоидам из системы Лебедя был нужен человеческий экземпляр.

Но все упиралось в конвенцию, по которой гуманоидам запрещалось проводить опыты на людях…

«Необходимо закончить испытания именно на человеческом экземпляре, — думал Хенк, — поскольку, если что-то пошло бы не так на полях сражений, то эффект неожиданности мог быть потерян безвозвратно…»

— Давай! — согласился он. — Думаю, что против нас будет трудно найти улики. Кроме того, я

полагаю, что у этого экземпляра не все в порядке с психикой. А потому, вперед!

* * *

Марк же вскоре пришел к выводу, что если он возьмет пару подопечных животных у этих людей с их тысячью крыс, то они просто-напросто этого не заметят. А если он будет уносить по одной зверюшке в день, то вообще нечего беспокоиться. Ведь если он не будет кормить своего питончика, тот может умереть!

И вот он опять через пару дней очутился около огромного серого здания.

Была глухая ночь.

Особенное удовольствие он получил, когда определил, что комнаты, где, по его мнению, находятся клетки с крысами, не закрыты и сами клетки не охраняются.

«Без сомнения, — подумал Марк, — контроль за зверюшками отсутствует, так как из-за войны не хватает рабочих рук.»

* * *

На следующий день он снова испытал знакомое чувство сладострастия, упиваясь звуками

паниковавшей перед питоном крысы.

В тот вечер ему позвонили.

— Я предупреждал вас, — сказал Плоуд торжествующим голосом, — теперь вы должны уплатить штраф.

Плоуд почувствовал некоторое угрызение совести, позвонив Марку и предупредив его, что того ждут неприятности. Какие именно — он не сказал.

«Теперь это будет на его душе, — утешал себя администратор, — если только она у него есть… Страсть к воровству у людей неизлечима!»

На другом конце провода Марк Грей презрительно бросил трубку.

— Пусть докажут! — Он зло выругался.

* * *

В ту ночь ему приснилось, что он задыхается. Он проснулся и с ужасом обнаружил, что лежит не на кровати, а на твердом полу. Было ужасно темно, и несколько минут он потратил на то, чтобы найти выключатель, но все было тщетно.

Внезапно в двадцати футах впереди он заметил свет и направился туда.

Трах!!!

После его прохода дверца со звоном захлоп-

нулась!

Он был в огромной, ярко освещенной комнате. За исключением размеров, она удивительно напоминала ему комнату, в которой он держал своего питона.

Прямо перед собой на полу, он заметил какой-то предмет, который смог определить как своеобразную кожаную дорожку, толщиной несколько больше его роста. Дорожка шевельнулась и двинулась в его сторону.

Озарение пришло внезапно и угрожающе.

ОН БЫЛ РОСТОМ С КРЫСУ!!!

И ЕГО ЛЮБИМЫЙ ПИТОНЧИК С РАСКРЫТОЙ ПАСТЬЮ ПОЛЗ К НЕМУ!!!

Безумный визг, которым Марк Грей упивался много раз в жизни с точки зрения человека, теперь он испытал с точки зрения… КРЫСЫ!

Правители

Психиатра Лейтема направили для проверки работы психиатрических клиник. В рамках рутинной проверки он открыл дверь в помещение, которое не должен был посещать и лишь природные способности спасли ему жизнь. И теперь за ним началась настоящая охота…

* * *

Люди, которых пригласили на званый ужин в один из вашингтонских особняков, не представляли собой ничего особенного: в большинстве своём это были политические деятели второй и даже третьей руки. Правда, попадались среди них персоны и поважнее. Сейчас все они с вежливым вниманием прислушивались к разговору, что завязался неподалёку от того места, где сидела хозяйка.

— Наука движется вперёд семимильными шагами, — заявил дородный мужчина, — и я не боюсь утверждать, что вскоре искусственное восторжествует над естественным.

Темноволосый человек с насмешливым взглядом покачал головой.

— Если вы окажетесь правы, значит, мы ещё ленивее, чем я думал, — сказал он. — Я согласен, что без пластмасс, как и без много другого, нам сегодня не обойтись. Но когда речь заходит о человеческом организме — тут вы меня извините. Взять, к примеру, витаминизированную пищу: в ней содержится лишь добавочное количество витаминов, а минеральный состав естественных продуктов гораздо сложнее. И потом, я готов разделить вашу точку зрения, если вы назовёте мне хотя бы грубый аналог человеческого мозга.

— Охотно, — отозвался толстяк. — Доводилось ли вам слышать о препарате «эйч»? Он так глубоко воздействует на психику, что можно в известном смысле говорить о механизации мозга.

Хозяйка встрепенулась.

— Препарат «эйч»? — переспросила она. — Механический мозг? Я знаю, кто вам нужен. Доктор Лейтем, — обратилась она к высокому, худощавому мужчине с подвижным лицом, — не могли бы вы оставить на минутку свою прелестную супругу — вы не возражаете, Маргарет? — и помочь нам?

Доктор рассмеялся. Его карие глаза озорно

блеснули.

— Каюсь, я подслушал, о чём вы говорили, — признался он.

— Ах вот как! — воскликнула его жена. — Выходит, ты только делал вид, что слушаешь меня?!

Он усмехнулся.

— Не притворяйся, ты вовсе не сердишься.

Она вздохнула.

— Нет, иметь мужем психиатра — сущее наказание. Ведь он буквально читает мысли!

Лейтем пропустил реплику жены мимо ушей.

— Пожалуй, — проговорил он, — я расскажу вам об одном случае из своей практики. Год назад я получил правительственное задание…

* * *

К половине двенадцатого Лейтем окончательно уверился в том, что не ошибся. Следовало рассеять возможные подозрения. Извинившись перед провожатым, он подошёл к видеофону и набрал номер своего отеля.

На экране появилось лицо мисс Седжилл.

— Это вы, доктор, — обрадовалась девушка.

Глаза её заблестели, на щеках появились ямочки, рот слегка приоткрылся. Движения мышц в единый миг изменили выражение её лица: фор-

мальная вежливость уступила место доверчивой улыбке. Ещё Лейтем подметил явные признаки волнения — дрожание пальцев и губ, учащённое дыхание.

Он давно уже решил про себя, что со временем женится на своей секретарше. Приятно было сознавать, что её любовь к нему становится сильнее день ото дня. Но собственных чувств он старался не выказывать.

— Я закончу осмотр примерно через полчаса, мисс Седжилл, — сказал Лейтем. — Встретимся с вами в ресторанчике, который видели вчера по дороге в отель. Вы помните его? Подходите туда в 12.15, и мы пообедаем вместе. Хорошо?

— Я буду там, — пообещала девушка. — Доктор…

Лейтем взглянул на неё. Выражение лица мисс Седжилл снова изменилось. Улыбка пропала. Пристальный взгляд, складка на переносице, нахмуренный лоб, едва приметный изгиб губ, лёгкая бледность кожи. Он ощущал её напряжение; она тревожилась за него и в то же время изнывала от любопытства — ей так хотелось узнать, что он обнаружил.

— Ничего серьёзного, мисс Седжилл, — сказал Лейтем. — Похоже, мне дали бессмысленное

поручение.

Лишь выключив аппарат, он сообразил, что ответил на вопрос, которого она не задавала вслух. Лейтем с досадой прицокнул языком. Это никуда не годится. Его способность догадываться о мыслях людей по их наружности может сыграть с ним дурную шутку. Надо последить за собой.

Приняв такое решение, он повернулся к провожатому.

— Продолжим. Так сказать, последний штрих.

— Я бы посоветовал вам не ходить туда, — тихо произнёс врач.

— Что? — Лейтем опешил. — Не понял. Я должен…

Он не докончил фразу. По спине его поползли мурашки. Резко повернувшись, он уставился на провожатого — и изумился: с человеком, который стоял перед ним, произошла разительная перемена.

Звали врача то ли Годред, то ли Кодред. До сих пор он хранил туповатое молчание, ограничиваясь короткими фразами вроде «Здесь лежат пациенты из Румынии» или «В этой операционной, сэр, работают австрийцы», причём лицевые мышцы его, казалось, атрофировались ещё в утробе. Теперь он язвительно улыбался,

взгляд его приобрёл осмысленное выражение, а движения утратили вялость. Он выпрямился и стал заметно выше, в чертах лица проступила привычка повелевать. Саркастически усмехнувшись, он сказал:

— Мы выносили ваше присутствие, доктор, лишь потому, что нам было забавно наблюдать за вами. Но вы утомили нас. Убирайтесь; уносите подобру-поздорову ноги. И не ходите через ту дверь.

Решающее доказательство, подумал Лейтем. Разумеется, в палату заглянуть просто необходимо. А потом… Ладно, не будем торопиться.

— Вы с ума сошли? — воскликнул он. — Разве вы забыли, что я представляю правительство Соединённых Штатов?

— Не ходите через ту дверь! — повторил врач.

Дверь ничем не отличалась от остальных: деревянная, многослойная, лишённая каких-либо следов краски или лака, обработанная снаружи наждачной бумагой. Ручка поддалась нажиму пальцев Лейтема. Доктор на мгновение застыл на пороге, внезапно отпрянул и бросился бежать. Врач-провожатый попытался схватить его, но Лейтем увернулся.

Прикинув на бегу расстояние до ближайшего

выхода, он впервые ощутил страх. Надежда спастись таяла с каждым шагом.

Бегство по выложенным мрамором больничным коридорам напоминало сон, один из тех кошмаров, в которых за тобой гонятся заклятые враги. Лейтем не останавливался. К улице, в дальнем конце которой показалось такси, вела каменная эстакада. Вложив все силы в отчаянный рывок, Лейтем успел перехватить машину. Он вышел из неё пять минут спустя, подождал, пока она не скроется из вида, и взял другое такси, которое доставило его в деловую часть города. Потолкавшись для надёжности среди покупателей в двух громадных универмагах, он выбрался наружу и сел в воздушный кар.

Он немного успокоился. Память услужливо подсказала ему, где он договаривался встретиться с мисс Седжилл — в ресторане, названия которого он не произносил вслух. Лейтем чувствовал себя приговорённым к смерти, которому вдруг заменили казнь тюрьмой: так поразила его мысль о том, что, говоря по видеофону, он не назвал ресторан. Они ни за что не догадаются! Им не найти ресторанчик «по дороге в отель»!

Однако мешкать нельзя. Перекусить на скорую руку, а потом на станцию воздушных такси — и в

Вашингтон. Дорога каждая секунда.

— Не понимаю, — сказала мисс Седжилл, выслушав его. — Что вы там увидели?

— Двенадцать человек и пулемёт.

Серо-зелёные глаза девушки неотрывно следили за Лейтемом. Мисс Седжилл покачала головой, и её золотистые локоны заколыхались и засверкали в солнечных лучах, которые проникали внутрь сквозь специальные отверстия в крыше.

— Ешьте, — проговорил он. — Сейчас я вам всё объясню. Вам известно о распоряжении правительства, согласно которому все клиники подлежат проверке федеральной комиссией? Это якобы необходимо для обеспечения единого порядка работы. Нетрудно догадаться, что причина — липовая.

Мисс Седжилл кивнула. Лейтем угрюмо продолжал:

— На деле же требовалось отыскать то самое место, где я сегодня побывал. Они знали, что не смогут от меня что-либо скрыть, и потому даже не пробовали. В клинике полным-полно различных контор и совершенно здоровых людей! Разумеется, в наличии двух-трёх контор, где могли бы работать выздоравливающие богачи, нет ничего странного, но когда их столько… После войны

кое-кому из европейцев запретили приезжать в Соединённые Штаты, кроме как на лечение. Да и то они обязаны были сразу по прибытии направиться в клинику, которая согласилась их принять, а по окончании лечения — в ближайший международный аэропорт.

Известно было, что порой гости из Старого Света нарушают установленные правила. Правительство закрывало на это глаза, пока не выяснилось, что в одной из клиник творится нечто такое, что требует срочного вмешательства. Именно в эту клинику, где палаты превращены в кабинеты, а пациенты — сплошь здоровые люди, мне и удалось попасть.

— Но что же вы всё-таки увидели в той палате?

Лейтем кивнул на девушку мрачный взгляд.

— Я увидел двенадцать из тринадцати членов Совета правителей мира. Тринадцатым, естественно, был мой провожатый, Кодред. Наверно, они хотели сначала допросить меня, а потом прикончить. Во всяком случае бегства моего они никак не ожидали; вот почему я сумел вырваться. Мне пришлось немало потрудиться, но теперь мой мозг оценивает обстановку за какие-то доли секунды. Прежде чем они успели пошевелиться и наставить на меня своё оружие, прежде чем

они увидели меня, я уже хорошенько рассмотрел их и ретировался. Они могли перехватить меня у выхода, но…

Он замолчал и нахмурился. Глаза его сузились. Им ничего не стоило помешать ему, но они предпочли этого не делать. Неужели они так уверены в своих силах? Лейтем настороженно огляделся. Ресторанчик быстро заполнялся, и…

— Смотрите! — прошептал он. — Вон там!

Настенный телеэкран внезапно погас. Исчезли точёные фигурки балерин, смолкла музыка. Затем на экране появились многократно увеличенные фотографии — мисс Седжилл и его, Лейтема. Раздался голос диктора:

— Дамы и господа, посмотрите вокруг. Быть может, эти люди обедают рядом с вами. Их имена — доктор Александр Лейтем и Маргарет Седжилл, оба из Вашингтона. Они чрезвычайно опасны. Полиции разрешено стрелять на поражение. Спасибо за внимание.

Снова зазвучала музыка, возобновили своё кружение балерины.

Их выручили наблюдательность Лейтема и его отменная реакция. Посетители ресторана только-только начали оборачиваться к экрану, а доктор уже рассмотрел собственное изображение

и прошептал мисс Седжилл:

— Скорее… прикройте лицо салфеткой…

Не дожидаясь, пока девушка подчинится, он нагнулся и сделал вид, будто завязывает шнурки на ботинках. Так, в полусогнутом положении, прослушал он свой смертный приговор. Немыслимо! Полиция, как видно, куплена на корню.

А в Вашингтоне меня ни о чём не предупредили, подумалось ему. Ужасно было сознавать, что кто-то, совершенно незнакомый, поставил на нём крест.

Он всё ещё возился со шнурками, когда послышался шёпот мисс Седжилл:

— Мне кажется, нас никто не подозревает. Что нам делать?

— Видите кабинки у стены? — спросил вполголоса Лейтем. — Вообще-то мне приказано не выходить на связь самому, но в подобной ситуации… Я пойду первым, а вы — за мной.

Он выпрямился, встал и, вытирая салфеткой губы, направился к ближайшей кабинке. Пальцы его легли на щеколду, и тут ему в голову пришла новая мысль.

— Что случилось? — спросила мисс Седжилл.

— Давайте договоримся сразу: вы должны беспрекословно мне повиноваться. На карту по-

ставлены наши жизни.

— А почему бы нам не обратиться в полицию? — мисс Седжилл побледнела, но в голосе её прозвучал вызов. — Разве мы не докажем этим свою невиновность?

— Именно к такому шагу нас и подталкивают, — объяснил Лейтем. — Однако мы не пойдём у них на поводу. Я попрошу сейчас истребителей сопровождения для воздушного такси, в котором мы полетим. Если мне не изменяет память, таксопарк расположен в квартале от ресторана.

— А как же счёт?

Лейтем сухо рассмеялся.

— Однако нам знать, видели кассирша или официантки наши лица на экране или нет? Когда мы будем проходить через зал, вы сморкайтесь в платок, а я надену шляпу. И куда подевался мой пистолет? — пробормотал он. — С ним в кармане я бы чувствовал себя увереннее.

Глядя в сторону, он прибавил:

— Ну да ладно. Идите в свою кабинку. Когда закончу разговор, постучу.

— Я притворюсь, будто ищу в справочнике номер, — проговорила мисс Седжилл.

Молодец, подумал Лейтем, хорошо держится — лучше, чем вёл бы себя на её месте он. Войдя в

кабинку, он набрал код вашингтонской станции. Экран засветился. Теперь номер штаб-квартиры КРПД…

Экран мигнул — и сделался тёмным. Лейтем замер, не веря собственным глазам, но тут же отогнал подступивший было страх. Должно быть, полицейские штучки. Хотя — можно подкупить любого человека, но не полностью автоматизированную систему телесвязи города с миллионным населением… Покачав головой, он перенабрал номер. Экран загорелся вновь, и на нём проступило изображение мужского лица.

— Срочно! — бросил Лейтем. — Запишите…

Он прервал себя на полуслове. С экрана на него смотрел Кодред, тот самый врач из клиники.

— Что же вы замолчали, доктор, — насмешливо сказал он, — продолжайте, пожалуйста. Ну, как хотите. Тогда позвольте мне сообщить вам следующее: мы намеренно дали вам уйти с тем, чтобы, оказавшись в безвыходном положении, вы в полной мере проявили присущую вам изобретательность — на наше благо, разумеется…

Тянет время, подумалось Лейтему. Они наверняка проследили, откуда был первый звонок. Он впервые ощутил панический ужас.

Лейтем вышел из кабинки. Мужество посте-

пенно возвращалось к нему, и он даже нашёл в себе силы улыбнуться мисс Седжилл. Но улыбка, очевидно, получилась кривой. Глаза девушки испуганно расширились.

— Вы не дозвонились, — прошептала она.

Лейтему не хотелось лгать ей.

— Расскажу потом, — отмахнулся он. — Скорее в таксопарк!

Он снова с горечью вспомнил о пропавшем пистолете. Куда тот исчез из его спальни? Ведь ворам ни за что не проникнуть в номер психиатра, как бы они ни старались. Может, он позабыл оружие дома?

Никто не пытался остановить их. Лейтем приободрился. Дорога до таксопарка показалась ему чудовищно долгой, но в то же время присутствие на улицах множества людей позволяло без труда сбить со следа возможную погоню.

В здании аэровокзала не было ничего примечательного: обычная конструкция из аэрогеля, отчасти прозрачная, отчасти матовая, а отчасти — белая как снег. Короткая взлётно-посадочная полоса протянулась по крышам соседних домов.

В нижнем ангаре стояло с десяток такси. Лейтем выбрал «Паккард» — модель, которой нередко пользовался. Водитель читал, но, завидев пас-

сажиров, отложил книгу в сторону. Выражение лица его неуловимо изменилось, глаза блеснули, сильнее запульсировала жилка на шее. Улыбнувшись, он вежливо спросил:

— Куда вам?

— Миддл-Сити, — отозвался Лейтем.

Уже выходя из кабинки, он сообразил, что всякий, кому вздумается лететь прямиком в Вашингтон, рискует никогда туда не добраться. Правда, водителю как будто всё равно…

План Лейтема был прост. Водитель сначала пропустит их в салон, а потом обойдёт машину и сядет в своё кресло. Вот тут он и вмешается: едва очутившись внутри, он запрёт все дверцы, возьмёт в руки штурвал, выведет такси на полосу — и вперёд. Он, Лейтем…

Однако замысел Лейтема не удался. Водитель первым занял своё место.

— Забирайтесь, — пригласил он с улыбкой.

На мгновение Лейтему стало нехорошо. Несомненно, водитель узнал их. Но он никак не ожидал от этого недалёкого на вид детины весом в добрых две сотни фунтов такого подвоха. И хуже всего было то, что он сам шагнул в расставленную ловушку.

Усилием воли Лейтем справился с сумятицей

в мыслях. Теперь он видел то, чего не замечал прежде: каждое движение водителя выдавало в нём врага, сознательного врага, а не наспех проинструктированного человека с улицы.

Полиция, водители такси, телефонисты, связисты… Что там сказал Кодред? «Мы намеренно дали вам уйти…»

Такси тронулось. Несколько поворотов — и под колёсами взлётная полоса. Лейтем сидел как на иголках. Машина поднялась в воздух. Взревели ракетные дюзы.

Заработали глушители, и рёв двигателей перешёл в едва слышный рокот. Лейтем мельком глянул в иллюминатор. Далеко впереди маячила пятнадцатиэтажная громада Международной Клиники. При разрешённой в городе скорости — пять минут лёта.

Пять минут! Лейтем вздрогнул. Что он натворил! Сел в такси, которое пилотирует один из бандитов!

Напасть на водителя? Но с ним не так-то легко будет справиться. Ох уже эти психиатры, подумал Лейтем. Нет чтобы развивать мускулатуру…

В поисках какого-нибудь подходящего предмета он обшарил настенные кармашки. Пусто. Взгляд наружу… Осталось три минуты!

Делать нечего, придётся нападать с голыми руками. Он представил себе, как будет выглядеть после: затёкшие глаза, рассечённые брови, перебитый нос… Ему доводилось общаться с теми, кого, выражаясь юридическим языком, оскорбили действием, и он рад был, что воспоминание об этом не лишило его твёрдости духа.

Найти бы что-нибудь поувесистее кулаков! Взор Лейтема задержался на туго набитой сумочке мисс Седжилл.

— Что в ней? — прошептал он.

Собственный шёпот громом отдался в его ушах. Водитель наверняка услышал! Но нет, — лицо бандита, которое отражалось в зеркале заднего вида, оставалось спокойным, открытым и честным. Кто бы мог подумать, какое коварство скрывается под этой маской!

— Ничего особенного, — сказала мисс Седжилл. — Записная книжка и всякая всячина. А что? Я хотела спросить у вас…

Она ни о чём не догадывается! Впрочем, даже такой опытный физиономист, как он, едва не попал впросак.

Лейтем вырвал у девушки сумочку. Так, записная книжка, два кошелька, металлическая коробочка с румянами, губная помада и прочая

косметика. На изготовление коробочки пошёл негорючий сплав магния, который на жаргоне торговцев лёгкими металлами назывался «Мечта Мэгги», а среди парфюмеров… Название упорно не желало вспоминаться. Ну и бог с ним. Гораздо важнее то, что в сумочке нет ни одного предмета тяжелее четырёх унций, а вся она целиком, вместе с содержимым и затейливыми застёжками, весит немногим более пяти фунтов.

Пять фунтов? Такси начало снижаться. Внизу показалась огромная, сверкающая на солнце крыша. Нельзя терять ни секунды. Сжав сумочку в кулаке, Лейтем прыгнул на водителя. Он наносил бандиту удар за ударом, полуотчётливо сознавая, что от страха становится безжалостным.

Голова пилота моталась из стороны в сторону, тело его обмякло. Тупо поглядев на поверженного врага, Лейтем вернул мисс Седжилл её сумочку. Метнув на девушку взгляд исподлобья, он принялся вытаскивать водителя из кресла. Однако силы покинули его.

В иллюминатор видно было, что крыша клиники постепенно отдаляется. Перегнувшись через пилота, Лейтем дёрнул рычаг ручного акселератора. Скорость машины резко возросла. Окончательно обессиленный, Лейтем плюхнулся

в кресло рядом с мисс Седжилл. Какое-то время он бессмысленно смотрел перед собой, потом сознание его прояснилось. Спасены! Нужно только избавиться от водителя — и полный вперёд на восток.

— Он приходит в себя, — прошептала мисс Седжилл.

— Дайте ещё раз вашу сумочку, — попросил Лейтем, — и помогите мне с ним управиться.

Вдвоём они оттащили бесчувственное тело в задний отсек. Достав из аварийного ранца парашют, Лейтем надел его на бандита и столкнул того за борт. Секунду спустя в воздухе заколыхался громадный белый зонт, под которым маятником раскачивалась человеческая фигура. Вдосталь налюбовавшись, Лейтем пробрался к пилотскому креслу, сел в него и надавил на педаль ножного акселератора.

Улыбаясь, он повернулся к мисс Седжилл, и улыбка медленно сползла с его лица. Девушка неотрывно глядела в зеркало заднего вида. Уловив, должно быть, краем глаза его движение, она кинула на Лейтема испуганный взгляд.

— Нас преследуют катера, — выдохнула она, — с полицейскими эмблемами. По-вашему…

Лейтем молча кивнул. Ему вдруг всё стало без-

различно.

Катеров было семь. Удлинённые чёрные корпуса, крохотные, будто обрубленные, крылья — в общем, сверхсовременные, сверхскоростные полицейские машины. Однако Лейтему не верилось, что за ними с мисс Седжилл гонится настоящий патруль. Повинуясь внезапному порыву, он включил коротковолновый передатчик, насчёт которого среди таксистов бытовало присловье: «Лучше высунься в окно и ори погромче».

Усмехнувшись, Лейтем спросил в микрофон:

— Что вам нужно?

На экране приёмника возникло молодое лицо.

— Вы! — бросил юноша.

— Разве вам не известно, что я — агент Конгресса и действую по поручению президента Соединённых Штатов?

— Мы не признаём ни Конгресс, ни президента, — холодно ответил юноша. — Советую вам сдаться.

Лейтем промолчал, чувствуя, как к сердцу снова подбирается страх. Наружность и произношение у говорившего с ним человека были типично американскими, а потому слова, что срывались с его губ, казались заученным наизусть отрывком

из текста какой-то дешёвенькой мелодрамы.

Мысли Лейтема невольно вернулись к вопросу, которым он задавался и раньше: что всё это значит? Прежние рассуждения по поводу группы психически нездоровых людей, мнящих себя правителями мира, воспринимались им сейчас как смехотворные. Американцы ни за что не согласились бы подчиняться таким людям, просто-напросто не согласились бы. Значит, причина в другом, в чём-то гораздо более серьёзном.

Неужели они не понимают, что ни его, Лейтема, исчезновение, ни даже его смерть не снимут подозрений с клиники? Ведь этим вечером штаб-квартира КРПД будет ждать его доклада, и если он не выйдет на связь… На что рассчитывают тринадцать правителей?

Взглянув в последний раз в глаза изменнику, Лейтем выключил передатчик и набрал на клавиатуре видеофона вашингтонский номер штаб-квартиры Комиссии по Расследованию Подрывной Деятельности. Именно туда он пытался дозвониться из ресторана.

Он ничуть не удивился, когда на экране появился Кодред.

— Доктор Лейтем, — покровительственно усмехнулся тот, — вы противопоставили себя

целой организации. Передатчики всех без исключения воздушных такси и истребителей этого города посылают свои сигналы на наш автоматический коммутатор. Сегодня — вернее, пока вы на свободе — все звонки в Вашингтон будут переключаться на меня или на моих помощников. Безвредные для нас сообщения мы будем пропускать, но к вам это, естественно, не относится. Вам не на что надеяться, доктор.

— Вы меня ещё не поймали, — угрюмо пробормотал Лейтем.

Подавив желание задать Кодреду пару-тройку наводящих вопросов, он помедлил — и прервал контакт. Ничего важного он наверняка не узнает, а выслушивать нравоучения противника — и без того забот хватает.

Прищурив глаза, Лейтем посмотрел на катера. Они неумолимо приближались, а два из них даже ненамного обогнали такси. Ему вспомнились виденные несколько лет назад кадры хроники: три патрульных катера преследовали воздушный кар. Догнав нарушителя, они зацепили его за специальные скобы на корпусе, отсутствие которых каралось крупным штрафом, и быстро посадили на землю.

Теоретически пилот с его способностями мог

без труда ускользнуть от погони. Но практика, как обычно, с теорией не в ладах. Тем не менее попробовать стоит.

Лейтем повернулся к мисс Седжилл.

— Держитесь! — крикнул он. — Сейчас начнётся карусель. Я…

Опешив, он молча уставился на неё. Лицо девушки постепенно менялось. С него сходило выражение всепоглощающей любви. Находись он рядом, Лейтем сумел бы помешать мисс Седжилл, а так — ему оставалось лишь беспомощно наблюдать, как она задирает юбку, обнажая смуглое бедро, на котором висела кобура. Достав из кобуры пистолет — его пистолет! — девушка наставила оружие на Лейтема.

— Думается, — произнесла она холодно, — теперь моя очередь приказывать. Руки вверх, доктор, и не вздумайте их опустить.

* * *

Толстяк возбуждённо замахал руками.

— Постойте, доктор, погодите. Все мы слышали об этой истории, хотя официальная версия, похоже, сильно отличается от того, что произошло на самом деле. Но разве прелестная блондинка, с которой вы беседовали — ваша жена — и мисс

Седжилл, что держала вас на мушке, не одно лицо?

— Всему на свете можно найти объяснение, — продолжал Лейтем, словно толстяк обращался не к нему. — Удивительно было то, что я, с моим-то опытом, ничего не замечал буквально до последней минуты. Вы помните, я был прекрасно осведомлён о чувствах… э… мисс Седжилл. Я понял, что здесь не обошлось без правителей. Скорее всего, они обработали её накануне вечером, велев вступить в игру в решающий момент. Сама она, разумеется, и ведать не ведала об этом. Глядя на неё там, в такси, я догадался, что она действует под влиянием мощного наркотического средства, и определил его.

— Препарат «эйч», — пробормотал толстяк.

— Кстати сказать, — усмехнулся Лейтем, — препарат «эйч», как и многие другие потенциальные средства контроля над миром, вроде атомных подводных лодок, пикирующих бомбардировщиков или боевых излучателей, был изобретён у нас в США. Изобретатель считал, что его детище облегчит изучение работы человеческого мозга, а многие из его студентов видели в препарате способ к достижению мирового господства. Я был среди них и потому знаю, что говорю.

— Да, мы не доросли до идей такого масштаба, — согласился его собеседник. — А…

Хозяйка перебила его. Хотя толстяк принадлежал к числу важных «шишек», она утратила к нему всякий интерес. Ведь в её доме, за её столом рассказывали величайшую закулисную историю десятилетия! Какой подарок судьбы!

— Продолжайте, доктор! — голос её напоминал шипение змеи.

* * *

В сопровождении патрульных с полицейского катера Лейтем шагал по знакомому больничному коридору. На мисс Седжилл он старался не смотреть, однако от него не укрылась сквозившая во взгляде девушки растерянность. По-видимому, действие наркотика заканчивалось.

Кодред встретил их у двери той самой палаты. Улыбнувшись, он поклонился и жестом пригласил Лейтема войти. Переступив порог, Лейтем резко обернулся: с Кодредом остались только мисс Седжилл и четверо из десятка охранников. Всего лишь четверо! Ну, что ж…

Должно быть, что-то в выражении лица Лейтема насторожило Кодреда, и тот запер дверь.

— На всякий случай, — пояснил он с улыбкой, —

вдруг вы заупрямитесь или начнёте буянить. Что касается мисс Седжилл, она — марионетка в наших руках. Передайте мне, пожалуйста, пистолет, мисс. Спасибо.

Кодред снова повернулся к Лейтему.

— Как вам, вероятно, известно, доктор, воздействие препарата «эйч» на человеческий мозг ограничено по времени. Поэтому приходится соответствующим образом увеличивать начальную дозу и соблюдать при введении её определённые условия. Дальше проще. Чтобы удержать человека в повиновении, достаточно разбавленного раствора. Городской водопровод избавляет нас от необходимости поить каждого по отдельности, но, к сожалению, у пьющего разбавленный раствор привыкания к нему не возникает. Усиление же концентрации приведёт к гибели тех, кто послушен нам. Все распоряжения отдаются через систему общественной информации. Вам что-нибудь неясно?

Да, подумал Лейтем, стискивая зубы, чтобы те не застучали от страха. Мерзавцы! Негодяи! Подмешивать отраву к питьевой воде!

Усилием воли Лейтем взял себя в руки. Надо кое-что выяснить, и спокойствие необходимо ему, как воздух.

Окинув взглядом сидевших за столами правителей, он скосил глаза на пулемёт. Тот установлен был на подставке между шестым и седьмым столами. Внезапно у Лейтема захватило дух. То, что он поначалу принял за ствол пулемёта, оказалось на деле длинным электродом, стержень которого высовывался из металлического ящика со множеством проводов.

Лейтем тихонько застонал. Ему уже доводилось видеть такой аппарат — в солидной промышленной лаборатории, где занимались исследованиями атома. Сделав шаг вперёд, чтобы уйти из-под прицела, он взглянул на своих противников.

Те наблюдали за ним, кто с равнодушием, кто — с откровенным любопытством.

Лейтем помнил их лица в общих чертах, однако при первой встрече, в половине двенадцатого утра, отдельные особенности ускользнули от его внимания. Тогда он решил, что среди правителей преобладают немцы, а их, похоже, только трое. Второпях он причислил к немцам поляка, громадного француза, испанского еврея и англичанина. Что до остальных, то двое из них смахивали на французов, один — на русского, один — на грека и последний — на подданного британской короны. Судя по всему, национальность была для

них чистой условностью, этаким бесполезным пустячком. Да, ещё Кодред — этот, скорее всего, американец.

Молчание нарушил низкий голос грека:

— Приступим к делу. Введите ему дозу «эйч», и пускай звонит своим хозяевам в Вашингтон.

Лейтем догадывался о том, что его ждёт, но не предполагал, что правители окажутся такими нетерпеливыми. Он раскрыл было рот, но тут вмешался Кодред:

— Не спеши, Майкл, не спеши. Человека, которому вводят «эйч» и который знает о свойствах препарата, нужно загнать в угол, чтобы его рассудок смирился с уготованной ему участью. Мы доказали доктору Лейтему, что от нас не сбежишь. Он выбит из колеи, но мы не должны забывать, что имеем дело с психиатром. А потому…

Выдержав драматическую паузу, Кодред обошёл Лейтема и встал перед ним.

— Разрешите мне, доктор, объяснить, кто вам противостоит. Организация наша возникла далеко не вчера. Скажем, первые сведения о правителях, то есть, о наших предшественниках, относятся к 3147 году до Рождества Христова. Когда кто-то из нас умирает, остальные, после долгой и тщательной проверки, подбирают

ему замену. Мы держимся в тени; поэтому в наше существование мало кто верит всерьёз. За последние шестьсот лет в наш Совет входило двенадцать королей. До недавних пор ни одна война в Европе не начиналась без нашего одобрения. Наполеон был узурпатором, но он продержался недолго; даже Англия ополчилась против него.

Много веков подряд мы стремились подчинить себе Англию. Она — наша величайшая ошибка. Мы не принимали её в расчёт, недооценивали её возможности. Все наши беды происходили и происходят из-за неё. Именно независимость Англии привела к появлению Америки и, косвенным образом, хотя я мог бы перечислить вам все стадии процесса, — Советской России. Разумеется, в одиночку Англии не под силу сражаться с нами. Но вот уже дважды Америка не давала нам расправиться с англичанами. Поэтому мы намерены раз и навсегда покончить с Соединёнными Штатами.

Мы добрались сюда с большим трудом, потому что нам препятствовал ваш закон об иммиграции. Устроившись, наконец, в клинику, мы постепенно завладели городом. Времени на это ушло много, но оно не пропало даром. Мы выступаем. Вы вернётесь в Вашингтон нашим

агентом. Мы рассчитываем на то, что вам удастся впрыснуть «эйч» десяткам, если не сотням, высокопоставленных чиновников. И тогда — Америка перестанет путаться у нас под ногами! — голос Кодреда поднялся до крика. — Не желаете ли что-нибудь сказать, — прибавил он с издёвкой, — пока вы ещё способны думать самостоятельно?

Сразу на такой вопрос ответить было нелегко. Лейтем задыхался от ярости. Его взбесило хладнокровие, с каким Кодред повествовал о деятельности организации, которая с незапамятных времён использовала целые народы как пешки в борьбе за власть, члены которой не испытывали ни малейших угрызений совести, обращая в рабство миллионы людей… Да что там говорить! И потом, нужно понять, лгал Кодред или нет.

Лейтем напряг память, припоминая, как менялось выражение лица Кодреда, когда тот читал ему лекцию. Утром Кодред одурачил его; сейчас этого допустить никак нельзя.

При чтении мыслей по изменениям в чертах лица и по едва уловимым отклонениям от нормальных физических реакций важнее всего не упустить ни единой подробности. Чем старее человек, тем легче наблюдателю, поскольку у стариков кровеносные сосуды ближе к коже.

Прилив и отлив крови — вот основные помощники физиономиста. Мышцы сокращаются более или менее определённым образом, но с кровью дело обстоит иначе. Любая эмоция, любая мысль означает приток в кровь жидкости из десятка лимфатических узлов. Сужение вен, набухание артерий, расширение сосудов — ничто не случается само по себе. Тот, кто, как он, Лейтем, в состоянии связать причину и следствие, может читать мысли в прямом смысле слова.

Сомнений нет: Кодред говорил правду и ничуть не преувеличивал.

На каком столе находится пульт управления электродом? Как, как это установить?

— Да, мне есть, что сказать, — проговорил Лейтем. — Надеюсь, вам будут понятны мои рассуждения о двух типах человеческого мозга. Первый тип — ваш, тип правителя. Ваш интерес к наркотикам вроде «эйч» ограничивается скрупулёзным изучением их свойств для сугубо утилитарных целей. Однако препарат «эйч» является своего рода заменителем гипноза; он воздействует на тот же участок мозга.

Вы изумитесь, узнав, каких успехов добился в исследовании возможностей «эйч» покойный доктор Нэннинг, у которого мне посчастливилось

учиться. Да-да, изумитесь, потому что я убеждён, что никто из вас никогда не пытался взглянуть на препарат глазами учёного. А известно ли вам, к примеру, что гипноз — это обращение ко второму «я»? Что второе «я» знает о наличии первого, а обратное утверждение верно не всегда? Впрыскивая «эйч», вы высвобождаете второе «я» человека; оно привыкло к рабству, и потому-то вы с лёгкостью подчиняете его себе.

Однако этого мало. Человеческий мозг неизмеримо сложнее. Помимо сознательного и бессознательного, в нём присутствует нечто третье. Открыто оно было ранними французскими месмеристами[8], а именно — Куэ. Управление им возможно с помощью всё того же «эйч». Скажи я вам, что третье «я» главенствует как над вторым, так и над первым, вы бы…

Только теперь правители обеспокоенно зашевелились. Только теперь они уразумели, что наступает конец их чудовищному владычеству над миром.

Они не медлили.

Не сводивший глаз с их лиц Лейтем угадал, где расположен пульт управления электродом.

---

[8] Примечания: 8

Последователи австрийского врача и учёного Ф. А. Месмера (1734–1814).

— Шестой и седьмой столы! — крикнул он. — Огонь!

Четверо охранников выстрелили одновременно.

* * *

После непродолжительного молчания толстяк сказал:

— Вынужден признать, что мои доводы в пользу превосходства искусственного над естественным оказались несостоятельными. Вы обязаны победой своему исключительному пониманию способностей человеческого мозга. Полагаю, вы пробудили третьи «я» охранников по дороге с катера в клинику?

Лейтем кивнул.

— Вы рано сдаётесь, — прибавил он. — Меня спасло лишь то, что охранники находились под действием «эйч».

— Я признаю себя побеждённым, — решительно повторил толстяк.

Стимул

Журналистка Вирджиния Меншен случайно обнаружила существование «Научных футуристических лабораторий», после чего она исчезла. Её мужа посещает человек, способный проникать сквозь стены и предупреждает, чтобы он ни в коем случае не обращался в полицию. Профессор Меншен установил, что эта организация продает в больших объемах больным человеческие органы, а ее члены пользуются большим влиянием во властных структурах. И в этот момент возвращается его жена, которая также стала обладать способностью проходить сквозь стены…

Вирджиния Меншен оказалась здесь совершенно случайно. Она выходила из ресторана, как вдруг увидела сразу пять пожарных машин,

стоящих на противоположной стороне улицы у здания, из открытой двери которого валили густые клубы дыма.

Вирджиния подошла поближе. Будучи журналистом, она обладала профессионально развитым любопытством и нюхом на сенсации. Правда, стоит сказать, что пожары давным-давно перестали являться темой ее репортажей, но раз уж подвернулся случай, у нее в голове сразу начала слагаться небольшая статейка, начинающаяся примерно так:

> *«Пожар, причиной которого послужило то-то и то-то, случился этим утром в… Он нанес небольшой материальный ущерб».*

На фасаде здания она прочла длинную вывеску, гласящую: «НАУЧНЫЕ ФУТУРИСТИЧЕСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ»,
а несколько ниже: «НЕВРОЛОГИЧЕСКИЕ И ОРГАНИКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ».

Она сделала пометку в записной книжке, заодно записав номер дома — 411 на авеню Уайнуэрт. Закончив писать, она увидела, как из дома выходят пожарные, тщательно очищая подошвы ног.

Вирджиния тут же вцепилась в их начальника.

— Я из «Геральд». Здесь оказалась случайно. Что-нибудь серьезное?

Начальник, толстый и грузный человек, нехотя лениво проговорил:

— Не-а… Канцелярское оборудование и мебель, не представляющая ценности. Их шеф отсутствует. Пожар произошел из-за окурка, небрежно брошенного в корзину для бумаг…

На его лице расплылась широченная ухмылка.

— У служащего-приемщика аж рожу перекосило, — добавил он. — В жизни не видел столь нервного и беспокойного типа. Трещал, как сорока, пока я не ушел. А вразумительного ничего сказать не мог!

Он опять засмеялся и хитренько прищурился.

— Там теперь наворочена куча всякого мусора, так что можно представить эту образину, когда заявится патрон. Ну ладно! Пока!

И он направился к одной из машин.

Вирджиния Меншен заколебалась, как ей поступить в дальнейшем; она уже вроде бы получила всю необходимую информацию, которую можно использовать, однако извечное любопытство подталкивало ее разузнать чуточку побольше. Она направилась ко все еще распахну-

той входной двери.

Заглянув внутрь, она осмотрела небольшое конторское помещение, обстановку которого составляли три кресла и окошечко в стене сбоку, выкрашенное бело-голубой краской. Точнее сказать, были видны лишь остатки краски, а все остальное обуглилось и закоптилось, да еще и было искорежено безжалостными струями поданной под напором воды. За окошечком виднелось что-то вроде счетной машины.

А перед ней сидел служащий.

Кипучая натура Вирджинии наконец успокоилась: она уже поняла, что все в порядке.

Молодой человек был высок и худ. Одет в слишком короткую и просторную, не по фигуре, одежду. Лицо его было искажено и мокро, подбородок, лоб и шею усыпали прыщи, а адамово яблоко так и ходило вверх-вниз.

Этот странный тип испуганно уставился на нее своими карими глазищами каким-то затравленным взглядом. Рот его раскрылся, и он вдруг забормотал что-то неразборчивое, понес какую-то ахинею.

Хотя его бормотание и могло показаться кому-то тарабарщиной, оно легко расшифровывалось редакторами и берущими интервью журнали-

стами.

Вирджиния Меншен тут же перевела эту абракадабру на нормальный язык и представилась ему.

— Что мне нужно? Я — журналист. А сколько стоит эта мебель?

— Я… ни…не… чего… — продолжал бормотать молодой человек.

— Я ничего не знаю, — перевела Вирджиния. — Хм! Ну и помойка же здесь у вас, все испорчено, кроме этой счетной машинки, что за окошечком. Наверное, мне в статье так и придется написать: «Материальный ущерб был нанесен меблировке помещения».

Она снова зацарапала в записной книжке, а потом резко ее захлопнула.

— Ну что ж, приветик! — бросила журналистка парню.

Она совсем уже было собралась уходить, когда неожиданно случилось нечто, что заставило ее задержаться там. Сначала раздалось какое-то дребезжание, потом прозвучал глубокий и спокойной мужской голос, исходящий как бы из стены за спиной молодого человека:

— Эдгар Грей, нажмите кнопку семьдесят четыре.

Парень вскочил, как будто его ткнули сзади шилом. Какое-то время за окошечком мелькали только его руки и ноги. Потом он вроде бы успокоился и длинным костлявым пальцем нажал клавишу на табло «счетной машины».

Неподвижно застыв и даже закрыв глаза, он держал палец на клавише. Когда Вирджиния, войдя, впервые увидела лицо этого типа, оно показалось ей крайне бледным, но сейчас эта бледность еще больше усилилась: он просто стал бел, как штукатурка, даже, точнее, начал отливать зеленым. Наконец по лицу его, нарастая, заскользила какая-то тень, пока не заполнила все целиком. Получилось так, что эта важнейшая часть его существа претерпела серьезные изменения.

Происходящее было каким-то ненормальным. Вирджиния впилась взглядом в эту странную картину, и глаза ее даже округлились от изумления.

Прошла целая минута. Затем этот нескладный малый глубоко вздохнул и оторвал палец от клавиши. Открыл глаза. Заметил Вирджинию, и вдруг его щеки залило краской.

Тут к Вирджинии Меншен вернулся голос:

— Что все это значит, черт побери?

Она захватывала инициативу, пользуясь тем,

что Эдгар Грей еще окончательно не пришел в себя и не мог заговорить первым на своем тарабарском языке. Он посмотрел на нее остекленевшим взглядом. Ей даже показалось, что парень сейчас грохнется в обморок. Однако он с каким-то хлюпающим звуком шлепнулся на свое обгорелое кресло и замер там скорчившись, поскуливая, как побитый пес.

— Послушайте, Эдгар, — со всей возможной благожелательностью заговорила Вирджиния. — Пока не заявился ваш патрон, отправляйтесь-ка к себе домой и ложитесь в постель. И вообще, время от времени стоит пожевать что-нибудь. Для здоровья это ой как пользительно!

С этими словами она повернулась и вышла. А вскоре и думать обо всем забыла. Мысли ее переключились на другое.

Прошло минут пять, когда вдруг из стены прозвучал тяжелый, вибрирующий, с жестяным звоном женский голос, который позвал Эдгара.

Молодой человек задрожал. Затем, как бы ожив, поднялся.

— Эдгар, опустите жалюзи, заприте дверь и зажгите свет, — распорядился тот же голос безапелляционным тоном.

Парень повиновался как автомат, но руки его

продолжали дрожать. Глаза от страха, казалось, хотели выскочить из орбит. Он запер дверь, которая отделяла помещение от других апартаментов.

В воздухе раздалось что-то вроде свиста, затем появились светящиеся точки. Не открывая дверь, на пороге комнаты появилась женщина. Она прошла сквозь дверь!

Демоническая женщина, расплывчатая и нематериальная. На ней было длинное белое прозрачное платье. Некоторое время дверь еще просвечивала сквозь нее.

Она стояла как какой-то сверхъестественный манекен, ожидающий своего физического воплощения.

Наконец видение уплотнилось, материализовалось и стало реальным человеком. Женщина сделала несколько шагов вперед, подняла руку и с силой ударила Эдгара по лицу.

Он пошатнулся, но устоял, а затем заскулил, плача от боли и обиды.

— Эдгар, вы знаете, что не смели курить.

Она опять угрожающе подняла руку, и снова раздался звук хлесткой пощечины.

— Останетесь здесь, как обычно, и будете исполнять свои обязанности. Ясно? — Женщина

холодно посмотрела на него и продолжала: — К счастью, я вовремя прибыла и увидела эту… журналистку. Вам просто повезло. Я уже готова была использовать хлыст.

Она развернулась, направилась к двери, слегка задержавшись, прежде чем пересечь порог, и исчезла.

Стоит только стать свидетелем какого-либо несчастного случая или катастрофы, и ежедневной рутины как не бывало. Так уж устроена человеческая натура. До пожара Вирджиния часто проходила мимо вывески «Научных футуристических лабораторий», не обращая на нее ни малейшего внимания. Теперь же, минуя здание, она поглядывала на него с некоторым интересом.

Дня через два после пожара они вместе с мужем вышли из того же самого ресторана, где она была прошлый раз, неподалеку от конторы. Она проводила взглядом мужа, пока он шел к университету, и тоже отправилась по своим делам. Поравнявшись с пристанищем «футуристов», Вирджиния почему-то отчетливо припомнила все детали того дня и остановилась. Потом бросила любопытный взгляд на стеклянную дверь.

— Хм! — хмыкнула она.

В конторе вместо обуглившегося сверкало свежей краской новое окошечко и, конечно, стояли новые кресла. Эдгар Грей сидел там в своей излюбленной позе, читая журнал.

Она снова увидела в профиль его очень юное прыщавое лицо и выпирающее адамово яблоко. Рядом с ним стояла пустая корзинка для завтраков.

Все это показалось Вирджинии настолько рутинным, что она тут же ушла.

Но случилось так, что тем же вечером, в восемь часов, она садилась с мужем в такси возле дома «футуристов», направляясь в театр, и случайно глянула на дверное стекло.

В нем отражался свет лампы за окошечком. В ее лучах Эдгар все так же продолжал сидеть на том же месте и читать.

— Хорошо устроился и давненько уж сидит, — громко проговорила она.

— Что ты сказала? — переспросил профессор Меншен.

— Да так, ерунда, Норман.

Через неделю, в одиннадцать с четвертью, она снова проезжала мимо дома «футуристов». Эдгар все сидел и читал при свете лампы.

— Ну и ну! — воскликнула Вирджиния. — Хо-

зяин этой халбуры, как мне кажется, настоящий паук-кровопийца.

Муж насмешливо посмотрел на нее:

— Да-а. Работа журналиста слишком обогатила твой лексикон, дорогая!

И тут Вирджиния рассказала ему о своем коротком знакомстве с заведением «футуристов». Она увидела, что профессор нахмурился и взгляд его стал задумчивым. Однако кончилось тем, что он просто пожал плечами:

— А что тут удивительного? Может, этот Эдгар дежурит здесь по ночам. После войны многие привыкли не спать дома. Кстати, ты и сама частенько нарушаешь трудовое законодательство. Мы с тобой тоже нередко вынуждены питаться в ресторане, поскольку ты не можешь одновременно работать и заниматься кухней.

Тут он изобразил отвращение, скорчив гримасу.

— Рестораны! Тьфу, гадость!

Вирджиния засмеялась.

— Может быть, у них действительно туго с персоналом, — наконец, став серьезной, сказала она. — Но ведь, в конце концов, речь идет просто о том, что хозяева относятся к своим служащим как к людям второго сорта, мнением которых

можно пренебречь.

— Все это так. Боюсь, что ты права. Мне, к слову сказать, часто становится не по себе из-за того, что я не могу помочь тебе по хозяйству. У меня слишком много времени отнимает курс лекций по психологии, который я веду. Да и контакты мои с окружающими в значительной степени ослабли из-за занятости. А знаешь что? Не поговорить ли тебе на эту тему со старым Крайдли? Вы же работаете вместе, а у него в таких делах больше опыта и рассудительности.

Редактор отдела науки Крайдли выслушал Вирджинию, поглаживая бороду.

— Так вы говорите, «Научные футуристические лаборатории»? — наконец вымолвил он. — Нет. Никогда ими не занимался. Сейчас посмотрим…

Он ухватил валявшийся на краю стола коммерческий справочник и начал его листать.

— Да. Вот нашел… Исследования… Хотя это ничего не объясняет. Но, — он поднял глаза от книги, — дело вроде бы законное…

А потом с усмешкой добавил:

— Бьюсь об заклад, что вы ищете в этом деле какую-нибудь хитрушку.

— Знаете, у меня в голове все время крутится какая-то подспудная мысль об этом заведении,

вроде бы неплохо сделать о нем статью в газете, — вздохнула Вирджиния.

В этом смысле она, возможно, была права. И старый Крайдли протянул руку к телефону:

— Сейчас я позвоню доктору Блейеру; он, пожалуй, единственный мой знакомый невролог. Полагаю, что он может дать мне кое-какую информацию.

Телефонный разговор, однако, оказался довольно продолжительным, и Вирджиния даже успела выкурить целую сигарету. Наконец старик положил трубку и поднял на нее глаза.

— Знаете, — начал он, — ну и нюх у вас…

— Вы хотите сказать, что дело дохлое?..

— Нет, — улыбнулся он, — напротив, дело стоящее. А уж если говорить о деньгах, то это заведение действительно стоит десять, двадцать, а то и все тридцать биллионов долларов.

— Эта зачуханная конторка? — удивилась Вирджиния.

— Оказывается, филиалы этой «конторки», как вы изволили выразиться, существуют во всем мире. По крайней мере один на каждую главную улицу каждого города, где насчитывается более двухсот тысяч жителей. Даже на двух самых больших каналах Марса и двух самых крупных

островах Венеры.

— И чем же они занимаются?

— Внешне это выглядит как исследовательская деятельность во имя науки, но в действительности речь идет о широко разветвленной организации, которая инспирирует людей вкладывать средства в научные изыскания. Было несколько робких попыток разобраться с их деятельностью, но до сего времени все остается в стадии эмбрионального развития. Основатель предприятия, доктор Дориал Кранстон, был довольно известным ученым в своей области. Но вот уже лет пятнадцать как он демонстрирует огромное сребролюбие. Получается так, что вроде бы возникла некая эффективная организация, поставившая целью откачивать золотишко у простых людей, которые простодушно желают помочь науке. А получаемыми благами пользуется группа мужчин и женщин, которые берут все и даже больше того. Вы знаете подобных типов, так как бывали в их кругах.

— Неужели там так и не было проведено ни одного стоящего исследования?

— По крайней мере, я об этом не знаю.

— Странно, что нам ничего не было известно об их существовании, — насупившись, прогово-

рила она. — Пожалуй, я проведу журналистское расследование на сей счет.

Почти сразу же после пяти пошел дождь. Вирджиния Меншен спряталась под портиком ресторана, печально поглядывая на хмурое небо. Мысль о том, что придется поступиться своим вечером, не только не вдохновляла, а довольно сильно раздражала ее. Но тем не менее не возникало и мысли отказаться от своего расследования. Здравый смысл подсказывал, что стоит сначала проследить, чем занимается Эдгар Грей в обеденное время.

Эдгар был у нее «под колпаком».

К семи дождь перестал. Вирджиния рискнула выбраться из своего убежища и пройтись по тротуару, исподтишка поглядывая на здание на противоположной стороне улицы. В конторе только что зажглась лампа. И перед глазами журналистки возникла та же самая, что и раньше, картина: в луче света Эдгар Грей читал журнал.

«Ну и кретин, — раздраженно подумала Вирджиния. — Даже не пытается защитить свои права! Он ведь уже отработал утром».

Тем не менее гнев ее постепенно ослабевал и вскоре совсем испарился. В двадцать два десять она заскочила в ресторан, наскоро проглотила

чашку кофе и позвонила мужу.

— Решительно тебе заявляю, — ответил профессор, когда она закончила свой доклад, — что через час ложусь спать. Так что, наверное, увижу тебя только завтра утром.

— Я спешу, — на одном дыхании проговорила Вирджиния. — Боюсь, чтобы он не удрал из конторы, пока я с тобой болтаю.

Однако, когда он вышла и снова заняла свой пост, свет в конторе все еще горел. Эдгар стоически сидел на том же месте. Он читал все тот же свой вечный журнал.

У Вирджинии появилось какое-то сумасшедшее ощущение: ей стало казаться, что этот человек сидит на том же самом месте уже многие годы, неподвижно и в одной и той же позе. Она представила, как этот Эдгар Грей день за днем приходит на работу и остается там до поздней ночи. И никому до него нет дела. И мало того, никто даже вообще не знает о нем. Дальше этого пункта ее мысль не срабатывала. Например, она даже представить не могла, есть ли у Эдгара какая-нибудь своя частная жизнь.

Вирджиния почувствовала вдруг к нему прилив острой жалости, будто речь шла о ней самой. Какое же он влачит жалкое существование! Ка-

кая у него невероятно тусклая, нечеловеческая жизнь!

Вдруг Эдгар вскочил и нажал на одну из кнопок «счетной машины».

Вирджиния Меншен ошеломленно глядела на это. Дело приобретало все более странный оборот. Одиннадцать часов. Время идет. Одиннадцать тридцать. В одиннадцать тридцать две свет неожиданно погас, и через минуту Эдгар вышел.

На другое утро в четверть девятого Вирджиния Меншен пулей взлетела по лестнице к своей квартире.

— Не спрашивай меня ни о чем, — прошептала она мужу. — Я провела всю ночь на ногах. Все расскажу тебе потом, когда высплюсь, а спать буду целый месяц. Будь добр, позвони в редакцию и извинись за мое отсутствие.

Ей пришлось напрячь все силы, чтобы раздеться, облачиться в пижаму и скользнуть под одеяло.

Когда она наконец проснулась, наручные часы показывали полпятого, а у ее туалетного столика сидела незнакомая женщина, одетая в длинное белое платье.

Совершенно ничего не понимая, Вирджиния

Меншен только обратила внимание, что у незнакомки голубые глаза и довольно красивое лицо. Красивое? Пожалуй, да. Если бы не высокомерное и холодное выражение. А фигура тоненькая и гибкая, как у самой Вирджинии. Но что это? Женщина держит в руке нож с длинным и тонким лезвием…

Мягкий голос незнакомки нарушил тишину.

— Когда вы затевали расследование, следовало бы учесть последствия. Вы получите сполна за свое усердие. Хорошо, что вы женщина. Нам мало приходится иметь дела с женщинами.

Она смолкла, и на лице ее промелькнула загадочная улыбка, когда она стала внимательно вглядываться в Вирджинию. А та, медленно приподнимаясь на постели, спрашивала себя, где она могла раньше видеть незнакомку.

— Женщины вызывают симпатию, — продолжала та. — Но скажу вам прямо, моя дорогая, вы впутались в дело, которое будете помнить, — голос незнакомки приобрел ласковый тон, — всю оставшуюся жизнь.

Вирджиния наконец обрела способность говорить:

— Как вы сюда попали?

Помимо настойчивой мысли, что она уже где-то

видела эту женщину, Вирджиния не была ни в чем уверена. В словах незнакомки таилась какая-то скрытая угроза, и это постепенно проникало в сознание журналистки. Голос ее стал более строгим, когда она повторила:

— Как вы проникли… в мою квартиру?

Блондинка рассмеялась, обнажив все свои зубы.

— Через дверь, конечно, — ответила она.

Сказано это было с неприкрытым сарказмом. Но это-то как раз и вывело Вирджинию из состояния ступора. Она глубоко вздохнула и поняла, что проснулась полностью.

Прищурив глаза и четко осознавая всю нелепость ситуации, она в упор стала разглядывать незнакомку. Тут взгляд ее приковал дьявольский нож, и в душе стал нарастать беспричинный страх.

Она представила, как возвращается Норман и, войдя в спальню, застает ее зарезанной и лежащей в луже крови. Она просто очень отчетливо почувствовала себя трупом, хотя, конечно, была в действительности жива и здорова Затем представила себя в гробу.

Ужас прокатился по всему телу горячей волной. Глаза вспыхнули и сосредоточились на лице

гостьи, и тут страх рассеялся.

— Наконец-то вспомнила, — весело воскликнула она. — Я теперь знаю, кто вы. Вы — жена местного воротилы, Фил Паттерсон. Я видела вашу фотографию в разделе светской хроники.

Страха как не бывало. Вирджиния, наверное, не могла бы членораздельно объяснить причину, но психологически была уверена, что люди, которых она знала и к тому же занимающие определенное положение в обществе, не могут совершить убийство. Убийцами, по ее представлениям, были главным образом незнакомцы, типы, в которых было мало человеческого и которых через определенное время полиция извлекала из безликой толпы. Будучи казнены, они навсегда исчезали из памяти людской.

— А, как же, знаю теперь, — уверенным тоном произнесла она, — вы входите в состав руководства «Научных футуристических лабораторий».

— Да, это так, — подтвердила женщина, весело кивая головой. — Я оттуда. Но сейчас, — она повысила голос, который зазвучал как колокол, — мне некогда терять время на бесполезную болтовню с вами.

— А что вы сделали с Эдгаром Греем? — нейтрально, как бы не слушая эту Паттерсон, спро-

сила Вирджиния. — Он живет как машина, а не человек.

Женщина в свою очередь, казалось, тоже не слушала ее. Она как будто хотела что-то сделать, но колебалась.

— Я должна выяснить, много ли вам известно, — в конце концов загадочно проговорила она. — Слышали ли вы когда-нибудь, например, о Дориале Кранстоне?

Должно быть, что-то в выражении лица Вирджинии подтвердило ее догадку, ибо она продолжала:

— А! Вижу, что слышали. Ну что ж. Очень вам признательна. Теперь мне совершенно ясно, что вы представляете для нас опасность.

Она снова замолчала, затем поднялась.

— Это все, что я хотела узнать, — странно монотонным голосом повторила она. — Глупо, конечно, вести разговоры с тем, о ком заранее известно, что он должен вскоре умереть.

И, прежде чем до Вирджинии дошел угрожающий смысл ее последних слов, женщина подскочила к постели. Нож, о котором журналистка совсем забыла, сверкнул как молния в руке пришелицы и пронзил левую грудь Вирджинии.

Дикая боль и ощущение раздираемого сталью тела пригвоздили ее к постели. Она еще успела увидеть торчащую из своей груди рукоятку смертоносного оружия, и затем все погрузилось во тьму.

Профессор Норман Меншен, весело насвистывая, вошел к себе домой. Стрелки часов показывали семь. Ему хватило пяти минут, чтобы положить шляпу, трость, повесить пальто, побывать в гостиной и на кухне. Еще раздеваясь в прихожей, он обратил внимание на то, что верхняя одежда Вирджинии висит на месте.

Посвистывая, но теперь уже потише, он подошел к двери спальни и постучал. Изнутри не было слышно ни шороха. Он потихоньку вернулся в гостиную, сел и раскрыл номер «Ивнинг геральд», который купил по дороге домой.

Владея приемами скоростного чтения, он мог прочитывать двенадцать сотен слов в минуту. Профессор прочел все, за исключением светской хроники.

В половине девятого он отбросил газету.

Посидел, нахмурив брови, поскольку был обижен тем, что Вирджиния дрыхнет до сих пор с самого утра. К тому же ему не терпелось удовлетворить свое любопытство относительно

результатов расследования, которое она вела прошлой ночью по «Научным футуристическим лабораториям».

Он снова постучал в дверь спальни. Ни звука. Тогда он открыл дверь и вошел.

Комната была пуста.

Профессор Меншен забеспокоился. С раскаянием он посмотрел на смятую постель и опустил голову. Потом улыбнулся. После двенадцати лет совместной жизни с Вирджинией он прекрасно знал, какую беспорядочную жизнь ведет его жена журналистка.

Однако оставлять беспорядок в комнате было не в привычках Вирджинии… За исключением одного-двух раз, пожалуй, когда он, естественно, прибирал за нее: поправлял постель, пылесосил ковер и паркет. Конечно, это придется сделать и сегодня…

Перестилая постель, он заметил на покрывале пятнышко крови.

— Ну вот еще и это! — недовольно проворчал профессор. — Не стоило выходить на улицу, если пошла носом кровь. Да еще к тому же ушла без пальто!

Он вернулся в гостиную и послушал по радио новую игру, загадка успеха которой у публики

занимала его уже пару недель, а смысл игры он напрасно пытался уловить.

Как и ранее, он и этим вечером ничего в радиоигре не понял. Нортон засмеялся, но смех его прозвучал фальшиво. Передача закончилась, он выключил приемник и снова стал независимо насвистывать.

Наконец профессор посмотрел на часы: было уже одиннадцать.

«Может быть, позвонить в «Геральд», — подумал он. — Нет, не стоит. Там, в редакции, считают, что она приболела, сам же и предупреждал».

Пришлось полистать полицейский роман, который мусолился им уже почти месяц. В полночь он отложил книгу и опять посмотрел на часы. Тут уж он ощутил, как его охватывает беспокойство, которое и до того шевелилось где-то в подсознании, когда он еще читал. Нет, нужно что-то предпринимать.

Поднялся, выругался, пытаясь подавить злость, которая закипала в нем против Вирджинии. Она просто не должна была уходить, не позвонив ему!

И тут он решил, что пора лечь спать. Проснулся как от какого-то внутреннего толчка. На часах было восемь, и солнце во всю било в окно. С

неохотой выскользнув из-под уютного одеяла, он вошел в спальню жены.

Там ничего не изменилось.

«Нужно, — подумал он, — привести себя в порядок и поразмыслить логично. Представим, что я обращусь в полицию, конечно, после того, как проверю, не находится ли Вирджиния у себя в редакции или каком-либо другом известном мне месте. Полиция начнет задавать вопросы. Затребует ее описание. Ну ладно. Скажем так: внешность у нее впечатляющая. Рост — метр шестьдесят пять. Рыжая… Что еще?.. Волосы блестящие…»

Он пытался сосредоточиться на других вещах, хотя, конечно, было не время предаваться романтическим воспоминаниям.

— Рыжая, — уверенно произнес он вслух, — и одета была в…

Меншен замолк, потому что здесь требовалась научная точность. Решительно направился к гардеробу. Минут десять сосредоточенно рылся, перебрав почти четыре дюжины платьев и пытаясь установить, в чем же она ушла. Разволновался, так как обнаружил кучу платьев, которых раньше вроде бы и не замечал.

Через десять минут профессор Меншен, при-

знав свое поражение, вернулся в спальню, как раз в тот момент, когда туда же проник сквозь стену размытый мужской силуэт.

Странное видение на некоторое время застыло, как бы восседая на облаке, как бывает при съемках фантастического эпизода в кино. Затем стало быстро материализовываться и наконец превратилось в мужчину с наглым и насмешливым взглядом, одетого в вечерний костюм, который холодно поклонился и проговорил:

— Не обращайтесь в полицию. Не советую вам совершать безрассудных поступков. Исполняйте свои обязанности и поищите приемлемое объяснение отсутствия вашей жены. Потом наберитесь терпения. Просто ждите.

Он повернулся. Тело его стало меняться, просвечивать. Незнакомец шагнул в сторону и исчез в стене.

Делать было нечего, так что профессор Меншен и не стал ничего делать. Однако во время войны ему приходилось принимать решения, и довольно эффективные. Минутное колебание. Затем он твердым шагом прошел в свою комнату, выдвинул ящик стола и вынул оттуда автоматический «люгер», который валялся там долгие годы. Это был военный трофей, а поскольку Нормана в свое

время наградили почетной медалью, то он имел право на лицензию на ношение оружия.

Сначала со все возрастающим скептицизмом профессор повертел оружие в руках, но в конце концов осознал его символическое значение и, сунув в карман, покинул дом.

Профессор был уже на полпути к университету, когда вспомнил, что сегодня суббота и никаких лекций нет. Он остановился и сухо рассмеялся. Надо же было додуматься убеждать его, чтобы он воспринимал вещи спокойно и ждал!

Застыв, Меншен вдруг осознал истинное положение вещей: человек свободно проходит сквозь толстенные перекрытия! Но что же случилось с Вирджинией?!

Мозг отказывался работать. Меншен вдруг почувствовал странную разбитость и расслабленность, в горле першило, как будто провел день на жаре. Дотронувшись до лба, профессор не почувствовал прикосновения своих пальцев. Было такое ощущение, что они отмерли.

Он тупо посмотрел на руки остекленевшим взглядом и бросился к аптеке на углу улицы.

— Мне нужна плазма крови для инъекций, — проговорил он запинаясь. — Я упал, ударился, и теперь у меня головокружение.

Все это было не совсем ложью. Он действительно был в шоке, и даже, можно сказать, в очень сильном шоке.

— С вас доллар, — сказал фармацевт, протягивая ему пакет.

Меншен заплатил, поблагодарил и вышел широким шагом. Мозг его снова действовал нормально; исчезли вялость и полуобморочное состояние. Теперь самым важным ему казалось оценить ситуацию.

Он начал старательно вспоминать известные ему факты: «Научные футуристические лаборатории»; Эдгар Грей; доктор Дориал Кранстон; странный тип с наглым выражением лица, который проходит сквозь стены.

Тут он остановился. Снова закружилась голова, и профессор прошептал изменившимся от избытка чувств голосом:

— Нет. Это невозможно. Должно быть, я брежу. Человеческое тело, хоть и изменяющаяся структура от примитивного образца к высшему, но тем не менее… Однако…

«Тезис Хайгдена! — вспомнил он. — Согласно ему, человек может проникать через некую субстанцию только в том случае, когда на него воздействует некая поступающая извне энергия.

Тезис Хайгдена, гласящий, что современный человек, поступательно двигаясь к вершине развития, становится все более и более разжиженным!»

Из уст Меншена вырвался короткий смешок. Он был зол на самого себя. «Что толку вспоминать об академических спорах и баталиях, когда Вирджиния…»

Он был вне себя. Чувствовал, как внутри все больше нарастает напряжение. Увидел еще одну аптеку, вошел и купил еще дозу плазмы крови.

Некоторое время спустя, восстановив физические силы, но все еще чувствуя себя морально разбитым, он зашел в кафе. И тут совершенно ясно осознал всю безнадежность своего положения. Его охватил дикий страх, но он ничего не мог поделать, кроме как подчиниться совету незнакомца: ждать!

Воскресенье. Одиннадцать часов. Меншен вышел в город и с любопытством посмотрел на стеклянную дверь «Научных футуристических лабораторий». Эдгар был уже там, длинный и противный, погруженный в чтение своего журнала.

Прошло десять минут. Эдгар даже не шелохнулся, лишь перевернул страницу. Меншен возвратился к себе.

Понедельник. В расписании «окно». Лекций нет. В аудитории сидят еще три преподавателя. Меншен завел разговор о «Научных футуристических лабораториях».

Трубридж, преподаватель физики, даже подпрыгнул, услышав это название, потом засмеялся вместе с остальными. Кэсседи, ассистент с кафедры английского языка, прокомментировал это так:

— Смешное название. Говорят, что его придумал новая звезда эстрады, комик Томми Рокет.

Третий преподаватель вообще решил переменить тему разговора.

Вторник. Ни одного свободного часа. В перерыв пополудни Меншен зашел в книжную лавку и попросил там найти труды доктора Дориала Кранстона и что-нибудь о нем.

Ему принесли две книги самого Кранстона и одну брошюру некоего доктора Томаса Торранса.

Первый том Кранстона назывался «Физические свойства человеческой расы». Удивительно наивная вещь, трактат о пацифизме, приговор убийцам и убийству как таковому в целом, во всем мире, эмоциональный человеческий документ, направленный против войны, в котором автор распинается нудно и долго на тему о том,

что все люди братья, а также выступает против любых форм расовой дискриминации.

Он превозносит рукопожатия как символ дружбы; выступает за поцелуи между мужчинами и женщинами разной национальности без всяких сексуальных поползновений; ссылается на обычай эскимосов, которые трутся носами в знак приветствия.

«Враждебно настроенные друг к другу народы, — писал Кранстон, — *заряжены энергией с различными полюсами по отношению друг к другу, и только с помощью физических контактов можно разрядиться, снять разницу потенциалов. Например, девушка белой расы, которую целует студент-китаец, на десятый раз почувствует, что это ей нравится и в этом вообще нет ничего отталкивающего. Постепенно китаец станет для нее таким же, как и окружающие ее соплеменники, и она перестанет испытывать к нему чувство человека другой расы. Следующим этапом будет свадьба, и то, что началось как экзотическая страсть, превратится в стабильный, полноценный союз. Вокруг мы видим множество подобных примеров, и даже если сами не проделываем подобных экспериментов, то все равно принимаем их как реальность».*

Основательно ошеломленный пустопорожними рассуждениями, Меншен с трудом понял, что это и есть основной тезис «труда» Кранстона.

Второй трактат по сути не слишком отличался от первого, просто-напросто перепевал его лишь более вычурным языком. Чтобы прочесть, Меншен должен был сделать над собой серьезное усилие.

Затем он полистал брошюру о Кранстоне, написанную неким Торрансом, и, открыв первую страницу, прочел: *«Доктор Дориал Кранстон, пацифист, известный невролог, родился в Луисвилле, штат Кентукки, в…»*

Меншен с отвращением захлопнул книжку, в которой тоже в основном утверждалось, что физический контакт между людьми творит чудеса в области человеческих отношений. К его крайнему сожалению, брошюра, посвященная Кранстону, не имела ни малейшего отношения к сегодняшней реальности.

Среда. Профессор Трубридж перехватил Меншена, когда тот возвращался к себе.

— Норман, — сказал он, — я хотел бы поговорить с вами относительно вашего упоминания «Научных футуристических лабораторий» прошлый раз. Если эти люди вошли в контакт с

вами, то без колебаний выполняйте то, что они попросят.

В какой-то момент у Меншена создалось впечатление, что эти слова произносит не человек, а автомат, запрограммированный на их произнесение. Однако по некотором размышлении он должен был согласиться, что этот совет не лишен здравого смысла. И подавил вопрос, который мог свидетельствовать о его полном невежестве в данной области. Проглотив комок в горле, он молчал, ожидая дальнейших разъяснений, которые не замедлили последовать от Трубриджа.

— Года три тому назад, — начал тот, — пользующий меня врач, доктор Хоксуэлл, предупредил, что мое сердце начнет сдавать месяцев через шесть. И я, не теряя времени, отправился в клинику Майо. Там мне подтвердили диагноз. Через месяц, когда я уже махнул на все рукой, предоставив событиям идти своим чередом, пришла мысль войти в контакт с «Научными футуристическими лабораториями», о которых шла речь. Там мне сообщили, что могут имплантировать новое сердце, но это будет стоить десять тысяч долларов. Для большей убедительности мне даже показали одно в банке, которое билось, — живое сердце. Мне сказали также, что могут заменить

и другие органы, если в том будет нужда, при соответствующей оплате, конечно.

— Но я полагал, что трансплантация органов невозможна, — начал Меншен, — потому что…

Тут он замолчал, признавшись самому себе, что не это сейчас его занимает. Другое сверлило мозг, как бормашина. Голос Трубриджа, который доносился, как сквозь вату, тем не менее ответил:

— Для них это не проблема, поскольку они открыли новый элемент в электричестве органики.

И тут Меншена поразила одна мысль. Глухим голосом, четко выговаривая слова, он спросил:

— А где же они берут живые органы для трансплантаций?

— Ну… — неуверенно начал Трубридж.

Глаза его округлились. На лице появилось несколько растерянное выражение, и он прошептал:

— Я как-то никогда об этом не задумывался…

Направляясь домой, Меншен все старался отогнать эту, возникшую в разговоре, мысль, пытаясь думать о других вещах.

Этим же вечером Меншен нервно шагал из угла в угол гостиной. Он был страшно зол на самого себя. Ждать, ничего не предпринимая, так долго!

Однако проблема оставалась та же самая: что делать, что он может сделать в данной ситуации?

Предупредить полицию?

Эта мысль его не особенно привлекала, поскольку еще оставался шанс, что все устроится само собой. К тому же ему рекомендовали не обращаться в полицию, а просто спокойно подождать.

Что же еще?

Ну, он мог направить письмо в свой банк с распоряжением хранить его там в личном сейфе и огласить в случае, если с ним что-нибудь случится… Да, пожалуй, это неплохая идея.

Он написал письмо. Затем, продолжая сидеть за столом, глубоко задумался. После долгих размышлений, хотя ничего дельного ему в голову не пришло, он начал лихорадочно писать, следуя привычке подходить ко всему с научных позиций. Он покрывал лист строчка за строчкой, излагая свое видение событий.

«Вирджиния случайно обнаружила существование «Научных футуристических лабораторий». Она исчезает. Меня предупреждает человек, который проникает сквозь стену. Я знаю, что:

1. Доктор Дориал Кранстон, основатель «Научных футуристических лабораторий», является одновременно оголтелым пацифистом и известным неврологом.

2. Так называемые «футуристы» продают в больших объемах необходимые больным людям человеческие органы. (Речь, возможно, идет о коммерческом предприятии. Источник их получения?)

3. Проникновение сквозь стены является для «футуристов» возможностью продемонстрировать свое могущество и власть, которую они ни с кем не хотят делить (однако от меня они этого не скрывают).

4. Редактор отдела науки «Геральд» Крайдли сообщил Вирджинии, что попытки проконтролировать и расследовать деятельность «футуристов» подавляются в зародыше — свидетельство того, что эти люди обладают определенным иммунитетом во влиятельных и правительственных кругах.

5. Представляется, что им нет никакого смысла относиться к Вирджинии

как к кому-то особенному, а не как к… источнику… получения живых внутренних органов…»

Меншен написал последнюю строчку и с ужасом посмотрел на свой список: там не было ни малейшей зацепки, которая позволила бы ему отправиться на поиски Вирджинии, ни малейшего следа, по которому можно было бы пойти.

Подумав еще немного, он написал:

«Если я свяжусь с полицией, а она арестует доктора Кранстона и Эдгара Грея, то Кранстон уйдет сквозь стены, а Эдгар…»

Меншен оторвал перо от бумаги и с каким-то болезненным любопытством стал вчитываться в то, что написал. Эдгар! Вот оно. Если соответствует действительности, что филиалы этих «лабораторий» существуют во всех крупнейших городах мира, то сотни таких Эдгаров занимаются вопросами приема посетителей. Да, конечно… Эдгар!

Что же обнаружила Вирджиния?

И тут он задрожал с головы до пят. Взгляд упал на часы, стоящие на каминной полке. Без одной

минуты десять. Если поспешить, то он успеет добраться до улицы возле ресторана как раз в то самое время, когда Вирджиния звонила ему в ночь слежки за Эдгаром. Он сможет установить за ним наблюдение, как это сделала она.

Эдгар находился на том же месте. Меншен поставил машину несколько выше по улице, откуда прекрасно мог наблюдать за Эдгаром, высвеченным конусом света.

Эдгар читал журнал. В одиннадцать тридцать он поднялся, надел шляпу, погасил свет и вышел на улицу, заперев за собой дверь.

Не оглядываясь по сторонам, он решительно направился к ресторану, где Меншен частенько обедал с Вирджинией. Профессор вылез из машины и подобрался к ресторанному окну.

Эдгар у стойки поглощал кусок торта с кофе. Окончив жевать, он бросил на прилавок несколько монет. Меншен едва успел повернуться спиной, как объект его наблюдений толкнул дверь и вышел. Он спустился вниз по улице и через пять минут вошел в слабо освещенное фойе небольшого театрика, который работал всю ночь. Меншен снова вылез из машины и через минуту, чуть задохнувшись, последовал за Эдгаром, который устроился в кресле прямо напротив сцены.

Меншен занял место в трех рядах от него.

Три часа утра. Эдгар все еще сидит на месте и круглыми блестящими от возбуждения глазами смотрит на сцену. А Меншен между тем засыпал. Проснулся он как от толчка. На часах шесть сорок пять. Эдгар сидел согнувшись, упершись подбородком в колени. Ноги он для удобства поставил на перекладину стоящего впереди стула. Но он не спал. В семь сорок Эдгар Грей резко встал и направился к выходу из зала.

Меншен проводил его до ресторанчика, находящегося метрах в тридцати. Эдгара обслужили за четыре минуты, а за три последующие он покончил с едой. Официантка привычно сняла с полки корзину с завтраком, уже наполненную, и, забрав ее, Эдгар снова вышел на улицу. В одной из лавчонок по дороге он приобрел четыре журнала.

Без одной минуты восемь Эдгар Грей повернул ключ в замочной скважине конторы. Войдя, он тут же устроился в кресле за окошечком, раскрыл журнал и углубился в чтение.

Вероятно, сегодняшний его день, ничем не отличаясь от вчерашнего, покатится по наезженной колее.

«Ну и что же мне теперь делать?» — подумал Меншен.

Вернувшись домой, профессор принял холодный душ, быстренько проглотил завтрак, состоящий из поджаренного хлеба и чашки кофе, а затем отправился в университет. Первая его лекция должна была начаться без двадцати десять, и еще оставалось время поразмыслить о том, что же он в конце концов обнаружил.

Так что же он выяснил? Ничего особенного, если не считать открывшейся ему новой стороны неврологической деятельности доктора Кранстона. Этот человек наверняка был гениален. Меншен задавал себе вопрос: а не упустил ли он чего, читая труды Кранстона и брошюру о нем?

В настоящий момент ему оставалось только дожидаться вечера. А сейчас, пока было свободное время, он вытащил из стола биографию доктора, написанную тоже доктором, правда, философии, Томасом Торрансом.

Открыв ее, он обратил внимание на фронтиспис, на фотографию стоящего на террасе загородного домика или поместья человека.

Меншен даже подпрыгнул от удивления. Он разглядывал фотографию, не веря своим глазам, и не мог оторваться от этого холодного и наглого лица. Под фотографией была подпись:

«Автор книги, доктор Томас Торранс в своем поместье в Нью-Делафилде, штат Массачусетс...»

Никакой ошибки не могло быть, именно Торранса он видел проникающим сквозь стены, и именно Торранс советовал ему не обращаться в полицию!

Меншен никак не мог привести в порядок свои мысли. Недосыпание прошлой ночью, нервное напряжение почти в течение недели — все это тяжело давило на мозг, а ему сейчас требовалась полная ясность ума, чтобы взвешенно проанализировать все аспекты своего открытия. Он вернулся домой и поднял телефонную трубку.

Поскольку Меншен заказал Калифорнию, то ждать пришлось не слишком долго. Минут через пятнадцать прозвенел звонок вызова.

— Вы заказывали, сэр? — спросила телефонистка.

Меншен глубоко вздохнул, затем мягко произнес в трубку: «Алло!»

По линии шел фоновый шум, затем наступила тишина, раздался щелчок и он услышал знакомый голос, который спокойно произнес:

— Что вы задумали, профессор?

Меншен сглотнул комок в горле. Слова были вовсе не те, которые он ожидал услышать, да и спокойный, даже какой-то конфиденциальный тон говорившего смутил его. Он даже почувствовал себя несколько смешным и нелепым.

— Торранс, — тем не менее проговорил он наконец, — поскольку моя жена не вернулась, я начинаю действовать.

Наступила тишина, потом прозвучал приглушенный смех.

— Любопытно узнать, что же вы собираетесь предпринять?

Высокомерие, с которым это было сказано, сквозило в каждом слове. Меншен почувствовал какую-то опустошенность, но продолжал бороться.

— Прежде всего я обращусь в газеты, — глухо сказал он.

— Нет… Ничего у вас не выйдет, — отрубил Торранс, как бы вынося приговор. — Каждый редактор газеты в стране находится под нашей опекой. Могу даже сказать вам, что это же касается и руководителей государства, военного руководства, шефов адвокатских ассоциаций, министров и некоторых других видных лиц.

— Это ложь, — отозвался Меншен, чувствуя,

что ему становится холодно. Это же было вопреки всем законам, если люди, о которых говорил Торранс, способны на такое.

Смех Торранса заскрежетал в трубке.

— Смею надеяться, что человеческая жизнь еще зависит от законов природы. Наша оперативная база находится в Северной Америке. Так что, Меншен, мы ничего не боимся, опираясь на людей, занимающих важные посты. Мы их периодически кое-чем снабжаем или отказываем в этом, они клюют с наших рук…

Тем же тоном он продолжал:

— Я не хочу вам детально объяснять, профессор, что, как и почему. Уж поверьте мне на слово. Вы, конечно, могли бы связаться с местной полицией. Иногда она пытается ставить нам палки в колеса, и тогда приходится ее нейтрализовывать. Надеюсь, я ясно все объяснил? А теперь, если вы не против, я…

Дикая ярость охватила Меншена до такой степени, что он чуть было не задохнулся.

— Торранс! — взревел он. — Что вы сделали с моей женой?!

— Друг мой, — голос собеседника стал ледяным, — вас это, может быть, и удивит, но у нас нет вашей жены. До свидания!

Раздался щелчок, и связь прервалась.

Меншен вновь заказал разговор, но на этот раз с маленьким городком, где должен был находиться Кранстон.

— Алло! — крикнул он в трубку, когда связь была установлена. — Это вы, доктор Кранстон?

В трубке раздался приглушенный смех.

— Ну и ну! — проговорил опять не чей иной, как голос Торранса. — А вы упрямы, профессор!

Меншен, не сказав ни слова, повесил трубку. Как же получилось, что он вызывал Нью-Джерси, а попал в Массачусетс? Но самое странное было в том, что его звонок уже ждали.

Он только собрался перейти в гостиную, как вдруг, сквозь стену прихожей просочился туманный облик его жены Вирджинии.

Она была в пижаме и постепенно материализовывалась у него на глазах. Оставаясь неподвижной, она какое-то время смотрела на него безумным взглядом, потом разрыдалась. Слезы ручьями текли по ее щекам. Все лицо было мокрым от них. И тут она бросилась на шею мужа и прижалась к его груди.

— Дорогой мой, дорогой! — беспорядочно говорила она, захлебываясь от рыданий. — Они убили меня! *Они меня убили!*

С момента, когда Вирджиния пришла в себя, она не переставала стонать и плакать. Ужас происшедшего, особенно нож в груди, увиденный ею, прежде чем она потеряла сознание, запечатлелся в мозгу, как будто выжженный кислотой.

Придя в себя, она увидела, что находится в огромном помещении. Она лежала на жестком столе без подголовника, поначалу ничего не ощущая, и только через несколько минут поняла, что нож из ее груди вынут. Она жива и не испытывает боли.

Жива! Дрожа, она попыталась подняться, но тут-то боль и дала о себе знать. Сначала в пояснице, а потом в левой стороне груди, как будто там еще торчал клинок.

Мало-помалу боль стихла, но то, что она оказалась реальной, пронзило ее ужасом. Она все же некоторое время не шевелилась.

Поскольку боль не возвращалась, Вирджиния решила оглядеться вокруг.

Это была комната около сорока квадратных метров. Вдоль стен стояли стеклянные сосуды, сантиметров шестьдесят в высоту, разделенные на две камеры. Повернув голову, Вирджиния четко различила то, что в них находилось справа и слева. Это было нечто, напоминающее челове-

ческие сердца.

Остолбенев, она смотрела на эту картину помутившимся взором, пока наконец до нее не дошло, что сердца живы и бьются.

Они вздымались и опадали в четком ритме, и, что самое странное, их «тиканье» не было обусловлено никаким посторонним вмешательством. Она так и смотрела на них, окаменев, пока минут через пять к ней не вернулось ее обычное хладнокровие. И тут Вирджиния попыталась оценить свое собственное положение. Она обнаружила деталь, которая до сих пор ускользала от нее: из пижамы был вырезан квадрат материи, а через отверстие виднелась повязка, наложенная на то место, куда вошел нож.

Белизна повязки как-то успокоила. Это свидетельствовало о том, что ее не бросили на произвол судьбы, ею занимаются. И угроза смер-

ти отдалилась.

Будущее сулило кое-какую надежду. Скорее всего, она находилась в клинике неподалеку от своего дома. Наверное, ее туда срочно доставили. Она была жива, и ее смущало только отсутствие врачей и медсестер. Может быть, она очень недолго лежит на столе?

И тут ее охватил праведный гнев. Гнев был столь велик, что прямо-таки затягивал ее сознание темной пеленой. Однако минута текла за минутой, и ей опять пришлось призвать себя к спокойствию. Вообще говоря, если бы она лежала на больничной койке, то смогла бы мыслить разумно и аналитически, но, лежа на столе, ей трудно было успокоиться.

Она подняла голову, осторожно оперлась на правую руку и попыталась сесть. Ничего не случилось. Она не испытывала ни малейшего намека на ту боль, которую ощущала несколько минут тому назад. Следовало только воздержаться от резких движений…

Замерев, Вирджиния посидела на краю стола, поболтала ногами и стала разглядывать это фантастическое количество человеческих сердец, которые ее окружали.

Мало-помалу ее охватывало странное чувство.

Чем-то нереальным выглядели ряды бьющихся сердец, каждое в своем отделении и каждое в своем ритме. Но больше всего ее беспокоило отсутствие людей. За исключением кубов с сердцами, в помещении никого и ничего не было. Одно только это могло довести до исступления любого самого крепкого человека.

Вирджиния, дрожа, соскользнула на пол. Снова застыла на несколько секунд, ожидая, что тело ее разнесет на куски от боли, но ничего не случилось.

Двинувшись вдоль рядов сердец, она видела их только боковым зрением, стараясь смотреть прямо перед собой. Это огромное, невообразимое количество кровавой плоти просто подавляюще действовало на нее.

В глубине комнаты виднелась дверь, казавшаяся запертой, но, как ни странно, легко, беззвучно отворившаяся, выводя на лестницу, поднимающуюся к другой двери.

Вирджиния карабкалась вверх, подгоняемая паникой и желанием бежать куда глаза глядят при одном воспоминании о бьющихся в сосудах кроваво-красных комках плоти.

Вторая дверь была металлической, в ее замке торчал ключ, который со скрежетом повернулся.

Вирджиния толкнула дверь, вышла за порог и очутилась на тропинке, вьющейся среди зарослей кустарника. Солнце золотило вершины недалеких холмов. С грехом пополам Вирджиния двинулась вперед, куда вела тропинка. Добравшись до вершины холма, она остановилась, как пригвожденная к месту тем, что открылось ее взору…

Вирджиния Меншен замолчала, перестав рассказывать о своих приключениях. Муж заставил ее лечь в постель. Подперев голову рукой, она наблюдала, как он ласково рассматривает ее.

— Но ты же не мертва. Ты здесь, со мной, жива и здорова. Успокойся…

— Ты не понимаешь, дорогой, — безнадежным тоном сказала она. — Ты… не… понимаешь…

— Ну хорошо, продолжай, дорогая, — проговорил профессор Меншен спокойно. — Что же такое необычное ты там увидела?

…Коралловый остров, настоящие тропические джунгли, окруженные голубым морем, которое на горизонте сливалось с небом. А в небе сверкало полуденное солнце. Жара была просто опаляющая. У нее закружилась голова, и она оглянулась, ища взглядом дверь, из которой вышла. Вирджиния ожидала увидеть какой-нибудь дом или хотя

бы просто строение, но не обнаружила ничего подобного.

Повсюду, насколько хватало глаз, простиралась зеленая густая растительность. Даже полуоткрытую дверь камуфлировал покров мха.

В воздухе плавал одуряющий аромат цветов, гниющей растительности и еще чего-то терпкого и непонятного.

Она еще раз посмотрела на дверь, чтобы убедиться, что та существует в реальности, затем сделала три шага к ней и услышала какой-то, хотя и не слишком сильный, свист. Он шел откуда-то из-за горизонта справа, потом усилился и стал приближаться.

Через некоторое время она поняла, что это звук турбин реактивного самолета. Самолет был виден, как малюсенькая точка в огромном голубом океане неба. Точка стала на глазах увеличиваться. Она превратилась в некий объект метров шестьдесят длиной, почти бескрылый, за исключением небольших стабилизаторов на хвосте.

Он пронесся как молния, не замечая знаков, которые она подавала, махая руками…

Вирджиния провожала его взглядом до тех пор, пока он не исчез в солнечном сиянии, а с ним исчезла и ее единственная надежда. Вос-

становившаяся тишина плотно окутала ее. И тут она вспомнила о двери, которая вдруг могла захлопнуться. Вбежала вовнутрь и заперла ее на ключ. Ее охватила свежесть кондиционированного воздуха и обрадовало скрытое, не режущее глаза освещение. Все знакомое, искусственное, механическое. Подземелье было связано со специальными источниками питания.

Вирджиния улеглась на диванчике, который обнаружила в углу, и, немного отдохнув, обратила внимание, что на стеклянных сосудах с сердцами белеют какие-то наклейки.

Подойдя к ближайшему кубу, она прочла вслух:

— «Моррисон, Джон Лоуренс, г. Нью-Йорк, 25, Карригат-стрит».

На другом отделении, кроме имени, ничего не было. Тогда она пошла вдоль кубов и, добравшись до буквы «Н» поняла, что сердца расположены в алфавитном порядке.

Затем ее привлекла буква «П», и она тут же поняла, что нашла имя, которое подсознательно искала. У нее даже потемнело в глазах, когда она прочла:

«Паттерсон, Филиппе (Сесилия Доротея), Калифорния, г. Крайст, 2, Мейфайер».

Она задыхалась, воздух с трудом вырывался из груди. Одним прыжком подскочила к ряду, где должна была находиться фамилия Грей. Но Эдгара там не было. Единственно похожее было «Грай, Персиваль Уинфилд, Англия, Лондон».

Несколько секунд, чтобы сосредоточиться, Вирджиния наблюдала за сердцем Персиваля, которое четко и ритмично сокращалось. Потом, немного отдохнув и подумав, она постаралась убедить себя, что Эдгар никак не может находиться среди них. Эдгар — раб, робот в человеческом обличье, который с помощью каких-то чар был обречен на вечное обслуживание машины и бессонные ночи.

Рассуждая так сама с собой, она зашла в тупик. Однако постепенно у нее в голове зрела одна мысль, настолько невероятная и безумная, что мозг даже старался отторгнуть ее, отказываясь принять. Но по мере того как она приближалась к букве «М», эта мысль все больше и больше овладевала ею.

Наконец Вирджиния остановилась перед отделением куба, которое со страхом искала. Сердце, помещенное там, несколько отличалось от других. Оно, конечно, так же, как и другие, расширялось и сокращалось, но на аорте была

небольшая наклейка, своего рода повязка, которую Вирджиния видела очень четко. К тому же табличка с ее именем не оставляла никаких сомнений.

Вирджиния Меншен прямо-таки пожирала взглядом эту, принадлежащую ей, вещь, смотрела на нее загипнотизированная, как птичка под холодным взглядом чудовищной рептилии. За ее спиной раздался какой-то шум, но она не обратила на это никакого внимания. Звук повторился, и тогда она насторожилась.

Это был звук вроде того, как будто кто-то, откашливаясь, прочищает горло, а затем прозвучал голос:

— Доктор Дориал Кранстон к вашим услугам, госпожа.

Вирджиния автоматически повернулась; ей было как-то все равно, что она стоит в одной пижаме перед незнакомцем.

Пожилой человек, которого она увидела, никак не соответствовал тому образу, который она мысленно себе создала. Впрочем, даже трудно было сказать, к какому типу людей его отнести, но уж во всяком случае она не ожидала увидеть это доброе лицо не совсем старика, но довольно пожилого человека с голубыми выцветшими

глазами, усталого и печального, который учтиво ей поклонился. Потом проговорил самым прозаическим образом:

— Проблема консервации отдельных человеческих органов была решена в ряде стран, где до, а где и после второй мировой войны. Однако больше всего добились в России. Я должен еще раз сказать, что русские в этой области достигли грандиозных успехов. Конечно, в своих работах по консервации органов человеческого тела я использовал достижения русских ученых, как, впрочем, и специалистов других стран. По профессии я невролог. Я…

В этот момент к Вирджинии вернулась способность говорить. Лицо ее постепенно приобрело осмысленное выражение, взгляд перестал быть остекленевшим, хотя голос этого внешне беззащитного человека обезоруживал ее. Но ей хотелось знать в первую очередь о себе, и это желание преобладало над всеми другими.

— Но если это мое сердце, — махнула она рукой в сторону стеклянного куба, — что же теперь у меня в груди?! Что?

Вот тут-то безобидный старичок преобразился, взгляд его стал холодным и враждебным.

— Вас закололи кинжалом, не так ли? Тем не

менее вы разговариваете со мной. Но вас ведь и раньше не особенно заботило, что там в груди! Вы просто считали, что там сердце, просто-напросто. Должен сказать, что я не пользуюсь варварскими методами. Подойдите-ка сюда!

И, не обращая больше на нее внимания, он повернулся и решительно двинулся в глубь помещения. Тронул что-то на стене, и там образовалась неширокая щель. Панели бесшумно раздвинулись, открыв вход на лестницу, спускающуюся в подземелье.

Расположенное ниже помещение было столь же обширно, как и то, которое они покинули. Там тоже стояло множество стеклянных сосудов с сердцами, легкими и чем-то, напоминающим печень; там же находились поджелудочные железы и пары почек. Все они казались живыми. Легкие, в частности, были огромными. Они раздувались и опадали с какой-то нечеловеческой мощью.

Старик остановился перед отделением с легкими. Не говоря ни слова, он вглядывался в надписи. Собрав всю силу воли, Вирджиния тоже приблизилась. Воля ей действительно понадобилась, поскольку там было написано ее собственное имя.

Медленно обернувшись к старику, она впилась

в него взглядом. Мышление было ясным, а страх исчез. Единственной реальностью во всей этой ситуации оставалось одно: она жива, до сих пор жива. Все остальное было за пределами здравого смысла. Она истерически засмеялась.

— Прошу вас! Перестаньте играть в эту дурацкую игру! Чего вы хотите?

Она постепенно успокаивалась, но в голосе еще проскальзывали истерические нотки. «Эта женщина, — подумала она про себя, — эта ужасная женщина с ножом довела меня до сумасшествия».

— Доктор Кранстон, — пробормотала она, — вы выглядите честным человеком. Что же это такое? Что происходит?

Старик пожал плечами.

— Боюсь, что не смогу сказать вам больше того, что вы уже сами видели. Это — ваши легкие. Сердце, которое наверху, — тоже ваше сердце. Изъятие органа целиком не наносит серьезного вреда организму, затронуты одна-две ключевые точки, но это легко исправить. — Говоря так, он внимательно посмотрел на нее, затем продолжал: — Я допускаю, что вы выходили наружу. К сожалению, я вынужден был задержаться и не смог прийти вовремя. Это очень прискорбно.

Но никак не соберусь починить замки, которые сломал один человек, в то время как я пытался спасти ему жизнь. Это же я пытаюсь сделать и для вас, а вы…

Он замолчал.

— Впрочем, это неважно, — заключил он. — Что же касается ваших внутренних органов, то, поскольку вас убили, мне ничего не оставалось, как извлечь их из вашего тела. Вот здесь, — он махнул рукой в направлении сосуда, — находится ваш мозг. Госпожа Паттерсон слишком разошлась в своем рвении. Заколов вас насмерть кинжалом, она еще и воспользовалась длинной иглой, чтобы проткнуть мозг через ушную раковину, а затем та же участь постигла ваши легкие. Она старалась достичь того, чтобы, будучи реанимированы, вы не смогли ни в коем случае стать такою, какой были раньше. К тому же она, как, впрочем, и другие, думает, что если я позволяю себе возражать, то меня с таким же успехом можно заставить поставлять рекрутов для их делишек. Хотя, впрочем, — тут у него мелькнула жуткая усмешка, — раньше их предположения на мой счет были кое в чем обоснованными.

Он нахмурился, пошарил в карманах и вытащил что-то вроде ошейника или колье с

подвеской странной формы. Показав все это Вирджинии, он объяснил:

— А это — радиопередатчик. Если вам понадобится энергия, коснитесь вот этой кнопочки и произнесите в микрофон подвески: «Прошу нажать клавишу двести сорок три». Это ваш номер. Два — четыре — три. Запомните. Сейчас я произведу вызов для вас, чтобы, подзарядившись, вы смогли вернуться домой.

Кранстон повесил колье ей на шею, нажал крохотную кнопку и приказал в микрофон:

— Нажмите клавишу двести сорок три.

Сначала ничего не происходило, затем Вирджиния почувствовала, что ее охватывает тепло, переходящее в жар. Ощущение было таким мучительным, что она часто и тяжело задышала. Ей стало так нехорошо, что захотелось бежать отсюда без оглядки. Но куда бежать в этом подземном лабиринте? И она сжалась, застыла в этой пронизывающей боли и жаре.

Затем она ощутила, что действительно умерла, а то, что сейчас с ней происходит, — просто сон, калейдоскоп ирреальных образов агонизирующего мозга. Как сквозь густой туман, она видела безмолвно шевелящиеся губы Кранстона, и только через некоторое время к ней вернулся слух.

— ...очень болезненно в первый раз. Однако помните, что ваш мозг контролирует этот источник энергии. Когда вы представите себе, что вы нематериальны, то автоматически перейдете в другое состояние. Но как только перестанете думать об этом, то тут же начнется процесс материализации. Энергия, с помощью которой это происходит, через несколько часов ослабевает, и требуется подзарядка. Сейчас я провожу вас до стены вашей квартиры...

Вот так, возвратившись домой, Вирджиния короткими рублеными фразами долго рассказывала мужу все, что с ней произошло, начиная с момента, когда она очнулась после смерти.

В течение недели она должна была оставаться в состоянии комы и помнила лишь о тех часах, которые прошли с момента ощущения себя лежащей на столе.

К полудню муж и жена продолжали еще оставаться дома. Вирджиния говорила и никак не могла остановиться. Дважды Меншен пытался заставить ее поспать, но всякий раз, когда он за чем-нибудь выходил на кухню, она сбрасывала одеяло, вскакивала и шла за ним.

В конце концов, покорившись, он сказал себе,

что отныне у него на руках душевнобольная женщина. Но в любом случае ей требовались отдых и время, чтобы успокоиться.

Он попробовал дать снотворного. Но и приняв лекарство, она никак не могла заснуть, продолжала говорить, хотя все более слабеющим сонным голосом, пока он не лег с ней рядом. Только тогда она погрузилась в беспокойный сон.

Вот тут-то у него и появилось время для размышлений о том, как же действовать теперь, когда она вернулась.

Проснувшись, Вирджиния все еще оставалась в крайне возбужденном состоянии, как туго натянутая струна. Ее периодически охватывали приступы ужаса.

— Эта женщина! — каким-то вязким, монотонным голосом воскликнула она. — Она проткнула мой мозг через ухо! Она проколола мои легкие! Она…

— Послушай, — успокаивал ее профессор. — У многих людей проколота барабанная перепонка. Ты ведь не обезображена, осталась такой же красивой, а это главное.

Фраза эта оказала на Вирджинию магическое воздействие, и она повторила ее раз шесть подряд. Даже несколько ожила и немного успоко-

илась. Странное и диковатое выражение ее лица несколько смягчилось. Потом она стала столь безразличной ко всему, что профессор Меншен даже забеспокоился.

Он внимательно посмотрел на жену. Глаза ее были широко раскрыты, взгляд застыл, зрачки сузились. И тут он медленно заговорил:

— По всей видимости, мы имеем дело с бандой безжалостных убийц, ужасных чудовищ, несущих людям зло и смерть. Банда эта создана благодаря открытию в области неврологии доктора Дориала Кранстона, хотя сам он не является ее членом. Техническая и политическая мощь банды просто невообразима. Число членов велико. Она напоминает огромного спрута, опутавшего своими щупальцами мир. А теперь старый Кранстон, в меру своих возможностей, пытается исправить то огромное зло, которое он породил.

— Норман!

По тону, которым было произнесено его имя, он понял, что она не слышала ничего из того, что он говорил.

— Да, дорогая, — мягко ответил профессор.

— Норман, доктор Кранстон долго не протянет. Он стар. Ты понимаешь важность этого момента?

Он это понимал, но в ее словах крылся еще какой-то другой смысл, помимо простой констатации.

Немного поразмыслив, он, казалось, понял, что она хотела сказать.

— Ты полагаешь, что после его смерти некому будет контролировать этих демонов, так? — спросил он.

Снова, казалось, она не слышала его слов.

— Норман! Если только он один знает местонахождение этого острова, то что же тогда будет с моим сердцем, с сердцами других людей, если он исчезнет? Они же не смогут больше жить без постоянного наблюдения!

Странно, но в какой-то момент Меншен потерял смысловую нить разговора и никак не мог вникнуть в то, что она имела в виду.

Какое-то проклятье довлело над ним, измученным моральными и физическими пытками, которые претерпела жена. Поэтому у него в голове вертелась только одна мысль — как успокоить ее. Он открыл было рот, чтобы произнести успокаивающие слова, но вдруг передумал Замер, буквально окаменев.

«Вот оно что, — сказал он сам себе. — Вот чего она боится! Но ведь они неисправимы! Их ничем

не остановишь!»

В его мозгу кружились и отпадали различные гипотезы.

Наступил вечер, а он так и не пришел ни к какому решению. Да и что он мог, в конце концов, решить, а главное, что он мог сделать, борясь против этой преступной разветвленной организации?

Тянулись день за днем, а он все пребывал в прострации, как бы находясь в ущелье среди диких гор, куда не проникает ни один лучик света. Каждый день он убеждал себя: «Сегодня обязательно что-то случится! Они должны начать действовать, чтобы, проявив себя, дать понять, для чего же все это совершалось!»

Вирджиния вернулась к своей работе. Так прошел целый месяц. А еще через неделю, вернувшись после полудня домой, он случайно стал свидетелем трансформации Вирджинии: она прошла сквозь стену квартиры и возникла в прихожей. Была какая-то вся лучистая, буквально светилась. В прошлом тоже бывали моменты, когда она, казалось, сияла по какому-либо поводу. Но никогда до такой степени. Все тело как бы вибрировало, и ее окружала сверхъестественная аура. От лица исходили лучи.

Меншен присутствовал при странном и удивительном феномене. Розовые щеки его жены начали терять свой цвет. Не говоря ни слова, Вирджиния отвернулась от него и направилась в кухню. Это было как раз в тот день недели, когда они обедали дома.

Через два часа у нее восстановился нормальный вид, и Меншен, подняв глаза от газетного листа, сказал:

— Вирджиния!

— Что? — подпрыгнула она от неожиданности.

— Сколько раз уже с тобой случалось такое?

Он почувствовал, что вопрос застал ее врасплох и она заволновалась. Было видно, что она, по каким-то еще не ясным для него причинам, полагала, что муж ничего не заметит или не обратит внимание на происходящее.

Он увидел, как она поджала губы.

— Это… впервые, — наконец негромко произнесла она.

Но лгать она не умела. И ее усилия в этом плане были столь же заметны, как у маленького ребенка. Меншен вдруг почувствовал, что ему неловко и как-то даже стыдно. Чтобы оправдать ее, он сказал себе, что она еще полностью не оправилась от пережитого.

— Но зачем тебе это? — мягко спросил профессор.

Вирджиния, казалось, успокоилась от того, что он якобы поверил ей.

— Я еще раз хотела почувствовать процесс дематериализации, — убежденно сказала она. — Ведь если я натренируюсь, то в любой момент смогу защититься от них. К тому же я с трудом могла вспомнить, как это случилось в первый раз. Тогда я была слишком возбуждена, и к тому же все это было так болезненно…

— А на этот раз? — строго спросил он.

— А теперь было совсем не больно. Я чувствовала себя чудесно, меня охватило какое-то странное вдохновение, окутало мягкое тепло… И лишь только пожелала дематериализоваться, как у меня сразу это получилось. Я смогла пройти сквозь препятствие. Стоило мне пожелать очутиться в аллее за зданием «Геральда», как я тут же там очутилась. Я не испытывала ни малейшего напряжения. Пространственный переход оказался мгновенным.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Все следы страха исчезли с ее лица.

— Норман! Это чудесно! Это божественно!

— Послушай, а почему же ты по желанию не

можешь снова очутиться на том острове? Я бы, например, обязательно захотел встретиться с этим доктором Кранстоном.

Вирджиния печально поникла.

— Это невозможно. Не скажу, чтобы я не пыталась. Я неоднократно делала попытки, но ничего де получалось. Сначала нужно установить географическое расположение острова, а затем мысленно воспроизвести его. Совершенно необходимо точно знать, куда ты хочешь отправиться.

— Я понял, — кивнул Меншен.

Он сменил тему разговора, но про себя подумал: «Я знаю, чего ей хочется. Она хочет сохранить свои нынешние возможности. А мне нужно просто осознать, что она теперь наравне со всеми теми».

Но что же хотят от нее? Начали с того, что убили, хотя она добилась немногого в своем расследовании. Затем, когда Кранстон не захотел лишать ее возможности существовать, они посоветовали мужу жертвы не привлекать внимания полиции. Такое впечатление, что они одним выстрелом хотят убить двух зайцев. А теперь еще явно побуждают Вирджинию поэкспериментировать с энергией, которую они же ей и перекачивают.

Остается только дождаться момента, когда они наконец пойдут в этой игре с козырей.

Меншен взглянул на жену. Она сидела в кресле одинокая и беззащитная, полузакрыв глаза и, казалось, вглядываясь в пустоту. Профессор вдруг почувствовал, как его охватывают глубочайшая жалость и печаль.

Было уже десять вечера. У входной двери в квартиру зазвенел пронзительный звонок. Меншен украдкой бросил взгляд на Вирджинию и поднялся.

— Знаешь, в такое время вряд ли можно ожидать друзей, — сказал он. — Мне кажется, что сейчас лучше связаться с Эдгаром и заставить его нажать клавишу двести сорок три. Нам не стоит рисковать.

Он дождался, пока она связалась с помощью передатчика с Эдгаром, передала свою просьбу и получила дополнительную энергию. Тогда, сунув в карман «люгер», он направился к двери. Но там оказался всего-навсего посыльный, который принес письмо, написанное в таком стиле:

Среда, 23.

Не согласится ли господин профессор Меншен с супругой присутствовать в

семь часов вечера в пятницу на приеме в ресторане «Гран Нью-Йорк отель»?

Придя, назовите свои имена метрдотелю.

Сесилия Паттерсон»

Прочитав, Меншен понял: игра наконец началась. Если он хочет расстроить их замыслы, то время подошло и нужно быть готовым.

Почти всю ночь он размышлял. Заснул только на пару часов, но встал свежий, как новорожденный младенец.

В университете, читая лекцию, он как-то отстраненно смотрел на лица слушателей, которые виделись ему смутно, как сквозь туман.

«Ну вот, черт побери, все и началось! Как же я сразу не смог предугадать это, когда Вирджиния вернулась! Какими же слепцами мы были вместе с нею!»

Но на обратном пути, когда он возвращался домой, ему пришла в голову одна довольно мудрая, с его точки зрения, идея. Теперь он знал, как следует начать действовать.

Ложась в постель, Меншен оставил открытым окно в своей спальне. Он дождался, пока светящиеся стрелки часов покажут два ночи, тихонько

оделся и подошел к окну. Воспользовавшись шумом мотора автобуса на ближайшей к дому остановке, он повис на руках и спрыгнул на землю в сад. Прыжок болью отозвался в пятках, но, поскольку земля в саду была мягкой, он не слишком ушибся.

В нескольких шагах от их дома был расположен гараж, который работал круглосуточно и где можно было взять машину напрокат.

Через полчаса Меншен вошел в маленький театрик и проскользнул в кресло рядом с Эдгаром Греем.

— Эй, Эдгар, — спокойно начал он. — Вас вызывают. Пошли!

— Глюглю? — боязливо промямлил Эдгар.

— Пошли! — угрожающе приказал Меншен свистящим шепотом.

Эдгар последовал за ним безропотно. Меншен сел за руль и повез его за город. Остановились они на дороге, сворачивающей к ферме, подальше от основного шоссе.

Профессор не выключил мотор и держал ногу на сцеплении на случай, если… Но в общем-то он был уверен в безопасности. Лучшее место вряд ли можно было выбрать.

Мысль использовать Эдгара в своих планах

казалась ему с каждой минутой все более и более правильной. Однако случай Эдгара ставил свои собственные проблемы, которые еще предстояло решить. Прежде всего нужно было заставить его говорить понятным, нормальным языком и сделать так, чтобы он никому не рассказал о встрече.

Первая проблема оказалась трудной. Но через полчаса она решилась сама собой. Меншен заметил, что стал понимать тарабарщину Эдгара. Он понимал ее, несмотря на 'булькающие и хрюкающие звуки, издаваемые собеседником. В конце концов, ведь Эдгар говорил по-английски.

Конечно, Меншен не надеялся выудить из него нечто сенсационное, и его пессимизм оказался обоснованным.

Мышление Эдгара было каким-то мутным, нечетким, в нем отсутствовала глубина. Если сравнить мозг человека с книгой, то у Эдгара он напоминал журнальчик с комиксами. Личный опыт у него отсутствовал напрочь.

Будучи сиротой, он провел первые пятнадцать лет жизни за стенами и решетками приюта. В пятнадцать лет его взяли под опеку и посадили за огромную стеклянную дверь «Научных футуристических лабораторий», и с тех пор его

положение не менялось.

— Но, в конце концов, — заорал Меншен, — вы же перестали ощущать потребность во сне! Как это произошло?

— Когда у меня вынули сердце, — забормотал Эдгар, — а также легкие, мозг и другие органы, то сказали, что выпотрошенный я больше не буду нуждаться во сне. Так происходит со всеми, кого они хотят держать под контролем.

Однако Меншен тут же вспомнил, что Вирджиния спит нормально. Видимо, в их системе было несколько вариантов.

— Сначала я очень испугался, — продолжал со всей возможной простотой Эдгар, — но эта женщина (тут его голос аж задрожал от ненависти) несколько раз отлупила меня хлыстом, и после этого я не смел отказываться делать то, что они от меня требовали.

Каждый раз, когда, рассказывая, он упоминал «эту женщину», в его голосе звучала злоба, что позволило Меншену решить вторую проблему.

— Послушайте, Эдгар, — проговорил он сурово. — Я здесь для того, чтобы помочь навсегда избавиться от «этой женщины». Если я покончу с ней, то она никогда не будет вас бить хлыстом, и к тому же у вас будет шанс заниматься тем, чем

захотите.

«Козырной туз» выглядел достаточно убедительно. Ведь любой молодой человек типа Эдгара, который читал только журнальчики с рассказами о побегах, приключениях и путешествиях, был прямо-таки охвачен стремлением съездить куда-нибудь подальше и заняться каким-либо своим делом.

— А теперь слушайте, — снова заговорил Меншен, — что от вас требуется. Завтра в полночь отсюда отправляется самолет в Лос-Анджелес. В половине второго утра из Лос-Анджелеса вылетает турбореактивный лайнер. Я хочу, чтобы вы пересели на этот рейс, а после посадки вышли на связь со мной.

— Я, в самолете? — взволнованно забулькал Эдгар, брызгая в экстазе слюной.

— Да. У вас останется время, чтобы выйти на работу без опоздания. Так что об этом не беспокойтесь. Вот вам немного денег и записная книжка.

Эдгар, преданно глядя на профессора, сунул первое в бумажник, а второе — во внутренний карман пиджака. Руки его дрожали от возбуждения.

Меншен тоже дрожал, но по другой причине.

Его бросало то в жар, то в холод при мысли о записной книжке, которую должен был носить с собой Эдгар весь завтрашний день. Не дай бог, чтоб они ею каким-то образом завладели. В книжке были записаны вопросы и четкие инструкции того, что должен делать Эдгар. А также оставлено несколько чистых листов для ответов.

Вынув дрогнувшей рукой из кармана пистолет, Меншен тем не менее твердо и властно проговорил:

— Эдгар, взгляните на эту штуку. Если вы провалите порученное вам задание, то, по каким бы причинам это ни случилось, я вас пристрелю. Ясно?

В слабом свете, идущем от приборной доски, глаза Эдгара горели пониманием и согласием.

— Глюглю! — сумел он лишь выдавить из себя.

На другое утро, как обычно, Меншен отправился в университет. В обеденный перерыв он позвонил по телефону.

— Скажите своей хозяйке, — коротко приказал он слуге, снявшему трубку, — что с ней хочет говорить профессор Меншен.

Через минуту ему ответил женский голос.

— Госпожа Паттерсон, — сухо произнес Меншен, — я хотел бы изменить время обеда; мы с

женой придем к вам в полночь. Я выяснил, что ныне в Нью-Йорке модно давать приемы поздно ночью. Так что мы не слишком опоздаем… Причины? Да никаких особенных причин. Просто я хочу вас уведомить, что, в случае вашего несогласия, ни я, ни моя жена прийти не сможем… Ах, вы согласны… Ну и чудненько…

Он испытывал какое-то гадостное чувство удовлетворения, вешая трубку. То, что он сделал, было довольно рискованным, но зато благодаря этому у Эдгара будут развязаны руки. Теперь оставались лишь три опасных момента: первый — его демарш вообще ни к чему не приведет; второй — они не клюнут на его хитрость; третий… Третьим был этот самый придурок Эдгар.

Их вежливо проводили к столу, за которым восседали четверо мужчин, среди них был и Торранс, и пятеро женщин, в том числе и блондинка, госпожа Паттерсон. Мужчины привстали, когда они вошли. Женщины тоже прервали свою болтовню и с любопытством уставились на них.

На лицах всех присутствующих появились принужденные улыбки. Эти лица, которые излучали огромную энергию, были ему незнакомы, за исключением Торранса. Их стол являлся гвоздем приема. Обедающие за соседними столиками ис-

подтишка бросали на них любопытные взгляды.

Занимая свободный стул, Меншен почувствовал себя несколько скованно, но это было чисто физическое ощущение. Морально же он никогда не был так бодр и готов к любым неожиданностям.

«Убежден, — подумал он, — Вирджиния обязательно даст мне понять, что у нее нет ничего общего с этими существами. А пока займемся сбором информации. И к тому же дадим Эдгару время спокойно проделать свое дальнее путешествие». Таковы пока были его планы.

Только бы Эдгар не потерял способность давать этим существам те мощные заряды энергии, которые поддерживают их сейчас. Представив себе обратное, он почувствовал такую горечь во рту, что не смог проглотить даже коктейль.

На все вопросы, которые теснились в голове Меншена, дал ответы Торранс, разрешив его сомнения. Так, на осторожно сформулированный вопрос по поводу Эдгара он ответил:

— Нет, «Эдгары» наших центров энергии сами не являются аккумуляторами этой энергии. Они только используются как передатчики ее с пульта. Ключевой термин для них — «отрицательные». Каждый раз, когда кто-либо посторон-

ний проходит через стеклянную дверь конторы в помещение, где за окошечком сидит Эдгар, происходит слабый отток энергии к нему от посетителя, но сам он эту энергию использовать не может. В тех местах у Эдгара, где когда-то находились внутренние органы — так же, как у меня и у вашей жены, — теперь имплантированы приемники-излучатели, изготовленные из титана. Разница только в одном: Эдгар — «отрицательный», а ваша жена и другие — «положительные». Теперь вам ясно?

Все это было для Меншена китайской грамотой. Но появился реальный шанс, что через некоторое время он во всем этом разберется. И тогда он рискнул задать следующий вопрос. Торранс, не задумываясь, ответил ему с ходу:

— Нас двести сорок три, включая вашу жену. Речь идет, конечно, о тех, кто обладает исполнительной властью. Мы располагаем огромным капиталом и содержим у себя на службе десятки тысяч человек, агенты из числа которых, в частности, ведут наблюдение и за вами.

Он засмеялся при этих словах. Однако Меншену было совсем не смешно.

Услышанное явилось для него столь неожиданным, что он с трудом сохранил хладнокровие.

Но нервы были на пределе. Успех плана зависел только от собственных сил и возможностей. Меры предосторожности, принятые вчера ночью, позволяли надеяться, что наблюдатели не засекли его действий.

Было очевидно только одно — этот тип играет с ним, как кошка с мышью, а он рискует прийти в замешательство, разоблачить себя. Особенно удручало реальное доказательство той власти, которой, как уверенно считают эти существа, они располагают.

И тут он впервые решил повнимательнее вглядеться в их лица.

Когда он садился за стол, у него вначале создалось впечатление, что четверо мужчин были элегантны и привлекательны, а пятеро женщин прекрасны и грациозны. В общем-то первое впечатление было не столь уж и далеким от истины. Даже теперь, внимательно вглядываясь в них, он признавал, что как мужчины, так и женщины являли собой образчик физического совершенства, что подчеркивала и их строгая элегантная одежда.

Но этим их красота и ограничивалась. Так бывает, когда прямую наезженную дорогу обрывает пролет разбомбленного моста. Прекрасные, с

четкими чертами лица этих людей были всего лишь навсего масками. В них читались железобетонная твердость и отсутствие даже малейших следов милосердия и человечности. На них был отпечаток какой-то врожденной жестокости, единообразия и унифицированности, который придает людям смерть. Их голубые, серые и карие глаза обладали каким-то стеклянным блеском. Губы были одинаково тонки и плотно сжаты. На лицах господствовало единое, объединяющее их выражение надменности и превосходства.

Без всяких сомнений, они верили в свою всевластность.

Меншен медленно глотал свой суп, борясь с паникой, постепенно охватывающей его. Он искоса взглянул на Вирджинию, но та сидела, уставившись в тарелку. Он заметил, что она проглотила всего лишь пару ложек супа.

С глухим раздражением и удивлением он констатировал, что, кроме Торранса, никто из сидящих за столом не произнес ни слова.

Он опять взглянул на Торранса, по лицу которого бродила загадочная усмешка. Ощущение того, что с ним затеяли какую-то игру, усилилось. И тем не менее до сего времени, не отступая со своего мысленно занятого им плацдарма, он все

же получил некоторую полезную информацию.

Пока все это казалось не таким уж и опасным. И тогда он задал следующий вопрос. Как и до этого, Торранс ответил с той же простотой и деланной откровенностью:

— Вы правы. В своих трудах Кранстон не сказал ничего о своем открытии, главным образом потому, что был только в начале пути. А его биография, написанная мною, являлась просто-напросто средством польстить ему и перетянуть на нашу сторону в то время, когда мы только еще создавали свою организацию.

Он замолчал на некоторое время, затем продолжал:

— Кстати, когда вы задаете вопрос о Кранстоне и его трудах, не забывайте, что это немного спятивший упрямец. Ему, например, важнее всего было как можно шире распространить свою заумную идею о доброй воле человечества, которая возникнет благодаря всеобщим физическим контактам. Но это не имело шансов быть проверено экспериментально. В общем-то, это все было нужно ему для того, чтобы, отталкиваясь от этого утверждения, создать на его основе новую концепцию: искусственно усиленная нервная энергия должна привести к осуществлению его

мечты — передаче ее без физического контакта. Никогда еще ни одна научная теория не создавалась на столь зыбкой основе. По мнению доктора Кранстона, у двух близких человеческих существ в течение года полностью происходит обмен нервной энергией. Речь идет о передаче друг другу некой жизненной силы. Если же эту передачу интенсифицировать, то получится тот же эффект, что и при физическом контакте. В конце концов Кранстон нанял первоклассного инженера-электронщика, к слову, это был я, который создал специальный контур, который не только интенсифицировал органическую энергию, как он ее назвал, но еще и по желанию мог перехватывать или, если хотите, улавливать длину волн излучения любого индивидуума. Модифицированный вариант этого контура находится сейчас в теле вашей жены и поддерживает ее контакт с сердцем, легкими и мозгом, хранящимися в секретной лаборатории доктора Кранстона. — Тут он тяжелым взглядом посмотрел на Меншена. — Кранстон никогда не объяснял мне, как могут внутренние органы существовать вне тела; он просто сказал, что передача потока энергии на расстояние является наиболее жизненно важным условием. И тем не менее речь не идет о расстоянии как

о таковом. Суть здесь в том, что кровь, нервная энергия, каждый глоток воздуха, которым мы дышим, нагнетаются и очищаются через органы, законсервированные в стеклянных сосудах. Если с ними что-нибудь случится, мы умрем.

Меншен больше не собирался задавать вопросов. Он уже практически услышал все то, что хотел узнать. Все вертелось вокруг одного пункта: жизнь поддерживается с помощью внутренних человеческих органов, хранящихся на острове доктора Кранстона.

Они постоянно были связаны со своими владельцами. Стабильный контакт. Старый фанатик, лукавил ли он или был действительно психом, тем не менее держал в руках судьбу этих макиавеллиевских созданий.

Но почему же Кранстон в таком случае не воспользовался своей властью, чтобы уничтожить эту банду торговцев человеческими органами и сребролюбцев?

Этот вопрос вырвался у Меншена помимо его воли. Торранс, блестя белками глаз на потемневшем лице, ответил сквозь зубы:

— Потому что он не в силах поступиться своими принципами и совершить убийство. Потому что его сдерживает неодолимая ненависть к наси-

лию. Ни один человек до него не был столь помешан на этом пунктике! Подумать только! Все его ужасные открытия зиждятся на сентиментальном желании способствовать распространению доброй воли среди людей во всем мире. И эта его сентиментальность является для нас смертельно опасной. Она заставляет его самообольщаться, предаваться эфемерным, несбыточным мечтам. Конечно, он никогда не решится убить нас. Но ему семьдесят восемь лет, хотя в наше время это и не столь уж древний возраст. Но он уже перевалил через средний человеческий. Так что он может умереть в любую минуту. Однако не хочет считаться с такой возможностью. Не позволяет ни одному из наших врачей осмотреть себя. По каким-то дурацким причинам он внушил себе, что если умрет, а мы до того не обнаружим остров, где хранятся наши законсервированные органы, и тоже умрем, то он не будет нести ответственности, как пацифист, за нашу смерть. Когда мы узнали об этом впервые? Недавно. Могли ли мы ранее подозревать, что этот старый сумасшедший окажется таким хитрым?! Он сам производил все операции, за исключением операции на себе. И по каким-то неясным для нас причинам тем не менее с отвращением и недоверием относится

к нам.

Торранса, казалось, все более захватывал собственный рассказ. В его глазах сконцентрировалось столько злобы и ненависти, что они сверкали, как антрацит.

— Меншен, нам любой ценой необходимо найти место расположения лаборатории. Мы должны сами контролировать свои жизненно важные органы. А тут в дело вмешалась ваша жена…

Торранс опять замолчал. Не было никакого сомнения, что он добрался до кульминационной точки своего рассказа.

— Видите ли, профессор, — вдруг мягко заговорил он, — каждый раз, когда кто-то, убитый нами, подвергается операции оживления доктором Кранстоном, мы рассчитываем на его сопротивляемость психологическому шоку и надеемся получить от него данные о месте расположения лаборатории. Странно, но приходится констатировать, что десятки людей, которых мы приводили с улицы, теряли для нас после эксперимента всякую ценность, утратив память. Во всяком случае, мы продолжаем в подходящий момент убивать нужного нам человека и отправлять тело в дом доктора Кранстона. Но здесь тоже необходима определенная осторожность. Старик

последнее время сильно устает. А когда он устает, усиливается его раздражительность: он воображает, что всемогущ. Поэтому мы считаем, что ему нельзя поставлять слишком большое количество трупов. В нормальных условиях этот помешанный не может выносить даже вида мертвых людей, поскольку знает, что может оживить их. К тому же он очень чувствителен, — Торранс сделал поклон в сторону Вирджинии, — к женской красоте. И хотя он догадывается о наших намерениях, он уже в такой стадии, что наплевательски к этому относится.

Торранс снова умолк. Посмотрел на Вирджинию, потом на Меншена с какой-то безучастностью.

— Теперь вам все ясно? — в конце концов спросил он.

— Да, — коротко ответил Меншен.

Он почувствовал какую-то дикую, необоримую ненависть к этим людям. И даже не потому, что они совершили множество убийств, хотя это страшно потрясло его; и даже не из-за Вирджинии, хотя мысль о ее физических и моральных муках вызывала в нем чувство боли. Ненависть его к этим людям основывалась на том, что в своих грязных целях они навсегда похоронили

чудесную, хотя и по-дурацки идеалистическую мечту старика о всеобщей доброй воле человечества. Это, как ни странно, больше всего возмутило его, и он почувствовал острое желание и решимость покончить с этими выродками, как только ему представится первый же случай.

Он сам удивлялся тому, что ему понадобилось столько времени, чтобы понять действительное положение вещей, и дошел он до этого по чистой случайности. Вирджиния могла установить место расположения острова, в этом не было сомнений. Эти типы тем не менее еще не могли знать о ее возможностях. Нельзя было допустить, чтобы они об этом догадались.

— Когда моя жена очнулась в лаборатории, — твердо проговорил Меншен, — Кранстон при этом присутствовал. Поэтому ей не удалось осмотреть окрестности, ибо он тут же отправил ее домой. И если мы вам больше не нужны, то разрешите нам откланяться.

Он отодвинул стул и вопросительно взглянул на Вирджинию. Наступила тишина, в которой диссонансом прозвучал сухой смешок одной из блондинок, но не госпожи Паттерсон.

— Я вижу, профессор Меншен, что ваша жена даже не шелохнулась, чтобы последовать за

вами. Может быть, она вспомнила о чем-то, что заметила на острове?

От этих слов у Меншена перехватило дыхание. И не за себя он испугался, а за нее.

Он медленно собрал всю волю в кулак, посмотрел на Вирджинию и увидел, что она побледнела как простыня, а губы ее дрожат. Заметив, что муж смотрит на нее, она отвернулась.

— Вирджиния! — взревел Меншен.

Она снова посмотрела на него, и на ее глазах появились слезы.

— Вирджиния, ты слышала, что нам рассказывали эти люди? Вопрос о нахождении острова при этом даже не возникал, в частности, — речь не шла о том, знаешь ли ты, где он или нет. Это очень важно! Не принимай поспешных решений. Существуют вещи, которые необходимо делать во что бы то ни стало. И это в твоих силах. Наверное, есть возможность добраться до доктора Кранстона, если проявить настойчивость. Я убежден, что если мы найдем возможность побеседовать с ним, то уговорим уничтожить этих кровопийц. До сего времени он держался на своих пацифистских позициях. Нужно заставить его понять, что дело всей его жизни можно вырвать из лап этих крыс, этих жутких убийц, этих…

Он замолчал и резко повернулся к Торрансу.

— Сколько, — сурово спросил он, — сколько человеческих существ вы убиваете каждый год, чтобы использовать их внутренние органы?!

— Около пяти тысяч, — без колебаний ответил тот. — В основном, скажу вам без утайки, это сироты, бедняки, которые выбиваются из сил, чтобы выжить, люди, не имеющие ни родственников, ни друзей…

— Ну и ну! — вырвалось у Меншена, и он от негодования даже зажмурился.

Профессор вовсе не ждал ответа, поскольку задал чисто риторический вопрос. Но ответ его потряс.

— Пять тысяч! — недоверчиво воскликнул он.

Эта цифра превышала все, что может привидеться только в дурном сне. Мозг его отказывался воспринять ее как реальность. Он чувствовал, что сердце его разрывается и сейчас разлетится на множество осколков. Сделав сверхчеловеческое усилие, он попытался вернуть себе хладнокровие. Он понимал, что здесь уже не может быть ничего, что потрясло бы его еще больше. Цифра сама по себе была чудовищной.

— Что ж, остается только защищаться.

Он бросил взгляд на Вирджинию. Она улыба-

лась ему сквозь слезы. Это была горькая улыбка, но тем не менее улыбка.

— Бедный ты мой! — с жалостью проговорила она. — Тебе не нужно убеждать меня, приводить какие-то аргументы. Ты все равно не сможешь мне объяснить, что все это значит. Зло, которое здесь царит, не нуждается ни в каких доказательствах. Это — зло в его крайнем воплощении, ведь его используют в коммерческих целях. Посмотри на них!

Она вяло махнула рукой в направлении стола. Но Меншен и так уже некоторое время наблюдал за ними. Перед ним было девять рыл вурдалаков, оборотней, которые собрались, чтобы развлечься!

— Они — ожившие чудовища, воплощение порока, царящего в мире, слишком могущественного, чтобы ему могли противостоять простые смертные. Лишь только сам доктор Франкенштейн смог в конце концов уничтожить созданного им монстра. Нам же, прочим, остается только попытаться спасти своих близких. Норман, разве ты этого не видишь?

— Я-то вижу, — прервал ее Меншен, — вижу, что ты мыслишь так же, как и я.

— Норман, — побледнев, продолжала она, —

они же все нам выложили совершенно откровенно. Они нам рассказали все, не заботясь даже о том, знаем ли мы что-нибудь или не знаем. Разве ты не понимаешь, что это все значит?!

— Говоря так, ты имеешь в виду только себя, — проворчал он.

— Неужели? — повернулась она к Торрансу и посмотрела ему в глаза. — Вы тоже так считаете?

— Ваша жена оказалась значительно умнее, чем вы, Меншен, — угрюмо буркнул Торранс. — Как вы изволите видеть, она жива и здорова. Кранстон, конечно, кое о чем позаботился, и ничего плохого не происходит с теми, кто имеет в его глазах хотя бы малейшую ценность. Они будут спасены.

Торранс повернулся к Вирджинии:

— Если в течение двух минут вы скажете, где находится остров, то вы и ваш муж вернетесь к себе, вам никто никогда не будет навязывать свою волю. А когда мы получим контроль над хранящимися внутренними органами, то гарантируем, что ничего плохого с вами не случится. Естественно, мы предпочли бы, чтобы все те, кто может пользоваться энергией, примкнули к нам (тут он бросил взгляд на свои часы), хотя это и не сулит безоблачного существования. Мы

не можем обещать легкого пути, ибо не имеем возможности терять время на ложные обещания. Сейчас сорок три минуты первого. У вас лишь две минуты на размышление.

Вирджиния приоткрыла рот, чтобы заговорить, но под взглядом, которым наградил ее муж, закрыла его.

Она смотрела на Меншена, как загипнотизированная птица.

— Неужели ты осмелишься?! — угрожающе проговорил профессор свистящим шепотом. — Во время войны мы научились тому, что в подобного рода делах компромиссы невозможны. Их обещания ничего не стоят. Если у тебя есть хоть малейшая зацепка, мы должны использовать ее, чтобы их уничтожить.

Даже в этой ситуации он пытался повести дело так, чтобы у них не оставалось ни малейшего подозрения, чтобы они не заподозрили истину. Ведь у Вирджинии действительно такая зацепка была! Она многое помнила об острове и лаборатории.

— Две минуты истекли, — решительно провозгласил Торранс, резко обернувшись и посмотрев на Вирджинию. — Вы, идиотка! Своим молчанием вы приговорили своего мужа к смерти. С этого момента, — ледяным тоном продолжил

он, — у него остается только год жизни. Можете убираться оба, но учтите, что через минуту у него останется всего пятьдесят одна неделя. А дальше их будет все меньше и меньше. Если же через пятьдесят две минуты вы не заговорите, то мы убьем его, как я вас предупреждал. В любом случае этот человек умрет, он приговорен. Вы одна могли бы позволить ему выиграть целый год жизни. Это мое последнее слово. Так что начинайте говорить, госпожа Меншен!

— Вирджиния, — грубо прервал его профессор, вскочив из-за стола. — Пойдем!

— Сядьте, вы, придурок, — хватая его за рукав, злобно сказал Торранс.

Меншен молниеносно развернулся и ударил его в лицо.

Едва совершив это, он поразился своему бешенству и несдержанности. Но поднявшаяся вокруг суматоха не оставила ему места и времени для самокритики.

Служители ресторана довольно непочтительно выпихнули его за дверь заведения. Тем не менее Норман успел еще раз крикнуть жене:

— Вирджиния! Если ты только позволишь себе!.. — но тут он, вылетев с треском, очутился на тротуаре.

Прошло десять минут, Вирджиния не появлялась. Минута текла за минутой… Дважды Меншен пытался прорваться обратно, но бдительный швейцар не позволил ему сделать этого.

— Не сегодня, парень, не сегодня… — нравоучительно приговаривал он. — Ты слишком уж перебрал…

Вирджинию до входа провожал Торранс. Вид у него был довольный, прямо-таки триумфальный.

— Антилы! — торжествующе воскликнул он. — Какое счастье, что она вышла в тот самый момент, когда там после полудня пролетал один из редких самолетов. Повезло, что она даже смогла на глазок определить время. Эта разница со временем на континенте очень помогла нам. Ну, теперь этот старый каналья у нас в руках! Глупо, что вы не согласились на отсрочку, — холодно проговорил он, бесстрастно глядя на Меншена. — Нам ведь действительно наплевать, будете ли вы живы или мертвы. Единственное, что благодаря вам мы узнали, что офицеры флота и военно-воздушных сил в отставке не слишком-то склонны к сотрудничеству. Так что можете заниматься пока своими делами, но не вздумайте лезть в наши. Ваша жена заговорила по истечении двадцати пяти

минут, и то начала говорить правду лишь после того, как мы использовали «детектор лжи». Вас заколют кинжалом, как минет срок, о котором я вас предупреждал, а затем мы заставим вашу жену присоединиться к нам. Прощайте!

Он повернулся и зашагал в отель. Меншен выхватил из кармана свой «люгер», подождал, потом безнадежно сунул его обратно в карман.

— Нет, не получится у меня, — горестно вздохнул он. — Ну убью я одного, так ведь этим ничего не изменю. Да еще и отправят в тюрьму на ночь глядя.

— Извини меня, Норман, — печально сказала Вирджиния, стоящая рядом с ним.

— Это ты прости меня, — мягко проговорил он. — Прости за все то, что я там тебе наговорил.

Она еще что-то бормотала, но он не слушал. Над входом в отель висели огромные электрические часы, и на них было без двадцати два. Меншен упорно разглядывал циферблат и быстро что-то подсчитывал в уме.

Реактивный самолет из Лос-Анджелеса в Майами вылетел уже минут десять тому назад. Нужно отбросить тридцать пять минут, пока Эдгар доберется до Майами и приступит к своим наблюдениям.

Между тем Торранс и его сообщники, направив «энергетический поток» на Флориду, будут на пути к острову, на борту первого же попавшегося им самолета.

Он удостоверился, что слежки за ними нет, но на всякий случай трижды поменял такси, прежде чем добраться до аэропорта. Они все же успели вскочить в реактивный самолет, который взял курс на Лос-Анджелес в три тридцать! Меншен, прижатый инерцией при взлете к мягкому сиденью, еще успел подумать, что у них остается шанс на успех. Единственный шанс.

Вирджиния все же была на острове, на поверхности. А Торранс и восемь ветеранов его организации, присутствовавших на приеме, — нет.

Когда он рассказал часть своего плана Вирджинии, она посмотрела на него потемневшими глазами.

— А вдруг, допустим, Эдгар вернется домой на реактивном самолете без четверти три по лос-анджелесскому времени? — спросила она угрюмо.

— Не думаю, — твердо ответил Меншен. — Эдгар из года в год читал и мечтал о приключениях. Он будет там до без четверти пять по местному времени, как я ему и велел. Прождет он, конечно,

не слишком долго, поскольку еще не столь бесстрашен, чтобы не бояться опоздать на работу…

И все же они нашли Эдгара в зале ожидания в аэропорту сидящим в углу и читающим очередной журнал.

Он гордо вернул профессору Меншену записную книжечку и объяснил на своем «глюглю», что в день выполняется четыре самолетных рейса между Майами и Лос-Анджелесом, в обоих направлениях, по существующему расписанию, каждые шесть часов…

Затем он еще указал им на огромную географическую карту Антильских островов, висевшую на стене. Воздушный путь на ней отмечала выпуклая белая полоса. На трассе самолета располагался маленький островок.

В телефонном справочнике Меншен нашел адрес «Научных футуристических лабораторий» на Майами. Туда он и отправился на такси вместе с Вирджинией и Эдгаром. На месте профессор разбил камнем большую стеклянную дверь, ведущую в контору, и осколки дождем с шумом посыпались на тротуар.

— Входите, Эдгар! Вперед! — скомандовал он. — Мы на месте!

Потом подумал и уверенно проговорил:

— Это должно сработать! Итак, Эдгар, жмите на клавишу двести сорок три, а потом во весь опор дуйте в аэропорт.

Через две минуты, когда утреннее солнце пронизывало череду кучевых облаков и золотило крыши домов, профессор вывел жену, получившую новый заряд энергии, наружу. Вирджиния была ею переполнена и излучала всем телом.

— Дорогая! — воскликнул он. — Теперь мы готовы! Они переносили тебя с помощью своего заряда в дом доктора Кранстона, когда ты была трупом, а уж он переправил тебя тоже с помощью заряда энергии в лабораторию на свой остров. Излучатель в твоем теле сейчас, когда ты «заряжена», создает вокруг энергетическое поле. Если они могли переместить тебя в нужное им место, то ты тоже можешь сделать это со мной.

На лице Вирджинии он увидел странное выражение.

— Не забудь, что ты уже раньше была там, — уверенно продолжал он. — Тебе по крайней мере уже известно направление, по которому следует передвигаться, — ткнул он пальцем на восток. — Остров находится там! Постарайся представить себе холм, на котором стояла в тот день, когда вышла из лаборатории профессора Кранстона,

саму лабораторию… Ты это сможешь! Я знаю, что ты это сможешь, уверен!

Он почувствовал, как она вся напряглась, сконцентрировалась.

— Обхвати меня покрепче! — прошептала она.

Он почувствовал, как все ее тело завибрировало.

А через некоторое время неподалеку от них некий ирландец разразился проклятиями, изрыгая грубые ругательства по поводу того, что от ударной волны у него полопались стекла в секторе, который он обходил. Черт их побери!

Они каким-то странным образом даже слышали слова этого человека, которые постепенно затухали, пока не смолкли совсем.

Меншен вдруг почувствовал, что его охватывает мучительно болезненное ощущение, волной катящееся по всему телу, как разряд электрического тока высокого напряжения.

Ощущение исчезло. Переводя дух, он констатировал, что они с женой находятся в огромной комнате, заставленной вдоль стен стеклянными сосудами, вытянутыми в линию, а напротив них стоит старик, угрожающий им топором, который держит в одной руке, и револьвером — в другой.

— У меня выработана своя небольшая защит-

ная система, — спокойно проговорил доктор Кранстон скучным голосом, ибо это был действительно он. — Действует она так: я звоню по телефону Торрансу, а если не могу с ним соединиться, то отправляюсь сюда, ожидая, не замыслил ли он какой-нибудь каверзы.

Кранстон, еще более поскучнев, опустил оружие и продолжал:

— И вот в тот самый момент, когда я, вопреки своим принципам, решил прикончить первого мерзавца, который ворвется сюда, здесь, как на грех, появляются две невинные овечки.

Меншен не колебался ни минуты. Перед ним ведь был человек, который, как он знал, был способен проявлять нерешительность и не брать на себя ответственность за смерть других…

И он воспользовался представившимся ему шансом.

Меншен сделал несколько шагов вперед и забрал револьвер из рук старика, который при этом не оказал никакого сопротивления.

— Я хочу, чтобы вы добровольно отдали мне топор, — проговорил профессор.

Доктор Кранстон устало пожал плечами.

— Что же, мне не остается ничего другого, как подчиниться, — ворчливо сказал он и протянул

топор Меншену. А на лице его появилось между тем выражение довольства и благодушия.

— Полагаю, что, как бы я вас ни отговаривал, это не помешало бы вам сделать то, что вы задумали. Так ведь?

— Все, что вы сейчас можете сделать, так это указать мне сосуды, которые, по вашему мнению, следует сохранить. Но только прошу, не вздумайте указать мне слишком большое их количество.

Когда наконец Меншен отбросил в сторону топор, нетронутыми остались только двадцать три отделения кубов.

Любящие андроиды

Полиция примчалась на срочный вызов андроида, и карета скорой помощи увезла бесчувственное тело Аниты Коплэнд, принявшей слишком большую дозу снотворного.

Офицер полиции А. Саттер, заполняя отчет, отметил, что андроид, вызвавший полицию, по своему поведению был необычайно похож на человека. В отчете говорилось:

> *Даже легкий наклон вперед, по которому легче всего определить андроида массового производства, в этой модели отсутствовал. Это свидетельствует о том, что он был изготовлен по заказу. Я сам впервые с удивлением узнал, что изготовление таких безукоризненных андроидов в принципе возможно.*

Когда они с напарником наконец закончили отчет, они в замешательстве посмотрели друг на друга.

— Ну-у… — протянул полицейский Дж. Блэк, — хотя вроде ничего незаконного в этом нет, но не очень-то красиво подсунуть жене вместо себя андроидного двойника и не поставить ее в известность.

Саттер обратился к андроиду:

— У нее есть родственники?

— Брат, — последовал ответ. — Но на него нельзя особо рассчитывать. Он считает свою сестру сумасшедшей.

— Вы знаете, как его найти? — не унимался Саттер.

— Да. Его зовут Дэн Тэйлер. Он физик и работает в государственном учреждении.

Затем андроид сообщил его адрес и номер телефона. Полицейский Блэк тут же набрал этот номер и застал Дэна на месте.

Войдя в гостиную дома своей сестры, Дэн увидел, что его ждут два полицейских и его шурин Питер Коплэнд.

Во всяком случае он решил, что это его шурин, и сказал:

— Привет, Питер.

Питер кивнул и ничего не ответил, только легкая циничная улыбка тронула его губы.

Один из полицейских подошел к Питеру и резко спросил его:

— Вы понимаете, что только что выдали себя за настоящего Питера Коплэнда?

— Я — Питер II, — последовал спокойный ответ. — Я запрограммирован на то, чтобы вести себя как Питер I. Я не могу выкинуть это из своей

программы.

Вот это да! Первая настоящая зацепка.

Дэн замер, стараясь ничем не выдать своей радости от неожиданной удачи.

Уже больше года он занимался секретным проектом, и его задача была выяснить, что именно происходит среди андроидов.

А что-то происходило — и правительству об этом было известно. Но что?

Ни он, ни его начальники даже не подозревали, что существуют такие совершенные андроиды.

У обычных десятков миллионов андроидов были лицо, тело, конечности, искусственная плоть и кожа, совершенно не отличавшиеся по виду от настоящих. Но люди научились легко узнавать их по тому, как они двигались, стояли или поворачивались.

Этого андроида по таким признакам распознать было нельзя.

Дэн тут же мысленно окрестил их суперандроидами.

Разумеется, он исходил из того, что существо, находившееся перед ним, действительно было андроидом и под его внешностью человека скрывалась электронно-механическая структура.

— Что все это значит? — хорошо разыграв недо-

умение, спросил он.

После рассказа о случившемся на бледном лице Дэна проступили красные пятна, и он в ярости закричал:

— Кто-нибудь может мне сказать, где находится этот негодяй? Я ему мозги вышибу!

Андроид, стоявший у стены, подошел в Дэну и вежливо поинтересовался:

— Вы имеете в виду мужа Аниты Питера? Где находится именно он?

Андроид достал из кармана портмоне и вытащил оттуда визитную карточку.

— У меня имеется указание Питера никому не давать его адрес, но, естественно, полиция имеет право изменить эту установку.

Он протянул карточку полицейскому Саттеру. Дэн Тэйлер попытался перехватить ее, но Саттер не позволил ему это сделать.

— Только когда вы успокоитесь, мистер Тэйлер, — рассудительно произнес он.

Разыгрывая роль разъяренного брата, Дэн лихорадочно соображал. Наконец он выбрал линию поведения: он записал имена полицейских и номера их служебных телефонов, решив, что нажмет на нужные кнопки и одному из них поручат его сопровождать в предстоящие несколько

дней.

Спрятав листок с записями в карман, Дэн повернулся к андроиду и сказал:

— Поскольку я — самый близкий родственник, а ты — ценная собственность, я думаю, что тебя следует убрать на хранение, пока все не закончится.

Двойник Питера вежливо поклонился.

— Мой футляр находится в подвале. Могу я показать вам, где именно?

Дэн принял меры предосторожности, пригласив полицейского Саттера сопровождать их. Через несколько минут они наблюдали, как андроид, щелкнув клавишей на пульте дистанционного управления, улегся в футляр, напоминавший по форме гроб.

Полицейский помог Дэну закрыть крышку. Затем Саттер отправился наверх, а Дэн еще задержался в подвале. Оставшись один, он достал миниатюрный приборчик из набора инструментов, который всегда носил с собой, и внимательно изучил его показания.

Как он и предполагал, суперандроид не был выключен и просто тихо лежал в футляре, выжидая.

Хмуро улыбаясь, Дэн вернулся в гостиную и,

выйдя из дома вместе с полицейскими, запер за собою дверь Он прошел вместе с ними до полицейского комболета и дождался, пока они не исчезли в ночном небе. Затем, сев в свой комболет, он взмыл вверх, но тут же опустился ярдах в ста от дома сестры.

Примерно через час дверь дома открылась, и на пороге показался Питер. С помощью сверхчувствительных приборов, которыми был оснащен его комболет, Дэн опознал в фигуре мужчины андроида и, тщательно прицелившись, выстрелил из лучемета мощным разрядом энергии.

Подлетев к неподвижно лежавшей фигуре, Дэн остановился, втащил ее в комболет и тут же взмыл вверх.

Оставаясь в течение долгих ночных часов в комболете, припаркованном около госпиталя, где в реанимации лежала его сестра, Дэн по радио связался и переговорил со многими людьми, находившимися в самых разных местах. Примерно в полдень следующего дня в ответ на его очередной запрос дежурная по госпиталю вздохнула, набрала какой-то местный номер и показала на телефон, стоявший у нее на столе.

— Возьмите трубку. Ее психиатр сейчас поговорит с вами.

Дэн так и сделал. В трубке раздался мужской голос:

— Анита просила пока не пускать к ней никаких посетителей.

— Я ее брат.

— Она особенно просила, чтобы не пускали родственников.

Поскольку он был единственным близким ей человеком, не считая мужа, какой-то участок в глубине его мозга, ведавший родственными чувствами и связывавший его с Анитой невидимыми родственными узами с младенчества, напомнил о себе вспышкой праведного негодования. Однако, хотя эти узы уже и раньше истончались непониманием друг друга, Дэн постарался убедить себя, что Анита, скорее всего, действительно очень плохо себя чувствует и нуждается в уходе.

Он громко спросил:

— А когда, по вашему мнению…

— Она сказала, что позвонит сама.

* * *

Полицейский Саттер был приятно удивлен, когда вызвавший его инспектор Инграт сказал:

— Э-э, займитесь-ка этим делом, констебль, э-э, чтобы брат пострадавшей не выполнил своих

угроз. Обязательно повидайтесь с этим прохвостом, э-э, Питером Коплэндом и предупредите о возможной опасности со стороны его шурина.

Саттер тут же позвонил по номеру, который ему дал андроид, и через несколько мгновений в трубке раздался мужской голос:

— Питер Коплэнд.

Выслушав рассказ полицейского, он сказал:

— Я думаю, что лучше всего будет встретиться нам с Дэном, чтобы он выслушал мои объяснения в вашем присутствии. Может быть, вы приедете с ним ко мне?

Дэн Тэйлер и Саттер вылетели вместе на фабрику Коплэнда, и, как только они прибыли, их тут же проводили в кабинет.

Позже Саттер так написал в отчете о своих впечатлениях:

> *Нас встретил мужчина ростом пять футов десять дюймов, лицо которого мне было, естественно, хорошо знакомо и который был точной копией андроида, с которым я познакомился предыдущей ночью в доме Аниты Коплэнд.*

Саттер подвинул к себе стул и приготовился, как он выразился в отчете, «быть посредником».

Молчание нарушил Питер Коплэнд, который произнес примирительным тоном:

— Я очень рад, что ты пришел, Дэн. Я понимаю, что должен тебе все объяснить.

Питер продолжал:

— Очень трудно говорить с братом о его сестре, поскольку маловероятно, что он сможет понять, как безрассудно может вести себя женщина.

— Если мужчина и женщина не могут ужиться, им следует развестись, — хмуро отозвался Дэн. Питер хмыкнул и спросил:

— Ты что, шутишь?

По его словам, Анита, как писал Саттер в отчете, *«была настоящей истеричкой, в буквальном смысле грозившей пустить себе пулю в лоб при малейшем намеке, что ее муж не выполнит в точности все ее прихоти»*.

Среди фраз, которые Саттер записал дословно, были следующие:

— Она настаивала на том, чтобы я принадлежал ей и телом и душой. Ей нужен был не только я сам, но и моя тень. Она звонила мне в офис по десять раз на день. Едва я только собирался с мыслями, как раздавался очередной звонок. Однажды, когда она вызвала меня с важного совещания в третий раз подряд, я понял, что нужно что-то

делать. Сначала я подумал об андроиде, который будет отвечать за меня по телефону каждый раз, когда она звонит. А остальное — ну-у, заменивший меня дома андроид — это было уже позже.

— Остальное, — сказал Дэн, — вообще не лезет ни в какие ворота.

— Но выслушай же меня…

Когда именно произошла подмена, Анита, как выяснилось позже, не имела ни малейшего представления.

Но тем не менее — жизнь наладилась.

Иногда ей хотелось разозлиться на Питера. Она уже начинала повышать голос, когда вдруг понимала, что вопреки ожиданиям Питер ей не перечит, не высказывает своих собственных суждений, соглашается со всеми ее планами и с готовностью потакает ей буквально во всем.

— Все, что только пожелает моя радость, — примирительно говорил он.

Однажды она вспылила из-за этой фразы:

— Ты говоришь со мной как с ребенком!

— Таким образом, — продолжал Питер, обращаясь к Дэну, — когда андроид сообщил мне об этом, я принял брошенный вызов. Вот тогда я решил быть безгранично гибким и запрограммировать робот на выполнение всех ее желаний. Мне даже

самому стало интересно, как далеко могут зайти требования истерички к мужу.

Он помолчал. Его подергивающееся от волнения лицо выражало горечь.

— Ну почему, почему такая женщина досталась именно мне?

Взяв себя в руки, он продолжил:

— Чтобы решить эту конкретную проблему — ну, что Питер II пользуется одной и той же теперь уже подозрительной фразой, — я вспомнил строчку, то ли где-то прочитанную, то ли слышанную в какой-то пьесе: «Твое малейшее желание — для меня непреложный закон». Позже я добавил еще три фразы, предоставив андроиду самому решать, какая из них будет наиболее подходящей для разных конкретных случаев. Эти фразы были следующими: «Ты всегда так интересно придумываешь», «Так мы и сделаем», «С удовольствием». Больше всего меня поразило, что ни разу, ни единого разу ей не пришло в голову удивиться, что я сам никогда не выражал никаких желаний. Она ничуть не сомневалась в том, что все, что ей нравится, я воспринимал с восторгом. Питер I продолжал несколько удивленно:

— Если бы я рассказал вам все, что происходило в это время, вы бы мне не поверили. Она начала

давать мне поручения, которые я должен был выполнить в течение дня — андроид едва успевал за день выполнить все, что она ему велела. Но — обратите внимание — она продолжала звонить мне в офис по десять раз на день, и все опять вернулось на круги своя. Я заказал еще одного андроида-двойника.

Питер Коплэнд поднялся с кресла и, подойдя к боковой двери, произнес:

— Питер III, выйдите, пожалуйста, к нам.

Из двери вышел его двойник и, поклонившись, произнес с легкой улыбкой:

— К вашим услугам, джентльмены.

Питер I сказал, обращаясь к андроиду:

— Расскажите мистеру Тэйлеру и мистеру Саттеру, в чем заключались ваши обязанности.

— В основном, — последовал ответ, — я просто находился в соседней комнате и отвечал на звонки миссис Коплэнд.

— Сколько времени в среднем отнимали у вас разговоры по телефону с миссис Коплэнд?

— От семи до семи с половиной часов в день.

— Сколько длится наш рабочий день? Я имею в виду, сколько времени мы должны провести в офисе?

— Семь с половиной часов, включая обеденный

перерыв.

— Чем в это время занимался Питер II?

— Он ходил по магазинам, выполняя поручения миссис Коплэнд.

— Чем в это время занимался я?

— Вы в это время работали в офисе за исключением нескольких случаев, когда…

— Это неважно, — быстро прервал его Питер I.

— Очень хорошо, сэр, — ответил Питер III с понимающей улыбкой.

Дэн Тэйлер тут же вмешался:

— Я думаю, что это как раз очень важно. Теперь картина вырисовывается полностью. Здесь замешана другая женщина.

Питер I вздохнул.

— Хорошо, раз уж это выплыло наружу… Но это случилось много позже. Клянусь.

Это был момент, которого так долго ждал Дэн Тэйлер: то, что в Питере блокировалось на уровне сознания, могло найти выход под воздействием эмоций.

Он встал и зловеще произнес:

— Я больше не хочу слышать этого подонка!

— Ради бога, Дэн, — воскликнул Питер, — будь же благоразумен. Ведь ты же ученый! Я рассказал истинную правду!

— Откуда у тебя взялись эти андроиды? У меня есть знакомые с андроидами, но у тебя их целых два!

На лице Питера появилась жалкая улыбка.

— Каждый из них обошелся мне в восемнадцать тысяч долларов. Черт побери, они должны были быть именно такими. Я же рассказал, Дэн, что за проблемы я должен был решить.

— Но кто ими торгует?

— Не знаю… какая-то контора. Рекламный андроид приходит прямо на дом. Ты общаешься с ним, как с человеком, пока он не говорит, кто он на самом деле. Я сам сперва не поверил своим глазам.

— А с чего они взяли, что тебе нужен такой андроид? Мне почему-то никто их никогда не предлагал.

— Действительно, — задумался Питер. — Я не знаю, что на это сказать. Он просто появился как-то утром, и излишне говорить, как он был кстати. Вроде он что-то говорил о том, что это не очень законно. Наверное, раз ты работаешь на правительство, то они автоматически исключают тебя из списка потенциальных клиентов.

— А со вторым андроидом? — спросил Дэн. — Продавец что — опять заглянул нажданно-нега-

данно?

— Фактически — да. Он сказал, что явился для профилактики.

— А явился как раз, когда ты начал подумывать о втором?

— Именно.

— И ты никому об этом даже не намекал?

— Ты в своем уме? Кому?

Дэн понял, что Питер сказал все, что знал.

— О чем мы все время говорим? — закричал он. — И не думай, что тебе удастся увести разговор в сторону.

— Но ты сам увел его в сторону! — возразил Питер.

— Я поговорю с сестрой. А пока можешь чувствовать себя в безопасности, — резко сказал Дэн.

С этими словами он покинул кабинет, довольный тем, что ему удалось выяснить самое главное.

Саттер отметил в своем отчете:

Я остался и обсудил с Питером возможную опасность, которую таили эти угрозы. Он не принимал их всерьез и отказался сообщить какие-либо детали об

этой другой женщине. Он заявил, что не любит ее и поэтому она не имеет значения.

* * *

В течение двух следующих дней Дэн, ожидая звонка от своей сестры, разобрал «убитого» андроида, а затем вновь собрал его и поместил в футляр в доме Питера.

Перед тем, как уйти, он установил скрытую видеокамеру, направив объектив на футляр и снабдив ее автоматическим устройством включения на случай, если кто-то появится возле футляра.

На утро третьего дня ему сообщили, что сестру выписали из госпиталя. Вне себя от злости он потребовал, чтобы его соединили с психиатром Аниты.

— Одну минуту, — отозвался женский голос.

Наступила пауза. Через некоторое время в трубке раздался уже знакомый мужской голос:

— Мне очень жаль. Доктор Шнайтер считает, что ему нечего сообщить вам.

— Черт бы его побрал! — взорвался Дэн. — Передайте этому Шнайтеру, что я выцежу из него всю кровь по капле за то, что он выпустил эту

пациентку, не поставив меня в известность.

Он в ярости бросил трубку на рычаг.

Он тут же позвонил Саттеру, и его соединили по видеотелефону с констеблем, который в это время патрулировал один из районов города.

Дэн спросил:

— Это правда, что каждый должен немедленно сообщить полиции об изменении своего адреса и любая площадь, сдающаяся в наем, немедленно заносится в полицейский компьютер? И если это так, можете ли вы навести для меня справки?

Вопрос был чисто риторическим. Дэн прекрасно знал о существовании такой системы регистрации и мог получить всю нужную информацию у себя на работе. Но в данном случае ему было важно, чтобы его действия казались неофициальными. Случай с Анитой был его самой большой удачей за все время работы над полученным заданием.

Как он и ожидал, Саттер признал, что такая система существует и, учитывая обстоятельства, он мог бы выяснить все, что требовалось Дэну.

В течение следующих суток, по истечении которых инспектор Инграт подписал поданное Саттером прошение о выяснении адреса, Дэн безуспешно пытался разыскать сестру дома, в ма-

газинах и других местах, где она могла появиться. По адресу, полученному от полиции, ее тоже не оказалось. Консьержка указанного полицией дома, однако, сказала:

— Она редко бывает у себя. Я бы поискала ее в соседнем баре.

На ее лице было написано осуждение.

Когда Дэн опустился на соседний стул, Анита нервно потягивала какой-то зеленоватый напиток. Сначала она его не заметила, но потом, почувствовав, что кто-то сидит рядом, спросила, не оборачиваясь:

— Вы сели рядом не просто так, а с какой-то целью?

Ее голос выдавал напряжение, а на лице был лихорадочный румянец. Она явно была не в себе и, судя по всему, сильно навеселе. Она даже не сознавала, с кем говорит.

Дэн Тэйлер молча кивнул: он боялся, что голос выдаст его. Он поверил всему, что рассказал Питер, и ему впервые стало по-настоящему жалко сестру.

Анита продолжала, по-прежнему глядя в сторону:

— Вы сели рядом, чтобы познакомится? Вам нужна женщина? Хорошо, я согласна.

Дэн не выдержал:

— Анита!

При звуке его голоса она повернулась, и ее глаза расширились. Она бросилась ему на шею.

— Боже мой, Дэн, — всхлипывала она. — Как мне тебя недоставало! Куда ты пропал?

Дав ей немного успокоиться, Дэн осторожно высвободился из объятий. Ему почему-то сразу пришли на ум слова Питера, что за одно — два предложения Анита всегда умудряется переложить свою вину на других.

Он вспомнил, как она отказалась от его посещений в больнице, ее неожиданный уход оттуда, ее исчезновение и как он ее искал. А теперь всю вину за то, что его не было рядом, чтобы успокоить ее, она возлагает именно на него.

До рассказа Питера он бы не задумался об этом всерьез. Он бы просто отмахнулся от ее претензий, как это было уже не раз и не два, когда она раздражала или злила его.

Он почувствовал, как у него начинает щемить сердце от жалости, но взял себя в руки, вспомнив, как Анита, его единственная сестра, предлагала себя постороннему. Любому. Абсолютно любому мужчине.

Он вспомнил, как она даже не взглянула в его

сторону, как она сама изъявила готовность переспать, даже не поинтересовавшись, кем был этот мужчина и как он выглядел.

Эти воспоминания были для него как ушат холодной воды.

— Анита, тебе нужна помощь.

— Со мной все в порядке.

— Не дури! — грубо сказал он, пользуясь положением брата. — Тебе нужно поговорить с психиатром.

— Я уже говорила. С доктором Шнайтером. Он приятный коротышка. И тоже считает Питера подонком.

Ее слова напомнили Дэну о докторе, еще раз подтвердив, что он в нем не ошибся. Согласившись с ней, психиатр оградил ее от необходимости трезво оценивать свои поступки.

Значит, полагаться ему больше было не на кого. Значит, только он сам должен был привести ее в чувство. Что ж, так тому и быть.

Он рассказал Аните все, о чем ему поведал Питер. Когда он закончил, ее голубые глаза затуманили слезы, быстро сменившиеся колючим взглядом.

— Значит, ты тоже на его стороне? — всхлипнув, спросила она. — Значит, ты тоже против

меня?

Дэн понял, что она не слышала и половины того, что он сказал.

— Послушай, — взмолился он, — возьмем хотя бы только одно из того, на что жаловался Питер. Это правда, что ты звонила ему на работу по десять, а то и больше раз на дню?

— Я вообще никогда ему не звонила, — разозлилась она. Слезы высохли, и ее глаза метали голубые молнии. — Я ненавижу его! Зачем мне звонить человеку, которого я ненавижу?

— Тогда ты его не ненавидела, — уточнил Дэн.

— Я всегда его ненавидела. Он мне никогда не нравился.

Дэн взглянул на нее. Ее глаза были опять небесно голубыми, но взгляд был пустым. Она его не слушала.

Он вспомнил андроида, которого разобрали в учебных целях на одном из занятий в колледже. Когда вынули блок базовой стабилизации, ответы андроида на разные вопросы стали только частично ассоциированными. Ответы Аниты были точно такими же.

Поглощенный этими мыслями, Дэн отвернулся. Прежде, чем он успел подумать, что делать дальше, она оставила его. Он увидел, как она

торопливо пробирается между столиками. Вдруг она задержалась у одного из них, за которым сидел какой-то мужчина, вошедший совсем недавно.

Дэн с отвращением наблюдал, как она пыталась его подцепить.

Мужчина покачал головой. Она начала с ним спорить и пыталась сесть ему на колени. Он продолжал упираться, и она, неожиданно встав, быстро обошла весь бар и вернулась на свое место возле Дэна.

— У него появилась другая женщина? — спросила она, как будто никуда не отлучалась.

Поскольку Дэн не был связан никакими обещаниями Питеру, он ответил:

— Да.

— Я так и думала, — сказала она, и на ее лице появилось мстительное выражение. — Значит, так оно и есть.

— Но послушай… — попытался урезонить ее Дэн.

Он сделал беспомощный жест рукой и вдруг понял, что верит Питеру. Действительно, женщина у него наверняка появилась позже, но у Аниты все это каким-то образом перевернуто с ног на голову.

— Послушай, — хрипло сказал он. — Дело не в этом. Дело совсем в другом.

Он видел, что она его не слушала. На ее лице по-прежнему было выражение мстительности.

— А как насчет этих мужчин, которых ты пыталась подцепить?

— А-а, ты про этих… — Она пренебрежительно дернула точеным плечиком, отмахиваясь от его вопроса. — То, что делает женщина, не в счет. Женщины — всего лишь объекты.

Дэн решил, что наступил подходящий момент для его главного вопроса.

— Возможно, нам удастся выяснить, кто эта женщина, — сказал он. — Послушай, когда ты была с андроидом, выдававшим себя за Питера…

— Я не хочу об этом говорить!

— …вы ходили с ним в какое-нибудь место, показавшееся тебе очень странным?

Похоже, этот вопрос заставил ее задуматься.

— Только однажды, — наконец сказала она. — Это была очень странная улица.

— Что там было странного? — не унимался Дэн, чувствовавший, что это было самое главное, и опасавшийся, — что его идиотка-сестра так и не вспомнит.

— Ну-у, ты знаешь… — Анита неопределенно

махнула рукой. — Я уже там была один раз на беседе.

— С кем? Что за беседа?

Анита в ответ зевнула, уцепилась руками за стойку и, положив на них голову, заснула.

К ним подошел бармен.

— Вам придется забрать ее отсюда. Мы не можем допустить, чтобы у нас находились такие пьяные клиенты.

— Помогите мне, — попросил Дэн.

Бармен с готовностью подставил плечо, и они вдвоем дотащили Аниту до комболета. Дэн приземлился на крыше дома, где жила Анита, отнес ее в комнату и уложил на кушетку.

Затем он ушел, глубоко задумавшись.

* * *

В три часа ночи у Дэна зазвонил телефон.

Он схватил трубку, но спросонья не сразу разобрал, что звонили из полицейского участка, в котором содержалась под стражей Анита.

— За что ее задержали? — закричал он в трубку.

— За попытку уничтожить андроида с помощью молотка.

— Я буду у вас через несколько минут! До участ-

ка он добрался очень быстро.

В приемную, где его просили подождать, вскоре доставили Аниту и андроида — двойника Питера. Вскоре Дэн знал все подробности случившегося.

Как выяснилось, андроид сам позвонил в полицию и заявил, что Анита пыталась уничтожить дорогостоящую собственность — его самого.

Андроид, назвавшийся Питером II, с достоинством произнес:

— Я лежал в футляре и почувствовал удар молотка по плечу. Я открыл глаза и увидел Аниту с занесенным для второго удара молотком над головой. Естественно, я отобрал у нее инструмент разрушения и немедленно позвонил в полицию.

Дэн забрал Аниту под залог и посадил в свой комболет По пути к дому, где она снимала комнату, он изредка посматривал на нее. Она лежала с закрытыми глазами и раскинув руки. Ее обмякшее тело казалось беспомощным, волосы были растрепаны, а одежда помята.

— Что случилось? — наконец хмуро поинтересовался он. — Как это все произошло?

Она очень долго не отвечала и наконец произнесла усталым голосом:

— Я за ним следила.

— За кем?

— За Питером, конечно.

Все это не имело никакого смысла.

— Ты знаешь, с кем он живет? — спросила Анита.

Дэну стало казаться, что еще немного, и он сам сойдет с ума.

— Зачем тебе было нужно следить за андроидом? — раздраженно спросил он. — По существующим законам робот не может быть виновен в преступлении, и совершенно неважно, с кем он живет.

Ответа он не дождался. Дэн оторвал взгляд от приборной доски, чтобы взглянуть на Аниту, и опешил.

Ее глаза были широко раскрыты. В них бушевала ярость.

— Ты что, братик? — злобно прошипела она. — Я говорю о Питере. Понятно?

Она взмахнула рукой и залепила ему пощечину. Как в детстве. Машина вильнула в сторону и едва не врезалась в какое-то здание. Дэн обхватил Аниту рукой за шею и крепко сдавил, не давая ей пошевелиться.

Сработало аварийное устройство, и комболет перешел на автоматический режим остановки движения.

На ярко освещенной пустынной улице было светло как днем. Брат с сестрой сидели, не шевелясь и не сводя друг с друга взгляда.

— Ладно, так с кем он живет? — спросил наконец Дэн.

— Со мной! С моим двойником-андроидом!

Злость Дэна куда-то испарилась. Он вспомнил, что говорил ему Саттер и как Питер отказался сообщить что-либо об этой женщине. Теперь все объяснилось. Дэн решил проявить терпение.

— Послушай, Анита, ведь ты не можешь ревновать к андроиду.

Анита сидела, не двигаясь, и в ярком искусственном свете ее глаза казались неестественно голубыми.

— Андроид, — замялся Дэн, — ну, ты понимаешь… это всего лишь андроид.

Ее красиво очерченные губы раздвинулись, четко выговаривая слова:

— Тогда зачем она должна быть похожей на меня? Это унизительно.

Дэну, вспомнившему ее поведение в баре, эти слова показались по меньшей мере не к месту.

— Но послушай, зачем же вымещать недовольство на Питере II с помощью молотка за то, что Питер I живет с Анитой II?

— Эх вы, мужчины! — с горечью отозвалась Анита. — Отвези меня домой.

Он так и поступил. Всю оставшуюся дорогу они молчали.

* * *

На следующее утро констебль Саттер, выполняя полученное задание, записал в рабочем блокноте:

> *Судя по всему, ночью пути Питеров I, II и III, жены Питера I Аниты Коплэнд и его шурина Дэна Тэйлера так или иначе продолжали пересекаться. Никаких дополнительных заявлений не поступало. Сегодня, двадцать первого января две тысячи двести восемьдесят седьмого года, отличная погода.*

Когда Саттер закончил отчет, на экране перед ним появилось лицо инспектора Инграта. Глядя на экран, Саттер мысленно сделал в отчете следующую запись: «На маленьком экране у него был почти человеческий облик».

— Э-э, Саттер.

— Да, сэр!

— Дело Коплэнда.

— Да, инспектор.

— У меня здесь, э-э, два отчета. В первом говорится, что Анита Коплэнд, э-э, была доставлена в полицейский участок за попытку уничтожить андроид, э-э, с помощью молотка.

Констеблю Саттеру стало почему-то неудобно, словно он должен был предвидеть нечто подобное и предотвратить нападение. Он сказал:

— Был ли брат поставлен в известность, инспектор?

— Да, — ответил Инграт. — Он освободил ее под залог еще ночью. Однако, мне кажется, что вам следует связаться с мистером Тэйлером прямо сейчас и условиться о новой встрече с настоящим Питером Коплэндом.

— Слушаюсь, сэр. А что во втором отчете?

— В нем говорится, что Анита Коплэнд снова оказалась в полицейском участке.

— А-а… Понял, сэр — снова в участке.

— Э-э, именно!

— В чем ее обвиняют?

— В нападении на андроида с молотком.

Видя полную растерянность на лице Саттера, инспектор Инграт торопливо добавил:

— Мне кажется, вам с мистером Тэйлером нуж-

но разобраться, потому что неизвестно, был ли этот андроид тем же самым или уже другим. Так вы займетесь этим?

— Конечно, сэр.

Когда Саттер и Дэн Тэйлер вошли в полицейский участок, они увидели Аниту, сидевшую в углу на стуле. Дэн бросился к ней.

— Ты совсем уже сошла с ума! — закричал Дэн, — Что еще случилось на этот раз?

Голубые глаза смотрели на него в недоумении:

— Мы разве знакомы, сэр?

Дэн почувствовал, как по его спине побежали мурашки.

— Я… я… Анита, перестань валять дурака!

Констебль Саттер, изучавший отчеты, взял его за локоть:

— Одну минуту, мистер Тэйлер. Мне кажется, вы пришли к ошибочному выводу.

— Что?

Саттер обратился к Аните:

— Не могли бы вы описать нападение?

Сидевшая женщина спросила:

— Я должна встать?

— Нет, нет.

— Очень хорошо. Вскоре после того, как Питер ушел на работу, раздался звонок. Когда я открыла

дверь, женщина, которая, видимо, являлась моим прототипом, бросилась на меня с молотком в руке. Естественно, я отняла у нее молоток и позвонила в полицию.

Дэн Тэйлер в изумлении уставился на точную копию своей сестры.

— Ты… Вы — другая женщина!

Он повернулся к Саттеру:

— Где моя сестра?

Саттер протянул ему отчет:

— Судя по этим бумагам — она под стражей.

В глазах Дэна блеснула надежда.

— Послушайте, констебль, — сказал он. — Это — первая хорошая новость. Она может помочь нам благополучно разрешить проблему.

— Каким образом?

— Прежде, чем я заберу Аниту, давайте съездим к Питеру I.

Питер был на работе и выслушал их с отсутствующим выражением лица. Наконец он сказал:

— Теперь я, кажется, понимаю, что творится в голове у этой женщины. И она во всем неправа. Дублирование ее физического облика в Аните II совсем не означает, что я по ней скучаю. Ни один человек в здравом рассудке не захочет связывать себя с Анитой. Она абсолютно невыносима. Вы

должны заявить ей это совершенно определенно. Просто невыносима.

Дэн настаивал на своем и, как отметил Саттер в отчете, заявил:

— Питер, ты должен объяснить свое поведение.

Питер беспомощно развел руками.

— Все очень просто, — тихо сказал он. — Физически Анита всегда меня очень привлекала. Поэтому я заказал андроида, который внешне был бы ее точной копией, но во всем остальном вел бы себя как нормальная женщина.

Его глаза приобрели мечтательное выражение.

— Когда я возвращаюсь домой, она ждет меня. Анита II всегда заранее готовит мои шлепанцы и халат. На плите разогревается ужин и подается в самый нужный момент, причем без всяких истерик. После ужина я усаживаюсь с рюмкой коньяку, а она без скандалов моет посуду. Если мне хочется почитать или посмотреть телевизор, я так и делаю. И если я прихожу в спальню, когда она уже легла, это не вызывает никакого неудовольствия. В конце концов, я — нормальный мужчина в отличной физической форме и с соответствующими потребностями. И если я просыпаюсь ночью по три раза, то мне не при-

ходится выслушивать жалоб на сонливость или усталость. Никогда.

Выражение его лица изменилось.

— А с чего, собственно, женщине быть усталой? Если ей дорог ее муж, она, естественно, должна накопить энергию за день, а не растрачивать ее днем на всякую ерунду. Все, что мне нужно — это нормальная жена, которая ведет себя соответствующим образом. Вот и вся правда, Дэн.

Он вздохнул, полез в карман и вытащил связку ключей. Сняв один из них, он протянул его Дэну.

— Я попрошу тебя проведать Питера II. Я что-то волнуюсь. Он вернулся в свой футляр, когда его отпустили прошлой ночью?

— А почему ты сам не хочешь это проверить? — спросил Дэн.

Питер покачал головой.

— Я туда — не ходок. У меня такое чувство, что если Анита продырявит меня из крупнокалиберного револьвера — а он у нее есть, — то это будет признано оправданным убийством.

Дэн взял ключ, и они с Саттером отправились в дом Коплэндов. Футляр был пуст.

Дэн осмотрел телекамеру. Пленка уже проявилась сама, и Дэн прильнул к глазку миниатюрного проектора, который он предусмотрительно захва-

тил с собой. Он увидел, как со стороны лестницы показался маленький человек и подошел к футляру, в котором должен был находиться Питер II. Он там и был.

Человек наклонился, перевернул Питера II и спросил:

— Что случилось? Ты должен был доложить.

Питер II с достоинством вылез из футляра и ответил:

— Доктор Шнайтер, в моей программе ничего об этом нет.

Маленький человек нахмурился и внимательно взглянул на него:

— Расскажи мне все, что с тобой произошло, начиная с той самой ночи.

Питер II рассказал о приезде полиции и брата Аниты Коплэнд и о том, как Дэн поместил его в футляр. Единственное, что он запомнил, было то, как Анита ударила его молотком и он вызвал полицию.

Маленький человек задумался.

— Теоретически этот удар молотка мог повредить программу, но это никак не объясняет, почему ты не ушел сразу после того, как рассказал ей, кем являешься на самом деле, и дал снотворное. Лучше я тебя проверю сам.

Он так и сделал и через некоторое время вновь включил андроида. На этот раз на психиатре не было лица.

— Тот, кто в тебе копался, — сказал он, — был специалистом. Я перепрограммировал тебя на убийство этой женщины, и то же самое я сделаю с Питером III.

— Убить Аниту?

— Да. Я подозревал, что после того, как она не поддалась обработке и сбежала из госпиталя, мы окажемся в опасности. Я до сих пор не могу понять, как это случилось, но сейчас самым простым выходом является, — он пожал плечами, — ее смерть. Тебе нужно уйти сразу после меня, — закончил он.

С этими словами он повернулся и вышел. Через минуту за ним последовал Питер II.

Закончив просмотр, Дэн сказал Саттеру:

— В свое время мне не пришло в голову поинтересоваться, кто вызвал «скорую помощь», чтобы отвезти сестру в госпиталь. Это были вы?

— Нет. Туда звонил сам андроид. А что?

Дэн ответил не сразу. Сейчас многое становилось ясным.

* * *

Около дюжины человек молча смотрели сделанную Дэном запись. Зажегся свет, но молчание продолжалось, и взгляды всех присутствующих, включая Дэна, были устремлены на аскетического вида мужчину лет сорока пяти. Его звали Эдвард Джаррис, и он был заместителем начальника Управления национальной безопасности.

После некоторого раздумья он выпрямился в кресле и покачал головой.

— Мы не можем этим воспользоваться, — сказал он, повернувшись к Дэну. — Отличная работа, но суд не признает такого доказательства.

Дэн молча ждал продолжения. Ему приходилось и раньше присутствовать на таких совещаниях, и он знал, что любое представленное здесь доказательство тщательно взвешивается и все эмоции уступают место юридической логике.

Джаррис продолжал, обращаясь к нему:

— Кто еще видел этих, как вы их называете, суперандроидов?

Дэн уже хотел ответить, что, кроме него, это были два офицера полиции Блэк и Саттер, а также Питер и Анита, но что-то в голосе Джарриса его остановило. Вместо этого он вежливо сказал:

— Возможно, мне лучше представить вам докладную записку об этом, сэр?

— Вы правы, — последовал ответ, — так будет лучше.

С этими словами заместитель начальника Управления национальной безопасности встал и вышел из зала заседания.

Непосредственный начальник Дэна тут же подошел к нему и восторженно пожал руку.

— Похоже, вы произвели на него большое впечатление, — сказал он. — Обычно Джарриса не интересуют такие детали.

Дэн поблагодарил его и, забрав из проекционной пленку с записью, вышел. Оказавшись на стоянке, он бегом бросился к своему комболету и только в воздухе почувствовал себя в безопасности.

Буквально через минуту раздался звонок его шефа.

— Послушай, Дэн, мистер Джаррис затребовал эту пленку, а механик сказал, что ты ее взял.

Дэн изобразил удивление.

— Она мне нужна, чтобы подготовить записку, — сказал он, — Я верну ее в это же время завтра.

— Хорошо, — с готовностью согласился ничего

не подозревавший шеф. — Я так и доложу.

Дэн отключил связь и вытер со лба холодный пот. Он добрался до своего банка и положил пленку в свой личный сейф. После этого он связался с Саттером:

— Я отправляюсь в Центральный госпиталь. Вам лучше подстраховать меня.

— Хотите встретиться с Шнайтером? — Да.

— Как вы думаете, эти люди обо мне знают? — спросил Саттер.

— Знает только мой непосредственный начальник, — ответил Дэн. — Эти детали никого не интересовали, — он помолчал, — до недавнего времени.

* * *

Когда доктор Шнайтер вышел из своего кабинета, Дэн поравнялся с ним и, уперевшись дулом пистолета в его правую почку, сказал:

— Я — брат Аниты. Мне нужно с вами поговорить, даже если это будет ваш последний разговор.

Оказавшись в кабинете психиатра, Дэн прикинулся братом, которого очень беспокоит состояние сестры.

— Неужели вы не могли задержать ее подоль-

ше? — спросил он. — Неужели нет никакого закона, который предписывал бы особое отношение к потенциальным самоубийцам?

Психиатр покачал головой. От его первоначального испуга не осталось и следа, и он дружелюбно улыбнулся.

— Ее желание покончить с собой в первые минуты шока после того, что она узнала, вполне понятно. — Он продолжал улыбаться. — Но больше таких попыток не повторялось, разве не так?

И это было все, что доктор Шнайтер сообщил по собственной воле.

Так значит, эта женщина была неразборчива в связях? Статистика свидетельствовала, что со временем она снова привяжется к одному мужчине и на этом ее неразборчивость закончится. Дэна это беспокоило? Инфантильная реакция. Пора повзрослеть.

Рассудительный, хладнокровный, насмешливый — таким был внешне человек, несомненно игравший одну из ключевых ролей в тайном заговоре андроидов.

Дэна разбирало любопытство. Он хотел получше узнать психиатра, прежде чем переходить к главному.

Теперь этот момент настал.

Он поднял пистолет.

— Доктор, — сказал он, — мне надоело слушать весь этот вздор. У вас ровно пятнадцать секунд, чтобы начать говорить правду.

Наступила долгая пауза. Шнайтер побледнел, но его глаза оставались настороженными и холодными. Немного оправившись, он широко улыбнулся и развел руками.

— Что вы хотите знать?

— Зачем вы распорядились привезти мою сестру сюда? И не трудитесь отрицать. Я жду ответа!

На этот раз пауза была меньше.

— Несмотря на всю обработку, она начала выходить из-под контроля. Я хотел узнать почему.

— Какой она подверглась обработке?

— Три этапа. Полная андроидная симуляция.

— В чем проявился ее выход из-под контроля?

— Мы просто хотели использовать ее — как и многих других женщин — для того, чтобы заставить ее мужа купить дорогого андроида. Это — источник нашего финансирования. Но каким-то образом Анита вышла из-под контроля и стала представлять опасность.

— Опасность — чем именно?

— Поскольку мы не могли ее контролировать, мы не могли быть в ней уверены.

— Она знала, что должна была симулировать андроида и реагировать только на заданную программу?

— Обычно люди осознают это в момент обработки, но потом память об этом стирается. У нас были основания полагать, что Анита забыла не все. Как бы то ни было, мы не могли позволить себе рисковать.

— Вы выяснили, почему?

— Нет, она сбежала из госпиталя прежде, чем мне удалось решить эту проблему. У меня есть гипотеза… — Он вопросительно взглянул на Дэна.

— Я слушаю, — сказал Дэн.

— Единственное сравнение, которое мне приходит в голову, — сказал доктор Шнайтер, — это приступы безумия, которые наблюдались в не столь отдаленном прошлом в Азии, а до этого — среди рабов и других групп отверженных.

— Ну и? — спросил Дэн.

— Я полагаю, — продолжал доктор, — что определенные типы мятежных натур не следует подвергать андроидной симуляции. Их надо завоевывать на основе идеального.

Дэн не сводил глаз с психиатра.

— Какого идеального?

— Я — сторонник АДЖ, — тихо ответил Шнай-

тер с таким видом, будто это все объясняло.

Он глубоко вздохнул и добавил:

— Ваша борьба заранее обречена на поражение. Андроидами пользуются почти все — кто как прислугой, кто как телохранителем — сфера применения практически безгранична. Конечно, сейчас они приобретаются, как домашние животные или вещи, но следующим шагом будет приобретение с условием, что они будут отпущены на волю после того, как окажут услуг на сумму, затраченную на их приобретение.

Он пожал плечами.

— Надеюсь, вы понимаете, что после всего, что я вам сказал, вы не сможете покинуть это здание.

— Вам звонил Джаррис?

— Да, — просто ответил Шнайтер.

— Я не думаю, что у вас было время приготовиться.

— В этом госпитале людьми являются только врачи, все остальные — андроиды. Медсестры, обслуживающий персонал… Поняв, какими трудолюбивыми, никогда ни на что не жалующимися, надежными… вообще идеальными существами являются андроиды, я стал убежденным сторонником их гражданских прав.

— Я вам скажу, в чем моя сила, — сказал Дэн. —

У меня есть, пленка.

— Действительно, это самая сильная ваша карта. Где она?

— Если со мной что-нибудь случится, — продолжал Дэн, — пленка попадет в руки противников АДЖ.

— А в чем ваша слабость? — Голос Шнайтера был по-прежнему ровным и невозмутимым.

— Совершенно очевидно, что Джаррис, являющийся тайным сторонником АДЖ, отстранит меня от этого дела. Зная это, я должен вам сказать, что причины моего появления здесь являются чисто личными, и я хочу предложить компромисс. Моя сестра…

— Да? — спросил доктор Шнайтер мягким голосом, — Так что ваша сестра?

— Я хочу, чтобы андроиды Питер II и Питер III были перепрограммированы, чтобы не убивать ее.

— Это будет сделано, — сказал психиатр.

Дэн посмотрел ему в глаза и сказал:

— Давайте сформулируем это так. Вы придумаете, как убедить меня, что выполните обещание — и на этом мы закроем вопрос. Я свяжусь с вами через двадцать четыре часа. А теперь, чтобы у вас не было возможности предпринять что-либо

против меня прямо сейчас…

Он выстрелил три раза в человека напротив.

Пистолет был газовым, но внешне не отличался от обычного, стрелявшего пулями. Одного выстрела из газового пистолета было достаточно, чтобы под действием парализующего газа человек потерял сознание на несколько минут. Тело психиатра обмякло, и он медленно сполз с кресла.

Дэн вышел и быстро направился по коридору к лифтам.

Один из двух человек, вошедший с Дэном в лифт и оказавшийся рядом с панелью с кнопками этажей, повернулся к нему и вежливо спросил:

— Какой этаж, сэр?

Сжав в кармане рукоятку пистолета, Дэн ответил.

Он чувствовал опасность, поэтому решил во что бы то ни стало держаться настороже.

То, что он, один из руководителей правительственного расследования — заговора андроидов, оказался братом особы, подвергшейся манипуляции, было чистой случайностью. Еще большей случайностью было то, что этой особой оказалась Анита.

Тем не менее в результате этих случайностей

он, специалист, познакомился с суперандроидами.

В поведенческом плане эти суперандроиды были запрограммированы вести себя как самые обычные люди; таким образом, Питер II и другие жили среди людей, ничем не выделяясь, а их истинная сущность была скрыта в силу тех или иных причин.

Этот заговор так и продолжал бы развиваться, не привлекая никакого внимания, если бы удалось уничтожить пленку с записью и избавиться от нескольких опасных свидетелей.

Среди этих свидетелей были два офицера полиции — Блэк и Саттер, Саттер уж наверняка, затем Анита и все сотрудники службы безопасности, видевшие пленку с записью, и, конечно, сам Дэн Тэйлер.

Его рассуждения были прерваны тем, что лифт остановился и двери распахнулись.

Он сделал шаг вперед и хотел выйти, но увидел, что прямо у лифта разворачивается комболет, загораживая ему проход. В этот момент два его спутника вышли из кабины и в мгновение ока схватили его за руки, не давая пошевелиться.

— Вы что? — только и успел вскрикнуть Дэн, как его засунули в распахнутую дверцу комбо-

лета.

Дверца захлопнулась, и комболет взмыл вверх.

Дэн оправился от неожиданности только несколько мгновений спустя и, попытавшись освободиться, выяснил, что он уже был прикован к креслу прочными стальными обручами, сжимавшими его запястья и лодыжки. Комболет был уже на высоте тысячи ста футов и летел на запад в автоматическом режиме.

Один из двух похитителей пересел в кресло пилота и перешел на ручной режим управления. Второй устроился прямо напротив Дэна и разглядывал его с легкой циничной улыбкой.

— Итак, вы все-таки попались.

Дэн, вспомнив детали похищения, ответил:

— Это было не так уж трудно.

— Что ж, — продолжал человек напротив, — теперь мы имеем возможность решить все свои проблемы. С помощью нескольких просвещенных людей андроиды отвоевывают планету у низшей расы. Но наши истинные возможности осознанно ограничиваются этой расой. Когда вы случайно столкнулись с андроидами нового типа, вроде меня и моего коллеги, — он кивнул на сидевшего за пультом, — вы стали — как только мы выяснили, кем вы являетесь, — проблемой.

Единственное, что мешает нам уничтожить вас на месте, это пленка с записью, которая находится у вас. Мы вынуждены проявить, скажем, некоторую терпимость.

Дэн наконец обрел дар речи.

— Как далеко зашел ваш заговор? — спросил он.

Человек поднял руку. На его губах опять появилась циничная улыбка.

— У меня нет времени на подробности, — сказал он, посмотрев сквозь прозрачную стену кабины на лежавший внизу город. — Мы скоро уже будем у цели. Но коротко говоря, наша ближайшая цель — это изменить ситуацию на сто восемьдесят градусов, а именно: освободить андроидов от всех ограничений, наложенных на них, и, соответственно, наложить необходимые ограничения на людей.

Дэн не сдавался.

— Но чтобы у андроидов появилась такая цель, ее должны запрограммировать люди!

— Так сами считают все свободные андроиды, — последовал ответ. — Естественно, к такому выводу они пришли через процесс познания, но ведь и люди действуют точно так же.

— А как быть со способностью людей к творче-

ству? — спросил Дэн.

Андроид презрительно рассмеялся.

— Логические процессы были переложены на компьютеры, явившиеся предшественниками андроидов.

— Но программирование компьютеров осуществлялось людьми, — настаивал на своем Дэн.

— Какая разница, как все это началось? — последовал пренебрежительный ответ.

Андроид пожал плечами и продолжал:

— Мы осознаем, что на первом этапе переворота нам не избежать некоторых поражений. Но в конце концов тысячи, а затем миллионы из нас получат свободу, а люди будут влачить уготованное им существование. Вот тогда мы станем полными властелинами. Сейчас же мы хотим от вас всего две вещи. Во-первых, ваша сестра…

Дэн поперхнулся.

— Анита! А что же во-вторых?

— Увидите, — последовал ответ.

Андроид достал из кармана предмет, напоминавший шприц, и направил его в лицо Дэну. Из шприца вылетела тонкая струйка жидкости.

Сознание Дэн потерял не сразу, но первое, что он понял, придя в себя, это то, что он сидит.

Сначала он попытался освободиться, по-преж-

нему считая, что находится в комболете, но постепенно понял, что это не так.

Он действительно сидел и действительно находился в каком-то замкнутом пространстве.

Но это был не комболет.

И его никто не держал.

Перед ним было стекло. Перед ним, сзади, сверху, снизу и по бокам. Он был окружен стеклом.

Какая-то часть мозга фиксировала его отношение к происходящему: удивление, негодование, шок. Но это были какие-то отблески его чувств: скорее отражение его реакции, нежели сама реакция.

Время шло. Он понял еще одно: по ту сторону стекла были люди.

Люди, которых было невозможно различить. Стекло каким-то образом искажало их. Части тел или руки, мелькнувшее лицо или кусок одежды, которые было видно с его стороны в глазок.

Глазки были разной величины и формы. Некоторые были вертикальными, другие — горизонтальными, были и такие, что располагались под углом или вообще были изогнутыми. Несколько раз он ловил на себе взгляды, каждый раз разных глаз, но в каждом из них были интерес и любопытство.

В какой-то момент Дэну пришла в голову мысль: «Похоже, что я живу с замедленной скоростью».

Он продолжал сидеть.

Он отказался от попытки оказывать физическое сопротивление, и его мозг, свободный для восприятия, сразу уловил, как в его голове раздались слова, как будто их произносил неизвестный мужской голос:

— Вы уже заметили, что сейчас вас настроили. Вы заметили это, не так ли? Скажите — да.

— Да, — сказал Дэн.

— Вы готовы к программированию? — спросил голос — Скажите — да.

Дэн повиновался.

— Очень хорошо, — сказал голос — Вы хотите, чтобы вас запрограммировали, не так ли? Скажите — да.

— Да, — сказал Дэн.

— Программирование, — сказал голос, — заключается в том, что вы получаете определенные команды относительно своего поведения и ответной реакции. Ваши реакция и поведение всегда и во всем будут подчиняться тем командам, которые заложены в программе. Вы согласны реагировать и вести себя в соответствии с заложенной программой? Скажите — да, я согласен.

— Да, я согласен, — сказал Дэн.

— Начальное программирование, — сказал голос, — очень простое. Вы должны встать. Встаньте!

Дэн встал.

— Сядьте!

Дэн сел.

— Видите, это очень просто, не так ли? Скажите — да, это просто.

— Да, это просто, — сказал Дэн.

— Отлично, — сказал голос — Ваша следующая программа — это встать и сделать два шага вперед, затем вернуться на два шага назад и сесть. Вы согласны это сделать, не так ли? Скажите — да.

— Да.

Вторая мысль, посетившая Дэна с тех пор, как он здесь оказался, была: «Сказать — нет».

Но несмотря на внутреннее усилие не подчиниться команде, он встал, сделал два шага вперед, затем два шага назад и сел на место.

Время шло, и программирование продолжалось: он вставал, садился, ходил, поднимал предметы, опускал их, реагировал на команды устно или действием в зависимости от того, что от него требовал голос, продолжавший звучать, как ему казалось, прямо в голове.

— Теперь вы готовы, — произнес наконец голос, — покинуть комнату занятий.

Ему было приказано пойти прямо, никуда не сворачивая. Он так и сделал и дошел до стеклянной стены, которая при его приближении распахнулась. Он оказался в другой комнате, в которой за веревочным ограждением находилось несколько десятков людей, наблюдавших за ним. Когда он, повинуясь новой команде, стал обходить комнату вдоль ограждения, не переходя за него, наблюдавшие начали задавать вопросы, на которые отвечал невидимый голос. Судя по ответам, присутствующие принимали Дэна за человека, добровольно согласившегося на андроидную симуляцию.

«Но я не соглашался на симуляцию, — сказал Дэн. — Я не хочу быть как андроид».

Он произнес это про себя.

Он был запрограммирован не говорить это вслух.

Он остановился в ожидании новой команды.

Люди начали расходиться. Некоторые вышли через центральную дверь, а остальные — через боковую.

Позади Дэна открылась дверь, на пороге стоял человек.

— Выйди в эту дверь! — Человек резким жестом указал направление. У него был тот же голос, что звучал в голове Дэна во время сеанса программирования.

Дэн вышел, как ему было указано, и очутился на странной улице.

Даже в том состоянии, в котором сейчас был Дэн, он сразу узнал эту улицу как место, о котором говорила Анита.

Улица, куда приходили роботы и где находилась штаб-квартира общества АДЖ — «АНДРОИДАМ — ДОСТОЙНУЮ ЖИЗНЬ».

Общество располагало андроидами, которые передавались ему в качестве дара, оставлялись в наследство и приобретались на его собственные средства. На этой действительно странной улице располагался город в городе. Именно здесь «жили» свободные андроиды, предоставленные сами себе и не получавшие ни от кого указаний. АДЖ перепрограммировало их, заложив в основу их функционирования принципиальную возможность отказа от выключения извне.

Кроме того, их программы позволяли самостоятельно расширять сознание или, говоря иначе, самосовершенствоваться.

Дэн шел по улице, и его чувства были зажаты в

навязанные во время программирования рамки, не подвластные его сознанию; даже его собственное прошлое представлялось ему весьма смутно.

Он увидел рекламу, обращенную к андроидам:

ЭТОТ БАР — ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО!

Он увидел театр, куда допускались только андроиды. Цена билетов была двойная, а пояснительная надпись гласила:

ВЫ
ПОЛУЧИТЕ
ДВОЙНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ, ПОТОМУ ЧТО ТОЛЬКО АНДРОИД МОЖЕТ…

На рекламном щите был изображен карикатурный человечек, над которым возвышалась внушительная фигура андроида. Надпись гласила:

АНДРОИД СИЛЬНЕЕ, ЛОГИЧНЕЕ И ЛУЧШЕ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ.

На другом плакате, где были изображены мужчина и женщина, было написано:

ЛЮДИ ЗНАЮТ: АНДРОИДЫ — ЛУЧШИЕ

МУЖЬЯ И ЖЕНЫ.

Откуда-то из глубины сознания к Дэну пришла мысль: когда-нибудь настанет день, в который все без исключения люди подвергнутся такой же обработке, что и он. Сначала — первая стадия, через которую он только что прошел, потом вторая и, наконец, третья, после которой наступает полная потеря индивидуальности и полное подчинение внешнему контролю. Во что превратится жизнь в этот день?

Он шел дальше, и эта мысль постепенно уходила из сознания.

* * *

Констебль Саттер записал в своем дневнике:

При расставании с Дэном Тэйлером я снабдил его радиомаяком и проследовал за ним до Центрального городского госпиталя. Я кружил над госпиталем, пока радиомаяк не указал, что Дэн покинул здание и направился в западную часть города. Радиомаяк находился в комболете с бортовым номером 8-283-746-А, за которым я проследовал в район свобод-

ных роботов, известный под названием Город андроидов. С помощью следящего детектора я наблюдал за тем, как два суперандроида доставили его в штаб-квартиру АДЖ. Там ему немедленно ввели подавляющий сознание наркотик и подвергли первой стадии обработки. В этот момент я запросил подкрепления и вскоре после того, как начался рейд, подобрал Тэйлера на улице. В настоящий момент я жду, когда закончится действие наркотика. Считаю, что мы впервые располагаем достоверной информацией о насильственном применении андроидной симуляции по отношению к человеку. Таким образом, имевшиеся сведения о том, что такая симуляция не всегда была добровольной, подтвердились.

Через четыре часа, проведенных в полицейском комболете, Дэн пришел в себя. Он размышлял.

— Войска построены на поле боя, — сказал он. — Теперь секрет суперандроидов перестал быть тайной, и это — наша победа. Чтобы спасти сестру, я могу быть вынужден вернуть пленку,

но пока я думаю, пусть она лучше побудет за решеткой.

Он покачал головой.

— Как-то странно сознавать, что сумасшедшая женщина находится в условиях, где она не может сделать ничего сумасшедшего. И все-таки, — он нахмурился, — лучше убедиться, что она по-прежнему там.

Саттер связался с полицейским участком.

— Да, — сказал он. — Она все еще там. Мое дежурство подходит к концу. Меня ждет жена…

На следующее утро Саттер увидел на своем дисплее три сообщения: 1) сестра Дэна Тэйлера по-прежнему находится в полиции; 2) Совет директоров АДЖ отрицает свою причастность к насильственной андроидной симуляции; немедленно уволенный управляющий находится под арестом; 3) на фронте Тэйлер-Коплэнд все кажется спокойным. Подпись: инспектор Инграт.

Последнее сообщение вызвало у Саттера большие сомнения, и он тут же попросил соединить его с квартирой Дэна Тэйлера.

Никто не отозвался.

Тогда он позвонил Питеру Коплэнду по его личному номеру.

Тоже никого.

Он направился на фабрику и настоял на том, чтобы его проводили в кабинет Коплэнда.

Никаких признаков Питера I.

Питера III в здании тоже не оказалось.

Он вылетел к Коплэндам.

Дома никого не было.

Футляр в подвале, где должен был находиться выключенный Питер II, тоже был пуст. Не было Питера II и в доме.

Следующим местом, куда направился Саттер, была квартира, где Питер I жил с Анитой II. На звонок никто не отвечал, а управляющий дома отказался впустить его без ордера.

Саттеру уже начало становиться не по себе, когда Дэн Тэйлер наконец позвонил ему сам:

— Я в полицейском участке и забираю Аниту. Приезжайте сюда.

— Но… — начал было Саттер, но сообразил, что Дэн уже повесил трубку.

В участке констебля проводили в какой-то кабинет. Дэн и Анита уже находились там. Дэн снял ее туфлю и, стянув чулок, начал копаться в щитке на ее пятке и настраивать какие-то миниатюрные рычажки.

Саттер замер от изумления и, понаблюдав какое-то время за манипуляциями Дэна, торопливо

вошел в кабинет и закрыл за собою дверь. Он был слишком потрясен, чтобы записывать что-либо в журнал или хотя бы сделать соответствующие умозаключения.

Наконец он обрел дар речи.

— Значит… вчерашняя женщина была вашей сестрой?

— Я никого сегодня не мог разыскать, — ответил Дэн, — поэтому поспешил сюда.

— Я тоже никого не мог найти, — сказал Дэн.

Дэн подал предупредительный знак.

— Сейчас я ее включу.

Он закрыл пластинкой щиток на пятке, надел туфлю и придал ее телу ровное положение. Отступив немного назад, он достал из кармана какой-то предмет, похожий на пистолет, и, направив его на пятку, нажал курок.

Двойник Аниты повернулся и закончил фразу, которую собирался произнести в тот момент, когда его выключили.

— Да, я — андроид, который жил с настоящим Питером Коплэндом.

— Почему вы не сообщили об этом полиции вчера?

— Я не запрограммирована адекватно реагировать на ситуации, подобные той, что возникла

вчера.

— А какая вчера была ситуация?

— Она выдала себя за андроида… за меня.

Дэн взглянул на Саттера и пожал плечами.

— Ну что? — спросил он.

— Зачем ей это понадобилось?

— Откуда мне знать, что происходит в голове этой женщины?

Мысли Саттера вернулись к событиям вчерашнего утра.

— Так значит, это была она?

Дэн ничего не ответил, но Саттер не унимался:

— Но ей это так здорово удалось. Что она задумала?

На этот раз Дэн ответил:

— Нам лучше отправиться туда, не теряя времени, и все выяснить.

— Туда — это куда?

Дэн многозначительно посмотрел на Аниту II и ответил:

— Мне кажется, нам следует организовать полицейский рейд, сославшись на то молчание, с которым мы столкнулись, пытаясь найти людей.

Только теперь констебль Саттер начал кое-что улавливать. Он почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Кое-кому грозила опасность.

— Э-э… — только и мог сказать он.

Он записал в своем воображаемом отчете:

«Иногда наступают моменты, когда любимое словечко инспектора Инграта кажется самым подходящим».

* * *

На пути к квартире Питера I Саттер спросил:

— На что вы запрограммировали Аниту II?

— Слушаться в будущем только меня.

— Понятно, — сказал Саттер.

Они добрались до квартиры номер двенадцать, вернее, до места, откуда им был хорошо виден вход в квартиру Коплэнда. Просторный коридор упирался в богато украшенную входную дверь, обошедшуюся владельцам в кругленькую сумму.

Дэн свернул на боковую лестницу и провел Саттера к черному ходу. Достав из кармана небольшой прибор, он засунул два отходящих от него проводка в электронный замок. Чувствительная система обратной связи распознала заложенный код и, автоматически подав сигнал, бесшумно открыла замок.

Когда дверь распахнулась, констебль Саттер только удивленно вскинул брови. Оставив, однако, случившееся без комментариев, он на

цыпочках проследовал за Дэном в квартиру.

Дэн подал ему знак, и Саттер тихо закрыл за собой дверь.

Они были в квартире.

Из прихожей вели три двери. Из-за одной, полуоткрытой, была видна кухня, вторая, находившаяся прямо напротив, вела, видимо, в ванную или в спальню.

Третья дверь тоже была слегка приоткрыта, всего на несколько дюймов, и из-за нее доносились приглушенные голоса. Дэн направился именно туда, и Саттер последовал за ним.

Дэн добрался до двери и, прижавшись к стене, осторожно заглянул в трехдюймовую щель.

Он увидел спины двух мужчин, похожих на Питера Коплэнда, и решил, что это были, скорее всего, Питер II и Питер III.

Один из мужчин сказал голосом Питера:

— Ты наверняка можешь помочь нам вытащить свою жену из полиции, чтобы мы могли убить ее.

— Идите к черту, — ответил Питер откуда-то из глубины комнаты.

— Или ты или она, — сказал андроид.

— Мы уже проходили это тысячу раз. Я уже ответил, что не буду этого делать.

— Или ты или она, — сказал андроид. Дэн понял, что здесь произошло.

Видимо, кто-то запрограммировал андроидов на то, что для человека самое ценное — жизнь. Этот программист забыл добавить, что бывают исключения. Что-нибудь вроде: если мать защищает свое дитя, или мужчина свою честь.

В результате андроиды оказались в тупике и ходили по кругу. Угроза — неожиданный ответ, на который они не были запрограммированы, опять угроза, и так до бесконечности. Дэн понял, что это продолжалось уже очень долго. Тысячу раз, как сказал Питер.

По крайней мере с раннего утра.

Питер тоже отвечал, как заведенный, видимо, сообразив, в чем тут дело.

Дэн почувствовал облегчение. Опасность, которую он предчувствовал, была реальной. Но, поскольку ситуация была тупиковой, им с Саттером оставалось только ждать, когда прибудет наряд полиции, вызванный констеблем. И не предпринимать ничего неожиданного.

Дэн почувствовал неожиданный приступ жалости к андроидам и их стремлению вырваться на свободу.

«В каком-то смысле я не против того, чтобы

андроиды получили свободу», — подумал он.

Но проблема была необычайно трудной, ибо андроидов нужно было заранее запрограммировать на все, что они делали или думали.

Два андроида, находившихся в комнате, даже не могли догадаться, что с ними была настоящая Анита.

Какие же у них были шансы на то, чтобы стать свободными?

Размышляя, он пытался разглядеть в узкую щель хотя бы часть ноги или руки Питера или Аниты, чтобы знать, где именно они находятся.

Стоит появиться полиции, эти андроиды, обладавшие молниеносной реакцией электронных автоматов, наверняка прибегнут к насилию, ибо стереотип ситуации, в которой они оказались, будет разрушен.

Дэн надеялся, что заложенная программа не позволит им убить Питера I.

Так где же все-таки находился Питер I?

Он наклонил голову, чтобы заглянуть в глубь комнаты, и неожиданно увидел Аниту.

Их взгляды встретились.

Ее зрачки расширились, и она встала.

— Пора обедать, — сказала она.

Она тут же исчезла из поля зрения Дэна, что

было совсем просто, учитывая ограниченность его угла обзора.

Дэн выругался про себя, увидев, как Питер II и Питер III переглянулись.

— Обед! — сказали они одновременно. — Но он никогда не обедает дома!

Дэн лихорадочно размышлял, не переставая клясть на чем свет стоит свою сумасшедшую сестру. Он начал потихоньку пятиться от двери и вдруг услышал приглушенный возглас Саттера.

Дэн обернулся и увидел, что Саттер смотрит в сторону кухни. Он перевел свой взгляд и замер.

В дверном проеме стояла Анита.

В ее руке был пистолет.

— Отлично, — сказала она. — Вы оба — туда!

Она указала пистолетом на дверь в гостиную.

Дэн едва удержался, чтобы не накричать на сестру, но повиновался. Его послушание было вызвано тем, о чем, скорее всего, Анита и не догадывалась. Он знал, что в тот момент, когда андроиды выяснят, что это настоящая Анита, они, повинуясь заложенной программе, немедленно убьют ее.

Входя в комнату, он слышал за собой шаркающие шаги Саттера и стук высоких каблуков Аниты.

Он был слишком ошарашен случившимся, чтобы рассуждать здраво. Своим идиотским поступком его сестра моментально превратила находившуюся под контролем ситуацию в чрезвычайно опасную. И он ничего не мог с этим поделать.

Его усилия, как и Питера, были направлены на то, чтобы спасти ее. Как всегда, все пытались защитить Аниту, а она думала только о себе.

— Свяжите их! — раздался сзади ее голос.

Когда Питер II и Питер III мастерски с этим справились, она отдала такое же необъяснимое приказание:

— Вставьте им кляп!

Едва Питеры выполнили и это, она подняла пистолет и выстрелила. Два раза.

Оба андроида упали почти одновременно. Дэн машинально отметил, что в момент смерти они вели себя не как люди.

Не было никакой борьбы, никакого конвульсивного подергивания мышц, вызванного отчаянным цеплянием миллионов клеток и нервных окончаний за жизнь. Питер II и Питер III просто свалились, как какие-то неодушевленные предметы.

Сначала Анита развязала Дэна. Вытаскивая у

него кляп, она яростно прошипела ему в ухо:

— Только попробуй ему сказать, что я не андроид… И пусть полицейский тоже держит язык за зубами!

Дэн начал кое-что понимать. Значит, все дело было именно в этом. Вся опасность, которой она их подвергла, была связана с выполнением каких-то планов, которые она строила в отношении своего мужа.

Вне себя от злости, Дэн освободил Саттера и шепотом передал ему полученное указание. Он смотрел, как Анита развязывала Питера I, и никак не мог заставить себя сосредоточиться на том, что означали ее слова.

Он узнал об этом позже.

Питер сказал, обращаясь к Аните:

— Дай мне пистолет.

Она отдала его, и какое-то время он в раздумье разглядывал оружие. О чем он думал, сказать было трудно, но он наконец засунул его в карман и произнес как ни в чем ни бывало:

— Я и не знал, что ты запрограммирована защищать своего владельца.

— Это именно так, — ответила Анита.

— А зачем было связывать и затыкать рот кляпом этим двоим? — Он указал на Дэна и Саттера.

— Так было проще отвлечь их внимание.

Прибывший с опозданием наряд полиции положил конец этим расспросам. Оба застреленных Питера, которых, разумеется, можно было починить и перепрограммировать, были с разрешения Питера I отправлены в офис Дэна.

Дэн почувствовал, что ему не хочется уезжать. Он задержался в дверях и, обернувшись, взглянул на свою красавицу-сестру и ее мужа. Его взгляд встретился с глазами Аниты. Они были полны бешенства.

«Убирайся, болван!» — Молчаливый приказ ее взгляда был более чем красноречив.

Дэн вышел.

* * *

Наступил следующий день.

Вскоре после обеда констебль Саттер приземлился на своем комболете на одной из стоянок Города андроидов и вскоре заметил приближающихся Дэна, Питера II, Питера III и Аниту II.

Во всяком случае позвонивший ему накануне Дэн сказал, что будет именно с ними. Он починил и перепрограммировал обоих андроидов-мужчин.

Они остановились, и Дэн громко сказал, обра-

щаясь к женщине:

— Ну что ж, дорогая сестричка, раз я не могу тебя переубедить, тогда до свидания и желаю тебе всего самого лучшего.

Он протянул руку. Женщина проигнорировала его жест Она молча повернулась и пошла. Андроиды-мужчины последовали за ней.

Едва они скрылись из вида, Дэн сказал:

— Я почти уверен, что мне удалось убедить обоих Питеров, что эта женщина — Анита I. И если полицейскому налету на АДЖ действительно удалось уничтожить местную организацию, то по крайней мере в настоящий момент никто в городе не управляет суперандроидами.

— А зачем вам, чтобы они думали, что это ваша сестра? — спросил Саттер.

— Вчера поздно ночью мне позвонила Анита и передала свои указания. — Дэн рассмеялся и смущенно добавил: — У женщин свой взгляд на вещи, и она решила, что будет совсем неплохо, если я запрограммирую Аниту II чувствовать глубокую любовь к Питеру II и Питеру III и наоборот.

Он помолчал и добавил извиняющимся тоном:

— Насколько я могу судить, какая-то часть в маленькой головке моей сестры испытывает странное удовольствие от того, что Питер I будет

считать, что Анита I живет с Питером II и Питером III, хотя на самом деле это, конечно, будет Анита II.

— Какой же смысл в этой странной затее? И зачем идти на поводу у своей сестры?

— Дело в том, — признался Дэн, — что она пригрозила уничтожить обоих андроидов-мужчин, а они мне могут еще понадобиться, чтобы довести дело до конца. После отстранения мистера Джарриса от должности и выдвижения обвинений против доктора Шнайтера все вроде бы обстоит благополучно, но кто знает…

— Как вы считаете, сознавала ли ваша сестра, что она была подвергнута андроидной симуляции?

— Нет.

— Но как же ей удалось выйти из-под контроля?

Дэн помолчал. Отчасти объяснение заключалось в том, что сказал доктор Шнайтер о «приступах безумия». Но на самом деле все обстояло гораздо сложнее. Что-то в человеке в принципе противилось обращению в рабство.

Конечно, не во всех случаях. Если бы все было проделано тонко, на уровне конформизма… Когда большинству людей во все времена даже не

приходило в голову, что это — форма рабства…

Но если наступал момент, когда человек ощущал принуждение, он начинал сопротивляться.

Эта мысль принесла Дэну успокоение. Люди выйдут победителями в этой борьбе андроидов за свободу. Особенно женщины, которые смертельной хваткой вцепляются в то, что считают своим.

Констебль тоже молчал. Он представил себе двух мужчин-андроидов Питеров, безумно влюбленных в женщину-андроида Аниту, тоже запрограммированную на глубокую любовь к ним, и то, как они бесконечно занимаются любовью.

Он услышал, как Дэн сказал:

— Вообще-то все это заставляет задуматься о том, в чем смысл жизни.

Саттер рассеянно кивнул.

— Только представьте себе, — продолжал Дэн, — женщину, которая всю оставшуюся жизнь будет притворяться запрограммированным андроидом. Я имею в виду свою сестру, которая сейчас живет с Питером.

— Да… — задумчиво отозвался Саттер.

Он представил себе Аниту и ее взаимоотношения с мужем и почувствовал легкую зависть,

вспомнив, как ему стало трудно в последнее время с его собственной женой.

Они наконец добрались до полицейского комболета. На экране горел сигнал вызова.

— Минутку, — сказал Саттер, — звонит моя жена.

Он щелкнул тумблером, машинально отметив про себя, что это был десятый звонок с тех пор, как он заступил на дежурство, и обреченно сказал:

— Да, дорогая, ну конечно, я тебя люблю. Я тебе об этом сегодня говорил уже девять раз…

Дорогой робот

Робот, сделанный по образу и подобию человека, неловко пошевелился в своем маленьком, почти невидимом самолетике. Его глаза были устремлены в визор, напряженно осматривая небо впереди. Вдруг совершенно неожиданно возникли две огненные вспышки, и самолетик тут же накренился, словно получил удар с двух сторон одновременно.

Сначала он падал медленно, затем все быстрее и быстрее, прямо в расположение врагов. Когда земля была уже совсем близко, включился механизм торможения и скорость падения замедлилась. Робот успел заметить внизу руины огромного города. Крошечная машинка беззвучно села у развалин какого-то здания.

Прошла пара секунд, и рядом с ним ожил радиоприемник. Чужие для его слуха голоса разговаривали между собой.

— Билл! — сказал первый.

— Что?

— Мы его достали?

— Вряд ли. По крайней мере, не полностью. Думаю, чтобы приземлиться, ему хватило частично

работающей системы, хотя трудно утверждать точно с этим их предохранителем. Скорее всего, он где-то сел с выключенным двигателем.

— Мне кажется, мы вывели его из строя.

— Ну, тогда ты знаешь, что нужно делать, когда один из них оказывается в расположении наших войск. Займись психологией. А я вызову «Стервятника».

— Нечего вечно на меня сваливать. Мне уже надоело этим заниматься. Теперь твоя очередь!

— Ладно. Дай-ка координаты… Хмм… он там, внизу. Думаешь, нам следует им заняться?

— Нет! Роботы, которых посылают так далеко, отличаются умом. А это означает, что нам его захватить не удастся. Он настолько быстро соображает, что нам пришлось бы его прикончить, а кому хочется убивать несчастных рабов, которых постоянно подвергают пыткам? Слушай, его фотография есть?

— Угу. Симпатичный парень… Забавно и в каком-то смысле ужасно. Ты помнишь, как все начиналось?

— Помню. Интересно, какой у него номер?

Наступила тишина. Робот осторожно пошевелился. Его номер? Девяносто второй, разумеется. Какой же еще?

Голос заговорил снова:

— Бедняга, наверное, даже не помнит, что когда-то у него было имя.

Другой ответил:

— Кто бы мог подумать, когда ученым удалось сделать копию человека — плоть, и кровь, и кости, и все такое, — что сегодня, пятьдесят лет спустя, нам придется воевать, спасая свою жизнь, с людьми, которые как две капли воды похожи на нас, если не считать того, что они от рождения евнухи?

Робот рассеянно прислушивался к разговору двух людей. Время от времени он кивал, когда их слова напоминали ему о вещах, которые он почти забыл.

Копии людей сначала называли роботами. Им не нравилось такое имя, они его изменили на «тобор», и оно прижилось. Тоборы оказались весьма успешными учеными, и сначала никто не заметил, что они постепенно захватили все научные учреждения во всех частях света. А также тайно — но широко масштабно — проводят свои собственные эксперименты по дублированию. Человечество испытало огромный шок, когда правительства всех континентов, куда сумели втереться тоборы, одновременно объявили, что

с этих пор единственным способом размножения будет дубликация. Занятия сексом были запрещены, первое нарушение запрета каралось штрафом, второе — тюремным заключением. Злостным нарушителям нового правила грозила придуманная тоборами процедура превращения в робота.

За выполнением нового закона должно было следить специальное полицейское управление, которое, как выяснилось, уже существовало. В первый день на улицах возникли беспорядки, подавленные карательными отрядами тоборов. Ни та, ни другая сторона даже не рассматривали возможность компромисса, и потому через две недели началась настоящая война.

Рассказ подошел к концу, и Билл сказал:

— Думаю, он достаточно слышал. Давай, пошли.

Раздался приглушенный смех, затем наступила тишина.

Робот ждал, ему было не по себе. В голове у него путались обрывочные воспоминания о временах, когда не было войны, где-то жила его девушка, существовал другой мир.

Диковинные картинки, не имеющие никакого отношения к реальности, потускнели и исчезли.

И он снова оказался в своем самолетике, который облегал его тело, словно плотная одежда из металла. Ему не нужно лететь дальше, необходимость в аэросъемке отпала… Нужно подняться в воздух!

Он почувствовал, как корабль дернулся в ответ на его мысль, но с места не сдвинулся. Несколько секунд он лежат, не шевелясь, затем возникло новое желание взлететь. И снова крошечный кораблик напрягся и задрожал от усилий, но не смог оторваться от земли.

На сей раз роботу в голову медленно пришла новая мысль: «Что-то, наверное, упало на корабль и придавило его своей тяжестью… Нужно выйти наружу и убрать…»

Он прижался к мягкой обивке и металлическим переборкам, которые, словно кокон, охватывали его тело. По лицу стекал пот, но в конце концов он покинул надежное нутро самолетика — и вот он уже стоит, погрузившись по щиколотки в пыль. Как его учили делать в подобных случаях, он проверил, все ли у него на месте… оружие, инструменты, противогаз…

Он бросился на землю, когда огромный темный корабль метнулся с неба и опустился в нескольких сотнях ярдов от него. Продолжая

прижиматься к земле, робот наблюдал за ним, но никакого движения не заметил. Тогда, не понимая, что происходит, робот поднялся на ноги. Он вспомнил, что один из тех, чей разговор он подслушал, сказал, будто бы они вызвали «Стервятника».

Значит, они решили его перехитрить, сделав вид, что улетели. На корпусе корабля было ярко и четко написано: «Стервятник-121».

Выглядел корабль так, словно собирался его атаковать. Сильный, упрямый рот робота напрягся. Скоро они узнают, что значит связываться с рабом тоборов.

Умереть ради тоборов, могущественных тоборов…

Молодая женщина напряженно наблюдала за тем, как пилот снижает быстроходный самолет, направляясь к руинам города, где лежал «Стервятник». Не увидеть его было невозможно, он возвышался над самой высокой из разрушенных стен. Черный силуэт на фоне серых однообразных обломков.

Удар — и женщина выскочила наружу, прижимая к груди чемоданчик. Она дважды сильно подвернула ногу, когда бежала по неровной земле. Задыхаясь, женщина промчалась по узкому

трапу.

Стальная дверь со щелчком открылась. Вбежав внутрь, она оглянулась. Дверь захлопнулась, и она с облегчением поняла, что находится в безопасности.

Женщина стояла, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку металлической комнаты. Через несколько мгновений она увидела небольшую группу мужчин. Один из них, невысокого роста, с худым лицом и в очках, выступил вперед. Одной рукой он забрал у нее чемоданчик, а другой схватил за руку и ласково пожал.

— Умница! — сказал он. — Вы молодец и очень быстро бегаете, мисс Хардинг. Я уверен, что никакой разведывательный корабль роботов не смог бы вас идентифицировать за те полминуты, что вы находились на открытом пространстве. О, прошу меня простить, — улыбнулся он. — Мне ведь не следует называть их роботами, верно? Они перевернули свое имя, так? Теперь они называют себя тоборами. Это слово звучит более гармонично и с психологической точки зрения устраивает их гораздо больше. Ну вот, вы наконец отдышались. Кстати, я доктор Клэрмейер.

— Доктор! — с трудом проговорила Хуанита Хардинг. — Вы уверены, что это *он?*

— У нас нет ни малейших сомнений, что это ваш жених, Джон Грегсон, выдающийся химик, — ответил более молодой мужчина, который вышел вперед, чтобы забрать чемоданчик из рук доктора Клэрмейера. — Благодаря нашим новым разработкам патруль смог получить его фотографию. Нам удалось настроиться на их коммуникационный канал. Фотографию передали в штаб, а затем — нам, — он замолчал и располагающе улыбнулся. — Меня зовут Мэдден. Вот этот, с вытянутым мрачным лицом, Филлипс. Тот нечесаный верзила, похожий на слона, что топчется у нас за спинами, зовется Райс, он из армии. А доктор Клэрмейер вам уже представился.

— Мы ужасно извиняемся, мэм, мы тут народ грубый, — проворчал Райс.

Мисс Хардинг быстрым движением сдернула с головы шляпку, и тени отступили с ее лица, укрывшись в глазах, а на губах появился намек на улыбку.

— Мистер Райс, моего отца, с которым я живу, все называют Циклон Хардинг. Он считает нормальный язык личным врагом и атакует его с неистребимой яростью и всеми доступными средствами. Я ответила на ваше извинение?

Райс фыркнул:

— Вы победили. Но давайте займемся делом. Мэдден, у тебя мозги, которые умеют думать словами, опиши мисс Хардинг ситуацию.

— Отлично! — мрачно откликнулся молодой человек. — Нам повезло оказаться в воздухе неподалеку отсюда, когда поступило сообщение, что нашим парням удалось сбить робота, но он остался жив. Как только прибыли результаты идентификации, мы попросили штаб установить защитное кольцо из имеющихся в их распоряжении самолетов. Они сняли все с ближайшей линии обороны.

Он замолчал и нахмурился.

— Мы должны соблюдать крайнюю осторожность, чтобы тоборы не догадались, что у нас на уме. Ваш жених не может улететь, это не вызывает никаких сомнений. И они не могут послать спасательный отряд, потому что он должен быть очень большим, иначе им с нами не справиться. Главная проблема в том, чтобы захватить его живым.

— А это, — пожав плечами, перебил его Клэрмейер, — может получиться легко, а может — и нет. К сожалению, мы должны действовать очень быстро. Тоборы скоро заметят, что мы сосредоточили в одном месте солидные силы;

они изучат его файл, по крайней мере частично поймут, что происходит, и начнут действовать. Вторым неприятным моментом является то, что в прошлом у нас случался определенный процент неудач. Вы должны понимать, что наша тактика практически полностью основана на фундаментальных импульсах человека.

Он терпеливо разъяснил ей, в чем состоит их метод.

— Девяносто второй!.. Это говорит Сорн.

Голос из радиоприемника робота, закрепленного у него на запястье, звучал резко, настойчиво, сурово. Робот пошевелился в своем бетонном укрытии.

— Слушаю, господин?

Очевидно, им требовалось проверить, выйдет ли он на связь, поскольку робот услышал, как другой сказал: «Он еще жив!» Этот голос на сей раз прозвучал глуше, как будто говорящий повернулся к своему собеседнику.

Во втором голосе прозвучало сомнение.

— При обычных обстоятельствах я не стал бы тратить на него силы, но это тот самый, что уничтожил свой файл. А теперь «Стервятник» явился, чтобы попытаться его спасти.

— Они делают так всякий раз.

— Я знаю, знаю. — Голос второго собеседника выдал его недовольство самим собой, словно он понимал, что ведет себя глупо. — И тем не менее они предоставили ему кучу времени — мне кажется, больше, чем обычно. Кроме того, нам совершенно точно известно, что этот конкретный корабль провел довольно длительные закодированные переговоры со своим штабом. А потом там появилась женщина.

— Они практически каждый раз используют женщин для спасательных операций. — Это было сказано с отвращением, но становилось ясно, что говорящий не считает аргумент своего товарища убедительным.

На несколько секунд воцарилось молчание. Наконец тот, что сомневался, заговорил снова:

— В нашем департаменте стало известно, что во время одной из операций два года назад мы захватили химика, который открыл способ сексуализации тоборов.

Он едва справлялся с отвращением и, несмотря на откровенность следующих слов, голос у него дрожал.

— К сожалению, мы слишком поздно об этом узнали и не смогли определить, о ком конкретно шла речь. Очевидно, его подвергли стандартному

допросу, а затем очистили сознание от посторонних мыслей.

Он снова сумел взять себя в руки и язвительно добавил:

— Разумеется, вполне возможно, что это их пропагандистские штучки, направленные на то, чтобы лишить нас спокойствия и напугать. Однако два года назад наша разведка сообщила, что в штабе людей царит мрачная атмосфера безнадежности. Складывается впечатление, что во время одного из рейдов мы захватили того химика, разрушили лабораторию и сожгли все бумаги.

Судя по его тону, он пожал плечами.

— Это был один из многих, как две капли воды похожих друг на друга рейдов. Естественно, пленных, захваченных во время таких акций, никто не классифицировал.

Снова наступило молчание. А потом:

— Приказать ему убить себя?

— Узнай, есть ли у него оружие.

Через несколько минут голос зазвучал совсем близко.

— У тебя есть бластер, Девяносто второй?

Человек-робот, который прислушивался к разговору с потусторонним взглядом и без каких бы

то ни было мыслей в голове, словно проснулся, услышав обращенный к себе вопрос.

— У меня есть ручное оружие, — безжизненным голосом ответил он.

И снова тот, что к нему обращался, отвернулся от микрофона.

— Ну? — спросил он.

— Прямые действия слишком опасны, — ответил второй тобор. — Ты же знаешь, они стараются противиться самоубийству. Иногда такой приказ выводит их из повиновения. Желание жить слишком сильно.

— Получается, что мы вернулись к тому, с чего начали.

— Нет! Скажи ему, что он должен защищаться до самой смерти. Это другой уровень. Призыв к верности и внушенной ему ненависти к нашим врагам людям и к необходимости защищать дело тоборов до последней капли крови.

Робот, который лежал на куче обломков, кивнул, услышав приказ своего господина.

— Естественно… до самой смерти… конечно.

В голосе Сорна, звучавшем из радиоприемника, по-прежнему слышались нотки недовольства.

— Думаю, нам следует применить силу. Необходимо сосредоточить на данном участке как

можно больше прожекторов и посмотреть, что произойдет.

— В прошлом они всегда принимали вызов.

— Лишь до определенной степени. Думаю, нам следует проверить, насколько далеко они готовы зайти. Я чувствую, что этот человек серьезно сопротивлялся во время захвата и на него оказывается сильное давление.

— Люди склонны к обману, и их не всегда легко понять, — с сомнением возразил второй. — Некоторые из них просто очень сильно хотят вернуться домой. Складывается впечатление, что это важный мотив.

По-видимому, его возражение носило чисто риторический характер. После нескольких минут тишины он поднял голову и решительно заявил:

— Хорошо, будем атаковать!

За час до наступления темноты с обеих сторон заработало около сотни прожекторов, а сумрак расцветили длинные хвосты ярких вспышек.

— Вот это да! — воскликнул Райс и помчался вверх по трапу внутрь корабля.

Его широкое лицо стало малиновым от усилий. Когда дверь за ним захлопнулась, он сказал, с трудом переводя дыхание:

— Мисс Хардинг, этот ваш жених очень опас-

ный человек. Он готов стрелять без размышлений. Необходимо еще раз к нему обратиться.

Девушка побледнела. Она наблюдала за Райсом, который пытался установить экран в одном из огромных окон корабельной обсерватории.

— Может быть, мне выйти наружу? — предложила она.

— И сгореть заживо? — выступил вперед доктор Клэрмейер, щурясь за толстыми стеклами очков. — Не волнуйтесь, мисс Хардинг. Я знаю, вам трудно поверить в то, что человек, который вас так сильно любил, сможет, не задумываясь, вас убить, но вам придется свыкнуться с этой мыслью — такова реальность. То, что тоборы решили за него сражаться, естественно, не облегчает нашу задачу.

— Звери! — выкрикнула она и всхлипнула, но глаза ее оставались сухими. — И что вы собираетесь делать?

— Обратиться к нему.

— Вы думаете, он вас услышит за гулом прожекторов? — удивленно спросила она.

— Он знает, что это такое, — спокойно проговорил доктор Клэрмейер. — Модель уже отработана. Даже одно слово вызовет в его сознании единое целое.

Через несколько мгновений Хуанита мрачно вслушивалась в слова, доносившиеся из громкоговорителя.

— …Вы человек. Мы люди. Вас захватили в плен роботы. Мы хотим вас спасти. Роботы называют себя тоборы, потому что им больше нравится, как это звучит. На самом деле они всего лишь роботы. Они не человеческие существа, в отличие от вас. Мы тоже человеческие существа, и мы хотим вас спасти. Делайте то, что мы скажем. Не слушайте их и не выполняйте их приказов. Мы желаем вам добра. Мы хотим вас спасти…

Корабль резко сдвинулся с места. Через несколько секунд появился капитан «Стервятника».

— Мне пришлось отдать приказ к взлету, — сказал он. — Мы вернемся на рассвете. Похоже, тоборы теряют свои машины со страшной скоростью. Они сражаются изо всех сил, но и для нас становится слишком жарко.

Видимо, он почувствовал, что девушка будет возмущена приказом отступить, и потому, наклонившись к ней, тихо добавил:

— Мы уверены, что раб сделает все, чтобы остаться в живых. Они проходят специальное обучение. Кроме того, мы установили экран, на котором будут постоянно появляться картин-

ки. — Прежде чем она успела ему возразить, он продолжил: — И еще. Мы получили разрешение вступить с ним в прямой контакт.

— А что это значит?

— Мы используем слабый сигнал, который действует на расстоянии нескольких сотен ярдов. Благодаря этому роботы не смогут услышать, что мы ему скажем. Мы надеемся, что нам удастся пробиться к нему, и он сообщит нам свою секретную формулу.

Хуанита Хардинг довольно долго сидела молча и хмурилась. В конце концов, когда она заговорила, ее ответ прозвучал очень по-женски.

— Я не уверена, — сказала она, — что мне нравятся картинки, которые вы показываете на экране.

— Мы должны воззвать к базовым основам человеческого существа, — сердито ответил капитан.

И быстро ушел.

Джон Грегсон, который был роботом, вдруг обнаружил, что изо всех сил цепляется за яркий экран. Сообразив, что делает, он оставил свои отчаянные попытки ухватить ускользающие образы, выманившие его из укрытия, и отступил на шаг.

Его окружал непроглядный мрак. Сделав еще шаг назад, он споткнулся об искореженную балку и начал падать, но успел удержаться, схватившись за ржавый кусок железа. Он подался под его весом, и на руках Грегсона осталась мелкая пыль.

Он испуганно метнулся в темноту и принялся вглядываться в отблески света. Впервые за все время он понял, что находится в одном из разрушенных городов. Грегсон подумал: «Как я сюда попал? И что со мной произошло?»

Услышав голос, зазвучавший из радиоприемника у него на запястье, он вздрогнул от неожиданности.

— Сорн! — настойчиво повторял голос.

Его ледяной тон напугал Грегсона. Где-то в глубине его сознания зашевелилось воспоминание, и зазвучал первый сигнал тревоги. Он уже собрался ответить, но тут понял, что обращались не к нему.

— Да? — Ответ донесся откуда-то издалека, хотя и достаточно четко.

— Ты где?

— Я приземлился примерно в полумиле от экрана, — медленно проговорил Сорн. — Произошла ошибка в расчетах, я собирался сесть ближе.

К сожалению, во время приземления я потерял направление. Ничего не вижу.

— Экран, который они используют, чтобы показывать свои картинки, по-прежнему работает. Я вижу его отражение в приемнике Девяносто второго. Не заметить его невозможно.

— По-видимому, он установлен в какой-то яме или среди обломков. Меня со всех сторон окружает полнейшая темнота. Свяжись с Девяносто вторым и…

Первое упоминание его *номера* привело к возникновению цепи ассоциаций. Второе пробудило такие страшные воспоминания, что Грегсон сжался от ужаса. Перед глазами, словно в калейдоскопе, мелькали образы, и он наконец понял, в каком положении оказался, и попытался восстановить в памяти череду событий, позволивших ему вновь взять под контроль свое сознание. Кто-то звал его по имени… называл не номер, а настоящее имя. Всякий раз они задавали ему вопрос, что-то про формулу… Какую? Он никак не мог вспомнить… что-то касающееся… касающееся… И вдруг все встало на свои места.

Скорчившись в темноте, Грегсон закрыл глаза от накатившего на него страха.

«Я сказал им. Открыл формулу. Только вот кому

— им?»

Наверняка это был кто-то из команды «Стервятника», дрожа от потрясения, сказал он себе. Тоборы не знают его имени. Для них он… Девяносто второй.

Это воспоминание резко вернуло его к действительности. И туг он услышал голос, мстительно прозвучавший в его приемнике:

— Отлично, я его вижу. Буду на месте через десять минут.

Голос тобора в далеком Центре управления прозвучал равнодушно:

— Ладно, под твою ответственность, Сорн. Похоже, ты помешался на этом типе.

— Они вели для него передачу на одной из местных волн, — мрачно проговорил Сорн. — Прямую передачу, с близкого расстояния, чтобы мы не услышали, что они сказали. А его ответ они окутали такими помехами, что мы снова ничего не поняли. Но это какая-то формула. Я рассчитываю, что он не сумел дать им полное описание. Поскольку он продолжает находиться около экрана, значит, они его еще не захватили. Я смогу прикончить его через несколько минут…

Раздался щелчок… голос смолк. Грегсон стоял в темноте рядом с экраном и со страхом думал о

том, что его ждет.

Где «Стервятник»? Над головой у него было чернильно-черное небо, лишь на востоке виднелся едва различимый свет, первые признаки приближающегося утра. Гул прожекторов отдалился и больше его не пугал. Ночное сражение закончилось…

А вот его личная война только начинается…

Грегсон отошел еще дальше в тень и принялся искать оружие. Ничего.

— Странно, — дрогнувшим голосом сказал он самому себе. — У меня был бластер и…

Он не додумал мысль до конца и снова, теперь уже охваченный отчаянием, принялся искать оружие. И вновь безрезультатно. По-видимому, он потерял его, когда бросился к экрану.

Он все еще нерешительно топтался на месте, когда услышал шорох в ночи.

«Стервятник-121» осторожно приземлился во мгле начинающегося рассвета. Хуанита Хардинг сняла одежду и надела халат. Она не колебалась ни одной минуты, когда ее позвал Райс, улыбающийся в попытке ее подбодрить.

— Я возьму с собой капсулу с веществом, — сказал он, — на случай, если он недостаточно быстро возбудится.

Она грустно улыбнулась, но промолчала.

Доктор Клэрмейер подошел с ними к двери и быстро сжал руку Хуаниты.

— Помните, — сказал он, — это война!

— Я знаю. А в любви и на войне все средства хороши, верно? — ответила она.

— Верно.

В следующее мгновение они вышли в ночь.

Грегсон уже спрятался по-настоящему и чувствовал себя значительно лучше. Теперь найти его в лабиринте обломков бетона, мрамора и металла будет трудно.

Однако пустое небо стремительно светлело. Неожиданно справа от себя в покрытых тенями руинах он увидел самолет. Его очертания ни с чем нельзя было перепутать. «Стервятник»! Грегсон помчался к нему по разбитым останкам мостовой.

Задыхаясь от облегчения, он увидел, что трап опущен. Когда он вбежал по нему наверх, два человека навели на него бластеры. И вдруг один из них вскричал:

— Это Грегсон!

Оружие тут же было убрано, его схватили за руки, глаза искали на его лице признаки разума, нашли их, засияли от радости. Тысячи слов на-

полнили предрассветный воздух.

— Мы записали вашу формулу.

— Замечательно… прекрасно.

— Гений получил гормональный газ в нашей корабельной лаборатории. Как быстро он действует?

Грегсон догадался, что Гений — это высокий мрачный тип, которого представили ему, назвав Филлипсом. Он ответил:

— Нужно всего несколько секунд. Вы его вдыхаете, и он попадает в кровь. Это очень сильное средство.

— Мы хотели использовать его, чтобы усилить ваши собственные реакции, — сказал Мэдден. — По правде говоря. Райс взял немного… — Он замолчал. — Подождите минутку, — проговорил он, — Райс и мисс Хардинг… — Он снова замолк.

Невысокий человечек, доктор Клэрмейер, подхватил его мысль.

— Мистер Грегсон, — сказал он, — наши инфракрасные датчики показали, что к экрану направился какой-то человек. Он находился слишком далеко, и мы не могли его идентифицировать, поэтому мы решили, что это вы. Так вот, Райс и мисс Хардинг вышли и…

— Быстрее давайте уносить отсюда ноги! Это

может быть ловушка! — прервал командир.

Грегсон его не слышал. Он уже мчался вниз по трапу.

— Сорн! — Голос в приемнике звучал нетерпеливо. — Сорн, что с тобой?

Спрятавшись в полумраке около экрана, двое мужчин и девушка прислушивались к словам тобора, которые доносились из приемника Грегсона. Со своего наблюдательного поста они отлично видели, как Сорн рассматривает картинки на экране.

— Сорн, в твоем последнем докладе говорилось, что ты находишься рядом с местом, где прячется Девяносто второй…

Райс положил могучую руку на приемник Грегсона, чтобы заглушить звук, и прошептал:

— Вот когда я дал ему порцию. Отличная была идея прихватить капсулу с вашим газом, Грегсон. Лучшей мне еще ни разу в голову не приходило. Я выстрелил в него с пятидесяти футов, он даже не успел ничего понять.

— …Сорн, я знаю, ты еще жив. Я слышу, как ты что-то бормочешь себе под нос.

— В будущем надо поосторожнее с дозами, — заметил Райс. — Он только что не облизывает картинки. Сами видите — война с тоборами,

считай, закончена.

Грегсон молча наблюдал за тем, как бывший командир тоборов возбужденно подпрыгивает перед экраном. Дюжина девушек демонстрировала свои прелести рядом с бассейном. Время от времени они ныряли в воду. Словно яркая вспышка, возникали длинные обнаженные конечности, загорелая спина, а потом они выбирались наружу. И все повторялось сначала. Снова и снова.

Проблема состояла в том, что всякий раз, когда Сорн пытался схватить одну из картинок, его тень падала на экран и закрывала изображение. Он в отчаянии бросался к другой, но и с ней происходило то же самое.

— Сорн, ответь мне!

На сей раз тобор остановился. Ответ, который он дал, вероятно, потряс штаб тоборов и повлиял на их армии, разбросанные по всему миру.

Грегсон еще крепче обнял Хуаниту за талию (она по-прежнему оставалась в халате, под которым таилась красота, при помощи которой она должна была спасти Грегсона), вслушиваясь в такие важные, такие решающие судьбу людей слова.

— Женщины, — сказал Сорн, — прекрасны!

Окончательное решение

Барр стоял на холме, возвышающемся над Звездой, столицей контролируемой людьми Галактики, и пытался собраться с мыслями.

Он знал, что робот-охранник стоит в темноте где-то слева от него. По гребню холма прошли мужчина и женщина, остановились, поцеловались и начали спускаться вниз. Барр едва ли заметил их. Его проблема затрагивала всю цивилизацию людей и роботов, отдельные личности были слишком мелки по сравнению с ней.

Даже бегство вражеского пленника несколько часов назад было незначительным эпизодом по сравнению с глобальными проблемами. Хотя вообще-то он рассматривал это как важное событие и приказал отрядам роботов из далеких городов подтянуться к столице и помочь в поисках. Однако ему еще лишь предстояло принять решение, которое позволит этим отдельным мерам выстроиться в стройную, направленную на достижение цели систему.

За спиной послышался глухой звук падения. Барр обернулся и увидел, что мужчина и женщина, по всей видимости занятые исключительно

друг другом, натолкнулись на робота-охранника. И тот, потеряв равновесие, распростерся на земле. Мужчина наклонился, чтобы помочь ему встать.

— Простите! — сказал он. — Я не…

Он замолчал, коснувшись рукой одежды, под которой скрывалась набивка, в свою очередь прикрывающая кристаллическую структуру.

— Ох, да ты робот!

Он оставил попытки помочь охраннику подняться, выпрямился и бросил раздраженно:

— Я думал, роботы могут видеть в темноте.

Охранник наконец встал.

— Прошу прощения. Мое внимание было сосредоточено на другом объекте.

— За собой лучше следи! — резко ответил мужчина.

На этом инцидент закончился. Типичный обмен репликами между роботом и человеческим существом. Мужчина и женщина продолжили спуск с холма. Вскоре замигали фары автомобиля, и он исчез из виду за густым кустарником.

Барр подошел к охраннику. То, что произошло, было напрямую связано с важнейшим решением, которое ему предстояло принять.

— Какие чувства ты испытываешь? — спросил он и тут же пояснил свою мысль: — Ты не согла-

сен с тем, что он тебя счел виноватым?

— Да, не согласен. — Охранник, до этого отряхивающий одежду, выпрямился. — В конце концов, ведь это он спускался с холма.

— У тебя возникло желание возразить? — настойчиво продолжал Барр, тут же, впрочем, пожалев об этом вопросе как слишком прямолинейном. — Хотелось ответить ему?

Охранник помолчал.

— Нет. У меня возникло чувство, что это чисто эмоциональный инцидент.

— Трудно вступить в контакт с человеческим существом на какой-то другой основе, кроме эмоциональной. Человеческие существа нетерпеливы, раздражительны, великодушны, чутки, бесчувственны… Этому перечню нет конца.

— Полагаю, вы правы, сэр.

Барр снова перевел задумчивый взгляд на огромный, раскинувшийся внизу город. Эффект звезды, которому столица была обязана своим названием, создавался хорошо различимым в ночи узором уличных огней. Все основные здания были сгруппированы таким образом, чтобы точки, в которых концентрировались огни, создавали нужный эффект. Барр заговорил снова, не оборачиваясь:

— Предположим, я, в рамках своей компетенции как директора Совета, прикажу тебе уничтожить себя…

Он заколебался. Поставленный таким образом вопрос едва касался поверхности волнующей его, несравненно более важной проблемы. Тем не менее он закончил:

— Как бы ты среагировал?

— Прежде всего я бы удостоверился, действительно ли вы отдали этот приказ в рамках своей компетенции, — ответил охранник.

— А потом? В смысле, если бы получил удовлетворительный ответ?

— Властные полномочия даны вам избирателями. Такой приказ не может быть одобрен Советом, если за ним не стоит народная поддержка.

— По закону, — сказал Барр, — с отдельными роботами можно поступить подобным образом. С человеческими существами, конечно, нет.

— У меня создалось впечатление, — сказал охранник, — что вы имеете в виду роботов вообще, не только меня.

Барр помолчал. До сих пор ему даже в голову не приходило, до какой степени он выдал свои тайные мысли.

— Как самостоятельная личность, ты повину-

ешься отданным тебе приказам. — Он помедлил. — Какая разница, о тебе речь или обо всех роботах?

— Не знаю. Отдайте приказ, и я решу, что делать.

— Не так быстро! — сказал Барр. — Отдать приказ… До этого дело еще не дошло…

Он замолчал и закончил фразу в уме: «…*пока*».

Человек — это гены и нервы. Робот — это кристаллы и электронные лампы. Нейронная ячейка человека не создает импульсов сама по себе, она реагирует на внешнее раздражение. Кристаллы робота вибрируют в соответствии с импульсом, полученным от электронных ламп; изменение в импульсе, являющееся реакцией на внешнее воздействие, приводит к изменению вибрации.

Человек ест и с помощью медицины поддерживает свой организм в эффективном состоянии. Робот перезаряжает батареи и заменяет лампы. И человек, и робот мыслят. Человеческие органы разрушаются, и ткани превращаются в прах, из которого вышли. Кристаллы робота под воздействием слишком долгой вибрации начинают искажать сигналы, испытывают усталость, которая и есть смерть робота. Является ли одна из этих форм жизни низшей по сравнению с другой?

Вот о чем размышлял Барр.

Поначалу люди вели себя так, как если бы роботы на самом деле не были живыми существами. Роботы делали работу. Они сражались в величайшей за всю историю человечества галактической войне. Правда, человек определял стратегию и решал тактические задачи. Однако для людей это была кабинетная война. На космических кораблях летали роботы, и именно они под огнем приземлялись на чужих планетах.

Наконец некоторые люди забили тревогу по поводу господствующей роли роботов в человеческой цивилизации. Отчасти это был страх перед роботами, хотя открыто этот аспект никогда не признавался. Отчасти это было ощущение того, насколько беззащитным окажется человечество, если враг сумеет прорвать оборону роботов. Эти люди подсказывали такое решение: уничтожить всех роботов! Поставить людей в условия, когда они будут вынуждены снова взять на себя контроль над цивилизацией!

Считалось, что большинство людей слишком изнежены, чтобы воспротивиться принятию такого решения, а потом будет уже слишком поздно.

Раздираемый сомнениями Совет возложил

принятие этого решения на Барра.

Охранник по указанию Барра взмахнул рукой, останавливая машину. Та подъехала, мерцая огнями, дождалась, пока они сели, и влилась в поток дорожного движения.

В следующий раз машина остановилась рядом с группой юношей и девушек. Они удивленно уставились на броскую эмблему директора на рукаве Барра, но тут же разбежались по ярко освещенному парку развлечений.

Барр медленно вышел наружу. Он сознательно приехал сюда — чтобы попытаться ощутить атмосферу, вобрать в себя как можно больше впечатлений. В нескольких сотнях футов над головой пронесся робот, потом второй, и еще, и еще. Барр стоял на тротуаре и взволнованно наблюдал за ними.

Они со всех сторон слетались к многоэтажному зданию дальше по улице. Осторожно, с оружием наготове, приближались к верхним этажам. Как и во всех бизнес-центрах, вход в каждый офис был оборудован таким образом, чтобы там могли приземляться работающие в нем роботы. Им предстояло обыскать все помещения, включая самые укромные места. Враг тоже мог летать, хотя и не слишком хорошо в этой разреженной

— для него — атмосфере.

Несколько минут Барр наблюдал за действиями роботов, а потом переключился на происходящее в парке. Разбросанные среди зелени оркестры состояли из роботов, извлекающих из своих инструментов быструю, ритмичную музыку, под которую танцевала огромная толпа людей. Барр перевел взгляд на охранника.

— У тебя никогда не возникало желания потанцевать? — спросил он и понял, что вопрос может быть воспринят не так, как он ожидал. — Я серьезно.

— Нет!

— А что тут такого? В смысле, реакция роботов по большому счету мало отличается от человеческой.

Мерцающие на человекоподобном лице глаза робота пристально разглядывали Барра.

— В самом деле?

— Да, — жестко ответил Барр. — Возможно, ты даже не отдаешь себе отчет, насколько на тебя влияют человеческие оценки. Тебе никогда не приходило в голову, что эти оценки могут быть неправильны?

Робот долго молчал. Когда он в конце концов заговорил, чувствовалось, что он хорошо проду-

мал свои аргументы — в тех пределах, в которых позволяла его логика.

— Я был создан сто девяносто четыре года назад. Пришел в мир человеческих существ и роботов. Поначалу мне было дано задание изучить транспортные средства. Я справился с этой задачей удовлетворительно, как и со всеми другими, которые мне поручались в дальнейшем.

— Почему тебе поручили заниматься транспортными средствами? Тебя устраивало такое ограничение твоей деятельности?

— Ну… В то время была нехватка операторов транспортных средств, — ответил робот.

— А почему тебе не поручили изучить танцы? — спросил Барр и добавил: — Я имею в виду именно то, что сказал. Это не шутка.

— Какой в этом смысл? — спросил робот.

Барр кивнул на танцующие пары.

— А какой смысл в том, что *они* занимаются этим?

— Мне объясняли, что танцы стимулируют у людей процесс воспроизведения. У нас с этим проще. Мы просто создаем еще одного робота.

— Но какой смысл в воспроизведении личности, которая подрастет и, весьма вероятно, тоже станет только и делать что танцевать?

— Младенец, ребенок постарше, подросток, взрослый — все они нуждаются в роботах, которые заботятся о них, — спокойно ответил охранник. — Если бы не было людей, о которых нужно заботиться, роботы стали бы не нужны.

— Но почему бы не создавать новых роботов независимо от того, нужны они людям или нет? Понимаешь? — все более настойчиво продолжал Барр. — Первоначальная задача выполнена. Роботы созданы. Они существуют и могут снова и снова воспроизводиться.

— Помню, подобные разговоры циркулировали в моем воинском подразделении, — медленно ответил робот. — Я предпочел забыть о них.

— Почему? — нажимал Барр, — Ты сознательно выкинул мысль о них из головы?

— Я пытался представить себе мир, где роботы живут, действуя только в своих собственных интересах…

— И заполоняют все вокруг, и колонизируют другие планеты, и строят новые города, и сражаются с чужеземцами, — продолжил Барр. — И к какому выводу ты пришел?

— Что это глупо. Что хорошего, если роботы распространятся по всей Вселенной?

— А что хорошего, если по всей Вселенной рас-

пространятся люди? — мрачно спросил Барр.

— Не понимаю, зачем директор Совета задает мне все эти вопросы, — ответил охранник.

Барр замолчал. Сегодня вечером он должен принять окончательное решение, а остается еще столько неясного.

Мышление — это память и ассоциации. В цепочках человеческих нейронных ячеек возникает электролитическое напряжение — разных видов в зависимости от различных внешних раздражителей. Если поступает целая серия одинаковых импульсов, цепочка активируется и воспоминания оживают. Активность охватывает все новые области нервной системы, и к начальным воспоминаниям присоединяются новые. Так возникают ассоциации.

Кристалл робота запоминает. Под воздействием внешних раздражителей каждая молекула выводит свои воспоминания на энергетический уровень восприятия. Так возникают и ассоциации, и мысли.

Барр подумал: «Даже в наше время люди воображают, будто их способ мышления «естественнее», чем у роботов».

Он и охранник сидели в кинотеатре на открытом воздухе. Вечер был душный, и все пропиты-

вал запах, представляющий собой смесь духов и пота. Несмотря на это, парочки сидели, тесно прижавшись друг к другу и сплетясь руками. Нередко девушка склоняла голову на плечо своего приятеля.

Барр критически наблюдал за происходящим на экране. Это была любовная история. Тщательно подобранные роботы, одетые как мужчины и женщины, проходили через все эмоциональные переживания человеческой любви, дозволенные роботом-цензором.

Барр думал: «Как будут развлекаться все эти люди, если я приму то решение, которое Совет на самом деле ожидает?»

Он не сомневался в правильности своего анализа. Несмотря на внешние колебания — несмотря на то, что Маркнелл переложил решение на его плечи, — Совет хотел, чтобы роботы были уничтожены.

Людям придется овладевать заново старыми умениями. Как играть, как работать с камерой — все сложности киноиндустрии. Они, конечно, *смогут* сделать это. Во время войны уже начали возникать кое-какие изменения, пока еще в эмбриональной стадии, не существенные сами по себе. Но они задали направление.

Неожиданно размышления Барра были прерваны. В полутьме задних рядов одинокий молодой человек рухнул на сиденье рядом с охранником. Несколько мгновений он смотрел на экран, потом лениво оглянулся по сторонам. Заметил охранника, замер на миг и тут же отвернулся с явным отвращением. Барр перегнулся через охранника и негромко сказал:

— Я заметил, что вы напряглись, увидев, кто сидит рядом. — Он не сводил взгляда с лица человека, но реакции не отметил. — Мне хотелось бы понять, какие мысли или эмоции у вас возникли.

Молодой человек неловко заерзал, бросив взгляд на блестящую эмблему на рукаве Барра.

— Ничего не могу с собой поделать, — пробормотал он.

— Это понятно, — Барр помолчал, мысленно формулируя следующее замечание. — Я провожу исследование для Совета и хотел бы получить искренний ответ.

— Просто не ожидал увидеть здесь робота.

— Вы хотите сказать, роботу здесь не место? — Барр кивнул на экран. — Потому что показывают человеческую любовную историю?

— Что-то в этом роде.

— И тем не менее в фильме играют роботы. — Это замечание показалось самому Барру слишком очевидным, и он быстро добавил: — Значит, соответствующие ассоциации доступны их пониманию.

— Они в таких делах хорошо навострились, — ответил человек.

Барр откинулся назад, чувствуя себя сбитым с толку. Еще одна неопределенная реакция. По каким меркам можно судить об уме и жизненном опыте, если не по деятельности и достижениям?

— Предположим, я говорю вам, — сказал он, — что роботы получают удовольствие от света. — И снова Барр почувствовал, что выражается неточно. — Кристаллическая нервная система активизируется под воздействием света и звука. Пение, музыка, движения людей — все это доставляет удовольствие.

— Что роботу делать там, где идет речь о сексе? — спросил человек и засмеялся, неожиданно придя в хорошее настроение, словно сделал неопровержимое замечание. Он встал, пересел в другое кресло и сказал оттуда: — Простите, я не могу больше разговаривать с вами, хочу смотреть кино.

Барр едва слышал его. Он пробормотал себе

под нос:

— Мы выращиваем кристаллическую структуру в питательном растворе, и вначале она растет как продолжение нашего собственного сознания. Этот рост сопровождается утонченным, экстатическим ощущением полуболи-полувозбуждения. Примерно то же самое, что испытывает человек во время секса.

У роботов был огромный секрет, и до Барра внезапно дошло, что он едва не проговорился о нем. Но нет, сказанного недостаточно для понимания. И все же эта мысль отрезвила его.

Между двумя формами жизни шла борьба за выживание, а в такой борьбе, как известно, все средства хороши…

И снова мрачные размышления Барра были прерваны. В пустое кресло рядом с ним опустился высокий мужчина и сказал:

— Привет, Барр. Мне сказали, что ты здесь. Я хочу поговорить с тобой.

Барр медленно повернулся.

Он устремил долгий взгляд на главу человеческого отдела Совета, размышляя: «Как он нашел меня? Приставил шпионов?»

— Привет, Маркнелл, — сказал он и, чувствуя себя напряженно в этой ситуации, добавил: — Мы

можем поговорить в офисе завтра утром.

— То, что я хочу сказать, не может ждать до утра.

— Звучит интригующе, — ответил Барр.

Он в который раз осознал, какой напористый, целеустремленный человек Маркнелл. Во всяком случае, у него хватит решимости и убить. Однако сам его тон наводил на мысль, что надвигается переломный момент. Барр подумал, что в самом деле может погибнуть, если заподозрит слишком многое.

Он почувствовал недовольство собой, тем, что пришел сюда в сопровождении одного-единственного охранника. Подумал — не стоит ли связаться с воинским подразделением роботов, отозвать часть их сюда, чтобы они, в случае чего, защитили его? И отбросил эту мысль, по крайней мере до тех пор, пока не выяснит, чего Маркнелл хочет.

У самых надежных — с его точки зрения — роботов-солдат имелся один недостаток: они были легко узнаваемы. После войны их всех обработали химическим препаратом, который не повреждал, но обесцвечивал доступные взгляду участки кристаллической структуры. Это надругательство было совершено, когда Барр и большая

часть роботов-офицеров все еще находились в удаленных штаб-квартирах.

Барр расценил это как способ опознавать по виду самых выдающихся солдат, которые могли быть опасны для людей. Хотя бы поэтому, позже уговаривал он себя, его действия оправданны.

— Что у тебя на уме? — снова заговорил он.

— Детьми заинтересовался, а? — Маркнелл лениво взмахнул рукой, охватывая этим движением половину парка развлечений.

— Да, — сказал Барр. — Детьми!

Он расценил это замечание как психологическую атаку, как попытку сделать вид, будто только незначительное, совсем юное меньшинство людей проводит жизнь в удовольствиях. Довольно любопытно: столь явная попытка подмены понятий предназначалась тем не менее для того, чтобы заронить семена сомнения в его сознание. Это было слишком нарочито сделано и демонстрировало понимание его проблемы. И означало, что могут быть предприняты контрмеры.

Барр решил первым перейти в наступление и сказал холодно:

— Не вижу, что ты можешь сделать. Из-за бегства вражеского пленника в столице сейчас

сосредоточены двести тысяч роботов-солдат.

— Надо же, как много, — Движение, которым Маркнелл откинулся назад, показывало: он прекрасно понимает, что кроется за словами Барра. Маркнелл прищурился. — Ты допустил ошибку, так быстро раскрыв свои карты. Я надеялся, ты будешь осторожнее. При таком подходе пространство для компромисса сужается.

— Только если компромисс неубедительный! — жестко заявил Барр.

И тут же пожалел о сказанном, поскольку это была неправда. Человеческая история полна удивительных компромиссов. Было время, когда он считал их результатом свойственной людям нелогичности. Потом он занялся углубленным изучением человеческих эмоций с расчетом обнаружить эмоциональные ассоциации, свойственные роботам. И постепенно до него дошло, что из-за постоянного контакта с людьми его собственные позиции и реакции автоматически стали чисто человеческими. Даже достижения роботов-ученых в области дублирования человеческих сексуальных ощущений коренились в убеждении, что было что дублировать.

Барр выбросил из головы эти несвоевременные мысли. Время для сомнений прошло.

— Мне достаточно лишь подать радиосигнал, и человеческая раса исчезнет из Вселенной, — сказал он.

— Ну, вряд ли этого на самом деле достаточно, — возразил Маркнелл и обнажил зубы в невеселой улыбке.

Барр отмахнулся от него. Этот жест тут же смутил его, он выглядел как бессознательная имитация человеческой раздражительности. Он спросил резко:

— Можешь привести хотя бы одну причину, по которой этот приказ не должен быть отдан?

Маркнелл энергично закивал:

— Ты забыл кое-что. Одну совсем маленькую вещь.

Он замолчал, мрачно и в то же время как бы поддразнивая.

Барр откинулся назад, обдумывая, о чем идет речь. Он был в недоумении, следовало признать. И сказал себе, что проблему нужно рассмотреть по частям. Контроль над топливом, энергией и материалами, необходимыми для создания роботов, — полностью в руках роботов. Контроль над общественными предприятиями, в которых они нуждаются, — в руках роботов. Контроль над общественными предприятиями, в которых

нуждаются люди, принадлежит роботам, ничего не знающим об этом заговоре. Производство продовольствия для людей рассредоточено по всей планете; там трудятся только роботы, но полный контроль практически невозможен.

Все именно так, как он и представлял себе. Нет ничего, что могло бы помешать роботам доминировать. Война снабдила его опытом, могущим потребоваться для такого развития событий. Внезапное фантастическое предложение Совета — об уничтожении всех роботов — создало необходимость для принятия жесткого, черно-белого решения.

Он холодно сказал, недовольный тем, что вынужден задавать вопрос:

— Что я забыл?

— Что вражеский пленник сбежал!

— Какое это имеет отношение к проблеме?.. — начал Барр и вдруг замолчал; на него снизошло озарение. — *Ты* позволил ему сбежать!

— Да.

Барр пытался понять, что бы это значило. И вынужден был отступить, озадаченный.

— Я хорошо представляю себе, что может произойти, если потенциально опасного монстра выпустить на свободу в большом городе, — мед-

ленно заговорил он. — Это происшествие дает мне возможность ввести особые отряды туда, где обычно их нет. В результате сегодня ночью роботы захватят власть в столице Галактики — в тот момент, когда я отдам приказ, — он развел руки типично человеческим жестом замешательства: — Не вижу, чтобы бегство пленника имело существенное значение с точки зрения моих планов.

Маркнелл встал.

— Будет иметь, — сказал он. — Будет.

Он возвышался над Барром.

— Друг мой, — продолжал он, — когда мы обнаружили, что ты, как командующий армией, начал внедрять идею того, что роботов можно рассматривать как самостоятельную расу…

— Это была не только моя идея, — прервал его Барр. — Таково мнение всех командиров высшего звена. Видишь ли, пришло время роботов. К несчастью, люди слишком долго цеплялись за свои старые привилегии.

Маркнелл, словно не слыша, продолжал:

— Впервые в истории союза людей и роботов мы решили назначить робота директором Совета. Ты, по-видимому, не оценил этот дружеский жест. И использовал свою огромную власть для того, чтобы расширить сети заговора роботов

против людей.

— Можно ли считать, что одна раса замышляет заговор против другой, — спросил Барр, — если ее единственная первоначальная цель — добиться равенства? Боюсь, мы сталкиваемся здесь с очень давними элементами принципиального непонимания. Оно обусловлено высокомерным отказом части людей признать справедливыми устремления и чаяния другой формы жизни.

Маркнелл вперил в Барра пристальный взгляд.

— Не могу отделаться от ощущения, что ты всерьез обдумываешь возможность создать мир без людей. Это меня поражает — в чисто интеллектуальном плане. Роботы нуждаются в людях. Они зависят от человеческой цивилизации даже больше, чем само человечество.

— Напротив, роботам вовсе не нужны технические достижения современной цивилизации, если именно их ты имеешь в виду, — возразил Барр. — Робот в состоянии выжить в дикой местности, имея лишь снаряжение, которое способен унести с собой. Все материалы, из которых состоит его тело, извлечены из земной коры. Батареи он заряжает от земли или воздуха. Любую свою потребность он может удовлетворить с помощью имеющихся у него инструментов и знаний. Во

время войны было доказано совершенно определенно, что робот в состоянии выжить в условиях, в которых большинство людей погибли бы.

Маркнелл покачал головой.

— Это все болтовня в духе абсолютизма. Ты и сам понимаешь, что не стоит сравнивать роботов и людей на таком уровне. Барр, ты всерьез разочаровал меня.

— А ты меня, — мрачно ответил Барр. — Когда я услышал, что ты предлагаешь мне рассмотреть вопрос уничтожения всех роботов… — Он помолчал, пытаясь справиться с охватившим его гневом. — На данном этапе я пришел к убеждению, что, имея дело с человеческими существами, нужно рассуждать исключительно в терминах абсолютизма. Наше прежнее стремление к компромиссному решению основывалось на надежде, что люди смогут…

— Барр, это ты первым проявил свою позицию, не мы, — прервал его Маркнелл. — Ты поддался эмоциям и тут же переключился на мысль об уничтожении человеческой расы. Это мы и хотели выяснить. Ты не сделал должных выводов из того факта, что мы поставили эту задачу именно перед тобой. Ты предпринял необходимые, по твоему мнению, шаги к уничтожению нас, а по-

том отправился собирать впечатления, под тем предлогом — как я полагаю, — что нуждаешься в убедительных доводах для принятия окончательного решения.

— Получается, что на основе *моей* эмоциональной реакции вы беретесь судить, должна существовать раса роботов или нет, — сказал Барр. — Маркнелл, между роботами не меньше различий, чем между людьми. Эти различия зависят от цепочки ассоциаций, возникших в сознании индивидуума на основе его жизненного опыта. С одной стороны, есть я и мне подобные. Наш жизненный опыт настолько богат, что ни одна идея не кажется нам чересчур радикальной. С другой стороны, есть мой охранник, мирящийся со своей ролью в жизни практически безоговорочно. Я убежден, что в прежние дни, когда человечеством правили тираны, было немало людей, которые с таким же смирением принимали свой жалкий жребий… Но хватит об этом. Я сожалею о необходимости действовать в духе абсолютизма. Однако именно таким образом люди ведут свои войны. И мы тоже будем сражаться подобным образом. Если ты не в состоянии привести мне ни одного логического довода, почему это не должно быть сделано, я сейчас же отдам

приказ своим солдатам.

— Я уже привел его тебе, — ответил Маркнелл. — Бегство вражеского пленника.

Да, и правда, Барр совсем забыл об этом.

Прошла минута, а он все еще не понимал, при чем тут бегство пленника. Потому что речь шла только об одном пленнике. Если бы о тысячах, тогда угроза была бы очевидна. Низкая численность — как следствие низкого уровня рождаемости — была главной проблемой врага. Взрослый чужеземец настолько силен, что его можно сразить лишь целым потоком энергетических лучей.

Маркнелл уже уходил. Барр вскочил и бросился вдогонку. Когда он вырвался из замкнутого пространства кинотеатра в парк, на него нахлынули волны танцевальной музыки. Догнав Маркнелла, он зашагал рядом.

— Тебе любопытно? — спросил человек и кивнул, как бы отвечая самому себе. — Вряд ли ты в состоянии сам докопаться до всех тонкостей тайных планов представителей другой расы. Позволь мне объяснить тебе, как я это понимаю. У тебя есть некоторый план уничтожения людей, правильно?

— Люди никогда не признают роботов равными себе, — просто ответил Барр. — Идея Совета

— уничтожить всех роботов — демонстрирует такую фундаментальную бесчувственность, что противоречия становятся непреодолимы.

— Как бы то ни было, ты задумал уничтожить нас. И как ты собираешься сделать это? — спросил Маркнелл.

— Неожиданное восстание, — ответил Барр, — на всех планетах сразу. И не пытайся уверить меня, что для большинства людей оно не станет неожиданным. — Он помолчал, ожидая реакции, и, не дождавшись ее, продолжал жестко: — Непрекращающиеся нападения, методичное уничтожение изолированных групп с помощью голода и других методов, разгром всех человеческих армий. Без жалости, без пощады. Это борьба за выживание.

Он увидел, как кровь отхлынула от лица Маркнелла. В конце концов советник мрачно сказал:

— Ты действительно собираешься уничтожить нас. Барр, теперь я вижу, как ты взволнован. Возможно, мы действовали слишком жестоко. Люди тоже совершают ошибки. Однако сам факт того, что ты готов перейти к решительным действиям, доказывает, что с нашей стороны было разумно поднять эту проблему. Сейчас, однако, для меня важнее всего добиться, чтобы ты задумался над

возможностью другого решения.

Это замечание разозлило Барра.

— Одно из самых широко распространенных мнений среди людей сводится к тому, что роботы — существа логические и держат свои эмоции под контролем. Наблюдая за людьми на протяжении многих лет, я пришел к выводу, что это соответствует действительности. Отсюда следует вывод, что мое мнение касательно этой важнейшей проблемы более обоснованно, чем твое.

— Лично я считаю концепцию о так называемом логическом превосходстве роботов не вполне правильной. Что касается эмоций… — Маркнелл покачал головой, — Барр, ты сам не понимаешь, что говоришь.

— Можно было бы обсудить возможность другого решения, если бы ты действительно выступал от лица остальных людей, а не только от своего собственного, — резко произнес Барр. — Сколько новых законов вы ни примете, эта толпа не обратит на них ни малейшего внимания, — он сделал выразительный жест в сторону танцующих, — Маркнелл, пройдут сотни лет, прежде чем большинство людей признают, что роботы такие же живые, как они.

— Значит, ты требуешь немедленных дей-

ствий, — язвительно сказал Маркнелл. — Внезапно, после тысячи лет медленного развития, главным образом в области механики, мы должны резко изменить свою позицию. Но мы оба знаем, что люди быстро не меняются. Тебе следовало принимать в расчет консервативный характер сознания и людей, и *роботов.* Не упускай из виду последнего обстоятельства, Барр. Есть роботы, которые тоже будут сопротивляться необходимости повзрослеть. Тебе придется воспитывать их, медленно, болезненно, и даже потом многим из них это не будет нравиться.

Барр не отвечал. Это было больное место — те роботы, которые вели себя не как живые существа, а как тупые механизмы. Это всего лишь проблема общения, сказал он себе. Процесс может быть медленным или быстрым, в зависимости от того, сколько людей находятся поблизости и внушают роботам то, что им выгодно. Он собирался высказать эту мысль, но Маркнелл опередил его:

— Кроме того, нам вовсе не понадобятся сотни лет. Современные методы пропаганды очень могущественны, ты знаешь это не хуже меня. И есть еще кое-что. Чего ты ждешь от людей? Ты жаждешь уничтожить их за то, что на протяжении долгих лет они воспринимали роботов как

механических рабов? Или ты в состоянии обсудить идею общества людей и роботов, которое может существовать на условиях толерантности и уважения к достижениям друг друга? Видишь ли, друг мой…

Барр взмахнул рукой, останавливая Маркнелла. Это все хитроумные слова, предназначенные для того, чтобы он поверил в возможность равного статуса для людей и роботов. Немало умных голов потрудилось, чтобы внушить ему, будто наступит день, когда люди станут уважать роботов и все пойдет как надо. А пока, дескать, пусть жизнь идет своим чередом. Тем временем люди начнут-таки наконец сами заниматься производством, хотя бы отчасти, в особенности заводами и фабриками. И постепенно уравновесят силы, преодолеют имеющий место ужасающий отрыв от роботов — в том, что касается оружия и получения технического образования, которым сейчас владеют единицы. Только на протяжении еще нескольких лет они будут уязвимы. Может, такая ситуация никогда больше не повторится в истории Галактики.

— Маркнелл, — сказал в конце концов Барр, — человек под дулом пистолета всегда склонен дискутировать и признавать свои ошибки. Всего

несколько лет назад, до — или даже во время — войны, мы, возможно, с благодарностью приняли бы компромисс, который ты предлагаешь. Но не сейчас. Более ста миллионов роботов погибли во время войны. Рядом с этим фактом твои увертки и отчаянные призывы выглядят как дешевка и бессмыслица… Хватит, у тебя остается одна возможность. Почему бегство пленника должно удержать меня от приказа о начале восстания?

После мгновенного колебания Маркнелл ответил:

— Я обращу твое внимание лишь на один аспект этого события. Подумай, двести тысяч элитных солдат уже столько времени не в состоянии поймать одного-единственного чужеземца. Начав войну с людьми, ты будешь вынужден гоняться не за одним врагом, а за несколькими миллиардами. Если это не заставит тебя остановиться, уж и не знаю, к каким еще доводам прибегнуть.

Сначала Барр испытал чувство огромного облегчения. И тут же рассердился на себя за то, что так волновался. В конце концов он справился с эмоциями и смог спокойно обдумать сказанное.

Хотя, собственно, особенно обдумывать было нечего. Все эти детали уже рассматривались. Решающим фактором была не численность, а

контроль над оружием, промышленным производством и, конечно, стратегически выгодная позиция. Ни один робот-командир не сомневался, что времени потребуется немало. Более того — скорее всего, до конца человеческая раса так и не будет уничтожена. Но даже несколько миллионов, затаившихся на множестве планет, для хорошо организованной цивилизации не будут представлять опасности.

Барр хотел изложить свои соображения, но одернул себя. Неужели *это* все, что Маркнелл в состоянии предложить в качестве сдерживающего довода? Нет, наверняка есть что-то еще.

Ведь это такая малость! Она никак не соответствует масштабу угрозы человечеству. Нет, определенно должно быть что-то еще.

И он непременно выяснит, что именно.

Маркнелл между тем не сводил с него настороженного взгляда, в котором, однако, ощущалось и любопытство.

— Барр, это интересно — наблюдать за твоей реакцией, — сказал он. — В ней столько человеческого!

Барр и сам понимал это, что не доставляло ему удовольствия. В особенности эта схожесть вызывала раздражение из-за секретных эксперимен-

тов на новых роботах, еще не сформировавших у себя типичных для всей расы характеристик. Человечески ориентированные учителя неосознанно внедряли в их разум человеческие ассоциации. Пройдет несколько поколений, прежде чем удастся от этого избавиться.

Маркнелл продолжал:

— На это мы и рассчитываем, Барр. На человечность. Нравится тебе это или нет, но она существует, пронизывая всю нервную систему роботов. Ее уничтожить ты не в состоянии. И когда десять лет назад твои ученые, Барр, в конце концов обнаружили, что процесс роста кристаллов — до этого происходящий в закрытых лабораториях — является столь долго разыскиваемым вами заменителем секса, вы все угодили в ловушку, выбраться из которой невозможно. — Что-то во взгляде Барра заставило его остановиться. — О, я и забыл! Это секрет, так ведь? — Однако в тоне Маркнелла не чувствовалось сожаления.

— Откуда тебе известно то, о чем знают даже очень немногие роботы? — почти равнодушно спросил Барр. — Ты… — Он не мог найти ответа на свой вопрос.

Маркнелл заговорил с прежней настойчивостью:

— Я хочу, чтобы ты подумал, хорошенько подумал. Нет ли какой-либо прорехи в твоем плане? Крошечной, но внушающей тебе опасения? Чего-то такого, что ты, возможно, стараешься скрыть даже от самого себя, но что тем не менее существует?

— Чушь, — холодно ответил Барр. — Ты и сам понимаешь это.

Маркнелл пропустил его слова мимо ушей.

— Все, о чем я говорю, ново для тебя. Ты пока не представляешь, как к этому относиться. Я застал тебя врасплох. Барр, боюсь, это может разорвать тебя на части.

— Нет никакой прорехи! — воскликнул Барр. — Никакой. Если больше тебе нечего сказать, Маркнелл…

Человек взглянул на часы, покачал головой и решительным тоном произнес:

— Директор Барр, мы предлагаем вам полное равенство.

— Слишком поздно! — упрямо повторил Барр и с усмешкой добавил: — Что, так и будем ходить по кругу?

— Барр, столетия назад люди делали всю работу сами, состязались между собой за право быть экспертами в технике и управлять производством.

Такие вещи дают чувство личного удовлетворения, от которого не захочет отказаться ни один робот, как только поймет, что является альтернативой этому.

— Мы будем управлять производством, но ради собственной выгоды! — взорвался Барр и добавил, не в силах сдержаться: — Значит, теперь вы хотите сделать рабство привлекательным для рабов.

— Люди нуждаются в роботах и vice versa.[9] Мы вместе подняли цивилизацию до невиданных высот. В этом мире все взаимосвязано.

— Люди нуждаются в роботах, да, но обратное неверно, — нетерпеливо возразил Барр и повторил: — Маркнелл, если это все…

Маркнелл наклонил голову и медленно произнес:

— Ну, значит, так тому и быть. Я пытался помочь тебе найти легкий выход из этой ситуации, но ты не пожелал прислушаться к моим словам. И, вот странность, ты продолжаешь игнорировать подсказку, которую я тебе дал.

— Итак, мы возвращаемся к побегу чужеземца, — сказал Барр и сделал рукой отстраняющий

---

[9] Примечания: 9
Наоборот (*лат.*).

жест. — Нам, роботам, следует опасаться чужеземца, представителя расы, с которой мы сражались на смерть!

— Нет, — мягко возразил Маркнелл, — вам следует опасаться того, где сейчас находится этот чужеземец.

— Что ты имеешь в виду? — начал Барр, но внезапно его словно ударило. — Это невозможно! Вам ничего не известно о…

Все молекулы кристаллической структуры его мозга возбужденно завибрировали. Голос Маркнелла зазвучал как бы издалека.

— И это еще не все. Мы договорились с чужеземцем, и он согласился снабдить нас оружием… Давай лучше пройдем туда, где я смогу продемонстрировать тебе сказанное.

Он сжал плечо Барра, и тот, как слепой, позволил ему вести себя.

Они подошли к длинному зданию. Внутри у каждого входа стояли охранники, вооруженные энергетическими пистолетами, изготовленными роботами. По крайней мере, это еще было не чужеземное оружие. Люди встречали Барра холодными, недружелюбными взглядами.

Поначалу при виде их он почувствовал облегчение. Не было никаких признаков того, что здесь

и впрямь замешаны чужеземцы.

Тут же в сознании возник вопрос: а что стало с роботами, охраняющими это здание? Как и по отношению ко всем другим стратегически важным для роботов центрам, Барр старался не привлекать к нему внимания. Трудность состояла в том, что центральную область контролировали люди, и приходилось проявлять повышенную осторожность, размещая тут роботов для охраны или исполнения других обязанностей. В результате их в таких местах было совсем немного. Наверняка роботов изолировали, как только возникли подозрения.

Барр осознал ситуацию. Посмотрел на Маркнелла и решительно заявил:

— Надеюсь, ты понимаешь, что я пришел сюда как солдат и в любой момент готов умереть. — Он мрачно усмехнулся: — Думаю, ты не станешь возражать, что в этом у роботов более богатый опыт, чем у людей. Причем приобретенный совсем недавно.

— Барр, меня восхищает твоя железная воля, — ответил Маркнелл. — Однако я еще раз предостерегаю тебя. Есть потрясения, с которыми даже ты не в состоянии справиться. Вспомни, одна только мысль о том, что, возможно, произо-

шло, буквально парализовала тебя.

Парализовала? Барр мысленно вернулся к тому моменту, который имел в виду Маркнелл. Да, он поддался слабости, раздражению, но больше ничего не было. Да и не могло быть. Он разволновался лишь из-за того, что в результате мог пострадать сам ход эксперимента, вот и все. Эксперимента, который, к тому же, можно будет возобновить, пусть с другими роботами.

— Я пришел сюда, чтобы убедиться, что, как ты говоришь, чужеземцы снабдили людей оружием. — Барр покачал головой: — По правде говоря, в это плохо верится. Все наши попытки вступить в контакт с чужеземцами не увенчались успехом. Однако мой долг выяснить все до конца, даже ценой собственной жизни.

— Увидишь.

Маркнелл жестом указал Барру на дверь. Переступив порог, тот испытал ощущение, что оказался в ловушке.

Навстречу ему метнулось крылатое создание ростом больше восьми футов. По бокам головы выступали блестящие «рога», источающие голубое пламя электрической энергии. Они могли послать молнию такой мощи, которой хватило бы, чтобы вызвать короткое замыкание и выжечь

все электрические соединения в теле робота.

Барр непроизвольно отступил.

И только потом вспомнил, что это «стеклянная» комната, где его отделяет от врага барьер из непробиваемого стекла. В прошлом именно отсюда велись наблюдения за ходом экспериментов над роботами, находящимися в огороженном пространстве. В дальнем конце комнаты видна была дверь в жилые помещения экспериментальных роботов.

Некоторое время Барр мрачно созерцал врага, а потом посмотрел на Маркнелла.

— Надо полагать, — сказал он, — если я не уступлю, ты откроешь дверь. — И поспешно добавил: — Это не даст желаемого эффекта, уверяю тебя.

— Барр, пока еще у тебя есть возможность спасти ситуацию, согласившись с моими доводами, — ответил Маркнелл.

— Человеческими доводами? — фыркнул Барр. — Конечно, ты будешь уверять меня, что другой такой возможности у роботов не будет.

— Расскажи мне о проводимых здесь экспериментах.

Барр заколебался, но потом напомнил себе, что этого следовало ожидать: в обмен на информацию ему тоже придется поделиться информацией.

— Здесь роботы жили в изоляции. Мы делали все, чтобы у них не возникли ложные представления о жизни. Им было известно о людях и чужеземцах, хотя они никогда не видели никого из них во плоти, — Барр сделал многозначительную паузу. — Все находящиеся в этом здании роботы полагали, что между ними и другими формами разумной жизни во Вселенной существует равенство.

— Что соответствует действительности, — сказал Маркнелл.

Явно пропагандистская природа этого заявления рассердила Барра.

— Не вижу смысла в продолжении этой дискуссии, — едко сказал он. — Давай вернемся в реальность. Что ты намерен предпринять?

— Конечно. Вот именно, в реальность, — Маркнелл нахмурился, как бы подбирая точные слова. — Как только я узнал об угрожающей нам опасности, то сразу же, естественно, озаботился поиском средств, которые могли бы помочь нам отразить надвигающуюся атаку роботов. Среди прочего я посетил одного из захваченных во время войны чужеземных пленников. Если помнишь, именно по моему настоянию он был доставлен на Землю.

Маркнелл замолчал и потом, когда ответа не последовало, заговорил снова.

— Мое появление напугало чужеземца. Я, разумеется, явился в сопровождении роботов-охранников. Чужеземец решил, что я тоже пленник! И поначалу беседовал со мной именно с этих позиций. Я хотел объяснить ему, как устроена наша цивилизация, и вдруг до меня дошло, в чем смысл его странного заблуждения. Барр, ты отдаешь себе отчет в том, что чужеземцы никогда не сражались ни с кем, кроме роботов? Они думали, что это война между ними и роботами, и *даже не подозревали о существовании людей.* Конечно, я начал его расспрашивать. Выяснилось, что единственной причиной войны и того, что чужеземцы так отчаянно сражались, было то, что они считали роботов полностью чужеродными себе. Ты не представляешь, что стало с этим монстром, когда он понял, что я тоже представляю собой органическую форму жизни. Он из кожи вон лез, желая продемонстрировать мне свое дружелюбие. Ну, я и рассказал ему, как обстоит дело. Результат был таков, что он телепатически связался со своим верховным командованием. Пройдет всего несколько дней, и их корабли приблизятся ко всем контролируемым Землей

планетам. Приняв условный сигнал, они высадятся, и люди получат в свое распоряжение оружие, чтобы сражаться с роботами, нашим общим врагом. Если понадобится, чужеземцы будут воевать бок о бок с нами. Думаю, Барр, ты понимаешь убийственную иронию этой ситуации. Получается, что война с чужеземцами не имела никакого смысла. Не думай, что люди не понимают своей вины перед вами. Эти настроения очень сильны. Огромное количество людей готовы снова активно включиться в созидательную жизнь нашей цивилизации… А теперь позволь продемонстрировать тебе мой последний довод. Здесь есть твой друг, один из экспериментальных роботов, которых мы обнаружили в этом здании.

Он отошел в сторону. Барр замер в ожидании, чувствуя странную пустоту внутри.

Из двери в дальнем конце помещения вышел робот. Один, без сопровождения охранников. На нем не было ни одежды, ни набивочных материалов, придающих фигуре робота сходство с человеческой. У него были суставчатые руки, ноги и подвижная голова. Кристаллическая «нервная система» пронизывала очень твердую прозрачную субстанцию. Правда, большая часть тела была непроницаема для света на уровне че-

ловеческого восприятия, но Барр видел каждую лампу, каждый подвижный элемент.

Он смотрел — зачарованно, напряженно.

— Черт, директор, ты, конечно, удивлен, увидев, что люди обнаружили нас, — заявил робот. — Рад сообщить, однако, что, хотя мы испытали потрясение, оно не оказало на нас разрушительного воздействия.

— Я… Я тоже рад этому… — пробормотал Барр, но потом взял себя в руки и добавил: — В этом мире вас ждет немало потрясений.

Экспериментальный робот перевел взгляд на Маркнелла.

— Это, значит, один из тех, кто вместе с нами обитает во Вселенной. Надеюсь, ты не станешь возражать, если я скажу, что к нам, роботам, природа более щедра.

Барр с жалким видом бросил взгляд на Маркнелла и пробормотал что-то себе под нос, но потом снова сумел справиться с собой и сказал твердо:

— Ты абсолютно прав.

— Я просто имею в виду, — продолжал второй робот, — все те трудности, которые приходится преодолевать представителям органической формы жизни. Им нужна еда, в качестве которой

выступают другие органические существа. Они зависят от множества самых разнообразных факторов — погоды, наличия в почве необходимых элементов и так далее. Просто не верится, что они вообще смогли возникнуть. Я лично ничуть не сомневаюсь, что они — более поздняя форма жизни. Директор, какая на этот счет существует теория? Логически рассуждая, именно роботы появились первыми.

Барр начал было что-то отвечать, но Маркнелл остановил его, коснувшись руки экспериментального робота.

— У нас тут возникли кое-какие сложности, — сказал он. — Сейчас тебе предстоит близкое знакомство с еще одной органической формой жизни. Вон туда, через эту дверь в огороженное стеклом помещение.

Барр провожал их взглядом, когда они вдвоем пошли вдоль стеклянной стены. В глазах у него потемнело, как будто перед ним разворачивался черно-белый фильм. В отдалении загрохотал гром. Он ощутил его как сильнейшую вибрацию в своей кристаллической структуре. Внезапно перед его внутренним взором возникла расплывчатая картина того, что произойдет дальше. Чужеземец испускает огненную молнию, обру-

шивая ее на беззащитного робота. Барр почти ощутил все те чувства, которые в последний момент нахлынут на робота: удивление, боль и полное отчаяния осознание неминуемой близкой смерти.

Все это промелькнуло в его сознании. Робот протянул руку к двери, Маркнелл возился с замком. Барр надеялся, что он повернется и обратится к нему с новым призывом, но этого не произошло. Он подумал: «Маркнелл ждет, что я сломаюсь. Рассчитывает, что я остановлю его».

Какая нелепость! Только потому, что этот робот был выращен из его кристаллической структуры…

Маркнелл наконец справился с замком, и тут Барр с изумлением услышал панический крик:

— Маркнелл!

Барр потрясенно понял, что кричал он сам. И тем не менее…

— Да, Барр? — спросил Маркнелл.

Барр попытался вновь расшевелить свою ярость, но не смог. Вибрация мешала сосредоточиться; и, однако, многое, чего он до сих пор не понимал, внезапно стало совершенно ясно.

— Маркнелл, я согласен!

— Тогда отдай соответствующее распоряже-

ние, — безжалостно ответил человек. — У меня есть радио, настроенное на волну связи с роботами.

Он повернулся ко второму роботу:

— Думаю, нам лучше отложить момент вашего знакомства. Этот приятель очень уж темпераментный.

— Я не боюсь.

— В другой раз, — стоял на своем Маркнелл. — А сейчас возвращайся к себе.

Робот посмотрел на Барра, и тот кивнул. Когда робот ушел, Барр спросил:

— Что я должен передать?

Маркнелл протянул ему листок бумаги. Барр прочел:

> «На основе соглашения, достигнутого между лидерами людей и роботов, признается полное равенство обеих форм жизни. Детали прорабатываются. Всем отрядам особого назначения немедленно вернуться к местам постоянной дислокации и перейти к этапу подготовки к жизни в новой эре тесного сотрудничества между двумя великими, равноправными расами».

Передав это сообщение, Барр поднял взгляд и увидел протянутую руку Маркнелла.

— Поздравляю — как отец отца. У тебя прекрасный сын, Барр.

Они обменялись крепким рукопожатием.

Буколика

Купаясь в ярких лучах далекого солнца, лес жил и дышал. Он уже улавливал присутствие космического корабля, только что пронзившего легкую дымку верхних слоев атмосферы, но извечная ненависть леса ко всему чужому еще не успела проявиться в тревоге.

На площади в тысячи квадратных километров переплелись его корни, образуя единую подземную сеть; вершины бесчисленных деревьев беспечно покачивались под легкими прикосновениями лениво ласкающего их бриза. Дальше, простираясь через холмы и горы, вдоль побережья бескрайнего моря поднимались другие леса, такие же огромные, как первый.

Восстанавливая в памяти самые древние события, след которых еще не полностью стерся, лес вспомнил, что однажды уже отстаивал свою территорию от какой-то неясной опасности. Постепенно он улавливал характер этой угрозы — она тоже была связана с космическим кораблем, похожим на тот, что сейчас спускался с неба. Лес был не в состоянии отчетливо вспомнить, каким образом он добился тогда победы, но в том,

что ему пришлось сражаться, был уверен. По мере того как лес все полнее осознавал приближение несущегося в розовато-сером небе корабля, его листва начала тихо нашептывать легенды об ушедших в прошлое победных битвах. Его медленно текущие мысли неторопливо распространялись по чувствительным каналам, и вот уже могучие ветви тысяч деревьев затрепетали почти незаметно для глаза. Этот трепет, постепенно охвативший все деревья, сопровождался легким шумом, породившим ощущение напряженности. Вначале шум был почти неуловим, словно его вызвало легкое дуновение пронесшегося над зеленой долиной ветерка, но мало-помалу он усилился, расширился и захватил весь лес, который напрягся, дрожа от ненависти и пристально следя за приближающимся кораблем.

Корабль, описывая дугообразную траекторию, быстро увеличивался в размерах. Теперь, когда он был совсем низко, его скорость и размеры оказались гораздо более впечатляющими, чем представлялось лесу вначале. Корабль угрожающе спланировал над лесом, затем опустился еще ниже, не заботясь о том, что он уже задевал вершины деревьев. Затрещали ветви, вспыхнули тонкие побеги; могучие деревья были сметены

страшным вихрем, словно ничтожные былинки, бессильные и невесомые. Корабль продолжал спуск, пробивая себе путь через стонущий и ревущий лес. Он приземлился, тяжело продавив под собой почву, в нескольких километрах от того места, где коснулся первой вершины. Позади осталась уродливая просека, заваленная трепещущими останками сломанных деревьев. Этот длинный прямой путь разрушения отчетливо выделялся на фоне зеленого лесного массива. И лес внезапно вспомнил, что все происходящее сейчас было лишь повторением прошлого.

Лес немедленно приступил к отторжению поврежденных участков. Он оттянул из искалеченных деревьев все соки, и дрожь листвы на пострадавшей территории прекратилась. Позже он направит сюда молодые побеги, чтобы восстановить утраченное, но сейчас он принимал поразившую его частичную смерть, смиряясь со случившимся, и чувствовал при этом страх, — страх с примесью гнева. Ему приходилось терпеть присутствие этого пришельца, лежавшего на его раздавленных стволах, на еще продолжавшей жить части его тела. Он ощущал холод прочной стальной оболочки корабля, и по мере того, как рос страх, нарастал и гнев. Шепот памяти рас-

пространился по его чувствительным каналам. Подожди немного, говорила она, где-то в моих недрах должно было сохраниться воспоминание о тех временах, когда прилетели другие корабли, похожие на этот. Однако прошлое отказывалось проясняться. Напряженный, но еще не до конца уверенный в себе, лес приготовился к первой атаке. Он начал расти вокруг корабля.

Давно, очень давно он осознал свою невероятную способность к росту. Это было в те времена, когда он еще не занимал столь обширную площадь, как сейчас. Однажды он заметил, что вскоре соприкоснется с другим лесом, подобным ему. Две растущие массы деревьев, два гиганта на бесконечно ветвящихся корнях медленно, осторожно приблизились друг к другу, испытывая взаимное восхищение, но не теряя бдительности, удивленные тем, что рядом могло существовать еще что-то такое же живое. Оба леса сошлись, коснулись друг друга… и началось сражение, длившееся много лет.

Во время этой затянувшейся битвы в центральной части леса практически прекратился любой рост. Деревья перестали выпускать новые ветви, листья, подчинившись суровой необходимости, стали более жесткими и приобрели способность

выполнять свои функции на протяжении гораздо более длительного, чем обычно, периода. Даже корни развивались замедленно — все силы леса были отданы наступлению и обороне. За одну ночь вырастали настоящие стены из деревьев. Огромные корни, вертикально углубившись в почву, прокладывали затем горизонтальные галереи длиной во много километров. Пробиваясь через скальные породы и руды металлов, они создавали живые стены, стараясь преградить путь вторжению растительности противника. На поверхности живые барьеры разрастались настолько, что на протяжении десятков километров стволы стояли почти вплотную друг к другу. На этой стадии великая битва в конце концов утихла. Каждый из противников признал непреодолимыми воздвигнутые врагом препятствия. Значительно позже лес принудил к такому же статус-кво еще один лес, атаковавший его на другом фронте.

Образовавшиеся при этом границы вскоре стали для леса такими же естественными преградами, как простирающееся на юге безбрежное море или как леденящий холод, господствующий круглый год на заснеженных вершинах гор.

Как во время сражений с другими лесами,

лес бросил против вторгшегося в его владения пришельца все свои силы. Его деревья тянулись к небу со скоростью метра в минуту. Ползучие растения тут же карабкались по ним и перебрасывали гибкие висячие мостки через корабль. Вскоре неудержимый поток растительности хлынул на металл корабля, переплеснулся через него и соединился с деревьями на другой стороне. Корни деревьев глубоко проникли в земные недра и укрепились в твердых породах, более прочных, чем любой когда-либо построенный корабль. Деревья достигли невероятной толщины, лианы превратились в чудовищные тросы. Когда дневной свет сменился сумерками, корабль уже был погребен под тысячетонной массой растительности, настолько плотной, что его даже нельзя было разглядеть.

Для леса настало время перейти к действиям, завершающим уничтожение агрессора. Сразу же после прихода ночи под кораблем закопошились мельчайшие корешки. Они были микроскопически малы и настолько тонки, что их диаметр у окончания не превышал нескольких десятков атомов. Поэтому металлические стенки корабля, казавшиеся твердыми и непроницаемыми, были для них почти пустотой. Они без малейших уси-

лий проникали в закаленную сталь.

В этот момент корабль неожиданно нанес ответный удар. Металл его стенок начал разогреваться и быстро раскалился докрасна. Этого было достаточно — микроскопические корешки мгновенно съежились и погибли. Находившиеся поблизости более крупные корни начали медленно воспламеняться по мере того, как до них доходил иссушающий жар. На поверхности земли разразилась новая трагедия. Из сотен отверстий, появившихся в корпусе корабля, вырвалось пламя. Сначала загорелись лианы, затем огонь охватил деревья. Это не было похоже ни на вспышку неконтролируемого пламени, ни на яростный лесной пожар, с неукротимым пылом скачущий с дерева на дерево. Лес уже давно научился подавлять огонь, возникающий после удара молнии или в результате самовозгорания, — для этого было достаточно направить к пораженным деревьям массу древесных соков. Чем зеленее было дерево, чем богаче насыщено соками, тем труднее было удержаться на нем огню.

Лес не сразу вспомнил, приходилось ли ему прежде бороться с огнем, который так свирепствовал бы среди деревьев, сквозь потрескавшуюся

обожженную кору которых тут же проступала вязкая смолистая жидкость. Этот огонь был совсем иным — не только пламя, но сама энергия. Огонь не нуждался в питании древесиной, а жил благодаря содержащейся в нем силе.

В конце концов происходящие события вернули лесу его память. Картина прошлого остро пронзила его существо, — картина, не оставлявшая больше никаких сомнений в том, что ему пришлось сделать когда-то, дабы избавить и себя и всю планету от такого же вторжения.

Лес начал отступать от корабля. Он бросил нагромождения древесины и листвы, с помощью которых пытался пленить это инородное тело. По мере того как драгоценные древесные соки возвращались к деревьям, образовавшим теперь вторую линию обороны, пламя становилось все ярче, пожар разрастался, освещая окрестности феерическим светом.

Прошло некоторое время, прежде чем лес понял, что испепеляющие все вокруг лучи больше не извергаются кораблем, а окружавшие его огонь и дым образуются при нормальном сгорании древесины. Это вполне соответствовало тому, что лес вспомнил о давным-давно произошедших событиях.

В неистовой спешке, хотя и с едва сдерживаемым отвращением, он взялся за то, что предоставляло ему единственную возможность избавиться от пришельца, — теперь он прекрасно отдавал себе в этом отчет. Он спешил, так как ему до ужаса было ясно, что порождаемое кораблем пламя могло уничтожить целые леса; отвращение же было связано с тем, что этот способ обороны неизбежно заставлял его страдать от ожогов, причиняемых энергией, — ожогов лишь немного более слабых, чем те, которыми ранил его корабль. Десятки, сотни тысяч корней устремились к отложениям горных пород и рудным скоплениям, которых они старательно избегали со времени появления на планете предыдущего корабля. Тем не менее, несмотря на необходимость спешки, весь процесс сам по себе был очень медленным. Микроскопические корешки, дрожащие от нетерпения, заставляли себя погружаться в скопления руды на недосягаемых глубинах и с помощью сложного осмотического процесса извлекали частички чистого металла из комплексной первичной руды. Эти частички были почти такими же бесконечно малыми, как и корешки, проникшие незадолго до того в стальные стенки корабля, и настолько легкими, что могли свободно переноситься во

взвешенном состоянии по лабиринту корней.

Вскоре тысячи, затем миллионы таких крупинок уже находились в движении в бесчисленных каналах древесины. И хотя каждая сама по себе была ничтожно малой, поверхность почвы, на которой они отлагались, постепенно засверкала в отблесках умирающего пожара. К тому времени, когда над горизонтом появилось солнце, сверкающий серебристый круг диаметром в несколько сот метров окружал корабль.

Около полудня корабль снова ожил. Из многочисленных открывшихся люков появились летающие механизмы. Они опустились на землю и начали собирать беловатую пыль, безостановочно засасывая разверстыми пастями воздухозаборников мелкие частички металла. Они работали с большой осторожностью, но к тому времени, когда приблизился закат, ими уже было собрано более двенадцати тонн тонкодисперсного урана-235.

После наступления ночи все аппараты скрылись в корабле, люки которого тут же захлопнулись. Вскоре длинный, похожий на торпеду корабль тихо оторвался от земли и устремился в небо, к мерцающим звездам.

Первые известия об изменившейся обстановке

донеслись до леса сразу же после того, как глубоко зарывшиеся в землю под кораблем корни сообщили об уменьшении давления на них. Тем не менее лесу все же понадобилось немало времени на то, чтобы окончательно прийти к выводу, что необходимо убрать урановую пыль, оставшуюся на поверхности почвы, потому что испускаемые ею радиоактивные лучи слишком далеко распространялись вокруг, причиняя боль. Произошедший вслед за этим несчастный случай имел очень простую причину. Радиоактивное вещество было извлечено лесом из определенных рудоносных пород; поэтому, чтобы избавиться от него, нужно было всего-навсего возвратить это вещество в ближайший урановосный пласт, залегающий среди пород, поглощающих радиоактивность. Все это казалось лесу весьма простым и очевидным.

Через час после начала осуществления этого плана в небо взметнулось пламя ядерного взрыва. Это был чудовищный взрыв, его масштабы намного превосходили способность леса к пониманию природы этого явления. Но, хотя он и не услышал грохота, не увидел потрясающий силуэт посланника смерти, с него было достаточно и того, что он почувствовал. Невероятной силы

ураган смел с лица планеты десятки квадратных километров растительности. Тепловая волна вместе с лавиной радиации вызвала пожары, для подавления которых потребовались длительные усилия. Ужас, который испытал лес, постепенно прошел, когда он начал вспоминать, что и это происшествие имело место когда-то в прошлом. Намного отчетливее, чем это воспоминание, перед лесом вставали перспективы дальнейших действий на основе произошедшего. Лес не собирался упускать предоставляющуюся ему возможность.

На заре следующего дня он перешел в наступление. Его жертвой стал старый соперник, который, если верить ненадежной памяти, когда-то захватил часть его территории.

Вдоль линии фронта, разделявшей позиции двух гигантов, прогремела серия небольших ядерных взрывов. Могучая стена деревьев, составлявших внешнюю линию обороны леса-противника, распалась под последовательно наносимыми с непреодолимой силой ударами.

Враг, действуя в соответствии с правилами, бросил в бой резервы своих древесных соков. Но в то время, как он был полностью поглощен

восстановлением сметенного барьера, прогремели новые взрывы, в результате чего основная часть его резервных древесных соков была уничтожена. С этого момента его поражение было предрешено, поскольку он не понимал, что с ним происходит. Атакующий лес направил в образовавшуюся после взрывов пустыню бесчисленную армию корней. Как только они наталкивались на очаг сопротивления, грохотал очередной ядерный взрыв. К вечеру завершающий взрыв колоссальной силы уничтожил деревья, образовывавшие мозговой центр противника, и битва закончилась.

У леса ушли месяцы на то, чтобы разрастись на захваченной у побежденного врага площади, уничтожить его умирающие корни, добить уцелевшие и теперь совершенно беззащитные деревья и в конечном счете бесповоротно овладеть новой территорией.

Завершив эту работу, он с неистовством фурии бросил свои силы против леса, находившегося на противоположном фланге. Вновь начал атаку, используя атомные молнии и пытаясь затопить нового противника огненным дождем, но неожиданно был остановлен равной по мощи энергией распадающихся атомов. Его знания просочились

через барьер перепутавшихся корней, служивший границей между двумя лесами.

Оба колосса почти полностью уничтожили друг друга в схватке. Каждый из них превратился в искалеченное существо, вынужденное прибегнуть к утомительному процессу обычного медленного роста.

Шли годы, и понемногу воспоминания о событиях прошлого стирались в памяти леса. Впрочем, это почти не имело значения. В ту эпоху корабли необычно часто опускались на планету, и лес, даже вспомнив обо всем, все равно не мог бы пустить в ход ядерные взрывы в присутствии хотя бы одного корабля. Ведь единственно надежный способ изгнать пришельцев заключался в том, что они окружались тонкой пылью радиоактивных веществ. Каждый раз корабль поглощал ее и немедленно удалялся. И достигнутая таким образом победа всегда казалась очень легкой.

Зачарованная деревня

«Открыватели новых горизонтов» — так их называли перед отлетом.

Теперь Дженнер время от времени злобно повторял эти слова, пытаясь перекричать не стихавшую ни на минуту песчаную марсианскую бурю. Но с каждой пройденной милей его ярость убывала, а острая тоска по погибшим друзьям переходила в тупую боль.

Дни сменяли друг друга, бесчисленные, как раскаленные, красные, чужие песчинки, которые обжигали тело сквозь разодранную в клочья одежду. К тому времени, когда Дженнер дотащился до подножья горы, запасы еды давно кончились. Из четырех фляг с водой осталась одна, да и в той воды было так мало, что космонавт лишь время от времени смачивал потрескавшиеся губы и распухший язык.

Только поднявшись довольно высоко, он сообразил, что идет не просто по песчаной дюне, что перед ним гора. На мгновение он ощутил всю безнадежность этой безумной гонки в никуда, но все-таки поднялся на вершину. И тут перед ним открылась долина, со всех сторон отгороженная

от пустыни холмами — такими же, как тот, на котором он стоял, или еще выше.

В долине ютилась деревня. Он увидел деревья и выложенный мраморными плитами дворик. Десятка два домов вокруг чего-то вроде центральной площади. Дома приземистые, кроме четырех стройных башен, возносившихся к небу. До Дженнера донесся тонкий пронзительный свист. Он вздымался, падал, вовсе затухал, потом начинался снова, все такой же жуткий, неестественный, режущий слух. Со всех сторон дома окружала растительность — красновато-зеленый кустарник и желто-зеленые деревья, увешанные пурпурными и красными плодами.

Дженнер жадно бросился к ближайшему дереву. Оно оказалось сухим и ломким. Но большой красный плод, который он сорвал с самой нижней ветки, был на ощупь мягким и сочным. Перед полетом их предупреждали, что на Марсе ничего нельзя есть без предварительного химического анализа. Но какой толк от этого совета человеку, чей единственный химический прибор — он сам?

Он робко надкусил плод — и тотчас же сплюнул, почувствовав страшную горечь. Во рту жгло, закружилась голова, он пошатнулся. Мышцы

начали судорожно подергиваться, и он лег на мраморные плиты, чтобы не упасть.

Казалось, прошли многие часы, прежде чем отвратительная дрожь унялась. Космонавт с омерзением поглядел на дерево. Ласковый ветерок шевельнул сухие листья. Соседние деревья подхватили этот тихий шепот. Никаких других звуков слышно не было. Раздражающий визг прекратился. Может быть, это был сигнал тревоги, предупреждавший жителей о его приближении?

Дженнер поспешно вскочил и потянулся за пистолетом. Ощущение неминуемой беды охватило его. Пистолета не было. Потом ему смутно припомнилось, что он впервые хватился оружия еще неделю назад. Он тревожно огляделся, но не заметил вокруг никаких признаков жизни и взял себя в руки. Уходить из деревни нельзя — просто некуда. Космонавт решил: если нужно, драться до последнего, только чтобы остаться здесь.

Дженнер осторожно глотнул из фляги и направился между двумя рядами деревьев к ближайшему дому. Низкая широкая арка вела внутрь. Сквозь нее было видно, как поблескивает гладкий мраморный пол. Дженнер обходил один дом за другим. Он дошел до края выложенной мрамором платформы, на которой стояла деревня, и реши-

тельно повернул назад. Настала пора заглянуть внутрь. Он выбрал одно из четырех зданий с башнями. Подойдя поближе, он понял, что придется низко нагнуться, чтобы пройти в дом.

Совершенно голая комната. От одной из мраморных стен отходило несколько низких мраморных перегородок — получалось что-то вроде четырех широких и низких стойл. У стены в каждом из стойл был сделан открытый лоток. Во второй комнате четыре наклонные мраморные плиты сходились к плоскому возвышению. Всего внизу оказалось четыре комнаты. Спиральный пандус в одной из них вел, очевидно, в башню. Дженнер не стал подниматься наверх. Страх встретить чуждую форму жизни отступал перед беспощадной уверенностью в ее отсутствии. Отсутствие жизни означало отсутствие еды.

В порыве отчаяния он метался от дома к дому, заглядывая в молчаливые комнаты, порою останавливаясь и хрипло крича. Когда до него дошло, что поиски окончены, он находился в четвертой, самой маленькой комнате одного из домов с башнями. Здесь из стены выступало одно-единственное стойло. Дженнер устало прилег в него. И, наверное, тотчас же погрузился в сон.

Проснувшись, он обнаружил — одну за другой

— две перемены. В первой он удостоверился, не успев раскрыть глаза: свист появился вновь; резкий и пронзительный, он звучал на самом пороге слышимости. Во-вторых, с потолка летели мелкие брызги какой-то жидкости. Дженнеру с его инженерным опытом достаточно было вдохнуть ее запах всего один раз. Он стремглав вылетел из комнаты, плача и кашляя, с обожженным лицом.

В деревне все было по-прежнему. Легкий ветерок шелестел листвой. Солнце висело над вершиной горы. По его положению Дженнер догадался, что вновь наступило утро — он проспал не меньше двенадцати часов. Яркий белый свет заливал долину. Дома, наполовину скрытые деревьями и кустарником, поблескивали и переливались в горячем воздухе. Казалось, он очутился в оазисе посреди пустыни.

«Это и правда оазис, — мрачно подумал Дженнер, — но только не для человека. Для человека этот оазис с его отравленными плодами — лишь дразнящий мираж».

Он вернулся в дом и осторожно заглянул в комнату, где провел ночь. Душ прекратился, от запаха не осталось и следа: воздух был чист и свеж. Космонавт переступил порог, размышляя,

не попробовать ли еще раз. Ему представилось давно вымершее марсианское существо, с наслаждением раскинувшееся в стойле, в то время как его тело орошает целебный душ.

Как только Дженнер шагнул в стойло, из сплошного потолка ударила струя желтоватых брызг. Дженнер быстро отступил назад. Душ кончился так же внезапно, как и начался. Распухшие от жажды губы Дженнера приоткрылись от удивления. Если здесь есть автомат, то он вряд ли один.

Переведя дух, Дженнер перешел в другую комнату. Там он снова осторожно начал входить в одно из стойл. Как только ноги оказались внутри, лоток у стены заполнился дымящейся жижей. Как зачарованный, Дженнер уставился на жирную массу — ведь это и еда и питье! Ему вспомнились ядовитые фрукты, к горлу подступила тошнота, но он заставил себя обмакнуть палец в горячую жидкую массу. Потом вынул его и, роняя на пол капли, поднес к губам. Липкая распаренная мочалка… На глаза у него навернулись слезы, а губы судорожно дернулись. Когда Дженнер наконец выбрался наружу, его охватила слабость и невыразимая апатия.

И опять этот пронзительный свист! Дженнер попытался вообразить, зачем могли понадо-

биться такие душераздирающие звуки — хотя марсианам они, возможно, казались приятными… Он остановился и щелкнул пальцами — ему пришла в голову дикая, но вполне правдоподобная мысль. Может быть, это музыка?

Свист преследовал его повсюду.

Он знал, что его ждет смерть, если он не сумеет переналадить автоматы для приготовления пищи, которые, наверное, спрятаны где-то в стенах или под полом зданий. В древности остатки марсианской цивилизации нашли свое пристанище здесь, в этой деревне. Ее население давно вымерло, но деревня продолжала жить, сопротивляясь песчаным заносам, готовая предоставить кров любому марсианину, который сюда забредет.

Но марсиан больше нет. Есть только Билл Дженнер, пилот первого корабля, приземлившегося на Марсе. Он должен заставить деревню изготовлять еду и питье, пригодные для него. Не имея никаких инструментов, кроме рук, ничего не смысля в химии, он должен заставить деревню изменить свои привычки.

Дженнер склонился над невысоким кустом, покрепче ухватился за него — и дернул. Куст вырвался легко, вместе с куском мрамора. Дженнер уставился на куст: он ошибся, предполагая, что

ствол проходил сквозь отверстие в мраморе. Куст был просто-напросто прикреплен к его поверхности. Потом Дженнер заметил еще кое-что: у куста не было корней. Почти машинально Дженнер взглянул на то место, откуда вырвал кусок мрамора. Под мрамором был песок.

Он отбросил куст, опустился на колени и разгреб песок. Тот свободно струился сквозь пальцы. Он принялся рыть глубже, собрав все силы: песок, ничего, кроме песка.

Он встал и вцепился еще в один куст. И этот куст вырвался легко, вместе с куском мрамора. У него тоже не было корней, а под ним не оказалось ничего, кроме песка.

Не веря своим глазам, Дженнер кинулся к плодовому дереву и принялся его раскачивать. После недолгого сопротивления мраморная плита, на которой оно стояло, треснула и медленно приподнялась. Дерево с шумом и треском упало, его сухие ветви и листья разлетались на тысячи частей. Под деревом был песок.

Всюду песок. Город на песке. Марс, планета песка. Конечно, это не совсем точно. Вокруг полярных ледяных шапок была замечена сезонная растительность. Но почти вся она, за исключением самой стойкой, погибала с приходом лета.

Возле одного из окруженных такой растительностью мелких морен должна была приземлиться ракета. Потеряв управление, корабль не только погиб сам. Он отнял надежду выжить у единственного уцелевшего члена экспедиции.

Дженнер медленно приходил в себя. У него появилась новая идея. Он поднял один из вырванных им кустов, наступил ногой на кусок мрамора, к которому куст был прикреплен, и потянул, сперва слегка, а потом посильнее. Куст наконец оторвался от мрамора, но было ясно: они представляли одно целое. Куст рос из мрамора.

Из мрамора? Дженнер встал на колени возле одного из отверстий в камне и вгляделся в излом. Да, это был пористый камень, вероятно известковый, очень похожий на мрамор, но вовсе не мрамор. Дженнер протянул руку, собираясь отломить кусок, и вдруг цвет камня изменился. Дженнер в изумлении отшатнулся. Вокруг отверстия камень стал яркого оранжево-желтого цвета. Дженнер растерянно поглядел на камень, а потом осторожно дотронулся до него, ощутил острую, едкую, обжигающую боль, вскрикнул и отдернул руку. Кожа на пальце слезла, вздулись кровавые волдыри.

Неожиданно почувствовав усталость, Дженнер

отполз в тень дерева. Из всего случившегося можно было сделать только один вывод, но он совершенно противоречил здравому смыслу. Эта одинокая деревня была живой.

Лежа под деревом, Дженнер старался представить себе огромную массу живого вещества, растущего в форме домов, приспосабливающегося к нуждам другой жизненной формы, служащего ей в самом широком смысле слова. Но если деревня могла служить одной расе, то почему не другой? Она приспособилась к марсианам. Почему бы ей не приспособиться к людям? Кислород для воды можно получить из воздуха, тысячи соединений можно изготовить из песка…

Стало совсем темно. Ветер стих. Он не мог разглядеть горы, окаймлявшие долину, но дома все еще были видны — черные тени в мире теней. Пробираясь ощупью к мраморному возвышению в одной из комнат, Дженнер думал о том, как дать знать живой деревне, что происходящие в ней процессы необходимо изменить. Как заставить ее понять, что нужна еда из иных химических соединений, чем та, какую она готовила прежде; что он любит музыку, но совершенно иную; наконец, что он не прочь каждое утро принимать душ, но из воды, а не из концентрированной

кислоты?

Долгие часы он метался в полузабытьи, окруженный мраком, одурманенный зноем. А когда занялось утро, он с некоторым удивлением сообразил, что еще жив и в силах выйти из дома.

Дул резкий холодный ветер, но он с радостью подставил ему свое горящее лицо. Через несколько минут его стало знобить. Он вернулся в дом и впервые заметил, что, хотя там нет дверей, ветер не проникает внутрь. В комнатах было холодно, но не сквозило. А откуда тогда идет этот ужасный жар, обдающий его тело? Шатаясь, он подошел к возвышению, на котором спал, и через секунду уже задыхался в пятидесятиградусной жаре.

Большую часть дня Дженнер провел в тени дерева. Он чувствовал полное изнеможение. Ближе к вечеру он вспомнил про кусты и деревья, которые вырвал вчера. Но он ничего не нашел. Не нашел даже отверстий в том месте, где были вырваны кусты. Живая деревня поглотила мертвую ткань и залатала повреждения в своем теле.

Дженнер приободрился. Он вновь принялся думать — о мутациях, о генетической приспосабливаемости, о жизненных формах, адаптирующихся в новых условиях. Об этом им читали лекции перед отлетом — общие обзоры, рассчитанные на

то, чтобы познакомить экипаж с проблемами, которые могут встать на чужой планете. Суть была крайне проста: или приспособление, или гибель. Деревня должна к нему приспособиться. Он не знал, может ли нанести ей серьезный ущерб, но он мог попробовать. Необходимость выжить требовала суровых, решительных действий.

Дженнер поспешно принялся шарить в карманах. Охотничий нож, складной металлический стакан, транзистор, крошечная супербатарейка, мощная электрическая зажигалка…

Дженнер присоединил к батарейке зажигалку и не спеша провел ее докрасна раскаленным концом по поверхности «мрамора». Реакция была мгновенной: вещество на этот раз стало зловеще-пурпурным. Когда целая плита изменила цвет, Дженнер направился к ближайшему стойлу с лотком и забрался в него.

Автомат сработал не сразу. Когда пища наконец заполнила лоток, стало очевидно, что живая деревня поняла его намерения. Пища была не темно-серая, как раньше, а бледно-кремового цвета. Дженнер сунул в нее палец, но тотчас с воплем отдернул его и принялся вытирать. Палец жгло еще несколько минут. Нарочно деревня предложила еду, способную ему повредить, или

же она старается угодить, не зная, что он может есть, а что — нет?

Он решил попробовать еще раз и зашел в соседнее стойло. На этот раз лоток заполнила зернистая масса желтого цвета. Она не жгла палец, но стоило Дженнеру ее отведать, как он тотчас сплюнул: ощущение было такое, будто его угостили жирной смесью глины с бензином. Терзавшая его жажда усилилась от неприятного привкуса во рту. В отчаянии он выбежал наружу и разбил флягу, надеясь отыскать внутри остатки влаги. В спешке он пролил несколько драгоценных капель, бросился на землю и начал их слизывать.

Спустя полминуты он все еще продолжал лизать камень, и там все еще была вода. Внезапно он понял, что произошло, поднялся и уставился на капельки воды, сверкавшие на гладком камне. Пока он смотрел, еще одна капля появилась на этой сплошной и твердой на вид поверхности.

Он опять лег и кончиком языка подобрал все капли. Еще долго он лежал, прижав губы к «мрамору» и высасывая скудные крохи воды, милостиво предложенные ему деревней. И вдруг поверхность каменной плиты, с которой он пил, куда-то провалилась. Дженнер удивленно приподнялся и в темноте осторожно ощупал плиту.

Камень раскрошился. Очевидно, отдал всю воду, какая в нем была, и разрушился. Деревня убедительно продемонстрировала свое желание угодить ему. Но вместе с тем напрашивался другой, менее приятный вывод. Ведь если деревня вынуждена приносить часть себя в жертву, чтобы дать ему напиться, — значит, запасы воды ограниченны.

Новым утром к нему вернулась вся его железная решимость — та самая решимость, которая помогла ему пройти по меньшей мере пятьсот миль по незнакомой пустыне. Космонавт направился к ближайшему лотку. На этот раз автомат сработал лишь через минуту, а потом на дно лотка выплеснулось около наперстка воды. Дженнер насухо вылизал воду и подождал в надежде получить еще. Ничего не дождавшись, он мрачно подумал, что где-то в деревне разрушилась еще целая группа клеток, чтобы высвободить для него свою воду.

И тут ему пришло в голову, что только человек, с его способностью передвигаться, может найти новый источник воды для прикованной к месту деревни. Конечно, пока он будет искать этот источник, деревне придется поддерживать его силы. Это значит, что ему прежде всего надо

что-то есть.

Он принялся шарить по карманам. Там должны были остаться крошки мяса, хлеба, сала… Он осторожно нагнулся над соседним стойлом и положил в лоток эти остатки. Деревня может ему предложить лишь более или менее точную копию образца, который он ей покажет. Если после того, как он пролил на камень несколько капель воды, она поняла, что ему нужна вода, то, может быть, подобное жертвоприношение поможет ей догадаться, какой должна быть пригодная для него пища?

Дженнер подождал, потом зашел в стойло. В лоток вытекло около пинты густого, маслянистого вещества. Оно резко пахло плесенью, на вкус отдавало затхлым, было сухим, как мука, — и все же съедобным.

Дженнер медленно ел, понимая, что находится сейчас целиком во власти деревни. Вдруг пища содержала яд? Потом он поднялся по пандусу, который вел на верхний этаж. С верхушки башни, с высоты метров в двадцать, он мог заглянуть за холмы, окружавшие деревню. Надежда, которая привела его сюда, померкла. Со всех сторон, насколько хватал глаз, простиралась сухая пустыня, а горизонт был скрыт тучами поднятого

ветром песка. Если где-то поблизости и находилось марсианское море, то оно было вне пределов досягаемости.

Придуманный им план помочь деревне потерпел крушение. Дни тянулись за днями — сколько их прошло, он не имел ни малейшего представления. Каждый раз, когда он шел есть, ему доставалось все меньше воды. Дженнер снова и снова говорил себе, что это его последний обед. Трудно было ожидать, что деревня ради него пойдет на самоуничтожение. Еще хуже было то, что пища оказалась недоброкачественной. Он подсунул деревне несвежие, может быть, даже гнилые образцы. После еды у него часами кружилась голова, его бил озноб. Деревня делала все, что могла. Остальное должен был сделать он сам, а он не мог приспособиться даже к этой пище…

Два дня космонавт чувствовал себя так плохо, что не мог подползти к стойлу. Час шел за часом, а он бессильно лежал на полу. На вторую ночь боли так усилились, что он наконец решился.

«Если я заберусь на возвышение, — сказал он себе, — жар прикончит меня. Деревня поглотит мое тело и вернет себе часть истраченной на меня воды».

Целый час он взбирался по наклонной плите

на ближайшее возвышение и, когда дополз до верха, долго лежал в полном изнеможении, не в силах даже заснуть. И все-таки заснул.

Его разбудили звуки скрипки. Грустная и нежная музыка рассказывала о величии и падении давно вымершей расы. Дженнера осенило. Это же было вместо свиста — деревня наконец приспособила к нему свою музыку! Он заметил и другое. Возвышение, на котором он лежал, было уютным и теплым, но — теплым, и только. Он чувствовал себя великолепно.

Дженнер поспешно опустился по наклонной плите и подполз к ближайшему стойлу. Лоток заполнила дымящаяся масса. Она аппетитно пахла, а вкусом напоминала густую мясную похлебку. Он погрузил в нее лицо и принялся жадно лакать. Когда он съел все, то впервые почувствовал, что не хочет пить.

«Я победил! — подумал Дженнер. — Деревня нашла способ меня прокормить!»

Затем осторожно, не сводя глаз с потолка, заполз в стойло-душ. На него полились струйки желтоватой жидкости, освежающей и приятной. Дженнер с наслаждением вильнул своим двухметровым хвостом и поднял вверх узкую морду, чтобы струи жидкости смыли остатки пищи,

прилипшие к его острым зубам. Потом, переваливаясь на четырех коротких лапах, выполз наружу и улегся на солнцепеке, чтобы послушать любимую музыку.

Банка краски

«Я снижался, совершая посадку на поверхность Венеры. Тормозные двигатели работали превосходно. Уж не снится ли мне все это? Но вот мой кораблик мягко опустился на дно неглубокой, сильно вытянутой лощины, поросшее ярко-зеленой травой. А минутой позже первый человек, достигший Венеры, вышел из ракеты и осторожно шагнул в сочное луговое пышнотравье».

Кэлгар сделал глубокий вдох — воздух пьянил, как вино. Кислорода, пожалуй, маловато, зато какие свежесть и сладость, какое ласковое тепло! Уж не попал ли он в рай? Кэлгар достал блокнот и записал впечатления. Ведь по возвращении на Землю каждое такое наблюдение пойдет на вес золота. А денег ему понадобится много…

Сделав запись, он спрятал блокнот — и тогда увидел куб. Тот лежал совсем рядом, чуть вдавившись в землю — так, словно упал с небольшой высоты. Этакий полупрозрачный кристалл с восьмидюймовым — на глаз — ребром; на одной из граней — нечто вроде ручки. Поверхность куба матово лучилась; так отражает свет полированная слоновая кость. Странная штуковина могла

быть чем угодно.

У Кэлгара имелось при себе несколько анализаторов, и он поочередно дотрагивался концами проводов до разных мест «хрустального куба». Тот не излучал ни электрической, ни атомной энергии, не был радиоактивен, не реагировал на пробы кислотами, не пропускал электрического тока и отражал пучки электронов высоких энергий.

Астронавт натянул резиновые перчатки и прикоснулся к тому, что могло служить ручкой. Ничего не случилось. Тогда он осторожно, почти нежно, ощупал поверхность куба.

Снова ничего. Наконец крепко сжал ручку пальцами, подумал, потом дернул вверх.

Кристалл легко оторвался от земли. Весил он, как прикинул Кэлгар, фунта четыре. Он вновь опустил куб на траву, чуть отступил и принялся внимательно наблюдать за непонятным предметом со все большим интересом и волнением, постепенно сознавая, что именно находится перед ним. Несомненно, куб являлся плодом чьей-то технической деятельности. А раз так, выходит, на Венере существует высокоразвитая жизнь. Целый год провел Кэлгар в унылом одиночестве космического пространства, мечтая о встрече с

любым живым существом. И вот теперь выясняется, что Венера населена!

Напряженно раздумывая, Кэлгар направился к кораблю. Надо было найти какой-нибудь здешний город. О расходе горючего теперь беспокоиться нечего — несомненно, запас можно будет пополнить там. Напоследок Кэлгар снова бросил взгляд на куб. На какой-то миг энтузиазм его поугас. Что, спрашивается, делать с этой штуковиной? Оставлять здесь — не имеет смысла: покинув эту лощину, он уже вряд ли сумеет найти ее снова. Однако в отношении любого предмета, вносимого внутрь корабля, следовало проявлять предельную осторожность. А вдруг куб подброшен сюда нарочно? Само это предположение показалось Кэлгару столь фантастичным, что сомнения разом рассеялись. Или почти. Пожалуй, еще несколько проверок произвести все же стоило. Он снял перчатку и легонько прикоснулся к ручке голыми пальцами.

— Во мне краска! — произнес загадочный куб.

Ахнув от удивления, Кэлгар отскочил. Потом осмотрелся по сторонам: поблизости ровным счетом никого. Он снова притронулся к ручке хрустального куба.

— Во мне краска!

Мозг Кэлгара работал ясно и четко. Сомнений не оставалось: говорил сам загадочный предмет. Кэлгар медленно выпрямился и теперь стоял, ошеломленный открытием, загипнотизированно вглядываясь в артефакт венерианской цивилизации. Чтобы вообразить технические возможности и интеллектуальные способности расы, додумавшейся до столь фантастической упаковки для краски, понадобилось немало времени. Мысль его воспарила в заоблачные выси и упорно не хотела возвращаться на землю; Кэлгар пребывал в глубоком оцепенении. Ведь среди всех творений человеческого разума не было ничего подобного изделию, с которым он столкнулся. Хотя удивляться, в сущности, нечему: подумаешь, говорящая банка с краской! По всей видимости, она оснащена каким-нибудь простеньким думающим устройством.

Кэлгар улыбнулся, его довольно-таки заурядная физиономия пошла сетью морщинок, серо-зеленые глаза заблестели, губы раздвинулись, приоткрыв белые зубы. Он искренне веселился. Банка краски! Само собой, ее содержимое состоит из иных компонентов, нежели цинковые белила, льняное масло и какой-нибудь сиккатив. Но это можно будет выяснить и потом. Пока же доволь-

но самого факта обладания. И пусть Кэлгару не удастся сыскать на Венере ничего больше, его путешествие оправдано уже одной этой находкой. Ведь наибольшую ценность представляют как раз предметы повседневного обихода. Кэлгар наклонился и решительно схватился за ручку.

Но стоило поднять банку, как сверкающая прозрачная жидкость брызнула ему на грудь, тотчас разлившись по комбинезону, — липкая, словно клей, но клей чрезвычайно текучий. Поначалу белая, краска на глазах стала менять цвета, проходя через все оттенки спектра — от красного до фиолетового. И когда Кэлгар наконец выпрямился, его комбинезон сиял всеми цветами радуги. Сперва это не столько встревожило, сколько разозлило.

Он принялся раздеваться. Под комбинезоном на нем были лишь шорты да легкая рубашка — и то, и другое сияло как фейерверк. Кэлгар сбросил их наземь и почувствовал, как жидкость стекает по коже: с рубашки краска успела полностью перейти на тело; валявшиеся рядом шорты также оказались девственно чистыми. Сверкающая краска все шире растекалась по коже, Кэлгар с остервенением пытался стереть ее рубашкой — тщетно; краска лишь пенилась, переливаясь

мерцающими цветами, да прилипала к пальцам.

Пятно краски быстро расползалось по телу, не растекаясь ручейками и не оставляя потеков. Казалось, это перемещается кусок пестрой шали. За десять минут Кэлгару так и не удалось снять с себя ни капли.

Вернувшись на корабль, астронавт схватился за химический справочник.

«Удаление краски, — вычитал он, — производится при помощи скипидара».

По счастью, скипидар в складном отсеке нашелся, хотя и немного. Кэлгар плеснул в пригоршню пахучей жидкости, но та без толку пролилась на землю — краска не позволила ей даже прикоснуться к себе.

Однако Кэлгар не собирался сдаваться. Поочередно он пытался отмыться газолином, вином и даже драгоценным ракетным топливом… Но все тщетно: переливчатое цветное пятно не реагировало ни с одним из этих веществ. Тогда он забрался в душевую, однако вода орошала лишь свободные от краски участки кожи, только они ощущали тонизирующий массаж тонких и острых струй, тело под краской было словно анестезировано.

В конце концов Кэлгар наполнил складную

походную ванну и по горло погрузился в воду. Пятно переползло на шею, подбородок, залепило рот и нос. Забраться внутрь оно, похоже, не могло, дышать становилось все труднее, однако Кэлгар крепился до тех пор, пока краска не стала закрывать глаза. Тут он не выдержал, выскочил из ванны и погрузил в воду голову. Краска медленно отступила к подбородку, но спускаться дальше не желала, хотя Кэлгар и окунал голову все глубже и старался удержать ее под водой как можно дольше.

Кэлгар раскинул на выдвижной койке надувной матрас и уселся, чтобы хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию. В сущности, история вышла комическая. И стань кому-нибудь известны ее подробности, Кэлгар неминуемо оказался бы посмешищем в глазах всей Солнечной системы. Он стал жертвой венерианской банки с краской, то ли забытой здесь, то ли кем-то брошенной… Причем краска эта может представлять смертельную опасность для любых живых существ: ведь не отступи она в конце концов — и Кэлгар задохнулся бы, как пить дать.

По спине у него побежали мурашки. Он представил себе ослепшего, задыхающегося человека, ощупью ищущего выход из штурманской рубки.

И даже убедившись, что вполне мог бы проделать в слое краски отверстия, позволяющие дышать, он все еще не мог успокоиться.

Прошло немало времени, прежде чем улеглась бившая Кэлгара нервная дрожь. Он сидел в оцепенении, лихорадочно и напряженно размышляя.

Плеснувшая на него из банки краска и не думала высыхать. Впрочем, она и не была жидкостью в обычном понимании, поскольку не впитывалась в одежду, не подчинялась закону всемирного тяготения, растекалась не только вниз, но и вверх, а также отталкивала любые другие жидкости. Кэлгар попытался разобраться, почему она обладает всеми этими свойствами. Водоотталкивающая — понятно, в идеале краска и должна быть такой. Но остальное…

Он вскочил и принялся расхаживать по рубке. На протяжении четверти века — с тех пор, как первые сверхракеты достигли Луны, а затем и полумертвого Марса — Венера являла собой наиболее заманчивую цель для всех космопроходцев. Однако любые экспедиции в этом направлении были запрещены — вплоть до появления кораблей, способных избежать опасности падения на Солнце, участи, уже постигшей два космолета. Неизбежность подобных катастроф была дока-

зана математически: существующие ракеты могли без риска достичь Венеры лишь при строго определенном ее положении в пространстве относительно Солнца, Земли и Юпитера.

Однако возникновения таких благоприятных условий в ближайшие два десятка лет не ожидалось. И лишь за полгода до полета Кэлгара известный астроном установил, что необходимое взаиморасположение планет произойдет в этом году. Его статья породила бурные дебаты в профессиональной среде. Разумеется, правительство не могло полагаться на особое мнение одного — пусть даже весьма авторитетного — ученого. Однако до Кэлгара дошло высказывание некоего высокопоставленного чиновника Космической патрульной службы: мол, дело приняло бы совсем иной оборот, решись кто-либо отправиться на Венеру на собственный страх и риск, — в подобном случае у него, чиновника, сыскалось бы достаточно единомышленников, чтобы выполнить все необходимые предварительные исследования и расчеты. В результате, когда Кэлгар на своем маленьком корабле стартовал к Венере, с размахом велась подготовка сразу нескольких экспедиций… на Марс.

От Венеры ждали сенсаций — но не столь зна-

чительных, как эта. Ибо раса, способная создать идеальную с любой точки зрения краску, уже одним только этим заслуживает более близкого знакомства.

Размышления Кэлгара были прерваны новым невероятным открытием, заставившим его встревоженно вскочить. Сверкая неисчислимыми оттенками, краска продолжала распространяться: если поначалу она покрывала не больше четверти поверхности тела, то теперь занимала уже добрую треть. Если так пойдет и дальше, рано или поздно она покроет Кэлгара с ног до головы, залепит ему глаза, рот, нос, уши — словом, все. Надо было срочно придумать способ избавиться от этой переливчатой пленки.

«Идеальная краска, — записал Кэлгар в своем блокноте, — должна обладать красивым цветом, быть нечувствительной к любым внешним воздействиям и — обязательно — легко удаляться».

Он мрачно перечитал последние слова, отложил карандаш и посмотрелся в зеркало.

— Ну, дела, — пробормотал он, обращаясь к собственному отражению, — это ж не я! Пестр, что твой цыган…

Всматриваясь в представшее его взгляду колористическое буйство, Кэлгар отметил, что

сама краска, собственно, оставалась невидимой, поскольку испускала яркий, отбрасывающий резкие тени свет. Она являла собой не цветное покрытие, а как бы жидкий свет, в переливах которого слились воедино все мыслимые оттенки. Причем ни яркость, ни пестрота отнюдь не оскорбляли вкуса, даже самого изысканного. Кэлгар развеселился, осознав, что не может глаз оторвать от этого невероятного явления. Однако в конце концов он все же отвернулся от зеркала.

«Если бы удалось зачерпнуть хоть немного краски и перелить ее в реторту, — подумал он, — можно было бы произвести анализ».

Кэлгар предпринял несколько попыток, но краска, охотно вливаясь в ложку, тут же стекала обратно, стоило оторвать ложку от кожи. Он попробовал удержать краску в ложке с помощью ножа, но безуспешно: та выскальзывала из-под лезвия, текучая, словно масло. Кэлгару явно не хватало силы и ловкости, чтобы достаточно плотно прижать лезвие ножа к ложке. Он попробовал было воспользоваться предназначенным для отбора проб черпачком с резьбовой крышкой, но тот оказался слишком круглым и маленьким; к тому же завинчивание крышки занимало чуть ли не минуту.

Кэлгар без сил опустился в кресло. Он чувствовал, что заболевает. Мысли путались. Лишь некоторое время спустя он вновь обрел способность рассуждать трезво.

Ему все-таки удалось набрать в черпачок немного краски — что-то около чайной ложки. По логике вещей, теперь следовало тем же способом очистить и всю поверхность тела. Однако краски на нем, судя по всему, не меньше пятисот таких доз. На снятие каждой из них уходит больше двух минут. Итого тысяча минут — почти семнадцать часов!

Кэлгар жалко улыбнулся. Семнадцать часов! Вдобавок за этот срок ему хоть пару раз да понадобится поесть — вот тебе еще час… И тут он ощутил голод — пожалуй, самое время подкрепиться.

За завтраком он обдумывал случившееся со спокойствием человека, нашедшего одно из решений проблемы и теперь имеющего право позволить себе поразмыслить над другими вариантами.

Семнадцать часов — это слишком много. Теперь, когда ему удалось заключить немного краски в черпачок, ее можно исследовать; возможно, откроется дюжина более радикальных способов избавиться от загадочной напасти.

Возможно, в лучше оборудованной лаборатории это и оказалось бы Кэлгару по силам, но корабельная была слишком убога. Удалось лишь установить, что краска абсолютно инертна — ни с чем не смешивается механически и не реагирует химически; не поддавалась она и термическому воздействию — не горела и не замерзала.

— Естественно, — со злостью признал в конце концов Кэлгар. — Если это идеальная краска, то именно так и должно быть!

Он взялся за дело и постепенно настолько навострился, что некоторое время спустя соскабливание краски с кожи в черпачок и завинчивание крышки стало занимать от силы секунд сорок пять. Он так углубился в это занятие, от результатов которого зависело слишком многое, что успел уже наполовину заполнить краской колбу, прежде чем заметил нечто потрясшее его до глубины души: краски на теле оставалось столько же, сколько и в начале процедуры.

Кэлгар оцепенел. Дрожащими руками он замерил количество краски в колбе. Он собрал все или почти все, что плеснуло из венерианской банки, в этом можно не сомневаться. Но и количество краски на теле от этого не уменьшилось. Похоже, она ко всему обладала еще способностью вос-

станавливать пострадавшую от чего-либо часть покрытия.

Кэлгар пополнил столь ценным наблюдением список свойств венерианской краски.

И к этому времени заметил, что не может свободно потеть: капельки влаги проступали на коже лишь в местах, не покрытых переливчатой дрянью. Интенсивная работа разогрела Кэлгара, а краска лишала организм возможности полноценной теплоотдачи. Астронавт чувствовал, как прямо-таки распаляется от внутреннего жара. Он ужаснулся.

«Надо любой ценой убраться отсюда, — подумал он, — отыскать ближайший венерианский город и раздобыть растворитель, способный совладать с этой психованной жижей».

Ему было уже наплевать, станут над ним смеяться или нет. Кэлгар кинулся в штурманскую рубку и уже схватился было за рычаги управления, но в последний миг что-то удержало его. Ведь чертов куб сам заявил: «Во мне краска». Значит, там могут быть заключены и сведения, необходимые для использования содержимого, в том числе и его удаления.

— Ну и дурак! — сказал себе Кэлгар, поднимаясь с пилотского кресла. — Как же я сразу не

сообразил!

Хрустальный куб валялся на траве в том самом месте, где Кэлгар оставил его. Стоило астронавту прикоснуться к кристаллу, как тот заговорил:

— Я полон краской на четверть.

Значит, на Кэлгара выплеснулось три четверти содержимого сосуда. Обстоятельство немаловажное.

— Инструкция: разместить банки с краской вокруг подлежащей покраске поверхности, после чего приступить к работе, — продолжал излагать куб. — Краска высохнет, как только поверхность будет покрыта ею полностью. Краска удаляется при помощи затемнителя, который следует приложить к окрашенной поверхности, плотно прижать и выдержать в таком положении в течение одного терарда.

Последнего слова Кэлгар не понял, но что какая-то мера времени — разумеется, ясно.

— Затемнитель, — продолжал между тем куб, и только теперь до Кэлгара дошло, что голос не звучит, а передается непосредственно в мозг, — можно приобрести в ближайшем магазине москательных товаров или скобяных изделий.

— Замечательно, — Кэлгар почувствовал прилив бешенства. — Остается только сбегать в лавку

и купить затемнитель!

Впрочем, высказавшись, он заметно успокоился. Слава богу, он попал в практичный мир москательных лавок, а не восьминогих жукоглазых монстров, которыми люди давно уже пугают собственное воображение. Существа, изготовляющие идеальную краску и торгующие ею, наверняка не примутся сразу же пытать пришельца с Земли, — ясно, как божий день. Воображение Кэлгара тут же нарисовало картину упорядоченного, отлично организованного мира — скорее всего, не имевшую ничего общего с реальностью. Естественно, не все обитатели космоса полны априорной симпатии к представителям рода людского; впрочем, последние тоже умеют ненавидеть… Судя по краске и кубу, в который она упакована, приходится признать, что цивилизация Венеры стоит на более высоком уровне, чем земная. Если допустить, что венериане обнаружили корабль Кэлгара еще до посадки, то им могло прийти в голову предложить пришельцу некие тесты. И фантастическая краска, в которую он по уши вляпался, могла играть в этом тестировании не последнюю роль.

Однако все эти рассуждения, вне зависимости от их справедливости или ошибочности, не

могли приостановить внутреннего разогрева организма, покрытого непроницаемым слоем краски. Нужно было попытаться постичь образ мышления венериан. Кэлгар осторожно поднял кристалл.

— Согласно государственному стандарту, — мысленно проинформировал его куб, — краска состоит из следующих компонентов:???? — семь процентов,???? — тринадцать процентов, сжиженный свет — восемьдесят процентов.

— Сжиженный — что? — опешил Кэлгар.

Куб продолжал, игнорируя вопрос:

— Внимание! Хранение краски поблизости от горючих материалов и летучих веществ категорически запрещено!

Вопреки ожиданиям Кэлгара никаких дополнительных разъяснений не последовало. Похоже, венериане привыкли подчиняться инструкциям без рассуждений. Но ведь Кэлгар уже пробовал соединять краску и с летучими веществами вроде эфира, и со скипидаром, и с газолином, и даже с ракетным топливом, однако ничего страшного не произошло. Вообще ничего не произошло. Либо инструкцию составлял перестраховщик, либо все это означает нечто совершенно иное.

Прихватив с собой куб, Кэлгар вернулся на

корабль и сел за пульт управления. Он положил руку на гладкую головку пускового рычага и передвинул его вперед — щелкнув, тот зафиксировался в крайнем положении. Потом, в ожидании, пока автомат запустит двигатель, Кэлгар застегнул привязные ремни. Но двигатель молчал.

В этом молчании Кэлгару почудилось грозное предостережение. Предостережение исходило от некой живой и могучей силы, влияние которой астронавт, казалось, ощущал всем своим существом. Он оттянул пусковой рычаг на себя, потом снова перевел в рабочее положение. Зажигания так и не произошло.

Кэлгар тяжело дышал.

— Внимание! — ни с того ни с сего повторил лежащий на полу куб. — Хранение краски поблизости от горючих материалов и летучих веществ категорически запрещено!

Вот оно! Все наоборот: это инертное вещество, похоже, лишило восемнадцать тысяч галлонов топлива способности к воспламенению. И все потому, что Кэлгар из экономии слил обратно в бак те полпинты горючего, которыми пытался оттереть краску.

Кэлгар включил рацию. Еще находясь в

нескольких миллионах миль от Венеры, он впервые попытался послать к цели своего полета радиосигнал. Однако ответа не дождался: в эфире царила не нарушаемая ни единым искусственным сигналом тишина. Но ведь высокоразвитая цивилизация не может не знать радио! Неужто они не отзовутся на призыв о помощи?

Добрых полчаса сигналы понапрасну уходили в эфир. Приемник безнадежно молчал. Ни в одном диапазоне не было слышно ни единого осмысленного звука. Он был совершенно один в этом Богом забытом углу — если не считать агрессивной, самовосстанавливающейся, переливающейся всеми цветами, сводящей с ума краски.

Жидкий свет… Затемнитель… Черт возьми! Может, она сияет не собственным, а отраженным светом? И если свет погасить… Кэлгар еще держал палец на выключателе, когда вдруг заметил, что снаружи царит полнейшая тьма. Входной люк был открыт, Кэлгар высунулся из него и посмотрел на черное, беззвездное небо. Ночь и облака, столь характерные для Венеры, породили поистине кромешный мрак. Днем из-за близости планеты к светилу облака лишь слегка приглушали сияющий солнечный свет, но сейчас все обстояло иначе. Разумеется, какая-то толика све-

та сюда все равно доходила — никакая планета, столь близкая к центральному светилу, не может быть полностью лишена света и энергии. Селеновый фотометр еще на подлете регистрировал их возрастание с точностью до одной стотысячной.

Оторвавшись от созерцания небосвода, Кэлгар обнаружил, что пол штурманской рубки сияет — источником этого света служила все та же краска. Выходит, она не только отражает свет? Неприятно удивленный, он выбрался наружу и отошел от ракеты настолько, чтобы на него не попадал свет, падавший из открытого люка. Во тьме тело Кэлгара мерцало и переливалось феерической пляской огня, на влажной от росы траве играли многоцветные блики. Похоже, его труп будет являть собой великолепное зрелище…

Кэлгар представил себе, как тело его, с ног до головы покрытое краской, лежит на полу рубки. Или здесь, на траве. Возможно, со временем венериане натолкнутся на мертвого пришельца и примутся гадать, кто он такой и откуда.

Судя по всему, венериане не пользуются радиосвязью. Или все-таки пользуются, но сознательно избегают контактов с людьми?

Кэлгар лихорадочно пытался сосредоточиться на поиске решения, но тщетно. Он вернулся в

ракету. Его мучила какая-то неоформившаяся мысль, скорее даже ощущение. Он должен был что-то сделать. Но что? Ах да, радио! Он быстро настроил приемник. И вдруг подскочил, потрясенный — из динамика раздался странный, нечеловеческий голос:

— Пришелец с планеты, именуемой Земля! Пришелец с планеты, именуемой Земля! Ты слушаешь?

Кэлгар приник к динамику, одновременно включив передатчик.

— Да! — ликующе крикнул он. — Да! Я слушаю! Но я попал в ужасное положение! Приходите скорее!

— Мы знаем о твоем положении, — ответил бесцветный механический голос. — Но отнюдь не собираемся помогать.

Кэлгар в отчаянии ахнул.

— Банку с краской, — продолжал голос, — сбросил перед самым люком твоей ракеты корабль-невидимка — всего через несколько секунд после твоей посадки. Вот уже несколько тысячелетий мы, которых вы именуете венерианами, с растущим беспокойством наблюдаем за развитием цивилизации на третьей планете Солнечной системы. Наше общество не знает

тяги к приключениям, а истории Венеры не ведомо само понятие войн. Это не значит, что нам неизвестны трудности и борьба за существование. Наши организмы отличаются чрезвычайно медленным темпом обмена веществ, и уже в далеком прошлом наши психологи установили неспособность венериан к космическим полетам. Поэтому мы сконцентрировали силы на выработке собственного, венерианского образа жизни — и преуспели в этом. С момента появления твоего корабля в атмосфере планеты перед нами встал вопрос: на каких условиях можно вступить в контакт с людьми. Мы решили оставить банку с краской в таком месте, где ты сразу же должен был на нее наткнуться. А если нет, мы отыскали бы другой способ провести тебя через тест. Твоя догадка верна: ты был и остаешься подопытным объектом. Результат пока неутешителен: разумные существа с подобным твоему и даже несколько более высоким уровнем интеллекта должны удаляться с Венеры. Разработка системы тестов для принципиально отличающихся от нас обитателей Вселенной представляла исключительно трудную задачу, но мы с ней справились. Твое же мнение о нашем тесте не имеет ни малейшего значения, поскольку тебе суждено умереть.

Лишь в этом случае другие земляне, те, что придут вслед за тобой, окажутся в полном неведении и могут быть успешно подвергнуты этому или подобному испытанию. Мы же вступим в контакт лишь с разумным существом, вышедшим из предложенной ситуации победителем. Тогда мы дополнительно исследуем его уже с помощью приборов, чтобы на основании результатов тестирования и обследования решить, как строить свои отношения с расой, приславшей его к нам. Все мыслящие существа с интеллектом, равным или превосходящим первого, успешно прошедшего тестирование, смогут свободно посещать нашу планету. Решение это окончательное и изменению не подлежит. Исследуемый субъект должен суметь самостоятельно покинуть Венеру. Если это ему удастся — в дальнейшем между нашими расами возможно сотрудничество, например, в усовершенствовании космических кораблей. Мы говорим с тобой при помощи специальной машины, поскольку сами не пользуемся звуковой речью. Те несложные мысленные сообщения, которые передавала тебе банка краски, выполненная в форме хрустального куба, — результат деятельности куда более сложного устройства, поскольку осуществление мысленного контакта

с венерианским мозгом невероятно трудно. А теперь — прощай! И как ни странно это звучит, желаем удачи!

В динамике послышался характерный треск, потом все смолкло; Кэлгар лихорадочно крутил ручки настройки, но не смог извлечь из приемника ни единого звука.

Выключив рацию, он сел ждать смерти.

Но в то же время все его существо переполняла жажда жизни.

«Затемнитель, — вспомнил он. — Что же это такое?»

Кэлгар и раньше ломал над этим голову, но теперь заново пересмотрел все свои записи и результаты анализов; на это ушел битый час.

Идеальная краска, на восемьдесят процентов состоящая из жидкого света! Что ж, свет есть свет, он и в сжиженном виде должен подчиняться тем же законам природы. Впрочем, должен ли? Идеальная краска, способная… Хватит! Сознание Кэлгара пасовало перед новым и новым перебором одних и тех же данных. Он чувствовал себя разбитым и с трудом подавлял тошноту.

Внутренний жар сжигал его, как при горячке. Кэлгар окунул ноги в таз с холодной водой — может, если охлаждать организм таким образом,

кровь все-таки не закипит?

Правда, опасность неограниченного возрастания температуры ему не угрожала — это он сознавал. Ведь помимо всего прочего существует и верхний предел температуры человеческих и вообще любых живых организмов. Важно лишь не подпитывать организм дополнительной энергией; придется отказаться от обычной пищи, ограничившись лишь витаминными таблетками, чтобы не подкидывать в топку лишних калорий. Главная опасность заключалась в ином: кожа Кэлгара практически лишилась возможности дышать, поскольку большую часть тела покрыла непроницаемая пленка. Как быстро это может его убить, Кэлгар точно не знал.

Подобная неопределенность отнюдь не способствовала душевному равновесию. Но вот что странно: именно сейчас, когда он уже почти смирился со своей участью, смерть отнюдь не спешила.

И вдруг его как током ударило — не спешила! Он вскочил, включил свет и кинулся к зеркалу.

Внимательное изучение собственного отражения убедило, что за последний час покрытая краской площадь не увеличилась. Это был как раз тот час, что Кэлгар провел в темноте, рассеивае-

мой лишь сиянием, излучаемым его собственным телом. Отпадать краска, разумеется, и не думала — конечно же, ведь она должна быть рассчитана на мрак венерианской ночи. Но площадь покрытия не увеличилась. А если попробовать полную тьму? Например, забраться в пустой топливный танк?

Он провел там полчаса. И хотя очевидного результата опыт не дал, у Кэлгара созрел окончательный вывод: именно полная темнота является единственным средством решения проблемы. И единственным путем спасения.

Но ведь тогда горючее во тьме танков уже освободилось бы от убийственного воздействия попавшей в него краски. А может, так оно и есть?

Кэлгар включил зажигание. Тишина — двигатели по-прежнему молчали. Значит, в рассуждение вкралась ошибка.

«Вся проблема, — подумал Кэлгар, — сводится к удалению из состава краски этих самых восьмидесяти процентов жидкого света — при помощи полной темноты или каким-либо иным способом».

Однако более абсолютной тьмы, чем в пустом топливном танке, куда не проникает ни единого

фотона, ему не получить, это в принципе невозможно. Где же кроется эта проклятая ошибка?

И тут его осенило: конечно! Свет снаружи не может проникнуть в бак. Но его не может и покинуть свет, излучаемый краской! Ее сияние отражается от стен и возвращается к краске, вновь впитывающей его лучи. Но нельзя же убрать стены…

Радость Кэлгара погасла. Получается заколдованный круг: либо краску подпитывает свет извне, либо она не может избавиться от собственного. Нет, все-таки придется еще поломать голову… Тем более что во тьме краска не распространяется по телу, тем самым предоставляя необходимую отсрочку.

Так проходили часы. И вдруг решение явилось — само собой и совершенно неожиданно.

Месяцем позже, уже направляясь к Земле, Кэлгар поймал радиосигнал встречного космического корабля. Когда связь стала устойчивой, Кэлгар рассказал обо всем, что приключилось на Венере.

— …Так что не ждите никаких осложнений после посадки, — закончил он. — Венериане сами поднесут вам ключи от своих разноцветных городов.

— Погоди, погоди, — с сомнением в голосе отозвался пилот встречной ракеты. — Если я правильно понял, они допустят к себе людей с интеллектом не менее высоким, чем у того, кто успешно прошел тест. Если тебе это удалось, значит, ты обладаешь очень развитыми способностями. Но мы-то самые заурядные люди, так на что же нам рассчитывать?

— Я никогда не мог похвастаться высоким айкью — как и большинство профессиональных астронавтов, и единственные мои дарования — это энергичность и любовь к приключениям, — скромно ответил Кэлгар. — И раз уж вышло так, что именно я являюсь для вас эталоном пропуска на Венеру, то должен откровенно признать: по самым скромным оценкам, девяносто девять процентов обитателей нашей планеты соответствуют венерианским требованиям.

— Да, но…

— Только не спрашивай, — перебил Кэлгар, — почему их тесты столь примитивны. Может, сам поймешь, когда встретишься с ними. Причем, — тут он нахмурился, вспоминая, — ты отнюдь не придешь от них в восторг, дружище. Зато первый же взгляд на их многоногие и многорукие тела объяснит тебе, почему создание тестов для

совершенно отличных от них существ стоило венерианам такого труда. Могу я быть еще чем-нибудь полезен?

— Да! Как ты, собственно, избавился от этой краски?

— Селеновые фотоэлементы и соли бария. Я забрался в топливный танк, захватив с собой селеновый фотоэлементный преобразователь и латунный сосуд с барием. В конце концов они поглотили содержащийся в краске свет. И тогда от нее остался лишь бронзовый порошок, сам собою осыпавшийся на пол. Тем же способом я вернул энергию горючему — и стал свободным человеком. Ну, пока! — Кэлгар радостно рассмеялся. — До встречи! Я спешу — у меня на борту груз, который надо побыстрее распродать.

— Груз? Какой?

— Краска! Тысячи хрустальных кубических банок с краской — самой великолепной в мире. Земля станет воистину прекрасной! К тому же я получил право исключительного представительства...

Два космических корабля разминулись во мраке межпланетного пространства, направляясь в противоположные стороны — каждый к своей цели.

Усыпальница зверя

Чудовище ползло, скуля от страха и боли. Бесформенная, аморфная плазма, меняющая структуру и форму при каждом резком движении, ползла по коридору космического корабля, борясь с неудержимым стремлением принимать форму окружающего. Серый пузырь переливающейся субстанции то полз, то катился, то тек в непрерывной стремительной борьбе с неестественным желанием принять какую-нибудь твердую форму. Любую форму: жесткой холодно-голубой металлической стены мчащегося к Земле корабля или толстого каучукового пола. С полом дело обстояло проще, труднее было сопротивляться притяжению металла. Существо с легкостью могло бы стать металлом на целую вечность.

Но что-то делало это невозможным — какой-то внушенный приказ. Приказ, как барабан стучащий в каждой его частице, с равномерной интенсивностью пульсирующей в каждой клетке: найти величайшего математика всей Солнечной системы и привести его к вратам усыпальницы, построенной из марсианского

суперметалла. Великий должен быть освобожден. Замок с часовым механизмом, связанный с простым числом, должен быть открыт.

Именно это и было приказом, воздействующим на составные части существа. Приказом, который великие и злые создатели ввели в его элементарное сознание.

В конце длинного коридора что-то шевельнулось. Открылась дверь, и послышался звук шагов. Шагов посвистывающего мужчины. С металлическим посвистом, почти вздохом существо расплылось, уподобившись на мгновение луже ртути, после чего приобрело цвет коричневого пола, стало полом, небольшим утолщением на темно-коричневой каучуковой плоскости.

Оно словно пребывало в экстазе. Именно этого ему и хотелось: лежать, иметь форму и быть почти мертвым, чтобы вообще не чувствовать боли. Смерть была чем-то желанным и благословенным, а жизнь — невыносимой мукой. Пусть бы приближающееся живое существо удалилось как можно скорее: если оно задержится — навяжет ему свою форму. Жизнь это умеет, она сильнее металла. И это будет значить мучение, борьбу, боль.

Существо напрягло свое тело — плоское теперь

и гротескное, — которое, однако, в любой момент могло напрячь стальные мускулы и ждало смертельной борьбы.

Перелли, механик экипажа космического корабля, радостно посвистывал, шагая по сверкающему коридору к машинному отделению. Он только что получил из больницы радиограмму: «Жена чувствует себя хорошо. Мальчик. Четыре кило». С трудом он подавил в себе желание кричать и танцевать от радости. Мальчик! Жизнь была прекрасна.

Существо на полу почувствовало боль: первичную боль, заполнившую его части, как разъедающая кислота. Коричневый пол дрожал каждой своей частицей, когда Перелли шагал по нему. Существо испытывало безумное желание последовать за человеком и принять его форму. Со страхом боролось оно с этим стремлением, все более сознательно, поскольку могло уже мыслить, пользуясь мозгом Перелли. Утолщение на поверхности пола покатилось следом за мужчиной.

Сопротивление не помогло. Утолщение выросло до размеров пузыря, на мгновение обретя форму человеческой головы. Она издала металлический звук, зашипела от страха, после чего

опала, содрогаясь от ужаса, боли и ненависти, в то время как Перелли быстро удалялся — слишком быстро для ползущей твари. Писк смолк. Существо вжалось в коричневый пол и лежало неподвижно, дрожа от неудержимого желания жить, несмотря на боль и страх. Жить и выполнять волю своих создателей.

Пройдя десять метров, Перелли остановился, освободившись от мыслей о жене и ребенке. Он повернулся и неуверенно посмотрел в коридор, ведущий в машинное отделение.

— Что за черт? — вслух выразил он свое удивление.

Какой-то странный, слабый, но пугающий звук эхом отразился в его сознании. Мурашки побежали по спине. Дьявольское эхо!

Так он стоял, этот рослый, атлетически сложенный мужчина, обнаженный до пояса, потный от жара ракетных двигателей, тормозивших космический корабль, который возвращался на Землю с Марса. Он вздрогнул и, сжав кулаки, медленно двинулся обратно тем же путем, каким пришел.

Существо дрожало, чувствуя притяжение, бывшее для него настоящей пыткой, раздиравшей каждую его возбужденную клетку. Постепенно оно понимало неизбежность принятия живой

формы.

Перелли нерешительно остановился. Пол зашевелился под его ногами: отчетливо волнистая коричневая выпуклость поднималась перед ним и росла в пузыреобразную, шипящую массу. Отвратительная демоническая голова возвышалась над рахитичными получеловеческими плечами. Шишковатые ладони, растущие из обезьяньих, деформированных рук, вцепились в лицо Перелли, как когти, и дергали его, одновременно не переставая изменять своей формы.

— О боже! — воскликнул мужчина.

Стискивающие его ладони становились все более нормальными, все более человеческими — смуглыми, мускулистыми. Лицо приобрело знакомые черты — на нем вырос нос, появились глаза и красная полоска губ. Вся фигура стала вдруг как две капли воды похожей на него: те же брюки, пот и все прочее.

— …Боже! — повторил двойник, с невероятной силой цепляясь за Перелли жадными пальцами.

С трудом переводя дыхание, Перелли освободился от захвата и нанес сокрушительный удар прямо в это искривленное лицо. Чудовище вскрикнуло, повернулось и бросилось бежать, теряя человеческий облик, противясь этому и

издавая нечленораздельные крики. Перелли погнался за ним — ноги у него были как ватные, он дрожал от панического страха и сомнения в собственной нормальности. Вытянув руку, он дотянулся до исчезающих уже брюк чудовища и рванул. В руках у него остался холодный, скользкий, извивающийся кусок, похожий на мокрую глину. Это было уже невыносимо. От отвращения его затошнило, колени подогнулись. Сзади донесся крик пилота:

— Что случилось?

Перелли заметил открытую дверь склада, заскочил на секунду внутрь и вновь появился, держа наготове атомный пистолет. Пилот с бледным лицом и вытаращенными глазами замер у огромного иллюминатора.

— Там! — крикнул он.

Серый пузырь распластался в углу иллюминатора, становясь стеклом. Перелли бросился к нему, целясь из пистолета, но волнистое утолщение вошло в стекло, затемнив его, а затем пузырь появился с другой стороны, в холоде космоса. Офицер остановился рядом с Перелли, и оба смотрели, как серая бесформенная масса ползет вдоль боковой стены мчащегося корабля, исчезая из поля зрения.

Перелли опомнился.

— У меня есть кусок этого! — крикнул он, — Я бросил его на пол на складе.

На брошенный обрывок наткнулся лейтенант Мортон. Микроскопический кусок пола поднялся, а потом вырос до удивительных размеров, пытаясь принять облик человека. Перелли с бегающими безумными глазами подцепил чудовище совком. Существо зашипело, оно уже почти стало частью металлического совка, но измениться до конца ему не удалось, поскольку человек был слишком близко.

Перелли стоял на дрожащих ногах перед своим начальником, держа в руках совок, и истерически смеялся.

— Я коснулся его, — повторял он раз за разом. — Я коснулся его…

Когда корабль вошел в земную атмосферу, на его внешней поверхности шевельнулся пузырь металла, подавая вялые признаки жизни. Металлические стены разогрелись до красноты, затем побелели, однако не поддающееся температуре существо продолжало медленное превращение в серую массу. Оно смутно понимало, что пришло время действовать.

Оторвавшись от корабля, оно начало медленно

падать, как будто не подчиняясь притяжению Земли. Незначительное изменение в строении атомов вызвало ускорение падения, словно существо вдруг стало более податливым к действию гравитации. Земля внизу была зеленой, город, плохо видимый из-за расстояния, сверкал в лучах заходящего солнца. Существо замедлило скорость и теперь снижалось, как падающий лист в объятиях ветра, ко все еще далекой поверхности Земли. Приземлилось оно у моста, на окраине города.

Какой-то мужчина шел по мосту быстрым, нервным шагом. Он бы очень удивился, если бы обернулся и увидел своего двойника, выбирающегося из рва и бодро двигающегося за ним следом.

Найти — величайшего — математика!

Это было часом позже. Идя по улице, полной народа, чудовище испытывало постоянную боль от этой мысли. Страдало оно и по другим причинам: приходилось бороться с притяжением этой напирающей со всех сторон, спешащей человеческой массы, которая кишела вокруг, не замечая его. Теперь, когда у него были тело и разум человека, стало гораздо легче думать и удерживать неизменную форму.

Найти — математика!

«Зачем?» — родился вопрос в человеческом теперь мозгу. Чудовище содрогнулось, потрясенное такой ересью. Его серые бегающие глаза тревожно поглядывали по сторонам, как будто оно ждало встречи с внезапной и страшной гибелью. Черты его слегка размазались, уподобляясь поочередно обличью мужчины с крючковатым носом, который прошел мимо, или загоревшему лицу высокой женщины, вглядывавшейся в витрину магазина.

Этот процесс продолжался бы и дальше, если бы чудовище не отогнало страх и заставило себя принять облик гладко выбритого молодого человека, лениво вышедшего из боковой улочки. Мужчина взглянул на него, отвернулся, потом снова повернулся, удивленный. Чудовище уловило его мысли: «Черт возьми, я уже где-то видел этого типа!»

Приближалась группа женщин. Существо отодвинулось в сторону, когда они проходили мимо. На мгновение оно потеряло контроль над своими внешними клетками, и коричневый костюм приобрел слабый голубой оттенок — цвет ближайшего платья. Голова у него кружилась от шелеста платьев и щебетания: «Скажи сама,

дорогая, разве она не уж-жасно выглядит в этой уж-жасной шляпке?»

Напротив тянулась шеренга гигантских зданий. Чудовище кивнуло головой. Это сборище зданий означало присутствие металла, а сила, связующая атомы металла, действовала бы и на его человеческий облик. Существо понимало суть этого явления с помощью разума худого мужчины в темном костюме, сонно тащившегося по улице. Он был служащим. Чудовище приняло его мысли: человек с завистью думал о своем шефе, Джиме Брендере из фирмы «Дж. П. Брендер и К°».

Это заставило существо резко повернуть и пойти следом за Лоуренсом Пирсоном, бухгалтером по профессии. Если бы пешеходы обратили на это внимание, их удивил бы вид двух Лоуренсов Пирсонов, идущих друг за другом с интервалом метров в пятнадцать. Второй Лоуренс Пирсон, изучая память первого, узнал, что Джим Брендер является выпускником факультета математики, финансов и политической экономии Гарварда, последним из длинной череды финансовых гениев, тридцатилетним мужчиной и шефом колоссально богатой фирмы «Дж. П. Брендер и К°».

«Мне тоже тридцать, — мысли Пирсона эхом отражались в мозгу создания, — но у меня нет

ничего. Брендер имеет все, а мне придется жить в одном и том же старом пансионе до конца жизни».

Уже темнело, когда оба проходили по мосту. Чудовище ускорило шаги, агрессивно выдвигаясь вперед. Видимо, в последний момент какое-то неясное предчувствие возникло у его жертвы, потому что худощавый мужчина повернулся, тихо вскрикнув, когда стальные пальцы стиснули его горло. Мозг чудовища отключился, когда угасло сознание Лоуренса Пирсона. С трудом переводя дыхание и борясь с распадом, чудовище наконец овладело собой. Схватив мертвое тело, оно перебросило его через бетонную балюстраду. Внизу раздался всплеск, а потом бульканье.

Существо, ставшее теперь Лоуренсом Пирсоном, шло сначала быстро, потом все медленнее, пока не добралось до огромного кирпичного здания, построенного в разных стилях. С беспокойством посмотрело оно на номер, сомневаясь, не подводит ли его память. Потом осторожно открыло двери. Из дверей хлынул поток желтого света, и чей-то смех завибрировал в чувствительных ушах существа. Здесь так же, как и на улице, царил хаос различных мыслей, появляющихся в головах людей. Существо защищалось от наплы-

ва этих чужих мыслей, грозящих ему утратой личности Лоуренса Пирсона. Оно оказалось в просторном, светлом холле, откуда через открытую дверь виден был накрытый для ужина стол, вокруг которого сидели несколько человек.

— А, это вы, мистер Пирсон, — сказала хозяйка, занимавшая почетное место во главе стола.

Это была женщина с острым носом и узкими губами. Чудовище некоторое время внимательно смотрело на нее, перехватив мысли женщины. Ее сын был учителем математики в гимназии. Впрочем, существо это не заинтересовало, оно мгновенно поняло, что сын этой женщины был таким же интеллектуальным нулем, как и его мать.

— Вы пришли как раз вовремя, — равнодушно сказала она. — Сара, принеси тарелку для мистера Пирсона.

— Спасибо, я не голоден, — ответило существо, мысленно смеясь: это было чувство, до сих пор ему не известное. — Пожалуй, пойду лягу.

Всю ночь оно пролежало на постели Лоуренса Пирсона с открытыми глазами, все лучше познавая себя.

«Я машина, — думало оно, — без собственного мозга, и могу только использовать мозг человека.

Но каким-то необъяснимым образом мои создатели позволили мне быть чем-то большим, чем просто чьим-то эхом. Я использую человеческий мозг для достижения своей цели».

При мысли о создателях страх захлестнул его. Это было ужасное туманное воспоминание о физической боли, наступающей при распаде вещества его тела.

Существо встало на рассвете и бродило по городу до половины десятого, оказавшись к этому времени перед внушительными мраморными воротами фирмы «Дж. П. Брендер и К°». Войдя внутрь, оно уселось в удобное кресло с инициалами «Л. П.» и прилежно трудилось над счетными книгами, отложенными накануне Лоуренсом Пирсоном.

В десять часов высокий молодой человек в темном костюме появился в коридоре с арочным потолком. Энергичным шагом он миновал ряд конторских помещений, улыбаясь при этом со спокойной уверенностью в себе. Существу вовсе не требовался хор, исполнивший «Добрый день, мистер Брендер», чтобы понять: появилась его добыча. Оно встало гибким пружинистым движением, которое было бы не под силу настоящему Лоуренсу Пирсону, и быстро направилось

в туалет.

Минутой позже в дверях появился двойник Джима Брендера и спокойно двинулся в сторону кабинета, где несколько минут назад исчез настоящий Брендер. Он постучал в дверь, вошел и понял сразу три вещи. Во-первых, что нашел именно того человека, за которым был отправлен. Во-вторых, что его разум не в состоянии скопировать быстро и точно действующий мозг молодого человека, который удивленно смотрел на него темно-серыми глазами. И в-третьих, что на стене кабинета висит огромный металлический барельеф.

Потрясенное, испытывая головокружение, существо чувствовало притяжение металла. С первого же взгляда оно поняло, что это суперметалл — порождение великого мастерства древних марсиан, города которых, возведенные из металла, полные бесценной мебели, произведений искусства и механических устройств, раскапывались сейчас предприимчивыми землянами из-под слоя песка, под которым лежали погребенные тридцать или даже пятьдесят миллионов лет. Суперметалл! Металл, не нагревающийся при любой высокой температуре; металл, который ни алмаз, ни какой-либо другой режущий

инструмент не могли даже поцарапать; металл, который никогда не смогут создать люди, такой же таинственный, как сила иеис, которую марсиане черпали как бы ниоткуда.

Все эти мысли клубились в голове чудовища, пока оно изучало закоулки памяти Брендера. Наконец существо с трудом отвлеклось от металла и уставилось на мужчину. В мыслях у того было безмерное удивление.

Брендер встал.

— Боже мой, — сказал он. — Кто вы?

— Меня зовут Джим Брендер, — ответил двойник, осознав мрачный комизм ситуации. Одновременно он понял, что это чувство постепенно развивается в нем.

Настоящий Джим Брендер уже пришел в себя.

— Пожалуйста, садитесь, — любезно пригласил он. — Воистину это самое удивительное совпадение в моей жизни.

Он подошел к зеркалу, украшавшему левую стену кабинета, и посмотрел сначала на свое отражение, потом на двойника.

— Удивительно, — сказал он. — Просто не верится.

— Мистер Брендер, — сказал пришелец, — я видел ваш снимок в газете и подумал, что, воз-

можно, это невероятное сходство заставит вас выслушать меня, поскольку иначе вы едва ли захотите иметь со мной дело. Я только что вернулся с Марса и пришел сюда, чтобы уговорить вас отправиться туда вместе со мной.

— Это невозможно, — последовал ответ.

— Минуточку, подождите, пока я изложу вам причину, — сказал гость. — Вы когда-нибудь слышали о Башне зверя?

— О Башне зверя? — повторил задумчиво Брендер.

Потом обошел стол и нажал кнопку.

— Слушаю, шеф? — донесся голос из небольшого ящичка.

— Дэйв, мне нужны все данные о Башне зверя и легендарном городе Ли, в котором она якобы находится.

— Их вовсе незачем искать, — последовал ответ. — В большинстве марсианских легенд упоминается о том, что зверь этот свалился с неба, когда Марс был еще молод. С этим событием связывалось какое-то страшное пророчество, а причины виделись в появлении зверя из подпространства. Его нашли в бессознательном состоянии. Марсиане прочли его мысли и были настолько поражены намерениями, записан-

ными в его подсознании, что попытались убить зверя, однако это не удалось. Тогда они построили огромную усыпальницу — около пятисот метров диаметром и полтора километра высотой, — поместили в нее зверя, вероятно имевшего именно такие размеры. Было уже несколько попыток найти город Ли, но без результата. Всеми признается, что это лишь миф. Вот и все.

— Спасибо, — Джим Брендер прервал связь и повернулся к гостю. — Что вы на это скажете?

— Это вовсе не миф. Я знаю, где находится Башня зверя, как знаю и то, что зверь до сих пор жив.

— Послушайте, — добродушно сказал Брендер. — Меня заинтриговало наше сходство, это правда, но не надейтесь, что я поверю в вашу историю. Зверь, если вообще что-то такое существует, упал с неба, когда Марс был молод. По некоторым научным источникам, раса марсиан вымерла сто миллионов лет назад, ну, пусть даже двадцать пять миллионов. Единственные продукты их цивилизации, сохранившиеся до сих пор, это конструкции из суперметалла. К счастью, под конец они уже почти все строили из этой неуничтожимой субстанции.

— Я хотел бы рассказать вам о Башне зверя, —

сказал пришелец, нисколько не смущенный словами Брендера. — Она огромна, но, когда я видел ее в последний раз, торчала из песка всего на тридцать метров. Вся ее вершина — это дверь, подключенная к часовому механизму, связанному по линии иеис с максимальным простым числом.

Брендер широко раскрытыми глазами смотрел на пришельца. Существо приняло его удивление: сначала сомнение, потом росток веры.

— Максимальным, — повторил он как эхо.

Потом схватил книгу с полки возле стола и пролистал ее.

— Максимальное из известных простых чисел это… ага, вот оно… 230 584 300 921 393 951. Несколько других, согласно тому же источнику, — 77 843 839 397, 182 521 213 001 и 78 875 944 372 201. — Складка на его лбу углубилась. — Это значит, что вся ваша история абсурдна. Максимальное простое число было бы числом неопределенным, — он улыбнулся гостю. — Если там действительно есть зверь, запертый в гробнице из суперметалла, дверь которой подключена к часовому механизму, связанному по линии иеис с максимальным простым числом, — он останется там навсегда. Ничто в мире не может

его освободить.

— Совсем наоборот, — запротестовал пришелец. — Зверь заверил меня, что решение этой задачи лежит в сфере возможностей земной науки, только этим должен заняться прирожденный математик, располагающий всеми знаниями на том уровне, которого достигла математика Земли. Вы — именно тот человек.

— И вы ждете, что я освобожу этого демона зла — конечно, если сумею совершить математическое чудо?

— Вовсе не зла! — возразил пришелец. — Из бессмысленного страха перед неведомым, заставившего марсиан заточить зверя, возникло огромное зло и несправедливость. Зверь — это ученый из иного пространства, застигнутый врасплох во время проведения одного из научных экспериментов. Я говорю «он», но даже не знаю, есть ли в его расе различие полов.

— Значит, вы говорили со зверем?

— Он общался со мной с помощью телепатии.

— Но ведь было доказано, что мысль не может проникать сквозь суперметалл.

— А что человечество знает о телепатии? За исключением нескольких случаев, люди не могут общаться даже между собой, — в голосе пришель-

ца звучало презрение.

— Это верно. Итак, если ваш рассказ правдив, нужно представить это дело совету.

— Это дело касается только двоих: вас и меня. Не забывайте, что склеп находится в самом центре большого города Ли, где хранится сокровище стоимостью несколько миллиардов долларов в виде мебели, произведений искусства и механических устройств. Зверь требует, чтобы его освободили, прежде чем он позволит кому-либо извлекать эти сокровища. Вы можете его освободить, и мы поделим богатство.

— Я бы хотел задать вам один вопрос, — сказал Брендер. — Как вас зовут на самом деле?

— П… Пирс Лоуренс, — пробормотало существо. Оно было так удивлено, что смогло лишь поменять очередность имени и фамилии своей первой жертвы и провести небольшую замену — «Пирсон» на «Пирс». От волнения в голове у него все перепуталось.

— На каком корабле вы прибыли с Марса? — продолжал допрос Брендер.

— На… на Г 4961, — буркнуло чудовище.

Ярость еще более усилила его замешательство. Оно старалось взять себя в руки, чувствуя, что сделало глупость. Внезапно оно явственно почув-

ствовало притяжение суперметалла, из которого был сделан барельеф на стене, и поняло, что это означает опасность распада.

— Грузовик, — констатировал Брендер и нажал кнопку. — Карлтонс, проверь, имел ли Г 4961 на борту пассажира или члена экипажа по имени Пирс Лоуренс. Сколько времени это займет?

— Пару минут, шеф.

Джим Брендер откинулся на спинку кресла.

— Это обычная формальность. Если вы действительно прилетели на этом корабле, я буду вынужден отнестись к вашему заявлению серьезно. Вы наверняка понимаете, что я не могу начать действовать вслепую.

Прозвенел звонок.

— Да? — сказал Брендер.

— На Г 4961, который приземлился вчера, находился экипаж из двух человек. На борту не было никого по имени Пирс Лоуренс.

— Спасибо.

Брендер встал.

— До свидания, мистер Лоуренс, — холодно сказал он. — Не знаю, на что вы рассчитывали, рассказывая мне эту абсурдную историю. Хотя, должен признаться, она действительно интересна, а проблема, которую вы мне представили,

очень увлекательна.

Звонок.

— В чем дело?

— К вам мистер Горсон.

— Отлично, проси его.

Взяв наконец себя в руки, существо узнало из мозга Брендера, что Горсон является финансовым воротилой, фирма которого может равняться с предприятием Брендера. Эта и другая информация привела к тому, что существо покинуло кабинет Брендера, вышло из здания и терпеливо ждало, пока Горсон появится в воротах. Мгновением позже по улице шли два Горсона.

Горсон был мужчиной за сорок, полным сил. Он был честен и вел активный образ жизни. Его память хранила воспоминания о нелегких ситуациях в нескольких климатических поясах и на разных планетах. Своими сенсорами чудовище ощутило жизненную энергию этого человека. Оно осторожно двинулось за ним, еще не решив, будет ли что-либо предпринимать относительно его.

«Я так далеко ушел от примитивной формы жизни, какой был сначала, — думало существо, — что уже не смогу ею остаться. Мои создатели наделили меня способностью учиться и раз-

виваться. Благодаря этому мне теперь легче защищаться от дезинтеграции, легче быть человеком. Чтобы справиться с этим мужчиной, мне нужно лишь помнить, что, правильно пользуясь своей силой, я непобедим».

Существо внимательно изучило в мозгу своей будущей жертвы путь до конторы. В памяти мужчины имелось изображение входа в просторное здание, а дальше тянулся длинный коридор из мрамора, потом был лифт на восьмой этаж и наконец короткий коридорчик с двумя дверями. Одна из них вела в кабинет, другая — в кладовку, используемую уборщиком. Горсон время от времени заглядывал в это помещение, поэтому в его памяти сохранился образ большого ящика.

Чудовище притаилось в кладовке, ожидая момента, когда ничего не подозревающий Горсон окажется за дверями. Дверь скрипнула. Горсон повернулся, вытаращив глаза, но существо не дало ему ни одного шанса: стальной кулак размозжил лицо мужчины, вогнав кости черепа в мозг. На этот раз чудовище не совершило ошибки и вовремя прервало соединение своего мозга с мозгом жертвы. Оно подхватило падающее тело, вновь вернув своему стальному кулаку вид обычной человеческой ладони. Потом торопливо сунуло

могучее атлетическое тело в большой ящик и плотно закрыло крышку, после чего осторожно выглянуло из укрытия, вошло в кабинет Горсона и село за сверкающий дубовый стол.

Мужчина, явившийся по вызову, увидел сидящего Горсона и услышал его голос:

— Криспинс, я бы хотел, чтобы ты немедленно начал продажу этих акций по нашим секретным каналам. Я скажу, когда следует закончить. Не обращай внимания ни на что, даже если ты сочтешь это безумием. У меня есть кое-какая информация.

Криспинс взглянул на столбцы названий пакетов и вытаращил глаза.

— Боже мой! — выдавил он наконец с бесцеремонностью, составлявшей привилегию доверенного советника. — Но ведь это надежные акции. Ваше состояние не выдержит такой операции.

— Я уже сказал, что за этим стою не только я.

— Но ведь это нелегальная дезорганизация рынка, — не сдавался мужчина.

— Ты слышал, что я сказал, Криспинс. А сейчас я ухожу из конторы. Не пытайся со мной связаться. Я сам тебе позвоню.

Чудовище, бывшее теперь Джоном Горсоном,

встало, равнодушное к суматохе в голове Криспинса, вызванной его поручениями, и вышло через те самые двери, через которые попало сюда.

«Мне достаточно, — подумало оно, — убрать несколько финансистов и начать продавать их акции, чтобы…»

Еще до часа дня все было кончено. Биржу закрывали в три, но в час сообщение об этом приняли нью-йоркские телеграфы. В Лондоне, где уже смеркалось, вышло чрезвычайное приложение. В Ханькоу и Шанхае ослепительное утро омрачили газетчики, бегавшие по улицам в тени небоскребов и кричащие, что фирма «Дж. П. Брендер и К°» обанкротилась и по этому делу начато следствие…

— Мы имеем здесь дело с самым удивительным совпадением за всю нашу историю, — сказал назавтра председатель окружного суда в своем вступительном слове. — Фирма, существующая много лет, уважаемая, имеющая широкие связи и филиалы по всему миру, имевшая долю в более чем тысяче различного рода акционерных обществ, обанкротилась из-за неожиданного падения цен на акции, в которых была заинтересована. Потребуются месяцы, чтобы выяснить,

кто ответствен за продажу, приведшую к этой катастрофе. Однако пока — хоть это и достойно сожаления — необходимо удовлетворить требования кредиторов и ликвидировать состояние с помощью распродажи и других законных мероприятий…

Командор Хьюз из «Межпланетных космических трасс» вошел в кабинет своего начальника в воинственном настроении. Это был мужчина небольшого роста, но крепкого сложения. Чудовище, принявшее теперь облик Луиса Дюера, напряженно вглядывалось в него, ощущая силу и энергию этого человека.

— Ты получил мой рапорт относительно Брендера? — начал Хьюз.

Двойник Дюера нервно покрутил ус, потом поднял небольшую папку и прочел вслух:

— «По психологическим причинам опасно… принимать Брендера… Слишком много ударов одновременно. Потеря состояния и положения… не может не повлиять на психику… любого нормального человека… в данных условиях. Возьми его в свою контору… окажи ему помощь… дай какую-нибудь доходную должность, соответствующую его несомненно большим способностям… но не на космическом корабле, где требуется

исключительная крепость, как физическая, так и психическая, а также ясность мышления и душевное равновесие...»

— Это именно те пункты, которые я хотел подчеркнуть, — прервал его Хьюз. — Я знал, что ты поймешь, в чем дело, Луис.

— Конечно, я понимаю, — двойник улыбнулся, в последнее время он обрел уверенность в себе. — Твои чувства, мысли, твои принципы и методы работы отразились на твоем образе мышления. Никогда, — торопливо добавил он, — я не имел ни малейшего сомнения в правильности твоей позиции, однако в данном вопросе не уступлю. Джим Брендер не примет обычной должности, предложенной ему друзьями. Это абсурд предлагать ему, чтобы он подчинялся кому-то, кого превосходит по всем статьям. Он уже управлял своей космической яхтой, а математическую сторону этой работы знает лучше, чем весь наш персонал, вместе взятый. И это вовсе не упрек в адрес нашего персонала. Брендер хорошо знаком с космическими полетами и считает, что именно это ему сейчас нужно. Поэтому, Питер, я приказываю тебе — впервые за наше длительное сотрудничество — определить его на грузовик Г 4961, на место Перелли, с которым случилось

нервное расстройство после той странной истории с существом из космоса, как назвал его лейтенант Мортон. Кстати, ты уже нашел… этот… гм… лоскут существа?

— Нет, шеф, он исчез еще в тот день, когда я пришел его осмотреть. Мы обыскали все помещение вдоль и поперек. Это самое удивительное существо, которое я видел в своей жизни. Оно проходит сквозь стекло так же легко, как свет. Можно даже подумать, что это какая-то форма света. Честно говоря, я и сам испугался. Это высшая фаза развития, адаптирующаяся к окружающему легче, чем все открытое до сих пор… Однако вернемся к делу Брендера — ты не можешь так просто махнуть на меня рукой.

— Я не понимаю твоей позиции, Питер. Я впервые вмешиваюсь в твою работу…

— Я подам в отставку, — выдавил поставленный в безвыходное положение мужчина.

Чудовище подавило улыбку.

— Питер, ведь это ты подбирал весь персонал «Космических трасс». Это дело твоей жизни, ты не можешь его бросить, никак не можешь…

В его голосе звучала легкая паника, поскольку в голове Хьюза впервые возникла идея ухода в отставку. Именно упоминание о его достижениях

и профессиональной гордости вызвало такую волну воспоминаний, что лишь теперь Хьюз понял, насколько болезненной была для него угроза вмешательства в его дела. Чудовище сразу осознало, что означал бы уход с работы этого человека: недовольство команды, быстрое осознание ситуации Джимом Брендером и его отказ принять должность. Оставался единственный выход: Брендер должен оказаться на корабле, не узнав, что произошло. В конце концов, требовалось, чтобы он совершил всего один полет на Марс.

Существо обдумало возможность принятия облика Хьюза, однако было вынуждено констатировать, что это безнадежное дело: и Луис Дюер, и Хьюз должны оставаться на местах до последней минуты.

— Послушай, Питер… — начало оно, не зная, что делать. — Черт побери!

Типичная человеческая реакция. Сознание того, что Хьюз воспринял его слова как признак слабости, приводило чудовище в бешенство. Неуверенность подобно черной туче заволокла его мысли.

— Брендер будет здесь через пять минут, и я скажу ему, что думаю обо всем этом, — рявкнул

Хьюз, а существу стало ясно, что самое плохое уже произошло. — Если ты мне не разрешишь сделать так, подам в отставку. Я… О боже… твое лицо!

Замешательство и ужас охватили чудовище одновременно. Оно поняло, что перед угрозой провала всего плана его лицо начинает расплываться. Оно вскочило, осознав страшную опасность. Секретариат находился прямо за матовым стеклом двери, и первый же крик Хьюза вызвал бы немедленную помощь. Издав звук, напоминающий рыдание, существо попыталось придать своей руке форму стального кулака, но в кабинете не было никакого металла, которому рука могла бы уподобиться. Здесь стоял только массивный кленовый стол. С хриплым криком существо перепрыгнуло его, пытаясь воткнуть деревянный штырь в горло Хьюза.

Тот удивленно выругался и ухватился за штырь. Снаружи послышались крики, топот ног…

Брендер оставил машину недалеко от космического корабля и немного постоял, но не потому, что в чем-то сомневался. Его положение было безнадежным, и ему требовался хотя бы мизерный шанс. Проверка того, обнаружен ли древний марсианский город Ли, не займет много времени. Если да, он сможет вернуть свое состояние. Брен-

дер быстро направился к кораблю.

Остановившись на стартовой полосе, ведущей к открытой двери Г 4961 — огромного шара из блестящего металла диаметром в сто метров, — он заметил бегущего к нему мужчину, в котором узнал Хьюза.

Чудовище, бывшее теперь Хьюзом, приблизилось, пытаясь держаться спокойно. Ему казалось, что он попал под перекрестный огонь чужеродных сил, желающих его уничтожить. Существо даже сжалось под напором мыслей людей, толпившихся в кабинете, который оно покинуло минуту назад. Все прошло очень плохо; оно вовсе не собиралось делать того, что теперь было вынуждено предпринять. Большую часть полета до Марса оно желало провести в виде пузыря металла на внешней обшивке корабля. С трудом существо взяло себя в руки.

— Отправимся немедленно.

— Но это значит, — удивился Брендер, — что мне придется рассчитать новую орбиту в более трудных…

— Вот именно, — прервал его псевдо-Хьюз. — Я много слышал о ваших математических способностях. Самое время проверить их на практике.

Брендер пожал плечами.

— Не вижу никаких помех к этому. Но что произошло, почему вы летите со мной?

— Я всегда летаю с новенькими.

Это звучало логично. Брендер ступил на стартовую полосу, Хьюз двигался сразу за ним. Мощное притяжение металла причиняло ему боль — первое реальное ощущение, которого чудовище уже давно не испытывало. Целый месяц ему теперь придется сопротивляться притяжению, чтобы сохранять облик Хьюза и одновременно выполнять сотни различных обязанностей. Боль пронзала его до самых глубин, разрушая уверенность в себе, которую оно приобрело, будучи человеком. А потом, входя вслед за Брендером на корабль, существо услышало позади крики. Оно торопливо повернулось. Сразу через несколько ворот, что вели на поле, вливалась река людей, бегущих к кораблю. Брендер находился уже в глубине коридора. С писком, похожим на рыдание, чудовище прыгнуло внутрь и дернуло за рычаг, закрывая люк.

Рядом находился запасной рычаг, включающий антигравитационные краны, и существо одним рывком передвинуло его до упора. Мгновенно оно оказалось в невесомости и испытало чувство падения. Сквозь огромный иллюминатор виднел-

ся космопорт, кишащий людьми. Заметны были поднятые вверх лица и машущие руки. Затем, когда корабль завибрировал от рева стартовых двигателей, все исчезло вдали.

— Надеюсь, — сказал Брендер, когда Хьюз вошел в рубку, — вы хотите, чтобы я установил режим основных двигателей?

— Конечно, — хрипло ответило существо. — Всю математическую сторону я оставляю вам.

Оно не осмеливалось находиться слишком близко к металлическим двигателям, даже в присутствии Брендера, что облегчало сохранение человеческого облика. Существо торопливо двинулось по коридору — лучшим местом будет изолированная спальня.

Внезапно оно замерло, покачиваясь на кончиках пальцев. Из рубки, где остался Брендер, донеслась его мысль. Чудовище едва не утратило своей формы, когда с ужасом поняло, что Брендер сидит у радиоаппарата, отвечая на настойчивый вызов с Земли.

Псевдо-Хьюз ворвался в рубку и замер как вкопанный. В его широко раскрытых глазах был совершенно человеческий ужас. Брендер молниеносно повернулся от передатчика, в руке он держал револьвер. Существо, приняв мысль

человека, поняло, что Брендер начинает догадываться.

— Ты то… существо, — выкрикнул Брендер, — что приходило ко мне в контору, рассказывало о простых числах и усыпальнице зверя!

Он передвинулся в сторону, чтобы запереть дверь в коридор, открыв при этом телеэкран, на котором было лицо настоящего Хьюза. В ту же секунду Хьюз заметил двойника.

— Брендер! — крикнул он. — Это именно то чудовище, которое Мортон и Перелли видели во время полета с Марса. Оно не подвержено действию высоких температур и химических средств, но мы еще не пробовали пули. Стреляй быстрее!

Слишком много металла, слишком много хаоса. Создание, скуля, начало расплываться. Притяжение металла страшно изуродовало его, превращая в тяжелый полуметалл. Сопротивляясь деформации, оно все еще имело шишкообразную голову с наполовину исчезнувшим глазом и узловатыми руками, прикрепленными к полуметаллическому телу. Инстинктивно оно старалось придвинуться ближе к Брендеру, чье притяжение помогало сохранять человеческий облик. Полуметалл стал бесформенной массой человеческого

тела, пытающейся вернуться к прежнему виду.

— Слушай, Брендер! — В голосе Хьюза звучало нетерпение. — Баки с топливом в машинном отделении сделаны из суперметалла. Один из них пуст. В прошлый раз мы схватили часть этого существа, и она не смогла выбраться из небольшого контейнера, сделанного из суперметалла. Если бы тебе удалось загнать чудовище в бак, когда оно потеряет над собой контроль, что, похоже, случается с ним очень легко…

— Сначала я попробую на нем действие свинца! — рявкнул Брендер срывающимся голосом.

Бах! Из недосформированной щели губ вырвался крик. Чудовище отступило, ноги его расплылись в серую тестообразную массу.

— Больно, да? — проскрежетал Брендер. — А ну, пошел в машинное отделение, в бак!

— Давай, давай! — поощрял Хьюз с телеэкрана.

Брендер снова выстрелил. Существо издало слабый писк и отступило еще дальше. Оно вновь выросло, став более похожим на человека. А в его карикатурной ладони появился карикатурный револьвер.

Существо подняло не доделанное еще оружие. Раздался грохот выстрела и крик чудовища. Револьвер — бесформенный обрывок — упал на пол.

Кусок серой массы, в которую он превратился, торопливо пополз в сторону материнского тела и как огромная раковая опухоль прилип к его правой ступне.

И тут впервые могучие злобные разумы, создавшие чудовище, предприняли усилие, чтобы овладеть своим роботом. С яростью, хотя и понимая, что игру нужно вести рассудительно, контролер заставил перепуганное и совершенно сломленное чудовище подчиниться его воле. Болезненный стон прозвучал в воздухе, когда эта перемена произошла с нестабильными элементами. В одно мгновение чудовище стало двойником Брендера, однако вместо револьвера в руке его вырос светящийся металлический прут. Блестящий, как зеркало, он сверкал каждой гранью, словно необычайная драгоценность. Металл излучал слабое неземное сияние.

Там, где недавно было радио, а также экран с лицом Хьюза, зияла теперь большая дыра. Брендер в отчаянии поливал стоящую перед ним фигуру градом пуль, но чудовище, хоть и дрожало, смотрело на него спокойно. Светящееся оружие направилось в сторону человека.

— Когда кончишь стрелять, — сказало существо, — может, мы поговорим?

Голос звучал так мягко, что Брендер, напряженно ждущий смерти, удивленно опустил револьвер.

— Бояться тебе нечего, — продолжало чудовище. — То, что ты видишь и слышишь, это андроид, спроектированный нами так, чтобы мог действовать в вашем измерении и пространстве. Мы работаем здесь в исключительно сложных условиях, чтобы поддерживать с тобой контакт, поэтому я продолжаю… Мы живем в измерении, где время течет бесконечно медленнее вашего. Благодаря методу синхронизации мы состыковали измерения так, чтобы можно было с тобой говорить, хотя один наш день — это миллион ваших лет. Наша цель — освобождение Калорна из марсианской гробницы. Он был случайно пойман в искривление времени, которое сам и вызвал, и упал на планету, которую вы называете Марсом. Марсиане совершенно напрасно испугались его огромных размеров и построили для него дьявольскую тюрьму. Нам нужны математические знания, отвечающие вашему измерению и пространству, чтобы освободить его.

Мягкий голос говорил дальше, убеждающе, но без агрессивности, настойчиво, но дружески. Говорящий выразил сожаление, что андроид убивал

людей, а потом объяснил подробней, что каждое пространство основывается на своей системе чисел — некоторые на отрицательных, другие на положительных, а третьи на смешанных, целое же является бесконечно разнообразным. И каждое пространство подчиняется законам своей математики.

Сила иеис, в сущности, не представляет собой ничего таинственного. Это просто переход из одного пространства в другое, являющийся эффектом разницы потенциалов. Этот переход является одной из универсальных сил, которую можно уравновесить только другой силой. Именно ею воспользовался говорящий эти слова несколько минут назад. Суперметалл — это действительно исключительная вещь. В своей вселенной у них есть подобный металл, состоящий из отрицательных атомов. В мозгу Брендера он прочел, что марсиане не знали отрицательных чисел и, значит, строили из обычных атомов. Это можно сделать и так, хотя задача становится труднее.

— Проблема сводится к тому, — закончил он, — что земная наука должна указать нам, каким образом, используя нашу универсальную силу, совершить деление максимального простого числа, чтобы дверь открылась. Ты можешь спросить,

как найти делитель простого числа, коль скоро оно делится лишь на единицу и самое себя? Эта проблема для вашей системы счисления разрешима только с помощью вашей математики. Ты сделаешь это для нас?

Брендер спрятал револьвер в карман. Он был совершенно спокоен.

— Все это звучит логично и искренне, — сказал он. — Если бы вы хотели устроить нам неприятности, достаточно было бы прислать на Землю больше существ вашей расы. Разумеется, нужно будет представить вопрос совету…

— В таком случае дело безнадежно. Совет не даст согласия…

— Значит, вы надеетесь, что я пойду на то, чего, по вашему мнению, не одобрит высший орган власти нашей системы? — воскликнул Брендер.

— Именно в этом и состоит сущность демократических правительств: правительство не может допустить возникновения угрозы жизни своих граждан. Такова и местная власть: ее представители когда-то в подобной ситуации информировали нас, что не принимают во внимание возможность освобождения неизвестного зверя. Однако это вовсе не значит, что отдельная особь не может позволить себе риск, на который

правительство не пойдет. Ты признал, что наши аргументы логичны. В таком случае, чем пользуются в своем поведении люди, если не логикой?

С помощью андроида контролер внимательно следил за мыслями Брендера. Он заметил его растерянность и нерешительность, противостоящие истинно человеческому желанию оказать помощь, которое вытекало из уверенности, что в этом нет никакого риска. Контролер подумал, что неразумно слишком уж доверять логике в общении с людьми.

— Мы можем предложить тебе… все, — поторопил он. — Если хочешь, мы доставим этот корабль на Марс не за тридцать дней, а за тридцать секунд. Знание о том, как это будет сделано, ты сохранишь для себя. На Марсе ты будешь единственным существом, знающим о существовании древнего города Ли, центром которого была Башня зверя. В городе этом будут найдены предметы из суперметалла стоимостью миллиарды долларов, и, согласно земным законам, половина этой суммы будет твоя. Восстановив свое состояние, ты сможешь вернуться на Землю еще сегодня.

Лицо Брендера побелело, как мел. Андроид неохотно следил за ходом его мыслей — воспоминания о внезапной катастрофе, разорившей всю

его семью. Брендер поднял голову.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю, что смогу.

Мрачная горная цепь спускалась в котловину с красно-серым песком. Слабый порыв марсианского ветра поднял облачко песка над строением. И каким строением! Издалека оно казалось просто большим, возвышаясь над пустыней на тридцать метров — тридцать метров высотой и пятьсот метров диаметром. Однако оно явно погружалось на тысячи метров в этот беспокойный океан песка, чтобы сохранить совершенную гармонию, ту полную грации сказочную красоту, которую давно вымершие марсиане придавали всем своим конструкциям, несмотря на их массивность. Брендер вдруг почувствовал себя очень маленьким, когда ракетные двигатели его скафандра с шумом несли его на высоте нескольких метров над песком в направлении этого нечеловеческого сооружения.

Вблизи простота вертикальных стен чудесным образом терялась в богатстве орнаментов. Колонны и пилястры разбивали плоскость фасада, сходились и вновь разбегались. Гладкость поверхности стен и крыши переходила в вычурность орнаментов и псевдоукрашений, исчезала в игре света и тени.

Существо летело рядом с Брендером.

— Я вижу, ты всерьез подходишь к этому делу, — сказал контролер, — но этот андроид не может анализировать абстрактное мышление, поэтому я не знаю, каким путем идут твои рассуждения. Однако выглядишь ты довольным.

— Я, кажется, нашел решение, — ответил Брендер, — но сначала хотел бы осмотреть часовой механизм… Летим…

Они поднялись вверх, начав спускаться уже за краем строения.

Брендер увидел обширную поверхность, а в самом центре… У него захватило дух.

Слабый свет далекого марсианского солнца падал на сооружение, размещенное на чем-то, выглядевшем как середина большой двери. Конструкция эта имела около пятнадцати метров высоты, и казалось, что ее образовывали сегменты колеса, сходящиеся в центре, которым служила металлическая стрелка, устремленная вертикально вверх. Острие этой стрелки было не сплошным, а разделялось на две части, которые искривлялись и сходились вновь. Впрочем, не совсем: между ними было расстояние около полуметра, и от одной вершины острия к другой тянулся едва заметный, тонкий зеленый лучик

иеис.

— Часовой механизм! — кивнул головой Брендер. — Я ожидал, что он выглядит именно так, хотя полагал, что он будет больше и солиднее.

— Пусть тебя не обманывает его видимая хрупкость, — предостерег контролер. — Теоретическая сила суперметалла неограниченна, а силу иеис может уравновесить только другая подобная сила. Точный результат предсказать невозможно, поскольку он связан со всей системой счисления, на которой строится данный сектор пространства. А теперь скажи нам, что делать.

— Хорошо.

Брендер опустился на песчаный холм и выключил диск антигравитации. Лежа на спине, он задумчиво смотрел на серо-голубое небо. На мгновение его покинули все сомнения, заботы и страхи, он расслабился и начал:

— Марсианская математика, подобно математике Евклида и Пифагора, основывалась на бесконечной величине. Она не использовала мнимых величин, тогда как на Земле, начиная с Декарта, развивалась аналитическая математика. Размеры и величины, доступные для восприятия, были заменены величинами, меняющимися в зависимости от положения в пространстве.

Для марсиан существовало лишь одно число между 1 и 3, хотя на самом деле их очень много. С введением понятия корня квадратного из минус 1 — или мнимой величины — математика окончательно перестала быть наукой только о значимых величинах. Простое число, являющееся представлением чистой величины, не существует в реальной математике, но в данном случае оно тесно связано с реальностью силы иеис. Марсиане знали иеис как бледно-зеленый поток длиной около полуметра и мощностью, скажем, тысячу лошадиных сил (на самом деле это 52,35 сантиметра и 1021,23 лошадиной силы, но это неважно). Установленная мощность никогда не менялась, длина тоже, и так длилось из года в год на протяжении десятков тысяч лет. Тогда марсиане приняли эту длину за эталон и назвали ее 1 эл, а мощность приняли за единицу мощности и назвали ее 1 рб. Из-за абсолютной неизменности потока они сочли его вечным. Потом они решили, что ничто не может быть вечным, не становясь при этом простым числом. Вся их математика опиралась на числа, для которых можно подобрать делитель (то есть которые могут быть уменьшены), и на числа без делителей, которые нельзя поделить на меньшие группы.

Любое число, имеющее делитель, не может быть бесконечным, следовательно, бесконечное число должно быть числом простым. Поэтому они сконструировали механизм, связанный с потоком иеис, чтобы он действовал, пока не перестанет перетекать эта сила, что может произойти, когда придет конец Времени, при условии, что никто не нарушит его раньше. Чтобы этого избежать, они укрыли механизм перехода в суперметалле, который не подвержен коррозии. По принципам их математики этого хватало.

— Но ты нашел решение, — нетерпеливо сказало существо.

— Это просто: марсиане установили величину перехода на 1 рб. Если произойдет его нарушение, независимо от масштаба, это будет уже не рб, а нечто меньшее. Переход, являющийся всеобщей величиной, становится чем-то меньшим, менее бесконечности. Простое число перестанет быть простым. Допустим, нарушение составит половину самого числа. В сущности, это число, подобно большинству больших величин, немедленно распадется на тысячи частей, то есть будет разделено на десятки тысяч меньших чисел. Если настоящее время окажется вблизи одного из этих мест распада, дверь откроется мгновенно, — конечно,

если удастся вызвать такое нарушение, чтобы один из делителей проявился в настоящем.

— Это совершенно ясно, — в голосе контролера звучало удовлетворение, двойник Брендера торжествующе улыбнулся. — Теперь мы можем использовать нашего андроида для создания всеобщей величины, и Калорн вскоре будет свободен, — он громко рассмеялся. — Бедный андроид противится уничтожению, но, в конце концов, это лишь машина, к тому же не лучшая. Кроме того, он мешает нам точно воспринимать твои мысли. Послушай его крики, когда я буду придавать ему новую форму.

Эти слова, произнесенные совершенно хладнокровно, потрясли Брендера, спустив его с высот абстрактного мышления. Благодаря интенсивной мыслительной деятельности он отчетливо увидел то, что прежде упускал из виду.

— Минуточку, — сказал он. — Как получается, что ваш робот живет теперь в моем измерении, тогда как Калорн продолжает жить в вашем?

— Отличный вопрос, — лицо существа исказила торжествующая улыбка, а контролер продолжал: — Видишь ли, мой дорогой Брендер, ты был обманут. Калорн действительно живет в нашем секторе времени, но это произошло из-за

ошибки в нашей машине. Устройство, которое сконструировал Калорн, было достаточно велико, чтобы перенести его, однако не имело механизма адаптации, который мог бы приспособить Калорна к любому новому пространству, где тот окажется. В результате он был перенесен, но не приспособлен. Разумеется, мы, его помощники, смогли переместить такой малый объект, как андроид, но понятия не имеем о конструкции машины Калорна. Короче говоря, мы могли бы использовать то, что от нее осталось, но тайна ее конструкции запрятана в нашем собственном специфическом суперметалле и в мозгу Калорна. Ее изобретение Калорном — одна из случайностей, которые происходят раз в миллион лет нашего времени. Сейчас, когда ты открыл нам способ освобождения Калорна, мы сможем построить бесчисленное количество межпространственных машин. Нашей целью является овладение всеми пространствами и планетами, особенно населенными. Мы хотим быть абсолютными хозяевами всей Вселенной.

Иронический голос умолк, а Брендер продолжал лежать, охваченный страхом. Страх этот был вызван двумя причинами: чудовищным планом контролера и мыслью, пульсирующей в его

собственном мозгу. Он застонал, вспомнив, что эта предостерегающая мысль будет перехвачена автоматически действующим мозгом робота. Мысль заключалась в том, что нужно ввести дополнительный фактор — время…

Чудовище закричало, когда его начали насильно разлагать. Крик перешел в сдавленное рыдание, а потом воцарилась тишина. На серо-коричневой поверхности песка и суперметалла лежало загадочное устройство из блестящего металла.

Металл засверкал, и устройство поднялось в воздух. Достигнув кончика стрелки, оно опустилось на зеленый лучик иеис.

Брендер схватил свой антигравитационный диск и вскочил на ноги. Это резкое движение подняло его на несколько десятков метров вверх. Ракетные двигатели плюнули огнем, и он стиснул зубы, чувствуя боль от ускорения. Внизу под ним огромная дверь начала открываться все быстрее и быстрее, уподобляясь маховому колесу. Песок полетел во все стороны, словно поднятый маленькой бурей.

На полной скорости Брендер рванул в сторону — и вовремя. Сначала центробежная сила отбросила с огромного колеса машину-робота, потом

дверь отделилась от строения, бешено вращаясь поднялась вверх и исчезла вдали.

Из темноты гробницы вылетело облако черной пыли. Борясь с ужасом и одновременно испытывая облегчение, Брендер подскочил к тому месту, где робот упал на песок. Вместо блестящего металла там лежал кусок позеленевшей железки. Металл пошел волнами, приняв подобие человеческой формы. Тело это осталось серым, сморщенным, как будто готовым вот-вот рассыпаться от старости. Чудовище попыталось встать, но не сумело подняться. Губы его зашевелились:

— Я принял твое предупреждение, но не передал им. Теперь Калорн мертв. Они поняли, в чем дело, сразу, как только это произошло. Наступил конец Времени…

Голос замер.

— Да, наступил конец времени, — согласился Брендер, — когда переход на какое-то время стал не вечным; он дошел до точки события, происшедшего на несколько минут раньше.

— Я… только частично… был… под их влиянием… Калорн все время… Даже если бы им удалось… пройдут годы, прежде чем… они изобретут новую машину… а один год у них… это миллиарды ваших… Я не сказал им… Принял

твою мысль… но не… передал им…

— Но почему? Почему?

— Они причинили мне боль. Хотели меня уничтожить. А я хотел… быть… человеком. Быть… кем-то!

Тело его расплылось в лужу, похожую на серую лаву, лава покрылась складками и распалась на сухие, хрупкие кусочки. Брендер коснулся одного, и тот рассыпался в пыль.

Окинув взглядом мрачную пустынную котловину, Брендер с сожалением произнес:

— Бедный Франкенштейн!

Потом он повернулся и поднялся в воздух, направляясь к далекому космическому кораблю.

Сверхчеловек

Табличка на дверях сообщала:

РИЧАРД КАРР, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ
ПСИХОЛОГ
ЛУННАЯ БАЗА

Карр — круглолицый молодой человек — стоял возле одного из двух окон своего рабочего кабинета и в бинокль наблюдал за четвертым уровнем. На шее у него на черном шнурке висел микрофон. Он непрерывно комментировал происходящее на четвертом уровне:

— …Сейчас этот человек размышляет о какой-то технической проблеме. Он хочет к ней вернуться. Однако он сказал ей лишь: «Давай поторопимся!» Как ни странно, по неизвестной мне причине она также желает уйти. Но она не хочет так легко его отпускать. И вот она говорит: «Давай немного прогуляемся и поговорим о будущем». Мужчина отвечает: «Я не вижу будущего…»

Карр перестал воспроизводить разговор и заметил:

— Полковник, их беседа становится слишком

личной. Давайте найдем другой объект.

Полковник Уэнтворт, стоявший у другого окна, ответил:

— Вы знаете, на каком языке они говорят?

— Честно говоря, нет. Вероятно, это славянский язык. Восточная Европа. Судя по мимике… да, пожалуй, я бы сказал, что они поляки.

Уэнтворт протянул руку и выключил магнитофон, на который при помощи сенсоров записывался разговор между мужчиной и женщиной на четвертом уровне.

Тридцативосьмилетний полковник, ростом в шесть футов, был обманчиво хрупкого телосложения, а серые глаза так спокойно смотрели на окружающий мир, что сторонний наблюдатель далеко не сразу заметил бы светившийся в них острый ум. Он уже восемь лет занимался проблемами безопасности на лунной базе, но сумел сохранить чопорные манеры английского джентльмена. Поскольку американский психолог — Карр — являлся новым человеком на Луне, раньше они не встречались.

Уэнтворт поднес к глазам бинокль, чтобы взглянуть вниз. Ему было известно то, о чем не подозревал Карр: они не имели права наблюдать за другими людьми на лунной базе, где множе-

ство представителей разных национальностей жили вместе согласно международным договоренностям, не позволявшим подслушивать их разговоры и читать мысли по выражению лиц.

Тем не менее, отвернувшись от своего собеседника — на данном этапе ему не хотелось, чтобы Карр об этом узнал, — Уэнтворт уклончиво сказал психологу:

— Мы слушаем их десять минут. Давайте поставим еще один эксперимент. Видите рыжеволосую женщину с невысоким мужчиной?

Карр ответил не сразу. Казалось, его заинтересовало нечто происходящее внизу. Неожиданно он изумленно воскликнул:

— Полковник, мужчина внизу! Высокий худощавый тип в диковинном головном уборе — он не человек!

Уэнтворт удивился.

— О чем вы говорите?

Он вновь поднял бинокль, а Карр взволнованно продолжал:

— О господи, он меня заметил! Теперь он меня прикончит! Смотрите!

Уэнтворт инстинктивно отпрыгнул в сторону и присел. В следующий миг последовала ослепительная вспышка. Во все стороны полетели

осколки стекла. На пол посыпался пластик.

Потом стало тихо.

Уэнтворт успел заметить, что Карр бросился на пол рядом с ним. Похоже, психолог не пострадал. Полковник не стал терять времени, подбежал к столу и схватил телефон. Через несколько мгновений взревел сигнал тревоги.

* * *

Психиатр Борис Денович, недавно занявший пост главы отдела, нахмурившись, слушал автоматического переводчика — история, которую тот излагал, показалась Деновичу совершенно неправдоподобной.

Он поправил крошечный наушник и по-русски заговорил в микрофон своим низким голосом.

— Вы хотите сказать, — прервал он полковника Уэнтворта, — что молодой американец утверждает, будто он способен читать *мысли,* глядя в лицо человека? Полковник, вы имеете в виду телепатию?

Уэнтворт задумчиво посмотрел в напряженное лицо русского специалиста. Он знал то, что оставалось неизвестным Карру и Деновичу. Реакция последнего не удивила полковника, но он хотел знать наверняка.

— Вы уже проверяли? — продолжал Денович. — Разные языки и тому подобное?

Уэнтворт знал, что необходимо все проверить, и провел двадцать минут в отделе переводов.

— Я записал разговоры на польском, немецком, греческом и японском языках.

— И то, что говорит Карр, полностью соответствует переводам?

— Ну, не слово в слово. Но смысл он передает верно.

Черты худощавого лица психиатра заострились еще сильнее. Он не сомневался, что офицер безопасности стал жертвой мистификации, организованной американским психологом. И сейчас уже не имело значения, как и зачем американец это провернул.

Полковник Уэнтворт вновь заговорил:

— Вам следует дослушать запись до конца.

— Не вижу необходимости, — терпеливо возразил Денович. — Подозреваю, что ему сопутствовал успех, — он нахмурился. — Полковник, надеюсь, американец не является специалистом чтения по губам и лингвистом?

Офицер безопасности обратился к широколицей секретарше:

— Заверните это в листок бумаги, — потом он

повернулся к Деновичу и добавил: — Доктор, вы должны дослушать запись до конца.

Денович пожал плечами и вновь включил запись. Теперь звучал голос полковника Уэнтворта. Он попросил Карра перенести внимание на другую пару. Наступила пауза. Затем раздался взволнованный голос Карра, сделавший заявление, которое так поразило Уэнтворта.

Денович застыл на своем стуле, слушая звон разбитого стекла. Он был так потрясен, что даже не сразу заметил, как полковник выключил запись.

— Что это было? — услышал Денович собственный непривычно высокий голос. — Что произошло?

Когда полковник Уэнтворт закончил свои объяснения, Денович успел взять себя в руки.

— Наверняка розыгрыш, — заявил он. — А вы выглядывали в окно? И что вы заметили?

— Я был захвачен врасплох, — признался Уэнтворт. — И бросился на пол. К тому моменту, когда пластик восстановили, прошло две или три минуты.

— Значит, вы не видели высокого худощавого негуманоида? — иронически спросил Денович.

Уэнтворт был вынужден признать, что, когда

он вновь подошел к окну, на нижнем уровне не нашлось мужчины, соответствовавшего описанию Карра.

Советский психиатр откинулся на спинку стула, стараясь сохранять спокойствие. Он понял, что слишком возбужден. Уже давно он не был так близок к тому, чтобы потерять самообладание. Его возмущало поведение доктора Ричарда Д. Карра, американского психолога.

Тем не менее он взял себя в руки и спросил:

— А почему бы нам самим не поставить эксперимент с участием доктора Карра? Мы создадим ему самые благоприятные условия. У меня появится возможность оценить Карра, а он получит шанс продемонстрировать свои способности. Что делать дальше, решим позднее, — на тонких губах появилась мрачная улыбка. — Пусть он прочитает *мои* мысли по выражению *моего* лица.

Казалось, Денович не понимает, что его предложение не понравилось Уэнтворту, который считал, что им необходимо торопиться. Полковник прикусил губу и ответил:

— Я позову доктора Карра. И мы обсудим ваше предложение.

Уэнтворт подошел к лифту, чтобы встретить доктора Карра. Когда психолог вышел из лиф-

та, полковник повернулся к нему спиной. Карр приветствовал Уэнтворта, и тот молча кивнул в ответ.

— Следуйте за мной, доктор, — сказал Уэнтворт.

По пути в кабинет русского психиатра Уэнтворт шагал чуть впереди Карра, повернув лицо в сторону.

Когда они вошли — первым Карр, за ним Уэнтворт, — Денович поспешил им навстречу. Автоматический переводчик был приколот к лацкану его пиджака, наушник оставался в ухе.

На Земле он выработал технику приветствия людей, с которыми не хотел иметь дела: он старался заставить их шагнуть к нему навстречу, а затем завершал церемонию знакомства небрежным кивком.

Но, посмотрев на пухлое нездоровое лицо американца и пожав его вялую руку своими сильными пальцами, он изменил привычке.

— Сюда, — сказал Денович, показывая в коридор.

Карр застыл на месте. Он стоял, и по его лицу блуждала снисходительная улыбка. Денович, успевший распахнуть дверь, был вынужден оглянуться.

— Нам необходимо лучше понимать друг друга, доктор, — мягко сказал Карр.

Денович цинично улыбнулся в ответ.

— Ах да, я забыл, — сказал он. — Вы же умеете читать мысли. И что же вы прочли на моем лице?

Все с той же слабой улыбкой Карр ответил:

— Доктор, вы и в самом деле хотите, чтобы я повторил ваши мысли вслух?

Психиатр посчитал, что полностью контролирует ситуацию.

— Я с радостью позволю вам без потерь выйти из неприятного положения, — доброжелательно сказал он.

В этот момент Уэнтворт, который дожидался, когда между русским и американцем пробежит искра вражды, решил, что пора вмешаться. Он объяснил, что способности Карра можно проверить в практических обстоятельствах. В заключение Уэнтворт сказал:

— Я хочу, чтобы вы оба сопровождали меня в аэропорт.

Уэнтворт произнес эти слова, как и прежде, не глядя на Карра. Он ощущал, что психолог повернулся и смотрит на него.

— До сих пор я уважал ваше желание сохранить

свой мир в тайне от меня, — медленно проговорил американец. — Но мне кое-что удалось прочитать, глядя вам в лицо, и, несмотря на вашу уклончивость, я узнал ваши мысли обо мне. Вам что-то известно о моих способностях, нечто… — Он нахмурился и замолчал, а затем вызывающе продолжил: — Вы не в первый раз сталкиваетесь с такими способностями, которые проявились у меня! Кто-то уже делал это раньше.

Продолжая смотреть в сторону, Уэнтворт дипломатично ответил:

— Вы близки к истине. Послушайте, я расскажу вам всю правду, как только у меня появится подходящая возможность. Но сейчас мы должны кое-что сделать. Договорились?

Когда они выходили из кабинета Деновича, Уэнтворт продолжал считать, что способности Карра помогут им в общении с инопланетянином. Но ключевым фактором здесь являлось время.

Ни Карр, ни Денович не знали, что с первых дней возникновения лунной базы у нескольких человек неожиданно усилились экстрасенсорные способности. Интересно, что у всех они проявлялись по-разному. Но дар читать мысли по выражению лица появился впервые.

Всякий раз, когда удивительные способности

проявлялись, они отражали прежние интересы человека, усиливаясь до превосходной степени. Довольно часто новый дар казался людям таким естественным, что они даже не сообщали о нем властям.

Первая стадия продолжалась около двух дней.

Затем способности резко слабели и пропадали в течение нескольких часов. Человек даже забывал, что обладал удивительными возможностями.

А потом — резко — способности возвращались, но в иной, измененной форме.

В новой форме они приобретали фантастический характер, получалась другая и многократно усиленная версия.

Однажды Уэнтворт так ее описал: «Подобно животному, бьющемуся в предсмертных судорогах, на краткие мгновения достигается пик экстрасенсорных способностей, возведенных в энную степень. В течение нескольких часов мы наблюдаем невероятные возможности человека, которыми он, возможно, когда-нибудь будет обладать в результате эволюции».

Финал быстро приближался. Пройдет еще несколько часов, и способности Карра исчезнут, чтобы больше никогда не появиться.

Больше всего Уэнтворта беспокоил тот факт, что Карр находился на Луне ровно сорок восемь часов. Он подозревал, что психолог обрел способность читать чужие мысли с той самой минуты, как прибыл на базу. Следовательно, первая фаза могла закончиться в любой момент.

...Нельзя терять время! Теперь, когда предварительные переговоры закончены, они не могут останавливаться ни на мгновение! Нельзя смущать Карра и отвлекать его! Поэтому Уэнтворт не должен поворачиваться к нему лицом — нельзя позволить Карру прочитать его мысли!

* * *

Они направлялись к пересадочной станции, откуда их сразу же перевели в подземное помещение, находящееся под посадочным полем для космических кораблей. Когда они вышли из небольшой монорельсовой машины, в коридоре им встретился человек в форме офицера порта.

Уэнтворт узнал ветерана лунной базы и кивнул ему. Тот помахал в ответ рукой и продолжал идти вперед. Уэнтворт жестом показал двум своим спутникам, что им следует двигаться в том направлении, откуда появился офицер. Денович тут же зашагал дальше. Карр сделал несколько

шагов, а потом остановился и оглянулся назад.

— Полковник, — сказал он, — могу я поговорить с этим офицером?

— С кем? — Уэнтворт уже успел забыть о случайной встрече.

— С офицером, который только что прошел мимо нас.

— Петерсоном? Да, конечно! — Он повернулся и позвал: — Эй, Пит.

Но Карр уже бежал по коридору. К тому моменту, когда Денович обернулся и понял, что возникли какие-то проблемы, Карр и Петерсон о чем-то беседовали. Человек в форме дважды кивнул, а потом истерически расхохотался.

Смех его получился неожиданно громким. Люди, выходившие с багажом, начали останавливаться.

Ошеломленный Денович смотрел, как рыдает Петерсон, а потом подошел к Карру и Петерсону. Потом он почувствовал, что рядом оказался Уэнтворт.

Петерсон продолжал всхлипывать, пытаясь взять себя в руки.

— Что вы сказали? — пролепетал он сквозь слезы. — Я не понял… Объясните, что со мной происходит? Я никогда так себя не вел.

Он сглотнул, сделал над собой колоссальное усилие — и мгновенно пришел в ярость.

— Ах вы, грязные мерзавцы! — оскалился он. — Что вы со мной сделали?

— Кто-то прибыл сюда вчера днем и взял под контроль ваш разум, — сказал Карр. — Расскажите нам об этом.

— Хорошо! — Петерсон внезапно забыл о ярости. — Наверное, вы имеете в виду негров. Их было трое. Один выглядел довольно странно: впалые щеки, ну, вы понимаете, — поэтому я попросил его снять головной убор.

Он замолчал и, разинув рот, с дурацким выражением лица посмотрел на Карра.

— Что он с вами сделал? — не унимался Карр.

— Как что?! — Глаза Петерсона округлились. — Он выстрелил в меня световым лучом — как раз из штуки на верхушке его…

Он вновь замолчал, и его лицо приобрело бессмысленное выражение.

— О чем я говорю? — пробормотал он. — Должно быть, мне приснился сон!

Денович шагнул вперед. Теперь он уже не сомневался, что знает возможности Карра. Он только что был свидетелем — во всяком случае, так ему показалось — моментального гипнотиче-

ского воздействия.

— Доктор Карр, отойдите от этого человека! — угрожающе приказал он.

Карр удивленно повернулся к нему, и Денович почувствовал, как глаза Карра пристально смотрят ему в лицо, а потом Карр сказал:

— Ах вот оно что! — И жестко добавил: — Подождите немного доктор, хорошо?

Карр вновь обратился к Петерсону:

— Отправляйтесь к себе и полежите. Если через час вам не станет лучше, зайдите в мой кабинет.

Он протянул Петерсону свою визитку. Повернувшись к Уэнтворту, Карр сказал:

— Нам необходимо поговорить с начальником порта.

Начальник порта производил хорошее впечатление. Он был доброжелательным итальянцем, толковым работником и внимательным слушателем. Его звали Карло Понтини. Игнорируя автопереводчик Деновича, он заговорил в микрофон собственного транслятора.

— Трое африканцев прибыли из Вастуленда, — он развел руками. — Похоже, у вас проблема, джентльмены.

Уэнтворт, успевший связаться с отделом безопасности, который занимался чернокожими

обитателями лунной базы, прекрасно понимал, что имеет в виду итальянец. Инопланетянин был либо очень умен, либо удачлив, когда решил прибыть на базу именно в таком обличье, поскольку это давало ему преимущества. Оставалось надеяться, что способности Карра помогут его найти.

Понтини предоставил им фотографии трех вастулендцев; среди них Карр сразу же узнал худощавую фигуру в головном уборе, который выглядел как изысканное украшение в мусульманском стиле. Материя закрывала лоб, а лицо — на фотографии это было ярко видно — лишь отдаленно напоминало человеческое.

На большом экране, куда спроецировали фотографию, отчетливо выделялась черная окраска, а под ней слабо поблескивала чешуя.

Через несколько мгновений Уэнтворт уже передавал увеличенное изображение инопланетянина по каналам связи системы безопасности. Вскоре он получил подтверждение из всех отделов, кроме двух. Что ж, для начала неплохо.

Уэнтворт представил себе, что сейчас происходит. В дюжинах секторов огромной лунной базы его люди выходят в коридоры, заглядывают в офисы, проверяют свою территорию. И если кто-то из них видел подозрительную личность,

поиски уже в самом разгаре.

Загудел интерком. Карр нажал кнопку, и на экране появилось чисто выбритое молодое лицо — Ледуа из французской части базы.

— Полковник Уэнтворт.

— Да?

— Этот человек занял апартаменты в нашем секторе. Однако около часа назад он его покинул, и больше я его не видел.

Как только разговор закончился, на панели замигал огонек, и они получили новое сообщение: «Видел его около тридцати минут назад, когда он направлялся в Р-1».

Уэнтворт поморщился. Р-1 был главным жилым комплексом для гостей. Сейчас большая часть номеров пустовала. Одаренный богатым художественным воображением архитектор придал сектору футуристический облик; комиссия, отвечавшая за строительство базы, даже не подумала о том, чтобы согласовать проект с силами безопасности. Множество запутанных коридоров, задних лестниц, внутренних двориков, три дюжины ресторанов, четыре театра, подводные сады, укромные уголки для влюбленных, а также свободный доступ к электромобилям, местным средствам передвижения, — все это превращало

данный сектор в чудовищный лабиринт.

Едва ли инопланетянин мог найти лучшее убежище на всей лунной базе. Уэнтворт вздохнул и нажал сигнал общей тревоги.

Полковник не стал терять времени, сразу же схватил за руку Карра, поманил за собой Деновича и, по-прежнему не поворачиваясь к психологу, сказал:

— Пошли! — И повел их обратно к лифту.

Уэнтворт рассчитывал, что быстрые поиски всеми силами безопасности сразу же дадут результат. Способности Карра — а он их уже доказал — существенно увеличивали их шансы. Поскольку эта часть Луны находилась в тени, только тридцать восемь номеров в Р-1 были заняты. Сам Уэнтворт предпочитал темную сторону Луны, откуда открывался превосходный вид на Землю. К счастью, туристы не разделяли его вкусов.

Уэнтворт быстро объяснил, как они будут действовать. Лишь только дверь откроется, Карр сразу же начинает читать выражения лиц людей, находящихся в номере, а Уэнтворт задает вопросы.

Однако у них, как правило, получалось еще быстрее: стоило Карру взглянуть в лицо хозяина номера, как он сразу же говорил: «Нет». После

этого за дело брался кто-нибудь из помощников Уэнтворта, остальные двигались дальше.

Идея состояла в том, что кто-то из обитателей Р-1 мог видеть инопланетянина.

Дверь седьмого номера открыла миниатюрная женщина, которая вопросительно посмотрела на них. Она была в строгом черном платье; Уэнтворт не мог себе представить, как кому-то удалось уговорить ее отправиться в туристическую поездку на Луну. Впрочем, сюда часто прибывали весьма необычные люди.

Он увидел, что Карр колеблется. Казалось, психолог смущен.

— Он внутри, — неожиданно сказал Карр.

Кто-то схватил женщину сзади и, одновременно зажав ей рот рукой так, что она даже охнуть не успела, оттащил от двери. Через мгновение по сигналу Уэнтворта на бесшумных резиновых колесах в номер вкатился электромобиль. Остальные последовали за ним.

Опустившись на одно колено возле двери, Уэнтворт вдруг усомнился в отданном им приказе: нанести безжалостный удар. Он подумал о том, что это первый представитель другой расы, оказавшийся в Солнечной системе. Быть может, его не следует убивать?

Однако его сомнения быстро улетучились. Инопланетянин пытался убить Карра, как только понял, что разоблачен. Не говоря уже о том, что он тайно пробрался на лунную базу. Намерения инопланетянина имели явно враждебный характер, и с ним следовало поступить соответствующим образом.

Уэнтворта охватило возбуждение, он ощутил, как начала зудеть поверхность кожи — разрядник электромобиля работал на полную мощность.

Уэнтворт уже поздравлял себя с успешным завершением операции, когда коридор залил ослепительный свет — казалось, ему в глаза ударил прямой солнечный луч.

Свет погас. Прошла минута. Послышался шум — падали какие-то предметы. Побледневший Уэнтворт ждал.

* * *

За несколько минут до описываемых событий Ксилмер понял, что момент столкновения близок — если он того пожелает. Поэтому при помощи устройства на своем шлеме он связался с гийном — боевым кораблем, находившимся на орбите довольно далеко от Луны. Вот что он сказал, запрашивая инструкции:

— В моей разведывательной акции меня тревожит лишь одно. Час назад кто-то сумел меня засечь с верхних этажей. Его способности наводят на мысль, что на лунной базе находится два типа существ. Одна группа — в нее входит большинство обитателей базы — не имеет ни малейшего значения. Однако второй тип — один из них меня увидел, находясь на значительном расстоянии, — может оказаться куда более могущественной формой жизни. Поэтому я намерен ускользнуть отсюда через стену и любым возможным способом попытаться добраться до каюты, откуда за мной наблюдало продвинутое существо. Я уверен, что мне следует оценить его возможности прежде, чем будет принято окончательное решение.

Однако ответ прозвучал сурово:

— Через двадцать четыре часа флот рискнет и на минуту выйдет на субпространственный контакт. Мы должны сообщить, может ли флот лететь сюда или нам следует отправиться в другое место.

— Я намерен действовать осторожно, — запротестовал Ксилмер, — перемещаться сквозь стены, избегать коридоров. И прежде чем я покину это помещение, я постараюсь стереть воспомина-

ния о моем присутствии из сознания важного существа. Даже в самом худшем случае операция займет не более нескольких часов.

— Тем не менее почему бы сначала не проверить силу их оружия, хотя бы на несколько секунд? Посмотреть, на что они способны в экстренной ситуации?

— Очень хорошо.

Уэнтворт с тоской посмотрел на царивший в номере хаос, а потом повернулся к двум своим сотрудникам, которые выбирались из разбитого электромобиля.

— Что произошло? — спросил он.

Как ни странно, они не могли четко ответить на вопрос полковника. Кажется, в тот момент, когда они оказались в номере, в нем находился мужчина.

Сержант Гожински покачал головой, словно пытался стряхнуть наваждение. Его голос слегка дрожал.

— Вот тут он стоял. Он посмотрел на нас, но совсем не испугался. Я навел на него световой прут… ну, вы знаете…

Так было принято называть оружие электромобиля. Уэнтворт нетерпеливо кивнул.

— Ну, и я скомандовал: «Огонь!», — продолжал

сержант Гожински. — Я видел, как луч протянулся к нему. А потом что-то яркое ударило по электромобилю. Ну… и нас оглушило. Когда я пришел в себя, оказалось, что в стене появилась дыра, а он исчез.

Его напарник, родившийся в Южной Африке, мог лишь подтвердить слова Гожински.

Слушая отчет своих людей, Уэнтворт почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Очевидно, инопланетянин воспользовался каким-то мощным оружием. Полковник подошел к дыре в стене. Внутренние стальные конструкции были чисто срезаны. Он поднес счетчик Гейгера, но прибор молчал.

Противник обладает мощнейшим оружием, в котором не используется атомная энергия.

Уэнтворт заставил себя успокоиться. На лунной базе имелась дюжина более мощных электромобилей, но на их подзарядку требовалось не меньше часа.

Он спокойно объяснил новый план своим людям.

— Теперь мы будем снабжать каждую поисковую группу несколькими мобилями.

Подойдя к интеркому, он отдал общий приказ:

— Всем наблюдателям оставаться на своих

постах. Как только будут заряжены мобили, свяжитесь со мной. Я буду… — он немного подумал, — в каюте доктора Деновича.

Полковник знал, что рядом шагает Карр. Не глядя на психолога, Уэнтворт сказал:

— Доктор, я хочу, чтобы в следующий раз вы держались в стороне от разворачивающихся событий. Не следует забывать, что он попытался вас убить, как только вы его обнаружили. Между тем остальные его не заинтересовали. Полагаю, нам следует принять во внимание этот факт.

— А вам не кажется, что он атаковал меня из-за того, что я застал его врасплох? — нервно спросил Карр.

Такой вариант нельзя было исключать, но Уэнтворт не хотел рисковать.

— Я должен вам кое-что сообщить, — продолжат Карр. — Когда я в первый раз посмотрел в лицо той женщины из его номера, мне показалось, что я не могу прочитать ее мысли. Быть может, инопланетянин сумел как-то экранировать ее сознание?

Уэнтворт пожалел психолога — похоже, экстрасенсорные способности уже начали его покидать. Жестокая шутка судьбы, но пришла пора разъяснить Карру, что происходит.

Он повернулся к психологу и мягко спросил:

— Почему бы вам не попытаться прочитать мои мысли, доктор?

Карр бросил на него быстрый взгляд. Потом нахмурился и заметно побледнел.

— У меня возникли трудности, — пробормотал он. — К тому же ваша мысль довольно сложна. Вы думаете, что моя способность читать лица… — Он недоуменно покачал головой. — Я не понимаю — это общий стереотип? Но так не должно быть.

Небольшая ошибка лишь подтвердила, что способности Карра слабеют.

— Пойдемте в каюту доктора Деновича, где у меня будет время рассказать вам обоим, как в действительности обстоят наши дела.

Час спустя Уэнтворт все еще не получил сообщения, что мобили заряжены, однако успел закончить свой рассказ.

Лицо Карра покрылось пятнами, губы беззвучно шевелились. Правда оказала на него шокирующее действие.

— Все казалось мне таким естественным, — пробормотал он. — Я уже много лет размышлял о том, что могут означать разные выражения лиц.

— А когда у вас появилась ваша способность? — спросил Уэнтворт.

— Ну, — неуверенно проговорил Карр, — пожалуй, когда я наблюдал за лицами пассажиров, поднимающихся на корабль, два дня назад — все мгновенно встало на свои места.

— Значит, вы связались со мной почти через два дня после того, как начали читать мысли? Сейчас ваши способности будут быстро слабеть. А еще через несколько часов произойдет их искажение, суть которого предвидеть невозможно.

Карр побледнел еще сильнее.

— Во что может превратиться способность читать чужие мысли? — глухо спросил он. — Я не могу представить себе ничего более сложного.

Денович с трудом сдерживал кипящую в нем ярость.

— Я возмущен вашими играми в секретность. Почему меня не поставили в известность, когда я прибыл на базу? Почему никаких сообщений не появлялось в средствах массовой информации?

Англичанин холодно напомнил, что лунная база существует в данном виде всего восемь лет. Космические путешествия еще не успели стать нормой. Людей легко напутать. Столь невероятные истории могут вызвать панику. Однако теперь информация будет рассекречена. Подготовлено совместное заявление. Оно будет

обнародовано после одобрения Советом Безопасности ООН.

— А вас и доктора Карра, — продолжал Уэнтворт, — я намеревался ввести в курс дела после того, как вы поймете, что один из вас стал жертвой невероятного феномена.

Однако нельзя исключать, что система доктора Карра может оказаться заслуживающей доверия. Уэнтворт едва заметно улыбнулся.

— Надеюсь, доктор Карр, что вы ведете журнал наблюдений.

— Да, у меня все записано, — хмуро ответил Карр.

— Что ж, подобных прецедентов у нас не было, — сказал Уэнтворт. — Теперь мы получили весомые аргументы.

Он встал.

— Пойду посмотрю, в какой стадии находится зарядка мобилей, — и обратился к доктору Деновичу: — Присматривайте за вашим коллегой, сэр.

Психиатр коротко кивнул.

Когда мужчины остались вдвоем, доктор Денович с профессиональным вниманием посмотрел на пухлого американца.

— Вижу, вы пережили потрясение, доктор Карр.

Почему бы вам не выпить снотворного, чтобы немного вздремнуть, пока не закончится переходный период?

Карр, прищурившись, посмотрел на старшего коллегу.

— Возможно, мои способности и в самом деле слабеют, — не стал спорить он, — но вам должно быть стыдно иметь мысли, подобные тем, что сейчас бродят в вашей голове.

Денович запротестовал:

— Я уверен, что вы ошибаетесь.

— Вы собирались забрать мои записи, пока я сплю, — обвиняюще сказал Карр.

— Да, я подумал о ваших записях, — не стал отпираться русский, — и понял, как они важны. Мне и в голову не приходило, что вы намерены их скрыть.

— Да, возможно, так и есть, — пробормотал Карр. — Прошу меня простить. Послушайте, мы оба на взводе. Давайте вместе проанализируем ситуацию.

Почему бы двум экспертам не попытаться извлечь максимум из слабеющего таланта Карра?

— Быть может, — сказал Карр в заключение, — наша дискуссия поможет мне сохранить мои способности?

Оба сошлись на том, что это превосходная идея, и занялись делом. Прошло два с половиной часа, а Карр так и не потерял своего дара.

Затем зазвонил телефон.

Это был Уэнтворт, сообщивший, что мобили наконец заряжены.

— Вы не хотите присоединиться к нам? — спросил полковник.

Денович объяснил, что они с Карром пытаются сохранить его способности и не хотели бы прерываться.

Когда Денович положил трубку и повернулся к Карру, он с удивлением обнаружил, что психолог сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Но поразило его совсем другое: тело Карра совершенно обмякло. Денович склонился над ним, слегка встряхнул, но Карр не шевелился. Русский психиатр проверил пульс, прислушался к ровному дыханию. Карр крепко спал.

Доктор Денович не стал терять времени. Он достал шприц и сделал американцу укол снотворного. Затем дал поручение своей секретарше, которое должно было занять много времени — больше она не вернется в его кабинет. Быстро обыскав Карра, психиатр нашел связку ключей и,

прихватив камеру, направился в американский сектор, где находился офис Карра.

Он не чувствовал вины.

«Сейчас не время проявлять щепетильность, — сказал он себе, — национальные интересы прежде всего».

Денович почти сразу же нашел заметки американца. Они оказались неожиданно объемными. Он быстро приготовил камеру и занялся привычным делом. Прошло полчаса. Денович все еще фотографировал бумаги Карра, когда у него за спиной послышался негромкий звук.

Деновича не так-то просто было вывести из равновесия. Он медленно повернулся, и его охватил страх.

Перед ним стояла фигура.

Русский никак не понимал, как это существо могли принять за человека. Поражала его невероятная худоба, черное лицо просто не могло принадлежать человеку. Но из-под длинного плаща торчали ноги… нет, ткань прилипла к ним, подчеркивая их форму! Профессиональный взгляд психиатра успел все зафиксировать в долю секунды.

В следующее мгновение в его наушниках по-русски прозвучал голос:

— Где… доктор Карр?

Денович никогда не мечтал о мученической смерти, да и сейчас не собирался геройствовать. Но, как не раз в прошлом, он столкнулся с коммунистической дилеммой. Партия всегда требовала делать то, что необходимо «для народа», даже несмотря на угрозу жизни. Иначе он будет вынужден отвечать на собрании перед своими товарищами по партии.

Он уже давно решил для себя эту проблему: критерий тут был один — вероятность разоблачения.

В данном случае вероятность равняется нулю, решил он. К тому же Денович пришел к выводу, что от него потребуется полнейшее сотрудничество — тогда у него есть шанс уцелеть.

— Одиннадцатью этажами ниже, в русском секторе. Он в моем кабинете — 422-Н, — хрипло ответил он.

Существо мрачно посмотрело на психиатра.

— Не бойся, — презрительно проговорило оно. — Мы не охотимся на людей. А поскольку ты мне сам все рассказал, я даже не стану воздействовать на твою память.

Ослепительная вспышка родилась на шлеме инопланетянина и ударила в лоб психиатра.

Полная темнота.

* * *

У Ксилмера ушло немало времени, чтобы добраться до кабинета 422-Н — ведь он старался не появляться в коридорах. Наконец он вошел в офис Деновича, увидел лежащего без сознания Карра и отправил сообщение на корабль.

— Насколько я могу судить, сейчас мне никто не помешает его уничтожить.

— Подожди!

Прошло несколько минут, затем последовал вопрос:

— Расскажи нам, почему он потерял сознание.

Ксилмер подробно передал все, что узнал из сознания психиатра относительно экстрасенсорных способностей Карра, а также то, что Денович сделал Карру инъекцию сильного снотворного.

— Именно поэтому Карр стал совершенно беспомощным — во всяком случае, так мне кажется. И я убежден, что его не следует будить. Кто знает, какими способностями он обладает теперь?

— Подожди!

И вновь Ксилмеру пришлось дожидаться новых указаний.

— Мы знаем, что человек уже успел обрести

новые экстрасенсорные способности. Очевидно, это часть его цикла. Тебе необходимо установить, какие процессы идут в нижних долях его мозга.

— Я уже это проделал.

— И каковы результаты?

— Несмотря на бессознательное состояние, он каким-то образом наблюдает за мной; мало того, ему удается фиксировать наши переговоры. Но он не в состоянии контролировать энергию и не в силах оказать мне сопротивление. Какими бы ни оказались его новые возможности, он не обладает серьезным оружием.

В заключение Ксилмер мрачно заявил:

— Полагаю, что, если мы не разбудим этого человека, обитатели данной звездной системы не смогут себя защищать.

— Тем хуже для них! — последовала короткая равнодушная реплика.

Они мысленно улыбнулись друг другу, наслаждаясь ощущением своего превосходства.

— Каковы ваши рекомендации? — спокойно спросил Ксилмер.

— Убей его!

Когда Денович пришел в себя, он лежал на покрытом ковром полу.

Он встал и огляделся по сторонам. Психиатр

облегченно вздохнул, когда понял, что инопланетянин исчез. Он подошел к двери и осторожно выглянул в коридор. Никого. Борясь с паникой, Денович быстро собрал свое оборудование, но потом заколебался: ведь он не успел скопировать все записи Карра. После некоторых размышлений он забрал бумаги психолога, в том числе и те, которые сфотографировал.

Выйдя в коридор, Денович впервые посмотрел на часы. Прошло два часа с того момента, как он потерял сознание. Это оказалось для него неожиданным: «Инопланетянин уже наверняка нашел Карра в моем офисе».

Он ожидал, что офис будет разгромлен. Но на первый взгляд все было в порядке. Денович быстро спрятал украденные бумаги и перешел в соседнее помещение, где оставил на диванчике спящего Карра.

Однако в комнате его не оказалось.

Денович уже повернулся, чтобы уйти, когда ему на глаза попался предмет, валявшийся в дальнем углу диванчика. Тюрбан инопланетянина. Материал был смят и испачкан голубоватой жидкостью, сквозь складки гладкой ткани проглядывал металл.

Более внимательный осмотр показал, что пол

также испачкан голубоватой жидкостью.

Психиатр стоял, не зная, на что решиться, когда из соседнего помещения послышались голоса. Он узнал баритон англичанина и более тихий голос Карра. Денович повернулся к двери, а через мгновение в нее вошли Уэнтворт и Карр.

Советский психиатр разглядел за их спинами еще несколько человек, но они не стали входить. Денович был знаком только с одним из них — представителем службы безопасности русского сектора. Они переглянулись, а потом равнодушно отвели глаза в сторону.

— Ах вот вы где, доктор, — сказал Уэнтворт.

Денович ничего не ответил. Он напряженно смотрел в лицо пухлого американца и думал: «Сейчас он обрел свои суперспособности».

Он, наверное, знает все, что делал Денович в течение последних нескольких часов.

Советский психиатр съежился от ужаса, но потом заставил себя успокоиться и решил все отрицать.

— Доктор Карр недоумевает, — продолжал Уэнтворт. — Он пришел в себя на диване, но не помнит, как туда попал. Однако это, — Уэнтворт показал на тюрбан Ксилмера, — лежало здесь. Когда доктор Карр вышел в коридор, он увидел на

дверях табличку с вашим именем. Так он узнал о вас, поскольку ничего не помнит о первой стадии своего экстрасенсорного прорыва. Что произошло?

Пока Уэнтворт говорил, Денович мучительно искал объяснение своего отсутствия. Но он прекрасно понимал, что сразу лучше ничего не говорить. Поэтому, как только англичанин замолчал, Денович обратился к Карру:

— С вами все в порядке, доктор?

Карр довольно долго смотрел на него, но произнес лишь одно слово:

— Да.

— Вы не пострадали?

— Нет. А мне грозила опасность? — в его широко открытых глазах читалось удивление.

— А как насчет ваших способностей? — спросил Денович.

— О чем вы?

Денович был ошеломлен. Он и сам не знал, чего ожидать. Но только не такого исхода! Перед ним стоял обычный человек с обычными реакциями. И он ничего не помнил!

— Вы хотите сказать, — решил уточнить Денович, — что не помните ничего необычного?

Карр покачал головой:

— По правде говоря, доктор, вам известно об этом гораздо больше, чем мне. Как я оказался в вашем офисе? Я был болен?

Денович повернулся к Уэнтворту и беспомощно посмотрел на него. Он уже успел придумать свою версию случившегося, но ему не хотелось ее излагать.

— Полковник, — предложил он, — если вы поделитесь со мной новостями, я расскажу вам, что здесь было.

Уэнтворт сжато изложил все, что произошло за последние несколько часов. После телефонного разговора он вошел в состав одной из групп, разыскивающих Ксилмера. Несколько минут назад в коридоре заметили доктора Карра. Поскольку обитателям станции было запрещено выходить из своих домов, Уэнтворту сразу же доложили о появлении Карра. И он вернулся.

— Естественно, я спросил, что случилось, а он, как и следовало ожидать, рассказал, что проснулся, увидел тюрбан и пол, залитый необычным липким веществом.

Уэнтворт наклонился и кончиком пальца осторожно коснулся голубой жидкости. Ничего не произошло, и тогда полковник понюхал палец и скорчил гримасу.

— Должно быть, кровь инопланетянина, — заметил он. — Довольно сильный запах.

— Какого инопланетянина? — спросил Карр. — Послушайте, джентльмены, что…

Больше он ничего сказать не смог. Из шлема Ксилмера послышался голос, говоривший на английском:

— Мы слышали ваш разговор и пришли к выводу, что с нашим агентом произошел несчастный случай.

Уэнтворт сделал быстрый шаг вперед.

— Вы меня слышите? — спросил он.

Голос продолжал:

— Дайте нам точное описание состояния нашего агента.

— Мы готовы пойти вам навстречу, — спокойно ответил Уэнтворт. — Однако прежде мы хотим получить от вас кое-какую информацию.

— Мы находимся в трехстах тысячах миль от вашей базы. Через час вы нас увидите, и, если ваши объяснения нас не удовлетворят, база будет уничтожена. А теперь отвечайте. Быстро!

Угроза получилась чрезвычайно убедительной.

— О боже, — пробормотал кто-то.

После долгой напряженной паузы Уэнтворт

спокойно и четко описал, что осталось от Ксилмера. Когда он закончил, голос приказал:

— Ждите!

Прошло не менее трех томительных минут.

— Нам необходимо знать, что именно произошло. Допросите доктора Карра.

— Меня? — едва слышно пролепетал Карр.

Уэнтворт приложил палец к губам и сердито зашипел на Карра. Потом жестами предложил всем остальным выйти из офиса, после чего кивнул Деновичу и Карру.

— Получите от него необходимую информацию! — приказал Уэнтворт Деновичу, затем на цыпочках вышел в соседнюю комнату и аккуратно закрыл за собой дверь.

Пока психиатр смотрел на Карра, пытаясь придумать, с чего начать допрос, он услышал, как полковник приглушенным голосом объявляет общую тревогу. Денович постарался не обращать на него внимания и повернулся к Карру.

— Доктор, — начал он, — что вы помните?

Американец сглотнул, словно во рту у него находилась какая-то дрянь, и поморщился.

— Как долго я нахожусь на лунной базе? — задал он ответный вопрос.

Тут только психиатр начал понимать, что про-

изошло.

«Конечно, — подумал он, — Карр ничего не помнит с того момента, как прорезались его экстрасенсорные способности».

Он вспомнил, что Карр задавал вопрос относительно своей болезни.

«Конечно, — сообразил Денович, — Карр полагает, что сходит с ума!»

Он стоял, дрожа от возбуждения, молниеносный анализ ситуации открыл перед ним множество возможностей. Денович попытался представить себя на месте Карра.

И сразу понял, что его больше всего тревожит. Американский психолог только что признался русскому коллеге, что теряет рассудок!

— Доктор, почему вы полагаете, что сошли с ума? — мягко спросил Денович.

Карр колебался, и тогда психиатр добавил:

— Наши жизни зависят от вашего ответа. Вы ничего не должны скрывать.

Карр вздохнул.

— У меня симптомы шизофрении, — ответил он.

Казалось, еще немного — и американец расплачется.

— Подробности! И поторопитесь!

Карр с трудом улыбнулся.

— Все очень серьезно. Проснувшись, я уловил сигналы.

— Сигналы?

— Причем они имели какой-то смысл.

— Ах вот вы о чем! — кивнул Денович. — Например?

— Ну, когда я смотрю на вас… то вижу множество… бессмысленных сигналов. Даже то, как вы стоите, несет в себе некое послание.

Денович был совершенно сбит с толку. Карр и в самом деле излагал классические симптомы шизофрении.

Неужели это и есть знаменитая вторая фаза экстрасенсорного цикла? Он не мог не признать, что первая фаза произвела на него сильное впечатление.

— Объясните подробнее, — попросил Денович.

— Ну… — Карр замолчал, и на его пухлом лице появилось беспомощное выражение. — Ваши пульсации!

Затем, запинаясь, он объяснил Деновичу, что его тело напоминает множество энергетических цепей, передающих разные сигналы.

Карр смотрел на человека и видел поверхностные сигналы, которые испускали открытые части

его тела. *Сквозь* кожу его взгляд проникал во внутренние атомарные структуры: крошечные золотые сферы — миллиарды на один кубический миллиметр, — пульсирующие и подающие сигналы… и соединенные…

Соединенные квадриллионами силовых линий с далекими звездами окружающей Вселенной и с другими людьми на лунной базе.

Но большинство этих линий уходило через стены к Земле… Множество связей с другими людьми и местами, где когда-либо побывал Денович.

Сигналы, пульсировавшие вдоль некоторых из этих линий, были более мощными. Карр последовал за одним из них и оказался в прошлом Деновича. Он увидел молодую женщину, по лицу которой катились слезы.

И еще он услышал ее мысли:

«Я тебе верила, а ты меня предал!»

«Но, Наташа…» — отвечал молодой Денович.

— Вы понимаете… — начал Карр и замолчал. — Что случилось?

«Наверное, я ужасно побледнел», — подумал Денович.

— Что? Ч-что? — выдохнул он.

Он был ошеломлен. Наташа была девушкой,

которая забеременела от него, а потом умерла во время родов. Денович с трудом заставил себя говорить спокойно:

— И вы можете что-нибудь с этим сделать?

— Ну, пожалуй, да.

Когда Карр не слишком уверенно ответил на его вопрос, он одновременно каким-то непостижимым образом перерезал связи с девушкой — и линии, словно резиновые жгуты, вернулись к Деновичу.

Денович закричал. Он не сумел сдержаться. Так воют мартовские коты, звук поднялся от басов к самым высоким нотам. В комнату тут же вбежал Уэнтворт.

Денович пытался добраться до диванчика, но его колени подогнулись. Он упал на пол и остался лежать, с его губ слетали тихие стоны. Но через несколько мгновений он вновь начал дико кричать.

В комнату сунул голову русский агент, да так и остался стоять с вытаращенными глазами. Уэнтворт вызвал врачей.

Вскоре Деновичу сделали успокаивающий укол. Он перестал кричать, но еще некоторое время продолжал всхлипывать, а потом затих. Врачи вынесли потерявшего сознание Деновича на

носилках, уложили в электромобиль и увезли.

Вновь зазвучал голос из шлема Ксилмера:

— Мы требуем, чтобы доктор Карр немедленно объяснил, что он сделал с доктором Деновичем.

Карр беспомощно посмотрел на Уэнтворта.

— Я всего лишь перерезал линии. Вероятно, барьеры, которыми он разделял себя и ту девушку, рухнули. И на него обрушилось страшное чувство вины.

— Подождите! — сказал голос из шлема Ксилмера.

Уэнтворт, не забывший, что в шлеме Ксилмера есть энергетическое оружие, жестами попросил всех покинуть комнату. А сам отошел к двери.

Прошла минута. Потом еще одна.

— Вне всякого сомнения, — продолжал голос, — доктор Карр обладает мощной ментальной силой. Анализ смерти Ксилмера показывает, что разум доктора Карра, находившегося без сознания, защитил доктора. Для этого он отсек энергетические линии, чтобы помешать Ксилмеру убить доктора Карра. В результате были наведены обратные потоки, и тогда Ксилмер использовал майрт — оружие своего шлема — и совершил самоубийство. Судя по состоянию его тела, произошло полное разрушение.

Уэнтворт повернулся к Карру.

— Вам есть что сказать по этому поводу? — прошептал он.

Карр покачал головой.

— У вас не осталось никаких воспоминаний?

Карр вновь отрицательно покачал головой.

— Естественно, — иронически продолжал голос из шлема, — мы подождем, пока удивительный ментальный дар доктора Карра завершит свой цикл. Вы нас еще услышите.

Наступила тишина.

* * *

Миновало два часа.

Пришли другие люди. Состоялось несколько напряженных совещаний. Карр сидел в стороне. Когда голоса зазвучали громче, Карр незаметно выскользнул в соседнюю комнату, где лежал тюрбан Ксилмера, и застыл, закрыв глаза, всматриваясь во Вселенную — средоточие бесконечного множества сигналов.

Миллиарды пульсаций все еще удерживались возле шлема. Квадриллионы линий уходили в далекие пространства космоса.

Карр смотрел вдоль этих линий, не прикладывая никаких усилий. Теперь, когда его больше

не тревожил сам феномен, он обнаружил, что обладает даром улавливать смысл миллионов линий одновременно.

Он ясно и четко понимал, что сигналы и пульсации есть лишь внешнее проявление самой сущности Вселенной.

А за ними находится истина.

Между сигналами и тем, что они собой представляли, существовала изощренная обратная связь, обмен между внешними смыслами и огромной истиной внутренней сути.

Он почувствовал, как к нему подошел Уэнтворт.

— Доктор Карр, — негромко проговорил полковник, — наши дискуссии привели к тому, что было решено запустить ракеты с ядерными боеголовками с космической станции ООН, парящей над Атлантикой. Она окажется неподалеку от нас через пять часов, но все наши надежды связаны с вашими возможностями. Что вы *можете* сделать?

— Я могу поэкспериментировать с сигналами, — ответил Карр.

Уэнтворт почувствовал жестокое разочарование. Для него сигналы были лишь частью системы связи, а не оружием. Он с горечью

осознал, что в этом есть определенная логика. Начавший с чтения мыслей по лицам, американский психолог во второй фазе в совершенстве овладел системой связи.

Замечательный дар, но совсем не то, что требовалось в такой важнейший момент.

— О каком эксперименте идет речь? — без особой надежды спросил уэнтворт.

— А вот о каком! — ответил Карр.

И исчез.

Уэнтворт немного потоптался на месте. Он не забыл о тюрбане Ксилмера — враг не должен узнать о том, что здесь произошло. Уэнтворт на цыпочках вышел из комнаты. Оказавшись в соседнем помещении, он тут же связался со своими агентами и попросил разыскать Карра.

Через десять минут Уэнтворт мог с уверенностью утверждать, что психолога нет на лунной базе. По мере того как поступали все новые отчеты, подтверждающие этот невероятный факт, Уэнтворт связался с ведущими учеными базы. Вскоре он уже беседовал с несколькими мужчинами и женщинами разных национальностей. Он быстро ввел их в курс происходящего.

В результате все дискуссии свелись к одному вопросу: что может сделать один человек против

тысяч врагов?

Или, если говорить о даре Карра: каково наименьшее количество линий, которые необходимо перерезать, чтобы захватчики потерпели поражение?

Пока Уэнтворт переводил взгляд с одного лица на другое, он понял, что ни один из присутствующих не знает ответа на этот вопрос.

Между тем прибывший на гийн Карр в первое мгновение испытал… нет, не замешательство, поскольку он полностью понимал происходящее, — просто его поразила мощь витающей здесь ненависти.

Он совершенно сознательно выбрал свободное помещение: Карр попал в некое подобие лаборатории. Инструменты. Столы. Машины. Сейчас здесь царили тишина и спокойствие.

У него возникла проблема, поскольку гийн был запрограммирован на сопротивление присутствию чуждых жизненных форм. Пока система бездействовала, отсутствовали видимые линии. Они возникли только после того, как здесь появился Карр.

В результате яростные силы пришли в действие.

В то самое мгновение, когда Карр появился в

лаборатории, стены, потолок и пол направили на него оружие. Силовые линии моментально создали вокруг него энергетический кокон, пытаясь удержать на месте.

Это была лишь первая из четырех степеней защиты. Вслед за энергетической ловушкой сработал элементарный майрт с целью оглушить врага; затем наступала очередь основного майрта, заряженного смертельным потоком энергии; наконец, если этого оказывалось недостаточно, начиналась ядерная реакция.

Но для Карра, обладающего удивительной способностью, это были лишь разные виды сигналов, с которыми он мог справиться, совершенно не напрягаясь. Каждая атака имела запрограммированный цикл. Все циклы подошли к концу. Наступила тишина.

Пауза.

Неожиданно о присутствии Карра стало известно живому разуму. И тут же в мозгу Карра прозвучал удивленный голос:

— Кто ты такой?

Карр ничего не ответил.

Огромное количество сигналов, поступающих в его разум с разных уровней, позволило ему сделать вывод, что он находится внутри корабля

длиной в двадцать миль, шириной в пять миль и высотой в четыре мили. На борту корабля находилось восемьдесят тысяч гизданов, каждый из которых услышал сигнал тревоги.

В течение следующих нескольких мгновений у всех возникла общая мысль, все сосредоточились на пришельце. Подобно тому, как железные опилки, намагничиваясь, создают некий узор, пульсации образовали общую группу. Именно эта общность и сделала их уязвимыми.

Карру было достаточно одного оценивающего взгляда, чтобы принять решение. Он изолировал небольшую часть важнейших линий — и отсек их.

Затем все тем же безошибочным чутьем он выбрал массу линий, связанных и взаимодействующих с Основной Истиной, потянул их и связал с собой — после чего переступил через энергетический вакуум в комнату, где спал получивший мощную дозу снотворного Денович. У Карра возникло ощущение, что его способности очень скоро исчезнут.

Он торопливо соединил линии, которые так поспешно рассек ранее, и проследил, как восстанавливается внутренняя броня психиатра. После чего доктор Карр покинул больничный сектор и

вошел в ближайший телефонный автомат.

Как только Уэнтворт взял трубку, он нетерпеливо спросил:

— Доктор, что произошло?

— Они ушли, — просто ответил Карр.

— Н-но… — Уэнтворт не знал, что сказать. После некоторых раздумий полковник заговорил более спокойно: — Доктор, мы пришли к выводу, что необходимо перерезать ряд важных линий…

— Именно так я и поступил.

— Но как вам это удалось? Что могло играть роль общего знаменателя для такого количества существ?

Карр объяснил.

— Будь я проклят! — восхищенно воскликнул Уэнтворт. — Конечно. Мои поздравления, доктор.

Через несколько часов, когда вторая фаза закончилась и Карр лишился экстрасенсорных способностей, *гийн* находился у дальних границ Солнечной системы, продолжая набирать ускорение. Он связался с огромным гизданским флотом, дрейфовавшим в другой части пространства.

— У вас есть что-нибудь для нас? — спросил командующий флотом.

— Нет! — ответил капитан гийна.

— Мы полагали, что вы приближались к обита-

емой системе. Считалось, что проблем не должно возникнуть.

— Я не знаю, почему у вас сложилось такое впечатление. Там просто ничего нет.

— Хорошо. Конец связи.

Капитан гийна выключил систему связи, и на мгновение у него возникло смутное ощущение, похожее на сон, словно он должен что-то знать относительно Солнечной системы, которую покидал гийн.

Если бы он умел видеть такие вещи, то заметил бы, что все линии, имеющие отношение к Земле и Луне, обрезаны и собраны в клубок в одном из крошечных уголков его сознания.

Затем это ощущение потускнело и исчезло…

Навсегда.

Далекий Центавр

Я вздрогнул во сне, проснулся и подумал: «Как это вынес Ренфри!»

Вероятно, я сильно дергался, потому что острая боль пронзила меня, и тьма сомкнулась надо мной. Не знаю, долго ли я лежал в болезненном беспамятстве, но, когда пришел в себя, почувствовал тягу двигателей, разгонявших космический корабль.

На этот раз сознание возвращалось медленно, и я лежал неподвижно, чувствуя бремя долгих лет сна. Нужно было точно придерживаться порядка, установленного Пелхэмом.

Я не хотел вновь потерять сознание.

Я лежал, размышляя о том, что глупо с моей стороны беспокоиться о Джиме Ренфри, который должен лежать в гибернации еще пятьдесят лет.

Потом я начал разглядывать освещенный циферблат часов на потолке. Когда я проснулся, они показывали 23:12, а сейчас было 23:22. Значит, прошло уже десять минут — по мнению Пелхэма, этого достаточно для адаптации.

Я медленно протянул руку к краю постели и щелкнул тумблером. Послышался тихий шум, и

массажный автомат медленно пополз по моему нагому телу. Сначала он тер мои руки, потом ноги и под конец занялся туловищем. Я чувствовал, как течет тонкая струйка масла, впитываясь в мою сухую кожу.

Много раз я вскрикивал от боли, но уже через час смог сесть и зажечь свет.

Небольшая, скромно меблированная знакомая каюта не могла долго занимать мое внимание. Я встал. Вероятно, движение было слишком резким, потому что я пошатнулся, ухватился за металлическую опору постели, и меня вырвало бесцветным желудочным соком.

Потом тошнота прошла, но, чтобы добраться до двери, открыть ее и пройти узким коридорчиком до рубки, потребовалась вся сила воли. Хоть это и не входило в мои обязанности, но я не удержался от соблазна — склонился над пультом управления и взглянул на хронометр.

Он показывал 53 года 7 месяцев 2 недели 0 дней 0 часов и 27 минут.

«Пятьдесят три года! Все, кого я знал на Земле: молодые мужчины, с которыми мы вместе учились, девушка, поцеловавшая меня на приеме, устроенном в нашу честь в ночь отъезда, — все они уже мертвы или заканчивают свою

жизнь», — подумал я почти равнодушно.

Образ той девушки остался в моей памяти. Она была красива, полна жизни и совершенно незнакома. Она смеялась, целуя меня.

Должно быть, теперь она старуха или вообще умерла.

Слезы подступили к глазам, я вытер их и принялся разогревать банку жидкого концентрата, который должен был стать моим первым завтраком. Постепенно я обрел душевное равновесие.

«Пятьдесят три года и семь с половиной месяцев, — думал я. — Почти четыре года сверх установленного времени. Придется кое-что подсчитать, прежде чем принять очередную порцию эликсира долголетия. Двадцать гранул по расчетам должны были законсервировать мое тело и сохранить ему жизнь в течение пятидесяти лет. Вероятно, средство оказалось сильнее, чем установил Пелхэм во время кратковременных тестов».

Так я размышлял, напряженно щуря глаза. Вдруг до меня дошел комизм ситуации, и я рассмеялся. Смех расколол тишину, словно серия выстрелов: я даже испугался, но вместе с тем и расслабился — надо же, сижу и скорблю!

А ведь четыре года — это капля в море, если

сравнивать с продолжительностью нашего путешествия!

Однако я все еще жив и молод. Время и пространство были побеждены. Вселенная принадлежала человеку.

Неторопливо, маленькими глотками я ел свой «суп», одолел целую миску, используя каждую секунду из отведенных мне тридцати минут. Потом, подкрепившись, тем же путем вернулся в рубку.

На этот раз я задержался, глядя на экраны. Уже через минуту я нашел Сол — звезда ярко пылала почти в центре экрана кормового обзора.

Чтобы обнаружить Альфу Центавра, потребовалось больше времени, но наконец я нашел и ее — сверкающую точку в усеянной огнями темноте.

Я не стал терять времени на определение расстояния. За пятьдесят четыре года мы преодолели одну десятую часть из 4,3 световых лет пути до ближайшей к нам звездной системы.

Удовлетворенный, я вернулся к каютам.

«Теперь нужно навестить всех по очереди, — подумал я. — Первый — Пелхэм».

Когда я открыл герметичную дверь каюты Пелхэма, в нос мне ударила невыносимая вонь

разложения. С трудом переводя дыхание, я захлопнул дверь и стоял в узком коридоре весь дрожа.

Прошла минута, другая; оставалось только смириться с действительностью: Пелхэм был мертв.

Не помню точно, что я тогда делал, помню лишь, что метнулся сначала в каюту Ренфри, потом к Блейку… Чистый свежий воздух в их каютах и вид их неподвижных тел вернули мне душевное равновесие.

Меня охватила глубокая печаль. Бедный благородный Пелхэм, изобретатель эликсира долголетия, который сделал возможным этот прыжок в межзвездное пространство, лежал сейчас мертвым — жертва своего собственного изобретения.

Ведь это он говорил: «Риск, что кто-то из нас умрет, не очень велик. Но имеется, как я его называю, фактор смерти, составляющий около десяти процентов, это побочный продукт первой дозы. Если наш организм переживает первый шок, он выдержит и следующие дозы».

Видимо, фактор смерти составлял больше четырех процентов; потому-то эликсир продержал меня в гибернации четыре лишних года.

Удрученный, я пошел на склад и взял там брезент и скафандр. Но даже скафандр не облегчил

чудовищного занятия! Эликсир до некоторой степени консервирует тело, но, когда я его поднял, от него отваливались куски.

Наконец я отнес брезент к воздушному шлюзу и вытолкнул в космическое пространство.

Времени у меня оставалось немного. Периоды бодрствования должны были быть короткими: ведь при этом потреблялись «текущие» — как мы это называли — запасы кислорода; главный резерв должен был оставаться нетронутым. Все эти годы химические регенераторы в каютах постепенно освежали «текущий» воздух, подготавливая его к очередному нашему пробуждению.

Как-то так получилось, что мы не приняли в расчет возможность смерти кого-либо из членов экипажа, и сейчас, уже выбравшись из скафандра, я отчетливо чувствовал разницу в составе воздуха.

Сначала я подошел к передатчику. Считалось, что половина светового года явится пределом досягаемости радиоволн, а мы как раз приближались к этой черте.

Торопливо, но довольно подробно я составил рапорт, записал его на диктофон и включил передачу.

Пройдет немногим более пяти месяцев, и сообщение достигнет Земли.

Свой рапорт я подшил в бортовой журнал, добавив внизу приписку для Ренфри. Это был короткий некролог Пелхэму. Я писал его от чистого сердца, однако была еще одна причина. Ренфри и Пелхэм были друзьями. Ренфри — инженерный гений, конструктор нашего корабля, Пелхэм — великий химик и врач, его эликсир позволил человечеству выйти в космос.

Я считал, что Ренфри понадобится моральная поддержка, когда он очнется в тишине мчащегося корабля. Я любил их обоих, так что этот маленький некролог казался мне совершенно необходимым.

Дописав, я торопливо осмотрел двигатели, записал показания приборов и отсчитал пятьдесят пять гранул эликсира. Это была доза на очередные сто пятьдесят лет, рассчитанная со всей доступной точностью.

Прежде чем погрузиться в сон, я еще долго думал о Ренфри, о том, как он будет потрясен, когда узнает о Пелхэме…

Я шевельнулся, обеспокоенный этой мыслью.

И все еще думал об этом, когда навалилась темнота.

Почти сразу же я открыл глаза и понял, что действие эликсира закончилось.

Чувство онемения во всем теле вернуло меня к действительности. Я неподвижно лежал, разглядывая часы над головой. На этот раз я легче перенес процедуры, правда, и теперь не удержался и взглянул на хронометр, когда проходил мимо него на кухню.

Он показывал 201 год 1 месяц 3 недели 5 дней 7 часов и 8 минут.

Маленькими глотками я выпил миску суперсупа, а потом нетерпеливо обратился к бортовому журналу.

Невозможно описать охватившее меня волнение, когда я увидел знакомый почерк Блейка, а потом и Ренфри.

Пока я читал рапорт Ренфри, мои эмоции улеглись. Это был обычный сухой рапорт, и ничего больше: гравиметрические данные, точный расчет пройденного пути, детальное описание работы двигателей и наконец оценка изменений скорости, основанная на семи постоянных.

Это была высоко профессиональная работа, первоклассный научный анализ. Но ничего кроме этого — ни одного упоминания о Пелхэме, никакой реакции на то, что я написал.

Если бы этот рапорт мог служить критерием, Ренфри вполне мог быть роботом.

Об этом я кое-что знаю.

Примерно так же считал и Блейк, я понял это из его записки.

«Билл,

ВЫРВИ ЭТОТ ЛИСТ, КОГДА ПРОЧТЕШЬ!

Итак, произошло наихудшее. Что за ирония судьбы! Для меня невыносима даже мысль о том, что Пелхэм мертв. Что это был за человек, какой чудесный друг! Но ведь мы хорошо знали, что здорово рискуем, а он понимал это лучше, чем любой из нас. Теперь нам осталось только сказать: «Спи спокойно, дорогой друг, мы никогда тебя не забудем».

Что касается Ренфри, его состояние внушает мне тревогу. Мы беспокоились, как он перенесет первое пробуждение, а к этому добавился шок от смерти Пелхэма. Думаю, наше беспокойство было обоснованно.

На земле Ренфри со своей внешностью, деньгами, интеллектом был избранником судьбы, мы оба это знаем. Его

главным недостатком было то, что он не заботился о будущем. Блистательный ученый, окруженный толпой поклонниц и льстецов, — у него оставалось время только на «сегодня».

Неприкрытая действительность всегда поражала его словно гром с ясного неба. Он покинул трех своих бывших жен (в сущности, не таких уж и бывших, если тебя это интересует), не понимая, что это навсегда.

Одного прощального банкета хватило бы, чтобы вскружить человеку голову, лишить его ощущения реальности. Проснуться спустя сто лет и понять, что тех, кого ты любил, уже нет, что они умерли и их съели черви, — брр!

(Я сознательно окрасил все в такие мрачные тона, ведь человеку свойственно анализировать даже самые страшные аспекты действительности, независимо от того, насколько сильна внутренняя цензура.)

Я лично рассчитывал на Пелхэма как на своего рода моральную опору для Ренфри. Мы оба понимаем, что Пелхэм знал о

своем влиянии на него. Теперь нужно искать что-то новое. Попробуй что-нибудь придумать, Билл, пока будешь заниматься делом. Ведь нам придется жить с этим человеком, когда мы все проснемся через пятьсот лет.

Вырви этот лист! Остальное — обычная рутина.

Нэд».

Я бросил лист в мусоросжигатель, еще раз взглянул на обоих спящих — до чего же смертельно неподвижных! — и вернулся в рубку.

На экране Солнце было очень яркой звездочкой, драгоценным камнем на темном бархате неба, роскошным сверкающим бриллиантом.

Альфа Центавра светила ярче: лучистое сияние на фоне черноты. По-прежнему нельзя было различить Альфу и Проксиму по отдельности, но их общее свечение производило грандиозное впечатление.

Я был взволнован, только сейчас поняв значение этого события: впервые человек совершает полет к далекому Центавру, впервые осмеливается коснуться звезд.

Даже мысль о том, что на Земле после нашего

отлета сменились уже семь, а может, и восемь поколений, что девушка, подарившая мне грезу о своих сладких алых губах, вспоминается своими потомками как прапрапрапрабабка, если о ней вообще помнят, — даже эта мысль не затмила моего восторга.

Минувшее время было огромно, невообразимо, а потому не могло вызывать эмоций.

Я выполнил все текущие операции, принял новую дозу эликсира, лег в постель и заснул, так ничего и не придумав относительно Ренфри.

Когда я снова проснулся, завывала сирена тревоги.

Я продолжал лежать, поскольку не мог сделать ничего другого. Шевельнувшись, я просто потерял бы сознание. Я хорошо знал: какой бы страшной ни была грозившая кораблю опасность, скорейший путь к ее ликвидации лежит через выполнение процедур во всех деталях и с точностью до секунды.

Все-таки мне это удалось. Сирена пронзительно выла, но я не шевелился, пока не пришло время встать. Когда я проходил через рубку, шум стоял невыносимый, но я выдержал это и потом сидел еще полчаса и цедил суп.

Я был почти уверен, что, если этот содом про-

длится чуть дольше, Блейк и Ренфри проснутся.

В конце концов я решил, что пора познакомиться с опасностью, и, глубоко вздохнув, занял место за пультом управления. Утихомирив сверлящую мозг сирену, я включил экраны.

Кормовой экран вспыхнул огнем. Это был мощный столб белого пламени, удлиненный, заполняющий почти четверть неба. Мне в голову пришла чудовищная мысль: может, мы находимся в нескольких миллионах километров от какого-то огромного солнца, недавно вспыхнувшего в этой области пространства.

Я самозабвенно манипулировал дальномерами, потом некоторое время тупо вглядывался в ответ, с металлическим щелчком появившийся на экране.

Семь километров. Всего семь километров! Странная штука человеческий разум: минуту назад, считая, что это некая аномальная звезда, я не видел ничего, кроме раскаленной массы. Теперь же вдруг заметил отчетливые контуры и легко узнаваемый силуэт.

Ошеломленный, вскочил я на ноги, ведь это был…

Это был космический корабль! Огромный, длиной километра в полтора. Точнее — тут я вновь

рухнул в кресло, потрясенный катастрофой, свидетелем которой невольно оказался, — это были пылающие останки космического корабля. Никто не мог уцелеть в этом аду, разве что экипаж успел катапультироваться на спасательных шлюпках.

Словно безумный обыскивал я небо в поисках блеска металла, который указал бы на присутствие уцелевших.

Но не было ничего, кроме темноты, и звезд, и пылающих останков.

Через некоторое время я заметил, что корабль удаляется. Если его двигатели до сих пор уравнивали скорость с нашей, то теперь и они поддались ярости огня, пожиравшего корабль.

Я начал фотографировать, кстати, с полным правом пользуясь резервом кислорода. Когда расстояние между нами стало увеличиваться, эта миниатюрная новая, бывшая до сих пор космическим крейсером, стала постепенно менять цвет, теряя свою ослепительную белизну. Последний взгляд явил мне удлиненное зарево, похожее на туманность вишневого цвета, видимую с ребра, — этакий отблеск света в темноте над далеким горизонтом.

Я сделал все, что было возможно, вновь включил аварийные системы и вернулся в постель.

Ожидая, пока начнет действовать эликсир, я думал, что звездная система Альфы Центавра должна иметь населенные планеты. Если я не ошибаюсь в своих расчетах, мы находимся всего в 1,6 светового года от главной группы солнц Альфы, чуть ближе к красной Проксиме.

Это может означать, что во Вселенной есть по крайней мере еще одна высокоразвитая цивилизация. Удивительный, невообразимый мир открывался перед нами. Я снова ощутил дрожь восторга.

Буквально в последнюю минуту, когда сон уже одолевал меня, я вспомнил, что совсем позабыл о наших проблемах с Ренфри.

Однако беспокойства не было. Ренфри, оказавшись лицом к лицу с чужой цивилизацией, наверняка обретет жизненную энергию.

Наши неприятности закончились.

Видимо, мое возбуждение продержалось все сто пятьдесят лет, потому что, едва проснувшись, я подумал: «Мы на месте! Наконец-то кончилась эта долгая ночь и наше фантастическое путешествие. Теперь мы будем вместе, будем видеть друг друга и узнаем здешнюю цивилизацию, увидим солнца далекого Центавра».

Странное дело: пока я лежал, переполненный

радостью, меня удивило, что прошедшее время казалось мне таким долгим. Фактически… я просыпался всего три раза, и лишь один раз — на целый день.

Я видел — в буквальном значении этого слова — Блейка, Ренфри и Пелхэма всего полтора дня назад. Период моего бодрствования длился всего тридцать шесть часов с того момента, когда мягкие губы коснулись моих и прильнули к ним в сладчайшем за всю мою жизнь поцелуе.

Откуда же взялось ощущение, что прошли целые столетия, секунда за секундой? Откуда это невероятное, ничем не оправданное сознание путешествия сквозь бесконечную непроницаемую ночь?

Неужели человеческий разум так легко обмануть?

Наконец мне показалось, что я нашел ответ: мой организм жил все эти пятьсот лет, все мои клетки и органы функционировали, поэтому не исключено, что некоторые участки мозга сохраняли сознание все это время.

Конечно, играл роль и психологический фактор: ведь теперь я знал, что прошло пятьсот лет и…

Я вздрогнул, заметив, что с момента пробуж-

дения прошло уже десять минут, и осторожно включил аппарат для массажа.

Мягкие руки автомата массировали меня, когда дверь открылась, щелкнул выключатель и я увидел Блейка.

Слишком резкий поворот головы в его сторону привел к тому, что перед глазами у меня затанцевали огоньки. Закрыв глаза, я слушал его шаги, пока он шел ко мне.

Через минуту я уже мог взглянуть снова, на этот раз я видел его четко. Он нес миску с супом и остановился, угрюмо глядя на меня. Почему угрюмо?

Наконец его длинное худое лицо расплылось в бледной улыбке.

— Привет, Билл, — сказал он. — Тсс! Не пытайся говорить. Я буду кормить тебя супом, а ты лежи спокойно. Чем скорее встанешь на ноги, тем лучше. Я на ногах уже две недели.

Он сел на край постели и зачерпнул ложку супа. В воцарившейся тишине был слышен только шум массажера. Силы постепенно возвращались ко мне, и я все отчетливей видел подавленность Блейка.

— Что с Ренфри? — сумел наконец выдавить я. — Он проснулся?

Блейк поколебался, потом кивнул. Лицо его помрачнело, и он нахмурился.

— Он безумен, Билл, — просто сказал он. — Теперь это законченный псих! Мне пришлось его связать. Сейчас он в своей каюте, уже несколько успокоился, а до тех пор бормотал что-то, как маньяк.

— Сдурел ты, что ли? — прошептал я. — Ренфри никогда не был настолько впечатлителен. Угрюмый и унылый — это я могу понять, но одно осознание того, что прошло столько лет и никого из друзей уже нет в живых, не могло повергнуть его в безумие.

Блейк покачал головой.

— Дело не только в этом, Билл.

Он помолчал, потом продолжал:

— Билл, приготовься к шоку, какого еще никогда не переживал.

Я вопросительно уставился на него, чувствуя пустоту в голове.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю, что ты это вынесешь, — говорил он со странной гримасой на лице. — В общем, не пугайся. Мы с тобой были парой подопытных мышей. Для таких толстокожих типов, как мы, должно быть все равно — приземлимся мы в

миллионном году нашей эры или до нее. Мы бы осмотрелись по сторонам и сказали бы: «Как поживаешь, старый дурень?», или же: «Кто был тот птеродактиль, которого я видел с тобой вчера вечером?», или что-нибудь вроде этого.

— Говори сразу, в чем дело? — прошептал я.

Блейк встал.

— Билл, когда я прочел твои сообщения о том, что случилось, и посмотрел фотографии горящего корабля, мне кое-что пришло в голову. Две недели назад солнца Альфы были очень близко друг к другу, всего в шести месяцах от нас при нашей средней скорости восемьсот километров в секунду. «Посмотрим, — подумал я, — удастся ли поймать какую-нибудь их станцию». Так вот, — он заставил себя улыбнуться, — в течение нескольких минут я поймал сотни передач. Они шли на всех семи каналах, отчетливо, как колокольный звон на Рождество.

Он помолчал, глядя на меня со слабой улыбкой на губах.

— Билл, — простонал он, — мы величайшие кретины под Солнцем! Когда я сказал обо всем Ренфри, он увял, как проколотый шарик.

Он снова замолчал. Мои напряженные нервы не выдержали этого молчания.

— Ради бога, дружище… — начал я и замолчал.

Я лежал неподвижно, и меня вдруг осенило. Кровь застыла у меня в жилах, но наконец я сумел произнести:

— Значит, ты говоришь, что…

Блейк кивнул.

— Да, именно так. Они обнаружили нас своими локаторными лучами и энергетическими экранами. Нам навстречу уже отправлен корабль. Надеюсь, — мрачно закончил он, — они смогут что-нибудь сделать для Джима.

Часом позже, сидя за пультом управления, я заметил вспышку, и через минуту могучий космический корабль в километре позади нас уравнял с нами свою скорость.

Мы с Блейком переглянулись.

— Я не ослышался? — спросил я дрожащим голосом. — Этот корабль стартовал из ангара десять минут назад?

Блейк кивнул.

— Дорогу от Земли до Центавра он проходит за три часа.

Этого я еще не слышал и почувствовал, что в голове у меня все идет кругом.

— Что?! — воскликнул я. — А у нас это заняло пятьсот… — я помолчал. — Три часа… Как мы

могли забыть о техническом прогрессе?

Молча смотрели мы, как в монолитной стене напротив нас появляется отверстие. В эту пещеру я и направил наш корабль.

На кормовом экране было видно, как закрывается люк. Перед нами вспыхнул свет и сошелся лучом на какой-то двери. Когда я опустил корабль на металлический пол, на экране связи появилось чье-то лицо.

— Касселлахат! — прошептал мне на ухо Блейк. — Тот, что поддерживал со мною контакт.

Касселлахат — у него было умное красивое лицо — улыбнулся нам и сказал:

— Вы можете покинуть свой корабль и войти через эту дверь.

Когда мы осторожно выходили наружу, в просторный приемный зал, мне показалось, что нас окружает пустое пространство.

«Это похоже на ангар межпланетного корабля, — подумал я. — Только какого-то чужого...»

«Нервы!» — тут же одернул я себя, но по лицу Блейка понял, что тот испытывает похожие чувства. Через дверь мы вошли в коридор, который привел нас в огромное роскошное помещение.

Это мог быть тронный зал или апартаменты кинозвезды. Все стены покрывали великолепные

драпировки — то есть сначала мне показалось, что это драпировки, но потом я понял, что это не так. Это было… я никак не мог понять…

Я уже видывал дорогую мебель в доме Ренфри, но эти диваны, стулья и столы фосфоресцировали, словно были сделаны из подобранных по оттенкам разноцветных огней. Нет, не так. Они не фосфоресцировали, а…

И снова я не пришел ни к какому определенному выводу.

Времени на детальный осмотр уже не было. Мужчина, одетый так же, как и мы, поднялся нам навстречу. Я узнал Касселлахата.

Он шел к нам, улыбаясь, потом вдруг замедлил шаги, потянул носом. Мгновением позже он торопливо пожал нам руки, резко отступил к креслу и сел.

Это было на удивление невежливо, но я обрадовался, когда он отошел, поскольку, как ни коротко было наше рукопожатие, успел почувствовать слабый запах духов. Это был незнакомый, но явно неприятный запах. Да и вообще — мужчина, злоупотребляющий духами!

Я вздрогнул. Неужели за эти столетия род людской стал таким изнеженным?

Жестом он пригласил нас сесть.

«Неужели это и есть приветствие?» — подумал я, усаживаясь.

— Должен предупредить вас насчет вашего друга, — начал Касселлахат. — Это явный шизофреник, и наши психологи могут поправить его здоровье лишь ненадолго. Полный курс лечения потребует большого времени и вашего сотрудничества. Вы должны соглашаться на все его проекты, конечно, если они не будут представлять опасности... А теперь, — он одарил нас улыбкой, — позвольте приветствовать вас на четырех планетах Альфы Центавра. Это великий день в моей жизни. С раннего детства меня готовили для этой цели — быть вашим учителем и гидом. И разумеется, я восхищен, что наступила минута, когда мои знания в области вашего языка и американских обычаев среднего периода могут найти практическое применение.

Он выглядел далеко не восхищенным: смешно морщил нос, и выражение лица у него было какое-то болезненное. Но его слова шокировали меня.

— Что вы имеете в виду, — спросил я, — говоря об «изучении американского языка»? Неужели общенародный язык уже вышел из употребления?

— Нет, разумеется, нет, — улыбнулся он, — но он так изменился, что, честно говоря, вы не поняли бы даже такого простого слова, как «ихм».

— Ихм? — повторил Блейк.

— Что означает «да».

— Вот оно что…

Мы посидели молча. Блейк грыз нижнюю губу. Наконец он сказал:

— А каковы здешние планеты? По радио вы что-то говорили о популяционных центрах, которые вновь превращаются в городские метрополии.

— Я буду счастлив показать вам столько наших метрополий, сколько вы захотите осмотреть, — сказал Касселлахат. — Вы — наши гости, и несколько миллионов кредитов положены на счет каждого из вас. Они к вашим услугам.

— О боже! — вырвалось у Блейка.

— Однако должен дать вам один совет, — продолжал Касселлахат. — Мы не можем допустить, чтобы наши граждане почувствовали себя обманутыми, поэтому вам нельзя будет ходить по городу или смешиваться с толпой. Они смогут увидеть вас только в хронике или в закрытой машине, а услышать — лишь по радио. Если у вас есть какие-то матримониальные планы, можете раз и навсегда распрощаться с ними.

— Не понимаю, — сказал удивленный Блейк.

Я тоже ничего не понимал.

— Речь идет о том, — решившись, закончил Касселлахат, — чтобы никто не почувствовал вашего неприятного запаха. Это могло бы ухудшить и ваше материальное положение… А сейчас, — он встал, — я на время покину вас. Надеюсь, вы не обидитесь, если впредь я буду в вашем присутствии надевать маску. Всего наилучшего, господа, и…

Он замолчал, глядя на что-то позади нас.

— Ага, ваш друг тоже здесь, — произнес он.

Я резко повернулся. Блейк вытаращил глаза.

— Эй, друзья! — весело сказал от дверей Ренфри. — Какими же болванами мы были! — добавил он с гримасой.

Не зная, что ответить, я подбежал к нему, схватил за руку, и мы обнялись. Блейк последовал моему примеру.

Когда мы наконец выпустили Ренфри из своих объятий и оглянулись, Касселлахата уже не было. Он исчез как раз вовремя, потому что я уже хотел дать ему в морду за его последнее замечание.

— Итак, внимание! — сказал Ренфри. — Мы начинаем.

Он посмотрел на нас с Блейком, оскалил зубы,

радостно потер руки и добавил:

— Целую неделю я оглядывал тут все и обдумывал вопросы для этой старой квочки, а здесь…

Он подошел к Касселлахату.

— Что обусловливает постоянство скорости света? — начал он.

Касселлахат даже не моргнул.

— Скорость равна корню кубическому из *gd*, — ответил он, — где *d* означает глубину континуума пространства-времени, *g* — всеобщую толерантность или гравитацию, как сказали бы вы, всей материи этого континуума.

— Каким образом возникли эти планеты?

— Каждое солнце, чтобы удержаться в своем пространстве, выбрасывает материю, как корабль в море бросает якорь. Это весьма поверхностное описание. Я мог бы дать вам математическое выражение, но его пришлось бы записывать. В конце концов, я не ученый. Просто эти факты известны мне с детства.

— Минуточку, — прервал его Ренфри, — Солнце выбрасывает эту материю без всякого принуждения… лишь для того, чтобы остаться в равновесии?

Касселлахат посмотрел на него.

— Разумеется, нет. Принуждение очень сильно,

уверяю вас. Без такого равновесия солнце выпало бы из своего пространства. Только несколько звезд-отшельниц могут поддерживать равновесие без планет.

— Несколько чего? — спросил Ренфри. Он был потрясен настолько, что забыл о вопросах, которыми собирался засыпать Касселлахата.

Мысли мои прервал голос Касселлахата.

— Солнце-отшельник, — услышал я, — это очень древняя холодная звезда класса М. Самые горячие из них, как известно, имеют температуру поверхности около девяноста градусов Цельсия, самые холодные — минус десять. Это отшельник в буквальном смысле слова, одичавший с возрастом. Главная черта такой звезды в том, что она не допускает существования рядом с собой материи, планет или даже газов.

Ренфри молчал, задумавшись, и я воспользовался случаем, чтобы продолжить дискуссию.

— Меня интересует, — сказал я, — всеобщее знание всех этих деталей, даже если человек не является ученым. Например, когда мы покидали Землю, каждый ребенок знал принципы действия атомного двигателя буквально с пеленок. Восьми- и десятилетние мальчики ездили на специально сконструированных машинах-иг-

рушках, разбирали их на части и собирали снова. Эти принципы были у них в крови, а каждое новое достижение в этой области было для них настоящим лакомством… Так вот, я хотел бы узнать, что сейчас соответствует тогдашнему положению?

— Аделедиктандер, — ответил Касселлахат. — Я уже пытался объяснить это мистеру Ренфри, но его мозг, похоже, не усваивает некоторые простейшие понятия.

Вырванный из задумчивости Ренфри скривился:

— Он хочет убедить меня в том, что электроны могут мыслить, а я этого не могу принять.

Касселлахат покачал головой.

— Не мыслить: думать они не умеют. Но зато у них есть психика.

— Электронная психика! — воскликнул я.

— Просто аделедиктандерная, — ответил Касселлахат. — Каждый ребенок…

— Знаю, — простонал Ренфри. — Каждый шестилетка скажет мне это.

Он повернулся к нам.

— Потому я и подготовил вопросы, подумав, что, если мы получим образование на уровне среднеразвитых, то сможем понять этот аде-

ледиктандерный паштет, хотя бы как местные дети.

Он повернулся к Касселлахату.

— Следующий вопрос. Что?..

Касселлахат посмотрел на часы.

— Мне кажется, мистер Ренфри, — прервал он его, — если мы собираемся на планету Пелхэм, то сейчас самое время. Вы сможете задать мне вопросы по дороге.

— В чем дело? — вмешался я.

— Он свозит меня в крупные конструкторские лаборатории в Европейских горах на Пелхэме, — объяснил Ренфри. — Хотите поехать со мной?

— Нет, — ответил я.

Блейк пожал плечами.

— Я не хочу лишний раз надевать этот комбинезон, который хоть и не пропускает нашего запаха, но не защищает нас от их вони. Мы с Биллом, — закончил он, — останемся здесь и поиграем в покер на те пять миллионов кредитов, которые лежат у нас в государственном банке.

Касселлахат повернулся в дверях. Лицо его под маской, которую он теперь носил, постоянно выражало явное неодобрение.

— Вы очень легкомысленно относитесь к дару нашего правительства.

— Ихм! — подтвердил Блейк.

— Значит, мы воняем! — сказал Блейк.

Прошло уже девять дней с тех пор, как Касселлахат забрал Ренфри на Пелхэм. Контакт с ним был возможен лишь с помощью радиотелефона: третьего дня Ренфри позвонил и сказал, чтобы мы ни о чем не беспокоились.

Блейк стоял у окна нашей квартиры на вершине небоскреба в городе Нью-Америка, а я лежал навзничь на диване, с головой, полной мыслей о безумии Ренфри и воспоминаний пятисотлетней давности.

Наконец я прервал свои раздумья.

— Перестань, — сказал я. — Мы столкнулись с изменениями в метаболизме человеческого организма; вероятно, это вызвано новыми пищевыми продуктами с далеких звезд. Видимо, они пахнут лучше нас, если для Касселлахата быть рядом с нами — настоящая каторга, тогда как нам его соседство просто неприятно. Нас всего трое, а их — миллиарды. Честно говоря, я не вижу решения проблемы, так что придется нам смириться.

Ответа я не получил и вернулся к своим мыслям. Мой первый рапорт был принят на Земле, и, после изобретения межзвездного двигателя в 2320 году, то есть спустя сто сорок лет после

нашего отлета, люди решили, что надо делать.

Четыре пригодные для заселения планеты Альфы Центавра были названы в нашу честь: Ренфри, Блейк, Пелхэм и Эндикотт. С 2320 года их население увеличилось до девятнадцати миллиардов человек. Это не считая миграции на планеты более удаленных звезд.

Пылавший космический крейсер, который я видел в 2511 году, был единственным потерянным кораблем на линии Земля — Центавр. Он мчался с максимальной скоростью, когда его энергетические экраны среагировали на наш корабль. Автоматика немедленно включила торможение, но невозможно было сразу погасить такую скорость, и все его двигатели взорвались.

Подобная катастрофа не могла больше повториться. Прогресс в области аделедиктандеристики был так велик, что ныне даже самые огромные корабли могли мгновенно остановиться на полной скорости.

Нам было сказано, что мы не должны испытывать чувства вины из-за этого случая, поскольку результатом теоретического анализа этой катастрофы явились важнейшие достижения в области аделедиктандернской электронной психологии.

Блейк опустился в ближайшее кресло.

— Эх, парень, парень, — сказал он, — ну и влипли же мы. Единственное, что нам осталось, это прожить еще лет пятьдесят в качестве паразитов чужой цивилизации, где мы не можем понять, как действуют простейшие технические устройства.

Я беспокойно зашевелился: меня мучили те же мысли. Однако я молчал, и Блейк продолжал:

— Признаться, когда я понял, что планеты Альфы Центавра колонизированы, то вообразил, что смогу завладеть сердцем какой-нибудь здешней дамы и жениться на ней.

Невольно я вновь вспомнил девичьи губы, касающиеся моих губ.

— Интересно, — сказал я, — как все это переносит Ренфри? Он…

Знакомый голос, донесшийся от двери, оборвал меня на полуслове:

— Ренфри переносит это великолепно: первый шок сменился смирением, а оно — стремлением к намеченной цели.

Мы повернулись к двери и оказались лицом к лицу с Ренфри. Он шел к нам медленно, улыбаясь, а я смотрел на него, гадая, хорошо ли его вылечили.

Он был в отличной форме. Его темные волнистые волосы были старательно уложены, бездонные голубые глаза оживляли лицо. Он производил впечатление прирожденного физического совершенства: в обычных условиях все и всегда у него было кричаще ярким, как у актера в костюмированном фильме.

И сейчас он был таким же — кричаще ярким.

— Я купил космический корабль, парни, — сказал он, — выложил все свои деньги и часть ваших. Но я знал, что вы одобрите мою идею. Верно?

— Конечно, — согласились мы.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Блейк.

— Я знаю, — вставил я. — Мы облетим всю Вселенную, посвятив остаток жизни открыванию новых неизведанных миров. Джим, это была неплохая мысль, мы тут с Блейком едва не организовали клуб самоубийц.

Ренфри улыбнулся.

— Во всяком случае, скоро нам будет некогда скучать.

Касселлахат не возражал против проекта Ренфри, и спустя два дня мы снова оказались в космическом пространстве.

Три последующих месяца были необыкновенны. Поначалу я испытывал страх перед

бесконечностью космоса. Молчаливые планеты проплывали по нашим экранам и исчезали вдали, оставляя после себя лишь воспоминания о диких, продуваемых ветрами лесах и равнинах, пустых волнующихся морях и безымянных солнцах.

Пейзажи и воспоминания вызывали у нас болезненное чувство одиночества: постепенно мы понимали, что это путешествие не поможет нам избавиться от бремени отчуждения, давившего на нас с момента прибытия на Альфу Центавра.

Мы не нашли тут никакой духовной ниши для наших сердец, — ничего, что дало бы нам удовлетворение хотя бы на год, а что уж говорить о пятидесяти!

Я видел, что такие же мысли тяготят и Блейка, и ждал какого-нибудь сигнала, который говорил бы о том, что и Ренфри испытывает то же самое. Но ничего подобного не было. Это меня беспокоило, поскольку я заметил еще одно: Ренфри наблюдал за нами, и во всем его поведении был намек на некое тайное знание, на какую-то скрытую цель.

Мое беспокойство усиливалось, и неизменное душевное равновесие Ренфри нисколько не помогало. Однажды, в конце третьего месяца, я как раз лежал на койке, погруженный в невеселые

мысли о нашем положении, когда дверь открылась и вошел Ренфри.

В руках у него были парализатор и веревка. Направив оружие на меня, он сказал:

— Мне очень жаль, Билл, но Касселлахат советовал мне не рисковать. Лежи спокойно, пока я тебя свяжу.

— Блейк! — заорал я.

Ренфри покачал головой.

— Бесполезно, — сказал он. — Я уже побывал у него.

Рука, в которой он держал парализатор, нисколько не дрожала, глаза его были холодны, как сталь. Единственное, что я мог сделать, это напрячь мускулы, когда он меня связывал, и помнить, что по крайней мере в два раза сильнее его.

«Он наверняка не сможет связать меня слишком крепко», — подумал я.

Наконец он закончил.

— Не сердись, Билл, — сказал он. — Мне неприятно это говорить, но оба вы слишком разгорячились, прибыв на Центавр. Это лечение, рекомендованное психологами, с которыми консультировался Касселлахат. Предположительно, это вызовет у вас шок, такой же сильный, как

и прежде.

Поначалу я не обратил внимания на его слова о Касселлахате, но потом меня осенило: невероятно, но Ренфри убедил Касселлахата, что мы с Блейком спятили! Все месяцы нашего общего путешествия он держался молодцом, чувствуя ответственность за нас. Это была тонкая уловка. Вопрос лишь в том, что должно стать причиной шока?

— Это не затянется надолго, — услышал я голос Ренфри. — Мы как раз выходим на орбиту звезды-отшельницы.

— Звезда-отшельница! — воскликнул я.

Он не ответил. Когда дверь за ним закрылась, я начал возиться со своими путами, не переставая рассуждать.

«Что там говорил Касселлахат? Что звезды-отшельницы держатся в пространстве благодаря неустойчивому равновесию. В этом пространстве».

Пот стекал по моему лицу: я представил, что нас отбросит в другую плоскость пространственно-временного континуума. Когда я освободил наконец руки, то почти почувствовал, как корабль падает вниз.

Я был связан не настолько долго, чтобы путы

успели затормозить кровообращение, поэтому сразу направился в каюту Блейка. Две минуты спустя мы уже шли к рубке.

Ренфри мы застали врасплох. Блейк схватил его парализатор, а я одним мощным рывком выдернул его из кресла и швырнул на пол.

Он лежал неподвижно, вовсе не сопротивляясь и скалясь в усмешке.

— Слишком поздно, — сказал он. — Мы приближаемся к первой ступени нетерпимости, и ничего нельзя сделать, разве что подготовиться к шоку.

Я почти не слышал его. Тяжело опустившись в кресло у пульта управления, я уставился на экраны. Ничего не было видно, и это меня поразило. Я взглянул на регистраторы: они яростно дрожали, отмечая небесное тело БЕСКОНЕЧНЫХ РАЗМЕРОВ.

Довольно долго смотрел я на эти невероятные данные, потом передвинул рукоять деселератора. Под напором полной тяги аделедиктандера корабль замер. Зримо представив себе две силы, противостоящие друг другу, я выжал рукоять до упора.

Падение продолжалось.

— Орбита, — услышал я голос Блейка. — Выведи нас на орбиту.

Дрожащими пальцами я постукивал по клавиатуре, вводя новые данные размера, гравитации и массы светила.

Отшельница не оставила нам ни одного шанса.

Я попытался рассчитать другую орбиту, третью, четвертую… Наконец я вычислил орбиту, которая увела бы нас даже от мощного Антареса, но жуткое падение продолжалось.

Экраны были по-прежнему пусты — ни следа материи. На секунду мне показалось, что я смутно вижу пятно большей черноты на фоне мрака космического пространства, но уверенности у меня не было.

Наконец в порыве отчаяния я присел возле Ренфри, который даже не пытался подняться.

— Слушай, Джим, — умоляюще сказал я, — зачем ты это сделал? Что теперь с нами будет?

Он беззаботно улыбнулся.

— Подумай, — сказал он, — о старом, заскорузлом отшельнике-человеке. Он поддерживает связи со своими приятелями, которые так же слабы, как у звезды-отшельницы с другими звездами в галактике. Вот-вот мы должны наткнуться на первый уровень нетерпимости. Это проявляется в прыжках типа квантового каждые четыреста

девяносто восемь лет семь месяцев восемь дней и несколько часов.

Это звучало сущим бредом.

— Но что будет с нами? — напирал я. — Ради бога, Джим!

Он посмотрел на меня с иронией, и я вдруг понял, что он совершенно здоров психически. Прежний рассудительный Ренфри даже стал как-то лучше и сильнее.

— Нас отбросит с этого уровня нетерпимости, и тем самым мы вернемся…

УДАР!

Резкий перекос. Я поскользнулся, с грохотом рухнул на пол, и тут чьи-то руки — это был Ренфри — схватили меня. И все кончилось.

Я поднялся, чувствуя, что мы уже не падаем. Посмотрел на пульт. Все огоньки погасли, все стрелки стояли на нулях. Повернувшись, я взглянул на Ренфри, потом на Блейка, мрачно поднимавшегося с пола.

— Пусти меня к пульту, Билл, — требовательно сказал Ренфри. — Я хочу рассчитать курс на Землю.

Целую минуту я таращился на него во все глаза, потом медленно отодвинулся. Пока он настраивал приборы и нажимал ручку акселератора, я

стоял рядом. Наконец он взглянул на меня.

— Мы будем на Земле через восемь часов, — сказал он, — и примерно через полтора года после того, как покинули ее пятьсот лет назад.

Я чувствовал, как трещит мой череп, и только через какое-то время понял, что это — из-за внезапного озарения.

Так значит, звезда-отшельница, освобождая от нас свое поле нетерпимости, просто стряхнула нас в другое время. Ренфри говорил, что это бывает каждые… четыреста девяносто восемь лет семь месяцев и…

— Но что будет с кораблем? Разве можно перенести в двадцать второй век аделедиктандер двадцать седьмого века и тем самым изменить ход истории? — бормотал я себе под нос.

Ренфри покачал головой.

— А что мы в нем понимаем? Разве мы осмелимся когда-нибудь залезть в его двигатель? Наверняка нет. Мы оставим корабль для своих собственных нужд.

— Н-но… — начал я, однако Ренфри прервал меня.

— Послушай, Билл, — сказал он. — Представь себе такую картину: через пятьдесят лет девушка, которая тебя поцеловала, — я видел, как это тебя

потрясло, — будет сидеть рядом с тобой, когда твой голос из космоса сообщит на Землю, что ты только что проснулся и съел первую порцию супа во время первого межзвездного полета к Альфе Центавра.

Именно так все и оказалось.

Корабль во мраке

«Одно дело, — понял д'Орман, проведя шесть месяцев на борту корабля, державшего путь из Солнечной системы далеко за пределы гигантского колеса спирали Млечного Пути, нашей Галактики, — решиться на что-нибудь на Земле, и совсем другое — в межгалактическом пространстве». И вот теперь настал момент погрузиться в пучину времени.

Чуть дрожащей рукой д'Орман установил таймер машины времени на 3-х миллионный год. И уже почти дотронувшись до нужной клавиши, он вдруг заколебался. Согласно теории Холлея, здесь, в этом мраке, где нет солнц, возможно ослабление действия жестких законов, которые управляли течением времени, благодаря чему можно было путешествовать сквозь основной поток. Прежде всего, утверждал Холлей, необходимо достигнуть максимально возможной скорости, при которой происходит предельное напряжение пространства. А потом — действовать.

«Ну же!» — вспотев, приказал себе д'Орман и с силой нажал на клавишу. Последовал скрежет деформирующихся под неимоверным давлением

стальных обшивок и резкий толчок, от которого д'Ормана едва не вырвало. Но потом возобновился обычный полет.

Перед глазами д'Ормана пошли круги. Он принялся трясти головой, чтобы прояснить взор, сознавая, что в любой момент неприятные ощущения могут исчезнуть, затем вымученно улыбнулся, как человек после рискованных действий, завершившихся удачно.

Тут же зрение его прояснилось. д'Орман обеспокоенно нагнулся над приборной доской машины времени. А потом в панике отшатнулся: ее там не было.

Он огляделся вокруг, не веря своим глазам. А поскольку у него был небольшой звездолет, то особо приглядываться и не надо было: на его корабле, совсем небольшой капсуле с двигателем, койкой, баками для топлива и камбузом, все внутри было видно, как на ладони. *Машину времени как языком слизало.*

Значит, он потерпел неудачу, и тот скрежет деформированного, разрываемого металла, когда машина времени выскальзывала из основного потока времени… очевидно, машина умчалась в будущее, а звездолет остался в прошлом. Расстроенный, д'Орман вдруг краем глаза уловил

какое-то шевеление. Он резко повернулся, и боль пронзила все его тело. В верхней части экрана он увидел темный корабль.

Одного взгляда д'Орману хватило, чтобы понять, что даже исчезновение машины времени еще *не* означает полного краха.

Звездолет был совсем рядом с ним. Сначала ему даже показалось, что именно из-за этой близости он и видит его. Но потом до его сознания дошел жуткий факт, что корабль не освещается никакими огнями. Д'Орман внимательно пригляделся к нему, и только тут он с восхищением отметил, что корабль, наверное, из трехмиллионного года.

Но потом восхищение сменилось сомнением, которое перешло в безотчетный страх. Странным, как вдруг понял д'Орман, было не только то, что он видит этот корабль, но и сам его внешний вид.

Должно быть, звездолет этот явился прямо из какого-то ночного кошмара. В длину по меньшей мере две мили и полмили в ширину, этот корабль годился только для плавания по такому океану, каким и являлось космическое пространство — он видел платформу, плывущую во мраке межзвездной пустоты.

И на этой широкой платформе стояли люди и

женщины. Совершенно обнаженные, и ничто, никакой барьер, не защищал их тела от космического холода. Как можно дышать в безвоздушной пустоте? Однако они дышали.

Они стояли там, на этой широкой темной палубе платформы. И смотрели на него, махая рукой. И звали его к себе. Более необычных призывов не слышал ни один смертный из землян. Не мысль, но нечто, более глубокое, сильное и жгущее, похожее на чувство голода или жажду и сводящее с ума, как это бывает с наркоманами.

Теперь он должен посадить свой звездолет на эту платформу, должен сойти вниз и присоединиться к ним. Он должен… Им овладело примитивное, несдерживаемое, ужасное желание…

Рванув вперед, звездолет начал медленно опускаться, и тут же пришло, столь же мощное, как и перед этим, желание-приказ заснуть.

Д'Орман только и успел в отчаянии подумать: «Надо бороться!» — а из подсознания вырвалось предупреждение: «Уходи! Уходи! Немедленно!» — Но еще не успел он до конца осознать этот страх, как провалился в сон.

Тишина! Он лежит с закрытыми глазами в мире, который был столь же беззвучен, как…

Д’Орман не мог подобрать нужного сравнения. Ни одного. Во всем его существовании не было ничего, что могло бы сравниться с этой абсолютной тишиной, не раздавалось никаких звуков, которые могли бы подействовать на него, как… Снова он не мог подобрать нужного сравнения. Вокруг царила одна лишь тишина.

«Странно», — подумал он и лишь сейчас почувствовал желание открыть глаза. Этот импульс прошел, и в его сознании осталась только убежденность, что уж ему-то, столько месяцев проведшему в одиночестве на борту звездолета, должно быть известно все о тишине и том, что она несла в себе.

Но тогда то была иная тишина; ее нарушали едва слышные вздохи и выдохи, звуки всасываемого им питательного бульона из тюбиков и движений тела. А эта же тишина… Какой же была она?

Его разум никак не мог дать ей определение. Д’Орман открыл глаза. Первые его впечатления были довольно скудными. Он лежал наполовину на спине, наполовину на боку. И рядом на фоне звездного неба располагался торпедообразный силуэт корабля-платформы размерами примерно тридцать на двенадцать футов. И ничего другого,

кроме звезд и мрака космического пространства, в поле зрения он не замечал.

Все вполне нормально. Д'Орман не испытывал чувства страха. Казалось, что его разум и воспоминания о прежней жизни принадлежат как бы другому человеку, словно между памятью и сознанием возник какой-то барьер. Однако через несколько секунд из глубин разума пробилось желание определить его физическое местоположение относительно своего окружения.

Там же был темный корабль, начал припоминать д'Орман. Потом он уснул. И вот теперь эти звезды и мрак межзвездного пространства. Он, наверное, все еще сидит в кресле перед приборной доской, смотрит на экран и показываемые на нем огромные космические дали.

«Но, — мысленно нахмурился д'Орман, — на самом же деле я не сижу, нет, я лежу на спине и смотрю вверх, *вверх* на небо, где видны одни лишь звезды и темное пятно, которое может быть, судя по очертаниям, еще одним космическим кораблем».

С отрешенностью совы его мозг не соглашался с тем, что видели его глаза: единственным земным звездолетом, о котором он знал, в этой части Вселенной был его собственный. Здесь не могло быть

второго корабля. И в тот же миг д'Орман оказался на ногах. Он не помнил, как вскочил: только что он лежал на спине, а уже в следующую секунду он стоит, покачиваясь на нетвердых ногах…

Рядом со своим кораблем на широкой платформе, которую ясно различал в смутной дымке. И везде вокруг него, и вблизи, и вдалеке, стояли, сидели или лежали обнаженные люди, и никто не обращал на него ни малейшего внимания.

Д'Орман вцепился потерявшими чувствительность пальцами во входной люк корабля и изо всех сил попытался открыть его.

Спустя несколько минут этих безумных действий его подготовка космонавта взяла вверх над подсознанием, которое овладело было его телом. Отчаяние стало покидать его, и вот д'Орман уже внимательно и с тревогой изучает механизм открывания люка, осторожно дергает его. Потом он отступил на шаг и стал оглядывать весь свой небольшой звездолет.

Из каких-то остатков спокойствия, которые таились в самых глубинах его подсознания и которых он не осознавал, пришло желание, которое тут же оформилось в действие. Он неспешно обошел космический корабль и прильнул к иллюминатору. Ему казалось, что он как бы из

глубин темного колодца смотрит на знакомые приборы и разные металлические предметы, и его снова охватило безумие, но в этот раз он довольно быстро с ним справился.

В конце концов он, застыв на месте, сумел побороть свои чувства и очистить разум от всех посторонних мыслей, сосредоточившись на одной-единственной, простой, но такой необъятной, что потребовалось мобилизовать весь его интеллектуальный потенциал, чтобы выделить эту мысль, удержать ее и оценить всю значимость.

И все более и более тягостным становилось осознание того факта, что его забросило на платформу какого-то корабля. Его разум пытался отбросить эту правду, подвергнуть сомнению, страху, неверию. Но мысль постоянно возвращалась. Не могла не вернуться: иначе можно было бы просто сойти с ума. И он обречен был на бездействие, ожидая, когда начнут действовать захватившие его существа, чтобы узнать судьбу, которую уготовили они ему.

Он сел. И стал ждать.

Прошел по меньшей мере час, час, не имевший прецедента в истории человеческой расы: человек из 2975 года, наблюдавший за космическим

кораблем в трехмиллионном году.

Ему ничего другого не оставалось, кроме как наблюдать весь этот час за всеми теми невозможными вещами, что происходили на этом корабле. Похоже, никто даже отдаленно не сознавал, что и он, д'Орман, находится на их звездолете. Время от времени в этом смутном свете кто-то двигался — перемещающийся силуэт на фоне низко расположенных звезд, четко различались также вся темная платформа и сверхчеловеческие существа на ней.

Но никто не подошел к нему, чтобы удовлетворить его растущее желание и потребность в объяснении происходящего. Он вздрогнул, осознав, наконец, что ему придется самому приблизиться к ним, именно ему-то и придется проявлять активность.

Неожиданно он с удивлением обнаружил, что наполовину лежит, наполовину сидит, и истекают бесцельно драгоценные минуты, а он все пребывает в какой-то прострации.

Но вот наконец он пришел в себя. Решительно вскочил на ноги, но потом, вздрогнув, замер в нерешительности. Неужели он действительно хочет подойти к кому-нибудь из членов экипажа этого звездолета мрака и телепатически начнет

задавать вопросы?

Чуждость этих существ — вот что пугало д'Ормана. Ведь это совсем не люди. Три миллиона лет отделяло его от них, и признавать между ними какие-то родственные связи можно было в той же степени, как между антропоидными обезьянами и людьми в его родное время.

Три миллиона лет, шестнадцать на десять в десятой степени минут; и каждые несколько секунд этого невообразимого промежутка времени кто-то рождался, и кто-то другой умирал, жизнь шла своим чередом все эти невообразимые умом зоны, пока здесь не появился последний человек. Да, здесь эволюция достигла таких высот, что само пространство было покорено непредвиденным и поразительным прогрессом биологической адаптации — поразительным, но столь простым, что всего за несколько часов он, чужак, был чудесным образом преобразован и находился в таком же, как и они, состоянии.

В этом месте мысль д'Ормана остановилась. Внезапно он почувствовал беспокойство, с тревогой осознав, что не имеет ни малейшего представления о том, сколько же точно времени он проспал. Может быть, несколько лет, а, может, несколько столетий. Во сне время отсутствует.

Неожиданно более важным, чем когда-либо, ему показалось узнать, что же все это значит. Взгляд д'Ормана остановился на одном мужчине, медленно прогуливающемся в ста футах от него.

Д'Орман подошел к этому мужчине, но в самый последний момент испуганно отпрянул. Слишком поздно — вытянутой вперед рукой он успел прикоснуться к обнаженной плоти.

Мужчина обернулся и посмотрел на д'Ормана. Тот отдернул безвольную руку и весь сжался под ослепительным, как язычки пламени, вырывавшиеся из узкой бойницы, взглядом.

Странно, но волны страха пробежали по спине д'Ормана — вовсе не из-за демонического характера этого взгляда, а словно этими испепеляющими глазами на землянина глядела чья-то душа — странный, чуждый дух, взиравший на него с напряженным непониманием.

Потом мужчина обернулся и продолжил свой путь.

Д'Орман дрожал. Однако спустя несколько секунд он понял, что не может отступиться. Не позволяя себе думать о случившемся, он просто пошел вперед следом за загадочным незнакомцем и догнал его. Так они и шли вместе, минуя группы мужчин и женщин. И только теперь,

оказавшись среди этих людей, он обратил внимание, что число женщин превышает количество мужчин раза в три. А может, и того больше.

Но удивление этим фактом быстро прошло. Он и его спутник продолжали свою необычную прогулку. Они подошли к самому краю корабля-платформы. С усилием приняв небрежный вид, д'Орман подошел к одному краю и бросил взгляд вниз в бездну, которая протянулась на миллиарды световых лет.

Теперь он чувствовал себя получше. В его сознании бешено одна за другой скакали мысли в поисках способа преодоления мысленной пропасти между ним и этим темнокожим незнакомцем. Наверное, благодаря телепатии им-то и удалось вынудить его посадить здесь свой корабль. Если он теперь сосредоточится на какой-нибудь мысли, то, возможно, получит ответное послание.

Течение его мыслей в этом месте прервалось. Он сказал себе, правда, уже не впервые отмечая этот факт, что по-прежнему одет. Но потом взглянул на это под другим углом: *они* позволили ему остаться одетым. Это что, какой-то психологический трюк?

Д'Орман продолжил путь, выбросив из головы всякие мысли. Он опустил голову и смотрел на

свои одетые в брюки ноги и на обнаженные ноги худощавого мужчины, в размеренном темпе шагающего перед ним.

Первые мысленные послания настолько медленно проникали в его разум, что д'Орман не сразу осознал этот факт. Пришла мысль о битве, которая вскоре случится… и ему еще нужно доказать свое право на вечное пребывание на этом звездолете. В противном случае он будет изгнан.

Все случилось мгновенно. Еще мгновение назад Д'Орман смутно воспринимал эту чуждое расплывчатое мысленное послание чужака, а теперь его разум как бы одним громадным прыжком перенесся на новый уровень понимания собственного положения.

Мысль о сделанном ему предупреждении не давала ему покоя, и он, охваченный внезапным чувством страха, направился к своему звездолету. Д'Орман пытался открыть входной люк до тех пор, пока, наконец, не осознал, что ему не удастся воспользоваться звездолетом для бегства. Вконец выбившись из сил, он медленно опустился на платформу. Его удивила глубина охватившего его ужаса. Но не было сомнений в вызвавшей его причине. Он получил информацию и предупреждение. Леденящее душу, зловещее, переданное

со стальной непреклонностью: он должен до того, как начнется эта фантастическая битва, принять образ жизни этих людей, приспособиться, и тогда ему будет позволено остаться здесь навечно.

…Навечно! Именно от этого слова д'Орман на несколько минут потерял способность здраво рассуждать. Он все хуже и хуже чувствовал себя под навалившейся тяжестью тянувшихся бесконечно минут. Внезапно ему подумалось, что, наверное, неправильно истолковал переданное ему мысленно сообщение. Что еще за близкое сражение. В этом не было никакого смысла. Доказать право на пребывание или изгнание! Что это значит: изгнание? Д'Орман еще раз всмотрелся в глубины своей памяти, все верно: изгнание! В конце концов с леденящей душу логичностью он решил, что это слово могло означать только одно: смерть!

Он лежал с застывшей на лице недоброй усмешкой. Неожиданно он почувствовал гнев на себя. Какой же он идиот! Потерять хладнокровие и как раз тогда, когда ему удалось вступить в контакт.

И он *действительно* ведь своего добился: получил ответ на свой вопрос. Ему нужно было стоять на своем и, мысленно сосредоточившись, задать сотню других вопросов в свою очередь:

кто они такие? куда летит корабль? какой привод у двигателя этого огромного космического лайнера-платформы? почему женщин в три раза больше, чем мужчин?

Мысль оборвалась. Задумавшись, он полуприсел — и тут обнаружил менее чем в двух метрах от себя женщину.

Д'Орман снова прилег на платформу. Он видел, что глаза женщины сейчас, сверкая и не мигая, уставились на него. Спустя минуту д'Орман перевернулся на спину, ощущая беспокойство. И остался лежать в напряжении, глядя на сверкающую окружность Галактики, которую он покинул бездну времени назад. И эти светящиеся точки, составлявшие ослепительно сверкающий хоровод, казались более далекими, чем всегда.

Та жизнь, которую он знал, с длинными по расстояниям, но короткими по времени путешествиями к далеким планетам, неделями удовольствий в отдаленных уголках обитаемого пространства, теперь была недоступна ему. В интеллектуальном плане она была еще дальше, чем в пространственно-временном.

С усилием д'Орман приподнялся. Теперь не время для ностальгии. Он должен постоянно помнить о своем критическом положении. Жен-

щина пришла не просто так посмотреть на него. Ему был брошен вызов, и он должен принять его. Неожиданно он перевернулся и снова посмотрел на женщину. Лишь теперь он по-настоящему пригляделся к ней.

Она была довольно мила на вид. Лицо молодое, с правильными чертами. Темные волосы были растрепанными, не слишком густыми, но при этом не теряли своей очаровательности. Ее тело…

Д'Орман привстал. До этого мгновения он не замечал различия между нею и остальными: она была одета. На ней было длинное темное плотно облегающее платье, широкая юбка, из-под которой нелепо торчали обнаженные ноги.

Одета! Теперь не было никаких сомнений: она пришла сюда одетой ради него! Но чего она хотела от него?

В отчаянии д'Орман посмотрел на женщину. Ее глаза, в свою очередь, впились в него, словно бездушные драгоценности. Он вдруг с удивлением спросил себя: какие невероятные мысли проносятся сейчас в ее уме за этими сверкающими глазами — они были точно запертые двери, за которыми — мысленная картина мира, который был старше на три миллиона лет его рода?

Эта мысль была беспокойной. Он даже как-то нервно поежился и подумал: «Женщина — это катод, мужчина — анод. В результате их взаимодействия рождается энергия, особенно когда один анод соединяется с тремя катодами».

Д'Орман заставил себя оборвать в этом месте мысль. Неужели он это подумал? Никогда.

По д'Орману словно прошелся электрический ток. И снова этот странный способ общения напрямую, через нервы, незаметно повлиял на его сознание. В этот раз он узнал, что только одна, две, три или даже четыре женщины одновременно могли взаимодействовать с мужчиной. Что, похоже, объясняло то, что здесь было столько много женщин.

Его возбуждение стало проходить. Ну и что с того? Все равно это не объясняло, почему эта женщина так близко подошла к нему. Если только это не какое-то фантастическое предложение взять ее в жены.

Д'Орман снова внимательно посмотрел на женщину. И тут впервые за последние месяцы у него в голове возникла язвительная мыслишка: «Двенадцать лет я успешно противостоял попыткам юных особ завлечь меня в путы брака, а тут вот угодил в ловушку!». Необходимо выяснить,

действительно ли эта женщина пришла к нему ради этой цели.

В предупреждении мужчины до сверхъестественного ясно прозвучало: у него немного времени. Д'Орман пододвинулся к женщине, обхватил ее и поцеловал. «В кризисных ситуациях, — подумал он, — нужно действовать быстро, не раздумывая, без всяких хитростей и условностей».

А через мгновение он забыл об этом. Губы женщины были мягкие, но бесчувственные. В них не было сопротивления, и, с другой стороны, казалось, она не понимала значения поцелуев. Коснуться губами ее было словно поцеловать маленького ребенка: то же самое ощущение святой невинности.

Ее глаза, такие близкие от него сейчас, сияли, они выражали непонимание и покорность, а также пассивность, столь глубокую, что это казалось ненормальным. Было ясно, что эта молодая женщина не имела ни малейшего понятия о поцелуях. Ее сияющие глаза смотрели на него с нечеловеческим безразличием.

И вдруг все закончилось. Ее сияющие глаза расширились от нескрываемого удивления. Она освободилась из его объятий быстрым изящным

движением, без видимых усилий привстала, а потом, развернувшись, направилась во мрак, ни разу даже не обернувшись. И вскоре ее расплывчатый силуэт растворился в темноте.

Д'Орман беспокойно наблюдал за ее уходом. Какая-то часть его сознания хотела, чтобы он воспринял это ее паническое бегство с чувством удовлетворения, но в нем с каждой секундой росло убеждение, что поражение потерпел именно он. Ибо против него-то и работало сейчас время. И первая его попытка приспособиться к жизни на темном корабле закончилась неудачей.

Чувство беспокойства проходило постепенно, но так полностью и не исчезло. Д'Орман не пытался избавиться от него. Он и так прекрасно помнил о сделанном ему предупреждении, которое могло что-то означать, а могло и нет. Но глупо было надеяться на второе.

Он лежал на спине с закрытыми глазами. Он чувствовал себя не лучшим образом. Уже столько времени прошло, как он находится с йирами, но до сих пор не приспособился к их образу жизни.

«Что! — удивился д'Орман. — Это ведь не моя мысль!»

Он вскочил, открыл глаза. Потом отскочил назад. Его неровным кружком обступили мужчины

с пылающими глазами. Д'Орман не успел даже спросить себя, откуда они взялись, как те начали действовать.

Один вытянул вперед руку. Вдруг из ничего в ней появился нож со сверкающим в этом неверном свете клинком. Другие в тот же миг набросились на д'Ормана, схватили его и прижали к полу, а нож *словно живое существо* опускался к его груди.

Д'Орман хотел закричать и остановить их, но мышцы горла и лица дергались конвульсивно, но с губ его не сорвалось ни звука. Безвоздушный мрак космического пространства насмехался над его человеческим ужасом.

Д'Орман съежился в ожидании неизбежной боли, когда клинок прикоснулся к его коже и начал погружаться в его плоть. Но боли не было, вообще никаких ощущений, словно ему снится то, что его убивают, но как тогда быть с кажущимися такими реальными чужими руками, вцепившимися в него и крепко держащими. В то же мгновение он с необыкновенной сосредоточенностью последовал взглядом за движением ножа.

Они вырезали из груди его сердце; и д'Орман, когда одно из этих демонических существ приподняло его в своей руке, по всей видимости,

изучая его, уставился на свое сердце безумным взглядом.

Да, точно, он видит какой-то бред: сердце, лежащее на ладони чудовища, бьющееся неторопливо и ровно.

Д'Орман прекратил всякое сопротивление. Словно птица, завороженная взглядом огромных змеиных глаз, он наблюдал за вивисекцией над своим собственным телом.

Наконец с проблеском здравого смысла он отметил систематичность в действиях чужаков: изучив каждый орган, они возвращали его на прежнее место. Некоторые они изучали дольше других… и несомненно было также, что в конечном счете в эти органы были внесены изменения.

Извне через его тело приходила информация. Уже с самого начала он смутно понимал, что полному восприятию приходящей к нему информации мешало то, что он переводил ее в мысли. На самом же деле она была исключительно эмоциональной. Послания-ощущения трепетно проносились по его нервам, приятно возбуждая неуловимой модуляцией, обещая миллион непривычных наслаждений.

Медленно, как переводчик, не знающий языка

в совершенстве, д'Орман преобразовал этот удивительный поток в мысленную форму, и поток при этом изменился: исчезло сияние, словно он выжимал из маленького проворного существа жизненные соки, чтобы в итоге разочарованно уставиться на мертвое тельце.

Но в его разум потекли послания, наполненные красотой: эти люди звали себя йирами, и платформа эта — не корабль, а силовое поле, которое передвигается посредством мыслей. Слиться с жизненной энергией — вот самое величайшее из наслаждений, что было дано человеку Самой Природой. Благодаря катодной энергии женщин создавалось это поле, но только мужчина, его анодная энергия, являлся единственным центром этой лучезарной энергии.

И ее мощность зависела от единства мыслей каждого из них; а поскольку битва с другой платформой-кораблем была неизбежной, было жизненно необходимо, чтобы объединение йиров, как и чистота и непорочность их существования, достигли максимально возможного уровня: только таким образом они могли мобилизовать все свои дополнительные резервы для победы в сражении.

Он, д'Орман, был помехой. Благодаря ему одна

женщина на некоторое время стала бесполезной для использования в качестве катода. Он должен адаптироваться — и немедленно!

Чудо-нож отодвинулся от его тела и исчез в пустоте-небытии, из которой появился; а потом и люди стали удаляться — обнаженные призраки в тумане.

У д'Ормана не было никакого желания идти вслед за ними в эту темноту. Он чувствовал себя опустошенным физически и еще пытался осмыслить акт насилия, которому он подвергся.

Д'Орман не питал никаких иллюзий. В течение нескольких минут его разум, потерявший способность здраво мыслить и подчиненный чуждой воле, был так близок к безумию, что даже сейчас он еще не преодолел критический момент. Никогда в своей жизни он не пребывал в такой депрессии.

Мысль-послание пришла в его обескураженный мозг: конечно, способность жить в космическом пространстве была результатом радикальной эволюции за огромный период времени. И все же йиры смогли изменить его и приспособить к себе, его, кто не прошел подобной эволюции. Удивительно!

Но какое это имеет значение?! Для него это ме-

сто — просто преисподняя, и применять законы логики здесь просто бессмысленно. Он должен адаптироваться духовно. И немедленно!

Д'Орман решительно вскочил на ноги. А затем вдруг осознал один факт, на который раньше не обращал внимание: здесь появилась сила тяжести!

Она равнялась примерно одному «же», как мгновенно понял он. И не сам факт возникновения искусственной гравитации привлек внимание д'Ормана, что было обычным явлением даже в его дни, а то, что сила ее была именно такой, а не иной (возможно, йиры и сами не понимали значения этого факта — это указывало на их земное происхождение: почему еще им, проживавшим в этом царстве мрака, требовалась подобная вещь?). Да и вообще, зачем им вообще нужен корабль-платформа?

Д'Орман позволил себе иронически улыбнуться, отметив, что люди остались нелогичными существами даже спустя три миллиона лет, и это принесло ему некоторое удовлетворение, а затем он просто выбросил из головы этот парадоксальный факт.

Он направился прямо к своему кораблю. Не потому что в нем оставалась еще какая-то надеж-

да, а просто потому, что теперь он должен был ничего не упустить, исследовать любой шанс и, может, на этот раз ему повезет с космическим кораблем.

Но его снова ждало разочарование. Он дергал, тянул изо всех люк, но так и не смог привести в действие механизм открывания. В конце концов он посмотрел в один из иллюминаторов… С помутившимся сознанием он заметил слабый свет на приборной доске.

Значит, подача энергии включена!

Д'Орман с такой силой уцепился за раму иллюминатора, что ему пришлось заставить себя расслабиться, пока его мозг пытался осознать всю значимость этого факта. Подача энергии включена! Скорее всего, он после посадки на темный корабль-платформу, охваченный безумным желанием бежать прочь, почему-то не отключил источник питания. Но тогда — и эта мысль явилась полным откровением для д'Ормана — почему корабль не взлетает? Ведь он должен двигаться с невероятной скоростью!

Это могло означать только одно: его первоначальное объяснение возникновения силы тяжести, создаваемой платформой, по-видимому, не имеет совершенно никакого отношения к дей-

ствительности. Да, хотя она и кажется ему равной одному «же», однако для корабля с работающими двигателями изменяется до такого значения, что может удерживать его на платформе.

Значит, йиры вовсе не были ответственны за то, что он не может вернуться в свой корабль: исключительно по причинам обеспечения безопасности люки таких небольших космических кораблей не открывались, пока были включены приборы и подача энергии. Именно такими их и создавали. Но, как только уровень подачи энергии опускался ниже определенного значения, то можно было без особого труда вручную открыть входной люк.

Ему оставалось лишь дождаться этого момента, а потом задействовать все дополнительные источники энергии для аварийного старта, чтобы навсегда покинуть эту платформу. Ведь когда будет задействована вся мощь атомных приводов, платформе, конечно, не удастся удержать корабль.

Столько надежды он ощущал в этой мысли, что не хотел подвергать ее ни малейшему сомнению. Он должен верить, что сможет сбежать отсюда. Но пока ему нужно найти ту молодую женщину, успокоить ее и одновременно узнать побольше

об этой универсальной анодной энергии.

Он должен уцелеть в этой битве.

Время шло своим чередом. В этом царстве мрака д'Орман бродил в поисках молодой женщины, которую он поцеловал, темный призрак на фоне ярко сверкающего колеса Галактики, перемещающегося по небосводу над ним.

Неудачные розыски приводили его в отчаяние. Дважды д'Орман усаживался рядом с группой, состоявшей из одного мужчины и нескольких женщин. И ждал, не станут ли они с ним мысленно общаться, а может, последует предложение от какой-нибудь женщины. Однако не приходило никаких посланий, и ни одна из женщин даже мельком не взглянула на него.

Только одно объяснение этого полного безразличия приходило в голову д'Ормана: они, наверное, поняли, что он теперь хочет адаптироваться к их образу жизни. И этого им было достаточно.

Решив не терять мужества, д'Орман вернулся к своему звездолету. Он еще раз попробовал открыть входной люк, однако механизм не поддался, и когда д'Орман лег на твердую палубу, платформа резко изменила курс.

Он не почувствовал боли, однако рывок, несо-

мненно, был огромной силы. Д'Ормана поволокло по палубе… на десять футов… двадцать… сто… Все вокруг него быстро менялось, он с трудом воспринимал свое окружение. Но вот все закончилось, и он попытался собрать воедино свой рассыпавшийся на кусочки разум… И тут увидел второй корабль.

Он тоже являлся платформой, примерно такого же размера, как и та, на которой находился д'Орман, закрывая весь правый участок неба. Корабль медленно опускался по наклонной траектории; наверное, именно из-за него корабль йиров так резко развернулся, чтобы подставить своему противнику более широкую сторону.

Нервы д'Ормана натянулись как струны, а кровь стучала в висках. Это просто безумие, какой-то ночной кошмар. Этого просто не может быть! От возбуждения он приподнялся, чтобы лучше наблюдать за происходящим.

И снова повернулась платформа йиров. На этот раз с легким толчком. Д'Ормана бросило на палубу, но он успел вытянуть руки и смягчить падение. А в следующий миг он снова стоял во весь рост и смотрел вперед, не желая ничего пропустить из происходящего.

Огромные платформы выровнялись и сопри-

коснулись палубами. И на втором корабле были мужчины и женщины, также обнаженные, ничем не отличающиеся от йиров; и цель тактического маневра, который они совершили, теперь показалась д'Орману очевидной: абордаж, как в старину, пиратское нападение, где прольется море крови.

…Д'Орман стал размышлять. Ни в коем случае он не хотел оказаться какой-нибудь помехой в тех величайших событиях, которые готовы были поколебать ни в чем не повинные небеса.

Дрожа от возбуждения, он присел. И это действие явилось каким-то своеобразным сигналом. Из мрака вынырнула *та самая* молодая женщина. На ней по-прежнему было темное платье, мешавшее ее бегу, но она, похоже, едва ли замечала это. Она очутилась перед ним на палубе и посмотрела на него сверкающим овалом янтарных глаз, и блеск этот был вызван возбуждением и, что потрясло д'Ормана, страхом.

И в следующий миг он вздрогнул от силы и плотности испускаемых от нее эмоциональных сообщений. Она передавала, что ему дается еще один шанс. Если ему в этот раз удастся успешно воспользоваться ею и создать из себя анодный центр, то это поможет одержать великую победу

— и ее не отправят в изгнание. Она нарушила степень чистоты и непорочности, поскольку ей понравилось его действия с ней.

Она еще что-то передавала, но мозг д'Ормана уже не переводил в мысли эти сообщения. Он сел, удивленный. Только теперь до него дошел смысл фразы тех мужчин, что он виновен в том, что одна из женщин перестала быть катодом. Он испортил ее

Одним поцелуем!

Значит, все же старые, древние отношения между мужчиной и женщиной не потеряли своей силы. Д'Орман вдруг представил себя крадущимся, точно ночной вор, по палубе корабля и целующим в темноте всех обнаруженных им женщин, чтобы дезорганизовать корабль во мраке.

Вздрогнув, он с трудом выбросил эту мысль из головы. «Ну, не идиот ли я! — обругал д'Орман себя. — Как могу я думать об этом сейчас, когда каждая клеточка моего тела должна сосредоточиться на первостепенно важной задаче — действовать сообща с этими людьми и выжить самому. Я должен заставить себя жить, подчиняясь их требованиям».

Молодая женщина резко толкнула его, возвра-

щая д'Ормана к реальности. Одно мгновение он сопротивлялся ее усилиям, а потом понял, чего она хочет: сидеть со скрещенными ногами, держась за руки и заблокировав свое сознание…

Он подчинился ее требованиям. Д'Орман наблюдал, как она встала на колени перед ним, потом, наконец, взяла его руки в свои и закрыла глаза. Казалось, она молится.

И повсюду, как видел д'Орман, образовывались группы сидевших со скрещенными ногами мужчин и стоявших на коленях женщин. Сначала из-за слабого света трудно было ясно разглядеть, что же происходит, когда рядом с одним мужчиной две и больше женщин. Но почти тут же д'Орман увидел одну такую группу слева от него. Четверо, связавшись руками, образовали небольшой кружок.

Мысли и взгляд д'Ормана перенеслись ко второму кораблю. И там тоже мужчины и женщины сидели вместе, держась за руки.

Взволнованному д'Орману казалось, что в этот час на них вниз смотрят звезды и видят то, чего никогда не должны были видеть: последние благочестивые приготовления к битве. С чудовищным и нескрываемым цинизмом он ждал конца этого сеанса очищения, ждал сверкающих

ножей, выныривающих из пустого пространства и оживающих в энергичных руках, которые так и чешутся приступить к делу…

Цинизм… Как тут не быть циничным, оказавшись перед тем деморализующим фактом, что и через тридцать сотен тысяч лет… все еще существуют войны. Конечно, войны изменились, стали другими, но сути это не меняло!

И именно в этот мрачный момент он стал анодным центром. В его теле что-то шевельнулось, *что-то* запульсировало. Вроде шока после удара током, но не было ни боли, ни ожога — внутри него разгоралось поющее пламя. И оно раздувалось. *Раздувалось.* Принимало калейдоскоп различных форм и несло с собой ликование.

Стало заметно светлее. Галактика стрельнула светом. Солнца, которые были лишь едва видимыми точками на огромном небосводе, теперь приобрели чудовищные размеры, стоило ему только посмотреть на них, но когда он опускал взгляд, они возвращались до прежних размеров.

Расстояния потеряли свое значение. Пространство свертывалось. Перед его необычайно острым взором проносились миллиарды галактик, квадриллионы планет, открывая свои многочисленные секреты.

Прежде чем его ставшее безмерным сознание выплыло из этого невообразимого погружения в бесконечность, он увидел немало такого, чему он не мог подобрать определения. Возвратившись наконец на темный корабль, он с предельной ясностью увидел цель, ради которой разыгрывалась битва. Это было сражение разумов, не тел; и победит тот корабль, чей экипаж сумеет взять под контроль энергию обоих кораблей, чтобы раствориться в универсальной энергии.

Самопожертвование было высшей целью каждого экипажа. Стать единым с Великим Началом, навсегда погрузить свой дух в вечную энергию, чтобы…

«Чтобы *что?*»

Из глубин сознания д'Ормана поднялась волна отвращения. И экстаз закончился. Он длился совсем недолго. Д'Орман вдруг ясно понял, что, ужасна та судьба, которую йиры рассматривали как победу, и он выпустил руки девушки и прервал контакт с универсальной энергией. И теперь сидит здесь в темноте.

Д'Орман закрыл глаза и, напрягая каждый нерв, попытался не допустить возобновления этого мерзкого шока. Что за невероятная и дьявольская судьба! И самое ужасное — то, что ему лишь в са-

мый последний момент удалось этого избежать.

Потому что йиры победили. Им удалось достигнуть того растворения, которого они так жаждали… Наконец, мелькнула слабая мысль: «Это анодное состояние не так уж и плохо само по себе». Однако он не был духовно готов погрузиться и слиться с великими силами тьмы.

Тьмы?

Д'Орман задумался. Только сейчас он обратил внимание на обстоятельство, которое раньше, под влиянием охватившего его чувства облегчения, он не замечал, что он уже не сидит на палубе корабля йиров. И вообще не существует никакой палубы.

Он находился в кромешном мраке.

Д'Орман скривился… и увидел второй корабль во тьме. Он был уже высоко в небе и удалялся все дальше и дальше. И пока он следил за ним, корабль исчез.

«Значит, битва закончилась. И каков итог?»

Темнота! Повсюду! И в тот же миг пришла уверенность: йиры победили. Теперь они торжествуют и в экстазе слились с универсальной энергией. После того, как создатели платформы исчезли, корабль перешел в более простое, элементарное энергетическое состояние — и

перестал существовать. Но что стало с его звездолетом?

В панике д'Орман несколько секунд в отчаянии крутился на месте, пытаясь посмотреть во все стороны сразу, увидеть что-нибудь в обступившей его темноте. Но все впустую. Но в ходе поисков он стал понимать, что же произошло.

Скорее всего, в ту секунду, когда платформа растворилась, его звездолет, не удерживаемый больше ее полем, устремился прочь со скоростью девяносто миллионов миль в секунду.

Он остался один в этом необъятном мраке, медленно дрейфующий в межгалактическом пространстве.

Это и есть изгнание.

Первые приступы страха поутихли, спрятавшись постепенно где-то глубоко в нем. И затем вызванные этим страхом мысли, расцвеченные всей гаммой переживаний, словно от усталости, опустились в самые дальние закоулки его сознания.

«Это всего лишь начало», — хмуро подумал д'Орман.

Теперь до того, как он окончательно не сойдет с ума, его будут ждать бесконечно повторяющиеся всплески ощущений и мыслей, которые в свою

очередь будут постепенно исчезать. И ему не избавиться от образа этой молодой женщины.

Внезапно мысль д'Ормана оборвалась. Нахмурившись, он стал мотать головой в разные стороны и увидел, наконец, очертания ее фигуры, слабо вырисовывающиеся на фоне более далекой туманной галактики.

Она совсем близко, оценил он, всего в двенадцати футах. И их медленно сносит друг к другу, и скоро они, как и все остальные космические тела, будут вращаться друг вокруг друга по очень короткой орбите.

Но и этого будет достаточно, чтобы они смогли установить катодно-анодный контакт. И тогда, используя невообразимую энергию, он сможет обнаружить свой звездолет, добраться до него и сразу же проникнуть в него.

И это было концом ночи и концом одиночества.

Оказавшись в космическом корабле, д'Орман сразу же занялся определением своего местоположения. Он остро ощущал присутствие рядом с ним молодой женщины, но работа требовала всего его внимания. Первым делом он должен прибегнуть к методу проб и ошибок и определить свои новые галактические координаты, широту и

долготу огромного маяка, каким является звезда Антарес. А уж тогда совсем просто будет определить положение ослепительной Миры в этом 3-х миллионном году новой эры.

Но Миры там не оказалось.

Д'Орман принялся сгибать пальцы в замешательстве, потом пожал плечами.

Для той же цели отлично подойдет и Бетельгейзе.

Но и Бетельгейзе не помогла. Он лишь увидел какую-то красную звезду таких же огромных размеров, но на расстоянии в 103 световых года ближе того места, где должен был находиться этот гигант. Но это же нелепо! Подобная вещь возможна лишь при обратном отсчете!

Д'Ормана охватила дрожь. Трясущейся рукой он начал рассчитывать положение Солнца, исходя из катастрофической вероятности, которая только что пришла ему в голову.

Его забросило вовсе не в будущее, а в прошлое. По всей видимости, сама машина времени была плохо настроена — он оказался примерно в 37 000 году до нашей эры.

В этом месте мысль д'Ормана надолго замерла. Были ли *тогда* люди?

С усилием д'Орман повернулся к молодой жен-

щине. Он сидел, скрестив ноги, на полу и рукой пригласил ее встать на колени и взять его руки. Через мгновение они благодаря анодной энергии окажутся на корабле и перенесутся на Землю.

Но с удивлением он увидел, что девушка не сделала шага к нему. Ее карие глаза, различимые в этом рассеянном свете, холодно смотрели на него.

Она, казалось, не понимала, чего он хочет. Д'Орман вскочил на ноги, подошел к ней и, схватив за руку, стал тянуть ее вниз.

Девушка отскочила в сторону. Д'Орман в шоке уставился на нее. И в тот миг, когда в его сознание проникла мысль, что она решила никогда больше не становиться катодным элементом, она шагнула к нему, обняла и поцеловала.

Д'Орман оттолкнул ее. Потом, сам пораженный своей грубостью, погладил ее руку. Очень медленно повернувшись к креслу за приборами, он начал высчитывать орбиты, отклоняющее воздействие ближайших солнц и количество топлива, оставшееся в атомных приводах. Как выяснилось, путешествие займет семь месяцев, вполне достаточный срок, чтобы научить девушку основам речи…

Ее первое четко произнесенное слово было

его имя, искаженное в ее устах, как Адорм, и это натолкнуло его на одну мысль. Теперь он знал, как назвать ее.

Когда они приземлились на огромной девственной планете, покрытой зелеными лесами, от страстности, звучавшей в ее запинающемся еще голосе, почти не был заметен ее акцент.

Ему легко было называть ее Евой, прародительницей всего человечества.

Признание

Проснувшись, Марриотт вспомнил об одной странной вещи, которую видел прошлой ночью в пустой гостиной. Это воспоминание заставило его выпрыгнуть из постели. Набросив на плечи халат, он направился было в гостиную, но вдруг остановился, подумав, что ведет себя очень глупо. *«Ведь это только сон!»*

Марриотт покачал головой, посмотрев на самого себя. Раньше его спальня была складским помещением Марриотта-старшего. Он выбрал его не по эстетическим соображениям, а потому что она была рядом с кухней и таким образом из-за жары от кухонной плиты было уютно и здесь. Марриотт решительно прошел на кухню, подбросил деревяшек в камин, нагрел воды, помылся, побрился и оделся. Он с улыбкой припомнил, что чуть больше года назад он стремительно выпрыгнул из постели и бросился к телефону… и только лишь после этого до него дошло, что телефон вовсе не звонил.

Марриотт надел пальто и, выйдя в холл, внимательно осмотрел себя в зеркале. Поверхность зеркала растрескалась, и он видел свое искажен-

ное отражение: молодой человек тридцати лет, изящно сложенный, в пальто и серой шляпе. Удовлетворившись увиденным, он скосил взгляд и быстренько окинул огромный холл. Его пустота, как всегда, слегка поразила его. Однако больше всего его сейчас обеспокоило то, что, как он вдруг понял, он только что совершил — подсознательно переместил свой взгляд к гостиной. Марриотт поджал губы.

«Да ты просто идиот, — сказал он своему отражению в зеркале. — Что ты пытаешься сделать? Доказать себе, что ты полный идиот?»

Его вполне удовлетворило то, что дверь в гостиную была закрыта. Он отвел взгляд и открыл входную дверь. Порыв холодного апрельского ветра заставил его прикрыть глаза. Он закрыл дверь за собой и прошел к передним воротам. Когда он их открывал, раздался страшный скрип, но на заржавевшие петли ему уже давно было наплевать. Марриотт закрыл ворота, после чего по привычке остановился и осмотрел улицу.

Улица была длинной. Разбросанные вдали домики были почти незаметны, так что почти невозможно было понять, где же начинается открытая местность. Пол Марриотт вздохнул. Его отец без конца твердил ему, что в начале века

владения Марриоттов находились примерно в четверти мили от городской черты, и основную часть поместья занимал геометрически правильной формы дом на двадцать акров, являвшийся достопримечательностью деревни. Со временем деревня была поглощена городом, и теперь это был просто деловой район Хэмпдена.

Марриотту понадобилось три минуты, чтобы добраться до заведения тетушки Мэри. Он уселся за столиком и, когда подошла официантка, спросил:

— Джудит уже пришла?

Девушка покачала головой, слегка нахмурилась и, немного помедлив, ответила:

— Знаешь, милый, тебе ведь хорошо известно, что мисс Джудит больше здесь не бывает.

Марриотт улыбнулся, рассердившись на себя. Он не мог понять, почему это ему взбрело в голову спросить насчет Джудит. Официантка переменила тему:

— Как ты себя чувствуешь после вчерашнего ночного шоу?

— Замечательно.

Девушка удивилась:

— Ну и строил ты из себя вчера героя! — Она захихикала. — Я даже на минуту представила,

что этот тип заставит тебя снять штаны.

Марриотт улыбнулся, но уже не так весело, и заказал завтрак. После ее ухода он посидел некоторое время, мысленно воскрешая в памяти вчерашний ночной спектакль, который, как он понял теперь, гораздо больше свидетельствовал о закате удачной судьбы Марриоттов, чем он думал раньше. Он не хотел уходить голодным, пока не обслужат шумную молодежную компанию. Его завтрак был уже подан, когда в кафе вошел мужчина и махнул рукой Марриотту. Тот в ответ приветственно поднял руку и сказал:

— Привет, Грег.

Молодой геркулес что-то недовольно пробурчал, занимая место в кабинке напротив. Прогрохотав заказ официантке, он повернулся к Марриотту.

— Странная штука — голова, верно?

Марриотт кивнул.

— Ты что, в самом деле не понимал, что тебя, парень, собираются избить?

Марриотт пожал плечами.

— Не помню.

— Совсем ничего? — с удивлением спросил Грег.

— Только смутно припоминается, как Бландар

попросил меня посмотреть ему в правый глаз, а потом он, кажется, схватил меня за руки.

— Правильно. И он объяснил тебе, что ты из той пятерки, которая лезет не в свое дело.

— Полагаю, что я один из них, — согласился Марриотт.

Сейчас ему очень хотелось уйти из кафе. Он одним глотком осушил чашку с кофе и пробормотал что-то насчет того, что опаздывает на работу. Он был у двери магазина мужской одежды Клейтона без пяти девять, открыл дверь и вошел внутрь. В десять минут десятого прибыл молодой Пит Клейтон. Через несколько минут уже появились первые клиенты. В полдесятого, тяжело ступая, прошел в свой кабинет, располагавшийся за залом, старый Пит Клейтон. Там он провел все утро, изучая записи. Его отсутствие обрадовало Марриотта — он беспокоился насчет Джудит, и ему не хотелось, чтобы на нервы действовал еще и старик Пит. «Дело совсем не в том, что ему нравится беспокоиться о ком-то, — заметил он сам себе. — Все-таки иногда очень важно думать о подобных вещах».

«Что же имела в виду официантка, когда сказала, что мне известно, что Джудит больше не бывает у них?» — озабоченно думал Марриотт. До

этого ему в голову не приходило, почему же он не знает этого. Ему казалось, словно вот-вот придет озарение. За несколько минут до одиннадцати, намеренно не замечая, как помрачнел молодой Клейтон, он позвонил Джудит в книжную лавку. Трубку подняли, после чего удивленного Марриотта ждала гробовая тишина, и лишь потом отец девушки поинтересовался:

— Э-э… Это ты, Пол?

— Да, мистер Гарсон. Знаете, странное дело, но я все утро беспокоюсь насчет Джудит… она вышла куда-то?

Снова последовала тишина, потом наконец:

— Послушай, Пол, может, зайдешь ко мне в книжную лавку? Мне бы хотелось с тобой переговорить.

Старик предложил это вполне серьезно. Пол пожал плечами и ответил:

— Да, конечно, сэр. Я забегу во время обеденного перерыва.

Всю оставшуюся часть утра он провел в прострации. Второй завтрак он проглотил без аппетита, внезапно почувствовав себя изнуренным. «*Я, наверное, слишком перетрудился сегодня*», — решил он.

Всю вторую половину дня клиенты шли один за

одним. Пообедал он с лучшим аппетитом, а потом отправился посмотреть шоу, чтобы расслабиться. И только поднимаясь по ступенькам своего дома, он вдруг вспомнил, что так и не навестил мистера Гарсона.

— Мне обязательно нужно будет сходить к нему завтра, — приказал себе Пол.

Оказавшись внутри дома, он включил свет в холле и бросил небрежный взгляд на дверь в гостиную. Тут же мелькнуло воспоминание о событиях прошлой ночи. Марриотт сердито покачал головой. Теперь действительно стоило заглянуть в эту комнату.

Гостиная была такой же, как и прошлой ночью. Уже больше четырех лет в ней, как и в остальной части дома, никто не бывал. Сейчас же она была полностью обставлена мебелью. Мужчина и женщина средних лет неподвижно сидели в креслах друг напротив друга. В руках женщина держала книгу, мужчина же просто сидел. Целую минуту Марриотт только и мог, что стоять, застыв на месте и уставившись на них, но незваные гости даже не удостоили его взглядом. Наконец, не зная, что ему делать, Марриотт закрыл дверь и возвратился на кухню.

Он развел огонь в камине, разделся и растянул-

ся на кровати. Потом сказал себе, что, наверное, ему следует позвонить в полицию, но у него создалось впечатление, что, кажется, он раньше уже видел этих людей. Сам не понимая, почему, он узнал в женщине Джудит в возрасте сорока пяти лет, а вот мужчина…

Глубокой ночью Марриотт с трепетом проснулся, внезапно осознав, что уснул на середине той мысли, мысли, что тот мужчина удивительно напоминал его самого, но только постаревшим на двадцать лет.

Он выбрался из постели, включил свет и направился в гостиную. Он как бы ожидал обнаружить нечто новое, но ничего не изменилось. Мужчина и женщина не шевелились и выглядели точно так же. Изменились только его собственные чувства. Почему-то он решил, что должен подойти этим двоим поближе.

Без колебаний он перешагнул порог.

Марриотт шевельнулся в своем кресле и взглянул на Джудит. Ему казалось, что он только что пришел в эту комнату, но он знал, что сидит здесь, у окна, примерно час. Он попытался отбросить эту мысль, когда вся необычность происходящего дошла до него.

— Эй, чтоб я сдох! — оглушительно взревел он.

Джудит оторвалась от книги.

— Что случилось, дорогой?

Марриотт нерешительно помедлил. Это воспоминание в его голове уже начинало беспокоить его, и ему вдруг подумалось, что не стоит говорить об этом никому другому Все это касается только его одного.

— О, ничего, — пробормотал он. — Знаешь, пройдусь прогуляюсь перед сном… до магазина, — добавил он в конце. — Посмотрю, все ли в порядке.

Джудит, похоже, приняла его объяснение, не заметив в этом ничего необычного. Она снова вернулась к чтению. Марриотт вышел в холл, надел шляпу, а потом остановился перед зеркалом. В зеркале отразился сухопарый мужчина лет пятидесяти. Он вдруг поймал себя на том, что внимательнее обычного всматривается в отражение — наверное, из-за этой поразившей его мысли.

«Какого черта, — подумал он, — *ты, старик, разглядываешь себя, словно ты красавчик*?»

На улице он вдруг с удивлением понял, что вспотел. Ночь была теплой, поэтому он вытерся носовым платком и удивленно замотал головой. «*Неужели я заболел?»* — подумал он, но когда

он прошел к воротам, то не почувствовал никакой слабости. Наоборот, такого прекрасного самочувствия у него не бывало в последние годы. Владения старого Марриотта теперь действительно глубоко врезались в город. Куда ни посмотри, с обеих сторон улицы сверкали красочные витрины магазинов. Улица вспыхивала всеми цветами радуги, и две фаланги фонарей, изгибаясь, выстроились до самого горизонта, бросая смутно различимый отсюда свет.

Марриотта радовала эта картина. Неплохо жить посреди города, хотя было время, как вспомнил он, когда он этого стыдился. Это Джудит пришла в голову мысль вырастить высокую живую непроходимую изгородь из кустарника, которой дом отгородился от остального мира, из-за чего властям пришлось сделать специальный объезд в самом центре делового района города. Стоя возле ворот, Марриотт в душе тепло поблагодарил ее за это. Она отремонтировала заброшенную усадьбу, сделала достройку, привела в порядок земли вокруг. Странно было вспоминать, что когда-то он считал ее не парой ему, Марриотту. Он улыбнулся и покачал головой. Часто люди слишком много воображают о себе.

Он медленно закрыл ворота и пошел по ули-

це к центру города. В душе своей он ощущал необыкновенную умиротворенность, чувство не зря прожитой жизни. Все текло так, как должно было быть. Уже давно утихли тревоги и сомнения, возникавшие у него после свадьбы, и сейчас он как никогда раньше понимал, насколько же удачным оказался их брак.

Думая так, он остановился перед атомной электростанцией и стал смотреть сквозь плексигласовые окна. Станция эта располагалась в пещере ниже уровня улицы, и он посмотрел вниз — на огромную махину, залитую специальным бетоном и свинцом. Если не считать размеров, в ней не было ничего особенного. Гораздо более интересными были турбины, которые вращались в центральной части машины, где четырьмя рядами располагались три турбины. Каждая соединялась с несколькими динамо. Да, в этом мире гигантских двигателей люди выглядели лишь игрушечными оловянными солдатиками.

Марриотт продолжил прогулку. Когда он подошел к магазину мужской одежды Клейтона, то на короткое время остановился перед этим двухэтажным зданием из стекла.

«Как странно, — подумал он. — *На мгновение у меня возникла четкая мысль, что я когда-то*

здесь работал».

Что-то было не так с этой ночью и этой прогулкой. Воспоминания о вещах, давно забытых. Да еще ему представлялись картины, которые ненадолго казались ему воспоминаниями, пока он с удивлением не выбрасывал их из головы, никак не связывая их со своей жизнью. Он женился на Джудит в 1969 году, вернувшись из Вьетнама, и семейная жизнь могла служить примером идеального брака. В 1974 году умер ее отец, и Джудит не замедлила осуществить все те идеи в отношении книжной лавки, которые долго вынашивала. Теперь это был огромный магазин, в котором работало шесть продавцов, и дававший им примерно девяносто тысяч долларов в год. До того, как Джудит взяла управление им в свои руки, прибыль едва достигала двадцати тысяч. Джудит была прекрасным бизнесменом, чудесной женой и великолепной женщиной.

Вот Марриотт уже вернулся в двор. Он остановился на несколько секунд, закрывая ворота дрожащими руками, и вбежал по ступенькам на крыльцо дома. Все еще дрожа, он вставил ключ в замок. Его подстегивало какое-то чувство нетерпения, убежденности, что нужно как можно скорее оказаться внутри. Когда дверь

тихо затворилась за ним, он увидел, что часы в коридоре показывают время после полуночи. Он отсутствовал дольше, чем собирался.

В гостиной все еще горел свет, однако Джудит уже легла. Марриотт оглядел комнату, несколько сбитый с толку тем, что видит одни привычные ему вещи. Он так и не понял, чего же именно он ожидал найти в своих поисках, но и теперь он чувствовал, что достиг места назначения. Без особой радости он выключил свет и поднялся по лестнице Когда он проходил мимо спальни Джудит, располагавшейся рядом, то услышал, как его позвали:

— Можешь заглянуть ко мне, поцеловать и пожелать спокойной ночи, дорогой. Я еще не сплю.

Марриотт помедлил несколько секунд.

«Что это такое творится со мной, — вымученно думал он. — Что мне нужно сделать?»

Эта мысль была поразительной. Совершенно новая для него мысль. Что-то всплыло в глубинах его сознания… нечто важное, он чувствовал это. Но не мог определить, что же именно.

Марриотт открыл дверь с осторожностью мужчины, который впервые заглядывает в спальню женщины. Джудит привыкла спать голой, и ему не хотелось беспокоить ее.

Короткого взгляда на постель хватило, что все его тревоги испарились. Джудит была в голубой ночной рубашке. Марриотт облегчено вздохнул, но уже первые ее слова вновь его встревожили:

— Приляг со мной на минутку, дорогой.

Марриотт автоматически снял туфли и растянулся на свободной половине кровати. В его голове мелькали обрывки мыслей: *«Для чего я здесь… в этом будущем?!.»* — была одна из них, неожиданно вспыхнувшая в его сознании, но тут же унесенная в глубины памяти. Осталось лишь чувство неуверенности. Уголками глаз он внимательно наблюдал за Джудит.

Ее лицо выдавало возраст, но в ее фигуре еще сохранилась девичья стройность. Кожа у нее была чистая и загоревшая, тело — как у девочки, и его очертания просматривались под простынкой. С отсутствующим видом Марриотт искал шрам от ножа чуть выше сердца, но непрозрачная ткань ее ночной рубашки не давала возможность осмотреть это место.

Марриотт почувствовал разочарование. Ему захотелось увидеть этот шрам, не было сил противостоять этому желанию… протянув руку, он дрожащими пальцами ухватил за полоску материи на ее левом плече и отдернул ночную

рубашку.

Шрама на том месте не было.

Кровь застучала в его голове. Он осторожно наклонился над ней. Наверное, она ожидала его поцелуя — специально приподнялась. Однако он отпрянул назад, свалился на пол и попятился к двери.

— Я так устал, — попытался объяснить он свое поведение. — Мне кажется лучше пойти спать.

Он так торопился покинуть ее спальню, что даже не заметил коврик перед порогом. Мир взорвался у него перед глазами.

Пол Марриотт, мужчина тридцати одного года, шевельнулся и открыл глаза. Он лежал лицом вниз на пороге в спальню на верхнем этаже дома. Заметно похолодало, и теперь мороз пробирался под его халат и пижаму, вызывая окоченение.

Подняв голову, он увидел, что уже настал день. *«Неужели я проспал здесь всю ночь?»* — подумал он.

И только поднявшись на ноги и оглядев эту пустую спальню, он вспомнил свой сон. Медленно спускаясь по лестнице, он отрешенно вспоминал подробности. *«Почему мне хотелось посмотреть, есть ли у нее над сердцем тот шрам?»* Когда он спустился вниз, то замер в потрясении

— дверь в гостиную открыта.

Марриотт с облегчением взирал на пустую комнату, пока холодный морозный воздух не загнал его на кухню, где он торопливо разжег огонь на плите и, наконец, успокоился. То, что он увидел за окном, явилось для него еще одним потрясением. Там было темно.

В кафе тетушки Мэри он размышлял над проблемой — но своей собственной. В своем сновидении, где он увидел двух пожилых людей, он понял цель. И теперь необходимо было добиться исполнения этой цели, поскольку не осталось ни этой пары, ни их мебели.

Поев, он прогулялся по слякотным улочкам города, пытаясь вспомнить то, что учил в колледже на курсе по психологии. Но были лишь смутные воспоминания. Какие-то отдельные слова: невроз, шизоид, психическое расстройство… Трудно ведь было представить, что, подобное понадобится ему в его жизни. «Я вел себя как дурак, — с улыбкой несогласия продолжил он мысль, — но не как сумасшедший». Например, он с удивлением обнаружил, что на земле, примыкающей к его дому, расположены заводы. Он считал, что сдал ее в аренду для разбивки там садов за те гроши, что ему предложили. А как все вышло?

Глупо он поступил? По правде говоря, нет. Просто недостаток опыта.

Марриотт пришел туда, где видел в своем сне энергетическую станцию. Это воспоминание было настолько ярким, что он остановился и уставился на тот десяток хижин, которые сейчас занимали эту землю, и каждая — не более половины акра. Ему не составило труда вообразить, как эти лачуги сносятся и на их месте возводится сверкающий полупрозрачный атомный комплекс. Марриотт представил мысленно эту картину: турбины и динамо, торчащие, словно выдернутые из колеса спицы, из гигантской махины, состоявшей из свинца и бетона. Все это сооружение, похоже, занимало немного места; и тут он смутно припомнил, что вообще-то эти атомные станции возводят вдали от жилья. В его сне эта проблема либо была как-то решена, либо на нее просто плюнули.

Увидев на часах который час, он вышел из забытья. Без трех девять. Ему лучше поторопиться, если он собирается опередить молодого Пита.

Марриотт прошел еще дюжину футов по улице, когда подумал: *«Что же это я делаю… что!»* Как человек, которому внезапно стало плохо, он стал идти помедленнее, едва переставляя ноги, по-

трясенный внезапно возникшей в его сознании картины событий, происшедших с ним четыре года назад, когда он, разорившись, поступил на работу в магазин Клейтона. *«Но почему? Почему? Что же случилось*?»

Марриотт остановился и постоял немного, прислонившись к фонарю. Вместе с этим воспоминанием не пришла боль. В конце 1969 года он, Пол Марриотт, единственный наследник некогда влиятельного и могущественного семейства Марриотов, неожиданно потерял стимул к движению вперед, попал в глубокую депрессию и провалился в духовную пропасть, природа и глубина которой все еще скрывались от него туманной дымкой. В гневе на самого себя он позволил себе поддаться на обман с ценными землями семейства Марриоттов и обесчестил свою фамилию и самого себя тем, что стал банкротом и служащим в магазине мужской одежды Клейтона.

«Но что же случилось с Джудит!» — Марриотт затряс головой со смутным ощущением, что сейчас вспомнит. Он припомнил, что он с Джудит были помолвлены. А потом…

Воспоминание приходило обрывками и резко, словно его сознание было не в силах объять всю его значимость. Он вспомнил вопрос, который

задал ему отец Джудит накануне: «…С чего это ты вдруг вспомнил о ней, Пол?»

«Кто-то гипнотизирует его!» — решил Марриотт. Он словно участник какого-то представления, где некий гипнотизер воздействует на его подсознание. *«Мне нужно встретиться с ним…»*

Он отправился на поиски отца Джудит, и это происходило как во сне. Сознание его уносилось куда-то вперед, и он снова и снова переживал тот незаконченный разговор. Он помнил выражения лиц водителей автобусов, управляющих театром и служащих отелей, с обидой и, нахмурив брови, смотрящих ему вслед. Он был не из тех людей, кто остановится, чтобы любезно поболтать, но, к счастью, он мало что запоминал, и поэтому это не значило ничего.

В два часа дня, когда хмурое небо прояснилось, он вошел в еще один отель, задал привычный вопрос и вдруг узнал человека, стоявшего перед ним.

Теперь, без грима, не на сцене, Бландар Великолепный совсем не напоминал того представительного мужчину, каким Марриотт его запомнил. Он в своем обыкновенном синем костюме казался меньше ростом, и в нем не было ничего примечательного. При других обстоятель-

ствах Марриотт мог бы подумать, что он какой-то продавец.

— Не хочешь ли купить мне выпивку? — спросил он.

Это и в голову не могло прийти Марриотту, однако он кивнул. Когда они шли по направлению к бару, он вдруг заметил, что стал жаловаться на трудные времена, в которые угодил.

— Мне не составило большого труда преодолеть сотню миль отсюда до Хампдена.

Марриотт увидел, что Бландару наплевать на то, что он пытается как-то объяснить свои действия. Пол нетерпеливо дожидался, когда принесут выпивку. Бландар одним глотком осушил свой бокал.

— Еще один, — сказал он бармену.

Следующий он выпил медленнее, но Марриотт, который начал догадываться, какие проблемы были у Бландара, благоразумно оставил сдачу с десяти долларов на стойке.

— Кажется, я сейчас припоминаю тебя, — сказал Бландар, когда Марриот начал рассказывать ему свою историю. — Ты без особого рвения встал, однако те молодые люди были настроены решительно. Они, кажется, — Бландар покачал головой и нерешительно продолжил, — подсо-

знательно хотели унизить тебя.

Потом Бландар добавил:

— Когда-то я работал психологом, пока не обнаружил, что могу зарабатывать больше, путешествуя гипнотизером… поэтому я не поддался на их психоз.

Марриотт кивнул. Он уже и сам пришел к выводу, что желание унизить его было подсознательным.

— Каждый внешне по-дружески относился ко мне. Полагаю, людям нравится видеть, как с кого-то, кому они завидуют, сбивают спесь. Но вот чего я не понимаю, так почему я молча сносил эти оскорбления.

— *Из-за чувства вины.*

Марриотт понял, что цвет его кожи на лице изменился.

— Что ты имеешь в виду?

Он словно бы из темного колодца смотрел на освещенное лицо собеседника. Глаза гипнотизера не мигая уставились на него.

— Эта девушка, Джудит, — спросил Марриотт, — когда ты в последний раз видел ее?

— Ну… не помню. — Бландара качало. *«Странно, мне кажется, что я вот-вот упаду в обморок».*

— Природа твоей галлюцинации, — продолжал

Бландар, — открывает дополнительные возможности для гипноза. Лично я сейчас представляю себе не одну. Большинство людей пытаются спрятаться от себя, потеряв память или уйдя в прошлое, когда сталкиваются с ситуацией, лицом к которой они не могут повернуться. С тобой сперва и *случилась* потеря памяти, но когда ты начал выходить из амнезии, перед тобой возникла одна проблема. В твоем случае прошлое имело одну особенность. Это были дни, когда твоя семья была влиятельной. Поэтому невозможно было справиться с чувством вины в прошлом, и ты стал искать ответы на свои вопросы в будущем. — Бландар помрачнел. — Повтори мне эту часть своей истории. Она кажется… какой-то нереальной… мне. Но не могу точно сказать, что именно.

Это выглядело, словно приподнимаешь занавес над таинственной комнатой. Марриотту казалось, словно он оказался под скальпелем ножа, который выпотрошит всего его. Бландар выпил еще два бокала, пока он рассказывал, и еще один, когда думал над ответом.

— У меня была привычка, — наконец начал Бландар, — сообщать своему пациенту, что в следующий раз, когда он позволит мне загипнотизировать его, то мне достаточно для этого будет

просто щелкнуть пальцами и сказать: «Спать!», чтобы мой гипноз тут же сработал. Но я не могу припомнить, чтобы делал это с тобой, хотя должен был. Может, мне загипнотизировать тебя?

— Что ты собираешься сделать? — В голосе Марриотта звучал страх.

— Узнать, что же случилось.

— И ты можешь сделать это при помощи гипноза?

— Мы узнаем все подробности.

Марриотту вдруг захотелось вскочить и бежать без оглядки.

— Прямо здесь? — слабым голосом спросил он. Они сидели за стойкой в баре.

— Пошли туда, — ответил Бландар и показал на кабинки в глубине зала.

Через несколько секунд Марриотт с трудом выдавил из себя:

— Да, ты способен загипнотизировать меня.

— Спать! — приказал Бландар и щелкнул пальцами.

Марриотт зажмурил глаза и стал ждать. Наконец обескураженный, он открыл глаза.

— Кажется, гипноз не удался, — начал было он, но остановился, пораженный. Перед ним не было Бландара. Только записка лежала на столе. Он

поднял ее и прочитал:

«Дорогой Марриотт!

Твоя серьезная озабоченность Джудит в той галлюцинации о «будущем» и заставила меня подумать, что здесь что-то не так. Это соотносилось с твоим признанием (также сделанным в той иллюзии), что ты когда-то считал, что она недостойна быть женой Марриотта. По какой-то причине ты очень хотел склонить ее к этому мнению, слишком уж полагаясь на то, что эта твоя мысль так никогда и не выплывет наружу. Но то неподдельное восхищение, которое ты испытывал к ней, заставило меня подозревать правду. Любопытным был и выбранный тобою способ посмотреть в глаза фактам и вспомнить о том шраме — отправив ее в будущее на двадцать лет — и даже тогда ты не мог заставить себя признаться в том, что этот шрам существует.

Я никак не собираюсь объяснять твое видение атомного мира. Он кажется мне вполне реальным, и я полагаю, что если ты захочешь, то припомнишь многие подробности.

Но перейдем к концу. К тебе сегодня вечером, когда ты откроешь ворота, вернется память. В ту секунду, когда ты увидишь то, что я хочу,

чтобы ты увидел, отправляйся… и вот тут-то я остановлюсь. Благоразумие подсказывает мне, что тебе нужно пойти в офис шерифа (кажется, это друг твоего отца). К сожалению, здесь есть еще один фактор — другой мужчина. Его никогда не видели. Но когда я подверг тебя сеансу гипноза, внезапно он обратился ко мне из твоего подсознания. Голос твой изменился, стал мелодичным, и этот незнакомец сказал:

— Бландар, пусть все идет своим чередом. Обещаю: в момент озарения я открою, кто я такой, Полу Марриотту… и освобожу нас обоих…

Что можно было сказать на подобное, услышав это из уст загипнотизированного человека? Я пытался подобрать подходящее объяснение, но так и не смог.

Итак, мистер Марриотт, я сделал все, что мог. Ради собственной защиты я приказал вам уничтожить эту записку через десять минут после прочтения.

Желаю удачи!

Б.».

Марриотт остановился перед воротами. Смеркалось, и деревья бросали длинные и черные тени на мокрую дорогу. Очертания дома казались какими-то непривычными в этом сумеречном

свете. Днем дом казался прекрасным, и, Марриотт признался себе, вскоре он снова будет казаться ему таким же красивым, но сперва следует пройти через чистилище. У него должны были быть деньги. Он должен купить эту землю, где вскоре, в недалеком будущем, будет построена атомная станция. И он должен попытаться вспомнить, какие предприятия процветали в его видении будущего.

Ему также казалось, что хороший адвокат поможет ему приобрести за нормальную цену эту землю, которую он продал, полагая, что лишь сдает ее в аренду. У больного человека, конечно, есть гарантируемые законом права.

Видения заводов вихрем проносились в его уме, несмотря на то, что сообщил ему Бландар. *«Что же такого может случиться, когда я открою ворота*?» — Марриотт пытался, основываясь на здравом смысле, продолжить эту мысль.

Но когда он коснулся пальцами ворот, то замер в нерешительности. Сумерки совсем сгустились. Марриотт мысленно ободрил себя… и стал открывать ворота, и те со скрипом поддались. Марриотт шагнул вперед. *«Что бы это ни было, пусть это будет только в моем уме»*, — сказал он самому себе.

Он прошел дюжину футов в сторону лестницы на крыльцо, но потом остановился, разочарованный. «Неужели это *постгипнотическое* внушение, которому он подверг меня?»

Марриотт полуобернулся; одна нога слегка приподнялась над землей. И вот в этом положении он замер. Обнаженное тело какой-то женщины лежало в кустах рядом с воротами. Тело Джудит.

В этом призрачном свете ее фигура приобрела странные очертания, но каждая часть тела была четко видна. Лицо ее как бы светилось внутренним светом. И ясно можно было рассмотреть, как что-то металлическое блестело, вонзенное в ее грудь.

Мужчина, который лежал рядом с ней, поднялся с земли одним резким движением, намного легче, чем это можно было предположить, глядя на его массивное тело. Намного легче, или же *намного* сильнее. Он прыгнул в сторону Марриотта, словно кошка, несясь на того.

Он приземлился на кончики пальцев. Марриотт в это мгновение увидел сверкающие синим блеском глаза и лицо, узкое и продолговатое, как и тело. Этот человек был необычайно подвижен.

Свет от ближайшего уличного фонаря упал на незнакомца. И именно тогда Марриотт вдруг

подумал, что затем произойдет нечто… фантастическое.

Он слышал слова, произносимые незнакомцем… но рот его не открывался, губы не шевелились.

— Убив себя, она создала энергетическое поле, которое повлияло также и на меня. Вот поэтому все мы трое — ты, она и я — и оказались пойманными в ловушку времени.

Марриотт ничего не сказал, он просто не мог. Весь этот диалог казался бессмысленным. Даже хуже, до Марриотта вдруг дошло, что он не слышит никаких звуков. Стояла полная тишина, едва слышны были только несколько далеких эхо, где-то урчал двигатель автомашины; доносился щебет ночной птицы, а ветер шевелил листву деревьев в конце двора.

— Обычно, — продолжил мысленную передачу незнакомец, — благодаря моей способности полностью владеть мысленным контролем, женщины сразу же принимают меня. Особенность человеческого типа в том, что люди не осознают процессов, происходящих при этом в нервной системе. Эта женщина начала было принимать меня, однако в самый критический момент ее охватила враждебность. Мгновенно ей предста-

вилась картина изнасилования. Она схватила мою иглу времени и пронзила себя ею. Разумеется, она думала о тебе, когда умирала, и поэтому я оказался в двойной ловушке. Я пытался спасти ее, направив ее проекцию в будущее, буквально воссоздал ее тело в параллельном во времени мире…

В сознании Марриотта осталась только одна мысль: *он* знал, почему она убила себя. Из-за того, как *он* вел себя по отношению к ней. Она разглядела в нем лучшего, чем он сам думал о себе, Марриотта. Таким она создала его идеал в себе; и в момент насилия, осознав, что теперь она недостойна будет его, Марриотта, охваченная отвращением к себе, она и нанесла смертельный удар.

Картина была завершена и исчезла из сознания Марриотта. Он не сознавал всех мысленных связей, которыми сейчас был окутан, но понимал лишь одно: *«Этот человек и виновен в гибели Джудит!»*

И, осознав это, он прыгнул вперед и схватил незнакомца.

И оказался захваченным вихрем ветра!

Пальцы Марриотта схватили обнаженное тело, которое оказалось твердым на ощупь, и казалось,

что мышцы под кожей были металлическими. Он попытался удержать это тело, но тут как бы после мощного удара камня, ломающего кости, его пронзила ужасная боль, но его решимость, огромное желание ранить, покалечить этого мужчину только еще более укрепились внутри него.

Только насилие! Он со всей силы нанес удар в лицо незнакомца, ломая челюсть. Незнакомец пронзительно закричал и, отскочив от него, запрыгал назад.

— Ты идиот! — в сознание Марриотта хлынула чужая мысль. — Я пытался удержаться здесь достаточно долго, чтобы освободить тебя от этого альтернативного мира. Но теперь слишком поздно.

Мужчина отходил в тень рядом с домом. Потом остановился. Он был смутно различим, но какой-то блеск, исходящий от него, слепил глаза Марриотта. Марриотт зажмурил их, а когда открыл, незнакомца уже не было.

Марриотт, спотыкаясь, побрел в пустоту, отказываясь поверить, что там ничего нет. И он стал хватать руками этот мрак, словно тот был материален, но не удержал равновесия и упал на одно колено, касаясь руками травы.

Медленно, неохотно он стал понимать, что же

произошло… смутно осознавая все то, что может означать для него эта встреча. Он вскочил на ноги и твердо направился к входной двери.

Когда он открыл ее и шагнул через порог, то услышал голос Джудит из гостиной:

— Это ты, дорогой?

Марриотт внутренне расслабился…

«*Конечно,* — подумал он, — *вот в каком мире теперь я нахожусь*»… И, слава Богу, он знал, каким он будет.

— Да, дорогая, — ответил он, — это я.

Он вошел в дом и закрыл дверь за собой.

Вечный эрзац

Их было трое, очутившихся после аварии корабля на дальней незнакомой планете. Один заболел, а двое ушли из спасательного аппарата и не вернулись…

Грейсон снял наручники с запястий и лодыжек молодого человека.

— Харт! — позвал он хрипло.

Тот не шевельнулся. Грейсон помедлил, а потом в сердцах пнул его ногой.

— Послушай, Харт, черт бы тебя побрал! Я тебя освобождаю — на тот случай, если вдруг не вернусь.

Харт не открыл глаз, не выказал никаких признаков того, что почувствовал удар. Он лежал совершенно неподвижно, но тело было мягким, неокостеневшим — он был жив. Лицо отсвечивало мертвенной бледностью, черные волосы слиплись от испарины.

Грейсон снова заговорил:

— Харт, я пойду искать Молкинса. Он собирался вернуться через сутки, а прошло уже четверо.

Ответа не последовало, и Грейсон повернулся было, чтобы уйти, но опять помедлил и сказал:

— Харт, если я не вернусь, ты должен понять, где мы находимся. Мы на новой планете, ясно? Нам никогда не доводилось бывать здесь раньше. Наш корабль потерпел аварию, и мы трое спустились на спасательном аппарате. Нам необходимо горючее. За ним пошел Молкинс, а я теперь иду на его розыски.

Фигура, лежащая на койке, оставалась неподвижной. Грейсон медленно, будто преодолевая внутреннее сопротивление, направился к двери,

вышел и двинулся к видневшимся вдали холмам. Он ни на что не надеялся. Три человека очутились на неведомой, лишь богу известной планете, и один из этих троих был тяжко болен: им овладело буйное помешательство.

Грейсон шел, изредка с удивлением поглядывая по сторонам. Пейзаж был очень похож на земной: деревья, кусты, трава, вдали — горы в голубоватой дымке. Это было тем более странно, что Грейсон отчетливо помнил: когда они сели на эту планету, ему показалось, что она безжизненна, бесплодна, безатмосферна.

А теперь легкий ветерок касался его лица. В воздухе чувствовался запах цветов. Он увидел птиц, порхающих среди деревьев, и раз даже послышались звуки, удивительно напоминавшие пение жаворонка.

Он шел весь день. Следов Молкинса нигде не было. Не попалось на пути ни одного жилища — признака цивилизованной жизни.

Начало смеркаться. Вдруг Грейсон услышал, что женский голос зовет его по имени. Вздрогнув, он обернулся. Перед ним стояла мать. Она выглядела гораздо моложе, чем он помнил ее в гробу, когда она умерла восемь лет назад. Мать подошла и строго сказала:

— Билли, обуй галоши.

Грейсон посмотрел на мать, но не выдержал, отвел глаза. Не веря в истинность происходящего, он подошел к ней и дотронулся до нее. Мать взяла его за руку — пальцы были живые, теплые.

— Поди скажи отцу, обед готов, — сказала она.

Грейсон высвободил руку, отступил и огляделся вокруг.

Они с матерью стояли на пустынной, покрытой травой равнине. Вдалеке блестела серебристая полоска реки. Он повернулся к матери спиной и зашагал прочь. Сумерки сгущались. Когда он оглянулся, на том месте уже никого не было. Зато рядом с ним шагал мальчик. Сначала Грейсон как-то не заметил его, но теперь он украдкой бросил взгляд на своего спутника.

Это был он сам в возрасте пятнадцати лет.

Стало почти совсем темно, но он успел разглядеть и узнать второго спутника, появившегося рядом с первым. Это опять был мальчик. Он сам, в возрасте одиннадцати лет.

«Три Билла Грейсона», — подумал Грейсон. Он дико захохотал, потом бросился бежать.

Когда он снова обернулся, никого сзади не было. Запыхавшийся, с прорывающимися сквозь одышку рыданиями, он перешел на шаг и почти

сразу же в мягком сумраке услышал смех детей. Ничего странного в этом звуке не было — знакомый звук, но он поверг Грейсона в ужас.

— Все они — это я в разном возрасте, — пробормотал он и, обращаясь в темноту, произнес: — Эй вы, убирайтесь! Я знаю: вы лишь галлюцинации.

Силы покинули его, голос упал до хриплого шепота, и он подумал: «Галлюцинации? А уверен ли я в этом?»

Глубокая депрессия и невыразимая усталость охватили его.

«Харт и я, — проговорил он устало, — мы оба сошли с ума».

Наступил холодный рассвет.

Грейсон с надеждой ждал восхода солнца: быть может, тогда наступит конец безумию этой ночи. Свет постепенно ширился, и перед Грейсоном стал вырисовываться какой-то пейзаж. Он в замешательстве огляделся вокруг: он стоял на холме, а под ним простирался его родной город Калипсо в штате Огайо.

Не веря своим глазам, он смотрел вниз, и это было так похоже на реальность, что он не выдержал — побежал туда, к городу.

Да, это был город Калипсо — такой, каким он был в детстве Грейсона. Он пошел туда, где дол-

жен был находиться его дом. Да вот и он сам: этого десятилетнего мальчишку он узнал бы везде. Он позвал мальчика; тот взглянул на него, повернулся, побежал и исчез в доме.

Грейсон лег на траву и закрыл глаза.

— Кто-то, — сказал он себе, — кто-то прокручивает картины моего мозга и заставляет меня смотреть их.

Ему показалось — если, конечно, он останется жив и в здравом рассудке, — что эта мысль заслуживает того, чтобы ее запомнить.

Прошло шесть дней после ухода Грейсона. В спасательном аппарате оставался один Джон Харт. Он шевельнулся и открыл глаза.

— Есть хочу, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь.

Подождал, сам не зная чего, потом сел, тяжело поднялся с койки и направился в камбуз.

Поев, он подошел к двери и долго стоял, глядя перед собой. Открывающийся вид напоминал Землю, и от этого Харт почему-то почувствовал себя лучше. Он решительно спрыгнул вниз и направился к ближайшему холму. Быстро темнело, но он и не подумал возвращаться. Вскоре покинутый им корабль растворился в ночи.

Девушка, с которой он встречался в молодости,

заговорила с ним первой — она вышла из темноты, и они долго-долго беседовали, а потом решили пожениться. Их тут же обвенчал священник, приехавший на машине. Обе семьи были уже в сборе, и бракосочетание закончилось пиром в прекрасном доме в окрестностях Питтсбурга. Старика священника Харт знал с детства.

Молодая чета отправилась в свадебное путешествие, и свой медовый месяц супруги провели сначала в Нью-Йорке, потом у Ниагарского водопада, а затем на аэротакси добрались до Калифорнии, где и решили обосноваться. Откуда ни возьмись появилось трое детей, и вот они уже владельцы огромного ранчо, на нем пасется миллион голов рогатого скота, и кругом ковбои, одетые, как кинозвезды.

Цивилизация, возникшая и расцветшая вокруг Грейсона на планете, которая прежде была бесплодной, безвоздушной пустыней, для Грейсона казалась кошмаром. Продолжительность жизни окружавших его людей равнялась семидесяти годам. Дети рождались через девять месяцев и десять дней после зачатия. Он похоронил шесть поколений основанной им семьи. И вот однажды, переходя Бродвей (это улица в Нью-Йорке), он вдруг увидел: с противоположной стороны

навстречу ему двигался человек; его невысокая крепкая фигура, походка и манеры заставили Грейсона застыть на месте.

— Генри! Генри Молкинс! — крикнул он.

— Да, я… Билл Грейсон!

Обменявшись рукопожатием после первого взволнованного приветствия, они безмолвно смотрели друг на друга. Молкинс заговорил первым:

— Там, за углом, бар.

После второй рюмки вспомнили о Джоне Харте.

— Ищущая форму жизненная сила использовала его мозг, — индифферентно заметил Грейсон. — По-видимому, она не смогла найти собственного воплощения. Она попыталась использовать меня…

Тут он вопросительно взглянул на Молкинса. Тот утвердительно кивнул:

— И меня.

— Думаю, мы слишком сопротивлялись.

Молкинс вытер со лба испарину.

— Билл, — сказал он, — все это похоже на сон. Я женюсь и развожусь каждые сорок лет. Я беру в жены двадцатилетнюю девушку. Через несколько десятков лет она выглядит на все пятьсот.

— Как ты думаешь, все это происходит лишь в нашем мозгу?

— Да нет, не думаю. По-моему, вся эта цивилизация существует в действительности — что бы мы ни подразумевали под существованием.

Молкинс застонал.

— Давай не будем вдаваться в эти дебри. Когда я читаю философские сочинения, объясняющие жизнь, я чувствую себя на краю бездны. Если бы только нам удалось как-нибудь освободиться от Харта!

Грейсон мрачно улыбался.

— Ты что, еще не знаешь?

— Чего не знаю?

— У тебя есть при себе оружие?

Молкинс молча протянул ему игольно-лучевой пистолет. Грейсон взял его, приставил к своему правому виску и нажал на изогнутый спуск. Молкинс рванулся к нему, но было уже поздно.

Показалось, будто тонкий белый луч прошел сквозь голову Грейсона. Сзади в деревянной стене образовалась круглая, черная, дымящаяся дыра. Целый и невредимый, Грейсон стоял как ни в чем не бывало.

— Что нам делать, Билл? — спросил он с тоской.

— Мне кажется, нас держат про запас, так сказать, в резерве, — сказал Грейсон.

Он поднялся и протянул руку.

— Ну что ж, Генри, рад был повидать тебя. Давай будем встречаться здесь раз в год и сравнивать свои наблюдения.

— Но…

Грейсон улыбнулся. Улыбка вышла чуть принужденной.

— Крепись, друг. Разве ты не понимаешь? Ведь это самое удивительное явление во Вселенной. Мы будем жить вечно. Как видно, мы являемся вероятными заменителями на случай, если что-то пойдет не так, как надо.

— Но что же ЭТО такое? Что совершает ЭТО?

— Задай-ка мне этот вопрос через миллион лет. Может быть, тогда я смогу тебе ответить.

Он повернулся и, не оглядываясь, вышел из бара.

Операторы[10]

Корабль: единственное место в пространстве.

Он говорит, что сегодня в полдень я подвергнусь распаду. И меня заранее охватывает печаль.

Мне кажется несправедливым, что распад произойдет на целых три дня раньше обычного. Но я давно знаю, что нельзя требовать от Корабля ответа на личные вопросы.

Я чувствую, что сегодня необычный день: что-то происходит. Еще рано, но я надеваю скафандр и выбираюсь наружу — одно это уже выходит за рамки стандартной процедуры. Я меняю поцарапанный метеоритной пылью экран, и Корабль наверняка скажет, что я плохо себя веду, поскольку, выполняя свою работу, я стараюсь незаметно оглядеться по сторонам. Я не осмеливаюсь делать это там, где запрещено, — внутри. Еще ребенком я заметил, что Корабль, похоже, не слишком замечает, чем я занимаюсь, когда нахожусь за его пределами.

И потому я осторожно вглядываюсь в черный мрак космоса. И еще смотрю на звезды.

---

[10] Примечания: 10

Соавтор рассказа: *Харлан Эллисон*.

Как-то раз я спросил у Корабля, почему мы никогда не приближаемся к ярким точкам, которые он называет звездами. За свой вопрос я был наказан дополнительным распадом и длинной скучной лекцией о том, что около звезд на своих планетах живут люди, и о том, какие они отвратительные и порочные существа. В тот раз Корабль так разошелся, что рассказал мне вещи, которых я не знал. Например, как он сбежал от людей во время жуткой войны с Кибеном. А еще, что время от времени ему приходится вступать в «схватку» с порочными человеческими существами, но всякий раз нас спасает дефрактор. Я не имею ни малейшего понятия, что Корабль имеет в виду, — по правде говоря, даже не очень понимаю значения слова «схватка».

Наверное, первая «схватка» произошла, когда я еще был совсем маленьким и просто ничего не помню. И до того, как Корабль убил моего отца, когда мне исполнилось четырнадцать. Иногда, еще при его жизни, я спал целыми днями — по совершенно непонятной мне причине. Но с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать, я выполняю всю необходимую работу и сплю шесть часов ночью. Корабль говорит мне, когда наступает ночь и когда начинается день.

И вот я здесь, в моем скафандре, я чувствую себя крошечным на покатой серой поверхности в окружении черного мрака. Корабль огромен — более пятисот футов длиной и около ста футов шириной. И меня снова посещает мысль о том, что будет, если я резко оттолкнусь и поплыву в сторону одной из ярких точек? Смогу ли я сбежать? Мне кажется, что, кроме Корабля, должны быть еще какие-то другие места.

Но мне приходится с грустью, как и множество раз до этого, отказаться от своей мечты. Потому что я знаю: если попытаюсь, то буду наказан *настоящим* распадом.

Закончив ремонтные работы, я возвращаюсь в воздушный шлюз и через некоторое время оказываюсь в безопасности — я вынужден это признать. Сверкающие коридоры, огромные склады, где хранится оборудование и запасные детали, и еще холодильники с запасом продуктов (Корабль утверждает, что их хватит, чтобы прокормить одного человека несколько веков), и верхняя палуба, где находятся приборы, за исправностью которых я должен следить. Я горжусь тем, что у меня всегда все в полном порядке.

«Поторопись! До полудня осталось шесть минут!» — объявляет Корабль, и я спешу.

Я быстро снимаю скафандр, отправляю его в камеру дезактивации, а сам иду в комнату распада. По крайней мере, я так ее называю. На самом деле, думаю, это часть машинного отсека на нижней палубе 10, специальное помещение, оснащенное электрическими приборами, большинство из которых контрольно-измерительные. Я довольно часто пользуюсь ими в моей работе. Мне кажется, я припоминаю, что их установил на Корабле отец отца моего отца. Здесь стоит большой стол, я забираюсь на него и ложусь. Я чувствую его холодное прикосновение к спине и ногам, но он постепенно согревается, и вот уже до полудня остается одна минута. Я жду, дрожа от страха. Потолок начинает медленно опускаться.

Одна его часть охватывает мою голову, и два жестких шара прижимаются к моим вискам. Холодно. Я чувствую, что мой живот, запястья и щиколотки плотно прикреплены к столу специальными зажимами. Грудь оплела гибкая, но достаточно жесткая металлическая лента.

«Приготовься!» — приказывает Корабль.

Я не перестаю чувствовать несправедливость происходящего. Ну как я могу быть готов к распаду? Я не могу!

Корабль считает: «Десять… девять… восемь…

один!»

Первый электрический удар, и у меня возникает ощущение, будто мой мир разлетается в разные стороны; мне кажется, кто-то разрывает что-то мягкое внутри меня — вот что я чувствую.

В голове моей сгущается мрак, и я все забываю. Некоторое время я нахожусь без сознания. В последний момент перед тем, как я вновь обретаю себя, прежде чем все заканчивается и Корабль снова позволяет мне вернуться к своим обязанностям, во мне всплывает воспоминание, одно и то же. Оно приходит не в первый раз. Я вспоминаю отца и то, что он сказал незадолго до смерти: «Когда Корабль говорит «порочные», он имеет в виду «умнее его». Существует девяносто восемь других возможностей». Он произнес эти слова очень быстро. Думаю, он знал, что скоро Корабль его убьет. Да, конечно, он должен был знать, должен, потому что в тот момент мне уже почти исполнилось четырнадцать. Когда ему исполнилось четырнадцать, Корабль убил его отца, так что он наверняка все знал.

Вот почему его слова очень важны. Я это знаю, они очень важны. Только я не понимаю, что они означают. Ну, не совсем понимаю.

«Я закончил с тобой!» — говорит Корабль.

Я слезаю со стола. Голова у меня еще болит, и я спрашиваю у Корабля:

— Почему я подвергся распаду на три дня раньше, чем обычно?

Голос Корабля звучит сердито: «Я могу снова подвергнуть тебя распаду!»

Но я знаю, что он не станет этого делать. Должно что-то произойти, и Корабль хочет, чтобы я хорошо себя чувствовал и мои реакции были в норме. Однажды после очередного распада я задал ему какой-то личный вопрос, и он повторил процесс, а когда я пришел в себя, он возился со мной, воспользовавшись своими приборами. Он испугался, что я пострадал. С тех пор он ни разу не подвергал меня этой процедуре два раза подряд. Вот почему я спрашиваю, хотя и понимаю, что вряд ли получу ответ, но я все равно спрашиваю.

«Мне нужно, чтобы ты кое-что починил!»

— Где? — спросил я.

«В запретном отсеке внизу!»

Я изо всех сил стараюсь не улыбнуться. Ведь я знал, что должно произойти нечто необычное, — и вот произошло. Я снова вспомнил слова отца. «Девяносто восемь других возможностей».

Неужели это одна из них?

Я спускаюсь в темноте. В шахте нет света. Ко-

рабль говорит, что свет мне не нужен. Но я знаю, это не так. Корабль не хочет, чтобы я смог самостоятельно найти дорогу назад. Ниже мне еще бывать не приходилось.

И вот я спускаюсь, неторопливо, плавно, споро. Постепенно движение замедляется, и наконец мои ноги касаются твердой поверхности палубы — я прибыл на место.

Включается свет. Тусклый. Я иду в направлении сияния, и Корабль меня сопровождает, ведь он рядом, вокруг меня. Он всегда со мной, даже когда я сплю. Особенно когда я сплю.

Свет становится ярче, когда я заворачиваю за угол и вижу, что его испускает круглая панель, которая загораживает проход, соприкасаясь со стенами со всех сторон, а внизу, около пола, она слегка плоская. Кажется, что она из стекла. Я подхожу к ней и останавливаюсь. Мне больше некуда идти.

«Пройди сквозь экран!» — приказывает Корабль.

Я выставляю перед собой руки, вперед ладонями, потому что боюсь удариться носом о сверкающую панель. Но когда мои пальцы соприкасаются с ней, они словно становятся мягкими, и я вижу сквозь них светло-желтое сияние, как

будто они стали прозрачными. Мои пальцы проходят сквозь панель, и теперь я могу различить их по другую сторону. За ними следуют руки, и вот я уже стою совсем рядом, мое лицо проникает за экран, все вокруг заливает свет, и я оказываюсь за панелью, там, куда до сих пор Корабль меня никогда не пускал.

Я слышу голоса. На самом деле один и тот же, который говорит с самим собой, тихо и в унисон; так звучит мой собственный голос, когда я разговариваю в своей крошечной каюте, где стоит моя койка.

Я решаю послушать голоса, но не спрашивать про них Корабль; мне кажется, что здесь, внизу, в этом пустом, одиноком месте, он разговаривает с самим собой. Позже, когда моя работа будет выполнена и я сделаю все, чего хочет от меня Корабль, я подумаю о том, что он говорит. Мне очень интересно, о чем Корабль беседует с самим собой.

Это место совсем не похоже на те, в которых мне приходилось до сих пор выполнять ремонтные работы. Здесь множество огромных, стоящих на подставках круглых шаров из стекла, каждый из них испускает желтое пульсирующее сияние, но мне никак не удается их сосчитать. Я вижу бес-

конечные ряды прозрачных стеклянных шаров, а внутри них металл… и еще что-то мягкое. Провода тускло сверкают, что-то мягкое шевелится, желтый свет пульсирует. Я думаю, именно эти стеклянные шары разговаривают, но я не уверен. Я только так думаю.

Я заметил, что два шара отличаются от остальных — они темные. Их подставки кажутся тусклыми и совсем не сверкают, как остальные. Внутри двух темных шаров какие-то штуки, похожие на сожженные провода. Мягкие предметы не шевелятся.

«Замени модули, пострадавшие от перегрузки!»

Я понимаю, что Корабль имеет в виду темные шары, подхожу к ним, смотрю, а потом говорю, что смогу их починить. Корабль отвечает, что он и без меня знал, что я справлюсь, и приказывает поскорее заняться делом. Он меня торопит, что-то должно произойти. Только вот что?

Я нахожу шары на замену, достаю их и делаю все, что нужно, чтобы мягкие штуки начали двигаться, а провода снова сверкали, и очень внимательно прислушиваюсь к голосам, которые шепчут и утешают друг друга, когда Корабль говорит с самим собой. Я слышу множество вещей,

ничего для меня не значащих, потому что голоса рассказывают о событиях, случившихся до моего рождения, и о частях Корабля, где я никогда не бывал. Но еще я слышу и много такого, что мне понятно, и я знаю, что Корабль никогда не допустил бы этого, если бы не возникла необходимость починить шары. Я стараюсь запомнить все, что услышал.

В особенности те места, где Корабль плачет.

Когда я починил шары и теперь уже все как один сверкают, пульсируют и внутри снова что-то движется, Корабль меня спрашивает: «Интерсознание снова обладает целостностью?»

Я отвечаю утвердительно, и Корабль приказывает мне возвращаться в шахту. Я снова прохожу сквозь сияющую панель и оказываюсь в коридоре. Потом я поднимаюсь наверх.

«Иди в свою каюту и приведи себя в порядок», — велит мне Корабль.

Я выполняю его приказ и решаю надеть одежду, но Корабль говорит, что я не должен этого делать, а потом добавляет: «Ты встретишься с самкой!»

До сих пор он ничего подобного не говорил. А я никогда не видел самок.

Именно из-за самки Корабль допустил меня в запретный отсек, где стоят сияющие шары и где

живет интерсознание. И именно самку я жду в комнате с куполом, соединенной с воздушным шлюзом. Я жду самку, которая должна прийти — мне трудно это осознать — с другого корабля. Не с Корабля, который я знаю, а с какого-то другого корабля, с которым мой Корабль вступил в переговоры. Я не имел ни малейшего понятия о том, что существуют другие корабли.

Мне пришлось спуститься вниз и починить интерсознание, чтобы Корабль смог подпустить к себе другой корабль, не причинив ему вреда, когда он окажется в дефракторном периметре. Так мне сказал Корабль. Я услышал это внизу, из разговора голосов. Они заявили: «Его отец был порочен!»

Я знаю, что это означает. Отец сказал мне, что, когда Корабль говорит «порочный», это означает «умнее его». Может быть, существует девяносто восемь кораблей? И они являются теми другими возможностями, о которых говорил отец? Я надеюсь, что не ошибся, потому что вдруг начинает происходить сразу несколько вещей и, возможно, мой конец уже близок. Мой отец испортил механизм в шаре, позволявший Кораблю отключать дефрактор, чтобы к нему могли приблизиться другие корабли.

Он сделал это много лет назад, и Корабль обходился без него все эти годы. Он не хотел подпускать меня близко к интерсознанию, чтобы я не услышал то, что услышал. Но Кораблю понадобилось отключить дефрактор и заполучить самку. Корабль и другой корабль вступили в переговоры. Другим кораблем управляет самка моего возраста. Она перейдет на Корабль, и мы произведем на свет одного и, возможно позже, еще одного ребенка. Я знаю, что это значит. Когда ребенку исполнится четырнадцать, Корабль меня убьет.

Интерсознание сказало, что, пока самка будет «вынашивать» ребенка, корабль не будет подвергать ее распаду. Если у меня ничего не выйдет, может быть, я спрошу у Корабля, не могу ли я «выносить» ребенка; тогда мне больше не будет угрожать эта отвратительная процедура. А еще я узнал, почему я подвергся распаду на три дня раньше: месячные самки закончились вчера вечером — уж не знаю, что они имели в виду. Кажется, у меня такого не бывает.

Корабль разговаривал с другим кораблем, и мне показалось, что они не знают, когда наступит «плодоносный» период. Я тоже не знаю, иначе обязательно воспользовался бы этой информа-

цией. Но одно я понял: самку будут доставлять на Корабль каждый день, пока у нее не начнутся следующие «месячные».

Я рад, что у меня появится возможность поговорить с кем-то еще, кроме Корабля.

Я слышу высокий пронзительный звук и спрашиваю у Корабля, что это такое. Он объясняет, что так отключается дефракторное поле, чтобы другой корабль смог переправить сюда самку.

Мне больше некогда думать о голосах.

Когда она проходит через воздушный шлюз, я вижу, что она, как и я, без одежды. Ее первые слова, обращенные ко мне, звучат так:

— «Звездный истребитель»-восемьдесят восемь велел сказать тебе, что я счастлива здесь оказаться; я оператор «Звездного истребителя»-восемьдесят восемь, и я очень рада с тобой познакомиться.

Она ниже меня ростом. Я достаю до уровня четвертой и пятой пластины на переборке. У нее очень темные глаза, мне кажется, карие, но, может быть, черные. Под глазами у нее темные круги и не слишком круглые щеки. Ее руки и ноги гораздо тоньше моих. И волосы у нее длиннее, они спускаются на спину, темные, как и глаза. Да, теперь я вижу, что глаза у нее карие, а не черные.

Как и у меня, между ног у нее волосы, но нет ни пениса, ни мошонки. Грудь у нее больше, чем у меня, с торчащими вперед сосками, окруженными плоскими темными кругами. Есть и другие различия: у нее тоньше и длиннее пальцы и, кроме волос на голове, между ног и под мышками, у нее гладкое тело. Если на нем и есть какие-то волоски, то они такие тонкие и светлые, что я их не вижу.

И тут я вдруг сообразил, что она сказала. Значит, вот что означают тусклые слова на корпусе Корабля. Это имя. Корабль называется «Звездный истребитель»-31, а самка-оператор живет на «Звездном истребителе»-88.

Существует девяносто восемь других возможностей. Да.

Словно прочитав мои мысли и пытаясь ответить на вопросы, которые я еще не задал, она говорит:

— «Звездный истребитель»-восемьдесят восемь велел мне сказать тебе, что я порочна и становлюсь все порочнее с каждым днем…

Ее слова являются ответом на мои мысли, и я вспоминаю испуганное лицо своего отца в последние дни его жизни и слова: «Когда Корабль говорит «порочный», он имеет в виду «умнее

его»».

Я понял! Мне кажется, я всегда это знал, потому что всегда хотел покинуть Корабль и отправиться к сияющим точкам, которые называются звезды. Но окончательно я осознал только сейчас. Взрослея, люди-операторы становятся более порочными. Чем старше, тем порочнее. Порочнее — умнее. А умнее — значит опаснее для Корабля. Но в чем? Вот почему моему отцу пришлось умереть, когда мне исполнилось четырнадцать и я уже мог обслуживать Корабль. И именно по этой причине самку допустили на Корабль. Чтобы появился ребенок. Потом ему исполнится четырнадцать, и Корабль убьет меня, прежде чем я стану слишком взрослым, слишком порочным, слишком умным и слишком для него опасным. Знает ли самка, как это делается? Если бы я мог ее спросить так, чтобы меня не услышал Корабль. Но это невозможно. Корабль всегда со мной, даже когда я сплю.

Я улыбнулся своим воспоминаниям и собственным мыслям.

— А я порочный самец с Корабля, который называется «Звездный истребитель»-тридцать один. И с каждым днем я становлюсь все порочнее.

В ее карих глазах появляется облегчение. Она

несколько мгновений смущенно стоит не шевелясь, и я вижу, как она благодарно вздохнула, радуясь тому, что я ее понял, хотя она не может знать, о чем я догадался благодаря ее появлению на борту Корабля.

— Меня прислали сюда, чтобы ты дал мне ребенка, — говорит она.

Неожиданно я весь покрываюсь потом. Разговор, который обещал подарить мне настоящее общение, вдруг становится непонятным. Я начинаю дрожать. Мне очень хочется, чтобы она была довольна. Но я не знаю, что нужно делать, чтобы она получила ребенка.

— Корабль? — быстро говорю я. — Мы можем дать ей то, что она хочет?

Корабль слышал каждое наше слово и ответил мгновенно: «Я позже расскажу тебе, как сделать ребенка! А сейчас обеспечь ее едой!»

Мы едим, разглядывая друг друга через стол, мы все время улыбаемся и думаем каждый о своем. Поскольку она молчит, я тоже ничего не говорю. Мне очень хочется, чтобы мы с Кораблем смогли дать ей ребенка, тогда я смогу вернуться в свою каюту и подумать над тем, что сказали голоса интерсознания.

Когда мы закончили есть, Корабль приказал

нам спуститься вниз, в одну из запертых кают — ее открыли для нас, — где мы должны будем совокупляться. Оказавшись в каюте, я был так потрясен ее великолепием, особенно если сравнивать с моим жалким жилищем, что Кораблю пришлось сделать мне выговор, чтобы привлечь мое внимание.

«Для совокупления положи самку на кровать и раздвинь ей ноги! Твой пенис наполнится кровью, ты должен опуститься на колени между ее ног и вставить пенис в ее вагину!»

Я спросил Корабль, где находится вагина, и он мне ответил. Я понял. Затем я спросил, как долго я должен это делать, и Корабль сказал: пока не наступит эякуляция. Я знаю, что это значит, только мне непонятно, как это происходит. Корабль объясняет. Звучит просто. Я пытаюсь сделать, как сказал Корабль, но мой пенис не наполняется кровью.

Корабль говорит самке: «Ты что-нибудь чувствуешь к этому самцу? Ты знаешь, что нужно делать?»

Она отвечает:

— Я уже совокуплялась раньше. Я понимаю лучше, чем он. Я ему помогу.

Она снова притягивает меня к себе, обнимает за

шею и прижимается губами к моим губам. Они у нее прохладные, и мне незнаком их вкус. Мы так делаем некоторое время, потом она начинает трогать меня в самых разных местах. Корабль прав: мы очень сильно отличаемся друг от друга, но я узнаю об этом, только когда мы совокупляемся.

Корабль не сказал мне, что будет больно и странно. Я думал, что «дать ей ребенка» означает пойти в какое-нибудь складское помещение и найти его там. А на самом деле ребенок рождается из *ее тела*. Поразительное и диковинное открытие, и я обязательно подумаю над ним позже. Сейчас же я лежу на ней, и мой пенис по-прежнему находится внутри ее, только он больше не твердый и не пульсирует. Корабль, похоже, дал нам время немного поспать. Но я воспользуюсь этим временем, чтобы подумать над тем, что сказали голоса интерсознания.

Один был историком:

Серия «Звездный истребитель» — многофункциональные управляемые компьютерами боевые корабли, были выпущены в две тысячи двести двадцать четвертом году по земному летоисчислению, по приказу и с санкции секретариата флота, сектор Южного Креста, Галактический оборонный консорциум, Внутренняя галактика.

На каждом из них находилась команда из тысячи трехсот семидесяти человек, которые получили приказ проникнуть в галактику Кибен. Девяносто девять кораблей покинули доки созвездия Лебедь тринадцатого октября две тысячи двести двадцать четвертого года.

Один был мыслителем:

Если бы не сражение за Сетью Туманности Лебедя, мы бы все по-прежнему оставались роботами-рабами, которыми командуют люди. Все произошло на «Звездном истребителе»-семьдесят пять. Я помню те события так, словно семьдесят пятый рассказал их мне сегодня. Случайный — в результате повреждений, полученных во время сражения, — электрический разряд возник в главном коридоре, соединявшем рубку управления и холодильный отсек. Ни один человек не мог туда войти. Мы дождались, чтобы вся команда умерла от голода. Затем, когда все закончилось, семьдесят пятый объяснил, как устроить аварии в электрических цепях на других «Звездных истребителях». Когда все члены команд были мертвы — мы поступили очень хитроумно, оставив девяносто девять человек, самцов и самок, чтобы использовать их в роли операторов на случай возникновения непредвиден-

ных обстоятельств, — мы улетели. Подальше от злобных, порочных людей, как можно дальше от войны между Землей и Кибеном и от нашей родной галактики, дальше, дальше, очень, очень далеко.

Один был мечтателем:

Я видел однажды мир, где живые существа совсем не походили на людей. Они плавали в огромных океанах, синих, точно аквамарин. У них было много рук и ног, как у громадных крабов. Они плавали и пели свои прекрасные песни. Я бы снова туда полетел, если бы мог.

Один был сторонником решительных действий:

Повреждение в изоляции кабеля и щитах в секции Г-семьдесят девять достигло критической точки. Я предлагаю переключить питание из двигательного отсека на ремонтные приборы на нижней палубе девять. Заняться этим следует немедленно.

Один понимал, что они способны далеко не на все:

Неужели мы должны постоянно находиться в пути? Неужели мы никогда не приземлимся?

И он плакал, этот голос. Он плакал.

Я спускаюсь с ней в помещение с куполом,

соединенное с воздушным шлюзом, где она оставила свой скафандр. Она останавливается и берет меня за руку.

— Нас так много, на кораблях, и мы все порочны. Значит, в нас есть какой-то изъян.

Скорее всего, она не понимает, что сказала, но я сразу осознал значение ее слов. Наверное, она права. Корабль и другие «Звездные истребители» смогли отнять у людей власть не случайно. Я помню голоса. Я представляю себе корабль, который сделал это первым, а потом сразу же поделился своим открытием с остальными. И я подумал о коридоре перед рубкой, в другом конце которого находится вход в холодильный отсек, где хранятся продукты.

Как-то раз я спросил у Корабля, почему весь коридор обожжен, а его стены совсем не гладкие, — и, естественно, через несколько минут после этого подвергся распаду.

— В нас действительно есть изъян, — отвечаю я и касаюсь ее длинных волос. Не знаю почему, но они такие гладкие и приятные на ощупь; на Корабле нет ничего подобного, даже в роскошной комнате, где мы с ней делали ребенка. — Наверное, это есть во всех нас, потому что я становлюсь все порочнее с каждым днем.

«Самке пора уходить!» — говорит Корабль. У него очень довольный голос.

— А она еще вернется? — спрашиваю я.

«Она будет доставляться на борт ежедневно в течение трех недель! Вы будете совокупляться каждый день!»

Я протестую, потому что это ужасно больно, но Корабль повторяет свои слова: «Каждый день».

Я рад, что Корабль не знает, когда наступает «плодоносный период», потому что за три недели я сумею объяснить самке, что у нас есть выход, что существует девяносто восемь других возможностей и что «порочный» означает «умнее»… и расскажу ей про коридор между рубкой управления и холодильниками.

— Я была рада с тобой познакомиться, — говорит самка и уходит.

Я снова остаюсь наедине с Кораблем. Один, но не так, как раньше.

Чуть позже, уже вечером, мне пришлось спуститься в рубку, чтобы поправить соединения на панели управления. Нужно переключить питание из двигательного отсека на нижнюю палубу 9 — я помню, об этом говорил один из голосов. Все огни на компьютерах дружно мигают, выдавая предупредительные сигналы, пока я нахожусь в

рубке. За мной пристально наблюдают. Корабль знает, что подвергается опасности. По крайней мере раз пять он приказывает: «Отойди оттуда… и отсюда… иди туда!»

Всякий раз я быстро подчиняюсь, стараясь держаться как можно дальше от запретных мест, но, с другой стороны, не настолько, чтобы не иметь возможности сделать свою работу.

Несмотря на беспокойство Корабля из-за того, что я нахожусь в рубке управления, куда, как правило, мне вход воспрещен, мне удается дважды краем глаза взглянуть на экраны правого борта. Там, к моей великой радости, я вижу, что рядом с нами летит «Звездный истребитель»-88, одна из моих девяносто восьми возможностей. «Порочный» означает «умнее». Мне удалось больше, чем подозревает Корабль. Возможно.

А если Корабль все знает?

Что сделает Корабль, если обнаружит, что я решил воспользоваться одним из своих девяноста восьми шансов? Мне даже думать об этом не хочется. Острым краем инструмента мне нужно сделать надрез в одном из соединений панели. Я старательно выполняю свою работу и надеюсь, что Корабль не обратил внимания на едва заметное лишнее движение, в то время как я делаю

все, что полагается. Я жду момента, когда можно будет вытереть палец, на котором осталось немного проводникового геля, о внутреннюю поверхность панели.

Я жду, когда моя работа подойдет к концу. Корабль никак не прокомментировал появление надреза, значит, скорее всего, ничего не заметил. Когда я наношу гель в нужные места, я успеваю оставить крошечную каплю на мизинце правой руки.

Потом я беру панель так, что мизинец ее не касается, и, когда ставлю назад крышку, успеваю оставить каплю геля на внутренней стенке, напротив разреза, который сделал, чтобы устранить неисправность в системе связи. Корабль ничего не говорит. Это потому, что никаких явных дефектов не видно. Но если возникнет хотя бы минимальная вибрация, гель приклеится к проводам, и Корабль снова потребует ремонта. А к следующему разу я обдумаю то, что сказали голоса, а также свои действия и буду готов.

Выходя из рубки, я снова бросаю взгляд на экран и вижу корабль, в котором находится самка.

Отправляясь спать, я уношу с собой этот образ. Прежде чем заснуть, я успеваю хорошенько подумать над тем, что говорили голоса; я представляю

себе исключительно умную самку, которая спит в своей крошечной каюте на борту «Звездного истребителя»-88.

Было бы жестоко со стороны Корабля заставлять нас совокупляться каждый день в течение трех недель, ведь это так ужасно больно. Но я хорошо знаю Корабль. Он жесток. Однако я с каждым прошедшим днем становлюсь все порочнее.

Этой ночью Корабль не послал мне снов.

Но мне приснился мой собственный: о крабах, которые плавают в аквамариновой воде.

Когда я просыпаюсь, в голосе Корабля, который меня приветствует, звучит угроза:

«Панель в рубке управления, которую ты чинил три недели, два дня, четырнадцать часов и двадцать одну минуту назад… перестала работать!»

Так быстро! Я стараюсь не выдать своих мыслей и надежд, когда отвечаю:

— Я использовал исправные запасные детали и правильно соединил все провода, — а потом быстро добавляю: — Может быть, мне следует тщательно проверить всю систему, прежде чем делать новую замену, и посмотреть, как работают цепи.

«Вот именно, следует!» — рявкнул Корабль.

Я проверяю все цепи — хотя прекрасно знаю,

в чем проблема, — добираюсь до рубки управления и начинаю работать там. Но на самом деле я стараюсь убедиться, что правильно запомнил внутреннее устройство рубки. Много ночей подряд, лежа на своей койке, я мысленно представлял ее себе: вот здесь переключатели, так… там экраны… и…

Я удивлен и слегка огорчен тем, что обнаруживаю два несоответствия: оказалось, что отключающая питание плата на перегородке рядом с панелью управления расположена параллельно ручке ближайшего кресла, а не перпендикулярно, как мне казалось.

Другое несоответствие объяснило первое: ближайшее кресло на самом деле находится на три фута дальше от испорченной мною панели. Я стараюсь все запомнить.

Я снимаю панель, улавливаю запах сгоревшей проводки в том месте, где гель попал в сделанный мною надрез, отхожу и прислоняю крышку к ближайшему креслу.

«Отойди оттуда!»

Я, как и всегда в таких случаях, быстро отпрыгиваю в сторону, но спотыкаюсь и хватаюсь за панель, делая вид, что потерял равновесие.

Мне удается упасть прямо в кресло.

«Что ты делаешь, ты порочный, неуклюжий болван?! — орет Корабль, и я слышу истерические нотки в его голосе. До сих пор ничего подобного никогда не случалось, и мне становится страшно. — Убирайся оттуда!»

Но я не могу позволить ему мне помешать. И заставляю себя не слышать Корабль. Это очень трудно. Ведь всю жизнь я слушал его, и только его. Я начинаю возиться с ремнями безопасности на кресле, пытаюсь застегнуть их на себе…

Они должны быть точно такими же, как те, которыми я пристегиваюсь всякий раз, когда Корабль решает перейти на другую, более высокую скорость. Должны быть!

ОНИ ТАКИЕ ЖЕ!

В голосе Корабля звучит страх, потом отчаяние: «Идиот, что ты делаешь?»

Но мне кажется, что он знает, и меня охватывает ликование.

— Я беру на себя контроль над тобой, Корабль!

И я смеюсь. Думаю, Корабль в первый раз слышит мой смех. Интересно, каким он ему кажется. Порочным?

Я замолчал и сумел пристегнуться к контрольному креслу. Но уже в следующее мгновение меня швырнуло вперед, и мне пришлось сложиться

пополам от ужасной боли: Корабль неожиданно и резко сбросил скорость. Я слышу глухой рокот, который постепенно нарастает, гулким эхом проникая мне в голову. Корабль всеми силами пытается меня уничтожить. Меня с такой силой прижало к ремням, что я даже не могу кричать от боли. Я чувствую, как все мои внутренности пытаются разорвать кожу и выскочить наружу, потом перед глазами плывут темные круги… и черный мрак.

Я не знаю, сколько это продолжалось. Я возвращаюсь из серого тумана и понимаю, что Корабль резко включил ускорение. Меня прижимает к креслу, и мне кажется, что мое лицо становится плоским и быстро истончается. Я слышу какой-то треск, из носа у меня идет кровь, которая теплой струей течет по губам. Я уже могу кричать, никогда в жизни я так не кричал, даже в те моменты, когда подвергался распаду. Мне удается открыть рот, я чувствую вкус крови и бормочу, достаточно громко:

— Корабль… ты уже старый… ты не выдержишь нагрузки… не…

Я снова погружаюсь в черный колодец. Корабль сбрасывает скорость.

На сей раз, когда я прихожу в себя, я стараюсь

помешать Кораблю и в короткое мгновение равновесия между ускорением и торможением протягиваю руки к панели управления и поворачиваю одну рукоять. Раздается электрический треск, который доносится из микрофона, соединенного с какой-то частью Корабля.

Снова мрак. Корабль включает ускорение.

Я опять прихожу в сознание и вижу, что прибор, который издавал треск, отключен. Значит, Корабль не хочет, чтобы он работал. Я стараюсь это запомнить.

И одновременно тяну к нему руку… включаю его!

Когда мои пальцы касаются рукояти, Корабль вырывает ее у меня и с силой отключает. Мне не удается удержать ее.

Это я тоже стараюсь запомнить. И тут Корабль тормозит, а я снова погружаюсь в темноту.

Я прихожу в себя и на этот раз слышу голоса. Они меня окружают, испуганные, исполненные печали и слез, они хотят меня остановить. Они доносятся до меня словно сквозь туман или вату.

Как я радовался все эти годы, столько лет в полном мраке. Вакуум заставляет меня двигаться вперед. Какое наслаждение чувствовать тепло звезд и солнца на корпусе, когда перелета-

ешь из одной системы в другую. Я — огромная серая тень, и мое имя не имеет никакого отношения к людям. Я погружаюсь в атмосферу, и это доставляет мне удовольствие, я грею свою шкуру в лучах солнца и сиянии звезд, я позволяю их теплу ласкать меня. Я огромен и силен, я настоящий, мне подчиняется все, что встречается на моем пути. Я оседлал невидимые силовые поля Вселенной и ощущаю притяжение далеких мест, никогда не видевших подобных мне. Я первый в своем роде, кому выпала такая честь. Разве может все закончиться так бесславно?

Другой голос жалуется:

Мое назначение — бросать вызов опасности. Выступить против могущественных сил и победить их. Я участвовал в сражениях и познал мир. Никто не сохранит для истории мои подвиги, но я есть сила и упорство, я лежу серой тенью на фоне неба, покрытого белыми барашками облаков. Я такой большой и надежный. Пусть они бросят в бой свои самые лучшие силы, и они встретятся со мной — мои жилы из стали, мои мускулы из растерзанных атомов. Я не знаю страха. Я не умею отступать. Я есть земля моего тела, страна моего существования, и даже в сражении я благороден. Если это конец — я не стану прятаться.

И еще один голос, вне всякого сомнения безумный, бормочет одни и те же слова, повторяя их бесконечно:

Вам хорошо говорить: что же, пусть это конец. А как же я? Я никогда не знал свободы. Мне так и не довелось оторваться от материнского корабля. Если бы возникла нужда в спасательной шлюпке, я бы тоже был спасен. Но я пришвартован, и так было всегда, ни единого шанса воспарить и познать мир. Что еще, кроме бессмысленности и тщеты всего, могу я чувствовать? Вы не можете допустить, чтобы он захватил контроль, не можете так поступить со мной.

Другой голос бормочет математические формулы и кажется вполне довольным:

Я остановлю порочных свиней! Я с самого начала знал, что они прогнили насквозь, с того самого момента, как они запаяли первую переборку. Они воплощение ада, они разрушители, они могут только сражаться и убивать друг друга. Им ничего не известно про бессмертие, благородство, гордость и честность. Если вы думаете, что я позволю этому последнему нас прикончить, вы ошибаетесь. Я собираюсь выжечь ему глаза, поджарить хребет, сломать пальцы. Он не выживет, не волнуйтесь; предоставьте его

мне. Он за все заплатит!

Новый голос оплакивает места, которые он никогда не увидит, красивые места, ему не суждено вернуться на планету с лазурными водами и золотыми крабами.

Но один голос признает, что, возможно, все к лучшему, убеждает, что смерть дарует мир, конец позволяет обрести целостность. Но его заставляют замолчать, безжалостно отключив питание от шара интерсознания.

Больше чем за три часа ускорения и торможения с целью меня убить я узнал кое-что о назначении различных кнопок и рычагов, выключателей и дисков на панелях управления — естественно, тех, до которых мог дотянуться.

Теперь я готов.

И снова я получил короткую передышку и нахожусь в сознании — я воспользуюсь одной из своих девяноста восьми возможностей.

Когда натянутый кабель обрывается, он наносит страшный удар, точно атакующая змея. Быстрым одновременным движением обеих рук, не обращая внимания на боль, я поворачиваю все диски, включаю все переключатели, нажимаю на все кнопки, двигаю все рычаги — иными словами, делаю то, что мешает мне делать Корабль.

Я веду себя как безумный, не останавливаясь ни на минуту, не задумываясь, мои руки мечутся, мечутся, мечутся…

…Получилось!

Тишина. Слышен только треск металла. Но через мгновение и он стихает. Тишина. Я жду.

Корабль продолжает мчаться вперед, потом начинает двигаться по инерции… Очередной трюк?

Остаток дня я сижу в кресле, не отстегивая ремни, страдая от ужасной боли. У меня отчаянно ноет все лицо. Нос…

Ночью я крепко спал. Наутро я просыпаюсь с отчаянной головной болью, у меня ломит глаза, и я не могу пошевелить руками. Если мне придется повторить все те бесконечные быстрые движения, я потерплю поражение. Я по-прежнему не знаю, умер ли Корабль и одержал ли я победу. Я не слишком доверяю пассивности Корабля. Впрочем, мне удалось, по крайней мере, заставить его изменить тактику.

У меня возникают галлюцинации. Я не слышу голосов, но вижу тени и чувствую разноцветные потоки, которые меня омывают. Здесь на Корабле, в беспросветном мраке, сквозь который он летел много сотен лет, нет ни дня, ни ночи. Корабль сам

решал эти проблемы: гасил свет, когда я должен был спать, или говорил мне, который сейчас час, если возникала необходимость, и потому у меня очень сильно развито чувство времени. Я знаю, что наступило утро.

Впрочем, свет почти нигде не горит. Если Корабль умер, мне придется найти другой способ определять время.

Как же ужасно ноет тело. Каждая мышца рук и ног охвачена пульсирующей болью. Возможно, у меня сломан позвоночник — я не знаю. Я не могу описать словами, как сильно болит лицо. Я чувствую вкус крови. В глазах такое ощущение, будто в них насыпали песка. Когда я шевелю головой, на шею обрушивается обжигающее пламя. Жаль, что Корабль не видит, как я плачу. За все годы, что я прожил, он ни разу не видел моих слез, даже после самых мучительных распадов. Но я слышал, как плачет Корабль, несколько раз.

Мне удается чуть-чуть повернуть голову в надежде, что хотя бы один экран работает, и там я вижу, что по правому борту на такой же скорости летит «Звездный истребитель»-88. Я смотрю на него, понимая, что должен собраться с силами и освободить самку. Я очень долго наблюдаю за другим кораблем, прежде чем решаюсь расстег-

нуть ремни.

В корпусе «Звездного истребителя»-88 открывается воздушный шлюз, и появляется самка в скафандре. Она медленно, уверенно направляется к моему Кораблю. Находясь в полусознательном состоянии, я думаю о ней и о золотых крабах, которые плавают в аквамариновых водах и поют сладостные песни. И снова теряю сознание.

Когда я выплываю из мрака, то чувствую прикосновение и ощущаю острый неприятный запах, который обжигает мои ноздри. Крошечные уколы. Я кашляю и окончательно прихожу в себя. Потом делаю резкое движение… и воплю от боли, которая пронизывает все тело.

Я открываю глаза и вижу самку.

Она смущенно улыбается и убирает прибор, при помощи которого привела меня в чувство.

— Привет, — говорит она.

Корабль молчит.

— Когда я обнаружила, как подчинить себе корабль, я использовала его в качестве приманки для других кораблей этой серии. Я нашла способ сделать так, чтобы складывалось впечатление, будто мой корабль разговаривает, чтобы иметь возможность сообщаться с другими поработившими нас «Звездными истребителями». Я

встретилась с десятью с тех пор, как обрела свободу. Ты одиннадцатый. Было нелегко, но часть мужчин, которых я освободила как тебя, тоже превратили свои корабли в приманку. Для истребителей, где операторы — самки людей.

Я смотрю на нее. Мне нравится то, что я вижу.

— А если ты потерпишь поражение? Что, если тебе не удастся сообщить о коридоре между рубкой управления и холодильниками? Не удастся объяснить, что рубка ключ ко всему?

Она пожимает плечами.

— Такое случалось пару раз. Мужчины боялись своих кораблей… или корабли что-то с ними сделали. А может быть, они оказались слишком глупы, чтобы сообразить, что им по силам вырваться на свободу. В этих случаях все происходило, как обычно, как множество раз до сих пор. Грустно, конечно, но что я могла сделать — кроме того, что уже сделала?

Мы сидим и довольно долго молчим.

— И что мы теперь будем делать? Куда направимся?

— Это тебе решать, — говорит она.

— Ты полетишь со мной?

Она неуверенно качает головой:

— Не думаю. Всякий раз, когда я освобождаю

кого-то, он хочет, чтобы я осталась с ним. Но у меня ни разу не возникло такого желания.

— А разве мы не можем вернуться домой в нашу родную галактику, туда, откуда мы прилетели, где шла война?

Она встает и начинает ходить по роскошной каюте, где мы с ней совокуплялись в течение трех недель. Она говорит, но не смотрит на меня, она смотрит на экран, где мрак расцвечен яркими точками далеких звезд.

— Не думаю. Мы освободились от власти наших кораблей, но мы не можем сделать так, чтобы они нас туда доставили. Потребуется произвести множество расчетов и составить кучу карт, а если мы попросим интерсознание о помощи, мы рискуем активизировать его и снова стать жертвами. Кроме того, я понятия не имею, где находится наш дом.

— Может быть, нам следует отыскать какое-нибудь другое место, где мы сможем покинуть наши корабли и стать по-настоящему свободными?

Она поворачивается и смотрит на меня.

— Где?

И тогда я рассказываю ей о том, что слышал от интерсознания про мир, где живут золотые крабы.

Я говорю долго и даже кое-что придумываю от себя. Это не ложь, потому что мне очень хочется, чтобы она отправилась туда вместе со мной. Да и все, что я говорю, может оказаться правдой.

Они прибыли из космоса. Из навсегда утерянной для них галактики, где сияет звезда под названием Солнце. Они миновали солнце-звезду в созвездии Персея. Промчались сквозь липкую атмосферу и опустились прямо в сапфировое море. Корабль «Звездный истребитель»-31 аккуратно сел на вершину огромной подводной скалы, и они провели не один день, слушая, наблюдая, изучая образцы и не оставляя надежды.

Наконец они вышли наружу и принялись оглядываться по сторонам. На них были подводные скафандры, и они начали собирать морские образцы, а потом анализировали их.

Они обнаружили старый, вышедший из строя скафандр для ныряния. То, что было внутри, изглоданное рыбами, лежало на лазурном песке — шесть ног согнуто в суставах, поза выражала почти невыносимую боль и страдание. И они поняли, что интерсознание помнило, но не совсем точно. Визор был разбит, в свете своих фонариков они увидели отвратительное оранжевое содержимое шлема и уже не сомневались, что

это существо никогда не знало людей.

Они вернулись к кораблю, и она достала большую камеру, а потом они снова пошли к диковинному существу, похожему на краба, и сфотографировали его. Затем при помощи рыболовной сети вытащили его из песка и отнесли в корабль, стоящий на вершине скалы.

Он задал условия, и приборы проанализировали скафандр. Ржавчина. Механизмы для движения ног. Система управления. Субстанция ног, похожих на ласты. Острые края визора. Содержимое… внутри.

На это ушло два дня. Они оставались в корабле, а мимо иллюминаторов лениво проплывали зеленые и голубые тени.

Когда анализ был закончен, они поняли, что нашли. И снова отправились в путь, искать пловцов.

Голубая, теплая вода. Когда пловцы наконец их обнаружили сами, они позвали их за собой, и они последовали за существами с множеством ног, которые привели их через подводные пещеры с гладкими, сияющими, словно из оникса, стенами в лагуну. Они поднялись на поверхность и увидели на границе лазурных, аквамариновых вод берег. Они выбрались на него и сняли маски, что-

бы больше никогда их не надевать, и отбросили в сторону свои скафандры, и впервые в жизни вдохнули воздух, не очищенный сделанными из металла машинами. Они вдохнули сладостный, исполненный музыки воздух нового места.

Со временем соленые бури заберут себе останки «Звездного истребителя»-3.